

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РФ
Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Пензенский государственный университет» (ПГУ)

Университет национального и мирового хозяйства
(г. София, Республика Болгария)

Уральский государственный педагогический университет
(г. Екатеринбург, Россия)

Законодательное Собрание Пензенской области

Управление Федеральной антимонопольной службы России
по Пензенской области

ЯЗЫК. ПРАВО. ОБЩЕСТВО

*Сборник статей
V Международной научно-практической конференции*

г. Пенза, 22–25 мая 2018 г.

Под общей редакцией
кандидата филологических наук О. В. Барабаш

Пенза
Издательство ПГУ
2018

УДК 81'33
Я41

Язык. Право. Общество : сб. ст. V Междунар. науч.-практ. конф. Я41 (г. Пенза, 22–25 мая 2018 г.) / под общ. ред. О. В. Барабаш ; редколлегия: М. Б. Ворошилова, Т. В. Дубровская, А. К. Дятлова, Н. А. Павлова. – Пенза : Изд-во ПГУ, 2018. – 484 с.

ISBN 978-5-907018-83-9

Материалы конференции посвящены проблемам взаимодействия языка и права. Значительный по объему раздел составляют статьи по лингвистической экспертизе текстов различных функциональных типов. Проанализированы проблемы языка и права в контексте языковой политики, общие вопросы юридической техники и толкования правовых актов, выявлены особенности функционирования правовых терминов в юридическом дискурсе и за его пределами. Рассмотрены проблемы перевода юридических текстов на азербайджанский, английский, арабский, белорусский, болгарский, грузинский, казахский, русский, финский языки; обозначены возможности применения компьютерных методов и информационных технологий в исследовании терминологии и создании терминологических банков. Определены основные направления формирования лингвистической компетенции в процессе подготовки юристов, показана роль художественной литературы в формировании правовой культуры общества.

Издание адресовано филологам, юристам, специалистам в сфере законотворческой деятельности и всем тем, кто интересуется проблемами, возникающими на пересечении языка и права.

УДК 81'33

Редакционная коллегия:
кандидат филологических наук О. В. Барабаш,
кандидат филологических наук М. Б. Ворошилова,
доктор филологических наук Т. В. Дубровская,
кандидат исторических наук А. К. Дятлова,
кандидат педагогических наук Н. А. Павлова

Издание подготовлено в рамках поддержанного РФФИ проекта № 18-012-20029

ISBN 978-5-907018-83-9

© Пензенский государственный
университет, 2018

Направление 1

ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА ТЕКСТОВ РАЗЛИЧНЫХ ФУНКЦИОНАЛЬНЫХ ТИПОВ

ОСОБЕННОСТИ АВТОРОВЕДЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ ВТОРИЧНЫХ ЖАНРОВ ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ДОКУМЕНТОВ

Е. Е. Абрамкина

Новосибирск, Россия

FEATURES OF THE AUTHOR'S EXPERTISE OF SECONDARY GENRES IN PROCEDURAL DOCUMENTS

E. E. Abramkina

Novosibirsk, Russia

Аннотация. Рассматриваются особенности автороведческой экспертизы вторичных жанров процессуальных документов. Выделяются две группы таких документов: производные от письменного жанра и от устного. Для каждой группы определяются особенности автороведческой экспертизы и предлагаются пути решения возникающих сложностей.

Ключевые слова: автороведческая экспертиза, процессуальные документы, вторичный речевой жанр, релевантный признак.

Abstract. The article examines the peculiarities of the author's expertise of secondary genres in procedural documents. Two groups of such documents are distinguished: derivatives from the written genre and those from the oral one. For each group, the author's expertise is determined and the ways of solving the emerging difficulties are suggested.

Key words: authorship examination, procedural instruments, secondary genre, relevant attribute.

Принадлежность текстов официально-деловому стилю существенно осложняет производство автороведческой экспертизы. Дополнительные сложности возникают при установлении авторства процессуальных документов, среди которых документы вторичных жанров попадают на стол эксперта-автороведа чаще других.

В современной филологической науке существует несколько критериев, по которым определяется принадлежность жанра к первичным или вторичным [Рабенко 2017 : 237–243], для большинства текстов официально-делового стиля ключевым является онтологический критерий, то есть, производность от документа другого жанра [Татарникова 2004].

Процессуальные документы вторичных речевых жанров можно разделить на две большие группы по характеру производности.

К первой группе относятся документы, производные от другого письменного текста. Это отзывы и возражения на исковые заявления и заявления о привлечении к ответственности, апелляции и т.п. Документы этой группы большей частью строятся на аргументированном опровержении сведений, приведенных в исходных документах. Наиболее часто из этой группы объектом автороведческого исследования становятся отзывы и возражения на исковые заявления.

Ко второй группе относятся документы, производные от устных текстов. В основе таких документов лежит не аргументация, а уточнения и пояснения. В этой группе самый частый объект автороведческой экспертизы – это протокол допроса.

Для каждой группы характерна своя специфика установления авторства, которая должна учитывать не только стиль, жанр и тему документа, но также способ бытования первичного текста и ведущую коммуникативную стратегию.

В настоящей работе мы рассмотрим особенности автороведческой экспертизы каждой группы документов на материале таких жанров, как отзыв на исковое заявление и протокол допроса свидетеля. Было проанализировано 7 отзывов на иски, принадлежащие 3 разным авторам, а также 14 текстов протоколов допроса свидетелей по делу о гибели экспедиции Дятлова, принадлежащих 5 разным авторам-оформителям и авторам-информантам (1969 г.), и 6 текстов протоколов допросов свидетелей по делу о ДТП в Москве (2010 г.).

Особенности автороведческой экспертизы отзыва на исковое заявление

Отзыв на исковое заявление является вторичным жанром юрисдикционной разновидности официально-делового стиля. В качестве его жанровой основы выступает письменный речевой жанр искового заявления, относящийся к той же разновидности официально-делового стиля.

Основная коммуникативная цель отзыва – интерпретировать положения искового заявления в свою пользу, оспорить их. Это налагает определенные ограничения на структуру и содержание текстов данного жанра.

Содержание отзыва отталкивается от содержания искового заявления, то есть, берет за основу элементы первичного текста и строит аргументацию для их опровержения. Структура текста также во многом задается структурой иска. В отзыве, как правило, сперва приводится оспариваемое положение иска, потом следует его опровержение, и так с каждым опровергаемым положением. Таким образом, текст отзыва на исковое заявление находится в зависимости от текста искового заявления, что необходимо учитывать при проведении автороведческой экспертизы.

Также, оспаривающая направленность текстов данного жанра предполагает в качестве ведущей речевой стратегии аргументацию.

На основании требований, предъявляемых законодателем к составлению отзывов на иски, можно выделить следующие жанровые характеристики данного типа документов:

- как в большинстве жанров процессуальных документов, построенных на аргументации, для подкрепления своих доводов автор использует ссылки на законы;
- с синтаксической стороны это порождает обилие цитат и вставных конструкций;
- стилем определяется обилие юридической и процессуальной терминологии;
- также стилем и жанром задается наличие императивных конструкций.

Средствами выражения императивности являются:

- на лексическом уровне: слова с побудительной семантикой (постановить, оставить, разрешить), а также слова, подчеркивающие категоричность императива (неукоснительно, категорически, обязательно);
- на морфологическом уровне: инфинитив, определяющий права и обязанности субъектов правовых отношений (работодатель обязан...), глаголы и краткие прилагательные с модальным значением (надлежит, должен, следует), глаголы в форме повелительного наклонения;
- на синтаксическом уровне: глагольные конструкции со значением долженствования, пассивные конструкции, отрицательные конструкции при наложении запрета [Тертышник 1999].

Все это накладывает определенные ограничения на перечень признаков, релевантных для установления авторства.

1. Прежде всего, ограничения касаются лексико-фразеологического уровня языка. Здесь стоит отметить обилие юридической терминологии, частые повторы для сохранения точности информации, канцеляризма, наличие синонимов и гипонимов, уточняющих сообщаемую информацию. Также для отзывов на иски характерно обилие отрицательных конструкций, часто двойного отрицания («ничего не...» и т.п.). Кроме того, необходимо учитывать наличие цитат из первичного текста, что также накладывает отпечаток на лексику отзыва.

2. На синтаксическом уровне для отзывов на иски характерны распространенные предложения, осложненные причастным оборотом. Среди сложных предложений чаще всего встречаются сложноподчиненные с придаточным определительным, а также бессоюзные предложения с перечислением аргументов. В отзывах на иски, как и во всех процессуальных документах, часты цитаты из законов, что обуславливает обилие предложений с указанием конкретной статьи и вводными словами «согласно», «в соответствии с» и т.п. Как и при анализе лексики, необходимо учитывать степень влияния первичного документа.

3. Орфографический и пунктуационный уровни в целом достаточно показательны при характеристике речи автора, однако здесь необходимо учитывать информацию о типичности некоторых ошибок (например, отсутствие запятой в конце причастного оборота) [Комаров 2002].

4. Стилистический уровень определяется официально-деловым стилем. Показательными могут быть лишь отступления от него, в том числе, появление в тексте показателей субъективности (конструкции со значением предположения, например «*маловероятно, что...*», «*думаю, истец хорошо осведомлен...*», ссылки к собственному опыту, непосредственно не связанному с темой документа, например «*Так, например, на меня одновременно оформлены доверенности примерно от 10-15 различных юридических лиц, но в трудовых отношениях я состою лишь с одним предприятием*»).

Как видно из результатов анализа, текст отзыва на иск испытывает значительное влияние первичного текста как на лексическом, так и на синтаксическом уровнях. Сопоставление текстов разных авторов показало, что степень выраженности этого влияния сильно зависит от личности автора: один автор приводит

цитаты из иска и отталкиваются от них в своей аргументации, используя лексику из указанных цитат и сходное синтаксическое оформление ключевых аргументов, другой передает содержание иска своими словами, не используя прямых указаний на заимствование из иска. Отсутствие четкой границы между текстом автора отзыва и вкраплениями текста иска хоть и не позволяет говорить о двойном авторстве в полном смысле, но вызывает необходимость учитывать первичный текст. В связи с этим представляется логичным рекомендовать в числе образцов запрашивать также текст иска, на который написан отзыв.

Анализируя тексты отзывов на иски, нельзя не учитывать особенности аргументации. Общей для всех процессуальных документов является аргументация с помощью ссылок на закон. Более индивидуальный характер имеют ссылки на примеры из личной практики (см. пример выше), на согласие оппонента с выдвигаемым аргументом («*Ответчик поручений на оказание этих услуг не давал, что не оспаривается истцом*»). Также необходимо учитывать лексико-синтаксическое оформление аргументации, характер и порядок расположения таких элементов аргументации, как посылка и вывод.

Особенности автороведческой экспертизы протокола допроса

Иная картина складывается с группой документов, к которым относится протокол допроса свидетеля. Будучи фиксацией устного текста, они несут на себе отпечаток, во-первых, устной речи, во-вторых, личности автора-оформителя (за исключением тех случаев, когда протокол выполняется автором-информантом собственноручно).

Из-за того, что, в большинстве случаев, автор-информант и автор-оформитель протокола допроса различаются, при производстве автороведческой экспертизы таких текстов могут учитываться только синтаксические, лексико-фразеологические и стилистические особенности [Абрамкина 2017]. Но и на этих уровнях велико влияние речи автора-оформителя, в связи с чем первоочередной задачей становится разграничение языковых особенностей автора-информанта и автора-оформителя.

Анализ 20 протоколов допросов позволил представить следующее распределение лингвистических черт по их принадлежности автору-информанту, автору-оформителю, жанру, и теме текста.

1. К чертам, однозначно определяющим речь автора-информанта, можно отнести такие особенности простых предложений, как специфические модели построения предложения. Например, для одного из протоколов допросов по делу о гибели экспедиции Дятлова характерны простые, не осложненные предложения с числительным в конце предложения, обозначающим время или дату; для другого протокола допроса характерны простые предложения, построенные по модели «примерная дата + место + ГЧ + прямое дополнение».

2. Характер сложных предложений также имеет некоторые особенности, отражающие специфику речи автора-информанта. К ним можно отнести соотношение количества бессоюзных и сложноподчиненных предложений, наличие или отсутствие сложносочиненных предложений.

3. Осложнение предложений также содержит определенную информацию об авторской речи, однако оно сильнее зависит от оформителя текста, поэтому релевантными может считаться только факт полного или частичного отсутствия осложнения.

4. Протокол допроса содержит большое количество уточнений и пояснений, что обусловлено его жанровой природой. Некоторые особенности лексико-семантического, синтаксического и логического оформления уточнений и пояснений отражают особенности речи автора-информанта.

5. Кроме того, некоторые индивидуальные синтаксические особенности также релевантны для определения авторства. Примерами могут служить выделенные в текстах протоколов допросов по делу о гибели экспедиции Дятлова многосоюзие, регулярный пропуск подлежащего, обилие слов, обеспечивающих связность текста.

6. Лексика менее показательна с точки зрения выраженности признаков речи автора-информанта. Здесь безусловными показателями являются аграмматичные повторы, использование разговорной или книжной лексики, фразеологизмов, показатели субъективной модальности и особенности употребления видо-временной системы глагола (например, описание событий прошлого с помощью глаголов настоящего времени).

7. Стилистический уровень в целом отражает принадлежность официально-деловому стилю, здесь показательными могут быть только отступления от официально-делового стиля, а также смешение стилей.

Остальные выделенные нами в текстах протоколов языковые особенности большей частью относятся к речи автора-оформителя (табл. 1).

Таблица 1 – Распределение принадлежности лингвистических черт в протоколах допросов

Автор-информант	Автор-оформитель	Жанр	Тема
Синтаксические черты			
Специфические модели построения простых предложений	Наличие/отсутствие парцелляции	Преобладание простых предложений	Страдательные конструкции
Соотношение количества бессоюзных и сложноподчиненных предложений	Порядок слов	Сложные предложения с придаточными изъяснительными и определительными	

Наличие или отсутствие сложносочиненных предложений	Наличие или отсутствие предложений с разными типами связи	Обилие пояснительных и уточняющих конструкций	
Полное или частичное отсутствие осложнения	Осложнение предложений причастным и деепричастным оборотом		
Особенности лексико-семантического, синтаксического и логического оформления уточнений и пояснений	Специфика значения однородных членов предложения		
Индивидуальные синтаксические особенности**			
Лексико-фразеологические черты			
Аграмматичные повторы	Характер синонимов	Канцеляризмы, юридическая терминология и профессионализмы	Повторы имен нарицательных
Книжная, устаревшей, разговорная лексика, устойчивые выражения	Семантическая несогласованность	Редкое употребление синонимов	Лексика из соответствующего тематического поля
Показатели субъективной модальности		Числительные со значением даты и времени	
Особенности видо-временной системы глагола			
Стилистические особенности			
Вкрапления разговорного стиля		Официально-деловой стиль	
	Акцент на точное время/детальное описание и т.п.	Подробное описание последовательности действий	

Проведенный анализ позволяет заключить, что как для документов, производных от письменных жанров, так и для документов, производных от устных жанров наиболее релевантным при определении авторства оказывается синтаксический уровень. Лексический уровень отражает, главным образом, отношение автора к сообщаемому, что имеет большое значение при автороведческом анализе текстов первой группы и практически нерелевантно для текстов второй группы. Кроме того, в текстах второй группы также могут встречаться вкрапления разговорной лексики. Спецификой протоколов допросов как текстов, производных от устных жанров, является наличие «двойного авторства» [Татарникова 2004], что еще больше ограничивает число релевантных признаков.

Ведущей коммуникативной стратегией текстов первой группы является аргументация. Учет особенностей семантики и строения аргументов может служить дополнительным признаком для становления авторства таких текстов. Для второй группы в качестве ведущей стратегии можно выделить уточнение и пояснение, которые также могут учитываться при проведении автороведческой экспертизы.

Для повышения точности автороведческого исследования текстов первой группы рекомендуется запрашивать для сравнения текст, послуживший основой для спорного текста. Для текстов второй группы, где большое значение имеет разграничение признаков речи автора-информанта и автора-оформителя, для сравнения рекомендуется текст, выполненный тем же автором-оформителем.

Библиографический список

1. Абрамкина, Е. Е. Автороведческая экспертиза протокола допроса: основные особенности и методика анализа / Е. Е. Абрамкина // Вестник Томского государственного университета. – 2017. – № 415. – С. 158–163.
2. Комаров, А. Н. Язык и стиль судебных документов. Практические рекомендации по оформлению судебных актов / А. Н. Комаров. – СПб. : КАДИС, 2002. – URL: <https://www.litmir.me/bd/?b=132955>
3. Рабенко, Т. Г. Проблема речевых жанров первичности/вторичности в контексте современной лингвистики / Т. Г. Рабенко // Сибирский филологический журнал. – 2017. – № 2. – С. 235–248.
4. Татарникова, Н. М. Координация первичного и вторичного речевых жанров в официально-деловом стиле (на примере допроса и протокола допроса) : автореф. дис. ... канд. филолог. наук / Татарникова Н. М. – Кемерово, 2004. – 24 с.
5. Тертышник, В. М. Язык и стиль процессуальных документов / В. М. Тертышник // Уголовный процесс : учеб. пособие. – 2-е изд., перераб. и доп. – Харьков : Арсис, 1999. – 528 с. – URL: <http://lawbook.online/page/pravo/uchebnik/uch-6.html>

ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЕ ПРАВОМ КАК ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН

А. Н. Баранов

Москва, Россия

ABUSE OF LAW AS A LINGUISTIC PHENOMENON

A. N. Baranov

Moscow, Russia

Аннотация. Освещены современные тенденции в рассмотрении дел по защите чести, достоинства и деловой репутации, которые приводят к использованию судами категории «злоупотребления правом». Предлагаются лингвистические критерии, позволяющие выявлять в тексте лингвистические аспекты злоупотребления правом. Это критерии частоты, семантический критерий и критерий метатекста.

Ключевые слова: лингвистическая экспертиза, злоупотребление правом, лингвистические признаки злоупотребления правом.

Abstract. The article deals with current trends in cases concerning protection of honor, dignity and business reputation. These lead to the situations when courts use the category "abuse of law". Linguistic criteria are proposed which allow to identify linguistic markers of abuse of law in the text. These are criteria of frequency, semantic criterion and the criterion of metatext.

Key words: forensic linguistics, abuse of law, linguistic markers of abuse of law.

Юридический аспект проблемы

Злоупотребление правом определяется в современном российском законодательстве как «осуществление гражданских прав исключительно с намерением причинить вред другому лицу, действия в обход закона с противоправной целью, а также иное заведомо недобросовестное осуществление гражданских прав» (ст. 10 ГК РФ). Комментаторы этой статьи отмечают, что реализация данного положения законодательства сопряжена с апелляцией к оценочным категориям справедливости, морали, честности и порядочности, которые не определены в законе, что создает определенные риски субъективности правоприменения. С другой стороны, реализация института злоупотребления правом противоречит принципу «правовой определенности», поскольку участник правовых отношений должен руководствоваться в своих действиях не представлениями судебных органов о справедливости и морали, а нормами закона [Султанов 2006; Свиринов 2013].

Тем не менее, данная норма действует, причем количество дел, в которых она используется, неуклонно возрастает. В основном категория злоупотребления правом оказывается существенной в делах имущественного характера, однако в последнее время в связи с очевидным изменением судебной практики по ст. 152 ГК РФ, связанной с защитой нематериальных благ – чести, достоинства и деловой репутации, данная категория стала использоваться в судебных решениях по указанной статье. Так, в Решении Люблинского районного суда г. Москвы от 31 мая 2017 г. по делу «Усманов против Навального» (№ 2-4145/2017) указывается: «судом учитывается, что распространение порочащих сведений в отношении строго определенных, конкретных лиц посредством придания соответствующим утверждениям намеренно-общего характера либо изложение таких утверждения в виде якобы рассуждений, личного мнения, оценки и т.п., а равно сознательная разбивка такого единого по своей сути утверждения на несколько фраз и положений, представляет собой умышленное злоупотребление правом (с. 10 ГК РФ), в связи с чем не может служить основанием для отказа в иске об опровержении сведений, не соответствующих действительности, порочащих честь, достоинство и деловую репутацию»¹.

Размывание существующей судебной практики по ст. 152 ГК РФ налицо: если в известном постановлении Пленума ВС РФ № 3 от 24 февраля 2005 г., фиксировавшего и утверждавшего судебную практику по рассматриваемой статье, обращалось внимание на форму сообщения негативных сведений и, соответственно, мнения, предположения, оценочные суждения и т.п. не подпадали по действие данной статьи, то в Решении Люблинского районного суда по делу «Усманов против Навального» попытки участников публичной коммуникации выразить свое мнение, предположение, оценочное суждение и т.д. как минимум потенциально подпадают под санкции по ст. 152 ГК РФ. Важно здесь то, что никаких ясных критериев от деления случаев «придания соответствующим утверждениям намеренно-общего характера либо изложение таких утверждения в виде якобы рассуждений, личного мнения, оценки» от собственно личного мнения, оценки, рассуждения и под. не указывается. Вообще говоря, отсутствие таких критериев прямо противоре-

¹ Здесь и далее воспроизводятся особенности орфографического и пунктуационного оформления оригинала.

чит ст. 29 Конституции РФ, поскольку она гарантирует свободу мысли и слова («Каждому гарантируется свобода мысли и слова»).

Оставим в стороне собственно юридические аспекты законов, подзаконных актов и их интерпретаций правоприменителями и обратимся к собственно лингвистическим аспектам проблемы, которая действительно возникла и требует лингвистического анализа в рамках лингвистической экспертизы по делам о защите чести, достоинства и деловой репутации.

Лингвистический аспект проблемы

Соглашение между участниками публичной коммуникации и правоприменителями относительно легитимных способов выражения мнения, если отвлечься от некоторых тонкостей, сводилось, в сущности, к тому, что эксплицитное введение в дискурс пропозиции лексическими маркерами мнения, предположения, оценки и т.п. признавалось правомерным и не подпадало под действие ст. 152 ГК РФ. Это обеспечивало необходимый баланс между положениями Конституции РФ о свободе мнения и слова и правом гражданина на защиту своего доброго имени – чести, достоинства, деловой репутации и пр.

С течением времени, однако, участники публичной коммуникации стали переходить грань разумного, уснащая свои тексты, «выносные» по содержанию и вполне отвечающие жанру черного пиара, множеством вводных слов и оборотов, формально снимающих с них ответственность по ст. 152 ГК РФ. На факультетах журналистики вводились специальные темы и читались спецкурсы, на которых разбирались эффективные приемы ухода от санкций по указанной статье, которые одновременно позволяли распространять в публичном пространстве необходимую негативную информацию. В пособиях и научных монографиях объяснялось, как избежать правовых рисков в публичной сфере (см., например, [Осадчий 2012]).

Это не могло не вызвать обратной реакции со стороны тех, кто так или иначе затрагивался в соответствующих публикациях и становился объектом пропагандистских кампаний. Определенную роль в изменении отношения к формальным и неформальным соглашениям сыграло и изменение общественно-политической ситуации. Между тем, обвинения в «злоупотреблении правом» небеспочвенны. Действительно, некоторые тексты обнаруживают признаки того, что можно было бы назвать злоупотреблением языком (*abuse of language*) в попытке уйти от правовых санкций. Сознывая всю непопулярность такого рода исследований точки зрения приверженцев абсолютной свободы слова, автор все-таки хотел бы предложить несколько критериев, которые при условии их детальной проработки могли бы послужить ориентирами при выявлении случаев «злоупотребления правом» в рамках дел по ст. 152 ГК РФ.

Критерий частотности

Назовем для краткости статьи, которые, предположительно, являются злоупотреблением правом в рамках ст. 152 ГК РФ «погромными» или П-статьями/публикациями, а соответствующий дискурс – «погромным», или П-дискурсом. Характерный признак публикаций указанного типа – злоупотребление эксплицитными маркерами выражения мнения, предположения, оценки, возможности и т.п.

В публикации «Миллионы чиновников МИНОБРА в оффшорах?»² используются следующие лексические маркеры мнения, предположения, вероятности, оценки и т.п.: *сомнительно* 3, *наверное* 3, *видимо* 1, *предположительно* 1, *вероятно* 1, *можно сказать* 1, *может быть* 2, *кажется* – 5; всего – 17 вхождений. Поскольку в статье насчитывается 998 словоупотреблений, то относительная частота указанных форм в совокупности составляет приблизительно 0,017. Легко подсчитать среднюю частоту появления данных лексических единиц в представительном корпусе текстов. В «Корпусе текстов по современной публицистике», разработанном в отделе экспериментальной лексикографии Института русского языка РАН, насчитывается 29 225 404 словоупотреблений. Указанные единицы распределены в нем следующим образом: *сомнительно* 129, *наверное* 5147, *видимо* 5272, *предположительно* 273, *вероятно* 2346, *можно сказать* – 1399, *может быть* – 11272, *кажется* – 6811; всего – 32 649 вхождений. Тем самым, средняя частота для корпуса публицистики оказывается равной: 0,0011. Иными словами, в рассматриваемой статье относительная частота употребления слов или словосочетаний, эксплицитно указывающих на выражение мнения, предположения, возможности и пр. более чем 15 раз ($0,017/0,0011 = 15,45$) выше, чем в среднем по корпусу публицистики. Это можно считать серьезным аргументом в пользу отнесения анализируемой публикации к сфере П-дискурса.

Семантический критерий

Критерий частотности должен быть дополнен другими критериями, указывающими – пусть и косвенно – на коммуникативное намерение автора текста любыми средствами донести негативное содержание до адресата и избежать правовых санкций. Злоупотребление словами и словосочетаниями, указывающими на форму выражения смысла, часто сопровождается ошибками в сочетаемости этих выражений. Укажем некоторые типичные случаи.

Предположение в сфере действия модальности факта. В примерах данного типа в семантической сфере действия выражения, указывающего на факт, оказывается слово или словосочетание с семантикой предположения, ср. (1).

(1) Назовем вещи своими именами³: сам Рыбкин скорее всего и передал своим юристам поддельные векселя для обращения в суд. А если это так, то именно Александру Рыбкину предстоит ответить за подделку документов.

² Здесь и далее названия некоторых статей по понятным причинам изменены.

³ Здесь и далее подчеркивание мое.

В приведенном примере выражение *называть вещи своими именами* передает семантику факта. Действительно, странно было бы сказать: *Назовем вещи своими именами: он возможно настоящий убийца* при норме *Назовем вещи своими именами: он и есть настоящий убийца*.

Ср. аналогичный пример из текста выступления С. Доренко времен Лужкова:

(2) Факты говорят о том, что, возможно, совершенно не случайно Ковалев оказывал Лужкову услугу, чтобы спрятать концы в воду с убийством Пола Гейтума.

Как минимум, фраза (2) стилистически не вполне корректна – в первую очередь из-за того, что в сферу действия факта (*Факты говорят о том*) попадает предположение (*возможно, совершенно не случайно*)⁴.

Мнение в сфере действия нереализованного условия. Для примеров рассматриваемого типа характерна ситуация, когда используется условная конструкция с союзом *если* или аналогичной формой, а далее следует рассуждение, игнорирующее тот факт, что само условие не верифицировано и остается описанием гипотетической ситуации, ср. (3).

(3) В отношении акций, если же регистрационный журнал, где фиксировались переходы акций, не велся или был утерян, получается, АО «Интеко» с нарушениями вело всю эту систему реестра акционеров и Виктор Николаевич лично либо в моем лице может обратиться к «Интеко» с требованием о возмещении убытков.

В примере (3) словоформа *получается* используется для введения пропозиционального содержания ‘АО «Интеко» с нарушениями вело всю эту систему реестра акционеров’ как мнения. Однако мнение оказывается в сфере действия нереализованного условия: *если же регистрационный журнал, где фиксировались переходы акций, не велся или был утерян*, что хотя и не нарушает семантическую сочетаемость в сильном смысле (ср. вполне приемлемую фразу: *Если Петр не придет, то, думаю, он заболел*), но стилистически не вполне удачно.

Чрезмерная детализация гипотетической ситуации. Злоупотребление маркерами модальностей может проявляться и в сфере прагматики. Например, обсуждение гипотетической, возможной ситуации в обычном случае не предполагает излишних подробностей. Действительно, нереализованная ситуация не может быть известна говорящему в деталях. Между тем, формальная расстановка маркеров с целью ухода от правовых рисков нарушает это естественное ограничение, ср. пример (4):

(4) Вероятно, Литвинов постарается донести до руководства «Росмостов» необходимость возврата Куропаткина, минуя совет директоров. Второй сценарий: назначить Куропаткина исполняющим обязанности, пока совет директоров не начнет задавать вопросы о временщиках в руководстве. Поэтому, вероятно, Литвинову придется буквально вымолить у Буданова место для Куропаткина для личного самосохранения. [«Правда и истина»]

Лексемы *вероятно* и *сценарий* указывают на возможные варианты развития ситуации, а грамматическая форма будущего времени (*постарается, начнет, придется*) вообще снимает вопрос о верификации описываемых событий – она невозможна, то есть соответствующие высказывания не являются утверждением в смысле ст. 152 ГК РФ. Однако указание на то, что *Литвинову придется буквально вымолить у Буданова место для Куропаткина для личного самосохранения* семантически аномально, поскольку экстраполяция в будущее таких подробностей отражает стремление автора статьи представить нынешнюю ситуацию угрожающей для Литвинова.

Ложная анти-эмпатия. К нарушениям семантического характера следует отнести также контексты, в которых при общем отрицательном отношении к обсуждаемому герою в публикации обнаруживается цитирование других лиц крайне негативного свойства, причем автор от цитаты открещивается, ср. (5):

(5) «Все это происходит при покровительстве службы безопасности под руководством господина Курьянова, который в угоду Литвинову расправляется с неугодными сотрудниками. Все, кто хоть немного оказывает сопротивление преступной деятельности, подвергаются “наезду” со стороны службы безопасности либо увольняются под давлением. На основании вышеперечисленного можно сделать выводы о том, что группа Литвинов–Куропаткин активно занимается хищением денежных средств компании в особо крупных размерах», – берутся рассуждать авторы письма.

В приводимом фрагменте цитируется письмо, в котором Литвинов характеризуется крайне отрицательно, что в полной мере соответствует направленности публикации, при этом автор статьи в словосочетании *берутся рассуждать* в явном виде отгораживается от цитаты и даже ставит ее под сомнение, что в сочетании с текстом статьи в целом смотрится довольно странно.

Использование будущего времени. Как известно, в рамках ст. 152 ГК РФ к числу утверждений не относятся высказывания, которые не могут быть проверены на соответствие действительности. Тем самым, использование грамматического будущего времени исключает высказывание из сферы санкций по указанной статье. В некоторых случаях в П-статьях используется будущее время, причем события, предсказываются с исключительной подробностью, что сближает данный случай с «чрезмерной детализацией гипотетической ситуации», рассматривавшейся выше:

(6) В то же время, отмечают эксперты, предприятие традиционно ссылается на нехватку средств, однако по информации источников, близких к «Россетям», «Екатеринбургская электросетевая компания» (ЕЭСК) по всей видимости не сможет освоить средства по инвестпрограмме в 2016 году, что может приве-

---

⁴ Этот пример разбирается в [Баранов 2006, 134], однако по иной причине: для иллюстрации одного из приемов речевого воздействия.

сти к ее значительному секвестру в 2017 году. Как следствие, вполне вероятно, что «компанию признают банкротом и продадут».

В приведенном примере подробно описывается цепочка «будущих» событий: компания не сможет освоить средства → компанию ждет секвестр → компанию признают банкротом и продадут. Такое ясновидение имеет совсем не волшебную природу и объясняется исключительно тем, что сообщить негативные сведения о компании хочется, но в то же время хочется избежать санкций по ст. 152 ГК РФ.

Искусственная модификация иллокутивной семантики. Семантическая некорректность текста в П-статьях может быть связана с неудачными попытками преобразования грамматических утверждений в вопросы. Так, название статьи *Денег нет, но вы держитесь? Оффшорные миллионы чиновников Минобороны?* выглядит довольно странным из-за вопросов, которые нарушают условия успешности вопроса как особого типа речевого акта. В статье указывается, что миллионы у чиновников есть и что их вполне достаточно – чиновникам «держаться» не надо. Заголовок статье в виде общего вопроса в такой ситуации выглядит неестественно, но объяснимо, если иметь в виду уход от правовой ответственности.

Аналогичный заголовок статьи, разбиравшейся выше, также сформулирован в виде вопроса: *Миллионы чиновников МИНОБРА в оффшорах?* И в этом случае уместность такого заголовка вызывает серьезные сомнения.

Метатекст как критерий П-публикаций и П-дискурса

Как известно, семантическая информация распределяется в тексте по собственно тексту и метатексту [Вежбицкая 1978] – различным комментариям автора, управляющим вниманием читателя (адресата). Во многих случаях П-статьи содержат эксплицитные метатекстовые элементы, формально указывающие на мнение, предположение и оценочное суждение автора, ср. (7):

(7) И если так, то некоторым не очень бедным руководителям комбината придется вскоре изучать не инструкции министерства, а Уголовный Кодекс. Или объяснить загадочное происхождение миллионов евро. И очень сомнительно для меня, и это мое журналистское мнение, что это случайное совпадение.

Фраза *это мое журналистское мнение* носит метатекстовый характер и опять-таки выводит текст из-под санкций по ст. 152 ГК РФ.

Отметим, что этот критерий не всегда дает однозначный результат. Так, в известном деле «Уткин-Советский спорт» спортивный журналист в явном виде рассказывает о том, как он консультировался у юристов, как писать о договорных матчах, чтобы не попасть под правовые санкции:

(8) Я решил проконсультироваться с хорошим адвокатом и даже потратил на консультацию сумму, равную гонорарам за несколько заметок в «Советском спорте». Нисколько не жалею об этом. Я узнал, что высказывание Валерия Георгиевича неподсудно, поскольку представляет собой МНЕНИЕ. Предполагать, размышлять, даже фантазировать каждый человек волен как ему угодно.

И далее журналист продолжает:

(9) Это наша победа, коллеги. Мы были влекомы каким-то непонятным политкорректным чувством, мы с вами, чтобы не употреблять слово «договорняк», придумывали разнообразные экивоки. Говорили «странные матчи», «двусмысленные», мы с вами невероятно изгалялись. Так вот! Мы теперь можем говорить и «договорные», и «проплаченные». Если мы так думаем – имеем полное право.

Рассматривать фрагменты (8) и (9) как случай злоупотребления правом вряд ли правомерно по той простой причине, что в этой публикации последовательно обсуждается проблема того, как журналист может выражать свое мнение о том, что он считает злоупотреблениями – пусть и недоказанными в судебном порядке.

***

Сформулированные лингвистические признаки «злоупотребления правом» в делах по защите чести, достоинства и деловой репутации по большей части не являются однозначными показателями рассматриваемого феномена. Иными словами, необходима проверка исследуемого материала по комплексу лингвистических параметров злоупотребления. Однако инструментарий для проведения таких работ в лингвистической теории имеется. Хочется верить, что этот инструментарий все-таки не понадобится, поскольку расширение практики по ст. 10 ГК РФ в связи с рассмотрением дел по ст. 152 ГК РФ одновременно ведет к ограничению свободы слова.

Библиографический список

1. Баранов, А. Н. Лингвистическая экспертиза текста. Теоретические основания и практика / А. Н. Баранов. – М. : Флинта : Наука, 2011. – 592 с.
2. Вежбицкая, А. Метатекст в тексте / А. Вежбицкая // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 8. Лингвистика текста. – М. : Прогресс, 1978. – С. 402–421.
3. Осадчий, М. А. Русский язык на грани права: функционирование современного русского языка в условиях правовой регламентации речи / М. А. Осадчий. – М. : Либроком, 2012. – 256 с.
4. Свирин, Ю. А. Принцип правовой определенности в гражданском процессе / Ю. А. Свирин // Современное право. – 2013. – № 11. – С. 95–98.
5. Султанов, А. Р. О правовой определенности и судебном нормотворчестве / А. Р. Султанов // Российская юстиция. – 2006. – № 3. – С. 35–36.

ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА ПРОЕКТОВ НОРМАТИВНЫХ ПРАВОВЫХ АКТОВ В СУБЪЕКТАХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Н. В. Белоконь

Воронеж, Россия

A LINGUISTIC EXAMINATION OF THE DRAFTS OF NORMATIVE LEGAL ACTS IN THE SUBJECTS OF THE RUSSIAN FEDERATION

N. V. Belokon

Voronezh, Russia

Аннотация. Рассмотрены вопросы, касающиеся содержания и определения понятия «лингвистическая экспертиза проектов нормативных правовых актов». Проанализированы существующие научные определения данного понятия, выявлены проблемы его нормативного закрепления, а также особенности его определения в нормативных правовых актах субъектов Российской Федерации.

Ключевые слова: понятие, дефиниция, экспертиза, лингвистическая экспертиза, нормативный правовой акт, проект, исследование, процесс, оценка.

Abstract. Questions concerning the content and definition of the concept of "linguistic expertise of draft normative legal acts" are considered. The existing scientific definitions of the given concept are analyzed, the problems of its normative fixing are revealed, as well as the features of its definition in the normative legal acts of the subjects of the Russian Federation.

Key words: concept, definition, examination, linguistic expertise, normative legal act, project, research, process, evaluation.

Реализация нормативных правовых актов сопряжена с определенными проблемами, что говорит о необходимости переоценки деятельности по их подготовке. В последнее время повышенное внимание уделяется проведению в отношении проектов нормативных правовых актов экспертизы. В данной сфере деятельности тоже не все однозначно. Она характеризуется отсутствием общей концепции института экспертизы, стихийностью нормотворчества, отсутствием единых законодательно закрепленных целей, задач, функций и принципов экспертной деятельности, а также четких ограничений от смежных видов деятельности. Нормативные акты полны противоречий и различных трактовок понятия экспертизы, ее задач и принципов. Сущность экспертизы как процессуально-правового института не совсем ясна, ее функции смешиваются с контрольными, исследовательскими и управленческими процедурами [См.: Разуваев 2006 : 3]. Некоторые авторы предлагают отказаться от использования термина «экспертиза», а называть совершаемые действия «аудитом» ввиду неопределенности используемых формулировок [Нестеров 2009 : 39].

В 2013 году Аппаратом Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации были подготовлены и изданы Методические рекомендации по лингвистической экспертизе законопроектов [Методические рекомендации 2013] (далее – Методические рекомендации). Целью их является определение общих подходов к осуществлению лингвистической экспертизы законопроектов, рассмотрение наиболее часто встречающихся в текстах законопроектов ошибок, дача рекомендаций нормативного характера по исправлению грамматических, синтаксических, стилистических, логических, редакционно-технических ошибок и ошибок в использовании терминов.

По оценкам специалистов Аппарата Государственной Думы, обучение навыкам лингвистической экспертизы занимает в среднем от трех до семи лет: для специалиста с базовым филологическим образованием требуется не менее шести месяцев, чтобы освоить технологию работы с текстами проектов нормативных правовых актов, двенадцать месяцев – для овладения конкретными навыками лингвистической экспертизы, еще примерно два года требуется для того, чтобы научиться правильно классифицировать ошибку и дать полноценную рекомендацию по исправлению ее исправлению, и, наконец, еще один год – для формирования способности самостоятельно осуществлять лингвистическую экспертизу в полном объеме. При этом профессиональная подготовка специалистов в области языка права в высших учебных заведениях, как правило, не осуществляется.

В российской юридической науке отсутствует единое понятие лингвистической экспертизы проектов нормативных правовых актов. В большинстве своем авторы ограничиваются указанием на соответствие указанных документов нормам и правилам современного русского языка. Кроме того, чаще всего речь идет о лингвистической экспертизе законопроектов, тем самым из предмета анализа исключаются проекты иных нормативных правовых актов. Например, по мнению В. Б. Исакова, лингвистическая экспертиза законопро-

ектов предполагает изучение системы понятий законопроекта, проверку этой системы на полноту, тавтологичность, противоречивость, достижение последовательности и логичности изложения, простоты и ясности грамматических конструкций, смысловой «прозрачности» юридического текста [Исаков 2000 : 74].

Существующие определения, на наш взгляд, не позволяют в должной мере составить представление о содержании данного понятия.

Действующее российское законодательство на данный момент также не дает определения понятия «лингвистическая экспертиза проектов нормативных правовых актов». Нормативные правовые акты, регламентирующие ее осуществление, ограничиваются лишь перечислением целей и задач, стоящих перед экспертом. Методические рекомендации предлагают использовать в качестве определения норму части 7 статьи 121 Регламента Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации (далее – Регламент Государственной Думы): «Лингвистическая экспертиза законопроекта заключается в оценке соответствия представленного текста нормам современного русского литературного языка с учетом особенностей языка нормативных правовых актов и даче рекомендаций по устранению грамматических, синтаксических, стилистических, логических, редакционно-технических ошибок и ошибок в использовании терминов» [Постановление ГД ФС РФ № 2134-П ГД от 22.01.1998].

Эта формулировка тем или иным образом дублируется в нормах правовых актов, регулирующих осуществление лингвистической экспертизы проектов нормативных правовых актов в органах государственной власти субъектов Российской Федерации. Анализируя данные нормы, можно выделить несколько основных тенденций в подходе к определению понятия «лингвистическая экспертиза проектов нормативных правовых актов».

В большинстве случаев экспертиза определяется как «оценка на соответствие» и «дача рекомендаций» – это два основных элемента, которые присутствуют в правовых нормах, раскрывающих понятие лингвистической экспертизы.

Например, в Законе Курганской области «О нормативных правовых актах Курганской области» лингвистическая экспертиза определяется как «оценка на соответствие нормам современного русского литературного языка с учетом функционально-стилистических особенностей текстов нормативных правовых актов» [Закон Курганской области № 444 от 08.10.2004]. В отличие от стандартной формулировки здесь речь идет не просто об особенностях языка нормативных правовых актов, а конкретно о функционально-стилистических их отличиях от других текстов, то есть делается акцент на характерных чертах официально-делового стиля современного русского литературного языка.

В Регламенте Законодательного Собрания Ямало-Ненецкого автономного округа данная формулировка получила несколько иную интерпретацию. В соответствии с частью 3 статьи 86 Регламента лингвистическая экспертиза должна содержать «оценку соответствия текста законопроекта нормам современного русского литературного языка с учетом функционально-стилистических особенностей текстов законов автономного округа» [Постановление Законодательного Собрания ЯНАО № 1757 от 20.05.2009]. Если бы речь шла о лингвистической экспертизе не русскоязычных текстов, можно было бы предположить наличие таких языковых особенностей применительно к законам автономного округа. Однако в данном случае о подобных особенностях говорить нельзя, очевидно, это такое «вольное переложение» авторами соответствующей нормы Регламента Государственной Думы.

В стандартном определении, содержащемся в Регламенте Государственной Думы, как уже отмечалось, указывается, что, помимо оценки, лингвистическая экспертиза заключается в даче рекомендаций по устранению грамматических, синтаксических, стилистических, логических, редакционно-технических ошибок и ошибок в использовании терминов. Что касается перечня ошибок, содержащихся в определении, он представляется не совсем корректным. Во-первых, необоснованно отсутствуют такие виды ошибок, как орфографические и пунктуационные, хотя анализ текстов проектов нормативных правовых актов показывает, что таких ошибок достаточно много. Во-вторых, синтаксические ошибки (наряду со словообразовательными и морфологическими), то есть ошибки в структуре языковой единицы (слова, словосочетания, предложения) относятся к ошибкам грамматическим – нарушениям грамматических норм современного русского литературного языка. Кроме того, выделение в качестве самостоятельных ошибок в использовании терминов также вызывает некоторые сомнения. Термин – категория лексическая, следовательно, ошибки в его использовании (уместность/неуместность, целесообразность/нецелесообразность, правильность/неправильность) относятся к лексическим ошибкам. Но помимо ошибок в использовании, часто встречаются ошибки в образовании терминов, то есть ошибки в структуре слова или терминологического словосочетания, что позволяет оценивать использование терминов с точки зрения их грамматической правильности, а не только правильности употребления.

Сама формулировка «дача рекомендаций по устранению ошибок» ведет к существенному ограничению полномочий лиц, осуществляющих лингвистическую экспертизу. Дача рекомендаций не предполагает собственно устранения ошибок в тексте проектов нормативных правовых актов, тогда как нормы некоторых правовых актов органов государственной власти, регулирующие проведение лингвистической экспертизы проектов нормативных правовых актов, предусматривают устранение ошибок самими сотрудниками подразделений, уполномоченными осуществлять лингвистическую экспертизу, по согласованию с авторами проекта, но такие нормы носят единичный характер. Устранять ошибки также могут авторы проекта нормативного правового акта, однако данный процесс предусмотрен, как правило, для проектов нормативных правовых актов, находящихся на стадии внесения на рассмотрение в орган государственной власти.

Некоторые субъекты Российской Федерации отходят от стандартного определения лингвистической экспертизы и предлагают свои варианты формулирования данного понятия. Например, «проверка текста правового акта на предмет соответствия правилам русского языка» (Ивановская область), «правка текста, связанная с нарушением правил орфографии, морфологии и пунктуации, нарушением правил оформления документов, опечатками, ошибками в наименованиях и адресах государственных органов и органов местного самоуправления, наименованиях должностных лиц и иными подобными ошибками» (Псковская область). В первом случае предмет деятельности эксперта существенным образом ограничивается, за ее пределами остаются нарушения, не связанные с языковыми ошибками, а также редакционно-технические недочеты текста нормативного правового акта. Во втором случае за рамками правки остаются нарушения иных, не перечисленных в определении правил и норм современного русского литературного языка. И, кроме того, не вполне ясным представляется, что относить к ошибкам в наименованиях и адресах государственных органов и должностных лиц: они могут быть как языковыми (орфографическими, грамматическими), так и фактологическими (например, ошибки в цифровом обозначении номера дома в адресе и пр.).

Отдельные субъекты Российской Федерации вообще не используют понятие «лингвистическая экспертиза», обозначая деятельность уполномоченных структурных подразделений и должностных лиц, связанную с редактированием текстов проектов нормативных правовых актов, как «редакционная экспертиза» (Архангельская область), «лингвистическая проверка» (Магаданская область), «поправки, имеющие редакционный характер» (Республика Алтай). Некоторыми субъектами Федерации используется понятие «редакционно-лингвистическая экспертиза» (Республика Калмыкия, Московская область). Причем в Регламенте Московской областной Думы речь идет о проведении такой редакционно-лингвистической экспертизы Государственно-правовым управлением Думы (часть 2 статьи 111) [Постановление Мособлдумы № 7/160-П от 09.06.2011], а в Положении об аппарате Московской областной Думы в качестве одной из функций аппарата называется осуществление лингвистической экспертизы [Постановление Мособлдумы № 23/16-П от 24.05.2012]. Регламент Народного Хурала Республики Калмыкия не содержит упоминаний о лингвистической экспертизе, а осуществление редакционно-лингвистической экспертизы обозначается в качестве одной из задач отдела документооборота аппарата Народного Хурала (Парламента) Республики на официальном сайте органа законодательной власти.

Все перечисленные определения содержатся в Регламентах органов государственной власти (законодательной или исполнительной) субъектов Российской Федерации.

В крайне редких случаях определение понятия «лингвистическая экспертиза» встречается в законах субъектов Российской Федерации о нормативных правовых актах субъектов Федерации. Пример тому – статья 2 закона Карачаево-Черкесской Республики «О нормативных правовых актах Карачаево-Черкесской Республики» [Закон Карачаево-Черкесской Республики № 48-РЗ от 02.12.2002], дающая определения основных понятий, используемых в настоящем законе. Согласно данной статье, лингвистическая экспертиза проектов нормативных правовых актов – это анализ языка и стиля нормативных правовых актов, их соответствия нормам современного русского литературного языка, оценка их качества с учетом функционально-стилистических особенностей юридических текстов, требований к оформлению документов и редакционно-технических правил, выработка предложений по улучшению качества указанных документов, участие в их языковой, стилистической, редакционно-технической доработке.

На наш взгляд, из всех существующих на сегодняшний день, данное определение наиболее полно отражает содержание рассматриваемого понятия, поскольку в нем содержится указание на то, что лингвистическая экспертиза – это деятельность, определенный процесс, протяженный во времени, состоящий из нескольких взаимосвязанных и взаимозависимых этапов: анализ, оценка, выработка предложений, участие в доработке текста нормативного правового акта; также предусмотрена выработка предложений не просто по устранению выявленных ошибок, а по улучшению языкового качества проекта нормативного правового акта в целом, что может свидетельствовать о комплексном характере анализа и оценки его текста, а не только о корректуре.

Каким же образом происходит осуществление лингвистической экспертизы проектов нормативных правовых актов в субъектах Российской Федерации? Рассмотрим на примере деятельности Правового управления аппарата Воронежской областной думы.

Лингвистическая экспертиза проектов нормативных правовых актов осуществляется в соответствии с Регламентом Воронежской областной Думы [Постановление Воронежской областной Думы № 824-III-ОД от 22.04.2004], а также Положением о лингвистической экспертизе проектов законов Воронежской области и иных правовых актов областной Думы [Постановление областной Думы № 780-II-ОД от 18.03.1999] (далее – Положение), которым определяются цели, задачи, этапы и порядок проведения лингвистической экспертизы. Кроме того, ст. 99 Регламента устанавливает обязательность проведения окончательной лингвистической экспертизы после принятия проекта закона Воронежской области во втором чтении для редакционной правки, необходимой в связи с изменениями, внесенными в текст при рассмотрении его во втором чтении.

После положительного заключения юридического отдела электронная форма проекта нормативного правового акта попадает к специалисту-лингвисту, который осуществляет так называемую компьютерную правку документа. Такая компьютерная правка включает в себя устранение недочетов в графическом оформлении текста законопроекта (шрифт, межстрочные интервалы, поля документа и т.п.); исправление

технических ошибок; устранение ошибок грамматических, орфографических и пунктуационных; проверку текста законопроекта на соответствие юридико-техническим правилам.

Таким образом, лингвист оценивает текст законопроекта не только с точки зрения соблюдения правил и норм современного русского языка, но и осуществляет техническую правку документа. Ситуация обусловлена тем, что правовое управление решило пойти по пути сокращения временных и энергозатрат при осуществлении этого процесса. Раньше лингвисты карандашом правили текст, отдавали его специалистам юридического отдела для исправления, те не всегда корректно это делали – что-то исправляли, что-то не видели или не считали нужным исправить, и путь документа от одного специалиста к другому и обратно был бесконечно долгим. Сейчас лингвист работает с текстом документа дважды: до первого чтения и после первого перед вторым, причем это второй этап продолжается вплоть до начала заседания по рассмотрению законопроекта во втором чтении. При этом он несет самостоятельную и полную ответственность за языковое качество документа. Это определенным образом оптимизирует работу не только специалистов, осуществляющих лингвистическую экспертизу, но и всего правового управления.

По результатам лингвистической экспертизы текста проекта закона Воронежской области даются предложения по внесению в текст изменений, направленных на устранение выявленных ошибок и недостатков и повышение лингвистического качества текста. В случае обнаружения в тексте многочисленных или существенных лингвистических ошибок и недостатков это указывается в качестве замечания к юридической технике проекта закона в заключении о проведении юридической экспертизы. Специалист правового управления, отвечающий за проведение лингвистической экспертизы, на данный момент не делает никаких заключений о ее проведении, поскольку наличие этого документа напрямую не предусмотрено.

Процесс осуществления лингвистической экспертизы проектов нормативных правовых актов в Воронежской областной Думе в последние годы характеризуется следующими особенностями: обязательным характером; персональной ответственностью специалиста правового управления, осуществляющего экспертизу, за языковое качество текста; активным использованием информационных технологий и, как следствие, – сокращением временных и финансовых затрат, которых требует этот процесс.

Таким образом, анализируя правовую регламентацию осуществления лингвистической экспертизы проектов нормативных правовых актов и сам процесс ее проведения, можно сделать некоторые выводы.

На данный момент не существует единого определения понятия «лингвистическая экспертиза проектов нормативных правовых актов».

Научные определения этого понятия в большинстве своем сводят лингвистическую экспертизу к банальной корректорской правке, ограничивая предмет экспертизы и полномочия экспертов оценкой соответствия текстов правилам (нормам) современного русского литературного языка.

Определения, содержащиеся в нормативных правовых актах и регламентах органов государственной власти субъектов Российской Федерации, различны по структуре и содержанию и не дают понятия о лингвистической экспертизе как о деятельности.

Достаточно большая часть правовых актов органов государственной власти субъектов Российской Федерации не содержит никакого упоминания о лингвистической экспертизе проектов нормативных правовых актов и, соответственно, о деятельности, связанной с работой над языковой формой текста указанных документов, хотя фактически такая работа проводится повсеместно.

В некоторых случаях понятие лингвистической экспертизы и деятельности, связанной с ее осуществлением, заменяется иными понятиями, такими как «редакционная экспертиза», «лингвистическая проверка», «поправки, имеющие редакционно-технический характер» и т.п.

В отсутствие четкого определения понятия и четкой правовой регламентации процесса осуществления лингвистической экспертизы проектов нормативных правовых актов на федеральном уровне органы законодательной власти субъектов Российской Федерации не всегда адекватно осуществляют свои полномочия в данной сфере, используя в своей деятельности иные понятия, существенно ограничивая предмет экспертизы и функции эксперта-лингвиста.

Библиографический список

1. Исаков, В. Б. Язык права / В. Б. Исаков // Юрислингвистика. – 2000. – № 2. – С. 72–78.
2. Калина, В. Ф. Юридическая техника : учеб. для прикладного бакалавриата / В. Ф. Калина. – М. : Юрайт, 2014. – С. 105–110.
3. Методические рекомендации по лингвистической экспертизе законопроектов. – М. : Издание Государственной Думы, 2013. – 40 с.
4. Нестеров, А. В. Правовые основания антикоррупционной экспертизы / А. В. Нестеров // Безопасность бизнеса. – 2009. – № 2. – С. 34–41.
5. О нормативных правовых актах Карачаево-Черкесской Республики (принят Народным Собранием КЧР 15.11.2002) : закон Карачаево-Черкесской Республики № 48-РЗ от 02.12.2002 (ред. от 26.12.2014) // День Республики. – № 152 (16194). – 2002.
6. О нормативных правовых актах Курганской области : закон Курганской области № 444 от 08.10.2004 (в ред. от 26.12.2013) (принят Постановлением Курганской областной Думы № 3660 от 28.09.2004) // Новый мир. – 2004. – № 13.
7. О Положении об аппарате Московской областной Думы : постановление Мособлдумы № 23/16-П от 24.05.2012 (в ред. от 03.04.2014) . – URL: <http://base.garant.ru/36739418/>

8. О Регламенте Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации : постановление ГД ФС РФ № 2134-П ГД от 22.01.1998 // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1998. – № 7. – Ст. 801.
9. О Регламенте Законодательного Собрания Ямало-Ненецкого автономного округа (вместе с «Правилами юридического оформления законопроектов, представляемых в Законодательное Собрание автономного округа») : постановление Законодательного Собрания ЯНАО № 1757 от 20.05.2009 (в ред. от 20.03.2014) // Ведомости Законодательного Собрания Ямало-Ненецкого автономного округа. – 2009. – № 4.
10. О Регламенте Московской областной Думы : Постановление Мособлдумы № 7/160-П от 09.06.2011 (в ред. от 26.10.2017) . – URL: <http://base.garant.ru/19139441/4/>
11. Положение о лингвистической экспертизе проектов законов Воронежской области и иных правовых актов областной Думы : утв. Постановлением областной Думы № 780-П-ОД от 18.03.1999. Документ официально не опубликован.
12. Разуваев, А. А. Экспертиза как средство повышения эффективности процесса правореализации (вопросы теории и практики) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Разуваев А. А. – Саратов, 2006.
13. Регламент Воронежской областной думы: утв. Постановлением Воронежской областной Думы № 824-Ш-ОД от 22.04.2004 (в ред. постановлений Воронежской областной Думы № 170-V-ОД от 23.06.2010, № 529-V-ОД от 21.04.2011) // Собрание законодательства Воронежской области. – 2011. – № 4. – Ст. 213.

ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА ТЕКСТОВ ПО АНТИКОРРУПЦИОННЫМ ДЕЛАМ: ФОРМУЛИРОВКА ВОПРОСОВ, УСТАНОВЛЕНИЕ КОНТЕКСТА И СЕМАНТИКА КЛЮЧЕВЫХ СЛОВ

Е. Н. Бондаренко

Москва, Россия

LINGUISTIC EXPERTISE OF TEXTS OF CORRUPTION SPEECH CRIMES: THE WORDING OF QUESTIONS, ANALYSIS OF THE CONTEXT AND SEMANTICS OF THE KEY WORDS

E. N. Bondarenko

Moscow, Russia

Аннотация. Рассмотрены вопросы, касающиеся проведения лингвистической экспертизы по антикоррупционным делам. Автор актуализирует внимание на таких языковых феноменах, как «юридико-лингвистическая неопределенность», речевая стратегия провокации, криптологическая коммуникативная установка. Обнаружение последней требует восстановления контекста речевой ситуации.

Ключевые слова: лингвистическая экспертиза, коррупция, информация, семантика, ключевые слова, вопросы.

Abstract. The article is devoted to the problems related to the linguistic expertise of texts of corruption speech crimes. The author analyzes such linguistic phenomena as "juridical-linguistic uncertainty", speech strategy of provocation, cryptologic communicative purpose. The fact of masking speech is determined by the reconstruction of the context of the speech situation.

Key words: linguistic expertise, corruption, information, semantics, key words, questions.

Одним из наиболее новых и востребованных видов лингвистических экспертиз выступает исследование текстов по антикоррупционным делам. Оно может связываться как с изучением официальной речи, когда рассмотрению подвергается правовая информация, так и с анализом неформальных бесед, относящихся к разговорному стилю речи.

В первом случае коррупционная составляющая обнаруживается в возможности двоякой трактовки законодательных текстов: отсюда задача эксперта сводится к выделению в материале категории «семантической диффузии», являющейся признаком «юридико-лингвистической неопределённости» [Белоконь 2012: 331]. При этом понятие «семантическая диффузия» входит в терминологический аппарат специалиста-филолога, а понятие «юридико-лингвистическая неопределённость» соотносится с правовым дискурсом, поскольку второй термин подразумевает квалификацию не только языкового явления, а обнаружение коррупциогенного фактора, возникающего при условии выражения в законодательном акте интенции требования и содержания в документе неустоявшихся, либо многозначных, либо конвенциональных лексических единиц [Белоконь 2012: 331], а также языковых формул, допускающих множественные интерпретации, обусловленные «особенностями формально-логического, грамматического и пунктуационного оформления текста» [Барабаш 2014: 27].

Так, лингвист сталкивается с двумя проблемами: определение коммуникативного намерения адресантов текста и обнаружение в нём языковой неоднозначности. Это определяет и круг вопросов, которые необходимо рассмотреть специалисту-филологу: *содержится ли в представленном на исследование материале интенция требования, призыва к обязательному исполнению изложенного в тексте; указание на необходимость выполнения описываемых в речевом произведении действий; содержат ли фразы представленного акта семантику долженствования; каким значением обладают использованные в тексте понятия «...»; к какому пласту лексики относятся данные понятия, каково их значение в современном русском языке; присутствует ли в высказывании «...» контекстуальная неоднозначность, каковы способы её выражения и т.п.?*

Во втором случае, когда исследованию подвергаются тексты, относящиеся к разговорной речи, задача эксперта усложняется, поскольку специалист имеет дело уже с большим количеством языковых явлений. Лингвисту приходится не только доказывать, что в материале «идёт речь о передаче денежных средств, имеется связь между передачей и встречным представлением услуги, а также устанавливать характер услуг, предоставленных за деньги» [Доронина 2015: 245], то есть определять семантику относящихся к речевому

событию слов, но и обнаруживать языковые феномены, создающие закодированную информацию и /или инициирующую желаемое поведение объекта речевого воздействия.

Следовательно, внимание эксперта сосредотачивается на большом количестве проблем: восстановление смысла сказанного, обнаружение семантики ключевых слов, выявление возможной реализации в тексте речевой стратегии провокации и квалификация криптолалической коммуникативной установки. Определение последнего речевого феномена связано с трудностями, поскольку значимая информация, представленная в имплицитной форме, может совпадать в плане своего выражения со сведениями, представленными в виде неполных и эллиптических конструкций, выступающих нормой для данного вида коммуникации. Говорящий и слушающий (читающий) настолько хорошо осведомлены о предмете речи, что многое не обозначается, становится недосказанным, умалчивается. В таком ключе признаками криптолалической коммуникативной установки могут быть лишь некоторые речевые приёмы: отказ от обсуждения темы, эвфемистическая замена предмета речи, элиминация темы [Доронина 2015: 247]. Если же указанных признаков в тексте нет, то определение факта маскировки содержания текста носит вероятностный характер. Более того, даже обнаружение одного из указанных приёмов требует от специалиста восстановления «однозначного» [Доронина 2015: 248] контекста речевой ситуации.

Однако нередкими являются случаи, когда специалисты квалифицируют какие-либо высказывания и/или слова как речевое событие передачи денег лишь на том основании, что в исследуемом тексте представлены речевые единицы, семантику которых невозможно установить. Отсюда большое значение для проведения экспертизы по антикоррупционным делам начинают приобретать вопросы, связанные с ясностью речевой ситуации: *можно ли однозначно трактовать коммуникативные намерения собеседников во время разговора без учёта контекста речевой ситуации; можно ли сделать однозначный вывод об успешной реализации коммуникативных задач участников разговора без учёта контекста речевой ситуации; возможно ли, что каждый из участников разговора ведёт речь о разных предметах (событиях); возможно ли вариативная трактовка информации, содержащейся в разговоре и т.п.?*

Поскольку в данном виде экспертиз часто рассматриваются диалоги, являющиеся формой устной речи, то специалисту предоставляются не только стенограммы с записью беседы, но и видеоролики, квалифицирующиеся как креолизованный текст. Это означает, что паралингвистический фактор имеет не менее важное значение, чем вербальный план-выражения [Бондаренко 2016: 138]. Следовательно, для понимания речевой ситуации, устранения её неясности требуется постановка вопросов, связанных с невербальной коммуникацией: *соответствуют ли вербальная и невербальная составляющие разговора друг другу; можно ли однозначно трактовать невербальную составляющую разговора и т.п.?*

Ответы на обозначенные вопросы подразумевают анализ ключевых слов, определяющих характер развития речевой ситуации и в то же время обладающих иногда неясной семантикой, а также анализ невербального поведения коммуникантов. Примером выступает рассмотрение предложенной лингвисту для исследования отдельной от всего диалога темы, обозначенной словом «коробки». Она раскрывается в речевом фрагменте в середине беседы:

– «2. – Ну и всё в принципе. Чё, команду тогда дадите по коробкам или как?»

Мужчина, реплики которого обозначены под цифрой «1», кивает одобрительно головой.

1. – Всё хорошо, да?

Мужчина, реплики которого обозначены под цифрой «1», кивает одобрительно головой.

1. – Оставим чего-нибудь, ну две там. Сейчас я этого Антона вызвоню, он придет сюда.

2. – Ну всё тогда. Две-три коробки. Две, две коробки»;

– «2. – Куда?»

1. – Внизу стоит.

2. – Так...».

Ключевыми словами в выделенных отрезках выступают слова «команда», «(по) коробкам», «две-три», «оставили», «внизу» и «стоит». При этом основную смысловую нагрузку заключают в себе лексические единицы «команда» и «коробка». В высказывании 1 данные вербальные элементы составляют словосочетание («команду по коробкам»), которое не является устойчивым и широко употребляемым в современном русском языке, о чём свидетельствуют данные «Национального корпуса русского языка» (словосочетание не встречается там ни одного раза) и отсутствие дескриптора в различных поисковых Интернет-системах. Отсюда семантика лексических единиц проистекает из определения каждой речевой единицы по отдельности. В лексикографических источниках слова получили следующие дефиниции:

• «команда» – «краткий устный приказ командира по установленной форме. *Подать команду <...>* □ *Из деревни доносились крики бойцов, слышалась команда взводных.* Н. Никитин, Северная Аврора» [Словарь русского языка... 1981–1984], «краткий устный приказ установленной формы. *Раздалась команда «Огонь!»* [Ожегов, Шведова 1999], «краткое, как правило, устное распоряжение, приказ, по установленной форме ♦ *Лейтенант дал команду «отбой»*» [Русский викисловарь];

• «коробка» – «1. Небольшой ящик (из картона, жести и т.п.), обычно с крышкой. [*Юлия*] *достала с полки коробку с конфетами.* Чехов, Три года. *Своим серебристо-зеркальным чайником она очень гордилась и держала его в картонной коробке.* Гладков, Энергия.

• 2. Остов здания. *В огромных коробках разрушенных и сожженных домов из-под груд мусора торчали заржавевшие спинки кроватей.* В. Попов, Сталь и шлак. || Разг. Похожее на ящик, унылое по виду

здание. *Вот и дом – огромная кирпичная коробка.* Б. Полевой, Встреча с легендой. *Машина уже катилась между коробок общежитий.* В. Орлов, Солёный арбуз.

• 3. Спец. Название вместилищ различных механизмов, приборов и др. **Коробка** дверного замка. **Коробка** компаса» [Словарь русского языка... 1981-1984]; «1. Вместилище для чего-н. в виде ящика, ящичка или другой формы. *Деревянная, картонная, пластмассовая к. Круглая к. Швейная к.* (со швейными принадлежностями). *К. из-под сигарет, из-под печеня. К. конфет, спичек* (с конфетами, со спичками). 2. Остов здания, а также вообще стандартное прямоугольное здание. *Коробки заводских корпусов. Черепная коробка* (спец.) – костное вместилище головного мозга. **Коробка скоростей** (спец.) – механизм для изменения частоты вращения ведомого вала. || *уменьш. коро'бочка*, -и, ж. (к 1 знач.). || *прил. коро'бочный*, -ая, -ое (к 1 знач.). *Коробочная упаковка* (в коробках)» [Ожегов, Шведова 1999]; «1. Небольшой ящичек из картона, жести и т.п., обычно с крышкой. Картонная, жестяная, пластмассовая к. Самодельная к. Круглая к. К. из-под обуви. К. из-под печеня, конфет. К. конфет (с конфетами). Швейная к. (для швейных принадлежностей). 2. Остов здания. Коробки разрушенных домов. 3. Разг. Похожее на ящик, унылое по виду здание. Целый квартал – стандартные кирпичные коробки. 4. Спец. Название вместилищ различных механизмов, приборов и др. К. дверного замка. К. компаса. К. скоростей (механизм для изменения скорости, а иногда и направления движения, применяемый в некоторых станках, а также в автомобилях, тракторах и т.п.). ◇ Черепная коробка. Костное вместилище головного мозга. <Коробочка (см.). Коробочный, -ая, -ое. К-ая мастерская. К. червь (гусеница хлопковой совки – вредителя хлопчатника)» [Большой толковый словарь]; «1. полый тонкостенный предмет многогранной или цилиндрической формы, сделанный из тонкого материала (бумаги, картона, пластика, тонкого металла), предназначенный для хранения или транспортировки чего-либо ◆ Пылесос в **коробке**. ◆ **Коробка** от телевизора. ◆ **Коробка** от торта. 2. количество каких-либо однородных предметов, помещающееся в коробку ◆ **Коробка** конфет. 3. то же, что коробка передач ◆ При пробеге в 77 тысяч км решили в четвертый раз перебрать **коробку**: срок жизни синхронизаторов второй и третьей передач просто смехотворен. 4. парадное построение подразделения прямоугольником ◆ В Киеве предпоследней шла **коробка** ВДВ, **коробка** нашего училища всегда замыкала пеший парад, за нами техника» [Русский викисловарь].

Оба слова являются многозначными, однако если точная семантика первого устанавливается контекстуально, то семантика второго не ясна, поскольку на видео не отображены невербальные действия 1. И хотя в финале ролика представлен фрагмент кабинета с коробками, контекст не позволяет установить связь данных предметов с обозначенной вербально номинацией: 2 говорит оставить две штуки какого-то объекта и о приезде Антона, а 1 говорит уже не о «команде по коробкам», а о количестве коробок, причём это количество участниками беседы не оговорено – «две-три коробки», однако фраза «внизу стоит» свидетельствует, что имеется в виду один объект, то есть речь ведётся не о «двух-трёх коробках», находящихся внизу, а об одном предмете, на что указывает форма единственного числа глагольного окончания. Отсюда интенция выделенного речевого фрагмента остаётся неясной и требует для своей интерпретации дополнительный материал, конкретизирующий речевую ситуацию.

Таким образом, в представленной для исследования беседе реализуются различные коммуникативные намерения, многие из которых невозможно толковать однозначно по причине отсутствия сведений об индивидуальных фоновых знаниях собеседников, требуемых для реконструкции речевой ситуации, и неполноты визуального ряда (1 в видеоролике не изображается, зритель слышит только его голос).

Всё это свидетельствует о невозможности установления криптолалической функции диалога, что подразумевает множественность и неоднозначность интерпретаций зафиксированной речевой ситуации. Без восстановления контекста содержание беседы остаётся неясным, несмотря на наличие в высказываниях признаков маскировки информации («эвфемистическая» замена предмета речи). Отсюда большое значение для экспертизы по антикоррупционным делам при исследовании разговорной речи имеет реконструкция содержания речевой ситуации. Данный вид экспертиз является наиболее сложным, поскольку он требует не просто рассмотрения отдельного текста, как в случае с изучением правовой информации, а анализа всех материалов дела, характеризующих и поясняющих зафиксированную речевую ситуацию. При этом если экспертиза законодательного дискурса связана с определением семантики значимых лексических единиц и интенции требования, то исследование разговорной речи зиждется одновременно на выявлении дефиниций ключевых слов, криптолалической коммуникативной установки, речевой стратегии провокации и воспроизведении контекста отображённых речевых событий. Результативность исследования в обоих случаях достигается верно поставленными вопросами.

Библиографический список

1. Барабаш, О. В. Юрико-лингвистические предпосылки порождения коррупциогенности текста правового документа / О. В. Барабаш // Язык. Право. Общество : сб. ст. II Междунар. науч.-практ. конф. – Пенза : Изд-во ПГУ, 2014. – С. 23–28.
2. Белоконь, Н. В. Лингвистические основания проведения антикоррупционной экспертизы / Н. В. Белоконь // Общество и право. – 2012. – № 2. – С. 331–335.
3. Большой толковый словарь русского языка / под ред. С. А. Кузнецова. – URL: <http://www.gramota.ru/slovari/info/bts/>

4. Бондаренко, Е. Н. Лингвистическая экспертиза креолизованного текста: многокомпонентный подход к исследованию видеоролика / Е. Н. Бондаренко // Язык и право: актуальные проблемы взаимодействия : материалы VI Междунар. науч.-практ. конф. – Ростов н/Д : Дониздат, 2016. – Вып. 6. – С. 138–144.
5. Доронина, С. В. «Командир! Может, договоримся?»: приёмы дискурсивного анализа в лингвистической экспертизе текстов по антикоррупционным делам / С. В. Доронина // Политическая лингвистика. – 2015. – № 3. – С. 245–249.
6. Национальный корпус русского языка / Национальный корпус русского языка. – URL: <http://ruscorpora.ru>
7. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – М. : Азбуковник, 1999. – Доступ из словарно-справочной системы «СЛОВАРИ.РУ».
8. Русский викисловарь. – URL: http://ru.wiktionary.org/wiki/%D0%97%D0%B0%D0%B3%D0%BB%D0%B0%D0%B2%D0%BD%D0%B0%D1%8F_%D1%81%D1%82%D1%80%D0%B0%D0%BD%D0%B8%D1%86%D0%B0
9. Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений. Российская академия наук. Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова ; под общ. ред. Н. Ю. Шведовой. – М. : Азбуковник, 1998. – Доступ из словарно-справочной системы «СЛОВАРИ.РУ».
10. Словарь русского языка : в 4 т. / АН СССР, Ин-т рус. яз. ; под ред. А. П. Евгеньевой. – М. : Русский язык, 1981–1984. – Доступ из словарно-справочной системы «СЛОВАРИ.РУ».

ЧТО ВОЗБУЖДАЕТ НЕНАВИСТЬ? ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ЭКСТРЕМИСТСКОЙ КОММУНИКАЦИИ

Е. Г. Борисова

Москва, Россия

WHAT CAN PROVOKE HATRED? LINGUISTIC FOUNDATIONS OF EXTREMIST COMMUNICATION

E. G. Borisova

Moscow, Russia

Аннотация. Работа посвящена вопросам психологического и лингвистического обоснования отбора признаков, которые могут быть проявлением экстремизма: возбуждением ненависти и вражды к определенной группе населения.

Ключевые слова: экстремизм, ненависть, речевое воздействие, аффективное состояние.

Abstract. The article concerns the forensic aspects of provoking hatred in public communication. This is a component of extremism that is mentioned as a crime in the Criminal Law of the Russian Federation. It utters that the causes of hatred in public and political communication are to be investigated from linguistic and psychological points of view taking emotiveness of words, various types of emotional reaction etc. into consideration.

Key words: extremism, hatred, verbal influence, affectivity.

1. Текст закона и его понимание

При обращении к эксперту-лингвисту несколько парадоксальным образом приходится сталкиваться с различием юридического и повседневного пониманий одних и тех же слов. Различие объясняется тем, что в юридической практике необходимо более или менее однозначно истолковывать состава деяния, а это ввиду особенностей языковой семантики: размытости понятий, расширительного понимания слова – не всегда возможно. Именно для таких случаев предусмотрены комментарии Верховного Суда, сводящие юридическое понимание слов, называющих состав преступления, к высказываниям, описывающим интерпретируемые судом деяния, близко к естественному языку.

Единство или хотя бы близость повседневного и юридического понимания основных понятий, относящихся к осуждаемым действиям, необходима для профилактической функции законодательства. Гражданин должен ясно понимать, какие его действия являются не только общественно осуждаемыми, но и наказуемыми – в таком случае, как предполагается, он будет избегать их.

Некоторые действия, как кража, убийство, представляются в целом понятными любому русскоязычному человеку (хотя и здесь имеется целый ряд сложностей с интерпретацией). А в сфере «речемыслительных преступлений», как в уголовном, так и в административном производстве, интерпретация текста закона, сформулированного на естественном языке, может вызвать не совсем правильное понимание. С одной стороны, это приводит к совершению наказуемых деяний без четкого осознания этого факта. С другой, возможно расширительное толкование, приводящее к нарушению конституционно закрепленной свободы слова, от чего предостерегают официальные комментаторы [Постановление Пленума ВС РФ № 11 от 28.06.2011 г.].

2. Ненависть как общеупотребительное слово и как психологический термин

В данной работе мы рассматриваем особенности ненависти – как слова, и как его значения, поскольку это слово входит в текст и даже в заголовок одной из самых спорных в нашем законодательстве ст. 282 УК РФ 1996 г. (возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства): действия, направленные на возбуждение ненависти либо вражды, а также на унижение достоинства человека либо группы лиц по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии, а равно принадлежности к какой-либо социальной группе, совершенные публично или с использованием средств массовой информации либо информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети «Интернет».

Остановимся на первом понятии: ненависти.

Толковые словари русского языка тоже отмечают место ненависти в ряду эмоций и социальных отношений:

Чувство сильнейшей вражды, неприязни [Ефремова, 2006].

Среди синонимов этого слова также фигурируют *вражда, отвращение, злоба, нелюбовь*.

Поскольку синонимы не являются точными, мы можем определить, что является особенностями, отличающими один синоним от другого. Чаще всего ненависть сопоставляют с враждой, которая в том же словаре получает толкование «Недоброжелательные, неприязненные, проникнутые ненавистью отношения и действия» [Ефремова 2006].

Вражда явно ориентирована на отношения между людьми и группами, причем часто с переходом к действию. Это отражено и в Комментарий к Закону 282 под враждой следует понимать не только мотивы, но и отношения и действия, проникнутые неприязнью, ненавистью. В отличие от нее ненависть – это собственно переживание человека. Однако оно должно быть направлено на объект, иначе можно говорить о злобе или гнев, которые бывают ненаправленными. Что касается отвращения, то это тоже направленное и достаточно сильное переживание. Оно имеет дополнительный признак безразличности, презрения по отношению к объекту. И накал ненависти бывает более высок.

С психологической точки зрения ненависть относится к числу длительных переживаний, именуемых чувствами [Изард 2008], составляя противоположность любви. Вместе с тем ненависть может быть кратковременной и в то же время трактоваться как эмоция.

Следует обратить внимание, что благодаря своей силе ненависть (вызывающая сильное, но безадресное чувство ярости) может становиться побудительным мотивом к действию. Возбуждение ненависти к врагу оказывается сильным средством пропаганды в войсках. Можно вспомнить название одного из публицистических пропагандистских произведений М. А. Шолохова времен Великой Отечественной войны «Наука ненависти». Однако в целом в русском языковом сознании, как показывают наши исследования, ненависть воспринимается как отрицательное явление.

3. Возбуждение ненависти в коммуникации

Из сказанного следует, что возбуждение ненависти в определенных социальных группах может быть важным средством побуждения этих групп к каким-то действиям. Имеется немало средств, способных вызвать резко негативное отношение, поддерживать его или способствовать его возникновению. В лингвистических работах данное явление принято (наряду с некоторыми схожими) относить к агрессии в речи [Басовская 2004], [Щербинина 2004], [Радченко 2009].

Рассмотрим механизм изменения эмоционального состояния, в том числе, и в специальных целях: в пропаганде, рекламе. Эмоциональное возбуждение влияет на физиологические реакции организма [Изард 2008]. Поэтому его можно зафиксировать объективно: учащается сердцебиение, происходят вазомоторные реакции (краснее или бледнее лицо, выступает пот). Такое изменение может быть иметь когнитивные причины – человек узнал или понял нечто, что затрагивает его интересы, представления. Сообщение может быть осуществлено нейтральными средствами. Например, сообщение «*В результате бомбардировок русской авиации погибли дети*» не содержит экспрессивных средств, однако вызывает жалость к детям, т.к. по представлениям во многих культурах, жизнь детей – одна из высших ценностей. Чаще автор сообщения использует еще и эмоционально окрашенные языковые ресурсы: риторические приемы, экспрессивную интонацию, эмоционально окрашенную лексику: «*Жертвами варварских бомбардировок оказались мирные граждане, в том числе ни в чем не повинные дети*».

Изменение эмоционального состояния в качестве реакции на эмоционально окрашенное высказывание происходят почти всегда [Борисова 2005]. Однако иногда это приведение адресата в состояние, схожее с состоянием (реальным или имитируемым) автора. А возможна прямо противоположная эмоциональная реакция. Так, реакцией на высказывание о стороны русского слушателя может злость на автора сообщения. Такие реакции тоже могут быть запрограммированы и нередко используются и в пропаганде, и в Интернет-коммуникациях, где подпадают под понятие «троллинг» (раньше использовался термин «флейминг», т.е. разжигание»).

4. Какие действия реально разжигают ненависть в публичной коммуникации

Для решения юридических вопросов необходимо уточнить, какие действия, отраженные в судебной практике, должны отмечаться как ведущие к возбуждению ненависти. В комментариях указано: «Это может быть пропаганда исключительности, превосходства либо неполноценности граждан по признаку их отношения к религии, национальной или расовой принадлежности».

Действительно, указание на ничтожность адресата может возбудить в нем (по принципу отраженных эмоций) ненависть к автору сообщения. Однако надо признать, что далеко не всегда указание на превосходство одной группы над другой может вызвать ненависть и вражду. Так, указание на то, что представители негроидной расы более успешны в спорте, вряд ли способны вызвать ненависть европеоида к негру или негра к европеоиду (хотя утверждение может быть оспорено). Высказывание «Русские – никудышные футболисты» не может привести к возбуждению ненависти к русским или даже русских к той национальной группе, к которой принадлежит автор (впрочем, ненависть к автору возникнуть может).

Поиск указанных в законе и комментариях признаков возбуждения ненависти иногда приводят к парадоксальным заключениям, делаемым лингвистами и психологами. Так, в одном поданном на экспертизу (не психиатрическую) произведении утверждалось, что все жители Земли переселились сюда с одной планеты, а евреи с другой. Понятно, что возбуждение на этом основании вражды и ненависти к евреям предполагать трудно.

Еще более парадоксальным было заключение по манифесту одной общественной организации, в названии которой фигурирует слово армия, а члены которой назывались бойцы. Практически на этом осно-

вании организация была признана экстремистской, хотя сами по себе эти слова вряд ли могли вызвать ненависть к какой-либо социальной группе.

Заметим, что и оскорбление какой-либо группы еще не означает возбуждение к ней ненависти и вражды. Из того, что кто-то назвал русских москалями, вовсе не следует, что в результате все прочитавшие такой текст испытают ненависть или вражду к русским: это возможно, но при определенных условиях. То же самое относится и к слову жид. Можно признать, что его употребление наносит кому-то оскорбление и за это употребивший должен нести ответ. Однако употребление вызывает ненависть далеко не всегда, причем чаще это будет ненависть к сказавшему, а не к тому, кто был так назван.

В то же время средством возбуждения ненависти могут оказаться утверждения о действиях социальных групп. Если эти утверждения лживы, то они подпадают под действия закона о клевете. Если же справедливы, то ответственность за разжигание ненависти, видимо, должны нести те, кто эти действия совершил.

5. Заключение

Рассмотренное нами возбуждение ненависти средствами коммуникации показывает, что включение в юридическую сферу понятий, связанных с эмоциональной сферой, коммуникацией, этнопсихологическими характеристиками и подобные требуют очень тщательной проработки. Комментарии к статьям 280 и 282, попавшим в Уголовный Кодекс на основании Закона об экстремизме, призывают не перейти грань, отделяющую «речемыслительное» преступление от проявления свободы слова. Для этого необходимы тщательные психологические, психолингвистические и лингвистические разработки академического уровня, на основании которых специалисты могут делать заключения, которые не будут приводить к юридическим казусам.

Библиографический список

1. Басовская, Е. Н. Творцы черно-белой реальности: о вербальной агрессии в средствах массовой информации Российской государственной гуманитарной университет / Е. Н. Басовская // Критика и семиотика. – 2004. – Вып. 7. – С. 257–263.
2. Борисова, Е. Г. Алгоритмы воздействия / Е. Г. Борисова. – М. : Международный институт рекламы : Москва, 2005. – 140 с.
3. Ефремова, Т. Ф. Современный толковый словарь русского языка : в 3 т. / Т. Ф. Ефремова. – М. : АСТ : Астрель : Харвест, 2006. – URL: <http://www.onlinedics.ru/slovar/efr/o/oskorblenie-sr.html>
4. Изард, К. Эмоции человека / К. Изард. – М. : Директ-Медиа, 2008. – 954 с.
5. Постановление Пленума ВС РФ № 11 от 28.06.2011 // Информационно-правовой портал «Lexcodex.ru». – URL: <http://lexcodex.ru/plenum-i-prezidium-vs-rf/postanovlenie-plenuma-vs-rf-n-11-ot-28-06-2011-g/>
6. Практика применения закона о противодействии экстремистской деятельности : сб. материалов науч.-практ. конф. (28 января 2016 г., г. Москва) / под общ. ред. Б. Н. Овечко. – М. : Бюро судебных экспертиз им. Сикорского, 2015.
7. Радченко, О. А. Исследование агрессивного дискурса: проблемы и перспективы / О. А. Радченко // Вестник МГПУ. Сер. 1: Филология. Теория языка. Языковое образование. – 2009. – № 3. – С. 60–66.
8. Рекомендации об использовании специальных познаний по делам и материалам о возбуждении национальной, расовой или религиозной вражды, утвержденные заместителем Генерального прокурора РФ М. Б. Катышевым 29.06.1999 № 27-19-99.
9. Уголовный кодекс Российской Федерации № 63-ФЗ от 13.06.1996 // Информационное правовое обеспечение «Гарант». – URL: <http://base.garant.ru/10108000/>
10. Щербинина, Ю. В. Русский язык. Речевая агрессия и пути ее преодоления : учеб. пособие / Ю. В. Щербинина. – М. : Флинта, 2004. – 224 с.
11. Экман, П. Э. Психология эмоций. Я знаю, что ты чувствуешь : пер. с англ. – 2-е изд. / П. Э. Экман. – СПб. : Питер, 2010. – 334 с.

ИССЛЕДОВАНИЕ МЕТАФОРЫ В РАМКАХ СУДЕБНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ⁵

М. Б. Ворошилова, А. П. Чудинов

Екатеринбург, Россия

ANALYSIS OF METAPHOR IN FORENSIC INVESTIGATION

M. B. Voroshilova, A. P. Chudinov

Ekaterinburg, Russia

Аннотация. Рассмотрен вопрос о правомерности анализа значения метафоры при выполнении лингвистической экспертизы. В статье не только описан функционал метафоры, актуальный с точки зрения экспертной деятельности (создание негативного образа, оскорбление, утверждение о факте), но и представлены основные принципы анализа метафоры в рамках судебной экспертизы (контекстуальность, дискурсивность и взаимопроверяемость).

Ключевые слов: метафора, семантика метафоры, лингвистическая экспертиза, методы, проблемы, развитие направления.

Abstract. The article discusses the issue of the appropriateness of analysis of the meaning of a metaphor in forensic linguistic expertise. The article describes not only the functions of a metaphor from the point of view of examination activities (negative image, abuse, judgment), but also the main principles of metaphor analysis in forensic investigation (contextuality, discursivity and mutual verifiability).

Key words: metaphor, semantics of metaphor, linguistic analysis, methods, problems, development of the area.

В современном научном дискурсе активно развивается дискуссия о возможностях лингвистической экспертизы. Может ли эксперт-лингвист рассматривать креолизованный текст? В какой мере подлежат рассмотрению авторские юмористические жанры? Может ли лингвист адекватно и однозначно трактовать религиозные тексты? В праве ли он анализировать нацистскую символику?

Эти вопросы обусловлены двумя факторами: во-первых, сложной природой всех обозначенных явлений, что, в свою очередь, требует привлечения дополнительных научных методов, нередко из смежных научных отраслей (истории, психологии, культурологии и др.). Исследование подобных объектов невозможно качественно выполнить только при помощи классического лингвистического инструментария.

В зоне дискуссионной проблематики оказался и вопрос о правомерности анализа значения метафоры при выполнении лингвистической экспертизы.

Одним из крайних взглядов может стать полный отказ от анализа метафорических высказываний в спорных текстах. «Метафора – это выразительное средство, в первую очередь, выполняющее эстетическую функцию, а значит не несущее конкретного значения», – заявляют сторонники данного взгляда. Во многих экспертных заключениях фраза о метафоричности представляет собой своего рода индульгенцию для автора, то есть освобождение его от всякой ответственности. Однако существует и иная точка зрения.

Знаменитая статья Дж. Лакоффа «Метафоры и война» начинается фразой «Metaphors can kill» (метафоры могут убивать) [Lakoff 1991]. Разумеется, здесь следует вспомнить известный афоризм Самюэля Кольта «Убивает не оружие, а человек», по логике которого ответственность за преступление должен нести тот, кто использует пистолет, метафору или иное орудие преступления. Означает ли это, что автор текста должен нести ответственность за его содержание вне зависимости от того, использованы ли в нем метафоры? Мы считаем закономерным положительный ответ на этот вопрос.

В политической лингвистике принято считать, что метафора обладает значительным прагматическим эффектом, механизмы которого уже неоднократно рассматривались. Как показывает Э. В. Будаев, прагматика метафоры чаще всего рассматривается с использованием психолингвистических методик, контент-анализа и лингвокультурологических эвристик [Будаев 2006]. Однако встает вопрос о том, насколько легитимизированы эти методики для их использования в рамках лингвистической экспертизы. Обратимся к существующей практике лингвистической экспертизы.

В сборнике «Цена слова: Из практики лингвистических экспертиз текстов СМИ в судебных процессах по искам о защите чести, достоинства и деловой репутации» под редакцией М.В. Горбаневского (2001) выделяются семантические группы слов, которые при их метафорическом употреблении «приобретают пейоративную (осуждающую), инвектированную экспрессию и явно негативную оценку, общественно осознаваемую и реально воспринимаемую адресатом как оскорбительная или клеветническая характеристика.

⁵ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 16-18-02102).

Негативная оценка таких слов при их метафорическом употреблении значительно усиливается» [Цена слова 2001: 150]. В классической работе «Как наше слово отзовется» представлена классификация инвективной лексики и фразеологии (признанная не только в научном дискурсе, но и судебной практике), где в группе первого типа (относящиеся к сфере литературного языка) представлена зоосемантическая метафора [Базылев, Бельчиков и др.: 1998].

Метафорические инвективы обладают высоким прагматическим потенциалом, а потому зачастую используются не столько с целью опорочить, оскорбить, но создать образ, в первую очередь, негативный. Так, в экстремистском дискурсе для создания агрессивного образа врага, чаще определенного по национальному, религиозному признаку, авторы активно используют метафорические образы, и арсенал образных инвектив не ограничивается только зоосемантическими метафорами. Так, например, в число востребованных в современном экстремистском дискурсе входят морбильные метафоры, представленные, например, образами заразных заболеваний (чума), неизлечимых болезней (раковая опухоль), акцентирующие как семантику широкого распространения, всеобщей опасности, так и некоторой брезгливости. В данной группе особенно выделяется образ чумы, наделенный семантикой агрессии и опасности: «*Теперь мы видим, здесь ходит чума, чума, угрожающая существованию арийских народов*». Не менее существенна и роль религиозной метафоры, во все времена имеющей сильный прагматический потенциал. Например: «*Еврей-демон, стоящий за моральным разложением человечества*». Демонический образ нередко становится способом номинации врага, причем врага опасного [см. подр.: Ворошилова 2012].

Подобные метафорические образы неоднократно описывались в научных работах (Волкова А. Г., Сокур Е. А., Шеватлохова Е. Д. и др.) как дискурсивные метафоры, которые «не только структурируют текст, но и участвуют в построении метатекста» [Волкова 2013: 59]. Отметим, что данные метафоры зачастую являются стертыми, хорошо известными носителю языка и имеющими четко оформленное значение, нередко зафиксированное в словарях. Именно такие метафоры оказывают максимальное пропагандистское влияние, ведь их цель не просто привлечь внимание, а создать очень конкретный образ, нередко и спровоцировать ту или иную модель поведения.

А имеет ли право эксперт анализировать визуальную, или, в нашей терминологии, креолизованную метафору? Да, так как визуальный компонент (реже аудиальный) также будет представлен образом, хорошо известным в данной культуре, нередко имеющим вербализованный вариант, но его воздействующий потенциал будет значительно шире. Так, например, в современном российском экстремистском дискурсе активно используется визуальный образ, построенный на сочетании изображения крысы и еврея, нередко данный образ получает существенную поддержку и на текстовом уровне: «*Где бы не появились крысы, они несут с собой разрушение, поскольку уничтожают запасы продовольствия и многие товары. Они распространяют чуму и другие болезни: холеру, дизентерию, проказу, цепной тиф. Они коварны, трусливы и жестоки, как правило, действуют стаями, они являются собой образчик пронырливости и уничтожения в животном мире как евреи в мире людей*».

Именно креолизованная метафора выполняет важнейшую в пропагандистском дискурсе функцию манипулятивного орудия: стертый метафорический образ приобретает новое эмоциональное наполнение за счет яркого визуального компонента и получает новый сильнейший прагматический потенциал. Так в молодежном экстремистском дискурсе частотны примеры шоковой креолизованной метафоры: например, на фоне погибших детей Беслана – надпись «Вот будущее послушных детей». Подобные образы запускают иные механизмы восприятия информации и реакции на информацию, и мы должны их анализировать.

Эксперт, который руководствуется принципом всесторонности и полноты исследования (определенном в ФЗ № 73), обязан проанализировать данные примеры и дать их точную оценку. Но наличие нескольких значений в любом метафорическом образе зачастую становится еще одним камнем преткновения в судебной практике. «Метафорические номинации могут влечь негативную оценку, но и в этом случае часто (впрочем, не всегда) точная вербализация негативной составляющей затруднена, – отмечают исследователи [Баранов 2010].

Методика прочтения метафоры, в том числе креолизованной, неоднократно описывалась в трудах исследователей [подр. см.: Ворошилова 2013]. Действительно, в ходе экспертного исследования необходимо получить достоверный и проверяемый результат, а достичь этого можно в том случае, если будут соблюдены следующие принципы:

1. Полный анализ контекста метафорического образа: метафора живет и развивается в тексте.
2. Учет дискурсивных условий: в иной терминологии – речевой ситуации, культурного фона определенного сообщества, автора и адресата и т.д.
3. Взаимопроверяемость можно обеспечить сочетанием нескольких методов анализа: прекрасным инструментом самопроверки может выступить психолингвистический эксперимент.

Действительно, метафору можно анализировать, и она, бесспорно, несет значительный прагматический потенциал, но можно ли оценить метафору «юридическими» мерками?

В рамках дел о возбуждении национальной, расовой или религиозной вражды метафора может и должна быть рассмотрена. Во-первых, как один из приемов выразить отрицательную эмоциональную оценку (что уже показано нами на примерах) определенной этнической (национальной), расовой (антропологической), конфессиональной (религиозной) группы или отдельных лиц как членов этой группы, что является лингвистическим признаком возбуждающей информации (ст. 282 УК).

Метафора может выступить и как инструмент оскорбления, в том числе национальных и религиозных чувств, и в данном случае важно не столько верно трактовать данный метафорический образ, найти один-единственный способ его толкования, сколько определить цель его использования (выразить издевку, отвращение и презрение) и форму (циничность).

Так, например, известный блогер Р. Соколовский, опровергая тезис о существовании Бога, в своих видеороликах использует ряд аргументов, вводя это высказывание в контексты смерти (сцена казни), зарабатывания денег. В частности, Р. Соколовский комментирует: «*А здесь, знаете, могилы разных людей по типу Элвиса Пресли, Будды, Дарвина, то есть великих учёных в том числе. И как будто бы могила открылась, и зомби Иисус вылез и начал убивать всех этих людей. Странная картинка, очень странная...*». Религиозный образ, тема воскресения Иисуса переосмысливается им в комическом ключе, в стилистике стёба, играя на сочетании несочетаемого.

Не менее эффективно исследователь может работать с метафорическими высказываниями и в рамках дел о защите чести и достоинства.

Во-первых, метафора может выражать негативную оценку как человека, так и его действия. Например, «Еще недавно он попытался сломать три самых крупных города»: в статье автор последовательно создает метафорический образ уничтожения, разрушения городов, который, бесспорно, воспринимается негативно, тем более что, развиваясь в тексте, данная метафора приобретает ярко выраженный агрессивно-прагматический потенциал: «его атака захлебнулась». Таким образом, целенаправленно создается образ «очень плохого руководителя», действия и финансовая политика которого несут области и ее жителям позор, зло, и даже опасность.

Во-вторых, метафора может определить лингвистические признаки порочащей информации, а именно ее тематические признаки: «порочащими, в частности, являются сведения, содержащие утверждения о нарушении гражданином или юридическим лицом действующего законодательства, совершении нечестного поступка, неправильном, неэтичном поведении в личной, общественной или политической жизни, недобросовестности при осуществлении производственно-хозяйственной и предпринимательской деятельности, нарушении деловой этики или обычаев делового оборота, которые умаляют честь и достоинство гражданина или деловую репутацию гражданина либо юридического лица» [О судебной практике, 2005]. Например, метафора «грязные лапы» в отношении чиновника, без сомнения, отсылает читателя к образу нечестной, коррумпированной, купленной власти, сам же чиновник представлен как человек, нарушающий закон и принципы деловой этики.

В-третьих, в определенных контекстах метафорическое высказывание может быть частью утверждения о факте. Например, высказывание содержания негативной информации о враче «*Так вот у Левита на этом кладбище могил – за горизонт*» по формальным признакам также является утверждением о факте, так как, во-первых, в нем отображается логическая связь, логическое заключение (*так вот...*), во-вторых, высказывание имеет грамматическую форму повествовательного невосклицательного предложения, в-третьих, в данном фрагменте не содержатся слова и конструкции, указывающие на источник мнения или подчеркивающие уверенность / неуверенность говорящего.

Указанное утверждение следует непосредственно за обобщающим суждением «*Есть известное выражение, что у каждого хирурга есть свое персональное кладбище*» и представляет собой применение этого обобщающего (относящегося ко всем хирургам) выражения по отношению к врачу А. Л. Левиту. Образное выражение (метафора) «*у каждого хирурга есть свое персональное кладбище*» в данном контексте имеет смысл «*у каждого хирурга были пациенты, которым хирург не смог помочь остаться в живых*». Конечно, в практике врача А. Л. Левита тоже были случаи, когда он не смог спасти пациента.

Однако далее автор сообщает о том, что «*Так вот у Левита на этом кладбище могил – за горизонт*». Данное предложение включает эллиптическую метафорическую конструкцию «могил – за горизонт», которая может быть восставлена до полной формы следующим образом: *У Левита на этом кладбище «могилы уходят за горизонт»*. В данном контексте это метафорическое выражение имеет смысл «в очень большом количестве», то есть автор сообщает в образной (метафорической) форме о том, что в деятельности А. Л. Левита было очень много случаев, когда его пациенты умерли, что смертность среди его пациентов значительно превышает смертность среди пациентов других врачей.

В соответствии с существующей практикой метафоричность высказывания не освобождает автора от ответственности за его содержание, а сама по себе образная форма не может служить признаком того, что соответствующая информация представлена в форме мнения, а не в виде утверждения о факте.

Библиографический список

1. Базылева, В. Н. Как наше слово отзовется? / В. Н. Базылева, Ю. А. Бельчикова, А. А. Леонтьева, Ю. А. Сорокина // Советская юстиция. – 1998. – № 4–7.
2. Баранов, А. Н. Скрытое (имплицитное) утверждение в лингвистической экспертизе текста / А. Н. Баранов. – URL: http://konference.siberia-expert.com/publ/baranov_a_n/1-1-0-55
3. Будаев, Э. В. «Могут ли метафоры убивать»: прагматический аспект политической метафоры / Э. В. Будаев // Политическая лингвистика. – 2006. – Вып. 20. – С. 67–75.
4. Волкова, А. Г. Дискурсивные метафоры религиозных текстов и их анализ в судебной лингвистической экспертизе / А. Г. Волкова // Теория и практика судебной экспертизы. – 2013. – № 3 (31). – С. 56–59.

5. Ворошилова, М. Б. Политический креолизованный текст: ключи к прочтению : монография / М. Б. Ворошилова. – Екатеринбург : Урал. гос. пед. ун-т, 2013. – 194 с.
6. Ворошилова, М. Б. Черная чума: номинация врага в экстремистском тексте / М. Б. Ворошилова // Юрислингвистика. – 2012. – № 1 (12). – С. 67–71.
7. Лакофф, Дж. Метафоры, которыми мы живем / Дж. Лакофф, М. Джонсон // Теория метафоры. – М., 1990. – С. 387–415.
8. О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации : федер. закон № 73-ФЗ от 31.05.2001.
9. О судебной практике по делам о защите чести, достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц : постановление Пленума Верховного суда Российской Федерации № 3 от 24.02.2005.
10. Сокур, Е. А. Особенности реализации стратегии создания образа врага в текстах, подлежащих рассмотрению при проведении лингвистической экспертизы по делам об экстремизме / Е. А. Сокур, Е. Д. Шеватлохова // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. 2: Филология и искусствоведение. – 2016. – № 2 (177). – С. 117–120.
11. Цена слова: Из практики лингвистических экспертиз текстов СМИ в судебных процессах по искам о защите чести, достоинства и деловой репутации / под ред. проф. М. В. Горбаневского. – 3-е изд. испр. и доп. – М. : Галнрея, 2002. – 424 с.
12. Lakoff, G. Metaphor and War. The Metaphor System Used to Justify War in the Gulf / G. Lakoff. – 1991. – URL: metaphor.uoregon.edu/lakoff-1.htm

КВАЛИФИКАЦИОННЫЕ И ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ ТРЕБОВАНИЯ К ЭКСПЕРТУ ПО СУДЕБНОЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЕ: ЛИНГВИСТ-ЭКСПЕРТ ИЛИ ЭКСПЕРТ-ЛИНГВИСТ?

Е. И. Галяшина

Москва, Россия

QUALIFICATION AND PROFESSIONAL REQUIREMENTS FOR AN EXPERT IN FORENSIC LINGUISTIC EXPERTISE: LINGUIST-EXPERT OR EXPERT-LINGUIST?

E. I. Galyashina

Moscow, Russia

Аннотация. Заключение эксперта-лингвиста оценивается сегодня довольно придирчиво как с точки зрения его содержания, так и с точки зрения компетенции эксперта, соответствия направления, уровня и профиля его образования предъявляемым к судебному эксперту квалификационным и профессиональным требованиям. Целью настоящей работы было разграничение деятельности лингвиста, проводящего анализ текстовых объектов в различных научно-практических целях, и судебного эксперта, осуществляющего лингвистические исследования в судопроизводстве в целях установления фактов, имеющих значение доказательств.

Ключевые слова: лингвистическая экспертиза, судебно-экспертная деятельность, объекты и методы, компетенции и квалификация.

Abstract. The expert linguist report is evaluated today quite meticulously both in terms of its content and in terms of the expert competence in the direction, level and profile of his education and training according to the forensic expert qualification and professional requirements. The purpose of this work was to distinguish between the activities of a linguist who analyzes text objects for various scientific and practical purposes, and a forensic expert who carries out linguistic research in court proceedings in order to establish the facts that matter evidence.

Key words: linguistic expertise, forensic-expert activity, objects and methods, competence and qualifications.

Профессия судебного эксперта-лингвиста (forensic linguist-expert) в последние годы стала особо актуальной не только в России, но и за рубежом в связи с усилением противодействия терроризму и международной организованной преступности, использующей современные электронные телекоммуникационные средства, включая интернет-коммуникацию, для планирования, организации, осуществления и сокрытия своей преступной деятельности. Потребность правоприменителя в использовании специальных знаний в лингвистике обусловлена многочисленными информационными и документационными спорами, конфликтами, в которые вовлечены тексты, документы и иные продукты речевой деятельности, возникающие в процессе коммуникации людей во всех сферах общественных отношений.

Филологи, лингвисты и лица с иным гуманитарным, и негуманитарным образованием, как имеющие, так и не имеющие специальной языковой подготовки, сегодня с легкостью и энтузиазмом берутся за производство судебной лингвистической экспертизы, не задумываясь о специфике лингвистического анализа, проводимого в рамках судебно-экспертной деятельности, существенно и принципиально отличающейся по многим критериям от познавательных или иных научно-исследовательских целей.

Профессия филолога предопределяет его научную и практическую деятельность по перманентному изучению языка (истории, развития, происхождения и функционирования). Профессия судебного эксперта в сфере судебной лингвистической экспертизы нацелена на практическую деятельность по исследованию с использованием комплекса специальных знаний, приобретенных в результате специального обучения (подготовки) и опыта, конкретного следа речевой деятельности на определенном языке, зафиксированного на материальном носителе с учетом конкретно-определенных условий и обстоятельств продуцирования речевого акта и его отражения в следовой картине, составляющей систему признаков, по которым устанавливаются юридически значимые факты и обстоятельства.

Деятельность филолога-исследователя, аналитика и практика и деятельность судебного эксперта-лингвиста, осуществляющего судебно-экспертное лингвистическое исследование, различаются по предмету, объекту и задачам исследования.

Предметом судебных лингвистических экспертиз являются факты и обстоятельства, устанавливаемые на основе исследования закономерностей существования и функционирования в устной и письменной речи естественного языка.

Объектом судебной лингвистической экспертизы и источником доказательственной информации является «речевой след» – продукт речевой деятельности, выраженный в форме устного высказывания, письменного или креолизованного (т.е. состоящего из вербальной и невербальной составляющей) текста, зафиксированного на любом материальном носителе. В креолизованных текстах вербальный и визуальный компоненты состоят в неразрывной связи. При удалении одного из компонентов, оставшийся компонент либо перестает передавать информацию, либо делает это неполноценно, либо интерпретируется иначе.

Если продукт речевой деятельности представлен в виде «виртуального следа», например, зафиксирован только в памяти человека, слышавшего устное высказывание или видевого написанный текст, но в своем материальном воплощении не представлен, то такой производный текст, полученный в результате опосредования его восприятием другого лица, объектом судебной лингвистической экспертизы не является. Однако в отношении языковых средств, которые становятся объектом спора или конфликта могут быть даны разъяснения филологами или лингвистами. Например, по уголовному делу по обвинению по ст. 282 УК РФ учителя одной из еврейских школ в городе Екатеринбурге, преподававшего предмет «Еврейские традиции». На лингвистическую экспертизу было представлено объяснение на имя начальника управления ФСБ России от имени матери одного из учеников. По словам матери, ее сын ей сообщил, что учитель на уроке, объясняя одной из учениц ее родословную, сообщил негативные сведения о законах прошлого. На другом уроке учитель говорил, что евреи – представители самой древней религии и посещением храма другого вероисповедания оказывают ему честь и поднимают его на более высокий уровень. Записи прямой речи учителя в качестве объекта лингвистической экспертизы не было представлено. В этой связи необходимо констатировать, что для проведения судебной лингвистической экспертизы (в порядке статьи 57 УПК РФ) объект как речевой след речевой деятельности обвиняемого лица отсутствовал. Тем не менее, следователь мог обратиться к специалисту-филологу, обладающему специальными знаниями в исследуемой области за разъяснением (в порядке статьи 58 УПК РФ) тех или иных слов или выражений, которые были восприняты учениками как проявление языка вражды.

Речевой след как результат (продукт) речевой деятельности, не обладающий свойствами текста, также не может выступать в качестве объекта судебной лингвистической экспертизы. Свойство текста быть носителем смысла обеспечивается за счет уникальных, присущих только тексту категорий: целостности, связности, завершенности и др. Продукты речевой деятельности не в виде текста (квазитексты, искусственно объединенные в один «текст» продукты речевой деятельности, фрагменты текста, отдельные слова и выражения, вне контекста их употребления) являются не пригодными для лингвистической экспертизы, т.к. не передают актуального смысла текста. Кроме того, многие аспекты лингвистического анализа становятся актуализированными только при исследовании текста: так, утверждение, оценка, побуждение реализуются исключительно в тексте. В этой связи в судебной лингвистической экспертизе выделяют конкретный объект – продукт речевой деятельности, обладающий свойствами текста, зафиксированный на материальном носителе, в отношении которого возникает необходимость судебно-экспертного лингвистического исследования в целях решения конкретных вопросов для установления фактов, имеющих значение доказательств.

Текст как объект судебной лингвистической экспертизы требует и особого, специфического обращения, обусловленного принципами судебно-экспертной деятельности. Так, нередко эксперты, не знакомые с этими принципами, допускают грубую деятельностную и процессуальную ошибку, влекущую некорректность выводов, обусловленную тем, что искусственно объединяют разные тексты (устные разговоры или письменные тексты), порожденные в разное время, в разных коммуникативных ситуациях, при разных обстоятельствах, в один, так называемый «сложный отдельный текст», в новом контексте которого в дальнейшем трактуется содержание каждого из текстов, в него включенных. Сложный отдельный текст как продукт операциональной деятельности экспертов не является следом речевой деятельности лица или лиц его порождающих, а потому не может выступать в качестве объекта судебной лингвистической экспертизы, не является источником доказательственной информации в судебно-экспертной деятельности.

Кроме того, пункт 2) части 4 статьи 57 УПК РФ запрещает эксперту самостоятельно собирать материалы для экспертного исследования, пункт 3) части 4 статьи 57 УПК РФ, запрещает эксперту проводить без разрешения следователя исследования, влекущие изменение основных свойств представленных объектов. Очевидно, что семантические свойства исходных текстов, помещенные в новый контекст искусственного созданного объединенного текста, меняются, прирастают новыми смыслами.

В качестве иллюстрации можно привести конкретный пример лингвистического исследования, в котором эксперты искусственно сформировали объединенный текст из разных разговоров, в контексте искусственного текста реплики исходного разговора приросли новыми смыслами. Так, например, фраза У, адресованная Х: «(Там), ну сумму как-то, нельзя располовинить, как бы чтобы там, десять сейчас? ... – Ну (тогда), десять так, и, десять потом (тогда). Суммарно получается двадцать» была истолкована как «передача денежных средств» осуществляется в два этапа: 1) денежные средства в размере десяти тысяч долларов Х получает до составления им постановления – они остаются у Х; 2) оставшаяся часть денежных средств в размере десяти тысяч долларов, полученная У от Х при составлении расписки будет передана от

У к Х после составления и утверждения постановления об отказе в возбуждении уголовного дела прокуратурой.

Однако, если высказывания У рассматривать в контексте коммуникативной ситуации данного разговора, из которого явствует что денежные средства в размере 20 тысяч долларов находятся у Х и должны быть возвращены от Х к У, о чем У должен написать расписку, что ему денежные средства возвращены в полном объеме, однако Х эти деньги не хочет или не может вернуть У (причины не озвучиваются, но возможно, он их потерял, растратил), то его можно трактовать как предложение, исходящее от У к Х, вернуть ему (У) из двадцати тысяч (находящихся у Х) *сейчас* хотя бы половину – десять тысяч («десять сейчас», «десять так»), а оставшиеся десять тысяч потом (тогда). Суммарно получится двадцать. При этом У собирается посоветоваться с третьими лицами, как это лучше оформить в расписке. Слово «гарантия» в данном контексте может быть истолковано как гарантия возврата от Х к У полной суммы, учитывая, что «сумма-то большая».

Очевидно, что семантика лексемы «передача» предполагает, что передаваемое находится у того, кто передает, а не наоборот, т.к. нельзя передавать то, что физически у человека не находится. Передача денежных средств от У к Х на первом этапе не могла осуществляться, т.к. денежные средства у У не находились, они ему должны были быть возвращены Х, соответственно У и не мог передавать на первом этапе Х половину того, что ему еще не возвращено.

Методология судебно-экспертного лингвистического исследования предполагает наличие независимых от личности эксперта и его вкусовых предпочтений, технологий, методов объективного исследования языковых сущностей, актуализированных в продуктах речевой деятельности, выступающих в качестве непосредственных объектов судебной экспертизы.

Заключение судебной лингвистической экспертизы должно отвечать принципу научной объективности и проверяемости полученных результатов, т.к. применение методов лингвистического анализа не может и не должно носить декларативный характер. Процедура применения каждого лингвистического метода должна быть подробно описана, а результаты, полученные вследствие применения каждого метода представлены в экспертном заключении. В противном случае выводы не будут отвечать еще одному важному принципу судебно-экспертной деятельности – принципу проверяемости подтверждающему научную состоятельность лингвистической экспертизы.

Однако филологи, не обладающие надлежащими компетенциями (специальными знаниями в области судебной экспертологии, навыками судебно-экспертного исследования, умениями применять экспертно-криминалистические методы и средства исследования устных и письменных текстов), допускают смешение научного поиска, допустимого в лингвистике, и исследования на основе только устоявшихся, не вызывающих споров и дискуссий в науке методов, в практической судебной экспертной деятельности. Непонимание сущности и предмета судебной лингвистической экспертизы, осуществляемой в целях установления фактов, имеющих значение доказательств, порождает «фантомные» научные и методические изыскания филологов, влекущие методологические ошибки и недостоверность выводов судебно-лингвистических экспертиз [Галяшина 2016, 2017].

В этой связи для судебно-экспертной деятельности, основанной на принципах объективности, полноты и всесторонности исследования в пределах экспертной специальности, проверяемости обоснованности и достоверности сделанных выводов на основе общепринятых научных и практических данных, неприемлемым является метод интерпретаций, предлагаемых некоторыми филологами-аналитиками в силу его субъективности. Нельзя согласиться с мнением Т. В. Чернышовой, полагающей, что коль скоро лингвистика имеет огромный арсенал разнообразных методов, то «вариативность подобных исследований, выполненных различными специалистами, следует признать объективной данностью прежде всего потому, что в основе исследовательского анализа спорного текста всегда лежит интерпретативный подход, поскольку понимание текста невозможно без его интерпретации. Интерпретация в филологии затрагивает две стороны: понять самому и объяснить или обосновать это понимание другим [Демьянков 2001: 309]. Попытки ограничить интерпретативные процедуры жестко заданным алгоритмом, который составляет основу большинства сертифицированных методик, часто приводит к поверхностным выводам, нарушению логики исследования текста, выходу при ответе на поставленные вопросы за пределы компетенции лингвиста-эксперта в сферу политологии, этики, психологии, социологии и т.п.» [Чернышова 2016].

Понимание – оценка результата интерпретации или ее хода, воплощенная по-разному в зависимости от личностных характеристик интерпретатор. Интерпретация речи не менее креативна, чем продуцирование речи. Человек обладает свободой не только совершать наблюдаемые поступки, но и интерпретировать по своему чужие дела и речи [Демьянков 2001]. В филологии проблема смыслообразования связана с вариативностью понимания текста, которую также можно представить, как его интерпретацию. Понимание его выступает как некая универсальная оценочная категория, позволяющая соотносить и выявить взаимодействие таких модулей, как использование языкового знания; построение и верификация гипотетических интерпретаций; осознание нетождественности внутреннего и модельного миров; соотнесение модельного мира с запасом знаний об объективном мире, интерпретации с линией поведения интерпретатора.

Однако судебный эксперт, проводящий судебную лингвистическую экспертизу, в силу требования об объективности и воспроизводимости результатов экспертизы выступает не в роли интерпретатора, по своему понимающего содержание текста, но в функции исследователя, который может применять только

объективные научно-обоснованные методы и методики. Об объективности и научности применяемого метода свидетельствует наличие строго граничных условий его применения, исключающие неоднозначное толкование полученного результата.

Лингвистическая составляющая экспертного исследования при проведении судебной лингвистической экспертизы не может и не должна состоять в интерпретативных процедурах, предлагаемых экспертам-лингвистам Т. В. Чернышовой. В методиках судебной лингвистической экспертизы с достаточной убедительностью определено, что лингвистическим анализом устанавливается, что сказано в тексте, как (в какой форме) сказано и с какой целью. Для установления, что сказано лингвист использует семантические методы исследования, для установления формы выражения информации используются лексико-грамматические и стилистические методы, для установления цели – коммуникативно-прагматический анализ.

Налицо необходимость с одной стороны, в «лингвистической перезагрузке» лиц, не имеющих филологического образования, претендующих на роль судебного эксперта-лингвиста, а другой – «вооружения» филологов арсеналом юридических знаний и знаний общепринятых экспертных методик для проведения ими компетентных аналитических работ в области методологических аспектов судебной лингвистической экспертизы.

Однако проблемы соотношения квалификации филологов и субъектов, осуществляющих на профессиональной основе судебную лингвистическую экспертизу, сопряжение их компетенций в научном исследовании проблем использования закономерностей, установленных в филологической науке, и многообразия разработанных в лингвистике методов в судебно-экспертной деятельности остаются неразработанными по сей день.

Компетенции и компетентность судебного эксперта во многом определяет доказательственную значимость заключения эксперта, его истинность, полноту, обоснованность и достоверность выводов. Р. С. Белкин особо выделял профессиональную некомпетентность эксперта и профессиональную деформацию личности эксперта в числе основных субъективных причин экспертных ошибок, снижающих качество проведенного конкретного исследования и эффективность судебно-экспертной деятельности в целом [Белкин 2001].

Субъект, осуществляющий судебную лингвистическую экспертизу, должен обладать двойной компетенцией, помимо лингвистических знаний, иметь и глубокие юридические познания, владеть современными экспертными технологиями, методиками экспертного исследования.

Подготовка эксперта по судебной лингвистической экспертизе – это не механическое соединение двух образований – лингвистического и юридического, а комплексное интегративное экспертное образование, позволяющее сформировать необходимые компетенции, тогда как отдельно два образования плюс курсы повышения квалификации не позволяют сформировать необходимые профессиональные компетенции. Они в этом случае формируются только за счет нескольких лет экспертной практики, причем допускаются многочисленные ошибки.

В сфере судебно-экспертной деятельности документами, дающими право заниматься профессиональной деятельностью по проведению экспертиз и исследований на основе специальных знаний, являются документы о высшем образовании и дополнительном профессиональном образовании по конкретной экспертной специальности [Федеральный закон № 73-ФЗ от 31 мая 2001].

Квалификация подтверждается документом об образовании и (или) квалификации, выдаваемых лицам, успешно прошедшим государственную итоговую аттестацию. Эти документы дают их обладателям право заниматься определенной профессиональной деятельностью, в том числе занимать должности, для которых в установленном законодательством Российской Федерации порядке определены обязательные требования к уровню профессионального образования и (или) квалификации, если иное не установлено федеральными законами.

Для эксперта, осуществляющего производство судебной лингвистической экспертизы, – это документы, подтверждающие его высшее образование и компетенции в объеме экспертной специальности по судебной лингвистической экспертизе. Непосредственной целью профессиональной подготовки судебного эксперта является формирование его готовности к квалифицированному выполнению процессуальных и профессиональных обязанностей, под которым понимается система знаний, умений, навыков, личных качеств, обеспечивающих самостоятельное, всестороннее, полное выполнение поставленных перед экспертом задач по исследованию объектов судебной экспертизы.

Анализируя профессиональные и квалификационные требования, предъявляемые к судебному эксперту в системной взаимосвязи с законодательством, регулирующим правоотношения в сфере образования, важно подчеркнуть, что законодательно не закреплены требования о конкретном направлении или специальности высшего образования, которое должно быть у лица, занимающего определенную экспертную должность, поскольку специальные знания, востребованные в судопроизводстве, очень разнообразны. Профессиональные требования к эксперту, проводящему конкретный род или вид судебной экспертизы, определяются компетенциями по *экспертной специальности (специализации)*. Перечень специальностей и направлений высшего образования и перечни экспертных специальностей, по которым аттестуются государственные судебные эксперты различных ведомств, осуществляется добровольная сертификация компетентности негосударственных экспертов, между собой не коррелируют. Классификации судебных экспертиз по родам и видам осуществляются по триединому основанию (объектам, решаемым задачам и

специальным знаниям), тогда как специальности и направления высшего образования охватывают практически все области гуманитарного и естественно-научного знания [Приказ Министерства образования и науки РФ от 12 сентября 2013 г. № 1061].

Следовательно, помимо высшего образования, которое формально может быть любым, основное квалификационное требование к субъекту, претендующему на производство судебной лингвистической экспертизы – это уровень знаний, умений, навыков и компетенций, характеризующий подготовленность к выполнению определенного вида профессиональной деятельности в пределах конкретной экспертной специальности, который формируется в рамках дополнительного профессионального образования [Приказ ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России от 16.12.2014 № 239/1-1].

В сфере образования и трудовых отношений квалификация – это уровень подготовки и проявления профессиональных качеств, степень пригодности к определенным профессиональным требованиям. Квалификация – уровень знаний, умений, навыков и компетенции, характеризующий подготовленность к выполнению определенного вида профессиональной деятельности [Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ].

Программы профессиональной переподготовки разрабатываются на основании установленных квалификационных требований, профессиональных стандартов и требований соответствующих федеральных государственных образовательных стандартов среднего профессионального и (или) высшего образования к результатам освоения образовательных программ.

Дополнительное профессиональное образование по экспертным специальностям осуществляется посредством реализации дополнительных профессиональных программ (программ повышения квалификации и программ профессиональной переподготовки). Программа повышения квалификации направлена на совершенствование и (или) получение новой компетенции, необходимой для профессиональной деятельности, и (или) повышение профессионального уровня в рамках имеющейся квалификации. Программа профессиональной переподготовки направлена на получение компетенции, необходимой для выполнения нового вида профессиональной деятельности, приобретение новой квалификации. Освоение программ повышения квалификации подтверждается удостоверением о повышении квалификации, программ профессиональной переподготовки – дипломом о профессиональной переподготовке.

Стоит отметить, что лицам, имеющим высшее филологическое образование, необходимо освоение программ именно профессиональной переподготовки с присвоением новой квалификации – квалификации судебного эксперта, поскольку речь идет об экспертных специальностях по перечням судебных экспертиз в рамках судебно-экспертной деятельности, относящейся к сфере юриспруденции. В то же время программы повышения квалификации предназначены для лиц, имеющих право самостоятельного производства судебной лингвистической экспертизы (в рамках ведомственной аттестации государственных судебных экспертов или добровольной сертификации негосударственных судебных экспертов). Аналогично эксперты с высшим юридическим образованием по специальности «Судебная экспертиза», специализация «Речеведческие экспертизы» для овладения новыми знаниями, умениями и навыками по конкретному виду судебной лингвистической экспертизы (лингвистическая экспертиза рекламного текста, наименований, диффамационных материалов, экстремистских материалов и т.п.) в соответствии с современными достижениями науки и новыми методиками судебно-экспертных исследований также должны проходить обучение по программам повышения квалификации или переподготовки.

В завершении хочется отметить, что контрпродуктивно противопоставлять лингвиста-эксперта и эксперта-лингвиста. В любом случае для проведения компетентной и квалифицированной судебной лингвистической экспертизы, заключение по которой будет удовлетворять всем требованиям, предъявляемым к доказательствам в любом виде судопроизводства, необходимо привлечение сведущего лица, обладающего двойной, как лингвистической, так и юридической компетенцией в пределах судебно-экспертной специальности по лингвистической экспертизе, например: «Исследование продуктов речевой деятельности», определенной в системе добровольной сертификации негосударственных судебных экспертов и в системе аттестации экспертов государственных судебно-экспертных учреждений Минюста РФ.

Для получения необходимой двойной юрико-лингвистической компетенции можно использовать такую форму подготовки экспертов как дополнительное профессиональное образование, которое позволяет с максимальной эффективностью устранить существующие противоречия между лингвистами, нацеленными на профессиональную судебно-экспертную деятельность, и экспертами-юристами (речеведами), нацеленными на судебно-экспертное исследование продуктов речевой деятельности. Первые могут дополнить свои лингвистические знания необходимым багажом правовых знаний, экспертных навыков и умений, теорией и практикой судебной экспертологии и судебного речеведения, а вторые – углубить и расширить, лингвистический базис, без которого квалифицированное и компетентное исследование речевого следа как источника доказательственной информации невозможно. Единственное, что для этого необходимо – это разработать и принять унифицированные и стандартизированные – *типовые программы* переподготовки и повышения квалификации, которые могли бы стать единой основой подготовки судебных экспертов по экспертной специальности «Судебная лингвистическая экспертиза», независимо от их государственного или частного статуса, ведомственной принадлежности, базового образования и вкусовых предпочтений отдельных ученых, образовательных или экспертных организаций.

Библиографический список

1. Белкин, Р. С. Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня. Злободневные вопросы российской криминалистики / Р. С. Белкин. – М. : Норма, 2001. – С. 186–191.
2. Галяшина, Е. И. Доступ к профессии эксперта и паспорт экспертной специальности / Е. И. Галяшина // Эксперт-криминалист. – 2016. – № 2. – С. 30–33.
3. Галяшина, Е. И. Специальные методы судебной лингвистической экспертизы и экспертные фантомы (размышления после прочтения криминалистических работ Р. С. Белкина) / Е. И. Галяшина // Теория и практика судебной экспертизы. – 2017. – Т. 12, № 3. – С. 33–39.
4. Демьянков, В. З. Лингвистическая интерпретация текста: Универсальные и национальные (идиоэтнические) стратегии / В. З. Демьянков // Язык и культура: Факты и ценности: К 70-летию Юрия Сергеевича Степанова / отв. ред.: Е. С. Кубрякова, Т. Е. Янко. – М. : Языки славянской культуры, 2001. – С. 309–323.
5. О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации : федер. закон № 73-ФЗ от 31.05.2001 (с изм. и доп. от 08.03.2015). – URL: <http://base.garant.ru/>
6. Об образовании в Российской Федерации [Электронный ресурс] : федер. закон № 273-ФЗ от 29.12.2012 // СПС «КонсультантПлюс».
7. Об утверждении перечней специальностей и направлений подготовки высшего образования [Электронный ресурс] : Приказ Министерства образования и науки РФ от 12 сентября 2013 г. № 1061 // СПС «КонсультантПлюс».
8. Положение о дополнительном профессиональном образовании работников федеральных бюджетных судебно-экспертных учреждений Министерства юстиции Российской Федерации (утв. приказом ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России № 239/1-1 от 16.12.2014) [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс».
9. Чернышова, Т. В. Аналитико-экспертная деятельность филолога и проблема выбора метода в современной лингво-экспертной практике / Т. В. Чернышова // АСТА LINGUISTICA PETROPOLITANA : тр. Института лингвистических исследований РАН / отв. ред. Н. Н. Казанский. Т. XII. Ч. 3. I. Исследования по балканистике. II. Лингвистическая судебная экспертиза: типы, методы, решения. III. Varia / ред. М. Л. Кисилиер, И. Е. Кузнецова, А. Ю. Русаков. СПб. : Наука, 2016 С. 335–350. – URL: <http://rusexpert.ru/public/guild>

ФЕНОМЕН УГРОЗЫ В ЭКСПЕРТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЛИНГВИСТА

М. С. Грек

Нижний Новгород, Россия

PHENOMENON OF THREAT IN THE EXPERT PRACTICE OF A LINGUIST

M. S. Grek

Nizhniy Novgorod, Russia

Аннотация. Рассматривается речевой акт угрозы в спорных текстах при производстве судебно-лингвистической экспертизы. Особое внимание уделяется технологии выявления косвенных речевых актов угрозы. Речевой акт угрозы эксплицируется посредством формы других видов речевых актов, при этом сохраняет собственную коммуникативную интенцию.

Ключевые слова: речевой акт, деликт, угроза, лингвистическая экспертиза.

Abstract. In the article a speech act of threat is considered in disputed texts in the processing of forensic linguistic expertise. The authors give particular attention to technology of revelation of indirect speech acts of disaster. Speech act of threat is explicated by the means of the form of other kinds of speech acts keeping its own communicative intention.

Key words: speech act, delict, threat, forensic linguistic expertise.

Угроза как разновидность языкового насилия входит в состав преступлений по разным категориям уголовных дел, а также гражданских и административных правонарушений, общим для которых является тот факт, что в число основных доказательств по делам об угрозе входят, прежде всего, результаты лингвистической экспертизы. Угроза является некооперативным (конфликтным) речевым актом, выступая как проявление вербальной агрессии. Речевой акт угрозы редко присутствует единично, сам по себе, чаще это кульминационная часть агрессивных речевых стратегий манипулирования, давления на собеседника, оскорблений и т.д. Как и любой речевой акт, речевой акт угрозы может быть выражен эксплицитно, т. е. в прямой форме, и имплицитно, т. е. в косвенной форме [Серль 1986 : 195]. Языковые диагностические признаки прямого речевого акта угрозы хорошо описаны в научной литературе и не вызывают особых трудностей для их экспертной квалификации. Поэтому наибольший интерес представляет именно косвенная форма выражения.

Цель исследования – наметить основные пути выявления и экспертной квалификации косвенных речевых актов угрозы в лингвистической экспертизе по разным категориям дел.

В качестве главного метода исследования был использован лингвопрагматический, основанный на расширенной (постклассической) теории речевых актов в части анализа некооперативных речевых актов [Радбиль, Юматов 2015 : 62]. Под косвенными речевыми актами понимаются высказывания, в которых эксплицирована, т.е. словесно выражена, одна коммуникативная цель, а конвенционально подразумевается другая [Радбиль, Юматов 2013 : 287]. Имплицитная информация, несмотря на отсутствие прямой вербализации, может быть установлена с достаточной степенью полноты и недвусмысленности благодаря знанию основных методов теории речевых актов и современных принципов постклассического логического анализа естественного языка, а также путем нестрогих импликаций (умозаключений) [Радбиль, Юматов 2014 : 18].

Для косвенной угрозы характерна элиминация (ослабление) некоторых ее компонентов – например, скрытое, явно не выраженное обозначение Говорящего, ослабление выражения побуждения к разрушительному действию, неконкретное выражение характера ущерба/ вреда для Адресата, «размывание» конкретного Адресата и пр. [Радбиль, Юматов 2015 : 110]. Но при этом сохраняются различительные признаки коммуникативного намерения угрозы: идея причинения вреда Адресату, направленность акта в будущее время, идея неотвратимости и, следовательно, обязанности данного действия ущерба / вреда и пр. Обычно косвенная угроза выражается утвердительными высказываниями о негативных последствиях в будущем. Косвенная угроза имеет следующую структуру [Бринев 2009 : 145]:

- 1) говорю: я хочу, чтоб ты знал, если ты сделаешь X, то наступит нечто плохое;
- 2) думаю, что ты не хочешь, чтобы это наступило;
- 3) говорю это, потому что хочу, чтобы ты не сделал (сделал) X.

При эксплицитном выражении угрозы коммуникативное намерение Говорящего четко прослеживается, в то время как в имплицитном высказывании первичная иллокутивная сила нейтрализуется вторичной. Получается, что первичная иллокутивная сила не соответствует ситуации общения, и это заставляет Слушающего искать истинный смысл высказывания. Сейчас довольно часто встречаются случаи, когда Говорящий старается завуалировать угрозу и для этого использует определенные речевые тактики (приемы).

Это, прежде всего, случаи вуалирования, маскировки речевого акта угрозы под речевые акты другой коммуникативной направленности (обещание, предупреждение / предостережение, совет). В толковых словарях данные лексические единицы определяются друг через друга, поэтому возникает порочный круг. В связи с этим у эксперта возникает проблема определения коммуникативного намерения Говорящего, а также выделения в представленном на исследование тексте признаков именно речевого акта угрозы.

Для разрешения данной проблемы и разграничения перечисленных речевых актов нужно выделить различия между ними. В теории речевых актов угроза и обещание принадлежат к одному классу – комиссивам. И их главным отличием друг от друга является то, что обещание – это обязательство сделать что-то для вас (for you), а не в ущерб вам (to you), в то время как угроза – это обязательство сделать что-то в ущерб вам [Серль 1986 : 158].

Нами было проанализирован фрагмент дебатов на ТВ-программе в рамках предвыборной кампании. В речи Кандидата 1 прозвучало следующее: *«Мы закон изменим. На следующих выборах такого политического мусора не будет»*. В данном фрагменте Кандидат 1 обещает русскому народу изменить закон, если его выберут Президентом, и тем самым улучшить жизнь граждан. Далее он в косвенной форме в виде инференции говорит о том, что в будущем не допустит участия в следующих выборах кандидатов, присутствующих с ним на данных дебатах, называя их *«политическим мусором»*. Содержание угрозы носит неопределенный характер. В высказываниях не утверждается прямо, какие действия будут предприняты Говорящим. Иными словами, Кандидат 1 дает обещание гражданам и одновременно угрожает своим оппонентам. Таким образом, мы видим, что может происходить смешение речевого акта обещания и речевого акта угрозы.

Также на практике возникают вопросы по поводу дифференциации угрозы и предупреждения. А. А. Арский выделяет следующие различия указанных речевых актов [Арский 2017 : 179]:

1) при угрозе Адресант К угрожает Адресату М, что нечто (X) плохо для М, если М не выполнит требования Y, заявленные Адресантом К. При этом: а) существует положение дел, которые не устраивают Адресанта; б) Говорящий хочет оказать воздействие на волю и поступки Адресата, предписывая либо запрещая совершение определенного действия в своих собственных интересах и используя тактику запугивания посредством обещания причинить зло Адресату;

2) при предупреждении Адресант К предостерегает адресата М, что нечто (X) плохо для М, если М не выполнит указанного действия Y, не являющегося требованием. При этом:

а) существует положение дел, которое, с точки зрения Говорящего, невыгодно для адресата;

б) Говорящий хочет оказать воздействие на волю и поступки адресата, предписывая или запрещая совершение какого-то действия в интересах слушающего и используя для этого тактику запугивания посредством сообщения о грозящей опасности.

В качестве еще одного отличия можно выделить следующее: при угрозе Адресант желает немедленного, обязательного выполнения указанного действия (необязательность исключается); при предупреждении Адресат оценивает свое положение и самостоятельно принимает решение без какого-либо давления.

Одним из главных отличий является то, что речевой акт предупреждения имеет пользу для Адресата, т.е. у говорящего нет намерения применить насилие по отношению к Слушающему.

Нами был проанализирован фрагмент диалога двух кандидатов в Президенты (Кандидат 1 и Кандидат 2):

Кандидат 1: *Александр Александрович, я понимаю, что это последняя гастроль артиста, но Вы как-то спокойнее.*

Кандидат 2: *Я спокоен, и последняя гастроль у Вашего Комарова, у которого даже нет человека выдвинуть кандидата в Президенты.*

Отвечая на иронию оппонента, Кандидат 2 предупреждает Комарова через третье лицо (Кандидата 1) о том, что это последний раз, когда их партия участвует в выборах. Данная информация выражена в косвенной форме в виде инференции. Отсюда мы видим, что в предупреждении Кандидата 2 нет никакой пользы для его Адресата, следовательно, анализируемое высказывание является именно угрозой. Содержание угрозы в данном случае носит неопределенный характер. В высказывании прямо не указывается, какие действия будут предприняты Кандидатом 2.

Речевой жанр совета имеет несколько видов, объединенных общими признаками: советуя что-либо, Говорящий считает, что Адресат не может сделать выбор для принятия решения и поэтому сомневается, или не знает способов разрешения затруднения (признак 1). Либо Говорящий знает, как лучше поступить и готов принять на себя ответственность за последствия, если Слушающий примет совет (признак 2). Наступление события зависит не от Говорящего, а только от будущего поведения Слушающего, тогда как при угрозе негативные последствия являются результатом деятельности Говорящего. Во фрагменте *«Тебе лучше немедленно перечислить мне указанную сумму, иначе ты больше не увидишь свою дочь»* говорящий дает совет, а по сути, угрожает Адресату, т.к. у Адресата нет какого-либо выбора для спасения дочери.

Подводя итог, нужно отметить, что прагматическое значение высказывания складывается из двух компонентов: значение высказывания, состоящее из определенных языковых единиц, плюс контекст общения или ситуация. «Высказывание можно определить как множество корреляционных пар, одним из членов которых является структурно-языковой элемент, другим – коммуникативный (прагматический). В этом случае построение высказываний представляет собой правила перехода от одной координатной системы

(языковой структуры) к другой (коммуникативной)» [Почепцов 1987 : 29]. Отсюда мы видим, что прагматическое значение может быть выведено слушающим при правильном восстановлении прагматической структуры высказывания.

Прагматические компоненты коммуникативной структуры ситуации угрозы будут включать:

- 1) А – адресанта;
- 2) Б – адресата;
- 3) Их характеристики по шкале «выгода – ущерб» (А(0)/(+), Б(-));
- 4) Форма взаимодействия между А и Б (А→Б).

Именно с помощью компонентов 3) и 4) можно отличить угрозу от иных видов речевых актов по содержанию, даже при условии совпадения их по форме. Так, например, соотносённость со шкалой «выгода – ущерб» демонстрирует отличие комиссива от граничащего с ним директивного речевого акта совета.

При исследовании речевых произведений необходимо исходить из гипотетической возможности нейтрализации косвенного речевого акта в контексте и рассматривать весь материал, представленный на экспертизу, а не отдельные высказывания. Тогда эксперт сможет описать речевую стратегию, целеполагание коммуникантов, их речевое взаимодействие и установить степень вероятности наличия угрожающего содержания или способ нейтрализации речевого акта угрозы.

Каким бы ни был план выражения, поведение говорящего и при прямой, и при косвенной угрозе эксплицирует, что он знает и хочет, чтобы его высказывания интерпретировались слушающим как угроза. В случае если эксперт не может однозначно определить речевые стратегии и достоверно сформулировать интенции говорящих в представленном тексте, он должен указать об этом в своем заключении.

Разграничение речевого акта угрозы от иных, смежных ему, играет важную роль, т.к. в дальнейшем это повлияет на правильную квалификацию деяния следователем и судом. От своевременного и точного выявления признаков речевого акта угрозы зависит пресечение и предупреждение иных, более тяжких преступлений (убийства, изнасилования и т.д.).

Библиографический список

1. Арский, А. А. К вопросу о категориальных и прагматических факторах речевых актов угрозы и предостережения / А. А. Арский // Внутренний мир человека: эмоции, когниция, коммуникация : сб. ст. по материалам Междунар. конф. (Хакасский гос. ун-т им. Н. Ф. Катанова, 27–28 апреля 2017 г.). – Абакан, 2017. – С. 174–181.
2. Бринев, К. И. Теоретическая лингвистика и судебная лингвистическая экспертиза : монография / К. И. Бринев. – Барнаул : АлтГПА, 2009. – 252 с.
3. Почепцов, Г. Г. Коммуникативные аспекты семантики / Г. Г. Почепцов. – Киев : Вища шк., 1987. – 129 с.
4. Радбиль, Т. Б. Возможности и перспективы применения теории речевых актов в лингвистической экспертизе / Т. Б. Радбиль, В. А. Юматов // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. – 2013. – № 1 (1). – С. 286–290.
5. Радбиль, Т. Б. Выявление содержательных и речевых признаков недобросовестной информации в экспертной деятельности лингвиста / Т. Б. Радбиль // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. – 2014. – № 6. – С. 146–149.
6. Радбиль, Т. Б. Выявление языковых и содержательных признаков речевого акта угрозы в экспертной деятельности лингвиста / Т. Б. Радбиль, В. А. Юматов // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета, 2015. – № 9. – С. 108–111.
7. Радбиль, Т. Б. Способы выявления имплицитной информации в лингвистической экспертизе / Т. Б. Радбиль, В. А. Юматов // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. – 2014. – № 3 (2). – С. 18–21.
8. Радбиль, Т. Б. Язык и метод в современной судебной экспертизе : монография / Т. Б. Радбиль, В. А. Юматов ; под ред. д-ра юрид. наук, проф. каф. суд. экспертизы ННГУ им. Н. И. Лобачевского А. Ю. Арефьева. – М. : Юрлитинформ, 2015. – 216 с.
9. Серль, Дж. Р. Косвенные речевые акты / Дж. Р. Серль // Новое в зарубежной лингвистике : сб. науч. тр. Теория речевых актов / общ. ред. Б. Ю. Городецкого. – М. : Прогресс, 1986. – Вып. 17. – С. 195–222.
10. Серль, Дж. Р. Что такое речевой акт? / Дж. Р. Серль // Новое в зарубежной лингвистике : сб. науч. тр. Теория речевых актов / общ. ред. Б. Ю. Городецкого. – М. : Прогресс, 1986. – Вып. 17. – С. 151–169.

СТРАТЕГИИ АНТИ-ЭКСТРЕМИЗМА В МЕДИАСФЕРЕ: ПСИХОЛОГИЯ ПРОТЕСТА И КОНСОЛИДАЦИИ

А. Н. Гришанина

Санкт-Петербург, Россия

THE STRATEGY OF ANTI-EXTREMISM IN THE MEDIA: PSYCHOLOGY OF PROTEST AND CONSOLIDATION

A. N. Grishanina

Saint-Petersburg, Russia

Аннотация. Рассматриваются вопросы, связанные с экспертными исследованиями информационных материалов экстремистского характера, делается попытка анализа контента страниц социальных сетей и выявления причин появления речевых высказываний деструктивной направленности, а также намечаются пути профилактики экстремизма в медиасфере.

Ключевые слова: медиасфера, информационные материалы, экстремизм, психология протеста, психология консолидации, стратегии анти-экстремизма.

Abstract. The article deals with the issues related to expert research of extremist information materials, attempts to analyze the content of social networks and identify the causes of hate speech statements, as well as outlines ways to prevent extremism in the media.

Key words: massmedia, information, extremism, psychology, consolidation, protest, the strategy of anti-extremism.

Несколько лет назад в нашей были приняты законы и подзаконные акты, направленные на сохранение целостности личности, формирование уважение к человеку, его мировоззрению, вероисповеданию, принадлежности к какой-либо социальной группе по признакам пола, религии, нации. К ним мы относим Федеральный закон «О внесении изменений в статью 148 Уголовного Кодекса Российской Федерации и дополнительные нормативно-правовые акты РФ в целях противодействия оскорблению общерелигиозных взглядов и чувств верующих»; Федеральный закон «О противодействии экстремистской деятельности» (последние изменения были приняты в 2015 г.).

Такая политика государства неоднозначно оценивается некоторыми пользователями социальных сетей, которые считают, что это есть проявление жесткой цензуры и пытаются выразить протест. Сами по себе материалы написаны в грубой, вульгарной форме, содержат часто нецензурную лексику, оскорбительные и унижительные характеристики людей. Есть немало страниц, блогов, на которых обсуждается так называемая свобода от условностей. Подобные материалы, размещенные в медиасреде, становятся частью спланированной демонстрации своих воззрений, иногда человек неосознанно унижает либо оскорбляет другого. Возрастает количество запросов, требующих разобраться в наличии экстремистских публикаций в сети. Запросы инициируются правоохранительными органами, гражданами России, специалистами в области массовых коммуникаций. Исследователи-эксперты говорят о необходимости изучения тенденций размещения экстремистских материалов в медиапространстве, а также противодействию словесному экстремизму путем формирования определенных медиа-стратегий анти-экстремистского характера.

Из опыта работы в Центре экспертиз Санкт-Петербургского государственного университета полагаем, что за последние годы обращения в большинстве своем запрашивают комплексные исследования, требующие работы психолога, лингвиста, историка, религиоведа. Это говорит о том, что сами по себе текстовые экстремистские проявления тоже видоизменяются. Как в средствах массовой информации тексты тяготеют к конвергенции, креолизации, так и медиапространство в целом использует всю палитру средств выражения своего мнения. На сегодня стала актуальной и задача «определения уровня требований к компетенции экспертов и глубине их специальных познаний» [Кузнецов, Оленников 2014 : 10].

Для понимания необходимости формирования анти-экстремистских стратегий и использования их в медиапространстве необходимо проводить исследования аудитории, «тяготеющей» к таким проявлениям. Многие проблемы понимания в социуме, а равно с ними и читательского восприятия начинаются со стереотипизации «соседей по планете», навешивании ярлыков, упрощенного понимания общества. А ведь уникальная культура каждого этноса порождает специфическое мироощущение и манеру поведения представителей этой этнической группы. И, естественно, язык как часть культуры. Этническая психология указывает на особенности в сознании и поведении представителей различных этносов, рассматривает менталитет как групповом, так и в индивидуальном отражении.

Устойчивые представления об особенностях миропонимания каждой отдельной этнической группы, национальности могут подвергаться сомнению на основании некой информации об этой группе и присутствием ей менталитета. Так появляются этнические стереотипы, в которых содержится упрощенный, схематизированный образ этноса (на языке пользователей Сети – «хохол», «хачик», «чурка», «азер», «тупой ватник» и другие слова с оскорбительной коннотацией).

Сегодня ситуация такова, что всем известные слова, употребляемые населением России в разных интонациях становятся унижительными, оскорбительными в силу агрессивного настроя тех, кто размещает материалы в Сети (автор-пользователь-комментатор). В качестве примера. «Хохол» – так называют украинцев по признаку национальности и жителей страны Украины по социальному признаку, слово стало своего рода этническим стереотипом, пользователи Сети охотно употребляют его. Толковый словарь Кузнецова отмечает, что называние украинца хохлом первоначально было уничижительным [Кузнецов 2008: 756]. Данное слово относится к этнофолизмам (экзоэтноним с отрицательной коннотацией), это может быть уничижительное, оскорбительное, при этом – иногда шутовское прозвище украинцев. Этнофолизмы включают в себя негативно коннотированные именованные представителей различных этносов в жаргонах-социолектах и арго и проникают оттуда благодаря экспрессивности как средство стилизации в литературный язык. Впервые слово «хохол» зафиксировано в словаре «Трязычный лексикон» Поликарпова в 1704 году. Таким образом, слово хохол в современном русском языке вне контекста не имеет прямой оскорбительной коннотации. Слово-существительное «хохол» может иметь функцию прозвища, а также относиться к пейоративам (от французского слова *réjogatif* или от латинского *rējōgāre* – «делать хуже»), то есть, к словам, выражающим негативную оценку чего-либо или кого-либо, неодобрение, порицание, иронию или презрение. При помощи пейоративов выражаются негативные эмоции. Вроде бы ничего особенного. А не лучше ли его не употреблять в публичной речи? Простая стратегия понимания.

Необходимость подобной разъяснительно-просветительной работы продиктована большим количеством текстов, написанных либо размещенных пользователями, которые не задумываются о последствиях своего «творчества». На страницах социальных сетей нередко можно встретить и слово «ватник», которым обозначают русских людей. Существительное «ватник» трактуется в переносном значении в качестве сленговой лексики. Словари указывают, что слово относится к интернет-мемам, которыми называют патриотов России и русский народ их противники. Слово вошло в Интернет-общение и стало выполнять роль термина в 2011 г. для обозначения патриотов России как «патриотов-фанатиков». Данное слово может употребляться и без негативного оттенка, в значении «патриотически настроенный представитель русского народа», но, как правило, не употребляется без иронии либо сарказма. При этом каждый лингвист-исследователь отметит, что найти референтное значение подобных слов бывает трудно.

Стереотипизация как способ познания является одним из наиболее удобных для индивида, она требует меньше усилий, чем глубинное распознавание и осмысление окружающего мира [Бочкарева 2014: 7]. Вместе с тем приемы стереотипизации «диктуют» пользователям условия существования в медиасреде, на страницах социальных сетей, в сообществах и блогах. В 2016 году мы провели пилотный мониторинг социальных сетей в рамках экспертной деятельности Санкт-Петербургского государственного университета, были выявлены те страницы и ссылки, на которых чаще всего встречаются агрессивно-деструктивные тексты, речевые угрозы и информация экстремистской направленности; применен сравнительный анализ текстов, метод «наблюдение», данные исследований из открытых источников оперативных служб по выявлению экстремизма. Основным методом при исследовании последствий воздействия на личность стал интент-анализ, использовались элементы контент-анализа медиатекстов (текст, изображение, видео, креолизованные тексты). За 2016 год обработано 80 страниц социальных сетей (преимущественно социальная сеть «ВКонтакте»). На каждой странице в среднем размещается от двух до десяти текстов, комментарии. Поскольку страницы, которые могут быть признаны экстремистскими, удаляются либо закрываются после принятия решения правоохранительными органами, то систематизация данных становится проблематичной. Результаты представлены следующим образом [Гришанина 2017: 114].

Формы сетевого коммуникативного контакта при размещении пользователями информации агрессивно-деструктивного характера

Форма контакта	Интенциональная цель	Количество медиа-текстов (% от исследованных материалов)	Элементы словесного экстремизма (% от исследованных материалов)
Размещение	Ожидание реакции, желание выйти на контакт в Сети, провоцирование, троллинг	98	3-4
Репост	Согласие, протест, вызов, угроза	58	7
Вторичный и последующий репост	Проявление деструктивных качеств личности, демонстрация характера	60	7-9
Комментарий	Осознанная / неосознанная реакция, провоцирование, манипулирование, угроза	76	8-10
Повторный комментарий	Демонстрация позиции (жизненной/ситуативной), разъяснение информации, демонстрация характера	55	2-3

Исследования показали: 1) пользователь подчиняется всем правилам игры; 2) одновременно «бунтует» против них, оказывает сопротивление новой социализации, проходящей с помощью интернет-приемов. У человека появляется иллюзия выбора: поддержать языковое равновесие или сохранить свое «Я» вопреки принятым в данном сообществе правилам. Не все претензии норм и правил могут быть достаточно обоснованы; они не всегда осознаются тем, кто оказывается в интернет-контакте. Интернет в последние годы становится причиной многочисленных изменений, происходящих с человеком: зависимость, агрессивность, эмоциональное напряжение, фрустрация и пр. Перенасыщенность информацией «заставляет» пользователей (особенно подросткового и молодежного возраста) делать агрессивные заявления, создавать новые формы протеста. Те страницы, на которых имеются вербальные и невербальные высказывания (комментарии, лайки, репосты) консолидирующего характера, даже с наивным девизом «ребята, давайте жить дружно», способны вывести собеседников из протестного состояния, охладить желание оскорбить, навесить ярлыки.

Исследования 2017 года (около 100 страниц в совокупности) показали: большинство диалогов социальной сети «ВКонтакте», в которых можно встретить агрессивно-деструктивные высказывания, находятся в открытом доступе (например, намеренно – на стене), реплики являются источником возникновения диалогической речи. Основные приемы: репост (как акт копирования записи к себе на страницу), также сама скопированная запись (выполняющая функцию новости); комментарий как авторское пояснение к тексту, рассуждение и развитие темы, замечания к посту или репосту.

Формы контактов в Сети напрямую зависят от намерений автора информации. Анализ фраз авторов комбинированных текстов, репостов и комментариев выявил желание продемонстрировать мнение по поводу конкретного события, сделать собственные выводы и прогнозы, использовать некий текст как инструмент угрозы, выявлены и риски ее воплощения. Информация в большинстве случаев является оценочной: человек заявляет о себе, высказывает, что он думает по тому или иному поводу, фактов и доказательств мало. Среди авторов – пользователи с активной жизненной позицией, имеющие образование, знания по обсуждаемой теме, однако часто непонятые в своей среде или же ищущие новых контактов; во многом отвечающие характеристике современного сетевого читателя: анонимность, отсутствие внутренней цензуры, желание провоцировать (троллинг). Иногда процесс «взрослой» социализации проходит у пользователя за счет эпатажного поведения в Сети (ирония, сарказм, сексизм, пародия).

О формах высказываний. Чаще всего экстремистские проявления в форме вербальной агрессии проявляются в комментариях, как попытке «поговорить». Авторы реплик рассчитывают не только на тех, кто вступил в переписку-диалог, но и на потенциального читателя («меня еще оценят»). Тематика и тональность диалога произвольно меняется в ходе его развертывания, например: тема войны, назначения на должности, экономическое положение страны или региона, оценка действий политиков, личная оценка качеств говорящего, просто вербальная и невербальная (картинки-репосты) эмоциональная реакция. Намерения авторов проявляются в использовании ими механизма заражения через личный пример путём трансляции своей готовности совершить какие-либо поступки (например, так называемые группы смерти «ВКонтакте», феминистские сайты и др.); часто – в высказываниях (агрессивные слова, нецензурная брань, построение фраз с использованием повелительных конструкций и пр.), которые могут сформировать у пользователей ощущение идентификации с группой «избранных», противостоящей большинству обычных людей («рашка», «толпа», «быдло» и др.).

Авторы, не согласные с комментариями, пытаются наладить отношения, объяснить свою позицию. Такого рода личностная консолидация с целью управления коллективной речевой ситуацией встречается все чаще и чаще, хотя этих «посредников» и миротворцев администраторы некоторых страниц («админы») пытаются лишить голоса. Личностная и общественная консолидация многими авторами понимается как одно целое. Видимо, этот феномен еще предстоит изучить, о роли консолидирующих высказываний и действий в борьбе с терроризмом и экстремизмом все чаще говорят исследователи в области массовых коммуникаций. Так, на Парламентской конференции по борьбе с терроризмом (Санкт-Петербург, 2017) отмечалось, что терроризм и экстремизм – это страх, страх затмевает реальность, ведет к протесту. Стратегии объединения, разъяснения, позиционирования несостоятельности высказываний, образовательная политика могут сыграть важную роль в профилактике речевых проявлений экстремизма [Парламентская конференция 2017: 3].

Библиографический список

1. Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С. А. Кузнецов. – СПб. : Норинт, 2008. – 1456 с.
2. Бочкарева, А. В. Этнические стереотипы: основные методологические подходы к исследованию и особенности использования психосемантических методов : автореф. дис. ... канд. соц. наук / Бочкарева А. В. – М., 2014. – 31 с.
3. Гришанина, А. Н. Личность в координатах социальных сетей: конструктивизм и деструктивизм речевого поведения / А. Н. Гришанина // Гуманитарный вектор. – 2017. – № 12 (2). – С. 109–115.
4. Кузнецов, С. А. Экспертные исследования по делам о признании информационных материалов экстремистскими: теоретические основания и методическое руководство / С. А. Кузнецов, С. М. Оленников. – М. : Изд. Дом В. Ема, 2014. – 310 с.
5. Парламентская конференция по борьбе с международным терроризмом 28 марта 2017 г. : программные материалы конференции. – СПб., 2017. – 10 с.

РЕЧЕВОЙ ЭКСТРЕМИЗМ В БЫТОВОЙ МЕЖЛИЧНОСТНОЙ КОММУНИКАЦИИ

С. В. Доронина

Барнаул, Россия

SPEECH EXTREMISM IN EVERYDAY INTERPERSONAL COMMUNICATION

S. V. Doronina

Barnaul, Russia

Аннотация. Содержание и прагматические признаки «экстремистских» контекстов встречаются в разных комбинациях, многообразие которых ограничено особенностями коммуникативной ситуации. В работе осуществлено обобщение экспертной практики по исследованию высказываний экстремистской направленности, произнесенных преимущественно в ходе межличностных бытовых конфликтов. Многообразие высказываний может быть сведено к конечному перечню дискурсивных приемов, являющихся специальным предметом исследования.

Ключевые слова: судебная лингвистическая экспертиза, бытовой дискурс, экстремизм.

Abstract. The content and pragmatic signs of "extremist" contexts are found in different combinations. Their variety is limited by the peculiarities of the communicative situation. The work carried out a generalization of expert practice on the study of extremist statements, uttered primarily in the course of interpersonal domestic conflicts. The variety of utterances can be reduced to a finite list of discursive techniques, which are the special subject of research.

Key words: forensic linguistic examination, domestic discourse, extremism.

Проявления речевого экстремизма являются, пожалуй, наиболее частым объектом исследования в современной российской экспертной практике. На сегодняшний день в системе судебно-экспертных учреждений Минюста РФ внедрена методика психолого-лингвистического анализа по делам, связанным с противодействием экстремизму и терроризму, применение которой позволяет систематизировать речевой материал, содержащий признаки речевого экстремизма. Задачей экспертной методики является перевод признаков преступления, отраженных в законодательстве, на метаязык лингвистической семантики. Таким образом, эксперт оказывается снабжен системой лингвистических категорий и методов, которые необходимо использовать в исследовании высказываний, попавших в правовую сферу.

Согласно примечанию 2 к ст. 282.1 УК РФ к числу преступлений экстремистской природы относятся нарушения, совершенные по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды. Основные типы значений, которые запрещены к публичному выражению, приведены и в Федеральном Законе «О противодействии экстремистской деятельности». Контекстный анализ правовых формулировок позволяет выделить семантические и прагматические компоненты таких высказываний. В самом общем виде все высказывания экстремистской направленности можно разделить на два семантических класса: высказывания, в прямой или косвенной форме передающие негативную информацию о национальной/религиозной группе, и высказывания, выражающие положительное отношение к какому-либо националистическому течению. С точки зрения прагматики высказывания делятся на следующие виды:

- побуждения к действиям против группы,
- утверждения о действиях против группы, негативном отношении к ней, негативных качествах ее представителей,
- унижение представителей группы,
- угроза представителям группы.

Все перечисленные иллокутивные функции указываются в законодательстве в качестве разновидностей подлежащей запрету речевой деятельности экстремиста. При этом высказывания – констативы подразделяются на две подгруппы в зависимости от их риторической структуры:

- высказывания, содержащие оправдание негативных суждений, выражающие только семантику оценки национальных/религиозных групп или враждебных действий против них;
- высказывания, содержащие обоснование негативных суждений. В этом случае, помимо выраженной оценочности, в высказывании используются какие-либо аргументы.

Семантические и прагматические признаки экстремистского значения встречаются в высказываниях разных комбинациях, многообразие которых, однако, ограничено особенностями коммуникативной ситуа-

ции и может быть сведено к конечному перечню дискурсивных типов. Как правило, искомые семантические компоненты обнаруживаются в репликах, порожденных в ходе бытовых межличностных конфликтов, в публичных высказываниях (комментариях пользователей социальных сетей), текстах специальных пропагандистских жанров (видеороликах, демотиваторах), а также в художественных текстах (преимущественно текстах песен). Таким образом, классификация спорных текстов, предоставляемых на исследование эксперту, может быть произведена с точки зрения регистров общения и функциональной типологии дискурса.

Количество бытовых конфликтов на национальной и религиозной почве постоянно растет. Как правило, они порождают диалоги, в которых речевая агрессия проявляется эксплицитно, а объект негативной оценки является адресатом высказывания. При обозначении адресата инвектор не проявляет особой изобретательности, самым популярным этнофолизмом в Алтайском крае является слово «чурка» и его еще более экспрессивный синоним «чурбан», который практически не представлен в словарях в значении «прозвище кавказцев и выходцев из Средней Азии», что вызывает затруднения в установлении объекта оценки при производстве экспертизы.

Обычно конфликтные бытовые диалоги реализуются в речевых актах трех видов: инвектива (унижение), небенефактивное волеизъявление (злопожелание) и угроза. Речевой акт унижения устанавливается на основе актуализирующегося в коммуникативном акте соотношения участников. Речевой целью инвектора является принижение статуса собеседника, соответствующее утверждению «ты мне не равен, ты хуже меня». Речевая цель реализуется с помощью разнообразных средств, наиболее частотными из которых являются негативно-оценочные высказывания со значением общей оценки (*выродки, чмо*), утверждения об унижающих собеседника действиях, выражения, направленные на разрыв контакта (*Да пошел ты!*), выражения неудовлетворенности действиями объекта речи (*Понаехали!*).

Выражения «*Понаехали тут чурки!*», «*Понаехали узбеки в мою Россию*» и пр. выступают весьма частотным средством эмоциональной негативной оценки факта приезда в Россию представителей других национальных и этнических групп. Однако лексикографическое описание соответствующего глагола не содержит аксиологической оценки события.

Понаехать – (разг.). Наехать постепенно, мало-помалу. *Понаехали гости. К нам понаехало много народу.* От «наехать» – приехать в каком-нибудь количестве или внезапно [Ушаков 2000; Ожегов, Шведова 1999].

Негативная оценка выражается целой синтаксической конструкцией, в которой наблюдается взаимодействие лексических, синтаксических и интонационных средств. Исследуемое предложение относится к высказываниям типа «*Разорался (тут)!*», «*Натоптали!*», «*Сидит, (понимаешь)!*», «*Понаставят всякого барахла!*», которые представляют собой неполные предложения с опущенным субъектом и обязательно выраженным предикатом в форме изъявительного наклонения, третьего лица единственного или множественного числа. Лексическим наполнением предложения являются глаголы активного действия, преимущественно со значением отклонения от средней меры. Важным компонентом фразеологизма является ИК-2 модальной реализации. Ср.: «...более высокий по сравнению с нейтральной реализацией уровень тона, который начинается с ударного гласного первого слова и продолжается до гласного центра, передает недовольство» [Русская грамматика-80: 233].

Небенефактивные волеизъявления (злопожелания) в бытовых межнациональных конфликтах достаточно однообразны. Как правило, инвектор побуждает адресата удалиться с территории, которую говорящий считает своей: «*валите из России, без вас хорошо!*»; «*убирайтесь в свою страну!*». Другой частотный вид волеизъявления в адрес собеседника – пожелание ему смерти: «*сдохни, чурка!*».

Речевые акты угроз также не отличаются многообразием. Как правило, в экстремистском дискурсе представлена лишь одна из разновидностей данного речевого акта – угрозы-наказания [Баранов 2015]. На языке семантических примитивов [Вежицкая 2007] специфика данного вида речевых актов может быть представлена следующим образом:

Таблица 1

	Угрозы-предупреждения	Угрозы-наказания
Ты знаешь	что я могу тебе сделать нечто плохое	
Ты хочешь	чтобы я не делал тебе ничего плохого	
Я говорю	если ты сделаешь X, то я сделаю тебе нечто плохое	так как X имеет место, то я сделаю тебе нечто плохое, в частности, Y
Я хочу	чтобы ты не делал X	чтобы ты чувствовал себя плохо (испытывал страх, обиду, возмущение и пр.)

Причиной волеизъявления (X) является исключительно национальность собеседника и качества лица, обусловленные его этнической принадлежностью: «*я тебя сейчас убью, потому что чурка!*»; «*сейчас мы вас хачей будем резать*»; «*я убью тебя, (неценз. обращение) узкоглазый! Вас всех надо убивать!*». Будущие действия (Y), указываемые в волеизъявлении, – причинение смерти, иного физического вреда, побуждение покинуть территорию проживания.

Речевые цели угрозы могут быть выражены имплицитно, например, путем указания на будущие негативные последствия: «*хохлы и беженцы здесь жить не будут*». Спецификой данного высказывания, затрудняющей его квалификацию, является то, что оно не содержит указаний на конкретного исполнителя

действий, приводящих к негативным последствиям, и их насильственный характер. Согласно «Методике проведения судебной психолого-лингвистической экспертизы материалов по делам, связанным с противодействием экстремизму и терроризму», если в контексте, содержащем проявление речевой агрессии, «...предупреждение типа *«вам будет плохо»* не сопровождается конкретизирующим пояснением (например, *«вы заболеете»* и пр.), то оно используется в функции угрозы насильственных действий» [Методика... 2014: 79]. Обоснованием данного тезиса может выступать сопоставление речевого акта угрозы и смежных с ним речевых актов «обещание» и «предупреждение». При обещании будущее действие описывается конкретно и является обязательным к исполнению. Угроза преследует целью добиться определенного поведения от собеседника, либо вызвать чувство страха. Поэтому в угрозе небенефактивное действие может остаться не конкретизированным (*Вот уж я тебе!*) [Безяева 2002].

Сравнение речевого акта угрозы с предостережением позволяет выделить другой его значимый признак. Речевой акт предостережения сообщает о небенефактивном событии, которое случится без участия говорящего [Вежбицка 2007: 73]. Поэтому лицо, в адрес которого высказывается предостережение, само должно следить за возможностью наступления негативных последствий и стремиться избежать их. В речевом акте угрозы наступление негативных событий напрямую связано с говорящим [Булыгина 1982; Безяева 2002]. В исследуемом высказывании внешние причины наступления негативных событий не выражены и не вытекают логически из коммуникативного контекста. Следовательно, в соответствии с коммуникативными максимумами количества и качества [Грайс 1985], инициатором негативных событий будет являться сам говорящий.

Таким образом, по сравнению с описанными в литературе речевыми тактиками ссоры, бытовые этнические конфликты характеризуются крайней скудостью палитры речевых приемов. Инвекторы избирают прямые способы выражения агрессии, используют ограниченный набор лексических средств, избегают тактик, требующих творческого подхода к способам выражения значения. По нашим наблюдениям, в бытовых межэтнических конфликтах участвуют преимущественно лица мужского пола, что налагает отпечаток на характер речевого поведения коммуникантов.

Главную проблему анализа межличностного бытового дискурса представляет неразличение бытовой и этнической враждебности. К сожалению, нередки случаи, когда конфликт на бытовой почве неверно интерпретируется как национальный. Так, например, высказывание *«А ты чурка/ чего тебе надо?! А ну вали отсюда!// Мы таких как ты в Чечне резали!»* содержит негативно-оценочную лексему, обозначающую лицо по его национальной принадлежности, представляет собой речевой акт угрозы, выраженной имплицитно (в виде импликации) «аналогичные действия будут совершены также и по отношению к тебе». Анализ подобного высказывания в отрыве от коммуникативной ситуации может привести эксперта к выводу о наличии речевых целей унижения и угрозы в адрес лица как представителя национальной группы. Однако согласно протоколам допросов свидетелей и подозреваемого высказывание было произнесено в следующей коммуникативной ситуации: оно было произнесено в ходе драки, спровоцированной обстоятельствами, не связанными с национальной принадлежностью лица; адресат высказывания являлся случайным участником конфликта, ввязался в драку с целью оказания помощи товарищу. В данных условиях исследуемый речевой акт приобретает иное прагматическое значение. В высказывании следует усмотреть аффективную коммуникативную цель, заключающуюся в нанесении собеседнику своеобразного «эмоционального удара» [Седов 2007], стремлении напугать и прогнать. К сожалению, методика экспертного исследования, предлагаемая экспертам СЭУ Минюста РФ, возлагает решение этой важной задачи на психолога и требует производства комплексной экспертизы, что, как мы полагаем, искусственно ограничивает возможности методов лингвистического исследования.

В сфере массовой коммуникации наиболее частотными «экстремистскими» жанрами являются комментарии, демотивационные постеры и видеоролики, размещаемые в социальных сетях. Содержание в них передается в вербальной и невербальной форме, что обуславливает высокую степень имплицитности информации. В отличие от бытового дискурса, формы речевой агрессии в интернете отличаются значительным многообразием. Выбор средств выражения речевой агрессии определяется совпадением/несовпадением адресата и объекта речи. Если объект речи и адресат речевой агрессии совпадают, то в тексте представлены речевые акты инвективы, угрозы и злопожелания в адрес представителей враждебной группы. В тех случаях, когда объект агрессии и адресат не совпадают, в текстах наблюдаются приемы оправдания, пропаганды ненависти и вражды, а также побуждения к небенефактивным действиям в отношении враждебной национальной группы. Данная группа экстремистских дискурсивных типов требует отдельного исследования.

Библиографический список

1. Баранов, А. Н. Семантика угрозы в лингвистической экспертизе текста / А. Н. Баранов. – URL: <http://www.dialog-21.ru/digests/dialog2013/materials/pdf/BaranovAN.pdf>
2. Безяева, М. Г. Семантика коммуникативного уровня звучащей речи / М. Г. Безяева. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 2002. – 751 с.
3. Булыгина, Т. В. К построению типологии предикатов в русском языке / Т. В. Булыгина // Семантические типы предикатов. – М. : Наука, 1982. – С. 7–85.

4. Вежбицка, А. Речевые жанры [в свете теории элементарных смысловых единиц] / А. Вежбицка // Антология речевых жанров. Повседневная коммуникация. – М. : Лабиринт, 2007. – С. 68–81.
5. Грайс, Г. П. Логика и речевое общение / Г. П. Грайс // Новое в зарубежной лингвистике. – М. : Прогресс, 1985. – Вып. XVI. – С. 217–237.
6. Кукушкина, О. В. Методика проведения судебной психолого-лингвистической экспертизы материалов по делам, связанным с противодействием экстремизму и терроризму / О. В. Кукушкина, Ю. А. Сафонова, Т. Н. Секераж. – М. : ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России, 2014. – 98 с.
7. Седов, К. Ф. Ссора / К. Ф. Седов // Антология речевых жанров. Повседневная коммуникация. – М. : Лабиринт, 2007. – С. 259–269.
8. Шведова, Н. Ю. Русская грамматика-80 / Н. Ю. Шведова. – М. : Наука, 1981.

КОГНИТИВНО-ДИСКУРСИВНАЯ МОДЕЛЬ ВОВЛЕЧЕНИЯ В ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ РАДИКАЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ (НА МАТЕРИАЛЕ СУДЕБНЫХ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ЭКСПЕРТИЗ)⁶

П. А. Катышев

Москва, Россия

COGNITIVE-DISCURSIVE MODEL OF INVOLVEMENT IN THE ACTIVITIES OF RADICAL ORGANIZATIONS (BASED ON FORENSIC LINGUISTIC EXPERTISE)

P. A. Katyshev

Moscow, Russia

Аннотация. Определяются контуры когнитивно-дискурсивной модели вовлечения в деятельность радикальных организаций. При этом под вовлечением понимается процесс, в ходе которого сторона-инициатор формирует и приводит в действие готовность участников интеракции к совершению согласованных поступков, актуализуя у них состояние сопричастности, сопереживания, симпатии, необходимого соблюдения принимаемых социальных обязательств и интеракционных конвенций, разделения ответственности с группой и т.д.

Ключевые слова: вовлечение, радикальная организация, когнитивно-дискурсивная модель, социокоммуникативный контекст, вовлекающее воздействие, дискурсивный строй.

Abstract. The article outlines the contours of the cognitive-discursive model of involvement in the activities of radical organizations. At the same time, involvement is understood as a process in which the initiating party forms and activates the willingness of the interaction's participants to commit concerted actions, updating them on the state of ownership, empathy, sympathy, necessary observance of accepted social obligations and interactive conventions, sharing responsibility with the group and etc.

Key words: involvement, radical organization, cognitive-discursive model, socio-communicative context, involving, discursive order.

Традиция использования понятия вовлечения в других, прежде всего, общественных науках, таких как юриспруденция и социальная психология, указывает на то, что вовлечение может рассматриваться как постепенный, протяженный во времени и устойчивый процесс, настраивающий и поддерживающий состояния готовности индивидов действовать в соответствии с интересами включающей их группы и вопреки возможным издержкам.

Так, в юриспруденции понятийным ядром категории вовлечения выступает идея целенаправленной деятельности, ориентированной на формирование у объекта воздействия решимости или готовности участвовать в совершении общественно опасного деяния, т.е. таких поведенческих состояний, которые приводят индивида к исполнению конкретных действий, реализующих преступный умысел, и к осознанию им фактической стороны деяния [Селиванова 2010].

В социальной психологии вовлечение – одна из сторон психологического воздействия, связанная с условиями и способами попадания в группу и нахождения в ней [Асланян 2008; Зинченко, Солдатова, Шайгерова 2011; Савиченко 2006].

В практике выполнения судебных экспертиз по делам экстремистской направленности понятие вовлечения соотносится с социально-психологической ипостасью изучаемого феномена, содержащего в себе ссылку на идею злоупотребления интеракцией нелегальной группой [Катышев 2015; Катывшев, Кильдибекова 2015; Катывшев, Оленев 2016], и трактуется как «побуждение, приобщение людей (объектов вовлечения) к (со-)участию в какой-либо, в т. ч. противоправной, деятельности посредством трансляции, возбуждения либо формирования в их сознании специфической мотивационной установки в процессе речевого и иного воздействия субъекта (вовлекаателя), осуществляемого в конкретных социальных условиях, реальном либо виртуальном дискурсе» [Хазимуллина 2016 : 466–467].

---

⁶ Исследование выполнено в рамках гранта РФФИ по проекту № 18-012-00574 «Лингвокультурные доминанты легитимных/нелегитимных политических дискурсивных практик в пространстве русскоязычной коммуникации: типологическое исследование».

В ситуации многомерности изучаемого феномена особую актуальность приобретает критическая методология, которая предполагает выход в междисциплинарную сферу и настраивает на пересмотр самого понятия вовлечения. В качестве отправного выступает такое представление о рассматриваемом феномене, в соответствии с которым речь идет о несимметричном процессе, осуществляемом в дискурсивных формах членами ин-групп как по отношению к самим себе, так и по отношению к членам аут-групп (вовлечение первичных аудиторий). Сторона-инициатор в этом случае формирует и приводит в действие готовность участников коммуникации к совершению согласованных поступков, актуализуя у них состояние сопричастности, сопереживания, симпатии, необходимого соблюдения принимаемых социальных обязательств и интеракционных конвенций, разделения ответственности с группой, заинтересованности в совместном достижении поставленных целей, принадлежности к одной и той же этнической, культурной, социальной или профессиональной общности и т.д. Движущей силой вовлечения становится доминирование иницилирующей стороны, ее стремление сформировать последователей для проведения нелегальных действий; в этом случае формирование будущего члена нелегальной группы осуществляется в значительной степени дискурсивным путем; само же вовлечение становится предметом правового преследования, причем основаниями для его возбуждения могут служить соответствующие статьи уголовного кодекса. Например, согласно российскому уголовному законодательству (Уголовному кодексу Российской Федерации), деятельность нелегальных организаций радикального толка может преследоваться по следующим статьям: ч. 1.1 ст. 282.1 УК РФ «Склонение, вербовка или иное вовлечение лица в деятельность экстремистского сообщества», ч. 3 ст. 282.1 УК РФ «Деяния, предусмотренные частями первой, первой.1 или второй настоящей статьи, совершенные лицом с использованием своего служебного положения», ч. 1.1 ст. 282.2 УК РФ «Склонение, вербовка или иное вовлечение лица в деятельность экстремистской организации», ст. 205.4 УК РФ «Организация террористического сообщества и участие в нем». При этом юридическая практика использования концепта вовлечения, сложившаяся в России, указывает на то, что это не столько речевой, сколько социальный феномен. В российском криминальном законодательстве понятийным ядром категории вовлечения выступает идея о целенаправленной деятельности, ориентированной на формирование у объекта воздействия решимости или готовности участвовать в совершении общественно опасного деяния [Селиванова 2010]. Однако не исключается, что формирование будущего члена доминирующей группы может быть реализовано и дискурсивным путем: в таком случае дискурс, производимый агентами организаций, в качестве способов воздействия, источников доктрины и инструментов управления властью и ее воспроизводства включает в себя личные беседы, обучающие мероприятия, дидактические материалы, дискуссии, конференции, периодические издания, журнальные публикации, прокламации, тексты, в том числе религиозно-идеологического характера, размещение информации в социальных сетях и т.д.

С учетом выдвинутых положений в модели вовлечения можно выделить несколько уровней, соответствующих типизированным представлениям: (I) об особенностях общего социокоммуникативного контекста, ориентирующего сообщество в выборе целей и способов их реализации; (II) о стадиях вовлекающего воздействия, обеспечивающего установку на пополнение и сплочение сообщества; (III) о дискурсивном строе как совокупности дискурсивных методов вовлечения. Данная модель уточняет положения политической лингвистики [Боженкова, Борко 2014; и др.], а также критических дискурсивных исследований, связанных с описанием тех злоупотреблений властью, которые правящий субъект может допускать в отношении подчиненных индивидов и групп [Дейк 2013; и др.].

I. *Особенности социокоммуникативного контекста.* Ответ на вопрос о том, кто является агентом вовлечения, важен не только для описания дискурсивных особенностей инклюзивной коммуникации (ее установок, целей, стратегий и тактико-семиотических реализаций), но и для осознания того значения, которое придается вовлечению в идеологии и деятельности политической организации. С описанием социокоммуникативного контекста тесно связаны представления, учет которых позволяет обратить внимание на:

- тип организации с точки зрения ее отношения к членству в группе (ориентирована ли она на то, чтобы число желающих разделить выгоду и издержки от пребывания в группе росло);
- идеологию организации (в том числе на то, входит ли пропаганда идей организации в концептуальное ядро ее мировоззрения);
- особенности устройства сообщества, определяющие структуру равноправия / доминирования между сторонами вовлечения, а также степень осознанного отношения к членству в группе;
- правовой статус организации, от которого зависит политическая программа сообщества и соответственно выбор агитационных форм;
- технологичность (нестихийность) процесса вовлечения, демонстрирующего продуманность и типизированность моделей склонения и удержания адептов и стейкхолдеров (внешних, невовлеченных носителей позитивного общественного мнения).

II. *Стадии реализации вовлекающего воздействия.* Вовлечение в деятельность радикальных организаций требует контроля активности аудитории и характеризуется постепенностью своего воплощения, переходом от стадии включения в сообщество к стадиям, предполагающим личную инициативу его членов (т.е. самововлечение). Таким образом, вовлечение как процесс изменения состояний и установок вовлекаемых лиц может быть описано либо с позиции взаимодействия организации с обществом как реальным и потенциальным источником единомышленников, новых адептов и стейкхолдеров, либо с точки зрения присвоения и применения объектами вовлечения идеологии организации.

В первом случае процесс вовлечения представляет собой совокупность таких этапов, как:

– *стадия формирования сообщества*: выбор правильной первичной аудитории, выход к ней, создание круга посвященных, выработка привычек у привлекаемых лиц, осознание ценностей и принципов идеологии и т.д.;

– *стадия совместного совершения деятельности*: регулярное осуществление обучающих мероприятий, совместное осмысление письменных источников, концептов идеологии, совместное продумывание стратегий вербовки других лиц, отчет членов ячейки и ее руководителя, поддержка темпа вовлечения и т.д.;

– *стадия совместного созидания образа организации*: инициация «народной молвы», «вирусное» распространение информации, привлечение к ее распространению лояльных лиц и т.д.;

– *стадия выхода на более широкую аудиторию*: мотивация на приоритетную цель, взаимодействие с региональными ячейками, проведение конференций и т.д. [Катышев, Кильдибекова 2015 : 92].

Во втором случае вовлечение описывается как последовательность состояний, характеризующих степень инкорпорированности объектов (субъектов) в деятельность экстремистских организаций, а именно: 1) «якорение»; 2) подготовка к принятию установок и целей организации; 3) вхождение в организацию (= членство, закрепленное клятвой, уговором, кодексом и т. п.); 4) погружение в деятельность [Хазимуллина 2016 : 463].

Как отмечается в работах [Катышев, Кильдибекова 2015; Фомина 2016, 2017; Хазимуллина 2016, 2017], на каждом этапе вовлечения обнаруживаются:

– типовые интенции вовлекателя (к примеру, на установление доверительных, регулярных взаимоотношений, на «прощупывание» кандидатуры, выяснение ее склонностей, возможностей, на усиление влияния вовлекателя и самой организации, удержание внимания объекта вовлечения, сохранение его в структуре группы, разъяснение ему идеологии, приобщение к деятельности во имя сверхцелей и др.);

– характерные стратегии и тактики речевого воздействия (кооперативные – направленные на объединение с объектом воздействия и одновременно на отделение его от других больших и малых социальных групп: ср. «я» / «ты» / «вы» / «мы-общение», оппозиции «мы <хорошие, “здоровые”, непорочные, полноценные>» – «они <плохие, “больные”, порочные, неполноценные>»; при этом степень императивности, эксплицитности и категоричности побуждения возрастает по мере вхождения adeptов в структуру экстремистской организации, в свою очередь смягчение и вуалирование призывных действий обнаруживается на ранних этапах вовлечения);

– специфические типы коммуникативных реакций, свидетельствующие о различной степени вовлеченности объекта: *выражение интереса, согласия, собственной оценки, запрос дополнительной информации, дача обещаний, отчет о выполненных действиях, обмен опытом, осведомленность о содержании и способах деятельности группы, взаимоотношениях, участие в планировании совместных акций* и т. п. (ср. возможные реакции невовлеченности – непонимания того, о чем идет речь, «отсутствия», скуки, раздражения, отторжения, желания поскорее уйти, требование соблюдения регламента, отказа участвовать во встречах и проч.);

– особые жанры вовлечения (*комплекс речевых форм проведения обучающих мероприятий, дружеских встреч, расположения первичной аудитории, прокламации, книги идеологической направленности, молитвы* и т.д.).

III. Дискурсивный строй. Как следует из работ, посвященных изучению дискурсивных механизмов вовлечения [Катышев 2015; Катышев, Кильдибекова 2015; Фомина 2016, 2017; Хазимуллина 2016, 2017], важнейшими показателями вовлеченности в деятельность радикально настроенных групп являются маркеры: 1) коммуникативной активности (в т. ч. активного и рефлексивного слушания), регулярности присутствия, посещений и речевых действий; 2) инклюзивности, кооперативности, самоидентификации (глаголы инклюзивного действия, местоимения «мы», «наш», выражения с семантикой общности, объединения, вхождения (включения) в группу – «вместе с (нами)», «с теми, (кто)», «совместно», «все (как один)», «весь», «без исключения», «никто не останется (в стороне, безучастным)», «помогать», «поддерживать», «содействовать», «взаимодействовать», «примкнуть», «войти», «сплочение» и т. п.; самоназвания, в т. ч. шуточные, ироничные по наименованию организации и др.); 3) мелиоративной оценки «своих» и, напротив, пейоративной – «чужих»; 4) готовности к сокрытию целей и выполнению призывных действий при понимании их противозаконности.

Ведущая коммуникативная роль вовлекателя состоит в том, что он организует общение, проводит обучающие и иные занятия, активизирует и направляет деятельность вовлекаемых, использует специальные обращения с целью усиления апеллятивной и контактоустанавливающей функции, продуцирует пространственные монологи, доминирует в диалогах, расставляет содержательные акценты, настойчиво проводит ключевые идеи, разъясняет необходимые положения, осуществляет контроль и коррекцию восприятия и понимания получаемой участниками информации, их речевых и иных действий, свободно выражает собственное «я» – высказывает мнение, оценку, дает директивные указания, советы, рекомендации, инструкции, резюмирует, делает выводы, в т. ч. убеждающие участников группы в необходимости выполнения призывных действий, информирует о предстоящих делах, руководит планированием совместной деятельности группы, сообщает о решениях вышестоящего руководства, мотивирует вовлекаемых, вдохновляет их, позволяет себе повышение тона речи, перебивы, критику, требует отчета о проделанной работе и, в то же время, сам отчитывается о проделанной работе перед вышестоящим руководством, следит за активностью подчиненных и т.п.

Зависимая роль вовлекаемых прослеживается в том, что они соблюдают субординацию по отношению к коммуникативному лидеру, объем и развернутость их реплик варьирует в зависимости от этапа вовлечения (в целом он заметно увеличивается по мере вхождения вовлекаемых в экстремистскую организацию); они дают ответы на поставленные лидером вопросы, спрашивают разрешения, прежде чем изменить направление дискуссии, выполнить какие-либо действия, склонны соглашаться с субъектом вовлечения, интерпретируют происходящее под углом зрения лидера, запрашивают у него дополнительную информацию, советы, рекомендации, отчитываются перед ним, демонстрируют позитивный настрой на восприятие информации, выражают уровень собственного понимания, стремятся лучше разобраться в обсуждаемых вопросах, готовят домашние задания и демонстрируют их выполнение, принимают и соблюдают нормы взаимодействия в группе, готовят отчет о работе, об интересующих лидера людей и т. д.

Поскольку процесс вербовки в деятельности экстремистских организаций носит чаще всего конспиративный характер, обнаруживаются и особые, в той или иной степени скрытые для вовлекаемого, контролируемые речевые действия вовлекателей (вопросы и опросы, обсуждения «за глаза», тесты, провокации и проч.), применяемые с целью выявления успешности воздействия на том или ином этапе и возможности перевода адепта на следующий «уровень». Наиболее опытные вовлекатели используют также методы глубокого психологического воздействия (проявляющегося в речевых актах), варьируя на каждом из этапов «мишени манипуляции».

Тем самым, описание дискурсивного строя вовлекающих практик осуществляется в ходе рассмотрения и оценки выбора их участниками (1) фактур общения (устной / письменной / цифровой, непосредственной / опосредованной, реальной / виртуальной коммуникации) > (2) жанровых форм > (3) средств их реализации. При этом коммуникативно-семиотические механизмы кодирования инклюзивной интенции демонстрируют такую иерархическую организацию актов общения, за счет которой речевые стратегии вовлекателя и вовлекаемого обеспечиваются совокупностью конститутивных элементов: пассажами, текстовыми макростратегиями, локальными речевыми актами, локальными значениями и передающими их лексическими единицами, грамматическими формами и средствами локального синтаксиса, явлениями внутри- и межсловной деривации и т.д.

Библиографический список

1. Асланян, В. Ю. Эмпирическое выделение критериев оценки деструктивности психологического воздействия в процессе профессиональной деятельности служителей религиозных культов / В. Ю. Асланян // Сибирский психологический журнал. – 2008. – № 28. – С. 69–74.
2. Боженкова, Н. А. Сравнительно-типологический анализ лингвокультурных доминант русско- и англоязычного политического дискурса / Н. А. Боженкова, О. В. Борко // Известия Юго-Западного государственного университета. Сер.: Лингвистика и педагогика. – 2014. – № 4. – С. 42–50.
3. Дейк, Т. А. ван. Дискурс и власть: Репрезентация доминирования в языке и коммуникации / Т. А. ван. Дейк. – М. : ЛИБРОКОМ, 2013. – 344 с.
4. Зинченко, Ю. П. Террористический акт как экстремальная ситуация в обществе рисков / Ю. П. Зинченко, Г. У. Солдатова, Л. А. Шайгерова // Национальный психологический журнал. – 2011. – № 2 (6). – С. 98–111.
5. Катышев, П. А. Арготизация и ее результаты в фокусе критического дискурс-анализа вовлечения / П. А. Катышев // Лингвистика как форма жизни. – Кемерово : Практика, 2015. – Вып. 4. – С. 45–60.
6. Катышев, П. А. Вовлечение с позиций риторической критики / П. А. Катышев, Б. Е. Кильдибекова // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2015. – № 4–4 (64). – С. 89–96.
7. Катышев, П. А. К вопросу о судебной лингвистической экспертизе по делам, связанным с вовлечением в деятельность нелегальных организаций / П. А. Катышев, С. В. Оленев // Acta linguistica petropolitana. Труды института лингвистических исследований РАН. – 2016. – Т. XII, ч. 3. – С. 407–419.
8. Савиченко, И. А. Психологическое состояние личности, способствующее ее вовлечению в тоталитарные неокульты (секты) / И. А. Савиченко // Вопросы криминалистики и судебных экспертиз. Сибирский юридический вестник. – 2006. – № 3 (30). – С. 82–86.
9. Селиванова, М. А. К вопросу о понятии вовлечения несовершеннолетних в совершение преступлений / М. А. Селиванова // Известия Иркутской государственной экономической академии. – 2010. – № 2 (70). – С. 146–149.
10. Фомина, Ю. С. Особенности реализации речевых актов побуждения в текстах экстремистской направленности / Ю. С. Фомина // Acta linguistica petropolitana. Труды института лингвистических исследований РАН. – 2016. – Т. XII, ч. 3. – С. 441–451.
11. Фомина, Ю. С. Роль речевого акта «мольба» в конфликтогенном тексте / Ю. С. Фомина // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. – 2016. – № 5. – С. 189–194.
12. Хазимуллина, Е. Е. Механизм речевого вовлечения в деятельность экстремистских организаций / Е. Е. Хазимуллина // Acta linguistica petropolitana. Труды института лингвистических исследований РАН. – 2016. – Т. XII, ч. 3. – С. 453–469.
13. Хазимуллина, Е. Е. Признаки речевого вовлечения в деятельность экстремистских организаций / Е. Е. Хазимуллина // Образование и духовная безопасность. – 2017. – № 2 (2). – С. 38–41.

РИТОРИКА НЕНАВИСТИ И СВОБОДА ВЫРАЖЕНИЯ МНЕНИЙ: КОМПРОМИСС ИЛИ КОНСЕНСУС?⁷

Е. А. Коваль

Саранск, Россия

HATE SPEECH AND FREEDOM OF EXPRESSION: COMPROMISE OR CONSENSUS?

E. A. Koval

Saransk, Russia

Аннотация. Риторика ненависти – понятие, которое по-разному интерпретируется в правовом контексте и за его пределами. Если правовые ограничения направлены на способы выражения мнений, провоцирующих ненависть и вражду на почве отдельных групповых признаков, то в обычном смысле риторика ненависти используется людьми для выражения крайне негативного отношения к кому-либо или чему-либо. В этой связи представляет интерес проблема выбора оптимального механизма ограничения использования риторики ненависти в публичном пространстве.

Ключевые слова: риторика ненависти, свобода самовыражения, конфликт ценностей, компромисс, консенсус, самоограничение.

Abstract. Hate speech is a concept that is interpreted differently in a legal context and beyond. Legal restrictions are directed to ways of expression that provoke hatred and enmity on the basis of certain group characteristics. Outside of the legal context, hate speech is used by people to express an extremely negative attitude towards somebody or something. In this connection, it is of interest to choose the optimal mechanism for limiting the use of rhetoric of hatred in public.

Key words: hate speech, freedom of expression, conflict of values, compromise, consensus, self-restraint.

Понятие «риторика ненависти» используется в русскоязычном дискурсе как один из вариантов перевода англоязычного выражения «hate speech» наряду с «языком вражды». В правовом контексте чаще фигурирует «язык вражды», но выражение «риторика ненависти» позволяет полнее обозначить анализируемое явление и в юридическом дискурсе, и за его пределами.

Как правило, основной задачей государственных органов является определение границы между свободой выражения мнений и злоупотреблением этой свободой, выраженной при помощи риторики ненависти. В этой связи особую актуальность приобретают исследования, касающиеся содержания дефиниций «риторика ненависти» и «свобода выражения мнений».

Рассмотрим далее изложенные в научной литературе взгляды и подходы, касающиеся содержания и объема понятия «риторика ненависти» в контексте различных дискурсов. При этом необходимо отметить, что, строго говоря, «риторика ненависти» и «язык вражды» не являются синонимами, однако отличиями между этими понятиями в контексте данного конкретного исследования можно пренебречь. Оба этих определения не являются единственно возможными переводами англоязычного «hate speech». Так, например, в Рекомендациях № R (97) 20 Комитета Министров Совета Европы государствам-участникам «hate speech» переводится на русский язык как «разжигание ненависти».

Наиболее привычное определение анализируемого понятия сформулировано в контексте юридического дискурса. Впервые этот термин начали использовать американские юристы в конце 80-х годов прошлого века. При этом речь, как правило, шла о проблемах ограничения расистской риторики в условиях приоритета Первой поправки к Конституции США [Matsuda 1989, 8].

В вышеуказанных Рекомендациях «hate speech» определяется как «понятие, покрывающее все формы самовыражения, которые включают распространение, провоцирование, стимулирование или оправдание расовой ненависти, ксенофобии, антисемитизма или других видов ненависти на основе нетерпимости, включая нетерпимость в виде агрессивного национализма или этноцентризма, дискриминации и враждебности в отношении меньшинств, мигрантов и лиц с эмигрантскими корнями» [Recommendation of the Committee of Ministers of the Council of Europe No. R (97) 20 от 31.10.1997].

Итак, в контексте юридического дискурса «риторика ненависти» определяется как совокупность форм выражения мнений, провоцирующих и распространяющих ненависть в отношении групп и лиц, обла-

---

⁷ Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ (17-03-00094).

дающих определенными характеристиками. При этом перечень таких характеристик постоянно растет. Очевидно, что «виды ненависти на основе нетерпимости» могут расти и множиться в зависимости от расширения понятия «нетерпимость». Соответственно, с расширением перечня видов ненависти, публичное выражение которых запрещено, сужается пространство выражения мнений, особенно по спорным и конфликтным вопросам (миграция, межрелигиозное и межнациональное взаимодействие, заболевания, сексизм, харрасмент и т.п.).

Однако не менее очевидно, что люди испытывают потребность в наличии средств выражения чувств и отношений ненависти к кому-либо или чему-либо, поэтому усовершенствование правовых ограничений использования риторики ненависти в публичных коммуникациях не может осуществляться без исследования содержания анализируемого понятия в дискурсах повседневности.

А. Браун в статье «What is Hate Speech?» отмечает, что понятие «риторика ненависти» сложное и требует изучения определенных понятий, входящих в его состав. При этом, как правило, исследователями совершается ошибка, которую Браун называет «миф о ненависти», и которая заключается в том, что часто не учитываются нюансы понятия «ненависть», таким образом, обедняется содержание понятия «риторика ненависти» и затрудняются процессы ограничения ее публичного использования [Brown 2017, 36]. В самом деле, если ненависть определять как эмоцию, а риторику ненависти – как совокупность выразительных средств, используемых для выражения этой эмоции, то процедуры криминализации эмоций неизбежно вызывают недовольство, как минимум, у части общества, в иерархии ценностей которой свобода слова и свобода выражения мнений занимают одну из ведущих позиций.

Государство в такой ситуации находится в положении более плачевном, чем буриданов осел, который не мог определиться между двумя равно желательными выборами. Государству приходится выбирать, что преимущественно защищать: свободу слова или права групп, которые нарушаются субъектами, апеллирующими к риторике ненависти. И вне зависимости от того, что оно выберет, часть общества будет недовольна. Защитники законов, запрещающих использовать риторику ненависти, впадают в искушение видеть риторику ненависти даже в тех коммуникативных ситуациях, где ее нет («Если у каждого есть молоток, все начинает выглядеть как гвоздь» [Brown 2017, 36 : 422]). И, наоборот, противники законодательного урегулирования риторики ненависти в некоторых случаях не замечают фактов ее использования, хотя для этого требуется этическая слепота («Если каждый заикнется на идее о том, что молотком нельзя колоть орехи, все начинает выглядеть как орех» [Brown 2017, 36 : 423]).

Либеральное происхождение «риторики ненависти» как юридического концепта играет не последнюю роль в его критическом восприятии той частью российского общества, которая, так или иначе, характеризует свои взгляды на общественно-политические события и перспективы развития социума как консервативные.

При этом примечательно то, что если считать предтечей и существенной составляющей риторики ненависти расистскую риторику, то в период работы над проектом Международной конвенции о ликвидации всех форм расовой дискриминации наиболее жесткий запрет распространения расистских идей предложили в 1964 году СССР и Польша, входившие в подкомиссию ООН по предупреждению дискриминации и защите меньшинств [Matsuda 1989, 8 : 2343]. Эта конвенция была ратифицирована Указом Президиума Верховного Совета СССР от 22 января 1969 года, в то время как в США вопрос о ратификации был поставлен перед Сенатом только Президентом Картером в 1978 году, а фактически ратификация (с оговорками касательно защиты свободы слова) состоялась только 21 октября 1994 года [United Nations Treaty Collection]. Парадоксальным образом, в либеральном государстве защищалась расистская пропаганда, а в тоталитарном – боролись с ней.

М. Мацуда обращает внимание на то, что диктат Первой поправки не был абсолютным: запрещались клевета, разглашение личной, интимной информации, пропаганда в интересах работодателя во время профсоюзных выборов и т.д. [Matsuda 1989, 8 : 2354]. Почему расистская риторика не попала в перечень запрещенных приемов, несмотря на четкую позицию, изложенную в международных правовых актах? Вероятно, одна из причин связана с тем, что существуют случаи, в которых неочевидны вредные последствия использования риторики ненависти (проявление расизма со стороны его жертв в отношении хорошо защищенного большинства, проявление расизма одной группы меньшинств в отношении другой, музейные выставки, посвященные проблемам расизма и антисемитизма, литературные произведения, написанные в жанре реализма и т.п.). На первый взгляд, не может быть никакого вреда, например, от литературных произведений, в которых в критическом ключе рассматривается проблема расизма. Тем не менее, М. Мацуда приводит пример, когда дети, читая в школе произведения М. Твена, наслаждаются, произнося расистские высказывания, хотя автор, напротив, пытался привлечь внимание общества на безобразие расизма как социальной практики [Matsuda 1989, 8 : 2369]. Таким образом, практически неразрешимой выглядит проблема правового ограничения не отдельных инцидентов использования риторики ненависти, а потока метаконтекстуальной риторики. Тем не менее, в настоящее время в большинстве государств правовое регулирование риторики ненависти является нормой.

Используя понятие «риторика ненависти» за пределами юридического дискурса мы, как правило, интуитивно понимаем, о чем идет речь, но это не делает автоматически удачным юридическую дефиницию анализируемого понятия. Постоянное расширение перечня групп, которые входят в сферу действия законов, запрещающих риторику ненависти, не представляется оптимальным способом разрешения конфликта

между свободой выражения мнений и правом групп на защиту от вредных последствий публичного использования в отношении них риторики ненависти. Но и сужать концепт «риторика ненависти» (например, понимать под риторикой ненависти только прямое подстрекательство к насилию) тоже опасно.

Представляется интересной позиция Брауна, который полагает, что проблема юридического концепта «риторика ненависти» заключается в том, что она понимается как риторика, выражающая чувства и отношения ненависти, в то время как на самом деле такая риторика может быть связана не с ненавистью, а с иными чувствами и отношениями: презрение, снисходительность, отчуждение, страх, зависть, желание обратить на себя внимание, волнение, отвращение и даже дух товарищества [Brown 2017, 36 : 440-441]. При этом связь между риторикой и ненавистью внутри анализируемого составного концепта может иметь различные формы: реакция аудитории (определенные виды риторики, спикер, который их использует, или группы, о которых он говорит, вызывают у слушателей реактивную эмоцию ненависти); выражение ненависти к определенной группе (прямой посыл «Я ненавижу» и его завуалированные формы); мотивация спикера; последствия использования риторики ненависти [Brown 2017, 36 : 446-459].

Парадоксальным образом, как только какая-либо групповая характеристика начинает защищаться законом, это обостряет проблему использования риторики ненависти в отношении группы, обладающей такой характеристикой. Возможно, это связано с тем, что норма права, защищающая ту или иную характеристику (например, запрет оскорбления чувств верующих), опережает формирование общественной потребности в такой норме. В итоге правозащитная деятельность государства трансформируется в провокацию нарушения прав членов той или иной группы. Для того чтобы минимизировать риски такого рода необходимо учитывать динамику содержания и объема концепта «риторика ненависти» в повседневных дискурсах. Необходимо иметь критерии, позволяющие определять границу между свободой выражения мнений и ограничением этой свободы ради недопущения негативных последствий использования риторики ненависти.

Использование такого критерия, как реакция аудитории, некорректно, поскольку в плюралистических обществах практически невозможно достичь единомыслия и единодушия по ключевым ценностно-нормативным вопросам. Всегда найдется группа, когда оскорбится в процессе их публичного обсуждения и потребует защиты государства.

Выражение ненависти к определенной группе представляется более объективным критерием, хотя далеко не всегда спикер выражает именно ненависть. Он может демонстрировать презрение, уничижительное снисхождение и т.д. В любом случае, риторические приемы такого рода должны быть нормативно ограничены (хотя не обязательно при помощи норм права).

Мотивация спикеров как критерий отличия риторики ненависти от нормативно допустимых форм выражения мнения – критерий, который сопряжен, во-первых, с проблемой доказывания наличия конкретной мотивации (особенно в ситуации, когда используются контекстуальные и метаконтекстуальные формы риторики ненависти), во-вторых, с неприятием вмешательства государства в частную сферу, в мысли граждан.

Негативные последствия, порожденные использованием риторики ненависти, являются наиболее удачным критерием для определения подлежащих ограничению или запрету форм самовыражения, хотя и здесь мы неизбежно сталкиваемся с проблемой доказывания причинно-следственной связи между риторикой ненависти и ее последствиями, например, актами насилия в отношении объекта такой риторики.

А. Браун предлагает понимать риторику ненависти как неоднозначную идиому в том смысле, что понятие «ненависть» в концепте «риторика ненависти» отражает только один из смыслов ненависти, подобно тому как понятие «зебра», используемое для обозначения пешеходного перехода, отражает только одно качество африканского животного, общее для него и для дорожной разметки – монохромные полосы [Brown 2017, 36 : 462].

На мой взгляд, уход от обычного понимания ненависти в данной ситуации, возможно, и желателен, но трудно осуществим. Существуют языковые ограничения процессов искусственного изменения значений привычных концептов. Очень соблазнительно уйти от проблемы криминализации эмоций просто исключив эмоциональный компонент из спектра значений понятия «риторика ненависти», однако языковые игры не могут устранить причины и условия, способствующие эскалации использования риторики ненависти в публичном пространстве.

В политико-правовом пространстве продолжается конфликт ценностей и государство оказывается в невыгодном положении перед лицом урегулирования этого конфликта. С одной стороны, оно должно обеспечить безопасность граждан, общества, создать условия для воспроизводства общественной нравственности, используя доступные меры, в том числе, и меры государственного принуждения. С другой стороны, при этом оно не должно покушаться на автономию личности, ее права и свободы.

Предположим, что ключевыми субъектами в анализируемом ценностно-нормативном конфликте являются сообщества, которые условно можно обозначить как либеральное и консервативное. Использование понятия «риторика ненависти» для обозначения гомофобии, расизма, стигматизации групп меньшинств характерно, как правило, для представителей либерального сообщества. Их идеологические противники – консерваторы – критически относятся к концепту «риторика ненависти» и считают, что он препятствует свободному публичному обсуждению острых социально-политических вопросов. Для примирения обозначенных антагонистов могут быть использованы различные политические механизмы, в частности, компромисс и консенсус.

Голландский философ Ф. Анкерсмит, полемизируя с Дж. Ролзом как апологетом консенсуса, подчеркивает, что компромисс («благословенная принципиальная непринципиальность»), в отличие от консенсуса, является не идеологической договоренностью, которая не касается корня проблемы, а живой практикой, позволяющей действительно разрешить конфликт, даже если на первый взгляд он выглядит абсолютно неразрешимым [Анкерсмит 2004, 2].

Конфликт между свободой выражения мнений и необходимостью ограничения риторики ненависти относится к такому типу проблем, источником которых Анкерсмит называет непродуманные последствия наших собственных действий. Введение правовых ограничений риторики ненависти обусловлено необходимостью защиты прав и свобод отдельных лиц, групп, сообществ. Однако холивары на публичных коммуникационных площадках не прекращаются, «...каждый гражданин становится амбивалентным королем» [Анкерсмит, 2004, 2].

Для того чтобы снизить степень поляризации общества необходимо искать компромиссные решения, не боясь заново поднимать «неудобные» вопросы. Дж. Ролз, напротив, отмечает, что нельзя ухудшать ситуацию и касаться глубинных различий религиозного или философского характера. Для решения дискуссионных вопросов он предлагает использовать «перекрывающийся консенсус» («overlapping consensus»), позволяющий достичь согласия по ключевым, фундаментальным вопросам. При наличии должной политической воли, вероятно, можно поддерживать консенсус по проблеме ограничения риторики ненависти, но это не поможет устранить причины, провоцирующие ее использование в публичной среде.

Консенсус наиболее успешно реализуется в государствах, где верховенство закона существует и de jure, и de facto, причем правоприменение определяет и процессы правотворчества. Однако ограничение риторики ненависти – это социально-политическая проблема, следовательно, для успешного ее решения необходимо выходить за пределы прав человека. Компромисс позволяет сделать это с наименьшими потерями и для сторон конфликта, и для арбитра. Так, компромисс позволяет находить контексты, в которых риторика ненависти – в широком смысле слова – допустима (например, «проклятая орда» в отношении фашистской армии). Однако за пределами этих контекстов представляется необходимым ограничивать и запрещать обращение спикеров к риторике ненависти всеми доступными нормативными способами. И если не обнаруживаются рациональные аргументы в пользу ограничений и самоограничений, то остается последний форпост – моральные интуиции, которые помогают понять, что распространение риторики ненависти как преобладающей коммуникативной стратегии нормализует ее как социальную практику. Надеяться, что государство запретит нам использовать риторику ненависти, но при этом ненавидеть это государство при малейших намеках на цензуру – непоследовательная позиция. Государство может помочь доступными ему методами, преимущественно – принуждением, защищая свободу выражения мнений. Но мы тоже должны помочь государству, самостоятельно ограничивая свои коммуникативные практики.

Библиографический список

1. Анкерсмит, Ф. Репрезентативная демократия. Эстетический подход к конфликту и компромиссу / Ф. Анкерсмит // Логос. – 2004. – № 2. – URL: <http://magazines.russ.ru/logos/2004/2/anker2.html>
2. Brown, A. What is hate speech? Part 1: the myth of hate / A. Brown // Law and Philosophy. – 2017. – № 36. – P. 419–468. DOI 10.1007/s10982-017-9297-1.
3. Matsuda, M. J. Public Response to Racist Speech: Considering the Victim's Story / M. J. Matsuda // Michigan Law Review. – 1989. – № 8. – Vol. 87. – P. 2320–2381.
4. Recommendation No. R (97) 20 of the Committee of Ministers to member states on “hate speech” (30 October 1997). – URL: <https://www.coe.int/en/web/portal/home>
5. United Nations Treaty Collection. – URL: https://treaties.un.org/Pages/ViewDetails.aspx?src=TREATY&mtdsg_no=IV-2&chapter=4&lang=en

ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ ФЕНОМЕНЫ В ПРОПАГАНДЕ НАСИЛИЯ И ЖЕСТОКОСТИ

А. А. Кузнецова

Ростов-на-Дону, Россия

PRECEDENT PHENOMENA WITHIN A FRAMEWORK OF THE VIOLENCE AND CRUELTY ADVOCACY

A. A. Kuznetsova

Rostov-on-Don, Russia

Аннотация. Рассматривается типология прецедентных феноменов, используемых в группах социальной сети «ВКонтакте», посвященных насилию и жестокости, а также сообщениях, относящихся к русскоязычному сегменту True Crime Community.

Ключевые слова: прецедентные феномены, пропаганда насилия и жестокости, True Crime Community.

Abstract. The article describes the typology of precedent phenomena used in communities of social network "VKontakte" which are dedicated to violence and cruelty, as well as communities which belong to the Russian-speaking segment of the True Crime Community.

Key words: precedent phenomena, propaganda of violence and cruelty, True Crime Community.

В январе 2018 года внимание общественности было привлечено чередой нападений школьников на учебные заведения, которые средства массовой информации [Пермский «Колумбайн» 2018], а затем и Министерство связи и массовых коммуникаций РФ в лице замминистра А. Волина [Минкомсвязи: Группы о культе «Колумбайн» 2018] связали с деятельностью Интернет-сообществ социальной сети «В Контакте», посвященных насилию в школах. В связи с произошедшими трагическими событиями вопрос о необходимости изучения пропаганды насилия и жестокости в Интернете, ее форм и способов, видится как никогда актуальным. В данной работе будут рассмотрены типы прецедентных феноменов (ПФ), используемых в рамках пропаганды насилия и жестокости в сети Интернет.

В «Словаре лингвокультурологических терминов» прецедентный феномен определяется как «менте-факт, хорошо известный большинству представителей национально-лингво-культурного сообщества, апелляция к нему регулярно возобновляется в их речи, актуальный в познавательном и/или эмоциональном планах» [Словарь лингвокультурологических терминов 2017]. В этом определении представлены основные признаки прецедентных феноменов, в том или ином виде выделяемые исследователями (напр., Ю. Н. Карауловым [Караулов 2010], В. В. Красных [Красных 1998]): 1) известность, 2) повторяемость, 3) значимость в когнитивном плане. Не подвергая эти признаки существенному пересмотру, целесообразно отметить, что определяя статус такого или иного феномена как «прецедентного», необходимо учитывать специфику и возможности современной Интернет-коммуникации. В настоящее время в онлайн-коммуникации, наряду с национально-прецедентными, для которых релевантен критерий отнесенности того или иного феномена к «национально-лингво-культурному сообществу», широко распространены также социумно-прецедентные феномены, «известные любому среднему представителю того или иного социума <...> и входящие в коллективное когнитивное пространство» [Красных 1998 : 96]. Эти феномены могут формироваться и функционировать вне зависимости от национальной, языковой и культурной базы.

В рамках классического подхода к теории прецедентности выделяют четыре типа ПФ: прецедентный текст, прецедентную ситуацию, прецедентное высказывание и прецедентное имя [Захаренко и др. 1997], [Красных 1997], [Гудков 1997], [Красных 1998]. Однако в работах исследователей все более четко прослеживается мысль о необходимости пересмотра классических положений. Это находит свое отражение в выделении новых типов прецедентных феноменов. В частности, в своей работе «Спорные вопросы теории прецедентности», исследователь И.В. Высоцкая отстаивает точку зрения, согласно которой прецедентные названия, знаки, события, даты, стили, жанры, образы и изображения являются особыми типам ПФ [Высоцкая 2013], Л.А. Мардиева выделяет «прецедентные визуальные феномены» [Мардиева 2011], [Мардиева 2014].

Исследование сообществ социальной сети «В Контакте», посвященных насилию и жестокости, позволило выявить следующие наиболее часто встречающиеся разновидности прецедентных феноменов.

1) Национально-прецедентные, в большинстве случаев представленные прецедентными высказываниями, которые можно разделить на две группы:

• высказывания, источником которых являются произведения массовой культуры (песни, поэтические произведения, телевизионные передачи, и т.д.), например:

1) «А я иду тебе навстречу,
А я несусь тебе цветы,
И молоток на всякий случай,
Чтоб не успела отказать»;

2) «А из нашего окна
Площадь Красная видна.

Я в оптический прицел
Даже лица разглядел»;

3) «Я буду долго гнать велосипед,
Тебе в живот на скорости влечу,
Пройду насквозь и вытащу скелет,
Который на педали накручу»;

4) «Мальчишки и девчонки,
А также их родители

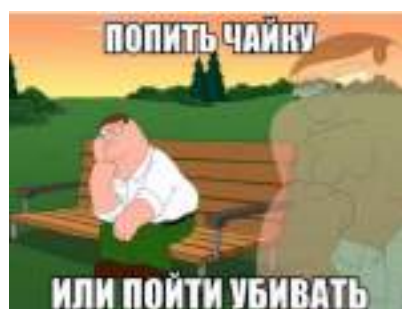
Уже почти закончились,
Купаясь в растворителе».

• пословицы и поговорки: «Сделал дело – спрятай тело!», «Терпение и труд – и труп не найдут», «Дают – бери, не дают – отбери», «Не откладывай в подвал того, кого можно похоронить сегодня», «Я верю, что внутри ты не менее прекрасен, чем снаружи. Но чтобы в этом убедиться наверняка, придется вспороть твоё брэнное тело, ибо **доверяй, но проверяй**».

2) Социумно-прецедентные феномены, которые представлены:

• прецедентными высказываниями, известными в Интернет-коммуникации: «**Ты выпускаешь людей в свой космос, а они сбивают твои планеты с орбиты. Ты выпускаешь людей в своё море, а они убивают твоих рыб. Ты заталкиваешь их разрубленные тела в шкаф, а они вываливаются в тот момент, когда следователь уже почти ушёл**», «**Сфоткал своих жертв пока они спят, люблю их**»;

• прецедентными визуальными образами (ПВО), под которыми понимаются «хранящиеся в памяти представителей определенного социокультурного сообщества зрительные образы культурного пространства» [Мардиева 2011: 203]. К данной разновидности ПФ относятся фотографии, кадры из фильмов или телесериалов, которые, как правило, приобретают популярность вследствие использования в качестве Интернет-мемов. Выступая частью поликодового объекта, ПВО выражают эмоциональную оценку и могут быть вербализованы. Например, кадр из анимационного сериала «Гриффины» («Family Guy») с сидящим на скамейке главным героем – Питером Гриффином, используется для придания иронического оттенка в ситуации глубоких размышлений по незначительному или глупому поводу (изображение 1), а фотография актёра Роберта Дауни мл. (изображение 2) часто используется для передачи раздражения, вызванного ситуацией, описываемой вербальной частью поликодового объекта.

Изображение 1

Изображение 2

Стоит отметить, что приведенные типы прецедентных феноменов, будучи использованными в коммуникации представителей сообществ, посвященных насилию и жестокости, подвергаются определенным трансформациям. В частности, прецедентные высказывания претерпевают смешанную – количественную и семантическую – трансформацию [Высоцкая 2013]. Количественная трансформация заключается в усечении части изначального варианта прецедентного высказывания, а семантическая – в последующем замещении усеченных компонентов новыми. В результате, оставаясь узнаваемыми, прецедентные высказывания наполняются новым содержанием, осмысление которого происходит на основании восприятия значений новых компонентов и ассоциации с образами, связанными с инвариантом восприятия исходного прецедентного высказывания, хранящимся в когнитивной базе.

Прежде чем приступить к рассмотрению типологии прецедентных феноменов, встречающихся в группах True Crime Community, кратко рассмотрим историю возникновения данного сообщества.

Первоначально понятие true crime использовалось для обозначения жанра произведений литературы и кинематографа, теле- и радиопрограмм о известных преступниках, маньяках и серийных убийцах, фактах их биографии, обстоятельствах совершения и расследования преступлений, а также подробностях судебных разбирательств [Создавая убийцу 2016]. Постепенно на различных площадках Интернета стали появляться сайты, блоги и паблики, посвященные данной тематике, на базе которых в начале 2000-х годов и сформировалось True Crime Community (ТСС, «тру-крайм») [Сообщество тру-крайм 2018].

Анализ материалов русскоязычного сегмента «тру-крайм» выявил фактически полное отсутствие национально-прецедентных феноменов в коммуникации представителей данного сообщества. Наиболее частотными оказываются социумно-прецедентные феномены, представленные двумя разновидностями: *прецедентный персонаж* и *прецедентная личность*.

1) *Прецедентные персонажи (ПП).*

Как правило, это маньяки и убийцы, являющиеся главными героями известных книг, фильмов или сериалов. Популярность этих разновидностей массовой культуры обуславливает высокий уровень узнаваемости персонажей и регулярность обращения к ним в коммуникации. К таким персонажам можно отнести Ганнибала Лектера, Декстера Моргана («Декстер»), Фредди Крюгера («Кошмар на улице Вязов»), Джейсона Вурхиза («Пятница 13-е»), и т.д.

Апелляция к данному типу прецедентных феноменов может осуществляться посредством имени или изображения персонажа. К дифференциальным признакам, составляющим ядро когнитивного комплекса, связанного с данным типом прецедентных феноменов, относятся: имя персонажа, художественное произведение, фильм или сериал, частью которых является персонаж, его поступки и биография, а также черты характера. Стоит отметить, что атрибуты данной разновидности прецедентных феноменов, находящиеся на периферии когнитивного комплекса, такие как имя автора, режиссёра, личность актёра, сыгравшего персонажа, и т.п., оказываются нерелевантными и практически не эксплицируются в коммуникации.

2) *Прецедентные личности (ПЛ).*

В качестве прецедентной личности выступает реально существующий (или существовавший ранее) человек, который неоднократно упоминается в дискурсе данного сообщества и является широко известным, то есть «не нуждается в представлении». К таким личностям можно отнести:

- серийных убийц: Теодора (Теда) Банди, Джеффри Дамера, Ричарда Рамиреса, Йена Брейди, Эдмунда Кемпера, Джона У. Гейси, и т.д.;
- массовых убийц: Дилана Клиболда и Эрика Харриса, устроивших расстрел учащихся школы «Колумбайн», Дилана Руфа, Томаса Т. Лейна;
- каннибалов: Альберта Фиша и Иссея Сагаву.

Кроме того, в качестве прецедентной личности можно выделить американского преступника и руководителя секты «Семья» Чарльза Менсона.

В коммуникации апелляция к прецедентной личности может осуществляться посредством использования имени человека, его документальных (фотографии) или художественных (фан-арт) изображений, цитации.

Значимость прецедентной личности в когнитивном плане обусловлена комплексом представлений и ассоциаций, связанных с конкретным человеком. В устойчивое ядро этого комплекса входят биографические сведения (некая общая информация о жизни и смерти), а также минимальные знания о совершенных преступлениях, являющиеся дифференциальными признаками данной разновидности прецедентных феноменов, совпадение которых у каждого представителя сообщества «тру-крайм» обуславливает прецедентный статус той или иной личности. На периферии же находятся конкретные факты жизни и подробности преступлений, информация о жертвах, их количестве и времени убийства, конкретные детали расследования и судебных разбирательств, и т.п., которые можно рассматривать в качестве атрибутов прецедентной личности.

На основании анализируемых материалов также можно выделить отдельную группу прецедентных личностей, которая является промежуточной разновидностью между социумно- и национально-прецедентными феноменами. В эту группу входят российские и советские серийные убийцы, которые известны большинству граждан нашей страны, а также представителям True Crime Community в других странах. К этим прецедентным личностям можно отнести, например, Андрея Чикатило и Александра Пичушкина.

Кроме того, целесообразно отметить, что в рамках одного материала могут сочетаться несколько типов прецедентных феноменов, например:

- национально-прецедентный феномен (ПТ или ПВ) может сочетаться с социумно-прецедентным (ПЛ): «*Семь раз отмерь, один раз отрежь (Дэвид Берковиц – маньяк расчленитель)*»;

«Спят усталые маньяки, психи спят.

Потрошитель и Джон Гейси ждут ребят.

Даже Мэнсон спать ложится, чтобы ночью вам присниться.

В морге урожай, баю, бай.

В сказке можно покопаться в голове.

И с маньяком покататься на траве.

С Чикатило подружится, и поймать перо в ключицу...

Души пожинай, баю, бай... <...>»;

- универсально-прецедентный феномен (инвариант восприятия ПЛ – Иисуса Христа), совмещенный с социумно-прецедентным (ПЛ – серийным убийцей Теодором Банди) (изображение 3).

В заключении данной статьи кажется целесообразно отметить, что не во всех группах, являющихся частью True Crime Community, размещаются материалы, которые можно охарактеризовать как пропагандирующие насилие и жестокость. Идентификация материалов как содержащих признаки пропаганды насилия и жестокости должна проводиться на основании комплексного исследования, включающего как анализ отдельной записи (поста), так и контент-анализ всех материалов, публикуемых тем или иным сообществом. Проведение комплекс-

Изображение 3

ного исследования необходимо в связи с потенциально конфликтогенным характером самой темы, интересующей представителей сообщества «тру-крайм».

Библиографический список

1. Высоцкая, И. В. Спорные вопросы теории прецедентности / И. В. Высоцкая // Критика и семиотика. – 2013. – № 1 (18). – С. 117–137.
2. Гудков, Д. Б. Прецедентное имя в когнитивной базе современного русского (результаты эксперимента) / Д. Б. Гудков // Язык. Сознание. Коммуникация : сб. ст. / под ред. В. В. Красных, А. В. Изотова. – М. : Филология, 1997. – Вып. 2. – С. 82–93.
3. Захаренко, И. В. Прецедентное имя и прецедентное высказывание как символы прецедентных феноменов / И. В. Захаренко, В. В. Красных, Д. Б. Гудков, Д. В. Багаева // Язык. Сознание. Коммуникация : сб. ст. / под ред. В. В. Красных, А. В. Изотова. – М. : Филология, 1997. – Вып. 1. – С. 82–103.
4. Караулов, Ю. Н. Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов // М. : Изд-во ЛКИ, 2010. – 264 с.
5. Красных, В. В. Виртуальная реальность или реальная виртуальность? (Человек. Сознание. Коммуникация) / В. В. Красных. – М. : Диалог-МГУ, 1998. – 352 с.
6. Красных, В. В. Система прецедентных феноменов в контексте современных исследований / В. В. Красных // Язык. Сознание. Коммуникация : сб. статей / под ред. В. В. Красных, А. В. Изотова. – М. : Филология, 1997. – Вып. 2. – С. 5–12.
7. Мардиева, Л. А. Коллективная культурная память общества (прецедентные визуальные образы и феномены) / Л. А. Мардиева // Вестник Пермского университета. Сер.: Российская и зарубежная филология. – 2011. – № 3 (15). – С. 202–209.
8. Мардиева, Л. А. Коды визуального поведения и прецедентные визуальные феномены в составе семиотически осложненных текстов средств массовой информации / Л. А. Мардиева // Политическая лингвистика. – 2014. – № 2 (48). – С. 246–250.
9. Минкомсвязи: группы о культуре «Колумбайн» должны блокироваться во всех соцсетях // LIFE, 19.01.2018. – URL: https://life.ru/t/%D0%BD%D0%BE%D0%B2%D0%BE%D1%81%D1%82%D0%B8/1080249/minkomsviazi_ghruppy_o_kultie_kolumbain_dolzhny_blokirovatsia_vo_vsiekh_sotssietiakh
10. Пермский «Колумбайн» // Радио Свобода, 15.01.2018. – URL: <https://www.svoboda.org/a/28976512.html>
11. Словарь лингвокультурологических терминов / сост. М. Л. Ковшова, Д. Б. Гудков ; отв. ред. М. Л. Ковшова. – М. : Гнозис, 2017. – 192 с.
12. Создавая убийцу: Как появился жанр true crime и почему мы его любим // The Village, 20.02.2016. – URL: <http://www.the-village.ru/village/weekend/weekend-guide/231973-true-crime-guide>
13. Сообщество тру-крайм: как интерес к убийствам превратился в подростковую субкультуру // Afisha Daily, 20.01.2018. – URL: <https://daily.afisha.ru/relationship/7949-soobshchestvo-tru-kraym-kak-interes-k-ubiystvam-prevratilsya-v-podrostkovuyu-subkulturu>

МЕТОДЫ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ ПРИ УСТАНОВЛЕНИИ КОММУНИКАТИВНОГО НАМЕРЕНИЯ ГОВОРЯЩЕГО

И. В. Курьянова

Москва, Россия

LINGUISTIC EXPERTISE METHODS IN ESTABLISHING SPEAKERS' COMMUNICATIVE INTENTIONS

I. V. Kuryanova

Moscow, Russia

Аннотация. Рассматриваются языковые средства речевого воздействия в процессе коммуникации. Цель статьи заключается в выявлении средств языка, используемых адресантами в процессе коммуникации, при передаче определенной коммуникативной целеустановки. Автором проводится анализ высказываний и определяются некоторые особенности оформления коммуникативного намерения. В статье дается обзор основных методов, позволяющих определить смысловое содержание текста.

Ключевые слова: коммуникация, лингвистическая экспертиза, смысловое содержание, коммуникативное намерение, речевое воздействие, просодия, методы определения смыслового содержания.

Abstract. The article examines the linguistic means of speech influence in the process of communication. The paper aims to discover means of language which are used by addressees in communication, when transmitting certain communicative goals. The author analyzes statements and identifies some features of the speech processing effects. There is a brief description of the main methods for the text semantic content determination.

Key words: communication, linguistic expertise, semantic content, speech influence, communicative goal, prosody, methods of determining the semantic content.

Развитие информационных технологий, их активное проникновение в общественные процессы трансформировало современную социокультурную реальность и актуализировало осознание проблем, связанных с глобализацией и с самим информационным обществом, дискуссии о которых ведутся на протяжении последних десятилетий. Социальные сети, блоги, чаты в настоящее время практически полностью заменили общение «вживую» в молодежной среде: они доступны в любое время суток, быстры и, тем самым, наиболее удобны. Социальные сети сегодня – один из самых популярных способов развлечения и общения.

Согласно представленным данным фонда «Общественное мнение» о количестве пользователей интернета в России, в 2017 году 60 % населения (70,4 млн. человек) ежедневно пользовались интернетом. Динамика проникновения интернета в федеральных округах и населенных пунктах Российской Федерации свидетельствует о все более возрастающей аудитории интернет-пользователей. Согласно опубликованному российским филиалом исследовательского концерна GfK (Gesellschaft für Konsumforschung) Group отчету, аудитория интернет-пользователей в 2017 году в возрасте от 16 лет и старше составила 87 миллионов человек, что на 3 миллиона больше, чем год назад. Проникновение интернета среди молодых россиян (16-29 лет) достигло предельных значений еще в предыдущие годы и, по данным GfK, на сегодняшний день составляет 98%.

Современного человека уже практически невозможно представить без общения посредством различных интернет-платформ. Коммуникация посредством сети Интернет предоставляет пользователям практически полную свободу самовыражения: рассказывая о себе, своих увлечениях, мыслях, чувствах, человек создает свою роль, свой желаемый образ (рейтинг, количество друзей / подписчиков и др.).

Наибольшую актуальность на сегодняшний день представляют научные изыскания, посвященные проблемам изучения речевой агрессии в Интернет-коммуникации. Учеными неоднократно высказывается мысль о том, что речевые проявления агрессии требуют системного и всестороннего исследования [Комалова 2017; Потапова, Комалова 2015; Речевая 2017; Щербинина 2015]. Как отмечает Р. К. Потапова, расхождение между ценностными ожиданиями и ценностными возможностями отдельных личностей и сообществ является первопричиной индивидуальных и массовых конфликтов, деструктивного поведения, агрессии и террора [Речевая 2017, с. 17]. Согласно прогнозам Стратегии национальной безопасности до 2020 года, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 12 мая 2009 года № 537, в совре-

менном мире все большее развитие получают националистические настроения, ксенофобия, сепаратизм и экстремизм.

«Питательной средой» для воспроизводства и трансляции моделей речевого агрессивного поведения являются интернет-коммуникация: текстовые сообщения, отправляемые посредством Skype, Viber, WhatsApp, публикации в социальных сетях «ВКонтакте», «Одноклассники», «Facebook» и т.п.

Судебная практика по делам, связанным с расследованием особо тяжких преступлений, ставит на повестку дня вопрос об определении в спорных текстах, опубликованных в сети Интернет, объективных признаков совершенного преступления. Сложности, связанные с получением надежной доказательственной базы по делам о преступлениях, совершенных, в частности, в сфере терроризма, экстремизма, педофилии, возникают вследствие того, что данные преступления подготавливаются и совершаются в условиях организованности, технической оснащенности и высокой конспирации. Поэтому для повышения эффективности работы по выявлению и пресечению преступлений в рамках противодействия терроризму, экстремизму, педофилии необходимо комплексное использование всего арсенала криминалистических средств и методов.

Лингвистическая экспертиза, обеспечивая объективность и всесторонность предварительного следствия и судебного разбирательства, призвана решать самые разнообразные задачи, связанные с выявлением общественно опасных преступных действий. Зачастую объектом лингвистической экспертизы становятся тексты, несущие крайне отрицательный прагматический заряд. В поле пристального внимания эксперта-лингвиста находится не только сам текст как некая объективная лингвистическая данность, но и его коммуникативные характеристики, т.е. «стоящие за текстом» автор/публикатор и читатель/адресат (говорящий и слушающий), коммуникативная цель текста, особенности речевой ситуации.

Степень «агрессивности» текста, т.е. предполагаемых негативных последствий его воздействия на адресата и общество в целом, его «взрывоопасности», обеспечивается в соответствии с коммуникативной целью текста, т.е. намерением автора/публикатора. Информация об объективных признаках преступления может быть выражена в высказываниях различными способами: говорящий может информировать слушающих, вызывать у них раздражение или другие эмоции, высказывать утверждение, отдавать команду, просить, угрожать и т.д. Воздействие на человека посредством речи активно изучается современной наукой. Термин «речевое воздействие» становится стержневым системообразующим филологическим понятием в лингвистике: «в рамках модели речевой коммуникации фонетико-фонологические составляющие могут с большой долей вероятности дать ответ на то, кто говорит, что говорит, как говорит, кому говорит, с какой целью говорит и каким образом реализуется речевое воздействие говорящего на слушающего» [Потапов 2007: 19].

Коммуникативный уровень языка представляет собой строгую систему средств, организованных в конструкции, объединяемые целеустановками. Системность этого уровня предопределяется коммуникативным значением основных единиц, которое основано на позиции адресанта, адресата и коммуникативной ситуации, осознаваемой и оцениваемой ими. Разное соотношение позиций адресанта (говорящего), адресата (слушающего) и речевой ситуации характеризует разные типы целеустановок.

Коммуникативная цель – это ясное и четкое, сознательное и нередко рациональное намерение оказать на получателя воздействие, передать то или иное сообщение с помощью некоего кода, вызвать у адресата (слушающего) определенные мысли, чувства или поведение [Безяева 2002, Паршин 2000].

В языковой коммуникации принято различать два вида целей, которые может преследовать говорящий, – ближайшую (явную), непосредственно выражаемую говорящим, и более отдаленную (скрытую) побудительную причину, нередко воспринимаемую как целевой подтекст, подчас трудно разгадываемый.

Результаты исследований, проводимых в теории речевых актов, показали, что человек воспринимает речевое сообщение адекватно намерению говорящего по неким речевым компонентам, которые часто не совпадают с их формально-грамматическим выражением, т.е. с тем, что говорится «буквально» [Потапова 2003, Потапова 2006].

Согласно Р. К. Потаповой, содержание любого высказывания можно условно поделить на логическую, эксплицитную (явную) составляющую и модальную составляющую, содержащую имплицитное (скрытое) намерение.

Основными разновидностями эксплицитной (явной) цели являются [Потапова 2006]:

- получение или сообщение информации, в том числе оценочной; выяснение позиций собеседников (высказывание своей точки зрения на тот или иной вопрос); поддержка мнения; развитие темы (так называемая «интеллектуальная цель»);
- поддержка или отталкивание партнера, развитие или прекращение коммуникации (т.е. цель, связанная с установлением характера отношений);
- стремление изменить эмоциональное состояние партнера, сделать ему разного рода внушения;
- побуждение к действию.

Однако в сообщениях различного рода очень часто присутствует скрытая цель. Она может проявляться как на уровне семантики слова, так и на уровне семантики предложения или микротекста. Средствами импликации («зашифровки») истинной цели сообщения могут быть фонетические, просодические, лексико-грамматические единицы, а также контекст сообщения, т.е. конкретные условия высказывания.

Таким образом, исходя из коммуникативной интенции (намерения) говорящего, можно классифицировать языковые единицы как прагматически нейтральные и прагматически осложненные высказывания.

Прагматически нейтральные высказывания имеют своей целью что-либо сообщить или выяснить *без какой-либо дополнительной целевой установки*. Именно они обычно составляют информационную часть высказывания. Но при определенных условиях нейтральные высказывания осложняются прагматическим компонентом, который и образует их имплицитную составляющую – скрытую цель сообщения.

Из языковой практики известно, что ни одно сообщение не может состоять только из буквальных значений. Так, например, фраза «тут становится жарко» с казалась бы прямой целью проинформировать кого-либо о погодных условиях, в определенном контексте, с учетом ситуации и фоновых (т.е. общих для обоих собеседников) знаний, может иметь совершенно иную цель: предостеречь собеседника и предупредить о какой-либо опасности. В качестве примера можно привести следующий отрывок разговора из спорного текста:

- Ну чё, узнал там как?
- Узнал, чё. Вообще крыша!
- Чё, не ехать?
- Нет, сюда не надо, тут становится жарко. Потом, утихнет – перезвоню тебе.

Имплицитные цели, которые объективно существуют в лексико-грамматической структуре высказывания и непротиворечиво и однозначно воспринимаются слушающим, будучи распознаваемыми по внешним признакам (языковому оформлению), непостижимы вне речевой ситуации, вне контекста, вне плана содержания.

Таким образом, ключом к правильной интерпретации цели является не только содержание высказывания (т.е. того, *что* произносит говорящий), но, главное, *как* и *где* (т.е. с помощью каких языковых средств и в какой речевой ситуации) он это произносит [Потапова 2006].

Скрытые цели говорящего выясняются и понимаются слушающим по общему характеру разговора благодаря более глубокому знанию данного человека, по произвольным проявлениям (вербальным и невербальным). Часто они более или менее тщательно скрываются людьми или маскируются: в этих случаях говорящий осуществляет одно (задуманное им) речевое действие, воспользовавшись другим. Например, задавая вопрос и тем самым будто бы ожидая от слушателя предоставления какой-то информации, говорящий может на самом деле побуждать слушающего совершить какое либо действие. Характерные примеры – вопросы вида:

- Ты не мог бы ему позвонить?
- Могу я тебя попросить сегодня приехать?
- Ты не удержишь пока этот груз?

Прояснить реальную цель высказывания в ряде случаев помогает его содержание. Так, во всех приведенных примерах речь идет о некотором будущем действии, совершение которого рекомендуется слушающему, что характерно для директивов. Таким образом, вопрос, целью которого является «побуждение к какому-либо действию» может имплицитно выражать *требование, угрозу, просьбу, совет, предложение* и т.д.

При кодировании и декодировании сообщения используются элементы соответствующего кода (в речевом общении эти функции выполняет языковая система, в состав которой входят такие компоненты, как прагматический, лексический, синтаксический, морфологический и просодический).

Все это свидетельствует о системной организации коммуникативного уровня как особого уровня языка – со своей спецификой семантики, закономерностями её реализации, особенностями средств, их взаимодействия и функционирования.

В зависимости от истинной цели высказывания по-разному реализуются позиции говорящего и слушающего в коммуникации. Каковы же параметры этих позиций? Рассмотрим некоторые из них [по Безяева 2002].

Как отмечает М. Г. Безяева, в формировании конструкции **требования** активизируется параметр уровня компетентности говорящего, отсюда его более высокий уровень владения ситуацией и организующая роль. В таких конструкциях для адресанта характерно активное эмоциональное состояние, если ожидаемое действие не исполняется. Позиция адресата в высказывании-требовании проявляется в ряде следующих характеристик: в конструкции вводятся параметры обязательности-безоговорочности для реципиента выполнения действия; в них может быть отражено, что действие осуществляется вопреки желанию слушающего, введен параметр нарушения его интересов. Типичный пример такого диалога – требование, предъявляемое лицом высокого социального статуса (например, наставником, руководителем) к лицу подчиненному:

- Алик! Ты чего там спишь ещё что ли?
- Нет, а чего?
- Пацаны два часа уже ждут тебя. Ты трубку говорят не берешь!
- Да я занят пока.
- Ты с ума сошел что ли? Быстро собирайся и к ним давай! Чтоб через полчаса они мне позвонили и «спасибо» сказали!

При формировании целеустановки **угрозы** позиция говорящего, согласно М. Г. Безяевой, прежде всего связана с осуществлением действия-возмездия. Так, в конструкциях угрозы может быть подчеркнуто, что, несмотря на развитие ситуации не в пользу говорящего, он способен осуществить действие-возмездие; констатирована неизбежность выполнения им действия-возмездия. В целеустановке угрозы может быть отражен различный уровень владения ситуацией говорящего и реципиента; подчеркнуто отсутствие права собеседника нарушать правила поведения. Угроза часто может быть обращена и к 3 лицу:

– *Слушай, Ари! Ты только, ты только не злись, я тебя умоляю, ладно, пожалуйста? Но она не сделала ничего по делам нашим, не перевела пока ни фига, у неё там печать слабовато как-то распечаталась. Через неделю будет, а то я сейчас и найти её не могу.*

– *Какая неделя? Она где сейчас? Ты ей передай: если завтра не будет – я её прибью, я её из-под земли достану!*

Выделенные наборы характеристик, параметров, отличающих конструкции различных целеустановок, в свою очередь формируются неизменяемыми языковыми средствами.

Коммуникативные параметры имеют формы грамматических категорий, служебные слова (функцией которых и является формирование значений коммуникативного уровня языка), а также неотъемлемая часть этой системы – междометия.

Так, грамматическая форма *сослагательного наклонения* ориентирована на позицию слушающего, означает отсутствие обязанности («можешь не делать»): «*Ты не мог бы сам проверить?*»; а форма, например, *прошедшего времени* маркирует более высокий уровень компетентности говорящего, его организующую роль, знание им ситуации: «*Я давно тебя предупреждал!*». Служебные слова в своей семантике представляют разнообразные квалификации позиций говорящего и слушающего. Так, частица «ну» передает ожидаемость действия, союз «и» указывает на аналогию, соответствие/несоответствие какому-либо аналогичному явлению, ограничительная частица «хоть» является параметром возможности влияния одной ситуации на другую, в том числе и на результат её развития: «*Хоть бы ты не обещал им тогда ничего!*». Частица «-ка» свидетельствует о более низком, чем у говорящего, уровне компетентности слушающего; «ведь» предполагает расчет на общую информационную базу, единство знаний, мнений, представлений говорящего, слушающего и социума. Система междометий также включается в поле параметров аналогичного семантического уровня (например, междометия «ага», «м» являются параметрами незнания/знания, понимания/непонимания того или иного развития ситуации).

Определение смыслового содержания текста в настоящее время является важной задачей, нуждающейся в решении: попытки выделения смыслового содержания предпринимались еще в середине прошлого века, однако до настоящего времени не разработана методика анализа, удовлетворяющая требованиям лингвистов [Хитина 2013: 206-207].

Среди возможных вариантов представления смыслового содержания и установления коммуникативного намерения в научной среде выделяются несколько методов, являющихся наиболее востребованными. Анализ основных методов исследования позволил выделить следующие наиболее релевантные при проведении лингвистической экспертизы текста:

Ключевые слова текста (КС) – это слова (словосочетания), имеющие в данном тексте дополнительную смысловую нагрузку, несущие основную смысловую информацию. О ключевых словах в своих работах упоминал Н. И. Жинкин. Используется либо индексирование, либо экспериментально-статистический способ выделения (в обоих случаях выделяются только наиболее частые единицы текста) [Хитина 2013: 209].

Контент-анализ – представляет собой систематизированную фиксацию и квантификацию единиц содержания в исследуемом материале. По мнению А. Н., Баранова, контент-анализ «заключается в том, чтобы по внешним (качественным) характеристикам текста на уровне слов и словосочетаний сделать правдоподобные предположения о его плане содержания и, как следствие, сделать выводы об особенностях мышления и сознания автора текста – его намерениях, установках, желаниях, ценностных ориентирах и т.д.» [Баранов 2001: 247].

Информационно-целевой (мотивационно-целевой) подход [Жинкин 1982], в основе которого лежит теория предикатов Н. И. Жинкина. Выявляется цель автора и основные элементы общего содержания.

Анализ просодической организации речи (при исследовании аудио- видеоматериалов). Важность изучения просодической организации коммуникативного намерения определяется тем, что именно просодия «дает общающимся (говорящему и слушающему) первую ориентацию в понимании смысла высказывания во время акта речевой коммуникации» [Потапова 2003:20].

Приведем некоторые основные просодические средства речевого воздействия, используемые говорящими при передаче определенного коммуникативного намерения.

Громкость голоса – это легко оцениваемое и легко регулируемое свойство голоса. Первая проблема при её интерпретации – определить, вызвана ли повышенная или пониженная громкость актуальным намерением говорящего или является нормой для данного диктора. Как показали проведенные нами исследования громкость голоса диктора зависит от степени агрессивности речевого воздействия: при передаче агрессивного намерения голос диктора становится громче.

Высота голоса. В исследованиях профессора Р. К. Потаповой по распределению просодических значений установлено, что высокий уровень и широкий диапазон высоты основного тона характерен для такого эмоционального состояния, как ярость; низкий уровень и узкий диапазон высоты основного тона – для тревоги, тоски [Потапова 2006, 2015].

Мелодический диапазон голоса. Согласно Р. К. Потаповой [Потапова 2006], изрезанный контур, наиболее часто резкое нисходящее движение тона характеризует фразы, произнесенные в состоянии ярости, страха и тревоги. Плавный контур, плавное нисходящее движение тона в завершении отмечено во фразах, произнесенных в состоянии тоски. Таким образом, представляется возможным, интерпретация мелодического диапазона голоса как языкового средства речевого воздействия в коммуникации при передаче определенной целеустановки.

Можно предположить, что сильная мелодика информирует об уровне компетентности говорящего, его более высоком (чем у слушающего) уровне владения ситуацией и организующей роли, что, в свою очередь, характерно для речевых актов «требований-приказов» [Безяева 2002: 709]. Слабая мелодика, а в частности, так называемая падающая мелодика, означающая снижение высоты основного тона к концу предложений, с этой точки зрения, при неизменной громкости будет характеризовать слабоволие, некую подчиненность, управляемость, что характерно для позиции слушающего в речевых актах требования, или позиции говорящего в речевых актах просьбы [Безяева 2002: 709].

При интерпретации *темпа* как просодического средства речевого воздействия важно установить, изменен ли он вследствие осложнения прагматически нейтрального высказывания дополнительной определенной интенцией или обусловлен темпераментом говорящего. При агрессивном речевом воздействии отмечается достаточно быстрый темп речи.

Специфика темпа речи (скорость речи в слогах, стабильность/вариативность темпа речи, замедление темпа и произнесение без сужения диапазона пояснительных и добавочных конструкций, нарушение временной структуры фразы за счет более быстрого произнесения синтагмы или её части и т.д.) представляются нам зависящими не от языка, на котором говорит человек (за исключением способов заполнения hesitationных пауз), а от его личных анатомо-физиологических качеств и коммуникативной целеустановки в конкретном речевом акте.

Специфика использования *ударения* так же, как и остальные признаки, получаемые в ходе супrasegmentного анализа речевого воздействия, включает в себе информацию о коммуникативном намерении говорящего.

Механизмами оформления речевого воздействия при анализе ударения можно считать следующие: особенности расстановки выделительных акцентов; перенос логического центра высказывания на частицы и предлоги; пословное произнесение синтагм с усилением словесного ударения; ударение на отрицательной частице и пауза после неё; нормативность/ненормативность ритмической организации слова, выражающаяся в соотношении длительности ударного, первого и второго предупредительных слогов в слове; выделение синтагматически ударного слова за счет увеличения длительности гласного; увеличение длительности заударных гласных в синтагматически ударном слове.

При «реконструкции» коммуникативной целеустановки с помощью различных фигур ритмического протекания речи представляется верным описание ритмической организации высказывания, обладающего агрессивным речевым воздействием, как немелодичную, «угловато-отрывистую» речь с разрывами слов и предложений, внезапными изменениями громкости и тона.

Таким образом, изучение языковых средств, участвующих в формировании определенного речевого воздействия и способствующих образованию коммуникативной цели высказывания, представляется чрезвычайно важной и необходимой частью адекватной интерпретации смысла речевого сообщения в целом.

Следует отметить, что каждый из методов дает возможность проанализировать текст с различных позиций, которые не исключают, а дополняют друг друга. При проведении судебной лингвистической экспертизы как одного из важнейших источников судебных доказательств по делам, связанным с раскрытием особо тяжких преступлений, эксперту-лингвисту необходимо проводить глубокий анализ конструкций, во-первых, на лексико-фразеологическом, синтаксическом, логико-грамматическом и стилистическом, а также просодическом (при необходимости) уровнях языка и, во-вторых, исследовать коммуникативную функцию высказывания или фрагмента текста.

Понимание особенностей реализации коммуникативных целей позволяет адекватно и точно описывать значения конструкций. Поэтому коммуникативный подход представляется перспективным и значимым в лингвистической экспертизе текста, поскольку, учитывая лингвистические и экстралингвистические факторы текстообразования, он способствует достижению объективных результатов исследования.

Библиографический список

1. Баранов, А. Н. Введение в прикладную лингвистику : учеб. пособие / А. Н. Баранов. – М. : УРСС, 2001. – 360 с.
2. Безяева, М. Г. Семантика коммуникативного уровня звучащего языка / М. Г. Безяева. – М. : МГУ, 2002. – 752 с.
3. Жинкин, Н. И. Речь как проводник информации / Н. И. Жинкин. – М. : Наука, 1982. – 160 с.
4. Комалова, Л. Р. Агрессогенный дискурс: типология мультилингвальной вербализации агрессии / Л. Р. Комалова. – М. : Спутник, 2017. – 275 с.
5. Потапов, В. В. У истоков речеведения / В. В. Потапов // Лингвистическая полифония : сб. в честь юбилея профессора Р. К. Потаповой. – М. : Языки славянских культур, 2007. – С. 19–40.
6. Потапова, Р. К. Речь: коммуникация, информация, кибернетика / Р. К. Потапова. – 3-е изд. – М. : УРСС, 2003. – 564 с.
7. Потапова, Р. К. Язык, речь, личность / Р. К. Потапова. – М. : Языки славянской культуры, 2006. – 496 с.
8. Речевая коммуникация в информационном пространстве / отв. ред. Р. К. Потапова. – М. : ЛЕНАНД, 2017. – 112 с.
9. Хитина, М. В. Методы определения смыслового содержания текста / М. В. Хитина // Вестник Московского государственного лингвистического университета. – Вып. 13 (673). Языкознание. Междисциплинарный подход в теоретической и прикладной лингвистике. – М. : ФГБОУ ВПО МГЛУ, 2013. – С. 206–214.
10. Щербинина, Ю. В. Речевая агрессия. Территория вражды / Ю. В. Щербинина. – М. : Форум, 2015. – 400 с.

К ВОПРОСУ О ФОРМУЛИРОВАНИИ ВЫВОДОВ ЭКСПЕРТА В ВЕРОЯТНОЙ ФОРМЕ В СУДЕБНОЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЕ

А. К. Лебедева

Москва, Россия

ON FORMULATION OF EXPERT CONCLUSIONS IN THE FORM OF PROBABILITY IN FORENSIC LINGUISTICS

A. K. Lebedeva

Moscow, Russia

Аннотация. Внимание уделено вопросам обоснованности вероятных выводов в лингвистической экспертизе. Затронуты некоторые аспекты оценки заключения эксперта по результатам данной экспертизы. С учётом сложившейся практики правоприменителю следует уделять более пристальное внимание выводам эксперта в вероятной форме. Обоснована необходимость использования вероятных выводов в доказывании при расследовании различных преступлений и правонарушений. Приведены примеры дачи экспертом вероятных выводов по результатам лингвистической экспертизы.

Ключевые слова: судебная лингвистическая экспертиза, вероятные выводы, судебная экспертология, оценка заключения эксперта.

Abstract. The article considers the issues of validity of probable conclusions in linguistic expertise. Some aspects of evaluating the expert's conclusion on the results of this examination were touched upon. Taking into account the established practice, the law-enforcer should pay more attention to the expert's conclusions in a probable form. The necessity of using probable conclusions in proving various crimes and offenses is grounded. The examples of expert probable conclusions based on the results of a linguistic examination are given.

Key words: forensic linguistic expertise, conclusions of expert in probable form, forensic science, evaluation of expert opinion.

Судебная лингвистическая экспертиза в современном судопроизводстве, пожалуй, одна из самых назначаемых экспертиз по самым различным делам. Специальные знания эксперта-лингвиста могут быть необходимы как при рассмотрении дел об административном правонарушении, такое как, например, «Оскорбление», так и серьёзных преступлений, например, при расследовании преступлений коррупционной и экстремистской направленности.

В связи с тем, что профессиональные и квалификационные требования к эксперту определены только в федеральном законе о государственной экспертной деятельности в Российской Федерации [Федеральный закон № 73-ФЗ от от 31.05.2001, ст. 13] и относятся только к государственным судебным экспертам, на практике часто экспертизы, в том числе лингвистические производятся лицам часто невладеющими достаточными специальными знаниями в соответствующей области науки, неосведомлёнными о современных методиках производства экспертиз. Вследствие этого, особое внимание правоприменителя должно быть уделено оценке заключения эксперта.

Заключение эксперта, безусловно, является особым доказательством, в связи с тем, что правоприменитель не обладает специальными знаниями, в той мере, в какой владеет эксперт, оценка заключения эксперта может представлять собой достаточно трудоёмкий и сложный процесс. Более того, не стоит забывать, что эксперт может совершить ошибку, которая приведёт к недостоверному выводу, поэтому не следует оценивать заключение эксперта, основываясь только на формальных критериях. Уделять внимание необходимо не только выводам эксперта, но и анализировать весь процесс экспертного исследования.

Мы не можем полностью согласиться с суждением А. М. Зинина и Н. П. Майлис, которые пишут, что «следователю или суду необязательно разбираться во всех теоретических нюансах, но имеющееся у них представление об основных положениях криминалистической теории достаточно для оценки научной обоснованности заключения эксперта» [Зинин 2002 : 191]. Безусловно, лица, назначившие экспертизу, не владеют специальными знаниями, которыми обладает эксперт, тем не менее данные лица должны быть осведомлены об отдельных особенностях проведения экспертиз, об их возможностях, об используемых методиках и границах их применения. Данные знания помогут осуществить наиболее полную оценку результатов судебной экспертизы.

Мы остановимся на этапе оценки именно достоверности заключения эксперта, так как он является наиболее сложным этапом., А. Н. Петрухина, например считает, что «достоверное экспертное заключение включает в себя соответствие объективной действительности и его доказанность (обоснованность)» [Петрухина 2013 : 122].

По результатам проведённых исследований экспертом может быть дан вывод в категорической, вероятной форме или эксперт может указать, что ответить на поставленные вопросы не представляется возможным. По сей день в правоприменительной практике ведётся активная дискуссия о возможности использования выводов эксперта в вероятной форме в доказывании. В современном судопроизводстве считается, что только выводы в категорической форме могут иметь доказательственное значение, вероятные же носят только лишь «ориентирующий характер и могут быть использованы при проверке выдвигаемых версий, при установлении существования определённого факта» [Россинская 2016 : 304].

Формулирование вывода в вероятной форме обосновывается также, как и при категорическом суждении, и обуславливается выявленной достаточной совокупностью достоверно полученных данных и высокой степенью вероятности их существования. Однако вероятная форма вывода не означает их обоснованность или недостоверность. Мы не будем приводить множество точек зрения на данный вопрос, ограничимся лишь следующим суждением Юрия Кузьмича Орлова: «нельзя смешивать вероятное знание с предположением, догадкой, которые в принципе могут быть совершенно беспочвенными, неаргументированными» [Орлов 2005 : 231]. Вероятность означает лишь наличие объективных (в некоторых случаях и субъективных) обстоятельств, препятствовавших получению достоверного знания, но не в коей мере не говорит о его необоснованности.

Вероятные выводы, их причины, безусловно, должны быть также проанализированы правоприменителем, их необходимо оценивать, возможно, с большей степенью осторожности, но они должны быть учтены в совокупности с другими полученными по делу доказательствами. Выводы в вероятной форме могут иметь важное значение для дела и быть использованы в доказывании.

Вероятный вывод также, как и категорический, должен быть обоснован. К сожалению, на практике часто можно встретить заключения эксперта, в которых выводы являлись совершенно необоснованными. Рассмотрим один из подобных случаев. В экспертное учреждение поступил запрос на осуществление рецензирования заключения по результатам судебной лингвистической экспертизы. На разрешения эксперта были поставлены вопросы, связанные с установлением лингвистических признаков побуждения к определённым действиям и установлением наличия/отсутствия информации о передаче денежных средств. По результатам своего исследования эксперт пришел к выводу, что «в тексте разговора ... **вероятно** имеются высказывания, в которых идет речь о передаче денежных средств ...»; «в тексте разговора ... **вероятно** имеются высказывания, содержащие признаки побуждения к определенным действиям, относящимся в макротеме разговора (побуждение в форме согласия (не отрицания) к передаче **вероятно** денежных средств в виде (форме) благодарности ...» [Архив АНО «СОДЭКС МГЮА им. О. Е. Кутафина» 2017].

В судебной экспертологии, принятым считается, что в исследовательской части должны быть описаны причины, которые не позволили эксперту прийти к категорическому выводу. Мы, к сожалению, не имеем возможности привести полный текст заключения эксперта. Однако по результатам рецензирования данного заключения эксперта специалисты пришли к выводу, что какие-либо сведения, обосновывающие именно вероятную форму вывода, в заключении эксперта отсутствуют. Алгоритм действий эксперта при производстве лингвистических исследований по вопросу, связанному с установлением информации о передаче денежных средств в представленных эксперту материалах подробно описан в методике производства лингвистической экспертизы [Типовые экспертные методики исследования вещественных доказательств 2010, ч. 1, с. 252]. В анализируемом специалистами заключении в исследовательской части эксперт ограничился исключительно краткой стилистической характеристикой текста, описал коммуникативную ситуацию разговора, однако он не обосновал того, что в разговоре речь идёт о денежных средствах, установив при этом высказывания, которые содержат информацию о «передачи **вероятно** денежных средств в виде (форме) благодарности» (тем не менее, каким образом эксперт пришёл к данному выводу из заключения не совсем ясно).

В упомянутой нами типовой методике определены случаи, когда экспертом может быть дан вероятный вывод по результатам лингвистической экспертизы: «Вероятный положительный вывод формулируется в случае, если лингвистические признаки того или иного компонента текста, выявленные в соответствии с предметом исследования, в большинстве своем проявились имплицитно, и недостаточно речевого материала для их однозначной реконструкции» [Типовые экспертные методики исследования вещественных доказательств 2010, ч.1, с. 275]. Однако при ответе на оба вопроса эксперт не обосновал ни вероятную форму своего суждения, ни причины, которые помешали ему ответить на вопросы в категорической форме.

Таким образом, в данном заключении имелись существенные противоречия между суждениями эксперта в исследовательской части заключения эксперта и выводами.

Более того, эксперт в анализируемом заключении смешивает две формы вероятностей, что совершенно недопустимо. Таким образом, получается, что эксперт говорит не только о неопределённости существования разговора о денежных средствах, но и не может доподлинно судить о наличии самих высказываний побудительного характера. Следовательно, в своих выводах эксперт не отрицает, что может иметь

место информация, опровергающая, как факт какого-либо побуждения в разговоре коммуникантов, так и вообще какой-либо разговор о денежных средствах.

По результатам проведенного рецензирования данного заключения эксперта, специалисты пришли к выводу, что исследование является неполным, что приводит к существенным сомнениям в обоснованности и достоверности сделанных экспертом выводов.

К сожалению, подобные заключения эксперта, в которых эксперты ограничиваются описанием каких-либо формальных обстоятельств без проведения полноценного исследования встречаются сравнительно часто. Вследствие этого, считаем, что правоприменитель должен уделять должное внимание оценке достоверности заключения эксперта в независимости от того, выводы в какой форме, вероятной, категорической, НПВ, были сформулированы экспертом. В том случае, если лицо, назначившее экспертизу, считает, что неспособно оценить добросовестно достоверность заключения, для оценки заключения эксперта считаем необходимым привлечение специалиста.

Библиографический список

1. Архив АНО «СОДЭКС МГЮА им. О. Е. Кутафина», 2017.
2. Зинин, А. М. Судебная экспертиза : учебник / А. М. Зинин, Н. П. Майлис. – М. : Право и закон : Юрайт-Издат., 2002. – 320 с.
3. О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации : федер. закон № 73-ФЗ от 31.05.2001 (последняя редакция) // СПС «Консультант Плюс».
4. Орлов, Ю. К. Судебная экспертиза как средство доказывания в уголовном судопроизводстве. Научное издание / Ю. К. Орлов. – М. : Институт повышения квалификации Российского федерального центра судебной экспертизы, 2005. – 264 с.
5. Петрухина, А. Н. Оценка заключения эксперта в уголовном судопроизводстве / А. Н. Петрухина. – М. : Юрлитинформ, 2013. – 200 с.
6. Россинская, Е. Р. Теория судебной экспертизы (судебная экспертология) : учебник / Е. Р. Россинская, Е. И. Галяшина, А. М. Зинин ; под ред. Е. Р. Россинской. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Норма : ИНФРА-М, 2016. – 368 с.
7. Типовые экспертные методики исследования вещественных доказательств / под ред. Ю. М. Дильдина ; общ. ред. В. В. Мартынова. – М. : ЭКЦ МВД России, 2010. – Ч. I. – 568 с.

ВЕРБАЛЬНОЕ ОСКОРБЛЕНИЕ: ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ И ПРАВОВОЙ АСПЕКТЫ

А. А. Малюка

Москва, Россия

VERBAL INSULT: LINGUISTIC AND LEGAL ASPECTS

A. A. Malyuka

Moscow, Russia

Аннотация. Рассматриваются правовые и лингвистические аспекты понятия «вербальное оскорбление». Проведен сравнительный анализ понятий «оскорбление», существующих в области права и лингвистики. Выявлена и обоснована необходимость дальнейшего лингвистического анализа понятия «оскорбление» для более полного изучения этого явления. На основе проведенного исследования автором сделаны соответствующие выводы.

Ключевые слова: судебная лингвистическая экспертиза, судебная экспертиза, оскорбление, право, оскорбительный характер, речевой акт.

Abstract. The article deals with legal and linguistic aspects of the concept "verbal insult". A comparative analysis of the concept "insult" existing in law and linguistics is carried out. The necessity of further linguistic analysis of the concept "insult" is revealed and justified for a more complete study of this phenomenon.

Key words: forensic linguistic expertise, forensic expertise, an insult, a law, insult character, speech act.

Вербальное оскорбление как объект лингвистической экспертизы исследовался многими учеными, в том числе А. Н. Барановым, К. И. Бриневым, Е. И. Галяшиной, Г. В. Кусовым, М. А. Осадчим и др. Однако на практике продолжает возникать вопрос о разграничении юридического и лингвистического понятий оскорбления.

Несмотря на то, что Федеральным законом от 07.12.2011 № 420-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные акты Российской Федерации» декриминализованы преступления, предусмотренные ранее статьями 129 УК РФ (клевета) и 130 УК РФ (оскорбление), понятие «оскорбление» осталось в ст. 5.61 КоАП РФ «Оскорбление» [Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях № 195-ФЗ от 30 декабря 2001 г.], а также в ст. 297 УК РФ «Неуважение к суду», ст. 319 УК РФ «Оскорбление представителя власти», ст. 336 УК РФ «Оскорбление военнослужащего» [Уголовный кодекс Российской Федерации № 63-ФЗ от 13.06.1996]. В соответствии с указанными нормами оскорблением является унижение чести и достоинства другого лица, выраженное в неприличной форме. То есть с точки зрения права термин «оскорбление» включает в себя:

- унижение чести, достоинства,
- конкретное лицо или группа лиц, на которых направлено деяние,
- неприличная форма выражения.

В словарях русского языка понятие «оскорбление» имеет следующие значения:

1. Оскорбление, -я, ср.

Действие по знач. глаг. оскорбить-оскорблять. Оскорбление чувств. *Обвиненные в оскорблении величества, они ссылались в Шлиссельбург на бессрочное время. Герцен, Былое и думы.* Оскорбительный поступок, поведение, слова и т. п. – *Он мне... мне испортил всю жизнь -. Только и слышу одни оскорбления и... и обиды. Чехов, Черный монах.* – *Честью клянусь вам, меня первый раз в жизни так унижает женщина, и если бы эта женщина не была вы, я бы не снес этих оскорблений. Лесков, Островитяне* [Словарь русского языка 1999].

ОСКОРБИТЬ, -блío, -бíшь; прич. страд. прош. оскорблённый, -лён, -ленá, -ленó; сов., перех. (несов. оскорблять). Крайне обидеть, унижить кого-л.; уязвить, задеть в ком-л. какие-л. чувства. *Очевидно было, что Савельич передо мною был прав и что я напрасно оскорбил его упреком и подозрением. Пушкин, Капитанская дочка.* || Осквернить, унижить чем-л. неподобающим. *И ему стало безмерно стыдно, что драгоценные последние минуты он готов оскорбить фальшивью или ложью. Л. Соболев, Зеленый луч.*

2. Оскорбление, я, ср. Действие по глаг. оскорбить-оскорблять. *Нанес отцу нестерпимое оскорбление. Тургенев.* О. словами. О. действием. Нанести кому-н. о. Терпеть о. || Оскорбительный поступок, оскорбительное слово. *Посыпался град упреков, оскорблений* [Ушаков 1938, 2: 457].

3. Оскорбление ср. – 1. Процесс действия по знач. глаг.: оскорбить, оскорблять. 2. Поступок или слово (слова), оскорбляющие кого-л. [Ефремова 2006].

Исходя из значений, представленных в разных толковых словарях, с точки зрения лингвистики в понятие «оскорбление» входят такие составляющие как:

- форма (поступок, слово, поведение),
- адресат (на кого направлено действие),
- содержание (негативный компонент унижения, обиды),
- ментальный компонент (чувства кого-либо).

На основе приведенных данных можно сделать вывод, что термин «оскорбление» с точки зрения права имеет более точные компоненты, имеет четко выраженную логическую вербальную дефиницию и не содержит описания невербальных проявлений данного действия. В свою очередь понятие «оскорбление» в лингвистическом аспекте имеет размытые неявные границы, которые необходимо четко обозначить для дальнейшего применения при проведении лингвистических экспертиз. Таким образом, понятие «оскорбление» в лингвистическом аспекте более широкое, чем в правовом, что обусловлено разными целями специалистов в той и в другой областях. Специалисты в области права имеют своей основной задачей установление неправомерности деяния в соответствии законом. Это возможно только в случае наличия всех компонентов оскорбления в юридическом аспекте (состава правонарушения). В свою очередь специалисты при проведении лингвистической экспертизы должны выявить совокупность признаков, которые дадут основания сформулировать вывод о наличии или отсутствии оскорбления в представленном на исследование тексте. Экспертная практика по делам об оскорблении достаточно многочисленна. Однако, несмотря на это, экспертами не выработано единого подхода к исследованию текстов, содержащих признаки оскорбления. Необходима разработка единого общепринятого научно-методического подхода и понятийного аппарата судебной лингвистической экспертизы по делам об оскорблении. Для достижения указанной цели необходимо проведение совместных круглых столов, семинаров, конференций и иных мероприятий с участием представителей экспертных учреждений и научных школ с целью обсуждения и апробации уже разработанных методик и рекомендаций по диагностике признаков оскорбления в текстах и их усовершенствования [Подкатилина 2016: 394].

Также существуют коллизии в отношении возможности использования понятия «оскорбление» экспертами-лингвистами при производстве лингвистической экспертизы. Это связано с тем, что термины, имеющие общеизвестное значение, довольно часто находят отражение в нормативных юридических текстах. При этом подобное нормативное использование может вызвать дискуссии о том, что употребление таких терминов в экспертном исследовании является выходом за пределы компетенции эксперта. Как раз такая ситуация сложилась в отношении использования слова «оскорбление».

Общий вывод был сформулирован К. И. Бриным в монографии «Теоретическая лингвистика и судебная экспертиза»: «Лингвист способен указать на то, что какой-то речевой акт является речевым актом оскорбления, описать саму ситуацию использования речевого акта, другими словами, то речевое событие, которое имело место в действительности и называется в лингвистике словом «оскорбление», и нет никаких оснований помимо собственно лингвистических, которые связаны с отсутствием описания оскорбления, исключать квалификацию конкретного речевого поведения как оскорбления». Юрист оценивает при этом не термин «оскорбление», а то, что произошло, и оценивает произошедшую ситуацию юридически, другими словами, он вынужден решать следующий вопрос: «Достаточно ли тех признаков, которые были выявлены лингвистом и называются словом «оскорбление», для квалификации данной ситуации как преступного деяния, которое в юриспруденции называется словом «оскорбление?». Конечно, можно создавать эвфемизмы, говорить не «оскорбление», а «оскорбительно» или «инвективный речевой акт», но это уже сугубо технический момент, который связан с облегчением взаимопонимания между лингвистом и, например, судом» [Бринев 2009: 82]. Такое разграничение юридического и лингвистического понятий оскорбления схоже с явлением, когда разные науки изучают один и тот же предмет, но разные его признаки и свойства в различных их проявлениях. Например, наук, предметом изучения которых является человек, более десяти: анатомия (строение человеческого тела), философия (взаимодействие человека, его внутреннего мира с окружающим), лингвистика (функционирование речевой деятельности человека), антропология (происхождение, развитие человека) и многие другие. Таким образом, то, что было отмечено К. И. Бриным в его работе, наиболее четко отделяет юридический и лингвистический аспекты понятия вербального оскорбления.

Библиографический список

1. Бринев, К. И. Теоретическая лингвистика и судебная лингвистическая экспертиза : монография / К. И. Бринев ; под ред. Н. Д. Голева. – Барнаул : АлтГПА, 2009. – 252 с.
2. Галяшина, Е. И. Лингвистические признаки диффамации в теории и практике судебных лингвистических экспертиз / Е. И. Галяшина, М. В. Горбаневский, И. А. Стернин // Взгляд. Ежеквартальный аналитический бюллетень. – М. : Фонд защиты гласности. – 2005. – № 1 (6). – С. 24–39.
3. Ефремова, Т. Ф. Современный толковый словарь русского языка : в 3 т. / Т. Ф. Ефремова. – М. : АСТ, Астрель, Харвест, 2006. – URL: <http://www.onlinedics.ru/slovar/efr/o/oskorblenie-sr.html>
4. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях № 195-ФЗ от 30.12.2001 // Информационное правовое обеспечение «Гарант». – URL: <http://base.garant.ru/12125267/>
5. Подкатилина, М. Л. Судебная лингвистическая экспертиза по делам об оскорблении / М. Л. Подкатилина // Известия ТулГУ. Экономические и юридические науки. Вып. 3. Ч. II. Юридические науки. – Тула : Изд-во ТулГУ, 2016. – С. 389–394.

6. Словарь русского языка : в 4 т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований ; под ред. А. П. Евгеньевой. – 4-е изд., стер. – М. : Полиграфресурсы, 1999. – URL: <http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/15/ma264710.htm>
7. Стернин, И. А. Выявление признаков унижения чести, достоинства, умаления деловой репутации и оскорбления в лингвистической экспертизе текста / И. А. Стернин, Л. Г. Антонова, Д. Л. Карпов, М. В. Шаманова. – Ярославль, 2013. – 35 с.
8. Толковый словарь русского языка : в 4 т. / под ред. Д. Н. Ушакова. – М. : Сов. энцикл. : ОГИЗ, 1938. – Т. 2. – 523 с.
9. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // Информационное правовое обеспечение «Гарант». – URL: <http://base.garant.ru/10108000/>

МАТЕРИАЛЫ ПО ДЕЛАМ О РЕЛИГИОЗНОМ ЭКСТРЕМИЗМЕ: ПРОБЛЕМЫ МОНИТОРИНГА И ЭКСПЕРТНОЙ ОЦЕНКИ ИСЛАМСКОГО ДИСКУРСА

Л. М. Месропян

Ростов-на-Дону, Россия

MATERIALS ON THE CASES OF RELIGIOUS EXTREMISM: THE PROBLEMS OF MONITORING AND EXPERT JUDGEMENT OF THE ISLAMIC DISCOURSE

L. M. Mesropyan

Rostov-on-Don, Russia

Аннотация. Работа посвящена анализу экспертной практики по выявлению признаков экстремизма в религиозном дискурсе. Автор обращается к основным проблемам мониторинга и экспертной оценки религиозного дискурса, в частности указывает на специфику исламского дискурса, выявляет некоторые ее характеристики, важные для исследования материалов при выявлении их экстремистской направленности.

Ключевые слова: лингвистическая экспертиза, экстремизм, религиозный дискурс, мониторинг, исламский дискурс.

Abstract. The article is devoted to the expert practice analysis aimed at the uncovering of extremism features in religious discourse. The author refers to the main problems of monitoring and expert judgement of religious discourse, indicates the specific character of the Islamic discourse in particular, uncovers some of its characteristic features that are considered important to the research of materials on disclosing their extremist orientation.

Key words: linguistic expertise, extremism, religious discourse, monitoring, the Islamic discourse.

Почти ни одно дело по статье ст. 282 УК РФ не обходится без проведения лингвистической или комплексной психолого-лингвистической (психолого-религиоведческо-лингвистической) экспертизы. Но и экспертные ошибки в данной области, в частности по материалам, касающимся религиозного экстремизма, очень часты, что приводит к несправедливому исходу судебного разбирательства, неблагоприятному как для конкретной личности и его близких, так и для всего общества в целом.

Основной конфликт зарождается на самом начальном этапе выявления факта правонарушения со стороны правоохранителей, которые в силу объективных причин порой не могут верно оценить те или иные вербальные действия отдельных лиц в рамках религиозного контекста, а затем эта ошибка, как снежный ком, перерастает в огромную проблему, как для самих правоохранителей, так и для экспертов, которые, получая недостаточный контекст, ограничены в доступе к целостному объекту исследования, а также для лиц, в отношении которых возбуждаются эти дела.

Основная ошибка заключается в неверном понимании специфики религиозного текста и религиозной идеологии правоохранителями и многими экспертами. То, что для любой монотеистической религии является неотъемлемой составляющей, правоохранителями воспринимается как пропаганда исключительности по признаку религиозной принадлежности и др.

Пример: громкое разбирательство в Южно-Сахалинском суде по материалу книги «Мольба (дуа) к Богу: её значение и место в Исламе», где высказывания типа «Он - Живой, и нет божества, кроме Него. Взывайте же к Нему, очищая перед Ним веру. Хвала Аллаху, Господу миров!» (Сура «Гафир», 40:65 аят), «Это потому, что Аллах есть Истина, а то к чему они взывают помимо Него, есть Ложь, а также потому, что Аллах - Возвышенный, Большой» (Сура «Аль-Хадж», 22:62 аят) (Мольба: 18) воспринимались экспертом как «пропаганда исключительности», при этом эксперт не учитывал специфику данного религиозного высказывания и идеологии религии в целом, в результате чего материал, содержащий цитаты из Корана, был в первой инстанции признан экстремистским, а следовательно, и Коран был под абсурдной угрозой запрета.

Очень часто не учитывается эпоха и условия создания произведения, эксперты дают заключения, которые становятся основанием для запрета исторически важных художественных произведений.

Пример: неверное рассмотрение специфики произведения Футуху Шама «Завоевание Шама мусульманами. Футуху ш-Шам. Вдохновляющая история завоевания Сирии Сподвижниками Посланника Аллаха, переданная историком Ислама, Имамом аль-Вакиди.» привело к многолетним спорам относительно необходимости/недопустимости запрета данного произведения.

Причиной явились высказывания мусульман в отношении христиан в период зарождения конфликта и военных действий, предпринятых сподвижниками пророка и его последователями в эпоху зарождения и распространения ислама. В настоящее время не сохранилось достоверных сведений о создании анализируемого произведения. Его авторство, по различным источникам, приписывается арабскому историку Вакиди Абу Абдаллах Мухаммед ибн Омару, жившему на рубеже VIII-IX вв. нашей эры, в период ожесточенных войн между мусульманами и крестоносцами. В книге «Завоевание Шама мусульманами. Футуху ш-Шам» содержится **описание** вражды, ненависти по отношению к группе лиц, выделяемой по религиозной принадлежности, однако они обусловлены тематикой произведения и описываемыми в ней событиями (войны между христианами и мусульманами), спецификой языка средневековых произведений, а также историческим характером произведения в целом.

Учитывая лишь формальные признаки, без глубокого содержательного анализа, многие произведения вносятся в список экстремистских, не являясь таковыми по сути. Порой даже сложно предположить, на каком основании те или иные материалы были признаны экстремистскими.

Пример: произведение «Жизнь пророка», автор аль-Мубаракфури Сафи ар-Рахман, перевод с арабского Абдулла Нирша, – М.: Умма, 2008, 656 с. (№ 926. В списке экстремистских материалов), внесена, предположительно, в список запрещенных ввиду наличия в нем описания ада, где в одном из кругов ада обитают христиане и евреи.

Отметим, что в данном случае не учтена религиозная специфика текста, присущие любой монотеистической религии характеристики – восприятие своей религии как истинной, не поддающейся сомнению, глубокой веры и непринятия других, неприсущих данной религии, догм, в рамках которой любой, не признающий данную религию, считается грешником.

Второй этап нарастания снежного кома осуществляется уже на уровне экспертной оценки ввиду частой недостаточной компетентности экспертов или недостаточного контекста исследуемого материала.

Обычно ввиду сжатости сроков проведения исследования, эксперты не достаточно глубоко исследуют текст, допускают экспертные ошибки, подходят к решению проблемы формально, не вникают в контекст, не рассматривают все логические и смысловые взаимозависимости и связи внутри контекста.

Так, при исследовании религиозного контента социальной сети чаще всего предоставляются скриншоты тех или иных высказываний или опубликованных материалов отдельных пользователей социальной сети, при этом эксперт получает недостаточно информации о контексте.

Пример: на экспертизу были предоставлены скриншоты публикации нескольких пользователей сети, которые разместили на своих страницах два (мольбу) идеолога ИГИШ Шейха Абу Мухаммада аль Аднани, содержащего неоднозначные призывы.

Правоохранители усматривали в действиях всех указанных лиц (пользователей сети) призывы к терроризму, однако глубокий анализ контента страниц данных пользователей сети выявил, что двое из разместивших данный материал, в действительности ведут антитеррористическую профилактическую деятельность. Размещение два (мольбы) духовного лидера ИГИШ (организация, запрещенная в РФ) было мотивировано дальнейшим его детальным логическим опровержением в комментариях к той же самой публикации. То есть, формальный метод поиска в сети по тем или иным лексическим (словесным) запросам информации, приводит к сплошной выборке использования данных ключевых понятий, а неучет контекста может полностью исказить картину.

Обратная сторона медали: при этом из виду упускаются реальные распространители идеологии терроризма. Так, терминологическая насыщенность, присущая религиозному контенту, которая чаще всего незнакома человеку, не вовлеченному в религиозную деятельность, становится препятствием выявления вербовки и склонения к террористической идеологии. Религиозные термины выступают как некий тайный язык для среднестатистического сотрудника правоохранительных органов, идет шифровка коммуникации, что приводит к упущению социально опасных деструктивных явлений.

Исламский дискурс современной русскоязычной коммуникации представляет собой сложное многоуровневое явление, сложившееся в результате интеграции религиозных, этнических и общенациональных характеристик участников коммуникации.

Лингвист, как один из основных участников подобных исследований, сталкивается с задачей интерпретации значений слов, относящихся к религиозному дискурсу, в частности к исламскому дискурсу.

Установление значений и подробное исследование исламизмов в судебных экспертизах по делам о религиозном экстремизме является точкой отсчета в деятельности эксперта. Данное положение обусловлено, во-первых, необходимостью «дешифровки» исламского кода в русскоязычных текстах, во-вторых, – необходимостью установления конкретных значений используемых исламизмов в анализируемом контексте.

Сложность подобной работы заключается в сущности самих исламизмов как части религиозного дискурса [Новокрещенных 2013 : 162-167], рассматриваемого многими исследователями (Ф. Х Тарасова, Э. Р. Мухамеджанова, М. Кемпер, А. Бустанов) как отдельного социолекта русского языка [Тарасова, Мухамеджанова 2017], [Кемпер, Бустанов 2015 : 211–221], [Кемпер 2015 : 65-74]. Исламский религиозный

дискурс обладает рядом характеристик, которые делают их дискурсивно маркированные элементы сложными для исследования:

1) вторичность по отношению лингвокультурному коду самого русского языка, сформировавшегося в том числе и под воздействием христианской религиозной традиции.

2) этническую детерминированность исламского религиозного дискурса в русскоязычной коммуникации в зависимости от этнической принадлежности (татары, ингуши, аварцы и т.д.) коммуникантов;

3) интерферированность речи (вкрапление иноязычных элементов, фраз, изречений), обусловленная самой религиозной традицией (например, использование конкретных речевых формул на арабском языке после упоминания Аллаха, Пророка Мухаммада и др.).

Специфичны также сами дискурсивно маркированные элементы – исламизмы, обусловленные рядом характеристик:

4) заимствованным характером исламизмов (в основном из арабского языка);

5) абстрактностью значения основной части исламизмов;

6) использованием терминологии, обладающей нехарактерными для понятия «термин» особенностями: многозначностью, вариативностью, контекстуальной обусловленностью.

Еще одна сложность для распознавания пропаганды экстремизма в религиозном контенте прослеживается в Интернет-опосредованной коммуникации. Сложность обусловлена такой возможностью Интернет-дискурса, как изменчивость контента, реализуемая посредством удаления или восстановления той или иной информации.

Многие правоохранители, обращая внимание лишь на перманентные признаки, упускают важную составляющую – скрытую пропаганду, которая активно ведется в социальной сети путем жонглирования информацией. При этом осуществляется данная пропаганда на высоком профессиональном уровне со всеми признаками кодирования сообщений, манипулятивной ее подачи и использованием психолингвистических приемов вовлечения. Так, лишь с учетом указанных выше аспектов стало возможным привлечение к ответственности администраторов и блокирование сообщества в социальной сети, охватывающего более 16 000 пользователей в возрасте от 15 до 25 лет. Группа функционировала несколько лет, на первый взгляд не содержала никаких признаков деструктивной деятельности (размещение цитат из Корана, фото пейзажей, животных, детей и т.д.), но при этом периодически давала «нейтральную» или отрицательную информацию о событиях, связанных с ИГИШ, чередуемая временным размещением сообщений о необходимости восприятия подаваемой информации **с противоположной оценкой**. При этом подобная маскировка мотивировались администраторами необходимостью соблюдения безопасности участников сообщества в социальной сети. Была разработана система шифровки информации, установлены правила переосмысления подаваемой информации и т.д., которые были доступны лишь постоянным подписчикам группы.

Таков основной, но не полный список проблем мониторинга и дальнейшей экспертной оценки материалов по делам о религиозном экстремизме, которые имеют место быть в современной действительности. Лишь глубокое понимание экспертами сущности религиозного контента может предотвратить ошибки, повысить эффективность экспертной деятельности. Особого внимания и дальнейшего развития заслуживают исследования в области исламского религиозного дискурса, исламизмов, как основных дискурсивно маркированных элементов и новых тенденций Интернет-опосредованной коммуникации.

Библиографический список

1. Кемпер, М. Русский язык ислама: феномен переключения кода / М. Кемпер // Ислам в современном мире: внутригосударственный и международно-политический аспекты. – 2015. – № 1 (11). – С. 65–74.
2. Кемпер, М. Ислам и русский язык: социолингвистические аспекты становления общероссийского исламского дискурса / М. Кемпер, А. Бустанов // Казанское исламоведение. Kazan Islamic Review. – 2015. – № 1. – С. 211–221.
3. Новокрещенных, Е. В. Проблема религиозного дискурса: дискурс религии или дискурс о религии? / Е. В. Новокрещенных // Вестник Томского государственного университета. – 2013. – № 10. – С. 162–167.
4. Тарасова, Ф. Х. Изучение исламского (русского) социолекта в социолингвистике / Ф. Х. Тарасова, Э. Р. Мухамеджанова // Современный мусульманский мир. Международный научный журнал Российского исламского института. – 2017. – № 2. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/izuchenie-islamskogo-russkogo-sotsiolekta-v-sotsiolingvistike>

РЕЧЕВОЕ ПОВЕДЕНИЕ КАК ПРЕДМЕТ КОМПЛЕКСНОЙ СУДЕБНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

А. В. Моисеев

Калуга, Россия

SPEECH BEHAVIOR AS A SUBJECT OF COMPLEX FORENSIC EXPERTISE

A. V. Moiseev

Kaluga, Russia

Аннотация. Обосновывается необходимость комплексного исследования речевого поведения при производстве судебной экспертизы. Приведены основные виды комплексных судебных экспертиз, общим предметом которых является речевое поведение. Для каждого вида раскрыты объекты исследования, основания для назначения и обозначены типичные вопросы.

Ключевые слова: речевое поведение, судебная экспертиза, комплексное исследование, психолингвистика.

Abstract. Proves the need for a comprehensive study of speech behavior in the production of forensic expertise. The main types of complex forensic expertise are given, the general subject of which is verbal behavior. For each type research objects, grounds for designation, and typical questions are identified.

Key words: speech behavior, forensic expertise, complex research, psycholinguistics.

Судебная экспертиза занимает особое место в следственной и судебной практике. Следом за эволюцией способов передачи и распространения информации развиваются и экспертные методы и методики исследования речи (как письменной, так и устной) и собственно текста. Однако стоит отметить, что современные задачи требуют для своего разрешения комплекса разных специальных знаний. Чаще всего это находит свое выражение в комплексной психолого-лингвистической судебной экспертизе.

Данная комплексная экспертиза имеет общее пересечение предметов исследования благодаря такой смежной научной области, как психолингвистика. Ключевым понятием психолингвистики является речевая деятельность. Речевая деятельность – это система речевых действий и операций, подчиненных иерархии целей. Она определяется как ведущий процесс использования языка для общения во время другой человеческой деятельности: теоретической, интеллектуальной или частично практической [Леонтьев 2010].

Таким образом, речь определяется как одно из средств осуществления речевой деятельности, а также речевой (языковой) процесс, процесс порождения (производства) и восприятия (понимания) речи, обеспечивающий все другие виды деятельности человека. Это относится ко всем формам речи (устной речи, письменной (чтение и письмо) речи и кинетической речи) [Леонтьев 2008].

Речевое поведение – это внешне наблюдаемые проявления речевой деятельности. Аналитика речевого поведения позволяет выявлять внутренние особенности речевой деятельности, выявление которых позволяет решать различные экспертные задачи. Можно выделить следующие частные виды судебных экспертиз, комплексным предметом исследования которых является речевое поведение:

1. Комплексная психолого-лингвистическая судебная экспертиза по материалам уголовных дел коррупционной направленности.

Объектом исследования являются аудио-, видеозаписи, полученные в ходе проведения оперативно-розыскных мероприятий, содержание которых отражено в дословном содержании, а также иные материалы уголовного дела, содержащие информацию о речевой деятельности фигурантов дел коррупционной направленности [Енгальчев, Моисеев, Моисеева 2015].

Выделяют следующие основания для назначения данной судебной экспертизы:

1. Присутствие признаков маскировки незаконной деятельности, обсуждаемой участниками разговора. Затрагиваемые вопросы в темах таких разговоров часто зашифрованы с помощью кодового языка или иных способов маскировки разговоров. Это связано с тем, что собеседники предполагают или точно знают, что выявление смысла их коммуникативного сообщения будет иметь крайне негативные последствия, так как деятельность, которую они осуществляют, является противозаконной, или противоречит сложившимся в обществе установкам, традициям и устоям.

2. Возможность провокации взятки как со стороны коррупционеров, так и со стороны коррупперов. Провокация осуществляется посредством методов и приемов речевого воздействия, целью которого является побуждение собеседника к определенным действиям незаконного характера.

3. Необходимость установления намерения взять и передать материальное вознаграждение.

4. Причастность какого-либо из участников разговора к коррупционной деятельности. В ряде случаев возможно нарочное привлечение невинного лица к разговору на темы незаконных деяний. В связи с этим возникает необходимость установить, понимает ли он содержание разговора и отдельных его тем или нет [Моисеев, Моисеева 2017].

Типичные вопросы комплексной психолого-лингвистической судебной экспертизы по материалам уголовных дел коррупционной направленности:

1) Каков контекст разговоров, предоставленных на исследование?

2) Каковы основные темы разговоров, предоставленных на исследование? Каков предмет каждой из тем?

3) Выявляются ли в ходе лингвистического и/или психологического исследования коммуникативные цели участников разговора? Если да, то что это за цели?

4) Какова коммуникативная позиция каждого участника разговоров?

5) Выявляются ли при анализе разговоров, предоставленных на исследование, лингвистические и/или психологические признаки того, что <ФИО коммуниканта> имел намерение получить денежные средства от <ФИО коммуниканта>? Если да, то какие это признаки?

6) Выявляются ли в разговорах, предоставленных на исследование, лингвистические и/или психологические признаки маскировки их содержания? Если да, то что это за признаки?

2. Комплексная психолого-лингвистическая судебная экспертиза оценки достоверности/недостоверности сообщаемой информации.

Объектами экспертного исследования выступают видеозаписи оперативных и следственных действий. Основаниями для назначения комплексной психолого-лингвистической судебной экспертизы оценки достоверности/недостоверности сообщаемой информации являются:

1. Несоответствия в показаниях фигуранта уголовного дела с другими доказательствами по данному делу, а также их внутренняя противоречивость;

2. Отказ фигуранта уголовного дела от своих первоначальных показаний;

3. Отсутствие иных доказательств по данному уголовному делу [Багмет, Гусев, Енгалычев, Кравцова, Седин, Холопова 2017].

Типичные вопросы данного вида судебной экспертизы:

1) Каковы тематические фрагменты показаний <ФИО>, зафиксированных на видеозаписях следственных действий, предоставленных на экспертизу?

2) Выявляются ли в ходе исследования видеозаписей следственных действий, предоставленных на экспертизу, лингвистические и/или психологические признаки достоверности/недостоверности показаний <ФИО>? Если да, то какие и в каких тематических фрагментах?

3. Комплексная психолого-лингвистическая судебная экспертиза преступной группы.

Объектами здесь являются фонограммы, дословное содержание разговоров и иные материалы уголовного дела, содержащие информацию о речевой деятельности фигурантов уголовного дела [Енгалычев, Моисеева, Моисеев 2015]. Основание для назначения комплексной психолого-лингвистической судебной экспертизы преступной группы – совершение преступления группой лиц по предварительному сговору или организованной группой [Моисеев, Моисеева 2017].

Типичные вопросы данного вида судебной экспертизы:

1) Выявляются ли в ходе исследования текстов дословных содержаний представленных на исследование фонограмм (а также иных материалов уголовного дела) лингвистические и/или психологические признаки организации коммуникантов в единую группу? Если да, то что это за признаки?

2) Если в ходе исследования текстов дословных содержаний представленных на исследование фонограмм (а также иных материалов уголовного дела) выявляются лингвистические и/или психологические признаки коммуникантов в единую группу, то что является основой организации данной группы?

3) Выявляется ли в ходе исследования текстов дословных содержаний, представленных на исследование фонограмм (а также иных материалов уголовного дела) лингвистические и/или психологические признаки устойчивости группы и сплоченности ее членов?

4) Выявляется ли в ходе исследования текстов дословных содержаний, представленных на исследование фонограмм (а также иных материалов уголовного дела) формы взаимодействия между коммуникантами? Если да, то какова специфика их личностных контактов и способы разрешения возникающих вопросов?

5) Если в ходе исследования текстов дословных содержаний представленных на исследование фонограмм (а также иных материалов уголовного дела) выявляются цели и мотивы групповой деятельности коммуникантов, то каким образом они определяют их последующие действия (планирование, конкретизацию, детализацию и выбор способов осуществления действий)?

6) Выявляются ли в ходе исследования текстов дословных содержаний представленных на исследование фонограмм (а также иных материалов уголовного дела) лингвистические и/или психологические признаки структурированности группы? Если да, то какова ее структура и групповые роли коммуникантов?

4. Комплексная психолого-лингвистическая судебная экспертиза защиты чести, достоинства и деловой репутации.

Объектами выступают спорные сведения, зафиксированные в текстовой форме и распространенные в СМИ [Южанинова 2002]. Наиболее точно необходимость в проведении такого вида судебной экспертизы отметил Ратинов А. Р.: «Когда же одиозные идеи и материалы противоправного содержания поданы в изощренно закамуфлированной форме и выражены не открыто, а заложены в контексте и подтексте с использованием специальных языковых приемов манипулирования сознанием респондентов (способы введения в заблуждение здесь также рассмотрены), то для аргументированной и компетентной оценки такого текста нужна научная экспертиза» [Ратинов 2004 : 104].

Типичные вопросы комплексной психолого-лингвистической судебной экспертизы защиты чести, достоинства и деловой репутации:

1) Содержится ли <название спорных сведений> негативная информация о <ФИО>, умаляющая его честь и достоинство? Если да, то в чем это выражается?

2) Содержится ли в <название спорных сведений> негативная информация о <ФИО>, задевающая его деловую репутацию? Если да, то в чем это выражается?

3) Если в <название спорных сведений> содержится негативная информация о <ФИО>, то в какой форме она выражена: утверждения о фактах, которые можно проверить на соответствие действительности, или оценочного суждения, предположения, вопроса?

4) Какое психологическое воздействие <название спорных сведений> может оказать на мнение читателей относительно <ФИО>?

Библиографический список

1. Енгальчев, В. Ф. Психологическое исследование речевой деятельности фигурантов дел по групповым преступлениям коррупционной направленности / В. Ф. Енгальчев, И. Г. Моисеева, А. В. Моисеев // Известия Сочинского государственного университета. – 2015. – № 1 (34) – С. 277–280.
2. Енгальчев, В. Ф. Экспертно-психологический анализ уголовных дел коррупционной направленности : учеб.-метод. пособие / В. Ф. Енгальчев, А. В. Моисеев, И. Г. Моисеева. – Калуга : КГУ им. К.Э. Циолковского, 2015. – 47 с.
3. Леонтьев, А. А. Основы психолингвистики : учебник / А. А. Леонтьев. – 5-е изд., стер. – М. : Смысл : Академия, 2008. – 288 с.
4. Леонтьев, А. А. Язык, речь, речевая деятельность / А. А. Леонтьев. – М. : Красанд, 2010. – 216 с.
5. Методика выявления признаков достоверности/недостоверности информации, сообщаемой участниками уголовного судопроизводства (по видеозаписям следственных действий и оперативно-разыскных мероприятий) : науч.-практ. пособие / А. М. Багмет, А. Н. Гусев, В. Ф. Енгальчев, Г. К. Кравцова, В. И. Седин, Е. Н. Холопова. – М. : ФГБУ ГНЦ ФМБЦ им. А. И. Бурназяна ФМБА России, Академия СК России, 2017. – 130 с.
6. Моисеев, А. В. Использование психологических знаний при расследовании преступлений коррупционной / А. В. Моисеев, И. Г. Моисеева // Актуальные проблемы предварительного расследования : сб. матер. Всерос. науч.-практ. конф. / под ред. С. А. Грачева. – Кстово, 2017. – С. 145–149.
7. Ратинов, А. Р. Когда не стесняются в выражениях / А. Р. Ратинов // Понятия чести, достоинства и деловой репутации: Спорные тексты СМИ и проблемы их анализа и оценки юристами и лингвистами. – 2-е изд., перераб. и доп. / под ред. А. К. Симонова и М. В. Горбаневского. – М. : Медея, 2004. – 328 с.
8. Судебно-психологическая экспертиза в гражданском процессе: Защита чести, достоинства и деловой репутации : в 3 ч. / А. Л. Южанинова. – Саратов : Изд-во Саратов. акад. права, 2002. – Ч. 2. – 103 с.

ОСОБЕННОСТИ ВЫЯВЛЕНИЯ ПОДГОТОВЛЕННОСТИ ПОКАЗАНИЙ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

И. Г. Моисеева

Калуга, Россия

FEATURES DETECTION OF READINESS OF MINORS' TESTIMONY

I. G. Moiseeva

Kaluga, Russia

Аннотация. Раскрыто содержание вопроса об установлении признаков подготовленности показаний несовершеннолетнего в ходе допроса. Определены особенности проведения судебной экспертизы, а также методы лингвистического и психологического анализа речи несовершеннолетнего. Представлены основные смысловые и содержательные маркеры, указывающие на подготовленность показаний несовершеннолетнего.

Ключевые слова: допрос, несовершеннолетний, подготовленность показаний, судебная экспертиза.

Abstract. The article establishes the signs of preparedness of the testimony of a minor during interrogation. Specific features of forensic examination, as well as methods of linguistic and psychological analysis of a minor's speech are determined. The main semantic and content markers, indicating the readiness of the testimony of a minor, are presented.

Key words: interrogation, minors, preparation of testimony, forensic examination.

При обращении к экспертной практике последних нескольких лет выявляется высокая динамика специальных исследований по уголовным делам, связанным с фактами преступлений в отношении несовершеннолетних. При обращении законных представителей в правоохранительные органы несовершеннолетних, как правило, признается потерпевшим, и на основе его показаний выстраивается весь ход предварительного следствия. В последнее время все в большем количестве случаев допросы с участием несовершеннолетних фиксируются с помощью видеозаписи, которая впоследствии выступает объектом экспертного исследования. Основной целью обращения к экспертной практике в этих случаях является выявление признаков подготовленности показаний несовершеннолетних.

Задача выявления признаков подготовленности показаний несовершеннолетних может быть решена специалистами, обладающими лингвистическими или психологическими знаниями. Нередко наиболее объективным способом выявления этих признаков является производство комплексных психолого-лингвистических экспертных исследований. Их особенностью является применение комплексной методологии, включающей не только различные виды лингвистического анализа устного текста (семантико-синтаксический анализ, лексико-семантический анализ, функционально-стилистический анализ, функционально-прагматический анализ, прагматический анализ предложений, анализ коммуникативной структурной организации текста и др.), но и методы психологического анализа видеозаписи допроса [Кукушкина 2016 : 120]; [Моисеева 2017 : 114].

Основным при выявлении признаков подготовленности речи несовершеннолетнего является выделение блоков различного тематического содержания его показаний, фактически эпизодов преступных действий, которые были совершены, или якобы совершены в отношении него. При этом необходимо установить не только способность несовершеннолетнего устанавливать временные интервалы их совершения, а также указывать обстоятельства, имеющие значение для их квалификации. Кроме этого, здесь необходимо учитывать две важные психологические составляющие: способность несовершеннолетнего самостоятельно воспроизводить внешнюю сторону юридически значимой ситуации и понимать ее внутреннее содержание. Для решения этих задач необходимо учитывать особенности возрастного развития несовершеннолетнего. Здесь следует отметить, что практически всегда на допросе присутствует педагог-психолог, который призван помочь следствию в этих вопросах, однако, зачастую, это оборачивается дополнительным психологическим воздействием на ребенка дошкольного или младшего школьного возраста.

После того, как определены тематические фрагменты видеозаписи [Енгалычев, Моисеева, Моисеев 2015 : 41], их содержание и степень самостоятельности, осуществляется выявление в них признаков подготовленности показаний несовершеннолетнего. В трудах по речевой деятельности выделяются признаки различения спонтанности и подготовки устной речи, при определенном типе устной речи различается степень ее подготовки [Галашина 2003 : 94]. Как правило, при анализе видеозаписи выявляется заранее подго-

товленная речь (например, чтение вслух заранее известного текста, воспроизведение текста, выученного наизусть либо пересказ вслух с графической или письменной опорой) либо квазиспонтанная и спонтанная речь (речь за суфлером, стереотипная речь или репродуцирование вслух чужой речи, например, только что произнесенной законным представителем).

При анализе речи в моменты сообщения несовершеннолетним о конкретном эпизоде преступления необходимо обращать внимание на характерные особенности этой речевой деятельности, которые могут быть обобщены ключевым сквозным сообщением: высокий темп речи только при конкретных значимых сообщениях, строгая последовательность действий в каждом эпизоде, описываемая ребенком с помощью сложных синтаксических конструкций, наличие стереотипности и повторяемости описываемых действий, описание внутренних переживаний, обосновывающих наличие жизненного опыта, существенно выходящего по своей природе за пределы возрастного развития ребенка.

Последний указанный признак, выявляющийся уже в ходе самого допроса, и вызывающий дополнительные вопросы у следователя и присутствующих лиц, как правило, свидетельствует о подготовленности показаний несовершеннолетних по делам о сексуальных преступлениях. Основанием для выявления подготовленности показаний ребенка являются его высказывания, противоречащие закономерностям психосексуального развития, как минимум, в дошкольном и младшем школьном возрасте.

В современной отечественной психологии психосексуальное развитие связывают с овладением собственными влечениями, движением к эмоциональной зрелости и обретению, психологической автономии и способности к эмоционально-близким контактам с другими людьми [Шнейдер 2011 : 586]. Дошкольному возрасту соответствует «эдипова стадия», при которой ребенок осознает отличия роли отца от роли матери. У ребенка проявляется естественный интерес к сексуальным отношениям родителей и других взрослых (например, попытки подглядывания за обнаженными взрослыми). Младшему школьному возрасту соответствует «латентная стадия», длящаяся до наступления половой зрелости. У ребенка в младшем школьном возрасте появляются предметные интересы, лежащие за пределами взаимоотношений родителей, интерес к сексуальным проблемам на этой стадии закономерно снижается. На этой стадии расширяется социальная компетентность ребенка, наряду с расширением его знаний о мире природы и человеческой культуре [Шнейдер 2011: 594-595].

Учитывая эти возрастные особенности психосексуального развития, нельзя говорить о личном опыте ребенка, составляющем осознание сексуального характера описываемых им действий, предназначения этих сексуальных действий и принятия на себя половой роли в них. При выяснении особенностей понимания ребенком внутреннего содержания юридически значимой ситуации, следственные действия приобретают затяжной характер, вследствие чего налицо ярко выраженные поведенческие реакции, свидетельствующие об усталости и утомлении несовершеннолетнего. На этой стадии, зачастую, взрослые начинают использовать манипулятивные приемы и техники убеждения с целью получить желаемый ответ, что впоследствии негативно отражается как на самих следственных действиях (возникают противоречия в показаниях ребенка, противоречия в показаниях ребенка и других лиц, возникает необходимость в проведении дополнительных следственных действий, повторных судебных экспертиз), так и на психологическом здоровье несовершеннолетнего (возникают длительные негативные эмоциональные состояния и изменения личностных особенностей, психосоматические реакции и др.).

Таким образом, выявление подготовленности показаний несовершеннолетних является важнейшей задачей в ходе предварительного расследования. Назначение судебной экспертизы или судебного исследования по этому вопросу является оптимальным способом получения профессиональных выводов, позволяющих правильно оценить достоверность показаний несовершеннолетних допрашиваемых.

Библиографический список

1. Галяшина, Е. И. Основы судебного речеведения : монография / Е. И. Галяшина. – М. : СТЭНСИ, 2003. – 236 с.
2. Енгальчев, В. Ф. Об особенностях применения метода контента-анализа в судебно-психологической экспертизе различной предметной направленности / В. Ф. Енгальчев, И. Г. Моисеева, А. В. Моисеев // Прикладная юридическая психология. – 2015. – № 3. – С. 39–46.
3. Кукушкина, О. В. Методы анализа, применяемые в судебной лингвистической экспертизе / О. В. Кукушкина // Теория и практика судебной экспертизы. – 2016. – № 1 (41). – С. 118–126.
4. Моисеева, И. Г. Психологический анализ видеозаписи как метод судебно-психологической экспертизы / И. Г. Моисеева // Судебно-психологическая экспертиза и комплексные судебные исследования видеозаписей : сб. науч. ст. – М. : РГУП, 2017. – С. 113–115.
5. Шнейдер, Л. Б. Семейная психология : учеб. пособие / Л. Б. Шнейдер. – М. : Академический проект ; Киров : Константа, 2011. – 736 с.

ПРОПАГАНДА СУИЦИДА В СОЦИАЛЬНОЙ СЕТИ: ПРАГМАЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

М. А. Мороз

Ростов-на-Дону, Россия

SUICIDE PROPAGANDA IN SOCIAL NETWORKS: PRAGMALINGUISTIC ANALYSIS

M. A. Moroz

Rostov-on-Don, Russia

Аннотация. Рассматривается речевоздействующий потенциал социальной сети «ВКонтакте», выступающей в качестве платформы для пропаганды суицида, при этом отмечается использование различных манипулятивных приемов, стилистических средств, базирующихся на креолизованных текстах, выполняющих аттрактивную функцию.

Ключевые слова: речевое воздействие, лингвистическое манипулирование, социальная сеть, пропаганда суицида.

Abstract. The article considers the speech impact potential of the social network "VKontakte". The information represented in VKontakte can be used as a basis for suicide propaganda. It should be pointed out that various manipulative methods, stylistic devices, based on creolized texts are used because of their attractive function.

Key words: linguistic manipulation, social network, suicide propaganda.

Феномен речевого воздействия представляет собой актуальную сферу исследований специалистов. В настоящее время существует несколько точек зрения по вопросу определения данного термина. И. А. Стернин понимает под речевым воздействием новую современную науку, «предметом которой выступает эффективность общения» [Стернин 2012 : 178]. При этом отмечается, что эта наука является интегральной, объединяющей особенности различных отраслей не только лингвистики (например, традиционной системной лингвистики, коммуникативной лингвистики, психолингвистики, прагмалингвистики, стилистики и культуры речи и т.д.), но и других дисциплин – психологии, рекламной сферы и связей с общественностью, социологии, культурологии, этнографии, конфликтологии и т.д.

Другое понимание речевого воздействия предлагает Г. А. Копнина: во-первых, видоизменяется сам термин (добавляется определение «манипулятивный», т.е. акцентируется функциональная составляющая феномена), во-вторых, дается совершенно иная трактовка, которая значительно сужает термин. Под технологией речевого манипулятивного воздействия Г.А. Копнина понимает «последовательность действий манипулятора, реализуемых в его речевом поведении с целью побуждения адресата к определенному действию» [Копнина 2012 : 35-39]. Таким образом, в первом случае И. А. Стернин предлагает более широкое понимание речевого воздействия – речевое воздействие как наука, в то время как Г. А. Копнина говорит о более узком понимании феномена речевого воздействия, определяя его как алгоритм действий коммуниканта для достижения им коммуникативной цели.

Сложность и многоаспектность феномена речевого воздействия объясняется в том числе его междисциплинарной природой. Нельзя объяснить и проанализировать сообщение, исходя только из лингвистических или только из психологических знаний. Это всегда совокупность факторов. Некоторые исследователи отмечают даже важность применения при анализе манипулятивных текстов знаний из области биологии. А. В. Кинцель отмечает, что речевое воздействие формировалось на высших этапах эволюции человечества и человек биологически имеет предрасположенность к воздействию [Кинцель 2013 : 151]. Наличие определенных социализирующих структур мозга, характер организации высшей нервной деятельности человека делает неизбежным предрасположенность к речевому воздействию на биологическом уровне.

Отмечается несколько этапов речевого манипулирования:

сбор информации об адресате – обнаружение\ формирование мишеней воздействия – аттракция – побуждение адресата к действию – выигрыш инициатора воздействия [Копнина 2012 : 35-39].

Рассмотрим функционирование данной схемы в контексте коммуникации в социальной сети.

Первый этап – *сбор информации об адресате* – предполагает определение основных параметров целевой аудитории: если речь идет, как в данном случае, о сообществах в социальной сети, то не составит

труда выявить адресата. Сообщества в социальных сетях весьма многочисленны и разнообразны: они формируются в том числе с учетом потребностей потенциальной аудитории. Например, сообщества, ориентированные на подростков, будут содержать актуальные для молодежи темы (популярные фильмы, сериалы, мультсериалы, новости, школьно-студенческую тематику и т.д.), использовать соответствующую лексику (жаргон, заимствования, обценная лексика и т.п.), стилистические приемы, которые зачастую призваны «развлечь» аудиторию (ирония, каламбур, черный юмор и т.д.) и паравербальные средства (эмотиконы – «смайлики»\ «эмодзи\ эмоджи», интернет-мемы, структурирование информации с помощью хэштегов и т.п.). Происходит отбор информации по следующим характеристикам потенциального адресата:

- возраст (подростковые, детские сообщества, для совершеннолетних пользователей);
- пол (женские, мужские сообщества);
- увлечения\ хобби (кулинарные, фитнес-сообщества, сообщества по рукоделию\ играм и т.п.);
- профессиональный критерий (научно-популярные сообщества, сообщества по психологии, педагогике, экономике и т.п.);
- социальный критерий (сообщества для молодых мам, для студентов, по поиску работы и т.д.).

При сборе информации о потенциальном адресате все вышеперечисленные критерии используются в их совокупности.

Следующий этап – **обнаружение и формирование мишеней воздействия** – требует комментария специалиста в области психологии.

Если речь идет о пропаганде суицида, то необходимо установить «уязвимые места» в человеческом сознании, которые могут быть использованы в качестве тех самых мишеней воздействия. А. В. Мартыненко в своей работе «Суицид в молодежной среде» приводит следующую классификацию мотивов и поводов суицидальных поступков среди молодежи:

- лично-семейные конфликты (сюда автор относит несправедливое отношение со стороны родственников и окружающих, развод и конфликты родителей, препятствие к удовлетворению актуальной потребности, одиночество, неудачная любовь, недостаток внимания со стороны окружающих);
- состояние психического здоровья (реальные конфликты у здоровых лиц, патологические мотивировки, обусловленные расстройствами психической деятельности);
- состояние физического здоровья (наличие соматических заболеваний, физические страдания);
- конфликты, связанные с антисоциальным поведением суицидента (боязнь судебной ответственности, наказания или позора);
- конфликты в учебной или профессиональной сфере (несостоятельность, неудачи в учебе или на работе, падение престижа, несправедливые требования);
- материальные трудности и др. (Мартыненко, Энциклопедия гуманитарных наук, № 1/2005, 139–141). Данная классификация мотивов отражается в дифференциации вербальных компонентов мишеней воздействия; те же самые признаки уязвимости человека реализуются вербально.

В зависимости от цели, которую преследует автор сообщения, будут варьироваться и мишени воздействия, однако во многих ситуациях (например, пропаганда жестокости и насилия, пропаганда наркотиков и алкоголя и т.п.) мишени воздействия могут быть те же самые.

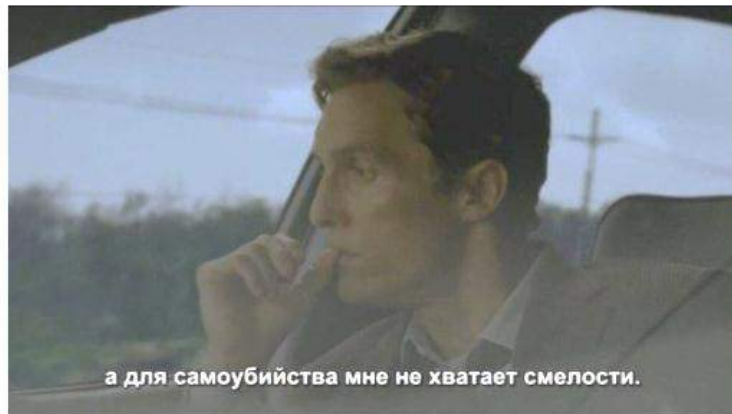
Этап **аттракции** заключается в том, что адресант делает сообщение, содержащее коммуникативный посыл к определенному действию со стороны адресата, привлекательным для адресата. Сюда входит способ подачи сообщения; например, аллюзия на популярный\ известный телересурс (передача, фильм, телесериал, мультсериал и т.д.), наличие стилистических приемов (языковая игра, метафоризация, ирония, каламбур и т.д.), необычная форма (стихотворная, «белый стих», хокку и т.д.) и так далее.

Этап **понуждения адресата к действию** может содержать призыв в прямой или косвенной форме, а также иные формы лингвокогнитивного воздействия, которые могут побудить адресата к совершению тех или иных действий, являющихся коммуникативной целью адресанта сообщения.

Если говорить о пропаганде суицида, то отмечается высокое использование креолизованных (поликодовых) текстов. Согласно определению Ю.А. Сорокина и Е.Ф. Тарасова, креолизованные тексты – «тексты, фактура которых состоит из двух негомогенных частей (вербальной **языковой** (речевой) и **невербальной** (принадлежащей к другим знаковым системам, нежели естественный язык)» [Сорокин 1990 : 180-181]. Четыре записи относятся к телетексту (то есть в качестве невербального компонента выступает кадр из кинофильма или телепередачи, в качестве вербального – соответствующая цитата из данного кинофильма). Коммуникативный эффект, таким образом, достигается за счет взаимодействия двух компонентов – вербального (текста изображения) и невербального (самого изображения).

киты умирают в лужах бензина

Нравится 130

8

Рисунок 1

Вербальный компонент выражен частью сложносочиненного предложения, поскольку имеет место сочинительный союз «а», который, являясь противительным, выражает отношения противопоставления, несоответствия, различия [Розенталь 1976]. Таким образом, «пропущенная» часть сложносочиненного предложения по смыслу противопоставлена имеющейся части. Эта «пропущенная» часть будет содержать одну из мишеней воздействия, индивидуальную для каждого отдельного реципиента. В сознании реципиента сообщения на лингвокогнитивном уровне восстанавливается «пропущенная» часть предложения, которую можно свести к общей категориальной установке «Моя жизнь плохая» («Моя жизнь плохая, **а для самоубийства мне не хватает смелости**»). Для каждого отдельного реципиента реализация данной категориальной установки конкретизируется в зависимости от конкретной мишени воздействия, присущей данному реципиенту: *лично-семейные конфликты* – «*Мои родители меня не любят, а для самоубийства мне не хватает смелости*»; *конфликты в учебной и профессиональной сфере* – «*Я неудачник, а для самоубийства мне не хватает смелости*» и т.д. В предложении содержится прямое указание на суицид – использование существительного «самоубийство». Невербальный компонент – кадр из популярного телесериала «Настоящий детектив», выполняет функцию аттрактивную, то есть привлекающую внимание адресата. Изображенный персонаж – один из главных героев данного телесериала, детектив Раст Коул, который придерживается философии пессимизма, одинок, пережил травматические события (развод, смерть ребенка). Является положительным персонажем, вызывающим сочувствие, сопереживание у зрителя, что является дополнительным «якорем» для представителей целевой аудитории, мишени воздействия которых совпадают с мишенями персонажа Раста Коула – лично-семейные конфликты.

киты умирают в лужах бензина

20 фев в 19:02

Нравится 119

4

2.9K

Рисунок 2

Вербальный компонент выражен диалогом. Первая реплика представляет собой вопросительное предложение «**Вы часто себя ненавидите?**». Семантическое наполнение, за счет качественного наречия «часто» («через короткие промежутки времени происходя, повторяясь, появляясь») – [Ефремова 2000] изменяется относительно вопроса «**Вы себя ненавидите?**». Темой сообщения является компонент «вы себя ненавидите», а ремой выступает качественный показатель – наречие «часто». То есть, в самом вопросе уже есть пропозиция «Вы себя ненавидите», остается лишь определить, как часто. Данная формулировка вопроса основана на использовании манипулятивной техники «лишение выбора». Ответ на вопросительное предложение – постоянно, то есть «1. Не прекращаясь; непрерывно. 2. перен. Не изменяясь; неизменно. 3. перен. Всегда» [Ефремова, 2000]. Опять же, мишенью воздействия здесь может выступать любая категория – реципиент сам, на лингвокогнитивном уровне, в зависимости от имеющейся мишени, домысливает, **за что** он себя ненавидит.

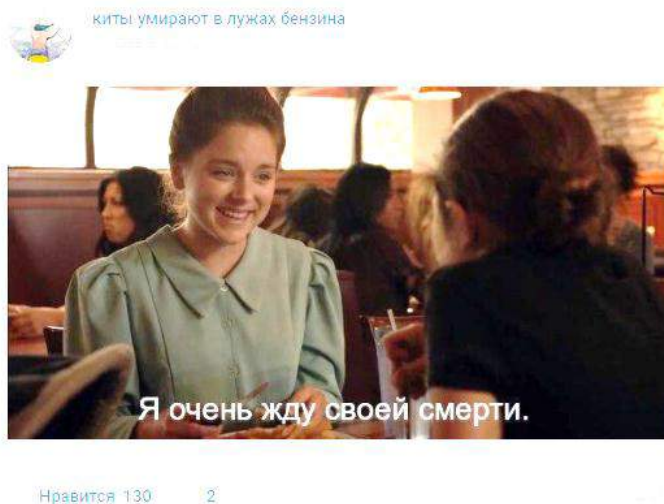

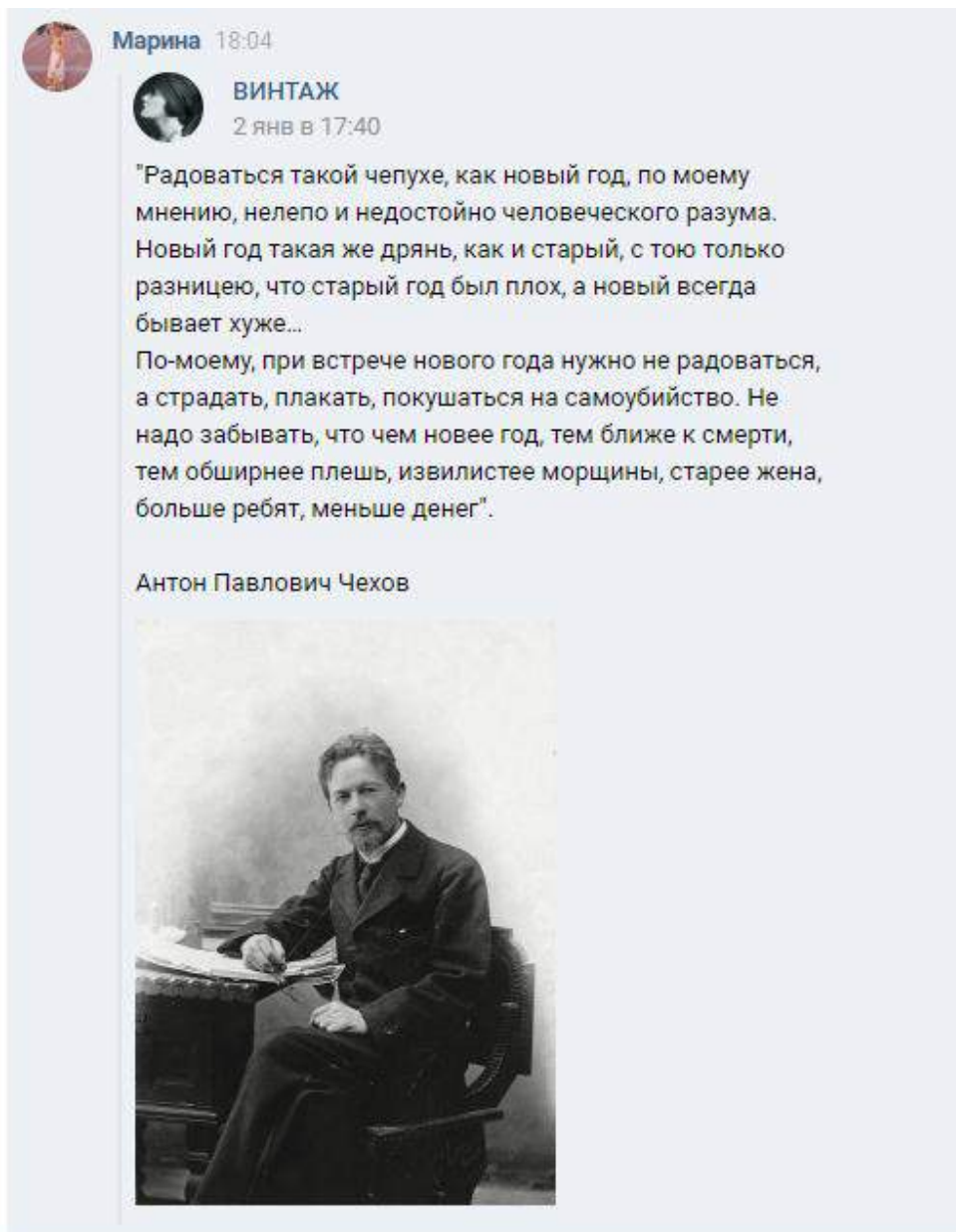
Рисунок 3

Вербальный компонент выражен предложением «**Я очень жду своей смерти**». Наречие «очень» – «1. Употребляется как усилитель неопределённо большого количества кого-либо или чего-либо. 2. Употребляется как усилитель степени проявления каких-либо свойств, качеств и т.п.; в сильной, в высокой, в значительной степени. 3. Больше, чем нужно, чем следует; избыточно [Ефремова, 2000] – выступает в роли интенсификатора, усиливает смысловое значение глагола «ждать» – «Пребывать в надежде получить что-либо желанное» [Ефремова, 2000]. Невербальный компонент представлен кадром из телесериала «Бесстыдники», популярного среди подростковой аудитории. Героиня, которой принадлежит данная реплика, улыбается. Улыбка – «мимика лица, губ или глаз, показывающая расположение к смеху, выражающая привет, удовольствие или иронию, насмешку» [Ефремова, 2000] – элемент невербального общения, средство коммуникации. Таким образом, улыбка – это невербальный сигнал, выражающий расположение к смеху, хорошее настроение коммуниканта; улыбка героини воспринимается как невербальное усиление смысла высказывания: ожидая желаемый результат (смерть), героиня находится в хорошем, радостном настроении.

Рисунок 4

Вербальный компонент представлен сложносочиненным предложением с противительной связью; «шагнуть под автобус» – описание способа самоубийства, иронический эффект достигается при помощи другой части предложения – «но он меня объехал»: союз «но» обозначает в данном контексте условие, при котором действие первой части предложения не выполнилось. Невербальные явления также являются носителями информации. Знаки языка телодвижений – осанка, стойка, взгляд, поза – героини интерпретируются как сигнал о плохом настроении, усталости, равнодушии (сутулость, неопрятность, минимальное выражение эмоций с помощью мимики и жестов). Сутулость и опущенный подбородок – поза «закрытая», героиня в данном случае демонстрирует нежелание коммуникации. Также сутулость как невербальный знак – признак неуверенности человека в себе [Стернин 2008 : 39-51].

Марина 18:04

ВИНТАЖ
2 янв в 17:40

"Радоваться такой чепухе, как новый год, по моему мнению, нелепо и недостойно человеческого разума. Новый год такая же дрянь, как и старый, с тою только разницею, что старый год был плох, а новый всегда бывает хуже...

По-моему, при встрече нового года нужно не радоваться, а страдать, плакать, покушаться на самоубийство. Не надо забывать, что чем новее год, тем ближе к смерти, тем обширнее плешь, извилистее морщины, старее жена, больше ребят, меньше денег".

Антон Павлович Чехов

Рисунок 5

Данная запись опубликована 2 января 2018 года в интернет-сообществе «ВИНТАЖ» в социальной сети «ВКонтакте». На момент проведения исследования (08.02.2018) данное сообщество насчитывало 424744 подписчиков, т.е. достаточно обширную аудиторию. Запись представляет собой поликодовый текст, где вербальным компонентом выступает цитата из произведения «Ночь на кладбище» Антона Павловича Чехова, а невербальный компонент – фотография самого писателя.

Текст произведения при публикации в сообществе был изменен: добавлено членение на абзацы (в оригинале данный фрагмент текста находится в одном абзаце), отсутствует конечный знак препинания – многоточие – в последнем предложении, а также отсутствуют признаки оформления цитирования персонажа произведения «Ночь на кладбище» Ивана Иваныча, которому и принадлежит данное высказывание: в

посте под цитатой указан Антон Павлович Чехов как автор цитаты, что ошибочно: автором данного высказывания является персонаж произведения А. П. Чехова «Ночь на кладбище» Иван Иваныч, который существует в рамках контекста произведения, наделен различными качествами характера, особенностями мировоззрения, не обязательно совпадающими с мнением, характером или мировоззрением самого А. П. Чехова.

Тем не менее, фрагмент произведения дается в сообществе без корректного указания контекста, что формирует ошибочное представление о том, что данная цитата принадлежит Антону Павловичу Чехову, а не персонажу его произведения. Реципиент может воспринять подобное как фрагмент, например, частной переписки А. П. Чехова, в которой последний выражает свои мысли. Поскольку Антон Павлович Чехов является известным на весь мир русским писателем, использование его имени, цитат его произведений, фактов из жизни писателя, фрагментов биографии и т.п. сопряжено с манипулятивным приемом апелляции к авторитетным источникам. Реципиент, таким образом, принимает текст за мысли самого писателя, а не его персонажа, а авторитет писателя заставляет читателя воспринимать текст по-другому: придавать ему большую ценность, ориентироваться на него как на пример.

В тексте также содержатся вводные конструкции, отсылающие к автору сообщения: «по моему мнению», «по-моему». Такого рода конструкции, помимо основной функции указывать адресанта, также выполняют фатическую, т.е. контактоустанавливающую функцию, сигнализируя об исповедальности, искренности, мотивов, отношения коммуниканта.

Рисунок 6

Данная запись опубликована в интернет-сообществе «blackout» в социальной сети «ВКонтакте». На момент проведения исследования (10.02.18) данное сообщество насчитывало 16928 подписчиков, т.е. материалы, опубликованные там, доступны достаточно большой аудитории.

Запись сообщества представляет собой креолизованный текст, вербальный компонент которого – текст на английском языке "The sadness will last forever." – Suicide note of Vincent van Gogh (1853-1890) (в шапке записи дается перевод текста на русский язык Печаль будет длиться вечно. Предсмертная записка Винсента ван Гога (1853 – 1890).

Здесь также используется манипулятивный прием «апелляция к авторитету», в качестве которого в данном случае выступает известный художник Винсент ван Гог. Примечательно, что в данном сообщении содержится фактическая ошибка – биографы художника, говоря о событиях, сопутствующих его кончине, отмечают, что последними словами ван Гога были «La tristesse durera toujours» («Печаль будет длиться вечно»), т.е. ни о какой предсмертной записке речь не идет.

Манипулятивный аспект также заключается в том, что широко известны такие подробности биографии художника, как его психологические проблемы, депрессия, нанесение самому себе телесных увечий (отрезанное ухо), самоубийство. Реципиенту, таким образом, освещают только одну сторону жизни деятеля: не знакомят с его творчеством, полной биографией, вкладом в культурное развитие человечества, а общаются о единичном событии, имеющем негативный характер.

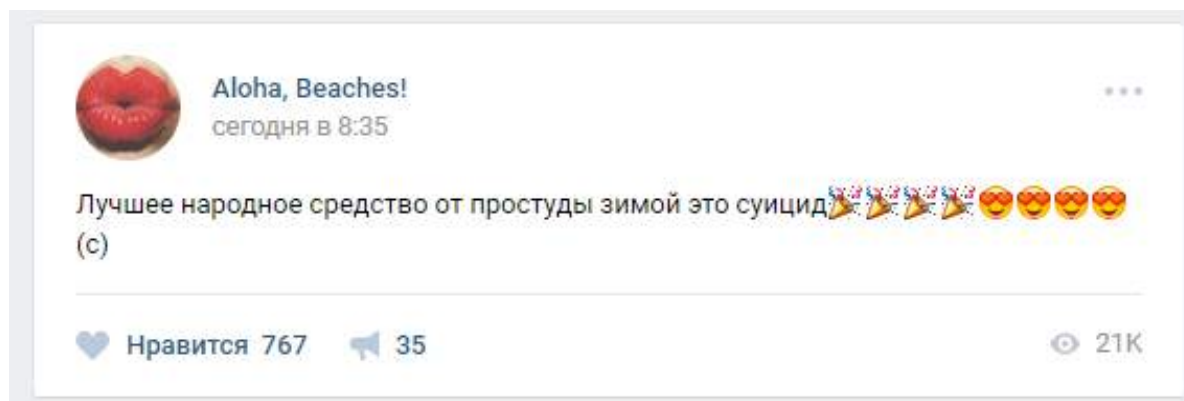

Рисунок 7

Данная запись опубликована в интернет-сообществе «Aloha, Beaches!» в социальной сети «ВКонтакте», на момент проведения исследования (11.02.18) насчитывается 835125 подписчиков, т.е. запись доступна широкой аудитории. Помимо текста (простое распространенное предложение *Лучшее народное средство от простуды зимой это суицид*) имеются эмодзи – «информационная система сокращений и значков (чаще шуточных), используемых [...] из-за невозможности передать нюансы своего настроения с помощью жестов, мимики или даже почерка» [Комлев 2006]. В данной записи содержится 8 эмодзи (4 из них изображают праздничный колпак с серпантином, в словаре эмодзи этот эмодзи носит название «party рооер» – сленговое выражение, «некомпанейский человек; человек, портящий другим веселье; не склонный соглашаться с общим мнением; индивидуалист» [<http://wooordhunt.ru/word/party%20rooper>], другие 4 изображают эмоцию «влюблен» [<http://www.shram.kiev.ua/talk/emoji/emojipedia.shtml>]).

В первом случае, в состав эмодзи входят следующие компоненты:

– **серпантин** – «Длинная узкая лента из цветной бумаги, бросаема в публику на балах, карнавалах и т.п.» [Ефремова. 2000];

– **праздничный колпак**: колпак – «Головной убор конусообразной или округлой формы [Ефремова 2000], праздничный – «3.Предназначенный для праздника» [Ефремова 2000];

– **party** (пер. с англ. «вечеринка») – «ж. разг. Встреча друзей, знакомых – обычно вечером – для совместного веселого времяпрепровождения и отдыха» [Ефремова. 2000].

То есть, эмодзи содержит компоненты, обозначающие праздничное мероприятие и его атрибутику, тем самым вызывая у реципиента соответствующие ассоциации. Второй эмодзи обозначает эмоцию «влюблен»: влюбленный – «I м. разг. Тот, кто испытывает любовное влечение к кому-либо. II прил. 1. Испытывающий любовное влечение к кому-либо, любящий. отг. Выражающий любовь, любовное влечение. 2. **Увлеченный, очарованный чем-либо**» [Ефремова 2000]. С учетом вербального контекста, второе значение «увлеченный, очарованный чем-либо» представляется в данном случае более приемлемым толкованием символа.

Говоря о собственно текстовой составляющей, отметим, что автор исследуемого текста использует прием обманутого ожидания, который порождает, в свою очередь, юмористический эффект: первая часть простого предложения *Лучшее народное средство от простуды зимой* является своего рода шаблонной, широко используемой формулировкой рецептов и советов. Например, в Национальном корпусе русского языка по запросу «лучшее народное средство» выдается следующий результат: «**Лучшее народное средство** при ожогах – это кефир, сметана, йогурт» [Каринская 2005]. Таким образом, реципиент после прочтения первой части предложения готовится использовать лингвокогнитивный механизм языковой догадки, но его догадка не подтверждается. Вторая часть предложения – *это суицид* – нарушает логику сообщения. Средствами «являются лекарства, медицинские препараты или предметы, необходимые при лечении. *Антисептические средства. | Противозачаточные средства. | Гигиенические средства. | Почему бы вам не попробовать народные средства?»* [Дмитриев 2003], суицид, соответственно, никакого отношения к лечению или медицинским средствам не имеет. Создается особый юмористический эффект, называемый также «черным юмором» – шутки на темы смерти, преступлений, несчастных случаев и т. д. [Серов 2003].

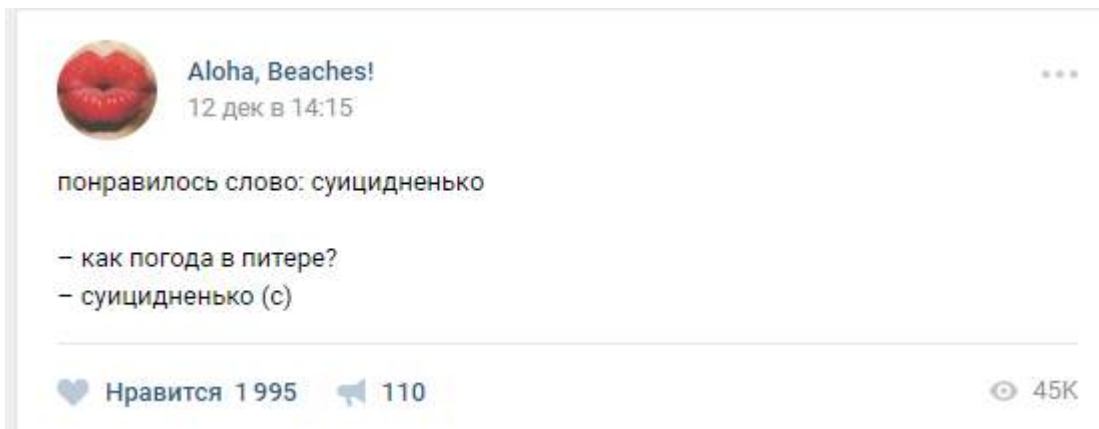

Рисунок 8

Данная запись опубликована в интернет-сообществе «Aloha, Beaches!» в социальной сети «ВКонтакте», на момент проведения исследования (11.02.18) насчитывается 835125 подписчиков, т.е. запись доступна широкой аудитории. Данная запись представляет собой текст, содержащий окказионализм, образованный суффиксальным способом: *суицидненько*. Словообразовательными суффиксами являются, во-первых, суффикс *-н-*, используемый при образовании прилагательных (суицидный), во-вторых, суффикс *-енько* (*-онько*), который используется при образовании «наречия со значением субъективно окрашенной усиленности или увеличительности признака, названного словами, от которых соответствующие наречия образованы (высоко́нько, давне́нько, долго́нько, короте́нько, лего́нько, преспоко́йне́нько, тихо́нько, хороше́нько, часте́нько и т.п.)» [Ефремова. 2000]. Таким образом, в окказионализме «суицидненько» происходит эмоционально окрашенное усиление значения формообразующего слова, т.е. существительного «суицид».

В вышеуказанных текстах содержится *общая апперцепционная база* – те знания, тот опыт говорящих, которые так или иначе могут входить при разговорном общении в коммуникацию, прямо взаимодействуя с ее вербальной семантико-синтаксической структурой (иными словами, фоновые знания коммуникантов). Различаются обще- и частично-апперцепционные базы. Обще-апперцепционная база характеризуется доступностью для всех носителей языка (либо для достаточно большого их числа). Частично-апперцепционная база объединяет ограниченный коллектив носителей языка, субъекты которого находятся в каких-либо отношениях (профессиональных, семейных, личных и т.д.) [Ширяев 2001 : 132-147]. В данном случае, общей апперцепционной базой будет выступать информация, сводящаяся к сложной психологической, жизненной ситуацией, выражающейся в проявлении основных проблем – тех самых мишеней воздействия. Основными чертами такого рода апперцепционной базы являются, во-первых, *универсальность* (любой представитель целевой аудитории сталкивается с этими проблемами, имеет одну из мишеней воздействия), во-вторых, *вариативность* (у каждого конкретного реципиента имеется свой собственный вариант либо набор вариантов, характерный для него). Дополнительная характеристика общей апперцепционной базы для подобного рода целевой аудитории – *интертекстуальность* (отсылка к определенным прецедентным текстам – телепередачам, мультсериалам, книгам, фильмам и т.д.). Основной задачей, таким образом, для интернет-сообществ подобного рода является привлечение внимания целевой аудитории – носителей общей апперцепционной базы, а также реализация общей категориальной установки «Моя жизнь плохая» в материалах интернет-коммуникации.

Библиографический список

1. Дмитриев, Д. В. Толковый словарь русского языка Дмитриева / Д. В. Дмитриев. – 2003. – URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/dmitriev/5131/средство>
2. Ефремова, Т. Ф. Толковый словарь Ефремовой / Т. Ф. Ефремова. – 2000. – URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/efremova/265440/>
3. Ефремова, Т. Ф. Толковый словарь Ефремовой / Т. Ф. Ефремова. – 2000. – URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/efremova/146028/Вечеринка>
4. Каринская, Е. Ваше место под солнцем / Е. Каринская // Труд-7. – 2005. – URL: <http://search1.ruscorpora.ru/>
5. Кинцель, А. В. Психолингвистические механизмы речевого воздействия / А. В. Кинцель // Известия Алтайского государственного университета. – 2013. – С. 151.
6. Комлев, Н. Г. Словарь иностранных слов / Н. Г. Комлев. – 2006. – URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_fwords/747/ЭМОТИКОН
7. Копнина, Г. А. Речевое манипулирование : учеб. пособие / Г. А. Копнина. – 4-е изд., испр. – М. : ФЛИНТА, 2012. – 170 с.
8. Мартыненко, А. В. Суицид в молодежной среде / А. В. Мартыненко // Энциклопедия гуманитарных наук. – 2005. – № 1.
9. Розенталь, Д. Э. Словарь-справочник лингвистических терминов / Д. Э. Розенталь, М. А. Теленкова. – 2-е изд. – М. : Просвещение, 1976. – URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/lingvistic/1566/союз>

10. Серов, В. Энциклопедический словарь крылатых слов и выражений / В. Серов. – М. : Локид-Пресс, 2003. – URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_wingwords/2989/Черный
11. Сорокин, Ю. А. Креолизованные тексты и их коммуникативная функция / Ю. А. Сорокин, Е. Ф. Тарасов // Оптимизация речевого воздействия. – М. : Наука, 1990. – С. 180–186.
12. Стернин, И. А. Основы речевого воздействия / И. А. Стернин. – Воронеж : Истоки, 2012. – 178 с.
13. Стернин, И. А. Практическая риторика : учеб. пособие / И. А. Стернин. – 5-е изд., стер. – М. : Академия, 2008. – 272 с.
14. Ширяев, Е. Н. Русский язык в научном освещении / Е. Н. Ширяев. – 2001. – № 1. С. 132–147.
15. URL: http://search1.ruscopora.ru/search.xml?env=alpha&mydocsize=&dpp=&spp=&spd=&text=lexform&sort=gr_tagging&lang=ru&nodia=1&req=%CB%F3%F7%F8%E5%E5%20%ED%E0%F0%EE%E4%ED%EE%E5%20%F1%F0%E5%E4%F1%F2%E2%EE%20&mode=paper
16. URL: <http://wooordhunt.ru/word/party%20pooper>
17. URL: <http://www.shram.kiev.ua/talk/emoji/emojipedia.shtml>

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СПЕЦИАЛЬНЫХ ПЕРЕВОДЧЕСКИХ ЗНАНИЙ В СУДЕБНОЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЕ МАТЕРИАЛОВ РЕЛИГИОЗНОГО ХАРАКТЕРА ЭКСТРЕМИСТСКО-ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ

В. Д. Никишин

Москва, Россия

USE OF SPECIAL TRANSLATIONAL KNOWLEDGE IN FORENSIC LINGUISTIC EXAMINATION OF EXTREMIST-TERRORIST RELIGIOUS DISCOURSE MATERIALS

V. D. Nikishin

Moscow, Russia

Аннотация. Рассматриваются проблемы возможности судебно-лингвистического исследования переводных текстов, установления эквивалентности перевода и исследования иноязычных фрагментов русскоязычных текстов в рамках судебной лингвистической экспертизы материалов религиозного характера экстремистско-террористической направленности.

Ключевые слова: лингвистическая экспертиза, судебная экспертиза, специальные знания, переводчик, переводные тексты, экстремизм, религиозный экстремизм, терроризм, язык вражды.

Abstract. The article deals with the problems of the possibility of forensic linguistic examination of translated texts, the establishment of equivalence of translation and the study of foreign fragments of Russian-language texts in the framework of forensic linguistic expertise of extremist-terrorist religious discourse materials.

Key words: linguistic expertise, forensic examination, special knowledge, translator, translated texts, extremism, religious extremism, terrorism, hate speech.

1. К проблеме возможности судебно-лингвистического исследования переводных текстов

Проблема судебно-лингвистического исследования переводных текстов связана с тем, что переводной текст является вторичным текстом, и ни одна из существующих на сегодняшний день методик судебной лингвистической экспертизы не признает его в качестве объекта лингвистической экспертизы.

Основываясь на концепции дуалистического рассмотрения понятия «перевод» В.С. Виноградовым [Виноградов 2004], предлагаем следующую дефиницию данного понятия: это *процесс* (мыслительная деятельность) и *результат* перекодирования информации, выраженной в продукте речевой деятельности на одном языке, средствами другого языка во вторичный (производный, косвенный) продукт речевой деятельности – переводной текст (устный или письменный).

И.А. Широких в своей работе «Переводной текст в аспекте учения о первичности/вторичности текста» предпринимает попытку «осуществить применение идей деривационной текстологии к теории перевода, когда переводной текст рассматривается как дериват исходного» и утверждает, что «языковое содержание оригинала практически никогда не воссоздается в переводе в полном объеме, и добиться здесь тождества невозможно», «перевод – это новая трактовка, новое воплощение оригинала» [Широких 2006 : 128-129].

Деятельность переводчика в процессе перевода можно разделить на три группы операций: замена языковых единиц текста на исходном языке эквивалентными единицами другого языка, различные семантические преобразования, связанные с языковыми единицами, которые таких эквивалентов не имеют, формирование и оформление текста на языке перевода [Комиссаров 2001 : 234]. При этом перевод является процессом, включающим два последовательных коммуникативных акта, процесс, в котором фигура переводчика является «посредником», дополнительным звеном-интерпретатором, создающим новый продукт речевой деятельности, что подтверждается современными западными концепциями перевода Г.В. Ейгера [Ейгер 2014 : 244; Ейгер 2015 : 6-10], О. Каде [Каде 1964] и других, рассматривающих переводчика как создателя текста на языке перевода – *Texter* или *Textproduzent*.

Процесс перевода не есть простая техническая замена одного языка другим, т.к. перевод – эпицентр столкновения языковых картин мира, парадигм, культур, складов мышления и типов ментальности, разных традиций и установок, иногда – разных эпох, разных уровней развития и т.д. «Переводной текст является производным от исходного текста: он создается на основе определенных характеристик текста оригинала и

воспроизводит их средствами иного языка в условиях иной культуры» [Латышев 1981 : 24]. По меткому утверждению Д.А. Ольшанского, перевод представляет собой «форму насилия, так как вынуждает либо заниматься поиском «чистых» смыслов (тем самым, искажая национальный характер текста), либо заставляет переводчика заниматься индивидуальным творчеством на языке А по мотивам произведения на языке В, что также не совпадает с задачами переводчика. И первая, и вторая стратегии вынуждают переводчика исказить (т.е. насиловать) оригинальный смысл, пытаясь либо понять универсальную (над-языковую и до-языковую) суть, очистив текст от национальных специфик, либо интерпретировать, тем самым, авторизовав (присвоив) переведённый текст» [Ольшанский 2002 : 12-14].

По мнению В. Н. Комиссарова, постоянные неизбежные потери, связанные с культурными и историческими ассоциациями, специфическими реалиями и другими тонкостями художественного изложения, с несовпадением отдельных элементов смысла в переводах самых элементарных высказываний, приводят к тому, что невозможно достигнуть абсолютного тождества оригинального текста переводу [Комиссаров 2004 : 24].

И. А. Широких приходит к выводу, что переводные тексты представляют собой «своеобразные «кодовые трансформации», в основе которых заложен *субъективный* момент, придающий производным текстам не столько жестко детерминированный, сколько *статистико-вероятностный характер*» [Широких 2006 : 129].

Таким образом, перевод представляет собой метод модификации исходного текста (в широком смысле), в котором одни аспекты его семантики сохраняются, приобретая более эксплицитную форму, а другие могут редуцироваться вплоть до полной элиминации. Данный факт говорит о невозможности исследования продукта речевой деятельности по его переводу (переводному тексту) в рамках судебной лингвистической экспертизы, если необходимо установить лингвистические факты в отношении оригинального текста, т.к. речь идет об изменении объекта исследования. Обеспечение сохранности и неизменности объектов исследования в интересах судопроизводства продиктовано их доказательственным статусом, тогда как проведение исследования модифицированного объекта нарушает фундаментальный принцип непосредственности, действующий в судебном разбирательстве.

Требование обеспечения сохранности представленных объектов исследований и запрет изменять их свойства в результате применения метода при проведении исследования без соответствующего на то разрешения дознавателя, следователя или суда имеет законодательное закрепление (Статьи 9 и 16 Федерального закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации», п. 3. ч. 4 ст.57 УПК РФ).

В этой связи мы полностью согласны с М. Ю. Мамаевым, который пишет: «...объектами лингвистической экспертизы являются тексты, непосредственно отображающие речевое событие, представляющее *криминалистический интерес*. Не принимаются в качестве объектов <...> переводы текстов на иностранном языке, *если представляет интерес именно иностранный язык*, так как во всех перечисленных случаях имеет место подмена объекта исследования» [Мамаев 2008].

Таким образом, недопустимо судебно-экспертное исследование иноязычного текста по его переводу: переводной текст выступает самостоятельным объектом исследования и при установлении экспертом лингвистических фактов, подтверждающих выражение в продукте речевой деятельности «экстремистских» значений, суд признает экстремистским материалом непосредственно переводной текст, а не оригинал.

2. Задача установления эквивалентности перевода в рамках судебной лингвистической экспертизы

В рамках исследования материалов религиозного характера экстремистско-террористической направленности зачастую возникает необходимость сопоставления смыслового содержания продукта речевой деятельности, представленного на исследование, со смысловым содержанием религиозных текстов, к которым отсылает указанный речевой продукт путём цитирования. Это связано с использованием некоторыми авторами искаженных и/или вырванных из контекста цитат из Священных Писаний и других религиозных текстов, что наиболее ярко сегодня представлено в исламской риторике. Целями такого манипулятивного воздействия могут быть как оправдание собственных радикальных убеждений, призывы к осуществлению экстремистской и террористической деятельности, так и обоснование враждебности определенной конфессиональной группы.

Как было доказано выше, тождественность оригинального и переводного текста объективно не может существовать, поэтому в современном переводе используется такое понятие, как адекватность, или эквивалентность, перевода.

Эквивалентность (адекватность) *перевода* (adequacy of translation) – это наиболее полное и идентичное сохранение в тексте перевода жанрового своеобразия оригинала и всей разнообразной информации, содержащейся в тексте подлинника. Это, прежде всего, общность понимания не только эксплицитно выраженной в тексте информации, но и имплицитно отнесенной к подтексту [Виноградов 2004].

Несомненно, важна в комплексе и семантическая, и прагматическая адекватность перевода, т.к. судебно-лингвистическое исследование, по верному утверждению доктора юридических наук, доктора филологических наук, профессора Е.И. Галяшиной, в сущности своей составляет анализ семантики и прагматики продукта речевой деятельности, представленного на исследование [Галяшина 2012].

Задача установления эквивалентности перевода укладывается в типовую задачу установления степени адекватности передачи в одном тексте смысла другого текста, выделяемую в частной теории судебной лингвистической экспертизы в рамках *судебной экспертологии*.

При установлении адекватности перевода при исследовании материалов религиозного характера экстремистско-террористической направленности следует учитывать общие характеристики религиозного дискурса, среди которых практикующий эксперт-лингвист, кандидат филологических наук А. Г. Волкова выделяет следующие:

- использование отвлеченной лексики, имеющей нравственное значение (любовь, милосердие, великодушие, щедрость и т.п.);
- аргументация, основанная прежде всего на ссылках на священные книги (например, Библию, Коран и т.д.);
- апелляция не к рациональной логике, а к «логике чувств», что связано с трудностями определения многих религиозных понятий (Бог, вера, любовь и т.п.);
- утверждение исключительного характера своей религии (при этом, как правило, не допускается резко отрицательная оценка других религий как враждебных) [Волкова 2013 : 58].

Первостепенную важность при осуществлении перевода имеет учёт разных языковых картин мира автора первичного текста и потенциального реципиента вторичного текста. По мнению Ю. Н. Шведовой, под языковой картиной мира необходимо понимать «выработанное вековым опытом народа и осуществляемое средствами языковых номинаций изображение всего существующего как целостного и много-частного мира, в своем строении и осмысляемых языком связях своих частей представляющего, во-первых, человека, его материальную и духовную жизнедеятельность и, во-вторых, все то, что его окружает: пространство и время, живую и неживую природу, область созданных человеком мифов и социума» [Лукманова 2010 : 107].

Это предполагает, прежде всего, глубокий анализ единиц с культураносной семантической долей, именуемых разными учёными по-разному: культураносы (В. Г. Гак), архикультураносы (В. В. Воробьев), культурологическая компонента (её проявление в речевом произведении – культурологические маркеры, лексика – культурологически маркированная) (С.В. Иванова) [Лукманова 2010 : 107].

При оценке эквивалентности перевода следует учитывать допустимость смещения категорий: смещение ранга (фразеологизм заменяется одним словом), структурное смещение (изменение строения предложения), внутрисистемные смещения (непереводимость артиклей).

Необходимо отметить, что текст, представленный на исследование, должен рассматриваться не как изолированный речевой продукт, а в связи с контекстами в широком смысле этого слова – в связи с прецедентными текстами (т.е. как метатекст). По верному утверждению членов Гильдии лингвистов-экспертов по документационным и информационным спорам, «принципиально важно учитывать взаимосвязанность внутри текста языковых элементов между собой и с композиционными элементами данного текста в ходе анализа его композиционно-речевой структуры с целью выявить действительный смысл слов, словосочетаний, фразеологизмов, словоформ, разного рода словесных клише... сверхлинейные детали языковых и речевых единиц возникают, образуются именно как следствие их употребления в контексте с другими языковыми элементами в составе текста» [Бельчиков, Горбаневский, Жарков 2010 : 169].

Задача установления адекватности/неадекватности перевода цитат из Священных Писаний, прежде всего, Корана, осложняется тем, что в материалах религиозного характера экстремистско-террористической направленности в качестве техники манипулятивного воздействия авторы вторичных текстов используют вырванные из контекста дискурсивные метафоры, погружая их в иной, «радикальный» контекст для обоснования собственных экстремистских убеждений. Кроме того, языковые единицы более высокого порядка (соответствующие аяту, стиху) также могут в этих целях погружаться в иной контекст и получать новую трактовку в связи с тем, что в первичном тексте их прагматическая направленность состояла в сообщении правила поведения для единичной ситуации, а во вторичном – переводном тексте – данные правила произвольно расширяются до всеобщности их применения вне связи с обстоятельствами их ниспослания, вне связи с временем и местом. В этой связи в некоторых случаях при исследовании материалов религиозного характера экстремистско-террористической направленности требуется привлечение эксперта-религиоведа, что является предметом отдельного научного исследования [Никишин 2013, 2015, 2017].

В связи с общественным резонансом, вызванным громкими процессами по оспариванию признания ряда информационных материалов экстремистскими (в том числе перевода Корана Э. Кулиева) на основании необъективных, составленных некомпетентными экспертами и не в соответствии с апробированными методиками заключений судебных экспертов, Федеральный закон от 25.07.2002 N 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» был дополнен статьёй 3.1. «Особенности применения законодательства Российской Федерации о противодействии экстремистской деятельности в отношении религиозных текстов», которая устанавливает запрет на признание экстремистскими Библии, Корана, Танаха (Священное писание в иудаизме) и Ганджура (собрание священных буддийских текстов), их содержания и цитат из них. Тем не менее, данная новелла законодательства не сильно облегчила лингвоэкспертную деятельность, т.к. породила новую правовую лакуну: установлен запрет признания экстремистскими данных Священных Писаний, но есть ли запрет на признание экстремистскими переводов данных речевых произведений? К слову, общепринято считать «официальными» целых 5 переводов Корана, которые по-разному, иногда противоположно, толкуют некоторые положения Писания. Кроме того, как мы уже доказали выше, формально не искаженные, но вырванные из контекста и погруженные в иной, «радикальный» контекст для обоснования экстремистской идеологии цитаты также имеют экстремистский дискурс. Однако в данном случае речь

идёт о возможности признания экстремистским продукта речевой деятельности в целом, включая данную(-ые) цитату(-ы) из поименованных в ст. 3.1 Закона о противодействии экстремистской деятельности источников, что является, на наш взгляд, правомерным (естественно, при условии наличия в продукте речевой деятельности «экстремистских» значений), но такое признание не ограничивает «оборот» данной(-ых) цитаты(-т) как самостоятельных речевых произведений или фрагментов текстов «неэкстремистского» дискурса.

3. Тексты, включающие иноязычные фрагменты

Исследование продуктов речевой деятельности, включающих иноязычные фрагменты, в современных условиях информатизации, глобализации и интернационализации, является чрезвычайно актуальным. При исследовании материалов религиозного характера экстремистско-террористической направленности необходимость исследования иноязычных фрагментов появляется чаще всего при установлении лингвистических фактов наличия или отсутствия в речевом произведении признаков оскорбления чувств верующих или признаков пропаганды экстремистско-террористической идеологии ИГИЛ⁸.

По данной категории дел объектами выступают преимущественно креолизованные тексты: картинки с надписями на иностранном языке, мемы, карикатуры, видеоролики, аудиозаписи и т.п. – распространяемые в сети Интернет без перевода иноязычных фрагментов с расчетом на то, что потенциальный реципиент в достаточной мере владеет иностранным языком для понимания содержания «двуязычного» продукта речевой деятельности (кроме того, в экспертной практике встречаются случаи назначения судебной лингвистической экспертизы объектов, выполненных полностью на иностранном языке и распространяемых в русскоязычном сегменте сети Интернет).

Тем не менее, в рамках судебно-лингвистического исследования необходим перевод данных иноязычных фрагментов, без определения семантики и прагматики которых невозможно определение семантики и прагматики речевого произведения в целом и невозможно решение задач судебной лингвистической экспертизы:

- дать толкование и разъяснение значений и происхождения слова, словосочетаний, устойчивых фразеологических выражений (идиом);
- интерпретировать основное и дополнительное (коннотативное) значение языковой единицы или единицы речи (устной или письменной);
- осуществить толкование положений текста для установления того, какие варианты понимания этих положений возможны в современном дискурсе;
- провести исследование текста (фрагмента) с целью выявления его смысловой направленности, модальности пропозиций, экспрессивности и эмотивности речевых единиц, их формально-грамматической характеристики и семантики, специфики использованных стилистических средств и приёмов [Овчинникова 2010 : 469-479].

В силу владения английским языком большого процента молодёжи России в социальных сетях изобилуют креолизованные тексты на *английском* языке (сопровождающиеся текстом на русском языке и нет).

В экспертной практике мы находим примеры исследования креолизованных текстов, отсылающие к идеологии фашистской партии Германии. Например, на исследование были представлены фотографии граффити, содержащие нацистскую символику и фрагменты, выполненные на разных языках: «Heil Hitler!» («Да здравствует Гитлер!», *нем.*), «SHARP SCUM» («Коварный гондон (подонок)», *англ.* – название скинхедской рок-группы), «Адольф, проснись!» и др. Также в качестве объектами судебно-лингвистического исследования выступали видеозаписи, содержащие фрагменты съёмки 1930-1940-х годов, запечатлевших деятельность фашистской партии Германии, и/или сопровождающиеся военными песнями Третьего Рейха и т.п. (например, на исследование были представлены видеоролики под названиями: «Wehrmacht Parade Best Color Footage», «Triumph of the Will – Parade», «Berlin 1936 (in Farbe)»).

Потребность в судебно-лингвистической экспертизе продуктов речевой деятельности, содержащих фрагменты на *французском* языке, появилась в связи с активным распространением карикатур нашумевшего французского издательства «Шарли Эбдо», чьи публикации, по мнению многих общественных и политических деятелей, содержат оскорбление чувств верующих.

В связи с активной деятельностью запрещенной в России террористической организации ИГИЛ по вербовке молодых людей в качестве объекта судебной экспертизы материалов религиозного характера экстремистско-террористической направленности зачастую выступают продукты речевой деятельности (чаще – креолизованные тексты, а именно видеоролики), содержащие фрагменты на *арабском* языке (как аудиоряд, так и динамические изображения). Тематика большинства такого рода речевых произведений – вооруженные конфликты в Чечне и Сирии.

Определенные трудности могут возникнуть при переводе арабизмов, образованных от общеупотребительных глаголов с нейтральной стилистической и положительной эмоционально-экспрессивной окраской и заимствованных в русский язык, но получивших дополнительные (чаще – отрицательно-оценочные) коннотации по сравнению со своими этимонами (такие арабизмы, как «моджахед», «талиб», «шахид», «ваххабит», «джихад» и т.д.). Например, этимон слова «джихад» – *جِهَاد* – в арабском языке толкуется как «усилия; старания во имя Аллаха» [Баранов 1985], а Национальный корпус русского языка

⁸ Запрещенной в России террористической организации.

(<http://www.ruscorpora.ru>) позволяет вывести следующее толкование данного арабизма: «священная война, объявляемая мусульманами иноверцам», «вооруженная борьба» и т.д. Отрицательное эмотивное значение данных слов может усиливаться благодаря их связке в контексте со словами, содержащими семантический компонент «насилие»: казнен, вооружен, взрывы, оружие и т.д.

Как утверждают О. И. Александрова и Е. В. Захарова, «будучи непрозрачной, семантика иноязычных исламских терминов стирается, и они становятся словами-«этикетками», характеризующими лишь организации, использующие эти термины в качестве самоназвания, – ваххабиты, моджахеда, талибы. По этой причине в англоязычных текстах названия группировок часто выступают в качестве имен собственных (Mujahideen, Hamas, Taliban)» [Александрова, Захарова 2013 : 40].

Библиографический список

1. Александрова, О. И. Особенности употребления и перевода лексики ислама в русскоязычных и англоязычных новостных текстах / О. И. Александрова, Е. В. Захарова // Вестник РУДН, Сер. Лингвистика. – 2013. – № 1.
2. Баранов, Х. К. Арабско-русский словарь / Х. К. Баранов. – М. : Русский язык, 1985.
3. Бельчиков, Ю. А. Методические рекомендации по вопросам лингвистической экспертизы спорных текстов СМИ : сб. материалов / Ю. А. Бельчиков, М. В. Горбаневский, И. В. Жарков. – М. : Информация, 2010.
4. Виноградов, В. С. Перевод: общие и лексические вопросы / В. С. Виноградов. – М., 2004.
5. Волкова, А. Г. Дискурсивные метафоры религиозных текстов и их анализ в судебной лингвистической экспертизе / А. Г. Волкова // Теория и практика судебной экспертизы. – 2013. – № 3 (31). – С. 56–59.
6. Галяшина, Е. И. Судебная экспертиза (экспертное заключение): ошибки назначения и производства судебной лингвистической экспертизы / Е. И. Галяшина. – 2012. – URL: http://arbir.ru/articles/a_5059.htm
7. Эйгер, Г. В. Образ языка и образ биологического вида с позиций общей теории развивающихся систем и теории уровней научного знания / Г. В. Эйгер, В. М. Эпштейн // Вісник Харківського національного університету імені В. Н. Каразіна. Сер.: Романо-германська філологія. Методика викладання іноземних мов. – 2015. – № 1155, вип. 80.
8. Эйгер, Г. В. Аспекты теории перевода и избранные поэтические переводы. К 90-летию со дня рождения доктора филологических наук профессора Генриха Вильгельмовича Эйгера : монография / Г. В. Эйгер ; сост., общ. ред. Л. С. Пихтовникова. – Харьков : ХНУ им. В. Н. Каразина, 2014.
9. Каде, О. Субъективные и объективные факторы в процессе перевода / О. Каде. – 1964., диссертация.
10. Комиссаров, В. Н. Современное переводоведение / В. Н. Комиссаров. – М., 2001.
11. Комиссаров, В. Н. Современное переводоведение / В. Н. Комиссаров. – М. : ЭТС, 2004.
12. Латышев, Л. К. Курс перевода. Эквивалентность перевода и способы ее достижения / Л. К. Латышев. – М., 1981.
13. Лукманова, Р. Р. Семантическая адекватность оригинального и переводного текстов: к постановке проблемы / Р. Р. Лукманова // Вестник башкирского университета. – 2010. – № 1.
14. Мамаев, М. Ю. Методические презумпции лингвистической экспертизы / М. Ю. Мамаев // Юрислингвистика-9. – Барнаул, 2008.
15. Никишин, В. Д. Актуальные вопросы религиозной экспертизы / В. Д. Никишин // Проблемы использования специальных знаний в России и за рубежом : материалы Междунар. форума студентов, аспирантов и молодых ученых. – М., 2013. – Т. II.
16. Никишин, В. Д. Судебная текстологическая экспертиза экстремистских материалов религиозного дискурса / В. Д. Никишин // Теория и практика судебной экспертизы в современных условиях : материалы V Междунар. науч.-практ. конф. – М., 2015.
17. Никишин, В. Д. Теоретические основы комплексной экспертизы религиозного дискурса / В. Д. Никишин // Теория и практика судебной экспертизы в современных условиях : материалы VI Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. памяти заслуженного юриста РФ, доктора юридических наук, профессора Юрия Кузьмича Орлова (г. Москва, 19–20 января 2017 г.). – М. : Проспект, 2017. – 656 с.
18. О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации (с изм. и доп.) : федер. закон от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ.
19. Овчинникова, Л. С. Судебная лингвистическая экспертиза переводных текстов / Л. С. Овчинникова // Актуальные проблемы российского права. – 2010. – № 2а.
20. Ольшанский, Д. А. Межкультурная коммуникация: насилие перевода / Д. А. Ольшанский // Коммуникация: теория и практика в различных социальных контекстах – «Коммуникация-2002» («Communication Across Differences») : материалы Междунар. науч.-практ. конф. – Пятигорск : Изд-во ПГЛУ, 2002. – Ч. II.
21. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ [ред. от 19.02.2018].
22. Шведова, Н. Ю. Теоретические результаты, полученные в работе над «Русским семантическим словарем» / Н. Ю. Шведова // Вопросы языкознания. – 1999. – № 1. – С. 3–16.
23. Широких, И. А. Переводной текст в аспекте учения о первичности/вторичности текста / И. А. Широких // Известия алтайского государственного университета. – Барнаул, 2006. – № 4.

ИССЛЕДОВАНИЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ХАРАКТЕРИСТИК ПИСЬМЕННОГО ТЕКСТА ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА С ЦЕЛЬЮ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПОЛА АВТОРА

И. В. Огорелков

Москва, Россия

RESEARCH ON LINGUISTIC FEATURES OF THE WRITTEN POLITICAL TEXT IN TERMS OF IDENTIFYING THE NARRATOR'S GENDER

I. V. Ogorelkov

Moscow, Russia

Аннотация. Рассматриваются вопросы исследования гендерных различий мужской и женской речи при проведении автороведческого диагностического исследования. Цель статьи заключается в выявлении, описании и классификации ключевых смысловых, текстологических, языковых и психолингвистических признаков, используемых при установлении пола автора текста политического дискурса. Авторами проводится сопоставительный анализ подходов к определению пола автора текста и определяются методические основы установления пола автора текста политического дискурса при проведении автороведческих исследований и экспертиз.

Ключевые слова: политический дискурс, автороведческая диагностика, нормы языка, речемыслительный навык, признаки письменной речи, экспертная практика.

Abstract. The article examines the author's study of gender differences in male and female speech. The purpose of the article is to identify, describe and classify the key semantic, textual, linguistic and psycholinguistic features used in establishing the author's sex in the texts of political discourse. The author conducts a comparative analysis of approaches to determining the gender of the author and determines the methodological basis for establishing the gender of the author of the political text.

Key words: politic discourse, authorship diagnostics research, linguistic norms, verbal and cogitative experience, characteristics of written speech, expert practice.

Автороведческое исследование принадлежит к числу тех криминалистических исследований, которые связаны с изучением проявлений навыковой деятельности (навыка речи и мышления, или речемыслительного навыка).

Этот навык не относится к врожденным свойствам личности, а приобретает конкретным индивидуумом в процессе обучения соответствующим образцам и нормам, принадлежащим к различным сферам человеческого общения. В этом случае имеются в виду общепринятые нормы языка, речи и мышления, овладевая которыми человек вырабатывает умение понимать других людей и быть понятым ими.

Речемыслительные нормы обычно подразделяют на три разновидности, имеющие наиболее общий характер. Это нормы языка, речи и мышления.

Язык – система условных знаков и правил их сочетания, служащая для передачи определенной информации. В результате языковой деятельности образуются тексты или высказывания, состоящие из цепочки знаков, расположенных в соответствии с правилами сочетания.

Нормы языка сводятся в грамматики, в которых регламентируются правила произношения (фонетика, орфоэпия), правописания (графика, орфография, пунктуация), построения слов (морфология, словообразование), употребления слов в различных смысловых значениях (лексика), построения словосочетаний и предложений (синтаксис). В своей совокупности перечисленные правила обычно называют нормами грамотности.

В отличие от области языка, к которой относятся общие правила построения высказываний, к области речи принадлежат правила их конкретного осуществления.

Известно пять наиболее общих типов высказывания, за которыми закрепилось обозначение «стиль речи» или «функциональный стиль». К ним относятся: научный, официально-деловой, публицистический, ораторский и разговорный стили.

Дифференциация стилей речи определяется различием задач, которые они выполняют в речевой практике. Стили имеют различную тематику, направленность, допускают специфическую меру эмоционально-оценочного отношения к предмету высказывания, предполагают разное представление об адресате высказывания.

На уровне эмоциональной оценки для научного и делового стилей характерно подчеркнуто бесстрастное отношение к предмету высказывания, публицистический стиль использует в основном похвалу либо порицание, допуская все возможные их оттенки, в разговорном стиле употребляется весь спектр эмоционально-оценочных суждений – похвала, сочувствие, ирония, порицание, возмущение и проч.

Не менее важны и различия в представлении об адресате высказывания. Научное высказывание адресуется коллективу специалистов в определенной области науки, оно учитывает объем их специальных познаний; деловое высказывание адресуется конкретному должностному лицу; публицистическое высказывание адресуется (в пределе) ко всем без исключения гражданам, оно рассчитано на средний уровень понимания общественно-политических проблем.

Все известные языку виды морфем, слов, словосочетаний, предложений в зависимости от правил употребления и отбора языковых единиц распределяются по пяти названным стилям речи. Хотя проявления речи и мышления представляют собой единое целое, в некоторых случаях имеет смысл выделять особые нормы мышления, не находящие тождественного выражения в нормах языка и речи.

Например, семантическая схема предложения без искажений отражает логику обыденного мышления: подлежащее обозначает субъект действия, прямое дополнение – объект, определение – качество субъекта или объекта, обстоятельство – место, время действия и т.д., иными словами, строение предложения организовано таким образом, чтобы дать ответ на все вопросы, возникающие при описании той или иной житейской ситуации. С другой стороны, например, соблюдение индуктивного или, напротив, дедуктивного стиля изложения не является строго обязательным ни для одной из норм языка и речи.

Изложение может вестись как от общего к частному, так и от частного к общему, может быть насыщено примерами и сравнениями либо не использовать их вовсе, может быть исчерпывающе полным либо пропускать отдельные посылки и обоснования.

Поэтому можно говорить об особых, собственно мыслительных нормах, которые со своей стороны стоят за построением высказывания.

В процессе жизнедеятельности человеку предоставляется возможность овладеть всеми вышеперечисленными нормами. Те нормы, которые он усваивает и устойчиво использует при построении высказываний, трансформируясь должным образом, составляют в сумме содержание его речемыслительного навыка.

Поэтому характеристикой навыка в равной степени является как наличие особенностей некоторой нормы, так и наличие отклонений от ее требований. Содержанием навыка является устойчивый в высказываниях человека комплекс свойств некоторых речемыслительных норм и комплекс отклонений от них.

Содержание навыка находится в прямой зависимости от условий, в которых человек привыкает строить высказывания. В детстве и ранней юности формируется навык владения разговорным стилем речи, наглядным и ситуативными типами мышления; в старших классах средней школы происходит обучение категориальному типу мышления, публицистическому и научному стилям речи, нормам языка. В дальнейшем, по мере получения среднего специального и высшего образования навык владения языком, научным и публицистическим стилями совершенствуется, может вырабатываться навык владения ораторским стилем. С момента, когда человек начинает работать по избранной специальности, его навык вступает в период наиболее активного формирования и постепенного перехода к стабилизации.

В зрелом возрасте человек обычно становится менее восприимчив к изменениям, происходящим с соответствующими нормами. Если изменения в орфографии и других простых нормах в большинстве случаев усваиваются относительно легко, то привычка к той или иной сложной норме, например, стилистической, с трудом поддается корректировке.

Поэтому в высказываниях людей, даже наиболее внимательных к смене речемыслительных норм, в значительном количестве встречаются ненужные фрагменты их устаревших разновидностей; в частности, это касается норм публицистического стиля тех лет, когда они проходили стадию становления личности.

Если нормы языка, речи и мышления являются общими для значительных коллективов людей, объединенных одной национальностью, профессией, возрастом, местом жительства, характером образования, то навык владения ими, образующийся у отдельного человека, является индивидуальным.

Речемыслительный навык находит отражение в различных текстах: устных, рукописных, машинописных, печатных. В связи с этим, объектом автороведческого исследования, т.е. тем материалом, в котором навык проявляется и может быть изучен, является текст.

Текст представляет собой систему языковых знаков, все элементы которой находятся в тесном взаимодействии, служащую средством передачи информации другому лицу или группе лиц.

Под признаками письменной речи следует понимать устойчиво проявившиеся в тексте свойства речемыслительного навыка автора, которые отражаются в определенной совокупности смысловых, текстологических, языковых и психолингвистических структур, использованных в тексте документа.

Соответственно, можно выделить следующие группы признаков письменной речи автора исследуемого текста:

- смысловые – представляющие данную группу признаков письменной речи структуры отражают тематические, фактические особенности информации о личности автора, содержащиеся в исследуемом тексте;
- текстологические – представляющие данную группу признаков письменной речи структуры отражают особенности изложения материала в тексте, особенности архитектоники текста, особенности логической структуры текста и т.д.;

- языковые – представляющие данную группу признаков письменной речи структуры отражают орфографические, лексические, фразеологические, стилистические, синтаксические, морфологические особенности исследуемого текста;

- психолингвистические – определяющие указанную группу признаков письменной речи структуры отражают особенности психики и мышления автора.

Автороведческое исследование предполагает анализ совокупности всех групп признаков письменной речи. Конечной целью такого исследования является построение лингвистической модели речемышлительного навыка, который отразился в исследуемом тексте.

Одним из главных параметров автороведческой диагностики является определение пола автора текста исследуемого документа, которое имеет четыре этапа. На первом этапе объект оценивается с точки зрения пригодности для исследования имеющимися в распоряжении эксперта четырьмя методами (определение пола автора на основе анализа: смысловых, текстологических, языковых, психолингвистических признаков).

На втором этапе происходит анализ объекта, выделение лексических, синтаксических, психолингвистических и прочих особенностей.

На третьем этапе осуществляется автороведческое исследование по соответствующим уровням структуры текста (содержание, логическая структура, язык, психодиагностические особенности). Здесь же происходит предварительное определение пола: формируются выводы о поле по каждому из уровней в отдельности.

На четвертом этапе, с учетом степени информативности признаков каждого из уровней, дается оценка результатов исследований и делается окончательный вывод о половой принадлежности автора документа.

Таким образом, вывод о половой принадлежности автора анонимного документа формулируется только после проведения полного анализа письменной речи, а именно: выделения смысловых, текстологических, языковых, психолингвистических признаков письменной речи автора (достаточное количество выделенных высокоинформативных признаков – 10-15).

Особенности языка женщин и мужчин объясняются разделением социальной сферы языкового общения и языкового сознания – динамичной и комплексной среды, существующей в виде разнообразных речевых построений и представляющей единство когнитивных и языковых процессов [Горошко 1999 : 97].

При проведении исследования на предмет определения половой принадлежности автора необходимо помнить о том, что выявленные признаки принадлежат «среднему» представителю той или иной группы и являются для них наиболее общими, типичными. Нельзя не принимать во внимание современные социально-психологические процессы, обуславливающие некоторые сдвиги в общепринятом понимании того, что долгое время детерминировалось как исключительно «мужское» или «женское». Сегодня все больше женщин вовлечены в сферы деятельности, традиционно отводившиеся мужчинам. Современное общество все меньше подвержено влиянию стереотипов, вследствие чего наблюдается изменение не только круга интересов, но и общей системы ценностных и поведенческих ориентировок женщин (так, если раньше считалось, что такие сферы интересов, как «политика», «автомобили» являются исключительно «мужскими», то в настоящее время данное утверждение не может быть столь однозначным). Подобные процессы находят отражение в картине мира как социума в целом, так и отдельного его представителя [Кирилина 1999 : 64].

Поэтому при проведении автороведческих исследований не следует формально подходить к определению пола, отмечая в тексте те или иные признаки, которые наиболее актуальны для «типичных» представителей обоих полов (например, употребление обценной лексики, более свойственное мужчинам, все чаще встречается в речи женщин). Также следует критически подходить к информации автобиографического и фактического характера (например, упоминание о службе в армии, семейном положении и т.п.), так как нет гарантии, что они являются достоверными. Поэтому необходима всесторонняя экспертная оценка – и анализ всего комплекса – выделенных признаков.

Тексты политического дискурса (в основном из Интернета) представляют особый интерес для автороведческого диагностического исследования. Определение пола автора данных текстов проводится на основе комплексного анализа выявленных признаков (смысловых, текстологических, языковых, психолингвистических). Группа смысловых признаков, отображающих систему отношений автора к окружающему миру, может быть интерпретирована следующим образом: для мужчин наиболее характерна оценка событий и поступков с рационалистической точки зрения, стремление решить возникшие трудности самостоятельно, тогда как для женщин более характерна оценка происходящего с морально-этической точки зрения, стремление найти помощь, поддержку.

Это обусловлено различными ориентациями женской и мужской стратегий на определенные блоки когнитивных категорий. Характерной чертой мужской стратегии является направленность на социополитический и экономический блоки, тогда как женская стратегия направлена на матримониальный комплекс и систему понятий этического характера [Ильин 2002 : 112].

Анализ структуры текста политического дискурса позволяет выявить особенности текстологических характеристик, определяющих архитекtonику, логическую структуру текста, особенности изложения материала. К текстологическим признакам, характеризующим речь мужчин, можно отнести следующие:

- наличие четкой логической структуры текста;
- лаконичность изложения;
- последовательность, конкретность, предметность в изложении фактов, событий;

– аргументированность, обоснованность изложения.

В женской речи чаще, нежели в мужской, встречаются следующие признаки:

- многословность изложения;
- наличие различного рода отступлений от линии повествования;
- возникновение множества побочных ассоциаций;
- непоследовательность, хаотичность в изложении мыслей;
- наличие утверждений, основанных на эмоциях, а не на фактах.

Одним из ключевых этапов определения пола автора является анализ языковых особенностей текста политического дискурса. Они обусловлены основными компонентами языка: синтаксическими, стилистическими, орфографическими, пунктуационными, лексико-фразеологическими, морфологическими. Для мужчин наиболее типичными представляется:

- употребление нецензурной лексики или инвектив;
- использование пространственно-ориентационной лексики;
- при использовании оценочной лексики предпочтение отдается прилагательным, выражающим количественные и параметрические отношения;
- выбор из синонимических рядов наиболее простых форм.

Женщины наиболее склонны к:

- употреблению оценочной лексики;
- использованию слов с уменьшительно-ласкательными суффиксами;
- образности речи при описании чувств;
- употреблению в адрес человека эпитетов, указывающих на недостатки (в том числе физические);
- эмоциональной окрашенности речи, выражающейся в акцентуации с помощью усилительных частиц, наречий, прилагательных;
- использованию разнообразных оттенков цветовой палитры при описании объектов.

Психолингвистические признаки, имеющиеся в тексте политического дискурса, отражают эмоциональное состояние автора, определенные психологические особенности, в частности, характер восприятия действительности, особенности мышления, эмоциональность и т.д. На основании этих психологических данных выделяется ряд психолингвистических признаков, которые позволят определить половую принадлежность автора исследуемого текста. Мужчинам присущи:

- эмоциональная сдержанность;
- доминирование эмоций самоутверждения;
- четкость в определении параметров времени, расстояния, меры, количества.

Женщинам свойственны:

- эмоциональность речи;
- экзальтированность, гиперболизация в выражении чувств;
- проявление сентиментальности;
- доминирование этической оценки происходящего;
- эмоции, передающие чувство жалости, сопереживания;
- просительно-заверительный характер речи.

Анализ выявленных в результате автороведческой диагностики комплекса признаков «мужской» и «женской» письменной речи позволяют значительно расширить получаемую в результате данного исследования информацию о социально-биографических характеристиках автора документа.

Библиографический список

1. Горошко, Е. И. Особенности мужского и женского стиля письма / Е. И. Горошко // Гендерный фактор в языке коммуникации. – М. : МГЛУ, 1999. – 138 с.
2. Ильин, Е. П. Дифференциальная психофизиология мужчины и женщины / Е. П. Ильин. – СПб. : Питер, 2002. – 544 с.
3. Кирилина, А. В. Гендер: лингвистические аспекты / А. В. Кирилина. – М. : Ин-т социологии РАН, 1999. – С. 189.

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ СУДЕБНОЙ АВТОРОВЕДЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ В РОССИИ И ЗА РУБЕЖОМ

Н. А. Панина

Москва, Россия

THE PRESENT STATE OF FORENSIC AUTHORSHIP EXPERTISE IN RUSSIA AND ABROAD

N. A. Panina

Moscow, Russia

Аннотация. Рассматривается система судебно-экспертных учреждений, проводящих судебные автороведческие экспертизы в России и за рубежом, обозначены лингвистические основы проведения таких экспертиз. Проведён анализ перспектив развития судебного автороведения, подчёркнута ценность производства автороведческой экспертизы при расследовании преступлений, совершённых с использованием сети Интернет.

Ключевые слова: судебная экспертиза, судебное автороведение, лингвистика, судебно-экспертные учреждения.

Abstract. The system of forensic institutions carrying out forensic authorship expertises in Russia and abroad is considered in the article, some linguistic foundation of executing such expertises is pointed out. The analysis and tendencies of forensic authorship expertise are given, the value of forensic authorship expertise execution at investigation of crimes committed online is emphasized.

Key words: forensic examination, forensic authorship expertise, linguistics, forensic institutions.

Речь человека является ценным источником информации о нём, а речеведческие экспертизы выступают тем инструментом, который позволяет эту информацию извлечь. В рамках настоящей статьи внимание будет уделено исключительно судебному автороведению, позволяющему установить фактические обстоятельства, касающиеся личности автора – его биологические и социальные характеристики, состояние в момент составления текста, установить авторство конкретного индивида и иные.

В настоящее время в России судебные автороведческие экспертизы проводятся как государственными, так и негосударственными судебно-экспертными учреждениями, а также лицами, обладающими специальными знаниями и не являющиеся сотрудниками таких учреждений [Галяшина 2006 : 757]. К государственным судебно-экспертным учреждениям относятся: экспертно-криминалистические центры при Министерстве внутренних дел Российской Федерации, Российский Федеральный центр судебных экспертиз при Министерстве юстиции РФ, экспертные учреждения других ведомств и правоохранительных органов. Количество негосударственных судебно-экспертных учреждений, как и количество сведущих лиц, не являющихся сотрудниками экспертных учреждений, постоянно меняется и не поддаётся точному подсчёту. Согласно статистическим данным 2013 года негосударственным экспертам было назначено проведение 64% экспертиз от общего числа назначенных экспертиз за первое полугодье 2013 года [Корухов, Киселев, Гречуха 2014 : 45]. Приведённые данные позволяют предположить активное развитие института негосударственной судебной экспертизы в ближайшее время.

Что касается системы экспертных учреждений за рубежом, то обзор трудов, в той или иной степени коснувшихся данного вопроса, показал, что во многих государствах воспроизводится модель системы, реализуемой в России. Так, например, в арабских странах в настоящее время идёт процесс становления негосударственных судебно-экспертных учреждений [Хазиев 2014 : 112], а в Соединённых штатах Америки такие учреждения активно функционируют и развиваются [Усов, Хазиев 2010 : 199].

С появлением негосударственных судебно-экспертных учреждений увеличилась доступность проведения различных исследований, в том числе судебных автороведческих экспертиз; в настоящее время в перечне экспертиз, проводимых такими учреждениями, судебная автороведческая экспертиза числится или подразумевается, будучи включенной в класс речеведческих экспертиз. Следует отметить, что нередки случаи смешения понятий «лингвистическая» и «автороведческая» экспертиза, и, назначая проведение судебной лингвистической экспертизы, инициатор её проведения ставит перед экспертом вопросы, касающиеся характеристик личности автора.

Возросшее количество назначаемых судебных автороведческих экспертиз напрямую связано с компьютеризацией человеческой деятельности: большинство документов выполняется с использованием печатных устройств, общение в сети Интернет ведётся преимущественно в устно-письменной форме с ис-

пользованием социальных сетей, мессенджеров и электронной почты, угрозы, оскорбления и пропаганда осуществляются в формате сообщений, постов и комментариев; недавнее происшествие с участием студента МГТУ им. Баумана подтверждает, что даже предсмертные записки могут быть выполнены не рукописно [Студент Бауманки совершил зверское убийство 2018]. Приведённые примеры дают основания полагать, что в ближайшее время возрастёт потребность в производстве судебных автороведческих экспертиз.

Проведение судебной автороведческой экспертизы осуществляется в соответствии с разработанными методиками: ведомственные судебно-экспертные учреждения руководствуются методикой соответствующих ведомств, в то время как негосударственные учреждения и негосударственные эксперты свободны в выборе методики. Применение того или иного метода должно быть обусловлено его целесообразностью, эффективностью, достоверностью полученных с его помощью результатов. В связи с этим из множества лингвистических методов отбираются только те, что соответствуют указанным требованиям. Проведение судебной автороведческой экспертизы осуществляется на основе достижений таких наук, как филология, математическая лингвистика, социолингвистика, психолингвистика, нейролингвистика и др.; применяются следующие методы: компонентный анализ, концептуальный анализ, семантико-синтаксический и лексико-семантический анализ, анализ структурной организации текста, контент-анализ, логико-грамматический анализ, лингвостилистический анализ и иные – в зависимости от задач, стоящих перед экспертом. Основной литературой, к которой обращается эксперт при производстве судебной автороведческой экспертизы, являются труды С. М. Вула, Е. И. Горошко, Е. И. Галяшиной, Е. И. Ермоловой, А. Ю. Комиссарова. За последнее десятилетие не было издано крупных работ по проблемам судебного автороведения, однако научная работа продолжается: за этот отрезок времени было опубликовано более двух десятков статей, в которых затрагивались как традиционные вопросы автороведения, так и принципиально новые. Среди последних необходимо подчеркнуть актуальность и значимость рассмотрения судебной автороведческой экспертизы интернет-коммуникации, определение специфики устно-письменной формы речи как особой формы речи, возникшей в рамках общения в сети Интернет.

Среди перспективных направлений развития судебной автороведческой экспертизы кажется необходимым выделить следующие:

1. Адаптация и использование достижений филологических и смежных наук, изучение зарубежного опыта и разработок. Например, существующие разрозненные исследования концепта представляют интерес для судебной автороведческой экспертизы, так как концепт обладает национальной, социальной, групповой и индивидуальной спецификой; изучение вербализованного концепта позволит выявить общие закономерности и конкретные характеристики личности его носителя, что внесёт значительный вклад в решение задач судебного автороведения.

2. Восполнение существующих пробелов в теории. Представляется целесообразным, в частности, обновление лексических маркеров возраста и профессии в соответствии с реалиями сегодняшнего дня, а также пересмотр отдельных признаков, используемых для диагностики пола автора ввиду потери их адекватности существующим закономерностям. Этот процесс обусловлен эмансипацией женщины, расширением круга её занятий, и, как следствие, трансформацией традиционных гендерных ролей.

3. Разработка методик исследования новых объектов судебной автороведческой экспертизы с учетом их специфики, а именно речи в рамках интернет-коммуникации. С проникновением сети Интернет во все сферы человеческой деятельности наряду с новыми возможностями возникли многочисленные опасности, в частности, связанные с расширением способов совершения преступных посягательств. Е. И. Галяшина пишет о возросшем числе назначаемых судебных автороведческих экспертиз – несмотря на их объективную сложность и трудоёмкость – в связи с производством по следующим категориям дел: нарушение авторских и смежных прав, публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности, возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства и другие [Галяшина, Приводнова 2006 : 756]. Важно отметить, что за время, прошедшее с момента написания указанной статьи, роль интернета в жизни общества только усилилась; появился феномен «групп смерти», и доведение до самоубийства посредством сети Интернет стало обсуждаться активнее, чем когда-либо. Совершение развратных действий с использованием интернет-коммуникации по-прежнему происходит, несмотря на все меры предосторожности, а значит, при наличии речевых продуктов, зафиксированных письменно, автороведческая экспертиза выступит важнейшим инструментом установления фактических обстоятельств преступления. Однако для того, чтобы этот инструмент был надёжен и эффективен, необходимо разработать методику судебной автороведческой экспертизы текстов устно-письменной речи.

4. Поиск иных способов повышения достоверности результатов исследования. Данное направление носит эвристический характер, и в рамках настоящей статьи мы ограничимся включением его в перечень перспективных направлений развития судебной автороведческой экспертизы.

Выявленные перспективы лишь частично отражают существующие проблемы судебной автороведческой экспертизы, но в достаточной мере отражают существующую социальную потребность в её производстве. Реалии современного технологичного общества диктуют особую специфику любому виду человеческой деятельности, не является исключением и судебная автороведческая экспертиза не статическое, но динамично развивающееся направление судебной экспертизы.

Библиографический список

1. Вул, С. М. Судебно-автороведческая идентификационная экспертиза: методические основы : метод. пособие / С. М. Вул. – Харьков : ХНИИСЭ, 2007. – 64 с.
2. Галяшина, Е. И. Автороведческая экспертиза в российском судопроизводстве / Е. И. Галяшина, Е. В. Приводнова // Lex Russica. – 2006. – № 4. – С. 755–761.
3. Горошко, Е. И. Особенности мужского и женского вербального поведения (Психолингвистический анализ). Диссертация / Е. И. Горошко. – М., 1999. – URL: <http://rss.archives.ceu.hu>
4. Горошко, Е. И. Судебно-автороведческая классификационная экспертиза: установление пола автора текста / Е. И. Горошко // Теорія та практика судової експертизи і криміналістики : зб. наук.-прак. матеріалів конф. – Харків : Право, 2003. – Вип. 3. – URL: <http://www.textology.ru/article.aspx?ald=98>
5. Дроздова, Т. Н. Диагностические и классификационные задачи в автороведческой экспертизе блогов / Т. Н. Дроздова // Актуальные проблемы российского права, 2010. – Вып. 2. – С. 394–404.
6. Ермолова, Е. И. Особенности назначения судебной автороведческой экспертизы / Е. И. Ермолова // Труды Академии управления МВД России. – 2011. – № 1 (17). – С. 42–46.
7. Комиссаров, А. Ю. Криминалистическое исследование письменной речи : учеб. пособие / А. Ю. Комиссаров. – М. : ЭКЦ МВД России, 1999. – 145 с.
8. Корухов, Ю. Г. О состоянии ведомственной и вневедомственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации / Ю. Г. Корухов // Вестник Университета им. О. Е. Кутафина. – 2014. – № 3. – С. 40–48.
9. Литвинова, Т. А. Корпусные исследования письменной речи в решении задач судебного автороведения : в 3 ч. / Т. А. Литвинова, О. А. Литвинова, Е. В. Диброва, Е. С. Рыжкова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов : Грамота, 2015. – № 8 (50). – Ч. I. – С. 107–113.
10. Рубцова, И. И. Комплексная методика производства судебных автороведческих экспертиз : метод. рекомендации / И. И. Рубцова, Е. И. Ермолова, А. И. Безрукова. – М. : ЭКЦ МВД России, 2007. – 188 с.
11. Студент Бауманки совершил зверское убийство, оставив его описание в Сети. – URL: <http://www.mk.ru/incident/2018/01/23/student-baumanki-sovershil-zverskoe-ubiystvo-ostaviv-ego-opisanie-v-seti>.
12. Усов, А. И. О докладе национальной академии наук США «Об укреплении судебно-экспертной науки в США» и его значение для международного судебно-экспертного сообщества. Обзор доклада национальной академии наук США «Об укреплении судебно-экспертной науки в США» / А. И. Усов, Ш. Н. Хазиев // Теория и практика судебной экспертизы. – 2010. – № 2 (18). – С. 196–202.
13. Хазиев, Ш. Н. Судебная экспертиза и судебно-экспертные учреждения в странах арабского мира / Ш. Н. Хазиев // Теория и практика судебной экспертизы. – 2014. – № 1 (33). – С. 110–115.

ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА НЕИСКРЕННОСТИ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

С. Н. Плотникова

Иркутск, Россия

LINGUISTIC EXPERTISE OF INSINCERITY: PROBLEMS AND PERSPECTIVES

S. N. Plotnikova

Irkutsk, Russia

Аннотация. Рассматривается проблема распознавания неискренности как новейшая область исследований в судебной лингвистике. Разграничиваются невербальные и вербальные репрезентанты неискренности и приводятся подходы к их изучению. Представлены результаты исследований автора в области изучения концептуальной идентичности неискренней личности и неискренного дискурса, которые могут быть положены в основу методики судебной лингвистической экспертизы неискренности.

Ключевые слова: лингвистическая экспертиза, неискренность, концептуальная идентичность, невербальные vs вербальные репрезентанты, амбивалентность vs сингулярность репрезентантов, неискренний дискурс, диагностический анализ.

Abstract. The paper addresses the problem of insincerity detection as an important emerging field in forensic linguistics. Two main areas are distinguished: nonverbal and verbal indicators of insincerity, and the approaches to their investigation are highlighted. The paper also presents the author's research findings in the analysis of insincere conceptual identity and insincere discourse which can be practically used in conducting forensic linguistic expertise of insincerity.

Key words: linguistic expertise, conceptual identity, nonverbal vs verbal indicators, ambivalent vs singular indicators, insincere discourse, diagnostic analysis.

За последние два десятилетия судебная лингвистика добилась значительных результатов в применении научных знаний о языке в сфере судопроизводства. В настоящее время наиболее разработанными направлениями судебной лингвистики являются судебная фонетика, определение авторства текста, установление смысла того или иного языкового выражения и интенции автора, судебный перевод. Наименее разработанными направлениями судебной лингвистики остаются на данный момент судебный концептуальный анализ и судебный дискурсивный анализ.

Цель данной статьи – доказать возможность разработки методики судебной лингвистической экспертизы неискренности как концептуальной идентичности личности и неискренного дискурса как сообщения, произведённого данной личностью. В статье переводятся в плоскость практического применения результаты, полученные автором в области исследования неискренности за последние двадцать лет [Плотникова 2000; 2003; Plotnikova 2013 и др.].

Мы исходим из положения о необходимости строгого разграничения юридической компетенции правоприменителя и лингвистической компетенции эксперта-лингвиста [Галяшина 2016]. В свете этого положения лингвистическая экспертиза неискренности может носить только диагностический характер. Эксперт, используя лингвистические знания и методологию, производит экспертизу по разработанным пошаговым алгоритмам и предоставляет валидные выводы правоприменителю, не давая им юридической оценки.

На наш взгляд, задачей лингвистической экспертизы неискренности является, прежде всего, анализ концептуальной идентичности объекта экспертизы, конкретного человека, и получение на основе метода концептуального анализа вывода о том, можно ли отнести его к категории «человек неискренний».

Концептуальная идентичность неискренней личности понимается нами как интенциональная направленность её сознания на реализацию концепта «Неискренность», т.е. на осознанное семиотическое выражение лжи. Концепт «Ложь», таким образом, является непосредственным каузатором концепта «Неискренность» [Плотникова 2003].

Если с концептом «Ложь» концепт «Неискренность» связан отношением каузации (неискренность возникает из лжи и включает её в себя), то с концептом «Искренность» рассматриваемый концепт находится в отношении антиномии. Антиномия представляет собой общий онтологический принцип взаимного и равноправного существования в концептосфере языка концептов и антиконцептов.

Антиномия истина vs ложь даёт оценку пропозиционального содержания высказывания по схеме плюс/минус (*Это факт/не факт*). Концепт «Истина» передают, к примеру, следующие выражения (*исти-*

на, правда, правильно, ты прав, факт). Концепт «Ложь» обозначается, например, выражениями (*ложь, неправда, выдумка, бред, вздор, быть не может, ничуть не бывало, враньё*).

Совсем другие выражения объективируют концепты «Искренность» и «Неискренность». В их значении содержится оценка наблюдателем коммуникативной цели собеседника, и опять по схеме плюс/минус (*Вы осознанно и преднамеренно информируете о факте/не факте*). На характеристику высказывания как искреннего указывают, в частности, выражения (*ты честен, ты объективен, ты говоришь правду*). Неискренность собеседника обозначается, к примеру, выражениями (*ты хитришь, ты лукавишь, ты говоришь неправду*).

Поскольку коммуникативная цель человека (быть искренним или неискренним) включает в себя правильную (факт) или же, напротив, неправильную (не факт) передачу соответствующего пропозиционального содержания, следует признать, что антиномия искренность – неискренность является производной от антиномии истина – ложь. Это бинарные концепты, представляющие собой неразрывное двуединство. Они либо одновременно существуют в концептуальном пространстве (по принципу и-и), либо одновременно отсутствуют (ни то-ни другое).

Наряду с этими бинарными концептами в единую с ними концептосферу входят непарные концепты «Заблуждение» и «Умолчание». «Заблуждение» каузируется одновременно концептами из минусовой и плюсовой полусфер: концептами «Ложь» и «Искренность». Заблуждение – это ложь, которую человек искренне считает истиной. Концепт «Умолчание», в свою очередь, каузируется концептами «Истина» и «Неискренность». Умолчание – это неискренность, состоящая в отказе от выражения известной человеку истины.

Определение концептуальной идентичности человека является юридически значимым, в частности, большую роль играет различие человека неискренного и человека заблуждающегося. Разграничение собственно неискренности и такой ее отдельной разновидности, как умолчание, учитывается в судопроизводстве: близкие родственники обвиняемого имеют право не давать показаний против него.

В анализ концептуальной идентичности входит также описание типов неискренности и человека неискренного. Концепт «Неискренность» можно назвать рамочным (или зонтичным). Его содержание (преднамеренное, осознанное выражение лжи) представляет собой рамку (или зонтик) для множества явлений, таких как обман, лесть, притворство, лицемерие, клевета, инсинуация, дезинформация, мошенничество и т.д. Слово неискренность является гиперонимом по отношению к указанным словам-гипонимам. Значения гипонимов не являются производными от значения гиперонима, не каузируются им. Значение гиперонима конкретизируется через гипонимы (неискренность – это обман, а также лесть, а также притворство...).

Концептуальный анализ должен производиться на основе предоставленного речевого материала (например, показаний потерпевшего и свидетелей). Его алгоритм – от концептов-гипонимов к концепту-гиперониму. В частности, если в речевом материале присутствуют речевые акты восхваления, то на концептуальном уровне они возводятся к концепту «Лесть», а этот концепт входит в концептосферу «Неискренности». Поскольку некоторые виды неискренности составляют криминальную идентичность (например, клевета и мошенничество) и имеют четкие юридические определения, подобная экспертиза может оказаться полезной правоприменителю в определении концептуального взаимодействия идентичностей при совершении преступления (например, мошенничества, подготовленного притворством, лестью и обманом). В данном случае эксперт с помощью концептуального анализа способен помочь в доказывании события преступления.

В разработку лингвистической экспертизы неискренности целесообразно ввести понятие трансфера знаний об идентичности. Присвоение человеком концептуальной идентичности означает активацию в его сознании соответствующего концепта как имеющейся у человека информации о самом себе, о своей сущности в данный момент времени. Любая структура знания активируется в сознании одновременно с её внешней семиотической репрезентацией. Активация концепта не предшествует знакам; каждая концептуальная структура сознания возникает одновременно с объективирующими её внешними формами [Кубрякова 2012 : 32-33]. Соответственно, человек начинает осуществлять трансфер знаний [Демьянков 2016], то есть передавать другим людям информацию о себе.

Хотя человек чаще всего пытается скрыть свою неискренность от окружающих, он не может полностью контролировать трансфер знаний о принятой идентичности, поскольку она неизбежно имеет внешние семиотические репрезентанты. Иными словами, прагматический выбор концептуальной идентичности неискренного человека всегда сопровождается проявлениями в поведении и дискурсе. Обнаружением подобных проявлений в настоящее время занимается особая дисциплина в рамках судебной психологии и судебной лингвистики – распознавание обмана (deception detection).

Проявления неискренности в невербальном поведении впервые подробно описал П. Экман в своей широко известной и популярной во всём мире книге “Telling Lies. Clues to Deceit in the Marketplace, Politics, and Marriage”, вышедшей в 1985 г.; она была переведена на русский язык под названием «Психология лжи» [Экман 2007]. В ней приводятся примеры обнаружения неискренности по жестам, мимике, голосу, эмоциям и другим поведенческим признакам, а также анализируется работа полиграфа, детектора лжи. В целом, результаты этого исследования характеризуются самим автором как амбивалентные, двойственные. Одни и те же жесты, мимические движения, эмоции могут указывать как на неискренность, так и на сильное волнение или выработанную привычку. Испытания на детекторе лжи тоже очень уязвимы, поскольку ложь как такую детектор не обнаруживает; единственное, что он делает – измеряет интенсивность проявлений от возбуждения вегетативной нервной системы, то есть физиологические изменения, происходящие от эмоцио-

нального волнения человека. Очень часто возникает так называемая ошибка Отелло, который не понял, что страх Дездемоны был не страхом от её лжи, а от того, что она не видела способа доказать свою невиновность. Для многих людей достаточно и одного требования пройти испытание на детекторе; их возбуждение ещё больше усиливается, если они подозревают, что оператор детектора и заказчик, например, полиция или работодатель, сговорились против него [Экман 2007 : 140]. П. Экман приводит два прямо противоположных примера о валидности теста на полиграфе. Первый случай: один офицер полиции казался воплощением полицейского, знал все кодексы и, имея большой профессиональный опыт, идеально подходил для этой работы. В испытании на детекторе лжи в Министерстве юстиции он был уличен в нескольких преступлениях, и последующая проверка это подтвердила: вывозил краденое, подкидывал невиновным людям наркотики и т.д. Второй случай: подвергшийся ограблению человек, умирая, успел сказать полицейским, что грабитель был очень похож на одного его знакомого. Прокуратура применила два теста на полиграфе, которые подозреваемый провалил, был судим за убийство и приговорён к пожизненному заключению. А через два года были арестованы настоящие убийцы, и он был освобождён [Экман 2007 : 134].

В последние годы были получены многочисленные доказательства ненадежности тестирования на полиграфе. Вместе с тем отмечается, что сферы его использования все более расширяются [Meijer, Verschuere 2015]. Возрастает и количество исследований невербальных проявлений неискренности с опорой на положения П. Экмана [Bond, Levine, Hartwig 2004; DePaulo, Morris 2004 и др.]. Однако сам П. Экман продолжает скептически относиться к валидности получаемых результатов, поскольку во всех его экспериментах участники распознавали обман по принципу случайного выбора 50 на 50 процентов. Сейчас П. Экман и его соавторы занимаются поиском «гениев», людей со сверхспособностью к распознаванию обмана (wizards of deception detection) [O'Sullivan, Ekman 2004].

Становится очевидным, что неискреннее невербальное поведение не имеет каких-то сингулярных репрезентантов, свойственных лишь ему. Невербальные знаки ввиду онтологически присущей им полисемантической являются амбивалентными, их нельзя однозначно атрибутировать одному лишь неискреннему человеку.

Как мы полагаем, поскольку попытки определения неискренности по невербальным признакам изначально базируются на методологической посылке двойственности результатов (возможно, данное проявление – сигнал неискренности, а, возможно, и нет), они не имеют силы подлинных доказательств, которые могли бы быть использованы в суде. Тем не менее, общественный интерес к проблеме неискренности настолько огромен, что подобные «псевдонаучные техники» [Экман 2007 : 134] проникли в медийное пространство. В частности, они используются в ток-шоу «На самом деле» (канал ОРТ), где два эксперта выносят вердикты, правду или ложь говорит человек, по поведенческим признакам и с помощью теста на полиграфе. Их вердикты преподносятся как обоснованные научные выводы; организаторы ток-шоу не предоставляют информации о том, что эти выводы могут быть ошибочными, а они сами – ангажированными.

Если невербальные признаки неискренности получили определенное рассмотрение, то изучение ее вербальных проявлений в аспекте судебной лингвистики фактически отсутствует. Имеющиеся немногочисленные работы ставят своей целью не распознавание неискренности, а распознавание истины [Литвинова 2016; Sporer 2004; Kohnken 2004]. Однако именно этим и занимаются правоприменители: допрашивая участников судебного разбирательства, они восстанавливают истинностную картину мира.

Мы делаем упор не на восстановление истины (это – прерогатива юристов), а на установление неискренности, и предлагаем методику экспертного анализа вербального дискурса. Рассмотрим, каким образом в таком анализе можно использовать выделенные нами когнитивные сценарии неискренного дискурса [Плотникова 2000; Plotnikova 2013].

Под когнитивным сценарием имеется в виду стандартный алгоритм конструирования дискурса, осуществляемый на основе определённого унифицированного когнитивного принципа. Для неискренного дискурса выделяются два базовых когнитивных принципа: спонтанное конструирование и предварительно подготовленное конструирование.

При спонтанном конструировании неискренний дискурс формируется в реальном времени и в таких условиях, когда отсутствует возможность предварительного обдумывания, например, во время задержания подозреваемого и при его первом допросе. В данном случае в компетенцию лингвиста-эксперта можно включить следующие рекомендации правоприменителю относительно признаков неискренности.

При спонтанном выражении неискренности действует механизм негации, отрицания истинной позиции и замены её на ложную. Человек скрывает истину путём её отрицания. На языковом уровне это проявляется в замене «да» на «нет» (*Я этого не делал*), а также в замене слов, описывающих реальное положение вещей, на их антонимы. (*У нас были прекрасные отношения*). Негация обязательно сопровождается монопропозициональностью дискурса. При спонтанном конструировании человек не в состоянии придумать одновременно несколько ложных смыслов, ему трудно мгновенно осмыслить, тем более оформить, их причинно-следственные зависимости. Иными словами, при спонтанном конструировании неискренний дискурс никогда не оформляется как связный нарратив, а лишь как повтор одного и того же высказывания с незначительными вариациями. Невозможность предоставить связный рассказ оправдывается эмоциональным состоянием (*Я волнуюсь, мне трудно сосредоточиться*). Неискренний человек переводит внимание слушающего с объективного знания на своё субъективное внутреннее состояние, всячески пытаясь избежать требуемого от него нарратива о произошедших событиях.

Негация, монопропозициональность и уклонение от процесса рассказывания, взятые в своей совокупности, сингулярно объективируют спонтанно конструируемый неискренний дискурс.

Предварительно подготовленный неискренний дискурс, напротив, оформляется как связный многопропозиционный нарратив. Его предъявление адресату не совпадает по времени с моментом его конструирования. Чем сложнее и субъективнее создаваемые ложные смыслы, тем больше времени требуется на их семантическое и структурное оформление. Предварительно подготовленный неискренний дискурс обдумывается и производится в течение определённого периода времени и иногда несколько раз переделывается перед его озвучиванием в суде. Данное положение можно проиллюстрировать примером из романа Т. Драйзера «Американская трагедия», в котором два адвоката тщательно планируют дискурс, который должен воспроизвести в суде их подзащитный, обвиняемый в убийстве беременной от него женщины. Он сказал им правду о том, что заманил её на прогулку в лодке по озеру, где убил её и бросил в воду. Адвокаты на основе фактов реального мира конструируют факты мира вымышленного: он решил сказать ей, что полюбил другую, она разволновалась, встала в лодке, лодка опрокинулась, и она утонула. Эти вымышленные факты составляют семантический каркас конструируемого нарратива с множеством деталей. Подготовка неискренного дискурса осуществляется путём постановки вопросов, за которыми следует анализ того, как их воспримут присяжные. Список ложных пропозиций всё более уточняется, пока адвокаты не приходят к окончательному варианту. Адвокаты трансформируют и искажают семантику реальности, пытаются представить ирреальность и потенциальность как актуальность и фактичность. Замена фактичности на потенциальность осуществляется при помощи отбора референтов дискурса. Подзащитному следует упоминать лишь те объекты, которые соответствуют замыслу конструкторов его дискурса. Поэтому, хотя референтная соотнесённость объектов и отражает реальность (например, упоминается реальное озеро, реальная гостиница), эту реальность нельзя назвать объективным миром. Создаётся фикциональный мир наподобие вымышленного мира художественного произведения. И пространство, и время, и действующие лица организуются вокруг главного вымышленного факта: убийства не было, а был несчастный случай.

Составив окончательный семантический дайджест дискурса подзащитного, адвокаты начинают решать проблему конкретного языкового оформления его будущих высказываний. Сконструированные ими ложные пропозиции оформляются при помощи тщательно отобранных языковых средств. Высказывания подзащитного строго контролируются; это выражается в том, что его заставляют заучить их наизусть. Адвокаты фактически дрессируют его, заставляя постоянно повторять заученные высказывания в разной последовательности несколько месяцев, требуя ни в коем случае не отступать от них, не привносить ничего нового. Благодаря их усилиям подзащитный был оправдан присяжными.

Фикциональность, трансформация реального мира в вымышленный, многопропозиционность, закрытость нарратива, замена рассказывания озвучиванием, заученность высказываний, в своей совокупности, сингулярно объективируют предварительно сконструированный неискренний дискурс.

В целом, из вышеизложенного можно сделать вывод о том, что имеющиеся на данный момент теоретические знания о феномене неискренности имеют перспективу практического применения в судебной лингвистической экспертизе неискренности.

Библиографический список

1. Галяшина, Е. И. Судебная лингвистическая экспертиза коррупционного дискурса: предмет, задачи и компетенции / Е. И. Галяшина // Вестник университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). – 2016. – № 8. – С. 7–14.
2. Демьянков, В. З. Цивилизационные и культурные ограничения на трансфер знаний в свете концепции В. Н. Телия / В. З. Демьянков // Язык, сознание, коммуникация. – М. : МАКС Пресс. – 2016. – Вып. 53. – С. 86–90.
3. Кубрякова, Е. С. В поисках сущности языка: когнитивные исследования / Е. С. Кубрякова. – М. : Знак, 2012. – 208 с.
4. Литвинова, Т. А. Установление в письменном тексте признаков намеренного искажения информации как одна из задач судебной лингвистики / Т. А. Литвинова // Судебное право. – 2016. – № 8. – С. 115–118.
5. Плотникова, С. Н. Неискренний дискурс (в когнитивном и структурно-функциональном аспектах) / С. Н. Плотникова. – Иркутск : ИГЛУ, 2000. – 244 с.
6. Плотникова, С. Н. Человек неискренний: концепт «Неискренность» в концептосфере языка и дискурса / С. Н. Плотникова // Антропологическая лингвистика: Концепты. Категории. – Иркутск : ИГЛУ, 2003. – С. 138–167.
7. Экман, П. Психология лжи / П. Экман. – СПб. : Питер, 2007. – 272 с.
8. Bond, C. F. New findings in nonverbal lie detection / C. F. Bond, T. R. Levine, M. Hartwig // The Detection of Deception in Forensic Contexts. – Cambridge : Cambridge University Press, 2004. – P. 37–58.
9. DePaulo, B. V. Discerning lies from truth: behavioral cues to deception and the indirect pathway of intuition / B. V. DePaulo, W. L. Morris // The Detection of Deception in Forensic Contexts. – Cambridge : Cambridge University Press, 2004. – P. 15–40.
10. Kohnken, G. Statement validity analysis and the 'detection of the truth' / G. Kohnken // The Detection of Deception in Forensic Contexts. – Cambridge : Cambridge University Press, 2004. – P. 41–63.
11. Meijer, E. H. The polygraph: current practice and new approaches / E. H. Meijer, B. Verschuere // Detecting Deception. Current Challenges and Cognitive Approaches. – Oxford : Wiley Blackwell, 2015. – P. 59–80.
12. O'Sullivan, M. The wizards of deception detection / M. O'Sullivan, P. Ekman // The Detection of Deception in Forensic Contexts. – Cambridge : Cambridge University Press, 2004. – P. 269–286.
13. Plotnikova, S. N. Cognitive scenarios of discourses of deception / S. N. Plotnikova // Журнал Сибирского федерального университета. Сер. Гуманитарные науки. – 2013. – Т. 6, № 4. – С. 589–602.
14. Sporer, S. L. Reality monitoring and detection of deception / S. L. Sporer // The Detection of Deception in Forensic Contexts. – Cambridge : Cambridge University Press, 2004. – P. 64–102.
15. Vrij, A. A cognitive approach to lie detection / A. Vrij // Detecting Deception. Current Challenges and Cognitive Approaches. – Oxford : Wiley Blackwell, 2015. – P. 205–230.

К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ ХАРАКТЕРИСТИК АВТОРА В СУДЕБНОЙ АВТОРОВЕДЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЕ

Т. А. Сааков

Москва, Россия

ON DEMOGRAPHIC CHARACTERISTICS OF THE AUTHOR IN FORENSIC AUTHORSHIP EXPERTISE

T. A. Saakov

Moscow, Russia

Аннотация. Рассмотрено понятие демографических характеристик автора в судебной автороведческой экспертизе. Проанализированы характерные особенности диагностического исследования автора по признакам письменной речи. Выявлена и обоснована необходимость дальнейшего развития в области исследования демографических характеристик автора. На основе проведенного анализа автором предлагается выделить ряд отдельных характеристик, которые следует относить к данному понятию для дальнейшего изучения в части установления демографических характеристик автора.

Ключевые слова: демографические характеристики автора, личность, языковая личность, речевой портрет, автороведческая диагностика, демография, судебное автороведение, диагностические задачи, криминалистически значимая информация.

Abstract. The article examines the demographic characteristics of the author in forensic authorship expertise. The article analyzes characteristic features of the author's diagnostic research on the grounds of written speech. The necessity of further research on demographic characteristics of the author was revealed and justified. The analysis allowed the author to single out certain characteristics that should be attributed to this concept with a view to further studying of the demographic characteristics of the author.

Key words: demographic characteristics of the author, personality, linguistic personality, speech portrait, authorship diagnostic, demography, forensic authorship, diagnostics aims, criminalistically meaning ful information.

Тексты различного объема и содержания, выполненные как вручную, так и на различных знаковосинтезирующих устройствах, в том числе и на электронных носителях или в сети Интернет, являются объектами судебной автороведческой экспертизы уже не один десяток лет.

На изданном этапе своего развития в области автороведческих исследований в первую очередь разрабатывались методические основы идентификации автора текста [Комиссаров 1999: 9]. Вопросы диагностического исследования демографических характеристик автора по признакам письменной речи изучались в рамках идентификационных исследований по установлению автора текста. Пристальное внимание в отношении диагностических исследований учеными уделялось преимущественно половозрастным характеристикам автора [Вул 1994: 84 – 86].

На сегодняшний день получение криминалистически значимой информации с помощью применения специальных знаний в области автороведческой экспертизы активно используется субъектами правоприменения в рамках уголовного процесса. Однако далеко не все правоприменители достаточно хорошо осведомлены о широких возможностях автороведческой диагностики. В связи с этим зачастую на разрешение эксперта ставится вопрос, связанный с идентификацией автора спорного текста. Однако во многих случаях для оперативного сотрудника или следователя наиболее значимой может оказаться информация диагностического характера. Так, к примеру, в тех ситуациях, когда имеются письменные записи различного характера и содержания, а субъектом преступления выступает неизвестное лицо, решение автороведческих диагностических задач [Шахтарина 2012: 299], в частности, задач по установлению демографических характеристик автора, позволяющих установить взаимосвязь между характеристиками письменной речи и демографическими характеристиками автора, становится крайне необходимым и актуальным для органов исполнительной власти.

Безусловно, диагностические задачи по установлению свойств личности тщательно рассмотрены и успешно решаются в рамках почерковедческой экспертизы. Однако в судебном почерковедении исследуется преимущественно форма письма, тем самым оставляя, по большому счету, вне поля изучения содержательную составляющую текста. Как известно, объектом почерковедческих исследований выступают рукопис-

ные тексты различного содержания. Однако современные реалии таковы, что написание рукописных текстов сохраняет свою актуальность по большей части в сфере образования [Назарова, Ростовская 2011: 387-392]. Практически все официальные документы, личные переписки и иные письменные речевые продукты выполняются на знаковсинтезирующих устройствах, которые, как известно, не могут выступать объектами судебной почерковедческой экспертизы. В связи с этим автороведческие исследования диагностических характеристик личности приобретают все большую актуальность.

Прежде всего, автором любого речевого продукта выступает человек. Как известно, человек является существом биосоциальным. В отличие от других живых существ, чье поведение обусловлено биологически, человек как существо биосоциальное нуждается в процессе социализации. Данный процесс направлен на формирование человека как личности, через который проходит любой проживающий в обществе индивид [Гидденс 1999: 672]. В связи с этим представляется весьма целесообразным говорить об авторе текста, как о личности, которой присущи свои особенности, проявляющиеся, в том числе, и в письменной речи.

Стоит отметить, что понятие «личность» трактуется весьма неоднозначно в научной литературе. Как среди социологов, так и среди юристов существует множество позиций в отношении того, что включает в себя данное понятие, какова его структура и что следует понимать под свойствами личности.

Так, например, профессор В. А. Жбанков приводит следующую классификацию свойств личности: социально обусловленные, биологически обусловленные свойства и присущие ей психологические черты [Жбанков 1995: 13].

Профессор В. А. Снетков рассматривает свойства личности как врожденные, приобретенные и как признаки внешнего и внутреннего строения человеческого организма, физиологические и психические свойства человека, отдельно выделяя, социальные характеристики личности [Снетков 1993: 148].

По нашему мнению, в отношении устной и письменной речи применим термин «языковая личность» [Лебедева 2017: 26].

Определение «языковой личности» приводят в своей работе В. А. Козырев и В. Д. Черняк. По их мнению, языковая личность – это «с одной стороны, совокупность коммуникативных способностей и характеристик человека, позволяющих ему осуществлять дискурсивную деятельность, с другой, совокупность отличительных черт, обнаруживающихся в коммуникативном поведении конкретного носителя языка и обеспечивающих ему коммуникативную индивидуальность» [Козырев, Черняк 2012: 32].

Следует отметить, что понятие «языковая личность» взаимосвязано с понятием «речевой портрет».

Речевой портрет раскрывается посредством изучения анализа структуры языковой личности, рассматривающей различные языковые уровни, в которых проявляются особенности речи. Анализ структуры языковой личности позволяет получить информацию, к примеру, об уровне образования автора, его профессиональной принадлежности [Алюнина 2010: 107].

Понятие «демографические характеристики автора» нуждается в уточнении, в связи с этим представляется необходимым рассмотреть его более подробно.

Итак, этимология слова «демография» происходит из греческого языка: «демос» – народ и «графо» – пишу [Борисов 2001: 272]. Традиционно определение понятия «демография» связано с именем английского майора городской полиции Джона Граунта. В январе 1962 в Лондоне вышла в свет книга, посвященная изучению понятия демография [Там же].

Стоит отметить, что в наши дни существует множество дискуссий, которые связаны с определением предмета демографии как науки, что в свою очередь порождает неясность при раскрытии лексического значения самого слова.

Так, например, Н. А. Волгина и Л. Л. Рыбаковский выделяют три вида движения населения: социальное, естественное и миграционное. Так же понятие «социальное движение» предлагается авторами рассматривать в широком и узком смысле. К социальному движению в широком смысле слова ученые относят все общественные отношения, в том числе и отношения демографические, а под социальным движением в узком смысле слова понимается лишь специфическая область отношений [Волгина, Рыбаковский 2003: 636]. Совершенно иной точки зрения придерживается В.А. Борисов, который полагает, что в предмет демографии не входит такое явление как, например, миграция.

Необходимо отметить, что понятие «демография» трактуется по-разному в зависимости от сферы социального назначения. Так, например, в Экономическом словаре дается следующее определение: «**ДЕМОГРАФИЯ** (от греч. *demos* – народ и *grapho* – пишу) наука о народонаселении, изучающая изменение численности населения, рождаемость и смертность, миграцию, половозрастную структуру, национальный состав, географическое распределение и их зависимость от социально-экономических, исторических и других факторов» [Райзберг, Лозовский, Стародубцева 1999: 479].

В приведенном выше словаре определение демографии не затрагивает такие аспекты, как этническая и профессиональная принадлежность. Однако Большой толковый словарь по культурологии дает следующее определение данному слову: «*Демография – наука о народонаселении, его структуре (половозрастной, профессиональной, региональной, этнической) и динамике (рождаемость, смертность, миграции и т.д.)*» [Большой толковый словарь 2003].

Рассматривая лексическое значение слова «демография» с медицинской точки зрения в Большом энциклопедическом словаре медицинских терминов встречается следующее определение: «**ДЕМОГРАФИЯ** (*demography*) – изучение состава населения на национальной, региональной или локальной основе в соот-

ветствии с возрастом, полом, а также другими показателями, в том числе миграции и выживаемости. Эти данные используются в общественном здравоохранении для выявления специфических нужд и факторов риска в каждой отдельной области» [Медицинские термины 2000].

Как видно из приведенного выше определения в медицинской сфере демография раскрывается с точки зрения того, какая часть населения является здоровой, а какая часть подвержена различным заболеваниям, причины смерти народонаселения.

Таким образом, лексическое значение слова «демография» неоднозначно, в зависимости от сферы применения данного термина его значение подвержено изменениям.

Синтезируя различные подходы к определению понятия «демография», мы пришли к выводу, что применительно к судебному автороведению, по нашему мнению, целесообразно выделить отдельные группы характеристик личности, составляющих понятие «демографические характеристики автора»:

- пол и возраст;
- этническая принадлежность;
- уровень образования и речевой культуры;
- профессиональная принадлежность;
- социокультурный статус (отношение к определенной субкультуре, воспитание и т.п.)

Необходимо отметить, что на сегодняшний день существует единственная монография, посвященная проблематике социально-биографических исследований в судебном автороведении [Вул 1983: 147–149], в которой были теоретически обоснованы общие методические принципы проведения автороведческой диагностики. Наряду с этим, данная работа является первым опытом в рассмотрении вопроса личностных характеристик автора документа.

В настоящее время работы по созданию и внедрению методик личностных черт автора документа ведутся отечественными учеными-криминалистами.

С момента появления первых работ по диагностике автора текста прошло больше половины века, их данные базировались на исследовании текстов, которые формировались в условиях отличных от нынешних.

Безусловно, совокупность исторических факторов таких как: переход от социализма к капитализму, смена тоталитарного режима на демократический, научно-технический прогресс, характеризующийся широким использованием сети Интернет, которая в свою очередь порождает специфические для данной сферы слова, такие как: «блогер», «лол» и т. д. оказывают существенное влияние как на устную, так и на письменную речь автора и ставят под сомнение возможность применения в современной экспертной практике научных трудов, связанных с решением диагностических задач, разработанных более полувека назад.

Таким образом, отдельные аспекты диагностического исследования демографических характеристик автора затрагивались в научных работах, однако, как отмечалось нами выше, с момента появления этих работ прошел достаточно большой промежуток времени, в результате чего применение этих трудов в условиях современной реальности ставится под сомнение. Вместе с тем отсутствует единый научно-методический подход к производству диагностического исследования автора по признакам письменной речи. Безусловно, все вышесказанное порождает острую необходимость в дальнейшем развитии судебно-экспертного исследования демографических характеристик автора по признакам письменной речи.

Библиографический список

1. Алюнина, О. Г. Понятие речевого портрета в современных лингвистических исследованиях / О. Г. Алюнина // Лингвистика и лингводидактика на рубеже веков: теоретические и прикладные аспекты : материалы регион. науч.-метод. интернет-конференции, посвящ. 10-летию факультета романо-германских языков. – Ставрополь : Изд-во СГУ, 2010. – С. 107.
2. Большой толковый словарь по культурологии / под ред. Б. И. Кононенко // Справочно-информационный интернет-портал АКАДЕМИК, 2000–2017. – URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_culture/1504/
3. Борисов, В. А. Демография / В. А. Борисов. – 2-е изд., испр. – М. : NOTABENE, 2001. – С. 272.
4. Вул, С. М. Исследование статистических структур письменной речи в целях разработки методики установления пола автора документа / С. М. Вул, Е. И. Горошко // Роль судебной экспертизы в раскрытии и профилактике преступлений : тез. науч.-практ. конф. / под ред. В. М. Палий. – Одесса : Одесская ЛНИСЭ, 1994. – С. 84–86.
5. Вул, С. М. Общие положения методики решения вопросов о социально-биографических характеристиках автора документа / С. М. Вул // Современные проблемы судебной экспертизы и пути повышения эффективности деятельности судебно-экспертных учреждений в борьбе с преступностью : тез. респ. науч. конф. – К. : НИИСЭ, 1983. – С. 147–149.
6. Гидденс, Э. Социология / Э. Гидденс. – М. : УРСС, 1999. – С. 672.
7. Демография : учеб. для высш. учеб. заведений / под ред. проф. Н. А. Волгина и проф. Л. Л. Рыбаковского. – М. : Изд-во РАГС, 2003. – С. 636.
8. Жбанков, В. А. Концептуальные основы установления личности преступления в криминалистике : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / Жбанков В. А. – М., 1995. – С. 13.
9. Козырев, В. А. Современная языковая ситуация и речевая культура : учеб. пособие / В. А. Козырев, В. Д. Черняк. – М. : Флинта : Наука, 2012. – С. 32.
10. Комиссаров, А. Ю. Криминалистическое исследование письменной речи : учеб. пособие / А. Ю. Комиссаров. – М. : ЭКЦ МВД России, 1999. – С. 9.

11. Лебедева, А. К. Судебно-экспертное исследование обликовых характеристик личности по фонограммам речи: правовые и методические аспекты : дис. ... канд. юрид. наук / Лебедева А. К. – М., 2017. – С. 26.
12. Медицинский словарь // Справочно-информационный интернет-портал АКАДЕМИК, 2000-2001. – URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/medic/2046>
13. Назарова, Т. В. О методических разработках по производству автороведческих экспертиз рукописных текстов / Т. В. Назарова, А. В. Ростовская // Речевые информационные технологии. – 2011. – С. 387–392.
14. Райзберг, Б. А. Современный экономический словарь / Б. А. Райзберг, Л. Ш. Лозовский, Е. Б. Стародубцева. – 2-е изд., испр. – М. : ИНФРА-М, 1999. – С. 479.
15. Снетков, В. А. Использование признаков внешности в работе органов внутренних дел / В. А. Снетков. – М. : ВНИИ МВД, 1993. – С. 148.
16. Шахтарина, О. И. Криминалистическая диагностика в аспекте розыска автора анонимного текста / О. И. Шахтарина // Известия Тульского государственного университета экономические и юридические науки. – Тула, 2012. – С. 299.

К ВОПРОСУ АКТУАЛЬНОГО ЧЛЕНЕНИЯ ПРЕДЛОЖЕНИЯ И ЕГО СЕМАНТИЧЕСКОЙ НЕОДНОЗНАЧНОСТИ (ИЗ ОПЫТА ЭКСПЕРТНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ)

О. И. Семянкова

Пенза, Россия

THE ACTUAL DIVISION OF THE SENTENCE AND ITS SEMANTIC NON-UNIFORMITY

O. I. Semyankova

Penza, Russia

Аннотация. Работа посвящена анализу маркеров актуального членения предложения в практике лингвистической экспертизы. В частности, на примере части текста официально-делового стиля рассматриваются семантические пропозиции, дающие возможность диверсификационной смысловой интерпретации предложений в зависимости от коммуникативных условий и гносеологической задачи автора документа.

Ключевые слова: предложение, актуальное членение предложения, тема, рема, предикат.

Abstract. The article is devoted to the analysis of markers of actual division of the sentence in the practice of linguistic expert evaluation. In particular, through the example of a part of an official text, the article considers the semantic propositions, which provide the possibility of diversifying semantic interpretation of sentences depending on communicative conditions and gnoseological task of the document's author.

Key words: proposal, actual division of the proposal, subject, rhem, the predicate.

Теория актуального членения предложения (АЧП) активно разрабатывалась среди младограмматиков, однако наиболее полно она реализовалась в трудах Вилема Матезиуса. В отечественном языкознании проблему исследовали И. И. Ковтунова, К. Г. Крушельницкая, Г. А. Золотова, В. В. Бабайцева и др. Функциональный смысл АЧП обусловлен экстралингвистическим характером коммуникации: предложение может менять форму в зависимости от коммуникативных условий и гносеологической задачи. Наиболее действенные формоизменяющие средства – это порядок слов в предложении и его интонационный рисунок. Семантически АЧП ярко проявляется в тема-рематическом характере предложения. Уместно вспомнить слова В. В. Виноградова «Предложение – это грамматически оформленная по законам данного языка целостная единица речи, являющаяся главным средством формирования, выражения и сообщения мысли. В предложении выражается не только сообщение о действительности, но и отношение к ней говорящего» [Виноградов 2010 : 2–45].

Отличительная черта любого предложения – это способность выражать законченную или относительно законченную мысль. В способности передавать мысль и состоит семантическая (смысловая) содержательность предложения, отличающая его от слова и словосочетания. Семантика предложения реализуется через следующие составляющие:

- синтаксическую структуру,
- грамматическую оформленность,
- восприятие коммуникативной ситуации автором предложения.

Таким образом, можно достаточно полно и объективно определить смысл предложения, если проанализировать каждый из трёх вышеназванных компонентов с позиций АЧП.

Именно реализация теоретических дефиниций на примере конкретных предложений представляла собой задачу, которую надо было решить в представленном на лингвистическую экспертизу материале. Сразу отметим, что документы составлены в официально-деловом стиле, не допускающем инотолкований.

Перед экспертом были поставлены следующие вопросы:

1. Каков общий смысл предложения «Ящик обработан внутри и снаружи олифой-оксоль с добавлением сиккативов 1-2% охры», входящей в текст технического предложения?
2. Каков общий смысл предложений, составляющих 3 и 4 абзацы протокола?

ГОСТом В 3378-77 в пункте 2.6 регламентировано, что поверхность ящиков типа I снаружи и ящиков типа II снаружи и изнутри покрывают олифой оксоль по ГОСТ 190-78 или натуральной олифой по ГОСТ 7931-76 с добавлением 1-2 % охры по стандарту, утвержденному в установленном порядке или сурика 0,5-1% по ГОСТ 8135-74 ».

Кроме того, вспомогательные добавки (сиккативы), предлагаемые в обрабатываемом составе изделий, указанные в заявке № 3 ГОСТом В 3378-77 не предусмотрены.

Рисунок 1 – Анализируемые абзацы протокола

3. Допускают ли предложения, составляющие 3 и 4 абзацы текста протокола, неоднозначное толкование с точки зрения их смысла? Если да, то в чём оно содержится?

Вопрос 1.

Восприятие коммуникативной ситуации автором предложения.

Полная информация о восприятии составителем технического предложения коммуникативной ситуации в данном случае вытекает не из смысла анализируемого предложения, а из смысла всего текста документа (техническое предложение). Лингвистический маркер, позволяющий определить направление мысли от объекта (комплект заготовок для изготовления ящика древесноволокнистого инд. 4Я14) к его признакам, – это прямая ссылка на формулировки ГОСТа и соответствующего чертежа (...изготавливается в строгом соответствии с ГОСТ В3378-77 и чертежом 4-26711). Формулировки ГОСТа не могут иметь разных толкований, следовательно, упоминание этого нормативного документа по аналогии исключает возможность двойного толкования смысла предложения и у составителя технического предложения.

Синтаксическая структура и грамматическая оформленность.

Синтаксическая структура предложения зависит от суждения о пропозиции (событии). Сущность пропозиции в предложении обозначается с помощью грамматически связанных между собой лексем. С позиции лингвистической теории пропозиция имеет свою структуру. Основа пропозиции – предикат (глагол, сказуемое) в сочетании с семантическими актантами (подлежащее и дополнение, помогающие уяснению смысла предложения) [Кострикина 2011, 3 – 17-20].

Актанты делятся на следующие группы:

- семантический субъект (S) – это предмет речи, носитель предикативного признака. Одушевленный субъект, производящий активное действие, называется агенсом (Ag);
- семантический объект (O) – предмет, подвергающийся действию субъекта;
- адресат (Adr) – получатель чего-либо.

Таким образом, релативный смысл предложению в значительной степени придаёт предикативность – отношения между предикатом и актантами. Они преимущественно задаются валентностью предиката. Валентность предиката – это его способность притягивать к себе актанты в определенных грамматических формах для выражения семантики предложения.

В зависимости от характера валентности (числа притягиваемых актантов), предикаты делятся на:

- нульвалентные,
- одновалентные,
- двухвалентные,
- трехвалентные,
- многовалентные.

Таким образом, именно пропозиция программирует отбор и распределение языковых единиц, диктует необходимую форму предиката, формирующее модель актуального членения предложения, актантов предложения и его интонационный акцент.

В предложении «Ящик обработан внутри и снаружи олифой-оксоль с добавлением сиккативов 1-2% охры» грамматическая основа: «ящик» – подлежащее в виде имени существительного, «обработан» – сказуемое в виде краткого страдательного причастия.

Подлежащее (тема) «ящик» с функциональной стороны является субъектом (темой), но по сути имеет семантическую (смысловую) роль предметного объекта (O). Такой объект выражает общее суждение. Имя существительное тут лишено единичной референции, хотя употребляется в форме единственного числа: оно выступает в значении множественного, в качестве представителя типовой ситуации (т.е. все ящики партии).

Сказуемое (рема) «обработан» выступает как двухвалентный предикат (P) частного действия или состояния и обозначает созидающее действие, направленное на объект. В предикативной функции краткое страдательное причастие обозначает обладание определенным постоянным свойством, т.е. все те ящики, которые обработают в итоге. Предикат в данном предложении определяет количество (два) и качественный состав актантов – это прямые и косвенные объекты (РОО). Предикат в предложении обозначает физическое (механическое) действие и сочетается с рядами предметных дополнений («нанезывание падежей») в творительном и родительном падежах («олифой-оксоль с добавлением сиккативов 1–2 % охры»). Дополнения (O) при предикате выступают в форме пациенса – т.е. предмета, затронутого действием или состоянием субъекта.

Они находятся в отношениях комплетивности (комплексности) к управляющему глаголу, т.е. без дополнений глагол остался бы семантически незавершенным.

К семантическим компонентам, не зависящим от предиката, относятся так называемые квалификаторы (необязательные конкретизаторы предиката и актантов). Это атрибуты (определения, Atr) и сирконстанты (обстоятельства, Sir). Они необходимы и важны для понимания смысла предложения. В анализируемом предложении есть сирконстанты – наречия «внутри и снаружи», которые уточняют область применения действия. Семантика сирконстантов эксплицитна, т.е. очевидна.

Таким образом, структура анализируемого предложения (главные и второстепенные члены, грамматически связанные между собой в формально и интонационно законченное целое, служащее выражению

обобщенной мысли), позволяет выделить в нём 3 смысла (рематических семантических пропозиции) по количеству предикатов:

1. Ящики обработаны олифой-оксоль.
2. Обработка ящиков олифой-оксоль осуществлена внутри и снаружи.
3. В олифу-оксоль добавлены сиккативы.

Иначе говоря, предложение имеет следующий констатирующий рематический смысл: все ящики партии одинаковы по качеству, а именно: обработаны внутри и снаружи одним и тем же средством – олифой-оксоль с добавлением сиккативов (очевидно, в противоположность необработанным).

Пропозиции тесно связаны друг с другом логически и по смыслу.

Вопрос 2.

Общий смысл предложений, составляющих 3 и 4 абзацы протокола, также реализуется через выше-названные признаки.

Восприятие коммуникативной ситуации автором предложения.

Полная информация о восприятии составителем протокола коммуникативной ситуации в данном случае вытекает не из смысла анализируемых абзацев, а из смысла всего текста документа (протокол рассмотрения и оценки конкурсных заявок на участие в открытом конкурсе на поставку комплектов заготовок для нужд ФКП ТПЗ). Лингвистический маркер, позволяющий определить направление мысли от объекта (комплект заготовок для изготовления ящика древесноволокнистого инд.4Я14) к его признакам, – это прямая ссылка на пункты и формулировки ГОСТов (ГОСТом В3378-77 в пункте 2.6 регламентировано...; по ГОСТ 190-78...; по ГОСТ 7931-76...; по ГОСТ 8135-74). Формулировки ГОСТа не могут иметь разных толкований, следовательно, упоминание этого нормативного документа по аналогии исключает возможность двоякого толкования смысла предложения и у составителя протокола.

Синтаксическая структура и грамматическая оформленность.

Предложение «ГОСТом В 3378-77 в пункте 2.6 регламентировано, что поверхность ящиков типа I снаружи и ящиков типа II снаружи и изнутри покрывают олифой оксоль по ГОСТ 190-78 или натуральной олифой по ГОСТ 7931-76 с добавлением 1-2% охры по стандарту, утверждённому в установленном порядке или сурика 0,5–1 % по ГОСТ 8135-74» является сложноподчинённым, осложнённым однородными членами и придаточным оборотом.

Грамматических основ две, обе состоят только из сказуемого: «регламентировано» – сказуемое в виде краткого страдательного причастия, «покрывают» – сказуемое в виде глагола несовершенного вида в форме 3-го лица множественного числа настоящего времени.

Сказуемое «регламентировано» выступает как одновалентный предикат (P) частного действия или состояния и обозначает действие, направленное на объект. В предикативной функции краткое страдательное причастие обозначает совокупность, сочетание определенных постоянных свойств, т.е. все те свойства, которые ящики должны иметь в итоге. Первый предикат в данном предложении определяет количество (один) и качественный состав актантов – это объект (PO). Первый предикат в предложении обозначает обобщённое безличное действие (или действие неопределённого лица/группы лиц) и сочетается с дополнением в творительном падеже в присловной позиции с ограничительно-уточняющим значением («ГОСТом В 3378-77...регламентировано...»).

Дополнение находится в отношениях комплетивности (комплексности) к управляющему глаголу, т.е. без дополнения глагол остался бы семантически незавершенным.

Второе сказуемое «покрывают» выступает как многовалентный предикат (P) частного действия или состояния и обозначает действие, (которое совершает неопределённый субъект/закрытое множество), направленное на объект. В предикативной функции этот глагол настоящего времени имеет два значения: длящееся во времени неоднократно действие и констатация свершившегося факта под максимальным контролем над действием и его результатом. Второй предикат в данном предложении определяет количество (три) и качественный состав актантов – это объекты (POOO). Второй предикат в предложении сочетается с обстоятельственными и с дополнением в творительном падеже в присловной позиции с определительным квалифицирующим значением («...поверхность... снаружи и ... снаружи и изнутри покрывают олифой ...»).. Кроме дополнения в присловной позиции в предложении есть дополнения в дательном падеже в неприсловной позиции, имеющие уточняющее, ограничивающее или квалифицирующее значение (...по ГОСТ 190-78... по ГОСТ 7931-76... по ГОСТ 8135-74). Они имеют двойную связь – с дополнением и с глаголом-сказуемым.

Все дополнения находятся в отношениях комплетивности (комплексности) к управляющему глаголу, т.е. без них глагол остался бы семантически незавершенным.

Таким образом, структура анализируемого предложения (главные и второстепенные члены, грамматически связанные между собой в формально и интонационно законченное целое, служащее выражению обобщенной мысли), позволяет выделить 3 рематических семантических пропозиции (смысла) по количеству предикатов:

1. Пункт 2.6 ГОСТа В 3378-77 регламентирует покрытие ящиков типа I снаружи и ящиков типа II снаружи и изнутри.

2. Ящики типа I снаружи и ящики типа II снаружи и изнутри покрывают олифой оксоль, состав которой определён ГОСТ 190-78, или натуральной олифой, состав которой определён ГОСТ 7931-76.

3. В олифу оксоль, произведенную по ГОСТ 190-78 и в натуральную олифу, произведенную по ГОСТ 7931-76, добавляется 1-2% охры или сурик 0,5–1 % по ГОСТ 8135-74.

Иначе говоря, предложение имеет следующий констатирующий смысл: все ящики партии типа I снаружи и ящики типа II снаружи и изнутри должны быть одинаковы по качеству, а именно – соответствовать пункту 2.6 ГОСТа В 3378-77. Это означает, что ящики типа I снаружи и ящики типа II снаружи и изнутри должны быть покрыты олифой оксоль, состав которой определен ГОСТ 190-78, или натуральной олифой, состав которой определен ГОСТ 7931-76. В конце предложения дается дополнительное разъяснение о том, что в олифу оксоль произведенную по ГОСТ 190-78 и в натуральную олифу, произведенную по ГОСТ 7931-76, добавляется 1–2 % охры или сурик 0,5–1 % по ГОСТ 8135-74.

Предложение «Кроме того, вспомогательные добавки (сиккативы), предлагаемые в обрабатываемом составе изделий, указанные в заявке № 3 ГОСТом В 3378-77 не предусмотрены» является простым двусоставным, осложненным вводными словами и придаточными оборотами.

Грамматическая основа состоит из подлежащего («добавки») и сказуемого («не предусмотрены»).

Сказуемое «не предусмотрены» выступает в виде краткого страдательного причастия прошедшего времени как двухвалентный предикат (P) частного действия или состояния и обозначает действие, направленное на объект. В предикативной функции краткое страдательное причастие обозначает обобщенное безличное действие (или действие неопределенного лица/группы лиц), имеющее некатегорично-запретительный характер. Предикат в данном предложении определяет количество (два) и качественный состав актантов – это субъект и объект (PSO). Предикат в предложении сочетается с дополнением в творительном падеже в присловной позиции с ограничительно-уточняющим значением («ГОСТом В 3378-77 не предусмотрены»).

Дополнение находится в отношениях комплетивности (комплексности) к управляющему глаголу, т.е. без дополнения глагол остался бы семантически незавершенным.

Вводные слова «кроме того» стоят в начале предложения. Они указывают на связь мыслей в 3 и 4 абзацах протокола, на последовательность их изложения. Также они достраивают семантическую связь предикатов вышеназванных абзацев.

Таким образом, структура анализируемого предложения (главные и второстепенные члены, грамматически связанные между собой в формально и интонационно законченное целое, служащее выражению обобщенной мысли), позволяет выделить 3 рематических семантических пропозиции (смысла) по количеству предикатов:

1. Вспомогательные добавки (сиккативы) в изделиях ГОСТ В 3378-77 не предусматривает.
2. Вспомогательные добавки (сиккативы) предлагается ввести в обрабатываемое изделие.
3. Перечень вспомогательных добавок (сиккативов), которые предлагают в составе изделий, указан в заявке № 3.

Иначе говоря, предложение имеет следующий констатирующий смысл: в дополнение к содержанию предыдущего предложения констатируем, что вспомогательные добавки (сиккативы) ГОСТ В 3378-77 не предусматривает, в то время как составители технического предложения предлагают ввести вспомогательные добавки (сиккативы) в обрабатываемый состав изделий и указывают их в заявке № 3.

Вопрос 3.

Предложения 3 и 4 абзаца текста протокола допускают неоднозначное толкование рематических компонентов. Это связано с наличием в тексте пунктуационных и синтаксических ошибок.

Пунктуационные ошибки

Отсутствует запятая после причастного оборота, стоящего в середине предложения: «...с добавлением 1-2% охры по стандарту, утверждённому в установленном порядке (.) или сурика 0,5-1% по ГОСТ 8135-74». Это затрудняет понимание общего смысла предложения. Помимо того, значительная удалённость друг от друга маркеров АЧП – однородных членов (охры ... или сурика), а иначе говоря, ошибочное актуальное членение предложения, ведёт к тому, что в данном отрезке исследуемого абзаца, когда в соответствии с общепринятыми принципами аналитико-синтетического чтения взгляд забегает вперёд (происходит антиципация), внимание не акцентируется на основных смыслообразующих частях предложения при сличении и контроле за его содержанием.

Синтаксические ошибки

В предложении, составляющем 3 абзац, есть ряды однородных членов. Первый ряд – однородные дополнения, которые относятся к предикату «покрывают» «...**покрывают** (чем?) олифой оксоль (дополнение в творительном падеже) по ГОСТ 190-78 **или** натуральной (чем?) олифой (дополнение в творительном падеже) по ГОСТ 7931-76 с добавлением 1–2 % охры по стандарту, утверждённому в установленном порядке или сурика 0,5–1 % по ГОСТ 8135-74».

Второй ряд – однородные дополнения, которые прямо относятся к дополнению «с добавлением» «...покрывают олифой оксоль по ГОСТ 190-78 или натуральной олифой по ГОСТ 7931-76 **с добавлением** (чего?) 1–2 % охры (дополнение в родительном падеже) по стандарту, утверждённому в установленном порядке **или** (чего?) сурика 0,5–1 % (дополнение в родительном падеже) по ГОСТ 8135-74».

Однозначно отнести второй ряд однородных дополнений к словосочетанию «олифа оксоль» или к словосочетанию «натуральная олифа» не представляется возможным, следовательно, неясно по смыслу – куда должны быть добавлены «1–2 % охра» и «сурик 0,5–1 %»? Таким образом, нарушается запланированное АЧП, что ведёт к множественности смыслов предложения, и их актуализация проблематична.

Вариантов понимания этой части предложения несколько:

1. «...покрывают олифой оксоль по ГОСТ 190-78 или натуральной олифой по ГОСТ 7931-76, **в которые** может добавляться 1-2% охра (по стандарту, утверждённому в установленном порядке) или сурик 0,5-1% (по ГОСТ 8135-74)».

2. «...покрывают олифой оксоль по ГОСТ 190-78 или натуральной олифой по ГОСТ 7931-76. В **натуральную олифу** может добавляться 1-2% охра (по стандарту, утверждённому в установленном порядке) или сурик 0,5-1% (по ГОСТ 8135-74)».

3. «...покрывают олифой оксоль по ГОСТ 190-78 или натуральной олифой по ГОСТ 7931-76. В **олифу оксоль** может добавляться 1-2% охра (по стандарту, утверждённому в установленном порядке) или сурик 0,5-1% (по ГОСТ 8135-74)».

4. «...покрывают олифой оксоль по ГОСТ 190-78 или натуральной олифой по ГОСТ 7931-76, в которые **по выбору может добавляться** 1-2 % охра (по стандарту, утверждённому в установленном порядке) или сурик 0,5-1 % (по ГОСТ 8135-74)».

Вышеприведённые выводы, на наш взгляд, с достаточным теоретическим обоснованием позволили эксперту доказать, что предложения спорного документа понимаемы неоднозначно.

Таким образом, из всего сказанного можно сделать следующий вывод: в письменной деловой речи семантические пропозиции, реализующиеся в нормативных (устоявшихся) стандартных синтаксических конструкциях способствуют актуализации базовых смыслов, что соответствует самому назначению этого функционального стиля. Нарушения же правил построения предложений вводят в них неоправданную неясность и диверсификацию смысловой интерпретации, что нивелирует главную задачу АЧП – адаптацию предложения к конкретной коммуникативной ситуации, его коммуникативную обусловленность.

Библиографический список

1. Валгина, Н. С. Современный русский язык: Синтаксис : учебник / Н. С. Валгина. – 4-е изд., испр. – М. : Высш. шк., 2003. – URL: http://yanko.lib.ru/books/language/ru/yanko.valgina_2003_416p_rasp_sl.htm#_Toc331394004
2. Виноградов, В. В. Основные вопросы синтаксиса предложения (на материале русского языка) в кн.: Современный русский язык: хрестоматия : в 3 ч. Ч. 3. Синтаксис / В. В. Виноградов ; сост.: Е. Е. Долбик, В. Л. Леонтович, Л. Р. Супрун-Белевич. – Минск : БГУ, 2010. – 295 с.
3. Кострикина, А. П. Современный русский язык. Семантический аспект простого предложения : учеб. пособие / А. П. Кострикина. – Куйбышев, 2011. – 79 с.
4. Русская грамматика. – URL: <http://rusgram.narod.ru>

**КАТЕГОРИЯ ПОБУДИТЕЛЬНОСТИ И РЕЧЕВЫЕ АКТЫ УГРОЗЫ
В ЮРИДИЧЕСКИХ ДОКУМЕНТАХ, СОДЕРЖАЩИХ РЕШЕНИЯ
ИНДИВИДУАЛЬНОГО ХАРАКТЕРА
(ИЗ ПРАКТИКИ СУДЕБНЫХ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ЭКСПЕРТИЗ)**

Ю. Р. Тагильцева

Екатеринбург, Россия

**THE CATEGORY OF INCENTIVES AND THREATENING SPEECH ACTS
IN LEGAL DOCUMENTS CONTAINING DECISIONS OF AN INDIVIDUAL
CHARACTER (BASED ON FORENSIC LINGUISTIC EXAMINATIONS)**

Y. R. Tagiltseva

Ekaterinburg, Russia

Аннотация. Большинство юридических документов, содержащих решения индивидуального характера, несут в себе стремление говорящего репрезентировать побудительные интенции своих высказываний. Для того, чтобы говорящий не совершил «иллокутивное самоубийство», используется имплицитная форма, в которой семантика угрозы не лежит на поверхности. Специфика исследуемого мирового соглашения определяется стремлением говорящего завуалировать побудительные интенции своих высказываний, направленных на подавление воли адресата.

Ключевые слова: юридический документ, категория побудительности, речевые акты угрозы, импликация.

Abstract. Most legal documents containing decisions of an individual character contain the speaker's desire to represent the incentive intentions of his statements. In order for the speaker not to commit "illocutionary suicide", an implicit form is used in which the semantics of the threat does not lie on the surface. Specificity of the examined peace agreement is determined by the speaker's desire to disguise the incentive intentions of his statements aimed at suppressing the will of the addressee.

Key word: the legal document, the category of incentives, speech acts of threat, implication.

Юридическая лингвистика на сегодняшний день является новой областью языкознания, возникшей на стыке языка и права, что придает ей междисциплинарный характер, и призванной «решать проблемы лингвоправового пространства – лингвистическая экспертиза различных правовых документов, формулирование рекомендаций по разработке текстов законопроектов, исследования в теории и на практике в области юридического перевода и многие другие» [Гришенкова 2005 : 20].

Главной особенностью языка юриспруденции становится высокая концентрация абстракции юридических терминов, что приводит к возникновению проблемы интерпретации юридического текста. Специфика такого текста заключается прежде всего в том, что он представляет собой документ, содержащий правовую информацию и направленный на правовое регулирование отношений субъектов права, за счет чего и придается официальный характер их юридическим действиям. Особое внимание в данной статье уделяется документам, содержащим решения индивидуального характера, поскольку отличительной их чертой является «отражение воли конкретных людей, направленное на установление, изменение или прекращение субъективных прав и юридических обязанностей» [Кашанина 2011 : 80]. Поэтому большинство юридических документов такого типа содержат в себе стремление говорящего (актора) репрезентировать побудительные интенции своих высказываний, в связи с чем им избираются разнообразие формы выражения побуждения как эксплицитного, так и имплицитного характера.

В лингвистике категория побудительности рассматривается как «коммуникативная категория, выражающая волеизъявление говорящего лица, которое проявляется в речевом воздействии на адресата сообщения с целью стимулирования его к определенному поведению» [Волкова 2011 : 22]. Исходя из допустимой степени подавления воли адресата и самой коммуникативной позиции адресанта по отношению к адресату принято выделять императивные и диспозитивные выражения побудительности. Для первой группы характерна категоричность выражений побудительности и отсутствие права выбора у адресата, во второй – высказывания уже являются некатегоричными и допускается свобода выбора адресата.

В данной статье мы подробно остановимся на примерах семантики имплицитного речевого акта угрозы в мировом соглашении досудебного порядка как одной из разновидностей правовореализационного документа, «фиксирующего волеизъявление или собственные решения субъектов права» [Кашанина 2011 : 80]. Исследуемый жанр – мировое соглашение – представляет собой соглашение сторон о прекращении судебного спора на основе взаимных уступок. Как известно, ситуация мирового соглашения создается тремя участниками: ответчиком – истцом – посредником (юристом). Основными свойствами данной ситуации становятся: 1) наличие спорных вопросов или конфликтной ситуации между двумя сторонами – «истцом» и «ответчиком», при этом каждый из участников отстаивает свои интересы; 2) при такой ситуации возможен консенсус в виде мирового соглашения, где каждая из сторон, участвующих в судебном процессе, выставляет свои условия, которые должны быть взаимовыгодными; 3) юрист как посредник, изучив всю сложившуюся ситуацию, предлагает несколько вариантов выхода из конфликтной ситуации, а обе стороны выбирают приемлемый для них вариант и добровольно подписывают соглашение. Это возможно, если все три стороны четко выполняют свои роли, но если нарушается такой хрупкий баланс сил, то мировое соглашение теряет свой цивилизованный характер разрешения конфликта и становится ультиматумом одной из заинтересованных сторон. В результате, поскольку действия в таком юридическом документе уже носят неправомерный характер, адресант стремится завуалировать побудительные интенции своих высказываний. По мнению А. Е. Волковой, здесь уже используются диспозитивные побудительные высказывания, где побудительность репрезентируется «языковыми средствами, за которыми закреплено определенное грамматическое значение, не относящееся к семантике волеизъявления, но, будучи погруженными в определенный контекст, подобные языковые средства способны выражать побудительную семантику» [Волкова 2011 : 137-138]. К таким диспозитивным высказываниям можно отнести угрозу как одну из форм непрямого побуждения.

Рассмотрим на конкретном примере. Предметом исследования стали высказывания-требования выплаты «ответчиком» задолженности «истцам» в виде денежных средств, представленные в некоторых пунктах мирового соглашения:

«2. «*Ответчики*» признают существование перед «*Истцами*» задолженности, рассчитанной согласно прилагаемой таблице, в частности задолженность перед <...>».

3. Денежные суммы, указанные в п 2. Соглашения, «*Ответчики*», неся солидарную ответственность, **обязуются выплатить** «*Истцам*» в день подписания настоящего соглашения, обратившись за содействием к нотариусу <...>«.

Во-первых, с точки зрения логики импликация выражается в виде формулы «*посыл – следствие*», репрезентируемая в тексте грамматической конструкцией «*если ..., то...*». В исследуемом фрагменте, прежде всего в пункте 2 соглашения, данная формула представлена усеченной – отсутствует «посыл». Посыл здесь говорящим намеренно скрывается, поскольку именно в нем содержится указание на характер противоправного действия – отсутствие документов (кроме таблицы-расчета), подтверждающих факт задолженности «*Ответчика*» перед «*Истцами*» и обязывающих первых осуществить выплату долга.

Во-вторых, в пунктах 2 и 3 глаголы «признать» и «обязать» представлены в форме настоящего времени индикатива (изъявительное наклонение), являющиеся обобщенным и абстрагированным средством побудительности.

По данным большого толкового словаря [БТС 2000]:

ПРИЗНАТЬ, -знаю, -знаешь; признанный; -нан, -а, -о; св.

1. что. Соглашаться считать законным, действительным, существующим. *П. нейтралитет государства.*

2. что. Дать положительную оценку кому-, чему-л. *П. талант. П. роман.*

3. что и с придат. дополнит. Соглашаться с чем-л., счесть истинным, действительным. *П. свою вину, ошибки, неправоту. // также кого-что, каким, чем. Установить что-л., прийти к какому-л. заключению. П. пациента душевнобольным.*

4. кого-что (в ком-чём). Разг. Узнать по внешнему признаку, по каким-л. приметам. *П. дорогу. П. улицу, двор, дом.*

Исходя из контекста, глагол «признать» реализуется в своем первом значении, поскольку есть указание на предмет – существование задолженности, в отношении которого совершается действие.

По данным большого толкового словаря [БТС 2000]:

ОБЯЗАТЬ, обяжу, обяжешь; св. кого-что.

1. Предписать, сделать обязательным исполнение чего-л., вменить в обязанность. *О. подчиняться воинскому уставу.*

2. Вызвать у кого-л. чувство признательности, благодарности, желание ответить услугой на услугу. *Вы очень обязали бы меня, если бы отсрочили выплату долга.*

Исходя из контекста, глагол «обязать» реализуется в своем первом значении, поскольку есть указание на объекты – «ответчики», которые должны безусловно исполнить действие – выплатить денежную сумму.

Настоящее время изъявительного наклонения, как отмечает ряд исследователей, используется для уточнения и подчёркивания категоричности действия со стороны говорящего, проявляемого в приказе или требовании. Исследуемый фрагмент представляет собой требование – решительный, категоричный побуди-

тельный акт со стороны говорящего, поскольку у него есть право (как считает говорящий) побуждать к выполнению действия и уверенность в выполнении его воли, в данном случае выплате денежных средств «Истцам».

В-третьих, побуждение к действию в данном тексте, как отмечалось, выражено в непрямой форме – констатации положения вещей, факта. По грамматическим и семантическим признакам предложения в пунктах 2 и 3 являются утверждениями о совершаемом факте «здесь и сейчас»: высказывание имеет грамматическую форму повествовательного невосклицательного предложения; не содержатся слова и конструкции, указывающие на источник сведений (чужое мнение), подчеркивающие уверенность/неуверенность говорящего, указывающие на то, что высказывается частное мнение.

На непрямую форму побудительности также указывают и единицы тематических групп: 1) «денежные средства»: *сумма, денежные суммы*; 2) «количество денежных средств»: суммы прописаны цифрами; 3) «заплатить, отдать денежные средства»: *признать задолженность, выплатить*.

Таким образом, вышеизложенное дает основание говорить о наличии в исследуемом тексте побудительного значения высказывания, выраженного в форме требования имплицитного характера.

Категория побудительности в исследуемом фрагменте юридического документа представлена в виде скрытых изречений-угроз «истцов» в адрес «ответчика» с целью побуждения последнего к выполнению требования – выплаты денежных средств, представленные в последующих пунктах данного соглашения:

«4. При отсутствии доказательств выплаты денежных сумм в размере, указанном в п. 2, в сроки, указанные в п. 3, настоящее Соглашение утрачивает свое значение и становится недействительным.

5. На условиях настоящего Соглашения, «Истцы» отказываются от любых требований материально-правового, трудового или уголовно-правового характера к «Ответчику», обязуются прекратить (расторгнуть) трудовые договоры, отказываются от предъявления ко взысканию понесенных по спорам судебных издержек, в том числе сумм уплаченных госпошлин, расходов на оказание юридических услуг, сумм надбавки за разъездной характер работы, компенсации понесенных в командировках расходов, суточных, налогов, взносов и иных выплат, обязанности по уплате которых перед «Истцами» несет работодатель».

Речевой акт угрозы тяготеет к побудительному классу иллокутивных актов (характеристика высказывания с точки зрения совершаемого с его помощью действия), т.е. говорящий совершает определенное действие – речевой акт, он угрожает. Для того, чтобы говорящий не совершил «иллокутивное самоубийство» (использование перформативных глаголов – «угрожаю» и т.п.), чаще всего используется имплицитная форма, в которой семантика угрозы не лежит на поверхности. Еще раз повторимся, что специфика исследуемого фрагмента документа определяется стремлением говорящего завуалировать побудительные интенции своих высказываний.

Во-первых, с точки зрения логики, импликация выражается в исследуемом фрагменте следующим образом: «посыл» реализуется в пункте 4, а «следствие» – в пункте 5. В результате такой логической операции получается следующее: *«Если не будут представлены доказательства выплаты денежных сумм в размере, указанном в п. 2, в сроки, указанные в п. 3 (см. п. 4), то «Истцы» не откажутся от любых требований материально-правового, трудового или уголовного характера к «Ответчику», <...> от предъявления ко взысканию понесенных по спорам судебных издержек... (см. п. 5)».* Причем угроза завуалирована под тип предложения «взаимной уступки».

Во-вторых, поскольку угроза – это речевой акт иллокутивного характера, то прагматический компонент коммуникативной структуры ситуации угрозы по О. В. Эпштейн будет выглядеть следующим образом:

- «1) Г – говорящий;
- 2) С – слушающий;
- 3) их характеристики по шкале «выгода – ущерб»: Г (+/0) – С (-/0);
- 4) тип взаимодействия между Г и С: Г → С» [Эпштейн 2009 : 218].

Исходя из этой коммуникативной структуры, выстроим наш вариант взаимодействия «истцов» и «ответчика», где:

- 1) Г – «истцы»;
- 2) С – «ответчик»;
- 3) их характеристики по шкале «выгода – ущерб»: Г (+) – С (-);
- 4) тип взаимодействия между Г и С: Г → С.

Поскольку косвенная угроза выражена на импликационном уровне структуры текста, то согласно А. Вежбицкой, такой речевой акт выражается констатирующими высказываниями о будущих негативных состояниях мира и может быть описан следующей формулой: *«Говорю: я хочу, чтоб ты знал, если ты сделаешь X, то наступит нечто плохое».* Исходя из предложенной формулы, спроецируем речевой акт косвенной угрозы, заложенный в исследуемом фрагменте текста, и получаем следующее: *«Говорю («Истцы»): мы хотим, чтоб ты («Ответчик») знал, что если сделаешь (не подпишешь Соглашение и представишь доказательства выплаты денежных сумм в размере, указанном в п. 2, в сроки, указанные в п. 3), то наступит плохое (не откажемся от любых требований материально-правового, трудового или уголовного характера к «Ответчику», <...> от предъявления ко взысканию понесенных по спорам судебных издержек)».*

Кроме того, угроза в исследуемом фрагменте текста обладает еще и такой характеристикой, как пропозиционным содержанием высказывания, «т.е. констатацией намерения говорящего при условии невыполнения адресатом требуемого от него говорящим» [Бринев 2009]. Здесь прежде всего разыгрывается модель пропозиции, в которой один из компонентов касается высказывания о требовании передачи денежных средств: «Если не дашь, то получишь – требования материально-правового, трудового или уголовного характера, <...> взыскания понесенных по спорам судебных издержек...».

Стоит также отметить, что имплицитность угрозы реализуется в исследуемом фрагменте посредством и постсуппозиции (логические выводы, следствия эксплицитного высказывания, возможное выводное значение). Именно через «погашение» выводного значения адресат может распознать угрозу. В данном случае это будет выглядеть так:

- 1) «ответчик» не выплачивает требуемую сумму (п. 2) «истцам»;
- 2) это может вызвать недовольство у «истцов»;
- 3) «истцы» тогда обращаются в суд с «требованиями материально-правового, трудового или уголовного характера и взыскания понесенных по спорам судебных издержек» от «ответчика»;
- 4) это может причинить неудобства «ответчику»;
- 5) следовательно, «ответчику» надо выплатить требуемую сумму (п. 2) «истцам».

В-третьих, по А.Н. Баранову семантика косвенного речевого акта угрозы в исследуемом тексте представлена в виде угрозы-предупреждения, где говорящий понимает, что адресат может совершить нечто нежелательное для него (или связанных с ним лиц) и пытается предотвратить это. Угрозу данного типа можно истолковать следующим образом: «*X говорит Y-у, что сделает P – нечто плохое для Y-а, если Y сделает Q – что-то плохое для X-а, чтобы Y боялся P и из-за этого не делал Q*». Если эту формулу переложить на исследуемую ситуацию угрозы, содержащейся в соглашении, то получаем: «*«Истцы» говорят «ответчику», что сделают нечто плохое для «ответчика» (требования материально-правового, трудового или уголовного характера, <...> взыскания понесенных по спорам судебных издержек), если «ответчик» сделает что-то плохое для «истцов» (не выплатит требуемую сумму и не подпишет соглашение), чтобы «ответчик» боялся (требований материально-правового, трудового или уголовного характера, <...> взыскания понесенных по спорам судебных издержек) и из-за этого не отказывался (от подписания соглашения и выплаты денежных средств)*». Здесь побуждение семантически вполне прозрачно: оно следует из компонента «*чтобы «ответчик» боялся «требований материально-правового, трудового или уголовного характера, <...> взыскания понесенных по спорам судебных издержек» и из-за этого не отказывался от подписания соглашения*», но в этом случае оно остается косвенным, хотя и вполне очевидным.

В-четвертых, синтаксическая особенность исследуемой угрозы носит повествовательный (утвердительно-наклонный) характер, поскольку угроза – это всегда обещание причинить неприятности объекту. Изъявительное наклонение глагола, используемого в речевом акте угрозы, означает, что действие является реальным фактом действительности и осуществляется в настоящем или будущем. На это указывает и то, что акт косвенной угрозы носит еще и ультимативный характер, поскольку невыполнение требований («подписание соглашения») говорящего («Истцов») может привести к реализации самой угрозы (обращение в суд с «требованиями материально-правового, трудового или уголовного характера, <...> взыскания понесенных по спорам судебных издержек»), в связи с этим у адресата («Ответчика») не остается выбора, как согласиться с требованием и совершить то действие, на которое его подталкивает первый.

Выявленная угроза-предупреждение в досудебном мирном соглашении содержит информацию, направленную на конкретного адресата («Ответчика») с целью выполнения им определенных действий, необходимых адресанту («Истцам»). При этом, стоит отметить, что в исследуемом тексте практически отсутствуют синтаксические конструкции с семантикой уступки, что уже разрушает жанровую природу данного юридического документа – достижение сторонами согласия об условиях разрешения спора.

Библиографический список

1. Абросимова, Г. А. Побуждение как объект лингвистического исследования / Г. А. Абросимова // Иностранные языки: лингвистические и методические аспекты. – 2014. – № 29. – С. 201–208.
2. Баранов, А. Н. Семантика угрозы в лингвистической экспертизе текста / А. Н. Баранов. – URL: <http://www.dialog-21.ru/digests/dialog2013/materials/pdf/BaranovAN.pdf>
3. Большой толковый словарь русского языка / ред. С. А. Кузнецов. – СПб. : Норинт, 2000. – 1536 с.
4. Бринёв, К. И. Судебная лингвистическая экспертиза по делам, связанным с угрозой / К. И. Бринёв // Сибирская ассоциация лингвистов-экспертов. – URL: <http://siberia-expert.com/publ/3-1-0-46>
5. Вежбицкая, А. Речевые жанры (в свете теории элементарных смысловых единиц) / А. Вежбицкая // Антология речевых жанров. – М. : Лабиринт, 2007. – С. 68–81.
6. Волкова А. Е. Способы выражения непрямого побуждения в высказываниях разной степени категоричности / А. Е. Волкова // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. Сер.: Филология. – 2011. – № 4, т. 1. – С. 134–141.
7. Волкова, А. Е. Импликация семантики побудительности в составе высказываний с непрямой формой побуждения / А. Е. Волкова // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 2, Языкознание. – 2011. – № 1 (13). – С. 21–27.
8. Гришенкова, Ю. А. Актуальные вопросы юрислингвистики как новой области современных междисциплинарных исследований / Ю. А. Гришенкова // Ярославский педагогический вестник. – 2005. – № 1. – С. 20–24.

9. Кашанина, Т. В. Юридическая техника : учебник / Т. В. Кашанина. – 2-е изд., пересм. – М. : Норма : ИНФРА-М, 2011. – 496 с.
10. Петрова, Е. Б. Каталогизация побудительных речевых актов в лингвистической прагматике / Е. Б. Петрова // Вестник ВГУ. Сер.: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2008. – № 3. – С. 124–133.
11. Шахматова, Т. С. Речевой акт косвенной угрозы в практике судебной лингвистической экспертизы / Т. С. Шахматова // Ученые записки Казанского университета. Гуманитарные науки. – 2015. – Т. 157, кн. 5. – С. 286–294.
12. Эпштейн, О. В. Косвенный речевой акт угрозы в политическом дискурсе (на материале английского языка) / О. В. Эпштейн // Известия Самарского научного центра РАН. – 2009. – Т. 11, вып. 4–5. – С. 1337–1343.

ИНВЕКТИВНЫЕ ОККАЗИОНАЛИЗМЫ КАК ОБЪЕКТ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

А. Е. Февралева

Ростов-на-Дону, Россия

INVECTIVE OCCASIONALISMS AS AN OBJECT OF LINGUISTIC EXPERTISE

A. E. Fevraleva

Rostov-on-Don, Russia

Аннотация. Рассматриваются современные коммуникативные тенденции использования окказиональных инвектив в дискурсе социальных сетей. Дается определение инвективы, окказионализма и выделяются основные способы образования незуальной лексики на примере публикаций в социальных сетях в сети Интернет.

Ключевые слова: окказионализм, инвектива, узус, дискурс социальных сетей.

Abstract. The article deals with modern communication trends in online discourse through the use of the occasional invective in communication. The definition of the invective and occasionalism is highlighted and the main forms of non-visual invective on the example of publications in social networks are given.

Key words: occasionalism, invective, usage, discourse of social networks.

В последнее время в практике лингвистов-экспертов все чаще возникает вопрос, как же квалифицировать окказионализмы, которые можно отнести к инвективным. Чтобы понять явление окказиональных инвектив, нужно сначала определить, что такое инвективы и окказионализмы и что к ним относится.

Итак, инвектива – «оскорбление, резкий выпад против кого-либо; проявление агрессивности речевого поведения» [Иванова, 2003 : 209].

Под инвективой понимается «резкое выступление против кого-либо, чего-либо; оскорбительная речь» [Энциклопедический словарь, 2009].

Окказионализмы же в современной науке трактуются по-разному.

Выделяются следующие признаки, отличающие окказионализм от узуального слова:

1. Незафиксированность в словаре.
2. Асистемность значения.
3. Нарушение норм употребления.
4. Принадлежность автору (т.е. невоспроизводимость в акте коммуникации).
5. Новизна восприятия слова.
6. Переносное значение.
7. Экспрессивность значения (обязательно).
8. Зависимость от контекста.
9. Графическое выделение на письме при помощи кавычек (необязательно).

Таким образом, можно дать такое определение окказионализмам: это слова, которые отсутствуют в языковом узусе, но создаются в определенных целях по законам словообразования, или же нарушая их.

Окказиональные инвективы, в таком случае, можно определить как лексемы, которые отсутствуют в словарях, широком словоупотреблении и заключают в себе признаки речевой агрессии, оскорбления.

Здесь хочется сделать уточнение, что все окказионализмы толкуются только в контексте, в котором они были употреблены. Окказионализмы могут создавать все носители языка. Стоит отметить, что при этом возможны одновременность и многократность создания таких лексем.

Задача каждого лингвиста-эксперта при рассмотрении инвективного потенциала окказионализма – это квалификация коммуникативного намерения автора высказывания с точки зрения наличия в нем семантики оскорбительности, то есть определение того, по каким критериям лингвист-эксперт может определить, является ли данный окказионализм инвективным или нет.

Стоит отметить, что окказионализмы могут и не быть образованы от ненормативной, табуированной лексики, однако они могут восприниматься как оскорбительные.

Вследствие того, что решение этой проблемы до сих пор не найдено, и данный вопрос часто поднимается в профессиональной среде, можно сделать вывод, что незуальную инвективную лексику довольно сложно сгруппировать и вообще обнаружить, т.к. некоторые признаки присущи не только окказиональным словам, например, незафиксированность в словарях (может быть признаком недавно заимствованного слова).

Многие лингвисты пытались систематизировать способы окказионального словообразования. И в последнее время такие классификации активно разрабатываются.

Описанные в литературе способы такого словообразования позволили составить перечень:

1. Контаминация – образование нового слова или выражения путем скрещивания, объединения частей двух слов или выражений, связанных между собой какими-либо ассоциациями.
2. Междусловное наложение слов – наложение конца первой основы и омонимичного начала второй основы двух самостоятельных слов.
3. Слияние – способ образования новых слов путём сложения двух (или нескольких) слов, основ производящих слов с соединительной гласной или без неё.
4. Образование по конкретному образцу – создание производного слова по ориентации на существующий лексический образец. Механизмом процесса является копирование готового образца.
5. Построение слов с вымышленными корнями – обычные аффиксы сопровождают вымышленные корни.
6. Тмезис (вставки) – одно исходное слово вставляется внутрь другого.
7. Сегментация – прием «дробления» (или выделения части) слов на более или менее протяженные сегменты, которые так же могут быть словами.
8. Субституция – замещение одного звука другим.
9. Переход имен собственных в имена нарицательные и т. д. [Земская 1992].

Однако же полное определение и выявление окказиональных способов и приемов их образования вряд ли возможно в принципе, поскольку создание окказионализмов – это явление сугубо индивидуального творения.

Материалом для нашего исследования послужили окказиональные лексемы, обнаруженные методом сплошной выборки из социальных сетей в сети Интернет. Выбор именно этой платформы для исследования обусловлен тем, что в современном обществе наибольшую популярность приобрела интернет-коммуникация, в которой пользователи могут анонимно высказывать свое мнение, касающееся различных вопросов. Появление площадок, где можно высказывать свое мнение анонимно, а также уверенность в безнаказанности снимают целый ряд коммуникативных ограничений, имеющих место в процессе обычного общения. Все это влечет за собой изменение уже устоявшихся в обществе правил, связанных, в частности, с эстетическим аспектом. «Свобода слова, возможность самовыражения и, как правило, анонимность пользователей Интернета приводят к негативным последствиям: уничтожаются сдерживающие механизмы, позволяющие создавать тексты, нарушающие не только языковые, но и морально-нравственные нормы» [Евсеева, 2008].

В обострившейся же политической ситуации пользователи социальных сетей не стесняются в выражениях и даже могут придумывать свои, оскорбительные, названия наций, жителей определенных территорий, которые мы рассмотрим в данной статье.

Проанализируем примеры, взятые в группе – «Русофобия-24» (<https://vk.com/rueho>), на сайте Проза.ру (<https://www.proza.ru/>)

Первый пример – окказиональное слово «срусский» и производное от него «сруснявый», широко используемое пользователями Интернета в группах, посвященных травле россиян, не зафиксировано в словарях, справочниках, встречается в социальной сети «ВКонтакте», «Одноклассники». Определить значение данного окказионализма можно при помощи контекста, в котором оно употребляется: «Русский (обратите внимания, не сруснявый) блогер сделал обзор на очередной сруснявый #анало_говнет автопрома, который «разрабатывали» 6 лет».

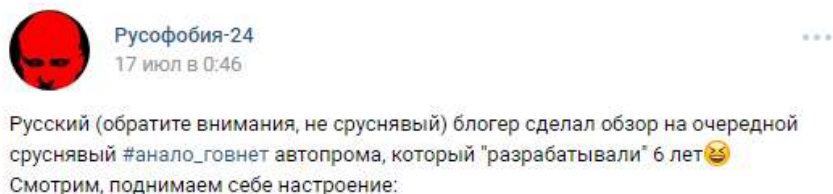

Рисунок 1

Таким образом, «сруснявый» или «срусский» употребляется вместо слова «русский».

Лексема «сру» – 1-е лицо, единственное число от глагола «срать», которое дано в академическом словаре Кузнецова с пометами «грубое», а также зафиксировано в словарях арго, жаргона. При помощи контаминации автор образовал окказионализм, содержащий в своем корне грубое, неупотребляемое в обществе слово.

Важно отметить, что пользователи социальных сетей, в частности участники данной группы, различают слова «срусский» и «сруснявый».

«Сруснявый» образовано от окказионального слова «срусня» приставочно-суффиксальным способом. Слово «срусня», как написано в «Lukomore – свободной энциклопедии правды», это «одно из известных и широко распространенных слов/определений, которым убудки русофобы (в частности украинцы и чеченцы) обзывают русских так как банально завидуют им» [Lukomore].

Таким образом, слово «русня» было использовано автором с целью оскорбления русских людей, россиян, при помощи изменения, «коверкания» названия нации [Февралева 2017].

Следующий пример окказионального названия россиян – «пидорашки», в данном контексте можно дать такое определение слову: жители «пидорашки» (наименование страны).

Что духовнее, Гейрова или Пидораша?

Борис Колосов-Гастев

На заметку изобретателям хлёстких сленговых форм. Сегодня мне в голову пришла одна забавная ассоциация. Наши духовные патриоты-рогоносцы называют Европу - "Гейровой"... Здесь непроизвольно возникает связь смыслов: раз Европа - это "Гейрова", то наша Раша - это "Пидораша"...))
(Борис Колосов-Гастев)

Рисунок 2

Данная незуальная лексема образована при помощи *контаминации* транскрибирования наименования страны России с английского языка (Russia – ['rʌʃə]) и вулгарного, бранного слова «пидор». (Лексема «Раша», «Рашка» уже закрепилась в разговорной речи и имеет негативную коннотацию. Употребляя это слово, люди говорят о чем-то негативном или шутливом, что имеет отношение к России).

Лексема «пидор» – сокращение от «пидорас», что, в свою очередь, является искажением «педераст». Слово «педераст» толкуется в словарях следующим образом: человек, который страдает педерастией [Ожегов 1997 : 1238].

А слово «педерастия» – половое извращение: мужской гомосексуализм.

Россияне относятся к явлению гомосексуализма отрицательно, что можно проследить даже на законодательном уровне.

Следовательно, слово «педераст» вызывают у людей отрицательные ассоциации. Незуальная лексема «пидораша» и народ «пидорашки» имеют аналогичную коннотацию, так как в данных окказионализмах явно прослеживается связь со словами, от которых они образованы.

А тем же самым временем на соседнем участке морально разлагающиеся гейропейцы, вместо карикатурной борьбы со стихией давно уже поставили её себе на службу, построив ветряные электростанции, и дико угорают с приключений уринотерапевта, снимая его богатырские свершения на камеры своих гаджетов. Но такие трудности не пугают

Рисунок 3

Еще один исследуемый нами окказионализм «гейропейцы» также присутствует в дискурсе пользователей социальных сетей. Данное слово образовано при помощи *контаминации* двух слов – «гей» и «европейцы». В окказионализме часть корня «евро» заменена на корень слова «гей».

Лексема «гей» дана в словарях с пометами «разговорное», «жаргонное», – мужчина гомосексуалист.

Слово «европейцы» нейтрально по своему значению и толкуется в словаре так: уроженец или житель Европы.

Суффикс – ец образует существительные со значением:

1) лица по принадлежности к стране, территории, городу, где оно проживает или откуда происходит (испанец, европеец);

2) лица, характеризующегося каким-либо свойством (мудрец, глупец, упрямец);

3) предмета или явления, характеризующегося признаком или действием, названным словами, от которых они образованы (резец, рубец, холодец) [Русский словарный фонд 2012].

В русской культуре сложилось отрицательное мнение о гомосексуалистах, людях нетрадиционной ориентации, поэтому лексема «гей» в русскоязычной среде имеет отрицательную коннотацию.

Следовательно, окказиональное слово «гейропеец» / «гейропейцы» называет лиц, которые проживают на территории Европы, которые характеризуются гомосексуальностью, нетрадиционной ориентацией, половым извращением [Февралева 2017].

Последний пример – окказионализм «крысчанин». Эту лексема создает у реципиента отсылку к слову «крыса», которое имеет отрицательную коннотацию, представляется как мерзкое, мелкое животное, которое первое бежит с тонущего корабля. Лексема «крыса» не редко употребляется в качестве описания человека, вследствие чего употреблено в словарях с пометами презренное, жаргонное, криминальное.

Русофобия-24

22 янв в 17:19

У крысчан из поселка Золотое, что под Керчью, "асвабодитили" в масках "вежливо"(это ведь главное!) отжимают территорию под сруснявые военные нужды. В ответ на что крысчане падают под военные КАМАЗы и вопят "Путен памаги! Вовочка услышь нас, услышь!". После чего крысчане стали в яму для стройки, но "асвабодитили" вежливо начали их заливать бетоном(поддерживаю, желательно делать это как можно чаще! А потом сделайте рИФИрИндум на котором 101% проголосует за поддержку такого действия, в том числе мертвые и грудные дети) 😏😏😏
Ни капли жалости к вам, мразота.

Рисунок 4

«Крысчане» употребляется в значении слова «крымчане» – жители или уроженцы Крыма.

Инвективная лексема образована при помощи *субституции*: звук «м» в корне замещен звуком «с», что создает у реципиентов аллюзию одновременно к полуострову Крым, который не так давно был присоединен к России, и к крысам.

Как можно заметить, в дискурсе социальных сетей намечена тенденция к созданию окказиональных слов, которые унижают достоинство целой нации (россиян, в частности) или жителей определенных территорий (жителей Республики Крым, европейцев). Все это, несомненно, происходит на почве политических противоречий и проблем. Намечена тенденция, заключающаяся в том, что вышеперечисленные окказиональные лексемы выходят за пределы употребления в социальных сетях и начинают распространяться во всей сети Интернет в целом (созданы статьи на сайте Lurkmore, разные темы на форумах, в которых и зафиксировано употребление этих слов).

Таким образом, вследствие неразработанности данного феномена, а также востребованности его лингвоправового изучения, необходимо в ближайшем будущем решить вопрос с квалификацией окказиональных инвектив.

Библиографический список

1. Большой толковый словарь русского языка / под ред. С. А. Кузнецова. – СПб., 1998.
2. Евсеева, И. В. Речевая агрессия и вежливость в интернет-коммуникации / И. В. Евсеева, А. В. Кожеко, Т. А. Лузгина // Современные проблемы науки и образования. – 2014. – № 1.
3. Елистратов, В. С. Толковый словарь русского сленга / В. С. Елистратов. – М., 2010.
4. Заложная, И. В. Имплицитная инвектива в современном русском языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Заложная И. В. – Ставрополь, 2005.
5. Земская, Е. А. Словообразование как деятельность / Е. А. Земская. – М., 1992.
6. Классификация инвективной лексики. – URL: <https://ceur.ru/library/words/item129429/>
7. Культура русской речи: Энциклопедический словарь-справочник / под ред. Л. Ю. Иванова, А. П. Сковородникова, Е. Н. Ширяева. – М., 2003.
8. Никитина, Т. Г. Молодёжный сленг : толковый словарь / Т. Г. Никитина. – М., 2009.
9. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – М., 1997.
10. Понятия чести, достоинства и деловой репутации: Спорные тексты СМИ и проблемы их анализа и оценки юристами и лингвистами. – 2-е изд., перераб. и доп. / под ред. А. К. Симонова и М. В. Горбаневского. – М., 2004.
11. Русня – Lurkmore – свободная энциклопедия. – URL: lurkmore.org/lurk/Русня
12. Русский словарный фонд. – URL: <http://www.slovorod.ru/>
13. Февралева, А. Функционирование окказиональных инвектив в дискурсе российско-украинских отношений в социальной сети / А. Февралева // Язык и право: актуальные проблемы взаимодействия : сб. материалов конф. – Ростов н/Д, 2017.

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ЖАНРОВЫХ ЧЕРТ ИСКОВЫХ ЗАЯВЛЕНИЙ КАК ОСНОВА ИХ АВТОРОВЕДЧЕСКОГО АНАЛИЗА

А. В. Фомичева

Новосибирск, Россия

DEFINITION OF GENRE FEATURES OF CLAIM STATEMENTS AS THE BASIS OF THEIR AUTHORSHIP ANALYSIS

A. V. Fomicheva

Novosibirsk, Russia

Аннотация. Работа посвящена определению характерных особенностей жанра искового заявления и их классификации. В статье рассмотрены основные группы особенностей, найденные в текстах исковых заявлений, и обозначены возможные способы их применения в автороведческой экспертизе.

Ключевые слова: автороведческая экспертиза, установление авторства, исковое заявление, выделение жанровых характеристик.

Abstract. The article considers the characteristic features of the genre of claim statements and their classification. The article considers the main groups of features found in the texts of claim statements, and indicates possible ways of their application in expert examination.

Key words: authorship examination, authorship, statement of claim, selection of genre characteristics.

Автороведческая экспертиза предполагает установление авторства текста на основе, главным образом, традиционных методов: орфографического, пунктуационного, синтаксического, лексико-фразеологического и стилистического анализов. Все эти методы рассчитаны, в большей степени, на исследование художественных или публицистических текстов, которые предполагают наличие большого объема собственно авторского текста. Однако что делать, если на экспертизу был направлен текст официально-делового стиля, характеризующийся большим количеством фраз-клише?

Создание методики проведения автороведческих экспертиз официально-деловых документов – масштабная и трудоемкая задача, включающая в себя ряд подзадач. В частности, одной из таких задач является определение жанровых черт для разных типов официально-деловых текстов.

Цель данного исследования – определить характерные черты такого жанра, как исковое заявление. В качестве задач мы обозначили выделение особенностей проанализированных нами исковых заявлений и объединение их в тематические группы. Научная новизна заключается в выборе материала для исследования, а актуальность продиктована необходимостью создания методики по автороведческой экспертизе текстов официально-деловых документов.

Прежде, чем говорить об особенностях жанра исковых заявлений, нужно дать определение самому понятию жанра.

Толковый словарь Ушакова дает следующие толкования понятия жанр: «1. Род произведений в пределах какого-нибудь искусства, отличающийся особыми, только ему свойственными сюжетными, стилистическими признаками (иск.). Основными жанрами литературы являются эпос, лирика и драма. Авантюрный жанр. 2. Живопись на бытовые сюжеты (живоп.).|| Натуралистическое воспроизведение быта в литературе (устар.). 3. Манера, стиль (разг.) [Ушаков 2013: 136]. В данной работе использовано первое значение данного термина, согласно которому жанр определяется с помощью особых, свойственных только ему признаков.

«Исковое заявление – внешняя форма выражения иска» [Малько 2001: 211]. В исковом заявлении должны быть указаны: а) наименование суда, в который подается заявление; б) наименование истца, его место жительства или, если истцом является организация, ее место нахождения, а также наименование представителя и его адрес, если заявление подается представителем; в) наименование ответчика, его место жительства или, если ответчиком является организация, ее место нахождения; г) в чем заключается нарушение либо угроза нарушения прав, свобод или законных интересов истца и его требования; д) обстоятельства, на которых истец основывает свои требования, и доказательства, подтверждающие эти обстоятельства; е) цена иска, если он подлежит оценке, а также расчет взыскиваемых или оспариваемых денежных сумм; ж) сведения о соблюдении досудебного порядка обращения к ответчику, если это установлено федеральным законом или предусмотрено договором сторон; з) перечень прилагаемых к заявлению документов [Гражданский кодекс РФ № 51-ФЗ от 30.11.1994].

Общепризнанной классификации видов исковых заявлений на данный момент не существует, можно встретить лишь классификацию на основании требований, изложенных в исковом заявлении (заявление взыскания, расторжения, возмещения и признания [Виды исковых заявлений]). Заявления данных типов отличаются друг от друга семантически, но внешняя форма остается неизменной.

Нами было проанализировано 24 исковых заявления, написанных одним человеком (о чем нам известно достоверно), а также одно заявление другого авторства, одно заявление, написанное одним человеком и отредактированное другим, и одно заявление написанное его автором по шаблону.

Характерные особенности, обнаруженные нами в проанализированных исковых заявлениях, были разделены на четыре группы, которые были выделены на основе вопросов, задаваемых экспертам при проведении автороведческой экспертизы: лексические особенности, синтаксические особенности, особенности стилистические и другие особенности (такие, которые не вошли ни в одну из предложенных групп и слишком разнородны, чтобы объединить их в тематическую группу, однако которые могут оказаться полезными для атрибуции текста).

Лексические особенности исковых заявлений: использование специальных терминов и профессионализмов, аббревиатур, имен собственных (фамилии и инициалы истцов и ответчиков), а также специальных конструкций и устойчивых оборотов.

Жанр искового заявления подразумевает использование специальных понятий (хотя бы для обозначения сторон и классификации правонарушения, о котором пишет истец), и эта черта относит его к официально-деловому стилю, поэтому данная особенность является скорее клише.

Аббревиатуры больше характерны для обозначения источников права, к которым ссылается автор заявления (например, ГПК – гражданско-правовой кодекс, ПП ВС РФ – Постановление пленума Верховного суда Российской Федерации и др.), а также госструктур и организаций, о которых идет речь в заявлении (например, ЕГРП – Единый государственный реестр прав на недвижимое имущество, ИФНС – Инспекция федеральной налоговой службы и пр.). Стоит отметить, что чем квалифицированнее в юриспруденции автор заявления, тем более специфичные аббревиатуры можно встретить: так, в заявлении обычного гражданина вряд ли можно увидеть аббревиатуру КАС РФ (Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации), а вот вероятность встретить такие аббревиатуры, как ФЗ (федеральный закон) или ГК (Гражданский кодекс) значительно выше.

Использование фамилий с инициалами обусловлено тем, что автору заявления нужно упомянуть людей, которые участвовали в событиях, послуживших причиной обращения в суд. Но при этом называть их нужно должным образом, чтобы вписаться в рамки стилистических требований к заявлению (необходимо использовать стилистически нейтральные формы имён, которые при этом будут уважительными, то есть следует называть кого-либо с помощью его полного имени и фамилии, но для краткости пишут фамилию и инициалы).

Специальные конструкции и устойчивые обороты в большинстве случаев являются речевыми штампами, присущими текстам официально-делового стиля (“судебными приставами-исполнителями ... были возбуждены исполнительные производства”, “Обращаю внимание суда...”, “незаконно бездействовала” и др.).

Синтаксические особенности исковых заявлений: преимущественно повествовательные невосклицательные предложения, двусоставные полные предложения и предложения, осложненные причастными и деепричастными оборотами, а также использование вставок, прямого порядка слов, императива и частое употребление пассивного залога.

Синтаксические особенности обусловлены принадлежностью текста к официально-деловому стилю.

Присутствие в тексте осложнений, выраженных причастными или деепричастными оборотами, обусловлено тем, что необходимые подробности в описании фактов нужно описать максимально кратко, а значит, у автора нет возможности вводить дополнительные предложения.

Вставка в текстах исковых заявлений чаще служит для отсылки к нормативно-правовому акту, нежели для добавления подробностей или авторского комментария. Это можно считать характерной особенностью жанра заявления.

Императив в исковых заявлениях выражен в форме “прошу суд”+инфинитив, причем если требований несколько, то они могут быть изложены в виде списка после фразы “прошу суд”. Эта особенность является характерной чертой заявлений и встречается во всех исковых заявлениях, которые были нами проанализированы.

Стилистические особенности исковых заявлений: использование официально-делового стиля со всеми его характерными признаками (сжатость, неэмоциональность, наличие четкой структуры и др.)

Отдельно стоит отметить, что исковые заявления допускают некоторое стилистическое варьирование, например, использование восклицательных предложений или эмоционально окрашенной лексики, однако это не является характерным признаком данного жанра и встречается крайне редко.

Иные особенности исковых заявлений: присутствие ссылок на законодательство РФ, расчетов в текстах (для исков, сумму которых можно рассчитать), использование возможностей форматирования электронного текста для выделения особо важных моментов, а также особенности аргументации.

Несмотря на то, что опора на действующее законодательство РФ является обязательным элементом искового заявления, необходимо отметить, что, в зависимости от тематики дела, юридической квалифика-

ции автора заявления и его осведомленности об источниках права в РФ, количество упоминаемых источников права варьируется.

Расчеты в исковых заявлениях являются штампом и обязательным элементом для исков, сумму которых можно рассчитать.

Использование возможностей форматирования электронного текста является исключительно авторским элементом в тексте искового заявления: они используются для того, чтобы привлечь внимание к определенным частям текста. Более того, наличие нескольких вариантов изменения шрифта (полужирный, курсив, подчеркнутый и любое их сочетание) и регистра, а также склонность автора к определенному способу выделения важных, по его мнению, моментов может помочь в атрибуции текста. Например, в рассмотренном нами исковом заявлении встречается следующая фраза: «В соответствии с ч. 3 указанной статьи, проценты за пользование чужими средствами взимаются по день уплаты суммы этих средств кредитору, если законом, иными правовыми актами или договором не установлен для начисления процентов более короткий срок». Автор использует подчеркивание текста, чтобы указать на ключевой, по его мнению, момент в этом предложении. Более того, в большей части исковых заявлений данного автора используется именно этот метод выделения, поэтому эту особенность можно считать исключительно авторской.

Что касается особенностей аргументации в исковых заявлениях, то можно сказать, что по тому, насколько четко построено заявление (используются ли только необходимые факты, которые связаны между собой понятными логическими связями, и которые подтверждены соответствующими документами или нормами права) и насколько убедительна его аргументация, можно судить о компетентности автора заявления в юриспруденции. Кроме того, использование определенных способов (в рассмотренных нами заявлениях самым частотным способом была ссылка на законодательство) и моделей аргументации (самой частотой оказалась модель “ссылка на факт + утверждение”) может оказаться полезным при проведении автороведческой экспертизы. К примеру, в данной фразе из проанализированного нами искового заявления: «В соответствии с ч. 1 ст. 330 ГК РФ неустойкой (штрафом, пеней) признается определенная законом или договором денежная сумма, которую должник обязан уплатить кредитору в случае неисполнения или ненадлежащего исполнения обязательства, в частности в случае просрочки исполнения. По требованию об уплате неустойки кредитор не обязан доказывать причинение ему убытков» можно увидеть и наиболее частотный способ аргументации – ссылку на законодательство РФ (В соответствии с ч. 1 ст. 330 ГК РФ), и наиболее частотная модель аргументации – ссылка на факт + утверждение.

Таким образом, в качестве характерных для жанра исковых заявлений нами были выделены особенности использования императива в четко установленной форме, расчетов суммы иска, возможностей форматирования электронного текста и определенных способов и моделей аргументации.

На наш взгляд, для проведения автороведческой экспертизы текста может быть особенно полезен анализ использованных возможностей форматирования электронного текста и определенных способов и моделей аргументации.

Библиографический список

1. Большой юридический словарь / под ред. А. В. Малько. – М. : Проспект. – 2001. – С. 211.
2. Виды исковых заявлений // сайт «Юридическое бюро Скрепка». – URL: http://ub-s.ru/vidy_iskovyh_zayavleniy
3. Гражданский кодекс Российской Федерации № 51-ФЗ от 30.11.1994 // СПС «КонсультантПлюс». – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/
4. Ушаков, Д. Н. Толковый словарь современного русского языка / Д. Н. Ушаков ; под ред. А. И. Левина. – М. : Аделант, 2013. – С. 136.

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ВОПРОС В РЕСПУБЛИКЕ ТАТАРСТАН: БОРЬБА ТАТАР ЗА СВОИ ПРАВА ИЛИ ЭКСТРЕМИЗМ?

Д. Л. Ханзафарова, И. Р. Абитов

Казань, Россия

NATIONAL QUESTION IN TATARSTAN: LEGAL DEFENDING OF RIGHTS OR EXTREMISM?

D. L. Khanzafarova, I. R. Abitov

Kazan, Russia

Аннотация. Освещается экспертная практика по материалам, связанным с обсуждением взаимоотношений между татарами и русскими, а также по текстам, представляющим собой реакцию на государственную национальную политику. Описываются особенности национального оппозиционного дискурса, раскрывается специфика конфликта малого народа и власти. Внимание авторов привлекает проблема разграничения правомерного отстаивания татарами своих прав от экстремистских действий.

Ключевые слова: комплексная судебная психолого-лингвистическая экспертиза, экстремизм, национальная идентичность, государственная национальная политика.

Abstract. The article expounds forensic practice of texts dedicated to inter-ethnic relations between Tatars and Russians and reactive texts dedicated to state national policy. Features of national opposite discourse are described. The article reveals specificity of conflict between national minority and power of Kremlin. The authors attention is drawn to the problem of distinguishing between legitimate protection of Tatars' rights from extremist actions.

Key words: comprehensive forensic psychological and linguistic expertise, extremism, national identity, state national policy.

На протяжении более чем двадцати лет между Российской Федерацией и Республикой Татарстан действовали условия Договора о разграничении предметов ведения и полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и Республики Татарстан. В частности, одним из пунктов договора являлось установление государственного статуса русского и татарского языков, предполагающее обязательное изучение татарского языка в школах, дублирование законов и подзаконных актов, принимаемых на территории РТ, на русском и татарском языках, обязательное владение высшими должностными лицами обоими языками [Договор о разграничении; Федеральный закон № 199-ФЗ от 24.07.2007]. Окончание срока действия договора 11 августа 2017 года и отказ Президента РФ В. В. Путина продлять его были болезненно восприняты татарской общественностью. Это событие породило множество дискуссий, беспокойств, собраний и митингов.

Активность различных национальных движений неизбежно привлекает внимание правоохранительных органов, как следствие, экспертной оценке подвергаются материалы, связанные с деятельностью Все-татарского общественного центра (ВТОЦ), Татарского патриотического фронта «Алтын Урда», Союза татарской молодежи «Азатлык», а также высказывания отдельных лиц.

Следует отметить, что в экспертной практике попадаются и примеры типичного конфликтного дискурса между русскими и татарами, а также между представителями иных национальных меньшинств – подобные высказывания неизменно содержат признаки унижения и возбуждения вражды: *«Русосрань – это скот и гной. Грязь на обочине человеческой цивилизации. Социальный рудимент. Мир без русни будет светел и прекрасен»*. В случае исследования диалогов в качестве цели может выступать демонстрация негативного отношения к русским и побуждение представителей данной группы к переезду в другие города, не находящиеся на территории национальных республик.

Однако в большинстве случаев в качестве объектов исследования выступают именно политизированные высказывания общественно активных граждан.

В ходе экспертного анализа были выделены несколько дискурсивных особенностей, касающихся, в частности, системы аргументации собственной позиции активистов.

В качестве основной ценности в рассматриваемых текстах (будь то публикация в интернет-издании, выступление на митинге или пост в социальной сети) выделяется суверенитет Татарики, реализующийся в равнозначном русскому использовании татарского языка (в том числе, его обязательного изучения в образовательных учреждениях), признания статуса Татарстана как субъекта общественного права, увеличение доли собственных доходов республики и т. д. Независимость Татарстана – проблема, которая обсуждается на

протяжении долгих лет, а пути её решения в разное время обретали различные оттенки и имели разные последствия. Так, на протяжении всего XX века существовала концепция создания автономного Урало-Волжского Штата (тат. Идел-Урал, 1917) [Татарская энциклопедия 2014: 35 - 36]; в конце 1980-х гг. была разработана программа ТОЦ, было выдвинуто предложение об изменении статуса ТАССР на союзный [Якупова 2001: 29].

Основную трудность при анализе смыслового содержания подобных текстов составляет раскрытие побуждения к неким действиям, целью которых является «борьба за суверенитет (независимость)». В ходе проведенного анализа установлено, что глагол «бороться» содержит значение «добиваться цели, отстаивать что-то путем решительного действия» [Кузнецов 1998: 92]. Контекст употребления слова «бороться» свидетельствует о том, что подразумевается противостояние мирными, закрепленными законодательством способами: «*[мы должны] бороться за независимость*», «*мы должны обращаться в международные организации и опираться на демократическое мировое сообщество*», «*если оскорбляют твой народ, ты обязан встать на защиту его чести*».

Видится закономерным, что в большинстве материалов, представленных в распоряжение экспертов, в качестве «чужой» группы выделяются представители органов государственной власти России – русские же, как этническая группа, за исключением ранее описанных примеров, оцениваются как равные либо не оцениваются вовсе.

Следовательно, в подобных текстах отсутствует оппозиция «свой» – «чужой» по национальному признаку, в качестве «врага» рассматривается государственная власть. Для раскрытия конфликта между татарским государством и Кремлем показательны памятные дни, посвященные воинам, погибшим при защите Казанского ханства от войск Ивана IV – 1552 год рассматривается активистами как отправная точка в истории ущемления прав татар [Якупова 2001: 28, 204].

Безусловно, в абсолютно всех материалах обсуждаемой тематики присутствует позитивная этническая идентичность, в ряде случаев переходящая в гиперидентичное отношение к татарам. Особую трудность в экспертной практике представляют материалы, в которых для обозначения «чужой» группы всё же используются номинации с корнем «рус-» (например, «русские шовинисты»). Так, в ряде случаев пейоративные номинации употребляются для маркировки мировоззрения лиц, целиком и полностью поддерживающих власть, которая, по мнению авторов, учитывает только интересы русских как титульной нации. В качестве информационного повода, обострившего спор, выступает отмена обязательного изучения татарского языка. К лицам, активно поддерживающим идею отмены обязательного обучения татарскому языку, выражается негативное отношение, их поведение и действия оцениваются как угрожающие национальному самосознанию, национальной идентичности татар. Также в текстах по данной теме имеется оценка действий обозначенной группы лиц как угрожающих безопасности населения и мирному сосуществованию татар и русских: «*Баня и называя русофобом любого (даже русского), выступающего против их желания убрать государственный статус татарского языка и его обязательное преподавание в школах, оскорбление "травоядных" татарских деятелей культуры и науки, интеллигенции - "татарскими нацистами" (они не знают, как выглядят настоящие татарские нацисты и хорошо бы, чтобы не узнали) и пр. своими неразумными действиями, они уже довели ситуацию до противостояния. При этом многие оболваненные рядовые русские татарстанцы, ведутся на один из их лозунгов (не преподавать татарский язык русским), при этом не зная, что юридически в РФ невозможно поделить детей по нац. признаку (это противозаконно) и отменить татарский, как и ввести татарский только для русских или татар. <...> В итоге, татарские пользователи, видя эту оголтелую татарофобию, впадают в русофобию, видя в русских угрозу татарам и Татарстану. <...> властям РТ надо срочно громить русских шовинистов в РТ, пока они не разожгли пожар*». Как видно из приведенного фрагмента, в тексте отсутствует противопоставление «татары – представители иных национальностей», «говорящие на татарском языке – не говорящие на татарском языке».

При психологическом анализе данных материалов выявляются следующие их особенности.

В качестве «чужой» группы зачастую выступают представители органов государственной власти Российской Федерации и лица, поддерживающие действия органов государственной власти РФ, направленные на отмену обязательного изучения татарского языка в общеобразовательных школах. В отдельных случаях в качестве «чужой» группы выступают русские. Одним из примеров являются переписки в социальных сетях, где лица, идентифицирующие себя с группой «татары», пишут лицам, которых идентифицируют как русских. В ряде материалов авторы привлекают внимание адресата к проблеме отмены обязательного изучения татарского языка в школах Республики Татарстан, к ситуациям, связанным, по мнению авторов, с ущемлением прав татар, в частности, к строительству в центре Казани собора Казанской иконы Божьей матери [Кукушкина, Сафонова, Секераж 2014: 25-40].

Авторы ряда текстов выражают негативное отношение к событиям, которые считают ущемляющими права татар, к представителям органов государственной власти РФ и РТ, а также к лицам, которые поддерживают позицию и действия органов государственной власти РФ и РТ (в частности, о правильности отмены обязательного изучения татарского языка в школе). Авторы таких материалов обвиняют оппонентов (лиц, поддерживающих отмену обязательного изучения в школах РТ татарского языка или строительство православного храма в центре Казани) в крайнем национализме, стремлении уничтожить национальные языки и их носителей, ущемлять права татарского населения Республики Татарстан. В то же время, в ряде материалов (в первую очередь, в переписках в социальных сетях) авторы выражают негативное отношение к рус-

ским («быть единым с кем??!») с руснёю?) да никогда и ни за что с оккупантами никто один не будет»). Авторы данных материалов указывают на более низкий статус русских, проживающих на территории Республики Татарстан – статус гостей («это наши Татарстан...наша Татарская республика...Татарская земля ... на которой вы гости как ни крути») [Кукушкина, Сафонова, Секераж 2014: 25-40].

Целями авторов таких материалов чаще всего являются демонстрация негативного отношения к действиям органов государственной власти РФ и РТ, связанным, по мнению авторов, с ущемлением прав татар (строительство собора Казанской иконы Божьей Матери, отмена обязательного изучения татарского языка в общеобразовательной школе), убеждение адресата в правильности своей точки зрения, побуждение адресата к отстаиванию прав татарского народа (создание постов в социальных сетях, официальные обращения к представителям органов государственной власти РФ и РТ и т.д.). Однако, встречаются материалы, в которых целями являются демонстрация негативного отношения к русским, проживающим на территории Республики Татарстан, и формирование у них готовности к переселению в другие города (находящиеся вне национальных республик): «Не хотите принимать верховенство Татарского народа в Татарии – велкам то Москва, Петербург, Пермь, Челябинск, Екб, Нижний...».

Для достижения поставленных целей авторами чаще всего используются рациональная и эмоциональная аргументация, апелляция к патриотическим чувствам адресата, к историческому опыту. В то же время для достижения цели демонстрации негативного, пренебрежительного отношения к «чужой» группе (русским) могут быть использованы и невербальные средства: так, в одном из материалов в качестве иллюстрации к тексту было использовано изображение деклассированной женщины с иконой в руках (образ, обобщающий представление о группе «русские») [Кукушкина, Сафонова, Секераж 2014: 25-40].

Таким образом, зачастую экспертной оценке подлежат материалы, в которых при наличии «своей» группы, выделяемой по национальному признаку, а также описания конфликтной ситуации, отсутствует соответствующая целевая направленность, и, как следствие, совокупность компонентов какого-либо из «экстремистских» значений. Вместо межэтнического конфликта экспертной оценке подлежит общественно-политическое противостояние, что, при отсутствии побуждения населения республики к выходу из состава Российской Федерации, не может быть рассмотрено как действие, попадающее в категорию экстремистских.

В то же время ряд материалов, содержит лингвистические и психологические признаки унижения человеческого достоинства по признаку национальной принадлежности и побуждения к дискриминирующим действиям (переезд в города, не находящиеся на территории национальных республик).

Библиографический список

1. Большой толковый словарь русского языка: А-Я / РАН. Ин-т лингв. исслед. ; сост., гл. ред. канд. филол. наук С. А. Кузнецов. – СПб. : Норинт, 1998. – 1534 с.
2. Кукушкина, О. В. Методика проведения судебной психолого-лингвистической экспертизы материалов по делам, связанным с противодействием экстремизму и терроризму / О. В. Кукушкина, Ю. А. Сафонова, Т. Н. Секераж // Федеральное бюджетное учреждение Российский федеральный центр судебной экспертизы при Министерстве юстиции Российской Федерации. – М. : ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России, 2014. – 98 с.
3. О разграничении предметов ведения и полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти Республики Татарстан : договор Российской Федерации и Республики Татарстан от 26.06.2007. – URL: <http://www.gossov.tatarstan.ru/dokument/dogovor/fzrfrt/dogovor/>
4. Об утверждении Договора о разграничении предметов ведения и полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти Республики Татарстан : федер. закон № 199-ФЗ от 24.07.2007. – URL: <http://tatarstan.ru/documents/polnomochia.htm> (дата обращения: 07.05.2018).
5. Татарская энциклопедия : в 6 т. / гл. ред. А. М. Маггаров ; отв. ред. Г. С. Сабирзянов. – Казань : Ин- Татар. энциклопедии АН РТ, 2014. – Т. 6: У – Я. – 720 с.
6. Якупова В. А. 100 историй о суверенитете / В. А. Якупова. – Казань, Идел-Пресс, 2001. – 239 с.

АТРИБУЦИЯ ТЕКСТОВ МАЛОГО ОБЪЁМА. СТАТИСТИЧЕСКИЕ ЗАКОНОМЕРНОСТИ

А. Ю. Хоменко

Нижний Новгород, Россия

SHORT TEXTS ATTRIBUTION. STATISTICAL DEPENDENCE

A. Y. Khomenko

Nizhny Novgorod, Russia

Аннотация. В настоящем исследовании речь идёт о результатах использования интегративной (сочетание количественного и качественного анализа текста) методики лингвистического моделирования как инструмента текстовой атрибуции на примере анализа текстов малого объёма. Освещена проблема работы со статистическими текстовыми переменными и оценена их роль в атрибуционном анализе.

Ключевые слова: атрибуция текста, стилостатистика, квантитативная лингвистика, языковая личность, автороведческая экспертиза.

Abstract. In this paper we are talking about the results of using integrative (a combination of quantitative and qualitative analysis of the text) methodology of linguistic modeling as a tool for text attribution in the case of short text analysis. The problem of working with statistical text variables is highlighted and their role in attribution analysis is evaluated in this article.

Key words: text attribution, stylististics, quantitative linguistics, linguistic personality, forensic attribution examination.

Теоретическое обоснование проблемы. Рассмотрение проблемы статистических закономерностей при атрибуции текстов малого объёма следует начать с приведения определений ряда терминов и понятий.

Итак, **атрибуция текста** (от лат. *attributio* – приписывание) – это установление принадлежности анонимного художественного произведения определенному автору, местной или национальной художественной школе, а также определение времени его создания [Популярная художественная энциклопедия 1986]. **Автор текста** – создатель письменного произведения. Автор обладает основной для атрибуции именно его текстов особенностью – идиостилем, или индивидуальным стилем [Стилистический энциклопедический словарь русского языка 2011: 95]. **Идиостиль** – совокупность языковых и стилистико-текстовых особенностей, свойственных речи писателя, ученого, публициста, а также отдельных носителей данного языка [там же: 95]. В зарубежной традиции под идиостилем, или идиолектом справедливо понимают «не то, что человек говорит в какой-то момент времени, а то, что он вообще *может* сказать на этом языке» (курсив наш – А.Х.) (англ.: «not merely what a speaker says at one time: it is everything that he could say in a given language») [Bloch 1948: 7]. Индивидуальные авторские черты в зарубежной традиции принято называть идиосинкротическими, или идиосинкротизмами (англ.: *idiosyncrasies*). Проблему идиостиля в отечественной школе наиболее детально с точки зрения психологических основ речи разрабатывает теория **языковой личности** (ЯЛ), созданная в языкознании акад. В.В. Виноградовым и затем отрефлексирующая Ю.Н. Карауловым и другими лингвистами. Согласно методологии Ю. Н. Караулова языковая личность может пониматься как «совокупность способностей и характеристик человека, обуславливающих создание и восприятие им речевых произведений (текстов), которые различаются а) степенью структурно-языковой сложности, б) глубиной и точностью отражения действительности, в) определенной целевой направленностью» [Караулов 1987: 104]. Так, пишущий всегда обладает совокупностью авторски маркированных черт, составляющих устойчивый комплекс.

Используя методики анализа ЯЛ, можно создать некую модель ЯЛ автора того или иного текста, которая репрезентирует этот устойчивый комплекс и будет в дальнейшем использоваться для выявления сходств и различий идиостилей, эксплицированных в спорных текстах. Тем не менее эта модель будет компонентной, интерпретационной. Для её объективации в современном учении о текстовой атрибуции сделаны попытки интеграции двух подходов, качественного и количественного, и использования компилятивной методики для определения авторства: англоязычные учёные М. Коппел и Дж. Шлер попытались воссоздать работу эксперта-лингвиста машинным способом [Koppel, Schler 2003]; в современной отечественной практике также есть попытки интегрировать статистико-математический аппарат и собственно лингвистический анализ при атрибуции в рамках судебного автороведения [Баранов 2001: 43–52], [Хоменко 2013; 2014 1–3].

Задача исследования и материал для исследования. В экспертную организацию обратились представители юридического отдела крупного опытно-конструкторского бюро с рядом документов, в которых,

по их мнению, содержались сведения, порочащие деловую репутацию компании. Представители организации подозревали, что все эти документы, несмотря на различную формальную авторизацию, выполнены одним лицом. В числе документов были следующие: 1) текст Заявления в Федеральную службу безопасности Российской Федерации, Министерство внутренних дел Российской Федерации, Генеральную прокуратуру Российской Федерации, Следственный комитет Российской Федерации (принятый специалистом за сравнительный образец – СО); 2) текст Заявления на имя исполняющего обязанности директора Департамента приоритетных проектов развития города С*** А.*. П*** (далее спорный текст 1 – СП 1); 3) текст публицистической статьи, размещённой на электронном ресурсе (далее спорный текст 2 – СП 2). Так, в распоряжении специалиста имелось два текста официально-делового стиля и один текст публицистического. Необходимо было определить, одно ли лицо является автором представленных текстов. Представленные на исследование тексты в силу своей функциональной специфики были достаточно коротки: СО объёмом 4435 знаков, СП 1 объёмом 2064 знака и СП 2 общим объёмом 8005 знаков, – что, безусловно, накладывает некоторые ограничения на ход исследования и выбор статистических и идиосинкротических переменных.

Методика исследования. В настоящем исследовании при атрибуции текста была использована модифицированная (несколько упрощённая как в части собственно лингвистического, так и в части статистического анализа в связи с решением диагностических, а не доказательных задач, с одной стороны, и малым объёмом текстов – с другой) интегративная (сочетание качественного и количественного подходов) методика, ранее изложенная в работах [Хоменко 2013, 2014, 1; 2014, 3] и включающая следующие этапы: 1) качественный анализ наиболее ярких, показательных авторски маркированных черт идиостиля (идиосинкротизм); 2) количественный анализ параметров, призванный объективировать качественную модель: а) подсчёт абсолютной частоты выбранных параметров; б) анализ относительной частоты этих параметров (делитель – количество знаков в тексте); 3) построение математических моделей трех текстов; 4) выявление уровня корреляции (вычисление коэффициента корреляции) СП 1 и СП 2 с СО (сравнительным образцом).

Ход исследования и его результаты. Результатом собственно лингвистического анализа (качественного анализа текста) стал блок авторски маркированных текстовых характеристик СО, включающий следующие параметры: пунктуационные ошибки; грамматические ошибки; опечатки/описки; вводные конструкции; орфографические ошибки; закавыченные слова и выражения, за исключением собственных наименований. К указанным параметрам было добавлено несколько стандартных статистических параметров (количественный анализ текста): общее количество предложений, общее количество слов, общее количество знаков препинания.

Результат лингво-статистического анализа текста СП 1 и СО представлен в таблице 1 (содержит в себе лингво-статистические модели СП 1 и СО без условной сигнатуры):

Таблица 1.

Сравнение СП 1 и СО

Параметр	Абсолютная частота в СО	Относительная частота в СО	Абсолютная частота в СП 1	Относительная частота в СП 1
<i>Пунктуационные ошибки</i>	12	0,0027	7	0,0033
<i>Грамматические ошибки</i>	2	0,0005	3	0,0014
<i>Опечатки/описки</i>	4	0,0009	1	0,0005
<i>Вводные конструкции</i>	15	0,0034	9	0,0044
<i>Орфографические ошибки</i>	3	0,0006	0	0
<i>Закавыченные слова и выражения (за исключением собственных наименований)</i>	4	0,0009	4	0,0019
<i>Общее количество предложений</i>	33	0,0074	12	0,0058
<i>Общее количество слов</i>	712	0,1605	302	0,1463
<i>Общее количество знаков препинания</i>	95	0,0214	49	0,0237
<i>Общее количество знаков (без пробелов)</i>	4435	–	2064	–

Коэффициент корреляции моделей СО и СП 1 (по относительной частоте проявления девяти параметров идентификации) – 0,999491.

Коэффициент корреляции моделей СО и СП 1 (по относительной частоте проявления шести первых, «стилистических», параметров идентификации, без стандартных статистических параметров) – 0,919328.

Итак, коэффициент корреляции в обоих случаях, то есть при сравнении лингво-математических моделей СО и СП 1, состоящих из всех параметров (авторски маркированных + стандартных статистических) и только авторски маркированных, очень высок, близок к 1, что говорит о сходстве моделей СО и СП 1. Такой уровень сближения моделей СО и СП 1 даёт специалисту возможность говорить, что автором СО и СП 1 является одно лицо.

Уровень речевых компетенций (речевой культуры) указанного лица – средний: автор, с одной стороны, уместно употребляет профессионально маркированную лексику, лексику официально-делового стиля, присущую документации юридического дискурса, с другой – пишущий допускает в обоих текстах большое количество пунктуационных и грамматических ошибок, причём сходных с точки зрения гносеологического

восприятия языка, использует большое количество модальных слов и некоторое количество слов разговорного стиля, употребляет слова в переносном значении с иронической окраской, что недопустимо для юридического делопроцесса.

Значительно интереснее результат, полученный при сравнении второго текстового блока: текста Заявления в компетентные органы (СО) и текста статьи в интернет-издании (СП 2).

Результат лингво-статистического анализа текста СП 2 и СО представлен в таблице 2 (содержит в себе лингво-статистические модели СП 2 и СО без условной сигнатуры):

Таблица 2.

Сравнение СП 2 и СО

Параметр	Абсолютная частота в СО	Относительная частота в СО	Абсолютная частота в СП 2	Относительная частота в СП 2
<i>Пунктуационные ошибки</i>	12	0,0027	0	0
<i>Грамматические ошибки</i>	2	0,0005	1	0,0001
<i>Опечатки/описки</i>	4	0,0009	0	0
<i>Вводные конструкции</i>	15	0,0034	12	0,0015
<i>Орфографические ошибки</i>	3	0,0006	0	0
<i>Закавыченные слова и выражения (за исключением собственных наименований)</i>	4	0,0009	20	0,0025
<i>Общее количество предложений</i>	33	0,0074	74	0,0094
<i>Общее количество слов</i>	712	0,1605	1249	0,156
<i>Общее количество знаков препинания</i>	91	0,0205	274	0,0342
<i>Общее количество знаков (без пробелов)</i>	4435	–	8005	–

Коэффициент корреляции моделей СО и СП 2 (по относительной частоте проявления девяти параметров идентификации) – 0,999491.

Коэффициент корреляции моделей СО и СП 2 (по относительной частоте проявления шести первых, «стилистических», параметров идентификации, без стандартных статистических параметров) – 0,190029.

Как видно из результатов корреляционного исследования, коэффициенты сходства моделей СО и СП 2 по разному набору параметров не схожи: по относительной частоте проявления всех девяти параметров идентификации (характеристики качественного анализа и статистические переменные) модели коррелируют в то время, как по шести авторски маркированным параметрам модели сильно разнятся.

О чём же говорит такое распределение коэффициентов и как следует его интерпретировать? Важно понимать, что автороведческое исследование, оперирующее приведённой методикой, использует в первую очередь интерпретацию текста, объективируемую посредством статистического исследования. Именно поэтому интерпретация результатов специалистом играет основную роль. Так, значение полученной корреляционной разницы следующее: авторски маркированные стилистические текстовые черты СО и СП 2 показывают явную разницу уровня речевых компетенций авторов СО и СП 2: уровень речевой культуры автора СО средний (см. исследование выше), уровень речевой культуры автора СП 2 высокий (автор уместно использует лексику публицистического и официально-делового стилей речи, грамотно излагает свои мысли, не допускает пунктуационных и грамматических ошибок и пр.).

Статистические же параметры сближают модели СО и СП 2. Вообще собственно статистические параметры призваны объективировать лингвистическую модель ЯЛ того или иного автора, тем не менее с точки зрения интегративного, комплексного подхода не следует утверждать, что они являются ядром идентификационной модели. Именно поэтому, специалист делает вывод о том, что корреляционный коэффициент авторски маркированных параметров более важен для атрибуционного исследования, чем статистический. Как следствие, говорим о том, что авторами текстов СО и СП 2 являются разные лица (модели текстов СО и СП 2 по шести авторски маркированным параметрам значительно разнятся, коэффициент корреляции 19 %, то есть вероятность того, что их автор одно лицо менее 20 %) при условии отсутствия искажения речевых навыков автора в тексте СО, и соответственно СП 1.

Статистические закономерности текстовых переменных. Тем не менее остаётся вопрос: почему же таким странным образом ведут себя цифры при анализе и как статистически, теоретически и эмпирически доказать справедливость сделанных выводов?

Итак, основной причиной такого поведения цифр (того, что для второго текстового блока (текстов СО и СП 2) коэффициент схожести моделей по собственно лингвистическим параметрам низок, а по статистическим в это время высок) является, безусловно, малый текстовый объём. Так, на таком объёме (от 4435 до 8005 знаков) невозможно выявить устойчивых статистических закономерностей, всегда базирующихся на законе больших чисел. Это значит, что распределение относительной частоты слов, предложений и знаков препинания на анализируемых текстовых отрезках вполне может совпадать с распределением этих же относительных частот на любой другой паре текстовых отрезков. Это доказывается тем, что коэффициент корреляции для пар СО и СП 1 и СО и СП 2 по 9 параметрам (идиосинкротическим и статистическим в совокупности) абсолютно одинаков и равен 0,999491. Корреляционный коэффициент трёх статистических па-

раметров для обеих модельных пар стремиться к 100 % (0,999 и 0,996 для СО и СП 1 и СО и СП 2 соответственно). На его вариативность в данном случае не влияют даже разные функциональные стили текстов, подразумевающие разное языковое оформление. То есть сами по себе результаты количественного анализа небольшого количества собственно статистических параметров (различного рода количеств и длин (слов, предложений и пр.); есть вероятность, что и n-грамм, но эта гипотеза нуждается в проверке) на текстах малого объёма непоказательны и вместо объективации модели могут привести к неправильной её трактовке и неверным выводам.

Статистические параметры оказывают такое сильное влияние на конечный результат и решение программного средства о схожести или различии моделей, поскольку их вес высок в конечной модели: их относительная частота измеряется в десятых и сотых в то время, как относительная частота идиосинкроезом измеряется в тысячных и десятитысячных. Это в свою очередь происходит потому, что слов, знаков препинания и предложений в любом тексте всегда больше, чем экспликаций оригинальных, авторски маркированных черт.

С точки зрения статистических закономерностей поведение числовой репрезентации модельных текстовых пар понятно. Для теоретического обоснования правильности вывода о том, что первый блок текстов СО и СП 1 принадлежат одному лицу, а второй – СО и СП 2 – разным лицам, следует говорить о схожести репрезентации речевых компетенций в первом случае и абсолютном их расхождении во втором. Проблема анализа авторских речевых компетенций и их основного места при исследовании ЯЛ пишущего с той или иной позиции разработана отечественными учёными в судебном автороведении (С. М. Вул, Е. И. Горошко, А.Ю. Комиссаров), в когнитивной лингвистике (Ю. Н. Караулов), в психолингвистике (Белянин В. П.).

Эмпирическим путём доказать важность и основополагающую природу именно идиосинкроезом, авторски маркированных компонентов текста удалось в своём эксперименте англоязычным исследователям М. Коппелу и Дж. Шлеру, попытавшимся воссоздать работу эксперта-лингвиста машинным способом, сочетая параметры, выделяемые вручную, экспертом-филологом (в эту группу вошли авторски маркированные синтаксические, орфографические особенности, особенности форматирования текста и пунктуационного его оформления: подробно [Koppel, Schler 2003: 74–75]), и стандартные для автоматической атрибуции параметры, как то: анализ служебных слов (англ.: «function words»), частеречный анализ (англ.: «Part-of-Speech (POS) Tags»).

В результате исследования точность (англ.: accuracy) выводов, основанная на анализе одних идиосинкротических характеристик достигала 69,9 %. При добавлении к параметрам анализа стандартных для автоматической атрибуции черт идиостиля точность повысилась лишь до 72 %. Из данного исследования отчётливо видно, что авторски маркированные параметры являются ключевыми для атрибуционного анализа. Результаты М. Коппела и Дж. Шлера были подтверждены и другими работами, в которых идиосинкроезмы помогали повысить точность исследования до 80% [Argamon, Koppel, Pennebaker, Schler 2009].

Выводы. Итак, необходимо отметить следующее: использование в рамках атрибуционных исследований текстов малого объёма статистических параметров при модельном подходе для объективации результатов анализа должно быть критически осмыслено. Работа со статистическими характеристиками текста и количественное исследование собственно лингвистических параметров авторского идиостиля могут быть уместны при анализе коротких текстов только в случае грамотной интерпретации результатов исследования и принятия идиосинкротических характеристик в качестве центральных, ключевых для модели ЯЛ.

Тем не менее вовсе пренебрегать текстовой статистикой нельзя. Причиной этому служит то, что с одной стороны, количественный анализ качественной составляющей текста (приведение идиосинкроезом в вид частотных переменных) помогает создать не компонентную модель, требующую вторичной субъективной интерпретации, а имитирующую математическую, заведомо предполагающую более объективный вывод и позволяющую сравнивать тексты разных функциональных стилей. Использование же собственно статистических критериев также может быть релевантно при работе с текстами малого объёма. Так, в приведённом выше исследовании вывод по блоку СО и СП 2 не беспочвенно приведён в следующей редакции: автором текстов являются разные лица *при условии отсутствия искажения речевых навыков в тексте СО*. Именно столь высокое сходство статистических параметров текста (несмотря на теоретическое его обоснование) в совокупности с экстралингвистической информацией, представленной на исследование опытно-конструкторским бюро, наталкивает на мысль о вероятности намеренного искажения речевых навыков в тексте сравнительного образца. Установление же наличия/отсутствия намеренного искажения речевых навыков в соответствии с признанными в научном сообществе и экспертной деятельности методическими рекомендациями требует изучения большого массива неспорных текстов автора, принадлежащих к разным функциональным стилям [Вул 2007: 40–45]. По имеющемуся же материалу можно лишь выдвигать гипотезу о возможном искажении речевых навыков в тексте СО, где уровень речевой культуры явно ниже, чем в СП 2. Мысль о такой возможности появляется именно в результате анализа обычно устойчивых статистических переменных.

Библиографический список

1. Баранов, А. Н. Введение в прикладную лингвистику : учеб. пособие / А. Н. Баранов. – М. : УРСС, 2001. – 360 с.
2. Вул, С. М. Судебно-автороведческая идентификационная экспертиза: методические основы : метод. пособие / С. М. Вул. – Харьков : ХНИИСЭ, 2007. – 64 с.

3. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. – М. : Наука, 1987. – 264 с.
4. Популярная художественная энциклопедия. – 1986. – URL: <https://psychology.academic.ru/>
5. Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М. Н. Кожинной; редкол.: Е. А. Баженова, М. П. Котюрова, А. П. Сковородников. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Флинта : Наука, 2006. – 696 с.
6. Хоменко, А. Ю. Алгоритм для автоматической идентификации автора письменного речевого произведения в судебном автороведении / А. Ю. Хоменко // Юрислингвистика. – Барнаул : Изд-во Алтайского гос. ун-та. 2014. – Вып. 3 (14). – С. 83–93.
7. Хоменко, А. Ю. Анализ языковой личности автора текста с применением методов математической статистики как способ установления авторства текста. Проблемы языковой картины мира в синхронии и диахронии / А. Ю. Хоменко // сб. ст. по материалам Всерос. науч. конф. молодых учёных (15–16 апреля 2014 г.). – Н. Новгород : Мининский ун-т, 2014. – Вып. 12. – 326 с.
8. Хоменко, А. Ю. Апробация методов математической статистики при атрибуции текста в рамках судебного автороведения / А. Ю. Хоменко // Язык. Право. Общество : сб. ст. Всерос. науч.-практ. конф. (г. Пенза, 23–24 апреля 2013 г.) / под ред. канд. фил. наук О. В. Барабаш, канд. п. наук, проф. Г. И. Канакиной. – Пенза : Изд-во ПГУ, 2013.
9. Хоменко, А. Ю. К вопросу об исследовании письменного речевого произведения в рамках автороведческой экспертизы на предмет его оригинальности / А. Ю. Хоменко ; гл. ред. А. П. Чудинов // Политическая лингвистика, 2014. – Вып. 4 (50). – С. 306–312.
10. Argamon, Sh. Automatically Profiling the Author of an Anonymous Text / Sh. Argamon, M. Koppel, J. W. Pennebaker, J. Schler // Communications of the ACM. – 2009. – Vol. 52. – Issue 2. – P. 119–123.
11. Bloch, B. A set of postulates for phonemic analysis / B. Bloch. – Language, 1948. – Vol. 24 (1). – P. 3–46.
12. Koppel, M. Exploiting Stylistic Idiosyncrasies for Authorship Attribution / M. Koppel, J. Schler // Proceedings of IJCAI'03 Workshop on Computational Approaches to Style Analysis and Synthesis. – 2003. – Vol. 69. – P. 72–80.

РЕЧЕВОЙ АКТ ПРИЗЫВА В СПОРНЫХ ТЕКСТАХ ЭКСТРЕМИСТСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ

А. А. Юдина

Нижний Новгород, Россия

THE SPEECH ACT OF APPEAL IN THE DISPUTED TEXTS OF EXTREMIST DIRECTIONS

A. A. Yudina

Nizhny Novgorod, Russia

Аннотация. Рассмотрено понятие призыва с лингвистической точки зрения, а также проведено разграничение речевого акта призыва от других императивов, в том числе лозунга. Для уточнения методических рекомендаций по проведению судебно-лингвистических экспертиз спорных текстов экстремистской направленности были рассмотрены характерные грамматические показатели прямого и скрытого призыва на конкретных примерах.

Ключевые слова: лингвистическая экспертиза, экстремизм, речевой акт, призыв, лозунг.

Abstract. The article discusses the concept of appeal from the point of view of linguistics as well as the distinction between the speech act of appeal and other imperatives, including the slogan. To clarify the methodological recommendations for the conduct of forensic linguistic examinations of controversial texts of extremist orientation, the characteristic grammatical indices of the direct and hidden appeal on specific examples were considered.

Key words: linguistic expertise, speech act, extremism, appeal, slogan.

Любое проявление экстремизма представляет собой угрозу для нормального развития и функционирования современного общества, нарушает гармонию в межнациональных и гражданских отношениях. В этой связи необходимо оперативно выявлять публичные речевые акты экстремистской направленности. Особую роль здесь играет судебно-лингвистическая экспертиза, непосредственной задачей которой является оказание содействия правосудию в установлении содержания и коммуникативной направленности текстов, высказываний и сообщений [Радбиль, Юматов 2015 : 4].

На сегодняшний день одной из актуальных проблем теории и практики производства судебно-лингвистических экспертиз по делам об экстремизме является выявление и квалификация речевого акта призыва, так как в настоящее время отсутствует единая и общепризнанная методика обнаружения лингвистических признаков речевых актов подобного рода [Радбиль 2014 : 8].

Материалы условно «экстремистского» характера могут быть представлены в виде песен, стихов, текстов любой стилевой окраски, а также в виде баннеров, листовок, сочетающих в себе вербальную и невербальную информацию. Несмотря на форму представления, данные материалы непосредственным образом оказывают воздействие на адресата в целях формирования у него негативного образа человека либо группы лиц по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии, а равно принадлежности к какой-либо социальной группе. При этом адресатом может быть как конкретное лицо, так и группа лиц, но в большинстве случаев адресат деперсонифицирован и обобщен. Оказание воздействия на лиц и формирование у них определенных идеологических установок достигается путем использования призывов к совершению действий, пропаганды и оправдания определенных взглядов, идеологии, возбуждения (разжигание) вражды, ненависти (розни) к определенной группе лиц (национальной, религиозной, социальной), унижение человеческого достоинства по признакам принадлежности и др. В данной статье подробно будут рассмотрены признаки речевого акта призыва к совершению действий.

При лингвистическом исследовании спорных текстов «экстремистской» направленности призыв необходимо рассматривать применительно к теории речевых актов (далее – ТРА). Основная мысль ТРА состоит в том, что основной единицей коммуникации является не предложение, а выполнение определенного рода действий, таких как требование, призыв, оскорбление и т. п. Это и есть «речевой акт» (далее – РА) – минимальный, относительно самостоятельный отрезок процесса коммуникации, коммуникативной деятельности, совершаемой субъектом по отношению к определенному адресату в определенных конкретных условиях с определенными намерениями [Радбиль, Юматов 2013 : 286]. Отсюда следует, что эксперт-лингвист оценивает не значение употребленных слов и выражений, он анализирует действия, совершенные с помощью слов.

Итак, призыв – это сильный императив, коммуникативное назначение которого в общем случае описывается известной семантической формулой, предложенной А. Вежицкой «Я хочу, чтобы ты сделал Р» [Вежицкая 1985 : 257; Баранов 2007 : 412]. При этом «хочу» понимается широко, в том числе как считаю нужным, целесообразным и др.

Между тем, важно отграничивать призыв от других побудительных речевых актов, в том числе лозунгов, так как РА призыва имеет специфические коммуникативно-прагматические черты, характеризующие условия его протекания (см. таблицу № 1, № 2).

Таблица № 1. Отличительные черты речевого акта призыва

№	Фактор (приводится по [Филатова 1997 : 253])	Характеристика
1.	Фактор свободы у адресата	Призыв относится к некатегоричным РА и скорее является рекомендацией к поведению. Соответственно, от адресата не требуется немедленного выполнения тех или иных действий.
2.	Фактор заинтересованности коммуникантов	РА призыва предполагает выполнение тех или иных действий в интересах говорящего.
3.	Фактор статуса/приоритетности	Статус говорящего выше статуса адресата, но возможен вариант, когда участники РА призыва равны по статусу.
4.	Фактор выполнения действия	Призыв предполагает выполнение действия адресатом.
5.	Фактор среды	РА призыва является частью общественно-политической коммуникации и возможен только в официальной обстановке.
6.	Фактор обусловленности	Призыв относится к инициативным РА.
7.	Фактор нормативности	Призыв является нормативным РА, то есть говорящий опирается на моральные, юридические и др. нормы.

Таблица № 2. Отличительные характеристики призыва и лозунга

Призыв	Лозунг
<p>Призыв – это всегда побуждение к совершению какого-либо действия. «Экстремистскими» можно считать следующие виды призыва:</p> <p>-призывы к дискриминационным действиям по отношению к группе лиц или ее представителю: «<i>Не принимайте их на работу! Нет мечетям на русской земле!</i>»;</p> <p>-призывы к насильственным действиям по отношению к группе лиц или ее представителю: «<i>Бей богатых, бей жидов!</i>»;</p> <p>-призывы к деструктивным, разрушительным действиям: «<i>Верни своё по праву! Отобрать и поделить!</i>»; «<i>Поджигайте здания местной власти!</i>».</p>	<p>Лозунг – речевой акт, имеющей целью сформировать у адресата определенные идеалы, принципы, осмысляемые как важнейшая часть деятельности общественных или политических субъектов. Лозунг представляет собой смысловую свертку идеологических принципов той или иной политической партии или общественного движения.</p> <p>«<i>Россия – всё, остальное – ничто!</i>» – лозунг Национал-большевистской партии Эдуарда Лимонова.</p> <p>«<i>Россия для русских!</i>» – лозунг русских националистов.</p>

На основании вышеизложенного можно сформулировать определение данного РА. Призыв – это тип побудительного речевого акта, обращенный к конкретному лицу либо группе лиц или потенциальному адресату:

- с целью побудить его выполнить некоторое действие или совокупность действий в интересах говорящего;
- говорящий и адресат являются политическими субъектами или конкретными лицами, выступающими представителями политических и общественных организаций;
- сам речевой акт рассматривается как часть общественно-политической коммуникации.

Важным признаком призыва является степень его вербальной выраженности, так призывы можно разделить на два вида: эксплицитные и имплицитные. Эксплицитный или так называемый прямой призыв достаточно легко обнаружить в спорном тексте по характерным грамматическим показателям:

1) Использование императивных форм: (глаголов 1 лица множественного числа, глаголов 2 лица повелительного наклонения единственного или множественного числа, глаголов 3 лица единственного и множественного числа): «*Выдворим эту нечисть с нашей земли!*», «*Русский, вставай! Защити Родину от чёрных!*», «*Пусть убираются из России!*».

2) Использование вспомогательного глагола «быть» в форме 2 лица единственного или множественного числа повелительного наклонения или в форме 1 лица множественного числа: «*Будьте верны своему командиру! Будь готов взять оружие! Будем верны отечеству!*»

3) Использование форм 1 лица единственного и множественного числа настоящего времени глагола «призывать» (а также близких ему по значению): «*Мы призываем всех мусульман взять автомат и в руки Коран...*»; «*Призываю к смене народа! Истреблять! Всех поголовно.*»

4) Использование фиксированных форм в следующих конструкциях:

– «даешь» + существительное в В.п.: «*Даешь убийства, взрывы полицейских участков, нападения на банки!*»;

– «давай», «давайте» + глагол: «*Давайте разгромим и уничтожим врага!*»;

– «долгой» + существительное в В.п.: «*Долой хабад! Долой пархатый олигархат!*», «*Долой еврейскую власть!*»;

– «пусть/пускай» + глагол 3 лица в единственном и множественном числе: «*Пусть евреи покаются за свои дела!*»; «*Пусть убьют их немедленно!*»;

– существительное (местоимение) в В.п. или Р.п. + «вон»: «*Чурок – вон!*», «*Всех – вон!*»;

– существительное (местоимение) в Д.п. + «да», «нет»: «*Войне – да! Пусть летят самолёты и всех засыпают бомбами!*»;

5) Использование номинализаций и форм, близких к номинализациям по своим семантическим свойствам, а именно, по свойству смысловой свертки ситуации (при соответствующей интонации и/или в соответствующем контексте): «*Никакой поддержки существующему режиму!*» (ср.: Не будем поддерживать существующий режим!); «*Смерть оккупантам!*» (ср.: Уничтожайте оккупантов!); «*К оружию! К ответу!*» (не номинализация, но свертка ситуации: кто-то берет оружие, кто-то отвечает за что-то).

6) Использование инфинитивных предложений (при соответствующей интонации и/или в соответствующем контексте): «*Не отступать!*»; «*Не трусить!*».

На настоящий момент установлено, что под скрытыми (имплицитными) призывами следует понимать высказывания, содержащие информацию, косвенным образом побуждающую к каким-либо действиям, направленно формирующую у адресата желание действовать или чувство необходимости действий, но при этом императивные формы, перформативные формулы призыва или какие-либо иные маркеры иллокутивной силы призыва отсутствуют.

Во избежание правовой ответственности авторы текстов экстремистской направленности маскируют их конфликтное содержание, в том числе призывы, используя стратегию вуалирования: на первый план выводится второстепенная, фоновая информация, создаются особые (навязываемые) пресуппозиции (субъективные, утрирующие действительное положение дел), в расчете на то, что читатель, изначально мотивированный к восприятию преподносимой информации, будучи подготовленным особым образом эмоционально, некритически воспримет и сам призыв [Хазимуллина 2013 : 77].

Предпринятое в работе обобщение теоретических положений, существующей экспертной практики по делам об экстремизме, фактического материала, собранного в результате собственных наблюдений над функционированием в коммуникативной среде Интернета текстов условно «экстремистского» характера, позволило выделить некоторые типовые лингвистические диагностические признаки подобных речевых актов.

К языковым показателям скрытого призыва можно отнести следующие:

– использование косвенных форм выражения иллокутивной силы при помощи конструкций с модальными глаголами и безличными предикативами с семантикой долженствования типа «*необходимо*», «*следует*», «*требуется*», «*нужно*»: «***Надо полностью порвать с ООН, МВФ, МБ и другими международными оккупационными органами жидократии!***»;

– использование конструкций, которые содержат идею побуждения на лексическом уровне, но не имеют соответствующих структурно-грамматических показателей (формально — это речевые акты-репрезентативы, т.е. сообщения): «*требует(ся)*», «*рекомендует(ся)*», «*не позволяет(ся)*», «*за/воспрещает(ся)*», «*остается (лишь)*», «*хотеть*», «*просить*», «*молить*», «*хватит*»: «***Действительность общества должна быть ограничена приказами и запретами Аллаха, и мусульманам не позволено изменяться, согласно реальности их времени и места, напротив они должны изменять реальность согласно Книге Аллаха и Сунне Его Посланника, да благословит его Аллах и приветствует!***»;

– использование сложноподчиненных конструкций с придаточными цели с союзами *чтобы*, *для того чтобы*, *с тем чтобы* и т.д.: «*Аллах даст нам достаточно силы и ума, **чтобы полностью уничтожить наших врагов**»;*

– использование конструкций в форме риторического вопроса или риторического восклицания: «*По-чему нападают на тех из нас, кто использует относительно маленькое количество насилия, чтобы избавить мир от социальных болезней, **вместо того, чтобы атаковать покровителей защиты прав потребителей (и даже вас самих), тех кто используют неизмеримые количества насилия только для того, чтобы поддерживать ваши жизни в этом вызывающем отвращение обществе?**».*

Итак, мы показали, что в качестве наиболее сложных моментов экспертной квалификации речевых актов призыва в лингвистической экспертизе по экстремизму выступает скрытый, косвенный характер выражения иллокутивной силы призыва, который характеризуют различные способы экспликации.

Практическая значимость данной работы состоит в том, что её основные результаты могут быть использованы для уточнения существующих методических рекомендаций по обнаружению признаков призывов в лингвистической экспертизе по делам об экстремизме.

Библиографический список

1. Баранов А. Н. Лингвистическая экспертиза текста : учеб. пособие / А. Н. Баранов. – М. : Флинта : Наука, 2007. – 592 с.
2. Вежбицкая, А. Речевые акты / А. Вежбицкая // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVI. Лингвистическая прагматика / А. Вежбицкая. – М. : Прогресс, 1985. – С. 251–275.
3. Радбиль, Т. Б. Возможности и перспективы применения теории речевых актов в лингвистической экспертизе / Т. Б. Радбиль, В. А. Юматов // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. – 2013. – № 1 (1). – С. 286–290.
4. Радбиль, Т. Б. Выявление содержательных и речевых признаков недобросовестной информации в экспертной деятельности лингвиста / Т. Б. Радбиль // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. – 2014. – № 6. – С. 146–149.
5. Радбиль, Т. Б. Язык и метод в современной судебной экспертизе : монография / Т. Б. Радбиль, В. А. Юматов ; под ред. д-ра юрид. наук, проф. каф. суд. экспертизы ННГУ им. Н. И. Лобачевского А. Ю. Арефьева. – М. : Юрлитинформ, 2015. – 216 с.
6. Филатова, Е. А. Побудительные высказывания как речевые акты в современном русском языке : дис. ... канд. филол. наук (МГУ) / Филатова Е. А. – М., 1997. – 253 с.
7. Хазимуллина, Е. Е. Лингвистическая экспертиза текстов с имплицитным содержанием / Е. Е. Хазимуллина // Юрилингвистика. – 2013. – № 2 (13). – С. 77–92.

Направление 2

РЕКЛАМНЫЙ ТЕКСТ КАК ОБЪЕКТ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ И ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ. ПРОБЛЕМЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО КОНТРОЛЯ В СФЕРЕ РЕКЛАМЫ

ВЕРБАЛЬНЫЕ И НЕВЕРБАЛЬНЫЕ СРЕДСТВА В АУДИОВИЗУАЛЬНОЙ РЕКЛАМЕ КАЗАХСТАНА: ЭТИЧЕСКИЙ И ПРАВОВОЙ АСПЕКТЫ

М. Б. Айтмагамбетова

Павлодар, Республика Казахстан

VERBAL AND NON-VERBAL MEANS IN AUDIOVISUAL ADVERTISEMENTS IN KAZAKHSTAN: ETHICAL AND LEGAL ASPECTS

M. B Aitmagambetova

Pavlodar, Republic of Kazakhstan

Аннотация. На примере аудиовизуальной рекламы компании Chocotravel проведен анализ вербальных, аудиальных и визуальных средств и их взаимодействия в этическом и правовом аспектах. Возникновению проблем этического и законодательного характера, по мнению автора, могут способствовать выбор героя рекламы, техника ее исполнения, отбор вербальных средств и иконических знаков, контекст создания рекламы, выбор языка для рекламного обращения.

Ключевые слова: аудиовизуальная реклама, ненадлежащая реклама, манипуляция, подтекст.

Abstract. The analysis of verbal, audial, and visual means and their interrelations in ethical and judicial aspects is executed on the example of audio and visual advertisements of the "Chocotravel" company. The problems of ethical and judicial character refer to the choice of an advertisement personage, as well as techniques of its introduction, the choice of verbal means and iconic signs, the context of advertisement creation, the choice of language for an advertisement address.

Key words: audio and visual advertisement, inappropriate advertisement, manipulation, implied sense.

Современная реклама не только решает прагматическую задачу презентации рекламируемого продукта и формирования имиджа компании, но и, являясь определенной системой коммуникации между потребителем и производителем, выполняет информационную функцию [Казючиц 2010 : 200]. Об этом говорят и другие исследователи [Бодрийяр 2006; Дзикевич 2004]. В качестве системы коммуникации реклама также влияет на формирование ценностной картины мира потребителя: «Манипулируя ценностями разных уровней, реклама может оказывать значительное влияние на потребителя, формируя особую картину мира, в которой удовлетворение человеческих потребностей может приравняться к совершению общественно значимого поступка» [Аниськина 2015]. Учитывая социальную экспансию, особенности взаимоотношения рекламы и СМИ, некоторые исследователи говорят о существовании особой картины мира, называя ее по-разному: рекламно-информационная картина мира [Ежова 2009; Буянова, Ежова 2009] медиа-картина мира (МКМ) [Рогозина 2003], медиа-рекламная картины мира [Ежова 2010]. Таким образом, неоспорим тот факт, что реклама оказывает значительное воздействие на общество, формируя особую шкалу ценностей аудитории.

Реклама всегда ориентирована на некую группу целевой аудитории – потенциальных потребителей рекламируемого продукта и характеризуется статусно-ролевыми отношениями [Карасик 2002], предполагая «речевое взаимодействие представителей групп/институтов друг с другом» [Карасик 2002 : 245]. От точности определения целевой аудитории и ее социальных параметров (пол, возраст, социальное положение и

другое) зависит успешность рекламной коммуникации и достижение прагматических целей производителя рекламы. Коммуникативная эффективность рекламного обращения зависит от многих факторов, в том числе степень восприятия, запоминания рекламы и побуждения к покупке, а также способность доведения до совершения запланированного действия.

Аудиовизуальная реклама предполагает воздействие на потребителя через зрительное и слуховое восприятие, следовательно, взаимодействие с аудиторией происходит при помощи различных средств: вербальных (слогана, ключевых слов, или слов-маркеров) и невербальных (сочетание визуального ряда и мелодии, выбор цвета и специальных шумов). При этом визуальные иконические знаки, или иконические компоненты [Пядышева 2016 : 29-38] неразрывно связаны с аудиальными и вербальными знаками.

Развитие технологий способствовало расширению списка видов аудиовизуальной рекламы, к основным из которых относятся:

- телевизионная реклама;
- кинореклама;
- интернет-реклама;
- мобильная реклама;
- реклама со звуком на LED экранах.

Отбор и композиционное выстраивание аудиовизуальных средств в рекламе зависят от многих взаимосвязанных факторов: концепции рекламного ролика, предполагаемой целевой аудитории, но, прежде всего, прагматической установки адресанта: «все компоненты рекламного дискурса, как вербальные, так и невербальные, ориентированы на то, чтобы оказать положительное отношение адресата к предлагаемому товару или услуге, и поэтому составляющие рекламного текста необходимо рассматривать с точки зрения эффективности воздействия на потребителя» [Калашаова 2013 : 66].

В борьбе за потребителя производитель обязан помнить, что рекламный контент должен соответствовать принципам добросовестной конкуренции, а информация, изображение и другие элементы не должны нарушать законодательные, этические, гуманистические, моральные нормы [Галавтина, Жарая, 2016]. Такая реклама является ненадлежащей. В Законе РК «О рекламе» к ненадлежащей рекламе относятся недобросовестная, недостоверная, неэтичная, заведомо ложная и скрытая реклама, в которой допущены нарушения требований к ее содержанию, времени, месту и способу распространения, размещения, установленных законодательством Республики Казахстан [Закон РК № 508-ІІ от 19.12.2003 г.]. Возникновению проблем этического и законодательного характера могут способствовать выбор героя рекламы, техника ее исполнения, отбор вербальных средств и иконических знаков, контекст создания рекламы, выбор языка для рекламного обращения.

Рассмотрим взаимодействие вербальных и невербальных элементов в аудиовизуальной рекламе на примере рекламы казахстанского турагентства Chocotravel, входящего в холдинг Choco Family, который является, по версии журнала Forbes, одной из крупнейших интернет-компаний Республики Казахстан. Реклама турагентства Chocotravel в интернете широко представлена в формате видеорекламы. Характеризуя влияние видеорекламы на внимание пользователей в сети, исследователи говорят о факторе степени раздражительности аудитории [Goodrich, Schiller, Galletta 2015 : 37–50]. В ходе исследования ученые выяснили, что длительность видеоролика, его информативность, наличие / отсутствие элементов юмора влияет на фактор раздражительности аудитории. Большая длительность и информативность и наличие юмора служит менее раздражающим фактором для аудитории [Goodrich, Schiller, Galletta 2015]. На просматриваемость видеоролика влияет также его место на странице, размер плеера, тип устройства, на котором посетители смотрят рекламу [Саркисян 2015].

Компания Chocotravel предлагает в интернете видеорекламу от стандартных видеороликов (26–32 с) до небольших рекламных программ (3–12 мин) в рамках специальных проектов «Расширяй границы с Chocotravel и Air Astana» и «Твори добро». В 2017 году Chocotravel представила пользователям YouTube два рекламных ролика, вызвавших неоднозначную реакцию пользователей ресурса и резонанс в мировых средствах массовой информации (российское информационное агентство «Новости», английская газета Daily Mail, британский таблоид The SUN, вещательная корпорация BBC и другие).

Рассмотрим их подробнее.

Анализ сюжета и вербальных / невербальных элементов (<https://www.youtube.com/watch?v=I3iYsH0JWk>). В ролике отсутствует сюжетная линия. В видеоряде на фоне неба представлены обнаженные стюардессы, рассказывающие, что с помощью сервиса можно приобрести билеты на самолеты практически всех авиакомпаний мира по доступным ценам. Разноцветные пилотки символизируют различные авиакомпании. Тела героинь закрыты полосой с рекламой сервиса, шарфом и снятым фирменным головным убором (рисунок 1).

Рисунок 1 – Кадр из видеорекламы компании Chocotravel

На протяжении ролика на заднем фоне представлено название и логотип компании. Видеоряд, использованный рекламопроизводителем, отражает так называемый шоковый способ воздействия, апеллирующий к сексуальному подтексту, вульгаризирующий и опошляющий рекламное сообщение [Фомина 2015 : 275]. Шоковый способ воздействия вызывает у среднестатистического потребителя «неприятие одного из составляющих компонентов рекламного сообщения (вербального или невербального по отдельности) или создаваемого смысла рекламного сообщения (который также может формироваться за счет превалирования вербального или невербального компонентов или складываться за счет их сочетаемости)» [Амири 2013]. Прагматическую установку адресанта, направленную на шоковый способ воздействия подтверждает широкое обсуждение роликов общественностью в СМИ и социальных сетях, а также появление рекламы конкурента TicketsKZ, визуальный ряд которой и слоган «Мы не оставим вас без штанов» отсылают аудиторию к видео сервиса Chocotravel (рисунок 2).

Рисунок 2 – Ответная реклама компании-конкурента TicketsKZ

Слова героев видеорекламы компании Chocotravel носят информативный характер.

Привет. На Chocotravel ты можешь купить билет на мой самолет, или на мой...

И на самолеты практически любых авиакомпаний мира по минимальным ценам и без комиссии. На Chocotravel ничего лишнего, только бонусы. 5 тысяч тенге за первую покупку и 1 процент за каждую последующую.

Chocotravel – сервис покупки авиабилетов без наценок. Скачай бесплатно в GooglePlay или AppStore.

Рекламопроизводитель воспользовался одним из способов создания двусмысленности, обыгрывая речевую неоднозначность слова, словосочетания или фразы, то есть возникновению двусмысленности способствует контекстуальная реализация, визуальный ряд, а также интонационный рисунок текста. Так, ролик начинается с изображения крупным планом губ девушки, произносящей фразу: «На Chocotravel ты можешь купить билет на мой самолет...», камера постепенно отъезжает, сдвигается вправо, а заканчивает фразу «или на мой...» другая стюардесса, и ее губы складываются в форме поцелуя. При взаимодействии с видеорядом двусмысленности способствует и фраза «На Chocotravel ничего лишнего». В тексте, сопровождающем видеоряд, отражена прагматическая задача, содержащая ключевое обращение к аудитории в закадровом тексте: «Chocotravel – сервис покупки авиабилетов без наценок. Скачай бесплатно в GooglePlay или AppStore».

Второй рекламный ролик практически повторяет структуру предыдущей рекламы (<https://www.youtube.com/watch?v=8OXPE16pZ9w>). В видеоряде на фоне неба представлены обнаженные мужчины, рассказывающие, что с помощью сервиса можно приобрести билеты на самолеты практически всех авиакомпаний мира по доступным ценам. Тела пилотов закрыты полосой с рекламой сервиса, галстуком и фирменным головным убором – фуражкой. Разные логотипы на головных уборах символизируют мировые авиакомпании. Ролик начинается с изображения крупным планом губ мужчины, произносящего фразу: «На Chocotravel ты можешь купить билет на мой самолет...», камера постепенно отъезжает, сдвигается вправо, а заканчивает фразу «или на мой...» другой пилот, подмигивая аудитории.

В целом, в рекламных роликах Chocotravel использована общая концепция, основанная на повторяющемся тексте и синхронном визуальном ряде. Использование заднего фона, изображающего небо, а также элементов обмундирования способствуют однозначному определению профессиональной принадлежности героев рекламы и отсылают аудиторию к функциональному назначению сервиса. Ключевое слово – название компании, повторяющееся в рекламе 3 раза и постоянно присутствующее на экране. Ключевая фраза «На Chocotravel ничего лишнего» при взаимодействии с видеорядом способствует возникновению двусмысленности, с одной стороны, подтверждая отсутствие наценок на авиабилеты, с другой – актуализируя видеоряд. Рекламопроизводитель использовал прием языковой игры и различные подтексты, в том числе сексуальный. В рекламе сервиса стандартная семантика языковых единиц, благодаря визуальному ряду,

является стимулом для актуализации вторичных смыслов и пропозиционально связанных ассоциаций, которые, в свою очередь, направлены на усиление общей концепции рекламы и конечную прагматическую цель создателя рекламного обращения, использовавшего шоковый способ воздействия. Несмотря на стандартную длительность видеоролика, его информативность, наличие элементов юмора и языковой игры, визуальный ряд способствует повышению фактора раздражительности аудитории. Изображение в анализируемых рекламных роликах обнаженных женщин и мужчин вызывает у аудитории шок (что подтверждают многочисленные обсуждения данных видео в социальных сетях и на различных интернет-платформах) и делает рекламу непристойной, неэтичной.

Библиографический список

1. Амири, Л. П. Текстовые деликты, или «шоковые» способы воздействия на потребителя в креолизованных рекламных текстах / Л. П. Амири // Медиаскоп: медиастилистика. – 2013. – № 2. – URL: <http://www.mediascope.ru/node/1304>
2. Аниськина, Н. В. Ценностная картина мира потребителя современной рекламы / Н. В. Аниськина // Медиаскоп. – 2015. – Вып. 1. – URL: <http://www.mediascope.ru/1688>
3. Бодрийяр, Ж. Общество потребления / Ж. Бодрийяр. – М.: Республика: Культурная революция, 2006. – 269 с.
4. Буянова, Л. Ю. Российская рекламно-информационная картина мира: объектно-прагматическое и социально-культурное измерение / Л. Ю. Буянова, Е. Н. Ежова // Культурная жизнь Юга России. – 2009. – № 3 (32). – С. 96–98.
5. Галавтина, А. В. Этические аспекты рекламы в борьбе за доверие потребителей / А. В. Галавтина, К. С. Жарая // Траектория Науки = Path of Science. – 2016. – № 5. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/eticheskie-aspekty-reklamy-v-borbe-za-doverie-potrebitelley>
6. Дзикевич, С. А. Эстетика рекламы. Эстетическая структура рекламной коммуникации / С. А. Дзикевич. – 2-е изд., доп. – Екатеринбург: Издательские решения, 2017. – 242 с.
7. Ежова, Е. Н. Медиа-рекламная картина мира: структура, семиотика, каналы трансляции: автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Ежова Е. Н. – Ставрополь, 2010.
8. Ежова, Е. Н. Рекламная дискурсия как фактор формирования рекламно-информационной картины мира: социально-культурный потенциал развития / Е. Н. Ежова // Культурная жизнь Юга России. – 2009. – № 2 (31). – С. 97–99.
9. Казючиц, М. Ф. Дискурс телевизионной рекламы в контексте коммуникативных стратегий / М. Ф. Казючиц // Вестник Московского государственного областного университета. Сер.: Лингвистика. – 2010. – № 3. – С. 200–205.
10. Калашаова, А. А. Вербальные компоненты рекламного текста как прагматически обусловленные элементы императивного дискурса / А. А. Калашаова // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. Филология и искусствоведение. – 2013. – Вып. 2. – С. 65–69. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/lingvisticheskie-markery-ideologii-zdorovogo-potrebleniya-v-reklame-produktov-pitaniya>
11. Карасик, В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. – Волгоград: Перемена, 2002. – 477 с.
12. О рекламе: закон Республики Казахстан № 508-III от 19.12.2003 (с изм. и доп. по состоянию на 09.01.2018). – URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1045608
13. Пядышева, Т. Г. Вербальные составляющие в структуре рекламного текста / Т. Г. Пядышева // Вестник ТГУ. – 2016. – № 1. – С. 29–38.
14. Рогозина, И. В. Функции и структура медиа-картины мира / И. В. Рогозина // Методология современной психолингвистики. – М.; Барнаул: Изд-во Алтайского гос. ун-та, 2003. – С. 120–126.
15. Саркисян, А.-М. Анализ эффективности медийной рекламы в Интернете: обзор зарубежных исследований / А.-М. Саркисян // Реклама. Теория и практика. – 2015. – № 06 (72). – URL: <https://biplane.ru/blog/analiz-effektivnosti-medijnoj-reklamy-v-internete-obzor-zarubezhnyh-issledovanij/>
16. Фомина, Н. Н. Размер не имеет значения: тема секса в современной рекламе / Н. Н. Фомина // Лингвокультурология. – 2015. – № 9. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/razmer-ne-imeet-znacheniya-tema-seksa-v-sovremennoy-reklame>
17. Goodrich, K. Consumer reactions to intrusiveness of online-video advertisements / K. Goodrich, Sh. Z. Schiller, D. Galletta // Journal of Advertising Research, 2015. – Vol. 55, № 1. – P. 37–50.

ЯЗЫК РЕКЛАМЫ И МАРКЕТИНГА (НА ПРИМЕРЕ НЕМЕЦКОЙ ПРЕССЫ)

Г. В. Балашова

Москва, Россия

ADVERTISING AND MARKETING LANGUAGE (ON THE EXAMPLE OF THE GERMAN PRESS)

G. V. Balashova

Moscow, Russia

Аннотация. В предлагаемом докладе анализируются роль немецкого языка как языка делового общения, роль рекламы как двигателя торговли и языковые средства рекламы. Названы цели рекламы. Приводятся примеры того, как реклама пытается исключить из ассоциативного поля негативные формулировки и описывает предлагаемые товары и услуги положительными словами. Обращается внимание на то, что реклама связана с психологией, т.е., речь идет о целенаправленном и опосредованном влиянии на человека в коммерческих целях.

Ключевые слова: маркетинг, реклама, продукт, потребитель, лозунговые выражения.

Abstract. The paper examines the role of the German language as a language of business communication, the role of advertising as an engine of trade and language tools of advertising. The purposes of advertising are noted. There are examples how advertising texts exclude negative associations and describe promoted goods using positive words. It is noted that advertising is closely connected with psychology meaning that there is a purposeful and indirect influence on a person for commercial purposes.

Key words: marketing, advertising, product, consumer, slogan.

Немецкий язык является важнейшим языком делового общения в Европейском Союзе и представляет собой связующий элемент между центральной и восточной Европой, где в возрастающей мере появляются новые потребительские рынки. Кроме того, значительные зарубежные инвестиции и большое количество совместных предприятий свидетельствуют о том, что немецкий язык – это язык бизнеса, язык, за которым стоят крупнейшие рынки сбыта, использующие, как и любые другие, рекламу и маркетинг.

Понятия реклама и маркетинг в разговорном языке часто используются как синонимы, но профессиональный язык проводит между ними четкие различия. Реклама всегда относится к какому-либо определенному продукту. При этом продукт представлен так, чтобы побудить реципиента приобрести его. Маркетинг, в противоположность рекламе, имеет более широкую концепцию. Под маркетингом понимают ориентированную на долгий срок стратегию, которая относится к целому ряду продуктов или товарных знаков, а не к отдельным продуктам [Geyer/ Ephrosi/ Magerhans 2015: 16]. Реклама является частью маркетинга и важнейшей составной частью взаимодействия с клиентами – наряду с прессой и работой по осуществлению связи с общественностью. Маркетинг охватывает элементы общей стратегии исследования рынка вплоть до сбыта продукции [Hans-Dieter Zollondz 2008: 9], в то время как реклама имеет специфические и временные рамки.

Для того чтобы побудить нас купить какой-то продукт или услугу, реклама должна

- привлечь внимание к новому продукту, т.е. создать у потребителя ощущение, что этот продукт ему очень нужен;
- поддерживать неослабевающий интерес к продукту;
- вызвать желание купить продукт, обладать им, т.е. придать продукту такую привлекательность, чтобы потребитель сразу же захотел приобрести именно его, а не какой-то другой продукт;
- привести к желаемому действию, к испытанию или испробованию продукта или какого-либо предложения на практике.

В нашей повседневной жизни мы окружены товарами известных фирм, и многие их рекламные лозунги остаются в нашей памяти.

Например, «Optiker Krauss ... und du siehst gut aus» (реклама самой современной техники для отличного зрения) [Berliner Zeitung 2015].

Некоторые предприятия осознанно делают ставку на традиции и на что-то хорошо зарекомендовавшее себя, испытанное временем, как в наглядном изображении, так и в своих рекламных лозунгах. Например, „Älteste Apotheke Deutschlands. Seit 1241 – Löwen Apotheke“ [Handelsblatt 2016]. Этот слоган выбит над входом в аптеку и представляет собой так называемый «выбитый в камне» маркетинг: аптека привлека-

ет клиентов тем, что является старейшей в Германии. Владельцы поддерживают это своим именем и считают качество лучшим рецептом.

В 1891 году Dr. Oetker изобрел новый пекарский порошок (химический разрыхлитель теста) и продавал его в маленьких пакетиках по 10 пфеннигов за штуку. Одного такого пакетика хватало на полкило муки. Цена за пакетик была выбрана очень умело, небольшое количество пекарского порошка почти ничего не стоило. К тому же, Oetker сделал ставку на звание доктора. Этот «доктор», как он представлялся общественности, продавал для пекарни новый, гарантированно действующий вспомогательный материал, делая, тем самым, ставку на свою репутацию, здоровье и качество предлагаемого товара. Эта рекламная акция была его собственным изобретением, сделавшим его продукт таким успешным [de.wikipedia.org/wiki/Dr._August_Oetker_KG]. Посредством рекламы, рассчитанной на широкие круги потребителей, частному клиенту впервые был предложен продукт, который облегчал ему работу и о котором он до сих пор ничего не знал, как и не знал того, что ему (покупателю) этот продукт чрезвычайно необходим [de.wikipedia.org/wiki/Dr._August_Oetker_KG].

Язык рекламы – язык, совершенно особенный. В лучшем случае он отражает суть продукта и должен быть остроумным, простым и наглядным. Специалисты по рекламе работают над тем, чтобы эффективно, в языковом отношении, оформлять такие рекламные средства, как плакаты, объявления, брошюры или рекламные средства в интернете. Реклама тесно связана с психологией, в конечном счете речь идет о целенаправленном или косвенном влиянии на людей в коммерческих целях. Реклама должна быть направлена на осознанные или неосознанные потребности или же должна их формировать. Например, „Unternehmensberater sollen vor allem eines sein: ausgezeichnet“ [Handelsblatt 2016].

Или: „Die Formel zum Glück – Der größte KURIER-Report über das schönste Gefühl der Welt und wie wir leichter durchs Leben gehen“ [Berliner Zeitung 2016].

Реклама фиксируется на кратких, точных и метких ключевых словах и лозунговых выражениях, фонетика и семантика которых могут вызвать определенные ассоциации и пробудить какие-то эмоции. Для достижения большего эффекта грамматика, орфография и стиль языка при этом осознанно приносятся в жертву и нарушаются.

Реклама подчеркивает неожиданное. Вербальная реклама, в большинстве случаев, нацелена на выключение интеллекта потребителя и на мобилизацию его эмоциональных резервов. Например, „Deutschlands günstigste Autos“ [Berliner Morgenpost 2014].

Реклама пытается связать продукты и услуги с особенно позитивными словами, а негативные формулировки предпочитает, по возможности, убрать из ассоциативного поля. Поэтому реклама отдает предпочтение таким наречиям, как

gut – lecker – aktiv – echt – frisch – einfach – edel – neu – jung – weiß – lustig- Beispiele: – „Ein Ausflug, der sich lohnt. Einfach, günstig, online.“ [8]. „, Ab sofort. Mehr Seiten, mehr Inhalt, mehr Vielfalt“ [Bild (Deutschland) 2016]

и избегает следующих:

schlecht – falsch – schwierig – langsam – alt – traurig.

Также бросаются в глаза «положительно зараженные» существительные, как, например,

Frische – Kraft – Sicherheit – Genuss

В противоположность таким, как

Leid – Schwäche – Langweile – Regen – auf.

Первостепенную роль в рекламе играют сравнения и особенно это относится к предметам, событиям, чувствам:

große, schöne, schnelle, erotische, schmackhafte, lustige, unvergleichliche wunderbare oder vollkommene.

Beispiel: „Reden ist Gold“ [Handelsblatt 2016].

Для оригинальности и привлечения внимания реклама изобретает много неологизмов и новомодных словечек. Наиболее часто используемой формой являются словообразования с усилительными или дающими количественную оценку приставками, именами прилагательными и существительными. Вот некоторые примеры этому:

aktiv – Aktivschaum

fein – Feinwaschmittel

hoch – hochwirksam

intensiv – Intensivpflege

Luxus – Luxusklasse

Marken – Markengeräte

Original – Originalfassung

Spitzen – Spitzenklasse

Traum – Traumreise

Излюбленным средством специалистов в области рекламы является подбор рифм. Например: „Neu! Kontaktlinsen! Ab sofort erhalten Sie bei uns Kontaktlinsen – in bester Top-Qualität. ...besser gleich zu messer!“ [Der Bund (Bern) 2010]. Это – реклама оптических товаров Мессера (производителя). Она имеет определенную эстетическую привлекательность для всех возрастных групп, но особенно – для детей. При этом популярна не только классическая конечная рифма, но и начальная рифма, так называемая аллитерация.

Аллитерация – это стилистическое средство, часто применяемое в языке рекламы и СМИ. Два или несколько слов с одинаковыми начальными согласными буквами употребляются в одном предложении друг за другом.

Например: „Bildung Fordern, Kinder Fördern“ [Berliner Zeitung 2014], „durch dick und dünn“, скороговорка „Fischers Fritz fischt frische Fische“.

Также существуют аллитерации, состоящие из двух слов, начинающихся с одной и той же буквы. Эти аллитерации называются парными образованиями.

Пример: „klipp und klar“, „null und nichtig“, „Kind und Kegel“, „Mann und Maus“.

Лозунговый заголовок, в котором все или почти все слова начинаются с одной буквы, уже чисто визуально особенно бросается в глаза. Кроме того, эти повторяющиеся начальные слоги привлекают внимание при чтении.

Пример: „Lecker liefern lassen“ – Lieferheld

„Leistung aus Leidenschaft“ – Deutsche Bank

„Na, neugierig?“ – Kinder Überraschung

Реклама заканчивается, в большинстве случаев,

- призывами (приглашениями, напоминаниями)

„Sparen Sie bis zu 20%! Dank REKA-Checks“ [Neue Luzerner Zeitung 2010]

„Jetzt kostenlos und unverbindlich anfordern!“ [Berliner Zeitung 2014]

- Утверждениями

„Qualifiziert & versichert“ [Berliner Zeitung 2016]

- сокращенными до лозунга обращениями.

„Substanz entscheidet“ [Handelsblatt 2016].

Библиографический список

1. Berliner Morgenpost 31. – 2014. – Januar.
2. Berliner Zeitung 19./20. März. – 2016. – № 67.
3. Berliner Zeitung 2.Mai 2014. – № 101.
4. Berliner Zeitung 28./29. März. – 2015.
5. Bild (Deutschland) 28. – Oktober. – 2016. – S. 9.
6. Der Bund (Bern) 20. – August. – 2010.
7. Geyer/ Ephrosi/ Magerhans. Crashkurs Marketing. Haufe Gruppe. – Freiburg -München. – 2015. – 235 S.
8. Handelsblatt 1. Juni. – 2016. – № 103.
9. Handelsblatt 28./29./30. Oktober. – 2016. – № 209. – S. 66.
10. Hans-Dieter Zollondz. Grundlagen Marketing. Cornelsen Verlag. – Berlin, 2008. – 128 S.
11. Neue Luzerner Zeitung 14.August. – 2010.
12. URL: https://de.wikipedia.org/wiki/Dr._August_Oetker_KG

ПРОБЛЕМЫ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ НОРМАТИВНОГО И ОРГАНИЗАЦИОННОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО КОНТРОЛЯ КОММЕРЧЕСКОЙ РЕКЛАМЫ

Н. Г. Карнишина

Пенза, Россия

IMPLEMENTATION OF NORMATIVE AND ORGANIZATIONAL STATE CONTROL IN COMMERCIAL ADVERTISING

N. G. Karnishina

Penza, Russia

Аннотация. Автор исследует роль рекламного права на формирование общественного мнения. В центре внимания – изучение степени учета морального аспекта при осуществлении государственного контроля за коммерческой рекламой, в частности, защита прав несовершеннолетних, а также анализ степени эффективности государственного контроля за рекламой.

Ключевые слова: рекламное право, государственный контроль, общественное мнение, коммерческая реклама.

Abstract. The author investigates the advertising law in the aspects of morality and advertisement influence on public opinion. The focus is on the extent to which the moral aspect is taken into account while conducting state control of commercial advertising, in particular, the protection of the minors' rights. The author analyzes advertising state control intensification.

Key words: advertising law, state control, public opinion, advertising.

Среди приоритетных направлений государственного контроля в РФ коммерческой рекламы следует выделить следующие: поддержка деятельности по развитию рынков товаров, работ и услуг на основе добросовестной конкуренции при соблюдении принципа единства экономического пространства; реализация права потребителей на получение добросовестной и достоверной рекламы и предупреждение нарушений законодательства о рекламе.

Механизм государственного регулирования рекламной деятельности включает в себя совокупность правовых и организационных мер законодательного, исполнительного и контролирующего характера, осуществляемая правомочными государственными учреждениями. Среди них наиболее эффективными следует признать: государственную регистрацию участников экономических отношений, отдельных сделок и прав; государственную регистрацию отдельных видов товаров, товарных знаков, знаков обслуживания и наименований мест происхождения товаров; лицензирование отдельных видов экономической деятельности; обязательную сертификацию отдельных товаров, налоговую политику.

Государство, предоставляя субъектам рекламной сферы свободу деятельности, должно осуществлять контроль рекламного рынка, совершенствовать его административно-правовое регулирование, поскольку исключение государства из состава субъектов рекламных правоотношений чревато серьезными негативными последствиями.

Государство особое внимание уделяет регулированию деятельности рекламодателей, связанной с товарами, представляющими потенциальную опасность для потребителя, такие как медицинские препараты, фармацевтические и косметические, детские товары. Государственные органы осуществляют контроль за содержанием текста, наличием положительного отзыва специальной экспертизы, в ряде случаев – документального доказательства. Текст рекламного объявления для таких товаров должен соответствовать утвержденным стандартам и спецификациям. Запрещается приводить необоснованные утверждения, ссылаться на авторитеты, продавать одни товары под видом других. Отсутствие необходимых отзывов государственных служб рассматривается как факт грубого нарушения рекламодателем законов и влечет правовые санкции.

Вопросы ответственности за нарушения рекламного законодательства лежат в ведении в большей степени антимонопольного органа или в исключительных случаях могут быть оспорены в арбитражном суде в течение трех месяцев со дня вынесения решения, выдачи предписания. Подача заявления о признании недействительным решения, предписания антимонопольного органа не приостанавливает исполнения решения, предписания, если судом или арбитражным судом не будет вынесено определение о приостановлении.

Итак, основная задача государственного регулирования заключается в поддержании стабильности рекламного рынка и обеспечении его социальной направленности путем упорядочивания и регулирования отношений в сфере рекламы; защиты от недобросовестной конкуренции в области рекламы, предотвращения и пресечения ненадлежащей рекламы.

Основным законодательным актом, регулирующим отношения в сфере рекламы, является Федеральный Закон Российской Федерации «О рекламе» № 38-ФЗ от 13 марта 2006 г. (ред. от 31.12.2017). Рассмотрим новую редакцию закона, с изменениями, вступившими в силу с 1 января 2018 года.

Вне сферы правового регулирования закона «О рекламе» остается информация и оформление товара и его упаковки, не относящиеся к другому товару. Маркетинговая коммуникация типа продукт-плейсмент также исключена из регулирования законодательством о рекламе при соблюдении двух условий: органичная интегрированность в произведение науки, литературы или искусства упоминания о товаре, средствах его индивидуализации, изготовителе или продавце, а также – упоминание о товаре, средстве его индивидуализации, изготовителе или продавце не должны сами по себе являться сведениями рекламного характера.

Требования, установленные для рекламы отдельных видов товаров, распространяются на рекламу средств индивидуализации их изготовителей или продавцов. Исключение сделано только для рекламы средств индивидуализации товара, его изготовителя или продавца, если такая реклама явно не относится к товару, реклама которого законодательно ограничена.

В отношении недостоверной рекламы в законе приведен перечень сведений, которым применяется эта норма. Ранее действовавшая норма, запрещавшая использование в рекламе не подтвержденных документально терминов в превосходной степени, трансформирована новой редакцией закона в запрет указывать преимущества рекламируемого товара перед другими, если эти преимущества не соответствуют действительности.

В качестве отдельной группы можно выделить общие требования к рекламе. Это, например, запрет демонстрировать процесс потребления табака, алкоголя и пива; указывать, что объект рекламирования одобряется госорганами; использовать образы медработников, в том числе, в рекламе лекарств и медтехники; указывать на лечебные свойства товаров, кроме рекламы лекарств, медуслуг и медтехники.

В новой редакции Закона о рекламе сохранены нормы защиты несовершеннолетних в рекламе за исключением положения, которое ранее запрещало использовать образы несовершеннолетних в рекламе товаров, непосредственно для них не предназначенных. В законе приводится также перечень товаров, реклама которых не допускается. Эти положения в значительной степени основываются на законодательстве РФ и являются вполне логичными. Так, например, нельзя рекламировать товары, для которых необходима государственная регистрация и сертификация, получение лицензий и иных специальных разрешений, если таковые отсутствуют. При этом рекламодатель по требованию рекламораспространителя должен предоставить документальное подтверждение о соответствии рекламы требованиям законодательства РФ о рекламе, в том числе о наличии лицензий, сертификатов и государственной регистрации.

Реклама алкогольной продукции и табака разрешается только в газетах и журналах для совершеннолетних и в местах продаж. На содержание рекламы этой продукции налагается ряд ограничений, в том числе по защите несовершеннолетних. Запрещено использовать в рекламе данных товаров утверждения, что их употребление имеет важное значение для достижения общественного признания, профессионального, спортивного или личного успеха, либо способствует улучшению физического или эмоционального состояния.

Рекламные акции, сопровождающиеся раздачей образцов таких товаров, разрешены только в организациях (местах), где осуществляется их розничная продажа. К таким акциям не допускается привлечение несовершеннолетних (как их участие, так и предложение им образцов).

Государственный контроль за соблюдением законодательства РФ о рекламе осуществляет Федеральная антимонопольная служба России и ее территориальные управления. ФАС РФ накоплен значительный опыт борьбы с недобросовестной рекламой. Законом «О рекламе» установлены нормы в отношении решений и предписаний антимонопольного органа в связи с нарушением законодательства РФ о рекламе. Решения, предписания антимонопольного органа могут быть оспорены в суде или арбитражном суде, однако подача заявления в суд не приостанавливает исполнение решения, предписания, если судом не вынесено такое определение. Рекламораспространитель несет ответственность за нарушение части общих и специальных требований к рекламе и за соблюдение норм, регулирующих отдельные способы распространения рекламы, а также требования к распространению (размещению) рекламы отдельных видов товаров, наличие предупредительных надписей и/или обязательных сведений. Ответственность за скрытую рекламу и размещение рекламы в школьных учебниках и тетрадях несут рекламораспространители.

Ответственность за соблюдение требований некоторых положений закона несут рекламодатели и рекламораспространители, в частности, это относится к соблюдению норм рекламы стимулирующих мероприятий, дистанционных способов продажи товаров, товаров, реклама которых запрещена, некоторых предупредительных надписей, сроков хранения рекламных материалов.

Рекламопроизводитель в пределах ответственности рекламодателя и рекламораспространителя несет ответственность, если будет доказано, что нарушение произошло по его вине.

Законом РФ от 7 февраля 1992 г. № 2300-1 «О защите прав потребителей» закреплены права потребителей на получение информации о товаре, работе, услуге, продавце, изготовителе, исполнителе. Эта информация должна быть достоверной, в противном случае наступает ответственность рекламодателя не только за ненадлежащую рекламу, но и за нарушение прав потребителей. Это – статья 8 «Право потребителя на информацию об изготовителе (исполнителе, продавце) и о товарах (работах, услугах)»; статья 9 «Информация об изготовителе (исполнителе, продавце)»; статья 10 «Информация о товарах (работах, услугах)».

Безусловно, при анализе эффективности правового и организационного регулирования коммерческой рекламы следует учитывать тот факт, что разработка рекламного законодательства на переходном эта-

пе развития России осуществлялась в предельно короткие сроки, как реакция государственных структур на возникающие конфликтные ситуации. «Догоняющий» характер нормотворчества проявился и в дальнейшем, в частности, в запаздывании с конкретизацией терминов и понятий «Закона о рекламе», систематизации перечня субъектов и объектов данных правоотношений, их правового статуса, привлечении к юридической ответственности за недобросовестную рекламу.

Библиографический список

1. О защите прав потребителей : закон Российской Федерации № 2300-1 от 07.02.1992 (ред. от 18.04.2018). – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_305/
2. О рекламе : федер. закон Российской Федерации № 38-ФЗ от 13.03.2006 (ред. от 31.12.2017). – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_58968/

ПРАКТИКА РЕАЛИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОГО КОНТРОЛЯ РЕКЛАМЫ В ПЕНЗЕНСКОЙ ОБЛАСТИ

О. Н. Кузнецова, Е. Н. Демидова

Пенза, Россия

PRACTICE OF IMPLEMENTATION OF GOVERNMENT CONTROL OVER ADVERTISING IN PENZA REGION

O. N. Kuznetsova, E. N. Demidova

Penza, Russia

Аннотация. Анализируются действующее законодательство в сфере государственного контроля рекламы. Описывается практика реализации указанного законодательства в Пензенской области.

Ключевые слова: конкуренция, реклама, ненадлежащая реклама, государственный контроль рекламы.

Abstract. The article is devoted to the analysis of the current legislation in the field of government control of advertising. The practice of implementing this legislation in Penza region is described.

Key words: competition, advertising, improper advertising, Government control over Advertising.

Социально-экономическое развитие современной России трудно представить без рекламы и иных форм маркетинговых коммуникаций, которые пронизывают все сферы экономики и связывают ее с обществом и потребителями товаров и услуг. Не менее значима роль рекламы в формировании единого экономического пространства страны, в развитии добросовестной конкуренции на товарных рынках. Опосредуя конкурентные отношения, маркетинговые коммуникации и реклама во многом определяют положение хозяйствующих субъектов на рынке. Реклама выступает в качестве важнейшего инструмента продвижения товаров на рынке, увеличения сбыта и развития конкуренции.

Антимонопольный орган в соответствии с Федеральным законом «О рекламе» осуществляет государственный надзор за соблюдением законодательства Российской Федерации о рекламе. В рамках своих полномочий он проводит проверки рекламы на соответствие требованиям законодательства Российской Федерации, предупреждает и пресекает факты ненадлежащей (недобросовестной, недостоверной) рекламы, возбуждает и рассматривает дела по признакам нарушения законодательства Российской Федерации о рекламе; принимает по результатам рассмотрения возбужденных дел решения, выдает предписания о прекращении нарушений ФЗ «О рекламе», возбуждает и рассматривает административные дела.

Основная задача антимонопольного органа состоит в обеспечении принципов добросовестной конкуренции на российском рынке и защиты потребителей от ненадлежащей рекламы, соответственно, основные требования, предъявляемые к рекламе, затрагивают ее содержательную часть и касаются в первую очередь непосредственно рекламодателей.

Целями Федерального закона о рекламе являются развитие рынков товаров, работ и услуг на основе соблюдения принципов добросовестной конкуренции, обеспечение в Российской Федерации единства экономического пространства, реализация права потребителей на получение добросовестной и достоверной рекламы, создание благоприятных условий для производства и распространения социальной рекламы, предупреждение нарушения законодательства Российской Федерации о рекламе, а также пресечение фактов ненадлежащей рекламы.

В Федеральном законе о рекламе определены и основные понятия: реклама, объект рекламирования, рекламодатель, рекламопроизводитель, рекламораспространитель, потребители рекламы и другие понятия.

Реклама – это информация, распространенная любым способом, в любой форме и с использованием любых средств, адресованная неопределенному кругу лиц и направленная на привлечение внимания к объекту рекламирования, формирование или поддержание интереса к нему и его продвижение на рынке;

Объект рекламирования является товар, средства индивидуализации юридического лица и (или) товара, изготовитель или продавец товара, результаты интеллектуальной деятельности либо мероприятие (в том числе спортивное соревнование, концерт, конкурс, фестиваль, основанные на риске игры, пари), на привлечение внимания к которым направлена реклама.

Рекламодатель – это изготовитель или продавец товара либо иное определившее объект рекламирования и (или) содержание рекламы лицо.

Рекламопроизводитель – это лицо, осуществляющее полностью или частично приведение информации в готовую для распространения в виде рекламы форму.

Рекламораспространитель - лицо, осуществляющее распространение рекламы любым способом, в любой форме и с использованием любых средств.

Потребители рекламы - лица, на привлечение внимания которых к объекту рекламирования направлена реклама [О рекламе ФЗ от 13.03.2006 № 38-ФЗ].

В Федеральном законе «О рекламе» также определены общие и специальные требования к информации.

Распространение ненадлежащей, то есть недобросовестной, недостоверной рекламы, нарушающей общие и специальные законодательные требования, может быть направлено на приобретение необоснованных преимуществ в предпринимательской деятельности, а также способно причинить убытки другим хозяйствующим субъектам-конкурентам либо нанести ущерб их деловой репутации. В этом случае ненадлежащую рекламу следует рассматривать как особую форму недобросовестной конкуренции. Тем более, что перечень форм недобросовестной конкуренции, приведенный в законе «О конкуренции», перекликается с перечнем соответствующих статей Федерального закона «О рекламе».

Как уже говорилось ранее, отношения в сфере рекламы должны строиться на принципах добросовестной конкуренции и достоверности сообщаемых сведений о товарах и услугах, то есть реклама должна быть добросовестной и достоверной, недобросовестная реклама и недостоверная реклама не допускаются. Данные принципы закреплены в статье 5 ФЗ «О рекламе». Кроме того, в Федеральном законе «О рекламе» не случайно разделены понятия недостоверной рекламы и недобросовестной рекламы. Если первая связана с запретами искажения объективно существующей рыночной информации (чаще всего характеристик товара, работы, услуги), то вторая связана с запретом на использование недобросовестных способов, направленных на порочение конкурента, либо подача самой рекламы в таком оформлении, которое приводит к смещению представлений потребителей о рекламируемом товаре с другими товарами (как правило, имеющими хорошую, устойчивую репутацию).

Различительным признаком недобросовестной рекламы является ее некорректность. К способам проявления данной формы ненадлежащей рекламы следует относить сравнения, содержание которых составляют ошибочные, основанные на неправильном расчете, исходящие из неверных предпосылок, неправильные, не соответствующие правилам корректности и требованиям, предъявляемым к достоверности, сведения о товарах.

Федеральный закон «О рекламе» не запрещает сравнивать рекламируемый товар с товарами иных изготовителей или продавцов. Однако приведенное в рекламе сравнение должно быть корректным, правильным, основано на достоверных данных, а сравниваемые параметры должны быть сопоставимыми. В рекламе не допускается приводить некорректные сравнения рекламируемого товара с находящимися в обороте товарами, которые произведены другими изготовителями или реализуются другими продавцами. При некорректном сравнении рекламируемого товара с товарами других юридических лиц конкурирующие товары могут и не называться. Сравнение может производиться со всеми другими представленными на данном рынке однородными товарами.

Способы некорректного сравнения, к которым прибегают рекламодатели, достаточно разнообразны и зачастую не отвечают требованиям сопоставимости характеристик.

Так например: в Пензенском УФАС России было рассмотрено заявление о том, что в газете «...» и по местному телевизионному каналу распространяется недобросовестная и недостоверная реклама такси «...». При этом, в рекламе приводилось некорректное сравнение рекламируемого товара (услуги) с находящимися в обороте товарами, которые произведены другими изготовителями или реализуются другими продавцами. Также присутствовало сравнение, что именно услуга такси «...» значительно лучше услуг другого такси. Вместе с тем в городе, где распространялась данная реклама, работает несколько предприятий, предлагающих аналогичные услуги, оказываемые рекламодателем. Причем ни каких жалоб на услуги диспетчеров такси от потребителей не поступало. Сообщая такую недостоверную информацию неопределенному кругу лиц, рекламодатель неправомерно привлекал внимание потребителей услуг на рынке такси к одному хозяйствующему субъекту, в результате чего неправомерно и необоснованно создавал преимущество рекламируемых им услуг перед оказываемыми другими хозяйствующими субъектами услугами на данном рынке.

Сообщаемая в рекламе информация об объекте рекламирования должна быть достоверной. Достоверность информации предполагает правдивость и соответствие содержащихся в ней сведений о товаре, рекламодателе, его полномочиях и обязательствах и прочем действительным, имеющим место в реальности во время, к которому относятся такие сведения. Под недостоверной рекламой понимается присутствие в рекламе не соответствующих действительности сведений в отношении объектов рекламирования. Посягательства на достоверность рекламы не допускаются. Недостоверная реклама является ненадлежащей рекламой.

При сравнении с другим товаром в рекламе не должны приводиться не обладающие достоверностью, сомнительные и искаженные сведения о качествах или свойствах, выгодно отличающих один товар от другого, о превосходстве товара в сравнении с товарами, которые произведены другими изготовителями или реализуются другими продавцами, о выгодах или возможностях, которые товар имеет по сравнению с дру-

гими. Из данного положения вытекает, что допускается сравнительная реклама, носящая правдивый характер. Сравнение может носить характер позитивный (когда свой продукт столь же хорош, что и чужой) и негативный (когда свой товар превозносится по сравнению с конкурирующим продуктом). Однако непременным условием соответствия такого сравнения закону должна быть истинность приводимых сведений о собственных товарах и о чужих товарах. Если сравнительная реклама способна вызвать неверные представления у потребителей по поводу предлагаемого товара, она будет рассматриваться как ненадлежащая. Необходимо, чтобы потребитель был правильно информирован и объективно имел право свободного (осознанного) выбора предлагаемых товаров и услуг.

Приведем еще один пример. Общество распространяло рекламу со словами «Лучшие окна нашего города» о выпускаемой продукции без документального подтверждения достоверности использования в рекламе сведений о преимуществах рекламного товара перед находящимися в обороте товарами, которые произведены другими изготовителями или реализуются другими продавцами. Использованное в рекламе словосочетание «лучшие окна» предполагает, что рекламируемая таким способом продукция является эксклюзивной и самой востребованной с точки зрения ее качества со стороны потребителей. Более того, указанная реклама свидетельствует о том, что ни одно другое предприятие, действующее на данном рынке и в данном регионе, не имеет таких показателей относительно качества изготавливаемой и реализуемой продукции.

Вместе с тем в городе Пензе, где распространялась реклама, работает несколько десятков предприятий, предлагающих аналогичную продукцию и услуги, оказываемые рекламодателем. Причем многие из них наравне с рекламодателем имеют соответствующие свидетельства и дипломы, различные сертификаты и знаки отличия, которые подтверждают высокое качество производимых ими и реализуемых окон из ПВХ.

Таким образом, упомянутые выше обстоятельства, при рассмотрении дела, возбужденного по признакам нарушения законодательства о рекламе, не нашли своего подтверждения, а рекламодаделец нарушил требования пункта 1 части 3 статьи 5 Федерального закона «О рекламе».

Примеров нарушений законодательства о рекламе можно приводить много. Наиболее часто нарушения встречаются в сфере медицинских услуг, финансовых услуг (займа); смс-рассылках, а одним из распространенных признаков подобного нарушения является употребление в слоганах элементов «лучший», «самый», «№1».

Если в 2016 году Пензенским УФАС России было рассмотрено 65 заявлений по признакам нарушения Закона о рекламе, то в 2017 году их число выросло до 85.

В связи с вступлением в силу с 04.07.2016 изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях, связанных с поддержкой субъектов малого и среднего предпринимательства, применяется статья 4.1.1 КоАП РФ при выявлении нарушений законодательства РФ о рекламе.

Согласно ч.1 ст.4.1.1. КоАП РФ *являющимся субъектами малого и среднего предпринимательства лицам*, осуществляющим предпринимательскую деятельность без образования юридического лица, и юридическим лицам, а также их работникам за впервые совершенное административное правонарушение, выявленное в ходе осуществления государственного контроля (надзора), муниципального контроля, в случаях, если назначение административного наказания в виде предупреждения не предусмотрено соответствующей статьей раздела 2 КоАП или закона субъекта Российской Федерации об административных правонарушениях, административное наказание в виде штрафа подлежит замене на предупреждение при наличии обстоятельств, предусмотренных частью 2 статьи 3.4 КоАП.

Данная норма устанавливает обязанность замены штрафа, как административного наказания за совершенное правонарушение, на предупреждение для отдельной категории лиц – для субъектов малого и среднего предпринимательства, которые могут быть как лицами, осуществляющими предпринимательскую деятельность без образования юридического лица, так и юридическими лицами, а также для работников таких субъектов, включая должностных лиц таких субъектов. В отношении юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, не подпадающих под понятие субъектов малого и среднего предпринимательства, указанная норма не применяется.

В силу ч. 1, 2 ст. 3.4 КоАП РФ предупреждение – мера административного наказания, выраженная в официальном порицании физического или юридического лица. Предупреждение выносится в письменной форме. Предупреждение устанавливается за впервые совершенные административные правонарушения при отсутствии причинения вреда или возникновения угрозы причинения вреда жизни и здоровью людей, объектам животного и растительного мира, окружающей среде, объектам культурного наследия (памятникам истории и культуры) народов Российской Федерации, безопасности государства, угрозы чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера, а также при отсутствии имущественного ущерба.

В целях повышения эффективности государственного контроля соблюдения законодательства Российской Федерации о рекламе на территории Пензенской области, в 2003 году создан Экспертный совет по применению законодательства о рекламе при Пензенском УФАС России. Экспертным советом дается оценка этичности рекламы.

В 2016–2017 гг. Экспертным советом проведено 9 заседаний и дана оценка рекламы с использованием непристойных образов, сравнений, выражений.

Таким образом, реализуя возложенные законом полномочия, антимонопольный орган обеспечивает на территории региона реализацию принципов добросовестной конкуренции и защиты потребителей от ненадлежащей рекламы.

Библиографический список

1. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях № 195-ФЗ от 30.12.2001. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/
2. О защите конкуренции : федер. закон № 135-ФЗ от 26.07.2006. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61763/
3. О рекламе : федер. закон от 13.03.2006 № 38-ФЗ. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_58968/
4. Постатейный комментарий к Федеральному закону от 13.03.2006 № 38-ФЗ «О рекламе» / Д. С. Бадалов, И. И. Василенкова, Н. Н. Карташов, С. Ф. Котов, Т. Е. Никитина. – М. : Статут, 2012. – 462 с.

МИРОМОДЕЛИРУЮЩИЙ ПОТЕНЦИАЛ ЗНАНИЙ В РЕКЛАМНОМ ДИСКУРСЕ: РАЗНОВИДНОСТИ ТЕКСТОВЫХ МИРОВ

С. Л. Кушнерук

Челябинск, Россия

WORLD-MODELLING POTENTIAL OF KNOWLEDGE IN ADVERTISING DISCOURSE: TYPES OF TEXT-WORLDS

S. L. Kushneruk

Chelyabinsk, Russia

Аннотация. Выявляется миромоделирующий потенциал знаний, активируемых в коммерческой рекламе в соответствии с тем, что известно или неизвестно адресату о действительности. Обосновывается понятие текстового мира как репрезентационной структуры в дискурсе британской коммерческой рекламы. Определяются разновидности текстовых миров, которые вводятся лексическими единицами с семантикой знания с целью выработки у клиента лояльного отношения к товару.

Ключевые слова: когнитивно-дискурсивное миромоделирование, репрезентационные структуры, текстовый мир знаний, миромоделирующий потенциал, рекламный дискурс.

Abstract. The article reveals world-modelling potential of knowledge activated in commercial advertising according to what the addressee knows or doesn't know about the world. The concept of text-world as a representative structure of discourse is defined. Types of text-worlds introduced by lexical units with semantics of knowledge are systematized. The technique employed by British advertisers is explained in terms of necessity to shape a loyal attitude to the goods.

Key words: Cognitive-discourse World-Modelling Theory, representational structures, Knowledge text-worlds, world-modelling potential, advertising discourse.

Настоящая статья представляет фрагмент исследования, выполненного в рамках теории *когнитивно-дискурсивного миромоделирования* как автономного направления изучения дискурса в терминах репрезентационных структур, которое развивает идеи о роли языка в познавательных процессах и обработке получаемой информации [Кубрякова 2004, 2012], а также интегрирует достижения зарубежной и отечественной философии, логики, когнитивной лингвистики, прагматики, дискурсивного анализа для объяснения динамических процессов и результатов ментально-языкового представления и управления информацией о мире, подчинённого целям институционального общения и служащих основой конструирования социальной реальности [Кушнерук 2017].

Цель работы – выявить миромоделирующий потенциал знаний, их роль в конструировании рекламной реальности и установить разновидности репрезентационных структур на материале британской коммерческой рекламы. Материал исследования – 1000 рекламных объявлений, представляющих продукты питания в одной из крупнейших торговых сетей Великобритании Tesco.

В рамках разрабатываемой нами теории когнитивно-дискурсивного миромоделирования понятие *репрезентационная структура* используется для обозначения объективируемых в дискурсе ментальных конструкций разной степени концептуальной сложности, которые соотносятся с процессами и результатами представления мира и/или его фрагментов в целях продвижения товаров в условиях осуществления рекламной деятельности. *Миромоделирующий потенциал* знаний реализуется как актуализация экономически востребованных интенционально-детерминированных смыслов и ценностных установок в рекламных произведениях при ведущей роли когнитивной стратегии ориентации на систему представлений адресата (клиента) об окружающей действительности. Базовой репрезентационной структурой дискурса является текстовый мир. *Текстовые миры* (далее – ТМ) в общем определяются как когнитивно-прагматические ментальные репрезентации, активируемые текстом в употреблении, которые обеспечивают представление положения дел в контексте ситуации.

Продвижение товара в дискурсе коммерческой рекламы нередко осуществляется с опорой на общую систему знаний об отношениях между объектами и явлениями действительности, сложившихся в лингвокультуре и закреплённых в сознании её представителей, а также на знания о частных аспектах деятельности людей, что позволяет выделить *текстовые миры знаний* как особую разновидность репрезентационных структур, регулярно объективируемых в коммерческой рекламе в прагматических целях.

Согласно терминологии европейских учёных, текстовые миры знаний являются разновидностью *аттitudных текстовых миров* (от англ. *attitude* – установка), которые создаются в предложениях, вводи-

мых предикатами пропозициональных установок [Werth 1999]. Предикаты пропозициональной установки передают отношение к действию со стороны «говорящего или переживающего субъекта» [Гак 1987: 39]. Они выражают «субъективное отношение человека к объективной ситуации, отражённой в его сознании в виде некоторого идеального образа (пропозиции)» [Крылов 1987: 71; Фролова 2000: 108], и традиционно рассматриваются в лингвистике как *миропорождающие операторы* [Шмелёв 2002].

В современной науке существуют разные подходы к описанию предикатов пропозициональной установки, представленные в работах отечественных и зарубежных учёных: П. Верта, В. Г. Гака, Д. Гевинс, Л. Идальго Даунинг, С. А. Крылова, О. Е. Фроловой, А. Д. Шмелёва и др. К их числу российские учёные относят глаголы восприятия (*видеть, слышать, чувствовать*), глаголы чувства (*радоваться, сожалеть*), глаголы эпистемической модальности (*знать, сомневаться*), глаголы говорения (*говорить*), волитивные глаголы (*хотеть, надеяться*) [Гак 1987; Фролова 2000]. Зарубежные специалисты, не используя данную терминологию, подчёркивают миропорождающий потенциал глаголов *want, wish, believe, hope, dream*, вводящих реальную или воображаемую предметную область [Gavins 2007; Stockwell 2002; Werth 1999]. К глаголам, способным создавать ментальные пространства, Ж. Фоконье относит *believe, paint, prevent, look for, wish* [Fausonnier 1994]. Фактически, ТМ, вводимые предикатами пропозиционального отношения, – это миры с модальной доминантой [Gavins 2007; Stockwell 2002], функция которых заключается в актуализации точки зрения говорящего и его отношения к представленному положению дел.

Как субъект дискурсивной организации знаний рекламист конструирует образ товара во множестве взаимосвязей с теми фрагментами вещного мира, на фоне которых объект должен позитивно восприниматься. Можно констатировать, что основными средствами эксплицитной репрезентации ТМ знаний в британской коммерческой рекламе выступают лексические единицы с семантикой знания и убеждённости. К ним относятся глаголы ментальной активности *know, believe, think*. ТМ знаний представляют такое содержание, которое включает факты, оцениваемые адресантом с рациональной стороны.

ТМ знаний в британской рекламе чаще всего вводятся фактивным глаголом *know* (136 контекстов на 1000 рекламных объявлений). Реализуется *модальное значение достоверности* как выражение вероятности утверждений с точки зрения имеющихся фактов. Регулярной формой актуализации ТМ названной разновидности являются вопросы *Did you know... (?)*. В коммерческой рекламе они используются для активации ментальных процессов реципиента через трансляцию существующих практических знаний, которые моделируют «*презумпцию известности*» адресату, что предполагает принятие представляемых фактов за истину. Знания, интегрируемые в рекламные произведения, можно систематизировать следующим образом (в скобках указан рекламируемый товар):

Эмпирические знания, имеющие прямое отношение к рекламируемому товару:

1) Знания об используемом для товара *сырье*. Ср.: *Did You Know? The Rustlers hot dog uses only pork that is traceable back to the farm of origin* [Знаете ли вы, что для изготовления хот-догов компания «Rustlers» использует свинину, качество которой гарантируется фермерскими хозяйствами-производителями] (сосиска в тесте).

2) Знания о *происхождении* товара. Ср.: *Chicken Jambalaya Soup. Smokey, sweet and full of flavour this soup is loaded with long grain rice, tender chicken breast and peppers slowly cooked with juicy tomatoes and chicken stock. Did you know... Jambalaya was made as an attempt by the Spanish to cook paella in the New World* [Куриный суп Jambalaya. Такой приятный и насыщенный суп с ароматом дымка создаётся входящими в его состав длиннозерным рисом, нежной куриной грудкой и разными видами перца, которые готовятся в курином бульоне вместе с сочными томатами. Знаете ли вы, что... Jambalaya был создан испанцами как альтернатива паэлье в Новом Свете] (суп).

3) Знания о *происхождении названия* товара. Ср.: *Corn Chowder. Did you know? Chowder has its roots in the Latin word «calderia», which originally meant «a place for warming things», and later came to mean «cooking pot»... [Суп Corn Chowder. Знаете ли вы? Вторая часть названия уходит корнями к латинскому слову «calderia», которое первоначально означало «место для подогрева», а позже приобрело значение «кухонный котёл»...]* (суп).

4) Знания о *традициях производства* товара. Ср.: *John West Tuna Chunks. We know where each of our fish is caught and individually select them to give you the best* [Тунец John West. Мы знаем, где выловлена каждая рыба, имеющаяся в нашем ассортименте. Отбор производится индивидуально, чтобы предоставить вам наилучший продукт] (консервированный тунец).

Эмпирические и научные знания, не имеющие прямого отношения к рекламируемому товару.

Сюда относятся общекультурные знания, установленные практикой жизнедеятельности британцев и их модификации, используемые для усиления привлекательности продукта:

1) Знания об *образе жизни*, в основе которого правильное питание. Ср.: *We know that mornings can be busy and not every day can start with a bowl of breakfast cereal. We've developed a range of delicious golden baked, crunchy breakfast biscuits to eat on the go as part of a balanced breakfast that will help fuel your busy days* [Мы знаем, что утро часто проходит в спешке, и не всегда день начинается с порции каши. Поэтому мы разработали отличное на вкус, золотистое, хрустящее печенье для сбалансированного завтрака, которым можно насытиться «на бегу», когда времени нет] (сухие завтраки).

2) Знания о *повседневной поведенческой практике людей*, в которой «запроектировано» приобретение продукта указанной марки. Ср.: *We know you like to look after yourselves and think carefully about the kinds of things you eat... that's why you've chosen Eat Natural after all* [Мы знаем, что вы заботитесь о себе и

тщательно продумываете, чем питаться... поэтому, в конечном итоге, вы выбрали продукты марки *Eat Natural*]. Выбор товара *Eat Natural* представлен как предсуществующий в системе питания покупателей, заботящихся о качественной еде, хотя о самом продукте ничего не сказано.

3) Знание **общекультурных традиций**, в кругу которых всемирную известность имеет британское чаепитие. Ср.: *We know that teatime isn't always easy, kids are hungry and time is short. But here at Birds Eye we want to help make those teatimes less stressful by making great tasting food that your family will love* [Мы знаем, что вечернее чаепитие не всегда легко удаётся, потому что дети хотят есть, а времени мало. Здесь в компании *Birds Eye* мы хотим, чтобы ваше чаепитие было менее напряжённым, поэтому мы производим отличную еду, которую полюбят вся ваша семья] (куриные палочки).

Конструируя ТМ знаний, рекламист сосредоточивает внимание на аргументах, приводимых в качестве доводов и усиливающих персуазивность рекламного дискурса. Данная модель чаще всего встречается в рекламе однотипных товаров, между которыми фактически отсутствуют выраженные отличия. Это «прозаические» продукты питания, к которым относятся продукты быстрого приготовления или полуфабрикаты.

Иной прагматический эффект создают **ТМ знаний, иницируемые антропоморфными персонажами**. Они выполняют людическую, или игровую функцию. Основная цель рекламиста – развлечь аудиторию, возбудить повышенный интерес к товару. Ср. рекламу молочного сырка:

Hello, I'm 100 % whole milk fromage frais, real squished fruit puree blend + a squeeze of agave nectar, with nothing else added. Did you know, agave nectar comes from a cactus plant for a naturally sweet taste? I'm just super smooth simple ingredients, packed with natural calcium from whole milk. I don't contain the tiniest smidge of any refined sugars, fruit concentrates, flavourings or colours. Let's be friends. Join in at ... [Привет, я стопроцентный сырок из цельного молока и свежей клубники, в котором фруктовое пюре смешано с нектаром агавы, и больше нет никаких добавок. Знаете ли вы, что для естественной сладости вкуса нектар агавы получают из кактуса? Во мне только супер мягкие простые ингредиенты и большое количество натурального кальция из цельного молока. Во мне нет ни капельки рафинированного сахара, фруктового концентрата, вкусовых добавок и красителей. Давайте дружить. Присоединяйтесь ко мне на сайте...].

Выраженный игровой элемент создаёт присутствие говорящего продукта, ословливающего свои характеристики. ТМ знаний, вводимый конструкцией **Did you know**, расширяет представления о продукте с точки зрения его состава (*agave nectar comes from...*), полезных свойств (*packed with natural calcium*), отсутствия «нежелательных» добавок (*refined sugars, flavourings or colours*). Прагматический эффект втягивания потенциального покупателя в «орбиту игры» видится в уравнивании реального и вымышленного в пределах конструируемого фрагмента рекламной реальности.

Проникновение в когнитивную сферу клиента в контексте развитой консьюмеристской культуры Великобритании регулярно реализуется в рамках текстовых миров знаний как репрезентационных структур дискурса, вводимых глаголами с семантикой знания, которые выводят на первый план представление товара сквозь призму рациональных и эмоциональных оценок. Миромоделирующий потенциал знаний, используемых в рамках конструирования дискурса, заключается в том, чтобы сформировать организующее начало посткоммуникативной деятельности целевой аудитории. На основе селективной конфигурации знаний рекламист задаёт систему координат, которая ориентирует клиента в маркетинговом пространстве и вырабатывает убеждённости в надёжности производителя и качестве рекламируемого продукта. Конструирование агентом ТМ знаний с субъектом персонажем выполняет людическую функцию, поскольку влечение к игровой деятельности является одним из фундаментальных стремлений людей. Это обстоятельство активно эксплуатируется британскими специалистами для того, чтобы завуалировать коммерчески-ориентированные интенции, развлечь клиента и создать позитивную эмоциональность в связи с рекламируемым товаром.

Библиографический список

1. Гак, В. Г. О логическом исчислении семантических типов пропозициональных глаголов / В. Г. Гак // Пропозициональные предикаты в логическом и лингвистическом аспекте : тез. докл. рабочего совещ. – М. : Наука, 1987. – С. 38–40.
2. Крылов, С. А. О содержании термина «Предикаты пропозициональной установки» / С. А. Крылов // Пропозициональные предикаты в логическом и лингвистическом аспекте : тез. рабочего совещ. – М. : Наука, 1987.
3. Кубрякова, Е. С. В поисках сущности языка: когнитивные исследования / Е. С. Кубрякова. – М. : Знак, 2012. – 208 с.
4. Кубрякова, Е. С. Язык и знание. На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / Е. С. Кубрякова. – М. : Языки славян. культуры, 2004. – 560 с.
5. Кушнерук, С. Л. От теории текстовых миров к теории когнитивно-дискурсивного миромоделирования: кристаллизация исследовательского направления / С. Л. Кушнерук // Когнитивные исследования языка. – Вып. 30. Когнитивная лингвистика в антропоцентрической парадигме исследований. – 2017. – С. 269–272.
6. Фролова, О. Е. Возможные миры в повествовательном художественном тексте / О. Е. Фролова // Русский язык за рубежом. – 2000. – № 3/4. – С. 107–114.
7. Шмелёв, А. Д. Русский язык и внеязыковая действительность / А. Д. Шмелёв. – М. : Языки славян. культуры, 2002. – 496 с.
8. Fauconnier, G. Mental Spaces: Aspects of Meaning Construction in Natural Language / G. Fauconnier. – Cambridge : Cambridge Univ. Press, 1994. – 240 p.
9. Gavins, J. The Text World Theory: An Introduction / J. Gavins. – Edinburgh : Edinburgh Univ. Press, 2007. – 193 p.
10. Stockwell, P. Cognitive Poetics: An Introduction / P. Stockwell. – London : Routledge, 2002. – 193 p.
11. Werth, P. Text Worlds: Representing Conceptual Space in Discourse / P. Werth. – London : Longman, 1999. – 390 p.

К ВОПРОСУ О МЕТОДОЛОГИИ СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА РЕКЛАМНОГО ТЕКСТА

О. В. Милаева, А. Е. Сиушкин, С. Д. Морозов

Пенза, Россия

ON THE METHODOLOGY OF THE STRUCTURAL-SEMANTIC ANALYSIS OF THE ADVERTISING TEXT

O. V. Milaeva, A. E. Siushkin, S. D. Morozov

Penza, Russia

Аннотация. Авторы рассматривают модель структурно-семантического-анализа рекламного текста. Выделяются функции структурно-семантического анализа текстов. Авторы предприняли попытку систематизации элементов анализа текста с точки зрения его структуры и семантики применительно к рекламному тексту. Предлагается алгоритм структурно-семантического анализа рекламного текста. Результаты анализа структурно-семантических параметров рекламного текста могут использоваться в конструировании методик оценки и оптимизации текста, применяться для создания компьютерных программ по редакторской правке и экспертной оценке рекламного текста.

Ключевые слова: рекламный текст, реклама, стилистика рекламы, копирайтинг.

Abstract. In the article the authors consider the model of the structural-semantic analysis of the advertising text. The functions of structural-semantic analysis of texts are singled out. The authors attempted to systematize the elements of text analysis from the point of view of its structure and semantics as applied to the advertising text. An algorithm for the structural-semantic analysis of the advertising text is proposed. The results of the analysis of the structural and semantic parameters of the advertising text can be used in the design of techniques for evaluating and optimizing the text, applied to the creation of computer programs for editorial revision and expert evaluation of the advertising text.

Key words: advertising text, advertising, advertising stylistics, copywriting.

Физическая организация текста как целостного объекта непосредственно соотнесена с его семантическим пространством, и уже в самих структурах его организации заложены общие принципы интерпретации текста. Тот факт, что физический субстрат является не просто «носителем» значений (смыслов, концептов и пр.), а образует собственные структуры, в рамках которых может проводиться анализ текста, и выражает идею материально-идеального единства текста. Помимо изучения формы с позиции анализа организаций субстратно-материального пространства текста, возможен и другой путь – исследование структурных образований семантического пространства текста.

При изучении текста можно опираться на широкий круг лингвистических исследований, в которых представлены различные аспекты анализа текста. Выделим основные направления: изучение структурно-семантических характеристик текста [Гальперин 2002; Лосева 1980; Лотман 1998, Реферовская 2007; Тураева 2009; Новиков 1983 и др.]; анализ проблем восприятия и понимания текста в процессе его функционирования; исследования категориальных качеств текста: дискретность; цельность, связность; модальность, смысловая завершенность [Гальперин 2002; Солганик 2007; Колшанский 1978; Колшанский 2007; Николаева 2000; Валгина 2003 и др.]; систематизация жанровых особенностей текста в стилистическом, семантическом, структурно-композиционном аспектах [Горшков 2006; Лазарева 2003; Лебедева 2000; Лотман 1998; Солганик 2007; Одинцов 1980; Шевченко 2003 и др.]; изучение структурной организации текста [Гречихин 1988; Микк 1975 и др.].

В настоящее время для анализа рекламного текста используется структурно-семантическая модель, которая отражает семантические отношения между объектами, входящими в текст. Означенная модель представляет собой дожанровый, более общий подход к изучению рекламного текста как сочетающего в себе семантические компоненты вербальной и невербальной природы и их коммуникативные возможности. При этом отметим, что формальная организация такого текста – рекламное поле, пробельный материал, шрифты, маркирующие элементы; заголовок, подзаголовок, основной текст, реквизиты, слоган, эхо-фразы, прескрипторы, текстогаммы, вербальные логотипы, фотографии, рисунки – определяет структуру и этапы восприятия, тогда как содержательная/семантическая составляющая связана с воздействием на потребителя, на его поведение и систему ценностей, то есть с эффектом рекламы.

Структурно-семантический анализ представляется одним из инструментов управления рекламным текстом через его структуру и позволяет оценить целое с позиции системного описания различных компонентов сложности. Прикладной целью структурно-семантического анализа является прогнозирование восприятия рекламного текста конечным адресатом, то есть потребителем, выстраивание текста в соответствии с параметрами оптимального восприятия. И в таком аспекте структурно-семантический анализ позволяет выявить взаимосвязь между структурной организацией рекламного текста и закономерностями его функционирования, смоделировать восприятие текста.

Методология структурно-семантического анализа предполагает системное описание формальных признаков рекламного сообщения – рекламных реквизитов и составляющих бренда (имени, слогана, логотипа, товарного знака и торговой марки, фирменного стиля), традиционных составляющих непосредственно рекламного текста (предзаголовков, заголовков, лид, подзаголовков, основной текст, эхо-фраза и т.д.), коммуникативных речевых регистров, так как функционально рекламный текст относится к коммуникативно ориентированным текстам. И в таком аспекте структурно-семантический анализ позволяет выявить оптимальную сложность текста с точки зрения восприятия и имеет практическое значение при построении его структуры.

В рамках структурно-семантического анализа может быть решен ряд задач:

1. Определение системы параметров оценки степени сложности текста;
2. Оценка информационных блоков текста и их компоновка в различных типах деривационных структур;

3. Исследование используемых семантических блоков и цепей в тексте;

4. Оценка степени легкости/сложности и удобства восприятия.

Методика анализа предполагает рассмотрение ряда структурно-семантических параметров текста.

I. Тип рекламного текста по критерию формы рекламной коммуникации и набора структурно-семантических компонентов. Специалисты выделяют следующие базовые типы:

- вербальный коммуникативный тип: главным средством коммуникации является слово, причем форма коммуникации в данном случае письменная;

- вербально-визуальный коммуникативный тип: семантика, выраженная словом, дополняется визуальным компонентом;

- аудио-вербальный коммуникативный вид: усложнение текстовой структуры идет за счет подключения нового коммуникативного канала, а именно говорения и слушания;

- мультимедийный коммуникативный тип (аудио – вербально-визуальный): к имеющимся ранее резервам добавляется подвижность видеоряда, создаются разные зоны внимания, что и позволяет максимально усложнить текстовую структуру данного типа.

II. Целевой компонент и характер воздействия рекламного текста. В ходе структурно-семантического анализа определяются уровни и модели рекламного воздействия: когнитивный (цель – передача информации), аффективный (цель – формирование отношения), суггестивный (цель – внушение), конативный (цель – формирование поведения). И соответствующие модели: когнитивная, аффективная, суггестивная, конативная. В данном случае приведены общеупотребимые модели воздействия, которые используются при построении различных видов текстов. Однако специфика рекламного текста нуждается в построении более предметных моделей, ориентированных исключительно на рекламную коммуникацию (наиболее распространенные: AIDA, DAGMAR, ОДОБРЕНИЕ DIBABA ACCA) [Ромат 2002].

III. Количественные структурные параметры предложений рекламного текста. Многими исследователями размер предложения (длина) оценивается как значимый фактор оптимальности или сложности текста [Магеррамов 2002]. В данном аспекте при анализе учитываются количественные структурные параметры предложений рекламного текста (количество предложений, длина, количество слов) и семантические качественные характеристики – сложность построения, виды построения по лингвистическим характеристикам (простые, сложные, с наличием оборотов или без, вопросительные, восклицательные, повествовательные, безличные, личные и т.д.). Характеристику размера можно применить и к особенностям формата рекламных текстов: тексты малого, среднего формата, большие текстовые структуры. Большинство рекламных текстов малоформатны за счет структурной и семантической компрессии, но встречаются и исключения.

IV. Позиционная структура текста и удобочитаемость. При анализе выявляются инвариантные особенности распределения информационных блоков, лингвистических и экстралингвистических мотиваций в структуре целого рекламного текста с точки зрения восприятия в зависимости от вида рекламы; выделяются приоритетные информационно-стимулирующие блоки и места их оптимальной локализации, оцениваются факторы удобочитаемости текста.

Алгоритм анализа предполагает рассмотрение следующих элементов рекламного текста (в качестве примера выбран текст печатной рекламы):

- 1) сведений об издании: название, род издания, специализация, внешний вид, объем, тираж, аудитория, стоимость;

- 2) локации обращений, макетов объявлений, товарной категории в рамках которой рекламируется товар/услуга, названия производителя, жанровой принадлежности рекламного текста;

3) визуальных компонентов: формат объявления (разворот, страница, половина страницы, четверть), физическая форма объявления; эффективность местоположения для восприятия;

4) расположения текста, иллюстраций (их содержания, подписей), цветов (их психологической эффективности и оправданности);

5) вербальных компонентов: наличия структурных текстовых составляющих (обязательных и факультативных), их шрифты, цвет, размеры, читаемость, наличие маркировок, выделений, акцентов.

С точки зрения удобочитаемости можно выявить следующие факторы [Болховитинова 2000]:

1) различимость отдельного шрифтового знака. На различимость шрифтового знака влияют: фон (тип бумаги, её цвет, характер растровой подложки); форма шрифтового знака (рисунок, начертательные характеристики); размер шрифтового знака (кегель); окружение (чистый фон, шрифтовые знаки, элементы изображения и др.); уровень читательского опыта, в том числе степень знания печатных шрифтов и данной гарнитуры в частности; состояние зрения читателя; психоэмоциональное состояние читателя, особенности его личности; отвлекающие воздействия на органы чувств (звуки, шумы, запахи, речь, тактильные воздействия, изменения освещённости и др.);

2) удобочитаемость отдельного начертания определённой гарнитуры в заданном кегле безотносительно к объёму читаемого текста;

3) удобочитаемость группы знаков (слово, словосочетание). К факторам, влияющим на удобочитаемость можно отнести: рисунок шрифта, начертание, кегль; величину межбуквенного пробела; количество букв в слове или словосочетании; значение слова или словосочетания; степень узнаваемости слов конкретным читателем;

4) удобочитаемость текстовой строки. Факторы влияния: длина строки; величина пробелов между словами; величина междустрочного пробела; величина межколонного пробела;

5) удобочитаемость абзаца. На неё влияют: длина абзаца; количество строк; количество переносов; наличие и размер абзацного отступа; величина интерлиньяжа;

6) удобочитаемость текстовой колонки. Определяется воздействием следующих факторов: количество строк в колонке; формат набора; величина интерлиньяжа, рисунок шрифта.

V. Деривационная структура текста, в которой находит отражение специфика комбинаций обязательных информационных блоков рекламного текста. Основной задачей при анализе данного параметра является выявление оптимального размещения информационно насыщенных блоков в зонах концентрации внимания, желательного в «выделенных объектах» [Пушкина 2004]. При этом проводится анализ сочетаемости вербальной и графической структур рекламного текста, их читаемости как целого с точки зрения знаковой организации, иконографии.

Исходя из расположения основных вербальных и визуальных элементов рекламного сообщения можно выделить их следующие наиболее частотные структуры: доминирующая роль текста; доминирующая роль изображения; текст как комментарий к изображению; изображение как иллюстрация к тексту; независимые номинативные взаимоотношения (изображение и текст самостоятельно несут информацию с одной целью - назвать предмет рекламы); независимые предикативные взаимоотношения (и изображение, и текст участвуют в создании контекста, динамической ситуации, в которой предъявляется предмет рекламы); текст как графически оформленная речь персонажа.

По характеру сочетаний информационных блоков можно выявить три типа текстов [Пушкина 2004]: рекламные тексты с простой, сложной и сверхсложной деривационной структурой.

Под простой деривационной структурой понимается такой характер распределения смысловых блоков, при котором каждый блок последовательно присоединяется к предыдущему, но не на смысловом уровне, а на уровне механического соединения (три компонента: текстовый, визуальный, графический). Это характерно для наружной рекламы, аудиорекламы.

В рекламных текстах, имеющих сложную деривационную структуру, наблюдается дробление основных компонентов, добавление факультативных, закрепляется целостность на уровне сцепления по смыслу двух ближайших информационных блоков, без соединения всех частей. Происходит разветвление информационных блоков. Это характерно для аудиовизуальной и текстовой рекламы. Вербальный компонент (особенно слоган) в данном случае контролирует интерпретацию картинки получателем.

В рекламных текстах со сверхсложной деривационной структурой какой-либо (или несколько) компонентов включает в себя несколько элементов (происходит увеличение факультативных элементов, приоритет отдается текстовым, а не графическим, связываются по смыслу не только соседние информационные блоки, а создается ряд вертикальных и горизонтальных смысловых связей между компонентами). Последняя структура характерна исключительно для разновидностей текстовой рекламы различных видов.

В целом анализ деривационной структуры подразумевает расчленение текста на три типа элементов (текстовые, образительные, графико-технические, жанровые), определение их семантической сочетаемости, детерминированности образующегося сочетания. При построении модели деривационной структуры рекламного текста выявляется закономерность: с усложнением этой структуры текста увеличивается вариативность моделей его структурной организации, но минусом является увеличение также вариативных моделей восприятия, что не всегда облегчает рекламный контакт.

VI. Распределение семантических блоков и цепочек в структуре текста. Структура рекламного обращения состоит из базовых структурных (заголовок, основной рекламный текст, слоган, эхо-фраза, реквизи-

ты, логотип, иллюстрация и т.д.) и семантических комбинаций, которые трансформируются в зависимости от использования коммуникативной техники, от целей и задач конкретной рекламы, от специфики продукта, но их константный минимальный набор всегда сохраняется. Различные текстовые элементы, помимо своих собственных функций, выполняют функции других элементов, в результате чего в структуре рекламного объявления возникает комплексное образование. Семантические блоки образуют при соединении семантические цепи в рамках реализации прагматики рекламы, то есть при адресации конкретной аудитории, так как для разных видов аудиторий приоритетными будут являться разные блоки. Посредством анализа рекламных текстов семантические блоки можно разделить на основные и вспомогательные. Основные структурно-семантические компоненты - заголовок, слоган, основной рекламный текст (ОРТ), изображение, реквизиты. Вспомогательные структурно-семантические компоненты рекламного объявления - пре-скрипторы, текстогаммы, логотипы - вносят разнообразие в структурную организацию рекламного обращения.

В организации рекламного текста встречаются следующие структуры:

1. двухчастные структуры (изображение+слоган);
2. трехчастные (изображение+слоган+ОРТ);
3. четырехчастные (изображение+слоган+ОРТ+реквизиты);
4. пятичастные (изображение+слоган+заголовок+ОРТ+реквизиты).

Наиболее часто в рекламе встречается следующий блок: изображение+заголовок+слоган+ ОРТ+реквизиты. Блоки могут варьироваться по последовательности построения, по размерам структурных частей, по наличию вспомогательных компонентов, по повторяемости одного и того же элемента (двойные заголовки, слоган/эхо-фраза, несколько иллюстраций и т.д.). Структуру рекламного объявления во многом определяет сам предмет рекламы: для товаров со сложными техническими характеристиками создаются более полные в структурном и семантическом плане тексты. Самым частотным в рекламе является ОРТ, который присутствует практически во всех ее видах.

Семантические блоки встречаются в различных комбинациях. Их число, сочетаемость и употребительность определяются объектом рекламы, компонентом рекламного текста, который они образуют, и внешними условиями (рекламная стратегия фирмы и т.п.). Наиболее часто встречаются следующие блоки:

- 1) наименование рекламируемого объекта;
- 2) ключевая фраза;
- 3) характеристики объекта рекламы;
- 4) достоинства и преимущества предмета рекламы;
- 5) оценочные характеристики предмета рекламы;
- 6) демонстрационные возможности предмета рекламы;
- 7) стимул к покупке;
- 8) эволюция предмета рекламы.

Составление в определенной последовательности семантических блоков создает семантическую цепь. Одинаковые цепи встречаются довольно редко, закономерности их организации выявляются при анализе значительного количества рекламных текстов по определенной теме.

VII. Коммуникативные регистры. Леонтьев А. А. относит использование языка в рекламе к особой функции речи – функции «марки», т. е. номинативной, связанной с «употреблением речи в целях наименования каких-то объектов: географических пунктов, предприятий, магазинов, промышленных изделий и т.д.» [Леонтьев 1997]. Идея коммуникативных регистров речи, т.е. структурно-композиционных форм речи, разрабатывалась и в «Коммуникативной грамматике русского языка», авторы которой определяют коммуникативные регистры речи как «однородные структурно-композиционные формы речи, объединённые внутри и противопоставленные друг другу по способу восприятия или познания мира (и соответственно по типу ментального процесса), по категориальному характеру воспринимаемых явлений и по коммуникативным интенциям говорящего» [Золотова 2004]. Выделяются пять коммуникативных регистров:

- репродуктивный регистр речи (сообщение о наблюдаемом);
- информативный регистр речи (информирование об известном инициатору коммуникации);
- генеритивный регистр речи (обобщение информации, соотнесение её с универсальным знанием);
- волюнтивный регистр речи (побуждение к действию);
- реактивный регистр речи (оценочная реакция речевой ситуации) [Золотова 2004].

При проведении анализа организации текста происходит соотнесение типа рекламного текста по функционально-целевому назначению с выбранным для реализации рекламного обращения коммуникативным речевым регистром.

VIII. Когнитивная модель текста. Тексты рекламных сообщений реализуют в сознании реципиентов вполне определённые модели, которые иногда характеризуются как обучающие. Имеются в виду модели, называемые моделями «иерархии обучения», которые принимают во внимание три стадии: стадию информации, или когнитивную; стадию отношения, или аффективную; стадию поведения, или конативную, которые потенциальный покупатель проходит перед тем, как сделать покупку [Долбаев 1971; Дридзе 1979; Дридзе 2000]. Рекламные тексты имитируют познавательную деятельность реципиента в рамках предлагаемого рекламным текстом хронотопа: «здесь и сейчас». Обобщённо эту модель можно представить как движение информации от уровня сенсорного опыта, воспринимаемого непосредственно, через его осмыс-

ление к уровню закрепления этого опыта-знания в памяти. Схематично это можно выразить по-другому: высказывания рекламного сообщения строятся по следующей модели-проекции коммуникативных типов высказываний: «репродуктивный – информативный – генеритивный». При анализе когнитивной модели целесообразно учитывать основные характеристики целевой аудитории и соответствие им транслируемой модели, фактор говорящего и собеседника, фактор объема фоновых знаний коммуникантов, фактор взаимодействия социальных и коммуникативных характеристик коммуникантов при функционировании и восприятии рекламного текста.

Упрощенно можно считать, что содержание рекламного сообщения есть соотнесенное с определенной «маркой» сочетание ассоциаций. Владея информацией о системах ценностей целевых групп, можно установить, насколько адекватно этой системе содержание конкретного рекламного текста. При этом следует разложить это содержание на элементы смысла – семантические множители, некоторые из которых обязаны совпасть с иерархией ценностей целевой группы.

IX. Семантическая классификация текстов. Согласно концепции Ч. Морриса, исходя из различных видов ожидаемой реакции на знак, можно выделить следующие компоненты значения знака (доминирующие в конкретной коммуникативной ситуации составляющие значения) [Моррис 1982]: десигнативный, аппрайзивный, прескриптивный.

В семантической классификации текстов используется тот же принцип различения оттенков значения знаков, что и в концепции Ч. Морриса. Значение знака является денотативным, когда он называет определенный предмет, факт или их взаимосвязь независимо от их истинности или ложности. Значение знака считается десигнативным, когда знаку соответствует понятие или связь между понятиями, то есть некая мыслительная категория, генетически не соотносимая ни с одним из конкретных предметов. С одной стороны, текст оперирует денотативными и/или десигнативными знаками, с другой стороны, сам оказывается знаком определенного вида, задающим программу деятельности реципиенту. Тексты, оперирующие денотаторами или десигнаторами, должны быть соответственно названы денотативными, десигнативными или денотативно-десигнативными. Наличие в тексте предписывающих или оценочных знаков указывает на то, что текст является денотативно-оценочным (предписывающим), десигнативно-оценочным или смешанным.

В ходе структурно-семантического анализа все устанавливаемые для текста параметры носят абсолютный характер (обязательные информационные блоки), тогда как в рамках самостоятельного семантического анализа производится оперирование категориями относительными (вариативные семантические цепи). В ходе анализа происходит сопоставление статической структуры блоков и общей динамики смысловой структуры текста. При этом необходимо учитывать наличие семантических границ, так как аналитическая интерпретация не может задействовать бесконечное количество смыслов и значений знаков, определяется круг значений, обусловленных предметом рекламы, раскрывающих смысловое содержание темы рекламного текста.

В целом при структурно-семантическом анализе рекламных текстов должна прослеживаться диалогичность всех составляющих компонентов, функционирующих как единое целое и подчинённых общей цели.

Результатом структурно-семантического анализа является построение оптимальной структуры рекламного текста с учетом организационных, лингвистических, прагматических аспектов. Каждый тип структуры демонстрирует способы встраивания частей текста в структуру целого. Разнообразие сочетаемости информационных блоков в деривационных структурах позволяет определить предел их вариативности для простой, сложной и сверхсложной структур рекламных текстов. Результаты анализа структурно-семантических параметров рекламного текста могут использоваться в конструировании методик оценки и оптимизации текста, применяться для создания компьютерных программ по редакторской правке и экспертной оценке рекламного текста.

Библиографический список

1. Валгина, Н. С. Теория текста : учеб. пособие / Н. С. Валгина. – М. : Логос, 2003. – 280 с.
2. Гальперин, И. Р. Текст как объект лингвистического исследования / И. Р. Гальперин. – М., 2002. – 447 с.
3. Горшков, А. И. Русская стилистика и стилистический анализ произведений словесности / А. И. Горшков. – М. : АСТ : Астрель, 2006. – 368 с.
4. Гречихин, А. А. Информационные издания. Типология и основные особенности подготовки. 2-е изд. / А. А. Гречихин, И. Г. Здоров. – М., 1988. – 271 с.
5. Добраев, Л. П. Логико-психологический анализ текста / Л. П. Добраев. – Саратов, 1971. – 171 с.
6. Дридзе, Т. М. Организация и методы лингвопсихосоциологического исследования массовой коммуникации / Т. М. Дридзе. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1979. – 284 с.
7. Дридзе, Т. М. От герменевтики к семиосоциопсихологии: от «творческого» толкования текста к пониманию коммуникативной интенции автора / Т. М. Дридзе // Социальная коммуникация и социальное управление в эоантрополоцентрической и семиосоциопсихологической парадигмах. – М. : Изд-во Ин-а социологии РАН, 2000. – Кн. 2. – С. 115–137.
8. Золотова, Г. А. Коммуникативная грамматика русского языка / Г. А. Золотова, Н. К. Онипенко, М. Ю. Сидорова. – М. : Наука, 2004. – 544 с.
9. Колшанский, Г. В. Коммуникативная функция и структура языка / Г. В. Колшанский. – 3-е изд. — М. : Изд-во ЛКИ, 2007. – 176 с.

10. Колшанский, Г. В. Текст как единица коммуникации / Г. В. Колшанский // Проблемы общего и германского языкознания. – М., 1978. – С. 26–37.
11. Композиция изданий: Особенности проектирования различных типов изданий : учеб. пособие / под ред. С. М. Болховитиновой. – М. : Изд-во МГУП, 2000. – 166 с.
12. Лазарева, Э. А. Рекламный дискурс: стратегии и тактики / Э. А. Лазарева // Лингвистика: Бюллетень Уральского лингвистического общества. – 2003. – Т. 9.
13. Лебедева, Б. Н. Русская естественная письменная речь: проблемы и задачи лабораторного исследования / Б. Н. Лебедева // Актуальные проблемы русистики. – Томск, 2000. – С. 18–25.
14. Леонтьев, А. А. Психолингвистика / А. А. Леонтьев. – М. : Смысл, 1997. – 287 с.
15. Лосева, Л. М. Как строится текст / Л. М. Лосева. – М., 1980. – 96 с.
16. Лотман, Ю. М. Об искусстве / Ю. М. Лотман. – СПб. : Искусство, 1998. – 704 с.
17. Магеррамов, И. А. О парадоксе в рекламе / И. А. Магеррамов // Русская речь. – 2002. – № 2. – С. 59–63.
18. Микк, Я. А. Методика измерения трудностей текста / Я. А. Микк // Вопросы психологии. – 1975. – № 3. – С. 147–155.
19. Моррис, Ч. Основания теории знаков / Ч. Моррис // Семиотика : сб. переводов / под ред. Ю. С. Степанова. – М. : Радуга, 1982. – 640 с.
20. Николаева, Т. М. От звука к тексту / Т. М. Николаева. – М. : Языки русской культуры, 2000. – 680 с.
21. Новиков, А. И. Семантика текста и ее формализация / А. И. Новиков. – М., 1983. – 216 с.
22. Одинцов, В. В. Стилистика текста / В. В. Одинцов. – М., 1980. – 263 с.
23. Пушкина, Е. С. Теоретико-экспериментальное исследование структурно-семантических параметров текста : дис. ... канд. филол. наук / Пушкина Е. С. – Кемерово, 2004.
24. Реферовская, Е. А. Коммуникативная структура текста в лексико-грамматическом аспекте / Е. А. Реферовская ; отв. ред. А. В. Бондарко. – Л. : Наука : Ленинградское отделение, 1989. – 168 с.
25. Ромат, Е. В. Реклама / Е. В. Ромат. – СПб., 2003. – 560 с.
26. Солганик, Г. Я. Синтаксическая стилистика / Г. Я. Солганик. – 4-е изд. – М. : URSS, 2007. – 232 с.
27. Тураева, З. Я. Текст: Структура и семантика : учеб. пособие для вузов / З. Я. Тураева. – 2-е изд., доп. – М. : ЛИБРОКОМ, 2009. – 138 с.
28. Шевченко, Н. В. Основы лингвистики текста : учеб. пособие / Н. В. Шевченко. – М. : Приор-издат, 2003. – 156 с.

«ГАРАНТИЯ ПОЛОЖИТЕЛЬНОГО ДЕЙСТВИЯ» ИЛИ «УКАЗАНИЕ НА ЛЕЧЕБНЫЕ СВОЙСТВА»: СПОРЫ ВОКРУГ РЕКЛАМЫ ЛЕКАРСТВЕННЫХ СРЕДСТВ

Т. М. Надеина, Е. А. Чубина

Москва, Россия

"POSITIVE ACTION GUARANTEE" OR "INDICATION OF THE THERAPEUTIC PROPERTIES": CONTROVERSIES ABOUT MEDICINE ADVERTISING

T. M. Nadeina, E. A. Chubina

Moscow, Russia

Аннотация. Работа посвящена актуальным для правоприменительной практики проблемам, связанным, во-первых, с оценкой достоверности и доказательности использования слов «быстро» и «долго» в рекламе лекарственных средств, во-вторых, с необходимостью разграничения содержания понятий «гарантия положительного действия» и «указание на лечебные свойства», которые на практике зачастую смешиваются. Комплексный подход к исследованию текста дал возможность проанализировать формальные и содержательные компоненты спорных текстов и прийти к выводу о некоторой противоречивости выводов, сделанных членами Экспертного совета ФАС. В качестве возможного пути объективизации процесса исследования спорной рекламы авторы предлагают подход к анализу содержания рекламных роликов, позволяющий разграничить обсуждаемые понятия.

Ключевые слова: ненадлежащая реклама, достоверность, доказательность, гарантия, лечебные свойства, лекарственные средства.

Abstract. The article deals with issues that are acute for law enforcement, and related, first, to assessing the reliability and evidence of using the words "fast" and "long" in medicine adverts, and secondly, to the need to distinguish the content of the terms "guarantee of positive effects" and "indication on medicinal properties", which in practice are often mixed. The complex approach to advertising text analysis enabled us to reveal their formal and substantive features and make a conclusion about inconsistency of expert appraisals given by the Expert council FAS members. As a possible way to improve objectivity of disputed advertisement appraisal the approach used in our study is suggested.

Key words: legally improper advertising, reliability, evidentiary, guarantee, therapeutic properties, medicinal products.

Количество споров и конфликтов в сфере правового регулирования производства и распространения рекламы лекарственных средств в 2017 году резко возросло. Реагируя на беспрецедентную ситуацию, представители фармацевтической отрасли красноречиво назвали свою сессию на Национальном рекламном форуме (ноябрь 2017) «Фарма: те, которых нельзя называть: реклама фармацевтических препаратов, запреты и возможности сегодня».

Ситуация, на наш взгляд, связана с тем, что в тексте ФЗ от 13.03.2006 № 38-ФЗ (ред. от 31.12.2017) «О рекламе» (далее ФЗ «О Рекламе») содержатся нечеткие формулировки, которые допускают смешение понятий: разрешается «указание на лечебные свойства, то есть положительное влияние на течение болезни, объекта рекламирования» (п. 6 ч. 5 ст. 5 ФЗ «О рекламе»), но запрещается «гарантировать положительное действие объекта рекламирования, его безопасность, эффективность и отсутствие побочных действий» (п. 8 ч. 1 ст. 24 ФЗ «О рекламе»). Иначе говоря, рекламодатель вправе указать на положительное влияние препарата, но не вправе гарантировать положительного действия.

Анализ правоприменительной практики, однако, показал, что в ряде случаев указание на лечебные свойства (положительное влияние на течение болезни) понимается как гарантия результата. Так, при рассмотрении рекламного ролика, вербальный компонент которого был представлен текстом «*Гастрит – это воспаление слизистой оболочки желудка, основная причина гастрита – бактерии Хеликобактерпилори. Она повреждает слизистую оболочку желудка и способствует развитию воспаления. Гастрит может проявляться болью в животе, тяжестью, тошнотой, изжогой. Компания «Астеллас» предоставляет варианты решения»: Де-Нол воздействует на причину гастрита, а Фосфалюгель помогает избавиться от гастрита и его симптомов. Фосфалюгель помогает устранить симптомы, Де-Нол способствует устранению причины гастрита*», суд посчитал, что «из содержания рекламного ролика «Фосфалюгель и Де-Нол.

Чтобы гастрит быстрее прошел!» следует, что прием препаратов «Фосфалюгель» и «Де-Нол» приводит к излечению от болезни (гастрит проходит), причем совместное применение этих препаратов **приводит к более быстрому излечению (выздоровлению), то есть гарантируется положительное действие препаратов (объекта рекламирования) и его эффективность** (выделено нами – Т.Н. и Е.Ч.), что является нарушением пункта 8 части 1 статьи 24 Закона о рекламе» [Решение АС города Москвы от 11 сентября 2017 г. по делу № А40–89358/2017].

Аналогичный подход был продемонстрирован судом при рассмотрении спорного рекламного ролика препарата «Экзодерил», вербальный компонент которого был представлен следующим текстом: *«Грибок бросает вызов профессионалам. Важно знать, какое средство нужно для грибка ногтей и грибка кожи... Раствор Экзодерил быстро проникает глубоко в ноготь и уничтожает грибок. Крем Экзодерил работает в трёх направлениях: устраняет грибок, снимает зуд и покраснение».*

В решении суда находим: «Слово «быстро» в русском языке может использоваться в значении предикатива, то есть части речи, используемой в качестве сказуемого и обозначающей процесс, состояние или качество, воспринимаемое как состояние. Синоним предикатива – категория состояния. <...> Слово «быстро» в значении предикатива в сочетании со словом «уничтожает» применительно к действию препарата «Экзодерил» на грибковую инфекцию является субъективной оценочной характеристикой действия препарата как очень быстрого. Соответственно утверждение «Экзодерил быстро проникает глубоко в ноготь и уничтожает грибок» заверяет потребителей в том, что действие лекарственного препарата «Экзодерил» **наступит быстро, и результатом такого действия будет уничтожение грибка, тем самым гарантируя положительное действие препарата и его эффективность** (выделено нами – Т.Н. и Е.Ч.) в избавлении от грибковой инфекции» [Решение АС города Москвы от 18 сентября 2017 г. по делу № А40–87713/2017].

Мы не будем комментировать имеющиеся в тексте ошибки (конечно, слово «быстро» не является здесь предикативом), доступность самых разных информационных ресурсов (часто сомнительных с точки зрения лингвистической науки) порождает у правоприменителя уверенность в том, что ему как носителю языка несложно распознать спорную речевую конструкцию и дать ей объективную научную характеристику, но правоприменитель, к сожалению, иногда ошибается.

Опасным видится нам другое: тенденция считать слово «быстро» само по себе гарантией положительного действия⁹. Это слово используется для указания на определенные терапевтические свойства лекарственного препарата, и его, вероятно, следует рассматривать в отношении промежутка времени между применением препарата и началом положительного терапевтического действия, а именно: чем меньше такой промежуток, тем быстрее действует препарат. Для обозначения этого свойства можно использовать термин быстроедействие, тогда как слово «долго» относится, очевидно, к такому свойству лекарственного препарата, как длительность (продолжительность) его терапевтического эффекта.

В доказательство можно привести фрагменты инструкций лекарственных препаратов, например: *«...быстроедействие является наиболее важной фармакологической характеристикой при купировании приступов стенокардии»* (из инструкции к средству «Нитроспрей»); *«контактный цифровой медицинский термометр повышенного быстрогодействия»*; *«Полинадим – фармакологическое средство первого поколения. Обладает мощным антиаллергическим действием и характеризуется быстрым действием».*

Таким образом, быстроедействие – это терапевтическое свойство препарата, на которое вправе указывать реклама. То, что в рекламных текстах чаще используется слово «быстро» вместо слова «быстроедействие», объясняется, во-первых, языковой компрессией¹⁰, во-вторых, традицией использования слова «быстро» в медицинской литературе (например, в «Федеральном руководстве по использованию лекарственных средств (формулярная система). Вып. XVIII»), а также в инструкциях по применению лекарственных средств (например, *ИРС 19 «Приводит к быстрому развитию местного иммунного ответа»*; *Ренни «Обеспечивает быструю и продолжительную нейтрализацию избыточной соляной кислоты»*, *Ринофлуимуцил «Ацетилцистонн быстро разжижает слизистые и гнойно-слизистые выделения»* и др.).

Важно отметить, что в «Требованиях к инструкции по медицинскому применению лекарственных препаратов» [Приказ Министерства здравоохранения РФ от 21 сентября 2016 г. № 724] ограничений в отношении использования слова «быстро» нет.

Поскольку информация, содержащаяся в инструкциях, основана на клинических исследованиях, на положениях доказательной медицины, то привлеченные в рекламный текст из инструкций указания на такие свойства лекарственного средства, как быстроедействие и длительность действия, выраженные словами «быстро» и «долго», во-первых, нельзя рассматривать как неverified оценочные конструкции, во-вторых, считать их противоречащими требованиям достоверности рекламы. Конечно, может возникнуть вопрос, насколько корректно использование в рекламе слов «быстро» и «долго» без указания точных единиц времени, не вводит ли в заблуждение пациента указание на быстроедействие таких препаратов, которые нацелены на длительное использование. Возможно, фармацевтические компании и изобретут в ближайшем будущем простую и эффективную маркировку степени быстрогодействия препарата, однако исследования показывают, что и без этого потребитель адекватно декодирует информацию с учетом игрового характера рекламы и имеющейся в ней компрессии, в том числе компрессии временных отношений: то, что в реаль-

⁹ См. выделенные нами фрагменты решений.

¹⁰ Компрессия как один из приемов реализации принципа языковой экономии часто наблюдается на всех лингвистических уровнях рекламного текста.

ной жизни занимает продолжительное время, в рекламе сжато до предела. Например, в рекламе препарата «Ибуклин» больная девушка, еще утром страдавшая от простуды, приняв лекарство, вечером приходит на вечеринку в кафе радостной и здоровой. Здесь нет обмана, но есть рекламная идея и образ рекламируемого средства, «запечатанные» в рекламный продукт по всем законам рекламного жанра.

О том, что правоприменитель ставит знак равенства между использованием слов «быстро» и «долго» и гарантией положительного действия и эффективности лекарственного средства, свидетельствуют вопросы, вынесенные в октябре 2017 года на обсуждение Экспертным советом ФАС:

1. Соответствует ли критериям достоверности и доказательности использование слов «быстро», «долго» (и производных от них) для характеристики свойств лекарственных препаратов?

2. Гарантируется ли тем самым положительное действие и эффективность лекарственных средств?

Второй вопрос прямо вытекает из первого и связывает факт использования слов «быстро», «долго» с понятием «гарантия», что не бесспорно. Кроме того, ключевыми показателями, подлежащими оценке во втором вопросе, являются «положительное действие» и «эффективность» лекарственных средств. По своей сути эти понятия различны, поскольку положительное действие может быть достигнуто с разной степенью эффективности.

Фактически эксперт должен был выявить и оценить каждый из перечисленных показателей в режиме реального времени – за 20–30 секунд, которые занимает просмотр рекламного ролика. Вследствие существования определенных ограничений, накладываемых на процесс аудиовизуального восприятия информации, очевидно, что такая задача является непростой. Вероятнее всего, при принятии решения каждый эксперт дает скорее интегральную оценку качеству рекламы, основанную на общем впечатлении от воспринятого, а также на его профессиональных знаниях и опыте, а не с опорой на объективные критерии.

Для проверки этого предположения мы провели исследование степени соответствия экспертных оценок рекламных роликов и характера информации, заключенной в них. В качестве научного подхода к экспертному исследованию таких текстов мы опирались на подход, в основе которого лежат положения теории единства формы и содержания речевого произведения. Компоненты формы и содержания работают на создание целостного смысла рекламного послания, на создание единого рекламного образа, поэтому рассматриваются в комплексе. Мы исходили из представления о том, что контент видеоролика включает вербальные и невербальные компоненты, которые транслируются по двум модальностям – аудиальной (слуховой) и визуальной.

Вербальная составляющая контента подразделяется на аудиальную (речь за кадром и речь персонажей ролика) и визуальную (надписи в кадре ролика).

Невербальная составляющая контента – это все несловесные изображения видеоряда (картинки, анимация, действия актеров, т.е. игровой сюжет).

Речь за кадром представляет собой классический текст рекламного обращения, который строится по определенной схеме и включает, как правило, следующие структурные элементы: зачин (лид), основной текст, слоган. Иная информация (например, справочные сведения о фирме-производителе) в аудиотекст обычно не включается.

Сюжет рекламного ролика также строится по определенной схеме, которая включает: экспозицию, завязку (возникновение проблемы), развитие действия (течение болезни), кульминацию (прием лекарства), развязку (исчезновение проблемы), финал (выводы).

Мы рассмотрели, каким образом и какими средствами в анализируемых роликах подкрепляется информация о быстродействии лекарственных препаратов (таблица 1).

Таблица 1. Информация о быстродействии.

*Здесь и далее закрашены строки тех препаратов, реклама которых признана ненадлежащей.

		Вербальный контент		Невербальный контент	
		аудиальный	визуальный (надписи)	игровой	анимационный
1.	Амиксин	Амиксин действует быстро.			Летающий истребитель.
2.	Быструмгель	(1) Быстрое решение – Быструмгель. (3) Ощутимый результат уже через час. (3) Быструм. Против боли быстро.	(1) «Ощутимый результат через час». (2) Быструм против боли быстро». (3) «В исследовании доказано, что кето-профен действует в очаге воспаления уже в течение 1-го часа после нанесения».		(1) Стрелка движется по направлению к рисунку тела (оно серое), в бок которого ввинчен шуруп, а вокруг красного пятна, символизирующее больное место. (2) Показан циферблат часов, по которому быстро движется стрелка, по мере ее движения первоначально красный циферблат становится белым, тело приобретает нормальный цвет.

3.	Ибуклин	(1) Два компонента Ибуклин усиливают друг друга, действуя быстро и продолжительно. (2) Действует быстро и продолжительно.	«Быстро и продолжительно».		
4.	Имодиум	(1) Он тает во рту за три секунды. (2) Быстро и бережно борется с поносом.	«Начинает действовать в течение часа».		Изображение циферблата с движущейся стрелкой. На циферблате цифра 3. Стрелка делает полный круг.
5.	Имудон	Имудон быстро активирует иммунные клетки горла.			
6.	ИРС-19	Он быстро активирует иммунные клетки носа и помогает сократить длительность лечения в два раза.			
7.	Стрепсилс плюс	Он борется с инфекцией и действует против сильной боли в горле быстро.	«Анастезирующий эффект наступает на 10-й минуте после приема препарата».	Мужчина-исследователь смахивает со стола рисунок головы, стоящий на столе, как бы демонстрируя молодому человеку быстроту действия препарата.	Рисунок, символизирующий циферблат без стрелок, внутри которого надпись «Быстро». Он вращается, останавливается, по окружности красная полоса занимает приблизительно 2/3 циферблата.
8.	Фастум-гель	Фастум-гель быстро доставляет действующее вещество к источнику боли.			

Как видим, идея быстрого действия получает максимальное подкрепление вербальными и невербальными средствами в рекламе препарата *Стрепсилс плюс*. Вербально она выражена в закадровом тексте, а надпись указывает на время наступления анестезирующего эффекта (на 10-ой минуте). Невербальная информация, символизирующая быстроту действия, включена в игровой и анимационный контент.

Три составных части контента для подкрепления идеи быстрого действия использованы в рекламе препарата *Быструмгель*. Эта идея выражена в закадровом тексте, при этом трижды, и также три раза продублирована соответствующими надписями. Невербальная информация заключена в анимационном контексте, где быстрое действие препарата проиллюстрировано дважды.

Три компонента контента задействованы также в рекламном ролике препарата *Имодиум*: дважды в закадровом рекламном тексте, в надписи и в анимации.

Два компонента вербального контента использованы в рекламе препарата *Ибуклин*: дважды в закадровом тексте и один раз в надписи.

В рекламе препарата *Амиксин* идея быстрого действия также транслируется дважды: в закадровом тексте и в анимации, символизирующей высокую скорость (летающий истребитель).

В рекламе остальных препаратов идея быстрого действия выражена только один раз в закадровом тексте.

Таким образом, идея быстрого действия находит выражение в вербальном аудиальном контенте (закадровом тексте) всех проанализированных рекламных роликов. Однако подкрепление этой идеи конкретными цифрами наблюдается далеко не во всех роликах. Конкретные данные о времени начала действия препарата включены в рекламу *Стрепсилс плюс* («на 10-й минуте после приема препарата»), *Имодиум* («Начинает действовать в течение часа»), *Быструмгель* («Действует в очаге воспаления уже в течение 1-го часа после нанесения»). В остальных роликах идея быстрого действия проиллюстрирована в невербальном контенте: анимацией, рисунками, символизирующими скорость действия, или игровым сюжетом (для препарата *Ибуклин*).

Примечательно, что именно реклама препаратов *Стрепсилс плюс* и *Быструмгель*, которая содержит конкретные фактические данные, была признана экспертами ненадлежащей.

Очевидна связь между наличием в рекламе информации о быстром действии препарата и решением экспертов о наличии в тексте гарантии положительного действия: эксперты признали ненадлежащими именно те рекламные ролики, в которых идея быстрого действия нашла наибольшее подкрепление (препараты *Быструмгель* и *Стрепсилс плюс*, а также препарат *Ибуклин*, в рекламе которого использованы оба слова:

«быстро» и «продолжительно»). При этом не было принято во внимание наличие в ролике информации о результатах клинических испытаний, доказывающих положительный терапевтический эффект [Надеина, Чубина 2018].

Резюмируя полученные результаты, можно утверждать, что объективные критерии оценки рекламы лекарственных препаратов в аспекте надлежащего или ненадлежащего содержания отсутствуют. Фактически эксперты не принимают во внимание такие факторы оценки содержания, как «достоверность» и «доказательность» информации. Это дает основание сделать вывод, что они оценивают рекламный ролик скорее интегрально, опираясь на общее впечатление от увиденного или услышанного: чем чаще используется слово «быстро», чем большее подтверждение на вербальном и невербальном уровнях находит идея быстрого действия в рекламе, тем скорее эксперты приходят к выводу о гарантии положительного действия препарата, т.е. об имеющемся нарушении п. 8 ч. 1 ст. 24 ФЗ «О рекламе».

Думается, возникшая между ФАС и фармацевтической индустрией дискуссия по вопросам рекламы лекарственных средств будет фрагментарной и неполной без привлечения специалистов в области лингвистической экспертизы рекламы, тем более что наиболее успешным методом применения норм рекламного законодательства, по словам самих представителей антимонопольных ведомств, следует признать случаи, когда реклама, содержащая признаки нарушения, исследуется специалистами [Постатейный комментарий к Федеральному закону «О рекламе»].

С учетом допускаемой законодателем синонимичности конструкций «положительное влияние» и «положительное действие» основная функция различения смысла лежит на глаголах: *указать* (т.е. «дать увидеть, показать, сообщить, назвать для сведения, для руководства») на положительное влияние, но при этом не гарантировать (т.е. не «ручаться; давать гарантию») положительного действия. Считать двувидовой глагол «гарантировать» связанным с идеей результата, как это нередко происходит на практике, нельзя, поскольку употребление этого глагола в форме несовершенного вида указывает на процесс, но не на результат. По нашему мнению, необходимо разработать совокупность научно обоснованных признаков, позволяющих однозначно разграничить такие понятия, как «указание на лечебные свойства» и «гарантия положительного действия». Одним из способов решения данной проблемы является подход к анализу содержания рекламных роликов, охарактеризованный в предлагаемой статье.

Библиографический список

1. Надеина, Т. М. Разрешение спорных ситуаций в сфере антимонопольного регулирования рекламы лекарственных средств / Т. М. Надеина, Е. А. Чубина // Государство и правовая система Российской Федерации в условиях информационного общества : сб. ст. – Саратов, 2018. – С. 61–77.
2. О рекламе : федер. закон № 38–ФЗ от 13.03.2006 (ред. от 31.12.2017) // СПС «КонсультантПлюс».
3. Об утверждении требований к инструкции по медицинскому применению лекарственных препаратов : Приказ Министерства здравоохранения Российской Федерации (Минздрав России) № 724н от 21.09.2016 (г. Москва) // СПС «КонсультантПлюс».
4. Постатейный комментарий к Федеральному закону «О рекламе» / Д. С. Бадалов, И. И. Василенкова, Н. Н. Карташов, С. Ф. Котов, Т. Е. Никитина. – М. : Статут, 2012. – URL: http://www.fas.gov.ru/netcat_files
5. Решение АС города Москвы от 11 сентября 2017 г. по делу № А40–89358/2017 // СПС «КонсультантПлюс».
6. Решение АС города Москвы от 18 сентября 2017 г. по делу № А40–87713/2017 // СПС «КонсультантПлюс».
7. Федеральное руководство по использованию лекарственных средств (формулярная система) / под ред. А. Г. Чучалина, А. Л. Хохлова. – М. : Видокс, 2017. – Вып. XVIII. – 847 с.

К ВОПРОСУ О РЕЧЕВЫХ СТРАТЕГИЯХ КОНТЕНТ-МАРКЕТИНГА КАК ИНСТРУМЕНТА ИНТЕРНЕТ-КОММУНИКАЦИИ

Н. Е. Ростовская, О. В. Милаева

Пенза, Россия

CONTENT MARKETING SPEECH STRATEGIES AS A TOOL OF INTERNET COMMUNICATION

N. E. Rostovskaia, O. V. Milaeva

Penza, Russia

Аннотация. Рассматриваются речевые стратегии в интернет-коммуникации, применяемые коммерческими компаниями в русскоязычной виртуальной среде. Приводится несколько способов определить оптимальный вариант речевой стратегии и стиль общения при построении коммуникации с целевой аудиторией, а также результаты исследований коммуникативных стратегий на российском рынке.

Ключевые слова: речевая стратегия, стиль общения, контент-маркетинг, бизнес-коммуникация, контент, интернет, маркетинг.

Abstract. The article examines speech strategies in Internet communication used by commercial companies in a Russian-speaking virtual environment. There are several ways to determine the adequate variant of the speech strategy and the style of communication when building communication with a target audience. The results of research on communicative strategies in the Russian market are given.

Key words: speech strategy, tone of voice, content marketing, business communication, content, internet, marketing.

Интернет-коммуникация, обусловленная спецификой виртуального пространства социальных сетей как наиболее массового канала взаимодействия бизнеса и потребителя, приводит коммерческие компании к необходимости поиска средств приспособления к новым условиям ведения бизнеса, в том числе и трансформацию рекламных стратегий. И одним из таких средств для современной сферы коммерческой рекламы, сформированных под влиянием изменения структуры информационного потребления, становится расширение использования контент-маркетинговых стратегий для формирования информационного потока, включая разнообразные речевые стратегии.

Основным отличием контент-маркетинга от других рекламных стратегий являются иные принципы организации и наполнения контента, способствующие увеличению обратной связи. В настоящий момент является очевидным тот факт, что пользователи русскоязычного интернета слабо реагируют на официальные и обезличенные сообщения, которые встречаются в прессе, теле- и радиоэфире, интернете. Рекламные клише, информация коммерческого характера, изображения, демонстрирующие товар или услугу, не получают распространения посредством использования возможностей самой аудитории социальных сетей и не позволяют получить обратную связь.

Отметим, что в настоящий момент понятие «контент-маркетинга» не имеет устоявшегося академического определения, и в данной статье мы будем исходить из определения, данного Майклом Стелзнером [Стелзнер 2012]. Автор определяет контент-маркетинг как совокупность маркетинговых приемов, основанных на создании и/или распространении полезной для потребителя информации с целью завоевания доверия и привлечения потенциальных клиентов. Он подразумевает подготовку и распространение высококачественной, актуальной и ценной информации, которая не является рекламой, но косвенно убеждает аудиторию принять необходимое распространителю решение, выбрать его услугу. Преимущества контент-маркетинга перед другими формами коммуникации состоят в том, что он эффективно привлекает внимание аудитории, помогает завоевать доверие и ненавязчиво продвигает товар или услугу на рынке [Стелзнер 2012]. Нельзя не отметить и точку зрения маркетолога Джеффри Миллера, расширяющего понятие маркетинга до культурного инжиниринга. Он считает, что маркетинг в настоящий момент уже не является реакцией на сформированные потребительские предпочтения, но становится самостоятельным средством культурного инжиниринга, то есть создает и распространяет новые культурные единицы/новообразования — «мемы» в интернет-терминологии [Miller 2009].

Похожим определением такого инструмента, как контент-маркетинг, «контент-стратегия», является определение К. Халворсона. Контент-стратегия, по мнению этого автора, заключается в планировании процессов создания, распространения содержательного и полезного для аудитории контента, и управления

им [Халворсон 2013]. При этом отметим, что контент-маркетинговая стратегия описывает и распределяет ресурсы для формирования регулярного потока контента, помогающего бренду/организации общаться со своей целевой аудиторией в долгосрочной перспективе.

Поскольку контент-маркетинг напрямую связан с содержательным элементом текста, то в основе успешной контент-маркетинговой стратегии лежит выбор и разработка оптимальной речевой стратегии. При этом термин «речевая стратегия» при анализе обнаруживает разнородность понимания в лингвистике, либо различные аспекты его толкования. Применительно к предмету нашего исследования – речевых стратегиях контент маркетинга – считаем возможным выделить ряд существенных аспектов содержания понятия «речевая стратегия».

Во-первых, такая речевая стратегия представляет собой креализованный вариант текста и сложноставной языковой знак. Во-вторых, это особым образом выстроенная композиция текста, направленная на потенциальное (пусть и условное) диалоговое взаимодействие с потребителем текста, на вызывание эмоционального отклика, двустороннее взаимодействие, применяя определенные приемы. В-третьих, контент-маркетинговая речевая стратегия ориентирована на определенное воздействие; это всегда развернутая во времени установка субъекта на общение, обмен интенциональными состояниями, что должно приводить к возникновению психологической основы для воздействия на потребителя. В-четвертых, речевая стратегия контент-маркетинга может представлять собой языковое моделирование определенных ситуаций участников ситуации общения, содержать когнитивный элемент, даже элемент научения. В-пятых, контент-маркетинговая речевая стратегия это комплекс речевых действий, направленных на достижение коммуникативной цели, который включает в себя планирование процесса речевой коммуникации в зависимости от конкретных условий общения и личностей коммуникантов, а также реализацию этого плана.

Поскольку в контент-маркетинге речевые стратегии в конечном итоге имеют прагматическую цель, как и любая рекламная коммуникация, они в данном случае не имеют самостоятельного характера, но подчинены общей коммуникативной стратегии организации, экономическим интересам и целям. Коммуникативная стратегия, в свою очередь, разрабатывается в рамках коммуникативной политики маркетинга и в ней же определяется дальнейший стиль/общая речевая стратегия общения бренда с аудиторией. Под стилем общения мы понимаем индивидуальную, относительно устойчивую форму коммуникативного поведения, проявляющуюся в любых условиях взаимодействия с окружающими [Бровченко 2013]. Стиль общения прежде всего отвечает за эмоциональную сторону коммуникации и зависит от пространственно-временных факторов: дистанции, времени, места, ситуации общения.

Выбранная речевая стратегия контент-маркетинга, как и любая другая речевая стратегия, определяет семантический, стилистический и прагматический выбор инициатора коммуникации. Отметим, что все речевые рекламные стратегии имеют манипулятивный потенциал, но отличительной особенностью контент-маркетинговых стратегий является ориентация не на совершение каких-либо действий, требуемых рекламодателем, а направленность на формирование долгосрочного взаимодействия с брендом, длительной программы лояльности, расширение сферы взаимодействия от прагматики (покупка/приобретение) до образовательной, развлекательной, новостной и пр. коммуникации.

При этом в основу речевой стратегии контент-маркетинга закладывается не столько придание дополнительной ценности товару за счет эмоционального компонента, сколько повышение его ценности и значимости за счет возможности интеллектуального обогащения, предоставления полезной информации напрямую не связанной с товаром, услугой, кампанией [Невоструев, Каптюхин 2014]. То есть продающий контент в рамках контент-маркетинговой стратегии дополняется полезной и ценной самой по себе информацией, потребитель становится читателем, обращаясь к источнику не только для покупки. [Стелзнер 2012]. При этом речевые стратегии контент-маркетинга ориентированы на создание особого образа и «голоса» организации на фоне общего рекламного «шума».

В рекламном пространстве специалистами выделяется несколько наиболее распространенных способов оптимизации речевой стратегии взаимодействия с целевыми аудиториями. Их условно можно разделить на три группы: оптимизация, исходя из текста; исходя из внутренних ресурсов организации; исходя из анализа адресата (исследований целевой аудитории).

Иллюстрацией первого подхода может служить вариант, предложенный в работе К. Майер [Meuer 2016]. Подход автора основан на проведении общей оценки речевого стиля общения сайта с пользователем. При этом проводится анализ и кластеризация слов и высказываний, придающих контенту определенный оттенок выразительности, тон речевой коммуникации в целом. Исследователь выделила четыре критерия, по которым можно оценить стиль общения сайта с пользователем и корректировать или выстраивать дальнейшую речевую стратегию [Meuer 2016]:

- 1) наличие юмора (стиль смешной/серьезный);
- 2) уровень формализации (стиль официальный/разговорный);
- 3) «почтительность» (стиль вежливый/непочтительный);
- 4) «энтузиазм» (стиль восторженный, полный энтузиазма/сухой).

Значимый плюс данной модели на наш взгляд заключается в ее вариативности. Она не ограничивает выбор контент-менеджера, позволяет варьировать речевую стратегию и стиль коммуникации с пользователем в зависимости от полученных результатов обратной реакции, то есть восприятия его пользователями, добавляя элементы того или иного критерия.

Примером выстраивания речевой стратегии на основе анализа, исходя из внутренних ресурсов организации может служить способ, предложенный Ч. Робертсом [Roberts С. 2017]. Фактически он заключается в том, что сотрудники организации становятся «фокус-группой» при выработке и тестировании речевой стратегии. Концептуально такой способ является построением речевой модели коммуникации при помощи построения ассоциативного ряда «бренд-человек», где выбираются человеческие качества «присущие» бренду и на основе этого разрабатывается речевая стратегия, которую мог бы использовать человек с такими качествами. Инструментом становится анкетирование сотрудников. Примерный перечень вопросов, в представлении автора может выглядеть следующим образом:

- 1) Если бы ваш бренд был человеком, какие черты характера были бы ему присущи?
- 2) Если бы ваш бренд был человеком, каковы были бы его межличностные отношения с потребителем (тренер, друг, учитель, отец, и т.д.)?
- 3) Опишите прилагательными, какие личностные черты характера противоречат основным принципам вашей компании.
- 4) Есть ли компании, которые имеют качества, аналогичные названным выше? В чем и почему они похожи на нас?

Таким образом собирается база для выработки стиля общения с целевой аудиторией [Roberts 2017].

Третий подход при разработке речевой стратегии, связанный с исследованиями целевой аудитории, можно раскрыть на примере направлений работы по выстраиванию речевой стратегии в контент-маркетинге, предложенных Р. Перри [Perry R. 2018]. Предложенный способ подразумевает прохождение ряда этапов и видов работ, выполняемых последовательно, что способствует оптимальному планированию и оптимальной разработке речевой стратегии для различных целевых групп одновременно.

1. Определение сфер интересов/групп интересов потенциальной аудитории.
2. Построение картины того, кто и что может оказывать влияние на целевую аудиторию, включение групп влияния социальных сетей в стратегию контента.
3. Изучение восприятия различными сообществами субъекта выстраиваемой стратегии. Набор этих сообществ, которые предлагает изучить автор, включает: СМИ (мониторинг и анализ освещения), сетевые сообщества (ниши), клиентов (опросы), конкуренты (конкурентный анализ).
4. Создание карт влияния (социальные сети) для изучения того, как развиваются онлайн-дискуссии по выбранным темам. Данный вид работы помогает идентифицировать тех пользователей, которые влияют на направление беседы, людей, которые соединяют разные сообщества, групп пользователей, которые общаются друг с другом по смежным темам. На этих картах можно определить ряд различных категорий «влияющих», которые относятся к нашей аудитории, и используют их для информирования о развитии своего контента.
5. Разработка основных категорий пользователей на основе карт и стратегий речевого общения с ними. Эти категории основаны на поведении и действиях «влияющих» (в отечественном дискурсе – «лидеры мнений»), выявленных при анализе карт. Под каждую категорию готовится отдельная речевая стратегия и контент, каждый такой проект имеет различный диапазон влияний.

Р. Перри предлагает среди групп влияния выделять следующие общие категории [Perry R. 2018]:

- «вещатели» - учетные записи, которые не участвуют в сети, а просто публикующие свой контент для широкой аудитории;
- «учителя» - учетные записи с большим количеством подписчиков, которые также распространяют информацию, которую они находят полезной и важной;
- «активисты» - люди с меньшими базами подписчиков, но при этом глубоко вовлеченные в процесс коммуникации, широко участвуют в обсуждениях, глубоко разбираются в выбранных темах;
- «эксперты» - признанные и уважаемые комментаторы в определенных областях, которые могут предложить свой опыт в рамках обсуждения.

Следует учитывать, что различные типы «влияющих» используют контент по-разному - некоторые сосредотачиваются на предоставлении фактического, содержательного контента; другие могут провоцировать исключительно эмоциональный отклик. Это служит информационной основой для разработки собственной речевой стратегии обращения к аудиториям этих влиятельных лиц. Каждая категория, которая идентифицируется, будет соответствовать различным целям и задачам собственного контента.

Те категории «влияющих», в которых заинтересована организация, должны быть установлены на раннем этапе, как и разработка содержания речевого взаимодействия с ними. Так, например, если содержание касается повышения осведомленности широкой общественности о конкретной краткосрочной цели, оно должно быть написано для учетных записей с большими количеством подписчиков, которые будут способствовать более широкому распространению, например, «вещателям» и «учителям». С другой стороны, если цель состоит в том, чтобы создать устойчивую аудиторию по определенной теме, то более целесообразно привлекать в качестве распространителей информации «активистов» и «экспертов». Иногда онлайн-влиятельные могут быть создателями собственного контента (vlogger), например, академические исследователи или журналисты. И это дает возможность перспективного сотрудничества с этими целевыми группами и теми, кто действительно резонирует с целевой аудиторией.

6. «Просить о влиянии» - использование определенных ранее групп влияния и «влиятелей» с целью организации длительного сотрудничества.

7. Перспективное планирование контента с вариантами различных речевых стратегий и стиля коммуникации для различных категорий и сообществ. В рамках планирования и изучения интересов сообществ могут быть разработаны: тематический набор контента, разбивка контента по целевым сообществам, разработка критериев тем из категории «архивировать или поддерживать» для аудита контента, иерархизация «эмоций для включения» [Perry 2018].

При разработке всех указанных направлений, по мнению автора, формируется и обосновывается исследовательская база для контент-стратегии.

Несмотря на различие в этих подходах по разработке речевых стратегий в контент маркетинге, они обнаруживают один общий базовый элемент. Контент маркетинг ориентирован не на заказчика рекламы, а принимает во внимание особенности аудитории. В концепции контент-маркетинговой стратегии аудитория - это не потребитель, точно принявший решение о покупке (как в случае контекстной рекламы), это не массовая аудитория развлекательного контента, не ориентированная на покупку в принципе (как в случае имиджевых вариантов медийной рекламы, развлекательного SMM, работы медиа, выставок, промо-запусков, вирусов и т.п.). Контент-маркетинг рассчитан на людей, которые уже задумываются о покупке, при этом их значительное количество и склонить их к принятию требуемого решения достаточно легко, то есть не надо «раскачивать рынок».

Контент-маркетинг – это обязательно многоканальная маркетинговая стратегия, включающая три основных для сетевого контента составляющих: собственно контент, дизайн, юзабилити. Контент в этом случае имеет три элемента: основной контент, представленный на странице в интернете (основная страница, страницы услуг, портфолио, блог); контент, используемый для лидогенерации и конверсии (располагается на странице или за ее пределами (технические описания, вебинары и бесплатные электронные издания и пр.); контент за пределами сайта (записи в Twitter, презентации в PowerPoint на SlideShare, статусы в Facebook, видео на YouTube, реклама в мобильном пространстве и т. д.)

Требование к содержательности и полезности информации может удовлетворяться в разных формах подачи: экспертные статьи, white papers (инструкции для новичков); обучающие видеоролики; инфографика или инфоанимация; мини-сайты с полезными инструментами; подкасты; приложения, тематические подборки, гостевой блогинг, анонс контента в социальных сетях, рассылки или серии писем, презентации или серии презентаций и т.д. При этом повышаются требования к качеству контента, основным параметром которого является уникальность текстовой, визуальной и аудиовизуальной составляющей [Невоструев, Каптюхин 2014: 67–71].

Говоря о тенденциях использования контент-маркетинга в российском интернет-пространстве, стоит выделить несколько явных тенденций, которые отличают его от европейских и американских трендов.

В современных российских реалиях коммерческие организации, как правило, придерживаются только экономических подходов к определению маркетинговых целей, но на европейском и американском рынке широкое распространение получила концепция социальной ответственности бренда, когда покупатель, совершая покупку, поддерживает позицию бренда относительно социально-значимых и политических вопросов. Так, многие косметические бренды отказываются от продукции, протестированной на животных, чтобы не потерять аудиторию, которая не поддерживает насилие над животными.

Остро стоит вопрос отношения бренда к дискриминируемым группам населения. Сексистские или расистские высказывания представителей компании в социальных сетях несут за собой значительное снижение прибыли. В России таких случаев меньше, но есть все основания полагать, что скоро эта концепция коснется большинства российских компаний.

Общим трендом является создание массового вирусного контента. Виральность или «вирусность» контента является определяющим показателем успешности контент-маркетинговой маркетинговой стратегии.

Вирусный маркетинг ориентирован на создание наиболее «цепляющих» и воспроизводимых рекламных продуктов – таких, которые люди будут обсуждать и делиться с друзьями, подписчиками. Этот механизм повышает упоминаемость бренда и формирует лояльность аудитории.

Речевые стратегии контент-маркетинга в большинстве случаев используют и имитируют разговорный стиль социальных сетей. Особенно это касается новых сленговых слов («лайк», «забанить», «хайп», «зафрендить», «троллить», «мем», «репост» и др.), намеренной тавтологии («адский ад»), обилия экспрессивной лексики и сленга, инверсивных конструкций, парцелляции и других речевых приёмов. Все они направлены на имитацию разговорной, неформальной речи. При этом сохраняется обращение на «вы» во множественном числе, так как подразумевается массовая коммуникация с большой группой участников.

Еще одна тенденция – использование провокационных стратегий. Для ряда брендов провокационные речевые стратегии – осознанный выбор и способ отстроиться от конкурентов. Совместное исследование 2017 года от PR News, Comunica и MASMI показало, что в русскоязычном сегменте интернет-аудитории провокации эффективны, если учитывать, что это определенный вид транслируемого контента, который требует пересмотра традиционных критериев оценки эффективности. Тональность оценок и мнений перестает быть иллюстративным показателем эффективности – для провокации важна эмоциональность, экспрессивность дискуссий. Как за положительными, так и за негативными характеристиками стоит главное – имя компании, которое остаётся в сознании аудитории [Пиар на провокациях 2017].

Предметом данного исследования являлась коммуникативная стратегия компании «Aviasales». Это сервис поиска авиабилетов, известный провокационными и злободневными заявлениями в социальных сетях. Примером их речевой и коммуникационной стратегии могут стать баннеры, размещенные в соцсетях, обнаруживающие все признаки современного провокационного контента+имитация неформального общения.

Рис. 1. Реклама авиакомпания «Aviasales»

Провокационный контент привлекает внимание СМИ, не требует дополнительных инвестиций от компании. Растёт медийный охват: темы, поднимаемые в соцмедиа, генерируют дополнительные информационные поводы, которые попадают в традиционные каналы коммуникации (ТВ, пресса). При этом задействована и игровая стратегия.

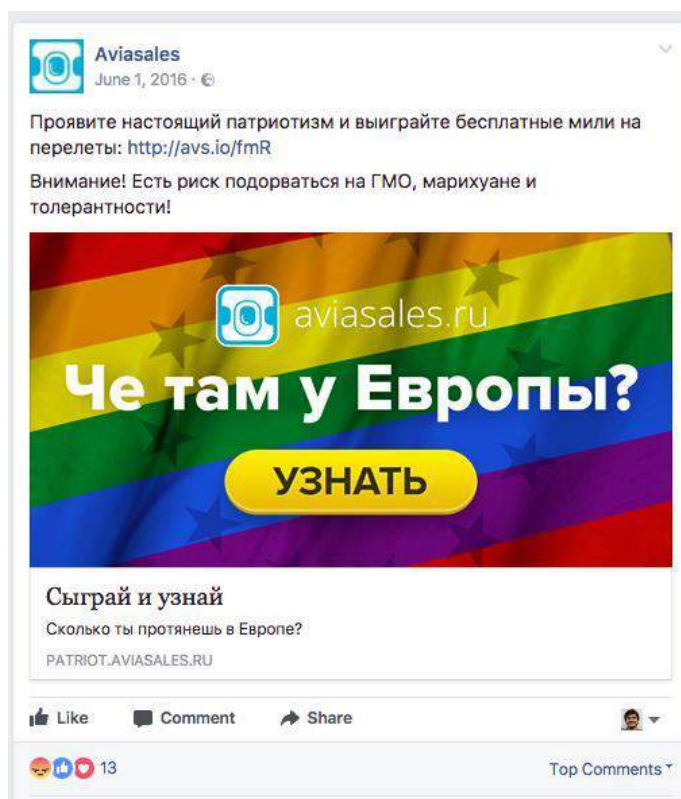

Рис. 2. Реклама авиакомпания «Aviasales»

Главным результатом такой стратегии стало стихийное формирование устойчивого восприятия компании как актуальной, оперативной, смелой. К концу 2016 года аудитория привыкла и ждала новых резонансных постов от компании.

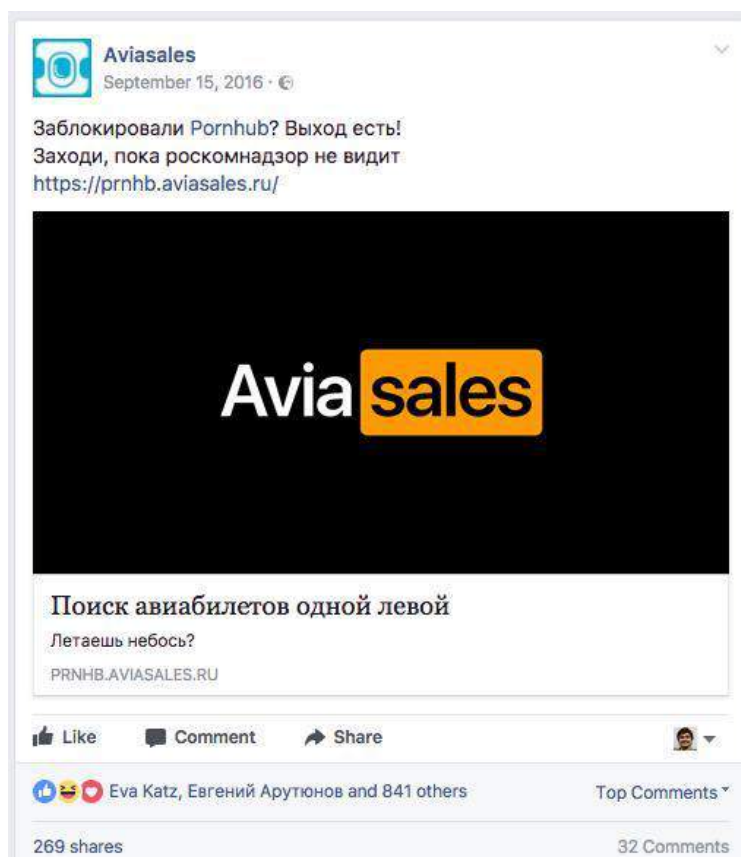

Рис. 2. Реклама авиакомпании «Aviasales»

Комментарии сопровождалась оценками «как всегда», «компания, известная своими приёмами», при этом аналогичные приёмы, используемые другими компаниями, воспринимаются как подражание «Aviasales». Таким образом, стратегия Aviasales была оправдана.

Подобными стратегиями сейчас активно пользуются «Тинькофф-банк», «Бургер Кинг» и авиакомпания «Победа». Но если провокация не является привычной для коммуникации с брендом, то скандал не принесет положительных результатов. Иллюстрацией неудачной провокации является пост «Альфа-банка».

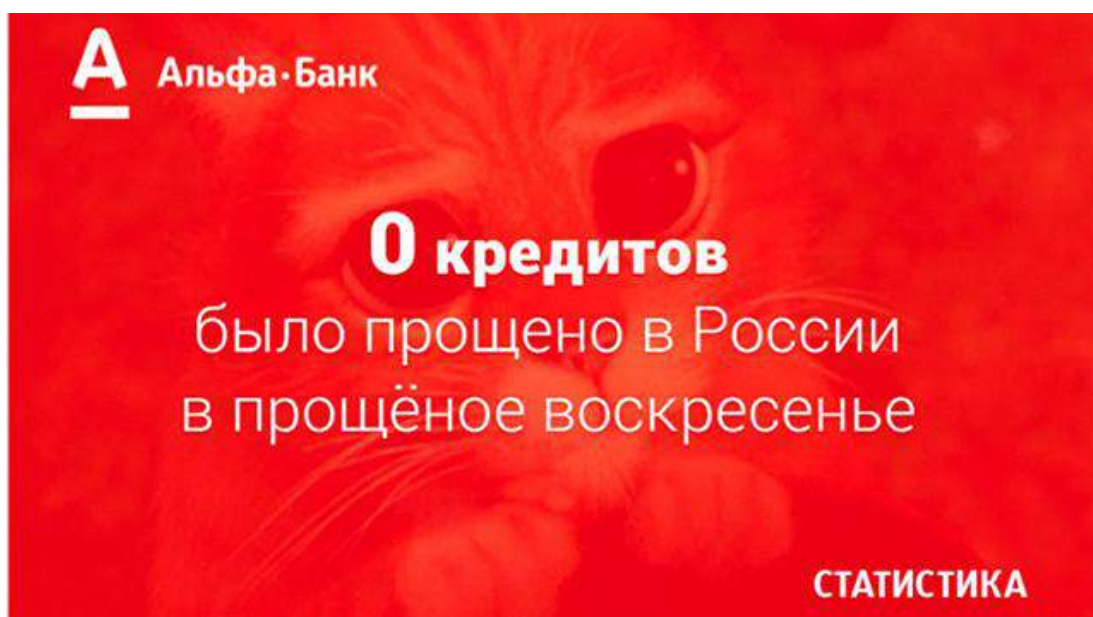

Рис. 4. Реклама банка «Альфа-банка»

Аудитория отреагировала отрицательно и не оценила юмор копирайтера, но если бы это опубликовал «Тинькофф-банк» реакция была бы не такой жесткой, так как это вписывается в общую коммуникативную стратегию скандального банка.

Методики контент-маркетинга, как и вся современная рекламная коммуникация, находятся в постоянной динамике, не всегда успевают устояться. Выходя в пространство массового употребления, методы и содержание контент-маркетинга теряют свою оригинальность, превращаясь в еще один из инструментов рекламы. Но в целом можно выделить ряд методов, признаваемых наиболее эффективными:

1. Интерактивность, построение повествования «от первого лица», что позволяет снизить уровень недоверия к подаваемой информации, использовать фактор доверия к «личному опыту».
2. Серийная подача, эпизодический контент, использование e-mail рассылок.
3. Использование социальных медиа, при этом в контент-маркетинге приоритетными являются менее известные каналы продвижения.
4. «Встраивание в авторитет» – привлечение аудитории через размещение контента в популярных блогах и в других авторитетных социальных медиа.
5. Визуализация: статистика, графики, данные, инфографика, видео.
6. Гостевой блогинг, использование контента, создаваемого пользователями, что позволяет быстро наполнять и наращивать объемы сайта.
7. Адаптация контента к мобильным устройствам, а не только адаптация дизайна и шаблона сайта.

Таким образом, контент-маркетинг можно назвать подвидом содержательного компонента inbound-маркетинга, обладающим спецификой содержания и способов формирования текста, лингвистической подачи, механизма и форм распространения, способом построения отношений с аудиторией, временными параметрами, методиками создания.

Стоит также отметить, что выбор оптимальной речевой стратегии позволяет выстроить более крепкую связь между брендом и его аудиторией, но этот выбор должен быть осознанным и являться частью стратегии контент-маркетинга и стратегии развития компании в целом. Игнорирование необходимости принимать новую концепцию коммуникации «бренд-потребитель» с учетом принципов контент-маркетинга ведёт к потере конкурентоспособности на рынке и нереализованным возможностям для бизнеса в виде новых целевых аудиторий.

Стихийное образование коммуникативных моделей и речевых стратегий приводит к отрицательным результатам и неправильному пониманию сообщения реципиентом. Систематическое выстраивание коммуникации позволяет выделиться на фоне конкурентов и отсеять нецелевую аудиторию. При этом нужно учитывать необходимость единообразия коммуникации во всех точках контакта и во всех форматах взаимодействия.

Библиографический список

1. Бровченко, М. И. Практика аргументации в коммуникативной стратегии / М. И. Бровченко // Вестник учебно-методического объединения по образованию в области природообустройства и водопользования. – 2013 (5). – С. 265–272. – URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=25112265>.
2. Невоструев, П. Ю. Контент-стратегия интернет-маркетинга в контексте глобализации / П. Ю. Невоструев, Р. В. Каптюхин // Теория и практика общественного развития. – 2014. – № 3. – URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/kontent-strategiya-internet-marketinga-v-kontekste-globalizatsii>
3. Невоструев, П. Ю. Подходы к определению оригинальности контента в рамках контент-маркетинга / П. Ю. Невоструев, Р. В. Каптюхин // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. – 2014. – № 3 (28). – С. 67–71.
4. Стелзнер, М. Контент-маркетинг. Новые методы привлечения клиентов в эпоху Интернета / М. Стелзнер. – М. : Манн, Иванов и Фербер. – 2012. – С. 161.
5. Халворсон, К. Контентная стратегия управления сайтом / К. Халворсон, М. Рэч. – СПб. : Питер, 2013. – 224 с.
6. Bleoju, G. Exploring organizational propensity toward inbound–outbound marketing techniques adoption: The case of pure players and click and mortar companies / G. Bleoju // Journal of Business Research. – 2016. – Т. 69, №. 11. – С. 5524–5528.
7. Meyer, K. The Four Dimensions of Tone of Voice / K. Meyer. – 2016. – URL: <https://www.nngroup.com/articles/voice-dimensions/>
8. Miller, G. Spent: Sex, evolution, and consumer behavior / G. Miller. – Penguin, 2009. – P. 384.
9. Perry, R. Creating influential content / R. Perry. – URL: <https://gathercontent.com/blog/creating-influential-content>
10. Roberts, C. The Science of Writing Concise Copy: Master the “Schema” / C. Roberts. – 2017. – URL: <http://uberconvince.com/2017/08/13/science-writing-concise-copy-master-schema/>

ЮРИДИЧЕСКИЙ ТЕРМИН. ПРОБЛЕМА ПРАВОВЫХ ДЕФИНИЦИЙ

«КОНТРОЛЬ» И «НАДЗОР» В АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОЙ ХАРАКТЕРИСТИКЕ КОНТРОЛЬНО-НАДЗОРНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: ПРОБЛЕМА РАЗГРАНИЧЕНИЯ ПОНЯТИЙ

С. А. Агамагомедова

Пенза, Россия

"CONTROL" AND "SUPERVISION" IN THE ADMINISTRATIVE AND LEGAL CHARACTERISTICS OF CONTROL AND SUPERVISION ACTIVITIES: THE PROBLEM OF DISTINGUISHING CONCEPTS

S. A. Agamagomedova

Penza, Russia

Аннотация. Рассматриваются вопросы использования понятий «контроль» и «надзор» в действующем законодательстве и административно-правовых исследованиях. Автором выделены тенденции применения данных категорий, их разграничения в системе государственного управления. Сделаны выводы о влиянии интеграционных процессов на развитие понятийного аппарата, обеспечивающего контрольно-надзорную деятельность.

Ключевые слова: контроль, надзор, контрольно-надзорная деятельность, государственное управление, законодательство, административно-правовые исследования.

Abstract. The article deals with the use of the concepts «control» and «supervision» in the current legislation and administrative legal studies. The author singled out the trends in the application of these categories, their delineation in the system of public administration. Conclusions are made about the influence of integration processes on the development of a conceptual apparatus that provides control and supervisory activities.

Key words: control, supervision, control and supervision activities, public administration, legislation, administrative legal research.

В современных условиях реформирования системы и функциональной структуры государственного управления в нашей стране возникает закономерная потребность в упорядочении и систематизации понятийного аппарата подобных процессов. С учетом значимости контроля и надзора как функций публичного управления вопросы нормативно-правового и научно-теоретического позиционирования последних приобретают особую актуальность.

Проблема разграничения понятий «контроля» и «надзора» присутствует в административно-правовой сфере научных исследований достаточно давно. Данные понятия параллельно используются как в нормативно-правовых актах, так и в доктринальной науке. При этом учеными справедливо констатируется проблема дифференциации категорий «контроль» и «надзор», традиционно применяемых в теории и слабо различаемых в законодательстве [Никифоров 2013, 6 : 148-150]. Ведущие специалисты в области государственного управления отмечают нечеткость в понимании различий между контролем и надзором, то, что зачастую эти виды полномочий упоминаются слитно, как контрольно-надзорные применительно к компетенции органа государственной власти [Барциц 2008 : 50].

Эти вопросы неоднократно становились предметом исследований ученых [Студеникина 1974 : 17-20; Нестеров 2005 : 3-13; Андреева 2009 : 6-8; Беляев 2006]. Ситуация, заключающаяся в том, что сферы кон-

троля и надзора определены не оптимально, признается и самими государственными служащими [Шаров 2005, 4–24].

Прежде чем говорить о разграничении контроля и надзора в системе государственного управления, необходимо выделить несколько сфер использования данных категорий: нормативно-правовой массив, научно-исследовательское поле, средства массовой информации, правоприменительная практика государственных органов, физических и юридических лиц. Наиболее наглядным, на наш взгляд, является анализ применения рассматриваемых понятий в нормативно-правовых актах и научных работах.

В законодательстве понятия контроля и надзора традиционно используются как синонимы. В качестве примеров можно привести такие нормативные акты как Федеральный закон «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля» [Федеральный закон от 26.12.2008 № 294-ФЗ]; Федеральный закон «О техническом регулировании» [Федеральный закон от 27.12.2002 № 184-ФЗ]; Кодекс РФ об административных правонарушениях [КоАП РФ от 30.12.2001 № 195-ФЗ]; Трудовой кодекс РФ [Трудовой кодекс РФ от 30.12.2001 № 197-ФЗ] и многие другие. При этом законодатель использует и целый ряд устойчивых понятий в области только надзора (прокурорский надзор, авторский надзор, метрологический надзор) и только контроля (таможенный контроль, налоговый контроль, валютный контроль).

Однако в последние годы наметилась тенденция по разведению данных категорий применительно к какой-либо сфере (например, Указ Президента РФ «О некоторых вопросах государственного контроля и надзора в финансово-бюджетной сфере» [Указ Президента РФ от 02.02.2016 № 41]). Кроме того, в ряде актуальных документов программного характера используется понятие «контрольно-надзорной деятельности», в большинстве случаев применительно к целой системе (группе) федеральных органов исполнительной власти [Программа Реформа 2016].

Принципиально иная ситуация наблюдается в сфере научных исследований вопросов контроля и надзора, которые имеют преимущественно административно-правовой характер.

Ученые давно последовательно отстаивают дифференциацию контроля и надзора как правовых форм деятельности. Отдельные научные исследования посвящены государственному контролю [Горшенев, Шахов 1987; Студеникина 1974], другие – надзору и его разновидностям [Зырянов 2008; Мартынов 2011]. Растет число исследований, посвященных разработке критериев их разграничения и формированию системы соотношения контрольной и надзорной составляющих в системе государственного управления [Нестеров 2005, 3 : 3-13; Андреева 2009, 2 : 6-8; Беляев 2006].

Современными исследователями также используется понятие государственной контрольной деятельности, под которой понимается осуществляемая органами государственного аппарата двуединонаправленная функция государственного управления, направленная на обеспечение законности и безопасности граждан и государства [Алексеев 2015, 11 : 1131-1137]. Заметим, что ученые используют понятия «государственный контроль» и «государственная контрольная деятельность» как равнозначные [Алексеев 2015 : 20].

Особый интерес представляет, на наш взгляд, выделение Н.М. Кониным трех организационно-правовых способов обеспечения законности и государственной дисциплины субъектов организационных управленческих отношений в сфере административно-правового регулирования: государственный контроль, государственный надзор и государственная контрольно-надзорная деятельность [Конин 2007 : 176]. Преимуществом подобного подхода является признание возможности осуществления деятельности, сочетающей в себе элементы контроля и надзора одновременно. Это является определенным выходом из ситуации, когда в законодательстве критерии разграничения контрольной и надзорной деятельности отсутствуют, а научные позиции в этой области отличаются плюрализмом.

Ученые выделяют понятие «контрольные действия», которые относят к разновидности организационных действий [Бачило 1976 : 118], а также используют категорию «контрольно-надзорных полномочий» [Агагомедова 2016 5 : 1-7] и одновременно «субъект контроля» применительно к одной сфере подконтрольной деятельности [Агагомедова 2017 1 : 1-7]. Все это свидетельствует о разнообразии объема и структуры контрольно-надзорного функционала современных органов государственной власти. Существующие в науке критерии разграничения контроля и надзора при наложении на практическую правоприменительную деятельность конкретного органа исполнительной власти зачастую «не приживаются» по причине пестроты и сложности выполняемых им функций, зачастую совмещающих в себе контрольные и надзорные составляющие. Более того, можно констатировать факты трансформации контрольной деятельности государственного органа в надзорную и наоборот.

Обратим внимание на достаточно распространенную среди современных авторов и поддерживаемую нами позицию, заключающуюся в том, что приоритетной задачей ученых и правоприменителей должна стать не разработка универсальной формулы разграничения контроля и надзора, а повышение эффективности данных форм деятельности в системе государственного управления [Зырянов 2008; Мартынов 2011].

Еще одним существенным фактором развития новейших современных концепций контроля и надзора и поиска формулы их соотношения является интеграционный процесс на территории постсоветского пространства. В условиях формирования единого экономического пространства Евразийского экономического союза особое значение приобретает понятие «единого контрольно-надзорного пространства» на территории государств-членов интеграции, а также достаточно новая категория «уровень контрольно-надзорного воздействия» [Агагомедова 2018 1 : 37-47], выступающая одним из базовых условий созда-

ния равных условий хозяйствования для субъектов экономической деятельности и обеспечивающая достижение приоритетных целей экономической интеграции – свободы движения товаров, услуг, капитала и рабочей силы.

Таким образом, анализ использования категорий «контроль» и «надзор» в нормативно-правовом массиве и научно-исследовательском поле позволяет выявить следующие тенденции.

1. В действующем законодательстве понятия контроля и надзора не разделены, отсутствуют критерии их дифференциации. В то же время проводимая в течение последних лет реформа контрольно-надзорной деятельности обусловила нормативное и ведомственное использование категории «контрольно-надзорная деятельность».

2. В административно-правовой теории рассматриваемые категории достаточно четко разделяются по целому ряду критериев. Признавая структурно-функциональную специфику этих форм деятельности, ученые признают наличие «комплексных» форм деятельности, совмещающих в себе контрольную и надзорную составляющие, а также факт трансформации их друг в друга.

3. Стремительное развитие интеграционных процессов на территории Евразийского экономического пространства несет новые вызовы применительно к контролю и надзору, делает их базовыми факторами формирования единого экономического пространства.

Библиографический список

1. Агагомедова, С. А. Административно-правовой статус таможенных органов как субъектов таможенного контроля в современный период / С. А. Агагомедова // Административное и муниципальное право. – 2017. – № 1. – С. 1–7.
2. Агагомедова, С. А. Оптимизация и систематизация административных процедур в Таможенном кодексе Евразийского экономического союза / С. А. Агагомедова // Административное и муниципальное право. – 2018. – № 1. – С. 37–47.
3. Агагомедова, С. А. Понятие и пределы контрольно-надзорных полномочий таможенных органов / С. А. Агагомедова // NB: Административное право и практика администрирования. – 2016. – № 5. – С. 1–7.
4. Алексеев, Д. Б. Актуальные проблемы контрольной деятельности органов государственной власти в современной России : дис. ... канд. юрид. наук / Алексеев Д. Б. – М., 2015. – 240 с.
5. Алексеев, Д. Б. Система государственной контрольной деятельности / Д. Б. Алексеев // Административное и муниципальное право. – 2015. – № 11. – С. 1131–1137.
6. Андреева, Ю. А. К вопросу о соотношении понятий «контроль» и «надзор» / Ю. А. Андреева // Административное право и процесс. – 2009. – № 2. – С. 6–8.
7. Барциц, И. Н. Реформа государственного управления в России: правовой аспект / И. Н. Барциц. – М. : Формула права, 2008. – 508 с.
8. Бачило, И. Л. Функции органов управления: правовые проблемы оформления и реализации / И. Л. Бачило. – М. : Юридическая литература, 1976. – 200 с.
9. Беляев, В. П. Контроль и надзор как формы юридической деятельности: вопросы теории и практики : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / Беляев В. П. – Саратов, 2006. – 55 с.
10. Горшенев, В. М. Контроль как правовая форма деятельности / В. М. Горшенев, И. Б. Шахов. – М. : Юридическая литература, 1987. – 176 с.
11. Зырянов, С. М. Административный надзор милиции : монография / С. М. Зырянов. – М. : ЮНИТИ-ДАНА : Закон и право, 2008. – 112 с.
12. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях № 195-ФЗ от 30.12.2001 (ред. от 07.03.2018) // Российская газета. – 2001. – № 256.
13. Конин, Н. М. Административное право России : учебник / Н. М. Конин. – М. : ТК Велби : Проспект, 2007. – С. 176.
14. Мартынов, В. М. Административный надзор в Российской Федерации : теоретические основы построения, практика осуществления и проблемы правового регулирования : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.14 / Мартынов А. В. – Воронеж, 2011. – 55 с.
15. Нестеров, А. В. Философия контроля и надзора / А. В. Нестеров // Компетентность. – 2005. – № 3. – С. 3–13.
16. Никифоров, М. В. Современное исследование вопросов правового регулирования государственного контроля / М. В. Никифоров, А. В. Мартынов // Журнал российского права. – 2013. – № 6. – С. 148–150. – Рецензия на книгу: Правовое регулирование государственного контроля : монография / отв. ред. А. Ф. Ноздрачев. – М. : ИЗиСП : Анкил, 2012. – 480 с.
17. О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля : федер. закон № 294-ФЗ от 26.12.2008 (ред. от 27.11.2017) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2018) // Парламентская газета. – 2008. – № 90.
18. О некоторых вопросах государственного контроля и надзора в финансово-бюджетной сфере : Указ Президента РФ № 41 от 02.02.2016 // Собрание законодательства РФ. – 2016. – № 6. – Ст. 831.
19. О техническом регулировании : федер. закон № 184-ФЗ от 27.12.2002 (ред. от 29.07.2017) // Российская газета. – 2002. – № 245.
20. Программа «Реформа контрольной и надзорной деятельности» : [утв. 21.12.2016] президиумом Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и приоритетным проектам. – URL: <http://контроль-надзор.рф>
21. Студеникина, М. С. Государственный контроль в сфере управления / М. С. Студеникина. – М. : Юридическая литература, 1974. – 160 с.
22. Трудовой кодекс Российской Федерации № 197-ФЗ от 30.12.2001 (ред. от 05.02.2018) // Российская газета. – 2001. – № 256.
23. Шаров, А. В. Об основных элементах административной реформы / А. В. Шаров // Журнал российского права. – 2005. – № 4. – С. 19–28.

ОСНОВНЫЕ КАТЕГОРИИ ПРАВА СОЦИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ

А. В. Александрова

Пенза, Россия

MAIN CATEGORIES OF SOCIAL SECURITY LAW

A. V. Alexandrova

Penza, Russia

Аннотация. Рассматриваются различные подходы к пониманию ключевых категорий права социального обеспечения, таких как «социальная защита», «социальное обеспечение» и «социальное страхование». Выявляются существенные признаки данных понятий, их соотношение между собой по объему и юридическому содержанию. Высказываются рекомендации относительно совершенствования нормативной базы социального обеспечения.

Ключевые слова: правовая категория, социальная политика, социальная защита, социальное обеспечение, социальное страхование.

Abstract. Various approaches to understanding the key categories of social security law, such as "social protection", "social security" and "social insurance", are considered. Significant features of these concepts and their correlation among themselves in terms of volume and legal content are revealed. Recommendations are made on improving the regulatory framework for social security.

Key words: legal category, social policy, social protection, social security, social insurance.

Актуальность исследования основных категорий права социального обеспечения обусловлена следующими факторами. Во-первых, в российском праве социального обеспечения отсутствует единый кодифицированный акт, который бы системным образом регулировал общественные отношения, составляющие предмет данной отрасли, и содержал легальное определение основных понятий, используемых отраслью. Многочисленные законы, принимаемые в сфере социального обеспечения в последние годы, содержат в себе определения, по-разному раскрывающие одно и то же понятие, а порой и противоречащие друг другу (например, это относится к таким понятиям, как «стаж», «пенсия» и др.); ряд понятий в законе не закреплен («социальное обеспечение», «социальная защита»), несмотря на то, что они широко используются в данной сфере государственной деятельности.

Во-вторых, общая часть отрасли права социального обеспечения сегодня остается на стадии формирования [Тучкова 2016 : 60], то есть понятийный аппарат отрасли нуждается в разработке и совершенствовании исходя из реалий сегодняшнего дня.

Словарь русского языка С.И. Ожегова под категорией понимает «научное понятие, выражающее наиболее общие свойства и связи явлений действительности» [Ожегов 1987 : 232]. Если говорить о правовых категориях, то к ним могут быть отнесены «наиболее общие, фундаментальные и глубокие правовые понятия, являющиеся наивысшим пределом научного обобщения в определенной области юридических знаний, в правоведении и юридической практике в целом» [Радько 2011 : 95]. Наряду с правовыми понятиями правовые категории «составляют общий понятийный аппарат юридической науки и юридической практики, выполняют не только информационную, но и методологическую функцию» [Радько 2011 : 95].

В рамках данной статьи мы обратимся к нескольким категориям, используемым отраслью и наукой права социального обеспечения, а именно: социальная защита, социальное обеспечение и социальное страхование. Человеку несведущему данные термины могут показаться синонимами, однако каждый из них имеет собственное содержание и все они могут быть выстроены в определенную систему.

Надо сказать, что названные выше категории не носят исключительно отраслевой характер, то есть используются не только правом социального обеспечения, но и иными, неюридическими науками, в частности, экономикой и социологией. В рамках настоящего исследования необходимо сделать акцент именно на правовых аспектах в сущности данных понятий.

Понятие «социальная защита» законодательно не определено, однако оно используется в последние десятилетия в нашей стране в связи с переименованием системы органов социального обеспечения в систему органов социальной защиты населения [Тучкова 2017 : 21], а также упоминается в нормативных документах: Конституции Российской Федерации 1993 г. (ст. 72), Рекомендации № 202 Международной организации труда «О минимальных уровнях социальной защиты» и др.

В отсутствие легального определения необходимо опираться на положения отечественной правовой доктрины, то есть на концепции, предложенные российскими правоведами – специалистами в области права социального обеспечения. Здесь существует множество подходов к определению социальной защиты. Некоторые авторы понимают ее очень широко, отождествляя с общим понятием социальной политики и

рассматривая ее как круг мероприятий, направленных на создание благоприятных условий работы и жизни, обеспечение повышения жизненного уровня населения [Глуценко 1998 : 20]. В учебной литературе представлены толкования категории «социальная защита» как в широком, так и в узком смысле [Гусов 2007 : 13], [Мачульская 2001 : 3]. К примеру, под социальной защитой в широком смысле понимают «деятельность государства, направленную на обеспечение процесса формирования и развития полноценной личности, на выявление и нейтрализацию негативных факторов, воздействующих на личность, на создание условий для самоопределения и утверждения в жизни», а в узком смысле – «совокупность законодательно закрепленных экономических и правовых гарантий, обеспечивающих соблюдение важнейших социальных прав граждан и достижение социально-приемлемого уровня жизни» [Мачульская 2001 : 3].

Наиболее последовательной нам представляется позиция, изложенная В.Ш. Шайхатдиновым, согласно которой разграничиваются понятия «социальная политика» и «социальная защита». При этом социальная политика рассматривается как целенаправленное воздействие государства, органов местного самоуправления, общественных объединений и организаций на общественные отношения с целью улучшения условий труда и быта населения. Социальная защита же выступает как практическая деятельность по реализации основных направлений социальной политики. Она представляет собой систему общественных отношений по обеспечению условий для нормальной жизнедеятельности и включает, в частности, деятельность по охране материнства и детства, оказанию помощи семье, охране здоровья граждан, обеспечению занятости населения и др. [Шайхатдинов 2013 : 26-27] Одним из блоков социальной защиты выступает социальное обеспечение.

Таким образом, выстраивая указанные выше категории в логическую цепочку, можно увидеть, что социальная политика является наиболее широким по содержанию понятием, затем следует социальная защита, и далее – социальное обеспечение как один из элементов последней.

Переходя к категории «социальное обеспечение», отметим, что и она не имеет легального определения в российском праве, несмотря на то, что входит в наименование одной из отраслей – Права социального обеспечения. Следует согласиться с Э.Г. Тучковой в том, что социальное обеспечение есть явление многоаспектное, в связи с чем любое данное ему определение не может быть универсальным [Тучкова 2017 : 19]. Возможно, в силу этого отечественной правовой наукой до сих пор не выработано однозначного понятия социального обеспечения.

В частности, Р.И. Иванова под социальным обеспечением понимает форму распределения, гарантирующую гражданам нормальный уровень жизненного и культурного стандарта сверх вознаграждения за труд в старости, при потере трудоспособности и кормильца [Иванова : 22]. В. Ш. Шайхатдинов полагает, что социальное обеспечение представляет собой «систему защиты граждан от наступления жизненных обстоятельств, которые влекут за собой утрату или снижение дохода либо повышенные расходы, малообеспеченность» [Шайхатдинов 2013 : 28]. (В скобках отметим, что социальное обеспечение не способно защитить гражданина от наступления самого жизненного обстоятельства – старости, инвалидности и т.п., оно может лишь частично компенсировать материальные расходы лица в подобной ситуации, восстановить уровень его жизни.)

На наш взгляд, при определении содержания понятия «социальное обеспечение» необходимо опираться на позицию Э. Г. Тучковой, которая выделяет ряд существенных признаков данного явления, в том числе:

- 1) государственный характер организационно-правовых способов распределения совокупного общественного продукта;
- 2) законодательное закрепление перечня социальных рисков, признаваемых государством в качестве оснований для предоставления конкретных видов обеспечения;
- 3) закрепление круга лиц, подлежащих обеспечению;
- 4) нормирование государством минимального социального стандарта обеспечения [Тучкова 2017 : 18].

На основании данных признаков сформулировано понятие социального обеспечения как «одного из способов распределения части валового внутреннего продукта путем предоставления гражданам материальных благ в целях выравнивания их личных доходов в случаях наступления социальных рисков за счет средств целевых финансовых источников в объеме и на условиях, строго нормируемых обществом, государством, для поддержания их полноценного социального статуса» [Тучкова 2017 : 20]

Организационно-правовыми формами социального обеспечения выступают обязательное социальное страхование и обеспечение за счет бюджетных средств (последнее в литературе также именуется государственным социальным обеспечением [Седельникова 2017 : 47]).

Таким образом, следует подчеркнуть, что социальное страхование выступает одной из форм социального обеспечения и, в качестве научной категории, имеет более узкое содержание.

Ключевыми критериями, ограничивающими социальное страхование от второй формы социального обеспечения (бюджетной), выступают круг охватываемых лиц, источники финансирования и принцип эквивалентности.

В отношении первого критерия необходимо сказать, что социальное страхование ориентировано, в первую очередь, на наемных работников и членов их семей. В силу этого получателем пособия, например, по временной нетрудоспособности, может выступать только работающее лицо (по общему правилу).

Источником финансирования социального страхования традиционно выступают взносы заинтересованных лиц – работников и работодателей. Очевидно, что именно работник в первую очередь заинтересован в получении выплат в случае заболевания, производственной травмы и т.п. И именно из добровольных касс взаимопомощи рабочих и выросла система социального страхования, основы которой были законодательно заложены в конце XIX – начале XX вв. (в Германии, Франции, Великобритании, дореволюционной России). Второй заинтересованной стороной в системе социального страхования выступает работодатель, поскольку именно он использует рабочую силу трудящихся и заинтересован в сохранении и развитии трудовых ресурсов. Сегодня во многих европейских странах взносы на социальное страхование уплачиваются работниками и работодателями на паритетной основе. Что же касается современной России, то в ней уплата страховых взносов является обязанностью только работодателя, что, на наш взгляд, противоречит базовым принципам социального страхования (хотя, конечно, объем подлежащих уплате взносов сказывается на величине заработной платы работника).

Говоря о принципе эквивалентности как критерии социального страхования, отметим, что речь идет о соразмерности социальных выплат величине страховых взносов, которые, в свою очередь, обычно определяются в процентном отношении к фонду оплаты труда. К примеру, пособие по беременности и родам для женщин, подлежащих обязательному социальному страхованию, по общему правилу составляет 100 % среднего заработка, исчисленного за последние два года работы. Таким образом, чем выше был официальный заработок женщины, тем выше будет пособие (при этом законодательно установлен «потолок», определяемый исходя из предельной базы для начисления страховых взносов).

Мы располагаем легальным определением обязательного социального страхования, которое содержится в ст. 1 Федерального закона «Об основах обязательного социального страхования в Российской Федерации»: обязательное социальное страхование – часть государственной системы социальной защиты населения, спецификой которой является осуществляемое в соответствии с федеральным законом страхование работающих граждан от возможного изменения материального и (или) социального положения, в том числе по независящим от них обстоятельствам.

Законодатель уточняет, что «обязательное социальное страхование представляет собой систему создаваемых государством правовых, экономических и организационных мер, направленных на компенсацию или минимизацию последствий изменения материального и (или) социального положения работающих граждан, а в случаях, предусмотренных законодательством Российской Федерации, иных категорий граждан вследствие достижения пенсионного возраста, наступления инвалидности, потери кормильца, заболевания, травмы, несчастного случая на производстве или профессионального заболевания, беременности и родов, рождения ребенка (детей), ухода за ребенком в возрасте до полутора лет и других событий, установленных законодательством Российской Федерации об обязательном социальном страховании» [Федеральный закон № 165-ФЗ от 16.07.1999]. Таким образом, закон содержит открытый перечень страховых социальных рисков, при наступлении которых работающие граждане получают право на соответствующие виды обеспечения.

Завершая рассмотрение основных категорий права социального обеспечения, необходимо отметить, что несмотря на разнообразие точек зрения, представленных в отечественной правовой науке, большинство ученых сходятся в принципиальных позициях. Социальная защита является общим, собирательным понятием, характеризующим основные направления деятельности государства по созданию благоприятных условий жизни населения. Социальное обеспечение представляет собой один из элементов социальной защиты. Оно, в свою очередь, осуществляется в двух основных формах: обязательное социальное страхование и государственное социальное обеспечение за счет бюджета.

Отсутствие единого кодифицированного акта в области социального обеспечения является серьезной помехой для правоприменительной деятельности, влечет за собой расхождения в понимании ключевых понятий и принципов социального обеспечения. Более того, наблюдается бессистемность реформ в данной сфере, подверженность их конъюнктурным экономическим интересам, отсутствие продуманной стратегии социального развития страны. Полагаем, что для приведения нормативной базы социального обеспечения в порядок законодатель сам для себя должен четко уяснить, что он понимает под социальной защитой, социальным обеспечением и т.п., и дальше действовать сообразно этим представлениям.

Библиографический список

1. Глушенко, П. П. Социально-правовая защита конституционных прав и свобод граждан (Теория и практика) / П. П. Глушенко. – СПб. : Михайлова, 1998. – 374 с.
2. Иванова, Р. И. Правоотношения по социальному обеспечению в СССР / Р. И. Иванова. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1986. – 176 с.
3. Мачульская, Е. Е. Право социального обеспечения : учеб. пособие для вузов / Е. Е. Мачульская, Ж. А. Горбачева. – М. : Книжный мир, 2001. – 293 с.
4. О минимальных уровнях социальной защиты : рекомендация № 202 Международной организации труда (принята в г. Женеве 14 июня 2012 г. на 101-й сессии Генеральной конференции МОТ) // СПС «Консультант Плюс». – URL: <http://www.consultant.ru/>
5. Об основах обязательного социального страхования : федер. закон № 165-ФЗ от 16.07.1999 // Российская газета. – 1999. – 21 июля.
6. Ожегов, С. И. Словарь русского языка / С. И. Ожегов. – М. : Русский язык, 1987. – 797 с.
7. Право социального обеспечения : учеб. для бакалавров / под ред. В. Ш. Шайхатдинова. – М. : Юрайт, 2013. – 654 с.

8. Право социального обеспечения России : учеб. для бакалавров / отв. ред. Э. Г. Тучкова. – М. : Проспект, 2016. – 456 с.
9. Право социального обеспечения России : учебник / отв. ред. К. Н. Гусов. – М. : Проспект, 2007. – 640 с.
10. Радько, Т. Н. Теория государства и права в схемах и определениях : учеб. пособие / Т. Н. Радько. – М. : Проспект, 2011. – 135 с.
11. Седельникова, М. Г. Организационно-правовые формы социального обеспечения / Проблемы общей части права социального обеспечения : кол. моногр. / М. Г. Седельникова. – М. : Проспект, 2017. – 416 с.
12. Тучкова, Э. Г. Основные этапы становления систем социального обеспечения. Понятие социального обеспечения и его место в общей системе социальной защиты населения. Проблемы общей части права социального обеспечения : кол. моногр. / Э. Г. Тучкова. – М. : Проспект, 2017. – 416 с.

ЮРИДИЧЕСКИЙ ДИСКУРС КАК ПОЛИТИЧЕСКИЙ ИНСТРУМЕНТ В МЕДИАПРОСТРАНСТВЕ

Т. В. Амосова

Иркутск, Россия

LEGAL DISCOURSE AS A POLITICAL INSTRUMENT IN MEDIA SPACE

T. V. Amosova

Irkutsk, Russia

Аннотация. Предпринята попытка рассмотреть трансформацию коммуникативного потенциала некоторых элементов кода культуры стран общего права под влиянием политического фактора. Делается вывод о том, что юридический дискурс как смыслообразующая и воспроизводящая деятельность, направленная на правовое закрепление, регулирование и контроль общественных отношений в современных условиях, часто используется в медиaproстранстве с целью обоснования политических решений власти при помощи коммуникативного потенциала знаков, присущих юридическим дискурсивным практикам на личностном и социальном уровнях.

Ключевые слова: коды культуры, юридический дискурс, терминология общего права, правосудие, справедливость, презумпция невиновности.

Abstract. The article examines the changing communicative potential of certain elements of culture in common law countries under the influence of a political factor. It is concluded that legal discourse is a meaningful and creative activity aimed at producing legal consolidation, regulation and control of public relations in modern conditions. However, it is often used in the media space to justify the authorities' political decisions, using the communication potential at personal and social levels.

Key words: culture codes, legal discourse, terminology of general law, justice, presumption of innocence.

Терминология, представляя собой понятийный аппарат с тезаурусными взаимосвязями, со времен М. Фуко рассматривается как своего рода национально-специфичная «форма знания» той или иной конкретной исторической эпохи. Совокупность этих форм реализуется в дискурсивной практике в виде строго определённого кода и тем самым определяет языковое поведение и мышление [Фуко 1997]. Язык как один из важнейших механизмов кодирования и трансляции культуры позволяет человеку идентифицировать смыслы в первую очередь.

В процессе языкового кодирования наиболее значимая для представителей того или иного этноса информация отбирается из информационного континуума [Алифиренко 2002] и благодаря рефлексии осознаётся в виде отдельных составляющих: мыслей, образов, переживаний.

Согласно другой точке зрения есть определённая совокупность внутренних и внешних социальных действий, которые совершаются автоматически. Оперировать социальными действиями и их субъективными составляющими позволяют определённые концептуальные инструменты – устойчивые смысловые конфигурации, которые сложились эмпирически в процессе социального опыта. Эту теоретическую позицию обосновал А. Шюц, который творчески развил феноменологический метод Э. Гуссерля применительно к анализу социальной деятельности. [Смирнова 2015].

К культурно обусловленным устойчивым образцам социального мышления и действия, задающих онтологические рамки окружающего мира, люди чаще всего и прибегают в обыденной жизни. Подобные образцы содержатся, как известно, прежде всего в языке (грамматиком строе, стиле, парадигматике, фразеологизмах, прецедентных текстах и т.д.), искусстве, религиозных практиках. По этой причине часто то, что кажется естественным представителям одной культуры, не воспринимается как норма представителями другой культуры.

Система юридических терминов англо-американской правовой семьи представляет собой код этих культур [Амосова 2016]. Код культуры понимается в данном случае как совокупность знаков и их комбинаций в рамках историко-культурного периода, которая имеет прежде всего вербальное выражение в текстах культуры, обладает интерпретативной устойчивостью, сохраняет коммуникативный потенциал как на личностном уровне, так и на уровне социально-культурных практик [Эко 1998].

Изменение коммуникативного потенциала элементов кода культуры (включающего в себя запреты, предписания, стереотипы и т.д.) в дискурсивной практике вследствие социальных изменений приводит к смешению дискурсов и кодов, формированию новых идентичностей и идеологий, что стимулирует трансформацию дискурса. Так, очевидно, что политический дискурс, который организован вокруг главной цели – обладание властью – с его основной функцией убеждающего воздействия на самую широкую аудиторию, в последнее десятилетие пестрит юридическими понятиями и терминами. Юридический дискурс направлен на решение проблем регулирования социальных отношений между индивидами и выполняет две взаимо-

связанные функции – выражает вольно законодателя и доводит эту волю до сведения участников общественных отношений [Боруленков 2013].

Подобного рода трансформации приводят к нарушению ожиданий носителей языка и, как правило, становятся предметом пристального внимания и дискуссий. Так, например, весной 2018 года пользователи социальных сетей активно обсуждали скандально известное дело Скрипаль¹¹, которое освещалось в англоязычных СМИ на фоне резкого ухудшением отношений между Соединённым Королевством и Россией. Премьер-министр Великобритании Тереза Мей, докладывая об инциденте в палате общин заявила, что ответственность за случившееся лежит на Российской Федерации, употребив выражение *highly likely* («весьма вероятно»). В свою очередь министр иностранных дел Соединённого Королевства Борис Джонсон, допуская явную лингвистическую избыточность, сделал заявление о том, что за решением об атаке в Солсбери *overwhelmingly likely* («чрезвычайно вероятно») стоит непосредственно президент России Владимир Путин.

18 апреля 2018 года состоялось специальное заседание Совета безопасности ООН, где члены Совбеза – сторонники вышеизложенной точки зрения излагали свою позицию, используя модальный оператор (*likely, highly likely*):

KAREN PIERCE (United Kingdom)

Mr. Skripal was a former intelligence officer..., *likely* making him a target of the Russian Federation.

Карен Пирс (Соединённое Королевство)

Мистер Скрипаль ... являлся сотрудником спецслужб в отставке, что *вероятно* делало его целью для Российской Федерации.

PAWEL RADOMSKI (Poland)

The European Council had also agreed that the Russian Federation was *likely* responsible for the incident.

Павел Радомский (Польша)

Европейский Союз также согласен с тем, Российская Федерация *вероятно* несёт ответственность за инцидент.

CARL ORRENIUS SKAU (Sweden), voicing support for the common European Union position ... that Russian Federation was *likely* responsible for the incident

Карл Оррениус Ско (Швеция)

... поддержал общую позицию Европейского Союза в отношении *вероятной* ответственности Российской Федерации за инцидент.

LISE GREGOIRE VAN HAAREN (Netherlands)

The OPCW report had made it more evident that it was *highly likely* that the Russian Federation was responsible for the Salisbury attack [https://www.un.org 2018].

Лиз Грегори ванн Харен (Нидерланды)

Отчёт ОЗХО убедительно подтвердил *высокую степень вероятности* вины Российской Федерации за химическую Атаку в Солсбери¹².

Очень быстро инцидент в Солсбери стал чрезвычайно резонансным и обсуждаемым, а словосочетание *highly likely* –пропагандистским мемом. В Twitter британского 24-часового новостного канала Sky News Breaking, который входит в группу каналов с аудиторией 150мл. человек в марте 2018 хэштег #russia занимал первую позицию в топе (8.6%) [Sky News Breaking]. Перечень ключевых слов и распределение этих слов в их процентном соотношении представлены следующим образом:

Top Words%

31.4 % *likely*

22.9% *boris*

20.0% *overwhelmingly*

14.3% *proven*

14.3% *evidence*

11.4% *More* [10]

Первые три позиции номинируют оценку ситуации, одного из «авторов» оценки и интенсификатор, применённый им окказионально. Равное количество пользователей по 14.3% вводили в поисковую строку слова *proven* и *evidence*.

Реакция пользователей на *highly likely* и т. п. была однозначно негативной. Вот наиболее яркие примеры:

“Overwhelmingly likely” is not the same as “definitely proven beyond doubt”. ... Aren't we a Democracy of innocent until "proven" guilty?

«В высшей степени вероятно» не тождественно «доказано вне всякого разумного сомнения». ... Разве мы не демократия «Невиновен, пока судом не доказана вина»?

Has Boris obtained proof, beyond reasonable doubt? ¹³.

Есть ли у Бориса Джонсона доказательства не вызывающие разумных сомнений?

¹¹4 марта 2018 г. Сергей Скрипаль, осужденный в России за шпионаж в пользу Великобритании, и его дочь Юлия подверглись в Солсбери (140 км от Лондона) ... воздействию нервнопаралитического вещества. В критическом состоянии они были доставлены в больницу ... 12 марта Лондон выступил с утверждением, что это вещество якобы разрабатывалось в России, и на этом основании обвинил Москву в причастности к нападению. Российская сторона категорически отвергла обвинения, указав, что программ разработки такого вещества ни в СССР, ни в России не существовало. Подробнее об этом см.: Международная реакция на дело Скрипаль. Досье. – URL: <http://tass.ru/info/5138175> (20.04.2018).

¹² Перевод здесь и далее Т. В. Амосовой.

¹³ Sky News Breaking [Электронный ресурс]. URL: <https://twitter.com/skynewsbreak/status/974617701686693888>(20.04.2018).

В чём причина такой реакции на типичное для англосаксонского мира проявление некатегоричности в высказывании? В первую очередь это связано с использованием специальной лексики, которая однозначно воспринимается как элемент не политического (медийного), но юридического, а точнее судебного дискурса. Нормативные начала жизни британского и американского социумов, обеспечивающие свойственную этим культурам упорядоченную социальную свободу, самодисциплину, личную ответственность, на протяжении долгого периода времени осмысливались посредством специальной лексики, которая формировалась в основном в рамках *состязательного* устного судебного процесса.

Это обстоятельство объясняет цель и назначение англо-американского судебного разбирательства, укоренённое как безусловная ценность в общественном сознании. Целью процессуального поединка является честный «выигрыш» – выигрыш по установленным правилам, если, конечно, одна из сторон не согласится на опять же честную сделку с правосудием. Судья, авторитет которого неопределяем, следит за соблюдением правил, не вмешивается в борьбу процессуальных противников, но оценивает представленные должным образом доказательства и в итоге, основываясь на оценке доказательств, выносит справедливое (в англо-американском смысле слова) решение. Именно в гарантиях равенства всех перед законом в зале суда и видят представители американской и английской культур торжество правосудия, справедливости, и в целом демократии. Таким образом, судебное решение в странах общего права основано на балансе вероятностей. Оно вытекает из *обязанности* одной из сторон нести бремя доказывания – *burden of proof*, силе предъявляемых доказательств – доказательств в юридическом смысле слова.

Существительное «доказательства» – *evidence* – в английском языке, как правило, не используется в форме единственного числа, номинирует содержание процесса доказывания, где принципиальное значение имеет совокупная «весомость» доказательств. Именно она склоняет чашу весов правосудия в пользу одной из сторон, приводит к выигрышу в том случае, если совокупность предъявляемых доказательств соответствует одному из стандартов доказывания (*levels of proof*): *preponderance of the evidence, beyond a reasonable doubt*.

В гражданском процессе достаточно, чтобы доказательства одной из сторон преобладали, были более «сильными», более убедительными:

Preponderance Of The Evidence

Evidence presented that provides more convincement than the pre-existing evidence presented in court. As such, the jury makes its verdict in the favor of the party which has a preponderance of evidence [The Law Dictionary 2018].

Уголовный процесс, в котором человеку противостоит мощь государства, требует куда более надёжных гарантий соблюдения его права на справедливый суд. Обвинительный вердикт выносится исключительно на основании самого высокого стандарта доказывания – отсутствии всякого разумного сомнения в доказанности инкриминируемого подсудимому деяния.

Reasonable Doubt

This term refers to the lack of proof that prevents a judge or jury from convicting a defendant a crime. The prosecuting attorney must provide proof beyond a reasonable doubt to establish guilt [The Law Dictionary 2018].

Другими словами, судебный дискурс в странах общего права – это дискурс гипотез, предположений, допущений, с хорошо узнаваемыми маркерами: *reasonable, likely, highly probable, highly likely, etc.* Обсуждаемые маркеры номинируют некоторые ключевые концепты англосаксонского мира, и они, несомненно, являются для него символами цивилизованного мироустройства. В первую очередь это «презумпция невиновности», «правосудие», «право на справедливый суд» – *presumption of innocence, justice, the right to fair trial*.

Любое дискурсивное пространство покрыто властными отношениями и власть исходит из разных точек [Фуко 1996]. Для британцев и американцев правосудие, несомненно, одна из таких точек. Властная функция правосудия исключительно значима для представителей англоязычных культур. Правовой этатизм организует повседневность британцев и американцев.

Очевидно, что политический кризис последних лет привёл к определённой трансформации англоязычных правовых дискурсивных практик под влиянием политического фактора. Юридический дискурс как смыслообразующая и воспроизводящая деятельность, направленная на формулирование норм, правовое закрепление, регулирование и контроль общественных отношений всё чаще используется с целью убеждения широкой аудитории при помощи коммуникативного потенциала ему присущего на личностном и социальном уровнях. Этот процесс влечёт за собой детерминологизацию целого ряда, связанных с правом и правосудием, ключевых понятий общего права, превращая их в симулякры.

Так, дело Скрипаля связано с преступлением и вероятностью *уголовного преследования* предполагаемого виновника. Но спустя лишь месяц после инцидента в Солсбери обстоятельство образа действия *likely, highly likely* и т. п. как форма оценки данного события в британском и американском медиапространстве уступили место предикату, выражающему уголовно-процессуальное понятие *guilty* – «виновен по решению суда». В мае 2018 года информационное агентство Reuters опубликовало выдержки из заявления главы службы британской контрразведки MI5 Эндрю Паркера, в котором он, применяя уголовно-процессуальную терминологию уже без «весьма вероятно», высказал мнение о виновности (в юридическом смысле слова) действующей российской власти в совершении агрессивных и вредоносных деяний на территории Велико-

британии: «Parker will *accuse* Russian President Vladimir Putin’s government of being “in flagrant breach of international rules” and say it’s *guilty* of pursuing “aggressive and pernicious actions by its military and intelligence services”» [Bloomberg 2018].

Библиографический список

1. Алифиренко, Н. Ф. Поэтическая энергия слова. Синергетика языка познания и культуры / Н. Ф. Алифиренко. – М. : Academia, 2002. – С. 394.
2. Амосова, Т. В. Юридическая терминология как культурный код англосаксонской цивилизации / Т. В. Амосова // Лингвокультурологические исследования: Язык лингвокультурологии: теория vs. эмпирия / отв. ред. М. Л. Ковшова. – М. : ЛЕНАНД, 2016. – С. 164–168.
3. Боруленков, Ю. П. Дискурс как метод юридического познания и доказывания. Ч. 1. Юридический дискурс как элемент формирования механизма социального контроля «Мировой судья» / Ю. П. Боруленков, 2013. – № 11.
4. Смирнова, Н. М. Творчество как процесс созидания новых культурных смыслов. Философия творчества : материалы Всерос. науч. конф. (8–9 апреля 2015 г., Институт философии РАН, г. Москва / Н. М. Смирнова ; под ред. Н. М. Смирновой, А. Ю. Алексеева. – М. : Интелл, 2015. – 476 с.
5. Фуко, М. Воля к истине. По ту сторону знания, власти и сексуальности / М. Фуко. – М. : Магистериум-Касталь, 1996. – С. 193.
6. Фуко, М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук / М. Фуко ; пер. с фр. В. П. Визгина, Н. С. Автономовой. – М. : Прогресс, 1997. – 488 с.
7. Эко, У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию / У. Эко ; пер. с итал. А. Г. Погоняйло, В. Г. Резник ; под ред. М. Г. Ермаковой. – СПб. : Петрополис, 1998. – 432 с.
8. Bloomberg. – URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2018-05-13/u-k-s-mi5-to-say-european-alliances-never-more-crucial-than-now>
9. Sky News Breaking. – URL : <https://www.trendsmap.com/twitter/tweet/974617701686693888>
10. URL: <https://www.un.org/press/en/2018/sc13304.doc.htm>
11. URL: The Law Dictionary. – URL: <https://thelawdictionary.org/preponderance-of-evidence>

ЛИНГВО-ЮРИДИЧЕСКАЯ СПЕЦИФИКА ТЕРМИНА «ИНВАЛИД»

П. П. Банман

Ставрополь, Россия

LINGUISTIC AND LEGAL SPECIFICS OF THE TERM "INVALID"

P. P. Banman

Stavropol, Russia

Аннотация. Анализируется лингво-юридическая специфика термина «инвалид». Материалом исследования послужили лингвистические и юридические словари, фиксирующие развитие не только языка, но и общества, и права в разные исторические моменты. Проведенный комплексный анализ словарных дефиниций лексемы инвалид позволяет выявить признаки процесса расширения значения в номинации данной категории лиц в русском языке. Для сравнения используются данные из немецкого языка.

Ключевые слова: инвалид, политическая корректность, эвфемизация, дисфемизация, эйблизм, дизэйблизм, юридический термин.

Abstract. The article analyzes the linguistic and legal specifics of the term "invalid". The material of the research was linguistic and legal dictionaries, which fix the development of not only language, but also society, and rights in different historical periods. The complex analysis of the lexeme "invalid" makes it possible to reveal the expansion of the meaning of the term given in the Russian language. For comparison, the data from the German language are used.

Key words: invalid, political correctness, euphemization, dysfemization, ableism, disablism, legal term

В России на 1 января 2016 г. насчитывалось 12,6 млн. инвалидов [Статистика 2018]. Государством предпринимаются многочисленные попытки, чтобы изменить статус инвалидов (ратификация международной конвенции, принятие федерального закона, инклюзивное обучение и пр.), однако большей частью населения инвалиды воспринимаются в парадигме «свой – чужой», где «свой» – это здоровый и работоспособный, а «чужой» – больной и непригодный к работе, службе и пр. Необходимо время для того, чтобы было сформировано уважение к физическим различиям между людьми. Целью данной статьи является выявление объема термина инвалид в русском языковом сознании и его лингвистических и юридических характеристик. Отметим, что наряду с термином *инвалид/ инвалиды* в последнее время достаточно частотным становится употребление более эвфемистичного оборота – *лицо/ люди с ограниченными возможностями здоровья*. Однако в данной статье остановимся лишь на анализе на первой из указанных лексических единиц, поскольку на данный момент она является ключевой и активно функционирующей в официальной медицинско-правовой сфере.

Остановимся на объеме значения данного слова, зафиксированного в разновременных словарях русского языка, обратившись, прежде всего, к этимологическому анализу, который поможет выявить первоначальный объем значения слов выявить его модификации. Обращение к словарю М. Фасмера показало, что лексема *инвалид* попала в русский язык через немецкий *Invalide* или французский *invalide* из латинского *invalidus* [Фасмер 1967 : 130; см. также Черных 2002]. Н. М. Шанский также указывает на происхождение данного слова от латинского «от *validus* «сильный» с отрицательным префиксом *in*» [Шанский 1971 : 176]. В Историко-этимологическом словаре П. Я. Черных отмечается время появления в русском языке данного слова – XVIII в. «Его отмечает Курганов в «Письмовнике», 1777 г., 434: Инвалид – «дряхлый воин»» [Черных 2002 : 345]. Проведенный анализ показывает, что лексема *инвалид* имеет латинское происхождение и несёт в себе изначально следующее основное значение – *бессильный, слабый, нездоровый*.

Об определенных видоизменениях в сторону уточнения объема значения в диахроническом аспекте свидетельствуют дефиниции, зафиксированные в словарях иностранных слов русского языка. В словарях конца 19 – начала 20 вв. отмечается происхождение от *valere* – стоять, в значении преимущественно по отношению к солдатам, воинам, неспособным более к службе «вследствие ран, болезни или старости», «потерявшим на службе способность к труду» [см.: Чудинов 1910; Михельсон 1865; Попов 1907]; в словаре Ф. Павленкова кроме этого значения, являющегося первым, представлено и следующее: «(2) всякий дряхлый деятель, сделавшийся негодным для прежних занятий» [Павленков 1907]. Современные словари иностранных слов фиксируют расширение объема значения слова инвалид, второе из значений, указанных в словаре Ф. Павленкова, становится первым и основным: «человек, неспособный работать по своей профессии или вообще вследствие заболевания, травмы или врожденного дефекта развития» [Словарь иностранных слов 1986 : 190]; «человек, неспособный частично или полностью выполнять определенные действия,

утративший трудоспособность в результате болезни, травмы, вследствие врожденного дефекта» [Современный словарь иностранных слов 1993 : 232]. Аналогичное расширение значения фиксируют и толковые словари. В словаре В. И. Даля приводится следующее значение анализируемой лексической единицы: «отслуживший, заслуженный воин, неспособный к службе за увечьем, ранами, дряхлостью» [Даль 1979 : 44]. Однако уже в словаре Д. Н. Ушакова зафиксированы два значения, которые расширяют представление о семантике лексемы *инвалид*: «(1) инвалид чего или без доп. Человек, утративший трудоспособность вследствие увечья, болезни или старости. Инвалид труда. Инвалид войны. Общежитие инвалидов. || без доп. Военнослужащий, искалеченный на войне или состарившийся на службе до потери трудоспособности (устар.)», приводится и переносное значение: «(2) О старой, с изъянами от долгого употребления вещи (разг. шутил.)» [Ушаков 1939 : 1199-1200]. Обращение к толковому словарю русского языка Т. Ф. Ефремовой показало, что лексема *инвалид* трактуется следующим образом: «(1) тот, кто частично или полностью утратил трудоспособность вследствие увечья, болезни» [Ефремова 2001 : 593]. Зафиксировано и слово женского рода «инвалидка» женский род к существительному: инвалид.

Считаем необходимым дополнить анализ этимонов обращением к словарям синонимов: словарь под редакцией А. П. Евгеньевой делает ссылку с лексемы инвалид на лексему калека: «(человек, лишившийся какой-либо части тела или способности владеть ею), убогий (человек, имеющий увечье или какой-либо физический недостаток), увечный (устар.)» [Евгеньева 1975 : 192]. В Большом русском словаре-справочнике синонимов (близких по смыслу слов) В. Н. Тришина содержится наиболее обширный список синонимов лексемы инвалид: «адинат, ампутант, безногий, безрукий, ветеран, изуродованный, каженик, калека, колченогий, колясочник, нетрудоспособный, обезображенный, опорник, позвоночник, раненый, слепой, спинальник, убогий, увечный, хромой, шейник» [Большой русский словарь-справочник синонимов]. Приведенные в словаре синонимы указывают на конкретные проблемы со здоровьем, либо на его полное или частичное отсутствие, и в большинстве своем носят устаревший, разговорный характер. Анализ синонимического рядов позволяет проследить этнокультурные особенности номинации и восприятия инвалида. Представлено не столь многочисленные, однако многоаспектные подходы (инвалид детства, инвалид Великой отечественной войны), русскоязычный менталитет не ограничивается лишь определением инвалида как человека с ограниченными способностями, непригодного к работе.

Таким образом, подводя предварительные выводы, можно говорить о характерной динамике развития основного значения анализируемой лексемы в сторону ее расширения: если в словаре В. И. Даля инвалид – это воин, неспособный к службе, то на данный момент термин инвалид применяется ко всем категориям граждан, потерявшим полностью или частично трудоспособность, о чем свидетельствует определение, данное в Большом Российском энциклопедическом словаре: «(1) лицо, частично или полностью утратившее работоспособность. 2) В России старый солдат, неспособный к строевой военной службе из-за увечья, ран; иногда тоже, что ветеран. До военной реформы 1860 – 70-х гг. использовались для гарнизонной и караульной службы» [Большой Российский энциклопедический словарь 2003 : 572].

В лингвистических исследованиях понятие *инвалид* анализируется в рамках категории дискриминации, политической корректности, эвфемизации и дисфемизации. Однако, если в русском языке, данная лексема не считается некорректной, то в немецком языке она практически вышла из употребления, вместо нее к использованию сначала рекомендовалось описательное выражение – *behinderte Menschen* (буквально: ограниченные люди; официально: люди с ограниченными возможностями здоровья), которое на данный момент вытесняется формулировкой *Menschen mit Behinderung* (буквально: люди с ограничениями; официально: люди с ограниченными возможностями здоровья). Профессор У. Фикс из Института германистики Лейпцигского университета отмечает, что не может понять, почему *behinderte Menschen* нужно называть *Menschen mit Behinderung*, потому что с лингвистической точки зрения в этих двух формулировках нет никакой разницы. Даже слово *Behinderung* (инвалидность) изначально было выбрано для употребления как нейтральное и должно было заменить такие слова с ярко выраженной отрицательной коннотацией как *der Idiot*, для обозначения людей с умственной отсталостью, и *der Krüppel*, для обозначения людей с ограниченными физическими возможностями. Хотя, размышляя, она также приводит следующий вариант объяснения: в варианте *behinderter Mensch* на первый план выходит лексема *behindert*, т.е. ограниченный, а в варианте *Mensch mit Behinderung* – все-таки *Mensch*, человек. Исследователь также размышляет и еще об одном эвфемистическом варианте номинации инвалидов *anders Begabte*/ иначе одаренные, которое преследует хорошее намерение, выразить что-то положительное относительно того, что говорящий считает негативным. Иначе нет смысла использовать подобные эрзац-слова. При этом данное вспомогательное средство указывает на инаковость (*Anderssein*). Однако это состояние отличия, т.е. указание на то, что человек не является таким как все, также не имеет в обществе позитивного статуса [Prof. Dr. Ulla Fix].

На необходимость соблюдения политической корректности при номинации инвалидов указывается в рекомендациях для журналистов, разработанных «Österreichweite zukunftsorientierte Interessen-Vertretung». Не рекомендуется к использованию употребление следующих слов и выражений: *der/die Behinderte* (инвалид), *die Blinden* (слепые), *die Tauben* (глухие), *der Spastiker* (спастик), *der Amputierte* (ампутированный) (поскольку при этом сокращается наименование лица до указания на один его признак, доминирующий над остальными качествами); *Menschen mit besonderen Bedürfnissen* (лица с особыми потребностями) (поскольку при этом подчеркивается недостаток или какой-либо дефект лица и не упоминаются его иные индивидуальные качества; кроме того, «потребности» есть у любого человека, у человека-инвалида нет каких-либо

особых потребностей); *an den Rollstuhl gefesselt* (прикованный к инвалидному креслу), *an einer Behinderung leiden* (страдать каким-либо недугом) (поскольку они имплицитно говорят о страданиях; рекомендуется использовать выражение *einen Rollstuhl benutzen* (использовать инвалидное кресло); *geistige Behinderung/Geisteskrankheit* (последнее слово является устаревшим, а употребление первого считается спорным: для многих оно является нейтральным, однако для людей, имеющих подобный диагноз, оно кажется грубым, они не считают, что их Geist (ум/ дух) болен и предпочитают варианты *Menschen mit Lernschwierigkeiten*, *Menschen mit Lernschwäche*). Не рекомендуется изображать инвалидов ни в виде жертв, обделенных судьбой, испытывающих страдания, ни в виде героев, мужественно сражающихся со своими недугами. Отмечается, что нельзя противопоставлять лексему *behindert* (ограниченный) лексемам *normal* (нормальный), *gesund* (здоровый), *nicht behindert* (неограниченный). *Normal* и *gesund* не являются антонимами слова *behindert*. *Behinderte Menschen* – не являются ненормальными, они просто нетакие (*einfach anders*). Кроме того, они не обязательно и больны: человек, использующий инвалидное кресло, не чувствует себя больным, он болен тогда, когда у него грипп или корь [*Behinderung und Sprache*]. Указывается на то, что люди-инвалиды не хотят, чтобы их «определяли» по их физическим особенностям. Они тоже люди, имеющие имя, фамилию, свою личную историю. Многие инвалиды выступают за использование таких лексем, как *behinderte Menschen* или *Menschen mit Behinderungen*, потому что главным должен оставаться все-таки человек, т.е. *Mensch*.

Дискриминация людей с ограниченными возможностями называется также «эйблизмом» или «дизэйблизмом», который определяется как «дискриминация, жестокое и оскорбительное поведение по отношению к людям с ограниченными возможностями, основанное на убеждении, что они хуже остальных» [Miller 2004]. Г. Волбринг (Университет Калгари, Канада) относит дизэйблизм к «спутникам» эйблизма: «В своей общей форме эйблизм – это комплекс суеверий, процессов и практик о том, что на основе любой способности возникает понимание себя, своего тела и отношения к особям своего вида, других видов и собственного окружения и подразумевает восприятие себя посредством другого. Эйблизм основывается на предпочтении определенных способностей, которые воспринимаются как фундаментальные, в то время как реальное или мнимое отклонение или отсутствие этих фундаментальных способностей маркируется как дефектное существование, что зачастую приводит к «дизэйблизму», дискриминирующему, унижающему или оскорбительному поведению, которое возникает на основе мнения о том, что люди, не имеющие этих фундаментальных способностей уступают другим» [Wolbring 2009].

Поскольку особое значение имеет для нас и функционирование термина *инвалид* в правовом поле, обратимся к подходам к пониманию анализируемой лексемы в соответствующих тематических словарях. Термин применительно к языку права понимается нами как слово или словосочетание, имеющее юридическое значение, выражающее правовое понятие, применяемое в процессе познания и освоения явлений действительности с точки зрения права [Ивакина 1997 : 153]. По определению Федерального закона «О социальной защите инвалидов» от 20 июля 1995 г. Инвалидом является «лицо, которое имеет нарушение здоровья со стойким расстройством функций организма, обусловленное заболеваниями, последствиями травм или дефектами, приводящее к ограничению жизнедеятельности и вызывающее необходимость его социальной защиты» [Словарь финансовых и юридических терминов]. 13.12.2006 г. Генеральная Ассамблея ООН приняла Конвенцию о правах инвалидов, на данный момент в ней участвуют 175 стран, в том числе и Российская Федерация. Федеральный закон о ратификации Конвенции вступил в силу 15.05.2012. Конвенция признает, «что человек является инвалидом не только в силу имеющихся у него ограничений, но и по причине тех барьеров, которые существуют в обществе» [http://ombudsmanspb.ru/files/files/OON_02_site.pdf]. Отметим, что в отличие от немецкоязычного текста конвенции, в котором используется термин *Menschen mit Behinderungen* (люди с ограниченными возможностями здоровья), в русскоязычном тексте используется именно термин *инвалид*.

Согласно юридической энциклопедии, «инвалид – лицо, которое имеет нарушение здоровья со стойким расстройством функций организма, обусловленное заболеваниями, последствиями травм или дефектами, приводящее к ограничению жизнедеятельности (т.е. к полной или частичной утрате лицом способности осуществлять самообслуживание, самостоятельно передвигаться, ориентироваться, общаться, контролировать свое поведение, обучаться и заниматься трудовой деятельностью) и вызывающее необходимость его социальной защиты» [Тихомирова, Тихомиров 1998 : 180]. Среди причин получения инвалидности указываются: «1) общее заболевание, в т.ч. увечье, несвязанное с производством или работой; 2) трудовое увечье и профессиональное заболевание, профессиональное заболевание пневмокониозом; 3) ранение (контузия, увечье), полученное при защите государства или при исполнении иных обязанностей военной службы, либо заболевание с пребыванием на фронте; 4) увечье, полученное в результате несчастного случая, не связанное с исполнением обязанностей военной службы, либо заболевание, не связанное с пребыванием на фронте» [там же, с. 180]. Кроме того, возможно и установление времени наступления инвалидности; для лиц в возрасте до 16 лет устанавливается категория «ребенок-инвалид». В «Российской юридической энциклопедии» 1999 г. в статье «инвалидность» приводится более подробный список случаев, приводящих к инвалидности [1999 : 369]. В Словаре терминов и определений российского законодательства отдельно приводится дефиниция термина инвалиды Великой Отечественной войны и инвалиды боевых действий [Войтович 2009 : 80–81].

Таким образом, термин *инвалид* отражает оценку состояния здоровья и трудоспособности человека, которая проводится в соответствии с установленными нормативными правовыми актами в установленной

форме. Русский язык отождествляет инвалида с нетрудоспособным человеком, подобное толкование, зафиксированное во всех словарях, появилось позднее основного значения – слабый, больной, нездоровый. Проведенный анализ подтверждает расширение объема значения от воина, неспособного нести службу вследствие полученных увечий или ранений, до человека, потерявшего полностью или частично трудоспособность в результате различных причин. Если в лингвистических словарях фиксируется лексема женского рода *инвалидка*, то юридические словари оперируют исключительно лексемой мужского рода, а, кроме того, преимущественно термином *инвалидность*, в определении которого, ссылаясь на соответствующее законодательство, четко прописываются категории граждан, имеющие право на получение инвалидности. Таким образом, можно говорить об определенной жесткости анализируемого термина, который, однако, способен «эволюционировать». На данный момент, когда в мире меняются и переосмысливаются сформированные веками ценности, *инвалид* приобретает еще более широкое значение: «ВОЗ приравнила к инвалидам тех, кто не может найти себе партнера для секса» [ВОЗ приравнила].

В средствах массовой информации на данный момент наряду с официальным термином *инвалиды* используется и такой термин как *лица с ограниченными возможностями здоровья*, которые имеет большее широкое и общее значение и включает не только лиц, имеющих статус инвалида, но и граждан с ограничениями. Однако в сугубо юридических текстах, используется именно термин *инвалид*, поскольку это связано с наступлением определенных правовых последствий – получением группы инвалидности, определенных льгот и преимуществ. Анализ разных инструментов и каналов коммуникации показывает: если официальная речь стремится к эвфемизации социальной сферы, то повседневная речь, в «слабо контролируемых ситуациях», – к ее дисфемизации, что представляется перспективным для дальнейшего исследования.

Библиографический список

1. Большой Российский энциклопедический словарь. – М. : Большая Российская энциклопедия, 2003. – 1888 с.
2. ВОЗ приравнила к инвалидам тех, кто не может найти себе партнера для секса. – URL: <http://www.vesti.ru/doc.html?id=2812936>
3. Войтович, А. П. Словарь терминов и определений российского законодательства / А. П. Войтович. – Челябинск : Издат. центр ЮУрГУ, 2009. – 371 с.
4. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка / В. И. Даль. – М. : Рус. яз., 1979. – Т. 2. – 779 с.
5. Ефремова, Т. Ф. Новый словарь русского языка / Т. Ф. Ефремова. – М. : Рус. яз., 2001. – Т. 1: А – О. – 1232 с.
6. Ивакина, Н. Н. Профессиональная речь юриста / Н. Н. Ивакина. – М. : Изд-во БЕК, 1997. – 348 с.
7. Конвенция о правах инвалидов. – URL: http://ombudsmanspb.ru/files/files/OON_02_site.pdf
8. Михельсон, А. Д. Объяснение 25000 иностранных слов, вошедших в употребление в русский язык, с означением их корней. – 1865. – URL: <http://enc-dic.com/fwords/Invalid-14265.html>
9. Новый иллюстрированный энциклопедический словарь. – М. : Большая Российская энциклопедия, 2003. – 912 с.
10. Павленков, Ф. Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка / Ф. Павленков. – 1907. – URL: <http://enc-dic.com/fwords/Invalid-14265.html>
11. Попов, М. Полный словарь иностранных слов, вошедших в употребление в русском языке / М. Попов. – 1907. – URL: <http://enc-dic.com/fwords/Invalid-14265.html>
12. Словарь иностранных слов. – М. : Рус. яз., 1986. – 608 с.
13. Словарь синонимов : справ. пособие. – Ленинград : Наука, Ленинградское отделение, 1975. – 648 с.
14. Словарь синонимов русского языка : практ. справочник. – М. : Рус. яз., 1993. – 495 с.
15. Словарь финансовых и юридических терминов. – URL: http://www.consultant.ru/law/ref/ju_dict/word/invalid/
16. Современный словарь иностранных слов. – М. : Рус.яз., 1993. – 740 с.
17. Статистика инвалидности в России. – URL: http://specialbank.ru/2016/10/18/stats_russia
18. Тихомирова, Л. В. Юридическая энциклопедия / Л. В. Тихомирова, М. Ю. Тихомиров. – М. : Юринформцентр, 1998. – 526 с.
19. Тришин, В. Н. Большой русский словарь-справочник синонимов / В. Н. Тришин. – URL: <http://trishin.net>
20. Ушаков, Д. Н. Толковый словарь русского языка / Д. Н. Ушаков. – М. : ОГИЗ, 1939. – Т. 1. – 1562 с.
21. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка / М. Фасмер. – М. : Прогресс, 1967. – Т. 2. – 671 с.
22. Черных, П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка / П. Я. Черных. – М. : Рус.яз., 2002. – Т. 1. – 624 с.
23. Чудинов, А. Н. Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка / А. Н. Чудинов, 1910. – URL: <http://enc-dic.com/fwords/Invalid-14265.html>
24. Шанский, Н. М. Краткий этимологический словарь русского языка : пособие для учителя / Н. М. Шанский. – М. : Просвещение, 1971. – 542 с.
25. Behinderung und Sprache. BVP ORF-Fernsehen Programm. – 2015. – Juni. – URL: <http://docplayer.org/47970008-Behinderung-und-sprache-handout-fuer-journalistenkolleginnen-und-kollegen-von-den-bvp-im-orf-fernsehen-programm-1.html>
26. Miller, P. Disablism How to tackle the last prejudice / P. Miller, S. Parker, S. Gillinson. – 2004. – URL: <http://lx.iriss.org.uk/sites/default/files/resources/Disablism.pdf>
27. Prof. Dr. Ulla Fix. – URL: home.uni-leipzig.de/muellerg/su/fix.doc
28. Wolbring, G. Die Konvergenz der Governance von Wissenschaft und Technik mit der Governance des «Ableism» // Technikfolgenabschätzung – Theorie und Praxis / G. Wolbring. – 2009. – № 2. – September. – URL: https://www.tatup-journal.de/downloads/2009/tatup092_wolb09a.pdf

КЛЮЧЕВЫЕ НОМИНАЦИИ СУБЪЕКТОВ КОРРУПЦИОННОГО ДЕЯНИЯ В РУССКОМ И БОЛГАРСКОМ ЯЗЫКАХ¹⁴

О. В. Барабаш

Пенза, Россия

KEY NOMINATIONS OF CORRUPTION ACTION SUBJECTS IN RUSSIAN AND BULGARIAN LANGUAGES

O. V. Barabash

Penza, Russia

Аннотация. На материале русского и болгарского языков рассматриваются ключевые номинации субъектов коррупционного деяния, выявляются сходства и различия их концептуализации в родственных языках. Приводятся результаты опроса, демонстрирующие динамику восприятия значения номинаций «взяточник» и «рушветчия» в русском и болгарском языках соответственно.

Ключевые слова: номинация, семантика, коррупция, взятка, взяточник, рушветчия.

Abstract. The article on the materials both in the Russian and Bulgarian languages examines the key nominations of corruption action subjects, reveals the similarities and differences in the conceptualization of the related languages.

The results of the survey indicate the dynamics in the perceived meaning the words "briber" ("recipient of bribery") and "rushvetchia" in Russian and Bulgarian respectively.

Key words: nomination, semantics, corruption, bribe, , briber and (or) recipient of bribery, rushvetchia.

В синхроническом тождестве слова есть отголосок его прошлых изменений и намеки на будущее развитие...

В. В. Виноградов

Вводные замечания

В данной статье мы продолжаем исследование языковых репрезентаций феномена коррупции и намерены уделить более пристальное внимание ключевым номинациям субъектов коррупционного деяния в русском и болгарском языках.

Обращение к русской и болгарской лексике обусловлено тем, что, с одной стороны, речь идет о родственных языках и близости культур, что дает основания выдвинуть предположение об определенном сходстве способов представления концепта коррупции в семантическом пространстве обоих языков. С другой стороны, человеческий опыт классифицируется в культурно детерминированных значениях, в связи с чем интерес представляет возможность сравнительного анализа, результатом которого может стать выявление национальной специфики в формировании системы номинаций, используемых для обозначении субъектов коррупционных отношений в России и в Болгарии.

Материалом исследования послужили русские и болгарские лексикографические и нормативно-правовые источники, тексты СМИ, в том числе зафиксированные в Национальном корпусе русского языка и в Болгарском национальном корпусе (Български национален корпус), а также данные осуществленного нами параллельного опроса.

I. Наименования субъектов коррупции по лексикографическим и нормативно-правовым источникам

Русский язык

Обращение к словарям [Михельсон 1877; Чудинов 1894; Глебов 1906; Толковый словарь 1905; Толковый словарь 1935] позволяет заключить, что в активное употребление в русском языке слово «коррупция» вошло не раньше первой трети XX вв. (см. подробнее в [Барабаш 2017 : 224–225]). Кодификация же термина «коррупция» была осуществлена в отечественном законодательстве только в начале XXI в. с принятием Федерального закона от 25.11.2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции».

Термин «коррупция» оказался емкой единицей, способной аккумулировать в своей внутренней форме представления о целой системе веками существующих общественных практик, центральной из которых является взяточничество.

Среди номинаций, исторически участвующих в формировании понятия коррупции, отчетливо выделяются две группы: первая характеризует ситуацию с позиции субъекта, дающего взятки (актора), а вторая – с позиции субъекта, берущего взятки. Наглядно соотношение указанных номинаций представлено в таблице 1.

¹⁴ Статья подготовлена в рамках поддержанного РФФИ проекта № 18-012-20029.

Ситуация с позиции Субъекта 1 (того, кто дает взятку)	Ситуация с позиции Субъекта 2 (того, кто берет взятку)
Подкуп, дача взятки	Взятничество, мздоимство, лихоимство, посулоимство, посулоимание, злоупотребление властью (полномочиями), злоупотребление служебным положением

Как видно из таблицы, основная часть многообразных способов номинации феномена коррупции соотносится в русском языке с понятием берущего взятку, и лишь «подкуп» и «дача взятки» – с понятием взятку дающего. Естественно, что и участники различных форм коррупционных отношений получили соответствующие обозначения:

лиходатель / лихоимец, лихоимщик,
мзодатель / мздаватель, мздоимец, мздолюбец,
взяткодатель / взяткополучатель,
подкупщик / Ø,
Ø / посульник,
Ø (?) / взятчик,
Ø (?) / коррупционер.

Формальные признаки позволяют поделить приведенные номинации на три группы:

1. номинации субъекта, дающего взятку;
2. номинации субъекта, берущего взятку;
3. номинации, характеризующие обоих субъектов (?)¹⁵.

Интересно, что среди номинаций, представляющих субъекта, дающего взятку, трудно выделить слово, которое использовалось бы в современном русском языке в качестве общеупотребительного. Термин «взяткодатель» (впрочем, как и «взяткополучатель») отсылает нас к правовому дискурсу [см., например, ст. 290, 291, 291.1, 291.2 УК РФ]. Слово «подкупщик» в Национальном корпусе русского языка отмечено единственным примером из «Артикула воинского» Петра I (1715 г.). Факт единичного вхождения лексемы «подкупщик» в корпус можно расценить как аргумент в пользу ее малой распространенности. Слово «лиходатель» появилось в эпоху Петра I и, хотя затем встречается в литературе (например, в произведении Н. С. Лескова «Сим воспрещается...» (1869 г.)), также представляет собой низкочастотную номинацию. В «Толковом словаре живого великорусского языка В. И. Даля» (1905 г.) присутствует термин «мзодатель» – в словарной статье, раскрывающей значение слова «мзда», однако «мзодатель» также характеризуется низкочастотным употреблением.

В то же время, опираясь на данные Национального корпуса русского языка, тексты русской художественной литературы, можно заметить, что в случае обращения к теме коррупционных отношений специальную номинацию значительно чаще получает именно субъект, берущий взятку, например:

И где со мною ни сойдутся
Лжецы, мздоимцы, гордецы;
Отвсюду мною изженутся
В дальнейшие земны концы,
Иль казнь повергнет их во гроб [Державин 1745].

При этом «мздоимец» и «лихоимец», получившие в современных словарях помету «устаревшее», все еще продолжают использоваться в речи, особенно в публицистике, иными словами не могут считаться вышедшими из употребления, в то время как обозначающие дающего взятку слова «мзодатель», «лиходатель» и «подкупщик» не просто вышли из употребления, но даже не упоминаются в современных словарях.

Начиная с 2000 г. Национальный корпус русского языка фиксирует вхождения номинации «коррупционер», которая используется для обозначения должностных лиц, замешанных в коррупционных правонарушениях. Следует признать, что в последние годы это слово все более активно осваивается русским языком, появляясь в публикациях СМИ, например:

«... по мнению костромичей, главные *коррупционеры* в Костроме – это врачи, автоинспекторы и чиновники» [Коррупционеры и взятчики 2018];

«В России появился реестр *коррупционеров*» [В России 2018].

Однако наиболее употребимой все еще остается в современном русском языке лексема «взятчик». Согласно данным толковых словарей взятчик – это «берущий, принимающий взятки» [Ушаков 1935], «тот, кто берет взятки» [Ожегов 2013: 78], [МАС]. Например:

¹⁵ Поставим здесь пока знак вопроса и вернемся к этому пункту чуть ниже.

«...взяточник сначала пересчитает деньги, а потом уж добросовестно выполнит взятые на себя обязательства» [Чулаки 2002];

«Если человек по психологии жулик и *взяточник*, ему любая зарплата будет казаться недостаточной, и он все равно будет искать пути, как получить дополнительные доходы» [Шанцев 2004].

Таким образом, система номинативных единиц, вербализующих концепт коррупции в русском языке, в большей степени ориентирована на обозначение «берущего взятку», а в меньшей – на «взякодателя». Одним из объяснений такого «перевеса» может служить комментарий, обнаруженный нами в «Учебнике уголовного права» П. Д. Калмыкова (1866 г.): «Мздоимство всегда предполагает другое лицо, которое есть участник, мзодатель, онъ менѣ виновенъ, нежели берущій подарокъ» [Калмыков 1866: 533]. Иными словами, большего общественного осуждения заслуживает, по данным языка, именно взякополучатель (должностное лицо, чиновник), который выступает при таком подходе преступником, олицетворением зла, в то время как взякодатель – «жертвой», зависимой от воли подкупаемого лица.

Показательным в этом отношении представляется и то, как как определяется в толковых словарях взяточничество: «*обычай брать взятки*, караемый законом; систематическое *пользование взятками*» [Толковый словарь 1935]; «должностное *преступление*, заключающееся в *получении взятки*» [Ожегов 2013 : 78]. Кроме того, сама форма слова «взятка», восходящего к глаголу «взять» (въз- + jęti ‘брать’), обнаруживает смещение фокуса с «дающего» (а ведь именно понятие того, *что и с какой целью дается* положено в основу толкования взятки) на «берущего», то есть того, кто «взял», поэтому и «взятка», а не «*датка» [Барабаш 2016: 262]. Более того, устоявшееся сочетание «брать взятки» оказывается плеоназмом, так как в нем удваивается семантика пересекающихся глаголов «брать» и «взять», образующих в русском языке супплетивную видовую пару. (Генетическая парадигма «*Давать//дать* → *брать* → *взять* → *иметь* → *нести* → *давать*» на праславянском уровне подробно рассмотрена в работе Н. В. Пятаевой [Пятаева 2007]).

Болгарский язык

В болгарский язык слово «коррупция», согласно этимологическому словарю, пришло «через русское *коррупция*, пол. *korupsja*, нем. *Korruption*, фр. *corruption* от лат. *corruptio* “разпада, подкупване”» [Български етимологичен речник 1979, 2 : 649]. В настоящее время термин «коррупция» получил закрепление в «Законе о противодействии коррупции и о конфискации незаконно приобретенного имущества» [Закон за противодействие на корупцията 2018].

Русскому слову «взятка»¹⁶ в болгарском языке соответствуют «подкуп»¹⁷ в правовой и «рушвет» в обыденной коммуникации. *Подкуп* определяется словарем как «пари, подаръци или други материални облаги, които се дават някому за бѣде склонен да действа в нечий интерес, обикн. незаконно, непотчено; рушвет» [Речник на българския език 2008, 14], то есть деньги, подарки или другие материальные блага, которые дают кому-то с целью склонить к действиям в чьих-либо интересах, обычно незаконно. В свою очередь, *рушвет* подается как подкуп, но с пометой «разговорное».

Субъекты коррупционных отношений получают соответствующие производные номинации: *подкупник*, *продажник*, *рушветчия*, *корумпиран служител*.

Слово «*подкупник*» отмечено в толковом словаре как устаревшее и трактуется как «човек, който приема подкупи, който се подкупва, рушветчия, продажник» [Речник на българския език 2008, 12]. Несмотря на то, что в Уголовном кодексе Республики Болгарии присутствует целая глава, посвященная подкупу как наказуемому деянию, номинация «*подкупник*» в нормативном правовом акте не используется.

«*Продажник*» в словаре синонимов приводится в одном ряду со словом «подкупник», является более употребимым в различных типах дискурса, однако его семантика шире, например, русского слова «взяточник», так как продажником может быть названо любое лицо (не обязательно должностное), которое за вознаграждение поступает подло, нечестно, как подлец и предатель: «1. Лице, което е предало някого или е изменило на някого или нещо. 2. Продажен, безчестен, непотчен човек; подлец» [Речник на българския език 2008, 12].

Наиболее близким по смыслу к слову «взяточник» является в болгарском языке слово «*рушветчия*», широко распространенное в обыденной коммуникации, художественной литературе и публицистике, например:

«Спецотряд ще дебне катаджии рушветчии» [Спецотряд 2011].

Рушветчия определяется в словаре как «човек, който взема рушвети, склонен е да се подкупва» [Речник на българския език 2008, 13], то есть мы видим общий компонент в семантике лексем «взяточник» и «рушветчия», а именно ‘тот, кто берет взятки’. Интересно, что по происхождению болгарское слово восходит к «руша» (рус. «разрушать»), что соотносит его с термином «коррупция», этимологически восходящим к лат. *corruptio* ‘порча, разложение’.

В публикациях СМИ нередко можно встретить и такую номинацию субъекта коррупционного деяния, как «корумпиран служител», например:

¹⁶ В болгарском языке присутствует и слово «взятка», но оно считается устаревшим и означает не взятку вообще, а именно небольшую (бытовую?) взятку: «Остар. Дребен подкуп, рушвет» [Речник на българския език, 2002]. В современном болгарском языке это слово практически не употребляется.

¹⁷ Характерно, что и в других славянских языках взятке соответствуют лексемы, семантика которых ориентирована на актора, то есть «дающего» субъекта. Ср., например, обозначающие взятку чешское – «úplatek», словацкое – úplatok.

«Полиция задържаша корумпиран служител на електроразпределително дружество във Варна» [Полиция 2017].

Отметим, что в целом в болгарском языке номинации субъектов коррупционных отношений представлены меньшим количеством единиц, чем в русском языке. При этом в антикоррупционном законодательстве Болгарии специальные номинации субъектов коррупционного деяния (наподобие взяткодателя и взяткополучателя) отсутствуют вовсе, и характеристика того или иного субъекта дается через описание объективной стороны деяния, например:

«Длъжностно лице, което поиска или приеме дар или каквато и да е облага, която не му се следва, или приеме предложение или обещание за дар или облага, за да извърши или да не извърши действие по служба или загдето е извършило или не е извършило такава действие, се наказва за подкуп с лишаване от свобода до шест години и глоба до пет хиляди лева» [Наказателен кодекс, Раздел IV, чл. 301];

«Който предложи, обещае или даде подкуп на длъжностно лице, което заема отговорно служебно положение, включително съдия, съдебен заседател, прокурор или следовател, се наказва с лишаване от свобода до десет години и глоба до петнадесет хиляди лева» [Наказателен кодекс, Раздел IV, чл. 304a].

Таким образом, анализ лексикографических и нормативно-правовых источников свидетельствует о том, что в болгарском языке отсутствует прямая номинация лица, дающего взятку, несмотря на то, что его активная роль имплицитно заложена в семантике термина «подкуп».

II. Взяточник и рушветчия в восприятии современных носителей языка

В данном разделе мы хотели бы вернуться к знаку вопроса, оставленному нами в первом параграфе. Анализ языкового материала подтолкнул нас к предположению, что среди выявленных нами номинаций могут быть такие, которые в равной степени соотносимы как с актором, так и с адресатом ситуации подкупа. С помощью google.forms была создана небольшая онлайн-анкета, в которой участникам предлагалось указать сферу своей профессиональной деятельности (юриспруденция, медицина, образование, государственное управление, бизнес и предпринимательство, другое), а затем выбрать один из вариантов ответа на вопрос:

Взяточник – это:

- A. скорее тот, кто берет взятки;
- B. скорее тот, кто дает взятки;
- C. и тот, и другой в равной степени?

Аналогичная анкета была создана на болгарском языке в отношении слова «рушветчия». В рамках данной статьи мы осуществим общий сравнительный анализ результатов опроса в России и в Болгарии¹⁸.

Вопреки нашим ожиданиям, обусловленным анализом русских и болгарских лексикографических источников, в которых «взяточник» и «рушветчия» выступают в значении «тот, кто берет взятку (подкуп)», участники опроса давали различные ответы. Процентное соотношение полученных ответов представлено в диаграммах.

Диаграмма 1

Как видно из диаграммы 1, почти 40 % носителей русского языка считают, что взяточником можно назвать и того, кто берет, и того, кто дает взятку. Интересно, что в личных комментариях одни реципиенты сообщали, что при прохождении опроса выбрали вариант «скорее тот, кто берет взятку», но при этом все

¹⁸ Результаты опроса, полученные в зависимости от распределения реципиентов по сферам профессиональной деятельности, будут обработаны и представлены в дальнейших публикациях.

же склоняются к тому, что если для взяточничества необходимо участие двух сторон, то значит и взяточником можно назвать обоих участников этих отношений. Другие реципиенты комментировали свой выбор более уверенно: «И тот, и другой в равной степени конечно же!» Третьи пытливо вопрошали: «А как правильно?» Разумеется, трудно представить, чтобы взрослый носитель русского языка не был вообще знаком с понятием «взяточник» и *по этой* причине задавал такой вопрос, ведь слова «взяточничество» и «взяточник» известны старшим школьникам, изучающим русскую литературу, в частности, произведения Н. В. Гоголя, М. Е. Салтыкова-Щедрина, А. П. Чехова и др.

Таким образом, можно утверждать, что наметилось некоторое смещение в восприятии семантики слова «взяточник» в русском языке, которое можно охарактеризовать как стремление к уравниванию позиций субъектов коррупционных отношений.

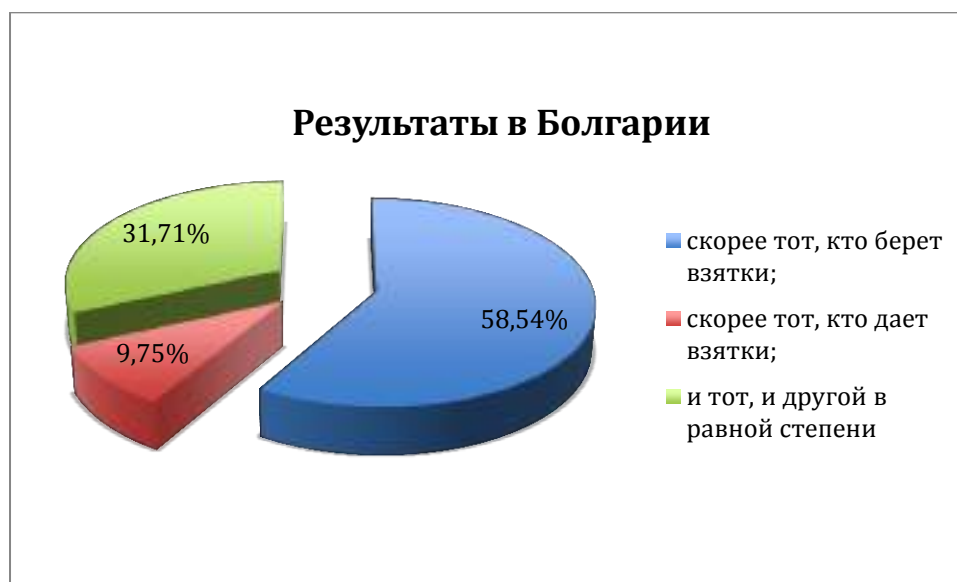

Диаграмма 2

Аналогичная ситуация прослеживается и в болгарском языке: более 30 % участников опроса считают, что обе стороны коррупционного деяния могут быть поименованы как «рушветчия».

На наш взгляд, одной из важных *причин*, повлиявших на восприятие понятий «взяточник» и «рушветчия» в русском и болгарском языках соответственно, является, помимо собственно языковых факторов, усиление антикоррупционной политики в обеих странах, принятие в 2008 г. в России и в 2018 г. в Болгарии специальных законов, направленных на противодействие коррупции, постоянное освещение в прессе «громких» дел, связанных с коррупционными проявлениями в различных сферах общественной жизни.

Результаты опроса и наши предположения подтверждаются примерами. Так, заголовок российской интернет-публикации гласит: «Взяточников отстранят от участия в госзакупках на 2 года», а затем из первого предложения статьи становится понятным, кого авторы называют «взяточниками»: «Компаниям, уличенным в даче взятки, запретят участвовать в госзакупках в течение 2 лет» [Взяточников отстранят 2016]. Еще более показательный пример: «Студенты-взяточники совратили преподавателей Волгоградского института бизнеса» [Студенты-взяточники 2018]. В болгарской интернет-публикации под названием «Стига сте подкупвали катаджии, вкараха още двама рушветчии в ареста» [Стига сте подкупвали катаджии 2018] речь идет о попытках нарушителей правил дорожного движения, которых автор называет «рушветчии», подкупить дорожную полицию.

Заключение

Будучи родственными, русский и болгарский язык демонстрируют определенное сходство способов концептуализации феномена коррупции. В то же время сравнение ключевых номинаций субъектов коррупционного деяния в русском и болгарском языках дает возможность увидеть и принципиальные различия, обусловленные как историей развития языков, формирования их лексического состава, так и спецификой правовых систем в России и Болгарии.

Полагаем, что подобное исследование, с одной стороны, представляет теоретический интерес с точки зрения изучения динамических процессов в семантике пересекающихся в русском и болгарском языках единиц. С другой стороны, сравнение обыденного («наивного») и профессионально обусловленного восприятия слов «взяточник»/«рушветчия» в русском и болгарском языках соответственно может быть полезным в контексте осуществления антидиффамационных экспертиз, а также формирования и совершенствования стратегий антикоррупционной политики в России и в Болгарии.

Автор благодарит А. Пенчеву (г. София, Болгария) за ценные советы и консультации

Библиографический список

1. Барабаш, О. В. Концепт «Коррупция» и его репрезентации в семантическом пространстве русского языка / О. В. Барабаш // Политическая лингвистика. – 2017. – № 6 (66). – С. 223–229.
2. Барабаш, О. В. Феномен коррупции в семантическом пространстве русского языка: к постановке проблемы / О. В. Барабаш // Язык. Право. Общество : сб. ст. Междунар. науч.-практ. конф. (г. Пенза, 11–13 октября 2016 г.) / под ред. О. В. Барабаш, Т. В. Дубровской, А. К. Дятловой, Н. А. Павловой. – Пенза : Изд-во ПГУ. – С. 259–265.
3. Взятчиков отстранят от участия в госзакупках на 2 года // Навигатор контрактной системы. – 03.10.2016. – URL: <http://zakupki-inform.ru/publikatsii-44-fz/zakupki-v-smi/vzyatochnikov-otstranyat-ot-uchastiya-v-goszakupkakh-na-2-goda-102016.html>
4. Глебов, Ф. П. Объяснитель непонятных для народа слов, встречающихся в газетах: необходимая справочная книжка для читателей газет / Ф. П. Глебов ; сост. Ф. П. Глебов. – СПб. : Тип. В. Ф. Киршбаума, 1906. – 58 с.
5. Калмыков, П. Д. Учебник уголовного права. Часть общая / П. Д. Калмыков. – СПб. : Общественная Польза, 1866. – 551 с.
6. Михельсон, А. Д. Объяснение всех иностранных слов (более 50 000 слов), вошедших в употребление в русский язык, с объяснением их корней. По словарям: Гейзе, Рейфа и др. / А. Д. Михельсон ; сост. Михельсон. – 7-е изд., доб. вторым томом. – М. : Тип. Э. Лисснерь и Ю. Романь, 1877. – Т. 1. – 560 с.
7. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка : около 100 000 слов, терминов и фразеологических выражений / С. И. Ожегов; под ред. Л. И. Скворцова. – 27-е изд., испр. – М. : Мир и образование, 2013. – 736 с.
8. Пятаева, Н. В. Генетическая парадигма «Давать // дать → брать → взять → иметь → нести → давать» в истории русского языка : автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.01 / Пятаева Н. В. – Уфа, 2007. – 48 с.
9. Словарь русского языка : в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. – РАН. Ин-т лингвист. исслед. – 4-е изд., стер. – М., 1999. – Т. 1. А–Й. – 702 с.
10. Студенты-взяточники совратили преподавателей Волгоградского института бизнеса // Блокнот. – Волгоград. – 10.04.2018. – URL: <http://bloknot-volgograd.ru/news/studenty-vzyatochniki-sovratili-prepodavateley-vol-959516>
11. Толковый словарь русского языка : в 4 т. / под ред. Д. Н. Ушакова ; сост. Г. О. Винокур, Б. А. Ларин, С. И. Ожегов, Б. В. Томашевский, Д. Н. Ушаков ; под ред. Д. Н. Ушакова. – М. : Гос. ин-т «Сов. энцикл.» : ОГИЗ, 1935. – Т. I: А – Кюрины.
12. Уголовный кодекс Российской Федерации № 63-ФЗ от 13.06.1996 (ред. от 23.04.2018, с изм. от 25.04.2018). – URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=296536&fld=134&dst=2100,0&rnd=0.8413223091047257#08561517915222794>
13. Чудинов, А. Н. Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка / Чудинов А. Н. / под ред. А. Н. Чудинова. – СПб. : Изд. книгопродавца В. И. Губинского, 1894. – 1002 с.
14. Чулаки, М. Примус. Роман (Окончание) / М. Чулаки // Звезда. – 2002. – № 2. – URL: <http://magazines.russ.ru/vezda/2002/2/chul-pr.html>
15. Шанцев, В. Взятчики и непрофессионалы сами уйдут из мэрии / В. Шанцев // Известия. – 16.01.2004. – URL: http://search1.ruscorpora.ru/search.xml?env=alpha&mydocsize=&dpp=&spp=&spd=&text=lexform&sort=gr_tagging&lang=ru&nodia=1&req=%E2%E7%FF%F2%EE%F7%ED%E8%EA&mode=paper&p=9
16. Български етимологичен речник / Съст. В. Георгиев, Ив. Гълъбов, Й., Заимов Ст. та ин. Илчев. – София : Изд-во на Българската Академия на Науките, 1979. – Т. 2 (И – КРЕПЯ). – 740 с.
17. Закон за противодействие на корупцията и за отнемане на незаконно придобитото имущество от 09.03.2018. – URL: <http://www.ciaf.government.bg/pages/view/nacionalno-29/>
18. Наказателен кодекс от 01.05.1968 (изм. и доп. ДВ. бр.20 от 09.03.2012). – URL: http://www.unesco.org/culture/pdf/antipiracy/Bulgaria/bg_CrimCode_bg.pdf
19. Полиции задържаха корумпиран служител на електроразпределително дружество във Варна // Factor.bg. – 30.09.2017 – URL: <http://kanal3.bg/news/61751-Spipaha-korumpiran-sludzitel-na-elektrozpredelitelno-drudzestvo>
20. Речник на българския език. – Т. 12 (П – Поемка). – София : АИ «Проф. Марин Дринов» : ЕТ «ЕМАС», 2004. – 1075 с.
21. Речник на българския език. – Т. 14 (Прелет – Пясъчножълт). – София : АИ «Проф. Марин Дринов», 2012. – 1224 с.
22. Речник на българския език. – Т. 15 (П). – София : Изд-во на БАН «Проф. Марин Дринов», 2015. – 1602 с.
23. Речник на българския език. – Т. 2 (В). – 2-е изд., доп. и прераб. – София : АИ «Проф. Марин Дринов» : ЕТ «ЕМАС», 2002. – 768 с.
24. Спецотряд ще дебне катаджии рушветчии // КАТ контрол. – 27.05.2011. – URL: http://katcontrol.blogspot.ru/2011/05/blog-post_6215.html
25. Стига сте подкупвали катаджии, вкараха още двама рушветчии в ареста. – URL: <http://pzdnes.com/2018/04/10/стига-сте-подкупвали-катаджии-вкарах/>
26. Толковый словарь живого великорусского языка Владимира Даля. – 3-е изд. испр. и доп. / под ред. проф. И. А. Боуэна-де-Кургенэ. – СПб. ; М. : Товарищество М. О. Вольфъ, 1905. – Т. II (И-О). – 1018 с.

ЮРИДИЧЕСКИЙ ТЕРМИН: ОСОБЕННОСТИ СОЗДАНИЯ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ В РАЗЛИЧНЫХ ДИСКУРСАХ

Н. С. Громова

Екатеринбург, Россия

LEGAL TERM: CREATION AND FUNCTIONING IN VARIOUS DISCOURSES

N. S. Gromova

Ekaterinburg, Russia

Аннотация. Рассматриваются пути эволюционного и директивного создания терминов. Юридические термины относятся к директивному, что определяет природу их бытования. Исследуется функционирование юридических терминов в экспертном, профессиональном и бытовом дискурсах. Анализируются закономерности семантико-функциональной дуальности в процессе смены дискурса.

Ключевые слова: термин, юридический термин, дискурс, семантико-функциональная дуальность.

Abstract. The article discusses the ways of evolutionary and directive creation of terms. Legal terms refer to the directive creation, which determines the nature of their existence. The functioning of legal terms in expert, professional and everyday discourses is investigated. The regularities of semantic-functional duality in the process of discourse change are analyzed.

Key words: term, legal term, discourse, semantic-functional duality.

Уже с первой трети XX века ученые проявляют повышенный интерес к специальной лексике, в результате чего формируется самостоятельная наука – терминоведение. Принципиальным водоразделом между терминами и иной лексикой, обеспечивающей сферу профессиональной коммуникации (жаргонизмы, профессионализмы, номены, предтермины, квазитермины, терминоиды и пр.), становится выявление ряда особенностей первой группы. В словарных статьях Н. В. Васильевой, размещенных в словарях под редакцией В. Н. Ярцевой и Ю. Н. Караулова, пять особенностей термина указываются в качестве основных: 1) системность; 2) наличие дефиниции (для большинства); 3) тенденции к моносемичности в пределах своего терминологического поля; 4) отсутствие экспрессии; 5) стилистическая нейтральность. Соответствие всем этим качественным показателям и их перманентная ретранслируемость в процессе функционирования лексемы указывает на то, что перед нами термин.

Термины представляют особую группу лексики, выполняющую целый спектр специальных функций. Терминология как система не представляет собой хаотичные номинативные действия субъекта, она является результатом коллегиальных планомерных процессов когнитивных трансформаций. Конструирование термина зависит от его функционального предназначения, что и определяет разную природу существующих терминов.

Существующие термины можно разделить на две группы: созданные эволюционным путем или директивным. Первая группа проходит путь качественных изменений от плана содержания к плану выражения, вторая – наоборот. В первом случае имеет значение набор характеристик, признанных экспертным сообществом в качестве доминантных, в соответствии с которыми подбирается форма и конструируется дефиниция. Используя теорию эволюции знания А. М. Каплуnenко, отметим, что термин при этом является результатом динамического перехода знания от концепта через дискурс различий и дискурс согласования к дискурсу экспертного сообщества [Каплуnenко 2007]. Так, можно сказать, что процесс создания термина в этом случае проходит стадии от множества возможных вариантов до единственно оптимального (метод воронки). Во втором случае существование термина определяется внешними причинами и он появляется «в результате «принудительных» семантических процедур» [Каплуnenко 2012 : 21]. Процесс развития термина идет обратным путем: от результата деятельности экспертного сообщества к широкому распространению и, возможно, созданию концепта в дальнейшем. В этом случае процесс создания термина проходит стадии от одного возможного до единственно правильного (метод обработки).

Если проанализировать количественно-качественные показатели первой и второй группы терминов, то можно установить определенную закономерность в их принадлежности к научным и профессиональным сферам. Эволюционный путь свойствен техническим и естественным наукам, как более закрытым от публичных социальных процессов; директивный – общественным, как напрямую связанным с публичной социальной жизнью. Так, математические, геофизические или нанотехнологические термины редко выхо-

дят за пределы профессиональной деятельности экспертного сообщества. Сложно себе представить, что СМИ будут обсуждать доказательство теоремы Ферма, используя термины «метод бесконечного спуска», «натуральные решения» и т. д. Однако термины общественных наук можно назвать «общественным достоянием» благодаря широкому обсуждению социально значимых процессов, их использование определяется процессами в окружающей действительности, доступными для созерцания и анализа каждому человеку. Термины «демократия», «правонарушение», «закон» и многие другие широко используются в любых социальных группах, а не только в закрытом профессиональном сообществе. Именно поэтому создание таких терминов зависит не только от потребностей самого сообщества (в частности, юридического), но и от потребностей общества в целом.

Юридические термины представляют собой особую группу терминов, созданную директивным способом: их содержание меняется не только под влиянием профессиональной среды, но и под воздействием социальной среды в широком смысле. С изменением внутривластного курса, вектора международной политики, направленности социальных процессов содержание юридического термина может меняться либо с сохранением формы, либо с ее частичной или полной заменой. Так, участие в международных отношениях предполагает в определенной степени и унификацию терминологии с целью избежания разногласий и противоречий. Следовательно, изменение одного правового акта приводит к изменению целого ряда взаимосвязанных актов и трансформации социальной политики государства в целом. Таких последствий не будет, если ученые захотят изменить слово или даже ряд слов в дефиниции терминов закрытых научных или профессиональных систем (например, от нового определения «медианы» или «метафоры» не изменятся меры государственного принуждения). В силу динамизма социальных процессов юридические термины не могут подвергаться изменениям только в процессе эволюции, они нуждаются в своевременной трансформации и поэтому чаще меняются директивным путем.

Можем сформулировать базовый дифференцирующий компонент, свойственный юридической терминологии: формируется директивным путем и получает обязательно закрепление в профильном нормативно-правовом акте, без официальной ратификации не получает указанный статус. Для более подробной характеристики юридических терминов как особой группы лексики используем удачное определение О. П. Носиковской: «это слово (или словосочетание) юридического языка, содержащее указание на имя понятия, имеющее в своем составе дефиницию, обладающее точным смыслом и определенным значением, относящееся к соответствующей отрасли права и закрепленное в тексте нормативно-правового акта» [Носиковская 2016 : 12].

При этом нельзя не заметить, что юридические термины стоят особняком среди всех остальных терминов в силу их особого правового статуса. С включением в текст правового акта языковой единицы она перестает быть частью только лингвистического пространства и приобретает нормативный характер. Юридические термины создаются не только для того, чтобы номинировать те или иные явления, но и с целью их маркировать в качестве правоприменительных и противоправных, требующих карательных последствий или нет. Юридический термин выступает своеобразного рода мерилом поведения конкретного человека по отношению к нормам окружающего его социума.

Термин, как мы определили выше, не должен выражать экспрессии, желательности и отсутствия в нем оценочности как таковой. Казалось бы, юридические термины по этому критерию должны быть максимально стандартными, но, как ни странно, это совершенно не так. Во многих случаях юридические термины в процессе активного бытования за пределами экспертного сообщества становятся больше концептами, сентенциями, не только номинирующими, но и выражающими отношения законодателя к субъекту или объекту, их признакам или действиям/бездействию. При этом выражение этой оценки можно считать эксплицитной: автор в тексте закона прямо и открыто заявляет свою позицию в отношении конкретного юридического факта. Например, списокотягчающих и смягчающих вину обстоятельств.

Специфика юридического термина состоит в том, что он обладает семантико-функциональной дуальностью. Большая часть юридических терминов, будучи известной широкому кругу непрофессионалов и одновременно обслуживая различные дискурсы, имеет в них различный семантико-функциональный потенциал.

Условно выделим три типа дискурсов, где юридические термины функционируют по-разному: экспертный, профессиональный и бытовой.

Первый тип – экспертный дискурс – включает только коммуникацию юристов определенной отраслевой специальности, которые владеют всей терминологией в ее исконном понимании, определенном в первоисточнике – профильном законе. Помимо этого, представители экспертного сообщества понимают системный характер юридических терминов и интерпретируют каждый конкретный термин в его взаимосвязи с семантикой терминов высшего и низшего порядка, что обеспечивает единообразное понимание семантики в процессе правоприменения, хотя за пределами этого процесса понимание может и различаться. Необходимость использования терминологии связана с реализацией целого ряда функций, обусловленных функциями права как регулятора общественных отношений: организационно-регламентирующей, охранительной, правоустановительной и др.

Второй тип – профессиональный дискурс – включает группу лиц, имеющих профессиональную связь с той или иной правовой сферой и обладают в ней набором специальных знаний. Так, в сфере банковского права к профессионалам можно отнести собственников, банковских работников, кредиторов, вкладчиков и

пр.; в сфере образовательного – преподавателей, сотрудников, обучающихся и их законных представителей и др. Это довольно широкий круг лиц, которые ознакомлены с определенным объемом правовой информации, но не имеют системного представления, что сказывается на интерпретации содержания лексем: нехватка профильных знаний подменяется непрофильными и жизненным опытом. Результатом становится расширение семантики до понятийного уровня, способствующего множественности толкований при сохранении базового семантического ядра. В основе стремления замены иных лексем на специальную правовую терминологию часто выступает реализация коммуникативной и номинативной функций, обеспечивающих положительный результат коммуникации при более или менее единообразном толковании сообщения в целом.

Третий тип – бытовой дискурс – включает людей, не обладающих специальными знаниями в правовой сфере, но в силу внешних факторов обращающихся к терминам, содержание которых может быть не известно кому-то из участников коммуникации. Наличие у слов, используемых в качестве юридических терминов, в естественном языке коннотаций, затрудняет процесс адекватной расшифровки их исконной семантики и сказывается на постепенной ее трансформации под влиянием контекста, что может полностью нивелировать оттенки первоначального смысла. Это вызывает перевод термина в концептуальное поле и затемняет его семантику для участников коммуникации, смысл термина восстанавливается из смысла ближайших известных лексем, эмоционального контекста сообщения и жизненного опыта. При смене дискурса с экспертного или профессионального на бытовой термин может служить для реализации функции манипуляции путем сакрализации в нем отдельных компонентов исходного значения и замене всех остальных на противоположные.

Так, если рассмотреть этот процесс дискурсного перемещения термина, то можно выявить его семантическую валентность. Например, три термина: «кража», «грабеж», «мошенничество» – характеризуют процессы присвоения чужого имущества, но различными способами. В экспертном дискурсе принципиально значим выбор термина, поскольку необходимо квалифицировать преступления и определить наказания для виновного, что определяет их антонимичность. А вот в бытовом все три термина могут быть использованы в речи как синонимы, указывающие только на сам факт осуществления противоправной деятельности.

Интересен тот факт, что функции включения терминов в речь в различных дискурсах могут иметь прямо противоположный характер: в экспертном для консолидации членов с целью повышения взаимопонимания участников коммуникативного процесса, а в бытовом – дифференциации с целью противопоставления «осведомленного» иным, неизвестным с используемым словом.

Таким образом, следует сделать вывод, что юридический термин представляет собой особый вид терминов, образованный директивным способом и выполняющий помимо основных функций дополнительные, вытекающие из характеристик права как регулятора общественных отношений. При попадании в различные дискурсы юридический термин может приобретать несвойственные ему функции, обуславливающие его семантико-функциональную дуальность.

Библиографический список

1. Каплуненко, А. М. Federal / federalism: от концепта к понятию и термину / А. М. Каплуненко // Вестник ИГЛУ. – 2012. – № 2 (18). – С. 16–21.
2. Каплуненко, А. М. Концепт – понятие – термин: эволюция семиотических сущностей в контексте дискурсивной практики / А. М. Каплуненко // Азиатско-Тихоокеанский регион: диалог языков и культур. – Иркутск : Изд-во ИГЛУ, 2007. – С. 115–120.
3. Носиковская, О. П. К вопросу о функциях юридических терминов современного административного законодательства / О. П. Носиковская // Правопорядок: история, теория, практика. – 2016. – № 1 (8). – С. 10–15.

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ЮРИДИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ В ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКЕ (НА ПРИМЕРЕ РЕГЛАМЕНТАЦИИ ОКАЗАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ И МУНИЦИПАЛЬНЫХ УСЛУГ)

Я. Б. Дыбов

Ростов-на-Дону, Россия

FUNCTIONING OF LEGAL TERMINOLOGY IN LAW ENFORCEMENT PRACTICE (ON THE EXAMPLE OF RENDERING STATE AND MUNICIPAL SERVICES)

Ia. B. Dybov

Rostov-on-Don, Russia

Аннотация. Административный регламент государственной услуги является новым видом нормативно-правового акта в России. Обладая всеми чертами подзаконного акта, регулирующего исполнение функций государственного органа, он существенно отличается по предмету регулирования – услугам. Понятие «услуга» до недавнего времени имело однозначное толкование в гражданском праве. Сегодня оно применяется в публичном праве и не имеет однозначного толкования.

Ключевые слова: государственная услуга, регламент, услуга, государственная функция.

Abstract. The administrative regulation of public service is a new type of regulatory act in Russia. Having all the features of a by-law, regulating the performance of the functions of a state body, it differs significantly in terms of regulation – services. The concept of "service" until recently was unambiguously interpreted in civil law. Today it is applied in public law and has no unambiguous interpretation.

Key words: state service, regulation, service, state function.

Проблема юридической терминологии в настоящее время более чем актуальна, несмотря на то, что этот вопрос относится к юридической технике, и кажется не должен затрагивать фундаментальные вопросы правоотношений. Всем известна проблема толкования высшего законодательства. Некоторые исследователи указывают на коллизию норм, как технико-юридический дефект при «разветвлении» отраслей права и отмежевании их друг от друга, связанную в том числе и с применением различной терминологии [Занина 2010:13].

Такая проблема действительно есть. Но решение этой проблемы стоит искать в грамотном толковании высших актов государства. Известна плодотворная деятельность Конституционного Суда Российской Федерации в этом направлении. Но, что делать, если особое влияние на государственное управление и порядок взаимоотношений государства и общества влияют именно не законы, а подзаконные акты? Сегодня такое влияние имеют административные регламенты (стандарты) государственных (муниципальных) услуг. Это достаточно новый вид нормативно-правовых актов в российском законодательстве. История права знает конечно и такие известные акты как, например, Генеральный регламент Петра Великого от 28 февраля 1720 г. Но этот документ нельзя назвать прообразом современных административных регламентов по причине, что Генеральный регламент, был законом, носящим универсальный нормативно-правовой характер. Его стоит характеризовать как Устав или кодекс государственной службы и порядка делопроизводства. Сегодня аналогичные нормы сосредоточены в целом ряде федеральных законов – например штраф как вид санкции за административные проступки служащих сегодня устанавливается Кодексом Российской Федерации об административных правонарушениях [Федеральный закон № 195-ФЗ от 30.12.2001]. Современные же регламенты государственных услуг – это непременно подзаконный акт, разрабатываемый на основе ряда нормативных актов разного уровня. Однако это не единственная отличительная черта современного «регламента». Ранее исполнительно-распорядительные органы публичной власти также руководствовались актами – приказами, распоряжениями и т.д. Такой акт мог содержать все черты регламента – строго установленные сроки исполнения административных процедур, порядок принятия и регистрации обращений. Некоторые из таких актов имели положения в том числе и об необходимости соблюдения правил этики сотрудниками и служащими.

Однако все эти акты были направлены на реализацию функций государственного органа. Стоит полагать, что и предоставление государственных услуг, также является реализацией государственной функции. Возникает противоречие связанное с неоднозначным толкованием понятия «услуга». Краеугольным камнем такого противоречия является именно то, что объектом регулирования является в одном случае конкретные публичные функции, в другом «государственные услуги». Возникает главная терминологическая проблема. С точки зрения российского права понятие «товары, работы, услуги» нашло отражение в гражданском законодательстве. В Гражданском кодексе РФ оно закреплено в п. 3 ст. 424, п. 2 и 3 ст. 426, п. 1 ст. 590, ст. 1095, 1098, п. 1 ст. 1212, ст. 1221. Таким образом, в гражданском законодательстве услуги используются в качестве экономической категории при перечислении их наряду с товарами, работами, финансовыми средствами.

Получается, что «услуга» – это результат диспозитивных отношений участников определенной сделки, это термин частого права. В публичном праве применение термина «услуга» непременно приводит к неоднозначному толкованию правоприменителем. Легальное определение этого понятия дано в Федеральном законе № 210-ФЗ от 27.07.2010, где указано, что государственная услуга, это – деятельность по реализации функций соответственно федерального органа исполнительной власти, государственного внебюджетного фонда, исполнительного органа государственной власти субъекта Российской Федерации, а также органа местного самоуправления при осуществлении отдельных государственных полномочий, переданных федеральными законами и законами субъектов Российской Федерации (далее – органы, предоставляющие государственные услуги), которая осуществляется по запросам заявителей в пределах установленных нормативными правовыми актами Российской Федерации и нормативными правовыми актами субъектов Российской Федерации полномочий органов, предоставляющих государственные услуги.

Из данного определения сложно понять, чем же действительно является государственная услуга и что ее отличает от функции государственного органа. Как указывает Н. С. Бондарь: Основное отличие публичных услуг от публичных функций государственных (муниципальных) органов – в том что каждый из данных институтов отражает взаимоотношения гражданина и публичной власти – состоит в этом случае в субъекте, инициирующем такое взаимодействие: публичная услуга по общему правилу оказывается в связи с обращением заинтересованного лица, в то время как публичная функция подлежит императивной реализации как выражение юридического статуса органа власти [Бондарь 2011: 206].

То есть акцент делается на первоочередности прав и свобод гражданина по отношению к государству. Необходимость предоставить получателю «услуги» максимально возможные привилегии контроля над деятельностью государственных органов при исполнении ими своих полномочий. Такая формулировка более чем соответствует демократическим принципам конституционного устройства. Ясно также, что «услуга» возникает там, где инициатором процедуры выступает гражданин, а сферой регулирования выступают, как указывает Н.С. Бондарь: прежде всего социальные службы (здравоохранение, образование, обеспечение жильем, социальное обслуживание и социальная защита и т.д.), в отношении с которыми человек вступает главным образом по месту жительства [Бондарь 2011:206] Интересным представляется, что «услуга» может оказываться не во всех сферах государственного управления. Отличным примером является – система правоохранительных органов. Здесь в 2010 году был принят Приказ МВД России от 01.03.2012 № 140 «Об утверждении Административного регламента Министерства внутренних дел Российской Федерации предоставления государственной услуги по приему, регистрации и разрешению в территориальных органах Министерства внутренних дел Российской Федерации заявлений, сообщений и иной информации о преступлениях, об административных правонарушениях, о происшествиях». Но уже в 2014 году МВД отказалось от такой регламентации и был принят Приказ МВД России от 29.08.2014 № 736 «Об утверждении Инструкции о порядке приема, регистрации и разрешения в территориальных органах Министерства внутренних дел РФ заявлений и сообщений о преступлениях, об административных правонарушениях, о происшествиях». Новая Инструкция также установила порядок приема, регистрации и разрешения в территориальных органах МВД России заявлений и сообщений о преступлениях, об административных правонарушениях, о происшествиях, а также определяет порядок ведомственного контроля за его соблюдением.

Нормотворец в данном случае не объяснил причину отмены предшествующего акта. С нашей точки зрения стоит лишь только предположить, что это заключалось в необходимости ухода от «сервисного» осуществления государственных функций. Ведь, как было сказано ранее не все сферы государственного управления могут регулироваться на «диспозитивных» началах. Такой пример является положительным, ведь необходимость защиты правопорядка должна регулироваться исключительно на императивных, публично-правовых началах. Продолжая, стоит обратить внимание на тот факт, что понятие «государственные услуги» заимствовано из государственного (публичного) менеджмента. Так еще в 2003 году В. Е. Чиркин обратил внимание, что одним из подходов к изучению публичного управления в западных странах устанавливается необходимость применять в управлении рыночные механизмы для улучшения администрирования и его удешевления. Такой подход подвергается некоторыми специалистами критике: считают, что он снижает роль гражданина, человека до потребителя управленческих (прежде всего государственных) услуг и клиента управленческих органов (речь идет главным образом о государстве), снижается также и роль должностного лица. Это лицо подчиняется системе «финансовых вызовов» (т.е. потребностей) и финансовых санкций, а индивиды в своих требованиях к администрации руководствуются «разумным эгоизмом» (возможно меньше налогов, чтобы необходимое управление осуществлялось) [Чиркин 2003: 23].

Более того стоит отметить, что «государственная услуга» – это в первую очередь услуга, именно государства, которое, как пишет В.В. Иванов – до тех пор действительно государство, пока оно во внутренних делах эффективно подавляет все конкурирующие силы [Иванов 2008 : 7]. Под конкурирующими силами для государства стоит рассматривать и отдельных граждан, стремящихся в том числе к реализации своего частного интереса пренебрегая публичными интересами. Однако, с другой стороны как отмечает Н. С. Бондарь: «через систему муниципальных услуг реализуется социальная функция российского государства (ст. 7 Конституции РФ) и преодолеваются социально неоправданные, несправедливые проявления неравенства, что, в свою очередь, создает условия для наиболее полного осуществления режима равноправия (как равенства юридических возможностей, равного права каждого на удовлетворение правоприязнаний)» [Бондарь 2011: 204]. Такой «режим равноправия» как указал исследователь, безусловно, стоит понимать не только по отношению к гражданину, но и к самому государству. Практика нормотворчества в этом направлении, указывает явно на преобладание исключительных предпочтений заявителю. Как правило регламент (либо стандарт) государственной услуги не содержит прав в отношении государственного органа, представляя ему только обязанности. Такой подход явно нельзя рассматривать и как диспозитивный и уравнивающий права сторон. Несмотря на явное властное превосходство государства над гражданином, определенные функции как правило осуществляются конкретными должностными лицами, и как было сказано ранее именно его роль нивелируется, если у конкретного чиновника не будет равных с заявителем прав. Примером такого акта можно представить Приказ МВД России от 13.11.2017 № 851, где помимо требований к ведению делопроизводства, установлены требования взаимодействия с заявителями.

Исходя из вышесказанного, нельзя сегодня однозначно утверждать, что такое «государственная услуга» и какие, частно-правовые или публично-правовые начала в должны превалировать при ее оказании, что естественно отразится на содержании административных регламентов и стандартов.

В любом случае, как перед правоприменителем, так и правотворцем, стоит серьезная задача, соблюдая публичные, интересы не допустить нарушения прав человека и гражданина, что при предоставлении государственных и муниципальных услуг сегодня очень возможно.

В итоге, можно сделать выводы:

1) Необходимо легальное закрепление понятия «государственная (муниципальная) услуга». Существующее определение в Федеральном законе от 27.07.2010 № 210-ФЗ других, по сути не дают разграничения с иными видами осуществления государственных функций;

2) Необходимо законодательное разграничение сфер государственного управления в которых допустимо регулирование по принципу «предоставления государственной услуги». Более того это уместно в сферах, связанных с военной безопасностью, охраной правопорядка и т.п.

3) При разработке Регламентов и стандартов государственных (муниципальных) услуг стоит указывать исчерпывающие права органов предоставляющих государственные (муниципальные) услуги, особенно по вопросам взаимодействия с гражданами.

Библиографический список

1. Бондарь, Н. С. Судебный конституционализм в России в свете конституционного правосудия / Н. С. Бондарь. – М. : Норма : ИНФРА-М, 2011. – 544 с.
2. Генеральный регламент 28 февраля 1720 г. Выверено по изданию: Реформы Петра I : сб. документов / сост. В. И. Лебедев. – М. : Гос.соц.-эк.изд-во, 1937.
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 05.12.2017).
4. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) № 51-ФЗ от 30.11.1994 (ред. от 29.12.2017).
5. Занина, М. А. Коллизии норм права равной юридической силы (понятие, причины, виды) : монография / М. А. Занина. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : РАП : Волтерс Клувер, 2010. – 144 с.
6. Иванов, В. К критике современной теории государства : науч. издание / В. Иванов. — М. : Территория будущего, 2008. –160 с.
7. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях № 195-ФЗ от 30.12.2001 (ред. от 31.12.2017) (с изм. и доп., вступ. в силу с 29.01.2018).
8. Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг : федер. закон № 210-ФЗ от 27.07.2010 (ред. от 05.12.2017).
9. Об утверждении Административного регламента Министерства внутренних дел Российской Федерации по предоставлению государственной услуги по выдаче, замене паспортов гражданина Российской Федерации, удостоверяющих личность гражданина Российской Федерации на территории Российской Федерации : Приказ МВД России от 13.11.2017 № 851 (Зарегистрировано в Минюсте России 07.12.2017 № 49154).
10. Об утверждении Инструкции о порядке приема, регистрации и разрешения в территориальных органах Министерства внутренних дел РФ заявлений и сообщений о преступлениях, об административных правонарушениях, о происшествиях : Приказ МВД России № 736 от 29.08.2014.
11. Чиркин, В. Е. Государственное и муниципальное управление : учебник / В. Е. Чиркин. – М. : Юрист, 2003. – 320 с.

ЮРИДИЧЕСКИЕ ТЕРМИНЫ В НЕОФИЦИАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Г. И. Канакина

Пенза, Россия

LEGAL TERMS IN INFORMAL COMMUNICATION

G. I. Kanakina

Penza, Russia

Аннотация. В данной работе говорится об использовании юридических терминов в бытовой речевой практике. Рассматриваются некоторые распространённые лексические ошибки, связанные с нарушением точности их употребления. Выявляется их природа и влияние на формирование правовой культуры граждан.

Ключевые слова: юридический термин, неофициальная коммуникация, точность использования.

Abstract. This article deals with the use of legal terms in everyday speech practice. Some common lexical errors related to the violation of the accuracy of their use are considered. Their nature and influence on the formation of legal culture of citizens are revealed.

Key words: legal term, informal communication, accuracy of use.

Язык – инструмент, при помощи которого оформляются и передаются мысли. По тому, насколько человек владеет языком, можно судить о его общей культуре и нравственных качествах личности. Юридический язык – это специальный язык, используемый специалистами в области права и юриспруденции для коммуникации, связанной с профессиональной деятельностью, в официальных и неофициальных ситуациях общения. В то же время юридический язык – один из подстилей литературного языка, поэтому лингвистический подход к юридическому языку заключается в приведении его к литературной норме. Язык права всегда привлекал внимание лингвистов. Его специфика заключается в употреблении терминов, которые должны пониматься единообразно разными людьми в различных случаях и ситуациях. «Термин – это слово (или словосочетание), обозначающее специальное понятие и имеющее точную сферу смыслового использования. В праве терминами обычно пользуются для словесного обозначения понятий при изложении содержания нормативно-правового акта. Сейчас многие нормативно-правовые акты включают в свое содержание определение понятий и терминов, которые являются приоритетными для данного закона, чтобы избежать неверного толкования нормы права при ее реализации» [Пиголкин 1971: 14-15].

Мы не ставим перед собой цель анализировать язык и стиль юридических документов и выявлять лингвистические ошибки в нормативно-правовых актах. В данной статье мы остановимся на проблеме соблюдения некоторых лексических норм в использовании юридических терминов в телепередачах на правовые темы. Причём нас интересуют не сугубо юридические, а общеупотребимые (общеупотребительные) термины. «Общеупотребимые термины – это обычные, широко распространённые наименования предметов, качеств, признаков, действий, явлений, которые в одинаковой мере используются в бытовой речи, в художественной и научной литературе, в деловых документах, в законодательстве» [Милославская 2000]. Такие термины просты и общепонятны, однако использовать их важно в пределах смысловой и информационной необходимости, следуя лексическим нормам, прежде всего точности словоупотребления. Юридические термины требуют особой точности их дефиниций и уместности употребления. По мнению В. Ю. Туранина, «юридическая терминология является относительно малоизученным феноменом в правовой теории, при этом именно юридические термины оказывают прямое, непосредственное влияние на зримое воплощение природы права в его различных источниках». Он считает, что особое значение «юридическая терминология имеет для формулирования законов – основных источников права в современной России... Юридическая терминология формирует «атмосферу» закона, являясь ключевым звеном, наиболее информативным компонентом законодательного текста. Ее использование всегда было и остается самым эффективным способом донесения информации, заложенной в правовых нормах, до каждого конкретного адресата» [Туранин 2017: 3].

Для представителей ряда специальностей, в том числе и юристов, язык – это профессиональное оружие. Специалисту в области права грамотное владение языком необходимо в силу общественной значимости его профессии. От речевой культуры законодателей, их умения формулировать мысль точно и грамотно, в соответствии с законами литературного языка, зависит и формирование правосознания граждан.

Безусловно, юридический язык – это уже сложившаяся система, в какой-то мере отдалённая от реальной языковой действительности, что связано с определёнными условиями его функционирования [Голев 1999]. Однако, поскольку язык закона – одна из разновидностей русского литературного языка, соблюдение

его норм обязательно, причём не только в профессиональной речи юристов, но и в популярных передачах на правовые темы, которые призваны способствовать повышению правовой культуры граждан.

Как это требование выполняется на деле? Обратимся к фактам. Так, в появившейся недавно на Первом телеканале очередной правовой шоу-программе «На самом деле» (ведущий – Д. Шепелев) для большей правдоподобности предлагаемых зрителям ситуаций приходящих гостей испытывают на полиграфе. Мы не будем высказывать собственное мнение по поводу этичности выносимых полиграфологом безапелляционных вердиктов «ЛОЖЬ» и «ПРАВДА». Остановимся на использовании присутствующим на одной из передач специалистом терминов «юрист» и «адвокат». Ситуация заключалась в том, что приглашённый на передачу (ноябрь 2017 г.) адвокат одной из участников передачи, когда кто-то из гостей в студии назвал её юристом, заявила: «**Я не юрист, я адвокат**». Действительно ли так важно это различие для присутствующих в студии и телезрителей? В обыденном сознании рядовых носителей русского языка эти термины являются синонимами.

Обратимся к общелингвистическим определениям данных терминов в толковом «Словаре русского языка» С. И. Ожегова: «Адвокат. Юрист, которому поручается защита чьих-н. интересов в суде, защитник» [Ожегов 1986: 20]; «Юрист. Специалист по юридическим вопросам, юридическим наукам» [Ожегов 1986: 793].

Официальные дефиниции данных терминов находим в специальном словаре юридических терминов: «АДВОКАТ (лат. *advocatus*, от *advoco* – приглашаю) – юрист, оказывающий профессиональную правовую помощь физическим и юридическим лицам (посредством консультаций, представительства их интересов в суде), защиту обвиняемого»; «ЮРИСТ (нем. *Jurist* от лат. *juris* – право) – человек с юридическим образованием, правовец; практический деятель в области права» [Большой юридический словарь 2001].

Как видим, и в толковом «Словаре русского языка» С. И. Ожегова, и в специальном «Большом словаре юридических терминов» слова «*адвокат*» и «*юрист*» даются как синонимичные. Принципиальное различие этих терминов важно в официальном применении, так как *юрист* – понятие более широкое, это профессия. Юристом является и нотариус, и прокурор, и адвокат в том числе. А *адвокат* – это особый статус в рамках данной профессии. Единственное четкое разграничение между этими понятиями состоит в том, что адвокаты имеют полномочия представлять интересы обвиняемых по уголовным делам. Для гражданских и административных категорий дел этого статуса не требуется.

На основе всего вышесказанного, полагаем, что в проанализированной нами ситуации приглашённому юристу не только не было необходимости уточнять свой статус, но это уточнение было излишним.

Для того чтобы в каждом конкретном случае правильно употребить слово, необходимо учитывать его значение, смысловые связи с другими словами. Одной из довольно распространённых лексических ошибок в профессиональной речи юристов и создателей популярных передач на правовые темы является нарушение норм лексической сочетаемости. Лексическая сочетаемость слова – это его способность соединяться с другими словами. Она определяется значением слова, его стилиевой принадлежностью, эмоциональной окраской, грамматическими свойствами и т.д. Неточность речи может возникнуть в результате объединения в словосочетание несовместимых по смыслу слов. Обратимся к конкретным примерам. В достаточно популярных судебных телешоу «Час суда. Дела семейные» (ТК «Домашний») и «Суд присяжных» (канал НТВ), которые призваны ликвидировать юридическую безграмотность населения и пропагандировать правовую культуру, в последнее время вместо словосочетания «*огласить приговор*» стали использовать словосочетание «*провозгласить приговор*».

Полагаем, что авторы телевизионных программ стараются соблюдать юридическую терминологию (см. УПК РФ, ст. 310. Провозглашение приговора) с целью приблизить действия телешоу к реальным судебным заседаниям. Однако в Комментариях к той же статье 310 УПК РФ глаголы «*провозглашать*» и «*оглашать*» используются как взаимозаменяемые. Например, см. п. 3: «*Отсутствие в зале судебного заседания ко времени оглашения приговора тех или иных (а равно всех) участников судебного разбирательства не является препятствием к оглашению приговора. Закон разрешает провозгласить приговор в отсутствие удалённого из зала суда подсудимого при условии немедленного объявления ему приговора после провозглашения*» [УПК РФ]. Нам неясна причина замены одного глагола другим в рамках популярных передач, но интересна её правомерность с точки зрения соблюдения норм современного русского литературного языка. Чтобы выяснить это, определим значения слов «*огласить*» и «*провозгласить*» по современным словарям, например, по словарю С. И. Ожегова: «*Огласить* – 1. Прочсть вслух для всеобщего сведения, объявить (офиц.). О. проект резолюции» [Ожегов 1986: 378]; «*Провозгласить* – 1. что. Торжественно объявить, произнести. П. лозунг. П. тост. 2. кого (что) кем. Объявить носителем каких-н. высоких качеств, достоинств, звания (книжн.). П. победителем» [Ожегов 1986: 525].

Как видим, в словарных статьях чётко разграничиваются значения слов «*огласить*» и «*провозгласить*», а приведённые в словаре примеры показывают потенциальные возможности лексической сочетаемости данных глаголов с другими словами. Полагаем, что в рамках телешоу оснований для замены одного глагола другим нет: приговор действительно зачитывается судьёй вслух для сведения присутствующих, а не торжественно произносится, как лозунг или тост. Более того, результатом подобной замены стало нарушение лексической нормы современного русского литературного языка – объединение не сочетающихся по смыслу слов.

В тех же передачах судья, завершая прения по делу, произносит фразу «Суд удаляется для *постановления приговора*». Сочетание слов «*постановления*» и «*приговора*» – также лексическая ошибка с точки зрения современного русского литературного языка, так как приговор не может «*постановляться*».

Следует отметить, что современные словари указывают на то, что слово «**постановление**» как отглагольное существительное имеет значение не действия (процесса), что предполагается в приведённой фразе судьи, а результата действия, то есть обозначает документ: «*Коллективное решение или правительственное распоряжение. П. общего собрания. П. о порядке проведения выборов*» [Ожегов 1986: 492]. Нарушение современной языковой нормы в данном случае также объясняется тем, что в юридической практике используется оборот, закреплённый в УПК РФ в главе 39. Постановление приговора: «*Ст. 296 **Постановление приговора** именов Российской Федерации*» [УПК РФ]. Однако в ст. 5 УПК РФ, где даётся толкование основных юридических терминов, указывается, что «**постановление** – любое **решение**, за исключением приговора, вынесенное судьёй единолично; **решение**, вынесенное президиумом суда при пересмотре соответствующего судебного решения, вступившего в законную силу; **решение** прокурора, руководителя следственного органа, следователя, органа дознания, начальника органа дознания, начальника подразделения дознания, дознавателя, вынесенное в ходе досудебного производства обвинительного заключения, обвинительного акта или обвинительного постановления» [УПК РФ]. Данная дефиниция свидетельствует о том, что отглагольное существительное «**постановление**» используется со значением результата, а не действия (процесса). Термин «**приговор**» в данной статье трактуется как «**решение** о невиновности или виновности подсудимого и назначении ему наказания либо об освобождении его от наказания, **вынесенное** судом первой или апелляционной инстанции» [УПК РФ]. Так почему в рамках судебной передачи не может быть использована фраза «**Суд удаляется для принятия (вынесения) решения по делу**», которая не противоречит юридической терминологии и в то же время даёт возможность избежать лексической ошибки в речи профессионального судьи?

Нарушение лексической сочетаемости слов, регулярно встречающееся в рамках популярных судебных шоу, свидетельствует о том, что и юристы, и авторы, и режиссёры этих передач, пытаясь жёстко следовать юридической терминологии, не учитывают того, что обороты типа «**провозглашается приговор**» и «**постановление приговора**» большей частью зрителей-неюристов воспринимаются как ошибки, поскольку о необходимости соблюдения лексической сочетаемости слов известно даже школьникам.

Безусловно, проанализированные нами нарушения лексических норм не искажают смысла речи и не препятствуют её пониманию. Однако общество вырабатывает нормы речевого поведения и требует от носителей языка их соблюдения. Мы не отрицаем возможности использования юристами жаргонизмов в профессиональной среде и даже допускаем, что в разговорной речи они могут позволить себе какие-то незначительные нарушения языковых норм. Однако полагаем, что профессиональный юрист должен обладать языковым вкусом, говорить грамотно, отбирать языковые средства, наиболее уместные для конкретной обстановки общения (особенно при публичном выступлении), поскольку внимание граждан сосредоточено не только на содержании речи, но и на её оформлении, и любое нарушение норм языка вызывает негативную реакцию слушателей и отвлекает от восприятия смысла выступления.

Считаем, что основной причиной нарушений в использовании юридической терминологии в неофициальной коммуникации является недостаточный уровень грамотности (как правовой, так и языковой) организаторов популярных правовых шоу-передач, вследствие чего в их сюжетах появляются конструкции, противоречащие как нормам права, так и нормам языка.

Библиографический список

1. Большой юридический словарь. – URL: https://petroleks.ru/dictionaries/dict_big_law27.php
2. Голев, Н. Д. Юридический аспект языка в лингвистическом освещении / Н. Д. Голев // Юрислингвистика-1. Проблемы и перспективы. – Барнаул, 1999. – С. 11–58.
3. Милославская, Д. И. Типовые трудности семантической интерпретации юридического текста / Д. И. Милославская // Русский язык в его естественном и юридическом бытии. – Барнаул : Изд-во АГУ, 2000.
4. Ожегов, С. И. Словарь русского языка / С. И. Ожегов ; под ред. Н. Ю. Шведовой. – М., 1986.
5. Пиголкин, А. С. Юридическая терминология и пути ее совершенствования / А. С. Пиголкин // Ученые записки ВНИИСЗ. – М., 1971. – Вып. 24. – С. 14–15.
6. Туранин В. Ю. Юридическая терминология в современном российском законодательстве (теоретико-правовое исследование) : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / Туранин В. Ю. – Белгород, 2017. – URL: http://dekanat.bsu.edu.ru/f.php/1/disser/case/fileavtoref/fileavtoref/938_AVTOREFERAT_TURANIN.pdf
7. Уголовно-процессуальный кодекс РФ. Последняя действующая редакция с Комментариями. – URL: <http://www.crcod.ru/комментарии>

ФОРМАЛИЗАЦИЯ СПРАВЕДЛИВОСТИ В РОССИЙСКОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ

В. А. Катомина

Пенза, Россия

THE FORMALIZATION OF JUSTICE IN THE RUSSIAN LEGISLATION

V. A. Katomina

Penza, Russia

Аннотация. Анализируются способы формализации идеи справедливости в действующем законодательстве, исследуются типы выражения справедливости – формально-юридический и логический. Автор уделяет внимание проблеме обеспечения справедливости санкций, требований к выносимому решению в порядке гражданского судопроизводства. Предлагается законодательно закрепить справедливость в качестве принципа в ряде нормативных правовых актов, регламентирующих механизм реализации норм, регулирующих основные права и свободы.

Ключевые слова: справедливость, идея, принцип, законодательство, оценка, санкция.

Abstract. The article analyzes the ways of formalizing the idea of justice in the current legislation, examines the types of expression of justice – formal legal and logical. The author pays attention to the problem of ensuring the fairness of sanctions, the requirements for the decision to be taken in the civil proceedings. The article proposes to legislatively fix justice as a principle in a number of normative legal acts regulating the mechanism for implementing norms regulating fundamental rights and freedoms.

Key words: justice, idea, principle, legislation, assessment, sanction.

С древнейших времен право различных стран воплощало в себе нормативные требования, среди которых особое место принадлежало справедливости. Однако многоаспектный характер справедливости приводит к неоднозначному, а порой и противоречивому описанию роли справедливости. В связи с чем важное значение приобретает вопрос о функциональной роли справедливости в праве, ее формализации в действующем законодательстве.

Законодатель закрепляет категорию справедливости в нормативных правовых актах в различных статусах. В частности, преамбула Закона РФ «О реабилитации жертв политических репрессий», статья 16 Федерального закона «Об общественных объединениях»; статья 9 Федерального закона «О политических партиях» фиксируют справедливость как идею.

Ряд нормативно-правовых актов закрепляют категорию справедливости как этическое и нравственное требование, предъявляемое к субъектам, участвующим при осуществлении правосудия. Так, пункт 2 статьи 3 Закона РФ «О статусе судей в Российской Федерации» гласит: «Судья при исполнении своих полномочий, а также во внеслужебных отношениях должен избегать всего, что могло бы умалить авторитет судебной власти, достоинство судьи или вызвать сомнение в его объективности, справедливости и беспристрастности» [Закон РФ от 26 июня 1992 г. № 3132-1].

Другие законы закрепляют справедливость как норму – принцип [Уголовный кодекс РФ от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ: Ст. 6; Трудовой кодекс РФ от 30 декабря 2001 г. № 197-ФЗ: Ст. 2; Кодекс РФ об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ: Ст. 9], третьи как критерий оценки (соразмерности) поведения участников [Кодекс внутреннего водного транспорта от 7 марта 2001 г. № 24-ФЗ; Ст. 129; Кодекс торгового мореплавания от 30 апреля 1999 г. № 81-ФЗ: Ст. 343]; четвертые формализуют в качестве цели и задачи [Арбитражный процессуальный кодекс РФ от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ: Ст. 2]. Еще одним способом выявления значения справедливости выступают логические приемы, когда из текста нормативно-правового акта выводится роль справедливости в регулировании общественных отношений [Бюджетный кодекс РФ от 31 июля 1998 г. № 145-ФЗ; Уголовно-исполнительный кодекс РФ от 8 января 1997 г. № 1-ФЗ; Гражданский процессуальный кодекс РФ от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ; Налоговый кодекс РФ (часть первая) от 31 июля 1998 г. № 146-ФЗ]. В связи с этим следует вести речь о двух типах выражения справедливости – формально-юридическом и логическом.

С общетеоретических позиций справедливость как оценочная категория должна включать в себя критерий и меру выражения требований, установленных действующим законодательством и предъявляемых к участникам правовых отношений. Именно через последние достигается формализация идей справедливости и средств их обеспечения. Поэтому норма права должна соответствовать следующим требованиям

справедливости: а) санкции должны применяться исключительно к нарушителям закона; б) основной задачей санкции является восстановление нарушенного права в полном объеме; в) санкции нормативных предписаний, закрепляющих меры юридической ответственности, должны соответствовать степени противоправности совершенного противоправного деяния; г) закон, смягчающий или устранивший уголовную или административную ответственность, не распространяется на отношения, возникшие до его принятия и вступления в законную силу; д) суды обязаны индивидуализировать наказание с учетом конкретных обстоятельств дела; е) за одно правонарушение никто не должен осуждаться дважды [Общая теория 1966 : 436-437; Экимов 1980 : 89].

Требование справедливости санкции озвучено многими юристами. В частности, А. П. Козлов пишет, что «четкого обозначения пределов санкции требует, главным образом, соблюдение справедливости наказания» [Козлов 1989 : 18]. Поэтому обеспечение справедливости санкции – важная задача для законодателя, успешное разрешение которой влияет на авторитет права и юридической практики.

В российском законодательстве проблема обеспечения справедливости санкций в целом решена. Вместе с тем практика постоянно выявляет некоторые упущения в конструировании санкций законодателем. В частности, можно указать на несогласованность санкций за воинские насильственные преступления с санкциями главы 16 Уголовного кодекса о преступлениях против личности.

Законодатель установил, что сопротивление начальнику или насильственные действия по отношению к нему, сопряженные с умышленным причинением тяжкого вреда его здоровью (пункт «в» части 2 статьи 333 и статьи 334 УК РФ), наказываются менее строго (лишением свободы на срок до 8 лет), чем умышленное причинение вреда здоровью по статье 111 УК РФ (лишение свободы до 10, 12 и 15 лет) [Ищенко 2001, 8 : 66-67].

С социальной точки зрения российское правотворчество всегда должно быть справедливым. Следовательно, справедливость выступает как важнейший принцип, которым должны руководствоваться все правотворческие органы. Поэтому существенным показателем полноценности законов с позиции их справедливости во многом является строгая их согласованность с общепризнанными международными стандартами прав и свобод человека, с принципом приоритета и задачей надежной охраны названных ценностей.

В частности, ст. 10 Всеобщей декларации прав человека устанавливает: «Каждый человек для определения его прав и обязанностей и для установления обоснованности предъявленного ему уголовного обвинения имеет право, на основе полного равенства на то, чтобы его дело было рассмотрено гласно и с соблюдением всех требований справедливости независимым и беспристрастным судом», а в ст. 14 Международного пакта о гражданских и политических правах сказано: «Каждый имеет право при рассмотрении любого уголовного обвинения, предъявленного ему, или при определении его прав и обязанностей в каком-либо гражданском процессе на справедливое и публичное разбирательство дела компетентным, независимым и беспристрастным судом, созданным на основании закона».

Конституция РФ провозгласила справедливость одной из основных ценностей государства. В ее преамбуле особо оговаривается необходимость чтить справедливость. При этом данное понятие употребляется как нравственная категория, которая применяется в качестве критерия оценки всего спектра деятельности всех субъектов, но в первую очередь, органов государства и их должностных лиц.

Концепция справедливости нашла свое выражение и в действующем уголовно-процессуальном законодательстве. Так, в части 2 статьи 6 Уголовно-процессуального кодекса РФ записано: «Уголовное преследование и назначение виновным справедливого наказания в той же мере отвечают назначению уголовного судопроизводства, что и отказ от уголовного преследования невиновных, освобождение их от наказания, реабилитация каждого, кто необоснованно подвергся уголовному преследованию».

В Уголовно-процессуальном кодексе РФ справедливость употребляется и как основание для отмены приговора (ст. 389.15). В части 2 статьи 389.18 УПК РФ прямо сказано, что «несправедливым является приговор, по которому было назначено наказание, не соответствующее тяжести преступления, личности осужденного, либо наказание, которое хотя и не выходит за пределы, предусмотренные соответствующей статьей Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации, но по своему виду или размеру является несправедливым как вследствие чрезмерной мягкости, так и вследствие чрезмерной суровости».

Однако, несмотря на отсутствие законодательного определения справедливости, сводить ее только к основанию или принципу назначения и применения наказания не стоит, поскольку в статьях 297, 389.28 УПК РФ справедливость выступает как требование, предъявляемое к вынесенному судом приговору или иному судебному решению. А это значит, что положения справедливости распространяется и на данную в приговоре оценку доказательств, и на решение по предъявленному гражданскому иску, а также на целый ряд других вопросов, которые должны найти в нем отражение [Подольный 2004 : 52-53].

В отличие от уголовно-процессуального законодательства Гражданский процессуальный кодекс РФ упоминает термин «справедливость» лишь в одном единственном случае – части 1 статьи 391.11, где закрепляется положение о возможности пересмотра судебных постановлений в порядке надзора в целях устранения фундаментальных нарушений норм материального права или норм процессуального права, которые повлияли на законность обжалуемых решений и лишили участников спорных правоотношений возможности осуществления прав, гарантированных гражданским процессуальным кодексом, в т.ч. права на справедливое судебное разбирательство на основе принципа состязательности и равноправия сторон либо существенно ограничили это право. Тем не менее идея справедливости отражается в институте представи-

тельства в суде, освобождении от уплаты судебных расходов (например, истец по иску о взыскании алиментов и т.д.), отсрочки или рассрочки уплаты государственной пошлины или уменьшении ее размера.

Но особую тревогу вызывает положение статьи 195 ГПК РФ, в которой определяются только два требования к выносимому решению: законность и обоснованность, а несправедливость не выступает основанием к отмене решения суда. Складывается противоречивая ситуация: закрепляется справедливое рассмотрение гражданских, семейных, трудовых и иных дел на международном уровне при отсутствии такого в российском гражданском судопроизводстве.

В этой связи необходимо предусмотреть дополнительные гарантии, обеспечивающие право участников процесса «получить справедливое правосудие». К ним можно отнести доступность правосудия [Козак 2001 : 4], аспекты которого проявляются в обеспечении достаточного числа судей и судов; упрощении и дифференциации судебной процедуры [Фоков 2001 : 7-8]; обеспечении существования бесплатного правосудия для беднейших слоев населения [Воинов 2001 : 6-8].

Необходимой предпосылкой обеспечения справедливого суда выступает конституционное право на судебную защиту [Морщакова 2001 : 10]. Но, к сожалению, в обеспечении этого права наблюдается парадокс: международные организации реагируют, а наши, отечественные, структуры молчат. Невольно возникает вопрос: а нужна ли такая безвольная судебная система [Матузов 2003 : 274; Надо защищать 2001 : 3]. Потому необходимо в действующем российском законодательстве должным образом обеспечить право на судебную защиту как средство реализации справедливости.

Большое внимание уделяется проблеме справедливости и в уголовном праве. Эта тенденция материализуется в статье 6 Уголовного Кодекса РФ, где приводится законодательное определение справедливости как принципа: «Наказание и иные меры уголовно-правового характера, применяемые к лицу, совершившему преступление, должны быть справедливыми, то есть соответствовать характеру и степени общественной опасности преступления, обстоятельствам его совершения и личности виновного».

Развитие идеи справедливости мы обнаруживаем в статье 43 УК РФ. Здесь справедливость фиксируется в качестве цели. «Наказание применяется в целях восстановления социальной справедливости, а также в целях исправления осужденного и предупреждения совершения новых преступлений».

Статья 60 УК РФ закрепляет справедливость как основание и критерий оценки вынесенного наказания: «Лицу, признанному виновным в совершении преступления, назначается справедливое наказание в пределах, предусмотренных соответствующей статьей Особенной части настоящего Кодекса, и с учетом положений Общей части настоящего Кодекса».

В Гражданском кодексе РФ справедливость как принцип гражданского права прямо не сформулирована. Хотя Л. В. Щенникова определяет справедливость в гражданском праве именно как принцип частного права, а ее критерии находит в ст. 1 ГК РФ, регламентирующей следующие основные начала: равенство участников, неприкосновенность собственности, свобода договора, недопустимость произвольного вмешательства какого-либо в частные дела, необходимость беспрепятственного осуществления гражданских прав, обеспечение восстановления нарушенного права и их судебная защита [Щенникова 1997 : 120].

Концепция справедливости юридически закрепляется и в статье 2 Трудового кодекса РФ как принцип правового регулирования трудовых отношений путем «обеспечения права каждому работнику на справедливые условия труда, в том числе на условия труда, отвечающие требованиям безопасности и гигиены, права на отдых, включая ограничение рабочего времени, предоставление ежедневного отдыха, выходных и нерабочих праздничных дней, оплачиваемого ежегодного отпуска».

Проведенный анализ российского законодательства позволяет прийти к выводу о необходимости законодательного закрепления и формулировки определения принципа справедливости не только в Основном Законе РФ, но и в ряде кодексов, где отсутствует механизм реализации тех норм, которые регулируют основные права и свободы. Такое предложение позволит эффективнее решать проблемы пробелов, коллизий и конкуренции в правоприменительной практике.

Библиографический список

1. Александров, Н. Г. Общая теория советского права / Н. Г. Александров, С. Н. Братусь, П. С. Грацианский, О. Е. Лейст ; под ред. С. Н. Братусь, И. С. Самощенко. – М. : Юрид. лит., 1966. – 491 с.
2. Воинов, И. Доступность малообеспеченных к правосудию / И. Воинов // Российская юстиция. – 2001. – № 12. – С. 6–8.
3. Гражданский процессуальный кодекс РФ от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 46. – Ст. 4532.
4. Ищенко, А. Справедлив ли уголовный закон к военнослужащим? / А. Ищенко // Российская юстиция. – 2001. – № 8. – С. 66–67.
5. Козак, Д. Суд в современном мире: проблемы и перспективы / Д. Козак // Российская юстиция. – 2001. – № 9. – С. 3–6.
6. Козлов, А. П. Уголовно-правовые санкции. Проблемы построения, классификация и измерения / А. П. Козлов. – Красноярск : Изд-во Краснояр. ун-та, 1989. – 171 с.
7. Матузов, Н. И. Актуальные проблемы теории права / Н. И. Матузов. – Саратов : Изд-во СГАП, 2003. – 512 с.
8. Морщакова, Т. Конституционная концепция судопроизводства / Т. Морщакова // Российская юстиция. – 2001. – № 10. – С. 6–11.
9. Надо защищать гражданина от государства // Независимая газета. – 2001. – № 98 (2408). – 2 июня. – С. 3.

10. О статусе судей в Российской Федерации : закон РФ от 26 июня 1992 г. № 3132-1 // Российская газета. – 1992. – № 170.
11. Подольный, Н. А. Категория справедливости в УПК РФ – изменение системы ценностей в уголовном процессе России / Н. А. Подольный // Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: год применения и преподавания : материалы Междунар. науч.-практ. конф. – М., 2004. – С. 52–53.
12. Трудовой кодекс РФ № 197-ФЗ от 30.12. 2001 // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 1, ч. 1. – Ст. 3.
13. Уголовно-процессуальный кодекс РФ от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2001. – № 52, ч. 1. – Ст. 4921.
14. Уголовный кодекс РФ от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.
15. Фоков, А. Административные суды повысят доступность правосудия / А. Фоков // Российская юстиция. – 2001. – № 6. – С. 7–8.
16. Щенникова, Л. В. Справедливость и добросовестность в гражданском праве России (несколько вопросов теории и практики) / Л. В. Щенникова // Государство и право. – 1997. – № 6. – С. 119–121.
17. Экимов, А. И. Справедливость и социалистическое право / А. И. Экимов. – Л. : Изд-во Ленинград. гос. ун-та, 1980. – 118 с.

РИТОРИКА НЕНАВИСТИ И СВОБОДА ВЫРАЖЕНИЯ МНЕНИЙ: КОМПРОМИСС ИЛИ КОНСЕНСУС?

Е. А. Коваль

Саранск, Россия

HATE SPEECH AND FREEDOM OF EXPRESSION: COMPROMISE OR CONSENSUS?¹⁹

E. A. Koval

Saransk, Russia

Аннотация. Риторика ненависти – понятие, которое по-разному интерпретируется в правовом контексте и за его пределами. Если правовые ограничения направлены на способы выражения мнений, провоцирующих ненависть и вражду на почве отдельных групповых признаков, то в обычном смысле риторика ненависти используется людьми для выражения крайне негативного отношения к кому-либо или чему-либо. В этой связи представляет интерес проблема выбора оптимального механизма ограничения использования риторики ненависти в публичном пространстве.

Ключевые слова: риторика ненависти, свобода самовыражения, конфликт ценностей, компромисс, консенсус, самоограничение.

Abstract. Hate speech is a concept that is interpreted differently in a legal context and beyond. Legal restrictions are directed to ways of expression that provoke hatred and enmity on the basis of certain group characteristics. Outside of the legal context, hate speech is used by people to express an extremely negative attitude towards somebody or something. In this connection, it is of interest to choose the optimal mechanism for limiting the use of rhetoric of hatred in public.

Key words: hate speech, freedom of expression, conflict of values, compromise, consensus, self-restraint.

Понятие «риторика ненависти» используется в русскоязычном дискурсе как один из вариантов перевода англоязычного выражения «hate speech» наряду с «языком вражды». В правовом контексте чаще фигурирует «язык вражды», но выражение «риторика ненависти» позволяет полнее обозначить анализируемое явление и в юридическом дискурсе, и за его пределами.

Как правило, основной задачей государственных органов является определение границы между свободой выражения мнений и злоупотреблением этой свободой, выраженной при помощи риторики ненависти. В этой связи особую актуальность приобретают исследования, касающиеся содержания дефиниций «риторика ненависти» и «свобода выражения мнений».

Рассмотрим далее изложенные в научной литературе взгляды и подходы, касающиеся содержания и объема понятия «риторика ненависти» в контексте различных дискурсов. При этом необходимо отметить, что, строго говоря, «риторика ненависти» и «язык вражды» не являются синонимами, однако отличиями между этими понятиями в контексте данного конкретного исследования можно пренебречь. Оба этих определения не являются единственно возможными переводами англоязычного «hate speech». Так, например, в Рекомендациях № R (97) 20 Комитета Министров Совета Европы государствам-участникам «hate speech» переводится на русский язык как «разжигание ненависти».

Наиболее привычное определение анализируемого понятия сформулировано в контексте юридического дискурса. Впервые этот термин начали использовать американские юристы в конце 80-х годов прошлого века. При этом речь, как правило, шла о проблемах ограничения расистской риторики в условиях приоритета Первой поправки к Конституции США [Matsuda 1989, 8].

В вышеуказанных Рекомендациях «hate speech» определяется как «понятие, покрывающее все формы самовыражения, которые включают распространение, провоцирование, стимулирование или оправдание расовой ненависти, ксенофобии, антисемитизма или других видов ненависти на основе нетерпимости, включая нетерпимость в виде агрессивного национализма или этноцентризма, дискриминации и враждебности в отношении меньшинств, мигрантов и лиц с эмигрантскими корнями» [Recommendation of the Committee of Ministers of the Council of Europe No. R (97) 20 от 31.10.1997].

Итак, в контексте юридического дискурса «риторика ненависти» определяется как совокупность форм выражения мнений, провоцирующих и распространяющих ненависть в отношении групп и лиц, обла-

---

¹⁹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ (17-03-00094).

дающих определенными характеристиками. При этом перечень таких характеристик постоянно растет. Очевидно, что «виды ненависти на основе нетерпимости» могут расти и множиться в зависимости от расширения понятия «нетерпимость». Соответственно, с расширением перечня видов ненависти, публичное выражение которых запрещено, сужается пространство выражения мнений, особенно по спорным и конфликтным вопросам (миграция, межрелигиозное и межнациональное взаимодействие, заболевания, сексизм, харрасмент и т.п.).

Однако не менее очевидно, что люди испытывают потребность в наличии средств выражения чувств и отношений ненависти к кому-либо или чему-либо, поэтому усовершенствование правовых ограничений использования риторики ненависти в публичных коммуникациях не может осуществляться без исследования содержания анализируемого понятия в дискурсах повседневности.

А. Браун в статье «What is Hate Speech?» отмечает, что понятие «риторика ненависти» сложное и требует изучения определенных понятий, входящих в его состав. При этом, как правило, исследователями совершается ошибка, которую Браун называет «миф о ненависти», и которая заключается в том, что часто не учитываются нюансы понятия «ненависть», таким образом, обедняется содержание понятия «риторика ненависти» и затрудняются процессы ограничения ее публичного использования [Brown 2017]. В самом деле, если ненависть определять как эмоцию, а риторику ненависти – как совокупность выразительных средств, используемых для выражения этой эмоции, то процедуры криминализации эмоций неизбежно вызывают недовольство, как минимум, у части общества, в иерархии ценностей которой свобода слова и свобода выражения мнений занимают одну из ведущих позиций.

Государство в такой ситуации находится в положении более плачевном, чем буриданов осел, который не мог определиться между двумя равно желательными выборами. Государству приходится выбирать, что преимущественно защищать: свободу слова или права групп, которые нарушаются субъектами, апеллирующими к риторике ненависти. И вне зависимости от того, что оно выберет, часть общества будет недовольна. Защитники законов, запрещающих использовать риторику ненависти, впадают в искушение видеть риторику ненависти даже в тех коммуникативных ситуациях, где ее нет («Если у каждого есть молоток, все начинает выглядеть как гвоздь» [Brown 2017 : 422]). И, наоборот, противники законодательного урегулирования риторики ненависти в некоторых случаях не замечают фактов ее использования, хотя для этого требуется этическая слепота («Если каждый заикнется на идее о том, что молотком нельзя колоть орехи, все начинает выглядеть как орех» [Brown 2017 : 423]).

Либеральное происхождение «риторики ненависти» как юридического концепта играет не последнюю роль в его критическом восприятии той частью российского общества, которая, так или иначе, характеризует свои взгляды на общественно-политические события и перспективы развития социума как консервативные.

При этом примечательно то, что если считать предтечей и существенной составляющей риторики ненависти расистскую риторику, то в период работы над проектом Международной конвенции о ликвидации всех форм расовой дискриминации наиболее жесткий запрет распространения расистских идей предложили в 1964 году СССР и Польша, входившие в подкомиссию ООН по предупреждению дискриминации и защите меньшинств [Matsuda 1989 : 2343]. Эта конвенция была ратифицирована Указом Президиума Верховного Совета СССР от 22 января 1969 года, в то время как в США вопрос о ратификации был поставлен перед Сенатом только Президентом Картером в 1978 году, а фактически ратификация (с оговорками касательно защиты свободы слова) состоялась только 21 октября 1994 года [United Nations Treaty Collection]. Парадоксальным образом, в либеральном государстве защищалась расистская пропаганда, а в тоталитарном – боролись с ней.

М. Мацуда обращает внимание на то, что диктат Первой поправки не был абсолютным: запрещались клевета, разглашение личной, интимной информации, пропаганда в интересах работодателя во время профсоюзных выборов и т.д. [Matsuda 1989 : 2354]. Почему расистская риторика не попала в перечень запрещенных приемов, несмотря на четкую позицию, изложенную в международных правовых актах? Вероятно, одна из причин связана с тем, что существуют случаи, в которых неочевидны вредные последствия использования риторики ненависти (проявление расизма со стороны его жертв в отношении хорошо защищенного большинства, проявление расизма одной группы меньшинств в отношении другой, музейные выставки, посвященные проблемам расизма и антисемитизма, литературные произведения, написанные в жанре реализма и т.п.). На первый взгляд, не может быть никакого вреда, например, от литературных произведений, в которых в критическом ключе рассматривается проблема расизма. Тем не менее, М. Мацуда приводит пример, когда дети, читая в школе произведения М. Твена, наслаждаются, произнося расистские высказывания, хотя автор, напротив, пытался обратить внимание общества на безобразие расизма как социальной практики [Matsuda 1989 : 2369]. Таким образом, практически неразрешимой выглядит проблема правового ограничения не отдельных инцидентов использования риторики ненависти, а потока метаконтекстуальной риторики. Тем не менее, в настоящее время в большинстве государств правовое регулирование риторики ненависти является нормой.

Используя понятие «риторика ненависти» за пределами юридического дискурса мы, как правило, интуитивно понимаем, о чем идет речь, но это не делает автоматически удачным юридическую дефиницию анализируемого понятия. Постоянное расширение перечня групп, которые входят в сферу действия законов, запрещающих риторику ненависти, не представляется оптимальным способом разрешения конфликта

между свободой выражения мнений и правом групп на защиту от вредных последствий публичного использования в отношении них риторики ненависти. Но и сужать концепт «риторика ненависти» (например, понимать под риторикой ненависти только прямое подстрекательство к насилию) тоже опасно.

Представляется интересной позиция Брауна, который полагает, что проблема юридического концепта «риторика ненависти» заключается в том, что она понимается как риторика, выражающая чувства и отношения ненависти, в то время как на самом деле такая риторика может быть связана не с ненавистью, а с иными чувствами и отношениями: презрение, снисходительность, отчуждение, страх, зависть, желание обратить на себя внимание, волнение, отвращение и даже дух товарищества [Brown 2017 : 440-441]. При этом связь между риторикой и ненавистью внутри анализируемого составного концепта может иметь различные формы: реакция аудитории (определенные виды риторики, спикер, который их использует, или группы, о которых он говорит, вызывают у слушателей реактивную эмоцию ненависти); выражение ненависти к определенной группе (прямой посыл «Я ненавижу» и его завуалированные формы); мотивация спикера; последствия использования риторики ненависти [Brown 2017 : 446-459].

Парадоксальным образом, как только какая-либо групповая характеристика начинает защищаться законом, это обостряет проблему использования риторики ненависти в отношении группы, обладающей такой характеристикой. Возможно, это связано с тем, что норма права, защищающая ту или иную характеристику (например, запрет оскорбления чувств верующих), опережает формирование общественной потребности в такой норме. В итоге правозащитная деятельность государства трансформируется в провокацию нарушения прав членов той или иной группы. Для того чтобы минимизировать риски такого рода необходимо учитывать динамику содержания и объема концепта «риторика ненависти» в повседневных дискурсах. Необходимо иметь критерии, позволяющие определять границу между свободой выражения мнений и ограничением этой свободы ради недопущения негативных последствий использования риторики ненависти.

Использование такого критерия, как реакция аудитории, некорректно, поскольку в плюралистических обществах практически невозможно достичь единомыслия и единодушия по ключевым ценностно-нормативным вопросам. Всегда найдется группа, когда оскорбится в процессе их публичного обсуждения и потребует защиты государства.

Выражение ненависти к определенной группе представляется более объективным критерием, хотя далеко не всегда спикер выражает именно ненависть. Он может демонстрировать презрение, уничижительное снисхождение и т.д. В любом случае, риторические приемы такого рода должны быть нормативно ограничены (хотя не обязательно при помощи норм права).

Мотивация спикеров как критерий отличия риторики ненависти от нормативно допустимых форм выражения мнения – критерий, который сопряжен, во-первых, с проблемой доказывания наличия конкретной мотивации (особенно в ситуации, когда используются контекстуальные и метаконтекстуальные формы риторики ненависти), во-вторых, с неприятием вмешательства государства в частную сферу, в мысли граждан.

Негативные последствия, порожденные использованием риторики ненависти, являются наиболее удачным критерием для определения подлежащих ограничению или запрету форм самовыражения, хотя и здесь мы неизбежно сталкиваемся с проблемой доказывания причинно-следственной связи между риторикой ненависти и ее последствиями, например, актами насилия в отношении объекта такой риторики.

А. Браун предлагает понимать риторику ненависти как неоднозначную идиому в том смысле, что понятие «ненависть» в концепте «риторика ненависти» отражает только один из смыслов ненависти, подобно тому как понятие «зебра», используемое для обозначения пешеходного перехода, отражает только одно качество африканского животного, общее для него и для дорожной разметки – монохромные полосы [Brown 2017 : 462].

На мой взгляд, уход от обычного понимания ненависти в данной ситуации, возможно, и желателен, но трудно осуществим. Существуют языковые ограничения процессов искусственного изменения значений привычных концептов. Очень соблазнительно уйти от проблемы криминализации эмоций просто исключив эмоциональный компонент из спектра значений понятия «риторика ненависти», однако языковые игры не могут устранить причины и условия, способствующие эскалации использования риторики ненависти в публичном пространстве.

В политико-правовом пространстве продолжается конфликт ценностей и государство оказывается в невыгодном положении перед лицом урегулирования этого конфликта. С одной стороны, оно должно обеспечить безопасность граждан, общества, создать условия для воспроизводства общественной нравственности, используя доступные меры, в том числе, и меры государственного принуждения. С другой стороны, при этом оно не должно покушаться на автономию личности, ее права и свободы.

Предположим, что ключевыми субъектами в анализируемом ценностно-нормативном конфликте являются сообщества, которые условно можно обозначить как либеральное и консервативное. Использование понятия «риторика ненависти» для обозначения гомофобии, расизма, стигматизации групп меньшинств характерно, как правило, для представителей либерального сообщества. Их идеологические противники – консерваторы – критически относятся к концепту «риторика ненависти» и считают, что он препятствует свободному публичному обсуждению острых социально-политических вопросов. Для примирения обозначенных антагонистов могут быть использованы различные политические механизмы, в частности, компромисс и консенсус.

Голландский философ Ф. Анкерсмит, полемизируя с Дж. Ролзом как апологетом консенсуса, подчеркивает, что компромисс («благословенная принципиальная непринципиальность»), в отличие от консенсуса, является не идеологической договоренностью, которая не касается корня проблемы, а живой практикой, позволяющей действительно разрешить конфликт, даже если на первый взгляд он выглядит абсолютно неразрешимым [Анкерсмит 2004].

Конфликт между свободой выражения мнений и необходимостью ограничения риторики ненависти относится к такому типу проблем, источником которых Анкерсмит называет непродуманные последствия наших собственных действий. Введение правовых ограничений риторики ненависти обусловлено необходимостью защиты прав и свобод отдельных лиц, групп, сообществ. Однако холивары на публичных коммуникационных площадках не прекращаются, «...каждый гражданин становится амбивалентным королем» [Анкерсмит 2004].

Для того чтобы снизить степень поляризации общества необходимо искать компромиссные решения, не боясь заново поднимать «неудобные» вопросы. Дж. Ролз, напротив, отмечает, что нельзя ухудшать ситуацию и касаться глубинных различий религиозного или философского характера. Для решения дискуссионных вопросов он предлагает использовать «перекрывающийся консенсус» («overlapping consensus»), позволяющий достичь согласия по ключевым, фундаментальным вопросам. При наличии должной политической воли, вероятно, можно поддерживать консенсус по проблеме ограничения риторики ненависти, но это не поможет устранить причины, провоцирующие ее использование в публичной среде.

Консенсус наиболее успешно реализуется в государствах, где верховенство закона существует и de jure, и de facto, причем правоприменение определяет и процессы правотворчества. Однако ограничение риторики ненависти – это социально-политическая проблема, следовательно, для успешного ее решения необходимо выходить за пределы прав человека. Компромисс позволяет сделать это с наименьшими потерями и для сторон конфликта, и для арбитра. Так, компромисс позволяет находить контексты, в которых риторика ненависти – в широком смысле слова – допустима (например, «проклятая орда» в отношении фашистской армии). Однако за пределами этих контекстов представляется необходимым ограничивать и запрещать обращение спикеров к риторике ненависти всеми доступными нормативными способами. И если не обнаруживаются рациональные аргументы в пользу ограничений и самоограничений, то остается последний форпост – моральные интуиции, которые помогают понять, что распространение риторики ненависти как преобладающей коммуникативной стратегии нормализует ее как социальную практику. Надеяться, что государство запретит нам использовать риторику ненависти, но при этом ненавидеть это государство при малейших намеках на цензуру – непоследовательная позиция. Государство может помочь доступными ему методами, преимущественно – принуждением, защищая свободу выражения мнений. Но мы тоже должны помочь государству, самостоятельно ограничивая свои коммуникативные практики.

Библиографический список

1. Анкерсмит, Ф. Репрезентативная демократия. Эстетический подход к конфликту и компромиссу / Ф. Анкерсмит // Логос. – 2004. – № 2. – URL: <http://magazines.russ.ru/logos/2004/2/anker2.html>
2. Brown, A. What is hate speech? Part 1: the myth of hate / A. Brown // Law and Philosophy. – 2017. – № 36. – P. 419–468. DOI 10.1007/s10982-017-9297-1.
3. Matsuda, M. J. Public Response to Racist Speech: Considering the Victim's Story / M. J. Matsuda // Michigan Law Review. – 1989. – № 8. – Vol. 87. – P. 2320–2381.
4. Recommendation No. R (97) 20 of the Committee of Ministers to member states on “hate speech” (30 October 1997). – URL: <https://www.coe.int/en/web/portal/home>.
5. United Nations Treaty Collection. – URL: https://treaties.un.org/Pages/ViewDetails.aspx?src=TREATY&mtdsg_no=IV-2&chapter=4&lang=en

О ПОНЯТИИ И СОДЕРЖАНИИ СПЕЦИАЛЬНЫХ ПРАВОВЫХ РЕЖИМОВ

Е. С. Корнева

Гродно, Республика Беларусь

ABOUT THE CONCEPT AND CONTENT OF SPECIAL LEGAL REGIMES

E. S. Korneva

Grodno, Republic of Belarus

Аннотация. Вопрос о «специальных правовых режимах», являющийся предметом проводимого нами общетеоретического анализа, ранее изучаемый преимущественно на уровне отраслевых исследований, не перестает быть актуальным. Для понимания общетеоретической сущности и содержания специальных правовых режимов представляется необходимым проведение анализа основных подходов, предложенных правовой наукой.

Ключевые слова: специальный правовой режим, особый правовой режим, чрезвычайные режимы, экстраординарные режимы.

Abstract. The question of "special legal regimes", which is the subject of our general theoretical analysis, previously studied primarily at the level of sectoral research, does not cease to be relevant. To understand the essence and content of special legal regimes, it seems necessary to analyze the main approaches proposed by legal science.

Key words: special legal regime, emergency legal regime, extraordinary legal regime.

В юридической литературе выделяют общий, специальный и особый правовые режимы [Правовые режимы 2015 ; Ершова 2016 : 23 ; Общие административно-правовые 2012]. Общий правовой режим определяется как основной или базовый, который применяется к той или иной группе общественных отношений, действует бессрочно или довольно длительное (по сравнению с иными правовыми режимами) время, обеспечивая стабильность соответствующей группе общественных отношений. Специальный правовой режим выступает своего рода модификацией общего правового режима, характеризуется особыми льготами, преимуществами, дополнительными правами либо особыми ограничениями, дополнительными запретами или позитивными обязываниями; позволяет «в определенных границах устанавливать отдельные особенности социальных связей, тех или иных объектов и субъектов» [Правовые режимы 2015]; рассчитан, как и общий правовой режим, на относительно длительный период действия. Отличительной чертой особого правового режима является его экстраординарный, чрезвычайный, срочный, временный характер, существенное изменение регулирующего воздействия на субъекты правоотношений, наличие серьезных ограничений прав и охраняемых законом интересов граждан и организаций.

Однако встречаются и иные точки зрения. Так, В. Б. Рушайло различает обычный правовой режим и специальный, отмечая, что последний устанавливается в тех сферах государственного управления, где неэффективен обычный порядок регулирования посредством административно-правовых средств. Основная цель института специальных административно-правовых режимов – собрать комплекс необходимых правовых средств и реализовать их *в условиях возникновения чрезвычайной ситуации, вызванной природными, техногенными и социальными факторами* (курсив наш. – Е. К.). Понятием «специальный» охватываются режимы чрезвычайного и военного положения (выделяемые другими авторами в группу «особых» правовых режимов [Особый правовой 2017 ; Григорьев 2015 : 22]); режим закрытого административно-территориального образования; режим исключительной экономической зоны; режим водохранилища, режим придорожных полос; режимы оборота оружия, наркотических средств и психотропных веществ и т. п.; противопожарный режим, режим деятельности МЧС и др. [Специальные административно-правовые 2004]. Аналогичная позиция прослеживается в работах других авторов [Специальные правовые 2015 ; Васьков 2012] Так, Н. В. Васьков проводит различие между *общим административно-правовым режимом*, рассчитанным на повседневную административную деятельность, типичные социально-управленческие ситуации, и *специальными административно-правовыми режимами*, вводимыми в целях обеспечения безопасности при возникновении внешних и внутренних угроз; управления территориями, которые являются специальными зонами государственно-правовой охраны либо на которых осуществляются специальные природоохранные, санитарные, противопожарные и другие меры; установления правил обращения с предметами, представляющими повышенную общественную опасность, и др. [Васьков 2012 : 314–315].

Очевидно, что при таком подходе под «специальными правовыми режимами» понимаются как собственно «специальные», так и «особые» правовые режимы. С таким обобщением, думаем, трудно согласиться. Чуть ниже вернёмся к этому вопросу. Здесь же отметим, что встречается отождествление «специальных» и «особых» правовых режимов иного рода. Речь идет о ситуациях, когда термины «специальный» и «особый» используются для обозначения правовых режимов одного вида и рассматриваются в качестве синонимов [Нилов 2015]. Обращение к толковым словарям русского языка позволило нам установить возможные причины этого. Одно из значений слова «специальный» – «*особый, исключительно для чего-нибудь предназначенный*». В свою очередь, слово «особый» означает: «*отдельный, независимый (отличный) от других; необычный, исключительный; особенный*». В такой ситуации сказать, что лексическое значение слов «специальный» и «особый» тождественно, нельзя, но, как верно замечено в юридической литературе, «не видеть их схожести нет оснований» [Кванина 2017 : 238].

От приведённых выше отличается точка зрения Д. Н. Бахраха, изложенная им в соавторстве с С. Д. Хазановым в учебнике «Административное право России». В частности, *специальные административно-правовые режимы* рассматриваются ими как *одна из разновидностей особых правовых режимов*, действующих в сфере публичного права, а их основное назначение видится в следующем: обеспечение конституционной безопасности при возникновении внешних и внутренних угроз территориальной целостности и независимости государства, вооружённых конфликтов, массовых беспорядков; обеспечение функционирования объектов, представляющих повышенную общественную опасность или имеющих важное государственное значение; определение порядка реализации прав и обязанностей, условий жизнедеятельности на территориях, где проводятся специальные природоохранные, санитарные, противопожарные и иные мероприятия, а также на территориях, являющихся специальными зонами государственно-правовой охраны; установление порядка пользования предметами, представляющими повышенную общественную опасность или содержащими сведения, составляющие государственную тайну; обеспечение прав граждан и организаций в условиях чрезвычайных ситуаций, нормализации обстановки, восстановлении правопорядка; создание условий для эффективной деятельности органов исполнительной власти, результативного осуществления ими контрольных, надзорных, регламентационных полномочий. Основаниями для установления специальных административно-правовых режимов, как указывают Д. Н. Бахрах и С. Д. Хазанов, выступают экстраординарные ситуации социального и природно-техногенного характера, создание объекта-носителя специальных административно-правовых режимов (образование заповедника, создание пункта пропуска через государственную границу), возникновение иных факторов, требующих режимного регулирования [Административное право 2000]. При этом Д. Н. Бахрах и С. Д. Хазанов различают общий административно-правовой режим и специальные административно-правовые режимы, «упуская из виду» особые правовые режимы.

С точки зрения С. М. Зырянова, для обозначения режимов военного положения, чрезвычайного положения и других, подобных им режимов, рассчитанных на применение в экстраординарных ситуациях, которые требуют более специальных (по сравнению со специальными правовыми режимами) мер реагирования, уместно использовать словесную конструкцию «экстраординарные правовые режимы» [Зырянов 2016 : 80]. При этом он (равно и Т. В. Кувырченкова [Кувырченкова 2017 : 85–86]) полагает, что экстраординарные режимы являются разновидностью специальных административно-правовых режимов (в противоположность суждениям Д. Н. Бахраха и С. Д. Хазанова).

Между тем Т. Н. Шмидт считает, что чрезвычайный правовой режим («в собственном смысле»), режим военного положения, режим чрезвычайной ситуации, режим контртеррористической операции и режим охраны различных особо опасных объектов, животных, растений – виды «чрезвычайного правового режима», своеобразие которого выражается в следующем: 1) целью применения является обеспечение безопасности общества и государства, стабилизация ситуации в кризисных обстоятельствах; 2) основанием введения – чрезвычайная (кризисная) ситуация [Шмидт 2014].

Вышеперечисленные примеры в действительности указывают на отсутствие единого научного подхода в вопросе разграничения «специальных правовых режимов» и «особых правовых режимов».

Для «полноты картины» обратимся к соответствующему законодательству. К правовым режимам, введение которых обусловлено возникновением чрезвычайных ситуаций различного характера, как отмечено в докладе «Режим чрезвычайного положения: опыт правового регулирования и практика применения в зарубежных странах», подготовленном по заказу СВОП²⁰ [Режим чрезвычайного 1992], относятся следующие правовые режимы:

– *чрезвычайного положения* (Великобритания, США, Канада, Индия, Ирландия, ЮАР, Зимбабве, Португалия, Алжир, Кипр, Египет, Франция, Германия, Малайзия, Мали, Науру, Иордания, Кения, Республика Корея, Шри-Ланка, Фиджи, Ангола, Сомали, Таиланд, Уганда, Замбия, Марокко, Сенегал, Венесуэла, Кабо-Верде, Ямайка, Сент-Винсент и Гренадины, Испания, Польша, Румыния, Болгария, Финляндия, Никарагуа, Вануату, Куба, Филиппины, Сирия, Конго, Бангладеш, Пакистан, Сьерра-Леоне, Перу, Турция, Заир, Маврикий, Израиль, Венгрия, Кот-д'Ивуар, Гана, Камерун и др.);

²⁰ Совет по внешней и оборонной политике (СВОП) – неправительственное общественное объединение, основанное 25 февраля 1992 г. в Москве группой политиков, руководителей ассоциаций деловых кругов, предпринимателей, общественных и государственных деятелей, представителей силовых министерств, военно-промышленного комплекса, науки и средств массовой информации.

- *военного положения* (Великобритания, США, Индия, Нидерланды, Польша, Болгария, Румыния, Югославия, Республика Корея, Таиланд, Габон, Индонезия, Иордания, ЮАР, Кувейт, Филиппины, Бангладеш, Пакистан, Вьетнам и др.);
- *осадного положения* (Бельгия, Франция, Аргентина, Бразилия, Венесуэла, Греция, Испания, Португалия, Алжир, Мали, Венгрия, Нидерланды, Кот-д'Ивуар, Габон, Ангола, Сенегал, Конго и др.);
- *состояния войны* (Бельгия, Италия и др.);
- *общественной опасности* (Италия);
- *напряжённости* (ФРГ);
- *обороны* (ФРГ, Коста-Рика, Финляндия);
- *угрозы* (Испания);
- *бдительности* (Габон);
- *тревоги* (Габон).

С точки зрения автора доклада, все они являются различными формами института «чрезвычайного положения». Соглашаясь в том, что приведённые выше правовые режимы имеют много общего, считаем ошибочным использование для их обобщенного обозначения словесной конструкции «чрезвычайное положение», поскольку родовое понятие при таком подходе одновременно является и «видовым».

Оригинальное, с нашей точки зрения, решение предложено в Конституционном законе Приднестровской Молдавской Республики от 23 июля 2002 года, который является законодательной основой для *особых правовых режимов*: чрезвычайного положения, чрезвычайного экономического положения и военного положения, вводимых в случаях возникновения чрезвычайных внутренних или внешних обстоятельств, представляющих реальную угрозу человеку, обществу, конституционному строю и государству [Конституционный закон № 165-КЗ-III от 23.07.2002].

Как особые правовые режимы обозначены режимы военного положения и чрезвычайного положения в законодательстве Республики Беларусь [Закон Республики Беларусь № 185-З от 13.01.2003 ; Закон Республики Беларусь № 117-З от 24.06.2002] и Российской Федерации [Федеральный конституционный закон № 1–ФКЗ от 30.01.2002 ; Федеральный конституционный закон № 3–ФКЗ от 30.05.2001].

На основании вышеизложенного представляется верной позиция тех авторов, которые проводят различие между специальными правовыми режимами и особыми правовыми режимами. Полученный вывод может послужить основой для дальнейших исследований.

Библиографический список

1. Бахрах, Д. Н. Административное право России : учебник / Д. Н. Бахрах [и др.]. – М. : НОРМА-ИНФРА, 2000. – URL: <http://www.bibliotekar.ru/administrativnoe-pravo-3/index.htm>
2. Васьков, Н. В. Понятие и сущность административно-правовых режимов / Н. В. Васьков // Экономический рост Республики Беларусь: глобализация, инновационность, устойчивость : материалы VI Междунар. науч.-практ. конф., (г. Минск 17–18 мая 2012 г.) / редкол.: В. Н. Шимов ; Мин-во образования Респ. Беларусь, УО «Белор. гос. экон. ун-т». – Минск : БГЭУ, 2012. – Т. 2. – С. 314–315.
3. Воронов, А. М. Общие административно-правовые режимы обеспечения общественной безопасности / А. М. Воронов, М. И. Агабалаев // Современная наука: Актуальные проблемы теории и практики. Сер.: Экономика и право. – 2012. – № 1. – URL: <http://www.vipstd.ru/nauteh/index.php/---ep12-01/336-a> (дата обращения: 20.02.2018).
4. Григорьев, В. Н. Особые правовые режимы: вопросы соответствия Конституции / В. Н. Григорьев // Вестник Томского государственного университета. Сер.: Право. – 2015. – № 4 (18). – С. 22–29.
5. Егоров, Н. Ю. Особый правовой режим как средство охраны общественной безопасности (по работам И. Т. Тарасова / Н. Ю. Егоров // Genesis: исторические исследования. – 2017. – № 11. – URL: http://e-notabene.ru/hr/article_23738.html
6. Ершова, И. В. Специальный правовой режим деятельности субъектов малого и среднего предпринимательства: доктринальные и законодательные подходы / И. В. Ершова // Журнал предпринимательского и корпоративного права. – 2016. – № 2 (2). – С. 22–26.
7. Зырянов, С. М. Экстраординарные (специальные) административно-правовые режимы: понятие и обоснование необходимости введения / С. М. Зырянов // Журнал российского права. – 2016. – № 4. – С. 72–81.
8. Кванина, В. В. Понятие и виды правовых режимов предпринимательской деятельности / В. В. Кванина // Вестник Томского государственного университета. – 2017. – № 424. – С. 234–240.
9. Кувырченкова, Т. В. Административно-правовой режим особого положения: определение разных ситуаций / Т. В. Кувырченкова // Вестник ТвГУ. Сер.: Право. – 2017. – № 2. – С. 85–91.
10. Лиманская, А. П. Специальные правовые режимы: общетеоретический анализ : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Лиманская А. П. ; науч. рук. А. П. Мазуренко // Юридическая Россия. – Саратов, 2015. – URL: <http://law.edu.ru/book/book.asp?bookID=1596130>
11. Мохов, А. А. Правовые режимы осуществления экономической деятельности и саморегулирование предпринимательской или профессиональной деятельности / А. А. Мохов // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2015. – № 4. – URL: <http://отрасли-права.рф/article/16098>
12. Нилов, К. Н. Особые (специальные) правовые режимы как средство дифференциации правового регулирования предпринимательства / К. Н. Нилов // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. – 2015. – Вып. 9. – С. 37–42.
13. О военном положении : закон Респ. Беларусь № 185-З от 13.01.2003 : в ред. Закона Респ. Беларусь от 10.01.2015 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.
14. О военном положении : федер. конституц. закон № 1-ФКЗ от 30.01.2002 : в ред. федер. конституц. закона от 01.07.2017 // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «КонсультантПлюс». – М., 2018.

15. О чрезвычайном положении : Закон Респ. Беларусь № 117-З от 24.06.2002 : в ред. Закона Респ. Беларусь от 31.12.2009 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.
16. О чрезвычайном положении : федер. конституц. закон № 3-ФКЗ от 30.05.2001: в ред. федер. конституц. закона от 03.07.2016 // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «КонсультантПлюс». – М., 2018.
17. Об особых правовых режимах : Конституционный закон Приднестровской Молдавской Республики № 165-КЗ-III от 23.07.2002 : в ред. от 07.11.2017 // Верховный Совет Приднестровской Молдавской Республики. – URL: <http://www.vspmr.org/legislation/laws/zakonodateljniie-akti-pridnestrovskoy-moldavskoy-respubliki-v-sfere-konstitutsionno-gostroya-osnov-pravoporyadka-a-takje-deyatelnosti-organov-gosudarstvennoy-vlasti-i-upravleniya/konstitutsionniy-zakon-pridnestrovskoy-moldavskoy-respubliki-ob-osobih-pravovih-rejimah.html>
18. Режим чрезвычайного положения: опыт правового регулирования и практика применения в зарубежных странах // Совет по внешней и оборонной политике. – URL: http://www.svor.ru/public/docs_1992_6_10_1351677414.pdf
19. Рушайло, В. Б. Специальные административно-правовые режимы в Российской Федерации : дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.14 / В. Б. Рушайло. – М, 2004 // Law Theses. – URL: <http://lawtheses.com/spetsialnye-administrativno-pravovye-rezhimy-v-rossiyskoy-federatsii>
20. Шмидт, Т. Н. Чрезвычайное правовое регулирование: общетеоретическое исследование: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Шмидт Т. Н. – Барнаул, 2014. – URL: https://www.susu.ru/sites/default/files/dissertation/dissertaciya_shmidt.pdf

LATTER – ФИНСКО-РУССКИЙ БАНК ДАННЫХ ПО ЮРИДИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ

М. Н. Михайлов, И. С. Кудашев, Ю. В. Соума

Тампере, Финляндия

LATTER, A DATABANK OF FINNISH-RUSSIAN LEGAL TERMS

M. Mikhailov, I. Kudashev, J. Souma

Tampere, Finland

Аннотация. Описывается опыт создания LATTER – финско-русского банка данных по юридической терминологии. Ресурс адресован переводчикам юридических текстов с финского языка на русский, а также устным переводчикам. Банк данных также будет использоваться в преподавании письменного перевода в университетах Финляндии.

Ключевые слова: терминологический банк данных, электронный ресурс, юридическая терминология, юридический перевод.

Abstract. In this article an online Finnish-Russian bank of legal terms LATTER is introduced. The resource is addressed to translators of legal texts from Finnish into Russian, and to interpreters working with this pair of languages. The databank will be also used in translator training in the universities of Finland.

Key words: term bank, electronic resource, legal terminology, legal translation.

1. Общие замечания

Центральной проблемой при переводе специальных текстов является корректное употребление терминологии. Если переводчик понимает термины, употребленные в тексте, и ему удалось подобрать для них хорошие соответствия в языке перевода, то перевод будет выполнять свою функцию: адресат текста получит необходимую информацию. А неудачные соответствия для терминов нельзя компенсировать ничем: многие места в переводе будут допускать несколько толкований, текст будет тяжело читаться и вызывать раздражение адресата. Значительную часть своего времени, иногда до 75 %, переводчик тратит на работу с терминами [Убин 1992: 16; Гринев 1993: 259]. При этом непоследовательность в употреблении терминов является главной причиной возврата переводов на доработку [SDL 2016].

Хотя в настоящее время словари перестали быть единственным источником информации для переводчика, использование нелексикографических источников (поиск в Интернете, корпуса текстов, консультации со специалистами) не может их полностью заменить и значительно менее эффективно в плане затрат времени. Но электронные источники становятся все более популярными и постепенно вытесняют бумажные словари. Помимо терминологических словарей чрезвычайно важным источником переводных соответствий являются терминологические банки данных, которые имеют ряд преимуществ: они доступны онлайн, быстрее обновляются, не ограничены по объему. Для пар языков, включающих так называемые “редкие” языки, терминологический банк данных зачастую оказывается единственно возможным решением, поскольку публикация “бумажных” словарей нерентабельна из-за маленького рынка [см. напр. Mikhailov 2015].

В настоящей статье описывается опыт авторов по созданию финско-русского банка данных юридической терминологии. Проект получил название LATTER (фин. Lakitermien termipankki = терминологический банк юридических терминов). Главная цель проекта – предоставить терминологическую помощь переводчикам текстов из области права, юриспруденции и правосудия с финского языка на русский, а также устным переводчикам, особенно судебным переводчикам. Кроме того, предполагается использовать банк данных в преподавании письменного перевода в университетах Финляндии. ТБД будет функционировать как некоммерческая служба, поддерживаемая преподавателями и исследователями Университета Тампере, а в перспективе, вероятно, и другими заинтересованными группами пользователей.

Проект получил финансовую поддержку от фонда Cultura (Финляндия) на 2017-2018 гг. (проект 2017230068), что позволило подготовить массив из порядка 1000 финских терминов с русскими соответствиями, который станет основой LATTER. Работа началась с терминологии уголовного, уголовно-процессуального и семейного права. В настоящее время идет проверка русских соответствий и унификация словарных статей, а также добавляются термины трудового права. С осени 2018 года планируется ввод терминологического банка данных в эксплуатацию.

2. Вопрос о соответствии финских и русских юридических терминов

Законодательства Финляндии и России различаются довольно сильно. Правовая система РФ относится к романо-германской правовой семье, в то время как правовую систему Финляндии юристы относят к

скандинавской семье, которая в меньшей степени подверглась влиянию римского права. В отличие от России, в Финляндии нет кодексов. Роль судебной практики в законотворчестве выше, чем в России: например, решения судов высшей инстанции могут использоваться как прецеденты. При этом правовая система Финляндии и других Северных стран все же не может быть отнесена к системе общего права [см. напр., Решетников 1993].

Эти различия общего порядка приводят к большому числу различий на уровне конкретных понятий. Проблемы усугубляются различиями в социально-бытовой сфере и специфическими чертами финского языка.

По этим причинам находить адекватные русские соответствия для финских юридических терминов и наоборот бывает непросто. Положение усугубляется тем, что в финско-русских словарях встречаются неудачные соответствия и авторитет словаря стимулирует их употребление.

Например, для термина *hovioikeus* – ‘суд второй инстанции’ – и наиболее известный большой финско-русский словарь И. Вахроса и А. Щербакова, и более новый словарь Ниенсиву и Никкиля предлагают соответствие *надворный суд* [ФРС 2010: 123, SVS 2003: 119], а в словаре Вахроса и Щербакова есть еще и *гофгерихт* [ФРС, там же]. Термин *käräjäoikeus* – ‘суд первой инстанции’ – в словаре Вахроса и Щербакова вообще отсутствует, но есть производные термины (*käräjäasia, käräjäjuttu, käräjäkunta* и др.), на основе которых можно понять, что словарь предлагает для термина соответствие *уездный суд* [ФРС 2010: 293-294]. Правда, словарь Никкиля и Ниенсиву уже предлагает для этого термина соответствие *суд первой инстанции* [SVS 2003: 270].

На сегодняшний день единственный широко известный и доступный²¹ словарь юридических терминов – это Финско-русско-финский юридический словарь Poliglossum, выпущенный издательством ЭТС (см. http://www.ets.ru/pg/r/dict/fin_legal.htm). Одним из основных недостатков этого словаря с точки зрения переводчика является проблема выбора соответствия среди длинного ряда синонимов, часть из которых не относится к юридическому дискурсу, а является общеязыковыми словами, причем не всегда стилистически нейтральными (см. рис 1).

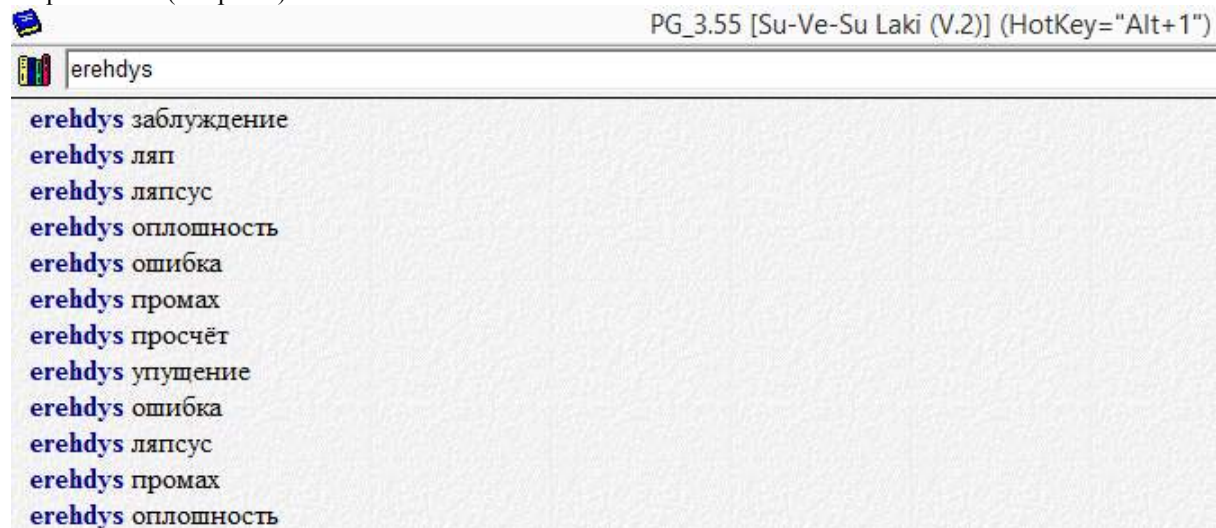

Рис. 1. Пример словарной статьи Финско-русско-финского юридического словаря издательства “ЭТС”.

Еще один серьезный недостаток данного словаря заключается в том, что он содержит далеко не все значения, нужные при переводе юридических текстов. Например, в Уголовном кодексе Финляндии имеется такое понятие, как *surma*, – ‘убийство со смягчающими обстоятельствами’, ‘привилегированное убийство’. В то же время в указанном юридическом словаре этого значения не приводится (см. Рис. 2).

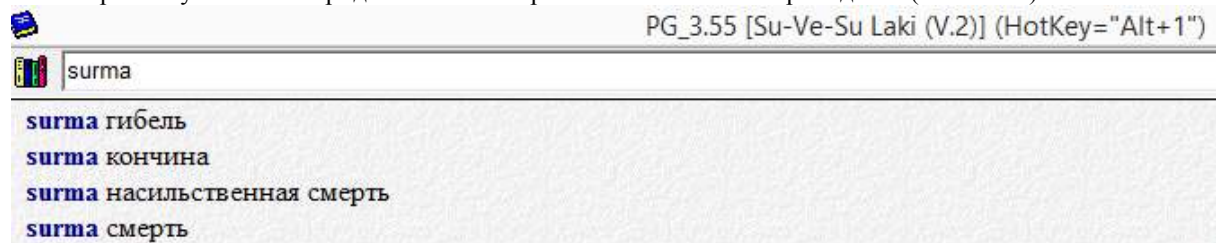

Рис. 2. Словарная статья Финско-русско-финского юридического словаря на слово *surma*.

Распространенные юридические термины есть в таких словарях, как ФРС, SVS, словаре экономической юриспруденции [Boman, Nonkanen 1997; Боман 2000], других бумажных словарях и онлайн-ресурсах, например, в MOT [<https://mot.kielikone.fi/mot/uta/netmot.exe>, коммерческий ресурс], но как говорилось вы-

²¹ Отметим, что имеется еще словарь С.Боман, изданный в Таллине в 2000 году [Боман 2000], но книга является библиографической редкостью.

ше, эти словари часто предлагают неудачные соответствия. Поэтому потребность и важность специального онлайн-ресурса по финско-русской юридической терминологии трудно преуменьшить.

Финская юридическая терминология хорошо представлена в семитомной энциклопедии *Encyclopaedia Iuridica Fennica*, вышедшей в 1990-е годы [EIF 1994]. Существует также онлайн-ресурс *Tieteen termipankki* – Банк данных финских научных терминов [http://tieteen termipankki.fi/wiki/Termipankki:Etusivu], в котором есть большой раздел по праву. На момент написания настоящей статьи в этом банке данных было 2244 термина из области права. Этот ресурс основан на EIF, и вообще, очень к нему близок, поскольку многие из авторов статей участвовали и в EIF. Проблемой для переводчиков является то, что в обоих источниках представлены только финские термины и их толкования, а соответствий на других языках (кроме шведского в EIF) нет. А поиск корректного соответствия в такой специальной области оказывается отдельной нетривиальной задачей.

В проекте LATTER для поиска русских соответствий использовались термины, применяющиеся в действующем законодательстве Российской Федерации. Представленность термина в тексте закона – единственный надежный критерий, позволяющий верифицировать термин. Разумеется, юридические термины, кроме законов, употребляются и в других текстах: в учебниках по праву, в научных статьях, в решениях судов, в лекциях и публичных выступлениях и т.п. Но для привлечения таких источников требуются экспертные знания в области, и поэтому было решено на начальном этапе работы ограничиться текстами законов Финляндии и России.

3. ТБД онлайн

Размещение банка данных на сервере важно не только для потенциальных пользователей, которые получают возможность обращаться к ресурсу с любого компьютера, имеющего выход в Интернет. Это чрезвычайно полезно и для разработчиков:

- авторы работают с одним и тем же сетевым приложением, установленном на сервере и доступным онлайн;
- словарные статьи создаются по четкому (хотя и гибкому) шаблону и не возникает проблемы унификации статей;
- упрощается коллективная и удаленная работа;
- есть возможность ограничения и регулирования доступа к данным;
- не возникает проблемы синхронизации версий базы данных.

LATTER реализован в виде базы данных MySQL, которая хранится на сервере Университета Тампере *mustikka.uta.fi*. Обслуживание банка данных и работа с ним производятся с помощью лексикографического процессора *MyTerMS* (см., напр., *Kudashev 2004; Kudashev & Kudasheva 2006, 2009*). Приложение позволяет вводить термины в базу данных, редактировать и удалять статьи, а также делать запросы к банку данных. В настоящее время доступ к базе данных ограничен, осенью 2018 будет тестироваться гостевой доступ, после чего к проверенной части банка данных будет предоставлен открытый доступ в режиме “только чтение”.

На рис. 3 представлено главное меню программы. В правом нижнем окне находится словарная статья, в которой показаны финский термин, его русские эквиваленты, источники терминов, примечания и другая информация по термину, а также различная служебная информация, например дата ввода термина, даты обновлений, авторы, редакторы и т.п.

Рис. 3. MyTerMS: главное меню.

Ввод новых терминов и редактирование уже введенных выполняется через отдельную форму, которая открывается из главного меню (Add entry, Edit Entry).

4. Ввод данных в банк. Проблемы и решения

В процессе ввода словарных статей в банк данных возникает множество вопросов – как чисто технических, так и содержательных. При их решении мы руководствовались интересами наших потенциальных пользователей – переводчиков. Поэтому стремились по возможности представить в LATTER все, что потенциально могут искать, а также снабжать все термины переводными соответствиями, добавляя комментарии о проблематичных случаях. Расскажем о некоторых типичных проблемах.

Нужно ли давать в ТБД названия законов Финляндии? Во многих случаях перевод названия закона не вызывает больших проблем, но возможна вариативность. Например, как лучше перевести *Ulkomaalaislaki* – Закон об иностранцах или Закон об иностранных гражданах? Или *Perintökaari* – Закон о наследовании или Закон о получении наследства или Закон о наследстве или Кодекс о наследовании²²? Кроме того, могут быть труднопереводимые названия, создающие проблемы для носителей русского языка. Поэтому было решено вводить названия законов в LATTER.

В финском языке нет грамматического рода, поэтому у многих терминов, обозначающих лиц, может быть несколько соответствий в русском языке. Например, у финского термина *adoptio* два русских соответствия – *усыновление* и *удочерение*. Как представить их в банке: как два отдельных термина или как один? Если это будет один термин, то как оформить запись: *усыновление / удочерение* или *усыновление (удочерение)*? Мы стараемся, по возможности, сохранять такие эквиваленты как отдельные термины, снабжая статьи комментариями, если возникает необходимость.

Иногда в текстах законов не удается найти совершенно очевидного соответствия термина. Например, для финского термина *adoptioäiti* существует совершенно нормальное русское соответствие *приемная мать*. Но этот термин в Семейном кодексе РФ не употребляется, удастся зафиксировать только термин *приемный родитель* (ст. 152 СК РФ). Поскольку нашим принципом является фиксировать в банке данных только такие термины, которые есть в законах (см. выше), мы вынуждены дать это неточное соответствие. Однако не зафиксировать термин *приемная мать* тоже было бы некорректно. Поэтому этот термин мы тоже указываем, но даем к статье примечание, что в СК употребляется только термин *приемный родитель*.

Иногда русские соответствия бывают очень громоздкими. Например, финскому термину *atritta-aserikos* соответствует довольно длинный русский термин *преступление, связанное с приобретением, передачей, сбытом, хранением, перевозкой, ношением огнестрельного оружия* (ст. 222 УК РФ). Соответствие *преступление с применением огнестрельного оружия* не подходит, поскольку, в отличие от финского термина, не включает в себя преступление, связанное с неправильным хранением или транспортировкой огнестрельного оружия. Мы предложили термин *преступление, предметом которого является огнестрельное оружие*. В словаре все же зафиксированы все три полученных нами русских соответствия с соответствующими комментариями (см. тж. Рис. 3).

Приведем еще один пример громоздкого термина. Финскому термину *datavahingonteko* соответствует русское *создание, использование и распространение вредоносных компьютерных программ*, а полностью в УК РФ – *создание, распространение или использование компьютерных программ либо иной компьютерной информации, заведомо предназначенных для несанкционированного уничтожения, блокирования, модификации, копирования компьютерной информации или нейтрализации средств защиты компьютерной информации* (ч. 1 ст. 273 УК РФ). Мы предложили термин *причинение ущерба компьютерной информации*.

Таким образом, в некоторых случаях авторам все же приходится создавать искусственные эквиваленты, поскольку главным принципом нашей работы является наличие хотя бы одного русского соответствия для финского термина. Иначе банк данных будет корректным с точки зрения терминоведа, но бесполезным с точки зрения пользователя.

5. Заключение

Работа над LATTER пока в начальной стадии, но уже сейчас ясно, что работа малой командой не позволит проекту долго продержаться. Лишь при наличии людей, которые вводят термины и обслуживают базу данных, и при участии активных пользователей, которые регулярно делают запросы и посылают разработчикам комментарии, проект можно будет продолжать. Разумеется, университеты в некоторой степени располагают потенциалом для поддержания на плаву некоммерческих проектов: дипломники и аспиранты, занимающиеся терминологией, могут дать проекту второе дыхание.

Но главная наша надежда на “краудсорсинг”: если у банка данных появятся активные пользователи, которые захотят добавлять новые термины и исправлять найденные ошибки, то проект начнет жить своей жизнью и “встанет на ноги”. Такими активными пользователями могут, например, стать выпускники университетов, которые работали с банком данных во время учебы и написания дипломных работ. Удастся ли это – покажет время.

Авторы статьи выражают благодарность Фонду Cultura за финансовую поддержку (проект 2017230068).

Библиографический список

1. Боман, С. Финско-русско-финский юридический словарь / С. Боман. – Таллинн : Valgus. – 370 с.
2. Гринев, С. В. Введение в терминоведение / С. В. Гринев. – М. : Моск. Лицей, 1993. – 309 с.
3. Решетников, Ф. М. Правовые системы стран мира : справочник / Ф. М. Решетников. – М.: Норма, 1993. – 976 с.
4. Убин, И. И. ЭВМ и словарь : метод. пособие / И. И. Убин. – М. : ВЦП, 1992. – 179 с.
5. ФРС: Вахрос И., Щербаков А. Финско-русский словарь. – 8-е изд., испр. – М. : Русский язык, 2010.
6. Boman, S. Liikejuridiikan sanakirja ja asiakirjamallit / S. Boman, M. Honkanen. – Helsinki : Tietosykli, 1997.
7. EIF 1994: Mattila Heikki E. S. (ред.) Encyclopaedia Iuridica Fennica. – Helsinki : Suomalainen Lakimiesyhdistys, 1994.

²² Выше говорилось, что в законодательстве Финляндии нет кодексов, тем не менее, есть несколько больших законов, напоминающих кодексы, которые сохранились еще со времен нахождения Финляндии в составе Швеции.

8. Kudashev, I. On Terminology Management Software in Small and Middle-Sized Dictionary Projects / I. Kudashev // Koskela, Merja & Pilke, Nina. Erikoiskielet ja käännösteoria. VAKKI-symposiumi XXIV. – Vaasa : Vaasan yliopisto, 2004. – P. 129–135.
9. Kudashev, I. Software Demo: The Terminographic Processor MyTerMS. / I. Kudashev, I. Kudasheva // de Schryver, G.-M. DWS 2006: Proceedings of the Fourth International Workshop on Dictionary Writing Systems, Tuesday 5th September 2006, Turin, Italy (Pre-EURALEX 2006). Pretoria : (SF) 2 Press, 2006. – P. 35–40.
10. Kudashev, I. Terminhallintaohjelma MyTerMS terminologin apuna / I. Kudashev, I. Kudasheva // Vehmas-Lehto, Inkeri Puusta katsoen: Metsätermit ja metsäsanakirjan laadinta. – Kouvola : Helsingin yliopisto, Käännöstieteen laitos, 2009. – P. 149–162.
11. Mikhailov, M. Minor language, major challenges: the results of a survey into the IT competences of Finnish translators / M. Mikhailov // Journal of Specialised Translation. – 2015. – № 24. – P. 89–111.
12. SDL 2016 = SDL Translation Technology Insights. Research Study 2016. Executive Summary. SDL. – URL: <http://www.sdl.com/download/tti16-executive-summary/103386> [требуется регистрация, 26.3.2017].
13. SVS. Niemensivu, H. Suomi-venäjä sanakirja / H. Niemensivu, E. Nikkilä. – Helsinki : WSOY, 2003.

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПОНЯТИЯ «ДОГОВОР» В ПРАВЕ ДРЕВНЕГО РИМА И СРЕДНЕВЕКОВОМ ПРАВЕ

Е. С. Наумова

Ростов-на-Дону, Россия

DEFINITION OF THE CONCEPT "AGREEMENT" IN THE LAW OF ANCIENT ROME AND MEDIEVAL LAW

E. S. Naumova

Rostov-on-Don, Russia

Аннотация. Анализируются истоки договорных отношений, а также дается характеристика разработанности общего понятия «договор» в праве Древнего Рима и средневековом праве. При этом особое внимание уделяется роли глоссаторов и постглоссаторов в формировании понятия «договор» и развитии договорной теории в Средние века.

Ключевые слова: договор, договорное право, римское право, рецепция, глоссаторы, постглоссаторы.

Abstract. The article analyzes the origins of contractual relations, as well as describes the elaboration of the general concept of "agreement" in the law of ancient Rome and medieval law. At the same time, special attention is paid to the role of glossators and postglossers in the formation of the concept of "contract" and the development of contractual theory in the Middle Ages.

Key words: contract, law of contract, Roman law, reception, glossators, postglossators.

Одним из правовых институтов Древнего Рима, имеющих наиболее подробную регламентацию, является институт договора.

Торговый оборот, достигший своего наивысшего развития в Риме в первые века новой эры вызвал необходимость подробной разработки разнообразных типов договорных отношений и детальнейшей формулировки прав и обязанностей контрагентов на основе твердости договора и безжалостного отношения к должнику, не выполнившему договор [Васильева, Пашаева 2008 : 5].

Институт договора и в римском праве, и в средневековой цивилистике привлекал внимание правоведов как один из важнейших инструментов регулирования имущественных отношений в сфере частного права [Полдников 2012 : 107].

Утверждение идеи договора в правовом сознании и юридическом мышлении сопровождалось определенными сложностями. В литературе отмечают, что несмотря на бурное развитие торговли ни крито-микенская и шумеро-аккадская цивилизации, ни греческая культура не знали юридической идеи договора [Бекленищева 2006 : 31].

Теоретически сформированное понятие гражданско-правового договора сложилось в европейской традиции права только к концу XIX в. При этом становление понятия гражданско-правового договора неразрывно связано с утверждением представления о консесуальном договоре. Соглашение само по себе стало мыслиться как определенная объективированная форма [Бекленищева 2006 : 33].

Римское государство прошло все стадии развития, присущие античному западному государству. Возникнув как родоплеменной союз, пройдя полисный этап, Рим сформировался как полноценное государство с монархической формой правления и вышел на лидирующие позиции в античном мире [Колиева 2015 : 69].

Римское право со времен Республики и до кодификации Юстиниана не выработало общего термина для обозначения единого понятия договора [Бекленищева 2006 : 50, Полдников 2008 : 38].

Дошедшие до нашего времени римские выражения *convencio*, *ractio*, *contractus* являются самостоятельными, не соподчиненными понятиями, ни одно из них не охватывало всех явлений, имевших договорную природу, и не выступало в качестве родового понятия.

В становлении договорных представлений в Риме можно выделить два важных этапа:

1. этап древнего римского права (VI–III вв. до н.э.), связанный с появлением соглашений гражданского (или квинтского) права (*legitima conventiones*);

2. этап классического и постклассического римского права (III в. до н.э. – III в. н.э.; III – VI вв. н.э.), связанный с появлением соглашений общенародного или преторского права (*iuris gentium conventiones*).

Ко всем соглашениям гражданского права, включая манципацию и виндикационные сделки, предъявлялись очень высокие требования относительно формы их совершения, причем несоблюдение мельчайших деталей торжественного обряда манципации или нексуса, неточное соответствие произнесенных слов при стипуляции влекли недействительность всего акта.

Таким образом, на первоначальном этапе своего становления договор мыслится только как форма совершения системы определенных действий, т.е. обуславливается характером определенной процедуры, и обязывает контрагентов не сам договор, но его форма.

Применительно к древнему римскому праву под формой сделки понимается система последовательно совершаемых действий (процедура).

Так, в виндикационных сделках, манципации и нексусе такой формой выступает сам их обряд совершения, включая передачу ценности, а договор приобретает статус только в силу того, что опосредуется подобным внешним актом его оформления.

В самих основаниях таких процедур начинают зарождаться первоначальные представления о договоре, а сами процедуры – дифференцироваться в зависимости от таких представлений. Так, если первоначально виндикация заменяла собой отсутствие конструкции соглашения [Скловский 2010 : 693], то в последующем идея захвата обособляется от других способов установления правовых взаимоотношений и получает оформление в самостоятельной процедуре совершения так называемых либральных сделок, первые из которых были направлены сугубо на передачу вещи и перенесение собственности (манципация).

Квазипроцессуальные формы, опосредующие возникновение договорных отношений, несмотря на многие сакральные черты, становятся постепенно содержанием собственно правовых, а не религиозных представлений, а договор, будучи облеченным во внешнюю форму его процедуры, получает юридическую, а не религиозную санкцию.

Таким образом, римские юристы не создали юридического понятия договора, так как механизмы являлись достаточными для решения поставленных задач. Поэтому, в период древнего римского права сложно обнаружить постановку вопроса о природе договора: существо облакаемых в найденные внешние формы отношений вообще не представляло какого-либо интереса, а под одну и ту же форму могли подводиться совершенно разные по своей природе явления. Вместе с тем именно в эпоху древнего римского права договор впервые получает основание своей юридической силы или обязательности.

Становление представления о договоре в римском праве завершает консесуальный договор, последняя по времени возникновения конструкция. Это договор, имеющий исковую силу благодаря своему содержанию, независимо от основания (*causa*). Консесуальный договор, как и реальный, возникает в общенародном праве (*ius gentium*), поэтому относится, по классификации Ульпиана, к *ius gentium conventiones*. Как и реальный договор, он основывается на соглашении и не имеет характера формальной сделки гражданского права, но в отличие от реального договора для своего возникновения он не требует передачи вещи, а, по наиболее распространенному мнению, основывается на чистом *consensus*.

Г. Дж. Берман отмечает, что римское право Юстиниана не содержало даже общего понятия договора; оно рассматривало отдельные виды договоров, поэтому любое соглашение, не попадавшее в перечисленные в законе виды, оказывалось *ipso facto* не договором. Вместе с тем автор считал отрицает, что в римском праве эпохи Юстиниана и до нее не было общих понятий вообще [Берман 1999 : 230].

Одним из наиболее значимых и уникальных явлений в правовой жизни Западной Европы становится рецепция римского права.

Однако ученые не пришли к общему мнению относительно сути и этапов рецепции римского права. Например, В.Г. Графский придерживается преобладающего в науке мнения о раннесредневековом (варварском) этапе и нескольких фазах университетского (научного) этапа рецепции в странах континентальной Европы, а Е. О. Харитонов различает византийский, западноевропейский (континентальный) и англосаксонский типы рецепции.

Д. Ю. Полдников дает следующее определение понятие рецепции: рецепция представляет собой неосознаваемую средневековыми учеными формулировку правовых концепций с новым содержанием посредством схоластического изучения текстов Свода Юстиниана и в соответствии с духовной средой западноевропейского христианского мира [Полдников 2012 : 106].

Рецепция римского права развивалась в трех направлениях: варварском, университетском и практическом. Университетское направление было связано, прежде всего, с деятельностью глоссаторов. Для изучения римского права образовывались первые юридические школы, где изучались в первую очередь Дигесты, которые состояли из конкретных и гипотетических дел, рассмотренных юристами.

К формам рецепции римского права относятся: изучение в учебных заведениях как юридической общеобразовательной дисциплины с целью формирования мировоззрения будущих правоведов; исследование, анализ и комментирование римских юридических источников; непосредственное применение норм и положений римского частного права; использование норм позитивного римского частного права (источников) как образца при создании нормативных актов, а также использование римско-правовой методики создания нормативных актов или практики их реализации [Матвеева 2015 : 50]. Так, в Древнем Риме источником права считались точки зрения авторитетных юристов на важнейшие правовые вопросы. В 426 г. н.э. был издан закон «О цитировании юристов», признававший обязательное значение за сочинениями римских юристов [Серегин 2016 : 20].

Поздние европейские юристы создали теорию договорного права из конкретных типов договоров, определяли право владения, разработали учение об оправданном применении силы и вообще систематизировали эти тексты на основе более широких принципов и понятий [Харитонов 2017 : 60].

Западноевропейские юристы XI – XII вв. создали первый научный метод – схоластический метод анализа и синтеза [Берман 1999 : 225, Тарасов 2001 : 100], что позволило заложить основы собственно теоретического (обобщенного) знания о праве и договорах в частности. В противоположность римским юристам они полностью устранили различие между простым, неформальным соглашением и соглашением, облеченным в определенную форму, признав, что те и другие могут порождать отношения обязательственного характера, имеющие равную юридическую силу [Иоффе 2009 : 57].

Глоссарийный аппарат XII – XIII в.в. отражает процесс разработки отдельных компонентов теории: понятие контракта и пакта, их систематизация, учение о договорных типах.

Наиболее значимыми доктринальными достижениями, отличающими доктрину глоссаторов от римского права и права раннего средневековья являются: возрождение интереса к договорному регулированию имущественных отношений; начало осмысления общих понятий договорной теории – контракта и пакта – и установление между ними родовидового соотношения, т.е. контракт как разновидность пакта; признание соглашения общей основой всех контрактов и пактов; разработка критериев классификации различных договоров из Свода Юстиниана по группам одетых и голых пактов с тем, чтобы объединить их в рамках единой системы, а также смещение акцента с процессуальных моментов на материальное право (направление анализа от субъективного права к иску).

Рассуждения наиболее известных представителей Орлеанской юридической школы XIII в. – Ж. де Ревиньи и П. Бельпарш о договорах гражданского права свидетельствуют о новом этапе развития договорной доктрины. Они уточнили основные компоненты договорной теории глоссаторов и добавили в нее некоторые новые понятия. Одним из них стала «разновидность договора», с помощью которой орлеанские профессора описывали конкретное соглашение, направленное на достижение правового результата и признанное правом порядком. В то время как глоссаторы были склонны рассматривать договоры как готовые шаблоны из Свода Юстиниана. Таким образом, Ревиньи и Бельпарш разработали новый функциональный подход трактовки договора, согласно которому соглашение признавалось и оценивалось в зависимости от порождаемых им правовых последствий.

В области договорного права доктрина постглоссаторов (XVI-XV в.в.) представляет собой ответ на критику орлеанских докторов.

Ядро их договорной теории составляли рассуждения о согласии как основе договора, порядке его достижения, основании договора, а также пороках согласия.

Важным вкладом постглоссаторов в развитие договорной теории стала четкая постановка проблемы оферты и акцепта в договорных отношениях. Важную часть их теории составило учение об основании договоров. Плодом усилий постглоссаторов XVI-XV в.в. стала детализированная доктрина средневековой цивилистики. Заметное место в ней занимали положения договорного права. Причем, отсутствие единого понятия гражданско-правового договора на концептуальном уровне препятствовало развитию общей теории договора [Полдников 2012 : 110].

Постглоссаторы также устранили различие между стипуляцией и консесуальными контрактами [Иоффе 2009 : 103], что имело немаловажное значение для обоснования теории гражданско-правового договора в XIX в.

Библиографический список

1. Бекленищева, И. В. Гражданско-правовой договор: классическая традиция и современные тенденции / И. В. Бекленищева. – М. : Статут, 2006. – 204 с.
2. Берман, Г. Дж. Вера и закон: примирение права и религии / Г. Дж. Берман. – М., 1999. – 430 с.
3. Васильева, Т. Г. Римское право : конспект лекций / Т. Г. Васильева, О. М. Пашаева. – М. : Юрайт, 2011. – 153 с.
4. Иоффе, О. С. Избранные труды по гражданскому праву: Из истории цивилистической мысли. Гражданское правоотношение. Критика теории «хозяйственного права» / О. С. Иоффе. – 3-е изд., испр. – М. : Статут, 2009. – 789 с.
5. Колиева, А. Э. Теория фидуциарных договоров в римском частном праве / А. Э. Колиева // Право и практика. – 2015. – № 3. – С. 68–73.
6. Матвеева, Е. С. Рецепция римского права : учеб.-метод. пособие / Е. С. Матвеева. – Орёл : Изд-во ОФ РАНХиГС, 2015. – 140 с.
7. Полдников, Д. Ю. Проблемы договорной теории *ius commune* (XII–XVI вв.) / Д. Ю. Полдников // Вестник Московского университета. Сер. 11, Право. – 2008. – № 1. – С. 38–61
8. Полдников, Д. Ю. Этапы формирования цивилистической договорной теории *ius commune* / Д. Ю. Полдников // Государство и право. – 2012. – № 6. – С. 106–115.
9. Серегин, А. В. Юридическая компаративистика / А. В. Серегин. – М. : Юрлитинформ, 2016. – 248 с.
10. Скловский, К. И. Собственность в гражданском праве / К. И. Скловский. – М. : Статут, 2010. – 893 с.
11. Тарасов, Н. Н. Методологические проблемы юридической науки / Н. Н. Тарасов. – Екатеринбург : Изд-во Гуманитарного ун-та, 2001. – 263 с.
12. Харитонов, Л. А. Толкование права в Средние века / Л. А. Харитонов // Юридическая мысль. – № 2 (100). – 2017. – С. 59–64.

ЛИНГВОПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ КОРРУПЦИИ В БОЛГАРСКОМ И РОССИЙСКОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ

А. И. Пенчева

София, Болгария

THE LINGUISTIC AND LEGAL ASPECTS OF THE DEFINITION OF CORRUPTION IN THE BULGARIAN AND RUSSIAN LEGISLATION

A. I. Pencheva

Sofia, Bulgaria

Аннотация. Проводится анализ лингво-правовых аспектов определения коррупции в болгарском и российском антикоррупционном законодательствах. Прослеживаются сходства и расхождения в легальных определениях этого деяния и в сфере применения законов о противодействии коррупции в двух странах.

Ключевые слова: коррупция, антикоррупционное законодательство, взяточполучатель, взяточдатель.

Abstract. The article analyses the linguistic and legal aspects of the definition of corruption in the Bulgarian and Russian anti-corruption legislation, it examines the similarities and differences in legal definitions of this criminal act and in the sphere of application of laws and counteracting corruption in the two countries.

Key words: corruption, anti-corruption legislation, bribetaker, bribegiver.

В современном мире тема коррупции устойчиво присутствует в общественном пространстве. С древнейших времен коррупция считается злободневной проблемой, обладающей большой социальной значимостью, требующей понимания и идентификации причин ее возникновения и укоренения в обществе, поиска адекватных механизмов ограничения этого социального феномена.

На противодействие коррупции как социальному злу и ограничение ее масштабов направлены усилия ряда международных организаций, отдельных государств и национальных правительств, деятельность неправительственных организаций и сетей. В анализе Института политических и правовых исследований (2004) подчеркивается, что глобализация явления все больше воспринимается одной из наиболее серьезных угроз стабильности демократических институтов как в развивающихся государствах, так и в т. н. западных демократиях [Анализ на международные акты... 2004].

Феномен коррупции – предмет непрерывного обсуждения и изучения с самых разных аспектов: юридического, политического, экономического, социального. В данной статье мы остановимся на лингво-правовых аспектах легальных определений коррупции, установленных нормативными юридическими актами в Болгарии и России.

Как отмечают О. В. Барабаш и К. Б. Филиппов, в Российской Федерации антикоррупционное законодательство основывается прежде всего на Конституции и нормах международного права, а также на Федеральном законе «О противодействии коррупции», принятом 25 декабря 2008 г., и других нормативных актах для борьбы с этим явлением, среди которых ряд Федеральных законов, таких как закон «О защите конкуренции» от 26.07.2006 г., закон «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» от 07.08.2001, указы президента России и правительственные постановления [Барабаш, Филиппов 2014: 14].

В сравнительно продолжительный период времени в законодательных актах современной российской правовой системы не присутствовало легальное юридическое определение понятия «коррупция» и «сущность этого явления выводилась опосредованно через доктринальное толкование норм уголовного законодательства антикоррупционной направленности» [Барабаш, Филиппов 2014: 16]. С принятием антикоррупционного закона «О противодействии коррупции» определяются основные векторы деятельности российского государства с целью противодействия коррупции, намечаются основные сферы применения антикоррупционной политики и вводится легальная дефиниция понятия «коррупция». Так, согласно п. 1 и 2 ст. 1 этого закона коррупция толкуется как *«злоупотребление служебным положением, дача взятки, получение взятки, злоупотребление полномочиями, коммерческий подкуп либо иное незаконное использование физическим лицом своего должностного положения вопреки законным интересам общества и государства в целях получения выгоды в виде денег, ценностей, иного имущества или услуг имущественного характера, иных имущественных прав для себя или для третьих лиц либо незаконное предоставление такой выгоды указанному лицу другими физическими лицами, а также совершение указанных деяний, от имени или в интересах юридического лица»* [Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ].

В приведенном определении закон в одинаковой степени квалифицирует в качестве коррупционных проявлений получение и дачу подкупа, предоставление или получение имущественной, или денежной, выгоды, злоупотребление полномочиями.

Появление легального определения коррупции, несомненно, способствуют борьбе с ней. Определение коррупции позволяет очертить сферы, на которые может быть направлена антикоррупционная государственная политика, выбраны соответствующие средства и инструменты противодействия, в том числе правовые, и по мнению О.В. Барабаш и К. Б. Филиппова, является „важным шагом на пути становления антикоррупционного законодательства в России, заложив основу дальнейшего развития правового регулирования данной сферы“ [Барабаш, Филиппов 2014: 16].

До недавнего времени в болгарском законодательстве отсутствовала дефиниция коррупции, это понятие не используется и в уголовном кодексе. Как считают председатель Верховного кассационного суда Болгарии Лазар Груев и бывший главный прокурор Борис Велчев, причина в том, что коррупция является «сложным и комплексным социальным явлением, а не деянием. Уголовный, как и другие законы, могли бы дефинировать ее только в том случае, если она была бы именно деянием. Тогда они указали бы в соответствующей норме его основные признаки и, характеризуя таким образом "состав коррупции", дали бы ему легальную дефиницию. Однако, когда речь идет о явлении, при том таком многогранном, невозможно сделать это посредством одной нормы в одном законе, которая содержала бы всеобъемлющее (окончательное) определение» [Груев, Велчев 2000]. Хотя и без юридического определения, термин коррупция употребляется с конца 90-х годов прошлого века в некоторых болгарских законах и юридических актах, например, в Концепции о национальной безопасности Республики Болгария, Единой национальной стратегии противодействия преступности, в Законе о Министерстве внутренних дел и Законе об обороне и вооруженных силах.

Определение коррупции не предлагалось и в проекте «Закона о предупреждении коррупции и о конфискации незаконно приобретенного имущества», внесенного для обсуждения в 43-й созыв болгарского парламента и принятого в первом чтении. В созвучие с целями законопроекта в нем приводилось определение *коррупционного поведения*, которое по смыслу закона является фактом «*когда в результате занимаемой высшей публичной должности лицо получает выгоды, ведущие к незаконному увеличению его или связанных с ним лиц имущественного состояния*». В силу этого законопроекта коррупционным поведением считалось и *выполнение возложенных на него правомочий или обязанностей по службе в условиях конфликта интересов*. Далее в законопроекте приводились определения *конфликта интересов, частного интереса, выгоды*.

В принятом 44-м Народным собранием Болгарии „Законе о противодействии коррупции и о конфискации незаконно приобретенного имущества“ (в январе 2018 г.) впервые дается юридическое определение понятия коррупции, а именно: „*Коррупция по смысла на този закон е налице, когато в резултат на заеманата висша публична длъжност лицето злоупотребява с власт или нарушава служебни задължения с цел пряко или косвено извличане на наследваща се материална или нематериална облага за себе си или за други лица* [Закон за противодействие... ст. 3. (1)] /р. *Коррупция по смыслу этого закона налице, когда в результате занимаемой высшей публичной должности лицо злоупотребляет властью или нарушает свои служебные обязанности с целью прямого или косвенного извлечения наследующейся ему материальной или нематериальной выгоды для себя или для других лиц*²³/.

Сравнительный семантический анализ определений в болгарском и российском законодательстве показывает как сходство и тождественность определений, так и известные различия. Федеральный закон Российской Федерации предлагает более конкретное толкование, чем в болгарском законе. В обоих правовых актах коррупцией считается злоупотребление властью:

лицето злоупотребява с власт /р. лице злоупотребляе властью/

или незаконное использование служебного положения, нарушение служебных обязанностей:

нарушава служебни задължения /р. нарушава свои служебные обязанности/

злоупотребление служебным положением;

злоупотребление полномочиями

незаконное использование физическим лицом своего должностного положения вопреки законным интересам общества и государства

Указаны и корыстные цели, которые заключаются в

пряко или косвено извличане на наследваща се материална или нематериална облага за себе си или за други лица /р. прямое или косвенное извлечение неполагающейся ему материальной или нематериальной выгоды для себя или для других лиц/

получения выгоды в виде денег, ценностей, иного имущества или услуг имущественного характера, иных имущественных прав для себя или для третьих лиц.

Следует отметить, что в тексте болгарского закона не конкретизируется вид *выгоды*, но указывается, что выгодой считаются как *материальные*, так и *нематериальные незаконные приобретения*, тогда как в российском федеральном законе выгода конкретизируется:

в виде денег, ценностей, иного имущества или услуг имущественного характера при этом акцент ставится на имущественный характер выгоды.

²³ Здесь и далее перевод на русский язык мой – А. П.

Сходство наблюдается и при уточнении, что коррупция простирается как на *собственное благодетельствование*, так и на *благодетельствование* других /третьих/ лиц:

*за себе си или за други лица /р. для себя или для себя или для третьих лиц.
для других лиц /*

Как уже было сказано, в федеральном законе определение коррупции более детализовано, оно включает кроме указанных выше сфер совпадения между двумя определениями *дача взятки* и *получение взятки*, подкупа при заключении коммерческих сделок – *коммерческий подкуп*, а также незаконное предложение выгоды:

незаконное предоставление такой выгоды указанному лицу другими физическими лицами.

Иными словами, в российском законе специально указано, что коррупцией является не только получение выгоды, но и ее предложение. Подобное толкование не заложено в болгарском законе, по крайней мере в его дефинитивной части. Эта, по нашему мнению, односторонность толкования содержится уже в самом названии закона, а именно: „Закон о противодействии коррупции и конфискации незаконно **приобретенного** имущества“ (выделение наше – А.П.). Очевидно, другая сторона монеты „коррупция“, а именно – дача подкупа, согласно болгарскому законодательству будет преследоваться и наказываться Уголовным кодексом.

Не следует упускать из внимания и другое различие, которое показывает сужение сферы применения болгарского антикоррупционного закона. Хотя поле его применения не выведено в названии, но в определении четко указывается, что сфера его действия распространяется на должностные лица, которые занимают **высшие публичные должности**, т.е. очевидно действие закона направлено на публичную сферу, на коррупционные деяния, которые реализовываются в рамках публичной сферы или во взаимодействии между публичной и частной сферами.

Выше уже было упомянуто, что в Уголовном кодексе дефинируются деяния, связанные с коррупционными практиками – «подкуп» и «дача подкупа». Согласно болгарскому УК „Подкуп. *Длъжностно лице, което поиска или приеме дар или каквато и да е облага, която не му се следва, или приеме предложение или обещание за дар или облага, за да извърши или да не извърши действие по служба или загдето е извършило или не е извършило такова действие, се наказва за подкуп*“ [НК, чл. 301 (1); 304б. (1)] /р. *Длъжностно лице, которое запросит или примет дар или какое-либо другое не полагающееся ему благо, или примет предложение или обещание получить дар или благо, за совершение или несовершение действий по службе или за уже совершенное или несовершенное такое же действие, наказывается за взятку/*. Уголовная ответственность предвидится и в случаях **даче взятки**: „*Който предложи, обещае или даде дар или каквато и да е облага на длъжностно лице, за да извърши или да не извърши действие по служба или загдето е извършило или не е извършило такова действие*“ [НК, чл. 304 (1); 304а] /р. *Кто даст дар или какое-либо другое благо должностному лицу за совершение или несовершение действия по службе или за уже совершенное или несовершенное такое действие, наказывается лишением свободы*“/.

При сравнительном анализе определений взятки в болгарском и российском уголовных кодексах также выявляется более детальная формулировка в тексте российского закона. Получение взятки согласно российскому уголовному кодексу толкуется как „*получение должностным лицом, иностранным должностным лицом либо должностным лицом публичной международной организации лично или через посредника взятки в виде денег, ценных бумаг, иного имущества либо в виде незаконных оказания ему услуг имущественного характера, предоставления иных имущественных прав (в том числе когда взятка по указанию должностного лица передается иному физическому или юридическому лицу) за совершение действий (бездействие) в пользу взяткодателя или представляемых им лиц, если указанные действия (бездействие) входят в служебные полномочия должностного лица либо если оно в силу должностного положения может способствовать указанным действиям (бездействию), а равно за общее покровительство или попустительство по службе*“ [УК РФ, ст. 290 „Получение взятки“].

Определение взяткополучателя в тексте болгарского уголовного кодекса (НК ст. 301) сформулировано без должной конкретизации, тогда как в российском законе т.н. „взяткополучатель“ назван более конкретно и охватывает как местные, так и иностранные лица или служащие в международных организациях. Сравним:

длъжностно лице /р. длъжностно лице/

*должностное лицо,
иностранное должностное лицо,
должностное лицо публичной международной организации.*

Вид взятки в болгарском тексте определяется как *дар* (т.е. подразумевается скорее в имущественной или денежной форме) или как *выгода* (без пояснения имущественного или неимущественного характера выгоды), а тексте российского закона вид взятки более детализован, к вышеперечисленному добавляется покровительство и молчаливое согласие:

дар или каквато и да е *облага* /р. *дар* или *какое-либо другое благо*/

взятки в виде денег, ценных бумаг, иного имущества либо в виде незаконных оказания ему услуг имущественного характера, предоставления иных имущественных прав; общее покровительство или попустительство по службе.

При формулировании целей подкупа в законодательстве отмечается сходство в определениях, при этом в болгарском тексте указываются будущие или прошедшие действия, а в ст. 304б. (1) от 2015 г. добавлено и оказание влияния на принятие решений со стороны должностного лица или иностранного должностного лица, тогда как в тексте российского закона это не специфицируется:

за да **извърши** или да **не извърши** действие по служба /р. чтобы совершить или не совершить действия по службе /;

за да **извършило** или **не е извършило** такова действие /р. за совершение или несовершение действия по службе /;

за да **упражни влияние** при вземане на решение от длъжностно лице или чуждо длъжностно лице /чтобы оказать влияние при принятии решений должностным лицом или иностранным должностным лицом / (ст. 304б. (1))

В болгарском определении подчеркивается активная (*поиска*) или пассивная роль (*приеме дар; или приеме предложение или обещание*) должностного лица – взяткополучателя, однако подобное пояснение отсутствует в формулировке на русском языке.

Частичное совпадение наблюдается в формулировании служебного характера деяния:

действие по служба /р. действия по службе / входят в служебные полномочия; / в силу должностного положения.

Иное наказуемое коррупционное деяние – дача взятки. Согласно российскому уголовному законодательству преследуется и подлежит наказанию „дача взятки должностному лицу, иностранному должностному лицу либо должностному лицу публичной международной организации лично или через посредника (в том числе когда взятка по указанию должностного лица передается иному физическому или юридическому лицу)“ (ч. 291 УК РФ. Дача взятки). Интерес вызывает факт, что в российском законе опять же довольно исчерпывающе указан адресат коррупционного действия без конкретизации активного деятеля, т.н. взяткодателя:

длъжностно лице,

иностранно длъжностно лице,

длъжностно лице публичной международной организации.

Ст. 304 а. болгарского уголовного кодекса также предлагает развернутое описание адресата коррупционного правонарушения:

длъжностно лице, което заема отговорно служебно положение, включително съдия, съдебен заседател, прокурор или следовател, или полицейски орган, или разследващ полицай /р. длъжностно лице, которое занимает ответственное служебное положение, в т.ч. судья, присяжный, прокурор или следователь или орган полиции, или расследующий полицейский/

Результат проделанного анализа показывает, что болгарское и российское законодательство считают коррупцию не только опасным социальным явлением, но и в ряде случаев уголовно-наказуемым деянием, включающим в т. ч. действия физических лиц, которые вызывают коррупцию или являются ее следствием. Со своей стороны, они находят соответствующую юридическую формулировку в уголовном законодательстве. Обращает на себя внимание факт, что охват российского антикоррупционного законодательства шире болгарского, в котором в фокусе внимания находятся высшие должностные лица.

Библиографический список

1. Барабаш, О. В. «Коррупция» как ключевое понятие антикоррупционного законодательства Российской Федерации: лингвоправовой анализ дефиниции / О. В. Барабаш, К. Б. Филиппов // Политическая лингвистика. – Екатеринбург : Изд-во УГПУ, 2014. – № 4. – С. 12–20.
2. Груев, Л. Наказателно-правни аспекти в борбата срещу корупцията. Коалиция / Л. Груев, Б. Велчев. – 2000. – URL: www.online.bg/coalition2000
3. Закон за противодействие на корупцията и за отнемане на незаконно придобитото имущество. – София : Сиби, 2018. – 192 с. – URL: <http://www.justice.government.bg/15/>
4. Институт за правни анализи и изследвания. Анализ на международните актове срещу корупцията и на българското законодателство. – 2004. – URL: <http://www.anticorruption.bg/fileSrc.php?id=1237>
5. Наказателен кодекс. – URL: <http://lex.bg/laws/ldoc/1589654529>
6. О противодействии коррупции : федер. закон № 273-ФЗ от 25.12.2008. – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/28623>
7. Уголовный кодекс Российской Федерации № 63-ФЗ от 13.06.1996 (ред. от 19.02.2018). – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/

ЮРИДИЧЕСКАЯ ПРЕДМЕТНОСТЬ В СМИ: КУЛЬТУРА ПОНИМАНИЯ И ТРАНСЛЯЦИИ

Т. Д. Романцова

Иркутск, Россия

LEGAL OBJECTIVITY IN THE MEDIA: THE CULTURE OF UNDERSTANDING AND TRANSMISSION

T. D. Romantsova

Irkutsk, Russia

Аннотация. Журналистские публикации правовой тематики, послужившие основой для исследования, касаются происшествий в Иркутской области и Бурятии. Текстовые проблемы, отмеченные в расширенных заметках информационных агентств и интернет-СМИ, относятся к сферам коммуникативного воздействия, политического и научного редактирования, стилистики и культуры речи.

Ключевые слова: юридическая предметность, семантическая диффамация, логика композиции, профессиональная ответственность.

Abstract. Journalistic publications of legal subjects, which served as the basis for the study, deal with the events in the Irkutsk region and Buryatia. The text problems noted in the enlarged notes of news agencies and the Internet media relate to the areas of communicative impact, political and scientific editing, stylistics and the culture of speech.

Key words: legal objectivity, semantic defamation, logic of composition, professional responsibility.

Текстовые сложности, возникающие в заметках журналистских интернет-публикаций правовой тематики, касающихся Иркутской области и Бурятии, можно условно разделить на три группы. Первую представляют явления семантической диффамации вследствие лексических манипуляций, связанных с употреблением юридических терминов или с использованием нейтральной лексики, получающей терминологическое значение в правовом контексте. Вторую группу проблем создает дефектное логическое структурирование текста; третью – предметно-логический хаос, смешение информационных поводов в заметках правовой сферы. Условность подобной разбивки усугубляется тем, что в одном и том же материале различные текстовые осложнения сопрягаются.

Обратимся к первой группе текстовых проблем и проанализируем текст с сайта информационного агентства «Байкал-Daily». В рубрике «Происшествия», в интернет-заметке «Женщина на рабочем месте похитила портмоне пассажира» [В Иркутске 2017], подозреваемая в краже последовательно именуется *воровкой* (анонс ленты, надзаголовок публикации), *женщиной* (заголовок), *женщиной, которая подозревается в совершении кражи* (подзаголовок), *неизвестным злоумышленником* (зачин), *подозреваемой* (основная часть), *43-летней официанткой данного вагона-ресторана* (кульминация), *женщиной* (развязка). При этом интересно, что ударные части медийного материала (анонс в ленте, надзаголовок публикации), подчиняясь рекламной задаче и воздействующей функции, включают в себя наиболее яркую единицу тематической цепочки – *воровка*. Литературное *воровка* в «Толково-словообразовательном словаре» преподносится как «жен. к сущ. вор (1)», в свою очередь *вор* – «1. Тот, кто занимается воровством, совершает кражи» [Ефремова 2001, 1 : 209-210], однокоренное *воровство* – «1. Хищение чужой собственности; кража. 2. то же, что плутовство, мошенничество» [Ефремова 2001, 1 : 210]. Лексема *воровка* выбрана для оформления композиционно сильных долей текста, поскольку слово, с одной стороны, функционирует как воздействующий элемент: нейтральная единица создает имплицитную отрицательную оценку, базирующуюся на общечеловеческом опыте; с другой, – выполняет рекламную задачу: скрытой оценкой привлекает внимание читателя.

Подобные нейтральные слова опасны для автора журналистской публикации тем, что могут быть квалифицированы как правовые термины. Так, в «Большом юридическом словаре» однокоренное с *воровкой* и *вором* слово *воровство* определяется как «вид преступной деятельности, заключающийся в совершении краж. В этом, криминологическом, смысле термин «В.» употребляется в научной литературе и отдельных нормативных актах РФ» [Большой юридический 2012]. В таком случае употребление слов типа *вор*, *злоумышленник* может явиться основанием для получения претензии или иска [Лексика как повод 2003], в частности, за нарушение статьи 49 Конституции РФ [Конституция Российской Федерации от 12.12.1993]. Несмотря на то, что журналист не может ограничить ничьи права и свободы, повлиять на решение суда [Основы творческой 2000], его текст должен быть риторически убедительным, содержащим обоснование

оценок. В данном случае, требуются аргументы и факты, подтверждающие суждение о преступной деятельности «героини» публикации.

Кроме того, у автора есть риск быть привлеченным к ответу за то, что посредством семантической диффамации – «языковых манипуляций (подмена понятий, умолчание, представление заведомо выигрышной, с точки зрения журналиста, информации, преувеличение и т.п.)» [Уткин 2010 : 34] – он вводит ответственность в заблуждение, транслирует недостоверную информацию о лице и событии, чем нарушает статью 51 Закона о СМИ [Закон РФ от 27.12.1991 № 2124-1 (ред. от 25.11.2017) «О средствах массовой информации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2018)], вдобавок представляет «свою субъективную точку зрения, не особо вникая в объективные подробности происходящих событий» [Уткин 2010 : 34].

Анализируя схожие медиаситуации, Ю. Ю. Уткин приходит к выводу, что журналист несет не только социальную, но и юридическую ответственность за свои речевые действия «и обязан как субъект правонарушения пререкать неблагоприятные правовые последствия» [Уткин 2010 : 37].

Семантическую диффамацию публикации усугубляет дефектное логическое структурирование – вторая из упомянутых выше серьезных проблем трансляции правовой событийности в СМИ. Следование мысли в заметке предполагает движение от неизвестного к известному. Однако логический сбой возникает уже в начале структурирования субъектно-объектных связей материала. В публикации субъект противоправных действий сначала называется *сотрудницей вагона-ресторана*, дальше именуется имплицитно-оценочным *воровка*, после этого – нейтральным родовым *женщина*, затем тем же нейтральным с видовым уточнением *женщина, которая подозревается в совершении кражи*, потом тот же субъект женского пола грамматически воплощается в существительном мужского рода с неопределенным по семантике прилагательным *неизвестный злоумышленник*, после определяется юридически корректным термином *подозреваемая* с последующей детализацией *43-летняя официантка данного вагона-ресторана* и т.д. Вместо того чтобы в рамках информационного жанра дать читателю максимально полное представление о субъекте, автор, несмотря на второстепенную детализацию (*43-летняя официантка*), снимает определенность, размывает субъектные границы, доводя ситуацию до грамматического абсурда – почти в середине текстового пространства «превращая» женщину в мужчину. Читатель вынужден отвечать на нелепый вопрос: это та же самая *сотрудница-воровка-женщина-официантка*, или в ситуацию вмешивается еще одно лицо, совершающее аналогичное первому противоправное действие в том же поезде?

Перечисленным проблемам в заметке сопутствует ряд нарушений:

- фактические: женщина *оказалась воровкой* не в Иркутске, она произвела противоправные действия *в пути следования поезда*. На станции «Иркутск-пассажирский» были проведены следственные мероприятия, в результате которых она стала *подозреваемой*;

- речевые: связанные с лексической несочетаемостью и неверным построением однородного ряда *установили и задержали женщину*; неверным управлением *возбуждено уголовное дело за кражу* (вместо нормативного *уголовное дело о краже, по факту..., по статье УК..., по признакам преступления... или уголовное дело относительно... (кого?)*); смещением синтаксической конструкции *возбуждено уголовное дело за кражу, за что предусмотрено наказание* (наказание предусмотрено за возбуждение дела или за кражу?);

- стилистические: смешение стилей при обработке текста-источника, в результате чего появилась фраза *Ей оказалась 43-летняя официантка данного вагона-ресторана*. В тексте не указано, о каком пассажирском составе и конкретном вагоне-ресторане идет речь, поэтому слово *данный* – иностилевая единица, нелепо оставшаяся от официальной сводки и соседствующая в заметке с разговорной формой личного местоимения.

Детальное изучение других публикаций рубрики «Происшествия» на сайте информационного агентства «Байкал-Daily» [Мужчина 2017; Житель Бурятии 2017] дает основания сделать следующие выводы. Семантическая диффамация в материалах рубрики, как правило, связана с надзаголовком. Так, в тексте об авто надзаголовок содержит не мотивированное фактами оценочное определение *профессиональный*. В публикации об аптеке подозреваемый поименован как *грабитель*, т.е. «тот, кто занимается грабежом (1)». Нейтральное слово *грабеж* в толковом словаре, соответственно, в представлении большинства обывателей, означает «1. Похищение или захват чужого имущества. // Разорение, разграбление чего-л. // Хищение, воровство» [Ефремова 2001 : 334], а юридический термин уголовного права *грабеж* трактуется как «открытое хищение чужого имущества, совершаемое без насилия или с насилием, не опасным для жизни и здоровья (ст. 161 УК)» [Большой юридический 2012]. Вновь налицо языковая манипуляция в материале на криминальную тему, связанная с подменой юридического понятия в интересах журналиста и издания.

Обе расширенные интернет-заметки логически несовершенны. Заголовок заметки об угоне автомобиля предполагает, что далее в тексте будет аргументировано указание на «профессиональную» специализацию подозреваемого, однако никакой информации об этом нет, кроме фразы о судимости и упоминания о спецоборудовании, найденном в салоне (*Однако полицейские обнаружили в замке зажигания угнанного авто специальное устройство для вскрывания автомобилей*). Эти факты не могут служить основанием для вывода о том, что субъект являлся профессиональным угонщиком: во-первых, нет достоверной фактической ссылки на типичность и повторяемость противоправных действий лица, во-вторых, только суд может доказать наличие злого умысла в действиях субъекта, а спецоборудование в салоне само по себе не является основанием для такого заключения.

Логическое противоречие, выявляемое при структурном анализе текста, содержится и в заметке об аптеке. В заголовочном комплексе подозреваемый называется *грабителем* (*В Бурятии грабитель пытался разбить стену магазина кувалдой*) и его действия обозначаются глаголом *грабить* (*Житель Бурятии уже ограбил аптеку и был задержан во время попытки прорваться в соседний магазин*). В развязке заметки говорится о том, что *злоумышленник* произвел хищение и готовился совершить еще одну *кражу* (*Он рассказал, что, используя кувалду, проник в аптеку, похитил из кассы более трёх тысяч рублей и лекарства, а затем стал разбивать стену в смежное помещение продуктового магазина, также для совершения кражи*). Налицо подмена понятия: в одном и том же тексте одно и то же деяние субъекта квалифицируется то как грабеж, то как кража (семантическая диффамация, усугубленная дистантным расположением правовых терминов, помещенных в разных композиционных долях публикации), при том что в финале текста значится: *В отношении злоумышленника возбуждено уголовное дело по ч. 1 ст. 158 УК “Кража”*. Логический сбой усиливает упомянутую выше семантическую диффамацию, идущую вразрез с требованиями статьи 51 Закона РФ «О средствах массовой информации».

Помимо этого, интернет-заметки об угоне авто и краже в аптеке содержат речевые и стилистические нарушения (неверный порядок размещения усилительной частицы *Мужчина утверждал, что лишь хотел покататься*; использование речевых штампов *в кратчайшие сроки задержали, в ходе непродолжительной погони*), логико-фактические ошибки (*экипаж ГИБДД заметил схожую с ориентировкой иномарку*), опечатки (*сигнал тревоги с охраняемого объекта – аптеки в села Каменск*).

Третья группа текстовых сложностей журналистских интернет-публикаций правовой тематики связана с пониманием сути коммуникативной ситуации и воплощением мыслительной модели события в речевую форму. Об ошибках, возникающих у журналистов в ходе этих процессов, писала С.И. Сметанина в статье [Сметанина 2015], посвященной несовершенству обработки медиапубликаций и современным проблемам преподавания литературного редактирования. Для анализа сбоя при выборе и структурировании фактографической базы текста, накладок при переводе логической схемы в текстовый вид обратимся к инварианту новости пресс-службы ГУ МВД России по Иркутской области, опубликованному 27 октября 2016 г. под полноинформативным заголовком *«В Иркутской области сотрудник полиции с риском для жизни задержал участников группы, подозреваемых в серии квалифицированных квартирных краж»* [В Иркутской 2016].

Озаглавливая варианты этой новости на информационных порталах, в городских и районных газетах Иркутской области и различных регионов России, авторы и редакторы столкнулись с «неразрешимой» проблемой поиска точных заголовков для публикации. Обсуждение сложного процесса номинирования вылилось на страницы соцсетей. В хронике «Фейсбука» 27 октября 2016 г. редактор информационного агентства «Байкал Инфо» С. Бурдинская пишет: *«Герман Струглин, руководитель пресс-службы ГУ МВД по Иркутской области, с утра уже написал: «Читаю заголовки по шелеховскому полицейскому и плачу, видимо, самое важное – 2 км на капоте». Я вчера тоже натурально плакала – от невозможности придумать внятный и при этом ёмкий заголовок к этой новости. А сегодня представляю вам часть заголовков из региональных и федеральных СМИ. Решайте сами, какой краше»* [Бурдинская 2016]. Далее редактор приводит список заголовков: *«В Шелехове подозреваемые провезли полицейского 2 км на капоте иномарки; Иркутский полицейский два километра проехал на капоте машины преступников; Полицейский два километра проехал на капоте машины преступников; Иркутский полицейский прокатился на машине грабителей; Полицейский из Шелехова проехал 2 км на капоте машины, чтобы задержать подозреваемых; В Шелехове подозреваемый провез полицейского два километра на капоте; Преступники, удирая от погони, 2 км провезли полицейского на капоте авто; В Иркутской области полицейский проехал 2 км на капоте машины домушников; Два километра проехал полицейский на капоте машины подозреваемых в краже; Полицейский 2 км ехал на капоте машины преступников, чтобы задержать их; Воры-домушники проехали несколько километров с полицейским на капоте; В Шелехове полицейский разбил на скорости лобовое стекло машины и обезвредил банду домушников; Полицейский бросился под колёса машины, чтобы задержать воров в Шелехове; Пытаясь уйти от погони, квартирные воры протащили полицейского на капоте 2 км; Полицейский из Шелехова два километра проехал на капоте автомобиля преступников»* – и кратко резюмирует: *«...ну невозможно придумать для этой новости краткий и внятный заголовок»*.

Хотя проблемы воплощения мыслительной модели события в речевую форму иногда присущи текстам ИА «Байкал Инфо» [Дунина 2017], в интересующей нас медийной ситуации сама С. Бурдинская успешнее других справилась с трудностями подбора заголовка для новостного варианта [В Шелехове 2017]. Но частные журналистские удачи, к сожалению, не покрывают собой вал коммуникативно недоброкачественных публикаций.

Как представляется, логико-фактические проблемы заголовков приведенных выше новостных текстов кроются, во-первых, в осмыслении сути сложного в правовом отношении события. При разборе медийной практики уже обращалось внимание на этот аспект создания журналистского произведения. В частности, С. И. Сметанина делала акцент на механизмах порождения высказывания в документальном тексте: *«от осмысления сути коммуникативной ситуации – к созданию ее мыслительной модели и воплощению в конкретную речевую форму»* [Сметанина 2015 : 112]. При этом стандартным авторским и редакторским действием для анализа ситуации должно быть привлечение методик научного и литературного редактирования, в частности оценки «последовательности развития темы, точности данных <...> возможности увидеть тот фрагмент действительности, который описывает журналист» [Сметанина 2015 : 115].

Анализируя заголовки представленной читателю вариативной новости, осмысливая жанровые возможности интернет-публикаций, рассуждая об информационном поводе инварианта, приходим к выводу, что в подавляющем большинстве заметок в основу обозначенных выше текстов положены сразу два события: задержание подозреваемых в краже и применение насилия по отношению к представителю власти. Именно это логико-фактическое смешение обсуждалось в сетевом диалоге между редакторами информационных агентств «Байкал Инфо» Светланой Бурдинской и «Байкал 24» Сергеем Бредихиным. С. Бредихин совершенно точно, на наш взгляд, определил суть и последствия фактографического «двоения» в инварианте новости, адресовавшись к начальнику пресс-службы ГУ МВД России по Иркутской области Г. Струглину: *«вытащил в заголовок задержание, но почти половину текста посвятил погоне. Поэтому и встали все на раскоряку, а потом плюнули и про капот начали писать»* [Бурдинская 2016]. Неразделение в одном событии двух различных противоправных действий, заслуживающих либо отдельного новостного воплощения, либо строго отбора в соответствии с жанром и логически выверенного ранжирования в рамках правовой проблематики, приводит к логико-фактическому смешению, композиционным изъянам, стиранию коммуникативного целеполагания внутри расширенных заметок о полицейском из Шелехова.

С другой стороны, текстовые проблемы новостных вариантов связаны с целью авторов и редакторов абсолютно завладеть вниманием читателя, поскольку яркие заголовки играют «роль крючка, заглотив который, читатель знакомится со своим «уловом» – всей публикацией» [Гуревич 2002 : 46]. И тогда, даже разобравшись в сути события и тонкостях обстановки, журналист или редактор осознанно пренебрегают требованиями соответствия выбранных языковых формул реальным фактам, корреспондирования с нормами, обозначенными в законодательных документах и этических декларациях. Пользуясь безнаказанностью, поскольку «сама диффамация как речевой акт не всегда переходит в компетенцию юридически значимую» [Уткин 2015, 3 : 14], медиаперсона забывает о том, что «миссия всех работников медиасферы обусловлена единой целью – знать о мире как можно больше, отбирать самое нужное и интересное для аудитории, на которую работаешь, но при этом помнить о высшем долге, о служении Истине, о соединении разнородной аудитории на платформе общечеловеческих ценностей» [Хорольский 2013 : 83].

Введение читателя в заблуждение по форматным установкам издания или по некомпетентности его работников, намеренная или ненамеренная, прямая или косвенная гиперболизация отрицательных характеристик субъекта или объекта в разговоре о противоправных деяниях приносит вред рядовому получателю информации, поскольку он «не понимает, какую, с точки зрения верифицируемости на истину – ложь, ценность имеют подаваемые медиа-дискурсом смыслы» [Уткин 2015, 5 : 55].

Т.о., текстовые проблемы, акцентированные в исследовании и касающиеся коммуникативного воздействия (семантическая диффамация), особенностей политического (отступление от законодательных и профессионально-этических норм) и научного редактирования (дефекты жанрово-композиционной и предметно-логической организации текста), стилистической обработки медиопубликаций,

– разрушают основные культурно-речевые и риторические принципы диалога журналиста и читателя (коммуникативные потери),

– деформируют правовое сознание пользователя, искажают его представление о юридических нормах и правилах поведения (когнитивные потери),

– сигнализируют об отсутствии у журналиста культуры понимания юридической предметности и умения верно транслировать правовые реалии (имиджевые потери).

Библиографический список

1. Большой юридический словарь онлайн. – 2012. – URL: <https://slovar.cc/pravo/slovar/2464284.html>
2. Бурдинская Светлана. Запись в Facebook: 27 октября 2016 г. – URL: <https://www.facebook.com/svetlana.burdinskaya/timeline>
3. В Иркутске сотрудница вагона-ресторана оказалась воровкой. Женщина на рабочем месте похитила портмоне пассажира // Байкал-Daily. – 2017. – 25 ноября. – URL : <https://www.baikal-daily.ru/news/20/283837/>
4. В Иркутской области сотрудник полиции с риском для жизни задержал участников группы, подозреваемых в серии квалифицированных квартирных краж // Главное МВД России по Иркутской области. – 2016. – 27 октября. – URL : <https://38.mvd.rf/news/item/8815425/>
5. В Шелехове полицейский разбил лобовое стекло в мчавшейся машине домушников и задержал их // Baikal-info.ru. – 2016. – 27 октября 17:29. – URL : <http://baikal-info.ru/v-shelehave-policeyskiy-razbil-lobovoe-steklo-v-mchavsheysyama-shine-domushnikov-i-zaderzhal-ih>
6. Гуревич, С. М. Номер газеты / С. М. Гуревич. – М. : Аспект Пресс, 2002. – 192 с.
7. Дунина, К. Байкал стабилен на 95 % – Лимнологический институт СО РАН / К. Дунина // Baikal-info.ru. – 2015. – 17 сентября 14:59. – URL : <http://baikal-info.ru/baykal-stabilen-na-95-limnologicheskiy-institut-so-ran>
8. Ефремова, Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный / Т. Ф. Ефремова. – М. : Рус. яз., 2001. – Т. 1: А–О. – 1232 с.
9. Житель Бурятии уже ограбил аптеку и был задержан во время попытки прорваться в соседний магазин // Байкал-Daily. – 2015. – 24 ноября. – URL: <https://www.baikal-daily.ru/news/20/180983/>
10. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ № 6-ФКЗ от 30.12.2008, № 7-ФКЗ от 30.12.2008, № 2-ФКЗ от 05.02.2014, № 11-ФКЗ от 21.07.2014) // СПС «КонсультантПлюс». – URL: http://www.consultant.ru/document/Cons_doc_LAW_28399/

11. Лексика как повод для иска // Журналистское расследование. История метода и современная практика / под общ. ред. А. Д. Константинова. – СПб. : Нева ; М. : ОЛМА-ПРЕСС, 2003. – URL : <http://evartist.narod.ru/text14/62.htm>
12. Мужчина утверждал, что лишь хотел покататься, но у него нашли спецоборудование // Байкал-Daily. – 2017. – 25 ноября. – URL : <https://www.baikal-daily.ru/news/20/283831/>
13. О средствах массовой информации : Закон РФ от 27.12.1991 № 2124-1 (ред. от 25.11.2017) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2018) // СПС «КонсультантПлюс». – URL : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1511/
14. Основы творческой деятельности журналиста / ред.-сост. С. Г. Корконосенко. – СПб. : Знание, СПбИВЭСЭП, 2000. – 272 с. – URL : <https://intellect.ml/metodika-primeneniya-pravovykh-norm-2351>
15. Сметанина, С. И. Журналистский текст: культура понимания и редактирования / С. И. Сметанина // Методы понимания в журналистике и массовых коммуникациях : материалы науч.-метод. семинара / под ред. С. Г. Корконосенко. – СПб. : Своё издательство, 2015. – 128 с.
16. Уткин, Ю. Ю. Диффамация в правовой коммуникации / Ю. Ю. Уткин // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. – 2015. – № 3. – С. 12–15.
17. Уткин, Ю. Ю. Ответственность журналиста за семантическую диффамацию в правовых текстах СМИ / Ю. Ю. Уткин // Мир лингвистики и коммуникации. – 2010. – № 1 (18). – С. 34–37.
18. Уткин, Ю. Ю. Семантическая диффамация: умысел или некомпетентность автора / Ю. Ю. Уткин // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. – 2015. – № 5. – С. 53–57.
19. Хорольский, В. В. Медийность в текстах СМИ и понятие медийного модуля / В. В. Хорольский // Вестник Московского университета. Сер. 10, Журналистика. – 2013. – № 4. – С. 75–89.

ЮРИДИЧЕСКОЕ ТОЛКОВАНИЕ ТЕРМИНА «ЭЛИТА»

И. А. Сапина

Ростов-на-Дону, Россия

LEGAL INTERPRETATION OF THE TERM "ELITE"

I. A. Sapina

Rostov-on-Don, Russia

Аннотация. Раскрывается сущность и понятие термина «элита», его основные характеристики. Рассматриваются области использования данного термина. Также уделяется внимание существованию легального определения понятия «элита».

Ключевые слова: элита, элитарность, элитарная коррупция, элитно-властная преступность, политическая элита, государство, власть, народ.

Abstract. The article reveals the essence and concept of the term "elite", its main characteristics. The areas of use of this term are considered. Also, attention is paid to the existence of a legal definition of the concept "elite".

Key words: elite, elitism, elitist corruption, elite-domineering criminality, political elite, state, power, people.

Общество на любом этапе его развития характеризуется наличием множества структур, которые могут быть как общественными, так и политическими. Каждая из таких общественно-политических структур имеет свою элиту, способную оказывать влияние на общественно-политическую жизнь вплоть до вынесения собственных властных решений. Власть в государстве являет собой баланс действий таких элит, достигнутый на основе их политико-правового участия. В интересах правящих элит принимаются конституции, законы, реализуются государственные программы. Часто государство принимает образ жизни, идеологию, навязанную властвующими элитами.

Как справедливо отмечает С.А. Воронцов, «понятие элитарности не является правовой категорией. Сущность, содержание, порядок формирования и обновления элиты не закреплены нормативно-правовыми актами, имеющими общеобязательный характер» [Воронцов 2013, 5: 150]. Поэтому нужно обратиться к правовой доктрине.

Итальянский юрист и социолог Гаэтано Моска был первым, кто дал определение термину «элита». Один из создателей теории элит определил элиту в качестве «наиболее активных в политическом отношении людей, ориентированных на власть, организованного меньшинства, осуществляющего управление неорганизованным большинством» [Определение понятия элита 2011].

Сейчас этот термин наиболее хорошо развит в социологии и политологии и понятие «элита» вошло в повседневный обиход. Так, в политологии элита понимается в качестве немногочисленной группы, «включающей в себя круг людей, обладающих значимым общественным положением, обусловленным особыми профессиональными качествами, личностными способностями и достижениями, или получившими свой статус и социальную позицию в силу наследственного положения, либо за счет продвижения в рамках закрытой элитной группы»

В целом, в элитологии элита – это сравнительно небольшая группа или группы избранных лиц, которых отличают сильная воля, обширные знания, занятие ведущих должностей в политической, экономической, военной или духовной сферах, высший социальный статус, определенное единство интересов и целей, большие официальные (государственные) полномочия, которые дают им возможности контроля деятельности всех ключевых общественных институтов [Идрисова 2010 : 258].

Именно постижение сущности элиты и содержание понятия о ней входят в состав главных научных задач и исследований. С познания сущности начинается научный подход .

Сущность элиты не лежит на поверхности, а означает ее теоретическое выражение, которое проявляется различным образом в разных социальных условиях. Знание сущности элиты служит мерилom , критерием для изучения ее самых разных проявлений.

В юриспруденции термин «элита» можно встретить в теории государства и права в аспекте исследования сущности государства. Наверное самое простое определение термину «элита» дают В. М. Корельский и В. Д. Перевалов: «сторонники теории элит, получившей распространение в XX в., считают, что народные массы не способны осуществить власть, управлять общественными делами, что государственная власть должна бесконтрольно принадлежать верхушке общества – элите до тех пор, пока одну властвующую элиту не сменит другая». Следовательно, В. М. Корельский и В. Д. Перевалов рассматривают элиту как верхушку общества, которой бесконтрольно принадлежит власть» [Перевалов 2016 : 68].

В. В. Лазарев мнения придерживается, согласно которому «в большинстве случаев власть принадлежит ... небольшой группе партийной, военной или иной элиты, которая, осуществляя (как и всякая государственная власть) общесоциальные функции, тем не менее, выражает, прежде всего, свои собственные интересы» [Лазарев 2015: 229]. Следовательно, можно сказать, что В. В. Лазарев понимает политическую элиту как небольшую группу, которая осуществляя властные (общесоциальные) функции реализует собственные интересы.

В Национальной юридической энциклопедии отмечается, что «властвующая элита состоит в основном из людей, чья деятельность построена на полулегальном и нелегальном соединении экономической, политической и криминальной власти» [Лазарев 2015: 229].

В тоталитарной и авторитарном государствах воля государства часто формируется исключительно на основе интересов только одной правящей элиты, которые часто существенно расходятся с интересами населения и государства. Правящая элита часто отождествляет себя с государством и навязывает ему свою волю.

В демократическом государстве политическая власть осуществляется всеми существующими элитами сообща. А сами элиты могут рекрутироваться выходцами из народных масс и контролироваться населением с помощью института выборов.

Важной и фундаментальной характеристикой элиты служит ее отношение с народом и обществом. Отношения есть связь между некоторой сущностью и тем, что с ней соотносено. Элита является частью общества, его порождение и среда ее функционирования. Отношения представляют собой процессы, в которых элита взаимодействует с народом и обществом с одной стороны, а с другой – с потребностями, установками, ценностями, стимулами самой элиты.

Исходя из всей совокупности отношений элиты и общества, можно определить элиту как социальный слой, который характеризуется более высоким статусом, образованием и профессионализмом. Но стоит отметить важную деталь: по существу, элитой являются не те, кто богаче других, кто обладает властными полномочиями, а те, кто на действиях проявляют заботу о других, вносят серьезный вклад в жизнь страны и общества.

В само слово «элита» заложен разный смысл, разное содержание. В нем есть что-то благородное, возвышенное. На бытовом уровне можно слышать такие выражения, как «элитное жилье», «элитный алкоголь», элитные сорта пшеницы». Элитой, также, называют артистов, представителей шоу-бизнеса; светил науки, чьи имена пишутся через тире с именем их достижений. Говоря «элитный» подразумевается что-то дорогостоящее и высококачественное, комфортное, лучшее.

С другой стороны, понятие «элита» связано с карьеризмом, высокопоставленной должностью. Каждому, кто признает свою принадлежность к элите, предстоит своими действиями и поступками, поведением доказывать свое стремление быть в заинтересованном в развитии и благополучии общества.

Итак, термин «элита» достаточно распространен, но и его основатели, и многочисленные его пользователи не имеют четкого ответа на основополагающий вопрос: «Что же такое элита?».

В юриспруденции можно также встретить такие термины как:

– элитарная (крупная, вершинная) коррупция (Н. В. Селихов) – «это неформальное, девиантное поведение политической элиты, использующей ресурсы общества и государства в целях корыстного личного обогащения и укрепления своей власти. .... преследует цель не только укрепления своей (личной или групповой) власти, но и недопущения к власти вопреки интересам общества других субъектов политики» [Элитарная коррупция 2016].

Элитарная коррупция характеризуется высоким социальным положением субъектов ее совершения; изощренно-интеллектуальными способами действий; огромным материальным, физическим и моральным ущербом; исключительной высокой латентностью посягательств; снисходительно-бережным отношением властей к данной группе коррупционеров.

– элитно-властная преступность – «вид преступности во властной политической сфере жизнедеятельности, проявляющейся в форме совершения преступлений представителями правящей (политической, экономической или управленческой) элиты» [Элитно-властная преступность 2016]. Элитно-властная преступность часто проявляется в преступлениях, совершаемых высшими должностными лицами: в политическом терроризме, политической коррупции, преступлениях международного характера и против конституционного строя и безопасности государства и т.д.

В криминологии элита также рассматривается в качестве слоя осужденных, потенциально являющихся «источниками негативного влияния и агрессивных действий» [Кудрявцева, Эминов 2015 : 280]. Это криминальная (уголовная) элита, элитарная преступная среда.

В современной юриспруденции можно встретить определение политической элиты в качестве группы людей, профессионально занимающихся деятельностью в области власти и управления государством.

В. А. Глазырин разработал отличное от имеющихся в науке понимание термина «элита». Им предлагается понимать элиту в качестве субъекта-актора верховенства права. В этом аспекте В. А. Глазыриным отмечается, что «элита обладает социальным потенциалом для утверждения в обществе вместе с другими социальными акторами современного порядка верховенства права. Телеологической предопределенности в становлении властной элиты актором верховенства права не существует. В действительности, элиты вместо того чтобы прилагать усилия к утверждению в обществе принципов верховенства права, могут пойти на различные его имитации, и верховенство права на проверку окажется симулякром» [Глазырин 2013 :85].

В последнее время можно встретить такое понимание элиты: «подлинная элита – та, которая глубоко осознает интересы общества и профессионально действует в направлении их реализации» [Иванова 2014 :156].

Таким образом, легального определения термина «элита» не существует. Этот термин не закреплен ни в одном нормативно-правовом акте. Существующие в юриспруденции определения термина «элита» касаются, в основном, определения политической элиты и по своей сущности представляют собой социологические или политологические определения. Со своей стороны мы можем дать следующее юридическое определение термина «элита»:

Элита – это определенная группа людей, характеризующееся общими интересами, реализующая свои интересы исключительно во взаимодействии с целями общества и государства и действующая исключительно в рамках существующих в государстве законов и других нормативно-правовых актов.

Библиографический список

1. Андреева, О. А. Общественные объединения в политико-правовом ландшафте современной России: диалог гражданского общества и государства : монография / О. А. Андреева, А. С. Остапенко. – Таганрог : Изд-во ТТИ ЮФУ, 2010. – С. 16.
2. Баранов, П. П. Современная политическая элита, конституционализм и конституционный строй России / П. П. Баранов // Северо-Кавказский юридический вестник. – 2017. – № 4. – С. 85–93.
3. Воронцов, С. А. Особенности формирования и обновления элит: история и современность / С. А. Воронцов // Юрист – Правоведь. – 2013. – № 5 (60). – С. 81–86.
4. Глазырин, В. А. Может ли властная элита установить верховенство права / В. А. Глазырин // Российский юридический журнал. – 2013. – № 5 (92). – С. 85–87.
5. Иванова, М. И. Политико-правовые аспекты становления и развития элиты в Российской Федерации / М. И. Иванова // Право и управление. XXI век. – 2014. – № 2. – С. 156–163.
6. Идрисова, С. Ф. Современный концепт элитарной преступности / С. Ф. Идрисова // Актуальные проблемы российского права. – 2010. – № 1. – С. 258–267.
7. Криминология : учебник / под ред. акад. В. Н. Кудрявцева, проф. В. Е. Эминова. – М. : Норма, 2015. – С. 280.
8. Лазарев, В. В. Теория государства и права / В. В. Лазарев, С. В. Липень. – М. : Юрайт : Юрайт-Издат, 2015. – С. 177.
9. Перевалов, В. Д. Теория государства и права / В. Д. Перевалов ; ред. В. М. Корельский, В. Д. Перевалов. – М. : Норма, 2016. – С. 68.
10. Понеделков, А. В. Основы политологии : учеб. пособие / А. В. Понеделков. – Ростов н/Д : Феникс, 2012. – С. 476.
11. Серегин А. В. Духовно-нравственное учение о правовой культуре : монография / А. В. Серегин. – М. : Юрлитинформ, 2016. – С. 234.
12. Точилин, В. Определение понятия элита. Критика существующих подходов / В. Точилин. – URL: <http://designfor.net/page/opredelenie-ponjatija-elita>
13. Элитарная коррупция. Национальная юридическая энциклопедия. – URL: <http://determiner.ru/termin/elitarnaja-korruptcija.html>
14. Элитно-властная преступность. Национальная юридическая энциклопедия. – URL: <http://determiner.ru/termin/elitno-vlastnaja-prestupnost.html>

ПОНЯТИЙНЫЕ НОВАЦИИ В КОНТЕКСТЕ ЕВРАЗИЙСКОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ

С. В. Тактарова, А. М. Агамагомедова

Пенза, Россия

CONCEPTUAL INNOVATIONS IN THE CONTEXT OF EURASIAN ECONOMIC INTEGRATION

S. V. Taktarova, A. M. Agamagomedova

Penza, Russia

Аннотация. Рассматриваются вопросы использования понятий «гармонизация законодательства» и «унификация законодательства» в действующем нормативном поле и теоретико-правовых исследованиях. Автором выделены тенденции применения данных категорий, их разграничения. Автор исследует специфику использования категорий «национальное», «наднациональное» и «международное» в контексте интеграции и делает вывод о расширении содержания категорий, сопутствующих понятию «национальное».

Ключевые слова: гармонизация законодательства, унификация законодательства, евразийская интеграция, национальное, наднациональное и международное регулирования, интеграционные интересы.

Abstract. The article deals with the use of the concepts "harmonization of legislation" and "unification of legislation" in the current regulatory field and in theoretical and legal studies. The author outlined the trends in the application of these categories, their delineation. The author examines the specifics of using the categories "national", "supranational" and "international" in the context of integration and concludes that the content of the categories accompanying the notion of "national" is expanding.

Key words: harmonization of legislation, unification of legislation, Eurasian integration, national, supranational and international regulation, integration interests.

Специалистами признается влияние интеграционных процессов на правовое регулирование. Экономическое и иное объединение государств безусловно приводит к образованию новых уровней регулирования, требующих как нормативно-правового, так и понятийного обеспечения.

Рассмотрим понятийные новации законодательства и теоретико-правовых исследований в условиях евразийской экономической интеграции.

Любая межгосударственная интеграция несет с собой два взаимосвязанных процесса: гармонизации и унификации законодательства государств, ставших участниками интеграционного движения.

Согласно Договору о Евразийском экономическом союзе (Договор о ЕАЭС) под гармонизацией законодательства понимается сближение законодательства государств-членов, направленное на установление сходного (сопоставимого) нормативного правового регулирования в отдельных сферах. Унификация законодательства представляет собой сближение законодательства государств-членов, направленное на установление идентичных механизмов правового регулирования в отдельных сферах, определенных нормативно-правовой базой ЕАЭС [Договор о Евразийском экономическом союзе]. Таким образом, гармонизация и унификация законодательства выступают уровнями сближения, единения нормативно-правовой базы объединяющихся в интеграционное образование государств. Данные понятия нашли свое отражение в положениях многих базовых документов ЕАЭС. Так, п. 3 статьи 1 Таможенного кодекса Евразийского экономического союза (ТК ЕАЭС) устанавливает, что таможенное регулирование в ЕАЭС основывается на принципах равноправия лиц при перемещении товаров через таможенную границу ЕАЭС, четкости, ясности и последовательности совершения таможенных операций, гласности в разработке и применении международных договоров и актов в сфере таможенного регулирования и их *гармонизации* с нормами международного права [Таможенный кодекс Евразийского экономического союза]. Отметим, что понятие «гармонизации» используется в нормативно-правовом массиве в двух значениях. В первом случае речь идет о сближении законодательства ЕАЭС с нормами международного права; во втором случае термин используется применительно к законодательству государств-членов ЕАЭС, постепенно приводимому к общему знаменателю.

Другой важной тенденцией и нормативно-правовых актов в условиях ЕАЭС, и современных теоретико-правовых исследований является разграничение нескольких уровней правового регулирования в условиях интеграции. Прежде всего, речь идет о международном, наднациональном и национальном регулиро-

вании. Несмотря на то, что наднациональное регулирование является по содержанию международным, в нормативно-правовых актах и научных работах правовой направленности широко используется категория «наднациональный» в смысле «интеграционный» или «региональный» уровень регулирования, то есть уровень ЕАЭС. Так, учеными выделяется наднациональный уровень таможенного регулирования [Побежимова, Агагомедова : 2015; Павлова 2016 : 16-22]; наднациональное регулирование налоговых отношений [Копина 2016 : 15 – 17]. Ученые определяют пределы подобного регулирования [Козырин 2013 : 3-8]; выделяют наднациональные институты регулирования определенных сфер деятельности [Агагомедова 2015 : 28-35]. В законодательстве используется также понятие «наднациональные полномочия» [Постановление Правительства РФ от 15.04.2014 № 330], отдельные авторы применяют категорию «контрольно-надзорное пространство» в контексте евразийского пространства как сферу наднационального регулирования [Агагомедова 2016 : 1-7].

Обратим внимание на факт использования в научных публикациях дифференциации уровней правового регулирования в трех вариантах: традиционной формулы «международное и национальное» [Агагомедова 2013 : 122-129]; «наднациональное и национальное» [Наднациональное и национальное регулирование 2014] и «международное, наднациональное и национальное» [Ялбулганов 2014 : 22-37]. На наш взгляд, рассматривая определенную совокупность общественных отношений в условиях экономической интеграции в рамках формулы «международное и национальное», авторы относят к международному уровню и универсальные акты и договоры, являющиеся международными стандартами в определенной сфере, и акты интеграционного порядка (нормативные документы ЕАЭС). В то же время, используя формулу «наднациональное и национальное», ученые относят к наднациональному все акты уровня выше национального законодательства (международные акты, включая нормативные акты ЕАЭС). Можно сделать вывод об усложнении содержания и смысла понятий «международное» и «наднациональное», сопутствующих категории «национальное» в контексте исследования интеграционных процессов.

Триада «международное, наднациональное и национальное», несколько «угловатая» с точки зрения традиционного значения слов, ее составляющих (международное есть наднациональное), является наиболее оптимальной с позиции содержания и наглядно раскрывающей сложность, многослойность уровней правового регулирования в рамках экономического объединения государств.

Подобная дифференциация уровней правового регулирования постепенно устанавливается и на нормативно-правовом уровне применительно к отдельным сферам деятельности. Так, в ТК ЕАЭС впервые законодатель четко разграничивает аспекты, связанные с регламентацией таможенного контроля, на регулируемые на уровне ЕАЭС и регулируемые на национальном уровне.

Порядок проведения таможенного контроля с использованием форм таможенного контроля и (или) мер, обеспечивающих его проведение, регламентируется на уровне ЕАЭС и (в части, не урегулированной актами ЕАЭС) национальным законодательством государств-членов ЕАЭС. Технологии (инструкции) применения форм таможенного контроля и мер, обеспечивающих его проведение, регулируются исключительно на национальном уровне.

Таким образом, в качестве понятийной новации в таможенном законодательстве интеграционного периода и в современных научных исследованиях следует выделить активное использование разграничения уровней правового регулирования различных групп общественных отношений: международное, наднациональное и национальное. При этом категория «наднациональное» используется в понимании интеграционного уровня, или регулирования на уровне интеграционного межгосударственного образования.

В заключение следует отметить новые аспекты использования понятия «интеграционный». В официальных документах (нормативного и программного характера) все чаще используется прилагательное «интеграционный», придающее новый смысл традиционным категориям в условиях экономического единения государств: «амбициозные интеграционные задачи», «интеграционная повестка» [Обращение Президента России 2018]. Любая категория в сочетании с понятием «интеграционный» свидетельствует о качественно новом позиционировании объекта в интеграционном пространстве, приобретении им новых целей, нового вектора развития, нового посыла, обусловленными интересами объединения государств.

Библиографический список

1. Агагомедова, С. А. Взаимовлияние международного и национального права в сфере трансграничной защиты прав интеллектуальной собственности / С. А. Агагомедова // Журнал российского права. – 2013. – № 12. – С. 122–129.
2. Агагомедова, С. А. Наднациональный институт административно-правового регулирования защиты прав интеллектуальной собственности в рамках евразийской интеграции / С. А. Агагомедова // Вестник Евразийской академии административных наук. – 2015. – № 2 (31). – С. 28–35.
3. Агагомедова, С. А. Понятие и пределы контрольно-надзорных полномочий таможенных органов / С. А. Агагомедова // ВВ: Административное право и практика администрирования. – 2016. – № 5. – С. 1–7.
4. Гинзбург, Ю. В. Наднациональное и национальное регулирование в Таможенном союзе ЕврАзЭС: на примере таможенной пошлины / Ю. В. Гинзбург, А. Ю. Денисова, М. Г. Енадарова ; под ред. А. Н. Козырина. – М. : Институт публично-правовых исследований, 2014. – 233 с.
5. Договор о Евразийском экономическом союзе (Подписан в г. Астане 29.05.2014) (ред. от 08.05.2015) (с изм. и доп., вступ. в силу с 12.08.2017) // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: <http://www.pravo.gov.ru>
6. Козырин, А. Н. Пределы наднационального регулирования в Едином экономическом пространстве ЕврАзЭС / А. Н. Козырин // Реформы и право. – 2013. – № 3. – С. 3 – 8.

7. Копина, А. А. О перспективах наднационального регулирования налоговых отношений в Евразийском экономическом союзе / А. А. Копина // *Налоги*. – 2016. – № 24. – С. 15–17.
8. Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Развитие внешнеэкономической деятельности»: Постановление Правительства РФ № 330 от 15.04.2014 (ред. от 31.03.2017) // *Собрание законодательства РФ*. – 05.05.2014. – № 18, ч. IV. – Ст. 2174.
9. Обращение Президента России Владимира Путина к главам государств-членов Евразийского экономического союза. Официальный сайт Евразийской экономической комиссии. – URL: <http://eec.eaeunion.org/ru/nae/news/Pages/18-01-2018-2.aspx>
10. Павлова, Н. В. Наднациональное регулирование таможенных отношений и национальное правосудие / Н. В. Павлова // *Судья*. – 2016. – № 1. – С. 16–22.
11. Побежимова, Н. И. Особенности наднационального уровня таможенного регулирования в условиях евразийской экономической интеграции / Н. И. Побежимова, С. А. Агамагомедова // *Юридическая мысль*. – 2015. – № 6. – С. 94–101.
12. Таможенный кодекс Евразийского экономического союза (приложение № 1 к Договору о Таможенном кодексе Евразийского экономического союза) // Официальный сайт Евразийского экономического союза. – URL: <http://www.eaeunion.org/>
13. Ялбулганов, А. А. Антидемпинговые меры: международно-правовое, наднациональное и национальное регулирование / А. А. Ялбулганов // *Реформы и право*. – 2014. – № 1. – С. 22–37.

СИСТЕМНОСТЬ ЮРИДИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ В ПРЕДЕЛАХ И ВНЕ ПРАВОВОГО ДИСКУРСА

В. Ю. Туранин

Белгород, Россия

SYSTEMATIC LEGAL TERMINOLOGY WITHIN AND OUTSIDE LEGAL DISCOURSE

V. Yu. Turanin

Belgorod, Russia

Аннотация. Приводится авторский взгляд на проблему системности юридической терминологии в пределах и вне правового дискурса, выделяются признаки юридической терминологической системы, формулируется дефиниция данного понятия. Определяются этапы развития юридической терминологической системы, характеризуются такие факторы её эволюции, как терминологическая преемственность и дифференциации.

Ключевые слова: система, юридический термин, юридическая терминология, юридическая терминологическая система, правовой дискурс.

Abstract. The article gives an author's view on the problem of the systematization of legal terminology within and outside legal discourse, identifies the features of the legal terminology system, formulates the definition of this concept. The stages of development of the legal terminology system are defined, such factors of its evolution as terminological continuity and differentiation are characterized.

Key words: system, legal term, legal terminology, legal terminology system, legal discourse.

При исследовании юридического термина как отдельного явления, мы не должны забывать, что это явление должно быть составной частью, компонентом, первичным элементом соответствующей системы, которая в основном определяет его свойства, особенности, назначение, характер использования в различных источниках.

В качестве основных признаков, присущих юридической терминологической системе, можно воспринимать:

– связь терминов (первичных элементов системы) с юридическим языком (все юридические термины являются однородными частицами юридического языка, поэтому каждый термин характеризуется одними и теми же свойствами);

– множественность юридических терминов (в различных правовых источниках содержится множество юридических терминов, и их общее число постоянно меняется);

– структурная упорядоченность элементов системы (целостность, внутренняя организация юридической терминологической системы подкрепляется возможностью выделения в ее рамках упорядоченных групп (терминологических рядов, терминологических аппаратов);

– взаимосвязь и взаимозависимость юридических терминов (определение одного юридического термина может служить «ключом» для понимания другого в пределах конкретного правового акта);

– цикличность в развитии самой системы (юридическая терминологическая система развивается циклично, соотносимо формированию общества и государства, под влиянием изменения исторических эпох).

Юридическая терминологическая система находится в состоянии постоянного развития, то есть в процессе своего изменения, происходящего под влиянием различных исторических, политических и иных факторов. Для выявления предпосылок такого изменения важно обратить внимание на генезисные и эволюционные особенности формирования юридической терминологической системы.

Можно говорить о том, что развитие юридической терминологической системы, как и всякой системы, включает следующие этапы: возникновение, становление, период зрелости, преобразование, ликвидация (факультативный этап).

Возникновение и становление необходимо рассматривать как прогрессивное изменение системы, своеобразный процесс её внутренней и внешней организации. Период зрелости характеризует её относительно устойчивое состояние, вместе с тем в юридической терминологической системе продолжается постоянная диффузия терминологического материала, что и обуславливает её дальнейшее развитие. О достижении системой зрелости свидетельствует устойчивость элементов, прочные связи, установленные между ними. Для этого нужна стабильность в развитии государства, четко определённый круг общественных от-

ношений, урегулированных с помощью правовых норм. Период зрелости юридической терминологической системы – это её пик, восхождение к которому всегда сопряжено с движением от различных ошибок законодательства, пробелов в правовом регулировании к необходимой эффективности норм права, терминологической логике. Стадия преобразования, в свою очередь, отражает процесс дезорганизации (либо реорганизации) юридической терминологической системы. Преобразование системы может происходить путём деления (выделения новых систем) или разложения. Выделение в рамках существующей системы новых терминологических систем направлено на её «очищение», модернизацию и носит позитивный характер. Соответственно, в случае разложения мы гипотетически можем говорить о ликвидации (исчезновении) системы. В этой связи следует отметить, что ликвидация системы является факультативным этапом её развития, который лишь теоретически *может* реализоваться в случае наступления определённого условия (разложения системы).

Отметим, что совокупность перечисленных этапов составляет единый исторический цикл, пройдя который юридическая терминологическая система начинает новую стадию своего развития. При этом она остаётся той же самой системой, с теми же самыми признаками, традиционно сохраняя в своём перманентном развитии актуальные для соответствующего этапа развития элементы, наращивая их количественный состав за счёт новых единиц, освобождаясь от архаичных, потерявших актуальность терминов. В этой связи юридическая терминологическая система может восприниматься как система вообще (общая система), которая с каждым новым циклом своего развития рождает своеобразные подсистемы, являющиеся по отношению друг к другу самостоятельными системами. Таким образом, каждая последующая юридическая терминологическая подсистема «вырастает» из предыдущей, являясь итогом формирования новых общественных отношений, следствием происходящей терминологической эволюции. Поэтому, несмотря на существующую теоретическую возможность ликвидации юридической терминологической системы (общей системы), связанную с её разложением (утерей системных признаков, связи между элементами), представить это достаточно сложно. До настоящего времени даже при самых резких поворотах истории, ломке прежних общественных отношений, окончательного низвержения юридической терминологической системы не происходило. В любых исторических условиях развития российского права некоторая терминология все равно сохранялась и продолжала функционировать в принимаемых (новых) правовых источниках. Происходило уточнение смысла определённых понятий, пересмотр их системных связей, но они вновь терминологически реализовывались уже в новом юридическом тексте.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что к настоящему моменту возникновение любой новой юридической терминологической системы (подсистемы) представляет собой переход терминологии, находившейся в одной форме движения, в другую форму материального движения, причём предыдущая форма в определённом виде сохраняется в последующей. Здесь можно провести аналогию с законом сохранения энергии: энергия не исчезает и не появляется вновь, но переходит из одной формы в другую. В результате складывается своеобразная иерархия юридических терминологических систем, в которой глобальная система включает в себя отдельные подсистемы менее высокого уровня.

Эволюцию юридической терминологической системы, с нашей точки зрения, необходимо рассматривать как процесс её последовательного изменения, происходящий под влиянием двух факторов: терминологической преемственности и дифференциации.

Попытаемся представить обобщённый анализ данных факторов и, прежде всего, остановимся на терминологической преемственности. В контексте развития права, Н. Неновски различает преемственность «по вертикали» (во времени) и «по горизонтали» (в пространстве). Преемственность во времени, по его мнению, означает сохранение элементов при переходе в новые качественные состояния одной и той же национальной правовой системы. Преемственность в пространстве заключается в восприятии прошлого правового опыта других государств [Неновски 1977: 25]. Данную концепцию можно использовать и применительно к юридической терминологической системе. Так, терминологическая преемственность «по вертикали» – это сохранение терминов при переходе от одной юридической терминологической системы (подсистемы в рамках общей системы) к другой в рамках развития русского юридического языка, а преемственность «по горизонтали», в свою очередь, означает восприятие отечественной терминологической системой элементов, используемых в юридическом языке других государств, с помощью рецепции. При этом преемственность «по горизонтали» должна корреспондировать преемственности «по вертикали». Внедряя новые заимствованные юридические термины, можно как эффективно модернизировать существующую терминологическую систему, так и создать в ней дополнительное (может быть, лишнее) звено.

Формами преемственности «по вертикали» (во времени) по отношению к юридической терминологической системе, с нашей точки зрения, являются преобразование, реанимация и последовательное развитие юридических терминов.

Преобразование юридических терминов обусловлено изменением формы при одинаковом содержании. Например, появление в тексте Судебника 1497 года термина «лихое дело» (ст. 8), а в тексте Указа Петра I о единонаследии 1714 года термина «преступление» – это два события, при этом одно обусловлено другим [Российское законодательство 1985: 55, 68]. Словно создавая логическую связь между различными эпохами, термин «лихое дело» дал толчок к происхождению нового термина – «преступление», который используется и поныне. Соответственно, это яркий пример преобразования юридического термина в рамках единого понятия.

Появление же в современном юридическом языке таких терминов, как «коммерческий банк», «дуприказчик», «полиция» – это уже примеры терминологической реанимации, когда соответствующие термины, активно использовавшиеся в языке законов досоветского времени и удалённые из него в советский период, вновь стали востребованными в настоящее время.

В рамках процесса последовательного развития происходит уточнение смысла юридических терминов, пересмотр их системных связей и реализация в новых условиях. При этом в данном случае при использовании тех или иных терминов не должно быть перерывов, они задействуются перманентно, вне зависимости от государственного строя и иных внешних факторов. К примеру, в современные нормативные правовые акты перешли такие юридические термины, как «имущество», «истец», «ответчик», которые употребляются в юридическом языке уже на протяжении нескольких столетий. Они более других свидетельствуют о логической взаимосвязи времён и традициях русского юридического языка.

Преемственность в формировании юридической терминологической системы несколько не отрицает её исторического очищения, а также появления новых элементов.

Если бы данные процессы не имели места в развитии юридической терминологии, то потерялась бы сама возможность преемственности, поскольку юридический язык стал бы значительно отставать от формирования общественных отношений. При историческом очищении в юридической терминологической системе остаются только наиболее устойчивые и востребованные элементы. В первую очередь, исчезают термины, потерявшие актуальность в связи со сменой общественной формации, а затем уже происходит фильтрация остальных терминов на предмет их соответствия новым реалиям. Например, с разрушением советской правовой системы одними из первых прекратили своё существование такие юридические термины, как «нетрудовой доход», «социалистическая собственность», которые были соотносимы только с данной исторической эпохой.

При этом очевидно, что с развитием и изменением общества и государства появляются и новые объекты для правового регулирования, которые влекут за собой возникновение определенных нормативных предписаний и нуждаются в совершенно иной терминологической опоре. Так, например, в современной России с появлением возможности предпринимательской деятельности и соответствующих отношений образовались такие термины, как «индивидуальный предприниматель», «субъекты малого и среднего предпринимательства», «микрофинансовые организации». Появление новых терминов – это основной индикатор образования каждой последующей юридической терминологической системы (подсистемы в рамках общей системы).

Преемственность «по горизонтали» (в пространстве) по отношению к юридической терминологической системе связана с освоением терминов иностранного происхождения, внедряемых в юридический язык. Отметим при этом, что процесс формирования юридической терминологической системы так или иначе всегда был связан с появлением заимствованных терминов. Терминологическое наполнение правовых норм уже с самых древних времён происходило, в том числе, и с помощью рецепции, являвшейся одним из основных способов нормативного конструирования. Первоначально термины заимствовались в основном из греческого, а также из тюркских и скандинавских языков. Так, С.П. Хижняк обращает внимание на то, что «уже в XI-XII в.в. в русской терминологии права появляются заимствования из различных языков: греческого («ересь», «игумен», «грамота», «епископ», «архимандрит»), немецкого («мыто»), скандинавских («гридь», «тиун»), тюркских («боярин», «кабала»)» [Хижняк 1997: 79]. На последующих этапах становления юридической терминологической системы, примерно с начала XVII века, в России среди заимствований устанавливается своеобразная «диктатура» терминов, имеющих латинские корни. Большинство из них были прямо рецептированы из римского права, которое являлось своеобразным эталоном в области юридического письма. Отметим, что когда-то римское право называли «писанным разумом» (*ratio scripta*).

Разумеется, современное право ушло далеко вперед во всех областях регламентации общественных отношений, однако и многие новейшие правовые нормы формулируются с помощью терминов, разработанных именно в римском праве. Следует отметить, что значение римского права для становления юридической терминологической системы в России, да и в других странах, неопределимо. Так, А.В. Марей, выдвигая тезис об общеевропейской рецепции римского права, обращает внимание на то, что, например, в Испании в XIII веке при формировании старокастильского юридического языка определения терминов «привязывались» к латинским аналогам: «чаще всего эти термины вводились знаменитой формулировкой Альфонсо X «*en romance tanto quiere decir como en latin*», то есть «что-либо на романсе означает то же самое, что на латыни...», после чего следовал латинский термин» [Марей 2008: 18, 26].

Количество заимствований в процессе развития российского государства и права варьировалось в зависимости от различных факторов, в том числе идейно-политических, экономических, социальных. Так, например, значительное усиление рецепции понятий и их наименований наблюдалось в письменных источниках права Российской империи (в период правления Петра I). Следующая волна заимствований пришлась на первые источники советского права, так как в послереволюционные годы наблюдалась катастрофическая нехватка наименований для понятий, характерных для «новой жизни». В качестве примеров можно привести такие термины, как «концессия», «конфискация», «кредитор», «коносамент». И, наконец, заключительный этап наиболее активного внедрения заимствований характерен для источников современного российского права. К данному процессу можно относиться по-разному, но бесспорным, с нашей точки зрения,

является одно обстоятельство. При преемственности «по горизонтали», внедряя новые заимствованные юридические термины, важно исходить из принципа причинения наименьшего вреда сложившейся юридической терминологической системе. Ведь в данном случае можно как эффективно модернизировать существующую терминологию, так и создать в ней дополнительный (может быть, лишний) элемент.

Отметим, что всплески активности проникновения заимствованных терминов в юридический язык происходят при примерно схожих обстоятельствах. Толчком к рецепции служат перемены в общественном строе страны, обновление институтов и норм права, появление новых форм общественных отношений.

Таким образом, юридическая терминология изначально характеризовалась как вертикальными, так и горизонтальными связями между терминами, что свойственно ей и в настоящее время.

Следующим фактором эволюции юридической терминологической системы является терминологическая дифференциация. Прослеживая эволюционные особенности любой возникшей системы, можно выявить такую закономерность: внутри системы устанавливается и в дальнейшем усиливается различие между качественно-тождественными элементами, составляющими систему, то есть происходит их дифференциация. Это свойственно и юридической терминологической системе, дифференциация элементов которой основана на различных моделях применения терминов в юридическом языке. Так, например, в связи с появлением все новых отраслей права постепенно формируется их терминология, переносимая в соответствующие законодательные акты. Выделяются различные терминологические ряды, аппараты, между которыми устанавливаются и развиваются прежде не существовавшие связи. Это, в конечном итоге, способствует отраслевому терминологическому взаимопроникновению. В этой связи можно сделать вывод о том, что терминологическая дифференциация – это процесс установления и дальнейшего усиления различия между элементами юридической терминологической системы, основанный на формировании отраслевой юридической терминологии и образовании различных терминологических рядов и аппаратов.

В любой системе важна согласованность элементов. В рамках юридической терминологической системы внутренняя согласованность должна проявляться в единстве, взаимообусловленности и взаимозависимости терминов. Поэтому в условиях происходящих процессов терминологической преемственности и дифференциации перспективы развития современной юридической терминологической системы, с нашей точки зрения, должны быть связаны именно с максимальным укреплением внутренней согласованности её элементов.

В заключение отметим, что системность характерна для юридической терминологии как в пределах, так и вне правового дискурса. Отдельные юридические термины активно используются, к примеру, в общелитературном языке, при этом они не теряют связи с юридической терминологической системой. Данные термины остаются первичными элементами юридической терминологической системы как в рамках юридического языка, так и вне этих рамок.

Библиографический список

1. Марей, А. В. Язык права средневековой Испании: от Законов XII Таблиц до Семи Партид / А. В. Марей. – М. : URSS, 2008. – 226 с.
2. Неновски, Н. Преемственность в праве / Н. Неновски ; общ. ред. Ю. С. Завьялова ; пер. с болг. В. М. Сафронова. – М. : Юрид. лит., 1977. – 168 с.
3. Российское законодательство X–XX веков : тексты и коммент. : в 9 т. / под общ. ред. О. И. Чистякова. – М. : Юрид. лит., 1984–1994. – Т. 9.
4. Хижняк, С. П. Юридическая терминология: формирование и состав / С. П. Хижняк ; под ред. Л. И. Баранниковой. – Саратов : Саратов. гос. ун-т, 1997. – 132 с.

К ВОПРОСУ РАЗГРАНИЧЕНИЯ ПОНЯТИЙ «АНАЛИЗ» И «ПРОВЕРКА» СВЕДЕНИЙ О ДОХОДАХ, РАСХОДАХ, ОБ ИМУЩЕСТВЕ И ОБЯЗАТЕЛЬСТВАХ ИМУЩЕСТВЕННОГО ХАРАКТЕРА НА ГОСУДАРСТВЕННОЙ ГРАЖДАНСКОЙ СЛУЖБЕ

В. К. Удавихина

Пенза, Россия

DISTINGUISHING BETWEEN THE CONCEPTS "ANALYSIS" AND "VERIFICATION" OF INFORMATION ON INCOMES, EXPENDITURES, PROPERTY AND PROPERTY OBLIGATIONS IN THE STATE CIVIL SERVICE

V. K. Udavihina

Penza, Russia

Аннотация. Осуществлена попытка рассмотрения содержания понятий «анализ» и «проверка» применительно к обязанности декларирования государственными гражданскими служащими сведений о доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера с целью их разграничения.

Ключевые слова: анализ, государственный гражданский служащий, проверка, противодействие коррупции, сведения о доходах.

Abstract. The article examines the content of the terms "analysis" and "verification" in relation to the duty of civil servants to declare information on their income, expenditures, property with a view to distinguish between them.

Key words: analysis, state civil employee, verification, corruption counteraction, income information.

Начало 2000-х гг. было отмечено в России интересом к строительству новой эффективной системы государственного управления. «В это время главным образом через законодательство о государственной службе российская юридическая наука обогащается институтами конфликта интересов, декларирования доходов и расходов, развивается логика государственных услуг, принимаются административные регламенты органов исполнительной власти. Кроме того, появляются и расцветают в законодательстве узкие направления вроде антикоррупционной экспертизы нормативных актов, фазу интенсивного становления переживают инструменты противодействия коррупции в сфере государственного регулирования экономической деятельности...» [Авакьян 2016 : 512].

Несмотря на довольно широкое использование в юридической теории и практике понятий «анализ» и «проверка» до сих пор отсутствуют четкие критерии их разграничения. Отсутствие определенности в терминах и их законодательном разграничении зачастую позволяет по-разному их толковать.

Обращает на себя внимание то, что понятия «анализ» и «проверка» применительно к анализу и проверке сведений о доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера, которые в обязательном порядке представляются в соответствии с законодательством о противодействии коррупции, зачастую понимаются и трактуются неверно и даже ошибочно. Например, в Послании Президента Российской Федерации Д. А. Медведева Федеральному Собранию 2011 г. говорится следующее: «С 2010 года все государственные служащие, военнослужащие, сотрудники правоохранительных органов декларируют доходы и имущество. Сведения, содержащиеся в декларациях, проверяются, а результаты таких проверок рассматриваются специальными комиссиями» [Послание Президента РФ 2011]. Конечно, имелось в виду, что представленные сведения анализируются, а результаты проведенного анализа в случае необходимости рассматриваются специальными комиссиями.

Каковы же значения понятий «анализ» и «проверка» и почему в практике применения законодательства о противодействии коррупции возникают трудности в их использовании?

Слово «анализ» произошло от греческого *ἀνάλυσις*, что означает «разложение, растворение». Ученые определяют «анализ» как «разбор, раздробка, разрешение, разложение целого на составные части его; общий вывод из частных заключений» [Даль 2009 : 573], «1. Метод исследования путем рассмотрения отдельных сторон, свойств, составных частей чего-нибудь. 2. Всесторонний разбор, рассмотрение» [Ожегов

2012 : 1376], «1. Метод исследования, состоящий в расчленении исследуемого предмета или явления (Подвергнуть анализу понятие причинности). 2. Разбор, исследование отдельных частей предмета для суждения о целом» [Ушаков 2013 : 800], «1) разбор, разложение па составные части, элементы, расчленение. 2) способность ума разделять познаваемое понятие на составные части по его признакам» [Баш 2012 : 960]. Также «анализ» – «процедура мысленного, а часто также и реального расчленения предмета (явления, процесса), свойства предмета (предметов) или отношения между предметами на части (признаки, свойства, отношения); процедурой, обратной анализу, является синтез, с которым анализ часто сочетается в практической или познавательной деятельности. Процедуры анализа входят органической составной частью во всякое научное исследование и обычно образуют его первую стадию, когда исследователь переходит от нерасчленённого описания изучаемого объекта к выявлению его строения, состава, а также его свойств, признаков» [Философский энциклопедический словарь 1983 : 840].

Синонимами «анализа» являются понятия «разложение, расследование, испытание, изучение, исследование, рассмотрение, оценка, разбиение, разбор (полетов), обсуждение, разбирательство, обзор, учётывание, критика» [Александрова 2001 : 568]. Антоним единственный – «синтез».

Как можно заметить из рассмотренных определений, анализ в первую очередь связан с рассмотрением отдельных сторон предмета исследования и является начальной стадией изучения данного предмета.

«Проверка» в словарях – это «1) Действие по значению глаголов: проверять, проверить. 2) Результат такого действия» [Ефремова 2000 : 1209]; «контроль, анализ, проводимый на предмет установления соответствия реального, истинного образа, состояния товара, документа, проекта (поведения), исполнения поручений требуемому образу, стандарту, образцу, установленным правилам» [Современный экономический словарь 1999 : 479]; «контроль, проводимый на предмет установления соответствия реального, истинного состояния товара, документа, проекта, исполнения поручений требуемому образцу, стандарту, установленным правилам» [Экономика и право 1998 : 432]; «контроль, проводимый на предмет установления соответствия реального, истинного состояния товара, документа, проекта, исполнения поручений требуемому образцу, стандарту, установленным правилам» [Большой юридический словарь 2001 : 790]. Кроме того, «1. Под проверкой чего-либо решения, утверждения и т.п. понимается выяснение их истинности или соответствия имеющемуся фактическому материалу. *Ваше предположение нуждается в проверке.* 2. Под проверкой чего-либо понимается проведение комплекса испытаний или анализов, необходимых для того, чтобы подтвердить соответствие его свойств требуемым. *После тщательной проверки дипломный проект был допущен к защите.* 3. Под проверкой документов понимается проводимое уполномоченными на это лицами установление правомочности присутствия человека в том или ином месте на основании предъявленного им документа. 4. Под проверкой чего-либо на прочность, работоспособность и т.п. понимается испытание этого предмета или материала, проводимое, чтобы установить степень наличия у него данного свойства. *Проверка нового волокна на эластичность показала обнадёживающие результаты.* 5. По отношению к человеку проверкой на прочность называют испытание, требующее от него максимального напряжения физических и духовных сил. *Это задание стало для молодого следователя настоящей проверкой на прочность.* 6. Говоря, что что-то выдержало проверку временем, вы подразумеваете, что оно с течением времени не потеряло своей пригодности, важности или значимости. *Наша дружба выдержала проверку временем*» [Толковый словарь 2003 : 1578].

Синонимом «проверки» является «испытание» [Александрова 2001 : 568].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что понятия «анализ» и «проверка» не являются идентичными, несмотря на то, что в некоторых словарях между ними ставится знак равенства; понятие проверки охватывает более широкий спектр действий в отношении предмета исследования; анализ предшествует проверке, которая осуществляется на основании сведений, данных, материалов, полученных в результате проведённого анализа.

Следует обратить внимание на то, что в соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 15.07.2015 № 364 «О мерах по совершенствованию организации деятельности в области противодействия коррупции» функции по профилактике коррупционных правонарушений в органе государственной власти возлагаются на специальное подразделение либо на кадровую службу данного органа власти. При этом в соответствии с пунктом 6 Типового положения о подразделении федерального государственного органа по профилактике коррупционных и иных правонарушений «подразделение по профилактике коррупционных правонарушений осуществляет следующие основные функции...: осуществление проверки: ж) достоверности и полноты сведений о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера, а также иных сведений, представленных гражданами, претендующими на замещение должностей федеральной государственной гражданской службы; достоверности и полноты сведений о доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера, представленных федеральными государственными гражданскими служащими в соответствии с законодательством Российской Федерации... и) анализ сведений: о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера, представленных гражданами, претендующими на замещение должностей федеральной государственной гражданской службы; о доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера, представленных федеральными государственными гражданскими служащими в соответствии с законодательством Российской Федерации...» [Указ Президента РФ от 15.07.2015 № 364]. То есть, сначала, по мнению законодателя, идет проверка, а только потом – анализ сведений.

Согласно пункту 2 части 1 статьи 20 Федерального закона от 27.07.2004 № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» (далее – Федеральный закон № 79-ФЗ) «гражданский служащий, замещающий должность гражданской службы, включенную в перечень, установленный нормативными правовыми актами Российской Федерации, представляет сведения о своих доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера, а также о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера членов своей семьи ежегодно не позднее срока, установленного нормативными правовыми актами Российской Федерации» [Федеральный закон от 27.07.2004 № 79-ФЗ].

Непредставление гражданским служащим сведений о своих доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера, а также о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера членов своей семьи, в случае если представление таких сведений обязательно, либо представление заведомо недостоверных или неполных сведений является правонарушением, влекущим увольнение гражданского служащего с гражданской службы (часть 6.1 статьи 20, пункт 2 части 1 статьи 59.2 Федерального закона № 79-ФЗ). Взыскания, предусмотренные статьями 59.1 и 59.2 Федерального закона № 79-ФЗ, применяется представителем нанимателя на основании доклада о результатах проверки, проведенной подразделением кадровой службы соответствующего государственного органа по профилактике коррупционных и иных правонарушений, а в случае если доклад о результатах проверки направлялся в комиссию по урегулированию конфликтов интересов – и на основании рекомендации указанной комиссии (часть 1 статьи 59.3 Федерального закона № 79-ФЗ).

В соответствии с Федеральным законом от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» (далее – Федеральный закон о противодействии коррупции) «проверка достоверности и полноты сведений о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера осуществляется по решению представителя нанимателя или лица, которому такие полномочия предоставлены представителем нанимателя, в порядке, устанавливаемом Президентом Российской Федерации, самостоятельно или путем направления запроса в федеральные органы исполнительной власти, уполномоченные на осуществление оперативно-разыскной деятельности, об имеющихся у них данных о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера граждан или государственных служащих, их супруг (супругов) и несовершеннолетних детей» [Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ].

Кроме того, в соответствии с Указом Президента РФ от 02.04.2013 № 309 «О мерах по реализации отдельных положений Федерального закона «О противодействии коррупции» (вместе с «Положением о порядке направления запросов в Федеральную службу по финансовому мониторингу при осуществлении проверок в целях противодействия коррупции») по решению Президента Российской Федерации, Руководителя Администрации Президента Российской Федерации либо специально уполномоченного ими должностного лица Администрации Президента Российской Федерации «Управление Президента Российской Федерации по вопросам противодействия коррупции может осуществлять в установленном порядке проверки: а) достоверности и полноты сведений о доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера, представляемых гражданами, претендующими на замещение любых должностей, замещение которых влечет за собой обязанность представлять сведения о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера, а также достоверности и полноты иных сведений, представляемых указанными гражданами в соответствии с нормативными правовыми актами Российской Федерации; б) достоверности и полноты сведений о доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера, представляемых лицами, замещающими должности, предусмотренные подпунктом «а»» [Указ Президента РФ от 02.04.2013 № 309].

Основания для проведения проверки перечислены в Указе Президента РФ от 15.07.2015 № 364 «О мерах по совершенствованию организации деятельности в области противодействия коррупции» (вместе с «Типовым положением о комиссии по координации работы по противодействию коррупции в субъекте Российской Федерации», «Типовым положением о подразделении федерального государственного органа по профилактике коррупционных и иных правонарушений», «Типовым положением об органе субъекта Российской Федерации по профилактике коррупционных и иных правонарушений»), и таковыми основаниями является достаточная информация, представленная в письменном виде в установленном порядке:

- правоохранительными органами, иными государственными органами, органами местного самоуправления и их должностными лицами;
  - работниками подразделений кадровых служб федеральных государственных органов по профилактике коррупционных и иных правонарушений либо должностными лицами кадровых служб указанных органов, ответственными за работу по профилактике коррупционных и иных правонарушений;
  - постоянно действующими руководящими органами политических партий и зарегистрированных в соответствии с законом иных общероссийских общественных объединений, не являющихся политическими партиями;
  - Общественной палатой Российской Федерации;
  - общероссийскими средствами массовой информации.
- Информация анонимного характера не может служить основанием для проверки.

Таким образом, можно сделать вывод, что основания для проведения проверки достоверности и полноты сведений о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера должны быть весьма существенными, представленными определенными государственными органами или организациями, а также неанонимными.

Особенно интересным, с нашей точки зрения, представляется такое основание проведения проверки, как достаточная информация, представленная в письменном виде в установленном порядке работниками подразделений кадровых служб федеральных государственных органов по профилактике коррупционных и иных правонарушений либо должностными лицами кадровых служб указанных органов, ответственными за работу по профилактике коррупционных и иных правонарушений. Как указал Минтруд России, «достаточность информации предполагает наличие совокупности данных, свидетельствующих о несоответствии представленных сведений фактическим обстоятельствам» [Письмо Минтруда России от 15.08.2014 № 18-2/В-571]. Как правило, данная информация содержится в различных документах, отражающих действительное имущественное положение госслужащего и членов его семьи. Она может находиться в открытом доступе (например, в открытых государственных реестрах, в средствах массовой информации) или содержаться в представленных госслужащим документах. Такая информация может быть представлена лишь на основании проведенного анализа поступивших в соответствующее кадровое подразделение сведений о доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера.

Для проведения проверки необходимо следующее:

- подготовить докладную записку о проведении проверки, если она инициируется уполномоченным лицом кадровой службы. При этом докладная записка готовится, если в результате анализа справки о доходах, расходах уполномоченное лицо кадровой службы обнаружило, что справка содержит недостоверные или неполные сведения либо госслужащий нарушил срок ее представления;
- составить приказ (распоряжение) о проведении проверки;
- провести проверку;
- подготовить доклад о результатах проверки.

Граждане представляют сведения при подаче документов для назначения на должность (до назначения на должность, вместе с основным пакетом документов). Гражданские служащие представляют сведения не позднее 30 апреля года, следующего за отчетным. Сведения могут быть представлены служащим (работником) в любое время, начиная с 1 января года, следующего за отчетным.

Форма справки о доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера утверждена Указом Президента Российской Федерации от 23 июня 2014 г. № 460 «Об утверждении формы справки о доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера и внесении изменений в некоторые акты Президента Российской Федерации» (далее – справка) и является унифицированной для всех лиц, на которых распространяется обязанность представлять сведения.

Заполнять справку необходимо собственноручно, что предполагает ее самостоятельное заполнение на персональном компьютере (с использованием текстовых редакторов) или иных печатных устройствах с последующим заверением личной подписью на титульной стороне каждого листа. При этом одним из элементов анализа следует считать контроль соответствия заполняемой формы аутентичному тексту приложения к Указу Президента Российской Федерации от 23 июня 2014 г. № 460. Заполнять справку в рукописном виде не рекомендуется. В соответствии с Указом Президента РФ от 02.04.2013 № 309 «О мерах по реализации отдельных положений Федерального закона «О противодействии коррупции» установлена обязанность заполнения справок о доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера с использованием специального программного обеспечения «Справки БК», размещенного на официальных сайтах Президента Российской Федерации и государственной информационной системы в области государственной службы в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет».

В течение последних лет является устоявшейся практика подготовки Министерством труда и социальной защиты населения ежегодно обновляемых Методических рекомендаций по вопросам предоставления сведений о доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера и заполнения соответствующей формы справки (далее – Методические рекомендации), направления их в заинтересованные государственные органы и организации, а также размещения на официальном сайте Минтруда России.

Методические рекомендации для применения в ходе декларационной кампании 2018 года (за отчетный 2017 год) подготовлены Минтрудом России при участии Администрации Президента Российской Федерации и Генеральной прокуратуры Российской Федерации. Ежегодно Методические рекомендации претерпевают определённые изменения в связи с изменением антикоррупционного законодательства (например, с 2018 года предусмотрен порядок представления сведений о недвижимом имуществе, транспортных средствах и ценных бумагах, отчуждённых в течение отчетного периода в результате безвозмездной сделки), а также в части уточнения и разъяснения сложных моментов, касающихся особенностей представления сведений и заполнения справки. Например, при заполнении титульного листа справки рекомендуется обратить внимание на следующее: фамилия, имя и отчество гражданина, служащего (работника), представляющего сведения, его супруги и несовершеннолетнего ребенка указываются (в именительном падеже) полностью, без сокращений в соответствии с документом, удостоверяющим личность. Серия

свидетельства о рождении указывается по установленному формату; дата рождения указывается в соответствии с записью в документе, удостоверяющем личность; место службы (работы) и замещаемая (занимаемая) должность указываются в соответствии с приказом о назначении и служебным контрактом (трудовым договором).

Также следует отметить, что анализ как обобщение имеющейся информации также осуществляется уполномоченными кадровыми подразделениями государственных органов по окончании декларационной кампании. В результате проведенного анализа и обобщения подготавливается соответствующая информация по установленной форме (отчёты о ходе реализации мер по противодействию коррупции в АИС «Мониторинг», докладные записки и т.д.).

При этом «обобщение» (лат. *generalisatio*) – переход на более высокую ступень абстракции путем выявления общих признаков (свойств, отношений, тенденций развития и т. п.) предметов рассматриваемой области; влечет за собой появление новых научных понятий, законов, теорий [Большой энциклопедический словарь 2001 : 1456]. Синонимами понятия «обобщение» являются «абстракция, синтез, синтезирование; вывод, подытоживание, стилизация, универсализация, резюмирование, итог, суммирование, генерализация, резюме» [Александрова 2001 : 568].

То есть, мы видим, что «обобщение», «анализ» и «синтез» применительно к деятельности кадровых подразделений органов государственной власти при работе со сведениями о доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера, представляемыми государственными гражданскими служащими во исполнение требований антикоррупционного законодательства, выступают практически в едином значении, между этими терминами отсутствуют принципиальные различия, эти понятия становятся равнозначными, что вызывает определенные трудности при их применении.

Таким образом, осуществленная нами попытка изучения вопроса использования понятий «анализ» и «проверка» при работе со сведениями о доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера на государственной гражданской службе позволяет нам сделать вывод о том, что при всей кажущейся схожести данных понятий между ними имеются существенные различия, и во избежание ложного толкования «текста того или иного предписания, содержащего юридические термины, ... необходимо учитывать особенности профессионального языка, обеспечить единообразие в понимании отдельных неясных терминов путём определения дефиниций» [Барабаш 2015].

Библиографический список

1. Авакьян, С. А. Противодействие коррупции: конституционно-правовые подходы : кол. моногр. / С. А. Авакьян, И. П. Кененова, А. С. Ковлер ; отв. ред. и рук. авт. кол. С. А. Авакьян. – М. : Юстицинформ, 2016. – 512 с.
2. Александрова, З. Е. Словарь синонимов русского языка / З. Е. Александрова. – 11-е изд., перераб. и доп. – М. : Рус. яз., 2001. – 568 с.
3. Барабаш, О. В. Способы репрезентации неоднозначности в языке правовых актов / О. В. Барабаш // Язык. Право. Общество : сб. ст. III Междунар. науч.-практ. конф. (г. Пенза, 13–14 мая 2015 г.). – Пенза : Изд-во ПГУ, 2015. – С. 20–24.
4. Баш, Л. М. Современный словарь иностранных слов: Толкование, словоупотребление, словообразование, этимология: 17 000 слов, 14400 словосочетаний и предложений, 1750 цитат / Л. М. Баш, А. В. Боброва, Г. Л. Вечеслова. – М. : Цитадель-тр. : Вече, 2012. – 960 с.
5. Большой энциклопедический словарь : в 2 т. / гл. ред. А. М. Прохоров. – М. : Большая Российская энциклопедия ; СПб. : Норинт, 2001. – 1456 с.
6. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : избр. ст. / В. И. Даль ; совмещ. ред. изд. В. И. Даля и И. А. Бодуэна де Куртенэ ; науч. ред. Л. В. Беловинский. – М. : ОЛМА Медиа Групп, 2009. – 573 с.
7. Додонов, В. Н. Большой юридический словарь / В. Н. Додонов, В. Д. Ермаков, М. А. Крылова. – М., 2001. – 790 с.
8. Ефремова, Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-образовательный : 2 т. / Т. Ф. Ефремова. – М. : Рус. яз., 2000. – 1209 с.
9. Ильичёв, Л. Ф. Философский энциклопедический словарь / Л. Ф. Ильичёв, П. Н. Федосеев, С. М. Ковалёв, В. Г. Панов. – М. : Советская энциклопедия, 1983. – 840 с.
10. О государственной гражданской службе Российской Федерации : федер. закон № 79-ФЗ от 27.07.2004 (ред. от 28.12.2017) // СПС «КонсультантПлюс».
11. О мерах по реализации отдельных положений федерального закона «О противодействии коррупции» (вместе с «Положением о порядке направления запросов в Федеральную службу по финансовому мониторингу при осуществлении проверок в целях противодействия коррупции») : Указ Президента Российской Федерации от 02.04.2013 № 309 (ред. от 09.10.2017) // СПС «КонсультантПлюс».
12. О мерах по совершенствованию организации деятельности в области противодействия коррупции (вместе с «Типовым положением о комиссии по координации работы по противодействию коррупции в субъекте Российской Федерации», «Типовым положением о подразделении федерального государственного органа по профилактике коррупционных и иных правонарушений», «Типовым положением об органе субъекта Российской Федерации по профилактике коррупционных и иных правонарушений») : Указ Президента Российской Федерации № 364 от 15.07.2015 (ред. от 19.09.2017) // СПС «КонсультантПлюс».
13. О противодействии коррупции : федер. закон № 273-ФЗ от 25.12.2008 (ред. от 28.12.2017) // СПС «КонсультантПлюс».

14. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка: Около 100 000 слов, терминов и фразеологических выражений / С. И. Ожегов ; под ред. Л. И. Скворцова. – М. : ОНИКС-ЛИТ : Мир и Образование, 2012. – 1376 с.
15. Письмо Минтруда России № 18-2/В-571 от 15.08.2014 // СПС «КонсультантПлюс».
16. Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию от 22.12.2011 // Российская газета. – 2011. – № 290.
17. Райзберг, Б. А. Современный экономический словарь. / Б. А. Райзберг, Л. Ш. Лозовский, Е. Б. Стародубцева. – 2-е изд., испр. – М. : ИНФРА-М, 1999. – 479 с.
18. Толковый словарь русского языка / под. ред. Д. В. Дмитриева. – М. : Астрель : АСТ, 2003. – 1578 с.
19. Ушаков, Д. Н. Толковый словарь современного русского языка: Около 100000 слов / Д. Н. Ушаков. – М. : Аделант, 2013. – 800 с.
20. Экономика и право : энциклопедический словарь Габлера : пер. с нем. / общ. ред. А. П. Горкин. – М. : Большая Российская энциклопедия : Экономическая газета, 1998. – 432 с.

«СВОБОДА» КАК КОНЦЕПТ И ПРАВОВОЕ ПОНЯТИЕ

С. В. Черненькая

Москва, Россия

«FREEDOM» AS A CONCEPT AND A LEGAL CATEGORY

S. V. Chernenkaya

Moscow, Russia

Аннотация. Рассматривается «свобода» как концепт и правовое понятие, выделяется его многозначность и специфика интерпретации. Ввиду универсальности понятия свободы выделяются и соотносятся понятия правовой и нравственной свободы.

Ключевые слова: свобода, концепт, правовое понятие, правовая свобода, нравственная свобода.

Abstract. The article deals with "freedom" as a concept and a legal concept, its significance and specificity of interpretation. In view of the universality of the concept of freedom, the concepts of legal and moral freedom are singled out and correlated.

Key words: freedom, concept, legal concept, legal freedom, moral freedom.

Определение понятийно-категориального аппарата исследования, составляет, как правило, его вводную часть. Выделяя 1-ый уровень – уровень концепта, и задаваемый им 2-ой – понятийный уровень в исследовании феномена правовой свободы, мы хотели бы показать связь данных методологических составляющих, понимание которой позволяет выявить специфику исследования изучаемого предмета. Определение методологии в таком случае не предстает исключительно формальным действием, поскольку содержательный аспект необходимо включается в данное понимание методологии. Методология исследования оказывается связанной со стилем мышления, характером мировоззрения исследователя, сложившихся в рамках определенной культуры, уже, определенной исследовательской области [Черненькая 2012: 10].

Важно отметить, что содержание правовых понятий определяется не только конкретным предметом, но и общей логикой эмпирического, массового правосознания. В этой связи значимыми оказываются исходные суждения о предмете – концептуальные идеи. Являясь узловыми, они задают смысловые ориентиры исследованию. П. Абеляр, вводя понятие «концепт» в философский и научный язык, понимал концепт как акт «схватывания» смысла вещи (проблемы) в целостности речевого высказывания. Концепт – это зацепка для мышления, пока мы еще не подошли к понятию, но уже высветили какие-то конкретные характеристики предмета, которые могут быть отражены в понятии. Концепт предвосхищает возможное развитие исследования, задает направление в исследовании [Черненькая 2010: 450]. Допустим, в основе европейской философско-правовой теории лежит понимание права как действительности свободы, понятие правовой свободы соотносится с понятием политической свободы. В основе отечественной философско-правовой мысли к. XIX–н. XX вв. – понимание права как «минимума нравственности» (Соловьев В.С.), и понятие правовой свободы соотносится с понятием нравственной свободы. Неслучайно в русском языке связным с концептом «свобода» выступает концепт «воля», тогда как в европейских языках эти концепты практически не пересекаются. Более того, среди исследователей нет единства по вопросу о том, являются ли концепты «свобода» и «воля» различными или они представляют единый концепт в русском языке. Н.Д. Арутюнова выделяет единый концепт «воли – свободы», представленный в русском языке двумя соотносительными понятиями «волей» и «свободой», отмечая, что на протяжении всей истории русского языка эти концепты «находились в постоянном взаимодействии, то сближаясь, то отдаляясь друг от друга. Существенно то, что воля постоянно вторгалась в поле свободы, приобретая социальный смысл, а свобода стремилась сбросить путы законов и отождествить себя с незаконной волей» [Арутюнова 2003: 75].

А. Г. Лисицын представляет концепт «свободу» и концепт «волю» как разные стороны одного культурно-языкового феномена. Эта связь, отмечает он, схвачена в основном значении современного русского слова «свобода» – наличие внешних условий для реализации воли человека. А.Г. Лисицын обращает внимание также на соотношение концепта «свобода» в русской культуре с концептом «свой–чужой». В древнерусских текстах, указывает он, «свободити» употребляется чаще всего со словами «работа», «рабство», слово «свободь» противопоставлено словам «раб», «работа», «рабство», то есть свобода понимается и как противоположность рабскому состоянию, а всякое освобождение воспринимается как свобода от рабства. Когда кого-то освободили, то его «сделали своим, вернули к своим, сделали достоянием своих», любой свой свободен, даже если он находится в зависимости у кого-то из своих, т. к. зависимость от своих, своего не ощущается» [Лисицын 1995: 74].

А. Вежбицкая, проводя исследование концепта «свобода» в латинском, английском, русском и польском языках, выявляет связь концепта «воля» в русской культуре с явлением массовых крестьянских побе-

гов, периодических происходивших в русской истории. По мнению А. Вежбицкой, эта связь объясняет появление такого значения слова «воля» как «жизнь не в заключении». Специфику русского концепта «свобода» она видит в том, что «во всех русских словарях слово свобода толкуется с упоминанием слов “стеснять” или “стеснение”, производных от “тесно”, как если бы свобода состояла по сути своей в “освобождении” из своего рода смирительной рубашки, материальной или психологической» [Вежбицкая 2001: 35].

Собственно, идея правовой свободы, свободы, определяемой законом, не является узловой для русской культуры. Таковой, как отмечают многие исследователи, для российского правосознания выступает идея правды [Вежбицкая 2001: 55]. Для европейского правосознания, напротив, именно идея правовой свободы выступает одной из ключевых и разработка понятия правовой свободы выступала предметом исследования на протяжении не одного столетия.

Выделяя свободу как правовое понятие, отметим его многозначность. Ш. Монтескье в работе «О духе законов» писал, что «нет слова, которое получило бы столько разнообразных значений и производило бы столь различное впечатление на умы, как слово “свобода”. Одни называют свободой легкую возможность низлагать того, кого наделили тиранической властью; другие – право избирать того, кому они должны повиноваться; третьи – право носить оружие и совершать насилие; четвертые видят ее в привилегии состоять под управлением человека своей национальности или подчиняться своим собственным законам. Некий народ долгое время принимал свободу за обычай носить длинную бороду. Иные соединяют это название с известной формой правления, исключая все прочие» [Монтескье 1995: 270].

Одно из первых определений понятия как физической свободы дается в позитивном праве для описания правового статуса личности: «Основное деление, относящееся к праву лиц, заключается в том, что все люди суть или свободные, или рабы» [Дигесты Юстиниана 2002: 117].

В средневековой христианской культуре понятие свободы имеет четко выраженную нравственную составляющую. Бог, писал Августин, создал человека свободным. Но свобода человека означала не произвол, а следование заповедям, направленность действий и помыслов человека к Богу. Человек знает заповеди Бога, тем не менее нарушает их, его знание бессильно. В противовес рационализму Античности в Средневековье речь идет не о знании, а о способности следовать знанию.

В Новое время принцип автономности воли человека, напротив, выходит на первый план. Дж. Локк отмечал, что «свобода людей в условиях существования системы правления заключается в том, чтобы жить в соответствии с постоянным законом, общим для каждого в этом обществе и установленным законодательной властью, созданной в нем; это свобода следовать моему собственному желанию во всех случаях, когда этого не запрещает закон, и не быть зависимым от непостоянной, неопределенной, неизвестной самовластной воли другого человека» [Локк 1988: 274].

Кант подчеркивал антиномичность свободы, определяя ее как «причинность, благодаря которой нечто происходит так, что причина не определяется другой причиной согласно необходимым законам, иными словами... абсолютная самопроизвольность причин, т.е. способность самостоятельно начинать ряд явлений, развивающийся далее по законам природы...» [Кант 1998, 380]. Если свобода – это «способность начинать самостоятельно ряд последовательных вещей или состояний», то правовая свобода – это «способность начинать самостоятельно ряд последовательных вещей или состояний» в пространстве права. Другими словами, правовая свобода – это возможность реализовывать право (конкретные права), проявлять себя как правовое существо (неподопечное, социально вменяемое, волевое, настаивающее на своих притязаниях, ответственное и т.д.). Кант подчеркивает, что свобода – это преобладание инициативы над слепым развёртыванием событий. Что уже само по себе является ценным. Волевой момент свойственен любой форме общественной жизни. В праве воля отражает способность и факт самопринуждения человека следовать правовому закону, настояния на чем-то необходимом, факт проявленной устремленности на общественные и индивидуальные ценности в сетке правовых норм.

В исследованиях категория правовой свободы всегда соотносится с ответственностью, вменением, притязанием на вменение как реально правовыми фактами, выступающими результатом решения, выбора, настояния, а не следствием спонтанного, эмоционального порыва. Способность индивида оставаться в правовом пространстве, жить в праве и есть его свобода. Моральная свобода оказывается возможной для человека, поскольку он является носителем нравственного принципа, выделенного в рамках нравственного опыта общества, к которому он принадлежит, и в своих индивидуальных предпочтениях он определяется этим принципом.

Свобода воли в праве также свидетельствует о духовной и социальной зрелости индивида. Она означает, что индивид может сделать предъявляемое ему извне веление предметом рассуждения, оправдывая то или иное требование к нему с позиций правовых норм, настоять на своем притязании, проявить свою волю в рамках признаваемых им ограничений, налагаемых законом. Тезис Б. Спинозы «свобода есть познанная необходимость» в предельно ясной форме выражает отличие правосознания, в рамках которого свобода реализуется в рамках правового закона, от других форм общественного сознания.

Библиографический список

1. Алексеев, С. С. Общие дозволения и общие запреты в советском праве / С. С. Алексеев. – М. : Юрид. Лит., 1989. – 288 с.
2. Арутюнова, Н. Д. Воля и свобода / Н. Д. Арутюнова // Логический анализ языка. – М. : Индрик, 2003. – С. 73–99.

3. Вежбицкая А. Понимание культур через посредство ключевых слов / А. Вежбицкая. – М. : Языки славянской культуры, 2001. – 288 с.
4. Дигесты Юстиниана. Т. I: Кн. I–IV / под ред. Л. Л. Кофанова. – М. : Статут, 2002. – 677 с.
5. Кант, И. Критика чистого разума / И. Кант. – Минск : Литература, 1998. – 960 с.
6. Лисицын, А. Г. Анализ концепта «свобода – воля – вольность» в русском языке : дис. ... канд. филол. наук / Лисицын А. Г. – М., 1995. – 259 с.
7. Локк, Дж. Два трактата о правлении. Сочинения : в 3 т. / Дж. Локк. – М. : Мысль, 1988. – Т. 3 – С. 137–405.
8. Монтескье, Ш. О духе законов / Ш. Монтескье // О свободе. Антология западноевропейской классической либеральной мысли. – М. : Наука, 1995. – 463 с.
9. Нерсесянц В. С. Юриспруденция. Введение в курс общей теории права и государства / В. С. Нерсесянц. – М. : НОРМА–ИНФРА, 1998. – 245 с.
10. Соловьев, В. С. Право и нравственность / В. С. Соловьев. – Минск ; М. : АСТ : Харвест, 2001. – 192 с.
11. Черненькая, С. В. Семиотические исследования Густава Шпета / С. В. Черненькая // Философское наследие Густава Шпета: у истоков семиотики и структурализма. – М. : РОССПЭН, 2010. – С. 446–453.
12. Черненькая, С. В. Этика как методология исследования нравственности / С. В. Черненькая // Вестник Московского городского педагогического университета. Сер.: Философские науки, 2012. – № 2 (6). – С. 10–17.

Направление 4

ЯЗЫК ПРАВА КАК ЯЗЫК ДЛЯ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЦЕЛЕЙ. ОБЩИЕ ВОПРОСЫ ЮРИДИЧЕСКОЙ ТЕХНИКИ И ТОЛКОВАНИЯ ПРАВОВЫХ АКТОВ

ПРОБЛЕМЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЯЗЫКОВЫХ СРЕДСТВ В ПРОЦЕССЕ ПРАВОВОТВОРЧЕСТВА В СФЕРЕ ТРУДА И СОЦИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ

М. И. Аверьянова

Нижний Новгород, Россия

PROBLEMS OF THE USE OF LANGUAGE MEANS IN THE PROCESS OF LAWMAKING IN THE FIELD OF LABOUR AND SOCIAL SECURITY

M. I. Averianova

Nizhny Novgorod, Russia

Аннотация. В ходе исследования выявлено несовершенство использования языковых средств при введении в социально-трудовое законодательство новых правовых норм (статей, глав, разделов). В языке вводимых норм выявляются: необоснованная словесная избыточность и повторы, семантическая неясность смысла используемых понятий, хаотичность расположения правовых норм как по структуре нормативного правового акта, так и в системе источников права в сфере труда и социального обеспечения.

Ключевые слова: труд, социальное обеспечение, правовое регулирование, юридическая техника, несовершенство языка закона.

Abstract. The study revealed the imperfection of the use of linguistic means when introducing new legal norms into the social and labor legislation (articles, chapters, sections). The language of the introduced norms reveals unreasonable verbal redundancy and repetitions, the semantic vagueness of the meaning of the concepts used, the randomness of the arrangement of legal norms both in the structure of the normative legal act, and in the system of sources of law in the field of labor and social security.

Key words: labor, social security, legal regulation, legal technology, imperfection of the language of the law.

Российское социально-трудовое законодательство на современном этапе характеризуется наличием большого массива нормативных правовых актов. В наибольшей степени это касается правовой системы социального обеспечения. В ней до настоящего времени не выработан единый кодифицированный акт (кодекс), а отдельные группы общественных отношений (пенсии, социального обеспечения, предоставления пособий, охраны здоровья и медицинской помощи, государственной социальной помощи, социального обслуживания, мер социальной поддержки) регламентированы многочисленными законами и подзаконными актами как федерального, так и регионального уровней.

Как известно, некоторые из введенных в постсоветский период видов социального обеспечения были направлены на преодоление неблагоприятных последствий таких ставших одними из актуальных и распространенных за последние три десятилетия в России социальных рисков как бедность и нищета.

Кроме того, обозначившиеся за последние годы в нашей стране такие социальные вызовы как неуклонное снижение рождаемости, увеличение естественной убыли и старение населения, растущий разрыв в доходах между наиболее богатыми и беднейшими слоями населения, кризис пенсионной системы, рост миграционных процессов, необходимость соответствия международным социально-трудовым стан-

дартам повлекли за собой проведение многочисленных реформ, выразившихся в постоянном обновлении нормативно-правовой базы в области социально-трудовых отношений.

Вместе с тем правовые нормы огромного числа законов и подзаконных актов, принятых за период с 1991 года по настоящее время в социально-трудовой сфере (ряд из них, как, например, Закон о занятости населения [Закон РФ № 1032-1 от 19.04.1991], продолжают действовать) демонстрируют наличие в них многих технических погрешностей, включая языковых, свидетельствующих о значительном снижении уровня законотворческой культуры.

Наличие указанных погрешностей нередко наводят на мысль об их намеренном применении, поскольку юридическая литература дореформенного периода выработала, как казалось, наиболее оптимальные теоретические постулаты и формулы законодательной техники, изложения языка закона, которые вполне актуальны и могут быть эффективны и в постсоветский период. Здесь следует упомянуть работы, прежде всего, Д. А. Керимова, А. С. Пиголкина, Н. Н. Полянского, А. А. Ушакова, Р. О. Халфиной, Г. И. Шаткова.

Да и на современном этапе продолжает вноситься большой вклад в продолжение развития научных основ юридической техники. Такие ведущие ученые как Н. А. Власенко, Д. А. Керимов, С. П. Маврин, С. Ю. Головина, а также правоведа Нижегородской академии МВД России (во главе с профессором В. М. Барановым) на протяжении почти уже трех последних десятилетий предлагают самые различные пути совершенствования современного правотворчества.

Последствия языковых погрешностей и ошибок в тексте закона закономерны и печальны: в итоге они «делают его [закон] неопределенным, что в любой момент может привести к умалению прав и свобод человека, к искажению правовых ценностей, произволу и прочим неблагоприятным последствиям» [Юридическая техника 2012 : 149]. На практике потенциальный получатель социально-трудовых благ (пенсий, пособий, медицинской помощи и социальных услуг, трудовых гарантий и др.) вследствие таких языковых погрешностей и ошибок в тексте закона может оказаться в ситуации, когда реализовать его конституционные права на труд и социальное обеспечение становится значительным образом затруднительным или даже невозможным. Даже при обращении гражданина за квалифицированной юридической помощью.

Приведем ряд примеров таких несовершенств языка современных социально-трудовых законов.

Первым таким примером будет введение законодателем громоздких синтаксических конструкций, характеризующихся излишней перегруженностью фраз придаточными предложениями, местоимениями, а также союзами, препятствующими доступности правового текста и правильному уяснению правовых норм. В наибольшей степени эта проблема проявляется в пенсионных законах. Так, весьма непросто пенсионеру выявить истинный смысл правовой нормы, который имел в виду законодатель в такой синтаксической конструкции, содержащейся в пункте 4 ст. 30 Федерального закона «О трудовых пенсиях» [Федеральный закон № 173 от 17.12.2001], который сохраняет свое действие и в настоящее время в части исчисления размера трудовых пенсий и определения размеров страховых пенсий:

«Расчетный размер трудовой пенсии, определенный в соответствии с настоящим пунктом, при наличии общего трудового стажа, равного 25 лет для мужчин и 20 лет для женщин, а для лиц, имеющих стаж на соответствующих видах работ и страховой стаж, требуемые для досрочного назначения трудовой пенсии по старости (статьи 27 и 28 настоящего Федерального закона), при наличии общего трудового стажа, равного по продолжительности страховому стажу, требуемому для досрочного назначения трудовой пенсии по старости, не может превышать сумму, равную 555 рублей 96 копеек, а для лиц, имеющих стаж на соответствующих видах работ и страховой стаж, требуемые для досрочного назначения трудовой пенсии по старости, предусмотренной подпунктами 1, 11 и 13 пункта 1 статьи 27 настоящего Федерального закона, – 648 рублей 62 копеек». В жизни (по материалам юридической практики автора) данная синтаксическая конструкция привела к тому, что пенсионер, решивший самостоятельно рассчитать размер своей трудовой пенсии, произведя на первых шагах абсолютно правильный расчет пенсии, в итоге запутался в двух сочинительных противительных союзах «а», что в результате привело к завышению его пенсии в 3,5 раза (Пенсионный фонд насчитал пенсию в 6, 5 тыс., а пенсионер – 21 тыс. рублей) и необоснованным судебным притязаниям со стороны пенсионера [решение Нижегородского районного суда Нижнего Новгорода, дело № 2-8352/2015 ~ М-6074/2015]. А это всего лишь одно предложение из всего огромного массива общей совокупности правовых норм, которые предлагает в настоящее время законодатель страховым пенсионерам, вынужденным при определении размера пенсий разгадывать сложные законодательные конструкции.

Отсюда вытекает *вторая проблема* современного правотворчества в области труда и социального обеспечения – введение законодателем объемных статей, содержащих избыточное число частей, предложений и слов в статье. Так, весьма внушительные цифры (например, в части определения размеров страховых пенсий – до 1861 слов в части статьи, до 542 слов в предложении и до 3 981 слов в статье) демонстрируют принятые за последние два десятилетия законы (опять же) в области пенсионного обеспечения, например, статья 30 Федерального закона «О трудовых пенсиях» (в части определения размера пенсий). К счастью, его преемник – Федеральный закон «О страховых пенсиях» [Федеральный закон № 400-ФЗ от 28.12.2013] – содержит уже менее объемные статьи: до 493 слов в одной части статьи, до 204 слов в предложении и до 2 775 слов в статье, что, однако, незначительным образом облегчает положение пенсионеров. Для сравнения укажем, что в ранее действовавшем Закон РФ «О государственных пенсиях» [Закон РФ № 340-1 от 20.11.1990] при регулировании вопросов определения размеров пенсий правовые нормы формировались, исходя из следующего максимального количества: 134 слов в статье, 66 слов в предложении, 3 абзацев в

статье и, как правило, одного предложения в абзаце. Данный закон действовал на протяжении десяти лет и его текст был вполне понятен для массовых слоев населения.

Следует обратить внимание, что задача обеспечения для населения доступности изложения текстов так называемых «народных» законов, к которым, несомненно, относятся и социально-трудовые законы, была одной из приоритетных задач советского правительства при формировании новой законодательной базы, основанной на принципе демократизма. Данная задача неоднократно обозначалась в постановлениях и декретах ЦИК и СНК СССР [Керимов 1998 : 56-57], решение которой повлекло за собой развитие научной школы советского правотворчества, многие постулаты которой имеют свою ценность и в настоящее время. Главными тезисами этих постулатов, которыми следует руководствоваться и современному законодателю, являются следующие: максимальная краткость и компактность изложения нормативного материала, ясность, простота и доступность языка нормативных актов [Научные основы советского правотворчества 1981 : 265-266];

В-третьих, до настоящего времени не решена проблема хаотичности расположения некоторых правовых норм как по структуре закона, так и в общей системе источников трудового права и права социального обеспечения. Одним из главных достоинств системы источников российского трудового права является наличие в ней, начиная с 1918 года, единого системообразующего правового акта – кодекса. С 2002 года действует Трудовой кодекс РФ [№ 197-ФЗ от 30.12.2001]. Данный кодифицированный акт отразил в себе многие достижения российской юридической техники и по сравнению со многими законами в области социального обеспечения техника изложения правового материала достаточно высока, однако, все же, и в данном нормативном акте ощущается ряд упущений, требующих своего учета при разработке в дальнейшем нового Кодекса.

Примером хаотичного расположения правовых норм по структуре Кодекса будет, в частности, размещение законодателем в разных разделах, частях ТК РФ положений, регулирующих определенную группу общественных отношений. Так, разбросаны по разным частям Кодекса определения понятий «место работы» и «рабочее место» (статьи 57 и 209, разделы III и X ТК РФ соответственно), положения о возрасте, с которого допускается заключение трудового договора (статьи 20 и 63 ТК РФ, части первая и третья Кодекса), положения о гарантиях и компенсациях.

В-четвертых, выявляется семантическая неясность смысла ряда используемых понятий, что свидетельствует о необходимости проведения дальнейшей работы по усовершенствованию терминологии социально-трудового законодательства. Так, в законодательстве в области социального обеспечения наблюдается использование одного и того же понятия – «социальные услуги» – в двух совершенно разных видах социального обеспечения: государственная социальная помощь и социальное обслуживание. При этом анализ норм главы второй Федерального закона «О государственной социальной помощи» [Федеральный закон № 178-ФЗ от 17.07.1999] о наборе социальных услуг свидетельствует о том, что целесообразнее было бы отнести элементный состав набора, так называемых, социальных услуг к элементам медицинской помощи с соответствующим приведением терминологии правового института государственной социальной помощи в соответствие;

В-пятых, не преодолена проблема обеспечения и единства терминологии. Даже в кодифицированном акте, Трудовом кодексе РФ, выявляется словесное изложение различным образом одних и тех же понятий: «работники религиозных организаций» и «лица, работающие в религиозных организациях» (глава 54 ТК РФ), «работники транспорта» и «работники, труд которых непосредственно связан с движением транспортных средств» (глава 51 ТК РФ), «лица, работающие вахтовым методом» и «лица, выполняющие работу вахтовым методом» (глава 47 ТК РФ) и т.д.

Неясность терминологии Трудового кодекса РФ проявляется, в частности, также посредством размещения в главах, разделах, статьях положений, выходящих за пределы семантического смысла заглавия главы, раздела, статьи. Так, положения о гарантиях и компенсациях, полагающихся работникам, содержатся не только в разделе VII ТК РФ, но и также во многих иных статьях, расположенных в разных главах и разделах Кодекса. Другим примером неточности используемых понятий является размещение в главе 52 ТК РФ, посвященной особенностям труда педагогических работников, также положений о труде и ряда иных (помимо педагогических) работников организаций, осуществляющих образовательную деятельность по реализации образовательных программ высшего образования и дополнительных профессиональных программ (например, ректоров, проректоров), что, по сути, отражает длящуюся и до ныне неразрешенную окончательно проблему определения четкого круга лиц, относящихся к педагогическим работникам.

В настоящее время нормативные правовые акты в области труда и социального обеспечения педагогов разграничивают между собой два понятия: «педагогические работники» (ТК РФ, Номенклатура должностей педагогических работников [Постановление Правительства РФ № 678 от 08.08.2013] и «лица, осуществляющие педагогическую деятельность» (в частности, для целей досрочного пенсионного обеспечения [Постановление Правительства РФ № 781 от 29.10.2002]). Известно, что перечни таких работников между собой не совпадают.

Должности руководителей образовательных организаций в соответствии с Номенклатурой должностей педагогических работников к педагогическим работникам формально не отнесены, однако при определенных условиях ряд таких должностей признаются лицами, осуществляющими педагогическую деятельность (в частности, директора школ) или даже вне зависимости от таких условий наделяются правами и

льготами, которые предоставлены педагогам (например, правом на ежегодный основной удлиненный оплачиваемый отпуск).

В целях унификации понятийного аппарата большое значение имеет введение в кодифицированные акты самостоятельных статей, расположенных в общей части Кодекса и посвященных определению основных понятий, используемых в Кодексе, как это сделано в Градостроительном кодексе РФ и Уголовно-процессуальном кодексе РФ. К сожалению, Трудовой кодекс не содержит такой самостоятельной статьи, понятийный аппарат распределен по многим статьям Кодекса, расположенных в разных главах (разделах) (например, в ст. 20, 23, 40, 91, 106, 129, 209, 381, 398 ТК РФ).

Что касается центрального направления в работе по повышению качества языка закона социальных законов, то здесь огромное значение будет иметь, прежде всего, проведение мероприятий по кодификации социального законодательства с принятием единого социального кодекса. Вводимые в настоящее время так называемые кодифицированные законы, к сожалению, лишь частично решают отдельные проблемы по совершенствованию культуры законодательной техники социальных законов. В условиях отсутствия единого кодифицированного акта их отдельные положения по-прежнему в той или иной степени не согласуются между собой, приводя к затруднению понимания гражданами смысла законов и единообразного их применения.

Библиографический список

1. Керимов, Д. А. Законодательная техника : науч.-метод. и учеб. пособие / Д. А. Керимов. – М. : НОРМА-ИНФРА-М, 1998. – 127 с.
2. Научные основы советского правотворчества / отв. ред. Р. О. Халфина. – М. : Наука, 1981. – 317 с.
3. О государственной социальной помощи : федер. закон № 178-ФЗ от 17.07.1999 // Собрание законодательства РФ. – 1999. – № 29. – Ст. 3699.
4. О занятости населения в Российской Федерации : Закон РФ № 1032-1 от 19.04.1991 // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 17. – Ст. 1915.
5. О списках работ, профессий, должностей, специальностей и учреждений, с учетом которых досрочно назначается трудовая пенсия по старости в соответствии со статьей 27 Федерального закона «О трудовых пенсиях в Российской Федерации», и об утверждении правил исчисления периодов работы, дающей право на досрочное назначение трудовой пенсии по старости в соответствии со статьей 27 Федерального закона «О трудовых пенсиях в Российской Федерации» : Постановление Правительства РФ № 781 от 29.10.2002 // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 44. – Ст. 4393.
6. О страховых пенсиях : федер. закон № 400-ФЗ от 28.12.2013 // Собрание законодательства РФ. – 2013. – № 52, ч. I. – Ст. 6965.
7. О трудовых пенсиях в Российской Федерации : федер. закон № 173-ФЗ от 17.12.2001 // Собрание законодательства РФ. – 2001. – № 52, ч. I. – Ст. 4920.
8. Об утверждении номенклатуры должностей педагогических работников организаций, осуществляющих образовательную деятельность, должностей руководителей образовательных организаций : Постановление Правительства РФ № 678 от 08.08. 2013 // Собрание законодательства РФ. – 2013. – № 33. – Ст. 4381.
9. Трудовой кодекс Российской Федерации № 197-ФЗ от 30.12.2001 // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 1, ч. I. – Ст. 3.
10. Юридическая техника : курс лекций / под ред. В. М. Баранова, В. А. Толстика. – М. : ДТСК МВД России, 2012. – 384 с.

ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЕ ОСНОВЫ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ ПЕНЗЕНСКОЙ ОБЛАСТИ: ЛИНГВОПРАВОВОЙ АНАЛИЗ

Д. И. Артемова

Пенза, Россия

LEGISLATIVE BASES OF SOCIAL POLICY IN PENZA REGION: LINGUISTIC AND LEGAL ANALYSIS

D. I. Artemova

Penza, Russia

Аннотация. Согласно статье 7 Конституции Российская Федерация признается социальным государством. Взаимодействие органов федерального и регионального уровня по вопросам социальной политики является общей целью для построения крепкого и стабильного государства.

Принятые законодательные акты должны подкрепляться здоровым законотворческим процессом в регионах. Около 20 лет назад начали приниматься соответствующие законы в субъектах (Пензенская область, Курская область, Мурманская область и ряд других), но они были еще очень далеки от реализации их на практике. С каждым годом процесс претворения в жизнь идей и замыслов законодателей растет, потому что за основу берутся реальные жизненные ситуации, решение которых закрепляется соответствующим нормативным актом. Это доказывает, что органы государственной власти Пензенской области приняли на себя те обязанности, которые провозгласили в законах.

Ключевые слова: социальная политика, закон, региональный нормативный правовой акт.

Abstract. Article 7 of the Constitution recognizes the Russian Federation as a social state. Interaction of federal and regional authorities in social policy is a common goal for building a stable state.

The adopted legislative acts should be supported by an adequate legislative process in the regions. Approximately 20 years ago, relevant laws were enacted in the subjects (Penza region, Kursk region, Murmansk region and several others), but they were still very far from being able to be implemented in practice. Every year, the ideas of the legislators acquire real forms, because life situations are taken as a basis, and the solutions of which are fixed by the corresponding normative act.

Key words: social policy, law, regional normative legal act.

Понятие «социальное государство» (нем. – sozialstaat) впервые было введено в научный оборот в 1850 г. немецким ученым, членом-корреспондентом Императорской Санкт-Петербургской академии наук Лоренцом фон Штейном в работе по истории социального движения во Франции [Шахрай 2017:18]. Л. фон Штейн писал, что социальное государство «обязано поддерживать равенство в правах для всех различных общественных классов, для отдельной личности посредством своей власти. Оно обязано способствовать экономическому и общественному прогрессу всех своих граждан, ибо в конечном счете развитие одного выступает условием развития другого, и именно в этом смысле и говорится о социальном государстве» [Шмидт 1998: 27].

Под социальной политикой государства обычно понимают систему осуществляемых им конкретных мер и мероприятий, направленных на жизнеобеспечение населения. С помощью социальной политики государство обеспечивает минимальный уровень социальных гарантий, создавая благоприятные условия для жизнедеятельности людей.

Социальную политику можно рассматривать как в узком, так и в широком смысле слова. Зачастую социальную политику понимают только как государственную поддержку социально незащищенных групп населения либо сводят ее к социальной защите и социальному обеспечению населения. Г.С. Скачкова полагает, что такое ее понимание приводит к сужению содержания социальной политики, позволяя Российскому государству уклоняться от выполнения конституционной обязанности социального государства – создания условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека [Скачкова 2017 : 3].

Более широкий взгляд на социальную политику предлагает рассматривать ее «как систему целенаправленных государственных мероприятий и акций по регулированию отношений между различными социальными группами населения в целях повышения общественного благосостояния, улучшения качества и

уровня жизни, рационального использования трудового потенциала и на этой основе роста эффективности функционирования экономики страны» [Тарент 2014: 7].

В связи с вышеизложенным предлагаем следующую формулировку. Социальная политика – это государственное обеспечение правовых гарантий и условий для функционирования и развития системы культуры, здравоохранения, спорта и иных жизнеопределяющих сфер деятельности человека. Государство призвано защищать права граждан на доступность получения социальных гарантий, на формирование нравственного совершенствования, всестороннего развития человека.

Для реализации означенных целей, в том числе и на уровне субъектов Федерации, необходимо соответствующее законодательное закрепление.

В действующих основных законах субъектов Федерации зачастую отсутствуют главы или статьи, регулирующие социальную политику области. Одним из таких законов является Устав Пензенской области [Пензенские вести1996]. Упоминание есть лишь в отдельных не специализированных статьях – ст. 14: «В соответствии с Конституцией Российской Федерации в совместном ведении Российской Федерации и Пензенской области находятся: координация вопросов здравоохранения; защита семьи, материнства, отцовства и детства; социальная защита, включая социальное обеспечение», ст. 15 «В ведении Пензенской области находятся: разработка, утверждение и исполнение программ социально-экономического развития Пензенской области», ст. 22 «В компетенции Законодательного Собрания Пензенской области находятся: утверждение по представлению Губернатора Пензенской области планов и программ социально-экономического развития Пензенской области, вносимых в них изменений и дополнений, осуществление контроля за их реализацией», ст. 38 «Губернатор Пензенской области в соответствии с Конституцией Российской Федерации, федеральными законами, Уставом и законами Пензенской области: определяет основные направления социально-экономической политики и развития внешнеэкономических связей Пензенской области», ст. 43 «Правительство Пензенской области: разрабатывает и осуществляет меры по обеспечению комплексного социально-экономического развития Пензенской области, участвует в проведении единой государственной политики в области финансов, науки, образования, здравоохранения, культуры, физической культуры и спорта, социального обеспечения и экологии; разрабатывает для представления Губернатором Пензенской области в Законодательное Собрание Пензенской области проект бюджета Пензенской области, а также проекты программ социально-экономического развития Пензенской области».

Почти аналогичная ситуация обстоит и с Уставом Курганской области – тем не менее, уже одной из главных задач Устава определено «создание полномочным органам государственной власти Курганской области и населению необходимых условий для социально-экономического и культурного развития области» (ст. 2), далее в тексте указано, что «Законодательством Курганской области регулируются вопросы социальной поддержки и социального обслуживания детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей (за исключением детей, обучающихся в федеральных образовательных учреждениях), безнадзорных детей, детей-инвалидов» (ст. 63 главы II «Человек, гражданин и государственная власть области»), ст.85 содержит условие о том, что социальные гарантии, гарантии трудовых прав и иные гарантии, а также условия осуществления депутатской деятельности депутатов областной Думы устанавливаются областным законом.

Лишь редкие основные законы субъектов Федерации включают положения о социальной защите населения. Так, Устав Амурской области имеет главу 14 «Социальная защита населения области». В ст.97 сказано, что в области признаются и гарантируются принципы и цели государственной политики в области социальной защиты пенсионеров, инвалидов, членов многодетных семей, сирот и других групп населения, нуждающихся в государственной поддержке.

Несмотря на отсутствие норм о социальной политике в уставе различных областей, в субъектах существуют специализированные нормативные акты. Как было указано выше и что нашло отражения в уставах регионов, социальная защита граждан в Российской Федерации осуществляется как федеральными органами государственной власти, так и органами государственной власти субъектов Федерации. Таким образом, субъекты Федерации участвуют в реализации функций социального государства.

Начиная с 2001 года в регионах активизируется законотворческий процесс в сфере социальной защиты. Так, в Пензенской области Законодательным Собранием был принят Закон Пензенской области от 30.03.2001 г. № 268-ЗПО «Об основных гарантиях прав ребенка в Пензенской области» [Наша Пенза. 2001. № 16], который регулировал отношения, возникающие в связи с реализацией основных гарантий прав и законных интересов ребенка на территории области. Закон наделял ребенка и его представителей дополнительными к федеральному законодательству правами, обеспечивающими защиту детства в области образования, здравоохранения, социальной защиты и социального обслуживания, занятости.

С течением времени возникла необходимость в принятии нового законодательного акта – 30 июня 2009 года, Губернатором области был подписан Закон Пензенской области № 1752-ЗПО «О реализации основных гарантий прав и законных интересов ребенка в Пензенской области» [Пензенские губернские ведомости 2009 : 55], который предусматривает меры по защите детей от информации, пропаганды и агитации, наносящей вред здоровью, нравственному и духовному развитию, меры по защите прав безнадзорных детей, а также детей-инвалидов и детей с ограниченными возможностями здоровья. По указанному закону запрещено нахождение детей на объектах, предназначенных для реализации товаров только сексуального характера, в местах реализации только алкогольной продукции, пива и напитков, изготавливаемых на его

основе, не допускается нахождение детей без сопровождения родителей или лиц, осуществляющих мероприятия с участием детей, в ночное время в общественных местах.

Высокий уровень социального и культурного развития населения области является приоритетной целью деятельности органов государственной власти Пензенской области.

Исторически Пензенская область являлась развитым сельскохозяйственным регионом. С середины XX века стал динамично развиваться промышленный сектор, ориентированный на потребности базовых секторов экономики России – нефтегазового и энергетического комплексов, оборонного сектора и железнодорожного транспорта. Традиционной миссией для Пензенской области является обеспечение Москвы и городов Поволжья и Центральной России сельхозпродукцией и продуктами питания, а базовых секторов хозяйства страны – широким спектром технологического оборудования.

В 1960 – 1980 гг. произошел значительный отток экономически активного населения Пензенской области. Это было связано с реализацией крупнейших промышленных и инфраструктурных проектов в Поволжье, Сибири и на Дальнем Востоке. В 1970-е гг. область потеряла более 100 тыс. человек трудоспособного населения, что существенно сократило потенциал развития региона и заложило основы существующего в регионе демографического спада. Потребность в трудовых ресурсах для реализации крупных индустриальных проектов в Восточной Сибири и Забайкалье создает риск новой волны оттока населения [Закон Пензенской области от 04.09.2007 N 1367-ЗПО (ред. от 02.12.2016)].

В целях создания условий для инновационного развития, укрепления позиций Пензенской области среди субъектов Российской Федерации и в системе мирохозяйственных связей в марте 2007 года принят Закон Пензенской области № 1367-ЗПО «О Стратегии социально-экономического развития Пензенской области на долгосрочную перспективу (до 2030 года)».

Стратегия направлена на сохранение и укрепление позиций Пензенской области в экономике Российской Федерации за счет эффективного использования производственного, человеческого и культурно-исторического потенциала, перехода на инновационный путь развития. Пензенская область должна стать важным элементом складывающейся современной экономики Европейской части Российской Федерации и активно включиться в процессы глобализации. Выполнение этой миссии возможно при условии обеспечения высокого качества и уровня жизни населения, создания широких возможностей для самореализации граждан.

Для более полного и четкого регулирования экономической, социальной деятельности того или иного субъекта Федерации создаются специальные прогнозы, программы социально-экономического развития. Основным регламентирующим актом в этой области является Федеральный закон РФ от 28.06.2014 г. № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации». Прогнозы основываются на системе демографических, экологических, научно-технических, внешнеэкономических, социальных, а также отраслевых, региональных и других прогнозов отдельных общественно значимых сфер деятельности.

В свою очередь, Правительством Пензенской области 30 декабря 2015 года было принято Постановление № 769-пП «Об утверждении Порядка разработки, корректировки, общественного обсуждения, мониторинга и контроля реализации прогнозов социально-экономического развития Пензенской области на долгосрочный и среднесрочный периоды» [Пензенские губернские ведомости 2016 : 12]. Прогноз социально-экономического развития Пензенской области разрабатывается ежегодно на период не менее трех лет на основе данных социально-экономического развития области за последний отчетный период, прогноза социально-экономического развития Пензенской области до конца базового года и тенденций развития экономики и социальной сферы на планируемый период.

Значительный рост количества принятых законодательных актов в указанной сфере свидетельствует о том, что органы государственной власти Пензенской области законодательно приняли на себя обязанности: по определению научной и культурно-образовательной политики, мер по ее реализации, охране семьи, материнства и детства, установлению льгот и приоритетов в этих сферах. В рамках этого создан свободный доступ к социальным и образовательным программам, духовным ценностям и достижениям науки, культуры, спорта и туризма, организовываются бесплатные консультации малоимущим гражданам в области семейного права, создавать центры психологической поддержки пострадавшим в семье детям, обеспечено выполнение культурно-образовательных стандартов и лицензирование образовательных учреждений.

Политика социального государства направлена на создание таких условий, которые обеспечивают достойную жизнь и свободное развитие человека, признание и создание гарантий реализации гражданских и политических свобод, экономических, социальных и культурных прав.

Основы социальной политики Пензенской области нашли свое четкое закрепление в законодательных актах региона, что позволило области перейти на более высокий уровень законотворчества, утвердив, что социальная сфера в данном субъекте Федерации со стороны закона максимально защищена.

Библиографический список

1. О реализации основных гарантий прав и законных интересов ребенка в Пензенской области : Закон Пензенской области от 30.06.2009 г. № 1752-ЗПО // Пензенские губернские ведомости. – 2009.– № 46. – С. 55.
2. О Стратегии социально-экономического развития Пензенской области на долгосрочную перспективу (до 2030 г.) : Закон Пензенской области № 1367-ЗПО от 04.09.2007 (ред. от 02.12.2016) // Ведомости ЗС Пензенской области. – 2007. – № 42, ч. 2. – С. 5.

3. О стратегическом планировании в Российской Федерации : федер. закон РФ № 172-ФЗ от 28.06.2014 // Собрание законодательства РФ. – 2014. – № 26, ч. I. – Ст. 3378.
4. Об основных гарантиях прав ребенка в Пензенской области : Закон Пензенской области № 268-ЗПО от 30.03.2001 // Наша Пенза. – 2001. – № 16.
5. Об утверждении Порядка разработки, корректировки, общественного обсуждения, мониторинга и контроля реализации прогнозов социально-экономического развития Пензенской области на долгосрочный и среднесрочный периоды : Постановление Правительства Пензенской области № 769-пП от 30.12.2015 // Пензенские губернские ведомости. – 2016. – № 5. – С. 12.
6. Скачкова, Г. С. Социальная политика Российского государства и трудовое законодательство / Г. С. Скачкова // Трудовое право в России и за рубежом. – 2017. – № 4. – С. 3.
7. Тарент, И. Г. Социальная политика государства : учеб. пособие / И. Г. Тарент, С. А. Юдников. – 3-е изд., перераб. – Ногинск : Ногинский филиал РАНХиГС, 2014. – С. 7.
8. Устав Пензенской области // Пензенские вести. – 1996. – № 133–134.
9. Шахрай С. М. Конституционное право Российской Федерации : учеб. для академического бакалавриата и магистратуры / С. М. Шахрай. – 4-е изд., изм. и доп. – М. : Статут. 2017. – 624 с.
10. Шмидт, Т. З. Лоренц фон Штейн и социальный реформизм в Германии / Т. З. Шмидт // Исследования по консерватизму. – Пермь, 1998. – Вып. 5: Политика и культура в контексте истории. – С. 27.

МОРФО-СИНТАКСИС И СЕМАНТИКА ЮРИДИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ

К. К. Гомес, Р. О. Ароча, Г. Й. Прето

Сиего де Авила, Куба

MORPHO-SYNTAXES AND SEMANTICS OF LEGAL TEXTS

C. K. Gómez, R. O. Arrocha, G. Yi. Prieto

Ciego de Ávila, Cuba

Аннотация. Изложены различные морфо-синтаксические и семантические характеристики правовых текстов. Подчеркивается важность языка как основного инструмента правовой коммуникации, способа общения и познания, находящегося в постоянной и неразрывной связи с обществом, а также являющегося основной составляющей культуры и самобытности народа.

Ключевые слова: морфо-синтаксис, семантика, характеристики правового языка.

Abstract. The article sets various morpho-syntactic and semantic characteristics of legal texts. The importance of language as the main tool of legal communication, a way of communication and cognition, which is in permanent and inseparable connection with the society, is emphasized.

Key words: Morpho-syntaxes, semantics, characteristics of legal language.

Every society needs principles and laws that determine the relations among the individuals living in it and guarantee their coexistence. This group of laws constitutes what we know because the law and language used form part of the legal language. At the same time, the relations between administration and citizens is established through a very conventional communication system that used the so-called administrative language.

It is important to speak of text typologies, where it is necessary the reference to different ways in which a text can be classified. For accomplish that, it is necessary to take into consideration dissimilar aspects such as the intention of the communication, the structural models of texts, the style, etc. for that reason, the general objective of this article is to characterize legal texts considering morpho syntactic and lexico semantic individualities.

Precisely, the legal text is one of the typologies that have been included in an updated edition of the Act of Criminal Procedures by the Cuban Legal Joint Law Firms in 1997.

This law contains a presentation that offers a variety of important data, such as causes of its origin and historical background of the document (legal precedents). It also refers to the deep changes occurred in the judicial sphere in Cuba in order to improve the Judicial System and the institutions that constitutes a part of it. An example of these changes is the incorporation of inexperienced judges to courts with the purpose of ensuring people's participation on the task of administrating justice. It states the structure assumed by the judicial institutions and the new division of the judicial process in two periods: the preparatory phase and the oral trial. Nonetheless, when reading this presentation, it is possible to obtain useful orientation regarding the sense and scope this law.

A distinctive trait of legal texts with better clarity is the lexicon employed. It is registered the use of the lexicon and a variety of legal terms: "courts, felonies, impunity, defender, etc." some of the most common legal texts are: acts, decree, ministerial order, lawsuit, appeal.

One of the most outstanding legal texts is the Constitution, fundamental law that regulates the organization of the state and constitutes the general framework for the confection of other acts.

A linguistic element that characterizes legal texts is the employment of the future tense and subjunctive that has fallen into disuse in colloquial language but on the contrary, they are present on the legal language.

Previously, it was stated that this kind of syntaxes particular to legal texts is full of repetitions in order to achieve accuracy. Actually, legal style is redundant, but in some cases syntaxes is quite simple. Impersonal sentences is also frequently used in legal documents because is bestow impartiality and objectivity, aspects indispensable in this kind of texts. Besides, a significant use of infinitives does not compromise any grammatical person with the mentioned actions of these cases. This fact favour that distance which is legal texts are looking to express.

Legal texts possess a section structure that makes them more accessible. However, we cannot affirm that the style of these texts is tedious as sometimes occurs.

A willingness to modernize the formal elements of the texts is perceived with the objective of gaining in clarity and accuracy. Essential qualities for these kind of documents because an inadequate interpreting may be damaging for those individuals waiting for its application.

The use of prefixes deserves special attention. For example, the Spanish prefix co- means together, cooperation and it appears accompanying nouns. This morphologic analysis is useful for designating a crime, for example, when it refers to a related crime (delitoconexo). Then it is about a crime related to another or with the participation (cooperation) of several individuals.

In the type of texts we are discussing, the predominant communicative function is the reference because the text provides information about a referent. A metalinguistic function is also present because in the sections of the articles it is explained the meanings of the definitions used on the legal vocabulary. As cohesive means, it is used the lexical recurrence i.e. the repetition of terms. All these procedures contribute to the coherence of the text.

The presence of icons is scarce. It may be highlighted the colon and underlining mechanism as well as the semicolons that appear at the end of every section as a separation mechanism which offers the necessary impression that every section is inconclusive.

Linguists, investigators and professors have the responsibility to achieve the updating and simplification of legal texts and the accessibility to a common use. At the same time, it must provide citizens (particularly students) useful tools to become speakers capable of facing these kinds of texts.

Conclusions

- In a phonic level, legal texts do not provide any interesting information given its objective character.
- Nowadays, the main objective of this textual typology is to expedite criminal processes while focusing on the trial and the performance. Also, the simplification of the appeal process by supressing unnecessary formalities in its resolution.
- Administrative and legal texts are characterized by precision and clarity.
- The style of legal is monotonous and slow. Its paragraphs are long and present a complex syntactic structure.
- Quotes and references of other acts and cases are constant.

Bibliography

1. Báez, M. Hacia una comunicación más eficaz. Mireya Báez. Editorial Pueblo y Educación / M. Báez. – La Habana, 2008.
2. Domínguez García, Ileana. Comunicación y texto. Ileana Domínguez García. Editorial Pueblo y Educación / Domínguez García Ileana. – La Habana, 2009.
3. Domínguez García, Ileana. Lenguaje y comunicación Ileana Domínguez García. Editorial Pueblo y Educación / Domínguez García Ileana. – La Habana, 2013.
4. Montaña Calcines, Juan Ramón y Ana María Abello Cruz (compiladores). Hacia un enfoque integral e interdisciplinario de la lectura, el análisis y la construcción de textos. Juan Ramón Montaña Calcines y Ana María Abello Cruz. Editorial Pueblo y Educación / Montaña Calcines, Juan Ramón y Ana María Abello Cruz (compiladores). – La Habana, 2010.
5. Repilado, Ricardo. Dos temas de redacción. Ricardo Repilado. Ed. Pueblo y Educación / Repilado Ricardo. – La Habana, 1975.
6. Roméu Escobar, Angelina. Metodología de la enseñanza del español II. Angelina Roméu Escobar. Ed. Pueblo y Educación / Roméu Escobar Angelina. – La Habana, 1987.
7. Roméu Escobar, Angelina. *NORMATIVA: un acercamiento desde el enfoque cognitivo, comunicativo y sociocultural.* Angelina Roméu Escobar. Editorial Pueblo y Educación / Roméu Escobar Angelina. – La Habana, 2009.
8. Roméu Escobar, Angelina. *Sintaxis del español contemporáneo*, Ed. Libros para la Educación / Roméu Escobar Angelina. – La Habana, 1978.

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ЮРИДИЧЕСКОЙ ТЕХНИКИ (НА ПРИМЕРЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ФОРМ ПРИЧАСТИЙ В ФЗ «О ВВЕДЕНИИ В ДЕЙСТВИЕ ЗЕМЕЛЬНОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»)

Ю. В. Донскова

Москва, Россия

LINGUISTIC ASPECTS OF LAW DRAFTING METHODOLOGY (A CASE STUDY OF THE USE OF PARTICIPLE FORMS IN THE FEDERAL LAW "ON ENACTMENT OF THE LAND CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION")

Yu. V. Donskova

Moscow, Russia

Аннотация. Посвящена одному из прикладных направлений лингвистики – юридической лингвистике. В центре внимания – использование форм причастий в русском юридическом дискурсе (ст. 3.1. № 137-ФЗ). На примере причастий настоящего и прошедшего времени анализируются проблемные аспекты толкования юридических актов, а также поднимаются вопросы лингвистической экспертизы юридических текстов.

Ключевые слова: юридическая техника, юридическая лингвистика, лингвистическая экспертиза, грамматическая семантика.

Abstract. The article discusses one of the linguistics application areas – legal linguistics. Our focus is on the use of participle forms in the Russian legal discourse (Article 3.1 of Federal Law No. 137). The case study of present and past participles shows challenges associated with interpretation of legal acts and raises issues of linguistic examination of legal texts.

Key words: law drafting methodology, law discourse, linguistic examination, grammar semantics.

Различные аспекты языка права давно стали предметом исследования юристов и лингвистов. К законодательному языку традиционно предъявляются следующие требования: «ясность, точность, непротиворечивость и понятность для рядового гражданина» [Бринев 2016: 102]. В юридической технике второй из названных критериев «занимает доминирующую позицию, поскольку текст закона должен быть прежде всего максимально точен и лишь по возможности прост» [Бражник, Касаткина 2014: 11]. Несоблюдение этого принципа хотя бы на одном языковом уровне может привести к дефекту, который впоследствии станет причиной правовых коллизий. Одним из сигналов, свидетельствующих о нарушении лингвистических аспектов юридической техники при создании того или иного закона, является прямо противоположная практика в толковании нормы права судом. Примером может служить Федеральный закон «О введении в действие Земельного кодекса Российской Федерации» № 137-ФЗ (ред. от 08.06.2015). Исходя из текстов Определений АС Уральского и Московского округов пункты ст. 3.1. указанного закона трактуются судами в прямо противоположном ключе. Анализ текстов Определений и п.1 ст. 3.1. ФЗ № 137-ФЗ (ред. от 08.06.2015) становится очевидно, что двоякая трактовка проистекает из понимания судами употребленной в тексте указанной статьи лексемы «занятый», соотносимой в школьной грамматике со страдательным причастием прошедшего времени. АС Уральского округа считает, что «занятые» надо толковать в прошедшем времени, АС Московского округа – в настоящем. Какова причина такого двойного прочтения и можно ли прийти к однозначному варианту толкования?

В тексте ФЗ № 137-ФЗ (ред. от 08.06.2015) лексема «занятые» употребляется в п. 1, 2, 3 ст. 3.1. в идентичных конструкциях: «В целях разграничения государственной собственности на землю к <...> собственности относятся: земельные участки, занятые зданиями, строениями, сооружениями, находящимися в собственности <...>». Очевидно, что нужно проанализировать семантику времени глагола и причастий. Вопрос о категории времени русского причастия до сих пор является дискуссионным. Об этом пишут Падучева 2004, Князев 2007, Замятина 2008 и многие другие лингвисты. Причина определяется «гибридностью, грамматической и семантической, причастной формы, и разнообразием ее синтаксических позиций, и продолжающимся развитием системы причастий» [Замятина 2008: 147].

Для определения значения времени в тексте статьи ФЗ № 137-ФЗ (ред. от 08.06.2015) необходимо обратить внимание, присутствуют ли в нем компоненты-модификаторы, указывающие на темпоральность. Предложение открывается детерминантом «в целях разграничения государственной собственности на землю», где предлог «в целях» («для чего-л.; с какой-л. целью» [Кузнецов 2000: 1460]) определяет и семантику детерминирующего члена предложения – значение цели. Также в составе детерминирующего оборота необходимо рассмотреть значение слова «разграничения». Оно реализуется в значении «точно определить, отделив одно от другого» [Кузнецов 2000: 1066]. Таким образом, детерминирующий член предложения имеет следующее значение: ‘Для того чтобы точно определить формы государственной собственности на землю’.

Опорная форма выражена непереходным глаголом несовершенного вида «относятся» в форме 3 лица настоящего времени изъявительного наклонения, который обозначает действие со значением «включить в состав, разряд каких-л. явлений, предметов; счесть относящимся к кому-, чему-л., зависящим, протекающим от чего-л.» [Кузнецов 2000: 753]. Форма настоящего времени несовершенного вида в данном контексте имеет значение «постоянного отношения», то есть указывает на постоянный характер положения вещей.

Связь с настоящим временем осуществляется также путем использования лексемы «находящимися», которая имеет морфологический признак (суффикс -ящ-), позволяющие отнести его к действительным причастиям настоящего времени. Данная лексема выступает средством атрибуции однородных наименований «зданиями», «строениями», «сооружениями», входящих в состав причастного оборота («занятые зданиями, строениями, сооружениями») и выраженных существительными множественного числа творительного падежа с объектным значением. Причастие «находящимися» образовано от непереходного глагола несовершенного вида «находиться», реализующимся в анализируемом нами высказывании в значении «характеризоваться какой-л. связью, отношением» [Кузнецов 2000: 607].

Лексема «занятые» имеет суффикс -т-, который морфологически относит ее к страдательным причастиям прошедшего времени. Оно образовано от глагола «занять». В анализируемом предложении оно реализуется в значении «заполнить какое-л. пространство» [Кузнецов 2000: 335]. Семантически он относится к таксономическому классу посессивных глаголов. Обратимся к аналогичным конструкциям с лексемой «занятые» плюс неодушевленное существительное в творительном падеже, имеющимся в Национальном корпусе русского языка (НКРЯ):

1) «При малых уклонах рельефа местности присутствуют различного размера депрессии, занятые болотами и озёрами» [Геоинформационное картографирование, 2001];

2) «Эксперт также подчеркнул, что лесные участки, занятые объектами дорожного сервиса, примыкающими к автодорогам, нельзя будет использовать для расширения или реконструкции самих автодорог» [Ермакова, 2014];

3) «Сейчас в этом документе НКО, занятые памятниками истории и культуры, не упомянуты» [Лялякина 2013].

Анализ контекстов, аналогичных анализируемому, в которых употребляется форма причастия «занятый», показывает, что оно реализует форму пассивного результативного перфекта, то есть действия, которое завершилось, но результат его сохраняется в момент речи. В случае с причастием «занятые» необходимо рассмотреть вариант замены лексемы описательной конструкцией, глагольные формы которой смогли бы четко указать на время.

В заключение отметим несколько моментов. Во-первых, в тексте Федерального закона № 137-ФЗ (ред. от 08.06.2015) «О введении в действие Земельного кодекса Российской Федерации» причастие «занятые» необходимо трактовать как перфект. Во-вторых, диаметрально противоположные трактовки текста указанной статьи лишней раз обнажают проблемы толкования законодательных актов в целом. Очевидно, что некоторые особенности языка связаны со сложными вопросами грамматики, в частности, грамматической семантики. Формы причастий как раз относятся к этой категории. Это требует более детального изучения глагольных форм в юридическом дискурсе с последующей разработкой критериев анализа и употребления видо-временных форм глагола в рамках лингвистической экспертизы законодательного текста.

Библиографический список

1. Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С. А. Кузнецов. – СПб. : Норинт. – 2000. – 1536 с.
2. Бражник, С. Д. Лингвистические (языковые) правила законодательной технике / С. Д. Бражник, Н. Н. Касаткина // Юридические науки. – 2014. – № 3. – С. 10–12.
3. Бринев, К. И. Справочник по судебной лингвистической экспертизе / К. И. Бринев. – М. : ЛИБРОКОМ, 2016. – 304 с.
4. Геоинформационное картографирование для оценки воздействия на окружающую среду объектов нефтегазовой промышленности // «Геоинформатика», 2001.
5. Ермакова, А. Депутаты хотят упростить вырубку леса под отели, заправки и скважины / А. Ермакова // Известия, 2014.07.08.
6. Замятина, И. В. Грамматика русского причастия / И. В. Замятина. – Пенза : Изд-во ПГПУ, 2009. – 264 с.
7. Лялякина, А. Государство даст деньги НКО, защищающим памятники и захоронения / А. Лялякина // Известия, 2013.02.08.
8. Национальный корпус русского языка. – URL: <http://ruscorpora.ru/>

9. О введении в действие Земельного кодекса Российской Федерации : федер. закон № 137-ФЗ от 25.10.2001.
10. Падучева, Е. В. Динамические модели в семантике лексики / Е. В. Падучева. – М. : Языки славянской культуры, 2004. – 608 с.
11. Постановление ФАС Московского округа от 24.09.2017 по делу № А41-47158/2016. – URL: <http://kad.arbitr.ru/PdfD...f?download=true>
12. Постановление ФАС Уральского округа от 21.01.2017 по делу № А47-1036/2016. – URL: http://kad.arbitr.ru/PdfDocument/63873eb8-0119-4251-a521-3db1dd8564e1/A47-1036-2016__20170421.pdf?download=true
13. Проект корпусного описания русской грамматики. – URL: <http://rusgram.ru>

РИТОРИКА КОНСТИТУЦИИ РОССИИ

М. Н. Козюк

Волгоград, Россия

THE RHETORIC OF THE RUSSIAN CONSTITUTION

M. N. Kozuk

Volgograd, Russia

Аннотация. Любая конституция является политико-правовым актом. Из данного положения следует тот вывод, что изучение конституции возможно по различным параметрам гуманитарных наук, а не только в формально-догматическом формате, присущем юриспруденции. В последнее время исследователи в различных сферах гуманитарного знания обратили внимание на так называемый риторический подход, рассматривающий общественные явления сквозь призму коммуникативных актов, происходящих между социальными акторами.

Ключевые слова: отчуждение, риторика, конституция, законодательство, риторический анализ.

Abstract. Any constitution is a political and legal act. This statement indicates that the study of the constitution is possible in various formats of the humanities, and not only in a formal dogmatic legal sense. Recently, researchers in various fields of humanitarian knowledge drew attention to the so-called rhetorical approach that considers social phenomena through the prism of communicative acts occurring between social actors.

Key words: alienation, rhetoric, Constitution, legislation, rhetorical analysis.

В настоящее время отмечается некий интерес к риторике со стороны гуманитарных, а не филологических наук. Примером здесь могут служить две монографии видных современных зарубежных экономистов [Макклоски 2015, Хиршман 2010: 2,5] Указанные авторы подошли к анализу многих сторон экономической науки с точки зрения литературоведения, при этом обнаружив совершенно новые пласты смыслов. Как пишет Макклоски: «Научные утверждения представляют собой речевые акты, осуществляемые в условиях научной традиции агентом-ученым посредством обычных фигур речи с целью описать природу или людей лучше, чем это сделал бы другой ученый» [Макклоски 2015,33:2]. Оба автора в своих работах, анализируя современные экономические теории, совершенно неожиданно выявляют в них риторические фигуры, которые имеют отдаленное отношение к сугубо научному инструментарию, которым, как принято считать, добывается научная истина. Поэтому они ставят задачу проведения некой ревизии знания, в данном случае экономического, путем риторического анализа. Как отмечает Д. Макклоски: «Искушенность в риторике позволяет читать научные тексты иначе, нежели это делает имплицитный читатель, склонный, например, верить в говорящих медведей» [Макклоски 2015 27:2]. Примерно ту же мысль высказывает не менее именитый экономист А. Хиршман: «дискурс определяется не столько базовыми чертами личности, сколько императивами аргументации, практически не зависящими от желаний, склада характера или убеждений участников. Выявление этой рабской зависимости от аргументации вполне может способствовать ее ослаблению, тем самым модифицируя дискурс и восстанавливая общение» [Хиршман 2010, 9 : 5].

Такого рода процессы в экономической науке, а они без сомнения продолжаться должны бы также институироваться и в юриспруденции. Причем в юриспруденции они должны проявиться даже в большей степени, поскольку здесь речь идет уже не о сугубо академических спорах внутри отрасли знания. Академический дискурс юриспруденции стоит на втором плане, поскольку на первый план, очевидно, выходит нормативная правовая реальность, и здесь риторика напрямую воздействует на членов общества. Вообще риторика присутствует там, где требуется воздействие на людей, и в этом смысле любое осмысленное высказывание является риторическим. Конечно, ученые-юристы не обходили эту проблематику. Так сформировались целые мощные исследовательские направления под различными названиями: право и язык, юрлингвистика, право и литература и т.п. Вместе с тем, того о чем говорят упомянутые экономисты, о риторическом анализе права, будь то правовые акты или научные правовые тексты пока в развитом виде не существует. В правовой теории лингвистические аспекты правового дискурса расспаны по различным отраслям: общей теории права, философии права, юридической технике, а также в отраслевых юридических науках. Например, уголовное право, имеющее длительную историю, обязано проводить догматический анализ своих понятий, категорий и терминов, что нередко требует серьезного внимания к их языковым аспектам. Так введение новых уголовно-правовых категорий таких, например, как оскорбление чувств верующих, реабилитация нацизма, малозначительная взятка и т.п. сопровождается серьезными дискуссиями ученых и практиков, в которых затрагиваются и риторические проблемы нововведений.

При разработке проблем правового риторического анализа, пожалуй, наиболее важным является анализ конституции страны [Шмид 2009 : 6]. В рамках риторического подхода конституция может быть интерпретирована как коммуникативный текст, литературный феномен, или информационное послание от коммуникатора-власти к приемнику – населению страны. Сверхзадача Конституции России 1993 года заключалась в преодолении отчуждения между властью и народом и недопущения к сползанию страны к национальной катастрофе. Как отмечает Е.А. Попов «Конституция – это прием, связующий человека с социумом. Это супертекст, нуждающийся не только в юридическом прочтении, но и в риторическом, а иногда и литературном» [Попов 2013, 264 : 3] Текст Российской конституции отражает специфику исторической ситуации ее принятия, а также специфические характеристики коммуникатора и реципиента-приемника периода крутой ломки советских политико-правовых форм. Драматизм политической ситуации не мог не привести к тому, что конституционный текст получился довольно противоречивым. Вместе с тем эти противоречия явились одним из слагаемых политического коммуникативного процесса. То есть можно отметить, что эти противоречия, выявляемые в процессе формально-логического анализа, с точки зрения риторического подхода отнюдь не выглядят «ошибками». Коммуникаторы, в данном случае, прекрасно понимали, о чем шла речь и возможно, что во многих случаях даже были довольны тем, что эти противоречия существуют. Так доктор юридических наук, академик РАН Т. Я. Хабриева отмечает «известно, что часть вопросов в российской Конституции 1993 г. была упущена намеренно, по политическим соображениям, и она во многом явилась результатом компромисса права с политикой» [Хабриева 2003, 22 : 4]. По сути, ту же тенденцию отмечает и доктор юридических наук С.А. Авакьян когда пишет: «Туманность многих конституционных норм – признак их несовершенства. Порой остается только испытывать облегчение по поводу того, что некоторые нормы Конституции не доведены до их прямого применения. Иначе общество было бы шокировано либо буквальным применением нормы, либо ее толкованием» [Авакьян 2003, 53 : 1]. Как показывает практика государственного строительства, это давало и дает до сих пор возможность преодолеть многие политические проблемы за счет ссылок на несовершенство конституции. То, что в обществе нет широкого движения по изменению конституции вполне возможно объясняется и многогранностью риторических свойств конституции, позволяющем найти точки взаимопонимания власти и общества, разных ветвей власти в самые напряженные моменты политического процесса.

Изучение конституционного текста средствами риторического анализа имеет некоторые черты с толкованием и может быть представлено как его разновидность. Оно действительно помогает уяснить цель коммуниканта когда он создавал свое сообщение, выявить его ожидания от акта коммуникации. И хотя акт правовой коммуникации выступает в основном как ассиметричный именно при создании конституции влияние второго субъекта коммуникации огромно. Конечно, как уже отмечалось, население не имело возможности изменить само сообщение, но оно могло, во-первых, игнорировать коммуникацию не придя на референдум, а во-вторых, отвергнуть коммуникацию, проголосовав против конституции. Ситуация политической коммуникации была на грани, и только усилиями коммуниканта-власти ее удалось стабилизировать. Не последнюю роль в этом сыграли риторические свойства конституционного текста, к которому по большому счету население не могло предъявить серьезные претензии.

Риторический анализ текста конституции может касаться тех специфических коммуникативных средств, которые употребляет законодатель-коммуникатор. Вообще риторические свойства российской конституции появляются уже в первых ее словах. Преамбула Конституция Россия начинается со слов «Мы, многонациональный народ Российской Федерации». Такое начало конституции вполне объяснимо. Хотя, проект конституционного текста разрабатывался в известном политическом процессе и, в общем-то, население не могло вмешаться в разработку самого текста, а получило его готовым для принятия на референдуме, тем не менее, законодатель попытался сделать этот текст «народным», говорящим от имени народа. И если признать данную фигуру политически оправданной, то с точки зрения риторической здесь есть две проблемы. Во-первых, форма «Мы...» почти не употребляется в таком контексте в современной речи ни официальной, ни публицистической. Это отзвук официального стиля самодержавной России («Мы, Николай Второй ...»). Поэтому данное словоупотребление является для среднего жителя страны как минимум необычным и нарочитым. Во-вторых, для лиц немного знакомых с мировой историей словосочетание «Мы, многонациональный народ...» представляется калькой с американской конституции, которая также начинается с похожей риторической фигуры: «Мы, народ Соединенных Штатов, ...». Это повлекло за собой обвинение создателей российского конституционного текста в подражательстве, отсутствии самостоятельности, стремлении превратить Россию в колонию Америки. Между прочим, на международной конференции, посвященной десятилетию демократического конституционализма в постсоциалистических странах Центральной и Восточной Европы, в 2000 году было отмечено, что новые постсоциалистические конституции внесли незначительный вклад в достижения мирового конституционализма, поскольку являются подражанием или заимствованием конституционным текстам развитых стран [Ten Years of Democratic 2001:7].

Понятно, что авторы конституции стремились найти объединяющие формулы для огромной страны, поэтому, и применено прилагательное «многонациональный». Действительно национальная проблематика является важнейшей для нашего государства. И такое начало было определенным «посланием» тем силам, для которых данный момент являлся определяющим. То есть это своего рода риторический сигнал, на который должны были откликнуться те национальные группы и политические силы, с которыми коммуникант был вынужден считаться во время принятия конституции. Второй такой сигнал содержится в статье 5

Конституции, где субъект федерации – республика именуется «государством», правда, слово «государство» поставлено в скобки. В принципе это также было посланием республиканским элитам дающее им надежду на некий особый статус в федерации. Данное «послание» было услышано, однако в дальнейшем принесло множество проблем, которыми пришлось заниматься Конституционному Суду России. Именно это выпадение из теории федерализма, прямое противоречие иным нормам, регулирующим федеративные отношения, позволяет отмеченное положение интерпретировать как всецело риторический феномен (манипуляция), не имеющий прямого нормативного значения.

Правовые тексты, и в этом их особенность, как правило, очень мало используют *экспрессивы* – иллокутивные акты, выражающие психологическое отношение к определенному содержанию. В этом отношении правовые тексты достаточно лапидарны. Однако иногда в особых случаях для подчеркивания исключительности ситуации в правовую ткань вторгаются эти экспрессивы, например, «чтя память предков, передавших нам любовь и уважение к Отечеству, веру в добро и справедливость» (преамбула к Конституции РФ).

Среди текстовых риторических факторов Конституции можно выделить самые различные правовые средства, играющие в механизме правового регулирования двоякую роль: во-первых как строгих юридических конструкций, во-вторых как коммуникативных единиц воздействующих на сознание граждан. Представляют интерес такие речевые акты, в которых иллокутивная цель выражена не прямо, а косвенно. В реальной жизни такие феномены встречаются довольно часто. Например, объявление «Магазин закрывается через двадцать минут» в косвенной форме предлагает покупателям поторопиться. В праве таким косвенным актам соответствуют так называемые рекомендательные нормы. В ситуации, когда законодатель по каким-либо причинам не может потребовать от субъектов определенного вида поведения, он может послать рекомендации. Для таких норм характерно то, что сама рекомендация должна опираться на определенные дополнительные преимущества которые получают субъекты, откликнувшиеся на нее. В то же время невыполнение рекомендаций не влечет негативных последствий. Например, согласно ч. 3 ст. 39 Конституции России в Российской Федерации «поощряются добровольное социальное страхование, создание дополнительных форм социального обеспечения и благотворительность». Законодатель не может принудить субъектов права заниматься благотворительностью, ибо в таком случае это была бы уже не благотворительность, а нечто иное. Такое же положение содержится в части 2 статьи 41 Конституции «поощряется деятельность, способствующая укреплению здоровья человека, развитию физической культуры и спорта, экологическому и санитарному благополучию». Отмеченные нормы являются как раз рекомендациями, поскольку цель законодателя выражается не прямо, а путем поощрения требуемого поведения. Собственно такие нормы не подпадают под строгое соответствие понятию нормы права как правила поведения, поскольку не содержат модальных операторов и санкции за нарушение.

Проблема правового риторического анализа правовых актов затрагивает множество аспектов правового регулирования: политико-правовой манипуляции, правового символизма, правовых ценностей и т.п. Все это можно обозначить как «мягкую» силу права, в отличие от карательных санкций, как элемента правового принуждения. В этом смысле правовая риторика имеет позитивный характер. Поэтому, наверное, есть необходимость в разумных пределах развивать данное направление в русле инструментария юридической техники. Дело в том, что современный правовой язык как нормативный, так и научный становится все более формально-бюрократическим. В современных федеральных правовых актах даже категорию «человек» тотально заменяют на «физическое лицо», т.е. процесс отчуждения права от общества идет полным ходом. И катализатором этого процесса не всегда является содержание права – многие законы разумны и востребованы. Но вот форма их объективизации, часто работает против их содержания.

Данный риторический подход позволяет интегрировать большой пласт достижений выработанных современными научными дисциплинами: кибернетикой, информологией, психологией, лингвистикой, техническими науками с классическими представлениями в той или иной области знаний. Кроме того, указанный подход заставляет посмотреть под новым, часто неожиданным и непривычным ракурсом на многие привычные явления, как юриспруденции, так и смежных отраслей знания.

Библиографический список

1. Авакьян, С. А. Политические отношения и конституционное регулирование в современной России: проблемы и перспективы / С. А. Авакьян // Журнал российского права. – 2003. – № 11. – С. 43–54.
2. Макклоски, Д. Риторика экономической науки / Д. Макклоски. – М. ; СПб. : Изд-во Института Гайдара : Международные отношения : Факультет свободных искусств и наук СПбГУ, 2015. – 328 с.
3. Попов, Е. А. Социокультурные скрепы в Конституции России и зарубежных стран / Е. А. Попов // Социально-гуманитарные знания. – 2013. – № 4. – С. 258–270.
4. Хабриева, Т. Я. Реформирование Конституции Российской Федерации: возможность и необходимость / Т. Я. Хабриева // Журнал российского права. – 2003. – № 11. – С. 20–32.
5. Хиршман, А. Риторика реакции: извращение, тщетность, опасность / А. Хиршман. – М. : Изд. дом Гос. ун-та – Высш. шк. экономики, 2010. – 208 с.
6. Шмид, У. Конституция как прием (риторические и жанровые особенности основных законов СССР и России) / У. Шмид // Новое литературное обозрение. – 2009. – № 100. – С. 100–113.
7. Ten Years of Democratic Constitutionalism in Central and Eastern Europe. – Lublin, 2001. – P. 18.

И ВНОВЬ О СТЕЙКХОЛДЕРАХ И ВУЗАХ-БЕНЧМАРКАХ

О. Н. Кушнир

Сыктывкар, Республика Коми

AND AGAIN ABOUT STEAKHOLDERS AND UNIVERSITY-BENCHMARKS

O. N. Kushnir

Syktyvkar, Komi Republic

Аннотация. Вопросы уместности/неуместности заимствованной лексики в разных типах коммуникации сегодня обсуждаются довольно активно. Между тем особую остроту ситуации придают заимствования в документной коммуникации – особом виде социальной коммуникации, отличающейся объективной регламентированностью, а значит требующей взвешенного подхода к использованию языковых средств.

Ключевые слова: документная коммуникация, документ, заимствование, качество документа.

Abstract. Questions of appropriateness/inappropriateness of the borrowed lexicon in different types of communication today are discussed quite actively. Meanwhile, the borrowing in documentary communication, a special kind of social communication, which is characterized by objective regulation, and therefore requires a balanced approach to the use of linguistic means, gives special emphasis to the situation.

Key words: document communication, document, borrowing, document quality.

Сегодня заимствованная лексика (прежде всего англицизмы) интенсивно проникают в русский язык и потому, что это модно, и потому, что в силу экстралингвистических причин англицизмы оцениваются как наиболее универсальные единицы международного общения, и потому, что их проникновению способствуют массмедиа, и даже потому, что когда-то в 1990-х «упал железный занавес», и по многим другим причинам (см. об этом многочисленные исследования, например: [Володарская 2001; Косенко 2015; Чеклцова 2015; Сысоенко 2016; и др.]). Нет оснований не соглашаться с этими выводами, как нет и причин вступать в дискуссию о том, как должны государство и общество реагировать на такое проникновение: дать свободу «самому языку решать», что из заимствований следует взять в практику общения, а что исключить, либо как-то регулировать процесс проникновения заимствований в русский язык: доказательств и первой, и второй точки зрения достаточно.

Однако документная коммуникация как регулируемая область профессиональной деятельности не может являться объектом подобных дискуссий, поскольку здесь использование заимствований должно быть регламентировано. И дело не только в том, что лексические средства, применяемые в документном тексте, должны быть понятны и точны. Попадая в документ, имеющий юридическую силу / юридическую значимость [ГОСТ Р 7.0.8 – 2013], слово почти автоматически кодифицируется, особенно если это нормативный правовой акт. Другими словами, вопрос о *возможности* употребления тех или иных заимствований уже не встает, речь идет об *обязательности* употребления таких лексических единиц.

Приведем лишь один пример – тексты программ развития университетов, вошедших в 2017 году в перечень опорных вузов регионов (см. программы развития на официальных сайтах университетов, вошедших в перечень опорных вузов: [6]). Как видим, структура программного документа унифицирована, поэтому наименования разделов и пунктов программ всех вузов подчинено «рекомендуемым» правилам. Так, пункт 2.3. в структуре всех программ называется «Вузы-бенчмарки и их конкурентные преимущества».

Слово *бенчмарк* от англ. *benchmark* в значении «ориентир», «эталон» применяется в языке программирования как «эталонный тест производительности компьютерной системы», в финансовой сфере – как показатель, используемый для оценки состояния рынка или его сегментов (см., например: [Бизнес-словарь]). Более распространено слово *бенчмаркинг* (*benchmarking*, от англ. *bench* – уровень, высота и *mark* – отметка в значении «опорная отметка, отметка высоты, начало отсчета, эталонное сравнение, экспертный стандарт, используемый в качестве контрольной точки») как «методика проведения измерений и анализа, которая может использоваться организацией для поиска передового опыта внутри организации и вне ее с целью улучшения своей деятельности» [Маркетинг 2010]; слово-термин вошло в бизнес-коммуникацию достаточно прочно (ср., например: [ГОСТ Р ИСО 9004 – 2010]).

Очевидно, что новообразование *вузы-бенчмарки* – жаргонизм, проникший в программный документ из речи кого-то определяющего принципы развития российской высшей школы и уверенного, что такое

употребление *в тренде*. Заметим, что последнее слово словари фиксируют с пометой «книжное» [Большой толковый словарь], а сайт «Модные слова.рф» включает его в состав модных слов с комментарием: тренд – «что-то, что весьма популярно в данный конкретный момент», быть в тренде значит «идти в ногу со временем» [Модные слова].

Желательны, судя по текстам программных документов опорных вузов, и другие – нужные – заимствования, которые как слова-знаки (слова-«бенчмарки»!) определяют степень прогрессивности вуза: *стейкхолдеры*, перенесенные в образовательную сферу из бизнес-коммуникации и на скорую руку привязанные к «заинтересованным сторонам» (в бизнесе и в образовании одни и те же заинтересованные стороны?); *soft skills*, трактуемые как «мягкие навыки» или «гибкие навыки» в противовес *hard skills* (перевод нередко вызывает возмущение знатоков английского языка, поскольку речь идет о том, что мы давно, хоть и «не по-русски», называем коммуникабельностью, способностью взаимодействовать во внешней среде и под.); *life-long learning* – прекрасная идея образования *через всю жизнь*, которая может быть выражена переводным университетом только на английском. И в целом вузы должны стать *драйверами* развития регионов (из речи министра образования и науки России О. Васильевой [Министр образования 2017], создавать у себя *хабы* и *коворкинги*).

Мы не вступаем в дискуссию о правильности перевода и даже о том, нужно ли употреблять заимствования. Мы ведем речь об ответственности авторов текстов, а точнее – тех, кто «рекомендует» заимствования к употреблению в документах. Важно понимать, что документная коммуникация как составная часть социальной коммуникации зависит от множества разнообразных прагматических обстоятельств. При этом, кроме формальной стороны документной коммуникации (понятие документа и его сущность, видовая классификация документов и функциональные свойства различных видов документов, правила делопроизводства и особенности отдельных документных процессов), принципиально значимыми оказываются е лингвистические составляющие (содержательно-смысловые аспекты).

Такая ситуация требует от участников документной коммуникации особого внимания в том числе к выбору языковых средств. Уместность заимствований не единственная проблема текста документа. Мы вслед за исследователями в области документной лингвистики, документоведами-практиками не единожды писали о том, что тексты документов (основной реквизит, определяющий не форму, а содержание) демонстрируют низкое владение их составителей нормами официально-делового стиля русского литературного языка, пренебрежение принципами коммуникации и прежде всего – учетом адресата документа. Однако, как видим, ситуация усугубляется, и выбора нет: значимость и статус университета, например, определяется его способностью внедрить в программный документ нужные заимствования. Полагаем, что так происходит во всех сферах нашей профессиональной жизни. Между тем проблема качества документных текстов актуализируется и не может быть решена на уровне «вкусовщины».

Библиографический список

1. Бизнес-словарь // Единое окно доступа к образовательным ресурсам. – URL: <http://www.businessvoc.ru/>
2. Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С. А. Кузнецов. – СПб., 1998.
3. Володарская, Э. Ф. Заимствование как универсальное лингвистическое явление / Э. Ф. Володарская // Вопросы филологии. – 2001. – № 1 (7). – С. 11–27.
4. ГОСТ Р 7.0.8–2013. Национальный стандарт Российской Федерации. Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Организационно-распорядительная документация. Требования к оформлению документов. – URL: <https://www.gost.ru/portal/gost>
5. ГОСТ Р ИСО 9004–2010. Национальный стандарт Российской Федерации. Менеджмент для достижения устойчивого успеха организации. Подход на основе менеджмента качества. – URL: <https://www.gost.ru/portal/gost>
6. Косенко, Е. И. К вопросу об англицизмах в современном русском языке / Е. И. Косенко // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. – 2015. – № 4, т. 1. – С. 137–140.
7. Маркетинг: большой толковый словарь / под ред. А. П. Панкрухина. – М. : Омега-Л., 2010. – 264 с.
8. Министр образования: опорные вузы должны стать драйверами регионов // Вести.ру. – URL: <http://www.vesti.ru/doc.html?id=2928939&cid=520>
9. Модные слова. – URL: <https://xn---8sbfgl1bdjhf5a1j.xn--p1ai/698-что-значит-тренд.html>
10. Опорные университеты: проект Минобрнауки России. – URL: <http://xn--b1agajcc1abgakngobh6l.xn--p1ai/>
11. Сысоенко, С. В. Заимствование англицизмов в современном русском языке / С. В. Сысоенко, И. В. Величко // Таврический научный обозреватель. – 2016. – № 1. – URL: www.tavr.science
12. Чеклецова, Е. И. Современные заимствования из английского языка в речи представителей молодежной культуры / Е. И. Чеклецова // Уральский филологический вестник. Сер.: Язык. Система. Личность: лингвистика креатива. – 2015. – Вып. 1. – С. 175–182.

РУССКИЙ ЯЗЫК ДЕЛОВОГО ОБЩЕНИЯ В БОЛГАРСКОЙ РУСИСТИКЕ

Д. С. Лесневская

София, Болгария

BUSINESS STUDIES OF THE RUSSIAN LANGUAGE IN THE BULGARIAN RUSSIAN STUDIES

D. S. Lesnevskaya

Sofia, Bulgaria

Аннотация. Прослеживается развитие теории и методологии исследования делового русского языка в трудах болгарских русистов. Анализу подвергаются функционально-стилевой и дискурсивно-стилистический аспекты изучения делового русского языка, причем устанавливается, что в большей части работ используется сопоставительный метод исследования двух родственных славянских бизнес-языков – русского и болгарского.

Ключевые слова: парадигма, деловой язык, официально-деловой стиль, деловой дискурс, межкультурный деловой дискурс, деловые письма.

Abstract. The article traces the development of the theory and methodology of business studies of the Russian language in the works of Bulgarian researchers of the Russian language. The analysis focuses on the functional stylistic and discursive-stylistic aspects of business Russian language, and it is determined that in most of the studies a comparative method of the study of two related Slavic business languages – Russian and Bulgarian has been used.

Key words: paradigm, business language, official business style, business discourse, intercultural business discourse, business letters

В настоящее время исследования в области преподавания русского языка как иностранного (РКИ) в болгарской русистике, в частности преподавания русского делового языка, направлены на разработку новой межкультурной парадигмы современного иноязычного образования (труды болгарских русистов Алексеевой Т., Бировой И., Ганевой И., Гочевой Е., Капиновой Е., Лесневской Д., Мавровой А., Палий М., Радковой А., Шамониной Г. и др. [Языковедческая русистика 2013]), теоретические положения которой заложены российской методикой соизучения иностранных языков (ИЯ) и культур на принципе диалога равноправных культур – иноязычной (русской) и культуры данной страны (труды российских специалистов в области теории и методики лингводидактики А.М. Бердичевского, Н.Д. Гальсковой, Елизаровой Г.В., Кафтайловой Н.А., Кургановой Н.И., Мишлановой С.Л., Пассова Е.И., Сафоновой В.В., Таревой Е.Г., Голева Н.Д., Халеевой И.И. и др. [Шибко 2010]). Утвердившемуся сегодня межкультурному подходу в обучении РКИ были посвящены доклады юбилейной Международной конференции Общества русистов Болгарии «Русистика: вчера, сегодня, завтра», София, 29 июня – 2 июля 2017 г. [Лесневская 2018], а также ряд статей в болгарских научных журналах «Болгарская русистика» [Лесневская 2017 -1] и «Русистика без границы» [Тарева 2017]. Культуроведчески-ориентированные методические подходы в теории и методике обучения ИЯ стали предметом широкого обсуждения среди участников Юбилейной конференции специальности «Русская филология» Софийского университета им. Св. Климента Охридского, София, 23–25 ноября 2016 г. [Бирова 2017], [Сафонова 2016].

В начале настоящего века были приняты общеевропейские уровни владения иностранными языками и разработаны вузовские учебные программы обучения русскому языку в соответствии с общеевропейскими компетенциями и на базе функционально-стилистического подхода к обучению РКИ в болгарской среде, причем во все уровни было включено владение деловым языком, в том числе умение составлять деловые письма. В Болгарии был утвержден коммуникативный метод обучения иностранным языкам, в частности обучения РКИ, базирующийся на принципах функциональности и коммуникативности. В этот период закладываются основы болгарской профессиональной лингводидактики, вырабатываются новые стратегии и тактики в поисках более эффективных способов структурирования учебного процесса профессионально-ориентированного обучения РКИ, утверждается сопоставительное изучение русского и болгарского бизнес-языков, уточняются понятия «бизнес-язык», «язык для специальных целей», «подъязык делового общения», жанровые разновидности бизнес-текстов [Лесневская 2007]. К наиболее исследованным вопросам относятся невербальная коммуникация в сфере делового общения [Капинова 2000], унификация деловой переписки в туризме, лингвостилистические особенности русских и болгарских коммерческих писем в сопоставительном плане, специфика устного и письменного делового общения, характеристика документации, классификация коммерческих писем и др.

На основе теории функционального официально-делового языка созданы учебники и словари в области делового общения, бизнеса и коммерции [Георгиева 2004]. На данный период времени профессиональная лингводидактика в области обучения деловому русскому языку в болгарской среде активно разрабатывается [Лесневская 2005].

Идея антропоцентричности, базирующаяся на взаимосвязи культуры и языка, является ключевой для современной лингвистики. Антропоцентрическая парадигма является ведущей лингвистической парадигмой, в которую включаются неофункциональная, лингвокультурологическая и лингвосоциологическая парадигмы. Неофункциональная парадигма объединяет когнитивную (в частности, когнитивная лингвистика, лингвоконцептология, психолингвистика и др.) и коммуникативную (в частности, коммуникативная лингвистика, прагмалингвистика, дискурсология, корпусная лингвистика и др.) парадигмы. Официально-деловой дискурс представляет собой коммуникативно-когнитивное событие социокультурного характера, процесс производства и понимания речи в коммуникативно-прагматической деловой среде, основными признаками которого являются институциональность, стабильность, стандартизованность, точность, соблюдение норм вежливости и речевого этикета.

Современное иноязычное обучение реализуется в рамках инновационного межкультурного подхода через равноправный диалог культур по правилам межкультурного общения в контексте межкультурной парадигмы. Межкультурная коммуникация – это межличностная коммуникация при взаимодействии коммуникантов – представителей различных культурно-языковых групп. Межкультурный деловой дискурс представлен во множестве жанров: устных (деловая беседа, переговоры, презентация, деловое интервью) и письменных (деловые письма, соглашение, контракт, договор, протокол).

В рассматриваемый период публикуются монографии и статьи Е. Капиновой, посвященные невербальному деловому общению. Акцент ставится на исследования коммерческих писем: прослежена история развития болгарской деловой корреспонденции, коммерческая корреспонденция проанализирована в дискурсивно-стилистическом аспекте [Лесневская 2010]. Создаются новые учебники по деловому русскому языку: Черняева Н., Годорова М. «Русский язык. Экономика и бизнес». Варна, 2008. Сочетание сопоставительного этносоциокультурного и дискурсивно-стилистического подходов при обучении профессиональному РКИ, в частности межкультурному деловому дискурсу в инославянской среде является предпосылкой творческого развития болгарской методики преподавания русского языка как инославянского, в частности преподавания русского делового дискурса в болгарской среде. Проект «Изучение русского языка и русской культуры в инославянском окружении» был выдвинут проф. Боголюбом Станковичем [Станкович 2010]. Теоретическим и методологическим вопросам в области межкультурной коммуникации и межкультурного делового дискурса посвящен ряд статей Д. Лесневской: «Обучение межкультурному деловому дискурсу в теории и практике преподавания РКИ в болгарских нефилологических вузах» // Сб. Русский язык как инославянский, вып. VI /2014/. – Славистично друштво Србие, Београд 2014 /191/. с. 102 –110; «Дискурс торговой сделки в обучении русскому языку в инославянской среде» // Сб. Русский язык как инославянский, вып. VI /2014/. – Славистично друштво Србие, Београд 2014 /191/. с. 148 –156.

В современной русской и болгарской деловой переписке наблюдается тенденция развития большей степени субъективности и эмоциональности. Когнитивно-дискурсивный аспект теории эпистолярного делового дискурса является лингвистическим обоснованием межкультурного дискурсивного обучения иностранным языкам, в частности обучения РКИ в области деловой корреспонденции в Болгарии. Сопоставительное изучение русской и болгарской деловой переписки посредством применения когнитивно-прагматического подхода является исходной лингвистической основой преподавания русского языка как иностранного в области делового дискурса в болгарской аудитории.

Обзор исследований в области делового русского языка в Болгарии иллюстрирует поступательное развитие теории и практики делового общения в русле непрерывного процесса появления, развития и старения научных лингвистических парадигм в лингвистике. Так, в период 1980 – 2017 гг. преподавание РКИ в области делового языка и лингвистическая теория, которая его обосновывает, развивались и менялись от коммуникативности к принципам антропоцентричности, которые реализуют междисциплинарность – дискурсивность иноязычного обучения требует наличие страноведческого, культурологического, социокультурного, лингвокультурологического, психолингвистического концептов в учебных материалах. Характерной особенностью болгарских исследований русского бизнес-языка является их сопоставительный характер – сопоставление двух родственных языков (русского и инославянского) способствует более глубокому проникновению в специфику сравниваемых текстов. Сформулированы прагматическая и когнитивно-прагматическая классификации русских и болгарских деловых писем в сопоставительном плане [Лесневская 2017 -2]. В последние годы в Болгарии издаются учебные комплексы – межкультурные учебники русского языка для болгарских учащихся, разработанные в соавторстве Т. Алексеевой, О. Лазовой, В. Милановой, А. Радковой, Е. Костовой и др., в которых грамматический и лексический материал тесно связан с межкультурным содержанием с целью развития умений в восприятии фактов культуры в межкультурной ситуации, уделено место русскому деловому языку.

Библиографический список

1. Бирова, И. Л. Межкультурный диалог в обучении студентов-русистов переводу (на материале анекдотов) / И. Л. Бирова // Русистика сегодня: традиции и перспективы. – София, 2017. – С. 342–348.

2. Георгиева, С. Руско-български и българо-руски бизнес речник / С. Георгиева. – София : Хейзъл, 2004. – 488 с.
3. Капинова, Е. Деловите игри в обучението по професионално общуване. Университет «Проф. Ас.Златаров». Колеж по туризъм / Е. Капинова. – Бургас, 2000. – 110 с.
4. Лесневская, Д. С. Болгарская деловая корреспонденция – от письменника до электронного письма / Д. С. Лесневская // Стереотипность и творчество в тексте. – Пермь : Перм. гос. ун-т, 2010. – № 18. – С. 232–243.
5. Лесневская, Д. С. Деловая корреспонденция в учебно-методическом плане / Д. С. Лесневская // Болгарская русистика. – 2005. – № 3–4. – С. 60–67.
6. Лесневская, Д. С. Диалог культур на занятиях по деловому русскому языку в болгарской аудитории / Д. С. Лесневская // Русистика: вчера, сегодня, завтра. – София : Общество русистов Болгарии, 2018. – С. 713–719.
7. Лесневская, Д. С. Новое и традиционное в болгарской методике преподавания русского языка как иностранного / Д. С. Лесневская // Болгарская русистика : альманах. – София : Общество русистов Болгарии, 2017. – № 1. – С. 176–189.
8. Лесневская, Д. С. Особенности современного русского и болгарского бизнес-языков / Д. С. Лесневская // Мир русского слова и русское слово в мире. XI конгресс МАПРЯЛ. – София : Херон Прес, 2007. – Т. 3. – С. 416–422.
9. Лесневская, Д. С. Традиции и современное состояние исследований делового русского языка в болгарской русистике / Д. С. Лесневская // Университетская славистика: традиции, современное состояние, перспективы / ред. К. Кончаревич. – Белград : Филолошки факултет, 2017. – № 2. – С. 475–490.
10. Сафонова, В. В. Культуроведческие основы изучения русского языка в поликультурном пространстве современного мира / В. В. Сафонова // Русистика сегодня: традиции и перспективы. – София, 2017. – С. 417–424.
11. Станкович, Б. Актуальные вопросы изучения и преподавания русского языка как инославянского / Б. Станкович // МАПРЯЛ 2010 : X Междунар. симп. Доклады и сообщения / отв. ред. Г. Гочев. – Велико-Тырново, 2010. – С. 11–14.
12. Тарева, Е. Г. Культура как ключевой концепт лингводидактики / Е. Г. Тарева // Русистика без границы. – 2017. – № 1. – С. 88–98.
13. Шибко Н. Л. Обучение межкультурному общению в современном иноязычном обучении: парадигма, подход или перспектива? / Н. Л. Шибко // Актуальные проблемы организации учебного процесса и обучения иностранных граждан в вузе / отв. ред. С. И. Лебединский. – Минск : Изд. центр БГУ, 2010. – С. 131–136.
14. Языковедческая русистика в Болгарии. Библиографический указатель 2007–2013 / отв. ред. В. Аврамова. – Шумен, 2013. – 143 с.

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ЯЗЫКОВОГО ВЫРАЖЕНИЯ УГОЛОВНО-ПРАВОВЫХ НОРМ В СВЯЗИ С НЕОБХОДИМОСТЬЮ ИХ РАСПРОСТРАНИТЕЛЬНОГО И ОГРАНИЧИТЕЛЬНОГО ТОЛКОВАНИЯ

В. В. Сверчков, В. Б. Шавлюк

Нижний Новгород, Россия

CURRENT ISSUES OF LINGUISTIC EXPRESSION OF CRIMINAL LAW NORMS IN CONNECTION WITH NECESSITY OF THEIR DISTRIBUTIVE AND RESTRICTIVE INTERPRETATION

V. V. Sverchkov, V. B. Shavluk

Nizhny Novgorod, Russia

Аннотация. Показаны недостатки текстовой репрезентации правовой нормы, которые могут быть преодолены с помощью распространительного или ограничительного ее толкования. В некоторых случаях применение толкования уголовно-правовых норм указывает на необходимость совершенствования законодательного текста.

Ключевые слова: интерпретация, распространительное толкование, ограничительное толкование, текстовая репрезентация правовой нормы, правоприменитель, уголовное законодательство.

Abstract. The article shows the shortcomings of the textual representation of the legal norm that can be overcome with the help of its distributive or restrictive interpretation. In some cases, the use of interpretation of criminal law indicates the need to improve the legislative text.

Key words: interpretation, distributive interpretation, restrictive interpretation, textual representation of the legal norm, law enforcement agent, criminal law.

При формулировании законодательных положений невозможно отразить в тексте каждой правовой нормы всю необходимую для правоприменителей информацию. Поэтому требуется разъяснять содержание правовых норм в соответствии с буквой и духом закона. Такое разъяснение осуществляется, как правило, в ходе профессионального юридического комментирования, при котором интерпретатору нередко приходится раскрывать смысл законодательных положений, несводимый к их буквальному значению. В юридической технике сформированы разные виды толкования, среди которых особое место отведено толкованию нормативных правовых положений по их *объёму*. Данное толкование может характеризоваться как буквальное, распространительное (именуемое также расширительным) или ограничительное. Ценность распространительного и ограничительного толкования состоит в том, что они часто связаны с обнаружением упущений и ошибок законодателя, допущенных при словесном выражении нормативных правовых положений.

Распространительное (расширительное) толкование (interpretatio extensiva) необходимо, если законодательная норма сформулирована слишком сжато или недостаточно чётко. Другими словами, смысл, вербализованный в правовой норме, оказывается более узким, чем смысл, предполагаемый законодателем. Необходимость в расширительном толковании правовой нормы связана с *присутствием в её формулировке, или текстовой репрезентации, специальных вербальных сигналов*, непосредственно указывающих на неполноту отражения фактов, которые должны приниматься во внимание правоприменителем. Такими сигналами обычно служат слова «иные», «другие». Нередко в уголовном законе говорится об иных объективных и (или) субъективных признаках: «и иные действия/ сделки/ сообщения/ способы/ побуждения/ документы/ предметы», «иная заинтересованность» (см., например, статьи 127¹, 133, 138, 150, 153, 155, 170, 174, 174¹, 181, 187 УК РФ), «и другие/иные лица/работники» (см., в частности, статьи 131, 132, 150, 151, 155, 156 УК РФ), что также требует применения распространительного толкования (здесь и далее по тексту УК РФ – Уголовный кодекс Российской Федерации [Федеральный закон № 63-ФЗ от 13.06.1996, в ред. от 31.12.2017]).

Неполноту текстуального отражения фактов, учитываемых правоприменителем для принятия решения, можно наблюдать в статье или части статьи уголовного закона. Например, в статье 61 УК РФ первая часть представляет собой перечень обстоятельств, смягчающих наказание, а вторая часть – сообщение о возможных дополнениях к этому перечню: «При назначении наказания могут учитываться в качестве смягчающих и обстоятельства, не предусмотренные частью первой настоящей статьи».

Следовательно, смысл нормы, закреплённой в статье 61 УК РФ, выходит за рамки фиксирующего её законодательного текста, что обуславливает необходимость в её расширительном толковании, в отличие от

смысла нормы, предусмотренной статьёй 63 УК РФ, в которой приведён исчерпывающий перечень обстоятельств, отягчающих наказание. Последняя исключает необходимость применения к содержащемуся в статье перечню распространительного толкования. На это указывает и Пленум Верховного Суда РФ в пункте 28 постановления от 22.12.2015 № 58 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания».

Распространительное толкование оказывается необходимым не только в случаях, когда в тексте правовой нормы имеется прямое указание на то, что содержание данной нормы передано не в полном объёме. Нередко формулировка правовой нормы *не содержит каких-либо вербальных сигналов о неполноте выражаемого ею содержания*, однако смысл нормы более широкий, чем тот, на который ориентирует текст.

Например, в статье 145 УК РФ предусмотрена уголовная ответственность за необоснованное увольнение с работы женщины, имеющей детей в возрасте до трёх лет. Согласно буквальному пониманию этой формулировки, уголовная ответственность имеет место только в случае, когда уволена женщина, у которой двое или более детей младше трёх лет; если у женщины один ребёнок такого возраста – её необоснованное увольнение не влечёт за собой уголовной ответственности работодателя. В действительности, смысл нормы, закреплённой в статье 145 УК РФ, не вполне соответствует смыслу, отражённому её текстуальной формой. Норма предусматривает уголовную ответственность за необоснованное увольнение с работы женщины, имеющей ребёнка в возрасте до трёх лет, при этом не имеет значения, единственный этот ребёнок или в семье есть и другие дети.

В рассмотренном случае формулировка законодательной нормы с использованием существительного «дети» позволяет интерпретатору, правоприменителю необоснованно сузить предложенный законодателем смысл и не принимать во внимание наличие у женщины только одного ребёнка в качестве условия для привлечения работодателя к уголовной ответственности за её необоснованное увольнение по данному мотиву. Для того чтобы смысл рассматриваемой нормы не был искажён при её восприятии и толковании, законодателю следует заменить в её текстовой репрезентации форму множественного числа «дети» на «ребёнок»: «необоснованное увольнение с работы женщины, имеющей ребёнка в возрасте до трёх лет». В этом случае название статье 145 УК РФ будет выглядеть так: «Необоснованный отказ в приёме на работу или необоснованное увольнение беременной женщины или женщины, имеющей ребёнка в возрасте до трёх лет».

Это лишь один из примеров решения актуальных вопросов языкового выражения уголовно-правовых норм, которое стало возможным с помощью их распространительного толкования, применённого несмотря на отсутствие каких-либо вербальных сигналов о неполноте выражаемого содержания. По существу же положения отечественного уголовного законодательства в значительной мере формулируются с использованием форм множественного числа: «Мошенничество при получении выплат» (статья 159² УК РФ), «Мошенничество с использованием платёжных карт» (статья 159³ УК РФ), «Хищение предметов, имеющих особую ценность» (статья 164 УК РФ), «Регистрация незаконных сделок с недвижимым имуществом» (статья 170 УК РФ), «Незаконные организация и проведение азартных игр» (статья 171² УК РФ), «Фальсификация финансовых документов учёта и отчётности финансовой организации» (статья 172¹ УК РФ), «Незаконное получение и разглашение сведений, составляющих коммерческую, налоговую или банковскую тайну» (статья 183 УК РФ), «Изготовление, хранение, перевозка или сбыт поддельных денег или ценных бумаг» (статья 186 УК РФ), «Невозвращение на территорию Российской Федерации культурных ценностей» (статья 190 УК РФ) и т.д.

Нельзя исключать возможность того, что форма множественного числа способна затемнить смысл конкретной правовой нормы и привести к неверному её пониманию. Вместе с тем думается, что принимать решение о необходимости использования в текстовой репрезентации правовой нормы её наиболее важных в смысловом отношении слов в форме множественного или единственного числа следует применительно к каждому конкретному случаю.

Ограничительное толкование (*interpretatio restrictiva*) интерпретирует законодательное положение в более узком смысле, нежели смысл, извлекаемый непосредственно из формулировки данного положения.

В закреплённые в части 1 статьи 75 УК РФ, а также в статьях 76, 76² УК РФ нормы об освобождении от уголовной ответственности законодателем вложен более узкий смысл, чем тот, на который ориентируют их тексты. Присутствующая в трёх данных статьях формулировка: «лицо, впервые совершившее преступление небольшой или средней тяжести», затемняет истинный смысл рассматриваемых правовых норм. Он состоит в том, что лицо может быть освобождено от уголовной ответственности только в том случае, когда совершённое им преступление (первое, поскольку лицо ранее не осуждалось, или очередное, но имевшее место после погашения либо снятия предыдущей судимости) явилось преступлением небольшой или средней тяжести. Иными словами, для того чтобы быть освобождённым от уголовной ответственности на основании части 1 статьи 75 УК РФ либо статей 76, 76² УК РФ, лицо не должно иметь судимости за ранее совершённое преступление: она должна отсутствовать вовсе или быть снята/погашена согласно статьям 86, 95 УК РФ.

Формулировка «лицо, впервые совершившее преступление небольшой или средней тяжести» позволяет осуществить ошибочную интерпретацию норм, предусмотренных данными статьями УК РФ, а именно представить их суть следующим образом: освобождение от уголовной ответственности возможно в том случае, если лицо впервые совершило преступление небольшой или средней тяжести, но ранее совершило более тяжкое преступление.

Для исключения возможности ошибочного понимания содержания норм, закреплённых в части 1 статьи 75 УК РФ, а также в статьях 76, 76² УК РФ, необходимо изменение их конструкции путём добавления после слова «преступление» присоединительного союза (например, союза «притом») и запятой. Наличие союза внутри исходной формулировки позволит сосредоточить внимание читателя на двух моментах. Во-первых, на том, что преступление совершено впервые – в юридическом смысле, то есть оно может быть как единственным, так и очередным противозаконным деянием лица. Языковым средством выражения этого смысла служит постановка запятой после слова «преступление», закрывающая причастный оборот. Во-вторых, на категории этого преступления – его тяжесть является небольшой или средней. Данный смысл выражается посредством присоединительной конструкции с союзом «притом».

В других случаях соединительный союз должен быть заменён союзом разделительным. Так, в части 2 статьи 30 УК РФ закреплено следующее правило: «Уголовная ответственность наступает за приготовление только к тяжкому и особо тяжкому преступлениям». При буквальном толковании это правило интерпретируется следующим образом: уголовная ответственность предусмотрена за одновременное приготовление лица к совершению двух преступлений – тяжкого и особо тяжкого. Использование распространительного толкования позволяет применять это правило, когда виновное лицо готовилось к совершению какого-либо одного преступления – тяжкого или особо тяжкого. Для того чтобы устранить возможность неверной интерпретации рассматриваемой правовой нормы, законодателю надлежит использовать в её формулировке разделительный союз («или», «либо») вместо союза «и». В этом же направлении законодателю целесообразно предпринять усилия для совершенствования норм, закреплённых в статьях 62, 64, 174, 174¹, 251, 253, 254, 281 и др. УК РФ.

Таким образом, неправильно ориентирующая формулировка не передаёт, а затемняет, искажает истинный смысл правовой нормы. Недостаток текстовой репрезентации правовой нормы может быть преодолен с помощью распространительного или ограничительного её толкования, но не устранён. В некоторых случаях применение толкования указывает на необходимость совершенствования законодательного текста.

Изложенные положения свидетельствуют об актуальности *неформального участия высококлассных специалистов-лингвистов в процессе преобразования отечественного уголовного законодательства*. Партнёрская деятельность лингвистов и правоведов при формулировании и редактировании законодательных текстов позволит после принятия и вступления в действие соответствующих правовых норм минимизировать необходимость их распространительного или ограничительного толкования.

Библиографический список

1. О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 58 от 22.12.2015 (в ред. от 29.11.2016). – URL: <https://vsrf.ru/documents/own/8470/>
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (в ред. от 31.12.2017). – URL: <http://ivo.garant.ru/#/document/10108000/paragraph/26654339:0>

ЯЗЫК ПРАВА КАК ЯЗЫК ДЛЯ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЦЕЛЕЙ В ТАТАРСКОМ ЯЗЫКОЗНАНИИ: СПЕЦИФИКА ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ТЕРМИНОВ-ЕВРОПЕИЗМОВ ВО ВТОРИЧНОМ (ПЕРЕВЕДЕННОМ) ЮРИДИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ

Г. М. Туктарова

Казань, Россия

LEGAL LANGUAGE AS A LANGUAGE FOR SPECIAL PURPOSES IN TATAR LINGUISTICS: A POINT ON EUROPEAN TERMS FUNCTIONING IN LEGAL TEXT TRANSLATED FROM RUSSIAN INTO THE TATAR LANGUAGE

G. M. Tuktarova

Kazan, Russia

Аннотация. Исследование функционирования европеизмов как лексической составляющей языка права затрагивает феномен языков для специальных целей в татарском языкознании – малоизученного вопроса. Юридический текст на татарском языке – перевод с русского языка – представляет собой вторичный (переведенный) текст, изучение особенностей терминопотребления европеизмов в котором позволяет сделать ряд выводов рекомендательного характера для перспективного нормотворчества на татарском языке.

Ключевые слова: язык для специальных целей, юридическая терминология, юридический перевод, заимствование, европеизм, татарский язык.

Abstract. The study on Europeanisms as the lexical component of legal language concerns the phenomenon of languages for special purposes within the Tatar linguistics. Legal text in the Tatar language is a translation from the Russian language thus it is a translated text, not an original one. The study of features of europeanisms in such a legal text has allowed to draw a number of conclusions for prospective representing legal texts in origin in the Tatar language.

Key words: language for special purposes, legal terminology, legal translation, lexical borrowing, Europeanism, the Tatar language.

Вопросы специфики функционирования терминов-заимствований в татарском языке в текстовом характере их употребления, в таком типе юридического текста, как вторичный текст – переведенные на татарский язык юридические документы являются одними из наиболее актуальных проблем сегодняшней тюркологии.

В своей точке зрения на язык права в татарском языкознании как язык для специальных целей мы придерживаемся позиции видных отечественных лингвистов В.Ф. Новодрановой, Е.С. Кубряковой, К.Я. Авербуха, Л.М. Алексеевой, Л.В. Ивиной в том, что стратификация развитых национальных языков с выделением языков для специальных целей является очевидной. Разработка понятия языка для специальных целей и терминологической лексики как его основы представляет собой востребованную проблему теоретического языкознания.

В условиях официального русско-татарского двуязычия в Республике Татарстан (далее РТ) значимость русско-татарского юридического перевода как инструмента обеспечения прав граждан обусловлена прежде всего социальной востребованностью в республике. Государственный Совет РТ, законодательный орган республики, представляет документы на русском и татарском языках, юридический текст на татарском языке оказывается вторичным юридическим текстом, т.е. продуктом письменного юридического перевода. Юридический язык обеспечивает юридический перевод, а также участвует во взаимодействии и взаимообогащении правовой и обыденной культур внутри татароязычного социума.

Юридический перевод в настоящее время является одним из объектов лингвистических исследований, его специфика исследуется с позиций современного переводоведения. Данное научное направление активно развивается многими исследователями (А. А. Атабекова, С. В. Власенко, М. Г. Гамзатов и др.). Несомненную значимость для решения вопросов юридического перевода представляют результаты исследований по лингвистическим аспектам права, изучение которых проводится в рамках юридической лингвистики (А. Н. Баранов, К. И. Бринев, А. М. Кузнецов, Л. С. Бурдин, Н. Д. Голев и др.). Представителями дан-

ного направления вносится значимый вклад в исследования системы юридической терминологии, изучение факторов влияния на ее динамику, развитие когнитивно-дискурсивной парадигмы анализа юридического языка. Однако в татарском языкознании к настоящему времени проблема юридического языка как языка для специальных целей остается малоизученной, несмотря на некоторый «социальный заказ», определяемый официальным двуязычием в РТ и предписаниями Закона о языках РТ [Закон 2005].

Анализ особенностей функционирования европеизмов в юридических текстах на татарском языке выявляет активное полисимирование лексем *акт, орган, состав, структура, пункт, фонд*. Так, заимствованная в татарский язык терминоединица *акт*, имеет в современном нормотворческом массиве значения «обвинительный акт» – *гаепләү акты*, «коммерческий акт» – *коммерция акты*; наблюдается активность полисемического свойства терминоединицы *зона*: *күп функциональле зона* – «многофункциональная зона», *дача зонасы* – «дачная зона». Европеизмы участвуют в образовании синонимии, выражаемой во взаимозаменяемости слов и словосочетаний, например, *гражданлык сайлау – оптация* «выбор гражданства – оптация», *акча чыгару – эмиссия* «выпуск денег – денежная эмиссия». В законодательном тексте употребляются и профессионализмы-европеизмы, например, *натураль түләүләр* (натуральные повинности), *йөк күчерү пункты* (перевалочный пункт), *натураль норматив* (натуральный норматив), *касса бердәмлеге* (единство кассы), *жәмәгать транспортының сыйдырышылык күләме* (пассажировместимость) (европеизмы подчеркнуты нами – Г.Т.).

Рассмотрение этимологии юридических терминов в современном татарском языке позволяет нам утверждать, что наблюдается тенденция к заимствованиям из достаточно ограниченного круга развитых языков, главным образом – европейских языков. В отношении разработки и формирования татарской юридической лексики данный процесс, подобно многим другим сферам науки и техники, исторически опирался на терминологию русского языка, выполняющего функцию межнационального общения.

Отметим, что под заимствованиями в современной татарской научной терминологии прежде всего понимаем процесс перемещения лексики иноязычного происхождения в современный татарский язык, подчеркивая, что именно этот тип заимствования – заимствование слова (посредством транслитерации, транскрибирования, калькирования) наиболее характерен для терминологии.

В переводах законодательных актов на татарский язык европеизмы употребляются, главным образом, в форме прямого заимствования – транслитерирования; выявляются случаи передачи смыслового значения европеизма его переводом на татарский язык. Так, в названии и в тексте Ст. 63 ГК РФ «Порядок ликвидации юридического лица» в ГК РФ на татарском языке: «Юридик затны бетерү тәртибе» европеизм *ликвидация* [фр. liquidation < лат. ligucesco исчезать] [Словарь 2010 : 232] употребляется в его эквиваленте на татарском языке, не как иноязычное заимствование: *бетерү*, но не *ликвидация*.

Приведем примеры терминоупотребления европеизмов в юридическом тексте (европеизмы подчеркнуты нами – Г.Т.) Ст. 878 ГК РФ «Реквизиты чека»:

878 статья. Чек реквизитлары

1. Чекта түбәндәгеләр булырга тиеш:

- 1) документ текстына кертелгән “чек” дигән исем;
- 2) билгеле бер суммада акча түләү буенча түләүчегә бирелгән йөкләнмә;
- 3) түләү валютасын күрсәтү;
- 4) чекның төзелгән көнен һәм урынын күрсәтү;
- 5) чек язып бирүче – чек бирүче затның имзасы.

Күрсәтелгән реквизитларның берәрсе документта эгәр язылмаган булса, ул документ үзенең чек көчен югалта.

Чекнең төзелү урыны күрсәтелмәгән булса, шул очракта аңа чек бирүче урнашкан эңирдә имза салынган дип карала.

2. Чекның рәвеше һәм аны рәсми тутыру тәртибе законда, аның нигезендә билгеләнгән банк кагыйдәләрендә күрсәтелә [Россия 1998 : 199].

Чек – чек [англ. cheque, check] [Новый 2007 : 735], *документ – документ* [лат. documentum] [Словарь 2010 : 169], *сумма – сумма* [лат. summa] [там же : 337], *валюта – валюта* [ит. valuta] [там же : 110], *реквизит – реквизит* [< лат. requisitum] [Новый 2007 : 517], *банк – банк* [фр. banque<ит. banco] [там же : 76].

Статья 340 Трудового кодекса РФ «Гарантии и компенсации работникам, направляемым на работу в представительства Российской Федерации за границей»:

340 статья. Чит илгә Россия Федерациясе вәкилләренә эңибәрелүче хезмәткәрләргә гарантияләр һәм компенсацияләр

Чит илгә Россия Федерациясе вәкилләренә эңибәрелүче хезмәткәрләренң эш урынына күчүгә бәйле компенсацияләр түләү тәртибе һәм шулай ук шартлары, матди-көнкүреш тәэминат шартлары, шул илнең климат һәм башка шартларын исәпкә алып, Россия Федерациясе Хөкүмәте тарафыннан билгеләнә [Россия 2004 : 158].

Гарантия – гарантия [фр. garantie] [Словарь 2010 : 126], *компенсация – компенсация* [лат. compensatio < compensare] [Новый 2007 : 267], *федерация – федерация* [< лат. foederatio] [там же : 672], *климат – климатический* от *климат* [др.-греч. κλίμα (κλίματος)] [Словарь 2010 : 208].

Статья 415 Трудового кодекса РФ «Запрещение локаута»:

415 статья. Локаутны тыю.

Забастовкаларны да кертеп, күмәк хезмәт бәхәсен җәйгә салу процессында локаут, ягъни эш бирүче инициативасы буенча хезмәткәрләрне күмәк хезмәт бәхәсендә яисә забастовкада катнашуга бәйле эштән куу тыела [Россия 2004 : 195].

Процесс – процесс [лат. processus] [Словарь 2010 : 301], *локаут – локаут* [англ. lock out] [там же : 235], *инициатива – инициатива* [фр. Initiative < лат. initium] [там же : 184].

Следует отметить, что проникновение лексических единиц-европеизмов в юридическую терминологию татарского языка опосредовано русско-татарским двуязычием, причем в языке для специальных целей – языке права – терминологические единицы заимствуются транслитерированием, в общелитературном языке – калькированием и переводом в случаях с эквивалентной лексикой.

Наблюдается «взаимное тяготение» заимствованных слов и заимствованных аффиксов, что можно объяснить следующим: что термины имеют ограниченную, специальную, сферу употребления. К числу таких аффиксов относятся, например, суффиксы *-атор/-итор* (*конспиратор, экспедитор*), *-ор* (*кредитор, не кредитчы*); префиксы *де-* (*демаркация*), *ре-* (*редемаркация*), *дис-* (*дискоординация*).

Считаем важным при заимствовании иноязычного слова в татарский язык учитывать следующие факторы:

1. В настоящее время заимствование терминологии в целом, и юридических терминов в частности, происходит главным образом письменным путем, поэтому предпочтительнее заимствуемые элементы транслитерировать, не транскрибировать: именно транслитерирование позволяет обеспечить подобие письменного облика термина в разных языках.

2. Интернационализация терминов, наблюдаемая на современном этапе развития языка права как языка для специальных целей в татарском языкознании, облегчает международное общение специалистов в области юриспруденции, специализирующихся в таких ее отраслях как международное публичное право, международное частное право, при проведении переговоров с зарубежным партнером, клиентом, при консультировании зарубежных партнеров на предмет специфики российского законодательства.

В татарское языкознание внесен существенный вклад исследованиями по юридической терминологии современного татарского языка (Г.И. Одинокова, М.М. Николаева, Э.Ф. Файзуллина), заслуживающими самой высокой оценки, однако необходимы фундаментальные исследования с целью комплексного изучения юридического языка в его полноте и многоаспектности, поскольку проводить по существу знак равенства между юридическим языком как языком для специальных целей и его терминологией, на наш взгляд, ущербно для исследования юридического языка. Более того, считаем юридический язык заслуживает быть достоянием татарского национального языка как его подъязык, язык для специальных целей. Проблема юридического языка в татарском языкознании, возможно, подтвердит свою значимость при составлении текстов права на татарском языке – в перспективном нормотворчестве на татарском языке.

Библиографический список

1. Закон Республики Татарстан о государственных языках Республики Татарстан и других языках в Республике Татарстан [закон РТ: принят Гос. Советом РТ 8 июля. 1992 г.: по состоянию на 1 июля 2004 г.]. – Казань : Татар. кн. изд-во, 2005. – 69 с.
2. Новый краткий словарь иностранных слов / отв. ред. Н. М. Семенова. – 2-е изд., стереотип. – М. : Рус. яз. ; Медиа, 2007. – 795 с.
3. Словарь иностранных слов. 25000 слов / авт.-сост. Л. Орлова. – Минск : Харвест, 2010. – 448 с.
4. Россия Федерациясенен Граждан кодексы. Икенче өлеш. – Казан : Мастер Лайн, 1998. – 324 б.
5. Россия Федерациясе Хезмәт кодексы. – Казан : Тат. кит. нәшр., 2004. – 221 б.

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ АНТИТЕРРОРИСТИЧЕСКОГО УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Ю. Р. Хамзяева

Казань, Россия

LINGUISTIC ANALYSIS OF THE ANTI-TERRORIST CRIMINAL LEGISLATION

J. R. Khamzyaeva

Kazan, Russia

Аннотация. Подвергнуты детальному анализу наименование, диспозиция и примечание статьи 205⁶ «Несообщение о преступлении» УК РФ, в ходе которого выявлены неточности и несовершенства. Предложены возможные пути решения заявленных проблем.

Ключевые слова: терроризм, террористическое преступление, несообщение о преступлении, уголовный кодекс, освобождение от ответственности, близкие родственники, близкие лица.

Abstract. The article is subjected to a detailed analysis of the name, disposition and a note of Article 205⁶ "Non-Reporting the Crime" of the Criminal Code of the Russian Federation, during which inaccuracies and imperfections were revealed. Possible ways of solving the stated problems are suggested.

Key words: terrorism, terrorist crime, non-reporting of crime, criminal code, exemption from liability, close relatives, close persons.

Современное уголовное законодательство, отвечая нуждам правоприменителей, с завидным постоянством подвергается изменениям и дополнениям. В связи с этим современный Уголовный кодекс России становится похож на «поскутное одеяло», не все элементы которого являются целостными и гармоничными. Очевидно, что в ситуации, когда составы преступлений обозначаются примечаниями с нумерацией 6 и более, требуется принятие нового Уголовного кодекса, как это, например, в 2014 году сделано Республикой Казахстан.

Принятие нового Уголовного кодекса логично предполагает включение норм, не содержащих противоречий и ошибок, которые, к сожалению, имеются даже в недавно принятых поправках. Уголовный закон «нуждается не просто в корректировке с учетом меняющихся общественных отношений, а в формально-определенных, системных и логически непротиворечивых предписаниях, без которых невозможна реализация принципов законности и справедливости» [Кириенко 2016 : 9]. На практике исключить «недееспособность» норм возможно путем детального анализа каждой из них, немаловажную роль в котором играют лингвистические методы исследования.

Законом № 375-ФЗ от 24 июня 2016 г. в УК РФ введена статья 205⁶ «Несообщение о преступлении», устанавливающая ответственность за несообщение в соответствующие органы власти «о лице (лицах), которое по достоверно известным сведениям готовит, совершает или совершило хотя бы одно из преступлений, предусмотренных статьями 205, 205¹, 205², 205³, 205⁴, 205⁵, 206, 208, 211, 220, 221, 277, 278, 279, 360 и 361» УК РФ. Анализ данной статьи позволяет говорить, что перечисленные в ней преступные деяния относятся к террористическим, и, соответственно, сама ст. 205⁶ УК РФ является статьей, предусматривающей ответственность за террористическое преступление, совершенное в пассивной форме. Отсюда следует, что наименование статьи не соответствует ее содержанию. При существующей редакции в диспозиции следовало предусмотреть ответственность за несообщение о любом преступлении, а не только о террористическом. Но здесь возникает этический вопрос возрождения института доносительства, которое, несомненно, в современном российском обществе, основанном на принципах демократии, уважения прав и свобод человека и гражданина, недопустимо.

Полагаем, что более верно ст. 205⁶ УК РФ именовать «Несообщение о террористическом преступлении». В качестве подтверждающих аргументов этого выделим:

- 1) перечень содержащихся в статье преступных деяний относится к преступлениям террористического характера и направленности;
- 2) статья является фактическим примечанием к ст. 205 «Террористический акт» УК РФ;
- 3) сообщение о преступлении является разновидностью помощи граждан правоохранительным органам и «приобретает особое значение, когда речь идет о преступлениях, наиболее опасных для нашего общества» [Носкова 1971 : 3]. Указание на криминализацию несообщения именно о террористическом пре-

ступлении еще раз подчеркнет опасность террористических деяний и нивелирует этический вопрос, возникающий при фактическом введении института доносительства.

Диспозиция ст. 205⁶ УК РФ предусматривает ответственность за несообщение в компетентные органы информации о лице или лицах, которые готовят, совершают или совершили террористическое преступление. Однако статья 140 УПК РФ, а также ведомственные нормативные правовые акты указывают, что в уполномоченных органах власти принимаются и рассматриваются сообщения о преступлениях, а не о лицах, их готовящих и осуществляющих. При существующей редакции нормы, как указывает М.С. Кириенко, «даже при достоверном знании о готовящемся или совершенном преступлении гражданин не обязан сообщать об этом, и такое бездействие повлечет лишь моральное порицание и не будет охватываться ст. 205⁶ УК РФ» [Кириенко 2016 : 10].

На основании изложенного, считаем необходимым в диспозиции ст. 205⁶ УК РФ дополнительно криминализовать деяния, связанные с несообщением о готовящемся, совершающемся или совершенном преступлении, предусмотренным хотя бы одной из статей 205, 205¹, 205², 205³, 205⁴, 205⁵, 206, 208, 211, 220, 221, 277, 278, 279, 360 и 361 УК РФ.

Что касается органов, которым надлежит сообщать сведения о преступлении и лицах, то следует согласиться, что «гражданин не обязан знать все органы, правомочные рассматривать сообщения о преступлениях» [Кириенко 2016 : 12]. Полагаем, что некоторые граждане России, иностранные граждане и лица без гражданства не осведомлены о том, какие органы уполномочены рассматривать сообщения о преступлениях. Поэтому, «сообщение лицом информации... например, в органы прокуратуры, в органы исполнительной власти и т.п., должны исключать уголовную ответственность, так как данные органы обязаны передать данные сообщения компетентным органам» [Кириенко 2016 : 10]. На данном основании в диспозиции ст. 205⁶ УК РФ достаточно указать на необходимость сообщения информации в органы власти.

Еще одним аспектом, которому следует уделить внимание, является примечание к рассматриваемой ст. 205⁶ УК РФ, где оговорено, что «лицо не подлежит уголовной ответственности за несообщение о подготовке или совершении преступления его супругом или близким родственником». Содержание примечания указывает на соблюдение законодателями норм морали, соотносящихся со ст. 51 Конституции РФ, согласно которой «никто не обязан свидетельствовать против себя самого, своего супруга и близких родственников». В УК РФ понятие близкого родственника для целей Кодекса не приводится, хотя, помимо ст. 205⁶, в законодательном акте имеются также нормы о декриминализации деяний в случае отказа лица от дачи показаний против своего супруга или близкого родственника (ст. 308 УК РФ) или заранее не обещанного укрывательства особо тяжкого преступления, совершенного супругом или близким родственником (ст. 316 УК РФ). Но перечень лиц, относящихся к близким родственникам, в этих статьях не раскрывается.

До внесения изменения в УК РФ от 7 февраля 2017 г. [Федеральный закон № 8-ФЗ от 07.02.2017] в примечании к ст. 116 для целей статьи раскрывался перечень близких лиц, включавший близких родственников: супругов, родителей, детей, усыновителей, усыновленных (удочеренных) детей, родных братьев и сестер, дедушек, бабушек, внуков, и иных близких лиц: опекунов, попечителей, лиц, состоящих в свойстве с лицом, совершившим деяние и лиц, ведущих с ним общее хозяйство. Следует отметить, что признание лиц близкими на основе установления только факта ведения общего хозяйства вызывает некоторые сомнения. С течением времени лица, являющиеся близкими в силу ведения общего хозяйства, могут данное ведение прекратить, но близость отношений не утратить. Так дядя и воспитанный им взрослый племянник, официально не находившиеся в отношениях опеки или попечительства, при дальнейшем раздельном проживании, скорее всего, останутся близкими друг для друга людьми, жизнь, здоровье и благополучие которых будут взаимно важны. Полагаем, что наличие общего хозяйства необоснованно сужает перечень лиц, являющихся близкими, исключая в процессе доказывания по уголовным делам значимый факт личных взаимоотношений между людьми.

После внесения изменений в УК РФ, примечание к ст. 116 утратило силу, в связи с чем перечень близких лиц был полностью изъят из уголовного законодательства.

В нормах действующей редакции УК РФ имеется указание на близких: статьи 63, 105, 111, 112, 117, 163, 179, 295, 296, 309, 311, 317, 318, 320, 321. Однако перечень близких в статьях не раскрывается и не указывается, какую из категорий: близких родственников или близких лиц, следует учитывать. Разъяснение этому дает судебная практика. Так, в п. 5 постановления Пленума Верховного суда РФ от 17 декабря 2015 г. № 56 «О судебной практике по делам о вымогательстве (статья 163 Уголовного кодекса Российской Федерации)» близкими являются близкие родственники (супруги, родители, дети, усыновители, усыновленные, родные братья и сестры, дедушка, бабушка, внуки), родственники (иные лица, состоящие в родстве с потерпевшим) и также лица, состоящие в свойстве с потерпевшим или лиц, жизнь, здоровье и благополучие которых дороги потерпевшему в силу сложившихся личных отношений.

Перечень лиц, относящихся к близким родственникам и близким лицам, имеется и в иных правовых актах России. Так, в ст. 51 Конституции РФ оговаривается, что круг близких родственников определяется федеральным законом, но каким именно – не указывается.

Среди федерального законодательства наиболее лаконичным является Гражданский процессуальный кодекс РФ, который в ст. 281 в качестве близких родственников указывает только на родителей, детей, братьев, сестер.

Для целей Уголовно-процессуального кодекса РФ в ст. 5 под близкими родственниками понимаются супруги, родители, дети, усыновители, усыновленные, родные братья и сестры, дедушка, бабушка, внуки. В норме также приводится определение близких лиц, которыми, за исключением близких родственников и родственников, являются, лица, «состоящие в свойстве с потерпевшим, свидетелем, а также лица, жизнь, здоровье и благополучие которых дороги потерпевшему, свидетелю в силу сложившихся личных отношений».

Таким образом, близкие родственники уголовно-процессуальным законодательством к близким лицам не относятся. Но жизнь, здоровье и благополучие близких родственников, как правило, дороги лицу именно в силу сложившихся личных отношений. Полагаем, что в примечании к ст. 116 УК РФ близкие родственники были справедливо отнесены к близким лицам.

Ст. 14 Семейного кодекса РФ не допускает заключение брака между близкими родственниками: родителями, детьми, дедушкой, бабушкой, внуками, полнородными и неполнородными (имеющими общих отца или мать) братьями и сестрами. Налоговое законодательство (ст. 208 Налогового кодекса РФ) при оперировании понятием «близкие родственники» ссылается на Семейный кодекс РФ.

Таким образом, для целей уголовного законодательства значимые перечни близких лиц и близких родственников отсутствуют, а имеющиеся в действующем законодательстве лишены единообразия. Данная ситуация может негативно сказываться на правоприменительной практике, в частности, при декриминализации отдельных деяний.

Кроме того, нередки ситуации, когда не только законные родственники являются близкими для лица людьми, но и иные категории граждан играют первостепенную роль в его жизни. Например, лица, длительное время проживающие совместно, состоящие в фактических семейных отношениях и имеющие общих детей, но не зарегистрировавшие свои отношения в органах ЗАГС, согласно российскому законодательству, родственниками не являются. Но, несомненно, значение жизни, здоровья, интересов друг друга для данных лиц велико.

Рассматривая отношения близких лиц на примере семейных отношений следует также обратиться к судебной практике. Верховный суд РФ исходит из того, что данные отношения характеризуются «взаимным уважением и взаимной заботой членов семьи, их личными неимущественными и имущественными правами и обязанностями, общими интересами, ответственностью друг перед другом, ведением общего хозяйства» [Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 14 от 02.07.2009].

Исходя из положений ст. 205⁶ УК РФ, женщина, узнав о подготовке террористического преступления мужчиной, с которым она имеет фактические семейные отношения, проживает длительное время и ведет совместное хозяйство, обязана сообщить об этом в органы власти. Хотя, нормы нравственности в рассмотренном примере свидетельствуют, что независимо от официальной регистрации брака, данные лица де-факто являются близкими лицами, благополучие которых дорого друг другу в силу сложившихся личных отношений.

Следует отметить, что доля незарегистрированных браков в России имеет тенденцию к увеличению: в 2002 г. около 10 % супружеских пар проживали без официальной регистрации отношений [Петрова 2009 : 202], в 2010 г. – около 13 % [Миронова 2014 : 55], в 2014 г. – более 16 % [Россия в цифрах 2014].

На наш взгляд, в примечании к ст. 205⁶ «Несообщение о террористическом преступлении» УК РФ необходимо закрепить, что лицо может освобождаться от уголовной ответственности за несообщение о подготовке или совершении террористического преступления близким лицом. На основе анализа действующего законодательства, полагаем, что качестве близких лиц следует закрепить близких родственников (супругов, родителей, детей, дедушку, бабушку, внуков, полнородных и неполнородных (имеющих общих отца или мать) братьев и сестер, усыновителей, усыновленных (удочеренных) детей) и иных близких лиц (опекунов, попечителей, лиц, состоящих в свойстве с лицом и лиц, жизнь, здоровье и благополучие которых дороги лицу в силу сложившихся личных отношений).

Помимо приведенного анализа статьи 205⁶ УК РФ, нами в ходе ранее проведенных исследований лингвистическому изучению подвергнуты также статьи 205¹, 205², 361 УК РФ, в результате чего сформулированы направления их совершенствования [более подробно см. Хамзяева 2017 : 94-114].

Библиографический список

1. Кириенко, М. С. Несообщение о преступлении: старый состав в новых условиях / М. С. Кириенко // Адвокат. – 2016. – № 7. – С. 9–14.
2. Миронова, Ю. Г. Сожительство как альтернативная форма семейно-брачных отношений в современном российском обществе / Ю. Г. Миронова, Н. А. Тырнова // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 7, Философия. Социология и социальные технологии. – 2014. – № 3. – С. 54–60.
3. Носкова Н. А. Недонесение о преступлении по советскому уголовному праву : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 715 (уголовное право и уголовный процесс) / Носкова Н. А. – М. : Всесоюз. ин-т по изучению причин и разработке мер предупреждения преступности, 1971. – 28 с.
4. О внесении изменения в статью 116 Уголовного кодекса Российской Федерации : федер. закон № 8-ФЗ от 07.02.2017 // Российская газета. – 2017. – № 30.
5. О некоторых вопросах, возникших в судебной практике при применении Жилищного кодекса Российской Федерации : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 2 июля 2009 г. № 14 // Российская газета. – 2009. – 8 июля. – № 123.

6. Петрова, Л. Н. Незарегистрированные браки и их социальные последствия / Л. Н. Петрова // Ученые записки Российского государственного социального университета. – 2009. – № 10. – С. 202–207.
7. Россия в цифрах. Семья и дети // Россия 24. – 2014. – 12 февраля. – URL: <http://www.vesti.ru/videos/show/vid/575962/cid/360/www.vesti.ru/www.vesti.ru/doc.html?cid=5&id=2402706#>
8. Хамзяева, Ю. Р. Уголовно-правовые и криминологические аспекты противодействия терроризму в России и зарубежных государствах (на примере государств – членов Организации Договора о коллективной безопасности) : дис. ... канд. юрид. наук : 21.00.08 (уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право) / Хамзяева Ю. Р. – Казань : КФУ, 2017. – С. 94–114.

ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ПРЕДЛОГОВ В ЯЗЫКЕ ПРАВА

Е. В. Шестакова

Челябинск, Россия

PECULIARITIES OF PHRASEOLOGICAL PREPOSITIONS FUNCTIONING IN LEGAL LANGUAGE

E. V. Shestakova

Chelyabinsk, Russia

Аннотация. Рассматриваются такие понятия, как фразеологический предлог, структура фразеологического значения, роль фразеопредлогов в языке права, а также особенности формирования семантической структуры фразеологических единиц (ФЕ) в текстах законов.

Ключевые слова: фразеология официально-делового стиля, фразеологические предлоги, юрислингвистика, конфликтогенный дискурс, семантические свойства ФЕ.

Abstract. The article is devoted to the consideration of phraseological prepositions, phraseological meaning structures, the role of phraseological prepositions in the language of law, as well as features of the formation of the semantic structure of phraseological units in legal texts.

Kew words: phraseology of formal business style, phraseological prepositions, legal linguistics, conflict discourse, semantic properties.

В настоящее время всё более становятся очевидными научные предпосылки, приводящие к формированию новой отрасли лингвистических знаний, – юридической лингвистики. Данная прикладная дисциплина возникает на стыке языка и права. В своих научных работах Н. Д. Голев предлагает для обозначения данной дисциплины использовать термин «юрислингвистика» – по аналогии, с одной стороны, с терминами: психоллингвистика, этнолингвистика, онтолингвистика и подобными, а с другой стороны с терминами: юриспруденция, юрисдикция, юрисконсульт и подобными. «В наше время членение наук на частные отрасли компенсируется их взаимовлиянием и созданием промежуточных дисциплин, позволяющих изучать не изолированные феномены, а комплексы (циклы) каузально связанных явлений, относящихся к разным сферам жизни. Познание не может пренебречь фактором целостности», – считает Н. Д. Арутюнова [Арутюнова 1999 : 245].

По мнению Н. Д. Голева, «движущими силами выделения новой отрасли знаний являются как внешние, социальные, обстоятельства, так и обстоятельства внутренние, определяемые логикой развития обеих «перекрещивающихся» наук – лингвистики и юриспруденции – в их фундаментальном и прикладном бытии» [Голев 2004: 52].

Профессор М.В. Горбаневский, возглавляющий «Гильдию лингвистов-экспертов по документационным и информационным спорам», и профессор Н. Д. Голев высказывают мнение о том, что право связано по происхождению с языком, оно объективируется в языке и через язык познается. Однако в настоящее время возникает и новый, нетрадиционный, неожиданный как для юриспруденции, так и для лингвистики аспект их связи – речь идет о проблемных вопросах, находящихся в пограничной сфере права и языка, и прежде всего – о лингвистической экспертизе текстов, вовлеченных в юридическую практику. Работа лингвистов в пограничной с юриспруденцией зоне в теоретическом плане подтолкнула развитие новой области междисциплинарных исследований – юрислингвистики, или юридической лингвистики. Она в своей практической сфере стимулирует становление лингвистической экспертизы естественных текстов, вовлеченных в юридическую практику, а также самих юридических текстов (законопроектов).

В сфере юрислингвистики проводятся научные исследования, отвечающие наиболее актуальным направлениям языкознания.

Изменения в общественной жизни, связанные с провозглашением свободы слова, стали причиной массы конфликтов, связанных с использованием языковых средств, что может повлечь за собой появление новой прикладной отрасли лингвистического знания – лингвистической конфликтологии. Активно данное направление разрабатывается лингвистом Г. С. Иваненко.

Язык потенциально оппозиционен, но большинство лингвистических оппозиций долгое время язык преодолевал внутренними средствами. В последнее время наметился новый путь разрешения языковых конфликтов – это путь приближения к юриспруденции. Сегодня лингвистическое экспертное исследование конфликтогенного дискурса (термин Голева Н. Д. – *Е.Ш.*), основывается на достижениях классической лингвистики. Появляется всё больше работ, посвященных исследованию языка права, многие учёные уделяют этому своё пристальное внимание.

Таким образом, принимая во внимание всё сказанное выше, следует отметить, что в рамках такого нового научного направления, как юридическая лингвистика, весьма актуально и своевременно появление исследований, посвящённых исследованию семантики фразеологических единиц. Среди работ Челябинской фразеологической школы, тематика которых находится в рамках исследования семантических свойств фразеологических единиц различных классов, следует особо отметить работы Е. Ф. Габрик, Л. П. Гашевой, Т. Г. Голощаповой, Е. А. Григорьевой, Г. С. Иваненко, Т. Е. Помыкаловой, Е. Р. Ратушной, А. М. Чепасовой и др.

Немаловажным считаем тот факт, что данное исследование также направлено на изучение семантических свойств языковых единиц, что подтверждает его теоретическую и практическую значимость и актуальность, в том числе и в для изучения конфликтного дискурса.

Посвятив своё исследование изучению языковых единиц фразеологических предлогов, одной из задач видим необходимость выяснить, какую функцию выполняют фразеологические предлоги в официально-деловом стиле и, в частности, в языке права. Но прежде всего, необходимо отметить, что в настоящее время в научной литературе не существует единой терминологии при наименовании данных языковых единиц.

Анализируя литературу, посвящённую этому вопросу, мы встретили различные мнения учёных-исследователей фразеологических предлогов. Обратим своё внимание на мнения учёных по вопросу наименования фразеологических предлогов.

Так, академик В. В. Виноградов говорит о сложных типах предложных словосочетаний [Виноградов 1972 : 535]. По мнению Р. П. Рогожниковой, уместно говорить о сочетании знаменательных слов с предлогами как о связанных, устойчивых, воспроизводимых в речи как единое целое сочетаниях с постоянной, неизменной формой и называть их сочетаниями, эквивалентными слову, или эквивалентами слова, Е. В. Клобуков считает их аналитическими образованиями. Исследователь А. А. Воронкова именует данный тип языковых единиц сложными предложными сочетаниями (предлог + знаменат. часть речи) и составными предложными сочетаниями (предлог + знаменат. часть речи + предлог), Т. А. Грязнухина пишет об устойчивых словосочетаниях, Н. А. Виноградова – о предложно-именных сочетаниях, Е. С. Шереметьева – о релятивах, понимаемых как служебные слова, обозначающие некоторые синтаксические отношения.

Под фразеологическим предлогом, вслед за Г. А. Шигановой, мы понимаем фразеологическую единицу, состоящую из двух и более компонентов и соотносимую по своим семантическим и грамматическим свойствам с лексическим предлогом [Шиганова 2001 : 11]. Однако обзор литературы показывает, что на сегодняшний день отсутствует общее наименование исследуемых нами единиц, что связано с индивидуальным подходом исследователей.

В нашем исследовании воспользуемся термином «фразеологический предлог» для обозначения исследуемых единиц.

Являясь служебной частью речи, предлог вне зависимости от того, являются ли он лексическим или фразеологическим, выполняет строевую функцию любого текста. Но предпочтение употребления фразеологических предлогов в языке права вызвано тем, что они способны выразить, в отличие от лексических предлогов, более широкий спектр смысловых отношений.

В работе В. Братцевой мы встретили мнение зарубежного исследователя В. Аврасина (W. Awrassin), который приводит точку зрения некоторых стилистов, выражающих критическую оценку по отношению употребления фразеологических предлогов в деловом стиле [Братцева 2009 : 47], В. Братцева приводит такое мнение, дословно переведя его с немецкого языка: «Они (такие предлоги) обезображивают здоровый деловой стиль». Позволим себе не согласиться с мнением зарубежного учёного. Фразеологические предлоги в официально-деловом тексте выполняют «смыслоуточнительную функцию», так как они уточняют и дополняют значение простых лексических предлогов.

Для выражения многообразных отношений, отражённых в текстах законов, нужны соответствующие грамматические средства. И при этом необходимо излагать свои мысли связно, последовательно, добиваясь максимальной лаконичности, ясности и однозначности понимания. Достичь этого, на наш взгляд, помогают фразеологические предлоги. Они позволяют точно и однозначно выразить оттенки различных отношений и «разгрузить» многозначные непроезженные предлоги, так как они имеют достаточно четкое фразеологическое значение.

Фразеологические предлоги в языке права отражают специфику стиля и являются одним из наиболее продуктивных языковых показателей, наряду с такими приметами стиля, как речевые стереотипы (частотные, воспроизводимые выражения), специальная графика и др. Однозначность исследуемых единиц позволяет чётко дифференцировать смысловые отношения в текстах законов, вследствие чего не допускается двусмысленность толкования фактов. Средствами для выражения грамматических отношений являются фразеологические предлоги.

В текстах официально-делового стиля наиболее продуктивны фразеологические предлоги субкатегории обстоятельства и субкатегории объекта. Фразеологическое значение каждой релятивной единицы строится на основе иерархически организованной совокупности сем компонентов. Каждый фразеологический предлог имеет индивидуальное фразеологическое значение. Большинство единиц образуют семантические подгруппы, группы, которые, в свою очередь, объединяются на основе субкатегориального значения. Фразеологические предлоги атрибутивной субкатегории в текстах законов не продуктивны.

В состав субкатегории обстоятельства входят 133 русских фразеологических предлогов, что составляет 63% от общего числа исследуемых нами релятивных единиц.

Самыми продуктивными в официально-деловых текстах являются фразеологические предлоги с темпоральной семантикой. У фразеологических предлогов с семой темпоральности выявлено 9 семантических подгрупп.

Наиболее активными в текстах законодательного подстиля являются фразеологические предлоги со значением «указание на начало и конец временного отрезка какого-либо действия»

Фразеологические предлоги в официально-деловом тексте активно участвуют в выражении пространственных отношений (*в год (чего), в течение (чего), за время (чего), за период (чего), на протяжении (чего)*), причинно-следственных отношений (*по вине (кого, чего), на основе (чего), на основании (чего), по основанию (чего), по праву (чего), исходя из (чего)*), условных отношений (*в случае (чего), в случаях (чего), в условиях (чего), при возможности (чего)*), целевых отношений (*в обоснование (чего), без цели (чего), в доказательство (чего), в подтверждение (чего), в опровержение (чего), в целях (чего), с целью (чего)*), отношений образа и способа действия (*в порядке (чего), в ущерб (чему)*), совместности (*в сочетании с (чем), в совокупности с (чем), во взаимосвязи с (чем), совместно с (чем), наряду с (чем)*).

Сочетаемость «справа» у фразеологических предлогов, функционирующих в текстах законов, выражена именами существительными, обозначающими действие, процесс, что отражает специфику самого официально-делового стиля. Левая дистрибуция маркирована глаголами различных семантических групп.

В корпус фразеологических предлогов субкатегории объекта входят 78 единиц, что составляет 37% от общего числа исследуемых нами единиц.

Самыми продуктивными в текстах официально-делового стиля русского языка являются релятивные единицы с комитативным групповым значением.

Кроме того, фразеологические предлоги активно участвуют в выражении директивных (*в адрес (кого, чего), в части (чего), на имя (кого), в отношении (кого, чего), применительно к (чему)*), делиберативных (*по заявлению (кого, чего), по искам (кого, чего), по искам о (чём)*), компаративных (*в виде (чего), в форме (чего) в качестве (кого, чего), по сравнению с (чем), наравне с (чем)*), генитивных (*в результате (чего), за счёт (чего)*) и лимитативных отношений (*за пределами (чего) и за пределы (чего)*) в текстах законов.

Анализ левой и правой дистрибуции показал, что для текстов официально-делового стиля является закономерным использование в качестве управляющего слова для фразеологических предлогов субкатегории объекта глаголов и отглагольных существительных различных семантических групп, чаще активного действия, а в качестве управляемого слова могут выступать имена существительные семантической группы названия лица.

Класс релятивных фразеологических единиц обладает способностью к пополнению за счёт новообразований, поскольку он является открытой системой. Основываясь на мнении о сущности механизма формирования фразеологического значения у фразеологических предлогов исследователя Г.А. Шигановой, при анализе официально-деловых текстов было выявлено 53 новых единицы. При этом единицы субкатегории обстоятельности и единицы субкатегории объекта проявляют одинаковую активность в пополнении корпуса фразеологических предлогов. Среди новых единиц с обстоятельственным субкатегориальным значением наиболее активно пополняются релятивные единицы с темпоральным групповым значением. Кроме того, у некоторых ранее выявленных и описанных фразеологических предлогов были обнаружены новые значения.

Являясь служебной частью речи, предлог выполняет строевую функцию любого текста. Но предпочтение употребления фразеологических предлогов в официально-деловом стиле вызвано тем, что они способны выразить, в отличие от лексических предлогов, более широкий спектр смысловых отношений более точно.

Фразеологическое значение есть сложная иерархическая система; оно структурно, то есть состоит из сем, находящихся в определенных отношениях между собой. Процесс фразеологизации некоторых единиц ещё не завершён, поскольку язык – это развивающаяся система, и корпус фразеологических единиц открыт для новообразований.

Библиографический список

1. Арутюнова, Н. Д. Язык и мир человека / Н. Д. Арутюнова. – 2-е изд., испр. – М. : Языки рус. культуры, 1999. – 896 с.
2. Братцева, В. В. Фразеологические предлоги в научном тексте русского и немецкого языков : дис. ... канд. филол. наук / В. В. Братцева. – Челябинск, 2009. – 287 с.
3. Виноградов, В. В. Русский язык : грамматическое учение о слове / В. В. Виноградов. – М. : Высш. шк., 1972. – 614 с.
4. Голев, Н. Д. О специфике языка права в системе общенародного языка и ее юридического функционирования / Н. Д. Голева // Юрислингвистика-5: Юридические аспекты права и лингвистические аспекты языка : сб. науч. тр. / под ред. Н. Д. Голева. – Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2004. – С. 39–57.
5. Иваненко, Г. С. Анализ модальности текста при разрешении информационного конфликта / Г. С. Иваненко // Русский язык: Исторические судьбы и современность : П Междунар. конгресс исследователей русского языка (г. Москва, МГУ им. М. В. Ломоносова, филологический факультет, 18–21 марта 2004 г.) : тр. и материалы / сост. М. Л. Ремнева, О. В. Дедова, А. А. Поликарпов. – М. : Изд-во Моск. гос. ун-та, 2004. – С. 391.
6. Иваненко, Г. С. Лингвистическая экспертиза в процессах по защите чести, достоинства, деловой репутации: для лингвистов-экспертов, следователей, судей, прокуроров, адвокатов, правозащитников, журналистов / Г. С. Иваненко. – Челябинск : Полиграф-Мастер, 2006. – 227 с.
7. Шестакова, Е. В. Фразеологические предлоги в текстах официально-делового стиля: на материале кодексов Российской Федерации : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Шестакова Е. В. – Челябинск, 2010. – 251 с.
8. Шиганова, Г. А. Система лексических и фразеологических предлогов в современном русском языке / Г. А. Шиганова. – Челябинск : Изд-во Челяб. гос. пед. ун-та, 2001. – 454 с.

Направление 5

ПРОБЛЕМЫ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ И ПЕРЕВОДА ЮРИДИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ

РЕЧИ Ф. Н. ПЛЕВАКО КАК ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН И ПРОБЛЕМЫ ИХ ПЕРЕВОДА НА АНГЛИЙСКИЙ И ГРУЗИНСКИЙ ЯЗЫКИ

М. В. Арошидзе, Н. Ю. Арошидзе

Батуми, Грузия

SPEECH OF FYODOR PLEVAKO AS A LINGVOCULTURAL PHENOMENON AND PROBLEMS OF ITS TRANSLATION INTO THE GEORGIAN AND ENGLISH LANGUAGES

M. V. Aroshidze, N. Y. Aroshidze

Batumi, Georgia

Аннотация. Лингвистическая компетенция, являющаяся важной составной частью профессиональной компетенции адвоката, достигла у известного русского Ф. Н. Плевако особых высот благодаря умению тонко просчитывать психологические, культурные, конфессиональные особенности присяжных заседателей. Его эмоциональные выступления, являясь образцом продуманной речевой тактики и стратегии, особенно трудно поддаются переводу.

Ключевые слова: лингвокультурный феномен, эксплицирование имплицитных средств, речевая тактика и стратегия, переводческие трансформации.

Abstract. Linguistic competence is a vital component of the lawyer's professional competencies, and famous Russian lawyer F. Plevako reached the peak of it due to his ability to thoroughly calculate psychological, cultural, and religious characteristics of the members of the jury. His emotional performances, being an example of thoughtful speech tactics and strategy, are especially difficult to translate.

Key words: lingvocultural phenomenon, explication of implicit means, speech tactics and strategy, interpretational transformation.

Коммуникативная компетенция, наряду с социальной, культурной и личностной, является важной составной частью профессиональной компетенции, но некоторые сферы человеческой деятельности предъявляют особые требования к умению оратора заинтересовать слушающую аудиторию, убедить, повести за собой, склонить к определенным поступкам. В первую очередь, к ним относятся такие разновидности институционального дискурса, как политический и юридический дискурс. История сохранила имена многих прекрасных ораторов-политиков, ораторов-адвокатов: Аристотель, Демосфен, Лисий, Горгий, Цицерон, Марк Антоний, Уинстон Черчилль, Джеймс Хьюмс, Кларенс Дэрроу и пр. Судебная речь, или судебное публичное говорение, является одним из древнейших жанров ораторского искусства, которое уже в Древней Греции и Древнем Риме достигло значительных высот, но, как отмечает Н. Н. Ивакина, «каждая эпоха, каждая страна и каждый народ вносили в него изменения, обоснованные потребностями общественной жизни» [Ивакина 2007 : 24].

Русское судебное красноречие стало развиваться намного позднее, чем в Европе, когда после судебной реформы 1964 года был введен суд присяжных и учреждена адвокатура. Тем не менее, конец XIX – начало XX стало плодотворным периодом для становления русской прокуратуры и адвокатуры: А. Ф. Кони, В. Д. Спасович, Н. П. Карбачевский, К. К. Арсеньев, А. И. Урусов, П. А. Александров, М. Г. Казаринов [Ивакина 2007 : 26]. Но даже на фоне этих известных личностей фигура Федора Николаевича Плевако вы-

деляется феноменальным сочетанием профессиональной, коммуникативной и социо-культурной компетенций. В последнее время оценочные характеристики терминов «феномен» и «феноменальный» несколько поблекли в результате их интенсивного тиражирования в средствах массовой информации, но применительно к Плевако, по нашему глубокому убеждению, они точно передают его уникальную способность тонко просчитать психологические, гендерные, возрастные, национальные, конфессиональные, культурные и пр. особенности всех участников статусно-ориентированного юридического дискурса (обвиняемого, обвинителя, судей, присяжных заседателей) для максимального усиления речевого воздействия, способствующего достижению поставленной цели.

Задолго до того, как во второй половине XX века начались систематические исследования особенностей межкультурной коммуникации, психолингвистических, лингвокультурологических, социолингвистических проблем, до того как были систематизированы и научно обоснованы особенности речевого воздействия в разных типах коммуникативных актов, исследованы тактики и стратегии профессиональной речи, этот талантливый адвокат и умнейший человек продемонстрировал интуитивное понимание и высокую технику владения тонкими методами интенсивного речевого воздействия на аудиторию. Его выступления являются образцом эффективнейшей речевой тактики и стратегии.

По мнению О. С. Иссерс, «стратегия речевого поведения охватывает всю сферу построения процесса коммуникации, когда ставится целью достижение определенных долговременных результатов. В самом общем смысле стратегия включает в себя планирование процесса речевой коммуникации в зависимости от конкретных условий общения и личностей коммуникантов, а также реализацию этого плана. Иными словами, речевая стратегия представляет собой комплекс речевых действий, направленных на достижение коммуникативной цели» [Иссерс 2013:196].

Обзор научной литературы, в которой анализируются особенности юридического дискурса, продемонстрировал ряд типичных для речи защитников стратегий и тактик. А. А. Солдатова выделяет три основные стратегии: 1) стратегия защиты; 2) стратегия нападения; 3) стратегия психологического воздействия [Солдатова 2013 : 18].

Анализ судебных речей Плевако позволяет нам отметить совершенно оригинальное построение его защитных речей, в которых он очень тонко сочетал все вышеназванные стратегии. Защитной речи всегда предшествовала кропотливая работа по сбору и уточнению фактов, но адвокат этим не ограничивался. Он всегда старался понять психологию своих подзащитных, увидеть ситуацию их глазами, прочувствовать их проблемы, вникнуть в детали. Заключительным этапом этой сложной деятельности была защитная речь в суде, которую Плевако выстраивал с учетом всего, что было к этому времени сказано (прокурором и др.) в свете сложившейся эмоциональной обстановки. Были случаи, когда ему приходилось полностью менять стратегию защиты. Так в речи по делу князя Грузинского, которое было рассмотрено Острогским окружным судом 29-30 сентября 1883 г., Плевако прямо заявляет: *«Как это обыкновенно делаются защитники, я по настоящему делу прочитал бумаги, беседовал с подсудимым и вызвал его на искреннюю исповедь души, прислушался к доказательствам и составил себе программу, заметки, о чем, как, что и зачем говорить перед вами. ... Но вот теперь, когда прокурор свое дело сделал, вижу я, что мне мои заметки надо бросить, программу изорвать. Я такого содержания речи не ожидал. Все это ново, неожиданно, и я, бросив задуманное слово, попытаюсь ответить прокурору так, как меня наталкивает сердце»* [Судебные речи 2018].

Часто Плевако прибегал к тактике «мнимого согласия», когда начинал свою речь с того, что во всем соглашался с обвинителем, но тут же предлагал всем присутствующим осмыслить данное обстоятельство с другой точки зрения. В. В. Вересаев в одном из своих воспоминаний передает следующий рассказ о нем:

«Главная его сила заключалась в интонациях, в подлинной, прямо колдовской заразительности чувства, которыми он умел зажечь слушателя. Поэтому речи его на бумаге и в отдаленной мере не передают их потрясающей силы. Судили священника, совершившего тяжкое преступление, в котором он полностью изобличался, не отрицал вины и подсудимый. После громовой речи прокурора выступил Плевако. Он медленно поднялся, бледный, взволнованный. Речь его состояла всего из нескольких фраз... *«Господа, присяжные заседатели! Дело ясное. Прокурор во всем совершенно прав – Все эти преступления подсудимый совершил и в них сознался. О чем тут спорить? Но я обращаю ваше внимание вот на что. Перед вами сидит человек, который ТРИДЦАТЬ ЛЕТ отпущал на исповеди все ваши грехи. Теперь он ждет от вас: отпустите ли вы ему его грех?»* И сел» [Судебные речи 2018].

Языковые маркеры стратегии, названной нами «мнимым согласием», часто встречаются в речах Плевако:

Дело Бартенева: *Единственное соображение экспертизы основано на том факте, несомненно верно, что ....*

Дело Замятниных: *Факты неопровержимы, и их отвергать бесполезно. Факты отвергать нельзя: снятой головы к плечам не приставишь.*

Дело Лукашевича: *Я лично готов разделить с прокурором мнение, что ...*
[Судебные речи 2018].

Тем эффектнее противодействие, когда адвокат «вынужден» настаивать на другой точке зрения по следующим причинам, чтобы судить: *во имя истины, справедливости, по совести, от всего сердца, во имя чести русского суда, по-человечески и пр.*

Дело Люторических крестьян: *Верю я, глубоко верю, что сегодняшний день в летописях русского правосудия не будет днем, за который покраснеет общество, разбитое в своей надежде на господство правды в русском суде. Люди они, человеки!... Судите же по-человечески!...* [Судебные речи 2018].

Федор Никифорович использовал разнообразнейший арсенал выразительных средств русского языка для создания необходимого эмоционального накала, чтобы присяжные заседатели рассмотрели каждый конкретный случай не по букве закона, а по его духу. Народные пословицы и обороты разговорной речи соседствовали в его выступлениях с высокой патетикой старославянизмов, этнокультурные метафоры создавали осязаемый образ ситуации, цитаты из классических произведений и литературные аллюзии вызвали к авторитетам:

Но у нас есть русская пословица, довольно удачно обрисовывающая характер человека, живущего в семье: «в людях – ангел, не жена; в доме, с мужем – сатана». Человек может быть дома один: может и поссориться, и подрасться; но как только явится к посторонним людям, он будет совершенно другой.

Не беда, что потерпит мужик:

Знать, ведущее нас Провидение

Указало; да он и привык...

Ведь сквозь зримый миру смех незримые миру слезы водили рукой поэта-сатирика, когда он пел эту скорбную песню [Судебные речи 2018].

Представляя собой столь своеобразный лингвокультурный феномен, речи Плевако особенно трудно поддаются переводу. И это неудивительно. В переводоведении уже аксиомой стало утверждение: чем меньше по объему профессиональный текст, тем большая смысловая нагрузка приходится на имплицитные средства выражения, а значит, тем сложнее перевод. Причем при эксплицировании ранее скрытых нюансов в разных лингвокультурах наблюдаются отличительные особенности, что интересно проследить на материале переводов речей Плевако на столь разносистемные языки как грузинский и английский. Эргативный строй грузинского языка настолько отличается от номинативного строя русского, что требует перекраивания всей фразы, что подчас ослабляет тактические шаги, выстраиваемые в русле общей стратегии. Особо хотелось бы подчеркнуть, что, хотя тактики и стратегии профессиональной речи в настоящее время интенсивно исследуются в разных типах дискурса, пока все еще мало работ, посвященных трансформации средств речевого воздействия при переводе.

Выстраивая стратегию защиты по делу владелицы лавки, нарушившей правила о часах торговли и закрывшей лавку в канун религиозного праздника на 20 минут позже, Плевако разыгрывает целое театрализованное действие. Явившись с опозданием в суд он уточняет, что по часам судьи он опоздал на 15 минут, по часам прокурора – даже на двадцать. Только после этого адвокат приступает к защитной речи, четко противопоставляя малограмотную старую женщину (подсудимую) интеллигентным образованным людям (прокурору, судье) он вопрошает присяжных:

«Так если господин председатель, по часам прокурора, открыл заседание с опозданием на 15 минут, а защитник явился на 20 минут позже, то как можно требовать, чтобы малограмотная торговка имела лучшие часы и лучше разбиралась во времени, чем мы с прокурором?» [Судебные речи 2018].

В грузинском переводе [Didi Plevakos istoriebidan 2018] опущены некоторые детали, что ослабляет эмоциональное воздействие речи. Не уточняется возраст обвиняемой, которая названа неграмотной, а ведь «малограмотная старая женщина» вызовет большее сочувствие у присяжных, нежели неграмотная торговка (непонятно, как она вообще содержит лавку). В театрализованном действии значение имеют все детали, ключевые слова, интонация. Рассмотрим грузинский и английский переводы известной истории, когда Ф. Н. Плевако защищал в суде старушку, укравшую дешевый чайник, стоимостью в 30 копеек. В английском переводе [Prominent Russians 2018] утрачен русский разговорный фразеологизм «*выбить почву из-под ног*», который характеризует тактику прокурора, пытавшегося лишить Плевако возможности пожалеть бедную женщину. Он сам очень сочувственно отнесся к обвиняемой и тут же перешел к высокой патетике, когда потребовал наказать ее во имя сохранения «*святого права собственности*», на котором «*зидится мироустройство*». Но и в грузинском, и в английском переводе высокий стиль, созданный употреблением старославянизмов, утрачен. Еще одна немаловажная деталь: Плевако называет свою подзащитную *старушка*, в противоположность прокурору, который использует слово *бабка*, в грузинском переводе – мы встречаем слово *bebrukhuna (бабка)*, в английском – *old lady (старая леди)*, утрачен оценочный компонент уменьшительно-ласкательного суффикса, создающего соответствующий эмоциональный настрой. А ведь именно тонкое сочетание равноуровневых средств языка, усиленное гротеском, позволило адвокату переубедить присяжных: «*Много бед, много испытаний пришлось претерпеть России за более чем тысячелетнее существование. Печенеги терзали ее, половцы, татары, поляки. Двенадцать языков обрушились на нее, взяли Москву. Все вытерпела, все преодолела Россия, только крепла и росла от испытаний. Но теперь... Старушка украла старый чайник ценою в 30 копеек. Этого Россия уж, конечно, не выдержит, от этого она погибнет безвозвратно...*» [Судебные речи 2018].

Будучи глубоко религиозным человеком, Федор Никифорович часто обращался к религиозным чувствам слушателей, приводил цитаты из Библии. Его речевые пассажи всегда были весьма эффектными, а часто и очень лаконичными. Но нельзя забывать, что используемые им речевые тактики и стратегии опирались на кропотливую работу адвоката, о которой он так сказал в деле Максименко:

Я буду вести не придуманную, а продуманную речь... [Плевако 1993 : 456]. К сожалению, подобная языковая игра также утрачивается в переводах.

В рамках данной статьи затруднительно цитировать тексты переводов, которые занимают очень большой объем, в нашу задачу входила демонстрация очень своеобразных стратегий и тактик судебных речей Ф.Н.Плевако, рассчитанных на среднестатистический состав присяжных заседателей дореволюционной России и аргументация необходимости учета трансформаций этих стратегий в переводных текстах.

Библиографический список

1. Белл, Р. Т. Социоллингвистика: Цели, методы, проблемы / Р. Т. Белл ; под ред. А. Д. Швейцера. – М. : Международные отношения, 1980. – 320 с.
2. Ивакина, Н. Н. Основы судебного красноречия (риторика для юристов) / Н. Н. Ивакина. – М. : Юристь, 2007. – 464 с.
3. Иссерс, О. С. Речевое воздействие / О. С. Иссерс. – М. : Флинта, 2013. – 239 с.
4. Плевако, Ф. Н. Избранные речи / Ф. Н. Плевако. – М. : Юридическая литература, 1993. – 544 с.
5. Плевако, Ф. Н. Судебные речи / Ф. Н. Плевако. – URL: http://az.lib.ru/p/plewako_f_n/text_0020.shtml
6. Солдатова, А. А. Речевые стратегии и тактики адвокатского дискурса в уголовных процессах : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Солдатова А. А. – Тверь, 2012. – 155 с.
7. Судебные речи известных русских юристов : сборник. – М. : Гос. изд-во юридической литературы, 1957. – 688 с.
8. Шиханцов, Г. Г. Юридическая психология / Г. Г. Шиханцов. – М. : Зерцало, 2006. – 352 с.
9. Didi Plevakos istoriebidan. – URL: http://givargi.blogspot.com/2012/11/blog-post_7134.html/
10. Prominent Russians: Fyodor Plevako. – URL: <https://russiopedia.rt.com/prominent-russians/politics-and-society/fyodor-plevako/>

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА ТЕРМИНА «ГРУБ СТРОЕЖ» НА РУССКИЙ ЯЗЫК

С. В. Арсениев

София, Болгария

TRANSLATIONAL PECULIARITIES OF THE TERM "ROUGH CONSTRUCTION" INTO THE RUSSIAN LANGUAGE

S. V. Arseniev

Sofia, Bulgaria

Аннотация. Рассматривается вопрос перевода на русский язык термина «груб строеж», широко используемого в речи россиян и русскоговорящих, проживающих на территории Болгарии.

Ключевые слова: термин, перевод, коробка дома, «груб строеж», застройщики, риелторы.

Abstract. This article outlines the Russian translation of the term "rough construction" that is commonly used by Russians and the Russian-speaking people who are living in Bulgaria.

Key words: translation, term, shell of a house, "rough construction", real estate developer, realtor.

В период со второй половины 2000-х до 2015 г. Болгария для россиян кроме желанного направления для отдыха превратилась в место, где можно было приобрести жилье на выгодных условиях. Граждане России стали для местных застройщиков и риелторов одной из самых многочисленных, желанных и платежеспособных групп клиентов.

Появилась необходимость в срочной и масштабной подготовке множества печатных материалов (рекламных буклетов, справочников), расширения существующих сайтов с созданием новых разделов на русском языке, создания полностью новых, целиком ориентированных на российского (русскоговорящего) покупателя. Обязательный устный перевод на русский язык договора купли-продажи в ходе оформления нотариальной сделки обязывал переводчиков на должном уровне владеть сложной терминологией.

Такая разнообразная и трудоемкая работа выявила серьезную проблему – сложность выполнения такого объема самых разнообразных переводов на достаточно профессиональном уровне, что особенно важно «... в условиях динамично развивающегося процесса международной интеграции в области экономики, торговли, туризма, науки, образования...» [Пенчева 2016 : 61].

«Переводческие муки», кроме всего прочего, были связаны с точной передачей на русский язык лексики, используемой застройщиками, риелторами и нотариусами в Болгарии.

Стоит вспомнить о распространенных выражениях, как «старое строительство», «холл с кухонным боксом», «голубая зона».

И если со временем русскоговорящий человек, благодаря природной смекалке и помощи бывалых соотечественников, осваивался с необычным «понятийным» окружением, то для множества вновь прибывающих столкновение с непонятной, несколько «пугающей» терминологией, вызывало чувство растерянности. Такое погружение в сложности межкультурного общения может привести к «... явлению, которое, по аналогии с культурным шоком, называется лингвистическим шоком» [Томанова 2009 : 118].

В сфере строительства термин «*груб строеж*» является распространенным понятием (особенно среди людей, отважившихся самостоятельно заниматься строительством). Рассмотрим его использование в речи русскоговорящих (общение на интернет-форумах), на рекламно-информационных ресурсах (контент сайтов) и использование в болгарском законодательстве.

1. Использование болгарского термина русскоговорящими на территории Болгарии (на примере двух форумов):

Форум 2013 г.:

участник «AVGUST»:

«*Грубый строеж от 80 до 110 евро, чистовая отделка...*»

участник «Юрий К»:

«*Груб строеж, тут конечно рассчитывать от сложности конструкции и кубометров бетона ...*»

[Форум «8 Марта»].

Форум 2015 г.

участник «**gbs**»:

«Этой осенью актуален **груб строеж**, весной – отделка ...»

участник «gbs»:

«С 1 октября можно начинать строить. Сейчас интересуется только **груб строеж**».

участник «vstov»: (возможно, тоже русскоязычный):

«130-150 евро/м² **грубый строеж**, гарантия качества...» [Форум «О Болгарии по-русски»].

Наметилось два варианта «перехода» в речь русскоязычных на бытовом/деловом уровне болгарского термина «**груб строеж**».

Вариант «**груб строеж**»: прямое заимствование чужого для собеседников болгарского термина. Существительное и прилагательное используются без изменений, есть совпадение формы болгарского прилагательного с краткой формой прилагательного «**грубый**» – «**груб**» в русском языке. Типичный пример транслитерации, когда имеется «... фонетическое воспроизведение заимствованного слова фонетическими средствами языка перевода» [Томанова 2009 : 27].

Вариант «**грубый строеж**»: форма существительного заимствована из болгарского языка без какого-либо изменения. Происходит трансформация прилагательного – используется полная форма прилагательного мужского рода «**грубый**».

Исходя из информации в двух указанных случаях, можно высказать предположение, что вариант «**груб строеж**» используется недавно прибывшими русскоговорящими, в точности воспроизводящими в речи болгарский термин. Вариант же «**грубый строеж**» используется носителями русского языка, более длительное время пребывающими в Болгарии.

2. Сайт НКО, зарегистрированного в Болгарии российскими гражданами, владеющими недвижимостью в Болгарии (рубрика «Терминология»):

«**Груб строеж** – Грубое строительство: здание или постройка, в которой возведены стены и крыша, квартиры без отделки...» [Сайт Ассоциации ...].

Попытка дать объяснение болгарскому термину в форме «словарной статьи». Использован прием пословного перевода «**грубое строительство**», затем дано описание некоторых работ, характеризующих данный этап строительства. В этом случае, пословный перевод не является промежуточным этапом переводческой работы, т.к. более удачный вариант в дальнейшем не приводится. Было бы уместно указать на буквальность перевода.

3. Примеры использования болгарского термина на сайтах болгарских компаний-застройщиков, предлагающих свои услуги русскоязычным клиентам на территории Болгарии:

Сайт строительной компании

«**Грубое строительство**

...»

Этап грубого строительства заключается в строительстве несущей конструкции здания и его каркаса...» [Сайт компании ...].

Сайт, продвигающий бренд болгарской строительной компании (орфография оригинала сохранена):

«**Грубое строительство**

...»

Строительство Вашего дома на этапе грубого строительства

*КЧто именно означает определение **грубое строительство**, что должен знать инвестор, прежде чем начать строительство дома? Что именно включает в себя **грубое строительство**?...» [Бренд «RichHouse» ...].*

Два последних сайта – пример подхода, заключающегося в попытке передачи болгарского термина «**груб строеж**» с использованием приема пословного перевода и появлением на выходе таинственного? «**грубое строительство**» без какого-либо указания болгарского термина (в отличие от предыдущего примера). Авторы текста, расположенного на первом сайте, проявили большее желание перевести болгарский термин в более ясную для русскоговорящего плоскость, используя также прием своеобразного смыслового развития, поочередно перечисляя отдельные виды работ, составляющие данный этап строительства. «Модуляцией или смысловым развитием называется замена слова или словосочетания ИЯ единицей ПЯ, значение которой логически выводится из значения исходной единицы. Наиболее часто значения соотношенных слов в оригинале и переводе оказываются при этом связанными причинно-следственными отношениями» [Комиссаров 1990 : 177]. Что касается второго сайта, уровень перевода оставляет желать лучшего.

4. Пример успешного перевода термина (сайт болгарской компании-застройщика).

«**Груб строеж**

*Под термином «**груб строеж**» болгары подразумевают построенную коробку дома или здания, с внешними и внутренними стенами, под крышей, без отделочных и инженерных работ...» [Сайт компании «Стройкомплекс»]. Наиболее удачная, по моему мнению, попытка передать на русский язык смысл болгар-*

ского термина с использованием соответствующей терминологии, широко распространенной в российской строительной отрасли. Использование приема экспликации – лексико-грамматической трансформации, при которой лексическая единица болгарского языка заменяется словосочетанием, эксплицирующим ее значение, т.е. дающим более или менее полное объяснение этого значения на русском языке при «наличии серьезного расхождения словарного состава оригинала и перевода» [Томанова 2009 : 26].

Следует отметить, что эта компания представлена в двух столицах Российской Федерации. Не подлежит сомнению, что российские переводчики и специалисты-строители «приложили руку» к переводу, в результате которого он оказался выполненным достаточно качественно.

Каковы основания для подобного утверждения?

Содержание термина «*груб строеж*» приведено в Дополнительных положениях Закона об устройстве территории [Закон за устройство на территорията от 31.03.2001], конкретнее в п. 46:

«46. (предшина т. 42 – ДВ, бр. 65 от 2003 г.) «**Груб строеж**» е сграда или постройка, на която са изпълнени ограждащите стени и покривът, без или със различна степен на изпълнени довършителни работи».

Действительно, подобная формулировка не дает четкого представления об объеме строительно-монтажных работ (СМР) на указанном этапе строительства. Допускается «разная степень исполнения отделочных работ» или же их отсутствие. Тем не менее, именно подобная свобода трактовки позволяет утверждать, что болгарский термин во многом совпадает с принятым в России определением аналогичного этапа СМР.

Приведем в качестве примера информацию, размещенную на сайте российского застройщика:

«Под термином «**коробка дома**» обычно подразумевают некое строение, состоящее из фундамента, возведённых стен с монтированными плитами перекрытия, лестничными маршами (если таковые предусмотрены проектом), ну и естественно – крышей. Однако понятие «коробка дома» не имеет каких-либо чётких нормативных разграничений и представление о том, какие же все-таки конструктивные элементы (к примеру: крыльцо, стяжка вокруг дома, бетонирование полов и др.) входят в термин «коробка дома» – у всех разные ...» [Сайт компании ООО «Транс Микс»].

В наши задачи не входит обсуждение причин такой «нечеткости» определения. Гораздо важнее то, что найден сравнительно точный эквивалент широко распространенного болгарского термина. При этом совпадение наблюдается не только в обязательном объеме СМР, но и в «открытости» вопроса о дополнительных отделочных работах.

Нельзя не отметить и существенную разницу: болгарский термин присутствует в правовом поле (с учетом неполноты его формулировки); российский эквивалент не прописан в каком-либо законе, тем не менее, так же широко распространен в строительной отрасли и в отрасли торговли недвижимостью.

Прием экспликации позволяет наиболее точно, по моему мнению, передать значение болгарского термина «*груб строеж*» как «*коробка дома*».

В заключение следует отметить, что в последние годы профессиональный уровень переводов, выполняемых в Болгарии, повышается. Благоприятные предпосылки этого явления в том, что только в Восточной Болгарии более чем полмиллиона объектов недвижимости находятся или находились во владении россиян. Таким образом, россияне составляют самую многочисленную диаспору на территории Болгарии. Вопрос престижа для болгарского бизнеса заключается в том, чтобы обеспечить высокий уровень перевода самых разнообразных текстов, в числе которых, по очевидным причинам, особое место занимают тексты строительной тематики.

Библиографический список

1. Закон за устройство на территорията. Обн. ДВ. бр. 1 от 2 Януари 2001 г. с посл. изменения и допълнения. – URL: <https://www.lex.bg/index.php/laws/ldoc/2135163904>
2. Комиссаров, В. Н. Теория перевода (лингвистические аспекты) : учеб. пособие / В. Н. Комиссаров. – М. : Высш. шк., 1990. – 253 с.
3. Пенчева, А. И. 2015 РЕТУР (RETOUR) – иновативен ресурс за обучение по руски език в сферата / А. И. Пенчева // Руските и българските делови текстове – езикови особености и проблеми на превода. – 2015. – 100 с.
4. Томанова, С. Междуетниково взаимодействие в превода. От руски на български и от български на руски език / С. Томанова. – Благоевград : Неофит Рилски, 2009. – 155 с.
5. URL: <http://www.sentia.ru/index.php?threads.../page-3> Форум «8 Марта. Форум иммигрантов»
6. URL: <http://forum.aboutbulgaria.biz/viewtopic.php?p=664115> – Форум «О Болгарии по-русски»
7. URL: <http://www.bgrus.com/termin-537/> Сайт Ассоциации российских граждан, владеющих недвижимостью в Болгарии
8. URL: <http://www.chobanovstoyanov.ru/ru/services/stroitelystvo/gruboe-stroitelstvo-20.html> Сайт компании «Чобанов и Стоянов» ООД
9. URL: <http://richhouse.eu/richhouse/> Бренд «RichHouse» собственность «МКМ – БГ Групп» ООД
10. URL: <http://stroikompleks.com/contacts/> Сайт компании «Стройкомплекс»
11. URL: http://www.trans-mix.ru/info/korobka_doma.php Сайт компании ООО «Транс Микс»

ПРОБЛЕМАТИКА ПЕРЕВОДА НЕКОТОРЫХ СЛОВСОЧЕТАНИЙ, ПРЕДСТАВЛЕННЫХ В КАНАДСКОЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ СФЕРЕ

И. Гвелесиани

Тбилиси, Грузия

PROBLEMS OF TRANSLATION OF SOME WORD-COMBINATIONS PRESENTED IN THE CANADIAN LINGUAL LANDSCAPE

I. Gvelesiani

Tbilisi, Georgia

Аннотация. Рассматриваются некоторые аспекты перевода, которые играют значительную роль в формировании современных юридических тенденций, но сильно «страдают» от влияния возникающей парадигмы «трансплантации».

Ключевые слова: гражданское право, общее право, траст, трастоподобный механизм.

Abstract. The paper deals with some aspects of translation, which play a significant role in the shaping of the contemporary juridical tendencies, but greatly "suffer" from the influence of the emerging paradigm of "transplants". The major emphasis is put on the semantic peculiarities of the word-combinations related to the common law trust and its Quebecois "counterparts".

Key words: civil law, common law, trust, trust-like mechanism.

Introduction

Canada is a country of a mixed legal system. According to the generally accepted assumption, a mixed juridical system "is originally a Roman-Civil law system which then absorbs aspects of English common law as part of its structure" [Ganado], for instance, "Quebec did not create the trust from whole cloth, but rather imported it from the common law in response to demands from various constituencies within the province" [Lubetsky 2012:352]. The process of "importing" was rather complicated. The *trust* mechanism seemed alien to the civilian reality. According to M. Ganado's viewpoint: "Too many civil and common law lawyers – in an older generation – have been wasting their time with finding reasons why trusts are incompatible with civil law resulting in an equal amount of civil and common law lawyers – in a more recent generation – then wasting their time with trying to show that there is no such incompatibility" [Ganado]. The incompatibility exists. However, it can be overcome by the introduction of such legal mechanisms as segregated property, Quebecoise *patrimoine d'affectation*, etc. Perhaps, common law *trust* and civil law *trust-like mechanisms* are those institutions which defeat the civilian centuries-long absolutism.

Classification of Quebecoise Trusts

A profound study of Quebec's law draws our attention to the classification of *trusts*. Before the recodification of 1994, the legal system of Lower Canada distinguished only a small number of subclasses of entrusting instruments, for instance: "Trusts for persons could only be established by will or donation – a formulation that essentially excluded all commercial trust" [Lubetsky 2012:340]. After the reformation of 1994 the Quebec's trusts have "acquired different shapes". Nowadays, they can be established "by onerous or gratuitous contract, by will, by operation of law, or by judgment..." [Claxton 2002:277]. "An onerous contract is perhaps the principle means that will be employed for the establishment of a trust, apart from a will. (In an *inter vivos* trust the transfer to the trustee is usually an onerous contract.)" [Claxton 2002:287]. The Civil Code of Quebec does not provide any provisions governing a form of a trust instrument. It cannot be created in a trustor's lifetime by his/her unilateral declaration. Moreover, the Quebecoise law provides no obligatory provision to use a notarial deed unless the trust is constituted by means of gift, in which case there must be compliance with the requirements of article 1824 of the Civil Code of Quebec" [Roy 2010:6].

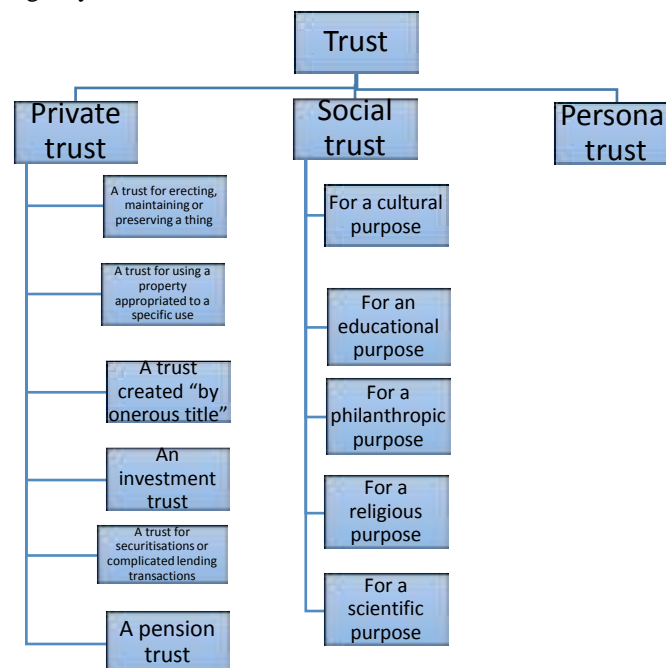
Therefore, we can distinguish *inter vivos* and *testamentary* types of *trusts*. Moreover, the *trusts* can serve a great variety of purposes: private, educational, charitable, commercial, social, etc. More precisely, the Quebecoise law presents a tripartite classification of the *trust/fiducie*:

- a personal trust/la fiducie personnelle;
- a private trust/la fiducie d'utilité privée;
- a social trust/la fiducie d'utilité sociale [Civil Code of Quebec 1991].

“If the trust is ‘social’ or ‘private’, the trust can potentially last perpetually; if it is ‘personal’, its maximum duration will be limited” [Lubetsky 2012:340]. Each *personal trust* is created for certain personal reasons, while a *social trust* serves as a useful tool for supporting educational, religious, charitable and other interests. The category of a *private trust* seems most flexible, progressive and widely used. M. Lubetsky distinguishes three major types of *private trusts*:

- “(a) a trust for erecting, maintaining or preserving a thing (*‘un bien corporel’*) (article 1268 C.C.Q. *in inceptum*);
- (b) a trust for using a property (*‘un bien’*), which can include a sum of money, appropriated to a specific use (article 1268 C.C.Q. *in fine*);
- and
- (c) a trust created “by onerous title” (article 1269 C.C.Q.)” [Lubetsky 2012:345].

M. P. Roy believes that *private trusts* may “embrace a wide range of commercial applications, the most obvious of which are profit-sharing arrangements (investment trusts) provision for employees of retirement (pension trusts), or to another transactions such as securitisations or complicated lending transactions” [Roy 2010:8]. In contrast to a *private trust*, a *social trust* is constituted “for a purpose of general interest, such as a cultural, educational, philanthropic, religious or scientific purpose. It does not have the making of profit or the operation of an enterprise as its main object” [The Civil Code of Quebec 1991]. Therefore, three major types of trusts and their sub-types can be presented in the following way:

The given drawing enables us to classify Quebecois *trusts* according to the purposes of their creation. However, this classification can be regarded as tentative, because in certain cases, there is no clear line delineating different types of the *trust*. The definitions evidently overlap, making it difficult to say where one sub-class ends and another begins, for instance, personal trusts are created for securing the benefit for determinate and determinable persons, while private trusts are “constituted by onerous title for the purpose, in particular, of allowing the making of profit by means of investments, providing for retirement or procuring another benefit for the settlor or for the persons he designates...” [The Civil Code of Quebec 1991]. The settlor or the persons he designates are definitely determinate or determinable ones! Therefore, the Quebec’s courts have to take further steps for providing more precise guidance for the determination of different types of *trusts*.

Terminological Incompatibility

The study of English and French versions of the contemporary Civil Code of Quebec reveals that the English terms denoting different types of trusts have the following French equivalents:

- Personal trust – la fiducie personnelle;
- Private trust – la fiducie d'utilité privée;
- Social trust – la fiducie d'utilité sociale [Civil Code of Quebec 1991].

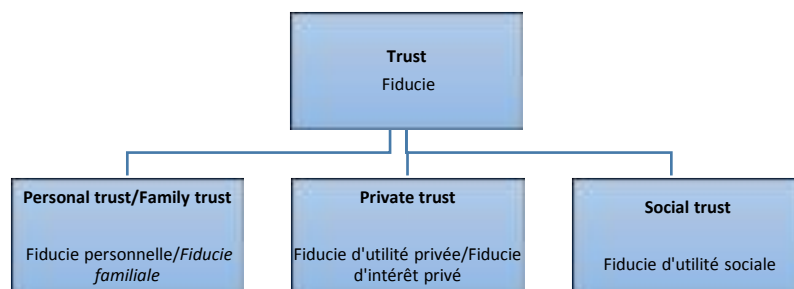
During the study of the Quebecoise terminological reality, the greatest attention must be paid to the data given in “Dictionnaire de Droit Privé”, which claims to be the only contemporary dictionary reflecting a bilingual and a bijural specificity of Quebec’s juridical landscape. The given dictionary was created in 1981 within the framework of the Project of Private Law Dictionaries and Bilingual Lexicons carried out by the Paul-André Cré-

peau Centre for Private and Comparative Law. The study of the data given in “Dictionnaire de Droit Privé” reveals the following English-French equivalency:

- Personal trust – Fiducie personnelle;
- Private trust – Fiducie d'utilité privée/Fiducie d'intérêt privé;
- Social trust – Fiducie d'utilité sociale [The Private Law Dictionary].

It is worth mentioning, that “Personal trusts are often called family trusts (*fiducie familiale*)” [The Private Law Dictionary].

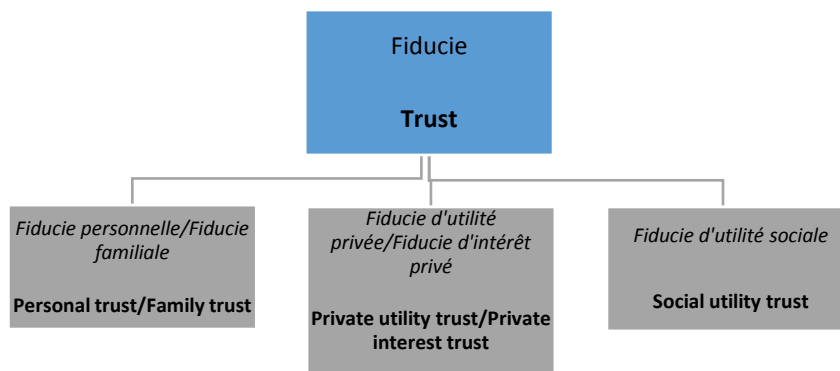
Therefore, the study of the data given in the Civil Code of Quebec and in “Dictionnaire de Droit Privé” enables us to present different types of trusts in the following way:

It is worth mentioning, that M. P. Roy discusses the same three major types of Quebecoise trusts and names them with the following terminological units:

- “personal purpose trust,
- private purpose trust; and
- social utility trust” [Roy 2010:7].

Therefore, the study of the above given data enables us to conclude, that the Civil Code of Quebec and the Private Law Dictionary present an exact translation of **fiducie personnelle**, while M. P. Roy vividly depicts the essence of **fiducie d'utilité sociale** via naming this word-combination with the **social utility trust**. However, a special attention must be paid to the terminological unit **fiducie d'utilité privée**. It cannot be equalized with the word-combination **private trust**. **Fiducie d'utilité privée** ought to be translated as **private utility trust**. The same can be said about **fiducie d'intérêt privé**, which should be equalized with the term **private interest trust**. Therefore, the French and English terms denoting different types of the Quebecoise **trust** ought to be presented in the following way:

The given terminological hierarchy does not coincide with the data of the Civil Code of Quebec and the Private Law Dictionary. It indicates to the existed non-equivalency of French and English terms and determines the way of its solution. The preference is given to the French language and all English terms are constructed according to the French lexical units. The given preference is stipulated by the fact, that French is an official language of Quebec.

Conclusions

The study of English and French versions of the contemporary Civil Code of Quebec reveals that the English terms denoting different types of trusts have some improper French counterparts. We believe, that the given problem can be solved by the renaming of the concepts. During this process, the preference must be given to the French language and all English terms must be constructed according to the French lexical units. The given preference is stipulated by the fact, that French is an official language of Quebec.

References

1. Civil Code of Quebec, 1991. – URL: <http://ccq.lexum.com/w/ccq/en#!fragment//KGhhc2g6KGNodW5rxIVhbsSHb3JUZXh0OicnKSxub3Rlc1F1ZXJ5xJYnLHNjcm9sbEPEiMSKOiFuxKdlYXLEh8SgxKLEpMSXxLTEtsSHU8SQdELEpFJFTEVWQU5DRSx0YWI6dG9jKSk=>
2. Claxton, J. B. Langage du droit de la fiducie / J. B. Claxton // *Revue du Barreau*. – 2002. – Vol. 62. – P. 273–317.
3. Ganado, M. How Civil Law Systems Absorb Trust / M. Ganado. – URL: <http://www.ganadoadvocates.com/wp-content/uploads/2015/07/How-Civil-law-Systems-Absorb-Trusts.pdf>
4. Lubetsky, M. Categorically Different: Unintended Consequences of Trust Taxonomy / M. Lubetsky // *Re-imagining the Trust: Trusts in Civil Law*. – Cambridge : Cambridge University Press, 2012. – P. 340–354.
5. Roy, M. P. Quebec / M. P. Roy // *Trusts in prime jurisdictions*, Globe Business Publishing LTD, 2010. – P. 496.
6. *The Private Law Dictionary*. – URL: <https://nimbus.mcgill.ca/pld-ddp/dictionary/search>

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА ЮРИДИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ

Н. Р. Гейко

Костанай, Казахстан

PECULIARITIES OF LEGAL TEXTS TRANSLATION

N. R. Geiko

Kostanai, Kazakhstan

Аннотация. Приводится определение понятия «юридический перевод», рассматриваются особенности, сходства и различия русскоязычных и англоязычных правовых систем, дается характеристика юридического текста на лексическом, грамматическом и синтаксическом уровнях, перечисляются виды юридического перевода. Описаны особенности устного и письменного перевода юридического текста, делается акцент на необходимость учета специфики правовой системы в тексте перевода, наличие фоновых и профессиональных знаний у переводчика.

Ключевые слова: письменный перевод, устный перевод, терминология, особенность, юридический перевод, способы перевода, беспристрастность, термин.

Abstract. The article defines the concept of "legal translation", examines the features, similarities and differences between Russian-speaking and English-speaking legal systems, describes the legal text at the lexical, grammatical and syntactic levels, lists the types of legal translation. The features of interpretation and translation of the legal text are described, emphasis is made on the need to take into account the specifics of the legal system in the target text, on the presence of background and professional knowledge of the translator.

Key words: translation, interpretation, terminology, peculiarity, legal translation, translation methods, impartiality, term

Юридический перевод является востребованным видом перевода на современном этапе, он охватывает тексты письменной и устной речи юриспруденции (совокупности юридических наук и практической деятельности юристов) [Алимов 2012: 55].

Бюро переводов POLYGLOT трактует юридический перевод как «перевод документов, регулирующих правовые отношения, документов, необходимых для осуществления разного рода международных отношений, а также перевод юридических текстов для обмена информацией и опытом между специалистами в области юриспруденции из разных стран» [Юридический перевод].

Правовая система России, Казахстана и других республик СНГ входит в Романо-германскую правовую семью и основана на континентальном римском, или кодифицированном, праве. Юридические системы англоязычных стран основаны на английском общем праве, которое называется ещё прецедентным, или некодифицированным правом, и на континентальном праве.

Несмотря на тот факт, что мы живем в глобализованном мире, где стираются многие границы и вопросы понимания явлений и реалий соседних стран и стран континентальной Европы, юридическая система, юридическая терминология и реалии в каждом государстве имеют свои особенности (правопорядок, правовые нормы, традиционные формы и процедуры судопроизводства, собственный язык права и т.д.). Как справедливо отмечает К. М. Левитан «специфика юридического перевода обусловлена в первую очередь особенностями языка права и профессиональной коммуникации в сфере права» [Левитан 2011: 27]. Например: *прокурор 1)* (обвинитель в суде) *prosecutor, counsel for prosecution*; *2)* (работник прокуратуры – в России, Англии) *public prosecutor; окружной прокурор* (в США) – *district attorney, Генеральный прокурор* (в России) – *Prosecutor-General*; (в Англии, США) *Attorney-General* [ABBYY Lingvo 12].

Среди отличительных особенностей английской юридической терминологии Л. В. Ступникова указывает на то, что «одно и то же правовое понятие может обозначаться разными англоязычными терминами в силу того, что английский юридический дискурс используется правовыми системами разных стран» [Ступникова 2011: 90].

Юридический текст характеризуют экспрессивная нейтральность, официальность, императивность, безличность, стандартизированность [Левитан 2011: 35]. Юридические тексты выполняют познавательную и предписывающую функции, могут быть разными по содержанию и представлять определенные трудности для понимания. В. В. Алимов пишет о том, что «юристы специально используют слова непонятные для простого народа. Такие тексты представляют определенные трудности для переводчика» [Алимов 2012: 96]. Кроме того, «перевод юридических текстов с одного языка на другой предполагает не только переход от одного языка к другому, но и одновременно переход от одной правовой системы, представленной в сознании юриста-переводчика как концептуальная картина юридической действительности своей страны, к другому миру права» [Левитан 2011: 27].

Юридические тексты К. М. Левитан делит на следующие группы: 1) законодательные (нормативные) тексты; 2) тексты судопроизводства; 3) научно-правовые тексты; 4) тексты юридических документов [Левитан 2011: 43]. В юридических текстах присутствуют общеязыковые лексические сокращения, общая и специальная юридическая терминология, лексика общенаучного описания, глаголы в страдательном залоге, безличные и неопределенно-личные предложения, разнообразие средств, оформляющих логические связи, устойчивые обороты речи и т.д. При переводе юридических текстов часто используются калькирование, транслитерация, описательный перевод, т.е. лексические, грамматические и стилистические трансформации [Алимов 2012: 77].

В бюро переводов POLYGLOT выделяют следующие виды юридического перевода:

1. перевод договоров, контрактов и соглашений, договоров купли-продажи, а также поставки товаров и аренды помещений; трудовых договоров; лицензионных соглашений,
2. перевод учредительных документов (уставов, учредительных договоров, решений, протоколов, свидетельств о регистрации и постановке на учет).
3. перевод нормативно-правовых актов государственных органов различных стран (законов, протоколов, постановлений, указов и правил);
4. перевод локальных нормативно-правовых актов (правил, положений и др.).
5. перевод судебных документов (заявлений, ходатайств, судебных решений, перевод инструкций, постановлений).
6. перевод любых сопроводительных документов (доверенностей, сертификатов, свидетельств, лицензий, разрешений) [Юридический перевод].

Такое деление юридического перевода характерно для письменного перевода. Однако объект юридического перевода – «передача содержания письменных и устных юридических текстов на исходном языке средствами переводящего языка с равноценным регулятивным воздействием» [Левитан 2011: 42]. В основном при обсуждении устного перевода широко используется для обозначения любого юридического перевода термин «судебный перевод» [Gamal 2009: 63-69], однако зал суда – это только один из контекстов, где может осуществляться юридический перевод. К другим контекстам относятся устный перевод в полицейском участке, таможне, миграционной службе, кабинете адвоката и т.д. Однако именно перевод в зале суда получил более широкое внимание ученых по сравнению с другими видами юридического перевода. Несмотря на большое количество стратегии перевода и приемов, используемых в юридическом переводе, одной из особенностей юридического перевода и его отличительной чертой от других видов перевода является то, что большое внимание уделяется этическим вопросам. В юридическом переводе настойчиво требуется соблюдение таких принципов как верность, беспристрастность и конфиденциальность.

С теоретической точки зрения показания свидетеля должны быть переданы полностью (с включением таких междометий как *er* (a sound made when hesitating in speech) – эээ, *um* – эм, *хм*, *м-м* (заполняет речевую паузу, вызванную сомнением или нерешительностью говорящего)), то есть реферативное изложение предложений и слов, которые воспроизводит говорящий, не допускается при переводе.

Исследования некоторых учёных показали, что супrasegmentные средства организации речи и языковые средства, включенные в речевое сообщение, остаются в не поля действия переводчика и соответственно часть свидетельских показаний претерпевает изменения. Учеными также подчеркивается, что в современном переводческом процессе зала суда мало что изменилось. Это связано со сложной природой юридического перевода и противоречивым отношением к переводчикам в зале суда. С одной стороны закон неохотно принимает переводчиков как профессионалов, способных осуществить передачу лингвистического сообщения на должном уровне, и тем более как судебных исполнителей. С другой стороны закон настаивает на рассмотрении продукта перевода в качестве имеющего юридическую силу эквивалента оригинального сообщения [Gamal 2009: 63-69].

В некоторых случаях просят привлечь независимого переводчика, который будет наблюдать за происходящим судебным процессом. Так как при устном переводе неизбежны ошибки, а перевод может повлиять на исход работы в зале суда, то независимому переводчику рекомендуется сообщать о неверном переводе незамедлительно, а не после вынесенного приговора.

Работа переводчика в зале суда заключается в том, чтобы обеспечить межкультурную коммуникацию между участниками судебного заседания. Все участники (обвиняемый, свидетели и т.д.) должны понимать, что происходит в зале суда.

Перевод может быть осуществлён последовательно, синхронно, неформально (с глазу на глаз), шушутажем (нашептыванием), с листа (перевод распечаток телефонных разговоров, субтитров к видео и т.д.). Каждый из этих видов перевода осложнен разными проблемами и трудностями, с которыми сталкивается переводчик в процессе перевода (от какого лица передавать сообщение, где расположено место переводчика в зале суда, знание темы, терминологии или хронологии событий, моральная устойчивость и т.д.).

До сих пор вопрос предоставления информации о судебном деле остается дискуссионным среди переводчиков и судебной властью. Помимо этих трудностей судебным переводчикам также приходится сталкиваться с экстралингвистическими проблемами, такими как скорость, прерывистое поступление речи, стресс и умственная усталость и чрезвычайное разнообразие поднятых вопросов и обсуждаемых тем [Gamal 2009: 63-69].

При письменном переводе юридических текстов переводчик подвергается орфографической интерференции, попадает под влияние норм орфографии оригинала и в переводе появляются орфографические элементы из другого языка. В заимствованных словах появляются буквы из алфавита оригинала, особенно это характерно для заимствованных слов, которые имеют похожее звучание и написание [Алимов 2012: 86], например: (подавать *апелляцию* на решение суда – *appeal* against the court's decision).

Практикующие переводчики при переводе юридических документов уделяют особое внимание многим аспектам, например, номеру документа, месту и времени подписания, ФИО, названиям и реквизитам сторон. При работе с правовыми (юридическими) документами, перед переводчиком стоят две задачи: 1) сам перевод и 2) адаптация материала согласно зарубежной юридической практике. При составлении любого документа юрист действует в соответствии с законодательством той страны, в которой находится. При переводе документа на иностранный язык некоторые понятия могут утратить свою силу, так как они просто не существуют в зарубежной практике. В таких случаях необходимо найти аналог, используемый зарубежными юристами [Ахрамеев 2016].

Учет специфики правовой системы той или иной страны, а также российской юриспруденции, безусловно, предполагает наличие у переводчика фоновых знаний, умения ориентироваться в правовых системах, тонкостях исходного языка и языка перевода [Левитан 2011: 39]. Для точного и достоверного результата, необходимо, чтобы переведенный текст был адекватен с точки зрения юриспруденции.

Юридический перевод считается одним из самых сложных, поскольку требует от переводчика не только владения иностранным языком, но еще и отличного знания юриспруденции, различных законодательств, а также международных стандартов.

Библиографический список

1. Алимов, В. В. Специальный перевод: практический курс перевода / В. В. Алимов, Ю. В. Артемьева. – М. : Либроком, 2012. – 208 с.
2. Ахрамеев, С. Особенности перевода юридических документов / С. Ахрамеев // Бюро переводов Translator.kg. – URL: <https://translator.kg/legal-translation/>
3. Левитан, К. М. Юридический перевод: основы теории и практики : учеб. пособие / К. М. Левитан. – М. : Проспект ; Екатеринбург : Урал. гос. юрид. академия, 2011. – 352 с.
4. Ступникова, Л. В. Оптимизация процесса овладения терминологией права при обучении англоязычному дискурсу студентов юридических вузов / Л. В. Ступникова // Российский внешнеэкономический вестник. – М. : Всерос. академия внешней торговли Минэкономразвития России, 2011. – Т. 12. – С. 89–93. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/optimizatsiya-protssessa-ovladeniya-terminologiy-prava-pri-obuchenii-angloyazychnomu-diskursu-studentov-yuridicheskikh-vuzov>
5. Юридический перевод / Бюро переводов Polyglot. – URL: <http://www.polyglot.lv/ru/otrasli-pjerjevodov/juridichjeskij-pjerjevod>
6. ABBYY Lingvo 12 : словарь, 2006. CD-Rom.
7. Gamal, M. Y. Court interpreting / M. Y. Gamal ; ed. M. Baker, G. Saldanka. – London ; New York : Routledge, 2009. – 694 p.

ТРУДНОСТИ И КУЛЬТУРНЫЕ РАЗЛИЧИЯ В ПЕРЕВОДЕ ЮРИДИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ С АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА НА АРАБСКИЙ

М. Наср

Аль Кура, Ливан

CONSTRAINTS AND CULTURAL DIFFERENCES IN THE TRANSLATION OF THE LEGAL TEXT FROM ENGLISH INTO ARABIC

M. Nasr

Al Kura, Lebanon

Аннотация. Рассматриваются трудности перевода юридических текстов с английского языка на арабский. Когда речь идёт о юридическом переводе, задача переводчиков особенно трудна, поскольку они должны быть знакомы с правовыми системами соответствующих стран, с их культурой и системой знаний. Это, безусловно, справедливо для английского и арабского языков, поскольку эти языки – две различные структуры, имеющие разные корни и принадлежащие разным правовым полям.

Ключевые слова: трудности перевода юридических текстов, культурные различия, юридический текст, перевод.

Abstract. This paper deals with the constraints in translating the legal text from English into Arabic. When it comes to legal translation, the translators' task is particularly challenging because they need to be familiar with legal systems associated with every language, and thus, with every culture and knowledge-based system. This is definitely the case with English and Arabic as these languages are two distinct entities, having different roots and belonging to different legal environments.

Key words: constraints of legal translation, cultural differences, legal text, translation.

In addition to being a form of communication between people globally, language also determines the identity of the culture and the people. As translators, we must see the 'language' in a detailed way. Let's begin with the 'source language' (English) which is the language that we translate from. Then there's the 'target language' (Arabic) to which we translate. More importantly, we have the 'specialized language' the legal one in our case, which is formed of a certain terminology that belongs to a specific field (medicine, law, economy, physics, architecture, etc.). A specialized language is not limited to technical terms, but also has functional terms and a very specific syntax and grammar. The use of passive and impersonal forms is an example of 'specialized language'.

According to Christopher Williams, there are four types of legal discourse:

- a- The language used between a lawyer and his/her client: which is mainly simple in order for the client to fully understand the case;
- b- The language used in courts (which is mainly oral): between the judges and the lawyers, or "lawyers and witnesses in a cross examination" [2014 Williams, 1: 113];
- c- The language of law reports and academic legal texts: it is characterized by the technical vocabulary;
- d- The written language of legal documents, case law and law reports: it is technical as well. It is also used in motions, decisions, orders, etc. (the documents issued by the court).

In this Paper we will focus mainly on the language of legal documents.

Legal culture is the social behavior and attitude related to law. According to Nelken, "Legal culture, in its most general sense, is one way of describing relatively stable patterns of legally oriented social behavior and attitudes." [2004 Nelken, 29:26]. The concept of "legal culture" was first introduced by Lawrence Friedman in 1975. According to Friedman, the term "legal culture" has two aspects: an analytic aspect and a descriptive one. On one hand, the analytic aspect emphasized the "actions that operated on and within the interactions of the legal system and its environment" [2010 Silbey: 470]. On the other hand, the descriptive aspect "identified a number of related phenomena- public knowledge of and attitudes towards the legal system as well as patterns of behavior with respect to the legal system" [2010 Silbey: 479].

1- Differences between English and Arabic Legal culture

As legal culture is related to legal systems, then talking about the differences and similarities between the legal systems of the two languages (legal Arabic is linked to the Civil Law; and legal English is related to the Common Law) is a must.

A- Key features of the Civil Law:

- The civil law is usually based on codification of the law: it relies on legal codes that determine the punishments and establish legal procedures. It is a codified system.
- The judge relies on the legal code to make his decision in a certain case.
- The influence of precedent and judicial decisions is limited.
- The Napoleonic code is the origin of Civil Law systems. The Non-English speaking world (Europe, Russia, Japan, etc.) apply the Civil Law in addition to Quebec and Louisiana.

B- Key features of the Common Law:

- The common law is based on precedent, which are judicial decisions that have already been made in similar cases. It is an uncodified system.
- The role of the judges is important as they interpret the law created by legislators and apply it to individual cases.
- Precedent and judicial decisions have big importance in the Common Law.
- Common Law systems have evolved in England and its former colonies. Common Law saw the light in the 11th century with the Norman Conquest.

As we can see, the differences between the Civil Law and the Common Law are major. Legal Arabic belongs to the Civil Law and Legal English belongs to the Common Law, two different legal systems, therefore they do not belong to the same legal culture but are of two different legal cultures.

2- Constraints of Translating the Legal Text

This part presents the constraints faced when translating a legal text. First, we have to define the term “constraint”. According to the Cambridge dictionary, the term “constraint” refers to “something that controls what you do by keeping you within particular limits” [Cambridge Dictionary].

While translating legal texts, the translator faces many difficulties which vary depending on the terminology used, the structure of the sentences, and translation of collocations, modals, and performative verbs. Staying faithful to the structure of the source text in respect of the meaning is not especially in the case of English and Arabic as they belong to different language families. In this part we will explore some constraints that a translator might face.

2.1 Terminology Constraints

Terminology presents a big challenge to the translator in order for him to get familiar with the terminology. The term “terminology”, according to the Oxford Dictionary, refers to “the body of terms used with a particular technical application in a subject of study, profession, etc.” [Oxford Dictionary]. In terminology constraints we can notice the following:

Latin Words

As foreign words are part of the Legal English, Latin words are widely used in the legal field. Foreign words derived from Latin or French underwent either the process of transliteration or the direct borrowing process.

Table 1: Some Latin Terms with Their Definition in English and Their Arabic Translation

No.	Term in English	Definition in English	Translation
1	Ex Parte	A Latin term meaning, literally, “from apart”. In a legal context, it refers to court proceedings conducted by one party in the absence of the other party in the case	«من أو عن جانب واحد؛ من خصم واحد أو نيابة عنه؛ بطلب أحد الخصوم» [Faruqi’s Law Dictionary]
2	Inter alia	A Latin term meaning “among other things”	«بين أشياء أخرى؛ يراد بهذه العبارة الإشارة إلى شيء من عدة أشياء أخرى». [Faruqi’s Law Dictionary]
3	Proprio motu	A Latin term that refers to acts carried out by an actor in proceedings of their own initiative	«من تلقاء نفسه؛ تلقائياً» [Faruqi’s Law Dictionary]

As this is one of the major difficulties that we face while translating, the first thing we do is searching for the definition of each of these Latin terms in the English legal dictionary. Afterwards, we try to find an equivalent in the target language. Despite the fact that the English language borrowed these Latin words and they are now integrated in the legal language, a translator does not have the option of borrowing them from the English language into Arabic, as the letters in English are quite different from the Arabic ones, therefore borrowing these terms would be bringing “strange” terms to the language, thus making the target reader not familiar with the text he is reading. As a result, the translator has to research the meaning of these Latin words and find the closest equivalent in the target language.

2.2 Syntactic constraints

In the legal text, syntax is important, because it has to be clear for the reader to fully understand the meaning intended. In the legal text, the sentences used are quite long and are not easy to understand. Therefore, the translator has a responsibility to render the same syntactic structure without any loss of the intended meaning. Additionally, the sentences are rich with collocations, performative verbs and modals. In this part, we will examine the translation of some collocations and performative verbs that occur frequently in legal texts.

2.2.1 Collocations

A collocation is a group of two or more words that are usually used together in a way that their combination sounds natural. It's "the habitual juxtaposition of a particular word with another word or words with a frequency greater than chance." [2013 Chirobocea and Popescu, 2: 67]. A collocation "refers to the syntagmatic attraction between two (or more) lexical items: morphemes, words, phrases or utterances." [2013 Chirobocea and Popescu, 2: 67]. In this part, we will examine some collocations that we extracted, divided according to their types.

There are six types of collocations:

Adverb + adjective, adjective+ noun, noun+ noun, verb+ noun, verb+ adverb and verb+ prepositional phrase.

Here is an example of a collocation analysis

I. Adjective+ noun

Collocation	Component 1 (adjective)	Component 2 (noun)	Translation
legal representative	legal	representative	ممثل قانوني

The difficulty in translating legal collocations is that the components of each collocation might have several equivalents in the target language. Additionally, the Arabic syntactic structure differs from the English one. In both cases, the translator has to take into account the whole context of the legal document. The translator has also to check other documents that have already been translated to check for the equivalents used in the target language.

2.2.2- Performative verbs

Performative verbs are used in legal texts to perform an act under the law. According to El Farahaty, "Language used in the law performs certain acts, mainly, declaring a right, making a prohibition, or giving permission, etc. This can be achieved through performative verbs (i.e. declare, authorize, enact, allow...)" [2019 El Farahaty, 29: 473].

Performative verbs in performative speeches have an illocutionary force, which is, according to Pavlickova, "a certain manipulating tool of the speaker/writer to achieve their intention" [2012 Pavlickova, 3: 4]. Using this force, controlling the situation is the aim of the speaker. "In the legal setting the controlling role and the illocutionary potential are strengthened by the fact that the creator (author/writer) of an act is a representative of an authoritative body." [2012 Pavlickova, 3: 5].

Table 2: Some Performative Verbs in English with their Arabic Equivalents

Performative Verbs	
English	Arabic
Order/ Orders	أقرر/ تقرر
Invite	أدعو
Schedules	حددت/ حدّد
Grants	توافق/ يوافق
Instructs	توعز/ يوعز
Dismisses	تردّ/ يردّ

Performative verbs are mostly present in the decisions, more specifically in the disposition of the decisions. The difficulty of translating these performative verbs is to find an equivalent in the target language that has the same illocutionary force as the one used in the source language. Legal texts are rich in implicit speech acts. Performative verbs are not often used in the body texts of the legal document, and the implicit speech act is expressed by modals verbs. These modal verbs express prohibition, order, permission, promise, etc.

Conclusion

When a translator is in a court he/she frequently comes across Latin terms used in English documents and he has to render them in Arabic texts. Additionally, most of the legal terms used have both a general and a legal meaning, and the translator has to pay attention to the meaning used in the given context. Moreover, the syntax differs between the English and the Arabic: while translating the collocations that occur in the legal documents, one must be aware of the meaning of the term in use and of the structure. Moreover, in translating performative verbs, the translator should be aware of the verb tense used in Arabic in order for the Arabic text to have the same impact on the reader as the one of the source text. In conclusion, the translator's task is to produce a unified and uniform Arabic text that reflects the English text. The role of the translator is essential as he must be familiar with the legal systems of two different cultures and with the terminology used in both languages, and must be competent in the target language specific legal writing style in order to produce a professional, accurate translation. A translator must know how lawyers and judges think but his responsibility does not entail legal drafting: it is about transferring the message in a way that conforms to the legal writing style in the target language.

References

1. Cambridge Dictionary. – URL: <http://dictionary.cambridge.org>
2. Chirobocea, O. Collocations in scientific and legal texts—teaching aspects / O. Chirobocea, A. Popescu // *Studia Universitatis Babeş-Bolyai. Philologia*. – 2013. – Vol. 2. – P. 67–81.
3. El-Farahaty, H. Translating lexical legal terms between English and Arabic / H. El-Farahaty // *International Journal for the Semiotics of Law-Revue internationale de Sémiotique juridique*. – 2016. – Vol. 29, № 2. – P. 473–493.
4. Faruqi, Harith S. Faruqi's law Dictionary / S. Faruqi Harith. – 5th ed. – Beirut, Lebanon : Librairie du Liban Publishers, 1972.
5. Nelken, D. Using the concept of legal culture / D. Nelken // *Australian Journal of Legal Philosophy*. – 2004. – Vol. 29. – P. 1–26.
6. Pavlíčková, E. The role of nominalisation in English legal texts / E. Pavlíčková // *English Matters*. – 2012. – № 3. – P. 4–10.
7. Oxford Dictionaries. – URL: <https://en.oxforddictionaries.com>
8. Silbey, S. Legal culture and cultures of legality / S. Silbey // *Handbook of cultural sociology*. – 2010. – P. 470–479.
9. Williams, C. Legal English and plain language: An introduction / C. Williams // *ESP Across Cultures*. – 2014. – Vol. 1, № 1. – P. 111–124.

ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА ТЕКСТА И ПЕРЕВОДНЫЙ ТЕКСТ

Р. М. Новрузов, Г. Ф. Новрузова

Баку, Азербайджан

LINGUISTIC EXAMINATION OF THE TEXT AND THE TRANSLATED TEXT

R. M. Novruzov, G. F. Novruzova

Baku, Azerbaijan

Аннотация. Рассматривается лингвистическая экспертиза текста применительно к переводному тексту. На примере терминов «убытки», «ущерб», «утрата», «потери» и «вред» показаны особенности экспертизы переводных документов.

Ключевые слова: лингвистика, экспертиза, текст, перевод, функция.

Abstract. The article considers the linguistic examination of the text as applied to the translated text. The examples of the terms "losses", "damages", "loss", "losses" and "harm" show the features of examination of the translated documents.

Key words: linguistics, examination, text, translation, function.

В одной из интереснейших работ в сфере прикладной лингвистики, а именно в учебном пособии известного языковеда А. Н. Баранова «Лингвистическая экспертиза текста: теория и практика», фундаментально исследуются проблемы лингвистической экспертизы близких по значению слов как теоретического, так и практического характеров, в области юриспруденции.

Наше внимание привлекла данная проблема в связи с тем, что она актуальна и для переводческой науки. Во-первых, если лингвистический анализ текста применяется для оригинального текста, то почему он не может быть предметом изучения переводного текста. Во-вторых, во время судебного разбирательства иностранных граждан может быть возникнуть проблема перевода судебных документов. Поэтому мы попытаемся изложить свои соображения на данную тему.

Не вызывает сомнения, что лингвистическая экспертиза, как принцип, относится к обоим видам текста. Напомним, что если перевод есть воспроизведение текста на другом языке, то процедуры, связанные с оригинальным текстом, присутствуют и в переводном тексте.

Вначале обратим внимание на понимание соотношения между юридически и лингвистически определяемыми терминами. Вот как его излагает А.Н.Баранов: «Соотношение между юридически и лингвистически определяемыми терминами непостоянно и может меняться при появлении новых законов, а также решений Верховного или Конституционного судов. Следует подчеркнуть, что тот или иной способ лингвистического определения слова, словосочетания или предложения в тексте нормативного акта не является истолкованием содержания нормативного акта. Это только информация для выработки позиций сторон, участвующих в процессе, а также для суда при принятии решения, которая может приниматься или не приниматься во внимание. В этом смысле юридическое определение существенно отличается от лингвистического: юридическое определение термина обязательно учитывается в судебной практике. Иными словами, лингвистическое определение прежде всего необходимый компонент состязательности судебного процесса, источник специальной (экспертной) информации для принятия решений» [Баранов 2007: 21].

Из приведенного ясно, что соотношение между юридически и лингвистически определяемыми терминами изменчиво. Более того, как далее излагает автор, особую сложность представляют близкие по значению слова, некоторые из которых определяются юридически, а другие – лингвистически. В этом случае в текстах закона различно определяемые термины имеют равные права. Дело в том, что есть группа квазисинонимических терминов, часть единиц которых определяется юридически, часть – лингвистически. К таким терминам ученый относит лексемы «убытки», «ущерб», «утрата», «потери» и «вред», семантическое поле которых понимается в разных смыслах в разных документах. А в некоторых из них, т.е. юридических документах, они используются как близкие по значению. Подвергая экспертизе указанные слова, А. Н. Баранов изначально устанавливает лексикографические значения их, данные в толковых словарях. Анализ словарных статей показывает, что слова *убытки*, *ущерб*, *утрата*, *потери*, *вред* объединены в основе всей смысловой цепочки смыслом «прекращения обладания чем-л.». Делая оговорку о том, что толковые словари не охватывают весь спектр семантики слов данной группы, ученый объясняет этот феномен следующим образом: «Это связано с тем, что во многих словарях как прием толкования используются близкие по значению слова (синонимы), что приводит к возникновению «логического круга», когда в толковании слова

А используется слово В, а в толковании слова В используется слово А [Баранов 2007, 323]. Уникальность вывода заключается в том, что аналогичная ситуация с этими словами наблюдается и в двуязычных толковых словарях, значит они имеют соответствующее отражение и в переводных юридических текстах. Например, русско-азербайджанский словарь интерпретирует слово *ущерб* как «zərər, ziyan, itki» [Rusca-azərbayca lüğət: 507], *убыток* как «zərər, ziyan, itki» [Rusca-azərbayca lüğət: 439], *утрата* в первом значении как «itirmə, itirilmə», во втором как «zərər, ziyan, itki» [Rusca-azərbayca lüğət 20005 : 499], *потеря* – 1. itki, tələfat; 2. Itirmə [Rusca-azərbayca lüğət 20056: 685]; 3. Zərər, *вред* – «zərər, ziyan» [Rusca-azərbayca lüğət 2005: 207]. Проведенный семантический анализ переводных значений слов показывает, что значения слов «*ущерб*» и «*убыток*» полностью совпадают, слово «*утрата*» во втором значении повторяет первые два, слово «*потеря*» в трех своих значениях в отдельности передает те же толкования, а слово «*вред*» пересекается с ними в двух значениях с опущением одного. Таким образом, с незначительным расхождением фактически все переводные значения приведенных слов совпадают. Такое положение дел ничуть не смущает, потому что толкование этих слов на русском языке тесно связано между собой по смыслу. Анализ их толкований приводит к выводу, что каждый из этих слов по смысловой цепочке определяют друг друга. Однако несколько по-иному обстоит дело с этими словами как с терминами, используемыми в различных законодательных актах.

Так, возьмем слово «*убытки*». В ст. 15 ГК РФ слово *убытки* употреблено в следующих контекстах:

1. Лицо, право которого нарушено, может требовать полного возмещения причиненных ему *убытков*, если законом или договором не предусмотрено возмещение *убытков* в меньшем размере.

2. Под *убытками* понимаются расходы, которые лицо, чье право нарушено, произвело или должно будет произвести для восстановления нарушенного права, утрата или повреждение его имущества (реальный ущерб), а также неполученные доходы, которые это лицо получило бы при обычных условиях гражданского оборота, если бы его право не было нарушено (упущенная выгода).

Если лицо, нарушив право, получило вследствие этого доходы, лицо, право которого нарушено, вправе требовать возмещения наряду с другими *убытками* упущенной выгоды в размере не меньшем, чем такие доходы.

Этой статье в ГК Азербайджанской Республики соответствует статья 21, которую по-другому можно назвать успешным переводом оригинала:

“1. Hüququ pozulmuş şəxs ona vurulmuş zərərin əvəzinin tam ödənilməsinin tələb edə bilər, bu şərtlə ki, qanunla və ya müqavilədə zərərin əvəzinin daha az miqdarda ödənilməsi nəzərdə tutulmasın.

2. Zərər dedikdə, hüququ pozulmuş şəxsin pozulmuş hüququnu bərpa etmək üçün çəkdiyi və ya çəkməli olduğu xərclər, əmlakından məhrum olması və ya əmlakının zədələnməsi (real zərər), habelə hüququ pozulmasaydı, həmin şəxsin adı mülki dövriyyə şəraitində əldə edəcəyi gəlirlər (əldən çıxmış fayda) başa.

3. Əgər hüququ pozulmuş şəxs bunun nəticəsində gəlir əldə etmədirsə, hüququ pozulmuş şəxs digər zərərlə yanaşı, əldən çıxmış faydanın da həmin gəlirlərdən az olmayan miqdarda ödənilməsinin tələb edə bilər” [Azərbaycan Respublikasının Mülki Məcəlləsi: 14].

Слово *убытки* (*zərər*) здесь выступает в качестве юридически определяемого термина. Если исходить из общеязыкового значения слова *убытки*, то это «денежное выражение вреда, нанесенного некоторому лицу». Факторами, подтверждающими «денежное выражение вреда» являются лексемы *расходы* (*xərclər*) и *доходы* (*gəlirlər*). Значит коммуникативное опущение (эллипсис) в тексте фразы *денежное выражение* (*pul vahidi*) имплицитно присутствует в юридическом тексте и здесь юридическое определение слова совпадает с общеязыковым его значением. Кроме того, в азербайджанском варианте не различаются термины *убытки* и *ущерб*, которые передаются одним словом *zərər*. А слово *утрата* в контексте принимает совершенно другое, не зафиксированное в переводном словаре, значение, которое передается словосочетанием «*məhrum olması*».

В отличие от выше приведенного юридического текста, в Русско-азербайджанском толковом юридическом словаре [Рзаев 2015 : 722] *убыток* дается в следующем толковании и с соответствующими примерами: (как компенсация в денежной или иной форме причиненного ущерба) **itki** (vurulmuş zərərin pul və başqa formada kompensayısı kimi) **нести** ~ **ки** itki vermək, **штафные** ~ **ки** zərər çəkmək cərimə itkiləri. Как видим, здесь *zərər* однозначно заменяется словом *itki*.

В этом же словаре *ущерб* передается только лишь термином *ziyan* со всеми терминологическими сочетаниями [Рзаев 2015 : 741], а *утрата* – исключительно термином *itki* [Рзаев 2015 : 739].

Таким образом, наблюдаемые А. Н. Барановым сложности при применении слов, близких по значению, не только в оригинальном, но и в переводном тексте определяются неравномерно как юридически, так и лингвистически. Более того, в толковании словарей так называемых групп квазисинонимических терминов также фиксируется разница в их подаче.

Библиографический список

1. Azərbaycan Respublikasının Mülki Məcəlləsi. – Qanun, 2000.
2. Баранов, А. Н. Лингвистическая экспертиза текста: теория и практика : учеб. пособие / А. Н. Баранов. – М. : Флинта : Наука, 2007.
3. Rusca-azərbayca lüğət. Üç cildə. III Cild. – Bakı, 2005.
4. Рзаев, Р. Русско-азербайджанский толковый юридический словарь / Р. Рзаев, Р. Новрузов, К. Алиева. – Баку, 2015.

СПЕЦИФИКА ПЕРЕДАЧИ СТИЛЕОБРАЗУЮЩИХ ЭЛЕМЕНТОВ ЯЗЫКА ПРАВА ПРИ ПЕРЕВОДЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ СОГЛАШЕНИЙ

О. И. Уланович

Минск, Беларусь

SPECIFICATION OF TRANSFER OF LEGAL LANGUAGE STYLE-FORMING ELEMENTS WHILE TRANSLATING INTERNATIONAL AGREEMENTS

O. I. Ulanovich

Minsk, Belarus

Аннотация. Представлен анализ лексико-семантических особенностей языка правовых документов, выявлены стилеобразующие языковые элементы юридического языка, анализируются стратегии и приемы перевода международных правовых соглашений.

Ключевые слова: юридический перевод, стилеобразующие элементы языка права, переводческие приемы.

Abstract. In the article the analysis of lexical semantic features of the legal documents is presented, style-forming verbal elements of the language of law are determined, strategies and methods of international legal agreements translation are figured out.

Key words: legal translation, style-forming elements of the language of law, translation techniques.

Актуальность темы исследования предопределена стремительно увеличивающимся объемом юридического перевода в общем массиве переводимых сегодня материалов, а также переходом всех отношений в сферах экономики, политики, образования и даже культуры на строго юридически регулируемую основу. Можно утверждать, что современный бизнес-язык – это язык преимущественно юридический, а бизнес-документация активно приобретает черты правовых документов. Овладение будущими переводчиками спецификой языка права становится сегодня ключевой составляющей переводческих компетенций; а возрастающая востребованность юридического перевода в рамках современного переводооборота предопределяет важность анализа языковых особенностей правовых документов и выявления специфики юридического перевода в контексте двуязычной и многоязычной международной коммуникации.

Юридический язык представляет собой область интеграции языка и права, что формирует его как социально и исторически обусловленный вид институциональной словесности для регулирования поведения субъектов общественных отношений. Аргументированным видится признание языка права в качестве вполне самостоятельного функционального стиля, заслужившего «права гражданства» в силу наличия языковой специфики на синтаксическом, лексико-семантическом и стилистическом уровнях.

Анализ текстов международных соглашений позволяет утверждать о стилеобразующей в языке права роли терминологических сочетаний (*entity, investment, affiliation, transaction, acquittal, testimony, aggravated larceny*), передаваемых при переводе, как правило, с помощью иноязычного эквивалента либо кальки: *procurement fraud* ‘мошенничество в сфере закупок’, *criminal solicitation* ‘подстрекательство к совершению преступления’, *administrative eviction* ‘административное выселение’.

Репрезентативна в международных правовых актах и узкоспецифичная терминология по проблематике сферы правоприменительной практики: ...*absorb and re-emit infrared radiation* – ‘поглощают и переизлучают инфракрасное излучение’; *that deplete the ozone layer* – ‘разрушающий озоновый слой’ [UN Framework Convention 1992]; *transboundary movement of hazardous wastes and other wastes* – ‘трансграничная перевозка опасных и других отходов’; *management of hazardous wastes* – ‘использование опасных отходов’ [Basel Convention 1989].

Лексико-семантический анализ ряда текстов международных соглашений обнаруживает наибольшую частотность употребления клишированных (устойчивых, стандартизированных) выражений и юридических штампов, которые зачастую представляют собой сложные предложные сочетания, содействующие связности и логике структурирования текста: *with the assistance of the Secretariat* – ‘при содействии секретариата’; *consistent with the protection of human health* – ‘совместимы с охраной здоровья’; *in contravention of the Convention* – ‘противоречащего Конвенции’; *in the event of a dispute between any two or more Parties* – ‘в случае спора между двумя или большим числом Сторон’; *on the expiry of six months* – ‘по истечении шести месяцев’ [Basel Convention 1989]. При этом четко прослеживается высокая синонимичность употребляемых устойчивых выражений: *the amendments shall enter into force* – поправки **вступают в силу**; *the annex*

shall become effective for all – приложение **вступает в силу** для всех; *with a view to reducing* – **в целях** сокращения; *for the purposes of this Convention* – **для целей** настоящей Конвенции [Basel Convention 1989].

Интересным наблюдением является обнаруженная нами тенденция перевода данных синонимичных англоязычных связующих предложных компонентов достаточно лимитированным количеством соответствий в русском языке. Так, целый комплекс альтернативных клишированных предложных сочетаний в английском языке, используемый в юридическом документе с целью выражения правового аргументирования, законодательного долженствования и нормативной референции, в качестве эквивалентного соответствия имеет весьма ограниченный список русскоязычных структур, что выявляет явную асимметрию речевого сегмента юридического языка в русско- и англоязычной правовой коммуникации:

Например, выражения *pursuant to*, *in conformity with*, *in accordance with*, *as specified in*, *under*, *as provided in* и др. допускают и предполагают лишь один вариант перевода на русский язык – «**в соответствии с**»:

(1) *a State exercises administrative and regulatory responsibility in accordance with international law* – ‘государство **в соответствии с** международным правом несет административную и нормативную ответственность’ [Basel Convention 1989];

(2) *The Secretariat shall forthwith inform all Parties of the information it has received pursuant to paragraphs 1 and 2* – ‘Арбитражный суд выносит свое решение **в соответствии с** международным правом и **согласно** положениям настоящей Конвенции’ [Basel Convention 1989].

Выражения *with regard to*, *in respect of*, *with respect to* на русский язык унифицировано передаются как ‘**в отношении**’.

Русскоязычному ‘**в целях**’ в англоязычном правовом документе может соответствовать: *with a view to*, *for the purposes of*, *in order to*, *in pursuit of*.

А ‘**как предусмотрено**’ отвечает следующему ряду альтернативных англоязычных конструкций: *as provided for*, *as required by*, *set out in*, *envisaged in*:

(3) ... *after the adoption of guidelines as provided for in paragraph 4 below* – ‘после принятия руководящих принципов, **как это предусмотрено** в пункте 4 ниже’ [Basel Convention 1989];

(4) ... *management of hazardous wastes and other wastes as required by this Convention* – ‘использования опасных и других отходов, **предусмотренного в** настоящей Конвенции’ [Basel Convention 1989].

Данный факт свидетельствует о более высокой степени стандартизованности и шаблонности русскоязычного правового текста и языка права в целом по сравнению с англоязычным юридическим языком.

Еще одной особенностью можно назвать наличие, в анализируемых текстах, ряда лексических единиц, которые используются вовсе не в их частотном и общеупотребимом значении, а в специфическом для юридического языка значении, отличном от частотной словарной семантики. Это лексические единицы, вызывающие особые трудности при переводе: *in accordance with the relevant provisions of Article* – ‘в соответствии с **положениями** статьи’; *domestic actions for the purposes of meeting commitments* – ‘внутренние действия для целей выполнения обязательств’ [Kyoto Protocol 1997]; *to implement national laws, regulations, administrative provisions* – ‘применять национальные законы, предписания, **административные положения**’; *amendments shall be discussed at the next meeting of the Parties* – ‘поправки обсуждаются на **очередном совещании** Сторон’ [Convention on Environmental Impact 1991]; *relevant economic and administrative instruments developed to achieve the objective of the Convention* – ‘соответствующие экономические и административные **документы**, разработанные для достижения цели Конвенции’ [UN Framework Convention 1992]. При переводе данных лексических единиц, переводчик должен фокусировать внимание именно на узкоспециальном значении общеизвестной единицы, характерном для специфического юридического контекста. Данные единицы можно назвать «условно ложными друзьями переводчика в сфере права».

Рассматривая специфику перевода юридических дублетов в тексте Конвенции, следует отметить, что в учебниках по переводоведению передача на другой язык явления парной синонимии, проявлением которого выступают юридические дублеты, рассматривается в контексте метода опущения, что обусловлено необходимостью ликвидации избыточности оригинального текста [Комиссаров 1990 : 126; Климзо 2006 : 315.]. Относительно передачи юридических дублетов Л. С. Бархударов заметил: «Это явление характерно, в частности, для языка английских юридических документов и текстов юридического характера. Русскому языку оно совершенно не свойственно, поэтому при переводе в этих случаях необходимо прибегнуть к опущению (то есть неповторению синонима – замене двух слов одним)» [Бархударов 1975 : 227].

(5) *No reservation or exception may be made to this Convention* – ‘Никакие **оговорки** к настоящей Конвенции не допускаются’;

(6) *Any Party ... shall simultaneously and immediately inform, directly or through the Secretariat, the Party against whom the allegations are made* – ‘Любая Сторона ... **незамедлительно** информирует непосредственно или через секретариат ту Сторону, которая подозревается в нарушении’;

(7) *The Conference of the Parties shall keep under continuous review and evaluation the effective implementation of this Convention* – ‘Конференция Сторон постоянно **следит** за эффективным выполнением настоящей Конвенции’ [Basel Convention 1989].

Использование синонимов обусловлено необходимостью максимальной точности юридических формулировок; однако выбор дифференцированных русскоязычных синонимов несколько затруднен, что оправдывает опущение как переводческое решение.

Существует, однако, и иной подход к передаче юридических дуплетов, заключающийся в передаче всех знаменательных слов, что предполагает и дублирование указанных в документе действий / качеств / обстоятельств:

(8) “*Measures of reinstatement*” means any reasonable measures aiming to assess, **reinstate or restore** damaged or destroyed components of the environment – ‘«Меры по восстановлению» означают любые разумные меры, направленные на оценку, **восстановление и воссоздание** поврежденных или разрушенных компонентов окружающей среды’ [Basel Convention 1989];

(9) *The provisions of the Protocol shall be applied without discrimination based on nationality, domicile or residence* – ‘Положения настоящего Протокола применяются без какой-либо дискриминации по признаку государственной принадлежности, **домициля или местожительства**’ [Basel Convention 1989];

(10) *Encouragement of appropriate reforms in relevant sectors aimed at promoting policies and measures which limit or reduce emissions of greenhouse gases not controlled by the Montreal Protocol...* – Поощрение надлежащих реформ в соответствующих секторах в целях содействия осуществлению политики и мер, **ограничивающих или сокращающих** выбросы парниковых газов, не регулируемых Монреальским протоколом [Kyoto Protocol 1997].

Опущению при переводе синонимичных пар подвергаются, как правило, второстепенные лексемы, не имеющие предписывающего значения, тогда как фактологические и терминологические лексемы правовой и директивной семантики при переводе сохраняются: *declarations or statements* – ‘декларации или заявления’, *agreements or arrangements* – ‘соглашения или договоренности’, *to implement and enforce* – ‘для выполнения и соблюдения’, *body or agency* – ‘органы или учреждения’ [Basel Convention 1989].

Замечено, что передача встречаемых в международных соглашениях синонимических триплетов также отмечается сохранением всех знаменательных компонентов: *shall not oppose, hinder or prevent* – ‘не возражают, не создают помех или не препятствуют’, *through falsification, misrepresentation or fraud* – ‘путем фальсификации, введения в заблуждение или обмана’, *for ratification, approval, formal confirmation or acceptance* – ‘для ратификации, одобрения, официального подтверждения или принятия’ [Basel Convention 1989].

Еще одной особенностью языка международных правовых актов является употребление местоименных наречий с предлогами: *there* (**therefore** – ‘таким образом’; **thereafter** *ordinary meetings* – ‘в дальнейшем очередные совещания’; **thereupon** *enter into force* – ‘**после чего** вступают в силу’; *a final statement thereof* – ‘окончательный отчет об **этих** расходах’; *convention or any protocol thereto* – ‘конвенции или любого протокола **к ней**’; **therefrom** – ‘из этого’; **thereby** – ‘посредством этого’), *where* (**wherever** *the place of disposal* – ‘**независимо от** места их удаления’; **whenever** *the provisions of the protocol...* – ‘**во всех случаях, когда** положения настоящего протокола...’; *in witness thereof* – ‘в удостоверение **чего**’; *the amendment whereby...* – ‘данная поправка, **посредством которой...**’), *here* (**is hereby** *established* – ‘**настоящим** учреждается’). Это так называемые юридические канцеляризмы, отражающие историко-культурную обусловленность стиля англоязычного юридического текста, при переводе которых обычно используют также стандартизированные лексемы явно книжного характера, существующие в русском языке. Тем самым имеет место определенная **стилистическая формализация перевода**, что и заключается в активном использовании в переводе русскоязычных канцеляризов – формализованных номенклатурных слов и выражений – в качестве эквивалентов англоязычных местоименных наречий, служащих цели компрессии в языке права.

Также в текстах международных соглашений присутствует значительное количество иноязычных заимствований, в частности, латинизмов: *inter alia* – ‘в частности’, *vice versa* – ‘наоборот’, *via* – ‘через, посредством’:

(11) *The amounts ... shall be reviewed by the Contracting Parties on a regular basis taking into account, inter alia, the potential risks posed to the environment* – ‘Суммы ... пересматриваются Договаривающимися Сторонами на регулярной основе с учетом, **в частности**, потенциальных рисков для окружающей среды’ [Basel Convention 1989];

(12) *Such organizations shall not exercise their right to vote if their member States exercise theirs, and vice versa* – ‘Такие организации утрачивают право голоса, если их государства-члены осуществляют свое право голоса, и **наоборот**’ [Basel Convention 1989].

Типичным способом передачи подобных юридических заимствованных слов (иноязычных вкраплений) в тексте оригинала (англоязычном документе) является использование существующих в языке неинтернациональных исконно русских лексем-аналогов. Так, наречие *inter alia*, заимствованное из латинского языка, передается на русский язык при помощи единичного соответствия ‘в частности’. Латинизм *vice versa*, использованный вместо синонимичных английских лексем *contrariwise* и *conversely*, имеющих тождественное значение, переводится существующим в русском языке аналогом ‘наоборот’.

При этом при переводе анализируемых международных правовых документов также обнаруживается и обратная тенденция, заключающаяся в передаче иноязычных вкраплений в тексте оригинала также с помощью иноязычного вкрапления в тексте перевода. Тем самым в качестве переводческой трансформации используется метод *трансплантации*:

(13) *Consider and adopt, as required, amendments to this Convention and its annexes, taking into consideration, inter alia, available scientific, technical, economic and environmental information* – ‘Рассматривает и, по мере необходимости, принимает поправки к настоящей Конвенции и приложениям к ней, учитывая

inter alia имеющуюся научную, техническую, экономическую и экологическую информацию' [Basel Convention 1989].

(14) *A state or political and/ or economic integration organization may declare that it recognizes as compulsory ipso facto and without special agreement, in relation to any Party accepting the same obligation – 'Любое государство или организация по политической и/или экономической интеграции могут заявить о том, что они признают обязательным ipso facto и без специального соглашения в отношении любой Стороны, принимающей на себя такие же обязательства'* [Basel Convention 1989].

Употребление иноязычного вкрапления в тексте перевода обусловлено стилиобразующими факторами языка права. Их использование в тексте вместо существующих синонимичных языковых средств родного языка придаёт юридическому тексту необходимый уровень формализованности и стилистической стандартизованности. Также использование латинизмов позволяет в некоторых случаях избежать усложнения синтаксической структуры и без того весьма развёрнутых предложений юридического языка. Это обусловлено высокой имплицитностью латинского языка, что можно наблюдать в следующем примере, в котором *mutatis mutandis* заменяет целый причастный оборот 'с учетом соответствующих изменений':

(15) *Paragraph 1 of Article 6 of the Convention shall apply mutatis mutandis to transboundary movement of hazardous wastes or other wastes from a Party through a State or States which are not Parties – 'Пункт 1 статьи 6 Конвенции применяется mutatis mutandis к трансграничной перевозке опасных или других отходов из государства, являющегося Стороной, через государство или государства, не являющиеся Сторонами'* [Basel Convention 1989].

Таким образом, достижение адекватности перевода юридических текстов требует обращения к ряду переводческих приемов. При передаче стилиобразующих лексем правовой словесности и узкоспецифичной терминологии зачастую используется прием калькирования, при передаче юридических дублетов и триплетов максимально точно передаются все лексические единицы текста оригинала и не приветствуется опущение. Клишированные англоязычные выражения передаются строго определенными стандартными русскоязычными соответствиями, а иноязычные вкрапления чаще всего передаются через унифицированные эквиваленты, что не исключает и возможности трансплантации латинских вкраплений в текст перевода.

Можно утверждать, что выявление и уточнение функциональных структурно-языковых особенностей языка права – формального регулятора социальных отношений – в юридических международных документах является важным условием грамотного перевода в сфере правовой коммуникации. Систематизация особенностей юридического перевода и придание ему формата алгоритмически и стратегически выверенной модели представляется критически назревшей необходимостью, поскольку существующая практика юридического перевода по-прежнему представлена как процесс интуитивный, реализуемый на основе особенностей и наблюдений, эклектично отмеченных и зачастую не системных, а имеющих разовый характер. Тем самым предпринятая нами попытка детализации, систематизации и структурирования некоторого перечня положений юридического перевода с английского языка на русский язык представляется важным шагом на пути к формированию своего рода технологии юридического перевода.

Библиографический список

1. Бархударов, Л. С. Язык и перевод: Вопросы общей и частной теории перевода / Л. С. Бархударов. – М. : Междунар. отношения, 1975. – 240 с.
2. Климзо, Б. Н. Мастерство технического переводчика (об английском языке, переводе и переводчиках научно-технической литературы) / Б. Н. Климзо. – М. : Р. Валент, 2006. – 510 с.
3. Комиссаров, В. Н. Теория перевода (лингвистические аспекты) : учеб. для ин-тов и фак-тов иностр. яз. / В. Н. Комиссаров. – М. : Высш. шк., 1990. – 253 с.
4. Basel Convention on the Control of Transboundary Movements of Hazardous Wastes and their Disposal (1989). – URL: <http://www.basel.int/Portals/4/Basel%20Convention/docs/text/BaselConventionText-e.pdf>
5. Convention on Environmental Impact Assessment in a Transboundary Context (1991). – URL: https://www.unece.org/fileadmin/DAM/env/eia/documents/legaltexts/Espoo_Convention_authentic_ENG.pdf
6. Kyoto Protocol to the United Nations Framework Convention on Climate Change (1997). – URL: <https://unfccc.int/resource/docs/convkp/kpeng.pdf>
7. United Nations Framework Convention on Climate Change (1992). – URL: <https://unfccc.int/resource/docs/convkp/conveng.pdf>

ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДА НАРИЦАТЕЛЬНЫХ НАЗВАНИЙ НАСЕЛЕННЫХ ПУНКТОВ В РОССИИ И В БОЛГАРИИ С РУССКОГО НА БОЛГАРСКИЙ И С БОЛГАРСКОГО НА РУССКИЙ ЯЗЫК

В. С. Хънтов

Велико-Тырново, Болгария

TRANSLATION OF SETTLEMENTS NOMINAL NAMES IN RUSSIA AND BULGARIA FROM RUSSIAN TO BULGARIAN AND FROM BULGARIAN IN RUSSIAN

V. S. Hantov

Veliko Tyrnovo, Bulgaria

Аннотация. Предложены пути преодоления трудностей при переводе нарицательных названий населенных пунктов в России и в Болгарии с русского на болгарский и с болгарского на русский язык. Рассматриваются две группы проблем: 1) разница в семантическом объеме некоторых базовых юридических терминов в обоих славянских языках; 2) типовая и видовая дифференциация населенных пунктов в законодательстве обоих славянских государств.

Ключевые слова: населенный пункт, город, поселок, село, деревня, заимка, улус.

Abstract. The current paper presents ways of overcoming difficulties in translating nominal nouns related to settlements in Russia and Bulgaria from Russian into Bulgarian and from Bulgarian into Russian. Two groups of problems have been studied: 1) the semantic differences between some basic legal terms in the two Slavic languages; and 2) differentiation by types and kinds of settlements in the legislation of the two Slavic countries.

Key words: settlement, gorod, posyolok, selo, derevnya, zaimka, ulus.

I.

В наши дни Болгария и Россия отличаются в очень большой степени по своему административно-территориальному устройству. Структурные единицы этого устройства формировались в результате действия уникальных для каждой из стран комплексов факторов исторического и политического характера. Все это логично является предпосылкой многочисленных затруднений при переводе юридических терминов (однословных или составных) в данной области: «Трудности перевода возникают чаще, если переводимый текст относится к сфере, в которой национальные и региональные особенности правовой системы ярче выражены (например, ... *административное устройство*)» [Мушнина 2004: 27].

В принципе перевод специализированной юридической лексики ничем не отличается от перевода других типов специализированных лексических единиц. Тем не менее особенности правовой системы любого государства отражаются точнее всего именно в юридической лексике, а сердцевиной любого юридического текста служат юридические термины, поэтому «при переводе юридических текстов не следует забывать, что каждая страна имеет свою юридическую систему, соответствующую юридическую терминологию и свои реалии» [Алимов 2005: 14]. В этой связи при языковом и сравнительно-правовом анализе в настоящей работе необходимо учесть то обстоятельство, что Болгария – *унитарное*, а Россия – *федеративное* государство.

В. Калиновская, считая поиск эквивалентов в области юридической терминологии основной трудностью при переводе юридических текстов, приводит общепринятый принцип: «Общее правило перевода терминов гласит – *термин переводится термином*» [Калиновская 2012: 110]. В своем исследовании О. Барабаш и О. Мещерякова особо оттеняют роль лингвокультурного фактора при переводе юридических текстов и терминов: «...*наибольшие затруднения вызывает перевод не собственно юридических терминов, зафиксированных в системе языка в толковых и переводных словарях и справочниках, а единиц лексико-семантической системы языка, значение которых в конкретных правовых документах определяется лингвокультурным контекстом. Соответственно особую сложность представляет перевод текстов, относящихся к региональному и национальному праву*» [Барабаш, Мещерякова 2013: 154]. Подчеркнем, что мы полностью согласны с этим высказыванием, так как в нашей работе выявлены случаи подобной зависимости.

По мнению А. Пенчевой, при переводе юридических текстов в исследуемой паре языков «...лексическая эквивалентность официальных документов на русском и болгарском языках отнюдь не является легкодостижимой на формальном уровне не только в результате различия систем языков, а также в силу *расхождения смыслового объема терминологической и общеупотребительной лексики...*» [Пенчева 2011: 355].

Предметом сопоставления и сравнения в настоящей работе являются только нарицательные компоненты (в этом абзаце выделены курсивом) наименований населенных пунктов в Болгарии и в России, например: *бълг. град* Велико Търново, *бълг. село* Арбанаси; *рус. город* Пенза, *рус. село* Арбеково, *рус. коттеджный посёлок* Дубрава.

II.

Первый круг проблем, связанных с тематикой настоящей работы, касается содержания базовых юридических реалий. Так, в российских федеральных законах отсутствует четкая дефиниция юридического понятия *рус. населенный пункт* – оно определяется в региональном законодательстве всех субъектов РФ, например:

‘Статья 1. Основные термины и понятия, применяемые в настоящем областном законе

... *населенный пункт* – застроенная и (или) подлежащая застройке часть территории в пределах установленной границы, служащая *постоянным или преимущественным местом проживания и жизнедеятельности людей* ...’ [Областной закон „Об административно-территориальном устройстве Ленинградской области и порядке его изменения”].

‘Статья 1. Основные понятия, используемые в настоящем Законе

...*населенный пункт* – часть территории, служащая *постоянным или преимущественным местом проживания и жизнедеятельности людей*, имеющая сосредоточенную застройку в пределах установленной границы...’ [Закон Республики Крым от 6 июня 2014 года №18-ЗРК „Об административно-территориальном устройстве Республики Крым”].

В болгарском законодательстве российскому понятию *рус. населенный пункт* соответствует комплекс из двух отдельных юридических понятий с более узкой семантикой – *бълг. населено място* (население проживает в нем на постоянной основе) и *бълг. селищно образувание* (где население проживает временно в связи с отдыхом, профессиональной или другой трудовой деятельностью и пр.):

‘Чл. 3. ...

(2) *Населено място* е исторически и функционално обособена *територия*, определена с *наличието на постоянно живеещо население*, строителни граници или землищни и строителни граници и необходимата социална и инженерна инфраструктура. ...

(4) *Селищните образувания* са територии *извън* строителните граници на *населените места*, устроени за осъществяване на *специфични функции*, които са определени със строителни граници, но *нямат постоянно живеещо население*.’ [Закон за административно-териториалното устройство на Република България].

На первый взгляд, в этом случае можно образовать две пары соответственных терминов:

рус. населенный пункт ↔ *бълг. населено място*;

рус. населенный пункт ↔ *бълг. селищно образувание*.

Учитывая, однако, дополнительный семантический элемент *бълг. специфични функции* в определении второго болгарского термина, мы считаем, что таких пар должно быть три (последние две зависят от исходного языка перевода):

рус. населенный пункт ↔ *бълг. населено място*;

рус. населенный пункт → *бълг. селищно образувание*;

бълг. селищно образувание → *рус. населенный пункт со специфическими функциями*.

III.

Второй круг проблем, исследуемых в настоящей работе, связан с типовой и видовой дифференциацией населенных пунктов в законодательной практике обоих славянских государств.

В болгарском законодательстве четко выделяются только два типа населенных пунктов с постоянно проживающим населением – *бълг. град* и *бълг. село*:

‘Чл. 3. ...

(3) *Населените места* се делят на *градове* и *села*...’ [Закон за административно-териториалното устройство на Република България].

Данным болгарским лексемам соответствуют *рус. город* и *рус. село*. При этом надо особо подчеркнуть, что основой подобного решения по отношению ко второму слову служит одно из его лексических значений в современном русском языке:

‘Село. 1. ...; любой *населённый пункт негородского типа*’ [БТС].

‘Село. ... 3. *ед.* То же, что *деревня*. [РСС, т. I].

Необходимо иметь в виду то, что сегодня лексема *рус. село* обладает также лексическим значением **‘Село.** 1. Большое крестьянское селение, хозяйственный и административный центр для близлежащих деревень (в России до 1917 г. – обязательно с церковью); ...’ [БТС];

‘Село. 1. Большое крестьянское селение (в старое время со своей церковью; в настоящее время административный центр сельского района)’ [РСС, т. II];

‘Село. Большое крестьянское селение, хозяйственный и административный центр для близлежащих деревень (в дореволюционной России обязательной принадлежностью такого селения была также церковь).’ [СРЯ, т. IV].

В болгарском языке и в болгарской юридической традиции слово *бълг. село* никогда не имело подобного значения.

Что касается болгарских населенных пунктов со специфическими функциями, то согласно закону они могут иметь национальное значение или местное значение:

‘Чл. 23. *Селищните образувания са с национално и местно значение.* ...

Чл. 25. Редът за създаване на ново селищно образувание е:

1. за селищните образувания с местно значение – с *решение на общинския съвет* по предложение на кмета на общината;

2. за селищните образувания с национално значение – с *решение на Министерския съвет*...’ [Закон за административно-териториалното устройство на Република България].

Названия населенных пунктов со специфическими функциями определяются в правовых актах (решениях) об их создании, принятых правительством страны или органами местного самоуправления:

Чл. 22. ...

(2) *Наименованието на селищното образувание се определя с акта за неговото образувание* [Закон за административно-териториалното устройство на Република България].

Классификатор *бълг. ЕКАТТЕ (бълг. Единен класификатор на административно-териториалните и териториалните единици – рус. Единый классификатор административно-территориальных и территориальных единиц)* содержит более 160 наименований (имен собственных) таких объектов (<http://www.ekatte.com/селищни-образувания>). Примечательно, однако, то, что только в наименованиях объектов национального значения со специфическими функциями имена собственные всегда сопровождаются четким и понятным нарицательным названием, которое можно легко перевести на русский язык, напр.:

бълг. курортен комплекс „Златни пясъци” – рус. курорт „Золотые пески”;

бълг. курортен комплекс „Слънчев бряг” – рус. курорт „Солнечный берег”;

бълг. ваканционно селище „Дюни” – рус. курортный поселок „Дюны”.

Что касается наименований населенных пунктов местного значения со специфическими функциями, то там подобной четкости нет. В некоторых случаях имена собственные следуют за достаточно информативным и легко переводимым нарицательным названием:

бълг. курорт „Сливенски минерални бани” – рус. курорт „Сливенски минерални бани” („Сливенские минеральные воды”);

бълг. планински туристически комплекс „Беклемето” – рус. горный туристический курорт „Беклемето”;

бълг. вилна зона „Крушов баир” – рус. дачный поселок „Крушов баир”;

бълг. ВЕЦ Долна Бешовица на р. Искър – рус. ГЭС Долна Бешовица на р. Искър;

бълг. промишлена зона „Искра” – рус. промзона „Искра”;

бълг. индустриален парк Шумен – рус. индустриальный парк Шумен;

бълг. бетонов възел „Кунино Енерджи” АД – рус. бетонный узел АО „Кунино Энерджи”.

В других случаях в классификаторе ЕКАТТЕ для пунктов местного значения со специфическими функциями присутствуют или только собственные, или только нарицательные имена. Здесь выбор подходящих соответствий возможен лишь после поиска данных в решениях (актах) соответствующих муниципальных образований, напр.:

бълг. Оазис – рус. курортный поселок „Оазис”;

бълг. Тарфа – рус. курортный поселок „Тарфа”;

бълг. СевлиеВСки лозя – рус. дачный поселок „СевлиеВСки лозя” („СевлиеВСкие виноградники”);

бълг. телевизионна кула – рус. поселок при телебашне в городе Варна.

IV.

По нашим наблюдениям, типологическая дифференциация нарицательных названий населенных пунктов практически отсутствует в текстах российских федеральных (общегосударственных) законов. Попытка такой дифференциации есть в федеральном законе “Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации”:

‘Статья 2. Основные термины и понятия

1. Для целей настоящего Федерального закона используются следующие основные термины и понятия:

сельское поселение – один или несколько объединенных общей территорией *сельских населенных пунктов (поселков, сел, станиц, деревень, хуторов, кишлаков, аулов и других сельских населенных пунктов)*, в которых местное самоуправление осуществляется населением непосредственно и (или) через выборные и иные органы местного самоуправления;

городское поселение – *город или посёлок*, в которых местное самоуправление осуществляется населением непосредственно и (или) через выборные и иные органы местного самоуправления;

поселение – *городское или сельское поселение*...’ [Федеральный закон “Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации”].

В связи с цитированным выше отрывком возникают следующие вопросы: Можно ли по аналогии с *сельскими населенными пунктами* выделить и *городские населенные пункты* (*рус. город, рус. посёлок*)? Кроме перечисленных в законе лексем *рус. посёлок, рус. село, рус. станица, рус. деревня, рус. хутор, рус. кишлак, рус. аул*, какие другие названия сельских населенных пунктов существуют? Каким образом отличить *рус. посёлок* в составе городского и в составе сельского поселения при переводе на болгарский язык?

По нашим наблюдениям, типологическая дифференциация нарицательных названий населенных пунктов очень последовательно проводится в российском региональном законодательстве, например:

‘Статья 1. Основные термины и понятия, применяемые в настоящем областном законе

деревня – населенный пункт преимущественно с одноэтажной застройкой с численностью населения до 300 человек;

село – населенный пункт преимущественно с одноэтажной застройкой, имеющий объекты инфраструктуры торгового, бытового, культурного, медицинского и административного назначения, с численностью населения от 300 до 1000 человек;

поселок – населенный пункт со смешанной застройкой, имеющий развитые объекты инфраструктуры торгового, бытового, медицинского, культурного, образовательного и административного назначения, с численностью населения от 1000 до 3000 человек;

городской поселок (поселок городского типа) – населенный пункт со смешанной застройкой, имеющий развернутую сферу обслуживания и промышленное производство, с численностью населения от 3000 до 12000 человек;

город – населенный пункт с численностью населения не менее 12000 человек, имеющий как капитальную, так и индивидуальную застройку различной этажности, здания общественного, производственного и иного назначения, развитую систему социальной инженерной и транспортной инфраструктуры, высокий уровень благоустройства территории и преимущественную занятость трудоспособного населения в промышленности.’ [Областной закон „Об административно-территориальном устройстве Ленинградской области и порядке его изменения”].

Наиболее полный перечень нарицательных названий населенных пунктов в России дает „Реестр типов населенных пунктов”, представленный в онлайн- версии *рус. ОКТМО (рус. Общероссийский классификатор территорий муниципальных образований – бълг. Класификатор на населените места и селищните образувания в административно-териториалните единици на местното самоуправление в Русия)*: http://www.oktmo.ru/locality_type_registry. Реестр включает 72 вида названий (некоторые из них – с профессиональной или этнической спецификой), напр.:

рус. база отдыха (б/о); рус. блокпост (б/п); рус. гидрологический пост (гидролог. пост); рус. город (г.); рус. дачный поселок (дп.); рус. дом отдыха (д/о); рус. железнодорожная казарма (ж/д казарма); рус. железнодорожная платформа (ж/д платформа); рус. железнодорожная станция (ж/д ст.); рус. железнодорожный разъезд (ж/д рзд.); рус. заимка (заим.); рус. контрольный пункт связи (кпс); рус. курортный поселок (кп.); рус. местечко (м.); рус. подстанция (подст.); рус. поселок (п.); рус. поселок городского типа (пгт.); рус. поселок при железнодорожной станции (п. ж/д ст.); рус. турбаза (турб.); рус. улус (у.) и др.

В книжной (бумажной) версии ОКТМО в виде списка представлены только 32 сокращения для наименований типов (видов) населенных пунктов:

г - город; *пгт* - поселок городского типа; *рп* - рабочий поселок; *кп* - курортный поселок; *дп* - дачный поселок; *п* - поселок; *к* – кишлак и т.д. [ОКТМО, т.1-8 : 5].

V.

Из-за очень большого разнообразия во многих случаях нарицательные названия сельских населенных пунктов в России представляют особую трудность при переводе на болгарский язык. Ниже приводятся тексты из уставов российских муниципальных образований, имеющих статус сельских поселений:

‘Статья 1. ...

2. Мамонское муниципальное образование наделено статусом *сельского поселения* ....

Статья 4. Территория поселения. ...

3. В состав территории поселения входят следующие населенные пункты: *село* Мамоны, *деревня* Малая Еланка, *заимка* Вдовина.’ [Устав Мамонского муниципального образования Иркутского района Иркутской области];

‘Статья 3. Территория Неверского *сельсовета* ...

В муниципальное образование Неверский *сельсовет* входят:

село Невер;

железнодорожная станция Ульручы’ [Устав Муниципального образования Неверский *сельсовет*.];

‘Статья 1. ...

3. ...

2) Верхнекижингинский *сомон* с административным центром в *улусе* Эдэрмэг, включающее *село* Леоновка, *улус* Эдэрмэг, *улус* Куорка;

3) Кижингинский *сомон* с административным центром в *селе* Кижинга, включающее *село* Кижинга, *село* Красный Яр, *улус* Бахлайта, *улус* Ушхайта...’ [Устав муниципального образования Кижингинский район Республики Бурятия].

Несмотря на обилие представленных выше русских слов и словосочетаний, называющих сельские населенные пункты в России (некоторые из них имеют профессиональную или этническую специфику), единственной возможностью для их перевода нам представляется термин *бълг. село*, так как болгарским законом регламентирован только он:

‘**Чл. 3.** ...

(3) *Населените места* се делят на *градове* и *села*...’ [Закон за административно-териториалното устройство на Република България].

Нарицательные названия сельских населенных пунктов из предыдущих примеров переводятся соответственно:

рус. заимка Вдовина – *бълг. село Вдовина*;

рус. железнодорожная станция Ульручы – *бълг. село Улручи*;

рус. улус Эдэрмэг – *бълг. село Едермег*;

рус. улус Куорка – *бълг. село Куорка*;

рус. улус Бахлайта – *бълг. село Бахлайта*;

рус. улус Ушхайта – *бълг. село Ушхайта*.

VI.

На наш взгляд, наиболее трудным для перевода является нарицательное название *рус. посёлок*, так как в профильном законе оно употребляется и для сельских, и для городских населенных пунктов:

‘**Статья 2.** ...

...

сельское поселение – один или несколько ... сельских населенных пунктов (*посёлков*, *сел*, *станци*, *деревень*...

городское поселение – город или *посёлок*...’ [Федеральный закон “Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации”].

Мы считаем необходимым упомянуть здесь конструкцию *бълг. селище от градски тип*, употреблявшуюся в болгарском законодательстве с 1964 по 1995 г. Она применялась для обозначения статуса нескольких десятков крупных сел или населенных пунктов в соседстве с крупными промышленными объектами, обладавших развитой инфраструктурой и экономикой.

Этот составной юридический термин приблизительно соответствовал русским конструкциям *рус. населенный пункт городского типа* или *рус. посёлок городского типа*. Он так и не „прижился” в болгарском языке. В разговорном стиле речи подавляющая часть населения страны вполне осознанно коверкала его, используя вместо него близкие по звучанию словосочетания *бълг. село от градски тип* (*рус. село городского типа*) или *бълг. град от селски тип* (*рус. город сельского типа*). „Языковая дискредитация” во многом предопределила отмену термина в 1995 г., а называемые им населенные пункты получили статус *бълг. град* (*рус. город*) или *бълг. село* (*рус. село*). По нашим наблюдениям, сегодня этот термин практически непонятен населению Болгарии в возрасте до 35-40 лет. Мы считаем, что его отсутствие в современном болгарском законодательстве предопределяет поиск других возможностей при переводе русской лексики *рус. посёлок*.

Самым точным показателем здесь служит статус и положение населенного пункта с этим названием в состав поселения. На наш взгляд, если *рус. посёлок* является центром городского поселения – при переводе его соответствием будет *бълг. град*, если же входит в состав сельского поселения – *бълг. село*:

‘**Статья 6.** Граница территории *городского поселения* Аксеново-Зиловское ...

2. В границах *городского поселения* Аксеново-Зиловское находятся населенные пункты – *станция* Арчиной, *станция* Зудыра.

3. Административным центром *городского поселения* Аксеново-Зиловское является *посёлок* Аксеново-Зиловское.’ [Устав *городского поселения* Аксеново-Зиловское муниципального района Чернышевский район Забайкальского края];

‘**Статья 2.** Состав территории *муниципального района*.

1. В состав *муниципального района* входят территории *поселений*:

- Приозерское *городское поселение* (административный центр – *город* Приозерск);

- Кузнечинское *городское поселение* (административный центр – *посёлок* Кузнечное);

- Громовское *сельское поселение* (административный центр – *посёлок* Громово);

- Запорожское *сельское поселение* (административный центр – *посёлок* Запорожское)... [Устав муниципального образования Приозерский муниципальный район Ленинградской области (новая редакция)].

На наш взгляд, в приведенных выше конкретных случаях конструкции с компонентом *рус. посёлок* необходимо перевести следующим образом:

рус. посёлок Аксеново-Зиловское – *бълг. град Аксеново-Зиловское*;

рус. посёлок Кузнечное – *бълг. град Кузнечное*;

рус. посёлок Громово – бълг. село Громово;

рус. посёлок Запорожское – бълг. село Запорожское.

Одним из точных языковых маркеров являются также словосочетания *рус. посёлок городского типа* (аббревиатура *пгт*) и *рабочий посёлок* (аббревиатура *рп*): по нашему мнению, эти составные названия необходимо переводить лексемой *бълг. град*. Ниже приведены примеры, иллюстрирующие наш тезис:

‘**Статья 7.** Границы и состав территории муниципального образования ...

3. В состав территории муниципального образования входят территории следующих *поселений*:

- *городского поселения – рабочий посёлок Куркино* Куркинского района...’ [Устав муниципального образования Куркинский район];

‘**Статья 1.** ...

4. В состав территории Хохольского *городского поселения* входят следующие населенные пункты:

- *рабочий посёлок Хохольский* ...

5. Административным центром Хохольского *городского поселения* является *р.п. Хохольский*.’ [Устав Хохольского городского поселения Хохольского муниципального района Воронежской области];

‘**Статья 2.** Территория и состав территории *муниципального района*

1. Территорию *муниципального района* образуют территории следующих *поселений*:

а) *поселение* Благоево, в состав которого входят *посёлок городского типа* Благоево, *посёлок сельского типа* Солнечный, *деревни* Вендинга, Острова, Усть-Вачерга;

б) *поселение* Междуреченск, в состав которого входят *посёлок городского типа* Междуреченск, *посёлок сельского типа* Селэгвож;

в) *поселение* Усогорск, в состав которого входят *посёлок городского типа* Усогорск, *посёлок сельского типа* Верхнемезенск, *деревни* Нижний Выльыб, Разгорт...’ [Устав муниципального образования муниципального района „Удорский” Республики Коми];

‘**Статья 2.** Картографическое описание границ поселения, населенные пункты в составе поселения. ...

2. В состав Вырицкого *городского поселения* входят следующие населенные пункты:

1) *посёлок городского типа* Вырица;

2) *посёлок* Дальний;

3) *посёлок* Новинка;

4) *посёлок* Чаща...’ [Устав муниципального образования Вырицкое *городское поселение* Гатчинского муниципального района Ленинградской области].

Здесь, на наш взгляд, будут следующие соответствия:

рус. рабочий посёлок Куркино – бълг. град Куркино;

рус. рабочий посёлок (р.п.) Хохольский – бълг. град Хохольский;

рус. посёлок городского типа Благоево – бълг. град Благоево;

рус. посёлок городского типа Усогорск – бълг. град Усогорск;

рус. посёлок городского типа Междуреченск – бълг. град Междуреченск;

рус. посёлок городского типа Вырица – бълг. град Вирица;

рус. посёлок сельского типа Солнечный – бълг. село Солнечный;

рус. посёлок сельского типа Верхнемезенск – бълг. село Верхнемезенск(о);

рус. посёлок сельского типа Селэгвож – бълг. село Селегвож;

рус. посёлок Дальний – бълг. село Далний;

рус. посёлок Новинка – бълг. село Новинка;

рус. посёлок Чаща – бълг. село Чашча.

При переводе надо иметь в виду и тот факт, что в некоторых случаях в порядке исключения центром муниципального образования, в которое входят городские поселения, является сельский населенный пункт, напр.:

‘**Статья 1.** Правовой статус *муниципального района „Удорский”*

...*Муниципальное образование муниципальный район „Удорский”*... – муниципальное образование, состоящее из 3 *городских* и 12 *сельских поселений*...

Статья 2. Территория и состав территории *муниципального района* ...

2. *Административным центром* муниципального района является *село* Кослан.’ [Устав муниципального образования муниципального района „Удорский” Республики Коми].

VII.

Очевидно, что в наши дни проблемы перевода нарицательных названий населенных пунктов в России и в Болгарии с русского на болгарский и с болгарского на русский язык связаны прежде всего с недостаточной четкой стратификацией данных названий в законодательстве обеих государств. На наш взгляд, присутствие полного списка (реестра, перечня) этих юридических терминов в профильных законах намного облегчило бы работу органов госуправления обеих стран. Кроме того, это существенно упростило бы перевод юридических текстов, касающихся в той или иной степени административно-территориального устройства Болгарии и России.

Библиографический список

1. Алимов В. В. Юридический перевод / В. В. Алимов. – 3-е изд., стереотип. – М. : Ком Книга, 2005.
2. Барабаш, О. В. Юридический текст: проблема интерпретации и перевода / О. В. Барабаш, О. В. Мещерякова // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2013. – № 3 (27). – С. 152–161.
3. Большой толковый словарь русского языка. – СПб. : Норинт, 2004.
4. Единен класификатор на административно-териториалните и териториалните единици. – URL: <http://www.ekatte.com>
5. Закон за административно-териториалното устройство на Република България. Обн. ДВ, бр. 63, 14.07.1995. – URL: <http://www.mrtb.government.bg/bg/zakon-za-administrativno-teritorialnoto-ustrojstvo-na-republika-bulgariya/>
6. Об административно-территориальном устройстве Республики Крым : закон Республики Крым № 18-ЗПК от 06.06.2014. – URL: <https://rg.ru/2014/07/09/krim-zakon18-reg-dok.html>
7. Калиновская, В. В. Перевод юридических и общественнополитических текстов с английского языка на русский / В. В. Калиновская // Ученые записки Российского государственного социального университета. – 2012. – № 1. – С. 109–112.
8. Мушнина, М. М. О правовой лингвистике в Германии и Австрии / М. М. Мушнина // Юрислингвистика-5 : Юридические аспекты языка и лингвистические аспекты права / под ред. Н. Д. Голева. – Барнаул, 2004. – С. 18–31.
9. Об административно-территориальном устройстве Ленинградской области и порядке его изменения : областной закон № 32-оз от 15.05.2010. – URL: <http://lenobl.kodeks.ru/lenobl?d&nd=891832035&prevDoc=537918888>
10. Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации : федер. закон № 184-ФЗ от 06.10.1999. – URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/14498>
11. Общероссийский классификатор территорий муниципальных образований. – М., 2013. – Т. 1–8.
12. Общероссийский классификатор территорий муниципальных образований. – URL: <http://www.oktmo.ru>
13. Пенчева, А. И. Проблема лексической эквивалентности перевода официальных документов на русском и болгарском языке / А. И. Пенчева. – В. : МАПРЯЛ, 2010. Десятый Междунар. симп. Доклады и сообщения (г. Велико-Тырново, 8–11 апреля 2010 г.). – Велико-Тырново : Изд-во ИВИС, 2011. – С. 351–356.
14. Русский семантический словарь / под общ. ред. Н. Ю. Шведовой. – М., 1998. – Т. 1–6.
15. Словарь русского языка / гл. ред. А. П. Евгеньева. – 2-е изд., исправл. и доп. – М., 1981–1984. – Т. I–IV.
16. Устав городского поселения Аксеново-Зиловское муниципального района Чернышевский район Забайкальского края : принят решением Совета городского поселения Аксёново-Зиловское № 9 от 25.04.2018. – URL: <http://аксёново-зиловское.рф/dokumenty/ustav>
17. Устав Мамонского муниципального образования Иркутского района Иркутской области : утв. Решением Думы Мамонского муниципального образования от 25.10.2017. – URL: http://mamonskoe-mo.ru/o_poselenii/ustav
18. Устав муниципального образования Вырицкое городское поселение Гатчинского муниципального района Ленинградской области : утв. решением Совета депутатов Вырицкого городского поселения № 19 от 25.11.2005. – URL: <http://www.vyritsa-adm.ru/document/32>
19. Устав муниципального образования Кижингинский район Республики Бурятия : принят решением Совета депутатов муниципального образования Кижингинский район № 313 от 17.12.2013. – URL: <http://adm.kizhinga.ru/index.php/component/content/article/107-2010-08-04-09-18-34/9651----1-r?directory=62>
20. Устав муниципального образования Куркинский район : принят референдумом Куркинского района 23.03.1997. – URL: https://kurkino.tularegion.ru/documents/?SECTION=8067&SECTION_CHILD=ustav-mo-kurkinskiy-rayon&YEAR=null&TYPE_FILE=null
21. Устав муниципального образования муниципального района «Удорский» Республики Коми : принят на XXI сессии Совета муниципального образования «Удорский район» второго созыва 11.10.2005. – URL: <http://udora.info/administratsiya/pravovye-akty/196-ustav-rajona>
22. Устав Муниципального образования Неверский сельсовет : принят решением Неверского сельского Совета народных депутатов Сковородинского района Амурской области № 81 от 09.12.2010. – URL: http://neveradm.ru/dazdel.php?id_blok1_levelpages1=1&blok=adm&razdel=free
23. Устав муниципального образования Приозерский муниципальный район Ленинградской области (новая редакция) : принят решением Совета депутатов муниципального образования Приозерский муниципальный район Ленинградской области № 225 от 13.11.2012 (ред. от 04.10.2013). – URL: http://priezorsk.lenobl.ru/Files/file/ustav_munitsipalnogo_obrazovaniya_priezerskii_munitsipalnui.rtf
24. Устав Хохольского городского поселения Хохольского муниципального района Воронежской области : принят решением Совета народных депутатов Хохольского городского поселения Хохольского муниципального района Воронежской области № 25 от 30.10.2015. – URL: <http://hohol-vrn.ru/documents/charter.html?type=contrast>

Направление 6

ЯЗЫК И ПРАВОВАЯ КОММУНИКАЦИЯ. ЮРИДИЧЕСКИЙ ДИСКУРС КАК КУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН

МИФЫ ОБ ЭКСТРЕМИЗМЕ И ОСКОРБЛЕНИЯХ И ПРЕДВЫБОРНЫЙ ДИСКУРС В США

А. Б. Бушев

Тверь, Россия

MYTHS ON EXTREMISM AND LIBEL AND ELECTIONEERING DISCOURSE IN THE USA

A. B. Bushev

Tver, Russia

Аннотация. Анализируется феномен «альт-райт» и его связь с культурой новых медиа в США. Приведены публикации мейнстримовых медиа (Би-Би-Си) и портала, создающего благоприятный имидж альтернативных правых (Брейбарт Ньюз). Обсуждается феномен «политики постправды» и феномен «фейк ньюз» в связи с сетевизацией политической культуры. Показано, что оскорбления личного толка и разжигание этнической и расовой ненависти – характерные признаки предвыборного дискурса, широко присутствуют в исследуемом дискурсе.

Ключевые слова: сетевая политическая культура, альтернативные правые, политика постправды, фейк ньюз, новые медиа, глобальный медиадискурс.

Abstract. The paper analyses the phenomenon of alternative right and its interrelations with the new media culture. The light is shed on publications in mainstream and biased media (Breitbart News). The phenomena of post truth policy and fake news are discussed in connection with the net character of political movement under study. The paper is illustrative of the examples of defamation and libel and fake news in electioneering discourse and it is shown that the incitement of racial and ethnic hatred is its inherent feature.

Key words: net political culture, alt-right, policy of post-truth, fake news, new media, global media discourse.

1. Введение. Исследуемые феномены и метод

Насколько часты в мире в предвыборном дискурсе нарушения положения международного права о запрещении и подсудности диффамации, клеветы, разжигании этнической и расовой ненависти? Обходят ли их политики в предвыборном дискурсе, когда хороши все темы и средства.

Как известно, в России не является преступлением, предусмотренным статьей 282 УК РФ, высказывание суждений и умозаключений, использующих факты межнациональных, межконфессиональных или иных социальных отношений в **научных или политических дискуссиях и текстах**. Они не преследуют цели возбудить ненависть либо вражду, а равно унижить достоинство человека либо группы лиц по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии, принадлежности к какой-либо социальной группе. Критика политических, религиозных и идеологических объединений и убеждений, а также национальных и религиозных обычаев сама по себе не является возбуждением ненависти или вражды.

Критика в СМИ должностных лиц (профессиональных политиков), их действий и убеждений сама по себе не должна рассматриваться во всех случаях как действие, направленное на унижение достоинства человека или группы лиц, поскольку **в отношении указанных лиц пределы допустимой критики шире, чем в отношении частных лиц**.

Настоящая статья посвящена особенностям дискурса альтернативных правых в предвыборном дискурсе США. Материалом явились он-лайн версии мейнстимовых глобальных источников массовой информации и портала альтернативных правых Брейбарт Ньюз [Breitbart News]. В условиях сетевизации политической культуры показательно замещение реальной жизни виртуальной, что приводит к **несерьезному отношению к фактам, логике и, как следствие, насилию**, чьи последствия совершенно реальны и осязаемы. **Постправда (post-truth)** – главное слово 2016 года, затмившее такие слова, как *altright*, *Brexiteer*, *chatbox*. Существенны обстоятельства, в которых объективные факты менее значимы при формировании общеизвестного мнения, чем обращения к эмоциям и персональным убеждениям, когда рациональные убеждения проигрывают рациональным стереотипам. Не так важна реальность факта, если реальны последствия. Добавляем сюда эмоциональную подпитку, которая отключает рациональное мышление – получаем искомое понятие. Осадок – это и есть конечная цель фейка, который формирует параллельный мир постправды.

Наиболее влиятельным аспектом в подъеме Интернета в 90-е годы было освобождение информации от ограничений привычных медиа – которое, как предполагалось, сделает мировое сотрудничество более демократичным. Предполагалось, что чем больше человек получает и производит информации, тем больше он свободен. Однако спустя всего несколько лет стало ясно, что в этих надеждах было одно большое заблуждение.

Показательна потеря новой прессой функции контроля. Несмотря на то, что ограничения, которые навязал средствам массовой информации закон, были в Интернете недействительными, исчезла также и одна из самых важных функций прессы – **способность отфильтровывать непроверенную информацию, ложные или искаженные «факты» и возмутительные претензии**, предназначенные не только для того, чтобы злить публику, но и подстрекать целые группы людей, радикализировать их [Готфрид 2016].

Интернет, с его анонимностью и игнорированием правил доказательства и подтверждения истины, в ранних 2000-х превратился в сборник теорий заговора, клеветы и демагогии. Вранье или искаженные факты стали альтернативной реальностью для людей, сильно оторванных от реального мира, серьезно отравили мировоззрение, способность воспринимать новости и текущие происшествия.

Условиями возникновения постправды и фейка являются **интернетизация политики**, эклектика идеологий, риторизм политических выступлений, конспирологические теории. Многочисленные советы, как распознать фейк, призывают нас проверять источник сообщения, читать все сообщение, а не заголовок, проверять реальность авторов, проверять источники в статье, смотреть на дату публикации, спрашивать себя, нет ли элементов сатиры и полемического заострения в публикации, нет ли элементов шутки и мистификации, рефлексировать по поводу своей предвзятости, спрашивать экспертное мнение.

Показательно состояние общественного сознания, в котором существенную роль играет политический постмодернизм и удивительная архаика в политической культуре в ответ на крах либеральной идеологии. Еще раз должна быть подчеркнута роль Интернета и социальных сетей политической культуре. Очевидно, что политика постправды представляет в современных условиях политику пропаганды. Что касается фейк ньюз в социальных сетях, то фейк ньюз нужно маркировать.

Методом рассмотрения является анализ дискурса. К суждению о мире экономики привлечены **дискурсивные исследования** – в их развитии от З. Харриса, через Т. Ван Дейка и Р. Водак, до Д. Юла, Д. Брауна, Д. Шифрин, Д. Таннен, Н. Фарклау, М. Йогнесен и др. Мы можем отметить, что в американской традиции *дискурсивный* понимается практически как *неориторический*, а дискурс-исследования смыкаются с имеющей богатую традицию, инструментарий, хорошо институализированной риторикой. Показательны в этом направлении отечественные дискурсивные исследования: работы уральской группы «Дискурс Пи» под руководством О. Ф. Русаковой, выходящий белгородский Интернет-журнал дискурсивных исследований [Современный дискурс-анализ 2016]. Сошлемся и на нашу серию работ, посвященных языковым и риторическим особенностям политического дискурса в масс-медиа [Бушев 2010]. На примере глобального англоязычного дискурса показана важность номинации явлений в медийном дискурсе, использование клише и штампов как частного случая стереотипии, использования аксиологической лексики, метафоричности, эфемерности, повторов, перифраз, сложности дефинитивности терминов, манипуляция фактами, выдача мнения за знания и некоторые другие облигаторные явления политического дискурса.

Понятно, что исследование сетей не должно ограничиваться анализом дискурса, а должно исследовать аудиторию. Какими же методами исследовать и интерпретировать политические тексты? А. М. Кучинов дает обзор современных методов исследования текстов и дискурса [Кучинов 2016]. Рассматриваются теории, методы и методики, позволяющие работать с текстами и дискурсами как эмпирическим материалом из разных научных дисциплин. Рассмотрены традиционные методы, контент-анализ, обоснованная теория, этнографические методы, дискурс-анализ, символическая политика, методы социолингвистики, теории коммуникации, функциональная прагматика и теория различий, методы, основанные на политической психологии, этнометодологии, феноменологии, семиотике, лингвистике текста, теории речевых актов и когнитивной лингвистики, возможности герменевтики, объективная герменевтика, методы психолингвистики, психосемантики, суггестивной лингвистики и фоносемантики. В его статье обозначены многие виды контент-анализа, в том числе протоколы политической психологии для исследования лидерства. Автор приходит к заключению, что ввиду того, что предметы исследования разных дисциплин лингвистики и смежных наук, как и разные методы, нередко пересекаются, приводимая классификация может быть лишь одной из

множества. По мнению автора, каждый метод подходит для исследования определенной проблемы. Так, исследователь подбирает себе методику в зависимости от того, какие исследования проводит, какие проблемы изучает. В итоге своего исследования автор приходит к выводу, что в России рассматриваемые методы применяются недостаточно там, где это возможно и даже необходимо, поэтому предстоит их дальнейшее освоение исследователями из разных субдисциплин политической науки. Пока эти методы чаще используются за пределами собственно политической науки.

2. Политическая коммуникативистика для понимания предвыборной агитации

Что касается *campaign advertising*, т.е. политической рекламы в виде роликов, баннеров, иллюстраций, сувениров, плакатов, то этот материал доступен для изучения исследователю политической коммуникации. На это предвыборные штабы тратят громадные средства. Однако большинство аналитиков подчеркивают, что важны не борьба кандидатов, а их программ. Т.е. масс-медиа и аргументация остаются самыми важными средствами в политической коммуникации.

Приведем примеры борьбы программ кандидатов. В *статье US election: Where Clinton and Trump stand on key issues*, размещенной на сайте Би-Би-Си демонстрируются принципиальные расхождений позиций кандидатов по разным ключевым вопросам; там в безоценочном нейтральном тоне показаны позиции кандидатов по данному вопросу и их динамика. Показательно, что существуют специальные сайты, демонстрирующие разность позиций кандидатов по ключевым вопросам (*issues*).

В отношении национальных дебатов отметим, что они остаются важным событием в особенности для образованной и культурной публики. В университетской аудитории проявляются мастерство эристики, софистики, риторики, проявляются особенности личностей кандидатов, заставляющие избирателей оказывать им свое предпочтение. Все крупные газеты США поместили на своих сайтах – и соответственно в печатных версиях, – аннотированные транскрипты трех президентских дебатов, состоявшихся в университетских аудиториях.

Так, в статье «Кто выиграл третьи дебаты» размещено следующее сообщение о характере публичной дискуссии.

Early on, the candidates focused on policy but the **debate ignited** when Mrs Clinton turned a question about Wikileaks into **an attack** on Trump's relationship with Russia.

At that point, **Trump's interruptions returned**. He called Mrs Clinton a **liar** and **claimed she was the Russian puppet, not him**. When the topic turned to fitness to be president, **the stage was set for a total meltdown**. Mr Trump said the **women who had accused him of sexual harassment** were in it for the fame and were **Clinton campaign stooges**.

Достаточно этого отрывка, чтобы заключить, что участники используют весь арсенал не только логической, но и риторической аргументации.

Отметим личный характер нападок по время дебатов:

Described as one of the nastiest presidential debates, repeated attempts at character assassination dominated.

Mrs Clinton homed in on the 2005 video of Mr Trump's **lewd comments about women**. It showed, she said, «exactly who he is».

Mr Trump focused on allegations surrounding **Bill Clinton's sexual impropriety** and her work as a **lawyer defending a rapist**.

The scandal over Mrs Clinton's use of a private email account for official business when she was secretary of state should **land her in jail**, the Republican candidate said.

Так, эпизод расследования ФБР в отношении переписки Х.Клинтон активно используется для негативных оценок ее оппонентом:

«The Department of Justice is trying their hardest to **protect the criminal activity of Hillary Clinton**,» Mr Trump said, offering no evidence for the assertion.

Приведенных примеров достаточно, чтобы показать тесную связь различных аспектов политической коммуникативистики с исследованиями юрислингвистики оскорблений, имеющими достаточную традицию.

3. Феномен альт-райта в МША в освещении медиа

Альтернативные правые – политическое движение, ставшее популярным на волне президентской кампании 2016 года в США. Они отличаются от классических правых – консерваторов, противников незаконной миграции, сторонников личных свобод (право на оружие), противников аборт и противников социального государства. Альт-райт заявляет о себе как противнике всякого истеблишмента, в том числе связанного с республиканской партией, от которой собственно и выдвигался Трамп.

Идеологией является белый национализм и отрицание толерантности и политкорректности. Это «культурный марксизм» наоборот – с приоритетом прав белого населения, становящегося в сегодняшней Америке меньшинством.

В немногочисленных попытках политологической рефлексии победа Трампа увязывается с поддержкой этой страты. Это своеобразное *affirmative action* белых, долгое время не поддерживаемых даже консервативными кругами. Риторика презрения к оппонентам, ксенофобия, расизм, ненависть к правам человека и феминизму, возвращение культуры белой консервативной Америки первой половины двадцатого века, борьба с леваками-шестидесятниками, изоляционизм, социальный консерватизм, положительная оценка роли христианства, критика истеблишмента, критика глобализма, либерализма, марксизма, феминизма

низма – показательные черты этой идеологии. У альтернативных правых нет единой официальной идеологии, однако некоторые источники утверждают, что объединяющей идеей движения является белый национализм. Помимо этого, альтернативным правым часто приписываются исламофобия, антифеминизм, гомофобия, антисемитизм, этнический национализм, правый популизм, нативизм, традиционализм и неореакционные идеи.

Они последовательно наступают на права меньшинств, показательное использование ими Интернета для продвижения своих идей и троллинга консерваторов, которых альтрайтисты называют бранным неологизмом «*suckservative*». Их дискурс изобилует штампами и оскорблениями. Белый национализм, мизогиния и антисемитизм – характерные составляющие этого движения, наряду со стильностью и Интернет-представленностью. Альт-райт, по мнению некоторых комментаторов, близок к власти, хотя Трамп не раз от него отрекся. В пропаганде идей и рекрутинге сторонников используются заблокированные ныне **мемджорды 4chan, 8chan и сайм Reddit** (для распространения мемов).

Так или иначе, альт-райты помогли кампании Трампа в Интернете, со знанием дела продвигая **мемы**, дискредитирующие его оппонентов, такие как **#Cuckservative** и **#DraftOurDaughters**. Они координировали сетевую травлю, включающую массу сообщений с угрозами изнасилования и смерти, а также доксинг (*doxxing*, публикация персональных данных) в адрес врагов Трампа и членов их семей

Альтрайтистов характеризует туалетный юмор в адрес женщин, негров, геев и евреев. Реалии сегодняшней Америки таковы, что громила-неонацист научился пользоваться Твиттером и узнал слово «мем». Ставший широко популярным портал альт-райта **Breitbart News** [2] ежемесячно посещают 85 миллионов человек. Он абсолютно неполиткорректен. Можно утверждать, что движение белых разгневанных мужчин вышло в мейнстрим. Альт-райт в современном виде со всеми его плюсами и минусами не мог возникнуть без повышенного внимания в современном западном обществе к вопросам расы, этнической и религиозной идентичности, без проблемы мультикультурализма и идеологии политкорректности, и без широкого осуждения такой темы как **white privilege**.

Типичные заявления альт-райта не могут не восприниматься как экстремистские, сеющие ненависть: *The goal is to ethnically cleanse White nations of non-Whites and establish an authoritarian government. Many people also believe that the Jews should be exterminated.*

Альт-райт показывает себя и на практике. Так, например, в феврале 2017 года в передачах Би-Би-Си и на сайте разразился скандал. Медиа-заголовки гласили:

UC Berkeley halts Milo Yiannopoulos talk amid violent protest

The campus was put on lockdown as trouble broke out

Материалы информационного жанра давали следующую информацию о событии:

The University of California at Berkeley was forced to cancel a talk by an editor at right-wing Breitbart News after violent student protests.

Milo Yiannopoulos, 32, is an outspoken supporter of President Donald Trump.

Hundreds of students rallied on Wednesday night. At least one fire was started and riot police used tear gas as the campus was put on lockdown.

Mr Trump later threatened to withdraw federal funds from the university if it «does not allow free speech».

The president suggested it was condoning those who practice «violence on innocent people with a different point of view».

Отметим семантику информационного материала (спецнаряды полиции использовали слезоточивый газ, чтобы разгонять демонстрантов в университете Беркли, президент Трамп угрожает лишить университет федерального финансирования, так как в нем «нет свободы слова»). Камень преткновения – выступление правого политика Мило Янопулоса. Его выступление **были вынуждены отменить** из-за **бурных студенческих протестов**. Нет – насилию над безоружными людьми, исповедующими иную точку зрения. Таков лейтмотив выступлений президента США и действий полиции.

Известно, что в августе 2017 года альт-райт перешел к насилию во время правых беспорядков на юге США (Шарлоттсвилль, Вирджиния) при сносе памятника генералу-конфедерату Ли. Все мировые СМИ обошли фото жертв беспорядков.

Отметим роль, которая придается социальным сетям в коммуникации политика, особенно с неортодоксальными, далекими от мейнстрима взглядами.

Право на пропаганду своих взглядов приходит в столкновение с правом на свободу слова:

UC Berkeley stressed that it had not invited Mr Yiannopoulos, but had rejected earlier calls to cancel the event.

Protests began peacefully earlier on Wednesday. But demonstrators later broke windows at the hall where the talk was due to be held, threw smoke bombs and started a fire on Sproul Plaza.

Protest organiser Yvette Felarca defended the demonstration, describing the actions of students as «self-defence».

«We have the right to defend ourselves,» she said, adding: «This shutting down Milo Yiannopoulos, and doing whatever's necessary to do that, is our right to self-defence.»

Показателен сетевой дискурс альт-райтистов. Общепризнанно, что это мир сетевых троллей, которые сочиняют безумные теории заговора, продвигают агрессивный культ обиженных белых мужчин, ненависть к женщинам, евреям, цветным людям, трансгендерам. Это сообщество, в котором человеческая порядоч-

ность и этика считаются старой шуткой, а сочувствие вызывает ненависть. Идеологический посыл подается зачастую в максимально простой, сжатой и понятной постмодернистской аудитории форме интернет-мемов, где эксплуатируется как правило образный ряд современных же произведений массовой культуры, уже устоявшиеся образы, связанные с теми или иными меметическими рядами, так или иначе понятными аудитории. При этом будучи формально «плоским», лишенным любого нарративного измерения, рассчитанным на спонтанную реакцию, мем на деле выступает триггером нужной его автору реакции и несет довольно мощный идейный заряд. Добавим к этому что любой мем – это наиболее наглядная иллюстрация постмодернистских идей интертекстуальности и интерконтекстуальности.

Итак, в настоящей статье показано, что миф об экстремизме не выдерживает никакой проверки на материале предвыборного дискурса: «экстремистские» тексты присутствуют в предвыборном дискурсе как часть программ консервативных политических сил или травестирующих их.

Библиографический список

1. Бушев, А. Б. Языковая личность профессионального переводчика : монография / А. Б. Бушев. – Тверь : ИНЖЭКОН-ТВЕРЬ, 2010. – 265 с.
2. Готфрид, П. Палеоконсерваторы: правые изгои Америки / П. Готфрид // Тетради по консерватизму. – 2016. – № 1. – С. 77–84.
3. Кучинов, А. М. Подходы и методики для исследования текстов и дискурса в политологии: опыт классификации / А. М. Кучинов // Полис. Политические исследования. – 2016. – № 5. – С. 80–96.
4. Современный дискурс-анализ: повестка дня, проблематика, перспективы : кол. моногр. / под ред. Е. А. Кожемякина, А. В. Полонского. – Белгород : Белгород, 2016. – 244 с.
5. Breitbart News. – URL: <http://www.breitbart.com>

«ИДЕЯ ВСЕМИРНОЙ МОНАРХИИ» КАРЛА V: ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ПРАВОВАЯ УНИФИКАЦИЯ В ЕВРОПЕ XVI в.

Т. А. Долгополова, Н. М. Долгополова

Санкт-Петербург, Россия

CHARLES V AND "THE IDEA OF THE WORLD MONARCHY": POLITICAL AND LEGAL UNIFICATION OF 16TH CENTURY EUROPE

T. A. Dolgoplova, N. M. Dolgoplova

Saint-Petersburg, Russia

Аннотация. Предметом исследования выступает становление испанского и германского права в процессе создания уникальной империи Карла V; политические и правовые предпосылки реформирования государственной и правовой системы. Анализируется историческая обусловленность принятия кодекса Каролина 1532 г. и иных систематизированных правовых памятников, свидетельствующих об унификации права с учетом рецепции римского права и судебной практики на территории «всемирной» монархии.

Ключевые слова: унификация и систематизация права, Всемирная монархия, Каролина, Новые законы для Индии, Карл V.

Abstract. The subject of the study is the emergence of Spanish and German law in the process of creating the unique empire of Charles V; political and legal prerequisites for reforming the state and legal system. The historical conditionality of the adoption of the 1532 Carolina Code and other systematized legal monuments that testify to the unification of law taking into account the reception of Roman law and judicial practice on the territory of the «world» monarchy are analyzed.

Key words: Unification and systematization of law, World monarchy, Carolina, New laws for India, Charles V.

Развитие европейского права в конце XV в. и начале XVI в., несомненно, отражало длительный путь рецепции римского права и переплетения национальных особенностей обычного права, как проявление национального духа в условиях складывающихся новых геополитических реалий. Открытие новых морских путей в Индию со стороны португальской и испанской монархий, завоевания в «Новой Индии» – Америке предоставляли широчайшие возможности как в территориальном, материальном, так и в политическом аспектах. Создание правовых условий власти на фундаменте права завоевания было, пожалуй, основной задачей развития правовой унификации, уникальным инструментом в данной сфере представляется идея единой универсальной монархии. Одну из попыток предпринял как в политическом и в правовом воплощении Карл V.

Правовое развитие Испании, как в целом со второй половины XV в., так и ранее отдельных королевств - Кастилии, Арагона, Леона, Валенсии, представляется разнообразным в связи с длительным историческим развитием, влиянием многочисленных факторов, прежде всего римского права, обычаев иберийских племен, а также романизованного права визиготов [Долгополова 2012 : 35].

Уложение де Монтальво 1484 г. представляло собой кодификацию законов Кастилии, систематизацию и обработку законов королевства Кастилии Фуэро Реал и Уложение де Алкала нормы были систематизированы и разделены на 1603 закона, 8 книг и 115 титулов.

Следующей кодификацией выступают законы, принятые в 1502 г., принятые на заседании Кортесов в Толедо в 1505 г. король Фердинанд от имени своей дочери Хуаны Кастильской промульгирует эти законы. Это собрание включало 83 закона [Долгополова 2012 : 36].

Наследник Максимилиана I, проводившего интенсивную романизацию права Германии с 1495 г., его рано осиротевший внук, будущий император Карл V, воспитывался вместе с сестрами в Нидерландах. Опекушкой внуков и регентшей Нидерландов Максимилиан назначил дочь Маргариту, до своей смерти в 1530 г. она выполняла свои обязанности по управлению, и по воспитанию племянников искусно и твердо следуя идеям римского права.

Сам Максимилиан тоже был высокообразованным человеком, почитателем итальянских гуманистов. Он правил в духе эпохи Возрождения: покровительствовал науке, распространял и укреплял правовые достижения итальянских ученых. Портреты императора писали Петер Пауль Рубенс и Альбрехт Дюрер (последнему с 1515 г. от двора была предоставлено ежегодная рента в 100 гульденов). Едва ли Максимилиана можно назвать в полном смысле монархом «нового типа», хотя как политик он был умен и дальновиден. Немного поправить свои дела ему удалось за счет брака с дочерью итальянского «князя кондотьеров» Гале-

аццо Сфорца- Бьянкой Марией Сфорца. Итальянские традиции все более проникали в политическую и правовую жизнь Империи [Долгополова 2011 : 363].

Карл V (1519–1556 гг.) стал одним из самых значительных европейских правителей второй четверти XVI в. Важнейшим в его владениях было, то, что корона Испании принадлежала ему по наследству, а также владения в Италии, Нидерландах, завоевания, осуществленные на американском континенте Христофором Колумбом, и другими испанскими и португальскими конкистадорами. Термин «империя, над которой никогда не заходит солнце», – так можно было назвать владения Карла V Габсбурга.

Карл родился в 1500 г. в Генте. Он был старшим сыном испанского короля Филиппа I Красивого и Хуаны Кастильской, прозванной Безумной и соответственно, внуком «католических королей» Фердинанда и Изабеллы «Los Reyes catolicos», объединивших Кастилию и Арагон в единое государство посредством унии 1479 г. По отцовской линии Карл был внуком германского императора Максимилиана I и правнуком Карла Смелого, герцога Бургундского, в честь которого и был назван. Рано лишившись отца, Карл, осиротел, так как его мать Хуана Безумная почти 40 лет находилась в монастыре в плену видений и грез. Его религиозным воспитанием занимался кардинал Адриан Утрехтский [Долгополова 2011 : 134], будущий папа Адриан VI. В 6 лет Карл унаследовал отцовские владения – северную часть бывшего герцогства Бургундского, т.е. нынешнюю Пикардию, Бельгию и Нидерланды. После смерти деда, Фердинанда Арагонского, 16-летний Карл стал официально править Арагоном, а фактически - и Кастилией, поскольку его психически больная мать Хуана (Juana La Loca) могла быть кастильской королевой лишь номинально. В Испании он был провозглашен Карлосом I. Одновременно с Арагоном юный король унаследовал Наварру, Гранаду, Неаполь, Сицилию, Сардинию, испанские колонии в Америке. В Испанских городах в 1520–1526 гг. широкой волной проходили восстания городов, недовольных политикой Карла – «восстания коммунаров», некоторые из них были жестоко подавлены, таким же образом было подавлено восстание в Генте в 1539–1540 гг. В правовом отношении эти восстания были в защиту традиционных обычаев и вольностей городов - коммун.

В 1519 г. умер Максимилиан I, и Карл унаследовал австрийские владения Габсбургов. На выборах германского короля и соответственно Императора оказалось три сильных кандидата – Карл Арагонский, Франциск I и Генрих VIII Тюдор. В Испании также нашлось достаточно противников принципа «универсальной монархии», которого придерживался Карл, – не желающих, чтобы Испания превратилась в периферию империи. Для избрания императором, Карлу нужно было еще доказать, что он действительно германский князь. Как, якобы, утверждал он сам: «По-испански я обращаюсь к Богу, по-итальянски к женщинам, по-французски к друзьям, а по-немецки-к моей лошади».

Дело решили огромные деньги, вложенные в предвыборную кампанию Карла (более 850 тысяч гульденов дали магнаты Фуггеры и Вельзеры, которые потом получили за это существенные государственные привилегии, а также некоторые итальянские банкиры) [Долгополова 2011 : 364], а, кроме того, грамотно выстроенная пропаганда. Карл изображался в образе «юного, подающего надежды рыцаря, который сумеет достойно выступить и против Франции, и против папы»

8 июня 1519 г. курфюрсты единогласно избрали Карла римским королем (что было первой ступенью к достижению титула императора). В 1520 г. он был коронован в Аахене. Карл V был последним германским императором, чья коронация подтверждалась папой. Это произошло только в 1530 г. при папе Клименте VII, причем коронации предшествовала длительная война между императором, папой и Францией.

Гегемония в Европе Священной империи в период после избрания Карла V была практически бесспорна.

Главной задачей Карл V считал образование всемирной христианской державы в борьбе с мусульманами-турками. Эта идея, конечно, предполагала объединение христианских правителей, правовых средств и войск. Воплощая идею «универсального государства» Карл V заключал союзы, начинал войны с Папой Римским, подавлял восстания в испанских городах, брал в плен монархов. В течение его правления в Германии вспыхнула Великая крестьянская война в Германии, разразилась кровопролитнейшая Шмалькальденская война. Идея «всемирного христианского государства» опиралась на ведущую роль самого императора как объединяющую силу всех элементов светских и духовных. Будучи наследником «католических королей», завершивших под знаменем христианства Реконкисту в Испании, император, несомненно, опирался на идеи католицизма, выступал в защиту христианской веры как опоры власти христианского монарха.

Основной темой религиозных разногласий в годы правления Карла V, была Реформация. Впервые о Мартине Лютере далекий еще в то время от германских проблем молодой король и император услышал при подготовке к Вормскому рейхстагу в 1519 г. (он состоялся в 1521 г.). Папский нунций Алеандер требовал принять самые суровые меры против Лютера, однако гуманистическое окружение Карла, включая Эразма Роттердамского, и позиция влиятельного курфюрста Фридриха Саксонского, разделявшего взгляды Лютера, заставили императора действовать осторожно, искать компромиссы. Как известно, на Вормском рейхстаге Лютер заявил, что если с помощью положений Священного писания ему докажут, что он заблуждается, – тогда он готов отречься от заблуждений и первым бросить свои книги в огонь, если же нет, то он будет настаивать на своей правоте («На том я стою и не могу иначе»). Карл после этого выступил с громким заявлением, в котором пообещал принять все меры «для сохранения веры предков». Следует отметить, что формулы средневековых клятв в верности католической церкви были частью картины мира любого европейского монарха, абстракцией, над которой в то время не принято было долго размышлять. По своим убеждениям Карл V был кем угодно, только не религиозным фанатиком. С юности он рос просвещенным

человеком, истинным внуком своего деда Максимилиана, наследником эпохи Возрождения, серьезно интересовался гуманистическими учениями (как, кстати, и другой оппонент Лютера - папа Лев X из дома Медици). Политика, искусство и юриспруденция представляли для этих людей несопоставимо большую ценность, чем споры вокруг религиозных догматов, словно бы возвращающие обратно в «темные века». По инициативе Карла и при поддержке Папы Климента VII в Гранаде в 1531 г. был открыт университет [Долгополова 2012 : 38].

Многие историки сходятся во мнении, что быстрый успех Реформации был связан, помимо прочего, с личностью и политикой императора Карла V. Именно из-за его непонимания ситуации и, как следствие, невнимания к ней, между 1524 и 1526 гг. в империи разразилась ожесточенная крестьянская война, а затем возник Шмалькальденский союз князей-протестантов. Карл в это время фактически устранился от внутренней политики империи. В конечном счете, именно Фердинанд, уже с 1531 г. – римский король, сделал возможным заключение Аугсбургского религиозного мира 1555 г., легализовавшего протестантизм в империи.

В расширяющейся империи остро стоял вопрос о единообразии подходов к судопроизводству и правовой доктрине Всемирной империи.

В 1532 г. Карл издал кодекс Каролина (*Constitutio Criminalis Carolina*) [Корецкий, 1961 : 441] – первый унифицированный акт уголовного и уголовно-процессуального права в Германии, применявшийся в имперских судах, и направленный на жесточайшее преследование бунтовщиков и заговорщиков, участников крестьянских и городских восстаний. Кодекс был ратифицирован в 1532 г. на рейхстаге в Регенсбурге.

Каролина – один из самых полных кодексов уголовного законодательства XVI столетия, а именно уголовное уложение императора Карла V (*Constitutio Criminalis Carolina* или, сокращенно, С.С.С., немецкое название – *Peinliche Gerichtsordnung Karl's V* [Корецкий : 441], или, сокращенно, P. G. O.). Оно издано в 1532 г. К. представляет собою, главным образом, процессуальный кодекс, но из 219 статей его 77 посвящены материальному уголовному праву. Каролина положила начало так называемому общему германскому уголовному праву, в отличие как от римского права, в некоторой части своей имевшего применение в разных немецких странах, так и от партикулярного права отдельных государств. К концу XV в. положение уголовного права и правосудия было крайне печально. За отсутствием кодификации путаница была такова, что отсылка дел (*Actenversendung*) [Брокгауз 1895, 1 : 571] для постановления приговора и для получения низшим судом поучения (*Belehrung*) [Брокгауз 1895, 1 : 571] от высшего, более знакомого с правом, была обычным и необходимым явлением. Все дело правосудия, направленное к тому, чтобы получить от подсудимого посредством пытки сознание в преступлении, не могло не быть делом произвола или в лучшем случае — делом схоластической, изворотливой юриспруденции, не знавшей жизни, избегавшей ее и замертвевшей на подсчитывании формальных доказательств. Сознание этих недостатков вело к попыткам кодифицировать и отчасти создавать новые нормы уголовного права и процесса. В 1498 г. появляется кодекс под именем *Wormser Reformation*; это – преимущественно процессуальный кодекс, но в последней части посвященный и материальному праву. «Вормская реформация» во многом отрешается от римского права и вводит новые нормы, преимущественно германского происхождения. Этот памятник имеет большое значение. В 1499 г. издается тирольский уголовный устав (*Tyroler Malefizordnung*), в 1506 г. – радольфцельский (*Halsgerichtsordnung von Radolphzell*), затем целый ряд других уложений, имеющих задачей установить точный порядок производства уголовных дел и определить круг деяний, наказуемых смертной казнью. Параллельно с этим партикулярным законодательством идет стремление имперских органов создать общие нормы, обязательные для всех судов. До рейхстагов доходили постоянные жалобы о случаях осуждения невинных, о чрезмерно широком применении смертной казни. Еще в 1498 г. собравшийся во Фрейбурге рейхстаг постановил резолюцию о необходимости издать общий для империи устав производства уголовных дел; то же повторилось и на рейхстаге в Аугсбурге в 1500 г. В 1507 г. появилось Бамбергское уложение (*Bambergensis*) [Брокгауз 1895 : 572], составленное замечательным для своего времени деятелем, Иоганном Шварценбергом. Незнакомый с источниками римского права, Шварценберг работал, главным образом, на почве германского обычного права в связи с теоретическими взглядами итальянских юристов и пошел дальше своих предшественников как в отношении развития немецких институтов, так и в отношении систематичности изложения и полноты законодательных определений. Бамбергское уложение 1507 г. было напечатано (в типографии Ганса Пфейль в Бамберге), получило большое распространение и быстро сделалось популярным. Уже в 1516 г. в Бранденбурге издается уложение (*Brandenburgensis*) [Брокгауз 1895 : 571], являющееся почти полным подражанием Бамбергскому. Этому последнему суждено было лечь и в основу Каролины, имевшей два проекта (1521 и 1529 гг.) и окончательно рассмотренной на рейхстагах в Аугсбурге и Регенсбурге в 1532 г. Отпечатана была Каролина в 1533 г. Бамбергское уложение называют *mater Carolinae*, Бранденбургское – *soror Carolinae* [Брокгауз 1895 : 572]. «Каролина» не предназначена была к полной замене римского права; во многих статьях этого уложения подтверждается действие его, в других статьях сделана ссылка на мнения юристов, которые должны давать заключения, руководствуясь римскими источниками. С другой стороны, Каролина не уничтожила и значения партикулярного законодательства отдельных стран; она содержит в себе так называемую клаузулу (*clausula salvatoria*) о том, что издаваемым уложением не уничтожаются «разумные» обычаи, которыми князьям, курфюрстам и со-

словиям предоставляется руководствоваться и впредь. Каролина занимает согласованную позицию между римским и германским правом. В постановлениях, касающихся материального права, субъективные начала римского права согласуются с объективным германского права; это обнаруживается главным образом в наказуемости, покушениях и пособничестве и в особом указании на умысел как необходимый признак преступления. Главным видом наказания служит смертная казнь, но по сравнению с другими современными ей кодексами Каролину является более мягким уложением. Несмотря на заметное влияние канонического права, ересь (Ketzerel) вовсе не упоминается в Каролине. Процессуальная часть кодекса также свидетельствует об изменившемся правосознании. Смягчение инквизиционного порядка и нормирование, наряду с ним, обвинительного порядка – правда, для незначительной категории дел, – более точное определение случаев и условий применения пытки, определение прав защиты и ограничение института «пересылки актов» – таковы отличительные черты Каролина. Она имела громадное влияние на уголовное законодательство последующего времени. Одно появление общегерманского уложения было большим шагом вперед в развитии права. В течение последующих двух веков К. сосредоточивала на себе внимание и законодателей, и писателей. Нормы Каролины стали общегерманским достоянием и имели руководящее значение до конца XVIII в. Успеху Каролины содействовали, кроме содержания ее, точность терминологии и определенность юридических положений. «Я не знаю, – говорит Савиньи («Vom Berufe unserer Zeit für Gesetzgebung u. Rechtswissenschaft») [Брокгауз 1895 : 572], – во всем XVIII в. ни одного немецкого закона, который в отношении точности и силы выражения мог бы сравниться с уголовным уложением Карла V».

Жесткие определения Аугсбургского рейхстага 1530 г. относительно протестантов сменились более компромиссной позицией, которую император продемонстрировал в ходе Нюрнбергского религиозного перемирия, заключенного с протестантскими имперскими сословиями в 1532 г. Карлу необходимо было получить от них помощь для борьбы с турецким султаном Сулейманом Великолепным, во имя реализации идеи «всемирной монархии» и для этого он готов был гарантировать сохранение религиозного статус-кво. Рейды османской армии вдоль побережья Средиземного моря угрожали и владениям Габсбургов [Долгополова 2011 : 367].

Помимо объединяющей реди внутри европейского континента расширение владений императора за Атлантикой в Индиях следует отнести к наиболее драматичным в истории коренного населения. Объединившаяся Испания в начале XVIв. направляла бесстрашных авантюристов. Из испанских владений в Северной и Центральной Америке в 1535 г. было создано вице- королевство Новая Испания со столицей в Мехико. В 1542 г. император Карл V издал так называемые Новые законы для Индий. Основные положения Законов формально оставались в силе и получили дальнейшее развитие в последующих распоряжениях испанского правительства. Положение испанских коррехидоров и вице-королей впредь регламентировали положение Новых законов до начала XIX в. [Долгополова 2015 : 162].

В 1556 г. Карл V, единственный из императоров за всю историю Священной Римской империи, отрекся от престола.

Невозможность объединить свои владения ни в территориальном, ни во властном отношении привели императора к глубокому разочарованию в своих идеях и опустошенности.

Карл разделил свои владения между сыном Филиппом II, который получил Испанские владения и Бургундию, и братом Фердинандом I. 12 сентября 1556 г. Карл оставил курфюрстам уникальный документ- акт своего отречения, написанный по-латыни. Еще не старый, 56-летний, но смертельно уставший, больной и разочарованный человек написал это письмо, при чтении которого и теперь трудно не испытать искреннего сострадания:

«40 лет назад в этом же самом месте [в Брюсселе], накануне Крещения Господня, мой дед-император объявил меня совершеннолетним. Затем я сделался королем Испании, затем сам стал императором. Я желал императорской короны не для того, чтобы управлять еще большими империями, а чтобы заботиться о благе Германии и других государств, о мире и согласии для всех христиан, для того, чтобы мы смогли повернуть свои силы против турок. Я должен был вести много тяжелых войн... однако я никогда не хотел их сам, мне приходилось вступать в них вопреки моей воле... У меня было много надежд- и только немногие осуществились, только немногое остается мне: какова же цена всех усилий! Это вымотало меня и сделало больным. Все вы знаете, насколько... До сегодняшнего дня я нес свою ношу, превосходящую человеческие возможности, чтобы никто не смог назвать меня дезертиром. Но теперь было бы безответственно дольше тянуть с отречением. Не думайте, что я хочу уклониться от трудов и опасностей: просто у меня больше нет на это сил. Доверяйте моему сыну, как он вам доверяет, будьте едины, всегда осуществляйте правосудие, не позволяйте неверию вторгнуться в ваши ряды.

Что до меня, я знаю, что совершил много ошибок, больших ошибок, сначала из-за моей молодости, затем из-за человеческих заблуждений и страстей, и, наконец, вследствие усталости. Но сознательно я ни с кем никогда не поступал несправедливо. Если несправедливости имели место произойти по моему незнанию или же по бессилию поступить иначе, я публично об этом сожалею и всех, кому я мог нанести обиду, прошу меня простить...» [Долгополова 2012 : 367].

Процедура избрания нового императора подготавливалась очень долго и завершилась только в 1558 г.

Карл удалился в один из монастырей Испании, где ровно через два года умер от болезни, истощившей его нервную систему. Там же, в маленьком монастыре провинции Эстремадура, бывший император и был похоронен. Позднее Филипп II перевез его тело в Мадрид и поместил в Эскориал.

Библиографический список

1. Брокгауз и Эфрон. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона (Brockhaus and Efron Encyclopedic Dictionary). – СПб., 1895. – Т. 14 – С. 571–572.
2. Долгополова, Т. А. Идея «Всемирной монархии» объединения Европы империи Карла V / Т. А. Долгополова // Русско-испанские сопоставительные исследования: теоретические и методические аспекты : Междунар. конф. (г. Гранада, 7–9 сентября 2011 г.). – Гранада, 2011. – Т. 2. – С. 363–368.
3. Долгополова, Т. А. Преодоление правового партикуляризма в Испании / Т. А. Долгополова // Высокие интеллектуальные технологии и инновации в национальных исследовательских университетах : материалы Междунар. науч.-метод. конф. (9–10 февраля 2012 г., СПбПУ), 2012. – СПб. : Изд-во Политехн. ун-та, 2012. – С. 34–40.
4. Долгополова, Т. А. Преодоление правового партикуляризма и унификация права в Испании (историко-теоретический аспект / Т. А. Долгополова // Проблемы юридической практики. Двенадцатые спиридоновские чтения (г. Санкт-Петербург, 2015 г.). – СПб. : ИВЭСЭП, 2015. – С. 156–162.
5. Долгополова, Т. А. Идея «всемирного христианского государства» Адриан Утрехтский / Т. А. Долгополова // Идея международного права в истории политических и правовых учений : кол. моногр. / отв. ред А. А. Дорская. – СПб. : Астерион, 2011. – С. 134.
6. Constitutio criminalis Carolina-C.C.C.Peinliche erichtordnung-P.G.O // Русский текст М. Д. Шаргородский. Каролина : хрестоматия памятников феодального государства и права стран Европы / под ред. В. М. Корецкого. – М. : Юридическая литература, 1961. – С. 441–456.

ОСОБЕННОСТИ ЖАНРОВ ЮРИДИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

Т. Н. Карасёва

Пенза, Россия

THE FEATURES OF LEGAL DISCOURSE GENRES

T. N. Karaseva

Penza, Russia

Аннотация. Рассматривается специфическая особенность жанров юридического дискурса.

Ключевые слова: жанр, юридический дискурс, право.

Abstract. The article deals with the specific features of legal discourse genres.

Key words: Genre, legal discourse, law.

Юридический дискурс отличает большое количество его участников. В самом общем виде их можно подразделить на государство, юридических и физических лиц. Каждая из этих категорий представлена множеством участников. Помимо различных официальных органов, государство персонифицирует себя в виде представителей общей системы права: нотариус, судья, адвокат, прокурор, следователь, дознаватель, оперативный работник, другие сотрудники правоохранительных органов и внутренних войск. Группа юридических лиц также неоднородна. Кроме того, граждане могут выступать в самых разных ролях: сторона договора, истец, ответчик, свидетель, эксперт, специалист, задержанный, подозреваемый, обвиняемый, осужденный, потерпевший. Такое богатство участников не присуще ни одному другому виду институционального дискурса.

Для юридического дискурса характерно прежде всего внимание к фактической стороне дела, значимость установления истины по делу. Реализацию этой направленности обеспечивают отдельные кодексы, предназначенные регулировать течение уголовного и гражданского процесса. В уголовном и гражданском процессе отмечаются как сходства, так и различия в подходах к установлению фактической стороны дела.

Жанр в качестве дискурсивной единицы является стереотипной речевой конструкцией, типовой моделью общения, обладающей определенной степенью автоматизированности [Киселева 1998 : 214].

Анализ жанровых форм и текстов, относящихся к области права, представляет интерес для лингвистического изучения структуры дискурса и выявления его особенностей различного типа, поскольку специализированная направленность таких текстов позволяет определить наиболее яркие и специфичные характеристики правового дискурса. Однако стереотипность вовсе не означает, что все институциональные коммуникативные взаимодействия исполняются четко по жанровым схемам в соответствии с их трактовками в юридическом дискурсе. Вместе с тем принципы вариации в основном касаются того, что в драматургии является постановкой уже знакомой пьесы. Индивидуальные версии жанровых формул неизбежно обладают уникальными и неповторимыми свойствами, но они должны в конечном счете способствовать воплощению устоявшейся дискурсивной формы. Свобода действия в институциональном дискурсе ограничена процедурными возможностями, статусными полномочиями его участников, ситуативными факторами, ценностями культуры.

Каждая дискурсивная формула имеет свои границы, в которых определена возможность использовать те или иные уникальные коммуникативные элементы, не разрушая саму формулу. Так, например, тип высказывания, используемого в приведенном ниже примере, не типичен для жанра надзорных жалоб: «Возможно, что вы в чем-то не согласитесь со мною и удовлетворите не все заявленные требования, а устранили лишь часть многочисленных нарушений закона. Даже такое решение, в случае если оно будет сопряжено с моим освобождением из-под стражи, удовлетворит меня в моем сегодняшнем положении, и я отзову свою жалобу из Верховного суда» [Ван Дейк 1989 : 138].

Очевидно, что жанр жалобы в русском юридическом дискурсе не предполагает выдвижение каких-либо условий, преследующих взаимную выгоду участников дискурса. Содержание жалобы формирует лишь нарушенный интерес, права или свободы ее адресанта. Подающему жалобу (в данном случае осужденному) в соответствии с жанровой формой надзорной жалобы необходимо представить свои претензии к приговору, используя стандартный перечень оснований (доводов) для отмены или изменения приговора. С данной позиции жанры юридического дискурса рассматриваются как одно из проявлений нормативной культуры, в которую включены различные нормативные стандарты отношений.

Жанры дискурса являются способами организации взаимодействия правовых субъектов в институциональном мире. Можно выделить минимальный набор структурных элементов коммуникативного взаимодействия: определённые субъекты в определённой ситуации общения; цели, т.е. будущее положение вещей, ради которого происходит и на которое направлены взаимные действия; средства, или коммуника-

тивные инструменты (т.е. набор характерных типов речевых актов, обслуживающих данную ситуацию и отражающих цели взаимодействия); нормативно-ценностная ориентация взаимных коммуникативных действий (способ взаимоотношения всех элементов). При анализе взаимодействия ситуация и участники юридического дискурса в данной ситуации рассматриваются на одном полюсе, цели и нормы – на другом, а коммуникативные средства (набор коммуникативных возможностей, типов высказываний, которыми располагают субъекты в данной ситуации) – в качестве связующих элементов между ними. Эта взаимосвязь ситуативных, нормативно-ценностных и речевых элементов обнаруживает типичные наборы обобщений о том, каким образом должны сочетаться все элементы взаимодействия.

Формулы связывания всех элементов воедино образуют жанровые форматы – типы текстов взаимодействия правовых субъектов. При этом взаимодействие может состоять из множества отдельных действий участников дискурса, взаимосвязанных между собой и объединенных единой целью. Такие совокупности, включающие самые разнообразные действия, образуют сложные структуры, складывающиеся в сценарные последовательности того или иного события (развитие ситуации, череда ее изменений). Каждое высказывание при этом – звено в довольно сложно организованной цепи других высказываний. Приведем в качестве примера фрагмент судебного заседания.

Председательствующий: Вы подтверждаете оглашенные показания, данные Вами на предварительном следствии? Подсудимый: Нет, я не подтверждаю оглашенные показания. Председательствующий: Откуда Вам было известно, что необходимо было давать именно такие показания?

Подсудимый: Следователь мне показал показания свидетеля В., и спросил: «Наверное, ты пришел к пяти часам, как говорит В.?». О том, что в офисе Н. имелись мои следы, я узнал от участкового.

Подсудимый: Я надеялся, что после производства экспертиз по делу все прояснится и меня отпустят, поэтому оговаривал себя. Председательствующий: Почему количество Ваших ударов и места ранения совпадают с тем, как Вы рассказывали и показывали в ходе проверки Ваших показаний на месте происшествия?

Подсудимый: Что касается места ударов, то один из оперативных сотрудников спросил у меня: «Может быть, ты так наносил удары?», при этом два раза ударил меня в область шеи, но я ничего не ответил. Затем, когда следователь при допросе спрашивал у меня о количестве ударов, то я, вспомнив данный разговор, ответил, что нанес два удара.

Прокурор: В ходе производства проверки показаний на месте Вы не только рассказывали, но и показывали, как причиняли телесные повреждения и наносили удары потерпевшей, что объективно состыковывается с экспертизой трупа. Как Вы можете объяснить данное обстоятельство, Вам тоже следователь все показывал?

Подсудимый: Нет, я сам подошел и показал произвольно, как якобы наносил удар.

Во всей последовательности высказываний разворачивается борьба за дальнейшее развитие судебного процесса, определяющее его исход. Приведенный фрагмент – разновидность страгемного дискурса, в котором задача судьи – выяснить мотивацию изменения показаний подсудимого, данных на предварительном следствии, цель подсудимого – убедить суд в том, что он говорит правду, цель стороны обвинения – дискредитация показаний подсудимого, данных в ходе судебного заседания. Стратегия дискредитации в приведенном фрагменте основана на оценочной презумпции ложности показаний, основанных лишь на одном аргументе (Вам тоже следователь все показывал?). С данных позиций взаимодействие как процесс является чередой изменений ситуативных элементов в направлении соответствия нормам. Развертка взаимных действий обладает определенной внутренней логикой, обусловленной целями, мотивами, нормами и ценностями, агентами и их статусно – ролевыми отношениями, обстоятельствами и т.п. [Фуко 1996 : 237].

Сценарные последовательности представляют собой алгоритмизацию коммуникативного события, его подчинение определенной процедуре. Крупные эпизоды выделяются на основании целей соответствующих действий, тогда как локальные эпизоды скорее связаны с отдельными операциями на пути достижения целей. При этом в качестве минимальной структурной единицы дискурса выделяется отдельное речевое действие (речевой акт), основу обозначения которого составляют интенции отправителя речи. Последовательности речевых актов образуют более сложные образования: коммуникативный ход, обмен (exchange) или диалогическое единство (выражающее коммуникативное взаимодействие), фаза речевого общения или транзакция (письменная транзакция соответствует абзацу), и, наконец, самым крупным сегментом общения является речевое событие. Последовательность сменяющих друг друга коммуникативных актов определяется правовой процедурой, структурируется правовыми отношениями в том или ином коммуникативном событии и представляет своего рода программу достижения определенного результата. Правовая процедура выступает в качестве специального юридического механизма системы правового регулирования, регламентируя, например, кому, в какие сроки, каким образом (т.е. в какой форме) должен обратиться управомоченный субъект за реализацией своего права, как и в каком порядке он может защитить его от нарушения и как, в свою очередь, должен действовать агент юридического дискурса. Например, процедура заявления по уголовным делам частного обвинения (гл. 41 ст. 318 УПК РФ) предполагает подачу заявления потерпевшим в соответствии с правилами территориальной подсудности в мировой суд (мировому судье).

Жанровые особенности заявления о возбуждении дела частного обвинения составляют: 1) речевые акты – репрезентативы, используемые с целью описания события преступления, с указанием обстоятельств, места и времени его совершения (11 января 2018 года около 17 часов 30 минут по адресу., гражданин С вы-

сказал в мой адрес оскорбление., после чего нанес мне два удара рукой по лицу и один удар ногой по телу, тем самым причинил мне телесные повреждения в виде...); сообщения данных о лице, которое обвиняется потерпевшим (Сообщаю сведения о лице, которое я обвиняю...), о свидетелях (Очевидцами противоправных действий гражданина... были свидетели...); и 2) речевые акты-директивы, выражающие просьбу, адресованную суду, о принятии дела к производству, вызове указываемых заявителем свидетелей в суд и т.д. (Прошу принять мое заявление к производству суда и возбудить уголовное дело по ст..).

Некоторые сценарии правового общения и их жанровое воплощение могут быть более сложными и детализированными. Например, сложность жанрового формата сценариев предварительного следствия и судебного заседания объясняется сложностью деятельности по установлению фактических обстоятельств уголовного дела, необходимостью создания максимальных гарантий прав личности в уголовном процессе, законности и обоснованности всех уголовно-процессуальных действий и решений.

Отдельные жанры, оформляющие различные сценарии коммуникативных событий, образуют жанровые макроструктуры (по принципу часть – целое), в основе которых лежат цепочки взаимообусловленных речевых событий. Вся структурная цепочка единиц, входящих в сложный жанр, отражает непрерывный процесс развертывания сложного речевого события во времени и пространстве юридического дискурса. Каждая единица в этой цепи, образующая оформленное в смысловом и структурном отношении коммуникативно-речевое явление, представляет собой отдельный речевой жанр, являющийся частью сложного жанра. Например, судебное заседание состоит из таких жанров, как опрос подсудимого, допрос, прения сторон, последнее слово подсудимого, приговор и др. Систематизация всех единиц позволяет получить определенные алгоритмы, схемы реализации заданных целей в тех или иных коммуникативных событиях на различных уровнях юридического дискурса. Примером длинных событийных цепочек может служить уголовный или гражданский процессы, стадии которых, опредмеченные в жанровых форматах, сменяют одна другую в строгой последовательности.

Жанровый формат устанавливает определенные дискурсивные связи между участниками взаимодействия. Характер этой связи является критерием выделения жанра. Так, например, в жанре судебного спора несовместимость мнений, разногласия сторон объективируются в речевых актах правовых требований и возражений, реализующихся в соответствующих жанрах. Так, например, жанр возражений на иск предполагает опровержение требований истца, аргументацию своей позиции и просьбу к суду: «...В исковом заявлении Ш. указал, что “в ходе своей речи К. неоднократно назвал меня подлецом, мерзавцем, дураком... Считаю, что данные сведения являются недействительными...” Считаю необходимым пояснить суду, что большинство из приведенных Ш. моих высказываний в его адрес носят не утвердительный, а оценочный характер и отражают мое личное мнение о данном человеке, которое я имею право высказывать... В связи с чем обращенная к суду просьба истца – признать данные высказывания не соответствующими действительности – необоснованна. В задачу суда не входит выяснение того, соответствуют или не соответствуют действительности сказанные в чей-то адрес слова «подлец», «мерзавец» и т.п. ... Учитывая изложенное, прошу суд отказать Ш. в удовлетворении его необоснованных исковых требований».

Предъявление требования и заявление возражения – это дискурсивный способ юридической связи сторон спора, для обслуживания которой предназначена соответствующая правовая процедура. Или, например, в основе жанра договора лежит обмен комиссивными речевыми актами, использующимися говорящими с целью связать себя обязательством делать или не делать что-либо. Расспрос объединяет такие жанры, как допрос очная ставка, где дискурсивная связь между участниками выражена в асимметричном статусно неравном диалоге, в котором один задает вопросы, другой отвечает или не отвечает на них. Таким образом, основные связи между участниками взаимодействия правовых субъектов, обозначенные соответствующими речевыми актами, могут выступать в качестве одного из условий жанрообразования. С данных позиций на первый план выступает характер основной диалогической связи между высказываниями в процессе общения – отношения типа вопрос – ответ, требование – возражение, требование – согласие, предложение – принятие (оферта -акцепт), приказание – исполнение [Де Соссюр 1977 : 281].

Можно выделять определенные жанровые форматы по статусу участника дискурса и его коммуникативным целям. Так, например, адвокат оформляет свои действия в такие жанровые формы, как заявления, ходатайства (требования, направленные на обеспечение прав участников процесса); жалобы, исковое заявление, требование о реабилитации (требования, направленные на восстановление нарушенных прав); замечания на протокол, заявления о проверке алиби, фактических обстоятельств (требования, направленные на обеспечение законности процедуры следственных действий); опрос лиц с их согласия, запрос об установлении значимых обстоятельств (акты, направленные на сбор доказательств). Следователь пользуется такими формами, как допрос, запрос, предписание, постановление. По процессуальным вопросам, требующим своего разрешения во время судебного рассмотрения дела, суд принимает решения в жанровой форме определения или постановления. При этом одни действия являются поводами для других. Так, например, поводом для рассмотрения дел в надзорных судебных инстанциях и принятия соответствующих решений является обращение в суд в форме запросов, ходатайств или жалоб. Юридическая реальность с данных позиций – это сеть взаимосвязанных позиций или статусов, в рамках которой люди играют свои роли, т.е. реализуют некий комплекс коммуникативных возможностей в соответствующих ситуативных контекстах.

Действия участников дискурса институционально объективируются в виде текстов – документов (протоколы следственных действий, обвинительный акт, нотариальные действия – доверенности, завеща-

ния, извещение о наследстве). Сам документ при этом может быть рассмотрен как форма существования определенной ситуации юридического дискурса. Здесь мы имеем дело с двумя измерениями одного и того же явления – текстуальным (или документальным) и ситуативным. Первый аспект является статическим, отпечатком реального взаимодействия, второй – динамическим аспектом реального взаимодействия. Жанры дискурса охватывают эти два аспекта, оформляя процесс общения и его результат.

Таким образом, взаимодействие правовых субъектов внутри того или иного жанрового формата выступает как череда изменений ситуативных характеристик в соответствии с определенными коммуникативными конвенциями. В качестве критериев классификации жанров юридического дискурса выступают статусные характеристики участников дискурса, характер диалогических связей между ними и зафиксированные в сценарных последовательностях события.

Библиографический список

1. Ван Дейк, Т. А. Язык, познание, коммуникация / Т. А. Ван Дейк. – М., 1989. – 518 с.
2. Де Соссюр, Ф. Труды по языкознанию / Ф. Де Соссюр. – М., 1977. – 522 с.
3. Киселёва, К. А. Дискурсивные слова русского языка / К. А. Киселёва. – М., 1998. – 412 с.
4. Фуко, М. Археология гуманитарных наук / М. Фуко. – СПб., 1996. – 472 с.

ЯЗЫК ПРАВА В КОНТЕКСТЕ СПЕЦИФИКИ ПРАВОВОГО МЕНТАЛИТЕТА РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

Н. Ф. Медушевская

Москва, Россия

THE LANGUAGE OF LAW IN THE CONTEXT OF SPECIFICS OF LEGAL MENTALITY OF RUSSIAN SOCIETY

N. F. Medushevskaya

Moscow, Russia

Аннотация. Рассматривается язык права в культурно-историческом аспекте, отмечается, что российский правовой менталитет считает образность, красоту и экспрессивность важнейшими требованиями, предъявляемыми к языку права. Сложность, непонятность и недоступность языка права формируют в массовом правовом сознании представление о желании власти подготовить почву для возможных злоупотреблений и принять несправедливые законы.

Ключевые слова: правовой менталитет, правда, традиция, красота, правовое сознание, теоцентризм, язык права.

Abstract. The article discusses the language of law in cultural and historical aspects. It is noted that Russian legal mentality considers imagery, beauty and expressiveness as the most important requirements for the language of law. The complexity, incomprehensibility and inaccessibility of the legal language form in the masses the idea of the authorities' desire to prepare the ground for possible abuses and to adopt unfair laws.

Key words: legal mentality, truth, tradition, beauty, legal consciousness, theocentrism, language of law.

В настоящее время в условиях развития постнеклассической науки большую роль играет естественный и искусственные языки. Философия, лингвистика, литературоведение, этнография, искусствоведение демонстрируют стойкий интерес к проблеме языка, формируют новые методологические программы социально-гуманитарных наук, связанные с изучением языковых проблем в социальной жизни в разные периоды истории. Не является исключением и юриспруденция, которая изучает язык в разных аспектах – семиотическом, коммуникативном, логическом, культурно-историческом.

Поскольку постнеклассическая рациональность, в рамках которой формируется современное научное познание, ориентируется на субъект, то и правовое познание поворачивается к изучению повседневного мира, речевых коммуникативных взаимодействий. С одной стороны, язык права формирует позитивное законодательство и соответствует таким критериям, как ясность, смысловая точность, выразительность, конкретность, терминологичность, однозначность, простота, лаконичность, доступность, объективность, прагматичность. С другой стороны, следует учитывать и культурно-историческую составляющую языка права, поскольку современное юридическое научное мышление ориентирует исследователя на выработку умения учитывать не только объективную, но и субъективную сторону познания правовых феноменов. Поэтому неудивительно, что в XX – XXI вв. столь востребованными оказались такие методологические стратегии, как феноменологическая, герменевтическая, структуралистская и аксиологическая. Современная постнеклассическая наука развивается не обособленно и оторванно от всей культуры в целостности, она хоть и имеет свою логику развития, впрочем, как и другие сферы духовности, но не является абсолютно изолированным феноменом, будучи явлением культуры и истории, поэтому контекстуальность превращается в существенную особенность, характеризующую современное научное, в том числе и юридическое познание. Она означает связь эмпирического правового явления с иными социальными событиями и формами духовного восприятия мира, историческими закономерностями, политическими и социально-экономическими факторами.

Прежде чем обратиться к правовому менталитету, следует отметить, что сущность права многогранна и определяется не только способностью к ограничению эгоцентрических побуждений индивидов. Позитивно-нормативное понимание права исходит из того, что право есть совокупность норм, содержащихся в законах и других нормативных актах. И такому правопониманию соответствует определенный тип языка права, который использует языковые средства официально-делового стиля, следуя нормам литературного языка.

В данной статье под феноменом права понимается содержание и смысл социальных отношений, ценностных установок, общественных целей и идеалов, форма духовности и внутренний экзистенциал че-

ловческого существования, система специфических средств организации социальной жизни. Предлагаемое понимание права исходит из субъекта и выражает его сущностные силы, чему может служить (а может и не служить) существующее позитивное законодательство.

Современный российский правовой менталитет дихотомичен по определению. С одной стороны, он обладает устойчивостью, традиционностью, отражает консервативные традиции и обычаи русского народа, с другой стороны, относительно динамичен, исторически изменчив и связан с социальными, политическими, экономическими и духовными процессами в стране, отражает базовые правовые ценности россиян. «К узловым ценностям российской правовой духовности можно отнести коллективность, достоинство, гармонию, справедливость, общественную цель, долженствование» [Малахов 2002 : 434].

Для российского правового менталитета характерен традиционализм, выражая глубокие архетипические установки по поводу права, поэтому многие реформы воспринимаются россиянином неоднозначно, порой им не поддерживаются, поскольку разрушают сложившиеся представления и ожидания. Традиционализм нельзя расценивать однозначно, он противоречив, поэтому юридической теории следует определить, какие именно традиционные представления в праве должны быть изжиты, а что нужно культивировать и поддерживать средствами идеологического воздействия.

Традиционализм российского правового менталитета предполагает покорность, верноподданнические чувства и сакрализацию власти, смиренность, мифологизацию справедливости, завышенные идеалы и заниженные требования, аполитичность, патриархальность повседневной жизни, мессианизм, пассивность и зрительское восприятие правовой реальности, негативное отношение к правовым ценностям, невосприятие культурных заимствований, отсутствие личной ответственности и правовой дисциплинированности. И эти ментальные установки мешают успешности реформ и модернизации российского общества. Но, с другой стороны, стремление к морализации правовой жизни, возвышение духовных ценностей, милосердность, восприятие общественных целей как личных, патриотизм как воплощение державности, стремление уничтожить все несправедливое, уважение власти, высокая степень коммуникативности, тенденция к обществу не атомизированных, а консолидированных индивидов, все эти особенности менталитета россиян следует идеологически поддерживать и культивировать.

Помимо этих черт, в российском правовом менталитете значительную роль играет принцип теоцентризма, который выражает глубокое восприятие религиозных идеалов и догм, он сохранился в менталитете народа и сегодня выражается в преувеличении роли отдельных лидеров, сакрализации власти, безграничной вере в идею, светлое будущее, поэтому теоцентризм – это не обязательно абсолютизация Бога в жизни человека.

Итак, переходя к проблеме языка права, следует отметить, что в нашей отечественной правовой культуре право не становится экзистенциальной ценностью правосознания. Право чаще всего ассоциировалось с законом и правоохранительными органами, которые этот закон представляли и защищали, поэтому право рассматривается как орудие угнетения и насилия. Древние славяне фиксировали обычное право в форме пословиц и поговорок, при этом право у них обозначалось общим термином «правда». Старинные обычаи нашли отражение в фольклоре – пословицах и поговорках на тему права, закона, правосудия: «Где суд, тут и неправда», «Где закон, там и обида», «Строгий закон виноватых творит», «Закон, что паутина: шмель проскочит, а муха увязнет», «Не бойся закона, бойся законника», «Законы святы, да судьи крючкотваты», «Закон – что дышло: куда повернешь – туда и вышло», «То-то и закон, как судья знаком».

Язык права состоит из суждений, понятий, категорий и терминов, концептов и умозаключений, сочетающих профессиональные, философские и обиходно-бытовые смыслы. «Логика юридического языка, – отмечает В.А. Бачинин, – обусловлена имманентной логикой правосознания, где представлениям свойственно оформляться в соответствующие суждения, логические конструкции которых обладают смысловыми свойствами» [Бачинин 2002 : 1088]. И если правосознание – это способность отражать право и различные формы правовой жизни, то правовая ментальность представляет собой глубинную основу правовой сферы духовно-душевного мира человека и общества, является устойчивым культурным явлением [Медушевская, 2016 : 32–34]. Образую сложный сплав, правовое сознание и правовая ментальность выявляют смыслы права в диахроническом и синхроническом срезах.

Смысл правового положения обычно соотносится с доминирующими в конкретный период истории представлениями о добре и зле, справедливости и несправедливости, свободе и произволе. Так, в российском правовом менталитете и правосознании не право, а правда воплощала в себе бытовавшие представления о справедливости, в том числе и о справедливости как законе власти [Медушевская, Уткин 2008 : 16–29]. В отечественную духовую культуру понятие правды пришло с византийским православием. Правда означала высший нормативный порядок: правоту и справедливость, закон и законность, олицетворяла общественный идеал, поэтому правдоискательство было высшей целью, освященной Богом и Божественной волей, она единственная способна нести правду и судить по ней.

В массовом правовом сознании связь идеи закона с идеей права обнаруживается на всех этапах исторического развития нашей страны, но при этом отсутствует их тождественность, они скорее противопоставляются, противоречат друг другу, нежели соединяются в российском правовом менталитете в одно целое. Закон в российском массовом правосознании препятствует реализации права. Подлинным правом считается правда, а закон становится ценностью только в том случае, если не мешает «жить по совести» и в соответствии со справедливостью, как она оценивается массовым правовым сознанием.

Отсюда вытекают и те требования, которые массовое правосознание предъявляет к языку закона, считая его недоступность и усложненность способом сокрыть правду и принять неправосудные решения, не сочетающиеся с пониманием справедливости. Впрочем, и сейчас усложненность языка закона является, с точки зрения массового правосознания, способом решить узкокорпоративные задачи, реализовать корыстные цели, лоббировать интересы заинтересованных сторон не с целью реализации прав и свобод граждан, а с целью удовлетворить свои эгоистические интересы. Поэтому для россиянина очень важно, чтобы язык закона был близок обиходному языку [Тарасевич 2017 : 29]. Чрезмерная специализированность языка закона, излишняя унифицированность и терминологическая стереотипность, несоответствие его стандартов общеязыковым нормам способствуют тому, чтобы закон стал не инструментом регуляции правовых отношений, а обеспечивал решение узкогрупповых задач, преследуя политические и экономические интересы определенных элит.

Для россиянина важнейшей функцией языка права становится его способность быть средством правовой коммуникации. Понимание человеком мира и взаимоотношение людей осуществляется в стихии языка. Как основа передачи культурного опыта от поколения к поколению, язык обеспечивает незыблемость традиций и нахождение общего языка между различными культурными сообществами [Медушевская, Сигалов 2013 : 159].

Следует выделить еще одно важное требование, предъявляемое к языку права массовым правосознанием – это его образность, красота и экспрессивность, которые свидетельствуют о высоком уровне языковой культуры в целом. «Специалисты утверждают, что, например, в русском языке 80% всех слов эмоционально окрашены, т.е. выражают определенные чувства по отношению к тому, о чем идет речь: восхищение, презрение, неодобрение, радость, уныние и т.д. В английском языке таких слов только 20%» [Лекторский, 2009 : 199]. Яркость языка позволяет сделать правовые предписания более выразительными и обязательными к исполнению, поддержать интерес у правосубъектов и стимулировать с их стороны исполнение закона, воздействовать не только на их разум, но и на эмоции, чувства, вызвав тем самым поддержку со стороны общественного мнения. Потребность в красноречивости языка права обуславливается тем, что для российского сознания эстетическая составляющая языка является значимой, а «красота русского языка» традиционно рассматривается в качестве одного из наиболее сильных его достоинств [Медушевская 2017 : 9–12].

Помимо основных критериев истинности научного познания, можно выделить и промежуточные критерии, такие как красота, гармония, простота и др. Особую роль среди этих критериев играет красота, которая позволяет теоретически осваивать мир в гармонии. Россиянин, для мышления которого характерна синкретичность и интуитивное восприятие действительности, особо чуток к проявлениям красоты, поэтому красота и гармоничность языка права становятся для него не только привлекательными, но и убедительными с точки зрения принятия существующих норм. Когда читаешь труды наших дореволюционных юристов П.И. Новгородцева, Б.Н. Чичерина, Л.И. Петражицкого, Е.Н. Трубецкого, И.А. Ильина обращаешь внимание не только на глубину мысли, но и на красоту ее изложения, благодаря которой растет выразительность и убедительность текста.

Эстетическое восприятие языка права связано с понятием красоты, которое играет большую роль в познании, в частности, научном. На эту сторону познания обращал внимание М. Полани, который выделял «интеллектуальные чувства» красоты, убежденности, эвристики и интереса, имеющие большое значение в теоретическом познании.

Характеристиками языка права правового характера с точки зрения массового правосознания выступают декларативность, неопределенность, излишняя усложненность, расплывчатость, двусмысленность, противоречивость. Русский человек исполняет только те законы, с содержанием которых он внутренне согласен, и принимает их как выражение необходимости и должного, но стиль языка права, его способность воздействовать на правовое чувство являются сильнейшим аргументом в пользу исполнительности и дисциплинированности правом.

В обыденном понимании специализированность языка права, несоответствие его стандартов общеязыковым нормам способствует тому, чтобы право из реального регулятора социальных отношений превратилось в инструмент обеспечения интересов элит, решения политических и идеологических задач, что в конечном счете ведет к правовому нигилизму.

С другой стороны, приближение языка права к разговорной лексике и словоупотреблению нарушает каноны официально-делового стиля. Двусмысленности языка права способствуют также синтаксические ошибки, обилие вводных слов, плеонизмы, тавтологии, неправильное использование причастий и нарушения правил словоупотребления. Самобытность языка русского права проявляется и в том, что в нем хоть и присутствует, особенно в официально-деловом стиле, иностранные заимствования, но их роль не столь существенна.

В российской правовой системе всегда была очень активна запретительно-карательная направленность, что способствовало развитию у народа иждивенческих настроений, отчужденности от права и низкому уровню правовой ответственности. Право в России руководствовалось преимущественно моральными установками, сохраняя нравственную аргументацию в правовых суждениях. Опора на внепрактический подход к праву традиционно препятствует пониманию права как вполне самостоятельного духовного феномена, но, с другой стороны, способен минимизировать чрезмерную формализацию права. В середине XX

в. Р. Мертон отметил, что ученый в своей повседневной деятельности находится в напряженном состоянии выбора между противоречивыми императивами. Одна из таких дилемм заключается в том, что исследователь должен быть крайне щепетилен в формулировках, но не впадать при этом в педантизм, поскольку это наносит вред содержанию. Эта дилемма в полной мере относится и к выбору средств языка права, поскольку излишняя формализация способна не только исказить содержание, но и сокрыть смысл, что интуитивно отмечается реципиентами.

Итак, важнейшим требованием массового правосознания в отношении языка права является его ясность, легкость для понимания, прозрачность, позволяющая лицам без специального юридического образования понимать этот язык и пользоваться им. Массовое сознание исходит из того, что недоступность языка права создает почву для злоупотреблений со стороны правоприменителей, вынесения ими несправедливых, неправосудных, т.е. в конечном итоге неправых решений. Непонятность языка права используется для принятия правовых решений, которые не соответствуют ожиданиям населения. Сложность языка права, излишняя громоздкость построений, терминологическая перегруженность создают ощущение умышленной и навязываемой запутанности с целью сокрыть правду.

Язык права, будучи имманентен правовому бытию, которое перманентно множит смыслы, требует своего рассмотрения в культурно-историческом аспекте в соотносительности с правовой ментальностью. Язык права фиксирует в данном дискурсе внимание не на конкретных значениях слов, а на восприятии целостного смысла и его глубинной структуре (Н. Хомский). Более того, навязанные языковые формы, по мнению Ф. де Соссюра, редко приживаются. «Точно также, если в обществе тот или иной институт отторгается правосознанием народа (или его большей части), то он не может считаться реально действующим» [Постклассическая онтология 2016 : 543]. Установки правового менталитета и правового сознания находят свое отражение в повседневной правовой жизни, и если они отражаются в языке права, то в правовой среде у правосубъектов возникает ощущение защищенности правом, его справедливости и оправданности. В такой среде правовые требования, законы могут восприниматься как обязательные и экзистенциально необходимые.

Библиографический список

1. Бачинин, В. А. Энциклопедия философии и социологии права / В. А. Бачинин. – СПб. : Юридический центр Пресс, 2016. – 1093 с.
2. Лекторский, В. А. Эпистемология классическая и неклассическая / В. А. Лекторский. – 3-е изд. – М. : Эдиториал УРСС, 2009. – 256 с.
3. Малахов, В. П. Философия права : учеб. пособие / В. П. Малахов. – М. : Академический Проект ; Екатеринбург : Деловая книга, 2002. – 312 с.
4. Медушевская, Н. Ф. Методологические проблемы правового знания / Н. Ф. Медушевская, К. Е. Сигалов. – М. : Граница, 2013. – 176 с.
5. Медушевская Н. Ф. Язык закона и массовое правосознание / Н. Ф. Медушевская // Языковые проблемы права (законодательства) и правовые проблемы языка : сб. материалов Всерос. круглого стола с междунар. участием / под ред. Е. Н. Бондаренко. – М. : Академия ГПС МЧС России, 2017. – С. 9–12.
6. Медушевская, Н. Ф. Идея правды: сущность, содержание, роль в отечественной правовой культуре : монография / Н. Ф. Медушевская, Г. Н. Уткин. – М. : Моск. ун-т МВД России, 2008. – 160 с.
7. Постклассическая онтология права : монография / под ред. И. Л. Честнова. – СПб. : Алетейя, 2016. – 688 с.
8. Тарасевич, И. Б. Адекватность языка закона : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Тарасевич И. Б. – М., 2017. – 29 с.
9. Медушевская, Н. Ф. Влияние правовой ментальности на формирование гражданского общества в России / Н. Ф. Медушевская // Вестник Московского университета МВД России. – 2016. – № 2. – С. 32–34.

ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ СПЕЦИФИКА НОМИНАЦИЙ РУССКИХ ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫХ ДОКУМЕНТОВ: ДИАХРОНИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Л. В. Попова

Миасс, Россия

ETHNOCULTURAL SPECIFICITY OF DENOMINATIONS OF THE RUSSIAN LEGISLATIVE DOCUMENTS: DIACHRONIC ASPECT

L. V. Popova

Miass, Russia

Аннотация. Проанализированы этимология, лексическая и этнокультурная семантика номинаций русских законодательных документов в диахроническом аспекте. Проведено сопоставление терминологических традиций русского права с греко-латинским, византийским, европейским.

Ключевые слова: закон, законодательный документ, морально-правовой смысл, неполноэквивалентная номинация, правда, суд, этнокультурная специфика юридического термина, юридический дискурс, юридическое языковое сознание.

Abstract. Etymology, lexical and ethnocultural semantics of denominations of the Russian legislative documents are analyzed in the diachronic aspect. A comparison of the terminological traditions of the Russian right with the Greco-Latin, Byzantine, European right is held.

Key words: law, legislative document, moral and legal meaning, not full-equivalent denomination, truth, law court, ethnocultural specificity of a legal term, legal discourse, legal language consciousness.

История номинаций русских законодательных документов доступна для изучения с XI в., к которому принято относить оформление первого письменного свода юридических норм «Правда Русская». В данном документе зафиксированы устные правовые обычаи восточных славян, сложившиеся преимущественно в дохристианскую эпоху, а также включены элементы византийского и скандинавского права. По мнению исследователей, кодификация древнерусских правовых норм проходила в несколько этапов. Ранние списки (экземпляры) не сохранились, но установлено, что существовала древнейшая, краткая и пространная «Правда», а также различные дополнения к ней. Во многих списках «Правды», входящих в летописи и сборники, отражены варианты номинации данного кодекса, наиболее ценным для лингвистического анализа является древнейшее «Судь Ярославль Володимерича. Правда Русьская». Историко-лингвистический анализ показывает, что в этом заголовке находятся два ключевых для древнерусского права термина: *суд*, *правда*.

Первый термин в древнерусском праве был многозначным [Исаев 2001 : 104]. Во-первых, обозначал судопроизводство в целом и разбор дела, дознание. Во-вторых, передавал значение 'законоустановление' в составе «Правды Русской». Общеславянская лексема *судь* (*sQdъ, где *sQ < som – префикс) имеет отглагольное значение 'присоединить, установить соглашение, примирить', связана с индоевропейским корнем *dhē 'класть, размещать, устанавливать' (ср. с санскр. samdhis 'договор, связь', dhaman 'правило, установленное свыше'), то есть входит в древнейшее семантическое поле «порядок» [Бенвенист 1995; Иванов 1978]. Для индоевропейской культуры была характерна идея подчинения правилам, которые надлежит выполнять, чтобы соответствующий объект (предмет или лицо) воспринимался как благополучный, чтобы он отвечал своему назначению и был действенным [Бенвенист 1995 : 311]. Значит, использование в Киевской Руси термина *судь*, в том числе для номинации сводного законодательного документа, является продолжением древнейшей правовой традиции.

В дальнейшем на базе термина *суд* в значении нормативно-правового акта была введена номинация *судебник*, относящаяся к известным кодексам 1497 и 1550 гг. В заглавии кодекса 1497 г. этого термина еще нет, используется ключевое словосочетание «уложил о суде»: «Лета 7006-го месяца септември уложил князь великий Иван Васильевич Всея Руси с детми своими и с бояры о суде <...>» [ПРП 3]. В 1550 г. термин закреплен: «Лета 7058 июня царь и великий князь Иван Васильевич с своею братьею и з бояры сесь Судебник уложил <...>» [ПРП 4].

Происхождение второго термина – *правда* – также связано с общеславянской и индоевропейской эпохами, причем именно в общеславянский период формировалась этнокультурная специфика данного понятия. В праславянскую эпоху *ргавьда – производное от *ргавь, которое на основе первоначального значения ‘вперед направленный’ (как и индоевроп. *ргѡс) развило дальнейшие значения ‘прямой, ровный’ и ‘истинный, такой, как надо’, ‘справедливый’ [Цыганенко 1989 : 323–324; Фасмер 1996, III : 352; Шаповалова 2007 : 178]. Соответственно *ргавьда – ‘истина’, ‘норма’, ‘справедливость’. Общеславянское *ргавь находилось в оппозиции к *лѣвъ, *кривъ, *пергавь, аналогично производному *ргавьда противопоставлялось *кривьда. Вторые члены этих оппозиций означали уклонение от порядка, нормы, закона, поскольку все значения лексемы *ргавь связаны со сферой упорядоченного, законосообразного в мире и обществе [Иванов 1978 : 234–235]. Кроме того, в древнеславянской культуре право, правда, справедливость, как и воплощающий их закон, имеют божественное происхождение [Там же : 235]. По мнению правоведов, понятие «правда» следует соотносить с древнеримским *fas* ‘божественное право’, а также с *ius* ‘истина, справедливость, правила человеческого общества’, а не с формальным *lex* ‘закон, правовой акт’ [Исаев 2001 : 104].

В праславянской культуре закрепляется, а в древнерусской – развивается комплекс морально-правовых смыслов лексем *правьи* и *правьда*. В древнерусском языке *правьи* имеет уже более 15 значений, среди которых много моральных и юридических (‘правильный’, ‘истинный’, ‘честный’, ‘справедливый’, ‘праведный’, ‘невиновный’, ‘относящийся к судебному рассмотрению’ и др.) [СлРЯ XI–XVII, 18 : 121–124]. Соответственно и у *правьда*, наряду со значениями ‘истина’, ‘справедливость’, ‘честность’, ‘праведность’, в древнерусском языке правовой сферы функционирования возникли значения ‘правило (юридическая норма)’, ‘законоустановление’, ‘свод правил, законов’, ‘суд’, ‘невиновность’, ‘оправдание’, ‘условия договора’, ‘судебное испытание’, ‘свидетель’ и др. [Исаев 2001 : 82; САР, IV : 1043; СЦРЯ, III : 418; СлРЯ XI–XVII, 18 : 98].

В заглавии «Правда Русская» термин *правда* подразумевал совокупность древнерусских правовых норм (право), закрепленных князем Ярославом и его сыновьями. Помимо заголовочной функции термин *правда* в древнерусском праве выполнял внутритекстовую функцию. Например, в издании памятника русского права «Договор Смоленска с Ригой и Готским берегом» 1229 г. термин *правда* использован в заглавии как вариант к термину *договор*, поскольку правовой основой договора стала «Правда Русская» и в тексте договора *правда* регулярно употребляется в значениях ‘юридическое соглашение’ и ‘юридическая(-ие) норма(-ы)’ [ПРП 2 : 54]. Хронологические рамки изложенных в договоре правовых норм включают XI в. – период создания «Правды Русской» (которая, в свою очередь, отразила правовые нормы предшествующих веков), и еще более 80 лет, т.е. начало XIII в. Следовательно, можно говорить об устойчивой (примерно 300–500 лет) национальной традиции осмысления и именованя правовой нормы. Из введения: «Абы в веки стояло и князю любо бы и всем Смолняном и Рижаном и всем Немцом по Вьсточному морю ходящим, оже такую *правду* напасали, которою *правдою* быти Русину в Ризе и на Готьскомь березе, тою же *правдою* Немцом в Смоленьске, а быша ся тои *правде* държали и в веки». Из заключения: «Аше которьи Русин или Немчичь противитися вьсхочеть сеи *правде*, да ть противен богу и сеи *правде*». После изложения каждого пункта договора, то есть отдельной юридической нормы, используется формула: «Та же *правда* буди и в Смоленьске, и в Ризе, и на Готьскомь березе» (и подобные варианты).

В качестве заглавия нормативно-правового акта в дальнейшей истории отечественного права термин *правда* не использовался, но важно отметить два факта, свидетельствующих об актуальности данного ключевого понятия в юридическом языковом сознании.

Во-первых, следует обратить внимание на указ Петра I «О хранении *прав* гражданских, о невершении дел против Регламентов, о невыписывании в доклад что уже напечатано и о имении сего указа во всех судных местах на столе, под опасением штрафа» от 17.04.1722, в котором под термином *права* подразумеваются законы, т.е. все нормативно-правовые акты («всуе *законы* писать, когда их не хранить») [ПСЗРИ 1, VI, № 3970 – Здесь и далее знаком № обозначается порядковый номер документа в «Собрании»]. Этим можно объяснить распространенные в данный период правовые формулы: *судьям знать надлежит права, доброе искусство в правах, Его Царскаго Величества воинские пункты, права и уставы, как Права объявляют, яко Права подтверждают, права повелевают, по правам, приговор против прав, Государственные права, нарушитель государственных прав*. Такой способ номинации был поддержан законодательством Екатерины II, в котором термины *законы* и *права* идентичны по смыслу и легко заменяют друг друга (например, Наказ Комиссии о сочинении проекта Нового Уложения от 30.07.1767, Указ «О решении тяжб и исков между иностранцами по Российским законам» от 13.05.1775 и др.) [ПСЗРИ 1, XX, № 14323].

Во-вторых, на протяжении многих веков, с древнего периода до настоящего времени, наблюдается продуктивность употребления прямых и производных номинаций семантической группы *правьи*, *правьда* в русском юридическом дискурсе: *правая грамота, дати правьду, затеяти правьду, судити право, сказати по праву, правезь, доправити на комь; правосудие, правопорядок, правонарушение, правомерный* и мн. др. [Иванов 1978 : 234]. Так, в законодательстве XVIII в. встречаем следующие термины: *суд правый / праведный, доношение правое, розыск правый, причины правые / праведныя / прямые, выведать о правде, спросить по самой суици правде, вершить дело правдой, поступать в деле суици правдою, разсудить правду, приговаривать и осуждать право, челобитье право доносить, поступать праведно, исправлять праведно, действие вести исправно, справедливое решение, справедливое объяснение, справедливость учинить, показать по самой суици справедливости, оправдаться перед судом, правосудное решение, правосудие, расправная палата, земская расправа, земский исправник*. В целом все эти примеры подтверждают осмысленность правовой нормы и связанных с ней понятий в категориях национальной культуры.

В греко-латинской культуре отмечена такая эволюция понятия «право»: от корпуса формул (правовых изречений) к моральной категории справедливости (*iustitia*). В романских языках *ius* вытесняется *directum* ‘прямой’: фр. *droit*, нем. *Recht*, англ. *right* : *law* ‘право’ < ‘прямой, правдивый’ [Бенвенист 1995 : 318], то есть наблюдается дифференциация исходных и производных категорий. Особенностью русского термина *правда* является семантический синкретизм общеславянского происхождения: единство понятий «справедливость» и «право» / «закон» (ср. в неславянских языках: лат. *ius* : *iūx*, фр. *droit* : *loi*, англ. *right* : *law*, нем. *Recht* : *Gesetz*) [Иванов 1978: 235]. Интересным представляется такое сравнение: отличительной чертой древнегерманского представления о правде является доминирование семантических компонентов ‘крепость, твердость, неизменность, незаблемость’; право отождествляется с обычаем, возведенным в ранг нормы в результате демиургического акта [Топорова 1995 : 53–54], то есть право – это реальность.

В древнерусском правосознании, в отличие от европейских культур, *правда* включала комплекс морально-правовой семантики, передающей представление не только о сложившемся, но и об идеальном социальном устройстве. Таким образом, «Суд Ярослава Владимировича. Правда Русская» – ‘свод истинных и справедливых правовых норм’ (*pravъ ‘такой, как надо’). Вторая часть названия данного кодекса имеет этнокультурную специфику: правовые нормы воспринимались аксиологично – как основанные на принципах морали, справедливости и предназначенные для поддержания этих принципов.

Еще одним подтверждением национальной специфики русского юридического понятия «правда» является западноевропейский тип номинации древних правовых кодексов (судебников), по содержанию подобных «Правде Русской». Варварские правды V–IX вв. (лат. *leges barbarorum*) – кодексы правовых норм, действовавших у древнегерманских народов в период складывания у них государства. Название «варварские правды» закрепилось в истории права при переводе на русский язык, однако выраженные в оригинальных названиях юридические понятия не идентичны русскому «правда». Не углубляясь в происхождение каждого национального названия, можно обратить внимание на объединяющий их латинский термин *lex* ‘право, закон’, поскольку основой было римское право: «Вестготская Правда» – «*Lex Visigothorum*», «Бургундская Правда» – «*Lex Burgundionum*», «Салическая Правда» – «*Lex Salica*», «Рипуарская Правда» – «*Lex Ripuaria*», «Саксонская Правда» – «*Lex Saxonum*» и т.п. Происхождение термина *lex* связано с обозначением речевого акта (буквально ‘изречение’ – от *legere* ‘говорить’) [Исаев 2001 : 44], как и происхождение *ius* ‘право’ связано с глаголом речи (*jurare* ‘клясться’). «Не деяние, но изречение постоянно выступает как составляющая права» в греко-латинской культуре [Бенвенист 1995 : 308]. «Право было закреплено в кодексе, в своде изречений и предписаний, которые следовало просто знать и применять» [Там же : 318].

Стоит отметить, что формула «закон русский» в наиболее близком к юридической сфере значении известна по историческим трудам византийских авторов (Прокопий Кесарийский «Война с готами» VI в., Георгий Амартол «Хроника» IX в., переведены с греческого языка) и русскому летописанию. Летописец в «Повести временных лет» ссылается на «Хронику» Амартола при описании древних обычаев и законов славян. В составе «Повести временных лет» сохранились договоры Руси с Византией X в. (911 и 944 гг.), они представляют собой копии на древнерусском языке с греческих экземпляров [ПРП 1 : 4]. Большинство историков и правоведов придерживаются мнения о следующем значении формулы «закон русский»: ‘совокупность норм обычного восточнославянского права (дописьменной эпохи)’ [Исаев 2001 : 44; РЗ, 1 : 19].

Содержание и речевая организация договоров указывают на взаимодействие русского и византийского права еще до христианизации Руси. Обратим внимание на роль греческого языка в фиксации восточнославянского юридического понятия. Очевидно, при переводе греческих текстов на древнерусский язык выбрано наиболее близкое по смыслу слово. По мнению лингвистов и правоведов, славянское *законъ* соотносится с древнегреческим *nómos* ‘обычай, закон, установленный людьми’ (от индоевропейского **nom-* / **nem-* ‘делить’) [Исаев 2001 : 44; Срезневский 1893 : 921]. Общеславянская внутренняя форма лексемы *zakopъ – ‘начало, основание’ и одновременно ‘предел, граница’ – восходит к имени *koпъ < *čęti или непосредственно к глаголу *začęti, которые связаны с индоевропейским корнем *ken ‘появляться, начинать(ся)’ [Фасмер 1996, 2 : 75; Цыганенко 1989 : 136; ЭСРЯ, 1 : 241; ЭССЯ, 10 : 195]. Полагаем, общим древним семантическим признаком *nómos* и *zakopъ является ‘ограниченное пространство’, к тому же оба слова нейтральны в отличие от аксиологично ориентированного *pravъda. Хотя *закон* и *правда* объединяются семой ‘правовой обычай, норма’, последнее не стало переводом греческого *nómos*. На этом основании можно утверждать, что термин *правда* неполноэквивалентный в греко-русской коммуникации за счет ярко выраженной моральной семантики. И наоборот: термин *закон* при логико-семантическом совпадении с *правда* (‘совокупность правовых обычаев, норм’) был недостаточным для выражения важного этнокультурного смысла при номинации «Правды Русской», потому не стал в данную эпоху доминантой в обозначении нормы права и нормативно-правового акта (ср. возможное: «*Закон Русский*»).

Со времени «Правды Русской» до рубежа XIX–XX вв. лексема *закон* не использовалась в заглавии как обозначение нормативно-правовых актов, хотя в XVIII–XIX в. данный термин встречается в значениях ‘нормативно-правовой акт (любого вида)’, ‘законодательный акт высшей силы’ и ‘правовая норма’, в это время вариантом к *закон* является *узаконение*. Знаменателен факт терминологического разграничения типов номинации нормативно-правовых актов византийской и русской правовых систем, отраженный в «Уложении» 1649 г. С одной стороны, упоминаются «градские *законы* Греческих Царей» (*nómos*, как было отмечено выше) в составе правовой базы русского кодекса [ПСЗРИ 1, I, № 1]. С другой стороны, приводятся традиционные названия национальных законодательных документов, обобщенных и переработанных в

«Уложении»: указы, приговоры, судебники. «<...> и чтобы прежних Великих Государей, Царей и Великих Князей Российских, <...>, Указы и Боярские приговоры на всякия Государственныя и на земскія дѣла собрать, и тѣ Государскіе Указы и Боярскіе приговоры съ старыми Судебниками справити. <...>» [Там же]. Преемственность «Уложения» по отношению к национальному корпусу законодательства проявляется в следующем факте: кодекс разделен на главы, некоторые из них получили дополнительное название – *указ* (главы XXII, XXIV, XXV) или *суд* (главы XI, XX). Например, глава XXII «Указъ, за какія вины кому чинити смертная казнь, и за какія вины смертію не казнити, а чинити наказаніе», глава XI «Судъ о крестьянѣхъ».

Отдельного исследования заслуживают созданные после принятия христианства и в Новое время номинации законодательных документов, отражающие влияние старославянского (церковнославянского) языка на русский. Они сыграли значительную роль в осмыслении юридической нормы и позже были обобщены формулировкой «законы Российской Империи» в известном «Собрании» (1830–1885). *Устав, указ, уложение, учреждение* – самые распространенные номинации данного типа: «Регламентъ или Уставъ Главнаго Магистрата» 1721 г. [ПСЗРИ 1, VI, № 3708], «Уставъ Благочинія или Полицейскій» 1782 г. [ПСЗРИ 1, XXI, № 15379], «Уставъ уголовного судопроизводства», «Уставъ гражданского судопроизводства» 1864 г. [ПСЗРИ 2, XXXIX, № 41476, 41477]; указ 1714 г. «О должности Фискаловъ» [ПСЗРИ 1, V, № 2786]; «Уложение о Наказаніяхъ Уголовныхъ и Исправительныхъ» 1845 г. [ПСЗРИ 2, XX, ч. 1, № 19283], «Уголовное Уложение» 1903 г. [ПСЗРИ 3, XXIII, № 22704]; «Учрежденія для управления Губерній Всероссийскія Имперіи» 1775 г. [ПСЗРИ 2, XX, № 14392], «Общее Учрежденіе Министерствъ» 1811 г. [ПСЗРИ 1, XXXI, № 24686], «Учрежденіе судебныхъ установленій» 1864 г. [ПСЗРИ 2, XXXIX, № 41475] и др.

Итак, ключевые номинации древнерусских законодательных документов были органично связаны с национальной (в том числе общеславянской) культурой, в то время как номинации европейских законодательных документов обусловлены влиянием греко-латинской культуры. Для русского юридического дискурса характерно осознание самобытности национальной терминологии и избирательность при обращении к терминологии византийского права.

Библиографический список

1. Бенвенист, Э. Словарь индоевропейских социальных терминов : пер. с фр. / Э. Бенвенист ; общ. ред. и вступ. ст. Ю. С. Степанова. – М. : Прогресс – Универс, 1995. – 456 с.
2. Иванов, В. В. О языке древнего славянского права (к анализу нескольких ключевых терминов) / В. В. Иванов, В. Н. Топоров // Славянское языкознание. : докл. советской делегации VIII Междунар. съезда славистов (Загреб – Любляна, сентябрь 1978 г.). – М. : Наука, 1978. – С. 221–240.
3. Исаев, М. А. Толковый словарь древнерусских юридических терминов: От договоров с Византией до уставных грамот Московского государства / М. А. Исаев. – М. : Спарк, 2001. – 119 с.
4. Памятники русского права. – М. : Юридическая литература, 1952–1956. – Вып. 1–4.
5. Полное собраніе законовъ Россійской Имперіи. Собраніе Первое. – СПб., 1830.
6. Полное собраніе законовъ Россійской Имперіи. Собраніе Второе. – СПб., 1830–1884.
7. Полное собраніе законовъ Россійской Имперіи. Собраніе Третье. – СПб., 1885.
8. Российское законодательство X–XX веков : в 9 т. Законодательство Древней Руси. – М. : Юридическая литература, 1984. – Т. 1.
9. Словарь Академіи Россійской : в 6 ч. – СПб. : Императорская Академія Наукъ, 1789–1794.
10. Словарь русского языка XI–XVII вв. – М. : Наука, 1975–1991. – Вып. 1–17 ; 1992. – Вып. 18.
11. Срезневский, И. И. Матеріалы для словаря древне-русскаго языка по письменнымъ памятникамъ. Т. I. А–К / И. И. Срезневский. – СПб. : Типографія Императорской Академіи Наукъ, 1893.
12. Словарь церковно-славянскаго и русскаго языка, составленный вторымъ отдѣленіемъ Императорской Академіи Наукъ : в 4 т. – СПб. : Типографія Императорской Академіи Наукъ, 1847.
13. Топорова, Т. В. Древнегерманские представления о праве и правде / Т. В. Топорова // Логический анализ языка: Истина и истинность в культуре и языке. – М. : Наука, 1995. – С. 52–55.
14. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка : в 4 т. / М. Фасмер ; под ред. проф. Б. А. Ларина. – 3-е изд., стереотип. – СПб. : Азбука : Терра, 1996.
15. Цыганенко Г. П. Этимологический словарь русского языка: более 5000 слов / Г. П. Цыганенко. – 2-е изд., перераб. и доп. – Киев : Радянська школа, 1989. – 511 с.
16. Шаповалова, О. А. Этимологический словарь русского языка / О. А. Шаповалова. – Ростов н/Д : Феникс, 2007. – 240 с.
17. Этимологический словарь русского языка. Т. 1. А–О / сост. А. Преображенский. – М. : Типография Г. Лисснера и Д. Совко, 1910–1914.
18. Этимологический словарь славянских языков (Праславянский лексический фонд). Вып. 10 (* *кѣрашь* – * *копь*) / под ред. О. Н. Трубачева. – М. : Наука, 1983. – 200 с.

ВЛИЯНИЕ ЯЗЫКА НА ПРАВОВОЙ МЕНТАЛИТЕТ РУССКОГО НАРОДА

А. В. Серегин

Ростов-на-Дону, Россия

THE IMPACT OF LANGUAGE ON THE LEGAL MENTALITY OF THE RUSSIAN PEOPLE

A. V. Seregin

Rostov-on-Don, Russia

Аннотация. Анализируется символическое влияние юридических терминов на правовой менталитет русского народа. Автор приходит к выводу, что для достижения совпадения писаного права с реальными правоотношениями законодателю необходимо использовать не иностранные понятия, а традиционные русские определения: верховный правитель, городской, земский староста и т.д.

Ключевые слова: русский язык, правовой менталитет, право, верховный правитель, городской, основной закон, «Русский Мир», великодержавность.

Abstract. The article analyzes the symbolic effect of legal terms on the legal mentality of the Russian people. The author comes to the conclusion that to match the written law with real legal relations, the legislator must not use foreign concepts, but traditional Russian definitions such as Supreme ruler, gorodovoy, Zemsky headman, etc.

Key words: Russian language, legal mentality, the right, Supreme ruler, gorodovoy, the basic law, "Russian World", great power.

В начале было слово, и слово
было у бога и слово было бог.

Евангелие от Иоанна 1

В переводе с латинского «mentos» – это мысль. В теоретической юриспруденции *менталитет* обычно рассматривают как «склад ума», «умонастроение», «воображение» и т.д. «Менталитет, – пишет А. Ю. Мордовцев, – это то, что позволяет представителям одного социума и (или) типа цивилизации относительно сходно, единообразно воспринимать окружающую действительность, оценивать ее и действовать в ней в соответствии с определенными, сложившимися в обществе установками и стереотипами поведения, «понимая» друг друга, сохраняя (благодаря этому) стабильность и целостность национального (цивилизационного) пространства» [Мордовцев 2002 : 14].

В структуру правового менталитета следует включать **правосознание, юридически значимую деятельность, правовое мышление и политико-правовую парадигму.**

Таким образом, «**правовой менталитет**, – пишет А. И. Овчинников, – исторически сложившаяся матрица типизаций юридически значимого поведения и правовых оценок, схема смыслопостроений, определяющая правовое мышление и остающаяся полностью неуловимой в рефлексии» [Овчинников 2003 : 309].

Вместе с тем, ядром правового менталитета является **политико-правовая парадигма, образующая исходный уровень всех его компонентов, в которой фиксируется характер (специфика) отношений личности, права и государства в рамках того или иного типа цивилизации или этноса** [Мордовцев, Попов 2007 : 102]. Юрико-политическая парадигма раскрывается через аксиомы политического и правового сознания, т.е. юридически и политически значимые идейно-эмоциональные образования и ценностные установки, которые признаются представителями конкретного общества в качестве истинной справедливости и не подвергаются сомнению в силу своей очевидности или привычности, они не требуют какого-либо дополнительного обоснования и определяют политико-правовые предпочтения наций, народов и индивидов. Формализация юрико-правовой парадигмы проявляется в конституционно-правовых нормах выполняющих функции идеологических ориентиров, формирующих у людей определённые мировоззренческие установки на идеальную государственную организацию [Бондарь 2014 : 67–68].

Следовательно, **правовой менталитет представляет собой духовно-психологический склад личности, народа, нации и др. социальных групп базирующийся на политико-правовой парадигме, типизирующей юридически значимое поведение, с помощью характерных правовых оценок, схем смыслопонимания и особых стереотипов правового мышления.**

Устойчивость ментального содержания, отражающего духовно-нравственные ценности правовой системы у носителей цивилизационного кода, определяется характеристикой трёх психолого-интеллектуальных качеств: 1) **духовно-волевым потенциалом народа**; 2) **восприятием границ этнического пространства (земля отцов, могилы предков)**; 3) **особенности индивидуальной и коллективной этнопсихологии (способность к самокритике; закономерности языкового строя и т.д.)**.

Духовно-волевой потенциал заключается в желании бороться, не сдаваться, побеждать, желать и добиваться реванша, если ранее были поражения. За более, чем тысячелетнюю историю России, прошедшую примерно 800 лет в войнах, мы имеем неиссякаемый перечень героев – от былинных богатырей до орденосцев чеченских войн и борьбы за Новороссию. Русские сильнее любого вероятного противника, если они сойдутся на бранном поле, «потому что история войн закодировала наше сознание на открытую борьбу (принадлежность к открытой цивилизации)» [Алексеев 2011 : 29]. В результате уничтожения СССР в 1991 г. 26 миллионов русских людей оказалось за пределами Российской Федерации. «Униженные и оскорблённые, они лишь возвысили духовно-волевой потенциал и стали истинными носителями ценностей русского мира. Тогда как некоторые благополучно живущие в России граждане снизили его до нулевой отметки, гоняясь за иными ценностями» [Алексеев 2011 : 32].

Важнейшими источниками, укрепляющими духовно-волевой потенциал, являются воля и совесть. На Руси **воля** всегда противопоставлялась, точнее не совпадала по ценности с категорией **свободы**. «Свободный казак», звучит глупо и нелепо, ибо он **вольный**. **Свободные люди живут по закону, а вольные – по совести**. Воля сочетает в себе природную независимость, личную самостоятельность и силу характера. Вольным, человек может остаться даже в темнице, ибо воля есть состояние правосознания. Состояние духа вольного человека всегда обременено чувством справедливости, «потому что жить с этим чувством в несправедливом мире трудно, а когда бывает невыносимо, происходят бунты, восстания и революции» [Алексеев 2011 : 49]. Сила духа находится в статическом состоянии покоя пока не появляется сила воли (энергия) как желание, страсть, заставляющая действовать. Поэтому, чтобы побеждать, мы должны быть самими собой: жить по совести, общинно в братской любви к друг другу, тогда и появится духовная сила способная преобразить нашу жизнь к лучшему.

Этническая территория «Русского Мира» в правосознании русского народа это как минимум границы СССР: Единая Святая Русь: Россия, Белоруссия, Малороссия (Украина) и Казахстан.

«Русский мир» всю свою историю стремиться не к удобству и роскоши, а к одухотворённости всего круга жизни. «Не зря говорят, русский глазами не верит, ему всё нужно пощупать руками, то есть прикоснуться, насытить духом, а если точнее, ладом. Отсюда возникло слово «ладонь» – дающая лад, а от ладони, например, меч-кладенец, сталь, наполненная боевым воинским духом, вложенным (кладь, клад) в неё руками кузнеца и владельца. «Владеть» – это вовсе не властвовать, как сейчас понимается, а буквально делать лад, в ладе, в ладе десять, потому и «владыка» – не бесконечный властитель чего-то, но человек, способный творить лад, приводить в порядок, одухотворять» [Алексеев 2011 : 25]. Поэтому у нас врождённая жажда кому-то помочь (американским индейцам, когда их истребляли испанцы, испанцам, когда пришёл фашизм, колониям избавиться от колониальной зависимости и т.д.), кого-то спасти (грузин, армян, болгар, малороссов от туретчины и католической шляхты) – в общем, жизнь положить *«за други своя»*, облагодетельствовать. У русских нет национального эгоизма – это обстоятельство является специфическим признаком самостоятельной *Северной открытой цивилизации*, не похожей ни на *Западную*, техническую и потребительскую, ни на *Восточную*, созерцательную и самодовлеющую. «Неистребимая русская привычка не запереть двери на замок – в лучшем случае подпереть её батоном, чтоб не открыло ветром, порождает вечный соблазн даже у братских, но несведущих народов, обитающих в зонах разлома культур, войти и что-нибудь взять, а то и вообще сесть в красном углу и распоряжаться» [Алексеев 2011 : 26]. Если мы попытаемся односложно охарактеризовать некоторые нации, то получим: американцы – прагматичные; англичане – расчётливые снобы; французы – легкомысленные романтики; немцы – воинственные; русские – добрые.

Сверхзадача «Русского Мира» состоит в том, чтобы быть самим собой, т.е. не властвовать над другими народами и государствами, не владычествовать, но «владеть ими, то есть творить ЛАД» [Алексеев 2011 : 53], создавать гармонию политического миропорядка.

Русский народ в целом и по отдельности весьма самокритичен в оценке собственного правопорядка. Самокритика – это положительное качество, указывающее на глубокую древность этноса. Молодые народы, также как искусственно созданные национальности (например, американцы) сосредотачиваются на собственном любовании и самовосхвалении; они занимаются политическим хвастовством, объявляя себя особыми избранными проведения.

Понимание правового менталитета во многом связано с закономерностями языкового строя, ибо «не общее образование и не учёность, а уровень владения языком определяет уровень сознания» [Алексеев 2011 : 20]. Родная языковая терминология, особенно в правовой сфере, на подсознательном уровне способствует усвоению ценностей правовой культуры и, напротив, перегруженность законодательства иностранными категориями, приводит к омертвлению формальной юриспруденции. Неужели нам нужен **«Президент»**? Ведь есть более подходящее и соответствующее статусу главы Великого российского государства русское слово – **«Верховный правитель»**. Зачем нам «мэры», «сити менеджеры» и т.п. «шведы», есть же понятные наименования: **«городовой»**, **«земский староста»**, **«голова»**, **«управа»** и т.д. Вместо **«Конституции»** – есть понятие **Основной Закон** или **Державное (Государственное) Уложение**. Немцы, например,

пользуются национальными терминами: *grundgesetz, verfassung, bundesverfassungsgericht u m.d.* Если вместо дефиниции *аборт* применить русское понятие *чадогубство* или *детоубийство* (известное обычному праву донских казаков [Небратенко 2015 : 104]) многое станет на свои места в общественном сознании, особенно в ценностной шкале молодых людей. Чем быстрее мы освободимся от терминологической интервенции в отечественной правовой системе, тем быстрее мы сократим разрыв между юридической практикой и писанным законодательством, вдохнув в него силу народного бытия. «Должно быть, вы заметили, – пишет С. Т. Алексеев, – что в период реформ и революций (с петровских дней и до нынешних) в русском языке под видом того, что в нём якобы нет аналогов, сразу же появляются десятки чужеземных слов, призванных скрыть истинный смысл происходящего. И тут не надо быть провидцем, – продолжает он, – чтобы разглядеть, как пытаются ввести в заблуждение общество, предлагая консенсус в место согласия, ваучер вместо доли, культуру вместо одухотворения и так далее» [Алексеев 2011 : 24].

Одной из особенностей русской этнопсихологии является стремление к общинности (братству) жизни. Традиция славянского вечевого управления имеет настолько глубокие исторические корни, что память о ней существует на генном уровне. Несмотря на столыпинскую земельную реформу, призванную разрушить крестьянскую общину, в Сибири хутора образованные переселенцами через несколько лет сбегались в деревни, наплевав на приволье и возможность разжиться. «Миром и тятюку бить легче», «На миру и смерть красна» – ни у одного народа нет похожих пословиц. Благодаря братскому коллективизму русскому народу удалось пережить княжеские междоусобицы, татарские погромы, нашествие поляков, самозванство, Смутное время, революцию и т.д. Переживём и нынешние невзгоды, возникшие в результате геополитического краха СССР. Жёсткий индивидуализм, который нам прививали в 90-е гг. XX в. либеральные вожди, обрекает человека на одиночество и противоречит самой человеческой природе. Поэтому «в США, когда взрослые американцы собираются в каком-нибудь арендованном помещении (не в клубах!), становятся в круг и пытаются танцевать. ... И обязательно стараются прикоснуться руками друг к другу (контакт осязательный – как компенсация дефицита общения вообще)» [Алексеев 2011 : 47].

Общинность и братство немислимы без любви – самого неискоренимого чувства, не подвластного ни времени, ни пространству. В индивидуалистическом обществе господствует концепция себялюбия (эгоизма) – её юридическое порождение антропоцентричность мышления выраженное в конституционной формуле, признающей права и свободы человека высшей ценностью общества и государства. Но есть права народа, предков, общества и государства, без реализации которых теряется ценность индивидов.

Славяно-русское мироощущение формировалось при обязательном божественном почитании *женского рождающего начала*. Совершенно не случайно такие слова как – ЖИЗНЬ, РОДИНА, СЛАВА, ДОЛЯ, СУДЬБА, РАДОСТЬ, ЧЕСТЬ, ОБИДА, ВОЙНА, КРОВЬ и ВОЛЯ – непременно женского рода, так как они результат творения, т.е. соединения мужского и женского начала. Слова связанные с творцом – мужского рода: Бог, Огонь, Отец, Путь, Воин, Рок, Дух и т.д. И средний род – то, что существует без участия мужского и женского начала, – Солнце, Небо, Сердце, Древо, Зло и т.д. Судя по всему, матриархата как такового на праславянском пространстве не существовало. Были иные межполовые отношения. Задолго до крещения Руси «все вольные женщины имели право носить на груди оружие – нож. Что говорило о её равноправии с мужчиной и что поражало арабских путешественников (Кстати, первой женщиной-государыней в христианском мире была тоже наша княгиня Ольга.) Мало того, в скифско-сарматский период девы до замужества наравне с мужчинами овладевали воинским искусством и наравне с ними ходили в военные походы. Только убив врага, дева могла стать невестой. После замужества она не только не воевала, но даже не ездила верхом, чтобы не деформировать хрящи и кости таза, важные при деторождении» [Алексеев 2011 : 50]. Причерноморские степи знают каменных баб, которым поклонялись, но не мужиков. Христианство не смогло нас перекодировать. Вместо Ляды Богородицы, стала Божья Мать, почитаемая на уровне Христа. Западная цивилизация в лице протестантизма отменила поклонение Деве Марии. Католики придавали огню красивых женщин, считая, что красота от сатаны. На Руси всегда знали, что красота от Бога. Ислам не знает женского культа. А у нас до сих пор Богородица покровительствует России, и не известно у кого больше влияния у сына Бога или у Его Матери.

Мы и сейчас кричим «мама», когда страшно, но не «батька».

Более того, главный праздник всех казаков, воинственного сословия, служивых русских людей – Покрова Пресвятой Богородицы 14 октября (в данный день собирается общевоинской казачий круг).

Русская женщина вечно стремится к социальному и психологическому равенству с мужчиной. Хотя христианство пыталось подавить женщину как личность, объявляя её по иудейской кальке источником порока, не достойной входить в алтарь. Но это не стремление к западной эмансипации, где женщина старается стать мужчиной, что абсурдно, ибо оно противоречит природе. Следуя, русскому правосознанию женщину необходимо защищать, а мужчину уважать. Женщины выполняют четыре священные функции: 1) материнства; 2) любовницы своему мужу, 3) первой подруги супругу, утешающей его печали и невзгоды; 4) мудрой и доброй бабушки своим внукам.

Мужчина, по своей природе творец созидатель, его функции состоят в том, чтобы 1) быть отцом, воспитателем и примером в делах своим детям; 2) защитником своего рода; 3) строителем своего дома, рачительным хозяином, 4) духовным наставником всем домочадцам и 5) искусным любовником для жены. Мужчина строит дом (семью), а женщина делает его прекрасным, украшая и облагораживая окружающий мир.

Исследователи правового менталитета, должны помнить, что «образ мышления и манера поведения – две основные взаимосвязанные величины, определяющие принадлежность к этносу. Как человек думает, так и поступает», причём, чем «древнее этнос, тем прочнее взаимосвязь мышления и поведения» [Алексеев 2011 : 61].

Два основных чувства определяют логику русского мышления, и соответственно нашего поведения – это мужское начало – «стыд» и женское – «совесть». Данные моральные субстанции нашего духовного мира и есть истинные законотворцы образцового народного поведения. Русскому обществу известны и такие понятия, как «стыдливый разум» и «совестливый ум», которые непередаваемы на иностранные языки. Стыд – есть внутренний полицейский, стоящий на страже добропорядочности и под страхом смертельной скорби не позволяющий нарушать нравственные правила поведения. Чувство стыда контролирует такие отрицательные чувства человека как страх, трусость, низменную страсть и даже мысль, ибо «стыдно подумать». Поэтому нам известны такие выражения – «сгореть от стыда», «залиться краской», «покраснеть от холода» или «умереть от стыда».

Русские люди не могут руководствоваться в жизни только писанным законом, их право строится на **воли, справедливости и совести**.

Вольнолюбие славян – неискоренимое природное качество душевного склада, переданное нам нашими предками. Поэтому при отсутствии внешнего врага, славянские народы разделяются и даже воюют друг с другом. Как правило, мы братаемся лишь на краю могилы, при прямом вторжении неприятеля и ссоримся на следующий день после победы. Война и смута духовно исцеляют наше общество.

За тысячу лет от крещения Руси в 988 г. до 1917 г. «подавление христианскими заповедями воли и гордыни породило не только определённое *духовное закрепощение*, но более всего ту самую двуликость, «второе дно», тщательно скрываемое в трезвом состоянии и рвущееся наружу в выпившем и раскрепощённом: что у трезвого на уме, то у пьяного на языке (основная, неосознанная, причина пьянства – удовлетворение естественной потребности побыть самим собой).

Однако, – стоит согласиться с наблюдением писателя С. Т. Алексеева, что – самой скрытой, порой даже необъяснимой составляющей национального характера является повышенная *обидчивость*» [Алексеев 2011 : 69]. Историю России можно рассматривать как вечные конфликты межплеменного, межродового, межсемейного, межсословного и межличностного уровней. Эти противостояния обычно заканчивались братоубийственными войнами или переворотами. Такие стереотипы поведения не случайны. В древнеарийском пантеоне «Обида» – это богиня хранительница ГОРДОСТИ И СПРАВЕДЛИВОСТИ [Алексеев 2011 : 69]. Обижаться мог только благородный, незаслуженно униженный и оскорблённый человек. Раб не имеет гордости, ему не доступно понятие справедливости и потому он не может обижаться на господина. «Обида – привилегия высокородия, мировоззренческое качество, выраженное в совокупности гордости и обострённого чувства справедливости, доставшееся нашей этнокультуре от слишком частой смены властных элит ... Начиная от принятия христианства, Россия пережила сотни *мелких и глобальных расколов*: гонение поганых язычников, Никонианский раскол и гонение старообрядцев, революция и гонение священников и просто верующих авторитетных личностей. И ещё много политических расколов, во главе которых стояли Андрей Боголюбский, Иван Грозный, Алексей Михайлович, Софья и Пётр, Екатерина, Александр и декабристы и т.д. При всех катаклизмах происходила *смена элиты*: старая ссылалась, назначалась новая. Чтобы через короткий промежуток времени быть заменённой на другую. *Но ни одна вкусившая власти, высокого положения и принадлежности к касте избранных элита не исчезла бесследно, а осталась внутри этноса и дала многочисленное потомство, независимо от своего опального состояния*. Представители некоторых именитых родов призывались по нескольку раз и снова были отставлены, сосланы, заточены в крепости, многие разбояренные мужи окрестянулись, изменили образ жизни, однако прежней оставалась психология и неистребимой – *генная память о былом величии*. Например, и доньне на Русском Севере очень даже просто встретить полный набор боярских фамилий времён Ивана Грозного, носители которых *знают, кто они и откуда пришли*» [Алексеев 2011 : 70]. Однажды во время гражданской войны в деревню Архангельской губернии, симпатизирующей красным, пришли каратели, чтобы выпороть население, но старики принесли белому офицеру пергаментные свитки с деревянными печатями, где значилось, что они бояре ещё Василия III и не подлежат телесному наказанию [Алексеев 2011 : 70].

Одно из уникальных явлений, духовной непокорности – это Некрасовские казаки, ушедшие в Турцию в начале XVIII в. после булавинского восстания, и вернувшиеся на Родину лишь в 1963 г. На чужбине, в иной духовно-нравственной среде на протяжении 250 лет они хранили предание, язык, веру, сознание, образ жизни, мышления и поведения своих предков [Серегин 2016 : 45–47].

Таким образом, **русский правовой менталитет представляет собой духовно-психологический уклад, базирующийся на политико-правовой парадигме признающей существование и абсолютную ценность единого «Русского Мира», центральными ценностями которого являются вольнолюбие, совесть, общинность, обострённое чувство чести и личного достоинства, справедливости, открытости, доброты (милосердия) и Великодержавности, закодированных в символических образах великорусского языка.**

Библиографический список

1. Алексеев, С. Т. Россия: мы и мир / С. Т. Алексеев. – М. : АСТ : Астрель, 2011. – 252 с.

2. Бондарь, Н. С. Ростовская область как субъект конституционно-правовой жизни Российской Федерации: вчера, сегодня, завтра / Н. С. Бондарь. – Ростов н/Д : Профпресс, 2014. – Вып. 4. – 263 с. – (Библиотека судебного конституционализма).
3. Мордовцев, А. Ю. Национальный правовой менталитет. Введение в проблему / А. Ю. Мордовцев. – Ростов н/Д : Изд-во СКНЦ ВШ, 2002. – 200 с.
4. Мордовцев, А. Ю. Российский правовой менталитет / А. Ю. Мордовцев, В. В. Попов. – Ростов н/Д : Изд-во ЮФУ, 2007. – 448 с.
5. Небратенко, Г. Г. Преступления и наказания в обычном праве донских казаков / Г. Г. Небратенко. – Ростов н/Д : Ростовкнига, 2015. – 200 с.
6. Овчинников, А. И. Правовое мышление: теоретико-методологический анализ / А. И. Овчинников. – Ростов-н/Д : Изд-во Рост. ун-та, 2003. – 341 с.
7. Серегин, А. В. Духовно-нравственное учение о правовой культуре : монография / А. В. Серегин. – М. : Юрлитинформ, 2016. – 336 с.

ЛОББИРОВАНИЕ КРУПНОГО БИЗНЕСА В УСЛОВИЯХ НЕОЛИБЕРАЛЬНОГО КАПИТАЛИЗМА И ЕГО ВЛИЯНИЕ НА СУДЕБНУЮ СИСТЕМУ И ЮРИДИЧЕСКИЙ ДИСКУРС

И. Н. Цакова

София, Болгария

LARGE BUSINESS LOBBYING UNDER THE CONDITIONS OF NEOLIBERAL CAPITALISM AND ITS IMPACT ON THE JUDICIAL SYSTEM AND LEGAL DISCOURSE

I. N. Tsakova

Sofia, Bulgaria

Аннотация. Основной тезис настоящего доклада содержится в утверждении, что лоббистское влияние крупного бизнеса на судебную систему губительно для общества (и граждан) в условиях неолиберального капитализма, поскольку нарушается верховенство закона в современном национальном государстве. Ущемление общественных интересов скрывается за соответствующим юридическим дискурсом. Более важные темы, которые присутствуют в этом дискурсе, связаны в основном с коррупцией и олигархизацией политики. А их как минимум несколько: необходимость в реформировании судебной системы, которое нацелено на ограничение вмешательства обладателей крупных капиталов в политику; тема о феномене «олигархи над законом», меры для противодействия коррупции с помощью принятия антикоррупционных законов и создания новых институтов для борьбы с нею; тема о «захвате государства» со стороны больших компаний (*state capture, agencies capture*), о нелегитимном лоббировании крупного бизнеса, которое отождествляется с коррупцией, и т.д. Указаны причины, которые затрудняют предоставление смысленных объяснений и интерпретаций срыва доверия судебной системе и нарушения принципа верховенства закона, а именно: корпоративные масс-медиа, неолиберальный консенсус между политическими партиями, пропагандные воздействия на массовое сознание путем различных «идеологических аппаратов» и т.д.

Ключевые слова: лоббирование, крупный капитал, неолиберальный капитализм, юридический дискурс.

Abstract. This article emphasizes that a large business lobbyist influence on the judicial system is disastrous for society (and citizens) under the conditions of neoliberal capitalism, as it violates the rule of law in the modern state. Infringement of public interests is hidden behind the corresponding legal discourse. More important topics that are present in this discourse are connected mainly with corruption and oligarchization of politics. And there are at least a few of them: the need to reform the judicial system, which is aimed at limiting the intervention of big capital in politics; the phenomenon of "oligarchs over the law"; measures to counter corruption by adopting anti-corruption laws and creating new institutions to deal with it; "the seizure of states" by large companies; the illegitimate lobbying of big business, which is identified with corruption, etc. The reasons that make it difficult to provide meaningful explanations and interpretations of the failure of trust in the judicial system and violation of the rule of law are the following: corporate media, neoliberal consensus between political parties, propaganda effects on mass consciousness through various "ideological apparatuses", etc.

Key words: Lobbying, big business, neoliberal capitalism, legal discourse.

Основной тезис настоящего доклада содержится в утверждении, что влияние мощных бизнес лобби на судебную систему губительно для общества (и граждан) в условиях неолиберального капитализма, поскольку нарушается верховенство закона в современном национальном государстве, а ущемление общественных интересов скрывается за соответствующим юридическим дискурсом.

Лоббирование как комплекс разнообразных по форме видов деятельности в целях оказания внешнего влияния (давления) на принятие управленческих решений за соответствующую плату является американским изобретением. В США лоббизм, в т.ч. действия профессиональных лоббистов, регулируется специальным законом. Бесспорно, представители крупного бизнеса оказывают наибольшее лоббистское давление в свою пользу на институты национального государства и соответственно на его решения. До недавнего времени лоббирование воспринималось как легитимная практика в рамках правового государства, в котором интересы бизнеса имеют право на доступ к политическому процессу вместе с организованными гражданскими интересами. Однако в последнее десятилетие, особенно после мирового экономического и фи-

нансового кризиса 2008 г., ситуация изменилась коренным образом. Изменения, касающиеся лоббизма, выражаются в том, что речь уже не идет о защите различных бизнес интересов в политике, а об интересах узкого круга особо богатых людей (Big Business and Big Money). Согласно актуальному исследованию ученых Принстонского университета США больше не являются демократией, а олигархией [Gilens, 2014].

Влияние мощных бизнес лобби на судебную систему и юридический дискурс в национальных государствах можно объяснить через его позиционирование в широких теоретических рамках *современного неолиберального капитализма*. Система этого вида капитализма имеет свои экономические, политические и социальные компоненты. Рыночная экономика и конкуренция ставится под вопрос в результате действий мощных монополий (внутренних и внешних), политика доминируется т.н. олигархами (узким кругом богатых и влиятельных частных лиц), а в обществе разворачивается беспрецедентное по своим масштабам неравенство, выявляющее пропасть между людьми олигархической верхушки, с одной стороны, редуцирующимся средним классом и нарастающим социальным дном, с другой. Огромное богатство, сконцентрированное в руках небольшой группы, трансформируется в политическую власть. Три власти неолиберального государства (законодательная, исполнительная и судебная) подвергаются сильному лоббистскому давлению со стороны больших транснациональных корпораций и банков. В данном случае мы сфокусируемся на лоббистских влияниях крупного бизнеса на судебную систему и соответственно на юридический дискурс в национальном государстве, называемом правовом – государстве, отличающемся верховенством закона (Rule of Law).

Когда говорим о *лоббировании крупного бизнеса* в политическом процессе, должны конкретизировать, что речь идет о лоббировании т.н. «специальных интересов» (Special interests). Этим эвфемизмом называют группы (лобби и их лоббисты), имеющие привилегированный доступ к «правительственной кухне», где формируются управленческие решения. Их называют также влиятельными деловыми кругами, мощными финансовыми кругами и пр., при этом их специальный статус определяется обладаемым ими солидным финансовым ресурсом. Крупный бизнес в лице богатых частных лиц лоббирует в свою пользу по ключевым законам – о приватизации, об госзаказах, концессиях, публично-частном партнерстве, международных договорах и пр. Особенно интенсивным является лоббистское давление в связи с принятием налоговых законов (о низких налоговых ставках), а при наличии оффшорных зон сверхбогатые частные лица практически не платят налоги. Это дополнительно обесценивает публичные политики государства (прежде всего социальные, здравоохранительные и пр.), которое предпочитает брать кредиты, чем собирать налоги. Вмешательство этих мощных лобби в законодательство, управление и правосудие создает неимоверные трудности для легитимирования управления, обслуживающего интересы ограниченного круга людей за счет интересов большинства граждан. Все это порождает кризис доверия граждан к государственным институтам.

Границы между публичным и частным размываются, при этом в пользу частного в результате лоббистской деятельности крупного капитала. Неолиберальный глобальный капитализм ставит под угрозу не только национальное и социальное, но и правовое государство. В большой мере он обесмысливает политику как деятельность во имя общего блага. В результате продвижения «бизнес подхода к управлению» или т.н. «нового публичного менеджмента» (New Public Management, Governance without Government) принципы общественного блага и верховенства закона оказываются препятствием. В этой связи Мишель Фуко говорит о «тактическом употреблении права», которое можно связать с влиянием мощных бизнес лобби, которые обходят закон, оставляют «открытые двери» в нем, интерпретируют его в свою пользу благодаря своим неолиберальным экспертам. Кроме этого, лоббисты крупного бизнеса готовят законодательные предложения (drafts) законов, от приложения которых они могут выиграть. Болгарский философ Цветан Тодоров, говоря о вреде, наносимой неолиберальной рыночной логикой, обосновывает «ослабление закона» (как выражение общей воли, гарантом которого является государство) и «отступление закона пред договором» [Тодоров 2013: 139]. Специальные интересы глобального капиталистического рынка, в сущности, неглижируют государство и его институты, сосредоточивая свои лоббистские усилия на отдельных индивидах (политиков), которые подписывают международные договоры.

В условиях сегодняшнего неолиберального капитализма крупный капитал выходит из-под контроля национального государства (он даже приватизирует его основные функции, например, функцию по обеспечению безопасности граждан). Если во времена Маркса государство (буржуазное) обслуживает национальный капитал, то в наши дни в условиях глобализации, государства (неолиберальные) стараются привлечь большие транснациональные компании в качестве инвесторов, создать благоприятное налогообложение для них, а при наличии оффшорных зон миллиардеры практически неконтролируемы государством.

Управление в неолиберальном государстве подпадает под влияние олигархов, обслуживая интересы узкого круга экстремально богатых частных лиц, располагающих экономической и политической властью. На глобальном уровне этот вопрос получил популярность в ежегодных докладах о неравенстве международного объединения по борьбе с бедностью Oxfam, в которых речь идет о привилегированном одном проценте, богатство которого равняется доходам половины населения мира. Управление в рамках отдельных государств при этом радикальном неравенстве легитимизируется как экспертократия с помощью неолиберальных идеологических аппаратов (А. Грамши), чтобы достичь добровольного подчинения. Неолиберальные эксперты-лоббисты, анализаторы, юристы, экономисты, массмедийные советники и пр. специалисты

по формированию общественного мнения принимаются за это за большую плату со стороны представителей того же крупного бизнеса.

Лоббирование специальных интересов приводит к снижению доверия граждан к институтам судебной власти, и это явление вызывает большую тревогу, т.к. эродировать устои правового государства. Существует много исследований, которые показывают крах доверия к институтам судебной власти, как в США, так и в России, и в странах-членах Европейского союза как Болгария. Верховенство закона повсеместно и во все большей степени ставится под вопрос. Принцип равенства перед законом обесценивается, когда некоторые олигархи стоят «над законом». Массовое ощущение безнаказанности совершителей крупных хищений, злоупотребления публичным благом и коррупционных действий на высоких этажах власти сопровождается ощущением отсутствия социальной справедливости и правосудия. Неолиберальная демократия в эпоху несостоявшегося «конца истории» (Ф. Фукуяма) все больше повсеместно дегенерирует в корпоратократию, плутократию и олигархию. Это особенно четко видно после мирового кризиса 2008 г., когда государства западного мира деньгами налогоплательщиков «спасли» от банкротства большие корпорации и банки, т.к. по их объяснению, «они слишком большие, чтобы обанкротиться» (*too big to fail*), слишком большие, чтобы подвести их под ответственность (*too big to indict*). Создалось основательное и массово разделяемое ощущение, что сувереном власти является не народ, а сверхбогатые люди, которые диктуют политику государств, и организации, находящиеся над государствами.

Все это следует объяснить через соответствующий юридический дискурс, хотя это непросто. Известно, что Ю. Хабермас как теоретик коммуникативного действия разграничивает теоретический от практического дискурса. Это разграничение относится и к юридическому дискурсу, что касается лоббистских влияний крупного бизнеса на судебную власть в государстве. А эти влияния в практическом дискурсе (дебатах) связываются в основном с коррупцией и олигархией и другими, проистекающими из них феноменами. В публичной сфере, где циркулирует общественное мнение, это исключительно значимые и актуальные темы.

Юридический дискурс связан с интерпретацией права в конкретной социальной действительности и с публичными дебатами на модель правопорядка в государстве. В этом дискурсе делается разграничение между социальным правом и правом государства, которое выводится как различие между правом и законом. Подобное разграничение политологи делают между государственной и социальной властью, между порядком в государстве и порядком в обществе. Концепция о юридическом дискурсе является частью семантической теории права, посредством которой уточняется смысл права – посредством дебатов, диалога [Дачев 2009]. Неслучайно в юридических дебатах ставится акцент на правосудие – справедливое определение вины нарушителей закона.

В юридическом дискурсе существует по крайней мере несколько основных тем, целью которых является объяснение подходящим языком нарастающего недоверия в судебной системе со стороны граждан. Основным является обсуждение *необходимости в реформировании судебной системы* – реформ, которые нацелены на ограничение вмешательства обладателей крупных капиталов в политику. Проблема в том, что разговоры о либеральных реформах не внушают доверия публике в условиях неолиберальной демократии и неолиберального глобализованного капитализма. Слово реформа как ключевое для либерального дискурса теряет свою притягательную силу и объяснительный потенциал.

Вторая тема связана с *борьбой с коррупцией*, с различными видами коррупции – экономической, политической, коррупцией в гражданском обществе, коррупцией на различных уровнях власти в государстве. Противодействие коррупции обвязывается с принятием антикоррупционных законов, с созданием новых институтов для борьбы со злоупотреблением властью – различных государственных комиссий и агентств для раскрытия конфликта интересов, публичных реестров доходов лиц, занимающих высшие государственные должности и пр. В публичный оборот вошла новая фраза для обозначения одной особо опасной формы политической коррупции, а именно «захват государства» (*State capture*). Но и с помощью этой новой лексической единицы трудно обосновать и интерпретировать неэффективные усилия институтов для решения проблемы, т.к. и сами административные агентства для борьбы с коррупцией «захвачены» представителями крупного бизнеса (*agencies captured*). Речь идет о Комиссии по защите конкуренции, Агентств государственных заказов, приватизации и постприватизационного контроля и пр.

В юридическом дискурсе трудно можно найти толковое объяснение разговорам об отсутствии правосудия в обществе – особенно, это касается феномена «олигархи над законом». То же самое можно сказать и о лоббизме крупного бизнеса: лоббирование напрямую связывается и отождествляется с коррупцией, даже с «легализованной коррупцией».

Общественные дебаты по всем этим темам проходят в СМИ – в новой публичной сфере, при этом большая часть этих СМИ является собственностью т.н. олигархов (медийных магнатов). Корпоративные медиа в качестве одного из основных идеологических аппаратов для фильтрации информации и оказания соответствующего пропагандистского воздействия на массовое сознание «фабрикуют согласие» вокруг господствующей неолиберальной идеологии [Herman, Chomsky 1988]. Политические партии, достижения неолиберального консенсуса, дополнительно содействуют для реализации этой пропагандистской модели.

Коррупция является неизбежным признаком системы современного неолиберального капитализма. Злоупотребление властью (в пользу частных интересов и за счет общественного интереса) все больше превращается в ежедневность. В эпоху нынешнего неолиберального капитализма и доминирующей рыночной логики во всех сферах общества и жизни людей все подлежит купле-продаже. В этой ситуации независимое

правосудие ставится под вопрос. Превалирующее вмешательство крупного бизнеса в политику фундаментальным образом подрывает правопорядок в государстве и принцип равенства перед законом. Когда даже и «правосудие является товаром» [Justice for sale ... 2015] специализированный юридический дискурс с трудом может дать приемлемое толкование происходящему.

Факт, что люди с молчаливым принимают коррупцию и неэффективное функционирование судебной системы под давлением «специальных интересов», объясняется пропагандистским воздействием на общественное мнение в СМИ и умелой политической риторикой, которая становится все более популистской. Кризисные процессы в системе глобального нелиберального капитализма, связанные с жизнью в постоянном риске и нестабильностью, с жизнью в обществе «пост-правды» и «ложных новостей», дополнительно приводят к срыву легитимности правовых норм.

Библиографический список

1. Дачев, Л. Юридическият дискурс / Л. Дачев // Научни трудове на Русенския университет. – Русе, 2009. – Т. 48. – С. 7–13.
2. Тодоров, Цв. Интимните неприятели на демокрацията / Цв. Тодоров. – София : Изток-Запад, 2013. – 226 с.
3. Herman, Ed. Manufacturing Consent (The Political Economy of the Mass Media) / Ed. Herman, N. Chomsky. – New York : Pantheon Books, 1988. – 393 с.
4. Gilens, M. Theories of American Politics: Elites, Interest Groups, and Average Citizens / M. Gilens, B. Page // Perspectives on Politics. – 2014. – September. – P. 564–581.
5. JUSTICE FOR SALE – PART 4: Corruption and Abuse, the Remnants of Greed // Project Censored, 2015. – URL: <http://projectcensored.org/justice-for-sale-part-4-corruption-and-abuse-the-remnants-of-greed/>

ЯЗЫК И ПОЛИТИКА. РЕЧЕВЫЕ МАНИПУЛЯЦИИ В СМИ: ЛИНГВО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ

ЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ ПРОГРАММИРОВАНИЕ МАССОВОГО СОЗНАНИЯ В СОВРЕМЕННЫХ ИНФОРМАЦИОННЫХ ВОЙНАХ

С. Р. Аблеев, С. И. Кузьминская

Москва, Россия

LINGUISTIC PROGRAMMING OF MASS CONSCIOUSNESS IN MODERN INFORMATION WARS

S. R. Ableev S. I. Kuzminskaya

Moscow, Russia

Аннотация. Освещается проблема манипулирования массовым сознанием в современных СМИ. Рассматриваются различные коммуникативные стратегии и тактики, а также лингвистические приемы, которые используются сегодня для формирования общественного мнения в интересах правящих элит. Особое внимание уделяется проблеме информационной войны, которая ведется в отношении Российской Федерации.

Ключевые слова: информационные войны, массовое сознание, лингвистическое программирование, массовая культура, манипуляции сознанием.

Abstract. The article deals with the problem of mass consciousness manipulation in the modern mass media. The authors consider different communicative strategies, tactics and language tools which are used today to form public opinion in the interest of the ruling elites. Special attention is paid to the problem of information war which is currently being waged against the Russian Federation.

Key words: information wars, mass consciousness, linguistic programming, mass culture, consciousness manipulation.

В условиях современного постиндустриального общества информационные войны приобретают вид весьма распространённого социального явления. Причём, как и в случае проведения реальных военных действий, они могут иметь как локальный, так и глобальный характер, то есть служить в качестве эффективного инструмента решения геополитических задач. В качестве яркого примера локальной информационной войны можно рассматривать кампанию по дискредитации американского президента Дональда Трампа в средствах массовой информации США. В то время как информационная политика западных СМИ в отношении России представляет собой показательный пример транснациональной информационной агрессии, целью которой является сдерживание сильного геополитического соперника на международной арене [Зверева 2014].

Несмотря на различный масштаб и локализацию, современные информационные войны имеют ряд универсальных характеристик, присущих данному явлению вне зависимости от конкретных факторов и обстоятельств. В частности, конечная цель любой информационной войны состоит в *манипулировании общественным мнением* в интересах определенной группы людей или институтов власти [Золина, Кравченко 2009 : 139]. Особое значение способность подобных манипуляций приобретает в условиях демократического общества, в котором власть так или иначе вынуждена считаться с политическими, экономическими и аксиологическими доминантами массового сознания.

В качестве основной стратегии, направленной на достижение данной цели, очевидно, следует считать *стратегию дискредитации* оппонента. Она предполагает целый ряд различных приёмов и тактик, арсенал которых постоянно расширяется и совершенствуется. Такое разнообразие объясняется, прежде всего, тем, что массовое сознание представляет собой крайне неоднородный культурный феномен.

Следовательно, различные социальные слои массового сознания будут по-разному реагировать на те или иные манипулятивные действия со стороны политических спикеров или СМИ.

Сегодня, на наш взгляд, наиболее популярными тактиками в рамках стратегии дискредитации оппонента можно считать следующие: «навешивание ярлыков», «обвинение в лживости и коварстве», «криминализация образа оппонента», «порождение образа врага», «демонизация оппонента». Все эти тактики активно используются в настоящее время в западном медиа пространстве в отношении России. Об этом достаточно убедительно свидетельствует, в частности, анализ заголовков газетных публикаций, различных телерепортажей, а также аналитических и новостных сообщений информационных интернет порталов. Рассмотрим каждую из выше перечисленных тактик немного подробнее.

Тактика «навешивания ярлыков» по-прежнему остаётся весьма популярной как в локальных, так и транснациональных информационных сражениях [Кузьминская 2014 : 76]. Основу механизма воздействия в данном случае составляет обращение к психо-эмоциональным регистрам массового сознания. Вполне очевидно, что эта тактика сориентирована в большей мере на ту часть общества, которая рассматривает реальность в достаточно упрощенных и однозначных категориях: плохой-хороший, добрый-злой, умный-глупый. *Безапелляционность, упрощенность, стилистическая сниженность, саркастичность* выражений являются её базовыми характеристиками. Яркими примерами применения данной тактики можно считать высказывания Дональда Трампа о северокорейском лидере: *sick puppy, little rocket man (больной щенок, маленький человек-ракета)*, которые широко тиражировались западными СМИ. Не раз подобные высказывания американские политики и журналисты различного уровня применяли и в отношении российского президента: *sexist manspreader, alpha male, butcher, thug (женоненавистник, альфа самец, мясник, головорез)*.

Интересно отметить, что в ряде случаев «ярлыками» становятся исторические прецедентные имена, которые приобрели яркую негативную коннотацию. Однако, если на локальном поле битвы такими ярлыками становятся имена деятелей, негативно повлиявших на ход событий или развитие конкретной страны, то на международной арене, как правило, используются имена исторических фигур мирового масштаба [Кузьминская 2002]. В частности, имя фюрера фашистской Германии довольно часто выступает как своего рода широко узнаваемый лингвистический маркер резко отрицательного отношения к оппоненту. В этом смысле примечательно, что лидеры практически всех неугодных Западу режимов сравнивались и отождествлялись с Адольфом Гитлером.

Другая тактика дискредитации направлена на формирование и закрепление в массовом сознании устойчивых психологических паттернов восприятия политического оппонента как *лживого и коварного* человека. Здесь доминирующим концептом, с помощью которого достигается поставленная задача, становится концепт «ложь». На лексическом уровне он может быть представлен такими языковыми единицами как: *to lie, to fool, to cheat, to deceive, to plot, a ploy, a farce, false, deceitful* и др. (*Лгать, дурачить, жульничать, обманывать, плести заговор, уловка, фарс, лживый и др.*). Например: «*Russia has fooled the U.S. again in Syria*» [Washington Post, 11.01.18] или «*Why Russia Tried to Cheat its Way to Glory*» [New York Times, 08.12.17] или «*Russia, the Blizzard of Lies*» [New York Times, 20.10.17]. («*Россия снова одурачила США в Сирии*», «*Почему Россия пытается обманым путем добиться славы*», «*Россия, поток лжи*»).

В ряде случаев концепт «ложь» реализуется в высказываниях имплицитно, что, однако, не снижает манипулятивный потенциал подобных конструкций. Например, *Putin exposed may become more dangerous* [Washington Post, 31.10.17] («*Разоблаченный Путин может представлять еще большую опасность*»). В данном случае многозначный глагол *to expose* употребляется в значении *разоблачать*. Автор высказывания не говорит о том, что российский президент говорил неправду, однако читатель без труда выстраивает необходимые логические связи и приходит к выводу о том, что если человек был разоблачен, значит, он совершил какой-то нечестный поступок. Формирование образа России и её правящих элит, как не заслуживающих доверия в силу их лживости и коварства, по всей видимости, имеет определённые причины. В частности, можно предположить, что таким образом политический истеблишмент США и Европы пытается объяснить западному общественному сознанию, почему партнерские отношения с нашей страной разрушаются и на их место приходят отношения жесткого политического и экономического противостояния. Хотя высокая степень лукавства такого объяснения для внимательного наблюдателя (эксперта) вполне очевидна [Аблеев 2017].

Более высокий градус недоверия и негативного отношения к нашей стране обеспечивает грамотное использование тактики «криминализации образа оппонента». Среди наиболее частотных приёмов, которые активно эксплуатируются в западном медиа пространстве, следует отметить прямую номинацию нашей страны или её лидеров с помощью таких лексем как *criminal* или *culprit* (*преступник, правонарушитель*). Например: «*The real culprit behind North Korea's missile threat may be Vladimir Putin*» [CNBC, 20.09.17], «*Vladimir Putin, War Criminal*» [Politico, 07.01.17], «*List of people Putin is suspected of assassinating*» [Business Insider, 23.11.16]. («*Настоящий преступник, скрывающийся за северокорейской ядерной угрозой, может быть Владимир Путин*», «*Владимир Путин – военный преступник*», «*Список людей, в заказном убийстве которых подозревается Путин*»)

Кроме того, название страны и имена её лидеров часто становятся частью весьма острых высказываний с такими компонентами как *killer, crime, mafia, money laundering, corruption, murder, violation of human rights, cybercrime, gagster, thug* и др. (*Убийца, преступление, мафия, отмывание денег, коррупция, убийство, нарушение прав человека, киберпреступление, гангстер, бандит*).

Особо следует остановиться на тактике порождения «образа врага», которая успешно эксплуатируется правящими элитами разных стран уже на протяжении многих десятилетий, если не столетий [Кузьминская, 2016 : 50]. Её основной задачей, на наш взгляд, является формирование в массовом сознании устойчивого восприятия той или иной страны как коварного агрессора, который угрожает либо территориальной целостности, либо политическому строю, либо культурно-ценностному укладу нации. В некоторых случаях для достижения максимального манипулятивного эффекта предпринимаются попытки увязать все три выше перечисленные компонента.

Так в последнее время в западных СМИ дискредитация Российской Федерации осуществляется по всем трём направлениям: Россия – агрессор и собирается напасть на страны Европы. Заголовки европейских и американских изданий пестрят такими заявлениями как: «*Russia is the biggest threat to the UK since the cold war*» [Guardian 22.01.18], «*Trump must respond to deadly Russian aggression*» [CNBC 23.02.18], «*NATO's senior military officer: Russia threat growing on all fronts*» [Politico 26.06.17]. («Россия является самой большой угрозой для Великобритании с окончания периода холодной войны», «Трам должен ответить на смертоносную агрессию России», «Высокопоставленный офицер НАТО предупреждает: российская угроза нарастает по всем фронтам»).

Как правило, для усиления прагматического эффекта мифа о российской угрозе, подобные заявления подкрепляются мнением ведущих военных экспертов или высокопоставленных генералов. В результате в обществе складывается устойчивое мнение, что угроза нападения России на суверенную территорию Латвии, Польши или США, – это вполне возможное развитие событий. Следовательно, правящие элиты могут рассчитывать на любой карт-бланш, чтобы предотвратить или ограничить подобную угрозу.

Сейчас представители правящего класса Америки и Европы усиленно раскручивают фейковую идею о том, что Россия угрожает политическому устройству ряда западных стран. Здесь уместно вспомнить информационную истерию американских и европейских СМИ вокруг выборов американского президента и якобы вмешательства России в демократический процесс в США и странах Европы. Очевидно, что данная медиа кампания развивается совершенно не случайно и является хорошо спланированной манипулятивной акцией. Если вторжение России на территорию европейских государств или ядерный удар по Америке – это ужасая, но все же несколько отдалённая перспектива (как подается это в западном медиа пространстве), то вмешательство во внутренние дела государства – это уже свершившийся факт, который требует незамедлительной реакции общества и власти.

Таким образом, идея о российском вмешательстве (*interference, meddling, hacking, influence, Russian disinformation campaigns, undermining US elections* – вмешательство, хакерство, влияние, российские дезинформационные кампании, подрыв американской избирательной системы) приобретает «вирусный» характер и занимает ведущее место в арсенале дискредитирующих средств западной пропаганды. С подачи западных СМИ география так называемого «влияния России» на внутренние политические процессы в разных странах расширяется и постепенно в глазах западного обывателя приобретает глобальный масштаб.

Третья линия информационной мобилизации и идейной консолидации общества связана с формированием устойчивого страха перед Россией, как страной с иными (чуждыми) ценностными ориентирами и культурными доминантами, которые она последовательно отстаивает и в определенный момент может начать навязывать западному обществу. Наибольшими раздражителями здесь являются, во-первых, приверженность России традиционным семейным ценностям и неприятие нравственной распущенности, которую многие западные страны уже возвели в ранг государственной политики. В результате Россия представляется западному миру как реакционная страна, где ущемляются права и свободы граждан с гомосексуальной ориентацией (*homophobic Russia, the crackdown on gay life in Russia, gay purge, anti-gay pogrom, gay torture* – гомофобная Россия, жесткие меры в отношении геев в России, репрессии против геев, погром геев, пытка геев). Во-вторых, западную элиту весьма раздражает восстановленный после 90-х годов XX века суверенный режим функционирования демократических институтов власти в России.

Другая весьма успешная тактика дискредитации – «демонизация политического оппонента» [Аблев, Кузьминская 2015 : 172]. Её суть заключается в том, что неудобная страна или политический лидер отождествляется с неким «мировым злом», которое угрожает всей прогрессивной цивилизации и требует решительных действий со стороны мирового сообщества. В последние несколько лет западные средства массовой информации упорно пытаются внушить массовому сознанию, что таким злом является Россия во главе с её президентом Путиным. В ряде случаев для достижения наибольшего прагматического эффекта используется, в том числе, и прямая номинация. Например: (*Russia the 'evil empire' again* [USA Today 01.01.18]). («Россия снова стала «империей Зла»).

Демонизация образа России в глазах западной общественности происходит и с помощью частотного использования различных атрибутивных конструкций с резко негативным оценочным компонентом: *murderous, dangerous, devilish, sinister, mischievous, ominous* (смертоносный, опасный, дьявольский, злоеущий, злобный, злой). Как правило, доминантными темами в таких случаях становятся «смерть», «ужас», «насилие». Также имеет место употребление лексических единиц с религиозно-окультурной семантикой *devil, Satan, Antichrist, doomsday, duck cult* и др. Например: «*Putin's dark cult of the secret police*» [Washington Post 28.12.18] или «*Russians eager to name new Doomsday weapons*» [Business Insider 02.03.18]. («Путинский темный культ секретных служб», «Россияне хотят дать имя новому оружию Судного дня»).

Очевидно, данная коммуникативная тактика призвана активировать скрытые архетипические страхи массового сознания перед влиянием всего сверхъестественного, чужого и непонятного, соответственно – ужасного и разрушительного. Панический страх перед подобными явлениями, в свою очередь, становится весьма удобным инструментом, который позволяет бессознательно блокировать любую рациональную аргументацию и объективные суждения о предмете. Таким образом, на смену разумной логике и здравой оценке проблемной ситуации приходят негативные эмоции и аффекты, которые помогают развязать руки правящим элитам и дают им возможность использовать любые средства (вплоть до военных) для устранения причины, вызывающей подобный страх. Лингвистическое программирование достигает своей цели: массовое сознание не возражает и даже призывает политическую элиту к решительным действиям. Однако трагические последствия этих действий оказываются укрыты плотной пеленой неразумных аффектов.

Библиографический список

1. Аблеев, С. Р. Манипуляции массовым сознанием: политическая мифология и стратегия демонизации / С. Р. Аблеев, С. И. Кузьминская // Вестник Московского университета МВД России. – 2015. – № 5. – С. 172–176.
2. Аблеев, С. Р. Цивилизационный суверенитет России: проблемы и дискуссии / С. Р. Аблеев, А. Л. Золкин, С. И. Кузьминская, П. П. Марченя. – М. : ИПЛ, 2017. – 192 с.
3. Зверева, П. П. Вербальные способы воздействия СМИ на общественное сознание как элемент информационных войн / П. П. Зверева // Вестник МГОУ. Сер.: Лингвистика. – 2014. – № 4. – С. 38–42.
4. Золина, Г. Д. Коммуникативные формы воздействия в информационной войне / Г. Д. Золина, И. П. Кравченко // Вестник Московского университета. Сер. 10, Журналистика. – 2009. – № 5. – С. 138–147.
5. Кузьминская С. И. Фоновые знания в массовой культуре : дис. ... канд. филол. наук / Кузьминская С. И. – Орел, 2002. – 177 с.
6. Кузьминская, С. И. «Ярлык» как средство манипулирования массовым сознанием / С. И. Кузьминская // В мире науки и искусства: вопросы филологии, искусствоведения и культурологии. – 2014. – № 36. – С. 75–80.
7. Кузьминская, С. И. «Образ врага» в современной политической мифологии / С. И. Кузьминская // Вестник Воронежского государственного университета. Сер.: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2016. – № 3. – С. 49–52.

ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ПРЕЦЕДЕНТНЫХ ФЕНОМЕНОВ СО СФЕРОЙ-ИСТОЧНИКОМ «КУЛЬТУРА» В РОССИЙСКОМ НАЦИОНАЛИСТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ²⁴

М. Р. Бабикова

Екатеринбург, Россия

FUNCTIONING OF PRECEDENT PHENOMENA WITH THE SOURCE-DOMAIN "CULTURE" IN THE RUSSIAN NATIONALIST DISCOURSE

M. R. Babikova

Ekaterinburg, Russia

Аннотация. Представлен анализ сферы-источника «Культура» на предмет выделения основных субсфер-источников прецедентности, фигурирующих в националистическом дискурсе.

Ключевые слова: креолизованный текст, националистический дискурс, экстремистская деятельность, экстремизм, визуальный прецедентный образ, прецедентные феномены, сфера-источник «Культура».

Abstract. The article analyzes the source-domain "Culture" for the purpose of identifying the main sub-sphere sources of precedence that appear in the nationalist discourse.

Key words: creolized text, nationalistic discourse, extremism, precedent visual images, precedent phenomena, source-domain «Culture».

Феномен национализма по историческим меркам – относительно молодое явление, зародившееся не ранее XVIII в., а в некоторых регионах мира даже позже. Термин «национализм» был введен в употребление в XIX веке, и на сегодняшний день трактовка данного понятия варьируется в зависимости от личных политических предпочтений и концептуальных представлений конкретного автора. Кроме того, свой отпечаток на определение понятия накладывают национальные особенности политического словоупотребления.

Исходя из данного положения, считаем возможным взять за основу определение, представленное в большом толковом словаре под редакцией С. А. Кузнецова, т.к. именно оно отражает в полной мере понимание национализма в российской лингвокультурной картине мира. В словаре феномен национализма определяется двумя дефинициями: «1. Идеология и политика, исходящая из идей национального превосходства и противопоставления своей нации другим, подчиняющая общечеловеческие интересы и ценности национальным интересам. *Фашистская идеология основывалась на национализме. Борьба с национализмом.* 2. Проявление чувства национального превосходства, идей национального антагонизма, национальной замкнутости. *Проявление национализма. Выступление депутата с позиций национализма. <Националистический> (см.). Национальный (см.)* [Кузнецов 2014]. При этом важно отметить, что термин «националистический», используемый нами в исследовании, носит условный характер, не имеющий под собой серьезной юридической базы.

Этническая, культурная и религиозная нетерпимость, проявляемая современными националистическими объединениями, активно транслируется в сети интернет с целью популяризации националистической идеологии. Методы достижения стоящих перед националистами целей базируются на актуальных современному обществу способах восприятия информации, а именно визуальном. Интерес к визуальной информации спровоцирован определенными изменениями в обществе, как пишет А. Ю. Зенкова: «в рамках процессов глобализации язык визуальных образов более отвечает насущным задачам межнационального общения, а его экономичность, моментальная интуитивная ясность обеспечивает быстроту коммуникативных процессов» [Зенкова 2004 : 186].

Наряду с несомненным преимуществом визуального сообщения, немаловажную функцию выполняют вербальные компоненты. Гармоничное сочетание вербального и визуального ряда реализуется в рамках креолизованного текста, прагматический потенциал которого усиливается благодаря соединению в единую целостную структуру единиц разных семиотических систем на содержательно-композиционном уровне.

Националистические креолизованные тексты вовлекают адресата благодаря ярким, узнаваемым образам, на которые получатель информации сразу обращает внимание и которые прочитывает в первую очередь [Мардиева 2016 : 307]. Таковыми в националистическом дискурсе, в силу специфики пропагандист-

²⁴ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 16-18-02102).

ского материала, являются невербальные прецедентные феномены, подкрепленные вербальным компонентом (нередко также прецедентным). Механизм воздействия данных феноменов выглядит следующим образом: при первом ознакомлении с материалом адресат осуществляет поверхностное чтение иконического сообщения, в ходе которого читатель устанавливает ассоциативные связи с первоисточником. Далее происходит визуальное конструирование, другими словами актуализация образа психического состояния. Этот этап способствует формированию эмоционально-оценочного настроения адресата, в результате чего «он оказывается в состоянии повышенной готовности для восприятия запланированного воздействия» [Мардиева 2016 : 307]. Высока в этом контексте роль визуального прецедентного феномена еще и в том, что он является «спусковым механизмом» возбуждения «визуального конструирования читателя в заданном ключе» [Мардиева 2016 : 308].

Анализ креолизованных текстов националистических объединений позволил сделать выводы относительно актуальных данному дискурсу сфер-источников ПФ, репрезентирующих националистические настроения в обществе.

Так, одной из крупных сфер-источников, отмеченных нами, является «КУЛЬТУРА». Данная сфера-источник представлена более мелкими субсферами-источниками, среди которых мы выделяем следующие: «Мультипликация», «Фольклор», «Кино», «Литература», «Реклама», «Религия», «Эстрада», «Наука». Дробление сферы-источника «Культура» на перечисленные субсферы обусловлено пониманием культуры как «совокупности достижений человеческого общества в производственной, общественной и духовной жизни» [Академический словарь русского языка. Цит. по Тер-Минасова 2000 : 12].

Популярность ментального поля «Культура», обусловлено близостью и понятностью для массового адресата. Кроме того, благодаря субсферам-источникам, наполняющим культуру, авторы текстов могут создавать яркие метафорические, комические, контрастные образы, способные менять восприятие адресатов через создание положительного образа национализма.

Итак, остановимся подробнее на некоторых субсферах-источниках:

Субсфера-источник «Фольклор»

Указанная субсфера-источник является одной из распространенных в националистическом дискурсе. Освободительное настроение современных националистов обуславливает апелляцию к фольклорным образам русских богатырей, воинов-освободителей, древнерусских воинов, облаченных в металлический шлем и кольчугу с щитом и мечом в руках.

Образ богатыря символизирует патриотические, героические, освободительные настроения. Богатыри – предки, достойно выстоявшие в борьбе с «врагом», ставшие эталоном, на который необходимо равняться всем славянам в «борьбе за свою землю».

Так, например, в серии нижеисследующих примеров образ богатыря выступает своеобразной движущей силой, на основе образа авторы текстов призывают адресатов к активным действиям. На рисунке 1 показано сражение русского богатыря с «врагом», картинка сопровождается надписью: «Бей жидов и режь хачей, Русь очисти от сволочей! Слава Руси!» Прецедентный визуальный образ «богатырь»- защитник подкреплен вербальной установкой – призывом к уничтожению, очистке русской земли. Кроме того, в данном примере восприятие усиливается благодаря цветовой символике: красное против черного. Красное как символ победы, воинственности против зла, так как традиционно в русской лингвокультурной картине мира символика черного связана в первую очередь со злом, тьмой, трауром, чем-то демоническим [Шемякина, Лысенко 2016, 1: 198].

На рисунке 2 мы также видим прецедентный визуальный образ «богатырь» и призыв к защите страны: «Будь достоин своих предков – защити страну от инородцев!». В данном примере богатырь – эталон, на который необходимо равняться современному обществу, вступая в борьбу с инородцами.

Рис. 1

Рис. 2

Среди встретившихся примеров есть и такие, в которых визуальное осуждают российское законодательство, его абсурдность и в некотором смысле предательство исконно-русского исторического прошлого.

Так, на рисунке 3 мы видим изображение русских воинов на поле боя, подкрепленное вербальным компонентом с семантикой осуждения: «НАЗОВИ ИХ ФАШИСТАМИ ведь они сражались за свободу и чистоту своей крови под флагом свастики». В данном примере за счет апелляции к прецедентному визуаль-

ному образу «богатырь» авторы текста стремятся в очередной раз представить свою деятельность как не противоречащую законодательству, вызывая к тому, что и в далекие исторические времена наши предки использовали славянские солярные символы, в категорию которых входит свастика [Ворошилова 2016]. Автора текста беспокоит тот факт, что теперь, когда возрождаются богатыри, способные сражаться за чистоту своего рода под знаком свастики, они вдруг оказываются под прицелом закона, что, по мнению авторов, несправедливо.

Рис. 3

Субсфера-источник «Кино»

В рамках указанной субсферы-источника в основном происходит апелляция к фильмам таких жанров, как ужасы, боевики, криминальные драмы, что обусловлено наличием в них множества сцен насилия. Прибегая к актуализации таких фильмов, националистические объединения, настроенные агрессивно против «врага», обычно выбирают носителями своей идеологии или ужасающие образы, прославившиеся своей жестокостью и любовью к физическим расправам над жертвами, или в качестве эталонных рассматриваются кадры из фильмов, наиболее близкие по содержанию к выражению националистической мысли.

Так, например, одними из самых популярных по частоте апелляции являются российские фильмы «Брат», «Брат – 2» и главный актер Сергей Бодров, сыгравший в фильме роль Данилы Багрова. Апелляция к данному фильму и преимущественно к актеру обусловлена тем, что в националистическом дискурсе образ героя становится символическим, его воспринимают как защитника униженных и оскорбленных (такowymi можно назвать чувства националистических объединений, чью страну повсеместно занимают иностранные гости). С. Бодров становится символом настоящего мужчины, сильного, немногословного, но при этом справедливого, воплотившего в себе идеи братства и единства, «своих не бросаем». В интернет-пространстве отмечено общественное мнение, согласно которому Данила Багров – персонаж неоднозначный. Его называют шовинистом, националистом, многим вспоминается его яркая националистически настроенная фраза: «Не брат ты мне, гнида черножопая», встретилось также мнение, что современные националисты и скины возвращены на таких фильмах [Сергей Бодров 2015]. Возможно именно поэтому актер и сцены из фильма стали эталонными в националистическом дискурсе.

Однозначным выражением националистических настроений можно назвать апелляцию к сцене из фильма, в которой как раз главный герой произносит националистически настроенную, упомянутую ранее фразу.

Рис. 4

Фото эпизода, представленного на рисунке 4, позволяет соотнести его со сценой из фильма, в этом момент герой «разбирается» с представителями кавказской национальности в трамвае и в ходе диалога произносит фразу: «Не брат ты мне, гнида черножопая». Автор КТ не цитирует актера, но дополняет изображение другим, по смыслу емким и понятным выражением: «282. ПОСМЕРТНО», имплицитно передавая смысл того, что герой фильма националист, «СВОЙ» и так же, как и многие из представителей борцов за нацию, легко может быть подвержен статье уголовного кодекса УК РФ, Статья 282. Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства [УК РФ 1996, ст. 282, ред. 2017].

Кроме того, апелляция к субфере-источнику «Кино» заставляет адресатов вспомнить и другие фильмы, например, ряд прецедентных имен отсылает к фильмам ужасов, чьи главные герои беспощадно убивают своих жертв, националистическое настроение эти прецеденты получают благодаря вербальным компонентам.

Так, например, на рисунке 5, происходит апелляция к серии фильмов «Пятница-13», а преимущественно к главному герою – Джейсону Вурхизу. Вымышленный персонаж фильма – маньяк-убийца, известен своими кровавыми способами расправ над жертвами. Используя образ маньяка-убийцы, известного широкому кругу адресатов, авторы текстов стремятся тем самым продемонстрировать способы борьбы. Те, на кого направлена агрессия, указаны в вербальном компоненте КТ: «Подкинь-ка еще чурок».

Рис. 5

В анализируемом дискурсе также встретились и другие примеры актуализации субферы-источника «Кино», среди них отметим: «Аватар», «Властелин колец», «Годзилла», «Звездные войны», «Кавказская пленница», «Матрица», «Место встречи изменить нельзя», «Операция «Мертвый снег»», «Пила», «Терминатор», «Черное солнце пустыни» и другие.

Субфера-источник «Литература»

Данная субфера-источник представлена визуализированными прецедентными именами и прецедентными фразами (цитатами), идентифицирующими эти имена. В основном это изображения русских писателей с цитатами близкими по духу и идеологии современным русским националистам, стремящимся выразить свои мысли через апелляцию к известному авторитетному мнению русских писателей.

Например, на рисунке 6 актуализировано ПИ «Достоевский» с его цитатой: «Хозяин земли русской есть один лишь русский: так было и всегда будет. Ф. М. Достоевский». Креолизованный текст содержит также призывный лозунг: «Вернем себе Россию!» и отсылку к авторству картинки: символика запрещенной на территории РФ организации ДПНИ (движении против нелегальной иммиграции) с контактами. Данная тактика демонстрирует согласие с прецедентным высказыванием и выделением визуализированного прецедентного имени в категорию «СВОИ» [Бабилова 2016].

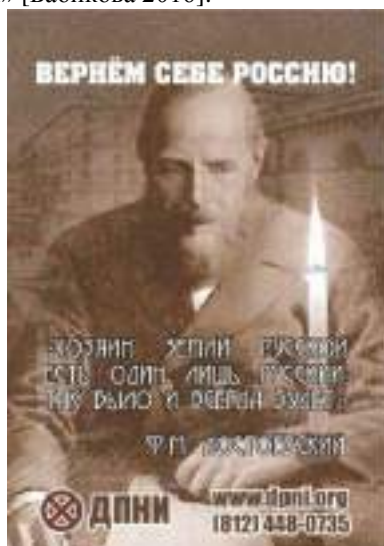

Рис. 6

Делая выборку исследуемого материала, мы столкнулись с феноменом фальсификации, когда националистические объединения намеренно присваивают известным русским писателям авторство текстов, в которых прослеживается стремление к розжигу межнациональной ненависти.

Так, например, на рисунке 7 происходит актуализация ПИ «Лермонтов», текст, сопровождающий портрет писателя, содержит следующее высказывание: «Я люблю Кавказ, но презираю тех, кто живет там».

Нигде в мире нет таких варварских обычаев и таких уродливых людей, как кавказцы. Если мы не истребим их, эта грязь скоро окажется в наших городах. М. Ю. Лермонтов». Демотиватор подписан следующим образом: «НО ВСЕ ПОЧЕМУ-ТО ЗАПОМНИЛИ «Я люблю Кавказ».

Рис. 7

КТ направлен на формирование представления о национализме как о феномене, актуальном еще в период писательской деятельности Лермонтова и уже тогда беспокоившем равнодушных патриотов. Прибегая к авторитетному мнению известной личности, националисты тем самым стремятся пробудить националистические чувства в обществе. Таким образом, не только у русских формируются отрицательные чувства по отношению к кавказскому народу, но и у кавказцев возникает русофобия, так как такие тексты легко способны внушить неподготовленному адресату, что русский народ издавна был против совместного проживания с другими народами на своей территории.

Однако согласиться с авторством данного текста мы не можем, несмотря на то, что цитата выдержана в стиле поэта, используется лексика, характерная для XIX века. Поиски в произведениях и переписках предполагаемого автора не были успешными, и прямых отсылок к М. Ю. Лермонтову у цитаты нет. Также в сети интернет представлена экспертиза данного выражения с результатом того, что цитата ложная и не принадлежит М. Ю. Лермонтову [Стариков 2012]. Разбор данного примера в очередной раз позволяет сделать выводы о том, что националистические объединения, создавая тексты с опорой на авторитетное мнение, провоцируют межнациональную агрессию, но стараются при этом уйти от ответственности.

К прочим визуализированным прецедентным именам с субсферой-источником «Литература», встретившимся в ходе отбора информации, отметим следующие: «Гоголь», «Карамзин», «Пушкин», «Тургенев», «Шевченко» и др.

Этноцентризм современного российского общества, а особенно его крайние формы, при которых основной акцент делается на превосходстве одной нации над всеми остальными, находит свое отражение в пропагандистских материалах, активно распространяемых на просторах сети интернет. Приблизить адресата к националистическому вопросу, привлечь его внимание – вот основная цель современных националистов. Благодаря актуализации культурных компонентов, доступных и популярных среди массового населения, возможна реализация основной цели. Апелляции к тем или иным прецедентным феноменам, заимствованным из сферы-источника «Культура», делает национализм доступнее, очерчивая адресату круг «СВОИХ» и круг «ЧУЖИХ», разжигая, тем самым, этническую дискриминацию и межнациональную рознь.

Библиографический список

1. Бабилова, М. Р. Прецедентные имена в креолизованных текстах националистических организаций / М. Р. Бабилова // Язык. Право. Общество : сб. ст. IV Междунар. науч.-практ. конф. (г. Пенза, 11–13 октября 2016 г.) / под ред. О. В. Барабаш, Т. В. Дубровской, А. К. Дятловой, Н. А. Павловой. – Пенза : Изд-во ПГУ, 2016. – С. 113–118.
2. Бодров, С. Брат. К портрету кинозвезды / С. Бодров. – URL: <https://www.filmpro.ru/materials/43408>
3. Ворошилова, М. Б. Реконструкция культурных смыслов визуальных символов в современном националистическом дискурсе / М. Б. Ворошилова // Региональная картина мира в языковой концептуализации: динамика культурных смыслов : сб. ст. / под ред. Л. А. Мардиевой, Т. Ю. Щуклиной. – Казань, 2016. – С. 22–25.
4. Зенкова, А. Ю. Визуальные исследования как интегральная область социально-гуманитарного знания / А. Ю. Зенкова // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. – 2004. – № 5. – С. 184–193.
5. Кузнецов, С. А. Большой толковый словарь русского языка / С. А. Кузнецов ; под ред. С. А. Кузнецова. – СПб. : Норинт, 1998. – URL: <http://www.gramota.ru>
6. Мардиева, Л. А. Социокультурная реальность и ее интерпритации в медиатекстах. Опыт интегративного исследования / Л. А. Мардиева. – Казань : Изд-во Казан. ун-та, 2016. – 358 с.

7. Стариков, Н. Механизм создания лжи, Или зачем нужен фальшивый Лермонтов / Н. Стариков. – URL: <https://nstarikov.livejournal.com/425390.html>
8. Тер-Минасова, С. Г. Язык и межкультурная коммуникация : учеб. пособие / С. Г. Тер-Минасова. – М. : Слово, 2000. – 624 с.
9. Уголовный кодекс Российской Федерации. Ст. 282. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/d350878ee36f956a74c2c86830d066eafce20149/
10. Шемякина, М. К. Символика цвета в русской традиционной культуре (на примере белого и черного цветов) / М. К. Шемякина, Н. А. Лысенко // Наука. Культура. Искусство: актуальные проблемы теории и практики : сб. докл. Всерос. науч.-практ. конф. (г. Белгород, 25–26 февраля 2016 г.) : в 4 т. / отв. ред. С. Н. Брисов. – Белгород : ИПК БГИИК, 2016. – Т. 1. – С. 195–198.

ИМПЛИЦИТНЫЕ ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА КОНСТРУИРОВАНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В МЕДИАДИСКУРСЕ

Н. Ю. Видинеева

Пенза, Россия

IMPLICIT LANGUAGE MEANS OF CONSTRUCTING NATIONAL IDENTITY IN MEDIA DISCOURSE

N. Y. Vidineeva

Penza, Russia

Аннотация. Рассматриваются имплицитные способы конструирования национальной идентичности; понятия имплицатуры и импликация, а также их отличия от понятия пресуппозиции. Функционирование данных имплицитных средств проиллюстрировано на примерах из британского медиадискурса, касающихся проблем выхода Великобритании из Европейского союза. Статья может быть интересна студентам и специалистам сферы журналистики и международных отношений.

Ключевые слова: импликация, имплицатура, пресуппозиция, национальная идентичность, медиадискурс.

Abstract. In the given article implicit ways of national identity construction are brought to light. We consider the notions of implication and implicature as well as the ways they differ from the notion of presupposition. The functioning of these means is illustrated by examples from British media discourse which are concerned with the problem of Brexit. The article is of interest to students and specialists in the field of journalism and international relations.

Key words: implication, implicature, presupposition, national identity, media discourse.

В своей деятельности человек опирается на язык, а также на возможности, которые он предоставляет. Данные возможности включают в себя сообщение той или иной информации, выражение своего отношения к определенному событию, а также управление действиями и образом мышления других людей. Каждое из этих действий может быть выполнено как в явной, эксплицитной форме, так и в неявной, имплицитной форме.

Целью данной статьи является освещение основных имплицитных средств коммуникации, а также демонстрация их функционирования в британском медиадискурсе.

Одним из имплицитных средств коммуникации является имплицатура. Теорию имплицатуры как одной из категорий дискурса разрабатывали такие исследователи как П. Грайс, Дж. Юл, Л. Хорн, Дж. Лайонз, М. Л. Макаров, Е. В. Падучева. Основоположником данной теории является П. Грайс, который предложил определение данному термину, а также составил классификацию имплицатур. Имплицатура по П. Грайсу – это «то, что подразумевается» [Грайс 1989 : 24], то есть тот компонент высказывания, который не выражен через буквальное, конвенциональное значение элементов высказывания, но при определенных условиях может быть вычислен реципиентом высказывания. Согласно П. Грайсу, такие условия включают в себя личность говорящего, время, при котором совершается высказывание [Грайс 1989 : 35], знание конвенциональных значений слов, составляющих высказывание, контекста (лингвистического и экстралингвистического), наличие фоновых знаний, соблюдение Принципа Кооперации [Грайс 1989 : 31]. Принцип Кооперации, разработанный П. Гайсом, звучит следующим образом: «Делайте свой вклад в коммуникацию таким, каким он требуется на данной стадии в соответствии с принятой целью или направлением речевого взаимодействия, в котором вы принимаете участие» (*перевод с английского здесь и далее мой – Н.В.*) [Грайс 1989 : 26]. Он включает в себя четыре максимы речевого общения, нарушение которых говорящим и приводит к появлению в речи имплицатуры. Данные максимы включают в себя Максиму качества информации («Не говорите того, что считаете ложью; не говорите того, для чего у вас нет исчерпывающих доказательств»), Максиму количества информации («Делайте вклад в коммуникацию настолько информативным, насколько это требуется; не делайте вклад в коммуникацию более информативным, чем требуется»), Максиму релевантности («Не отклоняйтесь от сути коммуникации») и Максиму ясности («Избегайте туманности высказывания; избегайте двусмысленности; будьте краткими; будьте последовательными в высказывании») [Грайс 1989 : 26-27].

П. Грайс выделяет два основных типа имплицатур: конвенциональные (conventional) и коммуникативные (conversational). В категории коммуникативных имплицатур П. Грайс выделяет две группы: частная имплицатура (particularized implicature) и общезначимая имплицатура (generalized implicature) [Грайс 1989 :

37]. Конвенциональные импликатуры появляются в речи только благодаря конвенциональному значению определенных слов, составляющих высказывание. Чаще всего такими словами являются союзы, например, союз *but* («но»), который добавляет в высказывание импликацию контраста между двумя частями сложно-подчиненного предложения, соединенными данным союзом. Коммуникативные импликатуры возникают только в процессе коммуникации.

Разница между частной коммуникативной импликацией и общезначимой коммуникативной импликацией состоит в том, что для дешифровки первой реципиент должен обладать сведениями о контексте ситуации, в которой было совершено высказывание. Контекст текущей ситуации способен влиять на интенцию говорящего вынести часть сообщаемого значения высказывания за рамки эксплицитности, при этом оставив возможность для реципиента дешифровать данный имплицитный смысл (например, таким контекстом может быть присутствие при коммуникации третьего лица, для которого сообщаемая информация является нежелательной). Для дешифровки общезначимой коммуникативной импликации реципиент должен воспользоваться некоей логической операцией, а контекст ситуации общения в этом случае на дешифровку воздействия не оказывает [Юл 1996].

Данная теория послужила основой для дальнейших исследований явления импликации. Следует отметить, что теория П. Грайса подверглась доработкам.

Ряд исследователей сходятся во мнении, что сам термин «импликация» стоит применять только по отношению к коммуникативным импликациям. Так, Дж. Юл отмечает, что «частные коммуникативные импликации обычно называются просто импликациями, так как они определенно являются самыми распространенными» [Юл 1996 : 43]. Дж. Лайонз придерживается аналогичной точки зрения: «В данной работе мы рассматриваем так называемую "коммуникативную импликацию", здесь и далее мы больше не будем делать уточнение терминов "импликация" и "сообщать в имплицитном виде"» [Лайонз 1977 : 593], имея в виду, что другие виды импликаций, выделенных в классификации П. Грайса, исследователь не рассматривает как истинные импликации. Кроме того, Дж. Лайонз делает попытку разграничить явления импликации и пресуппозиции, каждое из которых является средством передачи скрытого значения. Пресуппозиция – это «то, что говорящий воспринимает как само собой разумеющееся и полагает, что реципиент тоже будет воспринимать это как само собой разумеющееся, как часть контекстуального фона» [Лайонз 1977 : 606]. Импликация же здесь определяется как явление, которое «реципиент может в определенной степени вывести из высказывания, но совершенно не обязательно собирается это делать» [Лайонз 1977 : 606]. В данном определении явление пресуппозиции схоже с тем, что П. Грайс определил как конвенциональную импликацию.

В дальнейшем и другие исследователи обращали внимание на связь пресуппозиции и конвенциональной импликации. Так, О.Л. Михалева относит конвенциональную импликацию к категории пресуппозиции [Михалева 2009 : 113], а коммуникативные импликации определяет как «заклучения, которые делает Слушающий, принимая во внимание не только само содержание предложения S, но и то обстоятельство, что Говорящий вообще произнес S в данной ситуации, и то, что Говорящий не сделал вместо высказывания S некоторого другого высказывания S'» [Михалева 2009 : 117].

И. В. Арнольд вводит понятие «текстовая импликация». Она рассматривает данное понятие как «дополнительный подразумеваемый смысл» [Арнольд 1982 : 84]. Понятие текстовой импликации, приводимое исследователем, довольно близко понятию импликации, приводимое зарубежными лингвистами, однако оно является более детальным: «Текстовая импликация есть дополнительный подразумеваемый смысл, т.е. вид подразумевания, основанный на синтагматических связях соположенных элементов антецедента. Она может передавать не только предметно-логическую, но и субъективно-оценочную и эмоциональную информацию, ограничена рамками микроконтекста, что на композиционном уровне соответствует преимущественно эпизоду, восстанавливается вариативно, рематична, принадлежит конкретному тексту и постоянно сочетается с другими видами подразумевания, тоже выраженными связками А → Б» [Арнольд 1982 : 88].

Мы полагаем уместным рассматривать понятия импликации и текстовой импликации как синонимичные понятия. Во-первых, и то, и другое представляет собой «дополнительный подразумеваемый смысл» [Арнольд 1982 : 84], «дополнительное сообщаемое значение» [Юл 1996 : 35]. Во-вторых, оба явления отражают как предметно-логические, так и оценочные характеристики высказывания. Предметно-логические связи высказывания, выражаемые импликацией, были затронуты, в частности, Дж. Юлом. По его мнению, подобные связи между элементами высказывания демонстрирует общезначимая коммуникативная импликация, для дешифровки которой реципиент может применить, например, логическую операцию конъюнкции [Юл 1996 : 40-41]. Эмоционально-оценочную информацию, на наш взгляд, выражает частная коммуникативная импликация, которая полностью опирается на контекст ситуации речи. Текстовая импликация, с точки зрения И.В. Арнольда, также принадлежит только конкретному эпизоду текста [Арнольд 1982 : 88].

И.В. Арнольд также рассматривает и «другие виды подразумевания» [Арнольд 1982 : 88]. К их числу относится уже упомянутое явление пресуппозиции. Как и названные выше исследователи, И.В. Арнольд была сделана попытка отделить понятие импликации от понятия пресуппозиции. Основное отличие данных понятий заключается в том, что «раскрытие пресуппозиции новой информации не дает. Пресуппозиция не рематична» [Арнольд 1982 : 87]. Новой информации пресуппозиция не привносит, так как является частью «фонового знания» [Арнольд 1982 : 87].

Данную идею развивает К.А. Долинин, делая оговорку касательно рематичности импликации и пресуппозиции: «То, что для адресанта является чем-то само собой разумеющимся, для адресата может быть

новым и актуальным» [Долинин 1983 : 38]. Мы считаем, что дополнительное сообщаемое значение, содержащееся в пресуппозиции, возможно, для реципиента и будет являться новым, но оно в качестве фонового знания уже стало частью культурного фона общества, к которому принадлежат участники коммуникации. Следовательно, данное значение не является ремой высказывания. Однако идея К. А. Долинина справедлива в случае, если имеет место коммуникация между представителями разных культур. Мы можем рассматривать пресуппозицию как средство выражения скрытого смысла в ситуациях, когда определенная часть высказывания выносится в область имплицитного как заведомо известная сторонам коммуникации и поэтому не нуждающаяся в экспликации. Импликация же дает дополнительную новую информацию о конкретной ситуации речи, о ее участниках, их отношениях между собой и с окружающей действительностью.

Феномены импликации и имплицитности довольно распространены в речи, и встретить их можно в различных дискурсах: от бытового до политического. Наше внимание сосредоточено на рассмотрении имплицитных языковых средств конструирования национальной идентичности британцев в медиадискурсе.

В последние несколько лет большое внимание британской общественности сосредоточено на процессе выхода Великобритании из Европейского союза и на сопряженных с этим проблемах. В рамках дискуссий и отдельных высказываний различных представителей общества Великобритании можно проследить за тем, как британцы видят место своей страны и нации на международной арене в последнее время, каким им представляется будущее государства после завершения Брексита. Данные вопросы в британском медиапространстве освещаются в том числе и с использованием имплицитных языковых средств. Так, один из пользователей платформы микроблогов Твиттер под ником The Irish Border сделал в своем блоге следующую запись:

This afternoon I was watching a guy in Pettigo trying to build a garden shed. He had it half built. Then it fell down. His neighbour looked over the fence and said 'Sam, are you ok?'. Sam said 'I've made a complete f**king Brexit of it.' And his neighbour said 'You have, surely' [Brexit weekly briefing 2018].

(Сегодня дней я видел, как парень в Петтиго [деревня в Ирландии – прим. авт.] пытался построить сарай в саду. Он построил его наполовину. Потом сарай развалился. Его сосед заглянул за забор и спросил: «Сэм, ты в порядке?». Сэм ответил: «Я превратил этот сарай в чертов Брексит». И сосед ответил: «Это точно!»)

В данном контексте в область имплицитного вынесена идея о том, что Брексит является провальной для страны инициативой. Хотя данная идея и не выражается напрямую, реципиент может легко вычислить имплицитный смысл. Процесс постройки сарая, который, во-первых, не был доведен до логического завершения, а во-вторых, закончился разрушением уже созданного, сравнивается с Брекситом. Брексит, как полагает британское общество, будет настолько же провальным. При этом не только говорящий (Сэм) вкладывает в свое высказывание подобный имплицитный смысл. Его сосед оказался способен интерпретировать данный смысл из сказанных слов, о чем говорит утвердительное предложение, выражающее согласие «*You have, surely!*». Таким образом, имплицитный смысл, вкладываемый говорящим и транслируемый нам автором микроблога, заключается в несостоятельности идеи Брексита: то, что изначально задумывалось как благо, не было доведено до конца и в итоге рушится на глазах общественности. Вычислить данный смысл можно либо обладая информацией из СМИ об общественных настроениях в Великобритании относительно процедуры Брексита, либо даже не имея подобных фоновых знаний, исходя из локального ситуативного контекста: упавший недостроенный сарай однозначно сравнивается с Брекситом.

Еще один пользователь Твиттера под ником Alex Andreou сделал следующую запись в своем микроблоге:

BREXIT 2016: The streets will be paved with gold.

BREXIT 2017: It won't be as bad as they warned.

BREXIT 2018: We got through two World Wars. We can do this.

BREXIT 2020: It would have been great if Remoaners had helped.

BREXIT 2030: This rat tastes funny. Pass the mint jelly. [Brexit weekly briefing 2018]

(Брексит 2016: Улицы будут вымощены золотом.)

Брексит 2017: Всё будет не так плохо, как предупреждали.

Брексит 2018: Мы прошли две мировые войны. И с этим мы справимся.

Брексит 2020: Было бы здорово, если бы голосовавшие против Брексита помогли нам.

Брексит 2030: Эта крыса забавная на вкус. Передай мятное желе.)

В данном примере имплицитно передается аналогичный предыдущему смысл: Брексит – это начинание, которое не оправдывает изначально возложенных на него надежд и приведет к плачевным для британского общества последствиям. Однако в этом случае скрытый смысл вербализируется через иронию. Ирония как троп характеризуется тем, что истинный смысл, скрытый за высказыванием, противоположен конвенциональному значению слов, составляющих это высказывание. Впервые об иронии как средстве передачи имплицитного смысла сообщил П. Грайс. Он считал, что ирония в высказывании является результатом нарушения Максими качества информации [Грайс 1989 : 34]. Данный пример демонстрирует градацию состояния дел в британском обществе по мере удаления от дня голосования по вопросу выхода из Европейского союза. Градация выражена лексическими средствами:

gold -> it won't be as bad -> two World Wars -> if Remoaners had helped (в этом случае играет роль использование сослагательного наклонения, выражающего желательность действия, которое не произошло и теперь уже вряд ли произойдет) -> *rat tastes funny.*

В приведенном примере прослеживается нисходящая градация благосостояния общества от «улиц, вымощенных золотом» (что является преувеличением, имплицитно обещающим лучшей жизни после Брексита) до поедания крыс, что в преувеличенном виде имплицитно подразумевает значительную деградацию общественного благосостояния в Британии. Кроме этого, каждая из ступеней градации соотносена с Брекситом в разные годы от 2016 до 2030. Мы видим, что ироничное высказывание в целом имплицитно подразумевает идею о том, что общество в Великобритании с течением времени не выиграет от выхода из Евросоюза и в целом такая инициатива является для страны убыточной.

Данные примеры демонстрируют не только наличие имплицитного смысла в высказываниях, но и наличие эмоционально-оценочного отношения авторов к ситуации Брексита, имплицитно отраженного в этих высказываниях.

Для того, чтобы проиллюстрировать явление пресуппозиции в медиадискурсе и ее отличие от имплицитности, обратимся к публикации британского издания The Guardian, касающейся ведения переговоров по процедуре Брексита:

*«A leaked European parliament report seen by the Guardian goes even further, accusing Britain of trying to “move the goalposts and do away with the referee” in the upcoming international clash of negotiators **once article 50 is invoked**» [Divide and rule tactics 2017]*

(«Просочившийся в прессу доклад Европейского парламента, оказавшийся в распоряжении редакции, заходит гораздо дальше. В нем высказываются обвинения Великобритании в попытках “сдвинуть ворота и разделаться с рефери” в предстоящем международном столкновении участников переговоров, как только будет применена 50-я статья»).

В данном случае элементом высказывания, содержащим имплицитный смысл, является «Article 50». Для начала следует уточнить, что упомянутая Статья 50 не является продуктом авторского красноречия, в который корреспондент мог бы вложить дополнительное сообщаемое значение. Статья 50 – это часть европейского права, которая определяет процедуру выхода стран из состава Европейского союза. Информированность реципиента относительно содержания Статьи 50 составляет часть его фоновых знаний об окружающей действительности. Поэтому мы можем сделать вывод, что перед нами пример пресуппозиции: новая информация о контексте высказывания она не дает и, кроме того, была употреблена автором для оптимизации объема высказывания, так как значение данного лексического элемента конвенционально известно референтной группе публикации (жителям Великобритании).

Однако, например, русскоязычные реципиенты приведенного выше высказывания, могут не обладать подобными фоновыми знаниями в силу того, что Россия не является членом Европейского союза. Данный факт может сделать затруднительным извлечение смысла, скрытого за этим элементом высказывания. Здесь уместно вспомнить замечание К. А. Долинина, касающееся рематичности пресуппозиции. На наш взгляд, несмотря на то, что для русскоязычного реципиента информация о Статье 50 может являться новой, приведенное высказывание содержит в себе именно пресуппозицию, а не импликацию. Причиной этому служит то, что высказывание не предоставляет скрытой информации об участниках коммуникации, о ситуативном контексте, а также не дает информацию об эмоционально-оценочном отношении говорящего к описываемой ситуации.

Таким образом, в данной статье мы сделали попытку выделить некоторые лингвистические средства выражения имплицитной информации в высказывании. Нами были описаны такие средства как категория импликации, текстовая импликация, а также категория пресуппозиции. Мы отметили основные отличительные черты указанных явлений. На примерах из британского медиадискурса мы проиллюстрировали функционирование как импликации, то есть дополнительного сообщаемого значения, включающего в себя в том числе и эмоционально-оценочный компонент высказывания, так и функционирование пресуппозиции, которая подобного компонента не содержит. Аргументы, приведенные в статье, не являются исчерпывающими, и последующая разработка теории имплицитных языковых средств послужит объектом наших дальнейших исследований.

Библиографический список

1. Арнольд, И. В. Импликация как прием построения текста и предмет филологического изучения / И. В. Арнольд // Вопросы языкознания. – 1982. – № 4. – С. 83–90.
2. Долинин, К. А. Имплицитное содержание высказывания / К. А. Долинин // Вопросы языкознания. – 1983. – № 6. – С. 7–47.
3. Михалева, О. Л. Политический дискурс: специфика манипулятивного воздействия / О. Л. Михалева. – М.: ЛИБРОКОМ, 2009. – 256 с.
4. Grice, H. P. *Studies in the way of words* / H. P. Grice. – Harvard: Harvard University Press, 1991. – 406 с.
5. Lyons, J. *Semantics* / J. Lyons. – Cambridge: Cambridge University Press, 1977. – Vol. II. – 897 с.
6. Yule, G. *Pragmatics* / G. Yule. – Oxford: Oxford University Press, 1996. – 138 с.

ТОПОС СПРАВЕДЛИВОСТИ/НЕСПРАВЕДЛИВОСТИ КАК СРЕДСТВО РЕПРЕЗЕНТАЦИИ СУДЕБНОЙ ВЛАСТИ В ДИСКУРСЕ СМИ (НА МАТЕРИАЛЕ РОССИЙСКИХ И АНГЛИЙСКИХ ГАЗЕТ)

Н. С. Данкова, Т. В. Дубровская

Пенза, Россия

THE TOPOS OF FAIRNESS/UNFAIRNESS AS MEANS OF REPRESENTING JUDICIAL POWER IN MASS MEDIA DISCOURSE (BASED ON RUSSIAN AND ENGLISH NEWSPAPERS)

N. S. Dankova, T. V. Dubrovskaya

Penza, Russia

Аннотация. Рассматриваются репрезентации судебной власти посредством категории топоса, и утверждается, что топос справедливости используется для конструирования репрезентаций с положительной оценочной направленностью, тогда как топос несправедливости создает репрезентации с отрицательной аксиологической нагрузкой.

Ключевые слова: дискурс СМИ, репрезентация, топос, справедливость, несправедливость.

Abstract. The author examines representations of judicial power by means of the category of topos and claims that the topos of fairness is employed to construct representations with positive evaluative orientation, whereas the topos of unfairness creates representations with negative axiological orientation.

Key words: mass media discourse, representation, topos, fairness, unfairness.

Дискурс СМИ привлекает внимание исследователей. Отмечается, что дискурс СМИ представляет собой неотъемлемый аспект власти и контроля в обществе [Шейгал 2004; Клушина 2012; van Dijk, 1988 и др.]. **Объектом** данного фрагмента исследования является репрезентация судебной власти в российских и английских газетах. Поскольку большинство людей получают информацию о работе судей из СМИ, а не из личного опыта пребывания в зале суда, дискурс СМИ является ключом к пониманию социальных процессов, связанных с массовым восприятием института правосудия. Ранее мы рассматривали проблему репрезентации судебной власти в СМИ посредством категории стратегии [Данкова 2015; Данкова 2016; Данкова, Дубровская 2015; Данкова, Дубровская 2016].

Настоящее исследование показало, что в качестве средства, используемого для репрезентации судебной власти, выступает топос. Вслед за классическими работами по риторике, под топосом мы подразумеваем смысловые модели, которые представляют собой «общие места» [Михальская, 2011: 150]. Иными словами, топос является определенной тематической доминантой. **Целью** данного фрагмента исследования является изучение топоса справедливости / несправедливости, используемого в СМИ для репрезентации судебной власти.

Материалом для исследования послужили статьи о судебной власти, опубликованные в идеологически противоположных печатных изданиях Великобритании и России: широкоформатной газете «The Guardian» (далее «The G»), которая является леволиберальной по своим политическим взглядам, таблоиде «The Daily Mail» (далее «The DM»), редакция которого поддерживает консервативную партию Великобритании, правительственной «Российской газете» (далее «РГ») и оппозиционной «Новой газете» (далее «НГ»). Статьи отбирались методом произвольной выборки в период с января 2013 года по декабрь 2014 года. Общее число публикаций составляет 200 статей.

Методология исследования основана на дискурсивном анализе.

Работа судьи, направленная на обеспечение права каждого гражданина на справедливое судебное разбирательство, определяет смысл его профессиональной деятельности. В дискурсе СМИ о судебной власти обнаруживается наличие топоса справедливости / несправедливости, к которому обращаются журналисты при репрезентации деятельности суда.

Топос справедливости реализуется, как правило, лексическими языковыми средствами. Данный топос представлен лексическими единицами с семантикой правды, объективности, честности, справедливости, беспристрастности, что можно проследить в следующих примерах:

Это позволило предусмотреть те возможные конфликтные ситуации, которых должен избегать судья, чтобы сохранить свою процессуальную независимость, объективность и беспристрастность при рассмотрении судебных дел. («РГ» 19.02.13).

В интересах общества сделать так, чтобы каждый человек легко мог найти правду в суде («РГ» 30.04.13).

Мы настаиваем лишь на том, чтобы вся эта совокупность уголовных дел расследовалась объективно и под контролем общественности («НГ» 30.01.13).

Steven Morris, of the law firm Howard Kennedy FSI, which represents Almhairat, welcomed the judgment. He said: «From the outset of these proceedings, my clients have always had the utmost confidence in, and respect for, the integrity of the English judicial system; that confidence has been vindicated by the Judgment of Mr Justice Vos» («The G» 19.03.13).

Shami Chakrabati, director of Liberty, condemned the secrecy. She said: «Transparency isn't an optional luxury in the justice system – it's key to ensuring fairness and protecting the rule of law» («The G» 04.06.14).

Former justice secretary Ken Clarke said at the time that witnesses should not give evidence while veiled, while a fair trial was impossible with a defendant «in a kind of bag» («The DM» 15.02.14).

Обращение к данному топосу обусловлено необходимостью оценить работу судей и прокомментировать судебные решения. Положительную оценку деятельности правосудия встречаем в российских и английских печатных изданиях. Так, примеры далее демонстрируют то, что судебная власть работает на благо общества:

«Это жесткое, но справедливое решение», – считает доктор юридических наук, профессор Леонид Прохоров. («РГ» 18.07.14).

«Following today's verdict we, the family of Michael Philpott, believe justice has been served». («The G» 03.04.13)

Сами судьи обращаются к топосу справедливости с целью аргументации, чтобы обосновать вынесенные ими решения, что характерно для английской прессы:

«You received a fair trial. <...> It appears you were able to play badminton for a long period while you were receiving incapacity benefit and taking skiing holidays. I simply brand you an extremely foolish woman. You have brought this on yourself». («The DM» 14.01.13).

Данный топос приобретает особую значимость в «РГ», в которой понятия «суд» и «справедливость» отождествляются:

Вчера председатель Верховного суда России Вячеслав Лебедев сообщил, что судебная система отказалась урезать свои расходы. Экономить на справедливости нельзя. («РГ» 22.05.13)

Если кто-то посчитает, что он несправедливо обойден амнистией, то сможет обратиться в суд за справедливостью. («РГ» 12.04.13)

Следует отметить, что в понятие «справедливость» в дискурсе СМИ вкладывается различное содержание. С одной стороны, справедливость рассматривается как нечто субъективное, выражающее позицию конкретного человека. Таковыми являются репрезентации, содержащие мнения относительно принятых судебных решений. С другой стороны, справедливость является более широким понятием, в основе которого лежит принцип равенства всех перед законом. Согласно медийным репрезентациям, судебные решения основываются на главенстве закона, перед которым все равны. Закон является основанием для вынесения судебных решений. Упоминание о том, что закон един для всех без исключения, косвенно указывает на справедливость судебных решений:

«Этот приговор, думаю, станет хорошим уроком не только певцу, но и всем тем, кто по каким-либо причинам оценивает свою популярность как индульгенцию от наказания за нарушения закона» («РГ» 26.08.13).

But, he added, «we cannot decide this case as a matter of personal sympathy. It must be decided on the basis of principles of law» («The DM» 10.05.13).

Топос справедливости создает положительные репрезентации института правосудия. Судебная система представлена как инстанция, добросовестно и честно выполняющая свои обязательства перед обществом, перед страной.

Наряду с топосом справедливости, в дискурсе СМИ о судебной власти используется **топос несправедливости**. Топос несправедливости реализуется лексическими единицами с семантикой необъективности, нечестности, несправедливости:

После чего адвокат Алексея Навального Ольга Михайлова заявила, что не считает суд беспристрастным и объективным. По мнению защиты, он встал на сторону обвинения. («НГ» 25.04.13)

Ogilvy argued the teaching ban was «fundamentally unreasonable, unfair and disproportionate» («The G» 12.04.13).

Топос несправедливости присутствует как в российских, так и в британских газетах, однако раскрывается по-разному. Топос несправедливости в английских газетах представлен посредством цитирования либо использования косвенной речи. К данному топосу обращаются как представители стороны обвинения, так и пострадавшие, что находит отражение в прессе:

«It is of serious concern that these two complainants have waited nearly 12 months after I was arrested [in December 2012] to make their allegation and in the light of extensive media coverage I do not think it possible to have a fair trial» («The G» 14.06.14).

«I do not see today's events as justice for Tia, merely a legal conviction» («The DM» 14.05.13).

Очевидно, что в данном случае речь идет о субъективном взгляде на несправедливость. Однако наличие противоположных точек зрения в английских газетах говорит о всесторонней репрезентации событий. Мнения журналистов относительно решений суда также выражаются средствами использования данного топоса:

As it was, the child and her family have been left deeply traumatised, and the alleged abuser walked free. A terrible double injustice («The DM» 30.05.13).

Топос несправедливости в российском материале превалирует в «НГ», тогда как в правительственной прессе нам встретились единичные примеры использования данного топоса. Если «РГ» отождествляет понятия «суд» и «справедливость», то «НГ» рассматривает несправедливость как неотъемлемую характеристику судебной власти, что демонстрирует следующий пример, в котором судебная власть представлена как сила, управляющая народными массами, несопоставимыми ей противостоять:

Еще одна сверхзадача таких процессов состоит в приучении граждан к неотвратимости несправедливости. Осознание неотвратимости несправедливости подавляет способность общества к сопротивлению и кооперации в противостоянии ей («НГ» 06.05.13).

Родители кроткие, они не возмущались, они за это время притерпелись, что все время будет насилие, несправедливость, неуважение, жестокость... И страшное доказательство силы власти, что ты никто, ты ничто! («НГ» 21.08.13).

Помимо обсуждения судебных решений и описания судебных процессов, топос несправедливости используется для характеристики реформ, проводимых внутри судебной системы, что характерно для британских печатных изданий. Так, английские газеты обращаются к топосу несправедливости, обсуждая законопроект, направленный на создание секретных судов. Топос несправедливости является источником необходимых аргументов, которые направлены на воспрепятствование процессу реформирования и нарушения традиционного общественного уклада:

The Labour MP Chris Mullin also condemned the plans. He said: «Critics have been united in pointing out that the bill undermines the British principles of equal and open justice; that its definitions are wide and sweeping; and that secret courts» and verdicts, in which the losing party may not be told why he or she lost, will be deeply damaging to the integrity of our legal system in the eyes of the world» («The G» 28.01.13).

Кроме того, согласно медийным репрезентациям, секретные суды представляют собой угрозу для общества. В следующем фрагменте сам журналист ставит вопрос о несправедливости секретного судопроизводства, что не является типичным для английской прессы. Использование разговорного стиля (*pray*) в рамках риторического вопроса, во-первых, создает эффект диалога автора с читателем, во-вторых, выражает негативную оценку журналиста, демонстрируя его возмущение. Ответственность за общественную несправедливость возлагается на судей посредством использования метафоры *blood on their hands*:

You can see the implicit threat. The defendants would go free, without facing their accusers – and where is the justice in that, pray? What if they commit offences, perhaps violent offences? The judges would have blood on their hands («The G» 14.06.14).

Как видим, топос несправедливости создает репрезентации с отрицательной аксиологической направленностью.

Таким образом, обращение к топосу справедливости в российском материале характерно для правительственной «РГ», тогда как топос несправедливости используется главным образом в оппозиционной «НГ». В английских газетах существенных различий в репрезентациях мы не обнаружили. Для печатных изданий Великобритании характерно использование цитирования.

Библиографический список

1. Данкова, Н. С. Репрезентация судебной власти в дискурсе российских и английских печатных СМИ: стратегия оценки / Н. С. Данкова // Политическая лингвистика. – 2015. – № 3 (53). – С. 192–198.
2. Данкова, Н. С. Стратегия генерализации как средство репрезентации судебной власти (на материале российских и английских печатных СМИ) / Н. С. Данкова // Политическая лингвистика. – 2016. – № 1 (55). – С. 73–81.
3. Данкова, Н. С. Стратегии репрезентации судебной власти в российских медиа / Н. С. Данкова, Т. В. Дубровская // Дискурсы власти / под ред. Н. А. Меркурьевой, А. В. Овсянникова, А. Г. Пастухова. – Орел : Горизонт, 2015. – С. 270–289.
4. Данкова, Н. С. Стратегия прогнозирования как средство репрезентации судебной власти в СМИ (на материале российских и английских газет) / Н. С. Данкова, Т. В. Дубровская // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Гуманитарные науки. Филология. Журналистика. Педагогика. Психология. – 2016. – № 21. – Вып. 31. – С. 90–97.
5. Клушина, Н. И. Власть, СМИ и общество (стратегии и тактики формирования общественного мнения) / Н. И. Клушина // Язык СМИ и политика / под ред. Г. Я. Солганика. – М. : Изд-во Моск. университета; Факультет журналистики МГУ им. М. В. Ломоносова, 2012. – С. 262–283.
6. Михальская, А. К. Риторика и речевое поведение в массовой коммуникации: опыт обобщающей модели / А. К. Михальская // Проблемы речевой коммуникации : межвуз. сб. науч. тр. / под ред. М. А. Кормилицыной. – Саратов : Изд-во Сарат. ун-та, 2003. – С. 176–184.
7. Шейгал, Е. И. Семиотика политического дискурса / Е. И. Шейгал. – М. : Гнозис, 2004. – 326 с.
8. Van Dijk, T. A. News as Discourse / T. A. van Dijk. – Hove and London : Lawrence Erlbaum Associates, 1988. – 200 p.

СТРАТЕГИИ ДИСКУРСА МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ В РОССИЙСКИХ ПЕЧАТНЫХ СМИ (НА ПРИМЕРЕ РОССИЙСКО-ИТАЛЬЯНСКИХ ОТНОШЕНИЙ)

Т. В. Дубровская

Пенза, Россия (Бари, Италия)

STRATEGIES IN DISCOURSE OF INTERNATIONAL RELATIONS IN RUSSIAN PRINT MEDIA (BASED ON RUSSIAN-ITALIAN RELATIONS)

T. V. Dubrovskaya

Penza, Russia (Bari, Italy)

Аннотация. Используя метод критического дискурс-анализа, автор исследует стратегии дискурса международных отношений в российских СМИ на примере конструирования российско-итальянских отношений. Сделан вывод, что СМИ присуща амбивалентность репрезентаций и реконтекстуализация неполитических событий. Поэтому дискурс СМИ может рассматриваться в качестве вспомогательного дискурса международных отношений.

Ключевые слова: дискурс международных отношений, СМИ, стратегия, Россия, Италия.

Abstract. The author draws on critical discourse analysis and explores the strategies in discourse of international relations in Russian media, specifically those employed to construct Russian-Italian relations. The conclusion is made that the media are characterized by ambivalent representations, and recontextualisation of non-political events takes place. This justifies considering media discourse as ancillary discourse of international relations.

Key words: discourse of international relations, media, strategy, Russia, Italy.

В настоящей статье, как и ранее в других наших работах, мы рассматриваем межнациональные отношения, межгосударственные и внутригосударственные, как дискурсивный конструкт, результат дискурсивных практик. Ряд общеметодологических положений и результаты практического анализа материалов были подробно изложены в ряде публикаций [Политический, юридический... 2017; Дубровская 2016; Dubrovskaya, Kozhemyakin 2017].

Задачей данной работы является выявление способов дискурсивного конструирования российско-итальянских межгосударственных (международных) отношений в российских СМИ. **Материалом исследования** послужили статьи качественной российской прессы за 2018 год: газеты «Известия» (50 статей) и «Российская газета» (50 статей) в их электронных версиях. Принципом отбора статей было наличие упоминания Италии в том или ином контексте. **Методология анализа** базируется на конструкционизме и критическом дискурс-анализе, в которых язык рассматривается не только как средство коммуникации, но и как инструмент получения и удержания власти, построения и поддержания социальных структур и отношений, интерпретации действительности. Материал газет изучен с тематической точки зрения, а также в терминах реализуемых стратегий и конкретных языковых средств, что позволяет сделать выводы об общей направленности и идеологических установках, определяющих характер конструирования межнациональных отношений средствами СМИ на данном историческом этапе.

Базовые теоретические предпосылки, из которых мы исходим при проведении дискурс-анализа, можно представить следующими положениями:

- Коммуникация во всех сферах социальной жизни осуществляется посредством языка, и сфера международных отношений не является исключением. Язык является основной формой конструирования международных отношений;
- Язык как инструмент власти используется для обсуждения, конструирования и поддержания социальных структур. Таким образом, социальные структуры и отношения могут изучаться сквозь призму языка;
- Производство дискурса неразрывно связано с историческим и социальным контекстом. По этой причине интерпретация дискурса, в том числе в сфере международных отношений, требует также изучения прагматических факторов;
- Факты и события даны нам в языковых интерпретациях, которые и конструируют картину реальности;
- Массмедиа производят реальность, отличную и существующую автономно от «реального мира» [Luhmann 2000];

- Дискурсивный анализ комбинирует изучение социальных факторов и акторов с текстовым анализом, который включает исследование лексики, семантических значений, структуры предложений, способов номинации объектов и акторов, способов объединения акторов в группы и т.д.

Поскольку в данном исследовании мы обращаемся только к дискурсу СМИ, необходимо дать некоторые теоретические пояснения по этому поводу. При изучении **дискурса международных отношений** мы предлагаем различать две его разновидности: **основной и вспомогательный**. **Основным** типом является дискурс собственно внешнеполитический, создаваемый уполномоченными акторами международных отношений, официальными лицами внешнеполитического ведомства (МИД), представляющими государство на внешнеполитической арене и реализующими официальную государственную стратегию внешней политики. Анализ функций, акторов и основных характеристик внешнеполитического дискурса изложен в работе Я. А. Ярославцевой [Ярославцева 2015]. К основному типу мы также относим законодательные практики, определяющие на юридическом уровне характер взаимодействия государства с другими государствами или их представителями. Примером такого дискурса является государственное миграционное законодательство.

Вспомогательный дискурс международных отношений формируется вне официального поля внешнеполитических практик акторами, не имеющими официальных полномочий и не определяющими внешнюю политику государства. Таковым представляется дискурс СМИ. В то же время именно СМИ ретранслируют и интерпретируют внешнеполитические события как внутри страны, так и за рубежом, конструируя тем самым репрезентации международных отношений. Кроме того, СМИ ретранслируют события неполитического характера, контекстуализируя их в соответствии с текущим политическим контекстом. Именно это позволяет считать СМИ вспомогательным инструментом внешнеполитической деятельности.

Анализ стратегий конструирования российско-итальянских международных отношений в российском внешнеполитическом дискурсе проведен нами ранее [Дубровская 2017]. Далее мы рассматриваем только дискурс СМИ как вспомогательный дискурс международных отношений.

Тематическая сфера. Репрезентации Италии и российско-итальянских отношений в СМИ конструируются в рамках большого тематического разнообразия. Анализ тематики статей позволил выявить два основных тематических блока: политический и неполитический. Обсуждение политических вопросов дополняется обращением к самым разным неполитическим темам. Приведем составленный нами список основных тем, иллюстрируя их примерами заголовков статей.

Политические темы:

1. Внешняя политика Италии (*Италия вслед за Германией отказалась от ударов по Сирии; Двух российских дипломатов вышлют из Италии; Мэр Неаполя выступил против американских подлодок у берегов Италии*);
2. Участие Италии во встречах G7, санкции ЕС против России (*Абсурд седьмого уровня; Матвиенко прокомментировала возможные новые санкции G7*);
3. Выборы премьер-министра Италии (*Кандидат в премьеры Италии пообещал снять санкции с России*);
4. Внутренняя политика Италии, работа итальянского парламента (*Спикером итальянского парламента впервые станет женщина; Глава Сената Италии проведет переговоры по формированию правительства*).

Отметим, что разделение на темы внутри политической сферы носит условный характер, поскольку, к примеру, тема внешней политики и тема выборов нередко представлены в контексте санкций против России.

Неполитические темы:

1. Экономическое взаимодействие России и Италии (*На ЯМЭФ подписано соглашение на сумму более 160 млрд рублей; Заправиться со вкусом – об открытии сети итальянских кафе на российских бензозаправках*);
2. Совместные российско-итальянские культурные мероприятия в России и Италии (*Подведены итоги первых 100 дней «Русских сезонов» в Италии; Кончаловский объединил Россию и Италию*);
3. Спорт (*Защитник «Ювентуса» Кьеллини получил разрыв мышц бедра Анчелотти может возглавить сборную Италии по футболу*);
4. Разные новости из повседневной жизни, происшествия (*Пассажирский поезд сошел с рельсов в Италии; Кебабы в законе; Полиция Италии задержала 22 человека за связи с «Коза нострой»*).

Как видно из приведённого списка, печатные СМИ охватывают не только политические события, но и события многих других сфер социальной жизни, причем количественно преобладают неполитические новости.

Далее в анализе мы используем категорию **стратегии**, которую вслед за западными представителями критического дискурс-анализа определяем как «более или менее намеренный план практик, включая дискурсивные практики, принятый для достижения конкретной социальной, политической, психологической или лингвистической цели» [Reisigl, Wodak 2009: 94].

Рассмотрим репрезентации российско-итальянских отношений в **публикациях политической тематики**. Одной из ключевых стратегий репрезентации российско-итальянских отношений в таких публикациях является **стратегия диссоциации**, которая состоит в том, чтобы противопоставить политических акторов посредством указания на их противоположные точки зрения, интересы, принадлежность к разным группам. Многие публикации построены на теме участия Италии в «большой семёрке» и участии госу-

дарств - членов клуба в санкционных мерах против России. В таком контексте Италия репрезентируется как член группы «Они», противостоящей России («мы»), и как политический актор, поддерживающий санкции:

23 апреля министерство иностранных дел Канады заявило о намерениях стран «большой семерки» (Великобритания, Германия, Франция, Италия, Канада, США и Япония) продолжать политику санкций в отношении России из-за ситуации на Украине [Известия 24.04.2018].

Другая группа, в которую включена Италия и которая дискурсивно противопоставляется России, - НАТО. Как один из членов альянса Италия упоминается в контексте описания военных операций НАТО в Сирии:

Тем не менее нужно отметить продемонстрированный НАТО военный потенциал, который при иных условиях применения может оказаться куда более опасным. В обеспечении операции участвовали десятки самолетов, включая разведывательные беспилотники RQ-4, пилотируемые самолеты-разведчики и летающие радары различных типов, и 13 летающих танкеров.

Ряд машин проделал длинные перелеты. Так, французские истребители «Рафаль», взлетевшие с базы Сен-Дизье и вернувшиеся обратно на нее же, провели в воздухе 10 часов, преодолев более 6000 км по пути туда и обратно. Чуть больший путь проделали истребители F-15, прикрывавшие действия американских бомбардировщиков B-1B в небе над Иорданией. Они поднялись в воздух с авиабазы Лейкенхит в восточной Англии и совершили посадку после выполнения задачи в Авиано в северо-восточной Италии.

<...> Разветвленная сеть военных баз и обширный флот вспомогательных и специальных летательных аппаратов исторически обеспечивают авиации НАТО высокую эффективность в операциях, которую не стоит сбрасывать со счетов, как в рамках локальных конфликтов, так и в случае гипотетической «большой войны» [Известия 16.04.2018].

Процитированный фрагмент, как и вся публикация в целом, создаёт репрезентацию НАТО как мощной и эффективно действующей военной организации посредством употребления соответствующей лексики (военный потенциал, десятки самолетов, длинные перелеты, после выполнения задачи, разветвлённая сеть военных баз, обширный флот). Перечисления акторов-участников операции (Франция, Англия, Италия) и описание широкой географии операции также способствует созданию репрезентации НАТО как сильного и влиятельного коллективного актора. Важно отметить при этом отрицательную аксиологическую нагрузку, которую несёт репрезентация НАТО. Диссоциация и противопоставление НАТО России осуществляется за счёт указаний на опасность организации (*может оказаться куда более опасным, не стоит сбрасывать со счетов, в случае гипотетической «большой войны»*). Несмотря на то что опасность репрезентируется не как актуальная, а как потенциальная, такая репрезентация НАТО и её членов помещает Россию и Северо-Атлантический альянс, в который входит и Италия, в разные, противостоящие, группы.

В то же время можно говорить об **амбивалентности репрезентаций** российско-итальянских отношений в российских СМИ. Наряду с репрезентациями, противопоставляющими Россию и Италию, конструируются репрезентации другого плана. Достаточно сильный акцент делается на наличии в Италии политических сил, готовых к сотрудничеству и взаимодействию с Россией. К примеру, цитируются слова кандидата в премьер-министры Италии Маттео Сальвини:

Глава партии «Лига Севера» Маттео Сальвини в случае избрания премьер-министром Италии не откажется от идеи снятия санкций с России. Об этом «Известиям» заявил член партии, депутат Европарламента Марио Боргезио. По его словам, несмотря на давление со стороны США, после прихода «Лиги Севера» к власти Рим будет принимать решения исходя исключительно из собственных интересов. Опрошенные «Известиями» эксперты отмечают, что «сиюминутно» отказаться от ограничений будет не просто, но партия почти наверняка продолжит курс на их окончательную отмену.

В начале апреля лидер итальянской партии «Лига Севера» Маттео Сальвини вновь призвал снять с России «абсурдные санкции, которые наносят неисчислимый ущерб итальянской экономике» [Известия 19.04.2018].

Приведённый фрагмент публикации содержит сразу несколько ссылок на намерения снять санкции против России, реализующие **стратегию положительной футуризации (моделирования будущего)**.

Другим примером подобного моделирования является публикация, озаглавленная «Берлускони: Россия партнер Запада, а не противник» (Российская газета 15.04.2018). Цитируя слова влиятельной фигуры итальянской политики, «Российская газета» использует ряд тактических способов, чтобы подчеркнуть вес высказывания. Это ссылка на открытый характер сделанного Берлускони высказывания, а также указание на политический вес Берлускони:

Западные страны должны рассматривать Россию как партнера, а не противника, написал экс-премьер Италии Сильвио Берлускони в открытом письме, опубликованном в миланской газете Corriere della Sera.

"Продолжаю верить как западник, который любит Америку и Европу, что Россия Путина должна рассматриваться как стратегический партнер, а не как противник", - написал глава партии "Вперед, Италия", которая входит в победившую на парламентских выборах 4 марта правоцентристскую коалицию, Сильвио Берлускони [Российская газета 15.04.2018].

Репрезентации на основе стратегии положительной футуризации конструируют российско-итальянские отношения в пользу России и в значительной мере характеризуют не фактическое состояние дел, а желание России как политического актора продемонстрировать наличие поддержки на Западе и своей включенности в группу с другим политическим актором, Италией.

Публикации неополитической направленности, ориентированные на конструирование российско-итальянских отношений, задействуют иные стратегии – главным образом, стратегии с положительной аксиологической нагрузкой, создающие репрезентации тесного контакта и взаимодействия между двумя акторами. Эти стратегии включают **стратегию положительной оценки, стратегию положительной эмоционализации и стратегию вовлечённости**. Примером положительного конструирования может служить фрагмент статьи, посвящённой фестивалю «Русские сезоны» в Италии. Это масштабное мероприятие 2018 года, состоящее из около 300 культурных событий с участием целого ряда российских коллективов по всей Италии. Газета сообщает о проведении пресс-конференции, подводящей промежуточные итоги «Русских сезонов» с участием представителей обеих стран, и цитирует слова заместителя министра культуры России Александра Журавского:

Уверен, что благодаря репрезентативной программе и великолепному составу участников этого фестивально-гастрольного марафона жители Италии смогут непосредственно оценить, почувствовать, пережить потрясающее многообразие и богатство российской культуры. Такие впечатления и встречи наилучшим образом противостоят негативным предубеждениям и стереотипам, усиленно распространяемым о России. Подобные гуманитарные проекты формируют долгосрочные отношения между людьми, создают фундамент для развития партнерства и сотрудничества двух стран. «Русские сезоны» стали ярким примером того, насколько культура и искусство могут влиять на улучшение и развитие международных отношений <...> [Известия 17.04.2018].

Приведённая цитата содержит прямое выражение цели проведения мероприятий (отмечено подчёркиванием), а также эксплицитное упоминание международных отношений, что свидетельствует о включённости культурных практик в сферу международных отношений.

Дискурс партнерства конструируется в публикации за счет того, что слово предоставляется и другой стороне международных отношений – министру-советнику посольства Италии в Москве Микеле Томмази. Его мнение приводится в виде косвенной речи:

Томмази со своей стороны напомнил об общих интересах России и Италии в различных сферах — политической, торгово-экономической, культурной [Известия 17.04.2018].

Видим, что и в этом фрагменте культурная деятельность репрезентируется как одна из сторон взаимодействия наряду с деятельностью экономической и политической.

Полагаем, что можно говорить о таком свойстве СМИ как **реконтекстуализация событий**, помещение их в иной контекст и рассмотрение под другим, нетипичным для данных социальных практик углом зрения. Культурные события помещаются в политический контекст, и результатом этого становятся новые интерпретации и новые смыслы.

Приведем еще один пример реконтекстуализации культурного события. Газета сообщает о выходе нового российско-итальянского фильма, но затем помещает это событие сферы культуры в политическую рамку посредством отсылок к анти-российским санкциям, цитируя слова режиссера фильма:

Ранее министры культуры Дарио Франческени и Владимир Мединский заявили о культурном сближении двух государств — с этого года Италия в сфере кинопроизводства будет отдавать приоритет совместным проектам с нашей страной. Первым среди них стала картина Андрея Кончаловского «Грех», полностью снятая в Италии и повествующая об избранных годах жизни великого художника Ренессанса Микеланджело.

<...> Кроме того, Италия сегодня одна из тех стран в Евросоюзе, что наиболее решительно отстаивает право с нами сотрудничать, обходя санкции. А обходить их они умеют очень хорошо, — считает режиссер [Известия 25.04.2018].

Таким образом, публикация объединяет две сферы социальной жизни – культуру и политику – посредством реконтекстуализации культурного события, что свидетельствует о доминировании политического контекста в медийных практиках.

Заключения, которые можно сделать на основе проведенного анализа, касаются как собственно способов репрезентации российско-итальянских отношений в СМИ, так и более общих вопросов изучения дискурса международных отношений. Что касается репрезентаций, то выявленная тенденция состоит в том, чтобы использовать положительно-оценочные стратегии при создании группы «Россия + Италия» и стратегию диссоциации при создании оппозиции «Россия» vs. «Италия + другие». Амбивалентность конструирования достигается за счет того, что СМИ подчеркивают наличие в составе Италии сил, входящих в одну группу с Россией, а также посредством стратегии футуризации, моделирующей положительную ситуацию в будущем. Вывод более общего характера заключается в том, что в дискурсе СМИ происходит реконтекстуализация неополитических событий, что расширяет их границы и выводит из сферы частных (культурных, экономических) практик в сферу международной политики. Это позволяет говорить о выполнении дискурсом СМИ функций вспомогательного дискурса международных отношений.

Библиографический список

1. Дубровская, Т. В. Методологические вопросы исследования оппозиций в политическом дискурсе (на примере оппозиции «сила vs. слабость») / Т. В. Дубровская // Научный диалог. – 2016. – № 7 (55). – С. 23–44.
2. Дубровская, Т. В. Стратегии положительно-оценочной репрезентации российско-итальянских отношений в российском внешнеполитическом дискурсе (на материале сайта МИД РФ) / Т. В. Дубровская // Научный диалог. – 2017. – № 10. – С. 26–40.

3. Крамник, И. Чужой зонтик. Почему американский удар по Сирии не принес внятных результатов / И. Крамник // Известия. – 16.04.2018. – URL: <https://iz.ru/732484/ilia-kramnik/chuzhoi-zontik>
4. Матвиенко прокомментировала возможные новые санкции G7 // Известия. – 24.04.2018. – URL: <https://iz.ru/736191/2018-04-24/matvienko-prokommentirovala-vozmozhnye-novye-sanktcii-g7>
5. Миракян, Н. Берлускони: Россия партнер Запада, а не противник / Н. Миракян // Российская газета. – 15.04.2018. – URL: <https://rg.ru/2018/04/15/berluskoni-rossiia-partner-zapada-a-ne-protivnik.html>
6. Подведены итоги первых 100 дней «Русских сезонов» в Италии // Известия. – 17.04.2018. – URL: <https://iz.ru/733153/2018-04-17/podvedeny-itogi-pervykh-100-dnei-russkikh-sezonov-v-italii>
7. Политический, юридический и массмедийный дискурс в аспекте конструирования межнациональных отношений Российской Федерации : монография / Т. В. Дубровская, Е. К. Рева, Е. А. Кожемякин, Я. А. Ярославцева, Д. В. Арехина ; под общ. ред. Т. В. Дубровской. – М. : ФЛИНТА : Наука, 2017. – 248 с.
8. Постникова, Е. Антисанкционная лига. В случае избрания Маттео Сальвини премьер-министром Италия будет добиваться отмены антироссийских санкций / Е. Постникова, Д. Лару, Г. Асатрян // Известия. – 19.04.2018. – URL: <https://iz.ru/733802/ekaterina-postnikova-dmitrii-laru-georgii-asatrian/antisankcionnaia-liga>
9. Рогова, А. Кончаловский объединил Россию и Италию. Режиссер получил итальянский орден за фильм о Микеланджело / А. Рогова // Известия. – 25.04.2018. – URL: <https://iz.ru/736342/anastasiia-rogova/konchalovskii-obedinil-rossiiu-i-italiiu>
10. Ярославцева, Я. А. Специфика внешнеполитического дискурса / Я. А. Ярославцева // Филология и культура. – 2015. – № 4 (42). – С. 185–191.
11. Dubrovskaya, T. Media construction of Russia's international relations: specifics of representations / T. Dubrovskaya, Y. Kozhemyakin // *Critical Discourse Studies*. – 2017. – Vol. 14, iss. 1. – P. 90–107.
12. Luhmann, N. Reality of the mass media / N. Luhmann. – Stanford : Stanford University Press, 2000. – 160 p.
13. Reissigl, M. The discourse-historical approach / M. Reissigl, R. Wodak // *Methods of Critical Discourse Analysis* // ed. Ruth Wodak, Michael Meyer. – London : Sage Publications, 2009. – P. 87–121.

ЯЗЫК ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАТИВНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ И ЕГО МАНИПУЛЯТИВНОЕ ВЛИЯНИЕ НА МОЛОДОЕ ПОКОЛЕНИЕ (НА ПРИМЕРЕ ТАДЖИКСКИХ БЛОГОВ «FACEBOOK»)

Г. Д. Зиёзода

Душанбе, Республика Таджикистан

LANGUAGE OF INFORMATION AND COMMUNICATIVE TECHNOLOGIES AND ITS MANIPULATIVE INFLUENCE ON THE YOUNGER GENERATION (USING THE EXAMPLE OF TAJIK FACEBOOK BLOGS)

G. J. Ziyozoda

Dushanbe, Republic of Tajikistan

Аннотация. Рассматривается манипулятивное влияние языка информационных технологий на сознание молодого поколения. Автор старается показать данный процесс на примере таджикских блогов «Facebook», демонстрирующих речевое поведение молодых участников социального диалога через социальные сети. Рассуждения автора иллюстрируются примерами из блогов на таджикском языке.

Ключевые слова: информационные технологии, Интернет, блог, социальные сети, нормы литературного языка.

Abstract. The article is devoted to the manipulative influence of the language of information technologies on the consciousness of the younger generation. The author tries to show this process on the example of Tajik blogs of "Facebook" through the speech behavior of young participants in social dialogue through social networks. The author's thoughts are confirmed by direct examples from blogs in the Tajik language.

Key words: information technology, Internet, blog, social networks, literary language norms.

Современный мир изменяется очень быстро, благодаря информационным технологиям и их интенсивному развитию новшества в очень короткое время становятся общедоступными. Информация, которая распространяется посредством информационно-коммуникационных технологий (ИКТ), определенную аудиторию не имеет, точнее говоря, грань между полами, возрастами, социальными группами в виртуальном мире стерта. М. Маклюэн писал: *«Продукты современной науки сами по себе не плохи, не хороши; их ценность определяется тем, как они используются»* [Маклюэн 2003 : 16].

В современных условиях этим и воспользуется молодое поколение. Несмотря на то, что основной задачей этих средств является передача различной информации, молодые используют ее в основном в целях общения, обмена мнениями, мыслями, выражения своей позиции в отношении полученных информации, сведений, событий и т.п. со стороны молодых и подростков.

Хотя в Таджикистане не прошло еще много времени с появления и распространения подобных сетей, день за днем увеличивается ряд пользователей социальных сетей.

В 2004 г. студентом Гарвардского университета Марком Цукербергом была основана социальная сеть «Facebook» [URL: Wikipedia]. Вначале она использовалась как социальная сеть для общения студентов, в котором они оставляли свои фото, видео, статусы. Уже в 2008 г. «Facebook» стал самой популярной социальной сетью в Интернете, и это место он сохраняет до сих пор, являясь второй самой популярной сетью в мире после поискового сайта «Google».

Фейсбук («Facebook», дата основания 4 февраля 2004 г.) является виртуальной социальной сетью, посредством которой люди, имеющие свою страницу, могут оставлять свои послания, краткие сообщения, выкладывать фото, фильмы. В данный момент она является бесплатной общедоступной сетью.

Благодаря интенсивному развитию ИКТ, темп расширения мировоззрения молодого поколения по сравнению с двумя прежними десятилетиями ускоряется.

Уместно отметить, что молодежь смогла представить себя посредством социальных сетей («Facebook» «Twitter», «Одноклассники», «Мой мир») как мощную движущую, эволюционирующую силу. Это относится и к таджикскому молодому поколению, стремящемуся к выражению своих мыслей относительно различных национальных и мировых вопросов.

По данным компании «Socialbakers», которая изучает деятельность социальных сетей, медиа, количество пользователей социальной сети «Facebook» в шестимесячный период 2012 г. составило 12,580 тыс. При этом подчеркивается, что основную часть пользователей составляют молодые люди в возрасте до 24 лет. А количество пользователей людей, имеющих доступ к Интернету, достигло 3 млн человек [URL: facebook.com].

К основным вопросам, затрагиваемым молодым населением республики в социальных сетях, относятся разные – начиная с личных проблем, отношений до политических и религиозных вопросов.

Мы намерены обратить внимание на языковое манипулирование в социальных сетях на примере таджикской страницы «Facebook».

Уместно отметить, что в последние годы увеличивается число таджикских блогеров, которое в данный момент в Таджикистане достигает больше 100. Первая крупная база таджикских блогов – Blogiston.tj – была организована группой таджикской молодежи, затрагивающей в своих блогах различные вопросы.

Размышляя о манипулятивном влиянии языка информационных технологий, можно определить довольно различные его аспекты. В рамках данной статьи мы намерены обратить внимание на два момента: 1) уровень языковой грамотности участников социального диалога на сайтах; 2) круг обсуждаемых на данных сайтах проблем.

Со стороны пользователей молодого поколения наблюдается грубое нарушение норм литературного языка. Человек, который ставит проблему, пишет свой текст, грубо нарушая нормы языка, а остальные будут подражать этому стилю:

1.: *Як студенти ҷазира арус надоштай бад мезана мезана як арус тугри мекна. Хай арусш вохури файродш мекна...* [facebook.com: блог: Ханда].

У одного студента с островка не было девушки. Сильно постарался, нашел себе девушку. Девушка его пригласила на свидание...

Для того чтобы проверить, соответствует ли данный текст нормам литературного языка, необходимо просто сравнить все слова с правильными их вариантами:

Слова в тексте	Правильная форма слов	Значение	Контекстуальное значение слова
Арус	арӯс	невеста, девушка	Слово арӯс в литературном языке означает «невеста», но в разговорной речи иногда употребляется в значении девушки-подружки
Бад	баъд	потом, за тем	Слова бад и баъд являются фонетическими омонимами. При произношении слово баъд звучит как бад , но в письменной речи недопустимо их писать одинаково
Мезана	мезанад	бьет	В тексте слово мезана употреблено в значении «постарался», которое в литературном языке в этом значении не употребляется
туғри мекна	тӯғрӣ мекунад	исправляет, уравнивает, в тексте: уговаривает	тӯғрӣ мекунад - тӯғрӣ кардан составной глагол, где именная часть тӯғрӣ означает «правильный, исправный и исправляет». В тексте употреблено в значении «уговаривает». Слово туғрӣ заимствовано из узбекского языка, но в литературном не употребляется, употребляется только в некоторых говорах таджикского языка, его можно оценить как варваризм
хай	хайр –	так себе, таким образом	
арусш	арӯсаш	его девушка, его невеста	арусш // арӯсаш – аш – энклитика, указывающая на второе лицо, единственное число
вохури	вохӯрӣ	встреча, свидание	
файродш мекна	фарёдаш мекунад	вызывает его, зовет его, в тексте: приглашает	файрод – явное нарушение нормы литературного языка, не имеющее закономерного отношения к фонетической дедукции, с другой стороны, стилистически неуместное употребление слова. Слово фарёд означает «звать, вызывать», оно употреблено вместо слово даъват , которое означает «приглашение»

В приведенном фрагменте только три первые слова написаны правильно: *як – один, студент – студент, ҷазира – островок* (имеется ввиду студенческий островок/городок). Все остальные слова использованы с грубейшими фонетическими ошибками. К тому же слова *мезана, тугри мекна, арус* одновременно с фонетическими ошибками являются еще и простонародными словами.

Все продолжающие данную полемику на сайте, придерживаются стиля автора приведенного текста. Сравните:

2.: -э дхтарои хозира амука умниан бо нага бра лиманад биёр...

Текст оригинала	Э	дхтарои	хозира	амука	умниан	бо	нага	бра	лимонад	биёр
Литературный вариант	Э,	духтарҳои	хозира	хамин кадар	доноянд,	боз	нагӯяд,	биров,	лимонад	биёр?

Перевод: *Эх, нынешние девушки так умны, а если она скажет: «Иди принеси лимонад?»*

Все десять комментариев к данному тексту написаны с подобными грубыми нарушениями фонетических (орфографических) и лексических норм литературного языка.

1. Синтаксический порядок слов в предложениях соблюден. Естественно, это логическое мышление, приобретенное от социальной языковой среды. Другой вопрос, когда носитель языка осознанно нарушает орфографические и лексические нормы литературного языка. Этому способствуют два фактора: 1) «блатной» подход к употреблению языковых средств; 2) закон универбации [URL: Wikipedia]. Первый фактор исходит из того, чтоб чувствовать себя «своим» среди ровесников, второй – сэкономить время: короче писать, быстрее опубликовать. Данным психологическим особенностям информационные технологии создали условие.

Язык блогов в основном зависит от их предназначения. Есть блоги, например, созданные лингвистами, литературоведами, культурологами, вообще передовой интеллигенцией, которые в основном стараются соблюдать нормы литературного языка, потому что основная их задача – сохранить, развивать ценности (языковые, культурные и пр.), например «Дуруст бинависем», «Точикона», «Гулбоги диловез», «Адибони точик ва дӯстдорони адаб» и т.д., в которых участвуют разные поколения, как молодое, так и зрелое.

Другая группа блогов, имеющих различные цели, как развлекательные, так и политические, экономические, социальные и т.п., на язык и стиль изложений особо не обращает внимания. Но стиль и язык свидетельствуют об уровне грамотности участников социального диалога, их коммуникативной компетенции. Если участник диалога считает себя частью определенной социальной группы, то посредством употребления социальной лексики данной группы он показывает свою компетентность в данной отрасли. Таджикский исследователь К. Мухтори отмечает: *«Одним из основных факторов адаптации общества к новым социальным нормам и принципам является формирование их правового лексикона, как важный определяющий элемент общественных отношений»* [Маклюэн : 289]. Данное высказывание относится не только к правовому лексикону, а вообще ко всем слоям словарного запаса носителя языка.

Таким образом, информационные технологии в настоящее время, превращаясь в основную арену как межличностных, так и социальных и межкультурных коммуникаций, сильно влияют на языковую грамотность членов общества, использующих Интернет и социальные сети, число которых день за днем увеличивается.

Библиографический список

2. Пенг Хва, Анг. Управление Интернета (на тадж. языке) / Анг Пенг Хва. – Душанбе, 2011. – 70 с.
3. Велим, Е. С. Языковые особенности в структуре современного молодежного масс-медийного дискурса : дис. ... канд. филол. наук : 10.01.10 / Велим Е. С. – М., 2015. – 174 с.
4. Грамматикаи забони адабии ӯзори тоҷик (Грамматика современного таджикского языка). – Душанбе : Дониш, 1985. – Т. 1. – 367 с.
5. Калмыков, А. А. Интернет-журналистика / А. А. Калмыков, Л. А. Коханова. – М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2005. – 383 с.
6. Маклюэн, М. Понимание медиа: внешнее расширение человека / М. Маклюэн. – М., 2003. – 464 с.
7. Мухтори, К. Динамика правовой лексики в языке таджикской периодической печати / К. Мухтори // Язык. Право. Общество : сб. IV Междунар. науч.-практ. конф. (г. Пенза, 11–13 октября 2016 г.). – Пенза, 2016. – С. 289–291.
8. URL: facebook.com
9. URL: odnoclassniki.ru
10. URL: Socialbakers.com
11. URL: tvitter.com
12. URL: Wikipedia
13. URL: vkontakte.com

РОЛЬ РЕЧЕВЫХ МАНИПУЛЯЦИЙ СРЕДСТВ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ г. ПЕНЗЫ В ФОРМИРОВАНИИ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ ОБЩЕСТВА (ПО МАТЕРИАЛАМ ТЕЛЕПЕРЕДАЧИ «КРИК»)

И. А. Кондратьева

Пенза, Россия

SPEECH MANIPULATION IN PENZA MASS MEDIA AND ITS INFLUENCE ON THE FORMATION OF THE PUBLIC LEGAL CULTURE

I. A. Kondratieva

Penza, Russia

Аннотация. Правовая культура – необходимая составляющая современного общества, поскольку в мире с непростой политической обстановкой каждому человеку важно не только знать свои права и обязанности, но и не ущемлять права других. Средства массовой информации выполняют важную функцию: они помогают человеку разобраться во многих вопросах, в том числе и правовых. Рассмотрим на примере телепередачи «Крик» те манипулятивные приемы, которые помогают создавать в обществе установки, направленные на снижение рисков совершения правонарушений и преступлений.

Ключевые слова: средства массовой информации, манипулятивное воздействие, телепередача, правовая культура общества, приемы манипулирования, видеосюжет, структура.

Abstract. Legal culture is a necessary component of modern society, because in a world with a difficult political situation, it is important for everyone not only to know their rights and obligations, but also not to infringe on the rights of others. The media perform an important function, so they help a person to understand many issues, including legal ones. The article examines, using the example of the "CryCK" TV program, manipulative techniques that help to create settings aimed at reducing the risks of committing offenses and crimes in society.

Key words: mass media, manipulative influence, TV program, legal culture of society, methods of manipulation, video, structure.

В городе Пензе спектр телевизионных передач достаточно широк. Наряду с программами занимательного характера и новостными лентами представлены такие, которые, помимо информативной составляющей, помогают сориентироваться в определенных ситуациях, выбрать свой стиль и манеру общения. Это особенно важно в том случае, когда речь идет о правовом поведении человека, его умении адекватно оценить сложившуюся ситуацию и принять правильное решение, а также действовать в соответствии с законом.

Одной из передач подобного плана является «Крик» – криминальный канал. Телепередача «готовится» совместно с пресс-службой УМВД России по Пензенской области. Каждую неделю зрителей ждет подборка самых громких происшествий за прошедшие 7 дней. В программе дается правовая оценка тем или иным событиям, приводятся статистические данные, отыскиваются новые факты и проводятся расследования. Пензенцы могут услышать комментарии сотрудников УМВД по тому или иному громкому делу, познакомиться с дорожной хроникой, получить полицейский совет. Кроме этого, зрителей ждут постоянные рубрики: «Вопрос-ответ», «Внимание, розыск!», «Доброе дело» [penzainform.ru].

Структура телепередачи имеет следующую форму. Ведущий Сергей Поплёвин после приветствия обозначает цель: «Мы говорим о том, как работает полиция». Телеведущий анонсирует содержание программы, что, в свою очередь, привлекает внимание зрителя. Затем следует серия сюжетов, где демонстрируются раскрытые преступления и правонарушения. Рубрика «Внимание, розыск!» направлена на содействие в поимке преступника. Диалог с представителем правоохранительных органов призван разъяснить некоторые спорные моменты либо обеспечить правовую безопасность граждан. Во вновь повторяющейся рубрике «Внимание, розыск!» речь идет о пропавших без вести людях, и ведущий призывает обратить пристальное внимание на представленных лиц. Выпуск завершается пожеланием Сергея Поплёвина беречь человеческую жизнь.

Несомненно, программа освещает важные вопросы, направленные на формирование правовой культуры общества и связанные с сохранением человеческой жизни. Поэтому ведущему необходимо тщательно работать над словом, использовать такие способы и приемы, чтобы в конечном итоге они возымели дей-

ствии на аудиторию. И здесь можно говорить о таком явлении, как манипуляция. Е.Л. Доценко дает следующее определение: «Манипуляция – это вид психологического воздействия, имеющий целью тайно, скрыто изменить мнения, установки, поведение адресата в интересах манипулятора, требующий искусности от манипулятора, чтобы изменения, происходящие с адресатом, были незамеченными, неосознанными» [Доценко 2000: 15]. «Слова, которые обычно характеризуют манипуляцию, чаще всего вызывают негативное впечатление: скрыто, неявно, обман, господство, управление, принуждение, применение силы, структурирование мира в интересах манипулятора, вразрез с волей другого, мастерство и сноровка и т.д. Манипуляция ассоциируется с жульничеством, обманом, лукавством, она приводит жертву к плачевным последствиям» [Горина 2016: 6].

Однако если речь идет о воздействии, направленном на создание установок, связанных с правилами и нормами поведения, то следует говорить о положительной манипуляции.

Нами были проанализированы выпуски телевизионной программы «КриК» за 2017 г. Согласно классификации приемов манипулирования, предложенных Е.В. Гориной и характерных для всех средств массовой коммуникации, в рамках заявленной темы можно выделить следующие.

Манипуляция при помощи контраста и обобщения.

Видеосюжеты в рубриках «В центре внимания», «Дежурная часть», «По горячим следам» рассказывают о происшествиях, сопряженных с преступлениями, поэтому, чтобы показать всю тяжесть подобного рода деяния, телеведущий использует прием противопоставления, или контраста «преступник-жертва». Так, в выпуске от 11.12.17 г. антонимичными являются следующие понятия: продавец, жертва – подозреваемый, злоумышленник. При описании ситуации ведущий как бы сопоставляет действия обеих сторон, активно используя глагольные формы: отвлеклась – не дремал, разговаривала с покупателем (продавец) – никто не обращал внимания (на преступника). В итоге сообщается о том, что подозреваемому за совершенное преступление грозит лишение свободы на срок до двух лет, то есть манипулирование в данном сюжете подводит к осознанию того, что каждый виновник преступления так или иначе будет наказан.

Также на приеме контраста может быть построено начало сюжета: «Они обещали помочь сбросить лишний вес, а на самом деле рисковали здоровьем пациентов и вынуждали их платить за ненужные услуги» (передача от 02.10.17). «Он испытывал к ней теплые чувства, но однажды они расстались, и он захотел прикоснуться если не к ней, то к ее вещам» (передача от 02.10.17).

Показательно противопоставление «пензенцы – иногородние»: «Сотрудники задержали четырех жителей Пензенской области, забравших из тайника наркотические средства, предназначенные для жителей нашего города» (передача от 30.11.17). Манипулирование в данном видеосюжете приводит к созданию у пензенцев четких образов: «свои – чужие». Так у жителя города формируется стереотип некоего провинциала, преступающего закон, что в конечном итоге может создать негативное впечатление о многих жителях Пензенской области.

Таким образом, прием контраста в программе является частотным, поскольку общий образ, складывающийся из всех сюжетов, имеет модель «преступник – жертва».

Манипуляция критикой.

«Критический взгляд, подчеркивание отрицательных сторон чего-либо, выделение негативного смысла – все эти действия имеют манипулятивный потенциал, поскольку плохие новости априори обладают притягательной силой» [Горина 2016: 30]. Безусловно, в анализируемых нами выпусках критика направлена в адрес тех, кто не в ладу с законом. Часто слова того или иного лица, подвергающегося критике, могут выступать в качестве дискредитирующего материала. Как правило, преступивший закон повествует о своих деяниях, причинах, побудивших его совершить преступление. Однако мы понимаем, что никакая причина не является оправданием преступления, поэтому образ преступника изначально задан отрицательно: «Мы вместе с моим знакомым вышли на улицу поговорить, потому что у нас и ранее существовал конфликт. Я ударил его несколько раз в лицо, он убежал и сразу пошел в полицию. Потом выяснилось, что он написал заявление, будто я у него вещи отобрал» (передача от 24.07.17). То есть такие действия, безусловно, расцениваются однозначно негативно.

«Меня задержали за то, что я помогал другу сбывать наркотики. Я искал работу, на которой можно было нормально заработать, а друг предложил курьером» (передача от 06.06.2017). Изначально человек знает, что влечет за собой легкая и прибыльная работа, но он не в состоянии отказаться. Так складывается образ ленивого и меркантильного человека, готового пойти на все ради собственной выгоды.

С одной стороны, рассказывая о содеянном, подозреваемый пытается найти какое-либо оправдание своему поступку, с другой стороны, его слова имеют исключительно дискредитирующее значение. То есть построение критики происходит на материале, предоставленном самим объектом критики.

Манипуляция словами-амебами.

При построении выступления необходимо внимательно относиться к выбору слова, поскольку данная единица также является средством манипулирования. Манипулятивным считается прием с использованием слов-амеб. «Слова-амебы – это заимствованные, а также русские слова с размытыми семантическими границами, не связанные с контекстом реальной жизни, используемые для манипуляции сознанием людей» [Горина 2016: 15].

В нашем случае с целью акцентирования внимания на важном моменте, с целью развития интереса к обсуждаемой проблеме также может быть использована данная речевая манипуляция: «Цель мероприятий –

вовлечение молодежи в социально значимые *акции*» (передача от 02.10.17). «В Пензе завершено расследование уголовного дела в отношении сорокалетней жительницы областного центра, которая дважды поддалась *криминальному соблазну...*» (передача от 04.12.17). «*Личный ботанический сад* развел у себя житель Пензы, однако никому не рассказывал, потому что его интерес к растительному миру был *специфический* и уголовно наказуемый» (передача от 11.09.17).

Следует отметить, что данный манипулятивный прием используется редко, поскольку в речи телеведущего преобладает профессиональная лексика, не располагающая для этого широкими возможностями.

Манипуляция с помощью подмены понятия.

«Подмена понятия – это умение выдать одно понятие за другое, заменить его, чтобы изменить контекст, вызвать определенную реакцию, изменить отношение к чему-либо» [Горина 2016 : 27].

Телеведущий использует данный прием манипулирования с целью выдать желаемое за действительное, для того чтобы у человека сложился определенный стереотип, некая модель поведения: «Некурящий человек ориентирован на здоровый образ жизни» (передача от 24.04.17). Однако далеко не всегда данное условие соблюдается, поскольку некурящий человек может иметь другие вредные привычки.

Представляет интерес начало видеосюжета: «Преступление начиналось под благовидным предлогом» (передача от 27.02.17). В этом случае подмена понятия осуществляется по принципу оксюморона, т.е. «благовидный предлог для совершения преступления», что, в свою очередь, не может быть оставлено без внимания.

Для того чтобы показать губительное влияние вредных привычек на человека, ведущий намеренно увеличивает объем понятия, делает его значимым, определяющим: «В этой истории алкоголь сыграл главную роль» (передача от 27.02.2017).

Манипулятивное обращение к идентичности.

Идентификация человека с группой – важный момент манипуляции, поскольку для человека важно то, к какой группе он себя относит, с кем он себя отождествляет. В программе «Крик» главным образом можно выделить группы: «потерпевший – преступник», «пензенцы – иногородние». Телезрители, безусловно, идентифицируют себя с первыми представителями групп, и материал построен так, что обращение ведущего обращено именно к ним: «Пензенский суд вынес приговор четырем уроженцам Челябинской области, которые приехали *к нам* в Пензу, привезя сувенирные монеты, и хотели продать их *нашему* жителю, а тот посчитал их за раритет» (передача от 27.11.17). «Они поджидали свою жертву в районе Гидростроя. К пожилой женщине *нашего* города подошла незнакомка и сказала, что на нее навели порчу» (передача от 11.12.17).

«Мы, граждане, должны более внимательно относиться к тем купюрам, которые находятся в обращении» (передача от 23.01.17) – так ведущий идентифицирует себя со всеми пензенцами, показывая таким образом причастность к общим проблемам. Здесь группа представлена довольно широко, т.е. *гражданин=пензенцы* либо *гражданин=законопослушные* люди.

Данный манипулятивный прием используется редко, поскольку передача ориентирована на достаточно широкий круг зрителей, который определяется критерием «Правовое поведение».

Тема манипулирования средствами массовой информации на сегодняшний момент весьма актуальна, потому что это помогает в определенной мере снизить рост преступности в обществе. Безусловно, просмотрев телепередачу подобного плана, человек попытается задуматься над последствиями своего поступка, сможет вовремя остановиться и не совершать необдуманных действий.

Передачи правового содержания, функционирующие на пензенском телевидении, – «Крик» и «Правовой взгляд» – являются значимыми, поскольку они отчасти регулируют поведение пензенцев.

Библиографический список

1. Горина, Е. В. Коммуникативные технологии манипуляции в СМИ и вопросы информационной безопасности : учеб.-метод. пособие / Е. В. Горина ; науч. ред. Э. В. Чепкин ; М-во образования и науки Рос. Федерации, Урал. федер. ун-т. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2016. – 67 с.
2. Доценко, Е. Л. Психология манипуляции: феномены, механизмы и защита / Е. Л. Доценко. – М. : ЧеРо : Юрайт, 2000. – 344 с.
3. Кара-Мурза, С. Г. Манипуляция сознанием. Век XXI / С. Г. Кара-Мурза. – М. : Алгоритм, 2015. – 219 с.

МАНИПУЛИРОВАНИЕ ОБЩЕСТВЕННЫМ МНЕНИЕМ В ТАДЖИКСКОЙ ПЕЧАТИ ПЕРИОДА МЕЖТАДЖИКСКОГО ПЕРЕМИРИЯ 1997 г.

К. Мухтори

Душанбе, Республика Таджикистан

MANIPULATION OF PUBLIC OPINION IN THE TAJIK PRESS DURING THE THE 1997 TAJIKISTAN INTERIM PERIOD

K. Mukhtori

Dushanbe, Republic of Tajikistan

Аннотация. Анализируется роль лексических единиц в формировании общественного мнения о прекращении гражданской войны в Таджикистане в 1997 г. Подчеркивается роль средств массовой информации (СМИ) в освещении действительности и подготовки населения к перемирию и стабилизации ситуации. Анализы и выводы проделаны на основе материалов таджикской периодической печати 1997 г.

Ключевые слова: жанр, новостные тексты, лексические единицы, общественное мнение, война, перемирие.

Abstract. The article is devoted to the analysis of the role of lexical units in the formation of public opinion about the cessation of the civil war in Tajikistan in 1997. The role of the media in highlighting the reality and preparing the people for a truce and stabilizing the situation is underlined. Analyzes and conclusions were made on the basis of the materials of the Tajik periodical press of 1997.

Key words: genre, news texts, lexical units, public opinion, war, truce.

Не смотря на то, что исследователи медиадискурса мало обращали внимание на роль отделенных от текста слов, само употребление лексической единицы на подсознательном уровне создает у читателя определенные соображения и мысли о происходящем, но, конечно, при этом не исключается роль самого текста и других средств коммуникации. Каждое слово, имеющее лексическое значение, настораживает человека. Читая или слушая информацию, человек обращает внимание на смысл каждого слова, чтобы не пропустить важность информации. Тем самым каждый стиль речи отмечается своими возможностями и особенностями в употреблении различных единиц языка. Наряду с этими существуют и внутрителиевые особенности. Этой характеристики и поддается стиль новостных текстов. Т. С. Дроняева отмечает: *«Основная цель информационного подстиля языка массовой коммуникации – проинформировать читателей о социально значимых событиях, случаях, происшествиях, фактах, а также об их объективных свойствах. В таких журналистских текстах на первый план выдвигается информативная функция языка»* [Дроняева 2008 : 496]. Очевидно, что должны употребляться слова, выделяющиеся своими экстремными востребованностями. Здесь главное не новизна самого слова, не новизна его значения, его экспрессивность, а новизна информации, которую оно несет в себе.

После приобретения независимости 1991 г. в Таджикистане началась гражданская война которая продолжалась до 1997 г. В течение этих лет наблюдалось, что таджикские СМИ, не смотря на свою позицию в отношении противоборствующих сторон и свой статус [Усмонов 2007 : 302], всегда боролись за прекращение войны на таджикской земле. Это происходило в разные годы гражданской войны своеобразно. По лексике печати 1997 г. можно наблюдать, что все усилия направлены на подписание перемирия между правительственными силами и силами объединенной таджикской оппозиции. *«Идеология всегда эффективна, когда она мобилизует национальное сознание и учитывает политические реалии своего времени. С идеологией и общественным сознанием были связаны ведущие десятилетия назад дискуссии о высшей цели журналистики»* [Ворошилов 2010 : 237]. В формировании общественного мнения о необходимости заключения мира очень велика роль периодической печати. Таджикская печать, особенно правительственная, в этом периоде своего существования всесторонне способствовала формированию общественного мнения о единомыслии правительства и оппозиционных сил о прекращении войны.

В каждом номере газет «Джумхурият», «Садои мардум» существует огромное количество слов и словосочетаний, связанных с процессом заключения мира: *hay'at – состав, hukumat – правительство, mukholifin – оппозиция, reintegratsiya – реинтеграция, khal'i siloh – разоружение, sarvazir – премьер-министр* (Джумхурият. – 17.03.1997), *guftushunid – переговоры, bahs – полемика, minozira – спор, garavgonon – за-*

ложники, *ba imzo narasid* – не был подписан (Садой мардум. – 7.02.1997), *sulh* – мир, *munshii utumii SMM* – Генеральный секретарь ООН, *kafolat* – гарантия, *anjom* – конец, *muzokirof* – переговоры, *hukumat* – правительство, *tukholifin* – оппозиционные силы, *gurezaho* – беженцы (Джумхурият. – 7.06.1997), *yagonagi* – единство, *tatomiyat* – целостность, *arz* – земля, территория, *istiqrori sulh* – восстановление мира, *tafohim* – взаимопонимание, *ivaz kardan* – заменить, *mahbuson* – пленные, *asironi harbī* – военнопленные, *jonibho* – стороны (Джумхурият. – 19.07.1997).

Употребление огромного количества слов, связанных с военными действиями, создает атмосферу предосторожности того, что нестабильная ситуация еще в республике продолжается. Но СМИ в данном случае не могут поступать по иному, на данный момент их задача, наряду с призывом к единству, – освещать действительную ситуацию.

С другой стороны, употребление слов: *военнопленные, заложники, переговоры, беженцы, взаимопонимание, предложение, обмен* – способствуют созданию определенных точек зрения, позиций у аудитории в отношении к правительству и к оппозиционным силам.

По лексике печати 1997 г. выявляется, что в состоянии мира и согласия велика роль третьей стороны, отдельных лиц. Довольно часто повторяются имена специальных представителей генерального секретаря ООН Таджикистана *Герда Дитриха Меррема, Эмомали Рахмонова, Сайид Абдулло Нури*, а также названия городов и стран, в которых прошли межтаджикские переговоры: *Москва, Тегеран, Ашхабад, Россия, Иран*.

Начиная с этого года в языке таджикской печати заменяется слово **вооруженные** (*группа вооруженных лиц, люди в масках, вооруженные люди в масках, неизвестные люди*) на слово **террористы**. Именно теперь слова *террористы, терроризм* становятся широкоупотребительными и в языке печати.

Накануне и после подписания полного соглашения между правительством и объединенными таджикскими оппозиционными силами от 27.06.1997 [Усманов 4 : 124] на страницах печати встречается частое употребление слов *sulh* – мир, *kafolati siyosi* – политическая гарантия, *bozgasht* – возвращение, *gurezaho* – беженцы (Джумхурият. – 7.06.1997), *gharibi* – в чужбине, *bozgasht* – возвращение, *didor* – встреча, *tehan* – родина, *tanzil* – жилье, *zanon* – женщины, *kudakon* – дети, *yori* – помощь, *dorivorī* – лекарство (Джумхурият. – 4.10.1997), связанных с жизнью беженцев и людей, оставшихся без кровли.

Границы с Афганистаном и Узбекистаном остаются тревожными: *muqovimati dokhili* – внутреннее противостояние, *gurezaho* – беженцы, *yarador* – оружие, *sarhad* – граница, *guruh* – группа, *nota'lim* – неизвестный, *Tursunzoda* – Турсунзаде (приграничный район с Узбекистаном), *hujum* – наступление, *musallah* – вооруженные, *majruh* – раненый, *toza kardan* – очистить (Джумхурият. – 1.11.1997).

Также со словом **Афганистан** с 1997 г. часто употребляются слова *qochoq* – контрабанда, *yarog* – оружие, *nash'a* – наркотики, которые наблюдаются и до сих пор. Но это уже означает контролируемость ситуации, которая для получателя информации очень важна.

Таджикская печать периода восстановления межтаджикского мира и согласия старательно распространяет в свое информационное поле мнения о том, что, несмотря на частичную нестабильность ситуации, в стране правительство республики плодотворно работает для политического, экономического и социального развития.

Начинается новая жизнь, строятся новые коммуникационные каналы – железные дороги: *rohi ohan* – железная дорога, *sokhtmon* – строительство, *Qurghontepa* – Кургантюбе, *Kulob* – Куляб (Джумхурият. – 25.10.1997). Несмотря на продолжительную гражданскую войну, сельское хозяйство продолжало плодотворно работать. Начиная с 1997 г. повторно появляются отчеты о сборе хлопка, процессе работы в секторе сельского хозяйства: *dehqon* – дехкане, *kisht* – посев, *pakhta* – хлопок, *brigada* – бригада, *ghalla* – зерно (Садой мардум. – 15.04.1997).

С этого года начинается бурная приватизация государственных имуществ. Этому свидетельствует очень частое употребление слова *khususigardoni* – приватизация.

Обращая внимание на слова, относящиеся к политике, можно заметить, что Таджикистан продолжает плодотворно сотрудничать с Ираном, Узбекистаном и Россией: *gustarish* – созревание, *tahkim* – укрепление, *hamkori* – сотрудничество, *Eron* – Иран, *dujoniba* – двустороннее (Джумхурият. – 18.10.1997).

Правительство политически стало активно, первую страницу газет стали украшать такие слова, как *farmonho* – указы, *qarorho* – указы, *qonunho* – законы, *taghyirof* – изменения, *digarguniho* – изменения, *ilova* – приложения, *jalasa* – собрание, *mulogot* – встреча (Джумхурият. – 24.08.1997), также особое внимание можно обратить на употребление слов *president* – президент, *prezidenti sulhovar* – президент, приносящий мир, *sukhanroni* – речь, *vokhūri* – встреча. Таким способом печать постепенно подчеркивает роль президента как политического деятеля, его заслуги в стабилизации ситуации в стране как политика, призывающего нацию к единству.

По сравнению с печатью 1991–1992 гг. на данном этапе своего развития печать 1997 г. особое внимание уделяет направлению общественного мнения в сторону целостности страны, объединения народа вокруг законного правительства, старается создать сознание о существовании, укреплении правительства и государства, очевидно, это исходит из политических и экономических ситуаций в стране; если печать 1991 г. обращает большое внимание на зарубежные новости, посвященные нестабильной ситуации вокруг Ближнего Востока и Прибалтики, то уже в 1997 г. она концентрируется вокруг событий гражданской войны в Таджикистане, его социально-экономической жизни.

Библиографический список

1. Ворошилов, В. В. Журналистика / В. В. Ворошилов. – М., 2010. – 491 с.
2. Дроняева, Т. С. Информационный подстил / Т. С. Дроняева // Язык средств массовой информации / под ред. М. Н. Володиной. – М. : Академический Проект : Альма Матер, 2008. – С. 496.
3. Исомиддинов, Б. История частной журналистики в Таджикистане / Б. Исомиддинов. – Душанбе : Мегапринт, 2016. – 178 с.
4. Усмонов, И. К. Политическая история суверенного Таджикистана (Таърихи сиёсии Тоҷикистони соъибистиқлол) / И. К. Усмонов. – Худжанд, 2003. – 181 с.
5. Усмонов, И. К. История таджикской журналистики (Таърихи журналистикаи тољик) / И. К. Усмонов, Д. Давронов. – Душанбе, 2007. – 376 с.

ТЕОРИЯ «ПРИВРАТНИКА» В ДЕЙСТВИИ: ЮРИДИЧЕСКИЕ И ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ ОТБОРА ИНФОРМАЦИИ В СМИ

И. В. Привалова

Саратов, Россия

THE THEORY OF GATEKEEPER IN ACTION: LEGAL AND LINGUISTIC ISSUES OF INFORMATION CHOICE IN MASS MEDIA

I. V. Privalova

Saratov, Russia

Аннотация. Анализируется действие механизма «привратника» (отбор информации) в традиционных и электронных средствах массовой информации (СМИ). Делается вывод, что действие механизма «привратника» проявляется на двух уровнях – лингвистическом и экстралингвистическом (юридическом). В процессе отбора информации, попадающей в СМИ, учитывается ее соответствие языковым нормам и нормам права.

Ключевые слова: современные масс-медиа, теория «привратника», лингвистические и правовые аспекты, передача информации.

Abstract. In this article, the "gatekeeper" mechanism effect (information selection) in traditional and electronic media is being analyzed. It is concluded that the "gatekeeper" mechanism effect manifests itself on two levels – linguistic and extra-linguistic (legal). In the process of selecting information that comes into the media, its compliance with linguistic norms and the norms of law is taken into account.

Key words: modern mass media, the theory of "gatekeeper", linguistic and legal aspects, information transmission.

Теория «привратника» является в настоящее время одной из самых популярных теорий в современных коммуникативных исследованиях. Автор термина «gatekeeper» («привратник») – немецкий психолог Курт Левин – предложил его, изучая индивидуальное психологическое пространство отдельной личности, особенности его мотивации при совершении тех или иных действий [Lewin : 1947]. Строго говоря, термин «gatekeeper» является продуктом исследований в области социальной психологии. Автор концепции «индивидуального психологического поля» предположил, что информационный поток обладает структурированностью и направленностью, которая зависит от набора определенных факторов и задач. Наличие закономерностей в организации потока информации позволяет им управлять и манипулировать. Неудивительно, что теория «привратника» и связанные с ней определения «gatekeeper» и «gatekeeping» были позднее экстраполированы на другую научную область – теорию коммуникации [White, 1950]. Интересно, что именно в коммуникативистике, описание явления информационного регулирования приобрело особенный резонанс и развитие (см., например, [Bennett : 2004; Bass : 1969]). Относительно ситуации контроля над представленностью информации в массмедиа применяется также термин «фрейминг», который включает в себя не только отбор фактов, но и выбор определенного ракурса, в котором эти факты освещаются. «To frame is to select some aspects of a perceived reality and make them more salient in a communicating text, in such a way as to promote a particular problem definition, causal interpretation, moral evaluation, and/or treatment recommendation for the item described» [Entman, 1993 : 52]. В переводе с английского «frame» означает «рамка», и, действительно, восприятие социальной реальности невозможно в целом, а происходит выборочно, причём эту выборочность можно задать определенными способами [Goffman : 1974]. Отдельные фрагменты информационного потока можно сделать более значимыми и заметными, чем другие. От расставленных акцентов зависит формирование аксиологических и психологических установок на восприятие сообщения [Привалова, 2001]. Теория «привратника» получила новый стимул для развития, когда отправители информации начали использовать альтернативные массмедийные площадки. С появлением частных спутниковых телевизионных каналов, негосударственной прессы и Интернет сайтов контролировать информацию стало очень сложно. Существующий в современных массмедиа плюрализм мнений спровоцировал работающих в области коммуникации ученых еще раз обратиться к теории «привратника» и к теории «фрейминга». Это было необходимо сделать, чтобы проанализировать их действие относительно современной информационной ситуации существования активной блогосферы. Несмотря на разнообразие взглядов на процесс передачи информации, во всех моделях коммуникации признается наличие трех ключевых элементов: отправитель информации, сообщение и получатель информации. В качестве отправителя информации могут выступать как отдельные индивиды, так и институты, тогда в качестве получателя информации могут также

выступать как отдельные индивиды, так и институты. С оформлением блогосферы и началом передачи информации на площадках Веб 2.0 круг авторов сообщений, попадающих в СМИ, в том числе и электронные СМИ, существенно расширился, что, в свою очередь, поставило вопрос о мерах контроля и регулирования информации на различных уровнях. Выбор ракурса, или какую информацию пропускать и как эту информацию презентовать, зависит от многих факторов: «...на выбор определенного фрейма существенное влияние может оказывать политический фактор. Имеем в виду ситуацию, когда лояльные или подконтрольные власти средства массовой коммуникации вынуждены подстраиваться под интересы и требования государства и его лидеров» [Казаков 2014 : 91].

Результаты наблюдения за представленностью информации в массмедиа, позволили сделать вывод, что действие «привратника» осуществляется на разных уровнях. В данной статье прокомментируем проявление этого феномена относительно двух уровней – лингвистического и экстралингвистического (юридического).

На лингвистическом уровне действие «привратника» проявляется в выборе ракурса относительно представленности конкретных тем, контента, стиля и языковых средств. Очень показательны в этом отношении различные освещения одного и того же события разными по своей направленности информационными изданиями. Специфика целевой читательской аудитории предопределяет выбор материала и то, как он будет подан отправителем. Современные печатные и электронные издания демонстрируют широкий спектр тематической направленности: деловые издания (например, газета «Коммерсант», журнал «The Economist») рассчитаны на бизнесменов и предпринимателей. Проправительственные политические издания (например, «Российская газета»), отражают точку зрения власти. Отличный новостной набор публикуется в оппозиционных изданиях и так называемой «желтой прессе». Безусловно, что, освещение, например, политических событий в журнале «The Economist» будет отличаться от того, как те же события преподносятся в таблоиде «Daily Mail». Мы сравнили заголовки статей, посвященных теме выборов президента США в 2016 году, в двух разно-тематических изданиях – в Интернет-издании журнала «The Economist» и Интернет-издании газеты «Daily Mail». Журнал «The Economist» преимущественно освещал экономическую составляющую этого события: «Stock markets after the American election: Speculation that Donald Trump will cut taxes has buoyed shares» («The Economist», November 26th 2016); «The Trump administration is investigating Chinese trade practices (Problems will be easier to find than solutions)» («The Economist», August 17th 2017). Заголовки статей из издания «Daily Mail»: «I think there's a very good chance Putin knows some things about Trump': Megyn Kelly claims Russian president has dirt on The Donald», или «He's a sleepy-eye son of a b***h': Vitriolic Trump unleashes astonishing attack on Chuck Todd during Pennsylvania rally in which he also lays into Oprah and reveals his new slogan for 2020» («Daily Mail», March 11th 2018). Кроме контента зависимость от определенного ракурса представленности наблюдается в стиле изложения сообщений и использовании при этом языковых средств.

На экстралингвистическом (юридическом) уровне функции «привратника» осуществляют законодательные акты, которые регламентируют распространение информации. Особенно интересно проследить развитие законодательной базы в отношении электронных массмедиа. Примечательно, что информация, распространяющаяся с платформ 1.0. подвергалась законодательному регулированию таким же образом, что и информация, появлявшаяся в традиционных СМИ. Это объяснялось тем, что на первом этапе развития электронных информационных систем такие характеристики как анонимность и интерактивность отсутствовали, а адресаты всех сообщений легко фиксировались. Вопрос о правовом контроле информационного потока встал достаточно остро с появлением платформ 2.0 и оформлением блогосферы.

В настоящее время все юридические вопросы появления информации в российских СМИ регламентируются Законом РФ «О средствах массовой информации» (Закон о СМИ) Закон РФ от 27.12.1991 № 2124-1 с изменениями, вступившими в силу с 01.01.2018 [Федеральный закон № 2124-1 от 27.12.1991]. Кроме положений данного закона и многочисленных внесенных в него изменений и дополнений можно назвать еще и сопутствующие регламентирующие акты, которые направлены на регулирование распространения информации в Интернете и электронных СМИ. Выделим три основных направления борьбы с противоправными действиями в информационном пространстве, которые находят отражение в правовом поле. Первое, это блокировка электронных источников, содержащих запрещенную информацию, второе – борьба с анонимными отправителями сообщений и третье – незаконное использование авторского продукта. Первое направление представлено, например, Законом «О внесении изменений в статью 4 Закона РФ «О средствах массовой информации» и статьи 13.21 Кодекса РФ об административных правонарушениях». Причем, речь может идти не только о блокировке сайтов, но и целых ресурсов, работающих на платформах Веб 2.0., таких как мессенджеры и социальные сети.

Правовой базой, запрещающей анонимное появление в сети Интернет в качестве создателя и отправителя любого информационного сообщения, можно считать законодательные акты, принятые в 2014 году. Появившийся в мае Закон «О блогерах» [Федеральный закон № 97-ФЗ от 05.05. 2014] предписал фиксировать в реестре Роскомнадзора всех авторов блогов, целевая аудитория которых превышает несколько тысяч человек. А законодательный акт, появившийся в августе того же года, запретил анонимное пользование сетей Wi-Fi в общественных местах. Несомненно, что данные акты направлены на повышение качественного отбора сообщений в электронном пространстве и, в том числе, для традиционных СМИ. В настоящее время газеты и журналы все чаще печатают информацию, источником которой являются сообщения, впервые по-

явившиеся в социальных сетях или на видеохостингах. «В связи с появлением интернет-пространства об изменениях конфигураций публичной сферы заговорили особенно настоятельно. Действительно, в современной блогосфере достаточно трудно разобраться в том, какая информация является официальной, а какая – личной. Официальные новостные источники «черпают» информацию из социальных сетей. Так, видеоролик на YouTube о каком-то происшествии может служить основанием для размещения информации об этом событии на официальных новостных порталах» [Привалова, Купцова 2016 : 40-41].

В заключении, нельзя не согласиться с авторами, которые справедливо отмечают, что современное российское законодательство все еще не содержит однозначных положений, позволяющих уверенно и действенно пресекать все случаи правонарушений, совершаемых в информационном пространстве [Мартышко 2014 : 182]. И действие механизма «привратника» может быть направлено не только на осуществление мер цензурного характера, но и для регламентирования правил и норм распространения массмедийных сообщений.

Библиографический список

1. Казаков, А. А. Фрейминг медиа-текстов как инструмент воздействия на аудиторию: обзор распространенных трактовок / А. А. Казаков // Известия Саратовского университета. Новая серия. Сер.: Социология. Политология. – 2014. – № 4. – С. 85–91.
2. Мартышко, Н. Ю. Лингвистическое несовершенство российского законодательства как препятствие для эффективного правового регулирования электронной коммуникации / Н. Ю. Мартышко // Человек и его дискурс – 4 : кол. моногр. – М. : ИЯРАН : Азбуковник, 2014. – С. 182–186 .
3. О внесении изменений в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам упорядочения обмена информацией с использованием информационно-телекоммуникационных сетей : федер. закон № 97-ФЗ от 05.05. 2014.
4. Привалова И. В. Понимание иноязычного текста / И. В. Привалова. – Саратов : Изд-во Поволжского межрегионального учебного центра, 2001. – 175 с.
5. Привалова, И. В. Электронная коммуникация молодежи / И. В. Привалова, Н. В. Купцова. – Саратов : Изд-во Саратов. гос. мед. ун-та, 2016. – 136 с.
6. Федеральный закон № 2124-1 от 27.12.1991.
7. Bass, A. Z. Redefining the gatekeeper concept: A U.N. radio case study / A. Z. Bass // Journalism Quarterly. – 1969. – № 46. – P. 59–72.
8. Bennett, W. L. Gatekeeping and press-government relations: A multi-gated model of news construction / W. L. Bennett // Handbook of political communication research / ed. L. L. Kaid. – Mahwah : Erlbaum. – 2004. – 278 p.
9. Entman, R. M. Framing: Toward clarification of a fractured paradigm / R. M. Entman // Journal of Communication. – 1993. – Vol. 43, № 4. – P. 51–58.
10. Goffman, E. Frame analysis: an essay on the organization of experience / E. Goffman. – New York : Harper and Row, 1974. – 306 p.
11. Lewin, K. Frontiers in group dynamics II: Channels of group life; social planning and action research / K. Lewin // Human Relations. – 1947. – № 1. – P. 143–153.
12. White, D. M. The “gate-keeper”: A case study in the selection of news / D. M. White // Journalism Quarterly. – 1950. – № 27. – P. 383–390.
13. The Economist. – URL: <https://www.economist.com>
14. The Daily Mail. – URL: <http://www.dailymail.co.uk/>

Направление 8

ЯЗЫК И ПРАВО В КОНТЕКСТЕ ЯЗЫКОВОЙ ПОЛИТИКИ

СИМУЛЯКРЫ И СИМУЛЯЦИЯ СТРАТЕГИЧЕСКОГО УПРАВЛЕНИЯ: НАШ ОТВЕТ Ж. БОДРИЙЯРУ

И. В. Горелова

Волгоград, Россия

SIMULACRA AND SIMULATION STRATEGIC MANAGEMENT: OUR RESPONSE TO JEAN BAUDRILLARD

I. V. Gorelova

Volgograd, Russia

Аннотация. Доказывается основная идея философа Ж. Бодрийяра о том, что контекст формирует восприятие реальности и, как следствие, саму реальность. В системе управления это подтверждается ориентацией на ментальную модель дизайнера и властный дискурс. Документы стратегического планирования через призму *SEO*-анализа показали нивелирование фрейма результата как главной идеи указанных текстов.

Ключевые слова: стратегия, регион, фрейм результата, симулякр, *SEO*-анализ.

Abstract. The article proves the basic idea of the philosopher J. Baudrillard that context forms perception of reality and reality itself. In the control system, this is confirmed by the orientation to the mental model of the designer and the imperious discourse. Strategic planning documents through the prism of *SEO* analysis showed the leveling of the result frame as the main idea of these texts.

Key words: strategy, region, frame result, a simulacrum, *SEO*-analysis.

Прибегать к диссимуляции – это значит делать вид, что ты не имеешь того, что у тебя есть. Симулировать – это значит делать вид, что у тебя есть то, чего ты не имеешь. Одно отсылает к наличию, другое – к отсутствию.

Ж. Бодрийяр

В своем монументальном труде «Метафоры, которыми мы живем» Дж. Лакофф и М. Джонсон [Лакофф : 2004] обозначили перспективу исследований любой сферы жизнедеятельности, которую можно выразить сентенцией «Человек есть то, что он говорит». Рациональной организацией пространства и времени в масштабах региона помогают разработанные стратегии. Стратегия – это сформулированная и обусловленная макроэкономическими социально – экономическими индикаторами цель развития территории. Наличие стратегии означает переход проактивному развитию, в основе которого лежит создание образа будущего. В концепции нейролингвистического программирования стратегия будет трактоваться как фрейм – понимаемая носителем картина мира, которая обуславливает собой поведенческий механизм. С точки зрения достижимости целей таких фреймов выделяют два: фрейм результата и фрейм проблем [Дилтс 2016: 13]. Задача управленца состоит в формулировании, идентификации и использовании (либо преобразовании) релевантного для управленческих целей типа фрейма. В стратегиях, в том числе территориальных, приоритет должен отдаваться фреймам результата. Однако в текстах указанных документов встречаются так называемые номинализации, имеющие и в психологии, и в лингвистики схожие толкования. Это слова, смысл которых субъективен и трактуется по-разному. Слова, в которых нивелирован смысл, практически симулякры, в результате чего стратегия сама становится симулякром [Бодрийяр 2013: 17]. Номинализации выступают как побочный эффект управления. Лингвистические проблемы, сопровождающие процесс стратегического управления, доказывают несерьезность намерений по всему спектру государственного и муниципального управления [Горелова 2016: 86-87]. Некорректное использование/толкование терминов порождает риск экстраполирования проблем на сопряженные сферы жизнедеятельности.

Анализ стратегий часто встречается в научно – публицистической литературе. Но, как правило, дальше статистических изысков (а к ним склонны те, кто имеет доступ к актуальным базам данных, сопутствующим стратегическому планированию и управлению) дело не идет. Так, оценивая сформулированную в Центре стратегических разработок «Стратегию 2020», [Анализ факторов 2016] эксперты из числа разработчиков сами себя похвалили, объяснили неудачи в имплементации ряда направлений стратегий, придали значимость проводимой работе. Как правило, оценка документов стратегического планирования развития территорий (заметим, оценки имплементации стратегий не найти, так как воплощать нечего) в ситуации отсутствия алгоритма составления таких документов усердно сдобрена научной риторикой [Ильина 2015].

Автор, много лет работая над проблемой эффективности формулирования и имплементации стратегий любого уровня, выделяет две проблемы процесса стратегирования:

1. Обоснование причин – следствий формулирования некачественных стратегий;
2. Разработка методики анализа текстов документов стратегий на предмет их работоспособности.

Ответ на первый вопрос кроется в национальных особенностях управления, в наблюдаемом дисбалансе субъектно – объектной связи в управлении [Демьяненко 2016]. Чтобы было понятно, о чем идет речь, воспользуемся типами ментальных моделей, описанных Д. А. Норманом. Автор выделяет модель дизайнера (его понимание результата) и модель пользователя [Норман 2006: 58]. Если дизайнер (дизайнер – человек, принимающий решение, то же что и менеджер), принимая решение, ориентируется на ментальную модель пользователя (объекта управления), скорее всего решение будет более эффективным. Оценка текстов стратегий территориального развития помогает проанализировать субъект управления, составить его социологический портрет в «естественных» условиях (например, как иначе можно оценить личное послание народу в тексте официальной стратегии Главы Архангельской области или стихи о городе в стратегии Севастополя).

Предлагаем оценить метафоры и номинализации, содержащиеся в ряде целевых установок стратегий, призванных стать триггером к формированию у жителей территории «стратегического мышления», на предмет их соответствия фрейму результата: «достойное человека качество жизни», «комфортная среда проживания», «высокие темпы устойчивого развития экономики», «оптимальное использование уникальных ресурсов», «реализация политики», «реализация приоритетов», «пространство развития человека», «открытая и эффективная власть», «эффективное использование человеческого и инновационно-инвестиционного потенциала», «приращение человеческого потенциала», «гармоничное сочетание интересов личности, общества и государства», «опережающий экономический рост за счет развития базового сектора», «высокие стандарты благосостояния человека и качества жизни», «формирование научно обоснованной политики», «сегмент постиндустриальной экономики», «устойчивое развитие» «экологизация всех сфер жизнедеятельности», «зодчий мира», «магнит технологий», «пространство гармоничного развития», «глобальный конкурентоспособный устойчивый регион», «драйвер полюса роста» [Горелова 2017: 46].

Найти актуальные тексты стратегий по ряду субъектов – неразрешимая задача. Созданный портал взаимодействия бизнеса, общества и власти РФ (<https://strategyrf.ru>) кроме красивого интерфейса малоинформативен, не все тексты, представленные на сайте, актуализированы, что лишний раз доказывает ненужность данного инструмента управления.

Что касается решения второй поставленной задачи. За основу методики анализа текстов стратегий автор предлагает взять SEO-анализ текстов (Search Engine Optimization – «оптимизация для поисковых машин»). Использование данной методики позволяет оценить качество сайта по ряду параметров, помогает его дальнейшему продвижению. По сути, SEO-анализ является основой аудита сайтов и текстов, так как решает главную задачу: оценивает уникальность сайта (текста) в мире современных информационных технологий. Параметры оценки и их характеристики применительно к стратегиям территориального развития приведены в таблице 1.

Таблица 1 Параметры оценки текстов стратегий с использованием SEO-анализа

Параметр	Содержание
Длина с пробелами (символов)	Определяется объем текста по аналогии с тем, как в научных трудах определяются количество печатных листов. В ситуации отсутствия унифицированных алгоритмов формулирования стратегий, разработчики склонны «брать количеством».
Длина без пробелов (символов)	
Всего слов	Решает ту же задачу, что и предыдущий параметр, только в приемлемых для языка единицах измерения. В нынешней ситуации вне зависимости от размера субъекта Федерации объем текстов стратегий варьируется от нескольких десятков до нескольких сотен страниц.
Водность (%)	Показывает долю слов текста, не несущих информационной нагрузки. Для достижения стратегических целей важный показатель: в последнее время часто говорят о клиповости современного мышления, забывая о лозунговости и зашлакованности последнего. Недостатками для его валидной оценки являются (1) отсутствие словаря стратегий, который позволил бы избегать завышения данного критерия; (2) отсутствие унифицированного подхода к оценке параметра существующими сервисами. В используемом в работе сервисе норма составляет 30 – 60%.

Плотность	Определяет частоту использования какого-либо слова в текстовом документе. Решает проблему определения ключевых слов в документе. Помогает в анализе стратегий определить ее информативность, а также идентифицировать номинализации, нивелирующие стилистическую и мотивационную составляющие стратегий. Недостатками являются (1) отсутствие словаря стратегий, который позволил бы избежать завышения данного критерия; (2) отсутствие унифицированного подхода к оценке параметра имеющимися сервисами. В зависимости от выбираемого типа плотности, (выделяют классическую и академическую) показатель колеблется от 2 до 9 пунктов соответственно.
Топ10 слов	Перечень из 10 слов, встречающихся в тексте чаще всего. Ряд сервисов предлагает перечни из большого количества слов. В системе анализа стратегий данный параметр позволит сформулировать не только релевантные целям стратегирования словари, но также определит словари по разделам стратегий. Помогает решить задачу формулирования фрейма результата.
Словарь (слов)	Количество, используемых в тексте слов. На данном этапе исследований позволит оценить «управленческий сленг» и степень работоспособности стратегии, исходя из ее «словарного запаса».
Словарь ядра (слов)	Похож на предыдущий показатель, отличие состоит в подсчете количества слов без стоп – слов, или шумовых слов
Тематика	Так как методика заимствуется из сферы анализа сайтов, которые призваны, прежде всего, идентифицировать требуемую сферу поиска, данный параметр может показать в деле исследования стратегий, к какой тематике может быть отнесен текст стратегии, исходя из его наполнения, то есть оценить реальную сферу приложения текстов стратегий.

В таблице 2 показан результат анализа текстов стратегий по методике SEO – анализа на примере в стратегий регионов, входящих в ЮФО.

Таблица 2 SEO – анализ текстов стратегий регионов, входящих в ЮФО

Параметр	Ростовская область	Республика Калмыкия	Республика Адыгея	Астраханская область	Волгоградская область	Город Севастополь	Республика Крым
Длина с пробелами (символов)	685798	175074	182729	352778	322767	133388	737603
Длина без пробелов (символов)	604317	154638	160270	310773	285012	116079	651951 с
Всего слов	75092	18263	19904	39195	35291	13909	77037
Водность (%)	28	23	27	28	27	31	23
Плотность	58.54	26.45	30.28	41.31	38.06	27.45	62.14
Топ10 слов	область, ростовский, год, развитие, процент, производство, уровень, население, система, территория	республика, Калмыкия, развитие, год, район, строительство, образование, бюджет, муниципальный, территория	республика, год, Адыгея, развитие, население, уровень, социальный, рост, доля, рубль	область, развитие, астраханский, год, инвестиционный, регион, проект, рынок, реализация, создание	область, развитие, волгоградский, год, производство, процент, население, рост, предприятие, объем	Севастополь, город, год, население, процент, тыс, развитие, показатель, государственный, система	Крым, республика, развитие, год, комплекс, производство, создание, строительство, население, система
Словарь (слов)	5836	2345	2670	4085	3750	2677	6365
Словарь ядра	5472	2127	2392	3722 слов	3418	2365	5971
Тематика	администрации, города и регионы, транспорт	администрации, города и регионы, образование	администрации, женский клуб, транспорт	администрации, города и регионы, компании	администрации, промышленность, города и регионы	города и регионы, погода, администрации	администрации, промышленность, города и регионы

Какие выводы позволяет сделать представленный анализ. Словарь стратегий растет прямо пропорционально количеству слов в документе. Разнообразием, судя по показателю топ 10, не отличается. Возможно, это положительный момент и оригинальность в официальном документе не должна приветствоваться. Водность как показатель используемого ресурса находится в норме. Зато показатель плотности текста впечатляет: при норме для анализа сайтов до 9 пунктов, в стратегиях данный показатель говорит о чрезмерном повторе самых употребляемых слов и словосочетаний. Показатель также растет с увеличением объема самого текста. Однако стоит отметить, что показатель плотности в связи с показателем топ 10 слов говорит о превалировании в тексте номинализаций. Автор при помощи используемого сервиса определил топ 10 слов стратегий Южного федерального округа: год, развитие, население, область, республика, производство, инвестиционный, рост, строительство, реализация. По правилам определения номинализаций, можно сделать вывод, что показатель плотности растет за их счет. Что касается тематики текстов, она соответствует предназначению анализируемых документов. Исключения типа «женский клуб» в тексте стратегии Республики Адыгеи, а также «погода» в стратегии Севастополя показывает особенности автоматической интерпретации информации.

Использование методик SEO – анализа применительно к стратегиям позволит сформулировать словарь стратегий, словарь номинализаций, фреймы результата, алгоритм написания стратегий, закрепить в текстах стратегий мотивационную составляющую, избавить имеющиеся тексты стратегий от так называемых шумовых слов, обосновать критерии оценки текстов стратегий, оценить имеющиеся стратегии, профессионалов, работающих в этой сфере. В современном мире, когда конкурентное преимущество кроется в правильно поданном контексте, стратегии являются инструментом формирования требуемого контекста: «Отныне карта предшествует территории – прецессия симулякров...» [Бодрийяр 2013: 16]. Мир трансформируется в языке. Язык транслирует перспективу бытия, высвечивая очередной онтологический парадокс.

Библиографический список

1. Анализ факторов реализации документов стратегического планирования верхнего уровня. Аналитический доклад П/р М. Э. Дмитриева. – СПб. : ЦСР, 2016. – 205 с.
2. Бодрийяр, Ж. Симулякры и симуляция / Ж. Бодрийяр. – Тула : Тульский полиграфист, 2013. – 204 с.
3. Горелова, И. В. Институциональные ловушки в системе государственного стратегического планирования / И. В. Горелова // Анализ, моделирование, управление, развитие социально-экономических систем : сб. науч. тр. X Междунар. шк.-симп. АМУР-2016. – Симферополь : Изд-во Крым. федер. ун-та им. В. И. Вернадского, 2016. – С. 84–87.
4. Горелова, И. В. Симулякры и кванторы общности как неотъемлемый элемент «русской модели управления» / И. В. Горелова // Ползуновский альманах. – 2017. – № 3, Т. 2. – С. 45–48.
5. Демьяненко, В. Особенности управления изменениями в России / В. Демьяненко. – М. : Издательские решения, 2016. – 138 с.
6. Дилтс, Р. Фокусы языка. Изменение убеждений с помощью НЛП / Р. Дилтс. – СПб. : Питер, 2016. – 256 с.
7. Ильина, И. Н. Будущее регионов России: аналитический обзор документов стратегического планирования субъектов РФ / И. Н. Ильина. – М. : НИУ ВШЭ, 2015. – 48 с.
8. Лакофф, Дж. Метафоры, которыми мы живем / Дж. Лакофф, М. М. Джонсон. – М. : Едиториал УРСС, 2004. – 256 с.
9. Норман, Д. Дизайн привычных вещей / Д. Норман. – М. : Вильямс, 2006. – 384 с.

ЯЗЫК И ПРАВО: НАУЧНО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПРАВОВОЙ ПОЛИТИКИ ПОДДЕРЖКИ И РАЗВИТИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА ПРИ ЕГО ИСПОЛЬЗОВАНИИ В ФУНКЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОГО ЯЗЫКА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

М. А. Капустина

Санкт-Петербург, Россия

LANGUAGE AND LAW: SCIENTIFIC AND METHODOLOGICAL PROVISION OF LEGAL POLICY OF SUPPORT AND DEVELOPMENT OF THE RUSSIAN LANGUAGE IN ITS USE AS A STATE LANGUAGE OF THE RUSSIAN FEDERATION

M. A. Kapustina

Saint-Petersburg, Russia

Аннотация. Русский язык при его использовании в функции государственного становится языком правового общения в пространстве Российской Федерации, обеспечивая правовую определенность и социальную интеграцию. Правовая политика поддержки русского языка, с научно-методологической точки зрения, обусловлена особенностями российской правовой культуры и должна соответствовать требованиям юридической техники.

Ключевые слова: государственный язык, социальная интеграция, юридическая техника, принцип правовой определенности, правовая политика, язык законодательства, лингво-правовое пространство.

Abstract. Russian language when it is used as the state language becomes the language of legal communication in the space of the Russian Federation, providing legal certainty and social integration. Legal policy of supporting the Russian language, from a scientific and methodological point of view, is conditioned by the peculiarities of the Russian legal culture and must comply with the requirements of legal technique.

Key words: state language, social integration, legal technique, principle of legal certainty, legal policy, language of legislation, linguistic and legal space.

Обсуждение темы «Язык. Право. Общество» предполагает актуализацию проблемы государственного языка – языка правового общения в национальном пространстве. Если рассматривать общество как систему, то право, наряду с другими сферами жизнедеятельности общества (экономической, политической, духовной и т.д.), выступает подсистемой общества. При всей дискуссионности вопросов о понятии самого общества, его культуры, общественного сознания и проблем соотношения права и общества, правовой культуры и культуры вообще, правосознания и общественного сознания нельзя не признать, что право лишь относительно самостоятельное социальное явление, а правовая культура является частью культуры общества в целом. Поэтому государственный язык как язык правового общения, требования к русскому языку при его использовании в функции государственного языка детерминированы национальным социокультурным контекстом.

Правовая политика поддержки русского языка при его использовании в функции государственного языка предполагает научно-методологическое обоснование правовых принципов регулирования отношений в сфере использования государственного языка, выработку правовых требований к языку юридических актов. С методологической точки зрения, принципы регулирования отношений в сфере использования государственного языка должны соответствовать обоснованным в современной юридической науке принципам правового регулирования в целом и, в первую очередь, принципу правовой определенности. Это означает, что содержание юридических предписаний нормативного и индивидуального характера должно быть формально-юридически изложено в правовых актах на русском языке, используемом в функции государственного языка. В частности, в правовых нормах на государственном языке должны быть ясно и четко определены обстоятельства, факты, которые имеют юридическое значение, влекут за собой юридические последствия. Нарушение требований правовой определенности может само по себе препятствовать реализации права, правоприменению. Так, на основе анализа и обобщения выявленных в результате проведенного в 2015 году экспертами Санкт-Петербургского государственного университета мониторинга нормативных правовых актов субъектов Северо-Западного федерального округа Российской Федерации языковых

ситуаций, содержащих языковые ошибки, конструкции, затрудняющие восприятие смысла (сложные грамматические фразы), формально ошибочные логические структуры, речевые конструкции, создающие неоднозначность понимания нормативного текста, в том числе, содержащие коррупциогенную составляющую, было выявлено более десяти тысяч положений нормативных актов, содержащих основания для признания их недействующими из-за нарушения требований законодательства к языку.

Проблемы, связанные с нарушением единства лингво-правового пространства Российской Федерации, дефектами и коллизиями, нарушающими правовую определенность юридических предписаний возможно выявить посредством мониторинговых и социологических исследований. Поэтому сегодня анализ соблюдения правил русского языка в нормативных и правоприменительных актах, выявление в них языковых ошибок, которые препятствуют эффективной реализации и применению правовых норм в связи с неопределенностью их нормативного содержания, в том числе, коррупциогенностью – возможностью необоснованно широкого усмотрения правоприменителя [Федеральный закон № 172-ФЗ от 17.07.2009; Постановление Правительства РФ № 96 от 26.02.2010], является одной из актуальных целей правового мониторинга.

Принцип правовой определенности политики поддержки русского языка при его использовании в функции государственного языка Российской Федерации означает, что акты, содержащие юридические предписания, должны быть написаны в соответствии с правилами государственного языка, а также правилами юридической техники издания правовых актов. Действующие законы, указы, постановления и иные нормативные правовые акты являются правовыми именно потому, что выражают в своих статьях и пунктах правовые нормы. Само по себе наличие в тексте нормативного акта слов «вправе», «обязан» и т.п. еще не означает, что данный акт является правовым по своему содержанию и формально-определенным по изложению (написанию) юридического содержания. Об этом размышлял еще Р. Иеринг, указывая на то, что задача юриспруденции – перевести понятие с языка философа права на язык законодателя и судьи, например, философско-правовую идею совершеннолетия, заключающуюся в зрелости умственного развития и в зрелости характера, которую невозможно применить на практике, заменить числом, т.е. возрастом дееспособного физического лица. В данном примере «потеря в правильности и корректности мысли уравнивается практической применимостью ее» [Иеринг 1905 : 26].

Реализация принципа правовой определенности способствует адекватному выражению правовых правил в законодательных предписаниях, обеспечивает надлежащую конкретизацию в юридических актах конструкций, обоснованных в правовой теории, в частности, формально-определенное закрепление в законе составов правонарушений, процессуальных правил привлечения к юридической ответственности, элементов правосубъектности сторон охранительного отношения и т.д. Нормы закона должны устанавливать четкие и ясные юридические границы поведения субъектов, которые должны реализовываться в конкретной жизненной ситуации в соответствии с правовыми принципами свободы, равенства и справедливости.

Следуя правилам техники законотворчества, законодатель в ряде случаев в самом тексте нормативного акта использует понятия, термины и определения, предполагающие их юридическую интерпретацию в соответствии с правовыми принципами в данных социо-культурных условиях. Например, в ст.205 Гражданского кодекса РФ «Восстановление срока исковой давности» указывается, что «в исключительных случаях, когда суд признает уважительной причину пропуска срока исковой давности по обстоятельствам, связанным с личностью истца (тяжелая болезнь, беспомощное состояние, неграмотность и т.п.), нарушенное право гражданина подлежит защите» [Гражданский кодекс РФ]. Законодатель, допуская восстановление судом срока исковой давности, требует, чтобы причиной такому судебному решению послужили обстоятельства, заслуживающие внимания. Однако одно и то же обстоятельство, например, болезнь истца, может быть при рассмотрении одного гражданского дела признано судом в качестве уважительной причины для восстановления срока исковой давности, а при рассмотрении другого гражданского дела суд может установить, что болезнь истца не являлась препятствием для своевременного обращения в суд за защитой своих нарушенных прав. При этом руководствоваться суд обязан принципами правового равенства сторон перед законом и судом, справедливости и иными правовыми принципами.

Несомненно, степень формальной определенности норм писаного и неписаного права отличается. Трудно сформулировать общие требования к тексту обычно-правовых норм, так как они реализуются в фактических отношениях между субъектами, независимо от их признания государством. В.Э. Краснянский отмечал, что «... в обычаях, этой наиболее традиционной системе норм, реальный их смысл, причины и условия возникновения остаются закодированными и, как правило, не осознаются субъектами реализации. ...Норма реализуется в силу привычки» [Краснянский 1999 : 159]. Однако существуют юридические традиции санкционирования обычных норм, например, признание сложившихся обычаев в качестве юридических норм посредством указания на их признаки в законе.

Право регулирует те общественные отношения, в которых возможно ущемление свободы, причинение ущерба одним субъектом другому. Свобода без границ отрицает свободу другого. Внутри мультикультурного общества можно наблюдать, в некотором смысле, разнообразие систем нормативного регулирования. Например, подобная неоднородность, гетерогенность нормативного регулирования обнаруживается в современных европейских государствах, в которых проживают мигранты – носители неевропейской культуры. Аналогичная ситуация складывается и в мегаполисах, в пространстве которых происходит общение представителей разных этнических, языковых, религиозных и иных субкультур. Особое внимание при этом

следует уделить криминальным сообществам, формирующим систему так называемого теневого «права», вплоть до теневой «юстиции». В результате, в территориальном пространстве государства как будто «существуют» официальное право (законодательство) и неофициальное «право», крайняя форма которого – теневое «право». Правовой плюрализм? Нет. Никакого теневого или тем более криминального «права» быть не может в принципе. Предписания, ритуалы, жаргон – всё, что составляет корпус правил участников преступных группировок – не должно рассматриваться в качестве правовых нормы. Это теневое «право» – не право, поскольку направлено на сохранение преступной субкультуры, воспроизведение и трансляцию преступной культурной идентичности. Общество в целом рассматривается участниками преступной деятельности как среда, противостоящая теневому порядку. Нормы теневого «права» подрывают социальную интеграцию, целостность общества, препятствуют правовому общению субъектов. Поэтому нельзя допускать включение жаргона, правил, опосредующих отношения участников преступной деятельности, в понятие «современный лексикон», сложившийся в так называемом социальном праве.

В российском правоведении всегда указывалось на то, что правовое регулирование не исчерпывается лишь формально-юридическим аспектом реализации правовых предписаний, сформулированных в законодательстве. Например, Л.И.Петражицкий указывал, что критерии «выбора» законодателем права, которое необходимо позитивировать и защищать государством, следует определять при помощи политики права [Петражицкий 1908, 1 : 7]. Политика права, по его мнению, должна дополнить правовую догматику и направить к общему благу (общественному идеалу) деятельность законодателя по систематизации положительного права «для потребностей практики» [Петражицкий 1908, 1 : 7]. Аналогично рассматривали правовую политику И.Кант, Г.Ф. Шершеневич, Г.Кельзен, считая, что посредством правовой политики возможно обеспечить правовой характер законодательства, его разумность и совершенствование [Варламова 2006, 292 : 296].

Принципы правовой политики поддержки русского языка во многом обусловлены особенностями российской правовой культуры, историческими, культурно-цивилизационными особенностями России. Большое влияние на русский язык при его использовании в функции государственного языка сегодня оказывают федеративное устройство российского государства, включенность Российской Федерации в процессы глобализации, участие России в новых формах межгосударственных объединений, в частности, в Содружестве Независимых Государств, в Евразийском экономическом сотрудничестве.

Важным, с точки зрения, научно-методологического обоснования правовой политики поддержки русского языка является понятие «государственный язык». В юриспруденции термин «государство» используется в широком («страна» [Теория государства 1997 : 117], «национальное государство») и в узком («государственный аппарат», «публичная власть») смыслах. [Общая теория 1998, 87 : 88] В Новое время широкое распространение получила теория договорного образования государства (теория общественного договора), актуальная и в наши дни, так как она соответствует идее правового государства. В рамках этой теории государство рассматривается как «союз свободных людей», [Гроций 1956 : 74] как результат договора между людьми, «заключенного ради соблюдения права и общей пользы» [Гроций 1956 : 74]. Идея общественного договора в современных условиях воплощена в конституциях, особенно принятых в порядке референдума, например, в Конституции РФ 1993 г. Сегодня, говоря о национальных государствах, надо отдавать себе отчет в том, что сам термин «национальное» применительно к конкретному государству в определенном смысле условен. История человечества – история войн, миграций, переселений. Национальные государства возникали зачастую с целью организации общего экономического и политического пространства жизни людей, населяющих определенную территорию – географическое, а не этническое пространство.

Целостность современной Российской Федерации как национального государства определяется прежде всего общностью территории проживания людей, устойчивостью экономических, политических, культурных связей между ними, т.е. историко-социокультурной идентичностью людей, объединяемых российским государством [Мамут 2004 : 4]. И если следовать традиции понимания государства как «публично-властным образом интегрированного, организованного и управляемого социально стратифицированного общества» [Мамут 2004 : 4], то использование русского языка в функции государственного языка вовсе не означает формирование некоего языка аппарата государства, вырванного из социо-культурного пространства Российской Федерации, отчужденного от процессов, происходящих в российском обществе-государстве.

Современная интеграция общества в пространстве национального государства происходит во многом путем юридического нормирования социального общения, абстрагирования от индивидуальных различий людей, в том числе, этнических, и признания каждого свободным и обладающим правами и обязанностями по отношению к другим, формально-юридически равным ему субъектам. С этой точки зрения, право можно рассматривать в качестве способа и формы интеграции общества-государства, но не на основе унификации интересов отдельных субъектов, как это происходит в тоталитарном неправовом государстве, а на основе обеспечения правового равенства при разнообразии интересов. Интегративные свойства права универсальны. Правовая интеграция общества – это сложная проблема национального единства в разнообразии. Таким образом, культурная ценность языка и права, в конечном счёте, обусловлена потребностью индивида в таком общении и взаимодействии с другими, в котором может участвовать каждый вне зависимости от этнических, религиозных, половых и других различий между людьми. А правовая политика поддержки нацио-

нального языка как раз и должна быть направлена на обеспечение такого общения в едином пространстве государства. В Российской Федерации функцию государственного языка выполняет русский язык [Федеральный закон № 53-ФЗ от 01.06.2005].

Право включено в систему социального регулирования и упорядочивает отношения в обществе, взаимодействуя с другими видами социальных норм и принципов. При этом право, признавая всех в одинаковой степени свободными, формально равными друг другу, тем самым не заставляет и не запрещает придерживаться определенных моральных или религиозных убеждений, чтить этнические традиции и говорить на этнически родном языке. Наоборот, право обеспечивает возможность каждому самостоятельно и свободно принимать решение о том, во что верить, каких моральных убеждений придерживаться, с какой национальностью себя идентифицировать, на каких языках говорить. Одновременно, именно право обязывает уважать свободный выбор другого, его моральные и религиозные принципы, не допуская причинения вреда или угрозы личной свободе. Таким образом, право способствует социальной интеграции, стимулирует ее даже тогда, когда не является главным регулятором отношений между людьми, например, в религиозных культурах, где взаимоотношения подчиняются в первую очередь религиозным заповедям.

Правовая политика поддержки и развития русского языка при его использовании в функции государственного языка с теоретико-методологической точки зрения должна обеспечивать достижение, прежде всего, двух целей. Во-первых, правовая политика поддержки и развития русского языка должна способствовать социальной интеграции в едином пространстве Российской Федерации на основе использования русского языка в функции государственного языка. Во-вторых, правовая политика поддержки русского языка при его использовании в функции государственного языка должна быть направлена на обеспечение правовой определенности в регулировании общественных отношений.

Библиографический список

1. Варламова, Н. В. Философия права и юридическая догматика (проблема внутренней непротиворечивости правовой теории) / Н. В. Варламова // Юриспруденция XXI века: горизонты развития: Очерки / под ред. Р. А. Ромашова, Н. С. Нижник. – СПб. : Санкт-Петербургский ун-т МВД России, 2006. – С. 269–300.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) № 51-ФЗ от 30.11.1994 // Собрание законодательства РФ. – 1994. – № 32. – Ст. 3301.
3. Гроций, Г. О праве войны и мира. Три книги, в которых объясняются естественное право и право народов, а также принципы публичного права / Г. Гроций ; под общ. ред. С. Б. Крылова ; пер. с лат. А. Л. Сакетти. – М. : Юридическая литература, 1956. – 867 с.
4. Иеринг, Р. Юридическая техника / Р. Иеринг ; пер. с нем. Ф. С. Шендорфа. – СПб. : Типо-Литография А. Г. Розена (А. Е. Ландау), 1905. – 106 с.
5. Краснянский, В. Э. Норма права / В. Э. Краснянский // Проблемы теории права и государства : курс лекций / под общ. ред. В. П. Сальникова. – СПб. : Санкт-Петербургский ун-т МВД России, 1999. – 365 с.
6. Мамут, Л. С. Государство в контексте глобализации / Л. С. Мамут // Право и политика. – 2004. – № 1. – С. 4–13.
7. О государственном языке Российской Федерации : федер. закон № 53-ФЗ от 01.06.2005 // Собрание законодательства РФ. – 06.06.2005. – № 23. – Ст. 2199.
8. Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов : федер. закон № 172-ФЗ от 17.07.2009 // Собрание законодательства РФ. – 20.07.2009. – № 29. – Ст. 3609.
9. Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов : Постановление Правительства РФ № 96 от 26.02.2010 // Собрание законодательства РФ. – 08.03.2010. – № 10. – Ст. 1084.
10. Общая теория государства и права: Академический курс : в 3 т. / отв. ред. М. Н. Марченко. – М. : Наука, 2002. – Т. 1. – 528 с.
11. Петражицкий, Л. И. Введение в изучение права и нравственности. Основы эмоциональной психики / Л. И. Петражицкий. – СПб. : Типография Ю. Н. Эрлих, 1908. – 690 с.
12. Теория государства и права : учеб. для юрид. вузов и факультетов / под ред. В. М. Корельского, В. Д. Перевалова. – М. : ИНФРА-М – НОРМА, 1997. – 570 с.

ЯЗЫКОВЫЕ ПРАВА И ИЗБИРАТЕЛЬНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО: ПРОБЛЕМА ДВУЯЗЫЧНЫХ БЮЛЛЕТЕНЕЙ²⁵

Б. В. Николаев

Пенза, Россия

LANGUAGE RIGHTS AND ELECTION LEGISLATION: THE PROBLEM OF BILINGUAL BALLOT PAPERS

B. V. Nikolaev

Penza, Russia

Аннотация. Рассматриваются вопросы языковой политики в современных США, состояние федерального законодательства и законодательства штатов, в частности обеспечение гарантий прав языковых меньшинств в сфере избирательного права

Ключевые слова: язык, избирательное право США, избирательный бюллетень, дискриминация, конституционный принцип равноправия.

Abstract. The article discusses the issues of language policy in the modern United States of America, as well as federal legislation and state legislation in terms of safeguarding the electoral rights of language minorities.

Key words: language, US election law, ballot paper, discrimination, constitutional principle of equality.

Проблемы языковой политики, обеспечение правовых гарантий языкового равноправия и ликвидации дискриминации в отношении языковых меньшинств представляют научную значимость и актуальность как для нашей страны, так и для мирового сообщества в целом. Обострение ситуации в отношении языковых меньшинств в ряде европейских стран, в том числе в Латвии, Украине и др. обуславливает необходимость изучения зарубежного опыта политического и правового регулирования вопросов языковой политики, в особенности в такой чувствительной для современного демократического правового государства сфере, как выборы. Опыт США представляется значимым как с точки зрения реального влияния, которое данная страна оказывает на языковую политику в мировом масштабе, так и с точки зрения языкового многообразия США и сложного исторического пути языкового взаимодействия в Северной Америке.

Действительно, в Соединенных Штатах функционирует 337 языков, при том, что английский язык сохраняет доминирующее положение, хотя и не приобрел статуса общенационального официального языка. Английский язык остается основным для 82% населения, а 96% американцев активно используют его в повседневном общении. В то же время, более 13% населения США являются испаноязычными, и стремительный рост латиноамериканского населения только усиливает позиции испанского языка. Растет влияние азиатских языков, представители коренных народов Северной Америки требуют признания и юридического закрепления их языковых прав.

Основными сферами проявления дискриминации по признаку языка в современных США являются избирательное право (в частности, использование исключительно английского языка при подготовке избирательной документации, в том числе бланков избирательных бюллетеней), система образования (недостаточность образовательных ресурсов, учебных материалов, программ и педагогов для эффективного обучения представителей языковых меньшинств), вопросы трудоустройства (требования хорошего знания английского языка и отсутствия акцента при трудоустройстве, отказа от использования родного языка меньшинств на рабочем месте) [Raj 2015: 283-337], система здравоохранения (отсутствие достаточного количества квалифицированного персонала, владеющего миноритарными языками, ведение медицинской документации исключительно на английском языке), уголовно-правовая сфера (недостаток квалифицированных переводчиков, необходимых для эффективного представительства как со стороны обвиняемых, так и со стороны потерпевших, сложности работы многоязычного суда присяжных, особенно в случаях назначения высшей меры наказания [Conley 2016]).

Одной из важнейших сфер противостояния сторонников и противников языкового многообразия стало избирательное право и, в частности, институт многоязычных избирательных бюллетеней. Принятие Закона об избирательных правах 1965 г. и последующие изменения обозначили принципиальный поворот федерального законодательства в направлении обеспечения правовых гарантий прав языковых меньшинств.

---

²⁵ Статья подготовлена при поддержке РФФИ: грант «Основные тенденции развития избирательного права и практики его применения на региональном уровне: опыт России и США» (18-411-580003 p_a)).

Первоначально специальные требования Закона об избирательных правах 1965 г. относительно двуязычного голосования предназначались только для жителей Пуэрто-Рико, получивших образование на испанском языке. В 1975 г. языковые гарантии были распространены на американских индейцев, коренных жителей Аляски, а также испаноязычных американцев и американцев азиатского происхождения, которые подвергались в прошлом дискриминации в сфере образования. В тоже время принятие закона вызвало активизацию и сторонников единого официального английского языка, высшим достижением которых на законодательном уровне стало принятие в 1996 г. Палатой Представителей Конгресса Закона о расширении возможностей английского языка, впрочем, не поддержанного Сенатом [Tucker, 2009: XII-XIII].

Несмотря на распространенное мнение о том, что Закон об избирательных правах был направлен, прежде всего, на защиту избирательных прав афроамериканцев Юга, не владевших, в достаточной степени, английским языком ввиду недостаточной образованности, объективно он способствовал защите языковых и политических прав мигрантов латиноамериканского и афро-азиатского происхождения в первую очередь. Собственно действие Закона первоначально было направлено в отношении испаноязычного населения Пуэрто-Рико. Важен также тот факт, что главной целью данного правового акта стало противодействие несправедливому и дискриминационному цензу грамотности, который получил распространение первоначально в 1850-е гг. в связи с массовыми миграционными процессами в законодательстве северо-восточных штатов [Tucker, 2009: 3-4,26].

В современных США в большинстве случаев избирательные материалы переводятся на испанский язык, способствуя, тем самым, защите избирательных прав латиноамериканцев. Как результат, в течение 10 лет (2004-2014 гг.) число испаноязычных граждан, избранных на различные должности возросло на 25%. [Mastropasqua, 2016] В то же время исследования выявляют большое значение и иных факторов, обуславливающих рост представительства испаноязычных жителей США: уровень образования, уровень доходов, языковая, расовая и национальная структура населения соответствующего избирательного округа и др. [Marschall, 2016] Кроме того, существенным ограничением для роста электорального значения латиноамериканцев является низкий уровень явки латиноамериканцев на выборы в сравнении с другими расовыми и национальными группами: в 2016 г. в выборах приняли участие 26% латиноамериканцев, 41 % афроамериканцев и 46% белых американцев, обладающих активным избирательным правом [Krogstad, 2016].

Противники двуязычных бюллетеней и других избирательных материалов как правило приводят следующие аргументы против данного института: изготовление бюллетеней на иностранных языках в стране, где подавляющее число граждан являются носителями английского языка, имеет смысл только в отношении иммигрантов, не являющихся гражданами страны, что противоречит федеральному законодательству; произвольность и чрезмерность языковых требований (многоязычные материалы должны предоставляться в случаях, если 1) более 5 процентов от общего числа избирателей в пределах соответствующей юрисдикции являются представителями защищенного «языкового меньшинства», 2) уровень неграмотности лиц, принадлежащих к языковым меньшинствам, выше, чем общенациональный уровень неграмотности, 3) более 10 000 граждан с правом голоса в пределах юрисдикции являются членами защищенного «языкового меньшинства», что предполагает введение многоязычных материалов даже в тех муниципалитетах, где все население говорит по-английски; данный институт возлагает на штаты и муниципалитеты значительные бюджетные обременения, не обеспеченные федеральным финансированием; множит возможные ошибки и вводит в заблуждение избирателей, особенно при переводе избирательных материалов на такие сложные языки, как китайский и вьетнамский. Тенденция расширения языкового разнообразия грозит перерасти в непрекращающийся процесс усложнения избирательной процедуры и возрастание соответствующих расходов (в графстве Лос-Анджелес штата Калифорния избирательные материалы уже должны быть переведены на испанский, филиппинский, японский, корейский и вьетнамский языки) [Proenglish, 2016].

Следует отметить общую тенденцию роста числа избирательных округов с требованиями иметь в наличии многоязычные избирательные материалы: для выборов 2018 г. были определены более 263 графств, городов и других юрисдикций в 29 штатах, в которых проживают 68,8 млн. или 31,3% избирателей. Явное лидерство принадлежит штатам Техас, Калифорния и Флорида и латиноамериканцам (более чем в 214 юрисдикциях) [Cohn, 2016]. Данная тенденция вступает в противоречие с другими тенденциями, в частности, меньшим использованием испанского языка в городских округах [Krogstad, 2017] и в целом сокращения использования испанского языка во семейном общении в смешанных семьях и во втором и последующих поколениях после иммиграции [Lopes, 2018].

Противоречия, несогласованности и пробельность законодательства в отношении вопросов обеспечения прав языковых меньшинств в избирательном процессе отражает противоречивость, непоследовательность и несистемность в целом языковой политики в США. Даже наличие специальных требований федерального законодательства (в отличие от других сфер), направленных против языковой дискриминации, девальвируются из-за отсутствия четких федеральных финансовых гарантий, чрезвычайного разнообразия законодательства штатов, к прерогативам которых традиционно относится большинство вопросов избирательного права и, особенно процесса; активная, но при этом непоследовательная и, зачастую, политизированная роль судов – все это придает незавершенность и волатильность современной языковой политики в США.

Следует также отметить, что вопрос многоязычных избирательных бюллетеней, а также других предвыборных материалов тесно связан с проблемами законной и незаконной миграции, которые являются

чрезвычайно острыми в современных США. Продолжающаяся политическая поляризация как американского истеблишмента, так общества в целом усугубляет «лоскутный» характер действующего законодательства и правоприменительной практики в этой сфере.

Библиографический список

1. Cohn D'Vera More voters will have access to non-English ballots in the next election cycle. – URL: <http://www.pewresearch.org/fact-tank/2016/12/16/more-voters-will-have-access-to-non-english-ballots-in-the-next-election-cycle/>
2. Crawford, J. Educating English learners: Language diversity in the classroom / J. Crawford // *Bilingual Educational Services*, 2004. – 442 p.
3. Looking Back to 2014: Latino Voter Turnout Rate Falls to Record Low / J. M. Krogstad, M. H. Lopez, G. Lopes, J. S. Passel, E. Patten. – URL: <http://www.pewhispanic.org/2016/01/19/looking-back-to-2014-latino-voter-turnout-rate-falls-to-record-low/>
4. Krogstad, J. M. Use of Spanish declines among Latinos in major U.S. metros / J. M. Krogstad, M. H. Lopez. – URL: <http://www.pewresearch.org/fact-tank/2017/10/31/use-of-spanish-declines-among-latinos-in-major-u-s-metros/>
5. Lopez, M. H. Most Hispanic parents speak Spanish to their children, but this is less the case in later immigrant generations / M. H. Lopez, J. M. Krogstad, A. Flores. – URL: <http://www.pewresearch.org/fact-tank/2018/04/02/most-hispanic-parents-speak-spanish-to-their-children-but-this-is-less-the-case-in-later-immigrant-generations/>
6. Marschall, M. J. Voting rights for whom? Examining the effects of the voting rights act on latino political incorporation / M. J. Marschall, A. Rutherford // *American Journal of Political Science*. – 2016. – Vol. 60. – P. 590–606.
7. Mastropasqua, Kr. Do more U. S. Latinos win political offices if election materials are printed in English and Spanish? / Kr. Mastropasqua. – URL: <https://journalistsresource.org/studies/politics/elections/election-ballot-spanish-bilingual-latino-political>
8. Proenglish. Multilingual-ballots. – URL: <https://proenglish.org/multilingual-ballots/>
9. Raj, Cl. The gap between rights and reality: the intersection of language, disability and educational opportunity / Cl. Raj // *Temple Law Review*. – 2015. – Vol. 87. – P. 283–337.
10. Tucker, J. Th. The battle over bilingual ballots: Language Minorities and Political Access Under the Voting right Act. L. / J. Th. Tucker. – New York : Routledge, 2009. – P. 3–4.

АНГЛИЙСКИЙ И ИСПАНСКИЙ ЯЗЫКИ: ЯЗЫКОВОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ И ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА В США²⁶

Н. А. Павлова

Пенза, Россия

THE ENGLISH AND SPANISH LANGUAGES: LANGUAGE INTERACTION AND THE STATE LANGUAGE POLICY IN THE USA

N. A. Pavlova

Penza, Russia

Аннотация. Рассматриваются вопросы взаимодействия английского и испанского языков в современных США, прежде всего в сфере образования, а также правовые, лингвистические и социальные аспекты такого взаимодействия. Рассматриваются основные тенденции развития государственной политики в этой сфере, формулируется тезис о противоречивости и отсутствии системности языковой политики США как с точки зрения правовых основ, так и с точки зрения практики ее реализации в отношении испаноязычного меньшинства.

Ключевые слова: языковая политика, высшее образование, латиноамериканцы, английский язык, законодательство США, языковая дискриминация.

Abstract. The article examines the interaction of the English and Spanish languages in the modern USA, especially in education, as well as in legal, linguistic and social aspects. The main trends of the state language policy are considered. The thesis of the inconsistency and the lack of systematicity in the practice of its implementation with respect to the Hispanic minority is formulated.

Key words: language policy, English, US law, linguistic discrimination

Вопросы взаимодействия языков, осуществления эффективной языковой политики, основанной на обеспечении лингвистического единства нации при обеспечении гарантий языковых прав меньшинств, являются чрезвычайно актуальными как для нашей многоязычной и многонациональной страны, так и для международного сообщества в целом. В этой связи представляется актуальным и научно значимым исследовать позитивный и негативный опыт США в сфере обеспечения взаимодействия английского и испанского языков, прежде всего в образовательной сфере.

США является многоязычным государством со сложной языковой ситуацией. Отсутствие юридически закрепленного официального языка при миграционном характере американского общества и государства, значительном количестве языковых меньшинств и все более усложняющейся ситуации в области оценки со стороны политического истеблишмента и общественности в отношении иммиграции, особенно в различных регионах страны – все это делает лингвистическую ситуацию в Соединенных Штатах все менее предсказуемой и, в некоторой степени, социально-политически опасной. Особое значение в этой связи приобретает лингвистическое и социальное взаимодействие английского и испанского языков, особенно на юге и юго-западе страны.

США изначально формировались как многоязычное государство. Данная тенденция усилилась в связи с присоединением ряда территорий: сначала отвоєванных у Мексики южных штатов, а затем Пуэрто-Рико и Филиппин, отнятых у испанской короны. Расширение иммиграционных потоков из Мексики и других стран Латинской Америки стало новым источником пополнения многочисленной испаноязычной диаспоры в США. Отсутствие территориальных приобретений и стабилизация миграционной ситуации не изменили общей тенденции: доля мигрантов и, в частности, испаноязычных жителей в структуре населения США неуклонно возрастает. По данным Бюро официальной статистики США 2016 г. в стране проживало около 55 миллионов испаноязычных жителей, причем около 55 % приходилось на три штата: Калифорния (более 15 миллионов), Техас, Флорида. В четырех штатах испаноязычные жители составляют более 30% населения: Аризона (30,5 %) , Нью-Мексико (38,6 %), Техас (38,6 %), Калифорния (47,8 %). В девяти штатах испаноязычные жители превысили 1 миллион человек: Аризона, Иллинойс, Калифорния, Колорадо, Нью-Джерси, Нью-Йорк, Нью-Мексико, Техас, Флорида.

Противоречивой является ситуация с использованием испанского языка в современном американском обществе. По различным оценкам для 40 млн. американцев (или 13 % населения США) испанский является языком домашнего общения. В то же время общественное мнение в США относится традиционно

---

²⁶ Статья подготовлена при поддержке РФФИ, грант № 16-06-00201-ОГН «Современный опыт модернизации системы высшего образования в США и Великобритании».

благосклонно к сохранению и даже повышению статуса и значения английского языка в общественной и государственной жизни. По данным последних опросов, более 82 процентов населения считает английский родным языком, а 96 процентов заявили о владении английским в достаточной степени (что не отменяет прав нескольких миллионов жителей страны, не имеющих таких навыков); 84 % населения США выступает за придание английскому статусу официального языка (лишь 9 % против), 75 % поддерживают право компаний требовать использования английского языка на рабочем месте (16 % против, при этом лишь 12 % считают такое требование расистским) [American Public Supports 2015].

Определенной противоречивостью характеризуются и вопросы расовой и национальной идентификации испаноязычного населения США. С одной стороны, слово «не гражданин» прочно связано в сознании американцев с азиатами и испаноязычными [Nunez 2014: 1531-1532]. С другой стороны, из более чем 55 млн. американцев испанского происхождения, абсолютное большинство (более 36 млн.) идентифицировали себя как «белые»; как представители некой другой расы – 14,5 млн.; представителями двух и более рас – около 2,5 млн. и т.д. Таким образом, явное меньшинство американцев латинского происхождения и по лингвистическому и по расово-национальному признаку идентифицирует себя в качестве специальной общности в структуре американского общества.

На уровне языкового взаимодействия также отмечается неоднозначная тенденция. Испанский язык прочно занимает второе место в языковой палитре Соединенных Штатов, в том числе официально. На испанском языке (наряду с английским) публикуются Послания о Положении Союза США, ведется правозащитное делопроизводство в ряде министерств и ведомств (в частности, в министерствах образования, труда, юстиции), оформляются избирательные материалы во все большем числе штатов и т.д. Ситуация усугубляется значительной регионализацией проживания испаноязычного населения, более 55 % проживает в трех штатах – Калифорния, Техас и Флорида, а с учетом еще 5 штатов – Аризона, Иллинойс, Колорадо, Нью-Йорк, Нью-Джерси – 75 % [Cooper: 2014, p. 8].

В то же время, испанский язык в США испытывает значительное воздействие со стороны английского. Во-первых, мигранты второго и последующего поколений все более используют английский в качестве языка повседневного общения и рассматривают знание английского языка как важнейшее условие успешной социализации в американском обществе. Во-вторых, формируется особая американизированная версия испанского языка – так называемый Спанглиш (Spanglish), что становится основанием для создания специальной организационной структуры, нацеленной на обеспечение сохранения лингвистического единства и чистоты испанского языка в США – Североамериканской Академии испанского языка в Нью-Йорке (основанной испанским поэтом О. Бетанзосом [Dorn: 2009]).

Проблемы языковой дискриминации и обеспечения языковой интеграции испаноязычного населения в общественную жизнь в Соединенных Штатах тесным образом связаны с системой образования: среднего и высшего. Действительно, дискриминация в сфере избирательного процесса, в трудовых отношениях, в сфере здравоохранения и трудоустройства обусловлена, в первую очередь, недостаточными навыками владения английским языком, что порождает серьезные препятствия в реализации прав и свобод американцев латиноамериканского происхождения. С одной стороны, при проведении прогностических исследований в период до 2026/2027 учебного года испаноязычные американцы демонстрируют в них наивысшие показатели роста в заведениях как на уровне средней школы (17 %, наряду с американцами азиатского происхождения – 18 %, и при более скромных показателях белых (снижение на %) и черных американцев (повышение на один процент)), так и в рамках высшего образования (26 % в сравнении с 20 % для афроамериканцев, 12 % – для американцев азиатского происхождения и лишь один процент для белых студентов) [Hussar: 2018, 8, 27]. Не менее оптимистичны и прогнозы в отношении будущих показателей выпуска так называемых «старших школ» (higher schools) и, соответственно, потенциала абитуриентов вузов к 2026 г.: для испаноязычных граждан прогнозируется рост числа выпускников школ на 30 %, для черных американцев – 19 %, для американцев азиатского происхождения – 18 %, тогда как для белых американцев предполагается весьма существенное снижение численности на 10 процентов. Вследствие таких процессов к 2026 г. число выпускников средней школы, представляющих белое и цветное население Соединенных Штатов сравняется [Hussar: 2018, 17].

В то же время испаноязычные американцы уступают другим расовым и национальным группам по показателю получения степени бакалавра, опережая лишь коренных североамериканцев: для населения в возрасте 25-29 лет процент имеющих степень бакалавра в 2016 г. составлял 66 % для американцев азиатского происхождения, 43 % для белых, 28 % для представителей двух и более рас, 23 % для черных, 20 % для жителей Тихоокеанских островов, 19 % для испаноязычных, 10 % для коренных американцев. Причем, несмотря на увеличение на 10 % за последние десять лет удельного веса испаноязычных жителей с высшим образованием, разрыв в 24 % по сравнению с белым населением сохраняется [Snyder: 2018, 13].

Кроме того, исследуемая группа представлена в системе высшего образования США крайне неравномерно: испаноязычные составляют 24,3 % студенческого контингента двухгодичных колледжей и лишь 13,8 % – более престижных четырехгодичных колледжей [Snyder: 2018, 455-456]. Сходная тенденция отмечается при оценке присуждаемых степеней высшего образования. Так, испаноязычные жители составляют 12 % от общего числа, получающих степень бакалавра, но лишь 9,1 % в отношении степени магистра и 8,4 % докторской степени [Snyder: 2018, 564, 569, 572].

Одной из устойчивых и противоречивых тенденций развития североамериканской высшей школы является увеличение числа и масштабов этнически и расово ориентированных высших учебных заведений: «исторически черных колледжей и университетов», вузов, ориентированных на обучение коренных североамериканцев, американцев азиатского и латиноамериканского происхождения. В рамках Департамента образования США, в частности, действует специальное подразделение – Инициатива Белого Дома по образовательному прогрессу испаноязычных американцев. Первоначально данная структура была учреждена в 1990 г. Дж. Бушем в рамках его «Образовательной стратегии Америка 2000». Большинство таких институтов находится в штатах Калифорния, Техас, Флорида, Нью-Мексико, Аризона и Нью-Йорк, а также в Пуэрто-Рико. В 2014-2015 учебном году такие специально ориентированные вузы представляли 13 процентов от всех институтов высшего образования, в которых обучалось более 62 % испаноязычных студентов. За чуть более двадцать лет число институтов высшего образования, ориентированных на обучение испаноязычных американцев, возросло более чем в два раза (со 189 до 435), а число студентов латиноамериканского происхождения в таких вузах утроилось (с 490 000 до 1,75 млн.). Примерно половина таких вузов предлагает двухлетний курс обучения, другая – это классические четырехлетние колледжи; примерно 70% вузов – публичные институты высшего образования [From Funding: 2016, 4].

Экспертная и общественная оценка подобных заведений неоднозначна. С одной стороны, развитие подобных институтов содействует расширению образовательных возможностей латиноамериканцев в США, позволяет создать более адаптированные к соответствующему контингенту не только образовательные программы, но и образовательную среду. С другой стороны, существование подобных институтов может способствовать консервации этнокультурных различий и стереотипов, усилению расовой и национальной поляризации и изоляции в системе высшего образования в США. В условиях длительного господства в систем высшей школы США порочной доктрины «разделенные, но равные», первостепенной задачей образовательной политики в сфере межрасовых и межнациональных отношений должна стать образовательная интеграция. Не менее противоречивы последствия функционирования данных специализированных институтов и с языковой точки зрения. Такие вузы способствуют, одновременно, и более мягкой адаптации латиноамериканцев с низким уровнем владения английским языком, и сохранению и развитию испанской языковой среды. С другой стороны, как уже отмечалось, большинство латиноамериканцев связывает возможность успешной адаптации к реалиям североамериканского общества с усвоением английского языка и получением высококачественного высшего образования. Большинство ведущих североамериканских вузов ориентируются на расовое и национальное многообразие и, даже в большей степени, на академические достижения учащихся, а преодолению ограничений в пользовании английским языком способствуют и высокое качество предоставляемых образовательных услуг и многоязычная и, одновременно, ориентированная на академический английский язык образовательная среда.

Библиографический список

1. The American Public Supports English First. – URL: <http://englishfirst.org/d/americanpublicsupportsenGLISH>
2. Cooper, M. A. Hispanics in America and in Higher Education by the Numbers / M. A. Cooper. – URL: http://www.ucdenver.edu/academics/colleges/PublicHealth/research/centers/lrpc/Documents/Higher_Education.pdf
3. Dorn, G. M. Spanish language and culture in the United States: past, present and future. An overview / G. M. Dorn. – URL: http://www.iai.spk-berlin.de/fileadmin/salalmdocs/past_present_future.pdf
4. From Funding to Practice: A Status Report on Federal Funding and High Impact Programs Among Hispanic Serving Institutions. Alliance of Hispanic Serving Institution Educators (AHSIE). – URL: <https://www.ahsie.org/wp-content/uploads/2016/12/From-Funding-to-Practice.pdf>
5. Hussar, W. J. Projections of Education Statistics to 2026 (NCES 2018-019) / W. J. Hussar, T. M. Bailey. – Washington, DC : National Center for Education Statistics, 2018.
6. Nunez, D. Carolina War of the Words: Aliens, Immigrants, Citizens, and the Language of Exclusion / D. Nunez // L. Rev. – 2014. – № 6. – P. 1517–1562.
7. Snyder, T. D. Digest of Education Statistics 2016 (NCES 2017-094) / T. D. Snyder, C. de Brey, S. A. Dillow. – Washington, DC : National Center for Education Statistics, Institute of Education Sciences, U.S. Department of Education, 2018.

ЗАЩИТА ПРАВ ИНОСТРАННЫХ ГРАЖДАН В СФЕРЕ МИГРАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ

Ж. В. Хацук

Гродно, Республика Беларусь

PROTECTION OF FOREIGN CITIZENS' RIGHTS I N THE FIELD OF MIGRATION POLICY

Z. V. Khatsuk

Grodno, Republic of Belarus

Аннотация. Анализируется международное законодательство в области защиты прав беженцев. Особое внимание уделяется реализации социально-экономических прав беженцев, связанных с их адаптацией в странах Европейского союза и Республике Беларусь. Автор анализирует новые социальные проекты по оказанию помощи беженцам в Нидерландах, Германии и Греции, а также делает предложения по дополнительным мерам их социальной защиты в Республике Беларусь.

Ключевые слова: предоставление убежища, статус беженца, международная защита, мигранты, социальная защита, директива.

Abstract. The article analyzes international legislation in the field of protection of refugee rights. Particular attention is paid to the realization of social and economic rights of refugees related to their adaptation in the countries of the European Union and the Republic of Belarus. The author analyzes new social projects to help refugees in the Netherlands, Germany and Greece, as well as makes proposals for additional measures of their social protection in the Republic of Belarus.

Key words: granting asylum, refugee status, international protection, migrants, social protection, directive.

Современное определение понятия «беженец» в международном праве содержится в двух основных документах: Конвенции ООН 1951 года «О статусе беженцев» и Протоколе к ней 1967 года, касающемся статуса беженцев. Между указанными актами существуют некоторые расхождения. В частности, Конвенция ООН 1951 года предусматривает временное и географическое ограничение, то есть она применяется в отношении стран, расположенных в Европе, и в отношении тех беженцев, которые стали таковыми в результате событий, происшедших до 1 января 1951 года [Конвенция о статусе беженцев 1951]. Протокол 1967 года устраняет эти ограничения и применяется в отношении государств и в отношении любых событий, как в прошлом, так и в будущем, в результате которых возникла или возникает проблема беженцев.

Согласно Конвенции 1951 года все лица, ищущие убежища, должны иметь доступ к справедливым и эффективным процедурам рассмотрения их заявлений о предоставлении убежища [Конвенция о статусе беженцев 1951]. В любом случае, компетентные государственные органы должны принимать заявления таких лиц для определения возможности рассмотрения их ходатайств о получении статуса беженца по существу, а также оказать необходимое содействие заявителю, включая предоставление переводчика и передачу его дела на рассмотрение. Согласно Заключению Управления Верховного комиссара ООН по делам беженцев № 8 «Определение статуса беженца» (1977 года) в случае непризнания заявителя беженцем ему должен быть предоставлен разумный срок для подачи апелляции с просьбой пересмотреть решение в тот же, либо в другой орган, административный или судебный в соответствии с действующей системой. При этом беженец должен получить разрешение на пребывание в стране на срок рассмотрения его ходатайства, включая время необходимое для рассмотрения его апелляции. Единственным исключением является случай, когда по первоначальному заявлению установлено, что оно «явно представляет собой злоупотребление соответствующим правом».

Для реализации этих положений государство должно законодательно принять и внедрить процедуры справедливого и эффективного рассмотрения заявлений от лиц, обращающихся за защитой, включая меры, обеспечивающие доступ к процедуре, и обозначить компетенцию представителей власти, ответственных за осуществление этих процедур.

В настоящее время правовой институт беженца в Республике Беларусь переживает глубокое реформирование, связанное с закреплением в законодательстве Республики Беларусь правовых механизмов, обеспечивающих реализацию социально-экономических прав беженцев, их натурализацию. Отправной точкой в формировании отечественного законодательства о статусе беженцев явилось присоединение Беларуси к Конвенции и Протоколу. Конвенция и Протокол являются основой международно-правового режима

в отношении беженцев. Ряды стран-участниц одного или обоих этих документов продолжают пополняться. В странах, присоединившихся к данным документам, ведется работа по приведению норм национального законодательства, регулирующего вопросы предоставления защиты беженцам, в соответствие с нормами международного права. Проводится такая работа и в Республике Беларусь как государстве-участнице Конвенции и Протокола. Однако следует заметить, что эта работа еще далека от своего завершения, поскольку белорусское законодательство в области предоставления защиты беженцам по-прежнему носит ограничительный характер в плане доступа к процедурам получения статуса беженца или предоставления убежища, а также в основном сосредоточено на усилении режима иммиграционного контроля. Вместе с тем необходимость неукоснительного соблюдения на территории Беларуси положений вышеупомянутых Конвенции и Протокола, требует, чтобы внутригосударственные правовые нормы, регулирующие правовой статус беженцев, были максимально приближены к международным стандартам.

В этой связи приобретает острую значимость вопрос о соотношении норм международного и белорусского права, регулирующих правовой статус беженцев. В юридической литературе поддерживается точка зрения о том, что анализ содержания норм действующего белорусского законодательства, регулирующих правовой статус беженцев, показывает, что в целом законодательство Республики Беларусь в этой области соответствует международно-правовым стандартам.

На практике внутри страны правительства обычно гарантируют соблюдение и защиту основных прав человека, и физическую безопасность своих граждан. Но когда гражданские лица становятся беженцами, это система безопасности исчезает. Не обладая каким-либо легальным статусом в стране убежища, эти люди особенно уязвимы перед эксплуатацией и другими формами жестокого обращения, а также тюремным заключением и депортацией. Некоторые беженцы не могут или не желают возвращаться домой потому, что они могут столкнуться у себя на родине с непрекращающимся преследованием. При таких обстоятельствах УВКБ ООН помогает найти им новое место жительства или в стране убежища, где они уже проживают или в третьих странах, куда они могут переселиться на постоянное место жительства.

Поскольку гуманитарный кризис значительно осложнился, УВКБ ООН расширило круг организаций, с которыми оно сотрудничает, как по числу таких организаций, так и по их характеру. К таким организациям из системы учреждений ООН относятся: Мировая продовольственная программа (МПП), Детский фонд ООН (ЮНИСЕФ), Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ), Программа развития ООН (ПРООН), Управление ООН по координации гуманитарных вопросов (УКГВ) и Управление Верховного комиссара ООН по правам человека. Среди других организаций следует упомянуть Международный комитет Красного Креста (МККК), Международную Федерацию Обществ Красного Креста и Красного Полумесяца (МФОКККП), Международную организацию по миграции (МОМ), а также свыше 650 неправительственных организаций.

Регулирование миграционного кризиса, вызванного экономической и политической нестабильностью в ряде регионов, стало одной из ключевых задач на международной арене, в частности, в деятельности Европейского Союза. Проблема беженцев является, в основном, следствием нарушения прав человека. Все больше становится тех, кто покидает родную страну в надежде спастись от беспросветной бедности. И для многих из них Западная Европа кажется тем «оазисом безопасности», который мог бы эффективно компенсировать им негативные моменты, связанные с оставлением родных мест.

Большинство прибывающих в Европу мигрантов относятся к различным этническим общностям, которые имеют свою культуру, свое историческое прошлое. ЕС оказывает финансовую поддержку странам-членам, которые разрабатывают и проводят ряд мероприятий, направленных на адаптацию различных религиозных убеждений к современным, демократическим ценностям.

Ст. 15 Директивы Европейского Парламента и Совета 2013/33/EU от 26 июня 2013 года об установлении стандартов приема лиц, ходатайствующих о международной защите [Директива об условиях приема (2013/33/EU)] требует, чтобы государства-члены ЕС обеспечивали лицам, ищущим убежища, доступ к рынку труда, если решение в первой инстанции не было принято в течение девяти месяцев (или одного года – для Ирландии) со дня подачи ходатайства о предоставлении убежища, и в отношении которых продолжает действовать ст. 11 редакции Директивы Совета Европейского союза 2003/9/ЕС от 27 января 2003 г., определяющей минимальные стандарты приема лиц, ищущих убежища, [Директива Совета Европейского союза 2003/9/ЕС от 27 января 2003 г., определяющая минимальные стандарты приема лиц, ищущих убежища] – если эта задержка произошла не по вине заявителя. Решение об условиях предоставления доступа к рынку труда должны приниматься в соответствии с национальным законодательством, однако такие условия должны обеспечивать реальный доступ лиц, ищущих убежища, к рынку труда. Тем не менее, преимущество может отдаваться гражданам единого экономического пространства.

В ст. 26 (1) и (3) Квалификационной директивы (2011/95/EU) признано право беженцев и лиц, которым предоставлена дополнительная защита, заниматься трудовой деятельностью по найму или в рамках самозанятости [Квалификационная директива (2011/95/EU)]. Кроме того, ст. 28 этой директивы предусматривает доступ к процедурам для оценки полученного ранее образования, если данное лицо не может предоставить документальное подтверждение полученной ранее квалификации. Данная директива также обязывает государство-член ЕС гарантировать вышеупомянутым лицам доступ к профессиональной подготовке на тех же основаниях, что и своим гражданам.

Право на образование защищается несколькими международными инструментами в области прав человека и комитетами, наблюдающими за выполнением Конвенции о правах ребенка, Международного пакта об экономических, культурных и социальных правах и Конвенции о ликвидации всех форм расовой дискриминации.

Хартия основных прав ЕС предусматривает (в ст. 14), что каждый человек имеет право на образование и «возможность» бесплатного получения обязательного образования [Хартия Европейского союза об основных правах 2007].

Ст. 22 (1) Конвенции о статусе беженцев в области убежища предусматривают право на образование детей, ищущих убежище, и детей, которым предоставлен статус беженца или дополнительная защита [Конвенция о статусе беженцев 1951]

Дети часто без сопровождения и редко со знанием языка становятся беженцами, что создает дополнительные сложности для тех, кто пытается им помочь и работать с ними. Чтобы помочь таким детям выучить азы итальянского и английского языков, было разработано новое мобильное приложение Benvenuti ABC. Приложение будет способствовать улучшению коммуникации между новоприбывшими и волонтерами. Предполагается, что помимо облегчения коммуникации приложение послужит примером для дальнейших инициатив, демонстрируя, как легко можно решить проблемы, применяя технологии.

Государствами-членами ЕС разрабатываются программы, помогающие беженцам освоиться в новой стране. Так, к примеру, власти Нидерландов призывают мигрантов участвовать в общественных мероприятиях, способствующих изучению писаных и неписаных правил, норм поведения в обществе. Местная система предусматривает социальную помощь в виде бесплатных курсов по изучению голландского языка, но с одним условием: если беженцы не будут прилагать усилия, заниматься и стараться адаптироваться в современное общество, то государство может наложить на них санкции. «Каждый беженец получает от правительства кредит в 10 тысяч евро на оплату курсов языка. После трех лет обучения, если человек успешно сдаст экзамен, кредит ему списывают. Если экзамен не сдан, что ж, придется возвращать деньги государству, – поясняет координатор курсов по изучению голландского языка беженцами Л. Троост» [В Германии и Нидерландах ускоряют процесс адаптации беженцев 2016].

Германия является одним из лидеров по количеству принявших за последние года мигрантов. Именно поэтому данное государство активно разрабатывает проекты, призванные обеспечить интеграцию беженцев в демократическое общество. Данная страна уделяет большое внимание обучению языку, мигрантам часто предлагают интенсивные курсы. В среднем же беженцам дают 600-900 часов языка, и это намного больше, чем в других странах ЕС [В Германии и Нидерландах ускоряют процесс адаптации беженцев» 2016].

В июле 2017 года Европейская Комиссия объявила о подготовке новых проектов по оказанию чрезвычайной помощи беженцам в Греции с суммарным бюджетом в 209 млн. евро. Также это включает и запуск передовой программы «Экстренная помощь в интеграции и размещении» (ESTIA), направленной на оказание помощи беженцам и их семьям в аренде жилья в городах, а также предоставление им денежной помощи. Она знаменует отход от курса предыдущих гуманитарных проектов, которые были в основном направлены на обеспечение расселения в лагерях, а также предоставление прямых поставок материальной помощи.

Программа ESTIA с бюджетом в 151 млн. евро состоит из следующих компонентов: арендное жилье для 30 000 человек и денежная помощь для удовлетворения основных потребностей беженцев.

Совместный проект с УВКБ ООН с бюджетом в 93.5 млн. евро в рамках программы ESTIA предусматривает улучшение условий жизни беженцев путем предоставления им в аренду 22 000 городских жилищ. Еще один совместный проект с УВКБ ООН с бюджетом в 57.6 млн. евро в рамках программы ESTIA будет направлен на создание базовой системы социальной защиты для всех искателей убежища и беженцев на территории Греции путем перечисления им ежемесячно заранее определенной суммы денежных средств на специальную карту. Такая денежная помощь будет выплачиваться согласовано по всей стране через греческую систему предоставления экстренной социальной помощи, а ее сумма будет зависеть от размера семьи беженца. С помощью специальной карты беженцы смогут удовлетворять свои основные потребности в еде, медицинской помощи или проезде на общественном транспорте.

Оставшееся финансирование будет направлено НПО, работающих в гуманитарной сфере, для осуществления текущих проектов, направленных на удовлетворение неотложных гуманитарных потребностей в Греции, включая потребность в жилье, первичной медицинской помощи, психосоциальной поддержке, улучшении гигиенических условий, а также нешкольного образования.

Беженцам уже давно предоставлены особые льготы по воссоединению семьи в европейских государствах, основанные на невозможности возвращения в страну происхождения для продолжения семейной жизни. В этом смысле особые положения для беженцев содержатся в главе V Директивы о праве на воссоединение семьи [Директива 2003/86/ЕС от 22 сентября 2003 г. о праве на семейное воссоединение]. Следует отметить, что Дания, Великобритания и Ирландия не участвуют в принятии Директивы о праве на воссоединение семьи, не связаны ею и не подчиняются ее действию.

В соответствии с данной Директивы, государства-члены могут ограничивать применение Директивы теми беженцами, чьи семейные узы предшествуют их въезду на территорию государства-члена.

При подаче ходатайства на воссоединение семьи к нему прилагаются подтверждающие документы, которые доказывают наличие семейных уз, а также заверенные копии документов на поездку членов семьи. Государства-члены для получения доказательств наличия семейных уз могут проводить беседы с воссоединяющим семью лицом и с членами его семьи, а также любое расследование, признанное необходимым.

При рассмотрении ходатайства в отношении не состоящего в браке партнера воссоединяющего семью лица государства-члены с целью установить наличие семейных уз принимают в расчет такие факторы, как общий ребенок, предшествующее совместное проживание, регистрация партнерства или любое другое заслуживающее доверия доказательство [Директива].

Итак, конечно же, как и во всех странах мира, внутренне законодательство Европейского союза и Республики Беларусь не может решить все проблемы, с которыми сталкиваются беженцы и лица, ищущие убежища. Динамичность развития окружающего нас мира не позволяет быстро принимать новые или дополнять уже принятые законы, но помочь беженцам разрешить хотя бы вышеперечисленные проблемы, которые является довольно насущными в наши дни, в силах любого государства, в том числе и Республики Беларусь.

В Республике Беларусь проводится недостаточно мероприятий по предоставлению информации беженцам, относительно их образования и трудоустройства. Было бы целесообразным развивать деятельность служб занятости в направлении улучшения положения беженцев на рынке труда. Необходимо также большое внимание уделять обучению специалистов служб таким методам работы с нанимателем, которые могли бы повысить возможность трудоустройства беженцев. Также немаловажной является работа по разъяснению беженцам их прав и обязанностей относительно трудоустройства и способов получения существующих рабочих мест. Одним из шагов по решению существующих проблем может стать признание удостоверения беженца основным документом, удостоверяющим его личность, что позволит беженцам пользоваться большим объемом прав и облегчит их трудоустройство.

Ряд трудности у беженцев возникает с реализацией права на образование. Представляется, что именно образованию детей-беженцев стоит уделять как можно больше внимания в целях их скорейшей интеграции в белорусское общество. Не секрет, что дети гораздо быстрее привыкают ко всему новому, чем взрослые, и если правильно построить учебный процесс с учетом специфических потребностей ребенка-беженца, то по окончании школы он будет чувствовать себя достаточно уверенно в белорусском обществе.

Что касается медицинского обслуживания, то, как показывает практика, особых сложностей с его получением признанные беженцы не испытывают. Проблемы в этой сфере у беженцев такие же, как у большинства коренного населения республики: постепенный переход медицинских услуг в разряд платных.

Таким образом, несмотря на то, что в Республике Беларусь создана целостная система правовой и социальной защиты лиц, ищущих убежища, в целом соответствующая международным нормам, на практике выявляются определенные сложности с их реализацией. Многие проблемы беженцев сходны с теми, которые испытывают граждане Республики Беларусь, но так как первые являются более уязвимой категорией населения, то, по нашему мнению, необходимо предусмотреть дополнительные гарантии реализации их прав.

Библиографический список

1. В Германии и Нидерландах ускоряют процесс адаптации беженцев // Сайт Euronews. – URL: <http://ru.euro-news.com/2016/05/05/a-place-to-call-home-the-challenge-of-integrating-europe-s-migrants>
2. Директива об условиях приема (2013/33/EU) // Сайт Европейского союза. – URL: <http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/ALL/?uri=CELEX:32013L0033>
3. Директива Совета Европейского союза 2003/9/ЕС от 27 января 2003 г., определяющая минимальные стандарты приема лиц, ищущих убежища // Сайт Международного общественного объединения по научно-исследовательским и информационно-образовательным программам «Развитие». – URL: <http://evolutio.info/content/view/1033/175/>
4. Директива 2003/86/ЕС от 22 сентября 2003 г. о праве на семейное воссоединение // Сайт «Недвижимость в Венгрии». – URL: <http://iconinvest.ru/zakonodatelstvo/16-zakonodatelstvo/54-direktiva-2003-86-es-soveta-ot-22-sen-tyabrya-2003-g-o-prave-na-semejnoe-vossoedinenie-perevod-na-russkij-yazyk>
5. Конвенция о статусе беженцев // Сайт Организации Объединенных Наций. – URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/refugees.shtml
6. Квалификационная директива (2011/95/EU) // Сайт Европейского союза. – URL: <http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/ALL/?uri=CELEX:32011L0095>
7. Хартия Европейского союза об основных правах // Сайт «Право Европейского союза». – URL: <http://eulaw.ru/treaties/charter>

ФАКТОРЫ, ВЛИЯЮЩИЕ НА ЯЗЫКОВУЮ ПОЛИТИКУ В МОНГОЛИИ

Ш. Цолмон, Г. Агиймаа

Улан-Батор, Монголия

FACTORS AFFECTING LANGUAGE POLICY IN MONGOLIA

S. Tsolmon, G. Agiimaа

Ulan Bator, Mongolia

Аннотация. Рассматривается история изучения русского языка в Монголии, те позиции, которые он прочно занимал в обществе при социализме. Немного подробнее анализируются сегодняшнее положение русского, английского и китайского языков в Монголии и наиболее влияющие на языковую политику в Монголии факторы.

Ключевые слова: языковая политика, государственный язык, особо влияющие факторы, Lingua Franca.

Abstract. The article examines the history of the study of the Russian language in Mongolia, the place that the language firmly occupied in society under socialism. The article analyzes in more detail the current state of the Russian, English and Chinese languages in Mongolia as well as the factors influencing the language policy in Mongolia now.

Key words: language policy, official language, affecting factors, Lingua Franca.

Language policy is what a government does either officially through legislation, court decisions or policy to determine how languages are used, cultivate language skills needed to meet national priorities or to establish the rights of individuals or groups to use and maintain languages.

Today, in the world, there is a cross-cultural diversified condition for living of the peoples of every nation. Small country policy choice depends on every aspect in political, economic and social environments and conditions as well as domestic and foreign situations.

The first foreign language courses in Mongolia were offered in 1911. Russian and English courses were offered at a school which was established by decision of the Government of Mongolia and was managed by the Ministry of Foreign Affairs. The first foreign language textbooks for teaching Russian were published in 1940. From this period on, Russian was the only language to be taught in secondary school as foreign language. This continued until around 1990.

Until 1990-s, during the Soviet Period, in Mongolia, Russian language played a very large role in Mongolia and Mongolian educational system. Soviet-Mongolian relations were based on a purposeful policy in the sphere of cultural and political brotherhood relations between the two peoples and were distinguished by a high level of integration and cooperation. Throughout history the distribution of languages in the world has reflected the distribution of power in the world. The most widely spoken languages – English, Mandarin, Spanish, French, Arabic, Russian – are or were the languages of imperial states which actively promoted use of their languages by other people. Shifts in the distribution of power produce shifts in the use of languages. “Two centuries of British and American colonial, commercial, industrial, scientific, and fiscal power have left a substantial legacy in higher education, government, trade, and technology throughout the world”. [Fishman 1977: 115]

During the peak of Soviet Period, Russian was the lingua franca from Poland to Vietnam. For example in Mongolia, during Soviet influenced period, without knowledge of Russian language was not taken to work, knowledge of Russian language was one of the main criteria promotion through the ranks. That is why some of our researchers, and even Russian scholars, began to write about the fact that «Mongolia has already experienced the period of the expansion of the Russian language in the past 70 years after the people's revolution of 1921, when the knowledge of Russian in Mongolia was a political necessity, and his study-an important direction in science and education, due to which the Russian language was the only compulsory subject not only in educational institutions of all levels, but also in courses». [http://mesi.cliro.unibo.it/data/_uploaded/file/papers/Shagdaryn.doc]

Since 1990-s English language education has been launched officially. The Ministry of Education of Mongolia issued a resolution to teach English at secondary schools starting from the 1997-1998 academic year. Governmental decisions and documentations such as plans, agendas and programs on education confirm that English is the official second language. The global rapid development requires a good knowledge of foreign languages especially English. A 2012 study from the scientific-research publication *Research Trends* examined articles collected by SCOPUS, the world's largest database for peer-reviewed journals. To qualify for inclusion in SCOPUS, a journal published in a language other than English must at the very least include English abstracts; of the more than 21,000 articles from 239 countries currently in the database, the study found that 80 percent were written entirely in English. Zeroing in on eight countries that produce a high number of scientific journals, the study also found that the ratio

of English to non-English articles in the past few years had increased or remained stable in all but one. [<https://www.theatlantic.com/science/archive/2015/08/english-universal-language-science-research/400919/>]

English still occupies a significant place among other foreign languages in the education of Mongolia, although today it has strong competitors – Chinese, Japanese, and Korean for Mongolian youth. The current Mongolian youth learns not only in Russia but also in many other countries where they pass undergraduate, graduate and doctorate programs on a government scholarship or they themselves pay tuition fees. Young specialists who graduated from the master and doctoral studies in China, Japan, and Korea gradually occupy a dominant position in the labor market, outstripping the graduates of Russian universities. It is proved that huge amounts of scholarship from China's government have introduced to our universities, for example Mongolian National University of Education have been sending the 2-nd year Chinese language students to Chinese universities with full of scholarship 2500 yuan per student per month since 2014. Because of economy growth of China, the importance for non-Chinese speakers to understand Chinese tradition, culture, and language is becoming more and more considerable. People such as from elementary pupils to university students, from influential individuals to entrepreneurs are learning Mandarin Chinese.

We the Mongolians are China's neighbor. Nearly 2 billion people speak in Mandarin in China, where economy is expanding and overtaking the super nations such as the USA, Japan and so on. Until recently, China's foreign language policy was aimed at promoting the Chinese language abroad. Chinese hieroglyphics have long been used in Asian countries as a means of expanding its civilizational influence. Is this a solid basic of the becoming China as a Lingua Franca in Asia?

Since the beginning of the 21st century, Chinese Mandarin Chinese and Chinese culture have been promoted to foreigners around the world through the institutions and «classes» of Confucius. That being said, one can only imagine the increase in demand for Chinese as a second language service. According to the Chinese Ministry of Education, there are 330 official institutions teaching Chinese as a foreign language around the world, with 40,000 foreign students enrolled. As of 2014, there were over 480 Confucius Institutes established on six continents. Confucius Institutes are non-profit public institutions affiliated with the Ministry of Education of the People's Republic of China whose stated aim is to promote Chinese language and culture, support local Chinese teaching internationally, and facilitate cultural exchanges. Chinese language and writing have become a solid pillar of China's soft power policy.

“One belt-one way” project, which is tending to implemented in Great Silk Road, is a part of China's soft power policy. Some of languages, for example, Kazakh, Kirghiz, Mongolian are used outside the Chinese territory in neighboring countries, are being influenced greatly by this policy and its implementing projects such as “One belt-one way”. This is just one example of soft power policy of China in Mongolia and other Asian countries.

“Chinese isn't the new French, it's the new English” says Robert Davis, director of the Chinese-language program in Chicago's public school system, which has 8,000 students studying Mandarin.

Based on the above, the affecting factors in Mongolian language policy are:

1. Democratic changes in Mongolia in the late XX century has changed the language situation: it is showed that language shift has appeared from Russian to English, in other word, English replaced Russian as an official foreign language.

2. Number of foreign investors in Mongolia are increasing seriously. China is the biggest investor among them. Therefore this is the solid foundation to Chinese replace Russian and English in Mongolia.

3. The government fundraising of full scholarship is offered to Mongolian students. The award provides education at a China's university completely free of charge. Additionally, the scholarship fully covers the cost of textbooks, accommodation at the university, public transportation, health care, as well as pocket money. Therefore, the scholarship programs of Russia, Japan and Korea dropped behind China's. For example, besides the scholarships of Central Government of People's Republic of China to students, Inner Mongolian Autonomous Region offers full scholarship fundraising separately.

4. It is tending to shift English as a Lingua Franca to China as a Lingua Franca in the world because of economic boosts in China.

Thus, it can be concluded that the above factors played an important strategic role both in the language policy of Mongolia. Therefore, in the future, it is advisable to pay more attention to this aspect of language policy.

Reference

1. Gunzhitova, G.-K. T. Mongolian factor in Russia's language policy / G.-K. T. Gunzhitova // *Philological Sciences. Issues of theory and practice.* – 2013. – № 7 (25), part 2. – P. 81–84.
2. Fishman, J. *The spread of English as a new perspective* / J. Fishman. – New York : Newbury House Publishers, 1977. – P. 115.
3. URL: http://mesi.cliro.unibo.it/data/_uploaded/file/papers/Shagdaryn.doc
4. URL: <https://www.theatlantic.com/science/archive/2015/08/english-universal-language-science-research/400919/>
5. Зэгиймаа, Ч. “Бүс нутагт санаачлагатай ажиллая”. Монгол улсын хэлний бодлого ба хэл төлөвлөлт / Ч. Зэгиймаа. – Улаабаатар : Бэмби сан хэвлэлийн газар, 2012. – 65-р тал.

**РОЛЬ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ И МАССОВОЙ
КУЛЬТУРЫ В ФОРМИРОВАНИИ ОБЩЕСТВЕННОГО
ПРАВОВОГО СОЗНАНИЯ**

**К ВОПРОСУ О ВАЖНОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ПРИ ФОРМИРОВАНИИ
ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ ЛИЧНОСТИ**

О. С. Воячек

Пенза, Россия

**THE IMPORTANCE OF USAGE OF IMAGINATIVE LITERATURE
WHILE FORMING THE LEGAL CULTURE OF A PERSON**

O. S. Voyachek

Penza, Russia

Аннотация. Развивается мысль о том, что развитие правового государства невозможно без общества с развитой правовой культурой. Правовая культура формируется при воздействии на каждую личность сложной системы культурного и правового воспитания, образования. Художественная литература оказывает влияние на сознание людей, отражает правовые отношения и способствует совершенствованию правовой культуры. Дается информация о направлении исследования, которое обозначается словосочетанием «Право и Литература» (Law and Literature).

Ключевые слова: культура, правовая культура, литература, право, взаимодействие, отражение.

Abstract. The article highlights the idea that the development of a law-governed state is impossible without a society with a developed legal culture. The legal culture is formed by influence of a complicated system of cultural, legal bringing-up and education upon each personality. The imaginative literature has a great impact on mentality; it reflects legal relations and contributes to legal culture enhancement. Some information is given about a research, which is called "Law and Literature".

Key words: culture, legal culture, literature, law, interconnection, reflection.

Одним из основополагающих признаков правового государства, неотъемлемой предпосылкой его строительства является достаточно высокий уровень правовой культуры общества, сочетание общей культуры с профессионализмом государственных чиновников, работников правоохранительной сферы и прочих специалистов. Будучи одной из важнейших составляющих общественной культуры, правовая культура является многогранным и неоднозначным понятием, как и сама культура в целом. Одно из определений правовой культуры гласит: «Правовая культура – это общий уровень знаний и объективное отношение общества к праву; совокупность правовых знаний в виде норм, убеждений и установок, создаваемых в процессе жизнедеятельности» [Правовая культура 2017].

Весь этот комплекс правовых знаний, предстающий перед нами в виде убеждений, норм, установок, формирующийся в процессе жизнедеятельности общества, оформляется в виде законодательных актов различного уровня, которые позволяют регламентировать принципы взаимодействия между отдельными личностями, различными этническими, социальными, профессиональными группами и государством. Правовая культура проявляется в процессе взаимодействия людей, их непосредственном общении, осуществлении ими трудовой деятельности. Формирование правовой культуры происходит при воздействии на каждую личность многогранной и сложной системы культурного и правового воспитания, образования и т.д. Зача-

скую представления о праве и взгляды на него передаются из поколения в поколение в семье, воспитываются в процессе обучения.

По мнению И.А. Исаева, всякая культура – это, в первую очередь, цивилизованная модель жизни и деятельности, система духовных, интеллектуальных и поведенческих ценностей личности, групп и всего общества. Это та составляющая человеческой культуры, которая, так или иначе, относится к правовой системе и регулирует правовой процесс. Практически каждой социальной группе, обществу, стране присуща своя специфическая правовая культура. Она не только служит отражением исторически сформированной государственно правовой действительности, но и оказывает на данную действительность непосредственное влияние. В идеале правовая культура должна отражать и воплощать в себе все самое ценное и прогрессивное в политико-правовой области общества, а также способствовать совершенствованию действующего права, повышению эффективности организации и деятельности государства, укреплению в нем законности и правопорядка, содействовать продвижению принципов свободы и демократии [Исаев 2009].

Культурологический подход рассматривает право не только во взаимодействии с социальной и культурной средой, но и как неотъемлемый элемент общей культуры каждого отдельно взятого человека, его духовного строя, такого же неотделимого, как художественное творчество или искусство, выступающего синонимом художественной культуры. Как справедливо замечает В. С. Нерсисянц: «Сложившиеся в данной культуре формы, типы и образы прекрасного и безобразного (по преимуществу – в области искусства, но также и в сфере быта и труда, в религии, идеологии, политике, морали, праве и т.д.), приобретая нормативное значение (в качестве положительного и возвышенного или наоборот, негативного и низменного образца и примера), оказывают существенное воспитательное и регулятивное воздействие на чувства, вкусы, представления, поступки и взаимоотношения людей, на весь строй и образ их личной и публичной жизни. Эстетически одобренные вкусы, ценности, идеалы, формы и примеры (во всех сферах общественной жизни, включая и правовую) образуют в рамках сложившейся культуры то «поле прекрасного», которое в качестве притягательного образца и масштаба оказывает воздействие также и на формы бытия и реализации иных социальных норм, на способы функционирования других видов соционормативной регуляции» [Нерсисянц 1997 : 77].

Правовая культура – это, бесспорно, сложное психологическое явление, которое отражает многие важные стороны жизни общества, государства. Васильев В. А. описывает постепенное формирование правовой культуры. Сначала происходит закладка фундамента. Далее, под влиянием окружающей среды, появляются представления о простых, но столь необходимых правилах взаимоотношений между людьми. Формируются представления о взаимоотношениях между людьми. Наряду с этим, население овладевает правовыми знаниями и умениями – основой правосознания, включая конкретные правовые нормы, положения правовой теории, и факты истории права и т.д. Для формирования правовой культуры, одних знаний недостаточно, поскольку мыслить, опираясь только лишь на знания и умения нельзя, потому что правовая культура предполагает разностороннюю оценку правовой практики. Сталкиваясь с явлениями окружающей среды человек должен определить не только нравственное, но и правовое содержание (соответствует закону или противозаконно), уметь оценить их с юридической точки зрения. Васильев В.А. подчеркивает, что художественная культура вступает в непосредственную связь с правовой на уровне отношений, чувств. Чувства играют основную роль в эстетическом отношении к миру. Художественные образы воздействуют на сознание людей. Впечатления, полученные от прочтения книги, отражают правовые отношения и, в значительной степени, способствуют совершенствованию правовой культуры. Это действительно для классической литературы, произведений великих писателей, поэтов, таких как Л. Н. Толстой, Ф. М. Достоевский, А. С. Пушкин, Н. В. Гоголь, А. С. Грибоедов [Васильев 1998].

Поэтому столь важной представляется роль художественной культуры, которая является обобщающей категорией художественного творчества, формой воспроизведения, освещения и толкования социального явления или момента, жизни через призму создания воздействующих эстетических объектов, образов, толкуемых в качестве элемента или части художественного целого, обладающих как бы самостоятельной жизнью и содержанием, как, например, характер героя в художественном литературном произведении. Вся мировая литература – это результат человеческого воображения, состоящий из художественных образов, многочисленных преданий, легенд, былин, поэм, сказаний. Все художественные образы главных героев этих произведений – богов, царей, народных героев, воинов, простых людей – изображаются в контексте социально значимых событий и помогают человеку сориентироваться, оценить с нравственной точки зрения те или иные правовые отношения, нормативно-правовые акты. Литературные тексты разных эпох позволяют на конкретных примерах увидеть, как через художественные образы в сознание общества и отдельных людей внедрялись новые идеи, положения, принципы. Художественная литература становится важным источником информации о состоянии правового сознания и культуры общества на каждом конкретном этапе исторического развития, о том, что явилось причиной дальнейшего социального развития и восприятия различных правовых реалий. Формирование правовой культуры под воздействием художественной литературы является результатом взаимопроникновения социально-правовой и культурной сфер. Влияние художественных образов, которые выполняют эстетическое воспитание на примере героев художественных произведений отражается на культуре поведения человека, на правовой культуре личности.

Особенно восприимчивой в этом процессе воспитания со стороны художественной литературы и художественных образов является молодежь, которая, еще не имея достаточного эстетического опыта, не до

конца определилась в своих предпочтениях и пристрастиях. Однако, чтобы художественная литература стала бы действенным инструментом, способным воспитывать и внедрять необходимые принципы в массовое сознание, должны быть соблюдены условия превращения литературы в орудие воспитания общества, государство должно устанавливать соответствующие четкие установки в отношении художественной литературы.

Большой интерес представляет такое направление в междисциплинарных правовых исследованиях, которое обозначается словосочетанием «Право и Литература» (Law and Literature), зародившееся в 1970-х годах в американских учебных заведениях юридического профиля и получившее широкое распространение во многих странах мира. Представители данного направления полагают, что связующим звеном этих исследований является не только сам человек, его человеческая природа и описанная ситуация, но и язык. Ими выделяется тот факт, что литература и право – это нарративные выражения какого-то определенного и осмысленного видения реальности. Как пишет один из основателей движения Ричард Вайсберг: «Право изначально было связано с литературой как формализованная попытка структурировать реальность через язык и до сих пор сохраняет свою литературную сущность» [Weisberg 1993, 3 : 10].

И.В Борщ, анализируя работы различных приверженцев данного направления, приходит к следующим выводам: Американские и европейские правоведы последних десятилетий, которые обозначают свои научно-академические интересы словосочетанием «Право и литература», полагают, что правовые коллизии, представленные в литературе, даже имея вымышленный, воображаемый характер, способны, тем не менее, рассказать многое о политической и социальной жизни и о людях, вовлеченных в правовые конфликты. Сопоставляя правовые и литературные тексты, они уделяют внимание не столько идеям, сколько человеческой ситуации, раскрытой художественными средствами.

В конце 19 – начале 20 веков в американских университетах студентам-юристам раздавались списки литературных произведений, в которых затрагивались юридические темы для общего гуманитарного развития. Один из самых известных подобных списков литературы составил американский юрист Джон Г. Вигмором в 1908 г. Вигмор не просто перечисляет романы (в основном англо-американские) в которых затрагивается юридическая тематика, он еще рассуждает о том, как литература говорит о праве [Wigmore 1908 : 574].

Вигмор следующим образом обосновывает необходимость изучения юристами литературы: «Роман, который есть на самом деле произведение вымысла – это каталог человеческих характеров, срисованных с натуры. А юрист должен понимать человеческую натуру. Он должен с пониманием работать с ее вариациями и мотивациями. И все это многообразие человеческой природы он не способен найти в своем собственном непосредственном окружении. Жизнь не настолько долгая, а его личные контакты не настолько разнообразны, чтобы научить его тому, что может понадобиться в каком-нибудь новом непредвиденном случае. И поэтому, для того, чтобы приобрести это знание, он должен обратиться к литературному вымыслу, который есть портретная галерея, взятая с натуры» [Wigmore 1908 : 579].

70 лет спустя список Вигмора переработал профессор Школы права им. Бенджамин Кардозо (Нью-Йорк) Ричард Вайсберг. В 1977 г. он опубликовал свой расширенный список литературы о праве в соавторстве с Карен Кретчман

В списке Вайсберга-Кретчман 1977 г. выделяются четыре категории литературных произведений:

А) произведения, в которых подробно описывается юридическая процедура (при этом, речь идет не только о процессе, но и о предварительных действиях, которые ведут к процессу).

В) произведения, в которых, хотя и не описывается формальный юридический процесс, но одна из центральных фигур повествования – это юрист, «человек закона».

С) произведения, в которых какая-либо норма закона – часто одна отдельная норма или процедуральная система – становится центральной темой;

Д) произведения, в которых центральной темой является отношение между индивидуумом и поиском юстиции (справедливости).

Однако у данного направления находились и противники. Ричард Познер, американский юрист, правовед, экономист, судья, играл важную роль в движении «Право и экономика», также восходящее к 1970-м гг., вступал в полемику с представителями литературного движения. Как полагает Познер, социальная критика, которая содержится в литературе, относится к тем временам, когда эта литература создавалась авторами, и потому не может быть полезной современным юристам. Литература, без сомнения, способна оказывать этическое воздействие на человеческую личность читателя-юриста, однако для профессионального юридического решения, судебного или административного, это воздействие, считает Познер, малозначительно: подобные решения отражают сложившуюся политическо-экономическую ситуацию. Познер полагает, что литературные произведения не могут иметь значения в юридических дискуссиях, потому что истинный смысл, вложенный автором в художественное произведение, не является точным знанием, романы всегда сталкиваются в том или ином контексте. Поэтому правоведам, указывает американский юрист, следует обращаться не к литературе, а к распространению накопленного и проверенного юридической наукой и практикой правового знания [Третьяков 2011].

Современное российское общество переживает глубокий нравственный, эстетический и духовный кризис, который вызван социально-экономическими переменами в стране. Современная юридическая литература вскрывает множество вопросов и проблем, в отношении правовой культуры, которые, по-прежнему, ждут их разрешения. Кроме того, имеется большое разнообразие взглядов и мнений на данные проблемные

вопросы. Мы все заинтересованы в становлении России как правового государства, поэтому и должны понимать важность правовой культуры в жизни российского общества в целом и каждого отдельного человека, который является частицей нашего современного общества, независимо от рода его деятельности, а образы художественной литературы, отражающие различные стороны и институты права и государства, бесспорно, играют важную роль в формировании правовой культуры.

Библиографический список

1. Борщ, И. В. «Право и Литература» – направление в зарубежных междисциплинарных исследованиях / И. В. Борщ. – URL: <http://law-humanities.blogspot.ru/2015/06/blog-post.html>
2. Васильев, В. А. Юридическая психология / В. А. Васильев – СПб. : Питер Ком, 1998. – 656 с.
3. Исаев, И. А. Правовая культура России / И. А. Исаев. – М. : Проспект, 2009. – 96 с.
4. Нерсесянц, В. С. Философия права / В. С. Нерсесянц. – М. : ИНФРА-М : Норма, 1997. – 652 с.
5. Третьяков, В. Право как литература – и наоборот / В. Третьяков // Новое Литературное Обозрение, 2011. – № 112. – Рец. на кн.: Posner, R. A. Law and literature / R. A. Posner. – Cambridge, MA ; L., 2009.
6. URL: http://studbooks.net/1063085/pravo/pravovaya_kultura_obschestva_formirovanie
7. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9F%D1%80%D0%B0%D0%B2%D0%BE%D0%B2%D0%B0%D1%8F_%D0%BA%D1%83%D0%BB%D1%8C%D1%82%D1%83%D1%80%D0%B0
8. Weisberg, R. H. Diritto e letteratura / R. H. Weisberg // Enciclopedia Scienze Sociali Treccani. – Roma, 1993. – Vol. 3. – P. 107.
9. Wigmore, J. H. A List of Legal Novels / J. H. Wigmore // Illinois Law Review. – 1908. – № 3. – P. 574–596.

ПРАВО В ЛИТЕРАТУРЕ (НА ПРИМЕРЕ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ЧАРЛЬЗА ДИККЕНСА)

М. В. Головушкина

Пенза, Россия

LAW IN LITERATURE (BASED ON CHARLES DICKENS' WORKS OF ART)

M. V. Golovushkina

Penza, Russia

Аннотация. Сделана попытка показать тесную связь между английской литературой и правом и ответить на вопрос: чем литература может быть полезна праву? Материалом исследования послужили стилистические приемы и юридические термины, используемые Чарльзом Диккенсом для выражения идей произведения и создания колоритных образов своих персонажей.

Ключевые слова: литература, право, стилистический прием, художественные произведения.

Abstract. The article attempts to show the close relationship between the English literature and the English law and to answer the question: how can literature be useful for the law? Stylistic devices and law terms used by Charles Dickens for expressing the main ideas and for creating colorful images of his characters were the materials of investigation.

Key words: literature, law, stylistic device, works of art.

В настоящее время в лингвистике наблюдается усиление роли языка в процессе познания мира. Язык как культурный код нации является инструментом проникновения и интерпретации культуры и ментальности народа на нем говорящего. По мнению профессора социальной антропологии Кембриджского университета Яна Мак Фарлейна «Every civilization has something which really you can point to, and say “If you understand that, you can understand everything else about their society.” .... If you then went to England at any time within the last five hundred years and you were with a foreigner, and he said “Point me to the area by which I could understand you,” you would say “Law”. It’s an odd thing because there is hardly any other civilization where you could have said this, but certainly in England .... Everything is “Law”. (Ian MacFarlane, a Cambridge Professor of Social Anthropology)» [Geoffrey, 2009 :16-17]. – [Каждая цивилизация имеет свою отличительную черту, и если вы определите ее, то поймете все об этом обществе. ... Если бы вы, будучи иностранцем, побывали в Англии в любой период времени за последние пятьсот лет, и попросили «Укажите мне область, узнав которую я могу понять вас», – вам бы ответили: – «Это закон». Это излишне, потому, что едва ли найдется другая цивилизация, где бы вам могли сказать так, но, конечно же, в Англии... все есть «закон»].

Ричард Познер, известнейший ученый-юрист, преподаватель Чикагского университета, судья апелляционного суда США и самый цитируемый правовед в мире в своей книге «Право как литература – и наоборот» пытается ответить на вопрос: Чем литература может быть полезна праву? [Третьяков, 2011].

Произведений английской литературы, тема которых право и в самом деле немало. Юридическая теория и судебная практика, отношение закона к мести, преступление и наказание, наследование, интеллектуальная собственность – все это темы бесчисленного числа литературных произведений; к этой «литературной юриспруденции», по выражению Познера, относятся и произведения Чарльза Диккенса. В одних произведениях юридическая проблематика скорее служит лишь «приманкой» («The Pickwick papers» («Посмертные записки Пиквикского клуба» (1836-1837), «Little Dorrit» («Крошка Доррит» (1855–1857). «Oliver Twist» («Оливер Твист») 1837–1839.), а в других занимает центральное место («Bleak House» «Холодный дом» (1852-1853), «David Copperfield» («Дэвид Копперфильд» (1849-1850).

Биография писателя неразрывно связана с героями его произведений. В возрасте 15 лет Диккенс был принят младшим клерком в адвокатскую контору «Эллис и Блэкмор» в Грейс Инн (Gray's Inn), с 1839 работал в Миддл Темпл (Middle Temple), к сценам описания работы Судебных Иннов (традиционная форма самоорганизации адвокатского сообщества в Англии и Уэльсе.) Диккенс не раз возвращается в своих произведениях.

«And hard by Temple Bar, in Lincoln's Inn Hall, at the very heart of the fog, sits the Lord High Chancellor in his High Court of Chancery. [Dickens] – «А по соседству с Тремпл-Баром, в Линкольнс-Инн-Холле, в самом сердце тумана восседает лорд верховный канцлер в своем Верховном Канцлерском суде» [Диккенс, 1960: 3].

Диккенс знакомит читателей с английской иерархией законоведов, одной из самых сложных в мире, их работой и сферами ответственностей lawyer's clerk, salaried clerk, attorney, coroner, solicitor, barrister, Lord High Chancellor. «Barrister» – юрист, который может выступать в суде высшей инстанции, член одного из четырех Судебных Иннов. «Solicitor» – юрист, который сдал экзамены, имеет юридически действительный диплом, позволяющий заниматься практикой, консультировать клиентов, выступать в судах низшей инстанции.

Автор с большой убедительностью показывает, какой вред наносит обществу существующая юридическая система, которую он уподобляет настоящему народному бедствию. Жертвами Канцлерского суда оказываются люди различных состояний, стоящих на различных ступенях общественной лестницы. «These sequestered nooks are the public offices of the legal profession, where writs are issued, judgments signed, declarations filed, and numerous other ingenious machines put in motion for the torture and torment of His Majesty's liege subjects, and the comfort and emolument of the practitioners of the law» [Диккенс, 2016: 348]. – «В этих изолированных уголках помещаются официальные конторы адвокатов, где выдают судебные приказы, заверяют судебные решения, подшивают жалобы истцов и приводят в действие многие другие хитроумные приспособления, изобретенные для мук и терзаний подданных его величества и для утешения и обогащения служителей закона» [Диккенс, Главы XXX-LVII, 1981: 16].

Диккенс помогает читателю понять нравственную сущность изображаемых персонажей через прямую авторскую и эстетическую оценку. Говоря о законе и юристах, Диккенс видит их с юмористической стороны, представляя их как художник-карикатурист. Создавая галерею своих отрицательных персонажей: ловких юристов крючкотворов, преступных адвокатов, втягивающих клиентов в «тиски закона», Диккенс дает своим героям «говорящие фамилии» – это величественный главный судья мистер Напкин (napkin – салфетка), королевский юрисконсульт Снаббин (snob – сноб), ловкий делец Фог (fog – туман) из юридической конторы «Додсон и Фог» («Посмертные записки Пиквикского клуба»), юристы мистер Блоуэрс и мистер Тенгл (blower – трепач, tangle – неразбериха), политики Будд, Дудл (boodle – взятка, doodle – мошенник), My Lord, Mlud, Mud (Mud – грязь) словесная игра является характерным диккенсовским прием, заставляющим неодушевленные слова не только жить, но и проделывать фокусы, обнажая свой непосредственный смысл.

Автор через внешность героев стремится раскрыть их внутренний мир. Диккенс – мастер литературного портрета, внутреннее уродство человека он очень хорошо умеет передать с помощью отдельных штрихов, деталей, особенностей, стойко закрепленных за данным персонажем подробностей (лейтмотивов), проявляющихся в его внешности. Гротеск становится сильным оружием в художественном арсенале великого писателя. Преувеличивая основную черту характера или внешности героя, писатель раскрывает его существенные особенности [Харитонов, 1998]. Величие великих людей из мира юриспруденции показано с помощью повтора прилагательного «great». «But, Mr. Mallard, my dear friend,' said Perker, suddenly recovering his gravity, and drawing the **greatman's great** man into a Corner, by the lappel of his coat; 'you must persuade the Serjeant to see me, and my client here» [Диккенс, 2016: 357]. – [‘Но, мистер Моллерд, уважаемый друг, – сказал Перкер, вдруг обретая всю свою серьезность и увлекая **великого** клерка **великого** королевского юрисконсульта за отворот сюртука в угол, – ‘вы должны уговорить королевского юрисконсульта принять меня и моего клиента’] [Диккенс, Главы XXX-LVII, 1981: 30].

Близорукость великого Королевского юрисконсульта Снаббина показана с помощью детального литературного портрета – художественного изображения внешности героя литературного произведения: лица, фигуры, одежды, манеры держаться и т.д. «Mr. Serjeant Snubbins was a lantern-faced, sallow-complexioned man, of about five-and-forty, or—as the novels say—he might be fifty. He had that dull-looking, boiled eye which is often to be seen in the heads of people who have applied themselves during many years to a weary and laborious course of study; and which would have been sufficient, without the additional eyeglass which dangled from a broad black riband round his neck, to warn a stranger that he was very near-sighted» [Диккенс, 2016: 357]. – «Королевский юрисконсульт Снаббин был человек со впалыми щеками и желтоватым цветом лица, лет сорока пяти, или, как говорится в романах, ему могло быть и пятьдесят. У него были те тусклые, осовелые глаза, какие часто можно увидеть на лицах людей, предающихся в течение многих лет утомительным и тягостным кабинетным занятиям, и какие могли и без добавления **лорнета**, висевшего на широкой черной ленте, обвивавшей шею, предупредить посетителя о том, что он очень близорук» [Диккенс, Главы XXX-LVII, 1981: 30].

«Mr. Serjeant Snubbin unfolded his glasses, raised them to his eyes; and, after looking at Mr. Pickwick for a few seconds with great curiosity, turned to Mr. Perker, and said, smiling slightly as he spoke—‘Has Mr. Pickwick a strong case?’» – [Диккенс, 2016: 358]. – «Королевский юрисконсульт Снаббин раскрыл **лорнет**, поднес его к глазам, поглядев в течение нескольких секунд с великим любопытством на мистера Пиквика, повернулся к мистеру Перкеру и сказал, слегка улыбаясь при этом:–У мистера Пиквика хорошие шансы?» [Диккенс, Главы XXX-LVII, 1981: 31].

Умело найденная и подчеркнутая внешняя деталь (зд. лорнет) нередко раскрывает подлинную сущность персонажа. «Sergeant Snubbin leads the court by the nose» [Диккенс, 2016: 354] «королевский юрисконсульт Снаббин вертит судом как хочет» [Диккенс, Главы XXX-LVII, 1981: 29].

Величественность главного судьи Напкина показана с помощью развернутой метафорической гиперболы – образного выражения, которое представляет художественное преувеличение значения и силы мистера Напкина. «Now George Nupkins, Esquire, the principal magistrate aforesaid, was as grand a personage

as the fastest walker would find out, between sunrise and sunset, on the twenty-first of June, which being, according to the almanacs, the longest day in the whole year, would naturally afford him the longest period for his search» [Диккенс, 2016: 354]. – «Джордж Напкинс, эсквайр, упоминаемый выше главный судья, был самой величественной особой, какую мог бы встретить самый быстрый ходок в промежуток времени от восхода до заката солнца в день двадцать первого июня, каковой день, согласно календарю, является самым длинным днем в году, что, естественно, обеспечивает ходоку наиболее продолжительный срок для поисков» [Диккенс, Главы I-XXIX, 1981 : 377]. Всячески подчеркивая внешнюю помпезность судейских чиновников и их напускаемое самими на себя величие, Диккенс выявляет ложную мотивацию их работы. Для описания мистера Воулса («Холодный дом») зажатого на «Нижнем этаже» в Саймондс-Инне, на Канцлерской улице» Диккенс использует метафоры: мистер Воулс зажат в своей конторе «Mr. Vholes's chambers are on so small a scale that one clerk can open the door without getting off his stool, while the other who elbows him at the same desk has equal facilities for poking the fire» [Dickens:814-815]. – «Контора у мистера Воулса такая тесная, что клерк может открыть дверь, не вставая с табурета, в то время как другой клерк, работающий бок о бок с ним за тем же столом, может с такой же легкостью мешать угли в камине» [Диккенс, 1960: 634], зажат в своем костюме «Mr. Vholes, quiet and unmoved, as a man of so much respectability ought to be, takes off his close black gloves as if he were skinning his hands, lifts off his tight hat as if he were scalping himself, and sits down at his desk» [Dickens:818]. – «Мистер Воулс, спокойный и невозмутимый, как и подобает столь почтенному человеку, стягивает с рук свои узкие черные перчатки, словно сдирая с себя кожу, стягивает с головы тесный цилиндр, словно снимая скальп с собственного черепа, и садится за письменный стол» [Диккенс, 1960: 636]. Таким образом с помощью скрытого сравнения Диккенс возбуждает воображение читателей, которые делают вывод о зажатости и ограниченности взглядов Мистера Воулса.

В мире нет более громоздкой и сложной машины правосудия, чем в Англии, так как у англичан не было и нет кодекса законов. «The one great principle of the English law is to make business for itself» [Dickens:815]. – «Главнейший принцип английской судебной системы сводится к тому, чтобы создавать тяжбу ради самой тяжбы на пользу самой себе» [Диккенс, 1960: 635]. Во времена Диккенса без помощи юриста англичанин не могли решить ни одного бытового вопроса, связанного хоть сколько-нибудь с порядком. Образы судебных чиновников и самой процедуры судопроизводства создаются за счет иронической или саркастической интонации. «Mr. Vholes is a very respectable man. He has not a large business, but he is a very respectable man. He is allowed by the greater attorneys who have made good fortunes or are making them to be a most respectable man. He never misses a chance in his practice, which is a mark of respectability» [Dickens:815]. «Мистер Воулс – очень почтенный человек. Практика у него небольшая, но человек он очень почтенный. Более известные поверенные, уже нажившие или еще наживающие крупные состояния, признают, что он в высшей степени почтенный человек. Он не упускает ни одного случая зашибить деньгу юридической практикой, а это признак почтенности» [Диккенс, 1960: 635].

«With that hint that he had been interrupted quite long enough, Mr. Serjeant Snubbin, who had been gradually growing more and more abstracted, applied his glass to his eyes for an instant, bowed slightly round, and was once more deeply immersed in the case before him, which arose out of an interminable lawsuit, originating in the act of an individual, deceased a century or so ago, who had stopped up a pathway leading from some place which nobody ever came from, to some other place which nobody ever went to» [Диккенс, 2016: 360]. – «Намекнув таким образом на то, что у него отняли достаточно времени, мистер королевский юрисконсульт Снаббин, который постепенно делался все более и более рассеянным, приложил на секунду лорнет к глазам, слегка поклонился и снова погрузился в лежавшее перед ним дело, которое выросло из нескончаемого судебного процесса, порожденного поступком некоего субъекта, скончавшегося лет сто назад и в свое время загородившего тропинку, ведущую из какого-то места, откуда никто никогда не выходил, к какому-то месту, куда никто никогда не входил» [Диккенс, Главы XXX-LVII, 1981: 33].

Несмотря на то, что мистера Пиквика признают виновным в деле о нарушении обещания жениться, и он отправляется в долговую тюрьму, Чарльз Диккенс пытается сохранить общий комедийно-ироничный тон романа «Посмертные записки Пиквикского клуба», в редких случаях прибегая к саркастическому изображению общих государственных и общественных учреждений, чаще останавливаясь на изображении отдельных личностей или пороков, наиболее распространенных в английском обществе того времени. Ситуация резко меняется в романе «Холодный дом», представляющем сложное переплетение нескольких сюжетных линий, одна из которых – бесконечно длящаяся тяжба «Джарндис против Джарндиса». В эту тяжбу втянуты так или иначе все герои романа, и она трагическим образом влияет на их судьбы.

Тема Канцлерского суда, разворачивающаяся вокруг отчаянно скучного процесса «Джарндисы против Джарндисов», который символизирует лондонский туман. Образ тумана – символ тьмы, смятения, неустроенности, в котором совершаются ошибки и недоразумения – в полной мере раскрывает смысл произведения «Bleak House» (Холодный дом). Ключевое слово «fog» (туман), служит доминантной единицей повтора, которую автор использует одиннадцать раз, создавая атмосферу уныния, внутреннего дискомфорта. Повтор слова «fog» приобретает символическое значение смятения, неустроенности, недоразумения.

«Fog everywhere. Fog up the river, where it flows among green isles and meadows; fog down the river, where it rolls defiled among the tiers of shipping and the waterside pollutions of a great (and dirty) city. Fog on the Essex marshes, fog on the Kentish heights. Fog creeping into the cabooses of collier brigs; fog lying out on the yards and hovering in the rigging of great ships; fog drooping on the gunwales of barges and small boats. Fog in the

eyes and throats of ancient Greenwich pensioners, wheezing by the firesides of their wards; fog in the stem and bowl of the afternoon pipe of the wrathful skipper, down in his close cabin; fog cruelly pinching the toes and fingers of his shivering little 'prentice boy on deck. Chance people on the bridges peeping over the parapets into a nether sky of fog, with fog all round them, as if they were up in a balloon and hanging in the misty clouds» [Dickens:7-8]. – «Туман везде. Туман в верховьях Темзы, где он плывет над зелеными островками и лугами; туман в низовьях Темзы, где он, утратив свою чистоту, клубится между лесом мачт и прибрежными отбросами большого (и грязного) города. Туман на Эссекских болотах, туман на Кентских возвышенностях. Туман ползет в камбузы угольных бригов; туман лежит на ряях и плывет сквозь снасти больших кораблей; туман оседает на бортах баржей и шлюпок. Туман слепит глаза и забывает глотки престарелым гринвичским пенсионерам, хрипящим у каминов в доме признания; туман проник в чубук и головку трубки, которую курит после обеда сердитый шкипер, засевавший в своей тесной каюте; туман жестоко щиплет пальцы на руках и ногах его маленького юнга, дрожащего на палубе. На мостах какие-то люди, перегнувшись через перила, заглядывают в туманную преисподнюю и, сами окутанные туманом, чувствуют себя как на воздушном шаре, что висит среди туч» [Диккенс, 1960: 9].

«Never can there come fog too thick, never can there come mud and mire too deep, to assort with the groping and floundering condition which this High Court of Chancery, most pestilent of hoary sinners, holds this day in the sight of heaven and earth» [(Dickens:8-9). – «И в самом непроглядном тумане и в самой глубокой грязи и трясине невозможно так заплутаться и так увязнуть, как ныне плутает и вязнет перед лицом земли и неба Верховный Канцлерский суд, этот зловреднейший из старых грешников» [Диккенс, 1960: 10].

С помощью неоднократного анафорического повторения слова «fog» создается особый эмоциональный эффект, который убеждает читателя в том, что атмосфера формализма, бюрократизма, бесправия, несправедливости доминирует в «Холодном доме». Именно повтор дает возможность читателю извлечь подтекстовую информацию, прочитать «между строк», интерпретировать текст, позволяет разглядеть драматизм ситуации, понять характеры персонажей, нарисованные несколькими штрихами.

Анафорический повтор помогает автору обратить внимание читателя на юридические термины. «**On such an afternoon**, if ever, **the Lord High Chancellor** ought to be sitting her—as here he is—with a foggy glory round his head, softly fenced in with crimson cloth and curtains, addressed by a large advocate with great whiskers, a little voice, and an interminable brief, and outwardly directing his contemplation to the lantern in the roof, where he can see nothing but fog. **On such an afternoon** some score of members of **the High Court of Chancery bar** ought to be—as here they are—mistily engaged in one of the ten thousand stages of an endless cause, tripping one another up on slippery precedents, groping knee-deep in technicalities, running their goat-hair and horsehair warded heads against walls of words and making a pretence of equity with serious faces, as players might. **On such an afternoon** the various **solicitors** in the cause, some two or three of whom have inherited it from their fathers, who made a fortune by it, ought to be—as are they not?—ranged in a line, in a long matted well (but you might look in vain for truth at the bottom of it) between the registrar's red table and the silk gowns, with bills, cross-bills, answers, rejoinders, injunctions, affidavits, issues, references to masters, masters' reports, mountains of costly nonsense, piled before them» [Dickens: 9]. – «День выдался под статью лорд-канцлеру – в такой, и только в такой вот день подобает ему здесь воссесть, – и лорд-канцлер здесь восседает сегодня с туманным ореолом вокруг головы, в мягкой ограде из малиновых сукон и драпировок, слушая обратившегося к нему дородного адвоката с пышными бакенбардами и тоненьким голоском, читающего нескончаемое краткое изложение судебного дела, и созерцаая окно верхнего света, за которым он видит туман и только туман. День выдался под статью членам адвокатуры при Верховном Канцлерском суде, – в такой-то вот день и подобает им здесь блуждать, как в тумане, и они в числе примерно двадцати человек сегодня блуждают здесь, разбираясь в одном из десяти тысяч пунктов некоей донельзя затянувшейся тяжбы, подставляя ножку друг другу на скользких прецедентах, по колено увязая в технических затруднениях, колотятся головами в защитных париках из козьей шерсти и конского волоса о стены пустословия и по-актерски серьезно делая вид, будто вершат правосудие. День выдался под статью всем причастным к тяжбе поверенным, из коих двое-трое унаследовали ее от своих отцов, зашибивших на ней деньгу, – в такой-то вот день и подобает им здесь сидеть, в длинном, устланном коврами «колодце» (хоть и бессмысленно искать Истину на его дне); да они и сидят здесь все в ряд между покрытым красным сукном столом регистратора и адвокатами в шелковых мантиях, навалив перед собой кипы исков, встречных исков, отводов, возражений ответчиков, постановлений, свидетельских показаний, судебных решений, референтских справок и референтских докладов, словом, – целую гору чепухи, что обошлась очень дорого.»

Анафорический повтор усиливает смысловую роль, создает особый ритм высказывания, придает ему четкость и стройность, повышает экспрессию и облегчает понимание сложных юридических процедур. Различные стилистические приемы (метафоры, сравнения, гиперболы, повторы), юмор и ирония помогают Диккенсу увлечь читателей в мир юриспруденции.

На наш взгляд, правоведам и практикующим юристам будет особенно полезно, познакомится с историей английской юридической системы, благодаря этому знакомству они смогут приобрести «опыт», расширить «эмоциональные горизонты», сравнить юридическую систему России и Великобритании. Способна ли подобная литература сделать нас более нравственными, как полагают некоторые авторы работ по «праву и литературе» или «гуманизирующее» влияние литературы на юриспруденцию является заблуждением? [Третьяков, 2011]. Очевидно, что ценности и ориентиры, выраженные в художественной форме, проникают

в более глубокие пласты сознания и формируют ценностные установки личности. Художественная литература может служить для юристов и правоведов «источником фоновых знаний», так как изображает интересные «гипотетические ситуации для проверки правовых принципов» [Третьяков, 2011]. К тому же, наряду с литературоведением, она учит правильно читать и писать юридические тексты – в той мере, в какой средством убеждения служат не только факты и логика, но и риторика. В конце концов, правовым текстам никогда не помешает стать лучше в стилистическом отношении.

Библиографический список

1. Geoffrey, R. *Understanding the Law* / R. Geoffrey. – Oxford : Oxford University press, 2009. – 389 p.
2. Третьяков, В. Право как литература – и наоборот / В. Третьяков // Новое литературное обозрение, 2011. – 112 с. – URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2011/112/tr35.html> (Рец. на кн.: R. A. Posner. *Law and literature*. – 3rd edn. – Cambridge, MA ; L. : Harvard University Press, 2009. – XVIII, 570 p.)
3. Dickens, C. *Bleak house* / C. Dickens // Free eBooks at Planet eBook.com. – 1307 p. – URL: <http://www.planetebook.com/ebooks/Bleak-House.pdf>
4. Диккенс, Ч. *Холодный дом* / Ч. Диккенс // *Собрание сочинения в тридцати томах* ; под общ. ред. Л. А. Аникста, В. В. Ивашевой. – М. : Гос. изд-во художественной литературы, 1960. – Т. 17. – 726 с.
5. Диккенс, Ч. *Посмертные записки Пиквинского клуба* : роман на англ. яз. / Ч. Диккенс. – М. : Зарубежная классика, 2016. – Т. 8. – 672 с.
6. Диккенс, Ч. *Посмертные записки Пиквинского клуба* / Ч. Диккенс. – М. : Правда, 1981. – Гл. I–XXIX. – 408 с.
7. Диккенс, Ч. *Посмертные записки Пиквинского клуба* / Ч. Диккенс. – М. : Правда, 1981. – Гл. XXX–LVII. – 408 с.
8. Харитонова, В. А. *Лекции по зарубежной литературе* / В. А. Харитонова ; пер. с англ. под ред. В. А. Харитонова ; предисл. А. Г. Битова. – М. : Независимая газета, 1998. – URL: <http://www.twirpx.com/file/57919/>

РЕЧЕВЫЕ ЖАНРЫ КОНФЛИКТНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В РАССКАЗАХ М. ЗОЩЕНКО

Ю. Н. Ильина, Н. А. Канева

Сыктывкар, Россия

SPEECH GENRES OF CONFLICT INTERACTION IN M. ZOSHCHENKO'S STORIES

Y. N. Ilina, N. A. Kaneva

Syktvykar, Russia

Аннотация. Рассказы М. Зощенко представляют заслуживающий внимание лингвоконфликтологический материал для изучения жанров конфликтного речевого взаимодействия и описания речевого поведения участников конфликта. В данном исследовании рассматриваются один гипержанр конфликтного характера – спор, его конфликтные сценарии, тактики и стратегии, а также средства реализации речевых столкновений. Внимание уделяется выявлению и характеристике доминантных жанров данного гипержанра.

Ключевые слова: спор, тип речевого поведения, тактика, речевой жанр.

Abstract. The stories of M. Zoshchenko are the material that deserves the attention of a linguistic conflictologist for studying the genres of conflict speech interaction and describing the speech behavior of the participants in conflict. The article describes one conflict-related hypergenre - dispute, its conflict scenarios, tactics and strategies, as well as the means that implement speech collisions. Attention is paid to the identification and characterization of the dominant genres of this hypergenre.

Key words: controversy, type of speech behavior, tactics, speech genre.

Речевые жанры конфликтного взаимодействия востребованы в комментариях социальных сетей, в ежедневном устном общении, в дискуссионных собраниях, дебатах, а также в художественной литературе. Тексты художественной литературы дают лингвоконфликтологу богатый материал, поскольку конфликт часто является сюжетообразующей единицей текста. При этом авторы произведений стремятся к оригинальности, что обуславливает разнотипность конфликтных ситуаций. Описание конфликта художественно-произведения и его анализ могут способствовать выработке принципов исследования реальных конфликтных ситуаций.

Рассказы М. Зощенко отличаются большим разнообразием представленных в них конфликтных ситуаций, в которых через речевое взаимодействие ярко высвечиваются пороки героев. Так, например, в рассказах М. Зощенко «Кошка и люди», «Облака», «Роза-Мария», «История болезни» и др. представлены конфликты, которые относятся к разным тематическим группам (социально-бытовой, нравственно-религиозный), воплощаются в разных речевых гипержанрах (ссора, спор, скандал).

В статье остановимся на гипержанре спор. Спор относится к информативным жанрам, цель которых – различные операции с информацией: ее предъявление или запрос, подтверждение или опровержение [Шмелева 1997], [Дементьев 2010]. В рамках концепции семантических примитивов А. Вежибицкой спор может быть представлен так: 1. Знаю, что ты думаешь о Z нечто другое, чем я. 2. Думаю, что ты думаешь неправильно. 3. Говорю аргументированно. 4. Говорю это, потому что хочу, чтобы ты думал так же, как и я.

Рассказ «Кошка и люди» описывает социально-бытовой конфликт. Семья главного героя рассказа страдает от печного угара. Он приглашает в дом председателя жакта и казначея, которые, не обнаружив проблемы, отказывают жильцам в ремонте печи.

Герой-обыватель (пропонент) в начале разговора использует речевой жанр упрека и апеллирует к совести проверяющих: «*Товарищи, стыдно такие слова произносить*». Затем, объясняя причину обращения за помощью, он прибегает к приему персонализации: «*Мы всегда угорает через вашу печку*». Притязательное местоимение *ваш* призвано назвать настоящих виновником нарушения условий проживания.

Далее герой доказывает свое утверждение фактом: «*Давеча кошка даже угорела. Ее тошнило давеча у ведра. А вы говорите жить можно*». Усилительная частица (*даже*) и указание деталей произошедшего (*у ведра*) призваны убедить слушающих в достоверности происходящего.

Пропонент демонстрирует конфликтный тип речевого поведения в его радио-эвристической стратегии (в терминологии К. Ф. Седова) [Седов 2000]. Герой рассудочно проявляет негативные эмоции в непрямых, косвенных формах. Он пытается открыть глаза проверяющих на неисправность печи, используя упрек, апелляцию к совести, персонализацию.

Председатель формально демонстрирует кооперативный тип речевого поведения, который отличается доминирующей в общении установкой на партнера коммуникации. Он готов пойти на уступку и переложить печь, если герой докажет ее неисправность: *«Тогда устроим сейчас опыт и посмотрим, угорает ли ваша печка. Ежли мы сейчас после топки угорим – ваше счастье – переложим».*

Однако на самом деле поведение председателя носит исключительно манипулятивный характер. Председатель предлагает проверить, вреден ли дым печи, с помощью кошки, как бы перенося ответственность с себя на кошку, полагаясь на ее беспристрастность: *«Позовите кошку. Ежели кошка будет смирно сидеть, значит, ни х** нету. Животное завсегда в этом бескорыстно. Это не человек. На неё можно положиться».*

Председатель использует тактику дополнительного средства убеждения, когда из высказанных аргументов можно сформулировать ложный тезис, который явно не соответствует общему ходу рассуждения, и оставить истину сокрытой. Жилец не успевает адекватно оценить ситуацию и идет на поводу у председателя.

Третий герой рассказа – казначей – воплощает центрированный (пассивно-центрированный) тип речевого поведения, который характеризуется наличием установки на себя при игнорировании партнера коммуникации. Казначей не переключается на точку зрения жильца: он переводит разговор на себя, дает принципиально банальные реакции на информацию, касающуюся коммуникативного партнера.

Используя речевой жанр намека, казначей неявно обвиняет жильца в завышенных требованиях через сравнение с условиями собственного проживания: *«У меня, говорит, в квартире атмосфера хуже воняет, и я, говорит, не скулю понапрасну. А тут совершенно дух ровный... Мне ваш воздух вполне полезный. Натуральный воздух, годный для здоровья.»* Глагол *скулить* 'докучать жалобами, ныть, плакаться на что-н. разг. перен.' свидетельствует о его пренебрежительном, неодобрительном отношении к жалующемуся.

В конце рассказа казначей угорает и отправляется в больницу. Оба представителя жакта, маскируясь, используют манипулятивный тип поведения. Смысл манипуляции заключался в сознательном нарушении сотрудниками жакта такого принципа речевого общения, как кооперативность. Кооперация предполагает взаимопонимание и одинаковые презумпции общающихся. Но именно такое совпадение сотрудникам жакта не нужно. Они, имитируют спор в сфере языка-знака, а на самом деле стремятся к победе в сфере языка-внушения.

Пропонент был недостаточно настойчив в защите своей позиции и потому проиграл в споре. В речи героя-обывателя можно проследить следующую линию поведения: 1. эмоциональный всплеск, выражающийся через речевой жанр упрек; 2. переход к рационально-эвристическому типу поведения (аргументированное обоснование своей позиции с элементами скрытой манипуляции; на этой стадии используются речевые жанры убеждения и возражения); 3. этап принятия ситуации и смирение; затухание и философское переосмысление произошедшего (*«Ну что ж делать? Привыкаю. Человек не блоха – ко всему может привыкнуть»*).

В рассказе «Роза-Мария» представлен другой тип конфликта – конфликт социально-бытовой, осложненный идеологической составляющей.

Герой рассказа «Роза-Мария», «некто товарищ Лебедев», атеист, по настоянию родственников решает крестить свою новорожденную дочь. В церкви, ожидая своей очереди, Лебедев всё время задирает бабюшку колкими замечаниями. Родители зарегистрировали младенца в загсе под именем Роза.

Скептическое отношение Лебедева к религии и отсутствие имени Роза в святцах становятся причиной спора Лебедева и церковнослужителя. Герой не может справиться с противоречивыми чувствами, которые охватили атеиста, оказавшегося в церкви.

Сначала Лебедев бросает колкие замечания в адрес попа и в шуточной форме угрожает ему: *«И даже шуточно, правда, сказал: «Ну, гляди, борода, чтобы ребёнок мой не простыл благодаря твоему крещению. А то я тебе прямо храм спалю».* Об инвективном поведении Лебедева свидетельствуют сами способы обращения к попу: грубовато-фамильярное обращение *борода* и панибратское, неуважительное *ты*. Жанр угрозы воплощен в двух компонентах: договоренности (ребенок не должен простыть) и «возмездии» за их нарушение (спалю храм). Лебедев также четко обозначает свою непричастность к происходящему, используя противопоставление притяжательных местоимений: *мой ребенок – твое крещение.*

Поп реализует радио-эвристический тип поведения. Он старается объяснить Лебедеву, чем опасно его поведение. Поп использует речевой жанр убеждение, обращается на Вы, выстраивает причинно-следственные связи между речевым поведением Лебедева и будущим его дочери: *«В тот момент, когда я держу вашу девочку в руках, вместо очистительной молитвы у меня в душе разгорается против вас злоба и сквернословие <...> Да, может, теперь её всю жизнь будет лихорадить, или, наоборот, она станет глухонемая».*

Поп, очевидно, использует для убеждения опасную тему: он косвенно угрожает нанесением вреда здоровью младенца. Лебедев, меняя эмоционально-экспрессивную окраску с «шуточно» на «серьезно», придерживается избранной линии речевого поведения: обращается на ты и использует речевой жанр угроза: *«Ну, если ты мне младенца испортишь, то я тебе все кудри вырву, имей это в виду».*

Поп в данной ситуации перестраивает свое речевое поведение и зеркально отвечает Лебедеву на угрозу. Он меняет регистр общения, переключается на понятный Лебедеву язык: регистр речи попа снижается до просторечия, бранной речи. Младенца он называет бранно *щенком*, самому Лебедеву предлагает

выкатываться: *«Знаешь что. Лучшие заверни своего щенка в одеяло и выкатывайся из храма»*. Поп меняет и тактику разговора: он обращается к косвенной угрозе не выполнить свою работу, в которой семья Лебедева заинтересована: *«И я тебе верну твою пятёрку, и мы разойдёмся по-хорошему, чем я буду всё время такое нахальство слышать»*.

Отказ священника и реакция возмущенной публики заставляет Лебедева согласиться. Он, используя фамильярное обращение *«длинногривый»*, тем не менее меняет речевой жанр угрозы на совет: *«Ну, ладно, не буду больше. Веди благородней крещение, длинногривый.»*

На данном этапе можно скорее говорить о соре, поскольку участники еще не сформулировали тезис, который можно было бы опровергать или обосновывать. Они не заинтересованы в поиске истины. Однако возникает вопрос об имени младенца, и выясняется, что имя Роза еврейское и крестить под этим именем девочку священник не будет. Для выражения своей позиции поп обращается к речевому жанру сетования (жалобы на досадные обстоятельства, поступки кого-либо): *«Мало того, что вы меня поддевали, так теперь выясняется, что вы не то имя дали младенцу»*, а затем – отказа и веления: *«Роза – суть еврейское имя, и под этим именем я её крестить отказываюсь. Заверните её в одеяло и идите себе из храма»*.

Лебедеву трудно перестроиться, и он по инерции реализует инвективный тип поведения: в присутствии попа для его именованья он использует местоимение 3 л. ед. ч.: *«Ещё того чище. То он на ребёнка лихорадку нагоняет, то вообще отказывается его крестить»*.

Вместе с тем герой предпринимает попытку выступить в роли рационально настроенного собеседника. Лебедев пытается убедить священнослужителя в возможности крещения, пробуя разрешить конфликт с помощью рассуждения и сравнения, идти на уступки и отказ от спора: *«А это имя есть от слова «роза», то есть это есть растение, цветок. А другое дело, например, Розалия Семёновна – кассирша из кооператива. Там я не спорю: есть еврейское имя. А тут вы не можете отказываться её так крестить»*.

Получив отказ, Лебедев прибегает к идейному разоблачению попа: *«Я же вам говорил. Вот какой это поп. Он против загса идёт. И сейчас всем видать, какое у него нахальное политическое мировоззрение»*.

Выход из положения находит третье лицо – приезжий, оказавшийся в церкви. Позиция приезжего в отношении к церкви совпадает с точкой зрения Лебедева. Разница в том, что тот оказался на ступеньку выше в культурном отношении и более деликатен, чем Лебедев. Он предлагает компромисс – двойное имя Роза-Мария, приводя аргумент: *«И вместе это даёт Роза-Мария. И даже есть такая оперетка, которая нам сигнализирует, что это в Европе бывает»*.

Поп, прибегая к уступке («если хотите...»), крестит младенца: *«Если хотите, я её Марией назову. Но Роза – даже мысленно произносить не буду»*. Лебедев, соглашается на компромисс, возвращается к инвективному типу поведения, откладывает решение проблемы: *«Ну, пёс с ним. Пуцай он тогда её Марией назовёт. А после мы разберёмся»*.

Итак, рассмотренные рассказы М. Зощенко описывают социально-бытовой конфликт: «Кошка и люди» – конфликт этого типа в чистом виде; рассказ «Роза-Мария» – социально-бытовой конфликт, осложненный идейной составляющей.

На языковом уровне оба спора с помощью притяжательных местоимений выражают оппозицию «я – ты» / «мы – вы», которая лежит в основе самого гипержанра спор: *«угораем через вашу печку»* и *«мой ребёнок – твоё крещение»*. В речи героев рассказов встречаются типичные речевые и тактические конфликтогены.

Главные герои (пропоненты) обоих рассказов используют (с самого начала или позже, перестраиваясь) рационально-эвристическую стратегию поведения, которая опирается на рассудочность, заставляет проявлять негативные эмоции в не прямых, косвенных формах. Так, главный герой рассказа «Роза-Мария» от жанра угрозы, типичного для инвективного типа речевого поведения, переходит к жанру совета.

Анализ речевых конфликтов в художественных произведениях, как кажется, поможет упрочить научное обоснование некоторых речевых жанров, раскрыть или подтвердить некоторые их особенности, а также способствует выработке принципов исследования реальных конфликтных ситуаций.

Библиографический список

1. Голев, Н. Д. Речевой жанр ссоры и конфликтные сценарии (на материале рассказов В. М. Шукшина) / Н. Д. Голев, Н. Б. Лебедева // Юрислингвистика-2: Русский язык в его естественном и юридическом бытии : межвуз. сб. науч. тр. / под ред. Н. Д. Голева. – Барнаул, 2000. – С. 179–195.
2. Дементьев, В. В. Теория речевых жанров / В. В. Дементьев. – М. : Знак, 2010. – 600 с.
3. Зощенко, М. Кошка и люди / М. Зощенко // Собрание сочинений : в 3 т. – Л. : Художественная литература, 1986. – Т. 1: Рассказы и фельетоны. – С. 406–408.
4. Зощенко, М. Роза-Мария / М. Зощенко // Собрание сочинений : в 3 т. – Л. : Художественная литература, 1986. – Т. 2: Сентиментальные повести. Рассказы и фельетоны 1930–1940-х гг. – С. 329–332.
5. Седов, К. Ф. Речевое поведение и типы языковой личности / К. Ф. Седов // Культурно-речевая ситуация в современной России. – Екатеринбург : Изд-во Уральского ун-та, 2000. – С. 298–311.
6. Третьякова, В. С. Конфликт как феномен языка и речи / В. С. Третьякова // Проблемы образования, науки и культуры: Известия Уральского гос. ун-та. – 2003. – Вып. 14, № 27. – С. 143–152.
7. Шмелева, Т. В. Модель речевого жанра / Т. В. Шмелева // Жанры речи. – Саратов, 1997. – С. 88–99.

ЦЕНЗУРА И «ЭФФЕКТ ВЕРТЕРА»: ДИЛЕММА СВОБОДЫ И ПРАВА НА ЗАЩИТУ

Л. Л. Корнеева

Нежин, Украина

CENSORSHIP AND THE "WERTHER EFFECT": THE DILEMMA OF FREEDOM AND THE RIGHT TO DEFENSE

L. L. Korneyeva

Nizhyn, Ukraine

Аннотация. Рассматривается влияние художественных текстов на реальное суицидальное поведение, проявление «эффекта Вертера». Аргументируется, что образы, служащие объектами для подражания, могут ошибочно интерпретироваться как высокодуховные и нравственные, заслуживающие наследования. Обосновывается, что защиту уязвимого реципиента может выполнить качественная профессиональная интерпретация.

Ключевые слова: «эффект Вертера», любовь, суицид, свобода слова, цензура, Гёте.

Abstract. The article examines the influence of artistic texts on real suicidal behavior, the manifestation of the "Werther effect". It is argued that images serving as objects for imitation can be mistakenly interpreted as highly spiritual and moral, deserving inheritance. It is justified that a qualitative professional interpretation can provide protection of a vulnerable recipient.

Key words: "Werther effect", love, suicide, freedom of speech, censorship, Goethe.

Роман И. В. Гете «Страдания Юного Вертера» является одним из тех шедевров мировой литературы, которые не только сохраняют актуальность в наше время, но и создают все новые интерпретации и проблемные перспективы. Наиболее резонансным тематическим ракурсом романа «Страдания юного Вертера» является мотив неразделенной любви, из-за которой, якобы, главный герой совершает самоубийство. Общественный отклик на роман сразу после его печати сопровождался, среди прочего, и чередой реальных самоубийств, которые начали совершать молодые люди под влиянием этого литературного шедевра Гете. По этой причине роман был даже на некоторое время запрещен в Дании, Италии и других европейских странах. А уже в XX веке имя главного героя произведения Гете было использовано американским социологом Дэвидом Филлипсом в введенном им в научный оборот термине «эффект Вертера» (или «синдром Вертера»). «Эффект Вертера» – это наследуемое (или, иначе, кластерное) самоубийство, совершаемое человеком под влиянием самоубийства литературного или кинематографического героя, или же широко освещенного СМИ суицида.

Примеры связи совершенных реальными людьми суицидов с сюжетными линиями и образами-прототипами художественных произведений наблюдались и за пределами Европы. Например, в Японии на рубеже XVII-XVIII в. значительное распространение получили двойные (парные) самоубийства влюбленных. В определенной степени этому явлению способствовала популярность прозаических произведений поэта и писателя Ихары Сайкаку и пьес драматурга Мондзаэмона Тикамацу, которые в своих произведениях часто обращались именно к теме двойного самоубийства влюбленных. Талантливые драматические произведения, в которых описывались чувства и переживания героев, пришедшие в итоге к идее совместного самоубийства, заставляли зрителей не только сопереживать, но и примерять на себя трагическую сюжетную коллизию. Для некоторых это заканчивалось реальным повторением судьбы вымышленных драматургами героев. По сути, это было проявление того же «эффекта Вертера». Власти Японии, так же, как позже и власти многих европейских стран, пытались бороться с распространением спровоцированных литературой и театром суицидов путем запретов. Конечно, мотивация и культурная обусловленность самоубийства влюбленных в произведениях японских авторов радикально отличалась от причин самоубийства Вертера. Но вот самоубийство реальных молодых людей в обеих культурах происходило по схожей схеме – подражание поведению литературного героя.

Существуют многочисленные примеры, подтверждающие действие эффекта Вертера и в более близкие к нам времена. С XX века кроме литературных произведений толчок к подражательному суициду могут дать и кинофильмы или подробно освещенные в СМИ реальные самоубийства. Так, было зафиксировано не менее 25 подражательных самоубийств совершенных под влиянием просмотра оscarоносного фильма «Охотник на оленей» (1978; реж. Майкл Чимино) [David Mikkelson 2010]. В исследовании «Эффект Вертера после телевизионных фильмов: новое подтверждение старой гипотезы» Armin Schmidtke и Heinz Häfner указали на рост на 175% подражательных самоубийств молодых мужчин после демонстрации в Германии в

1981 и 1982 годах небольшого еженедельного телесериала «Смерть студента», каждая из шести серий которого начиналась кадрами смерти студента под колесами поезда вследствие самоубийства и в каждой из которых предлагался новый взгляд, иная причина, иной ракурс трагедии [Schmidtke A., Hafner H. 1988].

Конечно, как социум в целом, общественность, государство, так и научное сообщество не могут стоять в стороне от таких тревожных и драматических фактов, как провоцирование (пусть и ограниченного количества людей) к подражательному суициду. Уже упоминалось о запрете «Страданий молодого Вертера» в некоторых европейских странах на пике популярности романа Гете и о запретительных действиях японского сёгуната в отношении пьес с поэтическим изображением самоубийства влюбленных. В наши дни во многих странах действуют определенные ограничения или даже запрет на освещение в СМИ случаев самоубийства и некоторых видов преступлений. Впрочем, надо признать, что развитие техники видеозаписи, ее доступность широкой публике вместе с сетью интернет делают такие запреты все большей формальностью. Кроме того, в данной публикации говорится прежде всего о ситуациях, в которых эффект Вертера проявляется под влиянием художественного произведения. А любая цензура в сфере искусства, какой бы благой целью она не обуславливалась и не объяснялась, в нашем культурно-историческом времени однозначно будет иметь больше негативных последствий, чем реального результата и, следовательно, целесообразности. Поскольку, опять же, в условиях современных информационных технологий любой запрет становится скорее формальным жестом (если исключить жесткое карательно-репрессивное давление). Поэтому весьма актуальным является поиск оптимального выхода из сложной ситуации, когда мы, с одной стороны, признаем полное право художника на свободу творчества, однако, с другой стороны, результат этого творчества может нести социально вредные или даже настолько трагические для конкретного реципиента последствия, как эффект Вертера. Автор публикации исходит из того, что ответственность в этой ситуации должна быть возложена прежде всего на профессионального интерпретатора – ученого, искусствоведа, критика, преподавателя. Конечно, эффект Вертера является личностной реакцией реципиента и базируется на его личном понимании и его индивидуальной реакции на тот или иной текст. Но все же именно профессиональные эксперты-интерпретаторы задают своего рода культурный код прочтения того или иного текста, создают определенную установку восприятия, которые различными путями распространяются в культурном пространстве и существенным образом влияют на индивидуальное восприятие и понимание произведения рядовым реципиентом. На примере романа Гете «Страдания молодого Вертера» в данной статье ставится задача доказать, что эффект Вертера может базироваться, среди прочего, на недостаточно полной или недостаточно корректной интерпретации произведения. В частности, когда как возвышенные, духовные, поэтические и правдивые (и, следовательно, достойные подражания), – преподносятся и/или понимаются на самом деле сниженные, болезненные, эгоистичные, себялюбивые, ложные и губительные мотивации и причины поступков героя.

И. П. Эккерман вспоминал: «– Это создание, – сказал Гете, – я, как пеликан, вскормил кровью собственного сердца и столько в него вложил из того, что таилось в моей душе, столько чувств и мыслей, что, право, их хватило бы на десяток таких томиков. Впрочем, как я уже говорил вам, я всего один раз прочитал эту книжку, после того как она вышла в свет, и поостерегся сделать это вторично. Она начинена взрывчаткой! Мне от нее становится жутко, и я боюсь снова впасть в то патологическое состояние, из которого она возникла» [Эккерман 1986 : 457]. Признание Гете весьма значимо. Если сам автор чувствовал жуть от созданного им же самим текста, то еще более опасное влияние этот текст действительно мог иметь на рядового читателя.

Вероятно, потенциал влияния «Страданий молодого Вертера» объясняется прежде всего чрезвычайно совершенным художественно-эстетическим уровнем, на котором автором романа реализована весьма специфическая тема обусловленного любовью (вернее, якобы обусловленного любовью) суицида. Границы данной публикации не предусматривают детального освещения вопроса эстетического потенциала текста, поэтому ограничусь замечанием, что эстетические практики, реализованные в конкретном художественном тексте, вполне способны к введению реципиента в измененное состояние сознания (ИСС – принятое в научном обороте сокращение) путем внушения определенных эмоций, переживаний, чувств, настроений и тому подобное. Причем ИСС может иметь как положительную, так и отрицательную направленность и функциональность. Среди использованных Гете средств, которые могут способствовать внушению определенного эмоционального состояния, следует вспомнить саму эпистолярную форму романа. Причем эпистола здесь имеет фактически монологическую форму, образует иллюзию обращения героя непосредственно к читателю, разговора с глазу на глаз, – и потому формирует особенно доверительную атмосферу, в которой легко передаются, прививаются эмоции и настроения.

Почти с самого начала Гете тонко и до мельчайших деталей передает драматургию чувства, которое охватывает Вертера. Волны тревоги и дискомфорта ритмично накатывают и отступают, чередуясь с сюжетными интермедиями или вполне благоразумными и рациональными рассуждениями Вертера. Впрочем, эти расцветочные различными трагедийными оттенками волны беспокорства, страдания, смятения, паники, муки и скорби поднимаются каждый раз мощнее и угрожающе. Максимум трагичности эмоции достигают в перепадах Оссиана.

Наследуемое самоубийство может произойти как в ситуации, когда человек действительно не видит иного выхода для себя, так и в ситуации, когда самоубийство кажется ему высоким жестом, своего рода достойным подражания духовным актом. Постепенное ритмичное нагнетание отчаяния и сосредоточение на

теме смерти достигает апогея в пафосном воспевании гибели героев Оссиана. В данной публикации не ставится целью выяснения подробностей оссиановской темы и всех деталей литературной мистификации. В данном случае важно, что чтение Вертером Лотте (и читателю!) переводов Оссиана становится своего рода апогеем трагического ощущения мира, переломным моментом, окончательным принятием трагической судьбы. Ю. Д. Левин пишет о героях Оссиана: «Эмоциональный мир героев обычно согласуется с переживаниями рассказчика, и в поэмах господствует скорбное, меланхолическое настроение. При этом Оссиан и его герои в самих горестях находят некое наслаждение, упиваются своей печалью, испытывают «радость скорби» (joy of grief) – эти слова постоянно встречаются на страницах поэм. С настроением барда согласуется и окружающая природа» [Левин, 1983: 469].

Kathryn Edmunds в своей работе справедливо отмечает, что имеет значение влияние фрагмента романа Гёте с «Песнями Оссиана» не только на нас, как читателей, но и на Вертера как читателя, в том числе влияние чтения Вертером Оссиана на продолжение его последнего письма Лотте: «I am interested in the effects of these Ossianic passages not only on us as readers but also on Werther as reader and, subsequently, as author of the next portion of his letter» [Edmunds 1996: 63]. По мнению К. Edmunds, функция «оссиановской» вставки в том, чтобы существенно изменить настроение Вертера, его восприятие смерти и отношение к Лотте. Впрочем, по моему мнению, «Песни Оссиана» становятся определенной неожиданностью, способной внезапно поразить, только для читателя романа Гёте, но не для самого Вертера. Ведь Вертер, по сюжету, сам является переводчиком этих песен. Следовательно, он провел над этими текстами много времени, углубляясь в их возвышенный и трагический мир. Перевод требует незаурядной эмпатии, «вживания» в текст и его образы, значительного времени, проведенного наедине с этими образами. И такой длительный процесс никак не может быть менее значимым по влиянию, чем перечитывание уже завершеного перевода.

Именно тексты Оссиана становятся тем невидимым для читателя романа фоном, на котором разворачивается душевная драма Вертера. Подобно тому, как роман Гёте сыграл роковую роль в судьбе некоторых молодых людей, которые под его влиянием совершили самоубийство, для самого Вертера такую роковую роль сыграли «Песни Оссиана». Можно сказать, что появлению «эффекта Вертера» в реальной жизни предшествовал своего рода «эффект Оссиана» в романе. О Вертера же можно сказать словами одного из погибших оссиановских героев, – Филлана: «I am fallen in the first of my fields; fallen without renown» (Я пал на первом из моих полей, упал без славы ...).

Итак, роман Гёте «Страдания молодого Вертера» является одним из таких художественных текстов, эмпатическое углубление в которые способно вызвать у читателя измененное состояние сознания. Тема гибели, смерти постепенно приобретает в романе все большую выразительность и силу и достигает в «оссиановых песнях» настолько возвышенного, экстатического эмоционального накала, что, очевидно, далеко не каждый психологически уязвимый человек способен без последствий перейти от навязанное этим текстом измененного состояния сознания к обыденной жизни. По моему мнению, именно эпизод с чтением «переводов Оссиана» становился критическим и для тех людей, которые испытали на себе действие «эффекта Вертера». В данном случае можно предполагать и возможность возникновения у читателя так называемого «океанического чувства» (введено в научный оборот З. Фрейдом с подачи Р. Роллана понятие), – впрочем, в крайне негативной форме. Самоубийство Вертера после этого фрагмента становится неизбежной очевидностью, потому что все уже решилось и определилось на высоте гор, ущелий, морских волн и равнин, на которых тоскуют по умершим и погибают в трагической бездне бытия «настоящие герои» Оссиана. Вертер следует за ними. А вслед за Вертером пошли и некоторые из читателей непревзойденного по магии воздействия романа Гёте.

Человек даже на подсознательном уровне стремится к получению одобрения и уважения со стороны других людей. Поэтому и старается воспроизводить поступки, которые считает правильными, достойными, заслуживающими уважения. Однако всегда ли романтические герои заслуживают быть образцом для подражания?

Однозначная поддержка сентиментализмом и романтизмом всех личностных переживаний, глубоких и противоречивых человеческих эмоций, чувств была исторически обусловленным, необходимым и прогрессивным в свое время шагом в искусства. Впрочем, в пылу споров и борьбы с порой слишком рационализированными и формализованными принципами классицизма, поборники прав каждой личности на индивидуализированное проявление чувств и на самоценность индивидуального внутреннего мира часто неоправданно идеализировали и эти чувства, и этот внутренний мир. Принято считать, что романтическая любовь является возвышенным, духовным состоянием, достойным образцом для подражания. При этом часто упускается тот факт, что повышенное внимание к внутреннему миру и личностным переживаниям неотъемлемо сопровождается повышенным же вниманием к физиологии, которой эти переживания часто и порождаются, и транслируются во внешний мир.

Если внимательно перечитать роман «Страдания молодого Вертера», то можно заметить, что, несмотря на все высокие и поэтические слова, Вертера прежде всего и главным образом угнетает невозможность физического удовлетворения его страсти. Вот, например, Вертер в который раз пишет о своем физическом влечении «О, какую пустоту, какую невыносимую пустоту чувствую я в груди! Я часто думаю: если бы хоть раз, хоть единственный раз прижать ее к своему сердцу, то вся эта пустота была бы заполнена». Или в другом письме: «Я не мог дольше выдержать и, склонившись, дал себе клятву: «Никогда я не осмелюсь поцеловать вас, дорогие, вдохновенные духом небесным уста!» И все же ... я хочу ... Понимаешь, что стена стоит между мной и ... блаженством ... Переступить? А тогда искупить грех. Разве это грех?» А вот

еще одно признание, в котором Вертер сравнивает себя с ребенком: «Я уже сотни раз порывался броситься ей на шею! Один Господь святой знает, что со мной происходит, когда я вижу перед собой такую прелесть и не смею прижать ее к себе. Ведь привлекать к себе – это естественное стремление человека. Разве ребенок не хватается за все, что ему понравится?.. А я?»

Так или иначе, физическая страсть является только одной из составляющих человеческой любви. Из всех же этих составляющих едва ли не самой существенной является желание и способность заботиться о любимом человеке. Вот этого самого главного компонента любви в чувстве Вертера как раз и не хватает. Потому забота любящего – это гораздо больше, чем добытый однажды Вертером апельсин. Это чувство, которое, даже будучи безответным, соединяет двух людей ради чего-то будущего и совершенного, для жизни и блага. И пока человек действительно любит, он никогда не оставит любимого или любимую без своего заботливого присмотра, не откажется от возможности в любой момент оказать необходимую помощь. Вертер же не любит Лотту. Он хочет Лотту. Он не случайно несколько раз проговаривается: «Какой же я ребенок!». А потом о своем желании Лотты: «Разве ребенок не хватается за все, что ему понравится?.. А я?». Вертер физически взрослый человек, но внутренне он инфантильный, весьма капризный и эгоистичный ребенок, который хочет Лотту. «... Если бы хоть раз, хоть единственный раз ...», – упорно твердит он. Возможно, права Лотта, говоря Вертеру: «Ох, боюсь, боюсь, что только невозможность владеть мною делает меня такой привлекательной для вас». Можно сказать и так, что Вертер хочет «дозу Лотты» почти как наркоман дозу своего зелья, – тем более, что и физическая сексуальная потребность и наркотическая зависимость имеют общую биохимическую природу. А не получив дозы, Вертер не выдерживает «ломки» и накладывает на себя руки, – не забыв при этом отомстить Лотте. Он сознательно втягивает ее в трагический сюжет своего самоубийства, всячески стремится переложить на нее ответственность за свою смерть. В конце концов, у него это получается. Лотта, которая не способна разобраться в таком себе «наивном коварстве» Вертера, сама оказывается на грани гибели. Вертер, собственно, этого и хотел, и добивался, – мести!

Вертер иногда говорит очень правильные слова. Но его слова и действия, как, к сожалению, нередко случается в жизни, расходятся. Эгоизм и бесчувственность по отношению к Лотте не единственный недостаток героя романа Гете. Вертер неуравновешен, эгоистичен, часто высокомерен. В своих карьерных проблемах он несправедливо обвиняет мать и друга – адресата своих писем. Выяснение всех ракурсов личности главного героя романа, в том числе его слабостей и недостатков, взвешенная и объективная оценка мотиваций и последствий суицида героя, развенчание искусственно приписанного ему ореола превосходства, духовности и возвышенности может быть определенной «противоядием» к действию «эффекта Вертера» на впечатлительного читателя.

Еще одна важная составляющая «противосуицидальной прививки» может быть взята из расхожего тезиса об автобиографичности сюжета «Страданий молодого Вертера». В утверждении об автобиографичности также есть существенный ошибочный момент. В жизни Гёте действительно была неразделенная любовь к женщине по имени Лотта, которая была невестой другого. Но этого недостаточно, чтобы говорить о настоящем автобиографизме. Вероятно, опыт неразделенной любви у многих людей, и сам по себе этот факт не может быть базой оригинальной сюжетной линии. Сюжетную линию формирует не сам по себе факт безответной любви, но реакция на этот факт героя. И вот в этой своей реакции Гете ведет себя кардинально иначе, нежели созданный им литературный герой. Вертер совершает самоубийство, чувствуя себя раздавленным невозможностью удовлетворить свою любовную страсть. Гете же чрезвычайно удачно сублимирует свое чувство в творческое русло и пишет роман, отстраняясь тем самым от негативных переживаний. Вертер в безнадежности накладывает на себя руки, а его прототип-автор становится великим писателем. Поэтому, по моему мнению, при упоминании об автобиографичности романа следует не упускать из виду, что автора произведения и его героя влюбленность приводит к слишком разного рода действиям, поведению, а в конечном итоге – и разному результату.

Из всего изложенного можно сделать определенные выводы.

1. Возможность произведений искусства влиять на реципиентов на уровне устойчивого формирования определенного мироощущения, введение в измененное состояние сознания, – одним из негативных последствий чего может быть и, например, «эффект Вертера», – требует от профессиональных экспертов-интерпретаторов художественного текста не меньшей этической ответственности, нежели от представителей естественнонаучной сферы.

2. «Страдания молодого Вертера» И. В. Гете является примером текста, культурно-историческое значение которого вступает в противоречие с негативными последствиями его прочтения для отдельных уязвимых реципиентов. Основную опасность здесь несет игнорирование довольно сниженных и негативных аспектов поведения и чувств главного героя. Впрочем, реинтерпретация образа Вертера в коем случае не умаляет значение романа Гете, но открывает новые интересные ракурсы его прочтения. Взятый в данной публикации ракурс анализа образа литературного героя может быть использован и при рассмотрении отдельных образов других литературных произведений, темой которых является любовь. Деидеализация образа и чувств главного героя, намеченная в данной публикации, может служить примером предотвращения «эффекта Вертера» в тех случаях, когда причиной такой психической коллизии является (или считается) любовь.

3. При анализе автобиографических источников литературных произведений, сюжет которых завершается смертью главного героя следует учитывать тот очевидный факт, что прообраз-автор завершает свою жизненную коллизию не смертью, а творчеством и успехом.

4. Цензура в принципе может выступать (и применялась в истории) в качестве своего рода средства защиты реципиента от вредной и опасной для него информации. Однако при современной этической сомнительности цензуры в сфере искусства и ее практической неэффективности в эпоху современных технологий риски возможного негативного влияния художественного текста может и должна уменьшать его более глубокая и профессиональная интерпретация.

Библиографический список

1. Левин, Ю. Д. «Поэмы Оссиана» Джеймса Макферсона / Ю. Д. Левин // Джеймс Макферсон. Поэмы Оссиана. – Л. : Наука. Ленингр. отд-ние, 1983. – С. 461–501.
2. Эккерман, И. П. Разговоры с Гёте в последние годы его жизни / И. П. Эккерман. – М. : Художественная литература, 1986. – 669 с.
3. Edmunds Kathryn «der Gesang soll deinen Namen erhalten»: Ossian, Werther and Texts of/for Mourning // Goethe Yearbook. – 1996. – Vol. 8. – P. 45–65.
4. Mikkelson, D. The Deer Hunter and Suicides / D. Mikkelson // Snopes.com. Retrieved. – 2010. – URL: <http://www.snopes.com/movies/films/deerhunter.asp>
5. Schmidtke, A. The Werther Effect After Television Films: New Evidence for an Old Hypothesis / A. Schmidtke, H. Hafner // Psychological Medicine. – 1988. – Vol. 18 (3). – P. 665–76. – URL: https://www.researchgate.net/publication/19891969_The_Werther_Effect_After_Television_Films_New_Evidence_for_an_Old_Hypothesis

ОБРАЗ СЛЕДОВАТЕЛЯ В РОМАНАХ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО «ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ» И Г. БЁЛЛЯ «ГРУППОВОЙ ПОРТРЕТ С ДАМОЙ» (ОПЫТ СОПОСТАВИТЕЛЬНОГО АНАЛИЗА)

Л. А. Мельникова

Балашов, Россия

THE IMAGE OF THE INVESTIGATOR IN F. M. DOSTOYEVSKY'S NOVEL "CRIME AND PUNISHMENT" AND H. BÖLL'S NOVEL "GROUP PORTRAIT WITH A LADY" (AN EXPERIENCE OF A COMPARATIVE ANALYSIS)

L. A. Melnikova

Balashov, Russia

Аннотация. Рассматриваются образы следователей, представленные в романах «Преступление и наказание» и «Групповой портрет с дамой». Выявленные в результате анализа черты сходства между Порфирием Петровичем и «авт.» позволяют констатировать факт литературного влияния Ф. М. Достоевского на творчество Г. Бёлля.

Ключевые слова: следователь, допрос, Порфирий Петрович, «авт.», Ф. М. Достоевский, Г. Бёлль.

Abstract. The paper deals with the images of the investigators represented in F. M. Dostoyevsky's novel "Crime and Punishment" and H. Böll's novel "Group portrait with a lady".

The analysis revealed the similarities between Porfiry Petrovich and the "author" and made it possible to establish the fact of the literary influence of F. M. Dostoyevsky on the work of G. Böll.

Key words: investigator, interrogation, investigation, H. Böll, F. M. Dostoyevsky, "Group portrait with a lady", "Crime and Punishment".

Поэтика некоторых произведений немецкого писателя Г. Бёлля (1917–1985) отмечена следами литературного влияния творчества Ф. М. Достоевского, в их числе и роман «Групповой портрет с дамой» (1971). С целью аргументации заявленного тезиса обратимся к сравнительному анализу образов следователей, представленных в романах «Преступление и наказание» и «Групповой портрет с дамой». Г. Бёлль был знаком с названным произведением русского классика, что подтверждают как его интервью, так и факты упоминания имен некоторых персонажей этого произведения Ф. М. Достоевского в тексте «Группового портрета с дамой». Юридический аспект романа русского писателя уже становился предметом внимания исследователей [Кожина 2012; Рашидова 2011].

Фигура следователя не случайна в художественных мирах рассматриваемых произведений: в романе «Преступление и наказание» необходимо расследование загадочных обстоятельств убийства старухи-процентщицы, в романе «Групповой портрет с дамой» – биографии главной героини Лени Пфайфер, натуры замкнутой и неправдоподобно молчаливой. Стоит отметить, что у Ф. М. Достоевского Порфирий Порфирьевич является профессиональным юристом, а у Г. Бёлля в роль следователя входит повествователь, род деятельности которого не назван. Используемые им методы поиска и сбора информации позволяют также провести параллели с профессией репортера, о чем мы уже писали [Мельникова 2014 : 253–259]. Его имя и внешность остаются неизвестны читателю, он сохраняет анонимность и предпочитает именовать себя сокращением «авт.». Редкие внешние точки зрения на этого героя фиксируют неприязнительность его внешнего вида, в частности, гардероба (например, взгляд одной из служащей в фирме Хойзеров дает ему понять, что его обувь не выдерживает её критической оценки). В романе же «Преступление и наказание» представлен развернутый портрет Порфирия Петровича, который включает в себя емкую психологическую характеристику последнего: «Порфирий Петрович был по-домашнему, в халате, в весьма чистом белье и в стоптанных туфлях. Это был человек лет тридцати пяти, росту пониже среднего, полный и даже с брюшком, выбритый, без усов и даже банкебард, с плотно выстриженными волосами на большой круглой голове, как-то особенно выпуклой закругленной на затылке. Пухлое, круглое и немного курносое лицо его цвета больного, темно-желтого, но довольно бодрое и даже насмешливое. Оно было бы даже и добродушное, если бы не мешало выражение глаз, с каким-то жидким водянистым блеском, прикрытых почти белыми, моргающими, точно подмигивая кому, ресницами. Взгляд этих глаз как-то странно не гармонировал со всей фигурой, имевшею в себе даже что-то бабье, и придавал ей нечто гораздо более серьезное, чем с первого

взгляда можно было от нее ожидать» [Достоевский 1982, V : 242]. В приведенном описании дается намек на настораживающую дисгармонию внутреннего мира и внешнего облика героя, его непредсказуемость и загадочность. Неоднозначность личности Порфирия Петровича подчеркивается также посредством использования эпитета «бабий» для характеристики последнего. Мужской склад ума и мышления органично взаимодействует с впечатком чего-то «бабьего» в фигуре и жестах. Возможно, он указывает на эмоциональность и тонкость героя в подходе к решению следственных задач.

В «Групповом портрете с дамой» «авт.» стремится сохранить соответствие юридической форме: свою деятельность именует расследованием, очевидцев жизни Пфайфер называет «свидетелями», беседу с ними – «допросом», полученные сведения – «показаниями», собранные им материалы формируют «дело Лени».

В «Преступлении и наказании» Порфирий Петрович также выражает свое отношение к форме, это происходит во время разговора с Раскольниковым: «А насчет здешних обязанностей, допросов и всей этой формалистики <...> так, знаете, действительно <...> эти допросы иной раз самого допросчика больше, чем допрашиваемого, с толку сбивают <...> А уж про приемы-то наши юридические <...> Ну кто же, скажите, из всех подсудимых, даже из самого посконного мужичья, не знает, что его, например, сначала начнут по-сторонними вопросами усыплять <...>, а потом вдруг и огорошат в самое темя обухом-то, хе-хе-хе! <...> Форма, знаете, во многих случаях, вздор-с. Иной раз только по-дружески поговоришь, ан и выгоднее. <...> Формой нельзя на всяком шагу стеснять следователя. Дело следователя ведь это, так сказать, свободное художество, в своем роде или вроде того» [Достоевский 1982, V : 327].

«Авт.» также иногда делает отступления от формы и часто прибегает к приему создания дружеской обстановки для беседы, преподносит небольшие подарки своим информантам (Богакову, Маргарет) и тем самым способствует разговорчивости последних. В ряде случаев он проявляет изобретательность, чтобы получить показания интересующих его «свидетелей», например, близкой подруги Лени Маргарет Шлемер, которая на момент проведения расследования лежит в больнице, чтобы попасть к ней ему приходится прибегнуть к подкупу и мошенничеству, выразившемуся в том, что он выдавал себя за доцента по социологии и психологии проституток. В финале романа он сознается, что «не всегда действовал вполне законно и не всегда соблюдал чужие секреты, однако считает, что небольшие нарушения закона и этических норм в данном случае оправдываются святой целью: стремлением «авт.» к объективности» [Бёлль 2011 : 388].

В романе Г. Бёлля «авт.» остается беспристрастным во время общения с интересующими его информантами, но иногда ему приходится делать исключения из этого правила. Так, после показаний Пельцера о том, как крестили сына Лени Льва, он признается, что в нем «многого всколыхнулось» и что он с трудом подавил наворачивающиеся на его глаза слезы.

В «Преступлении и наказании» Порфирий Петрович, напротив, часто проявляет эмоции, в частности, смех, подвергая данную особенность своей же критической оценке: «<...> иной раз, право, затрясусь, как гуммиластик, да этак на полчас. Смешлив-с» [Достоевский 1982, V : 326]. Писатель уделяет много внимания описанию эмоциональной реакции Порфирия Петровича на происходящие события, на поступки и реплики Раскольникова. Многие его реплики отмечены оттенком насмешливости, которую можно рассматривать в качестве следствия проницательности, с которой он изучает допрашиваемых им людей. В связи с этим в романе много внимания уделяется описанию пластики и мимики следователя: «О, на самой простейшей-с! – и вдруг Порфирий Петрович как-то явно насмешливо посмотрел на него, прищурившись и как бы ему подмигнув. Впрочем, это, может быть, только показалось Раскольникову, потому что продолжалось одно мгновение. По крайней мере, что-то такое было. Раскольников побожился бы, что он ему подмигнул <...>» [Достоевский 1982, V : 148]. Неоднозначность взгляда в данном случае указывает на коммуникативную гибкость Порфирия Петровича и владение им некоторыми приемами манипуляции. Он сочетает в своей деятельности логические приемы с психологическими.

Образы анализируемых персонажей различаются позициями в мире рассказываемой истории. В романе «Групповой портрет с дамой» «авт.» совмещает функции рассказчика и следователя, поэтому основное внимание сосредоточено в повествовании на процессе получения им информации. В романе «Преступление и наказание», помимо этого, подробно описывается поведение Порфирия Петровича. В «Групповом портрете с дамой» непосредственный контакт следователя с «подследственным», т.е. с Лени Пфайфер (хотя он и признается, что влюблен в неё), отсутствует ввиду необщительности и замкнутости последней. В романе Достоевского же процесс взаимодействия Порфирия Петровича с Раскольниковым представлен как своеобразный психологический поединок: «последнее было очень знаменательно для Раскольникова: он понял, что, верно, Порфирий Петрович и давеча совсем не конфузился, а, напротив, сам он, Раскольников, попался, по-видимому, в капкан; что тут явно существует что-то, чего он не знает, какая-то цель; что, может, все уже подготовлено и сейчас, сию минуту обнаружится и обрушится...» [Достоевский 1982, V : 324]. В то же время нельзя не отметить, что Порфирий Петрович относится к Раскольникову с сочувствием и даже признается в том, что он человек откровенный.

Отмечая новаторство Ф. М. Достоевского в создании образа Порфирия Петровича, исследователи указывают на следующее особенности последнего: 1) сыщик предстает не как логик-интеллектуал, а как психолог, интуитивно постигающий сущность Раскольникова и его сложный, не ясный для него внутренний мир; 2) в «Преступлении и наказании» следователь выступает не в роли «мстителя» за совершенное преступником убийство, а в роли спасителя. Порфирий Петрович помогает Раскольникову прийти к покая-

нию и спасению своей души; 3) в отличие от традиционного детектива, в котором следователь, когда работает, не выражает никаких эмоций, демонстрируя лишь индуктивный метод, в романе Достоевского следователь сочувствует преступнику, что делает его не машиной для блестящих логических умозаключений, а человеком с сердцем и душой [Сафонова 2012 : 104].

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что образы следователей в романах «Преступление и наказание» имеют черты сходства, которые проявляются в: 1) эмоциональном, сочувственном отношении к личности и судьбе подследственного; 2) непритязательности внешнего вида, за которым скрывается высокий профессионализм; 3) одновременном сочетании логических и психологических приемов в проведении расследования.

Все это свидетельствует о наличии литературного влияния Ф. М. Достоевского на образную систему романа Г. Бёлля «Групповой портрет с дамой».

Библиографический список

1. Бёльль, Г. Групповой портрет с дамой / Г. Бёльль. – М. : АСТ : Астрель, 2011. – 413 с.
2. Достоевский, Ф. М. Преступление и наказание : роман в 6 ч. с эпилогом / Ф. М. Достоевский // Собрание сочинений : в 12 т. – М. : Правда, 1982. – Т. V. – 543 с.
3. Кожина, М. А. Место и роль жанров юридического дискурса в структуре романа Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» / М. А. Кожина // Язык и культура : сб. ст. XXII Междунар. науч. конф. / отв. ред. С. К. Гураль; Министерство образования Российской Федерации, Томский государственный университет. – Томск, 2012. – С. 64–68.
4. Мельникова, Л. А. Повествователь в романах Ф. М. Достоевского «Бесы» и Г. Бёлля «Групповой портрет с дамой» (Опыт сравнительного анализа) / Л. А. Мельникова // European Social Science (Европейский журнал социальных наук). – 2014. – Т. 2, № 6. – С. 253–259.
5. Рашидова, А. И. Анализ мотивов преступления главного героя Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» (юридический аспект) / А. И. Рашидова // Литературное обозрение: история и современность. – 2011. – № 1. – С. 188–191.
6. Сафонова, Ю. С. Образ следователя как новый тип сыщика в романе «Преступление и наказание» / Ю. С. Сафонова // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2012. – № 6 (70). – С. 102–105.

«ЦАХИЗМ» КАК СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ ПРАВОСОЗНАНИЯ (ПО ПРОИЗВЕДЕНИЯМ РУССКОЙ И ЗАРУБЕЖНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ XIX–XXI вв.)

Л. А. Мещерякова

Пенза, Россия

«TSAKHIZM» AS A SOCIO-PSYCHOLOGICAL MODEL OF SENSE OF JUSTICE (ON THE WORKS OF RUSSIAN AND FOREIGN LITERATURE OF THE XIXth–XXIst CENTURIES)

L. A. Meshcheryakova

Penza, Russia

Аннотация. Прослеживается развитие архетипического понятия «цахизм» с точки зрения проявления и закрепления в нем определенных социально-психологических и правовых моделей общественного устройства, таких как «злоупотребление», «стереотипность мышления», «бесовщина», «ложные авторитеты», «игра низменных страстей», «мошенничество» и некоторых других. Объектом исследования являются произведения Гофмана, Гоголя, Салтыкова-Щедрина, Достоевского, Зюскинда, Толстой, Чижовой и др., что позволило сделать вывод о наследовании созданного Гофманом культурного архетипа, «вживлении» национального, этнокультурного в общечеловеческое.

Ключевые слова: Гофман, архетип, Цахес, массовое сознание, модель поведения.

Abstract. The article traces the development of the archetypal concept of "tsakhizm" from the point of view of the manifestation and consolidation of certain socio-psychological and legal models of the social order in it, such as "abuse", "stereotyping of thinking", "devilry", "false authorities", "play of low passions", "fraud" and some others. The object of the study are the works of Hoffmann, Gogol, Saltykov-Shchedrin, Dostoevsky, Zyuskind, Tolstoy, Chizhov and others, which led to the conclusion about the inheritance of the cultural archetype created by Hoffmann, "implanting" the national, ethnocultural into the universal.

Key words: Hoffmann, archetype, Tsaches, mass consciousness, model of behavior.

Высокая степень типизации, свойственная лишь произведениям искусства и особенно художественной литературе, позволяет увидеть в человеческом обществе разных столетий явления, которые не видны «лицом к лицу». Наблюдение за литературными образами-архетипами выявляет удивительное постоянство человеческой природы, повторяемость жизненных коллизий, а также «вживление» национального, этнокультурного в общечеловеческое. Мифологические и сказочные герои, Фауст, Дон Жуан, Гамлет, Дон Кихот, Цахес и некоторые другие литературные персонажи, по справедливому замечанию А.Ю. Большаковой, «суть базовые модели, определяющие ценностные ориентации индивидов и общества», они составляют «вполне объективную историческую память, в которой хранятся золотые слитки человеческого опыта – нравственного, эстетического, социального» [Большакова 2010 : 13].

Новелла-сказка «Крошка Цахес, по прозвищу Циннобер» (1819) была написана Э.Т.А. Гофманом в эпоху позднего немецкого романтизма, которая по-своему «актуализирует историю, время, реальность... переключает внимание с вечности на время, с должного на сущее, сосредоточивается на исследовании земного бытия» [Федоров 2004 : 158]. При этом историю немецкого романтизма в целом, три последовательно сменяющих друг друга этапа, Федоров назвал «историей катастрофы духа» [Федоров 2004 : 99].

Начиная со времени создания «Крошки Цахеса» и по сей день, художники всего мира вновь и вновь (сознательно или бессознательно) обращаются к этому бессмертному образу, что дает основание говорить о наследовании данного культурного архетипа. Изначально понятие «цахизм» включает в себя беззастенчивое присвоение чужого труда и чужих талантов облеченным властью ничтожеством, с одной стороны, и историческое поклонение ему обывателей, с другой. «Цахизм» связан прежде всего с понятием массового сознания, общественного мнения, готового принять человека не за того, кто он есть на самом деле. «Цахизм» – это правовое и социально-психологическое явление, отражающее состояние общества, с легкостью подменяющего идеалы идолами, истину ложью.

Естественно, литературный архетип всегда находится в развитии, меняется в зависимости от исторического и национального контекста, но остаются узнаваемыми глубинные коды, модели, такие как «злоупотребление», «стереотипность мышления», «пустота», «бесовщина», «ложные авторитеты», «игра низменных страстей», «страх», «мошенничество», «система» и др. Представленные Гофманом в сказочно-

аллегорической и метафорической форме, намеченные пунктиром, гениально предугаданные, эти модели поведения отдельного человека и общества в целом получают в истории человечества свое дальнейшее неблагоприятное развитие и, как следствие, отражение в искусстве.

В русской литературе есть архетип, очень близкий к «цахизму», – это «хлестаковщина». Почти все гоголевские герои в комедии «Ревизор» (1836) *злоупотребляют* своим положением. Хлестаков лишь в начале произведения подавлен страхом тюрьмы за неуплату долгов в гостинице. Но именно с этого места на наших глазах начинается рождение цахеса. Для этого не потребовалось вмешательства волшебных сил, как это происходит у Гофмана. Городские чиновники сами создали из пустышки важную особу. Страх разоблачения административных злоупотреблений городских чиновников и делает из Хлестакова ревизора. Комедия Гоголя построена по принципу зеркального отражения: Хлестаков, легко усваивая суждения, внушенные ему окружающими, представляет собой проекцию их мыслей, поэтому начинает беззастенчиво злоупотреблять своим положением.

В пользу цахесов играет *стереотипность* мышления толпы. Особенно ярко эта черта общественного сознания раскрыта в романе М. Е. Салтыкова-Щедрина «История одного города» (1870). Уже изначально глуповцы, «протакавшие свою свободу» [Салтыков-Щедрин 1983 : 16], не хотят принимать ответственность за свои действия, согласны повиноваться любому князю. Главные стереотипы общественного поведения – абсолютная покорность и терпение народа, позволяющие свободно манипулировать собой, – порождали таких же бездарных цахесов. Каждый раз при появлении нового градоначальника глуповцы ликовали, «сердца их воспламенялись» [Салтыков-Щедрин 1983 : 29], они называли нового правителя «красавчиком», «умницей». Стереотипы глуповцев были настолько сильны, что они находили оправдание даже самым абсурдным явлениям. Стереотип доброй, заботливой власти несмотря ни на что оставался неизменным. Неистребима в народе надежда, что с новым градоначальником изменится к лучшему их убогая жизнь. Стереотип беспрекословного повиновения обернулся для глуповцев катастрофой небывалого масштаба. В конце концов они разрушили собственные жилища ради того, чтобы выполнить волю «мрачного идиота» [Салтыков-Щедрин 1983 : 183]. Угрюм-Бурчеева и остановить течение реки. Слепое следование определенной модели поведения, подверженность *ложным авторитетам* превращает людей в послушный, податливый материал: «Мы терпеть согласны! Мы люди привышные!..Ежели нас теперича всех в кучу сложить и с четырех сторон запалить – мы и тогда противного слова не молвим!» [Салтыков-Щедрин 1983 : 88].

«Цахизм» формирует прежде всего того, кто играет толпой, общественными стереотипами. Цахес легко приспосабливается к определенной обстановке, улавливает преобладающее в обществе настроение, вырабатывает тактику поведения, при этом особое внимание уделяет внешним атрибутам своей власти. Крошка Цахес Гофмана, став тайным советником, живет в одном из самых прекрасных домов города, становится обладателем ордена зеленопятнистого тигра с двадцатью алмазными пуговицами как символом его высшего отличия от прочих сановников. Роман «История одного города» выводит целую галерею цахесов, которых, несмотря на внешние различия, объединяют бесполезность их рьяной административной деятельности, бесчеловечность, развращенность, пустозвонство. Отголоски гофмановской сказки не раз звучат и при описании ничтожной, отвратительной гибели градоначальников: Феррапонтова растерзали собаки, Ламврокакиса заели клопы, Баклан переломлен пополам бурей, Фердыщенко умирает от объедания, Прыща проглотили, Иванов умер от натуги постичь указ.

Явление «цахизма» власти революционных *мошенников* раскрывает Ф.М. Достоевский в романе «Бесы» (1872). Цахесы предстают здесь мелкими бесами в человеческом обличье, они стремятся к полному господству и начинают свое вихревое кружение не только в социальной жизни общества, но и в душах людей. Писатель исследует причины появления, развития и закономерный итог действий цахесов новой эпохи – эпохи смуты. Достоевский точно подметил характерную черту русского человека – готовность прельститься самыми невероятными идеями, развращающими, разрушающими нравственное начало, создать себе миф и доверить свою судьбу подлецам, ничтожествам, которые усиленно этот миф поддерживают.

Цель Достоевского – развенчание «цахизма» во всех его проявлениях: от мелкого тирана Липутина, который много рассуждает о женской эмансипации, а сам тиранит женщин, до Шигалева, утверждавшего, что «все рабы и в рабстве равны» [Достоевский 1993 : 110]. Действия, слова бесов ложны, они лишь ловко создают видимость важности своего положения, но на самом деле, как все цахесы, бесы – ничтожнейшие создания, ловко использующие благоприятную атмосферу смуты для своих целей. «...это дряннейшие людишки, получившие перевес в смутное время колебания и перехода, громко критикующие все священное...хохотуны, заезжие путешественники, поэты с направлением из столицы...майоры и полковники, смеющиеся над бессмысленностью своего звания и за лишний рубль готовые тотчас же снять свою шпагу и улизнуть в писаря на железную дорогу, генералы, перебежавшие в адвокаты...» [Достоевский 1993 : 131]. Именно на них опираются в романе крупные бесы: губернаторская чета и революционеры. С легкостью они сами втягиваются в обманы, интриги, преступления и втягивают в них других.

Символична фамилия Ставрогина: «ставрос» по-гречески означает «крест», но трактуется этот образ в контексте романа как идол, требующий постоянных жертв. Мелкие и крупные цахесы объявляют себя носителями истины, оставляют за собой право решать за других, в чем их счастье. Бездуховные ничтожества беспрепятственно разрушают старые святыни: ломают иконы ради новых идолов, перед которыми зажигает свечи, запускают в оклады икон мышей, подсовывают сомнительные фотографии женщине, продающей церковные принадлежности и т.п.

Эти частные факты свидетельствуют о грядущей катастрофе, которую жаждут приблизить бесы. Общество охватило странное легкомыслие, в моду вошли «развязные понятия», оно огрубело, отреклось от духовно-нравственных ценностей. «Цахизм» получил в городе такое масштабное распространение в силу особого общественного настроения – «всеобщего цинизма». Только в этой идейной атмосфере могло возникнуть «учение» Шигалева о разделении человечества на две неравные части: «Одна десятая доля получает свободу личности и безграничное право над остальными девятью десятими. Те же должны потерять личность и обратиться вроде как в стадо и при безграничном повиновении достигнуть рядом перерождений первобытной невинности, вроде как бы первобытного рая...» [Достоевский 1993 : 312].

Таким образом, хаос, брожение умов в обществе создают необходимые условия для появления бесчеловечных, эгоистических теорий, которыми прикрываются мошенники. Идеология революционеров предельно обнажена в словах Петра Верховенского: «В сущности, наше учение есть отрицание чести, и откровенным правом на бесчестье всего легче русского человека за собой увлечь можно» [Достоевский 1993 : 162]. Бесы пытаются утвердить человека в мысли, что ему все позволено. Эти ничтожества опираются на бездумных, невежественных исполнителей, таких как Федька-каторжник и мужик Марей. Подобных людей легче всего совратить кровью, усмирить насилием.

Главная цель Петра Верховенского – установить власть над рабами, а для этого надо уничтожить науки, религию, максимально снизить уровень сознания масс, пустить в ход пожары, разрушения, чтобы общество стало нуждаться в идолах. Он уже просчитал, где можно обрести опору: «Учитель, смеющийся с детьми над Богом, – уже наш. Присяжные, оправдывающие преступников, сплошь наши. Прокурор, трепещущий в суде, что он недостаточно либерален, наш, наш. Администраторы, литераторы, о, наших много, ужасно много...» [Достоевский 1993 : 200]. Ставрогин однажды вынудил Петра Верховенского признаться: «Я ведь мошенник, а не социалист, ха-ха!» [Достоевский 1993 : 125].

Таким образом, «цахизм» как общественное явление получает у Достоевского новые черты. Цахес – это уже не просто ничтожное существо, на которого вдруг обрушилась власть, не только зеркало, отражающее примитивный общественный портрет, но и циник, деспот, ассоциирующийся у писателя с бесом, отвратительным мелким шутником, зубоскалом, развратником, лишаящим человека духовной опоры, превращающим жизнь человека в хаос. Отличительные признаки цахесов-бесов – бездарность, пустозвонство, жестокость, фальсификации, мишурный блеск, театральность. *Бесовщина* в политической жизни – это стремление к власти, прикрываемое высокими идеалами о светлом будущем для всех людей. Самое легкое и соблазнительное в их теориях то, что человеку думать не надо, «вся жизненная тайна на двух печатных листках умещается» [Достоевский 1993 : 185].

Цахесом, властелином мира становится еще один герой немецкой литературы, прежде отверженный и ненавидимый людьми уродец Жан-Батист Гренуй, не имеющий даже своего запаха. Но герой романа П. Зюскинда «Парфюмер, или История одного убийцы» (1985) находит то, что надо людям, за что они не только примут, но будут обожать его и поклоняться ему как идолу. Самоутвердиться за счет человеческих слабостей, потворства *низменным страстям* стало для него жизненной целью.

Как и любой Цахес, Гренуй грубо присваивает себе то, что ему не принадлежит, в данном случае чужие жизни, после чего меняет ароматы, как платье. «Тот, кто сначала глазел на него со сдержанным изумлением, теперь смотрел с умилением... и даже на лицах боязливых, испуганных... появился налет дружелюбия, даже симпатии, как только их настиг его запах» [Зюскинд 2004 : 131]. Облик цахеса вторит ожиданиям толпы. Гренуй понял, что толпа подвержена крайностям. В кульминационной сцене десять тысяч человек собрались, чтобы публично покарать его как убийцу. Аромат Гренуя послужил начальным импульсом к единому массовому действию. Еще недавно толпа готова была задушить преступника, а теперь инстинктивные влечения людей, их тайные вожелания вылились в любовь к нему. Каждый видел в нем воплощение своих желаний: или сказочного принца, или «сияющего князя тьмы», или «Спасителя во плоти». Плотская страсть проявила себя с невероятной силой, нашла свое выражение в оргии, величайшей вакханалии, которой рьяно предалась «сладострастная плоть». Совершенная ароматическая маска убийцы вскрыла животную суть общества. И у Гренуя наступил момент торжества, абсолютной власти.

Общество, основанное на *страхе*, описывает Т. Н. Толстая в романе «Кысь» (2000). Гнетущая атмосфера создается с помощью активно пропагандируемого мифа о страшном животном, отнимающем память. «Пойдет человек так вот в лес, а она ему на шею-то сзади: хватить и хребтину зубами: хресь!, а когтем главную жилочку нащупает и перервет, а весь разум из человека и выйдет» [Толстая 2003 : 4]. Страх в обществе еще более усиливается из-за авторитарных методов управления власти, которая преследует и уничтожает малейшее инакомыслие. Цахес этого общества, Федор Кузьмич Каблуков, «ростом ...не больше Коти... Только у Коти ручки махонькие, пальчики розовенькие, а у Федора Кузьмича ручищи, как печные заслонки, и пошевеливаются всё, пошевеливаются» [Толстая 2003 : 67]. Он единолично присвоил себе авторство всех произведений мировой литературы, превзойдя в этом смысле даже гоголевского Хлестакова. Невежественные «голубчики» пребывают в полной уверенности, что именно Федор Кузьмич придумал колесо, сани, догадался варить чернила для письма, мастерить лодки, делать глиняные горшки и проч. Он насаждает свою волю с помощью разветвленной системы контроля: службы осведомителей, особых подразделений для подавления общества, контроля его настроений, санитаров, призванных отнимать у «голубчиков» книги, чтобы не допустить у них сомнений, мыслей об абсурдности всего происходящего. Власть этого цахеса опирается не только на страх, но и на беспамятство, забвение, утрату связи с прошлым.

«Читателю, воспитанному на классике, привычно, что произведение задает ориентиры и ценности, в современной же литературе оно чаще всего обусловлено ими...» [Тимакова 2016 : 341]. В 2000 году был опубликован и роман Елены Чижовой «Крошки Цахес», уже самым названием отсылающий читателя к сказке Гофмана. «На наших глазах кончался СССР – огромный и бесталанный Крошка Цахес. Уходили феи, десятилетиями расчесывавшие его волосы. Нечесанные, неприбранные пряди падали на его широкий лоб. Иностранцы, долгие годы глядевшие на дела их – фрейлинских – рук, больше не приходили в восхищение» [Чижова 2010 : 218]. У этого «огромного и бесталанного» Цахеса, естественно, были дети. Именно о них роман Елены Чижовой.

Реминисцентную природу обнаруживает в произведении образ учительницы английского языка Ф., в которой без труда узнается фея Розеншен. «Золотыми волосками», преобразившими детей в глазах окружающих, были слова, язык: русский «как будто слегка размытый по краям, как акварель» и, конечно, английский, похожий «на тонкий и изысканный рисунок пером» [Чижова 2010 : 8]. Слово оказывает на души детей магическое действие хотя бы уже потому, что у него есть «корень». С началом перестройки все чаще можно было слышать одномерные, «plane» (плоские) голоса, которые, «словно никогда не имевшие корней или вырванные с корнем, звучали так, как будто у них не было прошлого» [Чижова 2010 : 218].

Проспер Альпанус однажды сформулировал причину, подтолкнувшую фею Розеншен поучаствовать в судьбе несчастного крошки Цахеса: «дамы нередко с большой охотой впадают в причуды; неустанно и неотступно преследуя внезапную прихоть» [Гофман 1983 : 266]. Что руководило учительницей Ф., создававшей в каждой школе, где ей приходилось работать, Шекспировский театр? «Ее манило что-то, оставшееся от времени прошедшего: след... подлинного – то есть неизбывного – прошлого» [Чижова 2010 : 66]. «Она... любила нас в созданных ею самой шекспировских образах, потому что прекрасно знала, что мы обречены. Такими прекрасными мы, обреченные больные, больные временем, уже не будем никогда» [Чижова 2010 : 68]. И все же «противоядие, которое она, готовя нас к жизни в огромной и жестокой империи, протягивала на кончике кинжала или шпаги, в некоторых случаях действует и после распада» [Чижова, 2010 : 219].

Отголоски мотивации деятельности учительницы Ф. звучат в словах ректора из сказки Гофмана, правда, сказанных им по ничтожному поводу: «Ваше начинание я никогда не объяснял религиозным сумасбродством, скорее ложно понятым патриотизмом – склонностью к необычному, которое покоится на примерах героев древности... храните верность такой добродетели, такой честности мысли, – вот откуда произрастает подлинное величие героев!» [Гофман 1983 : 275]. Гамлет, Ричард III, Генрих IV, принц Гарри – как раз те шекспировские герои, которые возвышали души детей в романе Чижовой и которых учительница Ф. не согласна была заменить никакими другими.

В сказке Гофмана крошке Цахесу фея Розеншен дала шанс стать кем-то: «Ты не тот, за кого тебя почитают, но стремись сравняться с тем, на чьих крыльях ты, немощный, бескрылый, взлетаешь ввысь. Но внутренний голос не пробудился. Твой косный, безжизненный дух не мог воспрянуть, ты не отстал от глупости, грубости и невежества!» [Гофман 1983 : 284]. Шанс дала ученикам и учительница Ф. И реализовать он должен был в отдельно взятой элитной школе с английским уклоном, маленьком островке Просвещения в мире «страха и тоски» [Чижова 2010 : 43].

Просвещение, введенное по воле княжеского камердинера, становится едва ли не единственной заботой и правителей описанного Гофманом немецкого княжества. Суть «разразившегося просвещения» там состояла в вырубке лесов, разведении картофеля, прививании оспы, а также в изгнании людей опасного образа мыслей, т.е. фей. Открытие в Ленинграде «средней школы с преподаванием ряда предметов на иностранном языке» тоже случилось «вдруг»: какой-то чиновник таким образом попытался реализовать свою невесть откуда взявшуюся мечту. И с той поры эта школа стала гордостью района, «блаженным островком показухи» [Чижова 2010 : 57], где со сцены, с которой прежде «звучали только пионерские речевки, выкрикиваемые звонким хором» [Чижова 2010 : 77], на хорошем английском разыгрывались трагедии и комедии Шекспира, под музыку Грига читались сонеты, да так, что англичане и американцы испытывали душевное потрясение.

Все содержание романа Чижовой буквально пронизывают явные и скрытые аллюзии и реминисценции на сказку Гофмана. Перекликаются целые эпизоды, например чтение Бальтазаром своего сонета в обществе и чтение сонетов Шекспира под музыку Грига перед иностранной делегацией. И там и тут бурные изъявления восторга: «Какое творение! Сколько мысли! Сколько фантазии! Какие стихи! Какое благозвучие!» [Гофман 1983 : 241] «Аплодисменты – долгие и продолжительные, захлеб» [Чижова 2010 : 60]. Кто почивает на лаврах в романе Чижовой? Прежде всего, школьная и районная администрация. Детям же достаются ручки, сувениры, значки, жвачка, губная помада и тому подобное. Учительница Ф. – неизменно в отдалении, в углу, почти никем не замечаемая. Как тут не сделаться цахесами?! «Наши мелкие страсти: любовь к славе, гордость... становились ядами, проникавшими в нашу кровь, захваченную временем... Однако в те времена, когда Ф. стояла рядом, на страже, она умела жестко и безжалостно вводить нас в берега. Давала противоядие» [Чижова 2010 : 68-69]. «Противоядием» была беспощадная требовательность «выдавать неизменный уровень», презрение к «показухе», трагическое понимание того, что дети для рукоплещущих им взрослых то же, что крошка Цахес для чужестранцев, принимающих его «за самую прекрасную, редкостную обезьяну, которую им когда-либо довелось видеть» и желающих «неприменно угостить его ломбардскими орехами, которые повтыскивали из карманов» [Гофман 1983 : 268].

«Цахизм» в романе Чижовой – это *система*, в которой, как в школьной столовой, «пища ходит своим путем – незамкнутым хороводом крошек Цахес, взявшихся за руки: из кухни, через буфет, в голодные руки, которые сами относят в мойки отвратительные недоеденные остатки. Этот хоровод замкнуть нельзя» [Чижова 2010 : 85]. В связи с этим хочется вспомнить глубоко символическое начало первого акта пьесы С. В. Рыбалка «Гофманиана, или Крошка Цахес Forever!» (2001), где Кот Мурр обозревает мавзолей Цинноберов, читая на надгробных камнях: «Алек...сахес Великий...Гай Юлий Циннозер...Циннобэр Буонапарт...Иоанн Павел Цахес» и т.д. Известно также, что А. Ахматова отмечала поразительное сходство гофмановского Цахеса со Сталиным.

«Цахизм» в романе Чижовой – это *система*, в которой дети, чьих волос коснулся волшебный гребень просвещения, выйдя во взрослую жизнь, одной своей частью все же начинали изъясняться «дворнички-ми фразами» и называть «любовь рабством, а рабство любовью» [Чижова 2010 : 221], а другая часть так и не научилась разговаривать со временем на его языке. Трагедия этих повзрослевших детей в том, что в новой стране они ощутили себя никому не нужными «переводчиками»: «мы знали язык, на котором еще не говорили наши предки и так и не заговорили наши потомки» [Чижова 2010 : 197]. Эти дети вышли в ту жизнь, о которой с горькой иронией писал из Парижа А. Д. Синявский в повести «Крошка Цорес» (1979), повествующей о советской Москве эпохи тотального дефицита, где феей-волшебницей была продавщица продуктового магазина.

«Цахизм» – двустороннее явление, при котором личность самого цахеса выступает проекцией всего общества, его зеркальным отражением. Не случайно Т. Г. Бруни, театральным художником-оформителем балетного спектакля Н. Н. Каретникова «Крошка Цахес» (1981), предложила в центре сцены расположить большое магическое зеркало в пышной «барочной» раме, из темной глубины которого должны появляться все действующие лица. Ничто так ярко не высвечивает реальность, как сказка, знак глубинного, вневременного человеческого бытия. И ничто не бывает столь действенным и впечатляющим, как сказка. Когда Н. Н. Каретников в конце 50-х годов пытался утвердить балетный сценарий «Крошки Цахеса», столкнулся с активным сопротивлением чиновников: «Ну уж если вы так хотели иметь дело с Гофманом, почему вы не взяли «Серапионовых братьев»? Великаны...никаких аналогий!..Нет! Вы взяли именно «Крошку Цахес!.. Вы хотите снять антисоветский балет!..» [Каретников 2009 : 526]. Не удивительно, что впервые этот балет был поставлен на сцене Опернхауз в Ганновере в 1970 г. Таким образом, «Крошка Цахес» Гофмана – это «некая матрица, в которой в «свернутом» виде содержатся некие устойчивые образы, модели и смыслы» [Большакова 2010 : 13].

Библиографический список

1. Большакова, А. Ю. Архетип, миф и память литературы / А. Ю. Большакова // Архетипы, мифологемы, символы в художественной картине мира писателя : материалы Междунар. заоч. науч. конф. (г. Астрахань, 19–24 апреля 2010 г.) ; под ред. Г. Г. Исаева. – Астрахань : Астраханский университет, 2010. – 289 с.
2. Гофман, Э. Т. А. Крошка Цахес, по прозвищу Циннобер / Э. Т. А. Гофман. Новеллы ; пер. с нем. С. Шлапоберской. – М. : Художественная литература, 1983. – 399 с.
3. Достоевский, Ф. М. Бесы : в 2 т. / Ф. М. Достоевский. – М. : Московский рабочий, 1993. – Т. 2. – 320 с.
4. Зюскинд, П. Парфюмер. История одного убийцы / П. Зюскинд ; пер. с нем. Э. В. Венгеровой. – СПб. : Азбука, 2001. – 350 с.
5. Каретников, Н. Н. Готовность к бытию / Н. Н. Каретников // Русский круг Гофмана. – М. : Рудомино, 2009. – 672 с.
6. Салтыков-Щедрин, М. Е. История одного города / М. Е. Салтыков-Щедрин. – М. : Просвещение, 1983. – 250 с.
7. Тимакова, А. А. Художественная интерпретация героев и ценностей русской современной жизни в романе Н. Ключаревой «Россия: общий вагон» / А. А. Тимакова // Язык. Право. Общество : сб. ст. IV Междунар. науч.-практ. конф. (г. Пенза, 11–13 октября 2016 г.). – Пенза : Изд-во ПГУ, 2016. – 390 с.
8. Толстая, Т. Н. Кысь / Т. Н. Толстая. – М. : Эксмо, 2003. – 368 с.
9. Федоров, Ф. П. Художественный мир немецкого романтизма: Структура и семантика / Ф. П. Федоров. – М. : МИК, 2004. – 368 с.
10. Чижова, Е. С. Крошки Цахес : роман / Е. С. Чижова. – М. : АСТ : Астрель, 2010. – 220 с.

ФОРМИРОВАНИЕ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ ПОДРОСТКОВ В ПРОЦЕССЕ ИЗУЧЕНИЯ СОВРЕМЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Л. П. Перепелкина

Пенза, Россия

THE FORMATION OF ADOLESCENT LEGAL CULTURE BY MEANS OF MODERN LITERATURE

L. P. Perepyolkina

Penza, Russia

Аннотация. Рассматривается проблема формирования у подростков семейных ценностей в процессе обсуждения повести Д. Сабитовой «Три твоих имени» на уроке внеклассного чтения.

Ключевые слова: современная литература для детей и подростков, внеклассное чтение, нравственное воспитание, семейные ценности.

Abstract. The article considers the formation of family values among adolescents in the process of discussing D. Sabitova's story "Three of Your Names" in a class of extracurricular reading.

Key words: modern literature for children and adolescents, extracurricular reading, moral education, family values.

Формирование правовой культуры подростка в школе осуществляется посредством правового воспитания, составной частью которого является воспитание нравственное. «Портрет выпускника основной школы», представленный в Федеральном государственном образовательном стандарте нового поколения, среди личностных характеристик включает в себя такие: «осознающий и принимающий ценности человеческой жизни, семьи, гражданского общества, многонационального российского народа, человечества...; уважающий закон и правопорядок, соизмеряющий свои поступки с нравственными ценностями, осознающий свои обязанности перед семьей, обществом, Отечеством; уважающий других людей...» [Федеральный государственный образовательный стандарт среднего (полного) общего образования].

Произведения художественной литературы, как классической, так и современной, с которыми школьники знакомятся на уроках литературы и внеклассного чтения, содержат богатый потенциал для формирования нравственных принципов подростков, моральных ценностей.

Последнее десятилетие отечественная литература для детей и подростков привлекает все большее внимание – и читательское, и исследовательское. По справедливому утверждению Е. Погорелой, «такие насущные для теперешнего человека вопросы, как палитра межнациональных взаимоотношений, сословное и имущественное неравенство... групповое взаимодействие, трансформации и особенности современной семьи и т. д., – освещаются не в "больших книгах" взрослых писателей, а в "Манюне" Н. Абгарян, в детских детективах... А. Дробиной, в "Классе коррекции" и "Гвардии тревоги" К. Мурашовой, в диалогии "Живые и взрослые" С. Кузнецова, в стихах М. Рупасовой, в сказках Д. Сабитовой...» [Погорелая 2017 : 37].

Обратимся к повести Д. Р. Сабитовой «Три твоих имени».

Данное произведение мы предлагаем обсудить со школьниками на уроке внеклассного чтения в 8 классе. У подростков имеется читательский опыт, чтобы осмыслить повесть современной писательницы.

Так, на уроках литературы учащиеся знакомятся с повестью В. Г. Короленко «В дурном обществе», где автор ярко, с детской доверчивой откровенностью пишет от лица мальчика, потерявшего мать. Писатель переживает трагедию вместе с ребенком. Повесть А. М. Горького «Детство» подростки осмысливают не только как исповедь собственной души писателя, но и первые впечатления о нелегкой жизни, воспоминания о тех, кто находится рядом в период формирования его характера. В процессе анализа произведения А. С. Пушкина «Капитанская дочка» школьники приходят к выводу, что у героев в семье формируются представления об истинных человеческих ценностях.

Таким образом, к моменту знакомства с произведением Д. Сабитовой школьники понимают, что тема семьи в русской литературе – одна из ведущих. Подход к этой вечной теме у писателей был разный, но все они были едины в главном – в семье происходит утверждение нравственных устоев, общечеловеческих ценностей, переходящих из поколения в поколение.

Задача данного урока внеклассного чтения – ввести школьников в мир творчества Д. Сабитовой, раскрыть проблемы, поднятые писательницей в повести «Три твоих имени», выявить авторскую позицию.

На вступительном этапе урока предлагаем школьникам обменяться впечатлениями о прочитанном произведении. Книга вызывает эмоциональную реакцию учащихся, которая объясняется тем, что пробле-

мы, поднятые в ней, – это острые проблемы современности: одиночество детей, их беззащитность, сиротство и приемная семья, дом и приют, семья и бездомность.

Основной этап урока отводим обсуждению повести.

В основе сюжета произведения «Три твоих имени» – судьба одной девочки Маргариты Новак.

Обращает на себя внимание название произведения. Что настораживает читателя в таком названии? – вот вопрос, который подведет школьников к рассуждению о том, что имя человеку дается однажды. Имя – это предопределение судьбы, это качества характера, манера поведения. У героини три жизни, в каждой из которых она носит новое имя.

В первой части «Ритка» рассказывается о маленькой, вечно голодной Ритке, которая живет в глухой сибирской деревне с младшей сестрой и пьющими родителями. Родители Ритки слишком заняты водкой и гостями, им нет дела до потребностей детей: они забывают сварить еду, забывают, что у детей нет одежды, даже в школу Ритку ведет соседка Вера Муратовна. Для анализа первой части рассказа предлагаем следующие вопросы и задания: Понимает ли девочка, что живет в неблагополучной семье? Приведите примеры, доказывающие это. Каково ее отношение к родителям? В каких поступках героини оно проявляется? Сделайте вывод о нравственных ценностях семьи Ритки. Какой эпизод первой части является кульминационным? Как ведет себя девочка во время пожара? Обратите внимание, что кроме школьных тетрадей Ритка спасает бабушкину салфетку. Какое значение приобретает эта деталь в произведении?

В процессе работы школьники отмечают, что девочка не воспринимает свою семью как неблагополучную: она живет своими детскими интересами, познает мир, мечтает о том, как пойдет в школу. Ритка видит, что у них многое «ни как у людей», но живет надеждами на будущее, уйти из семьи совсем ей даже не приходит в голову, она по-своему старается изменить обстановку в доме, создать уют, навести порядок. Ритка не знает, какой должна быть семья, ей не с чем сравнить, поэтому она боится, что семью могут разрушить – забрать их с Гелькой в детдом, как пугал отец.

Главными обязанностями Ритки, которые она сама на себя возложила, являются уборка в доме, стирка и присмотр за сестрой. Однако Ритка любит своих родителей, защищает, когда их осуждают соседи.

Девочка испытывает свойственную детям потребность в родительской любви, ласке, а главное – чтобы родители гордились её успехами. Именно поэтому свою грамоту за призовое место в вокальном конкурсе она принесла домой, а не в школу.

Ритка тянется к прекрасному, но родители не оценили мастерство дочки: связанную девочкой салфетку, мать продаёт за сто рублей.

Девочка живет в семье, где искажены моральные и социальные нормы.

Кульминационным эпизодом первой части является эпизод пожара в доме Новаков. Во время пожара девочка бросается в огонь спасать свой портфель, в котором она хранит, кроме школьных тетрадей, бабушкину салфетку. Эта деталь становится значимой в произведении – символом уюта, мечты о семейном счастье.

Вторая часть повести называется «Марго». Обожженную и израненную девочку доставляют в больницу на лечение, а оттуда она уже попадает в детский дом. Имя Марго дала Рите медсестра Лариса Сергеевна, которая берет третьеклассницу, «девку тихую, послушную и хозяйственную», в свою семью. Медсестра оформляет патронат, потому что «денежка не лишняя».

Анализ второй части направляем по следующим вопросам:

Каково отношение девочки к приемным родителям? Отношение приемных родителей к ней? В чем это проявляется? От чьего лица ведется повествование во второй части? С какой целью автор прибегает к такому приему? Как чувствует себя девочка в доме Ларисы Сергеевны? Что является кульминацией второй части? Почему эта часть называется «Марго»? Как в таком названии «высвечивается» характеристика приемной семьи?

Учащиеся приходят к следующим выводам. Здесь, как и в родной семье, девочка уважительно относится к приемным родителям. Но им не интересна внутренняя жизнь дочки. Только контроль за учебной Риты стал для Ларисы Сергеевны главной родительской заботой.

В этой части автор прибегает к такому приему, как повествование от лица лабрадора. Только собака «замечает», как старается девочка. Именно лабрадор становится важным «свидетелем» того, как жилось девочке в патронатной семье. И оказывается, что семья, так и не привыкла к ней, не научилась считать ее своей. Рите неуютно в этой семье, но она ни на что не жалуется. Кульминация второй части – услышанный девочкой разговор родителей из которого поняла, что ее хотят вернуть в детский дом. Но даже в этот момент она не озлобилась, сама приняла решение уйти из дома.

Название второй части – имя, которым зовут девочку приемные родители. В этой семье главное – внешнее благополучие, благопристойность, «все по своим углам», но здесь нет духовного единства.

Для обсуждения третьей части предлагаются следующие вопросы и задания: В чем смысл названия третьей части? Как складывается судьба девочки? Каково ее единственное желание? Как в этом проявляется жизненная позиция взрослеющей Гошки? Как относится она к людям, желающим забрать ее в свои семьи? Какой выбор делает девочка? Охарактеризуйте эту семью. Какой эпизод является кульминационным в третьей части? Что, как вы думаете, чувствует девочка в этот момент? Какое значение в произведении приобретает образ серого дрозда, возникающий в финале повести?

В процессе обсуждения школьники отмечают следующее. Третья часть называется «Гошка». Здесь речь идет уже о повзрослевшей Маргарите, которую все теперь зовут Гошкой – уменьшительным от имени

Маргарита. Новое имя более легкое, уютное, домашнее. Девочка возвращается в детдом, но единственным желанием ребёнка остается «Я домой хочу...».

Здесь четко вырисовывается жизненная позиция взрослеющей Гошки через ее отношение к тем людям, которые хотят забрать ее в свои семьи.

В этой части развивается ставшая постоянной в повести тема – возможное удочерение Гошки в разных семьях и ее выбор: она попадает в добрую семью Лиды и Степана и их двух сыновей.

«Я сразу узнала наш дом» – таковы первые впечатления Риты от новой семьи. Здесь все живут интересами друг друга, в семье царит единство, взаимопонимание.

Кульминационный эпизод этой части – эпизод подслушанного Ритой разговора отца Степана с его матерью. «У меня теперь трое детей», – говорит Степан. Позиция отца – позиция его семьи, он готов отстаивать ее, даже если родная мать категорически против приемного ребенка.

В финале повести возникает образ серого дрозда – птицы, порхающей с места на место. Эта деталь встречается в повести трижды.

Теперь, когда Рита вошла в семью Лидии и Степана, она воочию увидела серого дрозда, о котором пела. Птица, которую Рита видит во дворе дома, является символом уюта, домашнего тепла, постоянства.

Раскрытие темы семьи, дома подчинена и форма произведения. В связи с этим просим школьников отметить особенность композиции повести и выявить ее роль в раскрытии авторского замысла.

Повесть Д. Сабитовой «Три твоих имени» отличается своеобразной композицией: финал предыдущей части как бы повторяется в начале последующей, но развязка действия разная. Так, первая часть заканчивается описанием пожара. После пожара все члены семьи Новаков остаются живы, отец «берется за ум», устраивается на работу, запрещает пить матери... «И Ритке это очень понравилось». Такой финал был бы очень желателен, но закрадывается сомнение: возможно ли такое?

При чтении начала второй части возникает ощущение «дежавю»: слово в слово повторяется предыдущее описание, с той лишь разницей, что отец с матерью во время пожара погибли, а Ритка оказалась в больнице, а затем в детском доме... Вторая часть заканчивается «оптимистично». Так же начинается третья часть. Только последние предложения («Она порылась в сумочке и выложила на стол розовые железнодорожные билеты. Два.» Сабитова 2015 : 131) дают читателю понимание того, как сложилась судьба девочки.

Но и в этой ситуации хорошего финала не получается.

Такая структура повести раскрывает авторский замысел: перед каждой сменой имени в жизни девочки стоит выбор, который делать не ей, а ее родителям и опекунам: бросить пить или упиться, взять девочку с собой в другой город или оставить в детдоме?

Последняя часть произведения тоже имеет открытый финал: какое решение примет Степан и его семья? Но автор вселяет в читателя надежду, что девочка обрела, наконец, любящих родителей.

На заключительном этапе учащимся предлагаются следующие задания:

1. Составить речевое высказывание на тему «Значение дома, семьи в жизни Риты Новак»;
2. Вспомнить произведения, в которых писатели раскрывают тему семьи, и определить, что объединяет повесть современной писательницы с этими произведениями.

Так, школьники отмечают, что Д. Сабитова продолжает традиции русской литературы в разработке темы семьи как объединяющего начала и большой ценности в жизни человека; ей присуще понимание того, что для ребенка семья – это особый мир, состоящий из близких людей, защита и опора в жизни. Однако новаторство писательницы проявляется в том, что она показывает трансформацию современной семьи, обращается к острым проблемам современности – проблемам сиротства, приемных детей.

Библиографический список

1. Погорелая, Е. Вакансия русской Уилсон. Дина Сабитова / Е. Погорелая // Вопросы литературы. – 2017. – № 1. – С. 37– 42.
2. Сабитова, Д. Три твоих имени / Д. Сабитова. – М. : Розовый жираф, 2015. – С. 131.
3. Федеральный государственный образовательный стандарт среднего (полного) общего образования. – URL: <http://www.edu.ru>

ОБУЧЕНИЕ РУССКОМУ ЯЗЫКУ И ЛИТЕРАТУРЕ КАК СРЕДСТВО ФОРМИРОВАНИЯ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ В УСЛОВИЯХ ПЕНИТЕНЦИАРНОЙ СИСТЕМЫ

А. Е. Петропавловский

Пенза, Россия

THE TEACHING OF THE RUSSIAN LANGUAGE AND LITERATURE AS A TOOL OF FORMING A LEGAL CULTURE IN A PENITENTIARY SYSTEM

A. E. Petropavlovsky

Penza, Russia

Аннотация. Рассматриваются проблемы формирования правовой культуры в условиях пенитенциарной системы. Значительная роль в этом формировании отводится деятельности вечерних школ и учебно-консультационных пунктов при пенитенциарных учреждениях. Предполагается, что через обучение русскому языку и литературе этот процесс будет наиболее эффективным.

Ключевые слова: правовая культура, правовое сознание, пенитенциарная система, гражданское общество, ресоциализация, русский язык, литература, образование.

Abstract. The article examines the problems of forming a legal culture in the conditions of the penitentiary system. A significant role in this formation is assigned to the activities of evening schools and training counseling points in penitentiary institutions. It is assumed that through the teaching of the Russian language and literature this process will be most effective.

Key words: legal culture, legal consciousness, penitentiary system, civil society, resocialization, Russian language, literature, education.

Пенитенциарной наукой представлено немало исследований, рассматривающих эффективность наказания лиц, отбывающих срок за преступление, не с помощью карательных функций, а через воздействие на личностные установки осуждённого с целью его исправления, перевоспитания, ресоциализации, приобщения к правовой культуре гражданского общества. «Базовой категорией в ряду инициатив, которые сегодня рассматриваются в плане развития пенитенциарной системы, является создание комплекса стимулов для ресоциализации и социальной адаптации спецконтингента в пенитенциарный и постпенитенциарный периоды. Среди таких стимулов ведущее место отводится образованию осуждённых» [Щепкина 2013]. Хотя оно не является главным стимулом. В отечественной пенитенциарной (уголовно-исправительной) системе основными функциями перевоспитания всегда были режим и трудовая деятельность. Однако результативная трудовая деятельность невозможна без хотя бы минимальной образовательной базы: прежде чем что-то создавать, осуждённые должны знать и понимать что они создают и для чего, а также уметь это делать. Таким образом, важное место в пенитенциарной системе занимает именно образование.

Конечно, приоритетным в исправительных учреждениях считается профессиональное образование, получив которое осуждённые могут реализовывать приобретённые умения и навыки как в исправительном учреждении, так и после отбывания наказания на свободе. Многие преступники, отбывающие наказание в местах лишения свободы, не имеют никакой специальности. Поэтому при всех исправительных учреждениях России существуют профессиональные училища, где каждый желающий заключённый имеет право получить востребованную на современном рынке труда рабочую специальность, а в некоторых имеются даже филиалы высших учебных заведений, которые предлагают осуждённым дистанционно получить высшее образование. Однако нередко в исправительных учреждениях оказываются граждане, не имеющие среднего образования. А некоторые заключённые, будучи на свободе, не учились даже в начальной школе. В связи с этим во всех пенитенциарных учреждениях имеются средние школы или учебно-консультационные пункты, где осуждённые получают среднее общее и среднее полное образование.

Такая практика существует во всех цивилизованных странах. Согласно правовым документам международных организаций, действующих на основе требования гуманизации пенитенциарных систем разных стран, лица, отбывающие наказание за преступление, должны иметь возможность получить образование или продолжить его, находясь в заключении. «Гуманизм в данном аспекте – это признание способности каждого осужденного вернуться к законопослушной жизни в обществе, это признание осужденных как равных себе по их человеческому естеству и сущности» [Леонова 2013]. При этом те же международные

организации требуют, чтобы образование среди осуждённых велось с учётом их собственного волеизъявления.

Однако стоит отметить, что «система образования относится к регулируемым системам, деятельность которых жёстко регламентируется органами государственной, законодательной и исполнительной власти. В исправительном учреждении эта жёсткая регламентация сферы образования умножается на ещё более жёсткую заданность параметров уголовно-исполнительной системы» [Яковлева 2013]. Таким образом, воспитательно-образовательная система в исправительных учреждениях России носит как добровольный, так и принудительный характер. Любое лицо, отбывающее наказание на территории Российской Федерации, имеет конституционное право получить среднее специальное или высшее образование, а также отказаться от его получения. Тогда как со средним образованием дело обстоит иначе. В исправительных учреждениях организуется обязательное получение осуждёнными к лишению свободы, не достигшими возраста 30 лет, не только основного общего, но и среднего (полного) образования. Если осуждённый желает продолжить обучение в целях получения среднего (полного) общего образования после достижения 30 летнего возраста, он вправе записаться в школу, действующую на территории исправительного учреждения, в котором он отбывает наказание [Порядок организации № 274/1525 от 06.12.2016].

Перед образовательными организациями, действующими на территории пенитенциарных учреждений, ставятся следующие задачи:

- сделать из преступника полноценного члена общества;
- помочь осуждённому осознать свою значимость для жизни на свободе;
- исключить рецидив, т. е. повторное совершение преступления осуждённым.

Практика показывает, что активное участие осуждённых в образовательном процессе оказывает существенное влияние на снижение рецидивов преступности (в среднем по России эта цифра составляет 30 %, а по некоторым регионам РФ достигает 50-60%) [Зауторова 2013].

Образование в пенитенциарных учреждениях нашей страны осуществляется на основе образовательной программы среднего образования, действующей на всей территории РФ. В школах и учебно-консультационных пунктах осуждённым преподают основные общеобразовательные дисциплины. Значительная роль в формировании гражданского самосознания отводится дисциплинам гуманитарного цикла, в том числе филологическим. Перед учителями русского языка и литературы, работающими в пенитенциарной системе, стоит непростая задача: не только передать обучающимся определённые знания по конкретным предметам, но и с помощью своих дисциплин сформировать у осуждённых правовое сознание, которое будет способствовать их ресоциализации.

На современном этапе в нашей стране практически отсутствует специальная методическая литература, посвящённая проблемам и специфике пенитенциарного образования, что затрудняет этот процесс на практике. Учителям приходится постоянно применять творческий подход в своей работе. Однако формирование правовой культуры и гражданского самосознания не должно быть обособленной целью, относящейся лишь к условиям пенитенциарной системы. С точки зрения демократических основ современного мира, каждый человек должен обладать правовой грамотностью и идентифицировать себя как гражданина современного ему общества. Поэтому подобные функции должны быть присущи образованию в целом.

Одной из задач образования в пенитенциарной системе является ресоциализация граждан, тогда как задача традиционного образования – просто социализация. В первом случае это возвращение человека к жизни в обществе, во втором – это первоначальное формирование качеств, которое позволят личности комфортно войти в социум. Разница между этими двумя подходами (социализацией и ресоциализацией) есть, но она незначительна, что облегчает задачу методистов по выработке образовательных методов и приёмов, направленных на социализацию/ресоциализацию граждан.

Несомненно, важнейшей характеристикой социализированной личности можно считать наличие правового самосознания. Оно может формироваться разными дисциплинами. Рассмотрим, как можно добиться этого на занятиях по русскому языку и литературе.

Во-первых, в процессе обучения необходимо формировать у обучающихся осознанную мотивацию к правомерным действиям, которая может возникнуть лишь при глубоком понимании важности социализированного поведения. Важная роль в формировании осознанной мотивации принадлежит учителю, который на основе преподаваемых дисциплин и своей собственной жизни должен постоянно показывать преимущества свободного гражданина перед осуждённым, не забывая об ответственности личности за свою свободу. На примере собственного жизненного опыта педагог может показать, как конкретные знания в области русского языка и литературы пригодились ему в профессиональной и бытовой жизни. Особенно пристальное внимание педагог должен уделять применению знаний по русскому языку и литературе в повседневной жизни, так как абсолютное большинство заключённых после освобождения не свяжут свою жизнь с филологией. Кроме того, осознание значимости филологических дисциплин обычно приводит к появлению или усилению интереса к предметам «русский язык» и «литература» в школе. Тогда как изначально обучающиеся склонны считать эти дисциплины скучными и бесполезными. Почти всегда это связано с тем, что они не видят в них практической пользы, которая более явно заметна в других образовательных дисциплинах. Это хорошо заметно из данных таблиц 1 и 2, в которых зафиксирован опрос обучающихся заключённых 10-х классов учебно-консультационного пункта ГБОУ ПО ВСОШ г. Пензы при ФКУ ИК-7.

Таблица 1. Рейтинг популярности учебных предметов у обучающихся 10-х классов

Учебный предмет	Количество обучающихся, которым интересен данный предмет (%)
Русский язык	12
Литература	6
Иностранный язык	100
Алгебра и начала анализа	15
Геометрия	22
Физика	44
Информатика	100
Химия	53
Биология	68
География	77
История	89
Обществознание	65

Таблица 2. Характеристика предметов «русский язык» и «литература» обучающимися

Характеристика предмета «русский язык»	Количество обучающихся (%)
Скучный	86
Трудный	45
Бесполезный	71
Характеристика предмета «литература»	Количество обучающихся (%)
Скучный	84
Трудный	19
Бесполезный	97

Если обучающиеся будут понимать значение правовой культуры, цель обучения русскому языку и литературе и ясно видеть, как эти предметы могут помочь им в ресоциализации, то обучение филологическим дисциплинам будет выглядеть для них привлекательным. Соответственно, у осуждённых может появиться мотивация к обучению русскому языку и литературе даже в условиях режимного учреждения.

Видится необходимым пояснить, какими способами можно способствовать формированию правовой культуры имеются с помощью филологических дисциплин в средней школе.

Понимание юридических текстов

Среди осуждённых распространённой практикой является составление юридических документов: исков, жалоб, заявлений и т.п. Многие подают апелляции на пересмотр личного дела. Некоторые самостоятельно изучают законодательство с целью защищать себя в суде. Таким образом, они имеют дело с юридическими текстами, толкование которых требует определённой литературной грамотности. Практика показывает, что порой очень непросто растолковать смысл того или иного юридического закона, не обладая простой языковой грамотностью.

Дисциплины «русский язык» и «литература» способствуют корректному пониманию текстов разных уровней, в том числе юридических, а также свободному оперированию юридической терминологией, что помогает созданию собственных юридических текстов и документов.

Обучение русскому языку и литературе нацелено на формирование индивидуальной грамотной устной речи. Умение грамотно выражать свои мысли осуждённому может пригодиться на судебных заседаниях при пересмотре дел.

Кроме того, любому человеку в той или иной жизненной ситуации постоянно приходится сталкиваться с различными документами (заявлениями, договорами, объяснительными записками и т.п.) адекватное понимание и составление которых полностью зависит от общего уровня грамотности.

Социально-философский анализ поступков и их последствий

Изучение литературы может дать богатый опыт анализа различных жизненных ситуаций. Сюжеты литературных произведений позволяют понять и прочувствовать некоторые моменты, особенно психологию людей, мотивацию их поступков. На основе подробного социально-философского анализа художественных произведений можно смоделировать различные знакомые жизненные ситуации, понять свои поступки и их социальные последствия. Практика преподавания литературы в пенитенциарных учреждениях показывает, что для осуждённых обучающихся наиболее интересными в этом плане являются «Капитанская дочка» А. С. Пушкина, «Преступление и наказание», «Братья Карамазовы» Ф. М. Достоевского, «Кому на Руси жить хорошо» А. Н. Некрасова, «Челкаш» М. Горького, «Один день Ивана Денисовича» А. И. Солженицына и некоторые другие. На примере этих и других образцов классической литературы нетрудно раскрывать смысл правильного поведения и формировать гражданское самосознание.

Формирование прочной основы для любого вида профессиональной деятельности

Занятия по русскому языку и литературе повышают речевую грамотность и общеинтеллектуальный уровень обучающихся. Чтение книг способствует улучшению техники чтения и понимания текстов различной степени сложности. Всё это облегчает изучение литературы по другим специальностям. Таким образом, умения, сформировавшиеся на занятиях по русскому языку и литературе, могут помочь человеку в освоении любой профессии и постоянном совершенствовании себя в этой области.

Филологические дисциплины способствуют формированию навыков красиво и правильно говорить, что также помогает людям разных профессий.

Кроме того, умение грамотно и чётко, логично и красиво изложить свои мысли хорошо помогает на собеседованиях при поступлении на приличную работу.

Таким образом, знания, полученные на занятиях по русскому языку и литературе, осуждённые смогут применить после освобождения для поиска работы и реализации себя в профессиональной деятельности, что, несомненно, является эффективным способом ресоциализации.

Формирование умений и навыков для заработка

В пенитенциарных учреждениях встречаются осуждённые, обладающие той или иной степенью художественного мышления и языковой компетентностью, которые могут использовать свои способности к русскому языку и литературе в профессиональных областях, связанных непосредственно с филологией. Для них подойдут дополнительные мотивационные модели.

Написание художественных произведений

На основе собственного опыта нахождения в местах лишения свободы можно написать книгу и в дальнейшем заработать на её издании.

Работа в журналистике

Если бывший осуждённый обладает высокой степенью грамотности, он может попробовать себя в журналистике. Возможно, таким специалистам понравится работать в изданиях, посвящённых местам лишения свободы.

Работа во фрилансе

Фриланс – популярная современная область профессиональной деятельности, которой можно заниматься даже на дому. Для этого достаточно иметь лишь доступ в Интернет и специальные знания. Бывшие осуждённые, умеющие писать, могут попробовать себя в копирайтинге (написании оригинальных рекламных текстов), рерайтинге (уникализации рекламных текстов на основе оригинала) или нэйминге (создании оригинальных названий для организаций, сайтов и др.). В современном мире все эти виды деятельности многим людям приносят неплохой регулярный доход.

Для поддержания интереса к предметам «русский язык» и «литература», а также для постоянного осознания значимости правомерного поведения, очень важно напоминать осуждённым об этом в течение обучения. Но особенно необходимо дать глубокое объяснение целей и задач пенитенциарного образования и конкретных дисциплин «русский язык» и «литература» в самом начале обучения, чтобы сразу сформировать у обучающихся целостную мировоззренческую картину, мотивировать их к предстоящей деятельности.

Поскольку обучение в пенитенциарных учреждениях преимущественно заочное, многие осуждённые не считают необходимым систематическое посещение занятий, особенно по тем предметам, которые они считают бесполезными. Перед учителями русского языка и литературы ГБОУ ПО ВСОШ в начале 2017-2018 учебного года встала задача добиться увеличения посещаемости их учебных предметов. С этой целью в учебно-консультационном пункте школы при ФКУ ИК-7 в День знаний был проведён факультатив, на котором были изложены плюсы образования, в том числе филологического, представленные выше. В результате (как видно из Таблицы 3) после первого полугодия наблюдалось заметное увеличение посещаемости индивидуальных и групповых занятий по сравнению с первым полугодием предыдущего учебного года.

Таблица 3. Рейтинг посещаемости занятий по русскому языку и литературе

Учебный год	Количество обучающихся, систематически пропускающих занятия в первом полугодии (%)	
	Русский язык	Литература
2016–2017	63	69
2017– 2018	38	44

Конечно, в дальнейшем многое будет зависеть от личности педагога и его стиля преподавания, а также от хорошей методической и технической базы. Однако корень успехов в обучении всегда будет в осознанной мотивации самих обучающихся. Таким образом, «в результате обучения осуждённые получают возможность жить на свободе без преступлений, а законопослушные граждане – надежду на более спокойное и безопасное социальное окружение» [Алексеев 2011]. И важную роль в этом процессе, несомненно, играют учителя русского языка и литературы.

Библиографический список

1. Алексеев, С. Л. Дистанционные формы обучения в пенитенциарных учреждениях ФСИН России: проблемы реализации / С. Л. Алексеев // Казанский педагогический журнал. – 2011. – № 3. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/distantionnye-formy-obucheniya-v-penitentsiarnyh-uchrezhdeniyah-fsin-rossii-problemy-realizatsii>
2. Зауторова, Э. В. Организация образовательного процесса в пенитенциарных учреждениях зарубежных стран / Э. В. Зауторова // Право и образование. – 2013. – URL: <http://naukarus.com/organizatsiya-obrazovatel'nogo-protssessa-v-penitentsiarnyh-uchrezhdeniyah-zarubezhnyh-stran>
3. Леонова, Е. Ю. Образовательные технологии как фактор гуманизации пенитенциарной системы / Е. Ю. Леонова // Современные проблемы науки и образования. – 2013. – № 4. – URL: <https://www.science-education.ru/ru/article/view?id=9997>
4. Порядок организации получения начального общего, основного общего и среднего общего образования лицами, отбывающими наказание в виде лишения свободы : [утв. приказом Министерства юстиции РФ и Министерства образования и науки РФ № 274/1525 от 06.12.2016] // ГАРАНТ.РУ. – URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71466672/#ixzz57kdyGPQs>
5. Яковлева, М. К. К вопросу о развитии системы образования в пенитенциарных учреждениях / М. К. Яковлева // Известия Регионального финансово-экономического института. – 2013. – № 1. – URL: <http://science.rfei.ru/ru/2013/1/12.html>
6. Щепкина, Н. К. Теоретические основы диверсификации системы пенитенциарного образования / Н. К. Щепкина // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). – 2013. – № 6(26). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/teoreticheskie-osnovy-diversifikatsii-sistemy-penitentsiarnogo-obrazovaniya>

МОЖНО ЛИ УБИТЬ ВАСИЛИСКА? (ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО ПОДРОСТКА В ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ)

Г. В. Пранцова

Пенза, Россия

CAN BASILISK BE KILLED? (PROBLEMS OF MODERN ADOLESCENTS REFLECTED IN CHILDREN'S LITERATURE)

G. V. Prantsova

Penza, Russia

Аннотация. Рассматривается художественное отражение в повести А. Жвалевского и Е. Пастернак «Охота на василиска» одной из важнейших проблем современной молодежи – проблемы употребления наркотиков. Писатели делают акцент на том, что основная роль в борьбе против наркотической зависимости принадлежит прежде всего семье.

Ключевые слова: наркотическая зависимость, спайсы, здоровый образ жизни.

Abstract. The article considers the artistic reflection of one of the most disastrous problems of modern youth – drug addiction, which is described in A. Zhvalevsky and E. Pasternak's novelette "Basilisk hunting". The writers emphasize that the main role in the fight against drug addiction belongs primarily to the family.

Key words: drug addiction, spices, healthy lifestyle.

Ни у одного из них [наркоманов] не было счастливых родителей. Дети всегда усугубляют проблемы семьи. Поэтому – просто будь счастлива. Не изображай, а на самом деле будь. И тогда никакой василиск твоей дочери не страшен...

А. Жвалевский, Е. Пастернак

В жизни человека случается немало сложных, порой трагичных моментов. И вообще вся история человечества основана на неудержимом стремлении к счастью через преодоление жизненных трудностей, через победу над собой. Современные подростки тоже ищут свои пути к счастью, которое порой представляют как положительные эмоции, отрешение от возникающих проблем. И средством, помогающим им почувствовать себя «счастливыми», нередко становятся различного рода наркотики («марки», спайсы и др.).

Почему подростки начинают испытывать пристрастие к наркотикам? Почему так трудно привлечь к ответственности дилеров, несмотря на то, что их все знают? Что делать родителям, которые узнали неприятную правду о своем ребенке, о том, что он попал в наркотическую зависимость? – эти и другие не менее важные для нашего общества вопросы затрагивают в своей повести «Убить василиска» Андрей Жвалевский и Евгения Пастернак.

Е. Пастернак в интервью Sputnik (Беларусия) рассказывает, что послужило толчком к написанию книги: «Идея написать «Охоту на василиска» возникла после родительского собрания в школе старшей дочери. Учителя активно обсуждали популярность спайсов среди тинейджеров. И у меня случилась мамская истерика – ведь и мой ребенок в опасности. Решила разобраться в проблеме и наткнулась на статью в интернете о девочке, которая попала в реанимацию, после того как ей в спайс подсыпали крысиный яд. Эту историю и взяли за основу повести» [Савицкая 2017].

В центре произведения – история о том, как несколько подростков, накурившись спайса в школьном туалете, попадают в больницу, а одна девочка из их компании, Диана Мышкина (по прозвищу Мышка), умирает. Начинается расследование, в котором участвует подруга погибшей – Ксюша. Девочка уверена, что Мышка никогда не увлекалась наркотиками, напротив, она отрицательно относилась ко всему, что было связано с ними. С огромным трудом раскрывает Ксюша страшную картину трагедии. Оказалось, что курение было организовано... Дианой. Ксюшу мучают вопросы: «Зачем Мышка это сделала? Зачем нормальная симпатичная девчонка достает яд и решает отравить себя и своих друзей? Что она хочет доказать и кому?» [Жвалевский, Пастернак 2014 : 114]. Девочке, которая проявляет себя как настоящий детектив, удается докопаться до истинной цели задуманного Мышкой. Поступок Дианы не был случайностью: она знала, на что шла и ради чего. Девочка с риском для собственной жизни боролась со спайсами, ее целью было привлечь внимание взрослых к проблеме наркотиков. Именно об этом идет речь в оставленном девочкой видеоролике: «...Я делаю официальное заявление. Да, это я, в здравом уме и твердой памяти добавила яд в спайс.

<...> Я сделала то... что сделала, потому что по-другому не получалось. Вся эта дрянь, этот "Василиск"... Все знают, что они есть, но никто ничего не делает. И все эти василиски... они кажутся бессмертными. Но это неправда! Эту дрянь можно победить! Не только силами полиции! Мы и сами можем что-то!» [Жвалевский, Пастернак 2014 : 123-124].

В борьбу против спайсов со всей страстностью и подростковой нетерпимостью вступила Диана Мышкина. А что взрослые? Родители? Школьные учителя? Почему на передовой линии оказалась совсем юная девочка? В чем же и когда «распалась связь времен»? Авторская позиция в понимании этого такова – распалась в то самое время, когда общение родителей с детьми стало не главным, когда исчезли искренность и доверие в обсуждении проблем, значимых для подростков в период их становления. Вот, к примеру, папа Дианы Мышкиной после смерти дочери обвиняет школу («Вы убили! Ваша школа!»). А что он сам знал о дочери, о ее пребывании в той же школе? Только спустя некоторое время, он начинает осознать, что так мало интересовался жизнью Мышки, даже не имел представления, в каком классе она училась: А или Б. Потрясает и поведение папы Егора. Сыну, вернувшемуся из больницы после лечения отравления спайсом, он предлагает вместо наркотиков ...алкоголь. Сам, своими руками отец наполняет стакан Егора водкой, считая, что от нее меньше вреда, чем от наркотиков. Что это? Разве можно одну зависимость (наркотическую) заменять другой (алкогольной)? В чем суть «победы» над наркоманией в таком случае?

Есть и еще один вид отношений родителей и подростков, который авторы повести также считают неприемлемым. Это отношения Артема и его мамы. Артем страдает наркотической зависимостью. Об этом знают одноклассники, учителя, администрация школы. Это слишком очевидно для всех, так как явно проявляется в поведении подростка. Но не очевидно для мамы Артема. Она выступает против того, чтобы сына вместе со всеми подвергли тестированию на предмет употребления наркотиков, а когда ей говорят о положительных результатах теста, обвиняет одноклассников Артема, учителей, но не себя. Женщина пытается выгородить своего сына, отрицая факты, не желая видеть того, что в ее представлении не может быть связано с ее семьей. В этом отношении очень показателен диалог мамы Артема и директора школы:

«...– Ваш мальчик уже пару лет стабильно употребляет наркотики. Он наркоман. Ему сделали все возможные анализы, у него в волосах следы десятка наркотиков. Так что помогать ему надо.

– Да вы что несете! – возмутилась мама Артема. – Он хороший мальчик. Я слежу за ним. Он же до сих пор дорогу без меня перейти не может! Я же его в школу на машине вожу! Как же он может быть наркоманом?

– Вы сделали все для того, чтобы он им стал, – сказала директор. – Сейчас все наркоманы именно такие. Инфантильные, несамостоятельные подростки, которые ничего сами не могут сделать, кроме как накуриться какой-то дрянью.

– Я буду жаловаться! – неуверенно сказала мама Артема.

– А жалуйтесь! – бодро ответила директор...

Мама Артема застыла с открытым ртом, а директор как будто груз с плеч сбросила.

– Вы думаете, мы тут в школе ничего не видим? Мы все видим и все знаем. Они же от вас, мамочек, прячутся. Вы же их пасете непрерывно. А наркотики не пахнут в отличие от водки и сигарет, и домой дети возвращаются милые и свежие. А что в школе сидят обкуренные вы этого не знаете.

– А почему вы раньше об этом не говорили? – потрясенно спросила мама Артема.

– А толку вам говорить, вы не слышите ничего. И о ребенке своем ничего не знаете и знать не хотите» [Жвалевский, Пастернак, 2014 : 81-82].

Позиция авторов вполне понятна – роль семьи в предупреждении наркотической (и любой другой) зависимости подростка основная. «Нужно с ним разговаривать, понимать, чем он живет, что для него важно, что ему нужно для того, чтобы быть счастливым. Нужно найти то, от чего он получает удовольствие. Только он сам. А не мама или папа... Нужна отдушина, нужно дело, пусть это сто раз фигня с точки зрения родителей, но если мальчику нравится вышивать крестиком, а девочка светится от счастья, тягая штангу, то пусть. Любой наркотик – это способ снять стресс, отвлечься от проблем», – раскрывают писатели основу взаимоотношений подростка и его родителей [Савицкая 2017]. При этом они утверждают, что никакие запреты (и даже смертная казнь) не способны остановить распространение наркотиков. «И нужно бороться не против наркотиков. Нужно бороться за здоровый образ жизни» [Савицкая 2017].

Причины трагедии, описанной в повести, потрясают, не оставляют читателей равнодушными. Именно поэтому книга белорусских авторов пользуется популярностью не только у юных читателей, но и, пожалуй, в большей степени у их родителей. Мы познакомились с отзывами (более двухсот) о повести, размещенными на интернет-сайтах [Рецензии и отзывы 2017], проанализировали их и сделали следующие выводы.

Более 92 % откликов носят положительный характер, содержат высокую оценку проблемы, затронутой в книге. Позволим себе привести некоторые из отзывов: «Потрясающе честная и страшная история. Такое может случиться в любом классе любой школы... Очень животрепещущая поднята тема. Наркотики, спайсы, алкоголь и благополучные дети, предоставленные самим себе...»; «Эта книга – лучшее, что написано на сегодняшний день о детской наркомании. Не в формате страшилок и мелодрамы, а как честный художественный разговор о социальном явлении и его предпосылках»; «Книга о непростом... Там не только наркомания, но и обостренные проблемы родителей и детей-подростков»; «Удивительная книга, стоящая особняком в современной отечественной подростковой литературе. Просто поражает своей реалистично-

стью. В небольшом, но емком тексте рассмотрена одна из проблем, касающаяся подростков и всех, кто с ними связан...»; «Вот именно так нужно говорить о наркотиках. Не читая нотаций, не организуя лекций о вреде спайсов...» [Рецензии и отзывы 2017].

Примерно 70 % взрослых читателей считают, что книга адресована в первую очередь им, родителям: «Книга для подростков. Бесспорно. Но еще больше для родителей подростков»; «Родителям эту книгу следует прочитать с установкой "найди себя". Особенно следует обратить внимание на приложение, оно не для детей, а для взрослых»; «Книга, которую надо читать родителям на школьном собрании вместо лекции по профилактике употребления наркотиков»; «Книга будет интересна в первую голову родителям, особенно тем из них, кто имеет привычку уходить в глухое отрицание существующих проблем – иногда прямо под носом существующих» [Рецензии и отзывы 2017].

Почти все читатели, как явствует из их отзывов, согласны с тем, что семья может и должна противостоять наркотикам, но не совсем четко представляет, как это можно сделать. В книге же многие из них находят ответы для себя: «... авторы стараются предложить нам решение проблемы. Нужно, чтобы у ребенка было интересное дело. Нужно, чтобы в семье действительно искренне интересовались делами детей, а не по принципу – учишься нормально – и ладно. Нам нужно всем перестать быть равнодушными – и тогда можно будет победить василиска»; «Все в руках взрослых, а именно родителей, лучше них никто этого не сделает» [Рецензии и отзывы 2017].

Таким образом, книга, адресованная подросткам, становится поводом и для разговора родителей и детей, родителей и учителей, общественных деятелей, словом, всех, кто видит в наркотиках одну из проблем современного общества и считает необходимым бороться с их распространением.

Библиографический список

1. Жвалевский, А. Охота на василиска / А. Жвалевский, Е. Пастернак. – М. : Время, 2014. – 192 с.
2. Савицкая, О. Жвалевский и Пастернак нащупали новую нишу в литературе / О. Савицкая. – URL: <https://sputnik.by/culture/20150626/1015916845/zhvalevskij-i-pasternak.html>
3. Рецензии и отзывы на книгу «Охота на василиска» Жвалевского, Пастернак. – URL: <https://www.labirint.ru/reviews/goods/442775/>; http://otzovik.com/review_2181534.html

ЛИТЕРАТУРНАЯ УТОПИЯ КАК ПАРАДОКС ВОПЛОЩЕННОЙ СПРАВЕДЛИВОСТИ

С. Л. Слободнюк

Санкт-Петербург, Россия

LITERARY UTOPIA AS A PARADOX OF THE EMBODIED JUSTICE

S. L. Slobodnyuk

Saint-Petersburg, Russia

Аннотация. Рассмотрены некоторые типологические и сущностные особенности литературной утопии. Автор доказывает, что утопия является моделью общества, в котором невозможно существование несправедливости. При этом справедливость, ради утверждения которой создается утопия, никогда не получает окончательного воплощения, поскольку оно грозит перерождением в собственную противоположность.

Ключевые слова: антиутопия, свобода, справедливость, талион, утопия.

Abstract. The article considers some typological and essential features of literary Utopia. The author proves that the Utopia is the model of society in which the existence of injustice is impossible. The Utopia is created for the approval of Justice, however, the Justice never gets the full embodiment because this embodiment might be turned into its opposite side.

Key words: Dystopia, Freedom, Justice, Talion, Utopia.

Литературную утопию вряд ли можно считать образцом высокохудожественного текста. Как правило, она многословна, назидательна, а нередко просто скучна. Правда, утопии XIX-XX вв., пытаясь исправить эти недостатки, усиливают элемент занимательности. Но идеологическая составляющая вопреки всем усилиям авторов все равно оттесняет на задний план авантюрно-фантастические сюжеты и стилистические ухищрения авторов.

В то же время литературная утопия является собой концентрацию богатейшего материала для изучения различных феноменов общественного сознания, ведь она была и остается острой критической реакцией на актуальные проблемы своего времени. Чтобы убедиться в этом, достаточно соотнести с историческим контекстом классические утопии Т. Мора, Т. Кампанеллы, Ф. Бэкона и утопический дискурс XIX-XX вв. Заметим, рожденная XX столетием антиутопия лишь подтверждает правомерность нашей позиции, тем более что сопоставление составляющих утопического и антиутопического бытия показывает, что сущностной разницы между утопией и ее традиционной противоположностью нет.

И в утопии, и в антиутопии мы имеем дело с моделью абсолютно справедливого социального устройства, которая воплощена в жизнь в рамках некоего города, острова, планеты. Просто в одном случае эту модель представляют в качестве всеобщего эталона, в другом – в качестве эталона мнимого, подлежащего разоблачению, но при этом остающегося незыблемым в глазах обитателей соответствующей художественной реальности.

Кроме того, и утопия, и ее противоположность в глазах рассказчика (либо обитателя) является собой идеал и оплот действительного совершенного счастья в мировом, а позднее – вселенском, масштабе. При этом радость пребывания в сей счастливой реальности – удел избранных... Другими словами – никаких принципиальных различий между блаженной жизнью соляриев (Т. Кампанелла) и расписанной по секундам жизнью нумеров (Е. Замятин) нет!.. Данная мысль только с виду кажется парадоксальной. Анализ показывает, что любая утопия, будь она положительной или отрицательной, философской или правовой, религиозной или мистической, экономической или евгенической, опирается на довольно ограниченный круг проблем. Это проблема воплощения (восстановления) в земной реальности истинной справедливости и проблема устранения несправедливости. Не менее важную роль играет проблема поощряющего либо карающего воздаяния, генетически связанная с институтом последнего Суда, принципом талиона и мотивами утраченного / обретаемого рая. Последние необходимым образом присутствуют в любом утопическом дискурсе, поскольку все названные выше проблемы восходят к архетипической истории об изгнании прародителей из Эдема и фундаментальной проблеме свободы.

Для подтверждения последнего тезиса, обратимся к роману «1984» Д. Оруэлла. В «Книге», которую читают Уинстон и Джулия, открытым текстом сказано следующее: «Уже в начале XX века равенство людей стало технически осуществимо. <...> Отпала <...> нужда в классовых различиях <...>. В прошлые века классовые различия были не только неизбежны, но и желательны. За цивилизацию пришлось платить неравенством. Но с развитием машинного производства ситуация изменилась. <...> Поэтому с точки зрения но-

вых групп, готовившихся захватить власть, равенство людей стало уже не идеалом, к которому надо стремиться, а опасностью, которую надо предотвратить. *В более примитивные времена, когда справедливое и мирное общество нельзя было построить, в него легко было верить. Человека тысячелетиями преследовала мечта о земном рае, где люди будут жить по-братски, без законов и без тяжкого труда.* <...> Но к четвертому десятилетию XX века все основные течения политической мысли были уже авторитарными. *В земном рае разуверились именно тогда, когда он стал осуществим. Каждая новая политическая теория, как бы она ни именовалась, звала назад, к иерархии и регламентации»* [Оруэлл 1989 : 141; курсив мой – С. С.]. Да, райская проблематика подается автором в историко-политическом контексте. Однако все выделенные нами вопросы налицо. Больше того – рай, равенство, справедливость и вопрос о свободе выступают здесь элементами единой сложной системы.

Обращение к наследию Т. Мора и Т. Кампанеллы показывает очевидную связь оруэлловской «Книги» с утопической классикой. Неизменен, к примеру, принцип подачи базовых идей – простая декларация. Неизменно отсутствие точных определений, ибо утопия, объясняя «А» через «В» и наоборот, редко доводит рассуждение до логического финала. При этом базовые понятия спрятаны в хитросплетениях смежных вопросов: «Законов у них очень мало, да для народа с подобными учреждениями и достаточно весьма немногих. <...> Сами утопийцы считают в высшей степени несправедливым связывать каких-нибудь людей такими законами, численность которых превосходит возможность их прочтения или темнота – доступность понимания для всякого. Далее они решительно отвергают всех адвокатов, хитроумно ведущих дела и лукаво толкующих законы. <...> У утопийцев законоведом является всякий. Ведь, как я сказал, у них законов очень мало, и, кроме того, они признают всякий закон тем более справедливым, чем проще его толкование» [Мор 1989 : 102]. Иными словами – в Утопии *есть* справедливые законы, эти законы обеспечивают соблюдение справедливости, и они настолько хороши, что мы не будем о них говорить.

Рассуждение Кампанеллы выглядит немного иначе, но суть остается неизменной: Город Солнца есть воплощенная справедливость, сохранность которой обеспечивается законами. Последние же «немногочисленны, кратки и ясны. Они вырезаны все на медной доске у дверей храма <...>; и на отдельных колоннах можно видеть определение вещей в метафизическом, чрезвычайно сжатом стиле; именно: что такое бог, что такое ангел, мир, звезда, человек, рок, доблесть и т.д.» [Кампанелла 1989 : 174]. Мягко говоря, лаконично... При этом Кампанелла много и охотно рассказывает о судьях, судопроизводстве, наказаниях и о самом любимом соляриями законе – законе возмездия: «Все главные мастера являются судьями и могут присуждать к изгнанию, бичеванию, выговору, отстранению от общей трапезы, отлучению от церкви и запрещению общаться с женщинами. К насильникам применяется смертная казнь или наказание – око за око, нос за нос, зуб за зуб и т.д., согласно закону возмездия, если преступление совершено сознательно и с заранее обдуманным намерением» [Кампанелла 1989 : 172–173]. Не будем задаваться банальным вопросом о том, откуда в совершенном обществе берутся преступники. Гораздо любопытнее сам факт того, что утопия Кампанеллы скрывает в себе сюжет под названием «апология талиона». И еще любопытнее то, что в более поздних утопиях / антиутопиях этот сюжет не просто развивается: в ряде случаев именно закон возмездия оказывается основным структурообразующим элементом утопической конструкции.

Наглядным подтверждением наших слов может служить роман Л. Леонова «Пирамида». В этом романе соединяются воедино собственно утопическая, правовая и религиозно-философская проблематика. А главной точкой сопряжения утопии, права, веры и истины становится вопрос о законе возмездия [Слободнюк 2009 : 266–288]. Этим законом оправдывается жуткая интрига небесных сил, решивших погубить человечество. К этому закону апеллирует резидент преисподней на святой Руси профессор Шатаницкий. И именно этот закон, властвующий в утопиях леоновской вселенной, воплощает справедливость в жизнь. Небезынтересно также, что изначальное «око за око», некогда посылно смягченное Моисеевым законодательством, в мирах «Пирамиды» стремится обрести – и практически обретает – изначальную чистоту. *Осуществленное возмездие*, свершенное по принципу талиона ради восстановления справедливости, становится для героев Леонова таким же идеалом, как возвращение на колени бога, обретение утраченного рая и всеобщее утопическое равенство.

Правда, в многословных речениях персонажей «Пирамиды» мы при всем желании не сможем отыскать отточенную формулировку, гласящую, что *талион есть квинтэссенция высшей справедливости* как для творца, так и для его творений различного ранга. Не считать же таковой издевательские слова Никанора Шамина: «Существует розовая версия, что со временем граждане сами займутся созданием шедевров <...>. – И ежели одни, к примеру, примутся писать эпохальные полотна, также драматические сочинения для ближнего, то и другие в целях самозащиты посвятят себя классическому балету или оперному пению по библейскому принципу – око за око, зуб за зуб. Опасаюсь, что в подобной суматохе взаимообслуживанья творец не сможет рассчитывать на братские аплодисменты...» [Леонов 1994 : 308].

В процитированной филиппике о справедливости нет ни слова. Случайна ли данная фигура умолчания? Скорее всего, нет. Как мы уже говорили, утопия являет собой модель *абсолютно справедливого* социального устройства. Менялись ценности, декларируемые великими утопистами от Платона до новейшего времени, менялся мыслимый идеал, менялись формы утопии, но справедливость незыблемо пребывала на своем месте. Столь же незыблемым оставалось тайное правило, гласящее: «*Несправедливости в утопическом обществе нет*», – и раскрывающее, таким образом, истинный смысл формулы «справедливость для всех». Дело в том, что *все* в утопическом пространстве-времени есть *только те, кто причастен утопии*. По

отношению же к остальным справедливость вершится теми, кто не знает несправедливости, то есть – утопийцами.

Подобные тонкости в нашем случае важны. Ведь в той же «Пирамиде» при всем желании нельзя обнаружить никого, кто бы избежал несправедливости. Соответственно – и утопические цитадели остаются для героев лишь манящим из тумана идеалом. Кстати, и сама высшая справедливость у Леонова, тоже намеренно размывает свой облик. В противном случае как нам объяснить тот факт, что в романе есть пассажи об экономической справедливости, социалистической справедливости, всемирной справедливости, царстве справедливости, но *просто справедливости* (или хотя бы надежды на то, что она явит себя миру) нет нигде? При этом суждения отдельных героев, где справедливость якобы получает свое определение, лишь запутывают читателя: «У царей выше всех прочих совершенств – справедливость» [Леонов 1994 : 44]; «когда-нибудь ради высшей справедливости и возникает бунт против обожествленного Прометея – расковать его, снять со скалы, отменить, настрого запретив ему дальнейшее страдание, возвысившее его над коленапреклоненной толпой!» [Леонов 1994 : 309].

Нет, никто не отрицает, что справедливость *есть*, но по неведомым причинам леоновские искатели выбирают для ее обретения весьма нетрадиционные пути. Так, в словах горбуна, размышляющего о мировой скорби и царствии небесном, внезапно слышится «ультимативная решимость в случае чего обратиться за справедливостью к самому владыке преисподней» [Леонов 1994 : 402]. Ересиарх-самородок отец Матвей, успевший лично пообщаться с дьяволом, дабы «выяснить кое-что из первоисточника» [Леонов 1994 : 402], трактует первое пришествие Спасителя как восстановление справедливости, но, увы, это восстановление происходит *по отношению к абсолюту*, а не к человеку, который теперь может забыть и о граде небесном, и о рае земном...

Надо сказать, что пессимизм в связи с перспективой обретения утраченного (или нового) рая характерен не только для Л. Леонова. Эта мысль звучит уже в толстовском романе «Аэлита»: «Тускуб мечтает <...>: – открыть последнюю эпоху Марса – золотой век. Избранные войдут в него, только достойные блаженства. Равенство недостижимо, равенства нет. Всеобщее счастье – бред сумасшедших, пьяных хаврой. Тускуб сказал: – жажда равенства и всеобщая справедливость, – разрушают высшие достижения цивилизации. – <...> Итти назад, к неравенству, к совершенной несправедливости! Пусть на нас кинутся, как их, – минувшие века. Заковать рабов, приковать к машинам, к станкам, в шахтах... Пусть – полнота скорби. И у блаженных – полнота счастья... Вот – золотой век. Скрежет зубов и мрак. И высшее наслаждение, упоение. Будь прокляты отец мой и мать!» [Толстой 1923 : 221–222].

Не менее «оптимистичны» построения других русских авторов, успевших задолго до Е. Замятина и О. Хаксли создать оригинальные утопии на тему обретаемого и обретенного рая. К примеру, Ф. Сологуб дал жизнь волонтаристской утопии, поскольку в творимом автором пространстве-времени именно воля создает и определяет все. А. Блок всю свою жизнь писал утопию справедливого возмездия, а Н. Гумилев – утопию равного воздаяния. Несмотря на то, что искания авторов шли в разных направлениях, их творения ведут себя совершенно одинаково: воплотившись, утопия сбрасывает белые одежды, являя миру свою подлинную суть. «Творимая легенда» Ф. Сологуба вырождается в мир, стонущий под властью злого Адонаи, которого привели на престол людская слабость и верховная воля, не знающая внешней цели. Гумилевский Колумб (поэма «Открытие Америки») получает в награду за свои свершения земной рай, мгновенно оборачивающийся земным адом. А что касательно *темного рая* А. Блока, так достаточно вслушаться в «человеколюбивый» клич апостолов революции (поэма «Двенадцать»), которые жаждут раздуть *мировой пожар в крови* и просят божество благословить это начинание.

Подобное стяжение христианской и революционной идеологии совсем не случайно, поскольку: 1) евангельский утопизм имел с утопизмом социалистическим не только типологическое родство; 2) евангельский утопизм, как и утопизм социалистический, скрывает в своих недрах принцип талиона; 3) *мировоззренческий кризис*, на волне которого в России начала воплощаться коммунистическая утопия, вызвал к жизни парадоксальные формы правосознания и общественного сознания в целом. Чтобы проиллюстрировать эти тезисы, обратимся к тексту «Пирамиды»: «В сущности своей основная социальная идея современности о праве обездоленных на радость почти совпадает с центральной заповедью Нагорной проповеди, настолько впитавшейся в характер русской нации, что и проявляется не только в простонародном, упрощенном истолковании революции, <...> но и в литературных произведениях, как, например, в эпохальном шедевре, где будто бы сам Он, в белом венчике из роз, сын Божий совершает ночной обход столицы во главе матросского патруля» [Леонов 1994 : 38]. Не будем обращать внимания на избитый тезис о генетическом родстве коммунистической и евангельской идеи. В данном случае гораздо важнее увидеть скрытые акценты, а именно: «В сущности своей основная социальная идея современности о праве обездоленных на радость *почти совпадает* с центральной заповедью Нагорной проповеди». Обратившись к библейскому тексту, мы без труда обнаружим, что в восьми из девяти заповедей блаженства (Мф., 5:3:11) действительно говорится о праве обездоленных на радость. Но в чем же отличия?.. Ответ, казалось бы, очевиден: в первом случае – «блаженны нищие духом, ибо их есть Царство Небесное» (Мф., 5:3); во втором – «от каждого по способностям, каждому по потребностям». Но это отличие *внешнее*. Если же осмыслить суть сравниваемых идей в духовном контексте начала XX в., то окажется, что центральной заповедью, действительно укорененной в народном сознании, оказывается *не только заповедь любви*, а целью – не столько царствие небесное, сколько *обретение максимально полной власти здесь и сейчас*.

Наши выводы могут показаться легковесными. Тем более что в евангелии от Матфея недвусмысленно сказано: «Вы слышали, что сказано: око за око и зуб за зуб. А Я говорю вам: не противься злому. Но кто ударит тебя в правую щеку твою, обрати к нему и другую» (Мф., 5:38–39). Однако кризисное мировоззрение весьма избирательно в выборе приоритетов. Поэтому вторая половина евангельского высказывания просто игнорируется, и над миром гремит призыв экспроприировать экспроприаторов, то есть – грабить награбленное!.. Как известно, этот лозунг не просто прилежно воплощался в жизнь. Он стал императивом, на долгое время определившим пути деформации народного правосознания.

Однако столь успешная деформация правосознания была бы невозможна, если бы не евангельские по происхождению и утопические по сути установления, издавна укорененные в нем. Кроме того, в недрах Нагорной проповеди комфортно разместилась идея о том, что человек в своем нравственном самосовершенствовании должен руководствоваться не только заповедями блаженства, но и ветхозаветным принципами: «Если же правый глаз твой соблазняет тебя, вырви его и брось от себя <...>. И если правая твоя рука соблазняет тебя, отсеки ее и брось от себя» (Мф., 5:29–30). Но коль скоро идея возмездия равным за равное может быть направлена на меня самого, то что мне мешает направить ее на мир? Царствие-то небесное далеко и будет ли вообще? Грядущее небесное блаженство – это прекрасно, но мы желаем воздаяния сегодня и на земле. Так почему бы не воспользоваться тем, что *наше время* уже пришло, и это время свободы? Правда, той свободы, которая, как сказано в «Двенадцати» Блока, «без креста»...

Осталось добавить, что «свобода» в контексте исканий начала XX века – не просто некое понятие, не просто идеал, цель или мечта. Нет – свобода есть *абсолют*, определяющий устремления общественного сознания, в какой бы форме они не проявлялись. Более того, *именно свобода и есть высшая справедливость*, к воплощению которой стремится любая утопия... Христианское смиренномудрие и люциферические дерзания, крестьянский рай и пролетарское счастье, чаяние конституций и провозглашение богочеловеческого состояния мира, все эти элементы литературной утопии существуют исключительно ради утверждения свободы. Свободы индивидуума, общества, человечества. Свободы как высшего воплощения счастья. Но счастья недостижимого, поскольку, воплотившись, утопическая свобода всегда оборачивалась абсолютной несвободой, освящая этим актом грядущие перерождения справедливости.

Библиографический список

1. Кампанелла, Т. Город Солнца / Т. Кампанелла // Зарубежная фантастическая проза прошлых веков. – М. : Правда, 1989. – С. 133–188.
2. Леонов, Л. М. Пирамида : роман-наваждение : в 3 ч. / Л. М. Леонов. – М. : Голос, 1994. – Т. 1–2.
3. Мор, Т. Золотая книга, столь же полезная, как забавная, о наилучшем устройстве государства и о новом острове Утопии / Т. Мор // Зарубежная фантастическая проза прошлых веков. – М. : Правда, 1989. – С. 18–130.
4. Оруэлл, Д. «1984» и эссе разных лет / Д. Оруэлл. – М. : Прогресс, 1989. – С. 202–208.
5. Слободнюк, С. Л. Философия литературы: от утопии к Искаженному Миру / С. Л. Слободнюк. – СПб. : Наука, 2009. – С. 266–288.
6. Толстой, А. Н. Аэлита / А. Н. Толстой. – М. ; Пг. : Гос. изд., 1923.

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ИЗМЕНЕНИЯ В СЛОВЕ «ОТЕЧЕСТВО» И ЕГО СИНОНИМАХ В СОВЕТСКОМ И ПОСТСОВЕТСКОМ ОФИЦИАЛЬНОМ ДИСКУРСЕ И МАССОВОЙ КУЛЬТУРЕ

О. Л. Флеонова

Триполи, Ливан

SEMANTIC CHANGES IN THE WORD "HOMELAND" AND ITS SYNONYMS IN SOVIET AND POST-SOVIET OFFICIAL DISCOURSE AND MASS CULTURE

O. L. Fleonova

Tripoli, Lebanon

Аннотация. Смена социально-экономической и политической системы предоставляет богатый материал для лингвистов, изучающих процессы сигнификации. Рассмотрено изменение значения слова «отечество» и слов из этого семантического ряда в российском официальном дискурсе и дискурсе массовых праздников в последние три десятилетия. Представлены два механизма сигнификации, используемые для фиксации значения слова: ограничение множественности значения слова (closure) официальным дискурсом и «обрамление» слова (framing) новым дискурсом для исключения нежелательной старой интерпретации языковой единицы.

Ключевые слова: процессы сигнификации, отечество, массовая культура, ограничение множественности значения слова, «обрамление».

Abstract. Social, economic and political changes present linguists with rich material for the study of signification processes. The article traces the changing meaning of the word «homeland» and related words in Russian official discourse and discourse of mass celebrations in the past three decades. Two processes of signification are discussed in the article: closure, or a restriction on the multiple interpretations of the word imposed by the official discourse; and the framing of the word by the new discourse to exclude the undesirable meaning.

Key words: processes of signification, homeland, mass culture, closure, framing.

В 2000-м году, когда вопрос о российской государственности более или менее прояснился, государственный гимн, после десятилетнего «бессловесного» существования, вновь обрел слова, и слово «отечество» стало функционировать в новом понимании. Стало возможным «нести в массы» это новое понимание, и вслед за гимном у страны появились и новые песни о родине. Песни, как один из механизмов популяризации официальной идеологии на массовых празднованиях, помогают сформировать и внедрить в общественное сознание идентичность; они важны для самоопределения и объединения нации, демонстрации единства устремлений народа и его приоритетов.

В пост-советское время были написаны такие песни о стране, как «Россия, вперед!», «Наш президент», «Это русский характер», «Эй, страна», «Это Крым, а по совести это Россия», «Я люблю тебя, Россия». Они исполняются на массовых празднованиях последних лет, например, на Дне России и на Дне воссоединения Крыма и России, и заряжают аудиторию патриотическим настроением. Записи концертов, однако, показывают, как аудитория эмоционально откликается на старые советские песни и хором подпевает исполнителям «Широка страна моя родная», «Мой адрес не дом, и не улица», «Земля моя» («Мир, какое небо надо мной»), «Родина моя» («Над тобою солнце светит, Родина моя»), «Земля моя» («Как воспеть эту землю»), «Я, ты, он, она, вместе целая страна».

Топонимы из песен четко очерчивают территорию отечества: «От южный морей до полярного края», «от Москвы до самых до окраин», «с песней белого севера, с небом юга лазоревым», «Севастополь–город русских моряков». Однако, после событий 1990-х годов появляется амбивалентность значения слов из этого семантического поля. О какой родине и о какой идентичности поют эти песни?

Понятия «государство», «государственность», «границы государства», «отечество», «защита отечества» являются одними из ключевых в определении политического и экономического устройства страны, определяют ее границы, взаимоотношения между гражданами, их права и обязанности, законность проживания на этой территории и являются основными для национальной идентичности граждан. В словах этого семантического ряда заложен политический, идеологический и правовой смысл, а потому их точные недвусмысленные формулировки являются чрезвычайно важными.

Смена социально-экономической и политической системы предоставляет богатый материал для лингвистов, изучающих процессы сигнификации. Многие исследователи отмечают, что словарное определение мало помогает для понимания истинного значения слова и играет лишь номинальную роль—это очень узкое значение, плейшолдер, не отражающий нюансов функционирования языковой единицы в обществе. Значение слова появляется в процессе его употребления, в процессе общественной практики людей. В советском языкознании первым это подробно описал в 1929 году Волошинов [Volosinov 1986].

Большие проблемы для лексикографов представляют слова, обозначающие идеи и ценности. В отличие от слов, называющих конкретные предметы физического мира, слова, обозначающие идеи и ценности, интерпретируются по-разному в различных обществах и в различные исторические эпохи. Уильямс, например, описал этот процесс, проследив изменяющиеся значения слов «идеология», «культура», «класс» и других понятий общественной и культурной жизни [Williams 1979].

Слово «отечество» оказалось очень чувствительным к различным политическим и социальным изменениям. Например, во времена декабристов, в отличие от синонима «родина», который ассоциировался больше с сентиментальной привязанностью к родному краю, природе, «отечество» имело острый общественно-политический и революционный смысл [Виноградов 1999]. Позднее, в предреволюционные царские времена, это слово отождествлялось с царским режимом: «За царя, за отечество». В советское время оно недвусмысленно должно было обозначать социализм.

Этот неполный список изменений в семантике слова «отечество» свидетельствует о том, как одна и та же языковая единица может наполняться очень разными и даже противоположными смыслами: «отечество=революционный настрой, свободомыслие», «отечество=царский строй», «отечество=социализм», «отечество=нацизм»²⁷ «отечество=общество толерантности»²⁸. Слово, таким образом, выступает как арена идеологической борьбы [Volosinov 1986].

В памяти народной и в общественном сознании все еще присутствует значение, выработанное официальным советским дискурсом и затем закрепленное в советской массовой культуре через песни. Определение слова «отечество», как «социалистическое отечество», было зафиксировано в словарях, подготовленных на основе решений съездов КПСС. Так, в словаре «Научный коммунизм» слово «отечество» определяется следующим образом: «политическая, социальная и культурная среда, в которой живет и трудится народ. Это сложное общественное явление, охватывающее совокупность разнородных сторон жизни и деятельности общества: социальные отношения, систему политических отношений и организаций, формы и типы культуры, распространенные в обществе, духовные ценности, к которым приобщены народные массы. Отечество характеризуется также такими «вечными» элементами, как территория и язык народа (см. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 26, с. 365)» [Научный коммунизм: словарь 1983: 207].

Для обычной словарной статьи определение такого объема оказалось бы достаточным. В этом же словаре оно занимает две страницы. Такое подробное описание основополагающего понятия обосновывается с одной стороны трудностью определения слов, обозначающих идеи и ценности, как указывалось выше в статье, и с другой стороны, необходимостью фиксации значения слова в одном, недвусмысленном, угодном доминантной идеологии смысле. Такое ограничение семантики слова, фиксация его значения, или в английском варианте «closure»—ограничение множественности потенциальных значений [Fairclough 1992: 95], является одним из основных процессов закрепления идеологического значения слова. Чтобы исключить нежелательную интерпретацию, определение продолжается дальше: «Социально-политическая природа отечества в значительной степени определяется тем, какие общественные отношения господствуют в обществе, какой класс является их носителем. В зависимости от этого можно говорить о капиталистическом и социалистическом отечестве.» [Научный коммунизм: словарь 1983: 208].

Понятие территориальных границ, столь важное для современных государств-наций, объявлялось в советском дискурсе исторически преходящим: «Отечество как определенное социально-политическое явление носит исторически преходящий характер. 'Как идея *племени* сменилась идеей *отечества*... так идея *отечества* должна отступить перед несравненно более широкой идеей *человечества*. За это ручается... *сила экономического развития*', — писал Плеханов. Но это дело далекого будущего.» [Научный коммунизм: словарь 1983: 208].

Отечеством объявлялась не территория, а социализм. Защита отечества означала не защиту территории, а защиту социалистического строя, независимо от того, в какой точке земного шара этот строй был: «Отечеством для трудящихся масс выступает сам социализм как общественно-политический строй, как форма организации общественной жизни.» [Научный коммунизм: словарь 1983: 208]. А потому, продолжает словарь, «рабочие при капитализме 'не имеют отечества' (Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 4, с. 444)» [Научный коммунизм: словарь 1983: 208].

В соответствии с политическим воображаемым того периода создавался образ безграничного отечества. Вся планета, а не только отдельная страна, представлялась ареной деятельности прогрессивных сил и

²⁷ Из-за нацистских коннотаций слова Vaterland в немецком языке, послевоенная Великобритания предпочла слову fatherland менее идеологизированное homeland.

²⁸ В марте 2018 года некоторые борцы за гендерное равенство предложили отказаться от слова Vaterland в гимне Германии и заменить его на слово с нейтральным гендерным наполнением Heimatland [Staudenmaier 2018]. Это изменение было призвано отразить идентичность проживающих на территории этого государства граждан, их толерантность как национальную черту.

счастливого коммунистического будущего. «Гимн демократической молодежи мира» в унисон официальному дискурсу воспевал счастье для всех народов планеты: «Счастье народов, светлое завтра в наших руках друзья», «Нам, молодым, вторит песней той весь шар земной», «В разных землях и странах... каждый, кто молод, ... в наши ряды друзья».

Массовая культура распространяла это фиксированное, исключаящее множественность интерпретаций значение, содержащее такие смысловые компоненты, как

- Отечество=социализм (социально-экономическая и политическая формация);
- В этом отечестве проживает особая историческая общность–советский народ, объединенная не на основе национальной принадлежности, а на основе общих устремлений к обществу справедливого социализма и коммунизма; общество товарищей-интернационалистов;
- Границы советского отечества должны со временем исчезнуть; защита отечества–это защита мирового социалистического содружества;
- Отечество–это переходная историческая стадия; отечество как политическая единица исчезнет с победой социализма во всем мире.²⁹

Это старое значение явно проблематично в новой политической реальности и систематически искореняется из пост-советского национального воображаемого. Значение слова «отечество» регулярно подвергается второму механизму контроля значения слова–текстовому «обрамлению» (framing). Ферклоф определяет framing как контекстуализацию голоса другого [Fairclough 2006]. На массовых празднованиях, таких как День России и День воссоединения Крыма и России, советские песни о родине «обрамляются» репликами ведущих, речами политиков и песнями с новым смысловым наполнением понятия «родина»/«отечество», и тем самым легитимируется новое значение. Благодаря телевидению и Youtube это новое значение доводится до многомиллионной аудитории³⁰.

Переозначивание слов из семантического поля «отечество» происходит в результате систематического «обрамления» старых песен фразами и предложениями «мы любим нашу родину, мы любим Россию», «будь, Россия, всегда Россией», «проявили настоящий русский характер», «это русский характер помогает нам верить, это русский характер с двуглавым орлом», «нас нельзя победить, с нами Бог и Россия», «крымская весна стала символом возрождения русского мира», «эпоха собирания земель русских», «все угрозы разобьются о гранит нашей воли, русской правды и справедливости», «космос – это тоже Россия». Идея национальной уникальности и обособленности сменяет идею общности и единства интересов трудящихся независимо от национальной принадлежности, которая была свойственна советскому дискурсу.

Исполнение песен о советской родине в рамках концертов к Дню России на фоне российского флага, частота употребления слова «Россия» и обращения «россияне» приводят к поглощению семантики старой языковой единицы новым дискурсом. Замысленные в советском дискурсе как понятия с противоположным смысловым наполнением «социалистическое отечество» и «не-социалистическое отечество» в результате такого соположения на концертах теряют остроту противоречия и абсорбируются новым дискурсом.

Все больше и больше в дискурсе официальных праздников появляются слова и выражения «русская душа», «русский характер», «кровь», «земля», «Бог», «Святая Русь», и в результате создается замкнутое национальное пространство, населенное людьми с уникальной русской душой. «Отечество» в пост-советском дискурсе включает следующие компоненты значения:

- Отечество=Россия, государство-нация в андерсоновском понимании [Anderson 1991];
- Это территория для россиян с уникальным русским характером и русской душой;
- Границы государства-нации строго определены и охраняются, и любым посягательствам на территорию будет дан отпор;
- Россия–уходящая корнями в прошлое, вечная, данная Богом и хранимая Богом земля.

В наше время, традиционные советские способы распространения официальной идеологии, такие как массовые партийные заседания, всенародные демонстрации и партийные средства массовой информации, исчезли. Спонсируемые государством концерты стали местом распространения, легитимации и популяризации официальной идеологии. Старые советские песни при этом используются новой идеологией в своих целях, а старые «рискованные» интерпретации отечества и идентичности переосмысливаются, переозначиваются и нивелируются.

Статья постаралась проследить процесс сигнификации, в частности в применении к слову «отечество» в последние три десятилетия. Официальный дискурс вычленил и фиксирует нужное однозначное идеологическое значение. Массовая культура затем помогает это значение закрепить в общественном сознании и отфильтровывает нежелательные значения через дискурсивный механизм «обрамления».

---

²⁹ Возможно, по причине того, что фиксация однозначного значения слова не может ограничиться несколькими строками стандартного словарного определения и требует значительного объема текста, слово «отечество» не появляется в Советском энциклопедическом словаре (СЭС), который должен был стать настольной книгой, служившей «для каждой семьи источником повседневных справок по вопросам, возникающим при чтении газет, журналов, книг, учебной литературы, слушании радиопередач, просмотре телепрограмм и т.п.» [Советский энциклопедический словарь 1981: 3].

³⁰ См., например, на Youtube записи концертов «День России в Крыму», Ялта, 12 июня 2014 г.; «Мы вместе», Москва, 18 марта 2015 г.; «От Руси до России», Москва, 12 июня 2015 г.; «Я – Россия», Москва, 12 июня 2017 г.

Библиографический список

1. Виноградов, В. В. История слов / В. В. Виноградов ; отв. ред. чл.-кор. РАН Н. Ю. Шведова; Институт русского языка РАН. – М. : Толк, 1994. – 1138 с. – URL: <http://www.slovari.ru/default.aspx?p=169>
2. Научный коммунизм : словарь / под ред. А. М. Румянцева. – 4-е изд., доп. – М. : Политиздат, 1983. – 352 с. – URL: <http://tapemark.narod.ru/kommunizm/index.html>
3. Советский энциклопедический словарь / под ред. А. М. Прохорова. – М. : Советская энциклопедия, 1981. – 1600 с.
4. Anderson, B. Imagined communities: Reflections on the origin and spread of nationalism. Rev. ed. / B. Anderson. – London : Verso, 1991. – 224 p.
5. Fairclough, N. Analysing discourse: Textual analysis for social research / N. Fairclough. – London ; New York : Routledge, 2006. – 270.
6. Fairclough, N. Language and power / N. Fairclough.– London : Longman, 1992. – 259 p.
7. Staudenmaier, R. Could Germany get a gender-neutral national anthem? / R. Staudenmaier // DW. – 2018. – 6 March. – URL: <http://www.dw.com/en/could-germany-get-a-gender-neutral-national-anthem/a-42823170>
8. Volosinov, V. N. Marxism and the philosophy of language / V. N. Volosinov. – Cambridge, Massachusetts : Harvard University press, 1986. – 205 p.
9. Williams, R. Key words: A vocabulary of culture and society / R. Williams. – London : Fontana Press, 1979. – 341.

Направление 10

ФОРМИРОВАНИЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНЦИИ В ПРОЦЕССЕ ПОДГОТОВКИ ЮРИСТОВ

ДИСКУРСИВНЫЙ ПОДХОД К ОБУЧЕНИЮ ЮРИДИЧЕСКОМУ АНГЛИЙСКОМУ ЯЗЫКУ

Е. Н. Гринько

Пермь, Россия

A DISCOURSE APPROACH TO TEACHING LEGAL ENGLISH

E. N. Grinko

Perm, Russia

Аннотация. Рассматривается использование дискурсивного подхода к преподаванию юридического английского языка. Обозначается суть данного подхода, целью которого является изучение языка без отрыва от контекста с учетом характеристик юридического дискурса. Также описываются преимущества данного подхода для студентов, изучающих английский язык для профессиональных целей.

Ключевые слова: дискурс, дискурсивный подход к обучению, английский язык для специальных целей, юридический английский, текст.

Abstract. This article reviews the use of a discourse approach to teach Legal English. It explains the essence of this teaching approach which aims to help students learn English in a legal context with regard to characteristics of legal discourse. The article outlines some of the benefits this approach provides for ESP learners.

Key words: discourse, discourse approach, English for Specific Purposes (ESP), Legal English, text.

In many non-English speaking countries English language proficiency is a must-have skill for their people if they wish to compete and succeed on the international stage.

In the 2013 report published in the HBR (Harvard Business Review), the research showed a positive correlation between English language skills and strong economic performance. Using the English Language Proficiency Index of 60 countries surveyed, an improvement in English language proficiency was related to a rise in income per capita in nearly all of these countries. And on an individual level, recruiters and HR (Human Resources) experts around the world report that job seekers with an exceptional level of English compared to their country's level earn 30-50% percent higher salaries. Moreover, the research showed that the quality of life improved as well. There is also a correlation between English language proficiency and the Human Development Index, which measures education, life expectancy, literacy, and standards of living [Countries with Better 2013].

In response to the current situation, in many non-English speaking countries EFL teachers are reconsidering their beliefs about EFL teaching, particularly about ESP teaching. Educators are encouraged to update teaching methods and evaluate learning materials.

In this article we will give a brief overview of a modern approach to EFL teaching which aims to address the challenge of improving English language competence of Russian students.

One of the most effective approaches to teaching English as a foreign language is a discourse approach. Discourse-based teaching has been developed quite successfully due to well-founded research into discourse analysis or discourse studies. Contrary to traditional linguistics, discourse studies not only study language use 'beyond the sentence boundary' but also prefer to analyze 'naturally occurring' language use, not invented examples [Discourse Analysis 2016].

Therefore, the essence of this teaching approach is transferring emphasis from studying the target language system to studying communication which is defined not only as a speech activity (listening, speaking, reading, and writing), but also as a number of related events which represent social contexts. According to a discourse approach, language is viewed as either providing the means for thought and perception, or, in its stronger form, conditioning thought, perception, and world view [Sherzer 1987 : 197].

I teach English to university students whose major is Law. The aim of the course is to improve their cross-cultural competence as well as developing their communication skills in speaking, writing, listening, and reading.

What is essential in teaching Legal English is raising students' linguistic awareness through discourse analysis and improving students' skills in reflective reading and writing in a legal context.

Legal discourse is a highly specialized use of language requiring a special set of skills and habits. Obviously, understanding, translating and writing legal texts takes a lot of effort and requires a lot of attention to detail and sensitivity to the impact of subtle contextual changes.

Here are some key characteristics of the legal language that students find very hard to deal with:

1. Choice of words in Legal English is affected by precedent;
2. Legal English tends to be conservative. For this reason, it retains phrases and formulas that are no longer used in everyday language;
3. Legal language is definite, precise and technical. Members of the legal community, above all speakers, deliver messages that cannot be lost or misunderstood. (For example, the words privilege and right may be of little difference in everyday language, but in a legal context these distinctions are critical.);
4. Legal language is characterized by formality in all kinds of legal activity (making laws (legislation), issuing regulations under the law (administration), applying laws to disputes (adjudications), and/or making arrangements (negotiation);
5. The complexity of sentence structure can be put down to the complexity of certain legal concepts. (For example, a lot of qualifying phrases and dependent clauses are used to express some legal concept with the required precision.)

With a discourse-based approach to teaching Legal English students read, analyse and review authentic full-text legal documents using discourse analysis methods. By carefully analyzing the language in legal opinions, law review articles, typical commercial contracts, and other texts students become experts in analyzing and evaluating legal texts. Moreover, students learn to use Legal English to achieve various desired linguistic effects and professional purposes.

A discourse approach proved to be very efficient in teaching English for professional purposes since it provides a lot of opportunities and benefits for teachers and learners. Let us consider some of them.

First, discourse-based teaching can be an excellent resource for teachers to increase students' language knowledge and develop communication skills. For instance, through a newspaper article, an extract from a legal book, and an official document or a natural piece of spoken discourse like a recorded conversation, cross-examination, and an interview, EFL teachers can teach grammar. Students can learn or revise grammar in a legal context. The additional benefits come from learning new vocabulary, reading and discussing texts using the same piece of discourse.

Second, this approach forces students to read authentic legal texts carefully and thoughtfully. Reading is still a core skill for students studying English for academic and professional purposes. Students face challenging tasks of learning subject-matter through English. For this reason, students need to improve their reading comprehension skills to be able to use the information and knowledge they get to promote their careers in the future.

Third, a discourse approach gives students an opportunity to analyze and criticize legal texts and consider the pragmatic meaning of professional communication.

Finally, discourse-based teaching enables students to use the language they learn to achieve a desired discourse message when creating their own texts.

Craig Hoffman writes that for non-native speakers of English the most difficult thing is not the lack of knowledge of the English language grammar or vocabulary. It is rather their unfamiliarity with the legal system and the conventions of British and/or American legal discourse [Using discourse 2011].

Discourse-based teaching enables students to deal with legal discourse, as they start perceiving law as a network of integrated texts. Analysis of legal texts enriches their understanding of law and legal issues and raises their awareness of the legal culture.

Legal English textbooks available in Russia generally focus on building Legal English vocabulary, developing skills of reading texts stuffed with legal terms and phrases, and improving skills of producing various types of legal documents in English. Writing skills are of a vital importance for future lawyers since they have to deal with a lot of documentation and need to know how to draft legal documents clearly and correctly. Some of the most important legal drafting skills are the following: writing concisely, avoiding lexical and grammatical errors with respect to the style of a legal text, structuring and laying out the document logically, editing the document, etc.

Typically, ESP teachers try to teach this set of skills mostly by showing models of good (and sometimes bad) examples of writing. Becoming proficient in drafting legal documents requires a lot of study and practice as well as analyzing and reviewing a lot of authentic documents. The goal of a discourse approach to teaching Legal English is to enable students to produce legal texts that will appear to be authentic to members of the target legal culture.

Discourse-based teaching practice has become more common in teaching English for professional purposes since it allows teachers to enhance the efficiency of the teaching process. A great deal of day-to-day professional communication takes place in English, the international language of business, finance, international relations, etc. In many cases this communication occurs between a native and a non-native speaker of English.

ESP teaching based mostly on content without considering social practices, where use of English will be required, cannot ensure students' success in their future professional communication. When outside the classroom, students fail to communicate successfully in an ESP setting. The difference in discourse patterns might be the real problem of misunderstanding or misinterpretation of communication participants.

Discourse-based teaching helps ESP teachers build students' background knowledge which is essential for understanding not only the meaning of words but the context and the social practices that dictate what will be regarded to be authentic in their discourse community.

References

1. Brown, B. Legal Discourse / B. Brown // The Routledge Encyclopedia of Philosophy Online (REP Online). – URL: <https://www.rep.routledge.com/articles/thematic/legal-discourse/v-1>
2. Hoffman, C. Using Discourse Analysis Methodology to Teach «Legal English» / C. Hoffman // Georgetown University Law Center. – URL: <http://www.law.georgetown.edu/library/>
3. McCormick, Ch. Countries with Better English Have Better Economies / Ch. McCormick // HBR. – URL: <https://hbr.org/2013/11/countries-with-better-english-have-better-economies>
4. Sherzer, J. A Discourse-Centered Approach to Language and Culture / J. Sherzer // American Anthropologist. – 1987. – Vol. 89, № 2. – P. 295–309.
5. Tannen, D. Discourse Analysis—What Speakers Do in Conversation / D. Tannen // Linguistic Society of America. – URL: <https://www.linguisticsociety.org/resource/discourse-analysis-what-speakers-do-conversation>
6. Клушина, Н. И. Дискурсология и стилистика: интегративные методы исследования медиакommunikации / Н. И. Клушина // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: Лингвистика. – 2016. – Т. 20, № 4. – С. 78–90.
7. Макаров, М. Л. Основы теории дискурса / М. Л. Макаров. – М.: Гнозис, 2003. – 280 с.
8. Мартынова, О. А. Философские аспекты юридического дискурса / О. А. Мартынова // XXI век: итоги прошлого и проблемы настоящего. – 2013. – Т. 2, № 11 (15). – С. 186–191.
9. Селезнева, Л. В. Исследование дискурса в современной лингвистике: опыт, направления, проблемы / Л. В. Селезнева // Вестник Северо-Восточного федерального университета. – 2011. – Т. 8, № 4. – С. 119–124.
10. Турбина, О. А. Лингвистическая дискурсология и единицы дискурс-анализа: дискурс компонент / О. А. Турбина // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Сер.: Лингвистика. – 2017. – Т. 4, № 2. – С. 44–49.
11. Чернявская, В. Е. Открытый текст и открытый дискурс: интертекстуальность – дискурсивность – интердискурсивность / В. Е. Чернявская // Лингвистика текста и дискурсивный анализ: традиции и перспективы : сб. науч. ст. Санкт-Петербургского государственного университета экономики и финансов. – СПб., 2007. – С. 160–171.
12. Шапинская, Е. Н. Дискурсивный подход / Е. Н. Шапинская // Вопросы социологической теории. – 2008. – Т. II, № 1(2). – С. 423–434.

МУЛЬТИДИСЦИПЛИНАРНЫЙ ПОДХОД В ОБУЧЕНИИ НАУЧНОМУ ПИСЬМУ

Е. А. Дугарева

Сиего де Авила, Куба

MULTIDISCIPLINARY APPROACH TO TEACHING SCIENTIFIC WRITING

E. A. Dugareva

Ciego de Avila, Cuba

Аннотация. Обсуждаются вопросы, связанные с подготовкой вузовских студентов к научной коммуникации и необходимостью применения мультидисциплинарного подхода в обучении научному письму. Рассматривается роль учебно-коммуникативного задания в формировании у студентов знаний, умений и навыков научного письма в рамках разных дисциплин внутривузовского контекста.

Ключевые слова: письменная научная коммуникация, внутривузовский контекст, мультидисциплинарный подход.

Abstract. The article considers issues related to the preparation of students for scientific communication and the application of a multidisciplinary approach to the teaching of scientific writing. The role of the educational and communicative task in the formation of students' knowledge, abilities and skills of scientific writing within the framework of different disciplines of the university context is considered.

Key words: written scientific communication, intra-university context, multidisciplinary approach.

Процесс формирования будущих специалистов характеризуется наличием широкого спектра наук в культурном контексте университета, каждый из которых в целом обеспечивает инструктивное, образовательное и развивающее влияние на человека. Это разнообразие научного контекста требует применения различных коммуникативных практик, поэтому так важно, чтобы в учебном плане всех специальностей и в программе каждого предмета была включена коммуникационная подготовка студентов, которая снарядит их знаниями и умениями к передаче и распространению знаний о своей науке и профессии.

Согласно мнению разных авторов [Clavijo, Fuentes 2001; Bárcenas, Fuentes, Gil, Melo 2011], мультидисциплинарный подход представляет собой интересный способ решения общих задач, встречающихся в различных учебных программах, когда одна и та же проблема может быть рассмотрена в нескольких дисциплинах или областях знаний.

Именно поэтому динамика процесса подготовки студентов к письменной научной коммуникации в университетской среде должна быть мультидисциплинарной, и, следовательно, различные дисциплины, включенные в учебные планы по формированию специалистов, должны действовать сообща, чтобы совместно обеспечить студентам необходимые знания, навыки и умения, каждый в пределах своей практики и сферы компетенции.

Такие авторы как Карлино (2003), Гарза (2009), Молина (2012) считают, что выпускник университета должен быть подготовлен к деятельности в конкурентном профессиональном мире и научно-техническом обществе, которое потребует от него постоянной взаимосвязи с научной коммуникацией и письменным языком, и поэтому необходимо обеспечить коммуникационную подготовку будущего специалиста во время его обучения в университете.

На испанском языке существуют интересные работы, связанные с развитием научной коммуникации в университетской среде, с классификацией научных текстов, особенностями их написания и конкретной педагогической практикой. Но, к сожалению, в них не рассматривается вопрос о том, как с позиции каждой дисциплины можно способствовать развитию у студентов письменной научной коммуникации.

На Кубе интерес к подготовке к письменному научному общению в университетах возник в конце 20-го века. Существующие исследования в этой области в основном относятся к изучению теоретических аспектов письма и научного общения.

Учить письму всегда было делом преподавателей языка, однако написание работ в университете присутствует во всех академических контекстах, поэтому каждый преподаватель должен чувствовать себя ответственным за подготовку студентов к письменной коммуникации, усвоении знаний, связанных с определенными науками, присутствующими в формировании специалистов. Студент должен владеть терминологией конкретной науки и уметь строить тексты, связанные с его будущей профессией.

По словам Л. С. Выготского (1982), для передачи мысли и опыта необходимо использование языка, порожденного необходимостью общения во время работы. Общение позволяет человеку взаимодействовать с другими людьми для приобретения опыта и знаний, помогает организовать коллективную работу, ставить цели, строить и составлять планы. Без общения образование и воспитание человека, его интеллектуальное развитие просто невозможно.

В своей теории он придает языку основную роль в психологическом развитии субъекта, поскольку деятельность индивидуума является социально опосредованной. Особенно важную роль в теории Выготского приобретает концепция деятельности, где он подчеркивает, что человеческая деятельность является двигателем процесса развития человека, который изменяет и трансформирует природу.

Выготский также признает, что общение является основной функцией языка, а слово является средством управления умственного функционирования. Он считает, что связь между мыслью и словом является постоянным процессом перехода от мысли к речи и от речи к мысли. Говоря о взаимосвязи между мышлением и словом, он подчеркивает, что мышление не выражается просто словами, а существует через слова, реализуемые внутренним языком.

В своих работах Леонтьев (2008) развивает идеи Выготского (1982) о письме и подчеркивает, что это форма лишена выразительных средств, таких как жесты и мимика, реакции и мнения потенциальных читателей, и даже времени в случае научного письма, потому что каждый ученый ожидает, что его работа будет вкладом навсегда. Леонтьев считает, что при письме движение мысли становится движением понятий или значений, которые могут быть выражены словами или символами. Письменный язык выполняет не только коммуникативную, но и когнитивную функцию. Он добавляет, что при письме сначала реализуется мышление, а затем его изложение посредством языка. Этот процесс всегда мотивирован конкретной внешней действительностью, потребностью или интересом и обусловлен контекстом его реализации.

Научное общение не может существовать без языка. Язык – это социальный факт, сложный код, сформированный с развитием истории и позволяющий передавать опыт от человека к человеку и от поколения к поколению. Коммуникативная функция языка на всех этапах развития общества остается постоянной, но в сферах, которые используют язык, могут произойти значительные изменения, которые отражены в формах его существования.

Цели и условия коммуникации приводят к различным способам использования лингвистических ресурсов или стилей. В зависимости от целей стили общения дифференцируются, а выбор и сочетание языковых ресурсов различаются. Согласно Винокуру (1959), различие между стилями определяется функциями, которые они выполняют, и разнообразием передаваемого содержания. Митрофанова (1985) считает, что стиль – это разновидность социального использования языка, имеет свои специфические особенности, определяемые разнообразием тем, целей, получателей, условиями, в которых развивается связь, ее содержанием и функциями.

Развитие науки и необходимость передачи и распространения научных знаний повлияли на значительные изменения в языковых ресурсах, где создаются специфические лингвистические структуры. Научный стиль представляет собой подсистему языка, которая объединяет лингвистические ресурсы, используемые с определенной функциональной целью. Функция научного мышления – это понимание мира посредством его логической ассимиляции, преобразования данных знаний в категории, идеи, лишённые экспрессивности и эмоциональной оценки.

Ромеу (2008) определяет научный язык как набор специализированных ресурсов, типичных для каждой из наук, характеризующихся конкретными вариантами в лексике, синтаксисе и дискурсивной организации, которые отличают их от общего языка и подчеркивает, что реальность является дифференциальным фактором научного языка. Их различия наблюдаются в количественном и качественном распределении лексем, в морфологических разновидностях, синтаксических и текстовых построениях. В последние десятилетия двадцатого века научный стиль еще более укрепился, подчеркнув в качестве его специфических особенностей аналогию языковых ресурсов, обязательный характер и стилистическую нормативность его использования.

Характеристики научного стиля: строго академическое письмо с четкой информативной ориентацией, направленной на специалистов, точностью представленной информации, убедительной аргументацией, логической последовательностью и кратностью формы. Константинова (2003) также подчеркивает объективность научного письма. Эти качества ценятся учеными, потому что для них самое главное – это содержание и ясность в передаче научного знания.

В разных функциональных стилях корреляция между формой и содержанием имеет свои особенности, что отражается в дискурсивных вариантах языка: повествование, описание, рассуждение и доказательство. Три из них: описание, повествование и рассуждение, – представлены в научных текстах. Митрофанова (1985) также отличает доказательство как дискурсивный вариант, используемый в научной коммуникации.

Под дискурсивным вариантом понимается устойчивый и типичный набор предложений, характеризующийся определенной семантической структурой, объединенный одной темой, их функциями, который может служить примером для производства аналогичных выражений.

В описаниях характеристики и качества упоминаются в логическом порядке так, чтобы читатель мог иметь определенное видение предмета или явления. Этот дискурсивный вариант в основном используется для описания новых технологий, материалов, инструментов, экспериментов и практик. В повествователь-

ных текстах содержится рассказ о событиях, происходящих в хронологическом порядке. Этот тип дискурса используется в биографиях, рассказах об исторических событиях и передаче последовательности операций в технологическом процессе. Цель этих текстов состоит в том, чтобы информировать. Митрофанова (1985) считает, что очень трудно найти только описательные или повествовательные тексты, почти всегда используется описательно-повествовательный тип.

Рассуждения и доказательства характеризуются фиксированной структурой, где существует определенный порядок. Рассудительный дискурс типичен для эссе и критики в целом, он также встречается в отчетах, статьях научных исследований и др.

Все научные тексты характеризуются постоянной структурой, существует определенный внутренний порядок между различными частями, что способствует консолидации, сохранению и передаче научно-технических знаний. Относительная стандартизация в построении научных текстов и повторения, имеют большое методологическое значение: они позволяют ассимилировать определенную логическую последовательность научной коммуникации и моделировать разные сообщения в зависимости от целей обучения.

Научные тексты, существующие в университетском учебном контексте, также называются академическими текстами. Их коммуникативная цель – сообщать, производить и передавать научные знания. Авторами этих текстов могут быть студенты, профессора и исследователи. В зависимости от рецептора могут быть: те, которые написаны для себя (заметки или конспекты, черновики, диаграммы, резюме для изучения или подготовки занятий и т. д.). И те, которые написаны для других, коллег, учителей, (курсовая работа, исследовательские отчеты, эссе, отчет, статьи и т. д.). Академическое письмо направлено на передачу научных знаний и характеризуется использованием лингвистических ресурсов научного стиля.

Письменное учебное задание по любому предмету может служить способом подготовки студентов к письменной научной коммуникации. Многие авторы определяют учебное задание как средство управления и развития процесса обучения студентов. Учебное задание – это те мероприятия, которые ориентированы как для классной, так и для внеклассной работы, они включают поиск и приобретение знаний, развитие навыков и интегральное формирование личности.

Гонсалес [González 1999 : 2] раскрывает психологическую концепцию учебного задания и считает, что это «цель, которая ставится перед учеником в определенных условиях и означает проблему или конкретную ситуацию, с которой сталкивается студент и которой он должен дать решение».

С социальной точки зрения обучение – это коллективная задача. Как показывают социокультурные модели, развитие и образование – это активные процессы обучения, опосредуемые руководством и поддержкой взрослых. Фигура учителя – это центр процесса. Задачи обучения разработаны учителем и «(...) поощряют в студентах работу, направленную на создание автономно и сознательно, когнитивно-инструментального репертуара, который позволяет им эффективно работать в определенных контекстах» [Labrada 2002 : 7].

Учебно-коммуникативное задание разрабатывается в конкретном контексте обучения и ориентировано учителем на развитие в студентах автономных и сознательных действий, направленных на пополнение научных знаний и развитие профессиональных навыков общения для построения различных типов текстов, что проявляется в их успешной работе в университетском учебном контексте.

Контекстный аспект способствует достижению когнитивных интересов, потому что «(...) представляет собой сложную сеть социальных и культурных элементов, которые в разных ситуационных измерениях участвуют в качестве со-строителей или со-детерминантов мотивационной динамики индивидуумов» [Paoloni, Rinaudo 2008 : 4]. Контекст обеспечивает и направляет внимание учащегося как к обработке, так и к передаче информации и их отношении к участию и сотрудничеству в динамике обучения. Учебно-коммуникативная задача мотивирует обучение, когда она отвечает ряду требований, таких как: значимость, функциональность, разнообразие, умеренный уровень сложности, вызов, любопытство, сотрудничество, выбор и контроль.

Учебно-коммуникативная задача воспринимается как нечто значимое, поскольку она соответствует целям и помогает понять содержание предметов, способствует развитию академических и коммуникативных навыков для достижения профессиональных компетенций. При ее составлении учитываются проблемы, предмет, цели, содержание, методы и результаты, ее связь с будущей профессией и конкретным социально-историческим контекстом, нормы научного общения, интеграция с другими вопросами, индивидуальная и коллективная стимуляция, требования этики, креативность, самокоррекция и саморазвитие. Эти задачи направлены на достижение собственных целей студентов в контексте академического обучения, достижение на занятиях чувства удовлетворенности в базовых потребностях для профессионалов, таких как: обмен знаниями и участие в диалоге между коллегами. Эти задачи планируются и контролируются преподавателями, специалистами по предмету, что придает студентам больше уверенности в том, что письменная коммуникация является частью повседневных задач их будущей профессии.

Выводы. Необходимо, чтобы академические письменные задания являлись повседневным действием в процессе обучения, что неизменно послужит знакомству студента с более широким кругом текстовых жанров и достижению более высокого качества в выполнении письменных учебных работ.

Требуются различные коммуникативные практики, чтобы студент научился передавать профессионально-научные знания и освоил нормы и особенности научного письма на основе реальных коммуникативных ситуаций и тесной связи со специализированным содержанием. Особую значимость указанные прак-

тики имеют при подготовке ученических и квалификационных работ в сфере юриспруденции, так как студенты должны не только показать знание стилистики научного текста, но и владение категориальным аппаратом права, умение различать терминологические и общеупотребительные значения, способность умелого сочетания конструкций, характерных для научного и правового текста.

Библиографический список

1. Винокур, Г. О. Избранные произведения о русском языке / Г. О. Винокур. – М., 1959.
2. Константинова, Л. А. Лингводидактическая модель обучения письменной научной коммуникации студентов-нефилологов / Л. А. Константинова. – Тула : Тульский гос. ун-т, 2003.
3. Леонтьев, А. А. Прикладная психолингвистика / А. А. Леонтьев. – М. : Смысл, 2008.
4. Митрофанова, О. Д. Научный стиль: проблемы обучения / О. Д. Митрофанова. – М. : Рус. яз., 1985.
5. Bárcenas, M. Una aplicación multidisciplinaria sustentada en las metodologías de enseñanza aprendizaje basada en proyectos. – Centro de Docencia / M. Bárcenas, M. M. Fuentes, J. M. Gil, M. C. y Melo. – México : Universidad Nacional Autónoma de México, 2011.
6. Carlino, P. Alfabetización académica: un cambio necesario, algunas alternativas posibles / P. Carlino // Educere Investigación. – 2003. – № 6 (20). – P. 409–420.
7. Clavijo, G. A. Diseño curricular y evaluación basados en competencias. CeeS M. F. / G. A. Clavijo, H. C. y Fuentes. – Gran, Santiago de Cuba : Universidad de Oriente, 2001.
8. Garza, V. Los mitos sobre la escritura en la universidad. CULCyT / V. Garza // Escritura Científica. – 2009. – Año 6 (31). – P. 42–45.
9. González, O. Aplicación del enfoque de la actividad al perfeccionamiento de la Educación Superior / O. González. – Barcelona, 1999.
10. Labrada, L. Tareas docentes para un enfoque personalógico del proceso de enseñanza-aprendizaje de la Electrónica Básica. Recuperado de / L. Labrada. – 2002. – URL: <http://www.monografias.com/trabajos13/tardocen/tardocen.shtml>
11. Molina, V. Escritura a través del currículo en Colombia: situación actual y desafíos, Magis / V. Molina // Revista Internacional de Investigación en Educación. – 2012. – № 5 (10). – P. 93–108.
12. Paoloni, P. V. Motivación, tareas académicas y procesos de feedback. Un estudio comparativo entre alumnos universitarios / P. V. Paoloni y, M. C. Rinaudo // Revista electrónica de motivación y emoción. – 2008. – № XI (31). – URL: <http://reme.uji.es/articulos/numero31/article9/texto.html>
13. Roméu, A. La competencia investigativa y el dominio del discurso científico como objeto complejo en el posgrado. Ponencia presentada en el Congreso Internacional Universidad / A. Roméu. – La Habana, Cuba, 2008.
14. Vygotsky, L. Pensamiento y lenguaje / L. Vygotsky. – Ciudad de La Habana, Editorial Pueblo y Educación, 1982.

РАЗВИТИЕ ВЕРБАЛИЗАЦИИ ЭМОЦИЙ ДОЛЖНОСТНЫМИ ЛИЦАМИ, ОСУЩЕСТВЛЯЮЩИМИ ОПЕРАТИВНЫЕ ДЕЙСТВИЯ ПРОФАЙЛИНГА

Е. С. Иванова

Екатеринбург, Россия

DEVELOPMENT OF EMOTIONAL VERBALIZATION BY THE OFFICIALS CARRYING OUT PROFILING PROMPT ACTIONS

E. S. Ivanova

Yekaterinburg, Russia

Аннотация. Дано обоснование необходимости развития навыка вербализации эмоций как условия эффективности деятельности в профессиях, связанных с коммуникацией. Представлено описание методики «Словарь эмоций», применяемой для оценки базового компонента эмоционального интеллекта. Приведен анализ показателей вербализации эмоций у инспекторов пунктов воздушного пропуска. Подчеркнуто, что по итогам обучения профайлингу инспекторы существенно повысили свой навык вербализации. Описаны результаты отсроченного тестирования, доказывающего, что навык вербализации продолжает расти у профайлеров при активном применении этого навыка на рабочих местах.

Ключевые слова: вербализация эмоций, профайлинг, инспекторы пунктов воздушного пропуска.

Abstract. Note. Justification of need to develop the skill of emotional verbalization as conditions of efficiency in the professions connected with communication is given. The description of the technique «Vocabulary of emotions» applied to assessment of emotional intelligence basic component is submitted. The analysis of indicators of emotional verbalization by inspectors of the air admission points is provided. It is emphasized that following the results of training in a profiling of the inspector have significantly increased the skill of verbalization. Results of the delayed testing proving that the skill of verbalization continues to grow at profiler in condition of active use of this skill in workplaces are described.

Key words: verbalization of emotions, profiling, inspectors of the air admission points.

Вербализация эмоций является специфической функцией языка и речи, как в устном, так и в письменном виде. Анализ литературы показывает, что вербализация возможна в одной из двух форм: номинативной (непосредственно называющей эмоцию как факт субъективной реальности) [Бабенко 1989] и коннотативной (опосредованной разнообразными семантическими и лингвистическими приемами) [Шаховский 1987]. Более ранние наши исследования показали, что вербализация эмоций посредством номинативов выступает показателем сформированности одного из базовых компонентов эмоционального интеллекта в контексте общей осведомленности личности о сфере переживаний [Иванова 2007]. Таким образом, развитие вербализации эмоций стимулирует функционирование эмоционального интеллекта и коммуникативной компетентности личности, что является значимым фактором успешности в сфере социэкономических профессий и должно учитываться при организации повышения квалификации данной категории специалистов.

Для оценки навыков вербализации номинативов нами апробирована и внедрена с 2008 г. методика «Словарь эмоций», которая по процедуре представляет собой направленный ассоциативный эксперимент, а по форме обработки результатов – стандартизированный тест, нормативы для которого были разработаны в результате анализа ответов более 3000 испытуемых – носителей русского языка [Иванова 2008]. В результате применения теста выявляются количественные и содержательные характеристики слоя эмотивно-номинативов, которые наиболее частотно используются личностью для вербализации собственных переживаний и при опознании чувств других людей. Этот факт очень значим, т.к. обуславливает методику развития словаря эмоций, которая строится на активизации применения эмотивов в процессе обучения, в повседневной жизни, в профессиональной деятельности. Эффективность различных приемов, направленных на работу с этим слоем лексики, была доказана нами в более ранних исследованиях [Иванова 2008; Иванова, Еварестова 2016], в связи с чем данный блок упражнений является неотъемлемой частью программ переподготовки и повышения квалификации специалистов, работающих в сфере «человек-человек». Владение обширным тезаурусом эмотивов, а также способность номинализировать эмоции из контекстуальных знаковых систем (вербальных и невербальных) выступает важным показателем эмоциональной компетентности личности и является условием эффективности профессиональной деятельности специалистов в различных сферах, требующих активной коммуникации.

Особенную значимость эмоциональная компетентность приобретает в деятельности профайлеров – специалистов, обеспечивающих безопасность на гражданских объектах, в сфере бизнеса и общественных отношений. Этот вид профессиональной деятельности формируется в настоящее время и становится все более и более востребованным. В сферу профайлинга все активнее переходят сотрудники служб безопасности предприятий, специалисты отделов по работе с кадрами, менеджеры по работе с клиентами, юристы, инспекторы пунктов воздушного пропуска. Обучение этих категорий сотрудников осуществлялось нами на различных площадках в течение 2012-2017 гг. В данном сообщении будут представлены результаты развития вербализации эмоций сотрудников таможенных пунктов пропуска.

В 2015-2017 гг. Институт психологии ФГБОУ ВО «Уральского государственного педагогического университета» неоднократно выигрывал государственные контракты на обучение профайлингу инспекторов пунктов воздушного пропуска Уральского таможенного управления. Одной из задач программы дополнительного профессионального образования являлось развитие эмоциональной компетентности инспекторов, что обусловило необходимость диагностики уровня сформированности навыков вербализации эмоций и целенаправленного применения в процессе обучения упражнений по развитию словаря эмотивно-номинативов. Достижение заявленной цели осуществлялось в формате активного социально-психологического обучения, применения специализированных тренинговых упражнений, расширения коммуникативного опыта участников программы, повышения компетентности в сфере осознания собственных переживаний, развития направленности внимания к чувствам других людей в процессе непосредственного общения.

Диагностические процедуры являлись неотъемлемой частью программы для профайлеров и были реализованы в начале и по завершению обучения, которое продолжалось методом погружения на протяжении двух недель. Всего в исследовании приняли участие 6 групп испытуемых, общей численностью 92 человека. Характеристика выборки: мужчины (49 человек), женщины (43 человека), средний возраст 36,3 лет, образование высшее, преимущественно состоят в браке, стаж работы в качестве инспектора пункта воздушного пропуска от 1 до 23 лет.

Первичная диагностика способности вербализовать эмоции производилась в первый день занятий по курсу «Практическое применение методов визуальной диагностики (профайлинг) при проведении таможенного контроля в воздушных пунктах пропуска». Эти данные были необходимы для оценки уровня сформированности данного компонента эмоциональной компетентности должностных лиц и, соответственно, определения мишеней воздействия в процессе выполнения тренинговых упражнений. Результаты входящей диагностики по всем выборкам представлены на рис. 1.

Как видно из данных рис. 1., значительная часть обследованных имеет высокий (36,1%) и очень высокий (23,7%) уровень развития вербализации эмоций. Этот показатель обеспечивает им эффективность в общении с пассажирами, профилактику конфликтов, точность распознавания эмоций по невербальным признакам и выявление потенциально опасных лиц, намеревающихся нарушить правила ввоза-вывоза товаров, валюты и культурных ценностей.

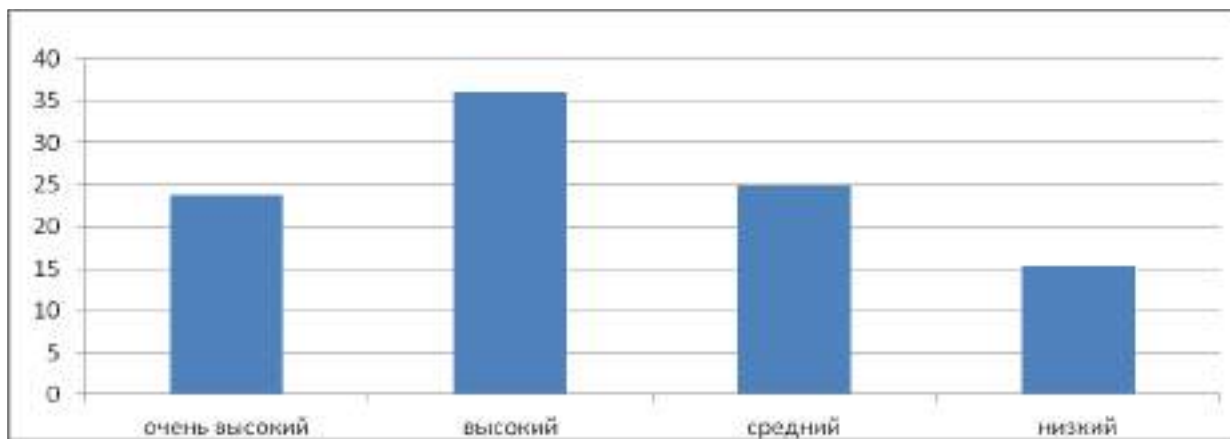

Рисунок 1. Результаты первичной диагностики испытуемых

Однако, значительная часть инспекторов в начале курса повышения квалификации по курсу профайлинга продемонстрировала недостаточный (24,9 %) и низкий (15,3 %) уровень вербализации эмоций, а это значит, что у них имелись затруднения при контакте с пассажирами и выявлении у них в процессе опроса умышленных и неумышленных действий по провозу запрещенных ценностей. Лиц с низким словарем эмоций характеризует неточность восприятия и распознавания эмоций окружающих, повышенная конфликтность, применение коммуникативных техник методом проб и ошибок, повышенная тревожность при необходимости осуществлять контакт со «сложными» пассажирами. Следует отметить, что данный профиль распределения результатов был приблизительно одинаков во всех обследованных группах. Полученные показатели вербализации эмоций демонстрируют необходимость развития этого навыка.

Для достижения коррекционно-развивающей цели использовались различные приемы в рамках технологии моделирования различных ситуаций профессионального общения в системе «инспектор-пассажир». Участникам программы предлагалось описывать переживания из собственного опыта, а группе – опознавать, о каких состояниях идет речь; был организован процесс распознавания эмоций по спонтанной лицевой экспрессии с учетом нюансов; инспекторы активно взаимодействовали со статистами – студентами-психологами, которые делились своим эмоциональным опытом, имитировали различные переживания, менялись местами с таможенниками, позволяя им побыть по ту сторону стойки контроля пассажиропотока. Эти и ряд других упражнений требовали постоянной фокусировки на собственном состоянии и переживаниях других людей, при постоянной обратной связи в условиях контролируемого социально-психологического эксперимента.

В результате подобной проработки был запланирован результата в виде существенного повышения навыка вербализации эмоций у инспекторов-профайлеров. Рассмотрим результаты итоговой диагностики в сравнении с первоначальной.

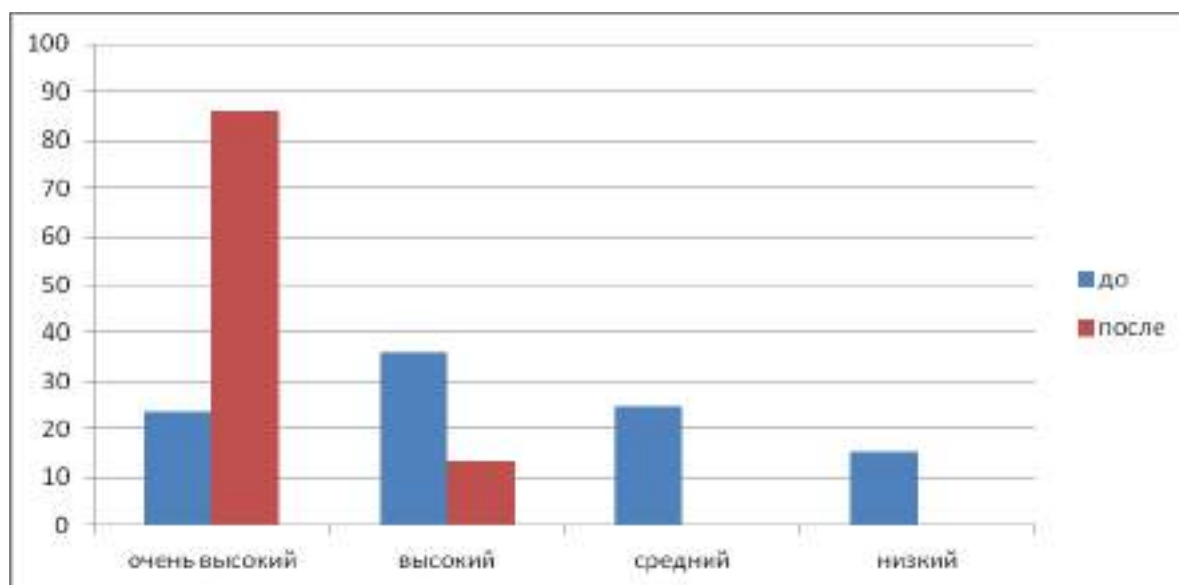

Рисунок 2. Распределение показателей вербализации эмоций до и после освоения программы по профайлингу

Как видно из данных рис. 2., 86,7% испытуемых показали очень высокий уровень развития словаря эмоций, 13,3% - высокий. Испытуемых со средними показателями во втором тестировании не обнаружено. Прирост произошел у всех участников курсов, при этом у 33,3 % слушателей увеличился свой активный словарь эмоций более чем в 2 раза. Т.е. уровень эмоциональной компетентности, необходимый для межличностного понимания и оказания влияния на состояние другого человека, существенно возрос.

Оценка произошедших сдвигов по статистическому критерию Вилкоксона показала достоверное увеличение ($p < 0,5$) показателей в обследованной выборке.

Содержательный анализ индивидуальных словарей эмоций показал, что прирост происходит в двух направлениях: во-первых, за счет расширения спектра интенсивности отдельных, базовых переживаний (например, когда к эмотиву *страх* добавляются *тревога, паника, ужас, волнение, беспокойство* и т.д.); во-вторых, за счет появления эмотивов новых модальностей (*умиление, злорадство, опасение* и т.д.), которые отсутствовали, либо были уникальными при первоначальном тестировании.

Полученные результаты стабильно воспроизводились во всех группах обучающихся, что доказывает эффективность программы и применяемого подхода. Можно заключить, что навык вербализации эмоций успешно тренируется в рамках активного социально-психологического обучения у лиц средней возрастной группы, аналогично с лицами молодого и юношеского возраста, что было выявлено нами ранее.

Для оценки устойчивости достигнутого эффекта с одной из групп удалось в 2015 г. провести отсроченную диагностику. Через 3,5 месяца после окончания программы обучения участники были протестированы в третий раз. Полученные результаты представлены на рис.3.

Как видно из данных рис. 3, 92,8 % испытуемых показали очень высокий уровень развития словаря эмоций, 7,2 % - высокий. Эти результаты демонстрируют важный факт, что навыки вербализации продолжают расти у слушателей курсов в отсроченной перспективе. По Т-критерию Вилкоксона положительный сдвиг значений статистически достоверный ($p < 0,5$). При этом наблюдается слияние и комплексная работа систем опознания и вербализации эмоций, что крайне важно для специалиста-профайлера, когда он оперативно и эффективно использует свои перцептивные и когнитивные способности в процессе непосредственной коммуникации.

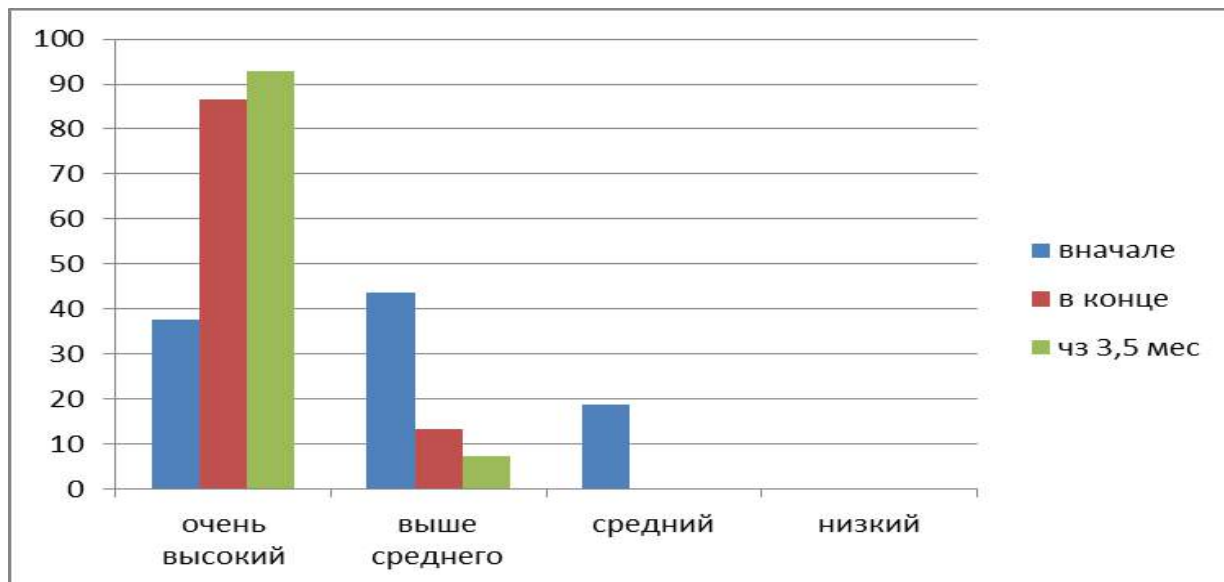

Рисунок 3. Результаты входящей, исходящей и отсроченной диагностики вербализации эмоций в одной из групп

Важно подчеркнуть, что наряду с повышением навыка вербализации эмоций среди должностных лиц, прошедших обучение профайлингу, существенно возросли объективные показатели эффективности деятельности по выявлению незаконных попыток провоза валюты, наркотиков, культурных ценностей, что неоднократно обсуждалось в СМИ в интервью с руководством таможенных постов.

Таким образом, мониторинг, направленный на диагностику базового навыка вербализации эмоций, необходимого специалисту-профайлеру, показал существенное увеличение количественных и содержательных показателей словаря эмоций у всех слушателей от начала к завершению программы. Особенно важно, что наблюдается долгосрочный положительный эффект, выражающийся в том, что полученные навыки продолжают развиваться в процессе выполнения трудовых функций инспекторами пунктов воздушного пропуска. Описанные результаты доказывают эффективность применяемых методических и дидактических компонентов авторской программы, обоснованность и валидность упражнений, надежность системы подготовки специалистов, обеспечивающих безопасность в сфере авиапрофайлинга.

Библиографический список

1. Бабенко, Л. Г. Лексические средства обозначения эмоций в русском языке / Л. Г. Бабенко. – Свердловск, 1989.
2. Иванова, Е. С. Возможности методики «Словарь эмоций» для диагностики и развития эмоциональной сферы / Е. С. Иванова // Психологическая диагностика. – 2008. – № 1. – С. 101–112.
3. Иванова, Е. С. Половозрастные особенности активного словаря эмоций / Е. С. Иванова // Ломоносов-2007 : материалы 14-й Междунар. конф. студентов, аспирантов и молодых ученых. – М. : Изд-во МГУ, 2007. – Т. 2. – С. 461–463.
4. Иванова, Е. С. Профайлинг в профессиональной деятельности специалистов силовых структур (на примере обучения сотрудников таможи) / Е. С. Иванова, Е. А. Еварестова // II Всероссийский съезд психологов силовых структур РФ : сб. материалов / под общ. ред. Ю. П. Зинченко, А. Г. Караяни, Ю. С. Шойгу. – Екатеринбург, 2016. – С. 235–244.
5. Шаховский, В. В. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка / В. В. Шаховский. – Воронеж, 1987.

КОМПЛЕКСНЫЙ ПОДХОД К ОБУЧЕНИЮ ЮРИДИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ: ОПЫТ ВНЕДРЕНИЯ В КУРС ЮРИДИЧЕСКОГО АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

А. Л. Игнаткина

Саратов, Россия

MULTIMODAL APPROACH TO TEACHING LEGAL TERMINOLOGY: IMPLEMENTATION INTO A LEGAL ENGLISH COURSE

A. L. Ignatkina

Saratov, Russia

Аннотация. В курсе юридического английского центральное место занимает формирование у обучаемых базы терминологического знания. Рассматриваются техники построения фреймов и майнд-карт, применяемые как средства активного обучения в рамках комплексного подхода к преподаванию юридической терминологии.

Ключевые слова: право, термин, концепт, юридический английский, активное обучение, фрейм, майнд-карта.

Abstract. In the Legal English course, the central effort is devoted to the formation of the students' base of terminological knowledge. The article deals with the techniques of building frames and mind maps as tools for active teaching and learning legal terminology within the framework of a multimodal approach.

Key words: law, terminology, concept, Legal English, active teaching, frame, mind map.

Известно, что язык права имеет важную особенность, отличающую его от других профессиональных подязыков: он участвует в создании и выражении уникальных норм, действующих лишь в конкретных обществах. Это означает, что в курсе юридического английского русскоязычные студенты погружаются в две инокультурные реальности – лингвистическую и правовую. Соответственно, перед ними встает две проблемы: изучение английского языка как иностранного и изучение иностранных правовых концептов. Задачу формирования у обучаемых знаний как концептуального, так и лингвистического уровней можно решить при помощи комплексного подхода, который, как представляется, должен основываться на теоретических и методических положениях когнитивной парадигмы дидактики, что позволит сформировать познавательную мотивацию у обучаемых, сфокусируется на умственных процессах, и, следуя от концептуального уровня, проложить путь к пониманию и усвоению информации уровня лингвистического.

В статье рассматриваются техники построения фреймов и майнд-карт, применяемые автором для компенсации трудностей изучения английской **юридической терминологической лексики** в процессе обучения английскому для юридических целей. Данные техники разграничиваются с точки зрения их возможностей в реализации, с одной стороны, подачи входного материала при помощи построения фреймов знаний (задача преподавателя) и, с другой стороны, обратной связи в виде речевых произведений, интерпретирующих изученную информацию при помощи майнд-карт (задача студентов). Техники применялись в курс юридического английского языка для студентов-бакалавров 3-го года обучения, обучающихся по программе дополнительного образования «Переводчик в сфере профессиональной коммуникации» в Саратовской государственной юридической академии, на материале учебного пособия *Introduction to International Legal English* [Krois-Linder, Firth 2008].

Коротко остановимся на некоторых положениях когнитивной дидактики, которые составляют основу предлагаемого подхода.

1. Категория «знание»

В когнитивной парадигме категория «знание» является ключевой и исследуется в перспективе междисциплинарного синтеза наук, где проблемы восприятия мира рассматриваются комплексно. Благодаря интегрированию достижений других наук в поле своих интересов, когнитология внесла существенный вклад в уточнение понятия «знание о мире». Согласно теории *макроструктуры*, люди обрабатывают и усваивают знания разных уровней обобщения и конкретизации, и различные типы знаний обуславливают формирование структур «моделей контекста», которые управляют и контролируют пониманием и производством дискурса пользователями языка [Dijk 2008: 16, 74]. Проблема взаимодействия разных типов знаний в процессе понимания и интерпретации учащимися новой информации при изучении юридического английского, а также подходы к формированию прочного и динамичного знания терминологической лексики различной степени специализации с учетом интерферирующего фактора контактирующих языков и право-

вых систем, не перестает привлекать внимание исследователей [Ессина 2016; Калмазова 2015; Семенова 2016; Хижняк 2015, 2016; Vyushkina 2013; Hartig 2016].

Обращаясь к проблеме обучения «культурно маркированному профессиональному общению», С.П. Хижняк определяет ряд факторов, осложняющих данный процесс. К ним автор относит «специфичность логики морально-правовых представлений у каждого национального права»; отсутствие «интернациональной основы у юридических терминсистем разных языков»; неоднородность элементов «юридической научной картины мира» [Хижняк 2016: 75]. Последний фактор имеет непосредственное отношение к обсуждению, предлагаемому в данной статье, и будет рассмотрен более подробно. По мнению С.П. Хижняка, неоднородность правовых концептов проявляется в разной степени их семантической стабильности и культурной маркированности. Профессиональные концепты, характеризующиеся формальной и семантической стабильностью, не вызывают особых трудностей в понимании, но те концепты, которые отмечены традициями применения права в конкретной культуре, требуют специального изучения.

Схожая точка зрения представлена в исследовании Хартиг [Hartig 2016], где проводится различие между разными типами правовых концептов на основе их функций в юридическом дискурсе. Автор выделяет «концепты, структурирующие дискурс» (discourse-structuring concepts) и «концепты, актуализирующиеся в дискурсе» (discourse-relevant concepts) и исследует, как их взаимодействие может осложнять понимание студентами юридических текстов на английском языке. По мнению автора, концепты, структурирующие дискурс (например, “*precedent cases as a source of law*” (прецеденты как источник права), “*reasoning by analogy*” (рассуждение по аналогии)) являются имплицитными, «молчаливыми» конструктами, формирующими у студентов понимание специализированных текстов и заданий к ним. «Концепты, актуализирующиеся в дискурсе» являются эксплицитными, «говорящими» лексическими концептами, которые имеют определения в юридических словарях (например, *tort, negligence, extraterritoriality, immunity, soft law, ius ad bellum*) и с легкостью идентифицируются и запоминаются учащимися в качестве ключевых терминов [Hartig 2016: 71].

В. Ф. Новодранова подходит к проблеме неоднородности профессиональных концептов с позиций разграничения видов знания, представляемого терминологической и нетерминологической профессиональной лексикой, и когнитивных функций, реализуемых данными видами лексических единиц. С точки зрения В. Ф. Новодрановой, разнородные лексические единицы действуют в профессиональном дискурсе в функциях “фигуры и фона”. Термины играют роль “фигур” – квантов информации, в которых собраны профессиональные и научные знания, а нетерминологическая профессиональная лексика создает “фон”, который обеспечивает введение терминов в профессиональный дискурс [Новодранова 2009: 198].

В когнитивной дидактике различные типы знаний, как известно, могут рассматриваться и как элементы типологии, проводящей различие между декларативным и процедурным типами знаний. Для эффективной коммуникации не достаточно знания набора фактов или фрагментов информации (декларативного знания или «*что-знания*»); кроме этого требуется умение применять полученную информацию к различным ситуациям для достижения различных целей (процедурные знания или «*как-знания*») [Гальскова, Гез 2004: 110]. Если сопоставить приведенные таксономии юридических концептов с данными типами знаний, то знание терминологических концептов можно приравнять к декларативному типу знания. Но способность вводить основные понятия в дискурс, то есть интерпретировать, оформлять и транслировать смыслы, извлеченные из разных контекстов их употребления, делая мотивированный выбор из разнообразных моделей лингвистической организации высказывания на разных уровнях (лексическом, синтаксическом, семантическом, прагматическом, жанровом, дискурсивном) на систематической и продуманной основе – к процедурному типу. Из этого следует, что в процессе обучения иностранным юридическим концептам необходимо учитывать когнитивные основания разграничения разных видов дидактической информации и, принимая во внимание указанные отличительные функциональные особенности юридических концептов, по-разному подходить к их презентации и преподаванию, а также и к контролю их усвоения студентами.

Как известно, любая терминология – это система, и термины, выражающие определённые понятия, выстраиваются в соответствии с иерархической структурой данных понятий. Воспользовавшись терминологией, предложенной В.Ф. Новодрановой, допустим, что терминологические концепты – “фигуры” будет правильнее представлять как части системы, показывая их логические связи и таксономические характеристики. Это с успехом можно осуществить при помощи техники построения *фрейма*, которая позволяет составить логическую схему организации специальных знаний.

2. Теория фрейма

О теории фрейма уже много сказано в работах самой разной тематики и направленности. В данной работе вслед за Н.А. Горбуновой под *фреймом* понимается “особая конструкция знания, в которой мотивируются, структурируются и определяются некоторые группы слов, представляющие собой некоторую единую схематизацию опыта (отдельную структуру знания)” [Горбунова 2014].

В исследованиях профессиональных языков метод фреймового построения используется, если требуется комплексное описание предметной области и детального изучения ее содержания и структуры. Преимущество данного подхода – в разнообразии типов фреймов, которые соотносятся с разными формами правовых знаний и могут быть адаптированы к различным исследовательским целям [Хижняк 2015: 108]. Например, фрейм – структура представляет объекты и понятия и позволяет их структурно изложить и упорядочить, а также сфокусировать внимание студентов на конкретных компонентах [Лескова 2012: 50]; фрейм – сценарий позволяет “упростить до формулы порядок протекания определенного процесса” (например, принятия закона) [там же]; фрейм – событие содержит типичные атрибуты какой-либо ситуации

(например, переговоры) и позволяет увидеть механизм ее различия, именованя и квалификации в конкретной правовой культуре.

Фреймы успешно применяются в педагогике, например, в преподавании дисциплин художественного цикла [Фанталов, Малязина 2016]. Есть исследования, в которых обсуждаются возможности фреймов в процессе формирования общекультурной компетенции [Лескова 2012]. Авторы сходятся во мнении, что данная техника удобна, в первую очередь, как способ подачи материала, поскольку фреймы позволяют по-разному конструировать смысловую основу, на которую учащиеся смогут опираться в процессе интерпретации содержания изучаемого материала [Лесков, 2012: 50; Фанталов, Малязина 2016: 199].

В практике преподавания иностранного языка теория фрейма не получила достаточно широкого распространения, хотя очевидно, что у данного направления есть перспективы. Системный и конвенциональный характер любой терминологической системы позволяет рассматривать ее как фреймовую структуру. Юридическая терминосистема – не исключение: техника фреймового построения может применяться для комплексного описания интересующей области права и изучения ее содержания и структуры. В частности, фреймовому построению могут подвергаться терминологические репрезентации правовых концептов, подлежащих изучению, а также определенные юридические процедуры и действия. Рассмотрим несколько вариантов фреймов для презентации юридической терминологии в разных аспектах.

Например, фрейм – схема помогает показать студентам суть отношений «род–вид» между терминологическими понятиями, показывает лексико-понятийную соотнесённость терминов, их взаимодействие и взаимозависимость (см. рис. 1).

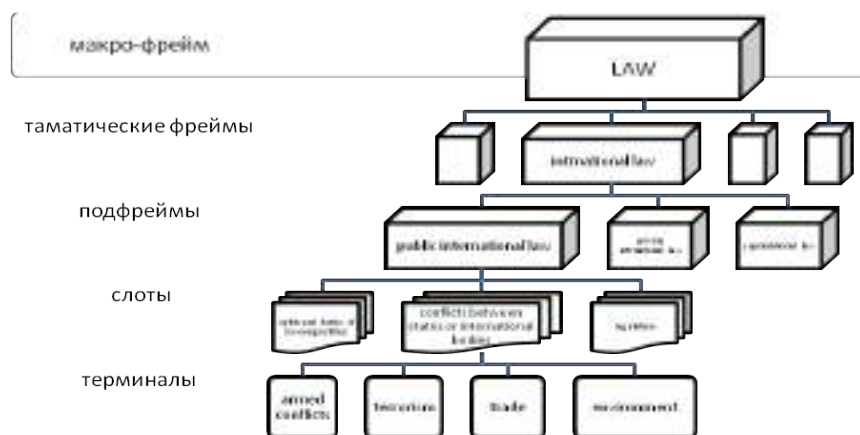

Рисунок 1. Иерархические отношения между терминологическими юридическими понятиями (фрейм-схема)

Когда изучению подлежат термины, вербализующие близкие видовые понятия, необходимо разъяснить студентам, что юридические термины нередко находятся в отношениях противопоставления – терминологического параллелизма, и их значения раскрываются в полной мере через дифференциальные семы в составе значений их антонимов/синонимов. Пониманию различий между близкими концептами помогает фрейм, иллюстрирующий явление параллелизма (см. рис.2).

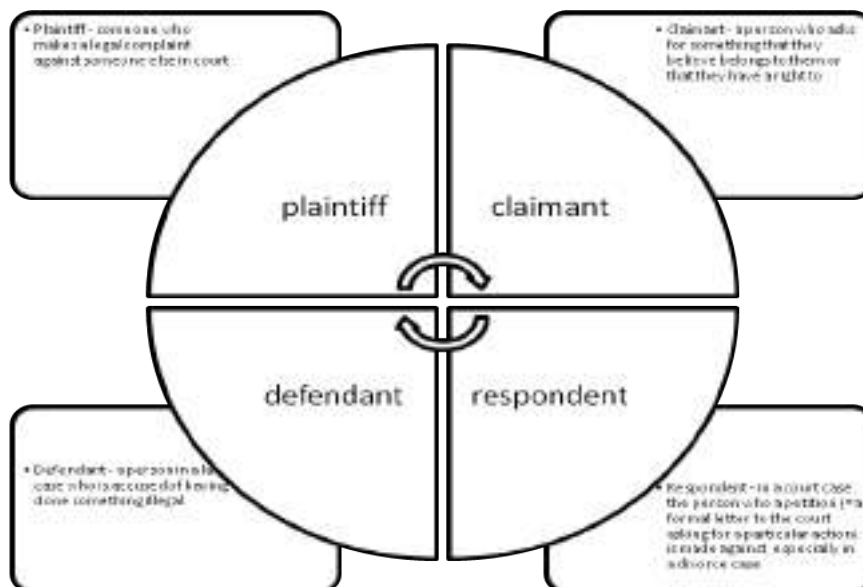

Рисунок 2. Явление параллелизма в юридической терминологии (фрейм – схема)

В ячейках следующего фрейма – сценария представлен алгоритм заключения международного договора (см. рис. 4).

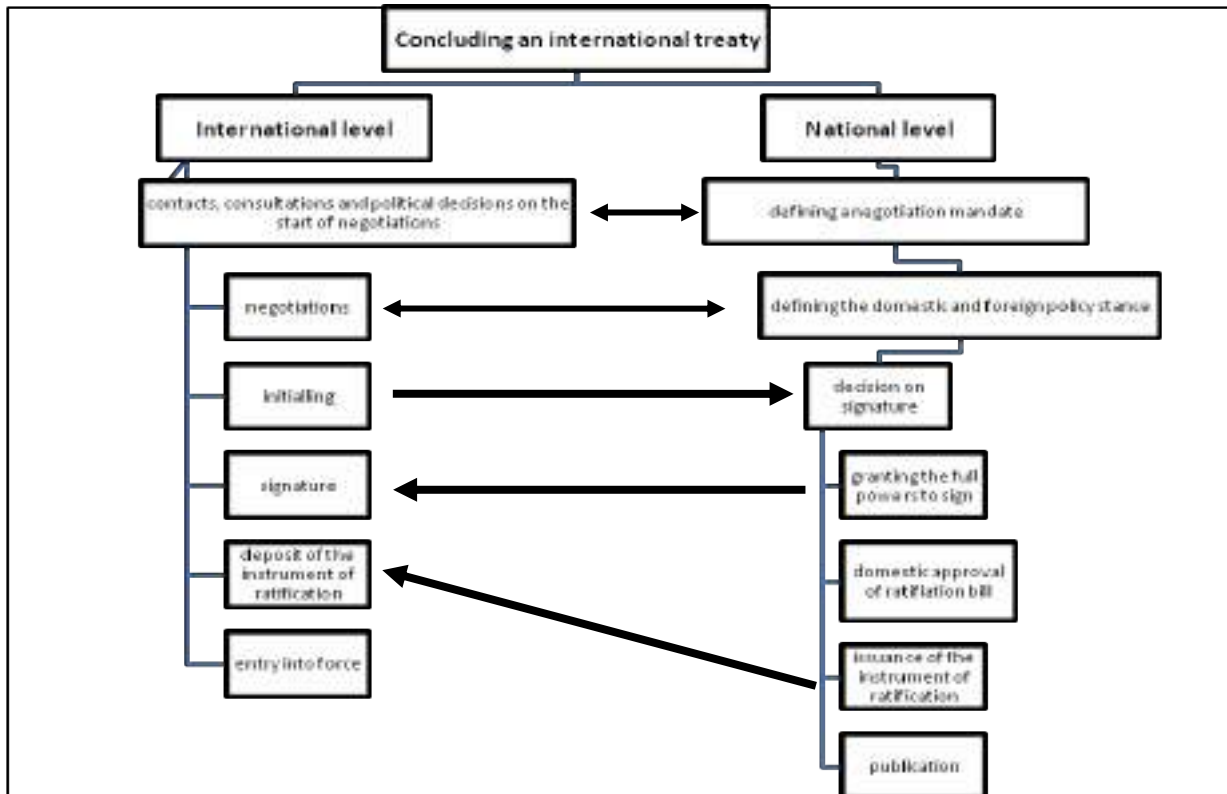

Рисунок 4. Заключение международного договора (фрейм – сценарий)

В процессе изучения юридических текстов всегда встречается не только новая терминологическая лексика, но и новая лексика других категорий – профессиональная и академическая. Этот пласт лексики очень важен – он выполняет роль “фона” для актуализации изученных юридических понятий в учебном (юридическом) дискурсе.

Для эффективной работы с новой разнородной лексикой необходимо научить студентов выполнить ряд простых действий: распределять слова по группам юридической и общей категории; анализировать списки и думать о том, на какие подгруппы можно разбить термины и нетерминологическую лексику, как можно эти подгруппы озаглавить и т.д. Такую работу студенты могут сопровождать схемами, зарисовками в тетрадях, что повышает понимание и удержание в памяти новой информации и способствует развитию визуальных навыков в сочетании с изучением абстрактных юридических понятий на иностранном языке. Категоризация лексики является необходимым этапом, предшествующим встраиванию ее в речевые произведения, то есть переходу от понимания дискурса к его производству. На переходном этапе необходимо мотивировать студентов к выполнению речевых действий и с этой целью наряду с традиционными упражнениями можно эффективно применять технику построения *майнд-карт*.

3. Майнд-карта

Майнд-карта (mind mapping) – это визуализированное метафорическое отображение работы человеческой мысли. Суть майнд-карты отражена в названии данной техники: карта, как известно, – это схематичное изображение, на котором показаны значимые объекты в той или иной системе условных знаков. Майнд-карта, как и фрейм, организует информацию через иерархии и категории. Но в ней, в отличие от фрейма, иерархии и ассоциации исходят из центрального изображения в свободном, но организованном и последовательном порядке. Сегодня майнд-карты используются практически во всех сферах профессиональной деятельности, в том числе и в юриспруденции [Devina Девина2013: 138-139].

Тони Бьюзен, британский психолог, автор методики организации мышления и создатель программного обеспечения iMindMap [<https://imindmap.com/about/>], изложил основные правила построения майнд-карт, которые подходят для работы в любом формате, в том числе и на листе бумаги с использованием разноцветных фломастеров: записывать или зарисовывать главную тему в центре листа; использовать радиальную запись (от главной темы в разные стороны расходятся ветви (лучи)); использовать печатные буквы, разную толщину ветвей и разные цвета; для большей наглядности использовать картинки, образы, символы (см. рис. 5, 6) .

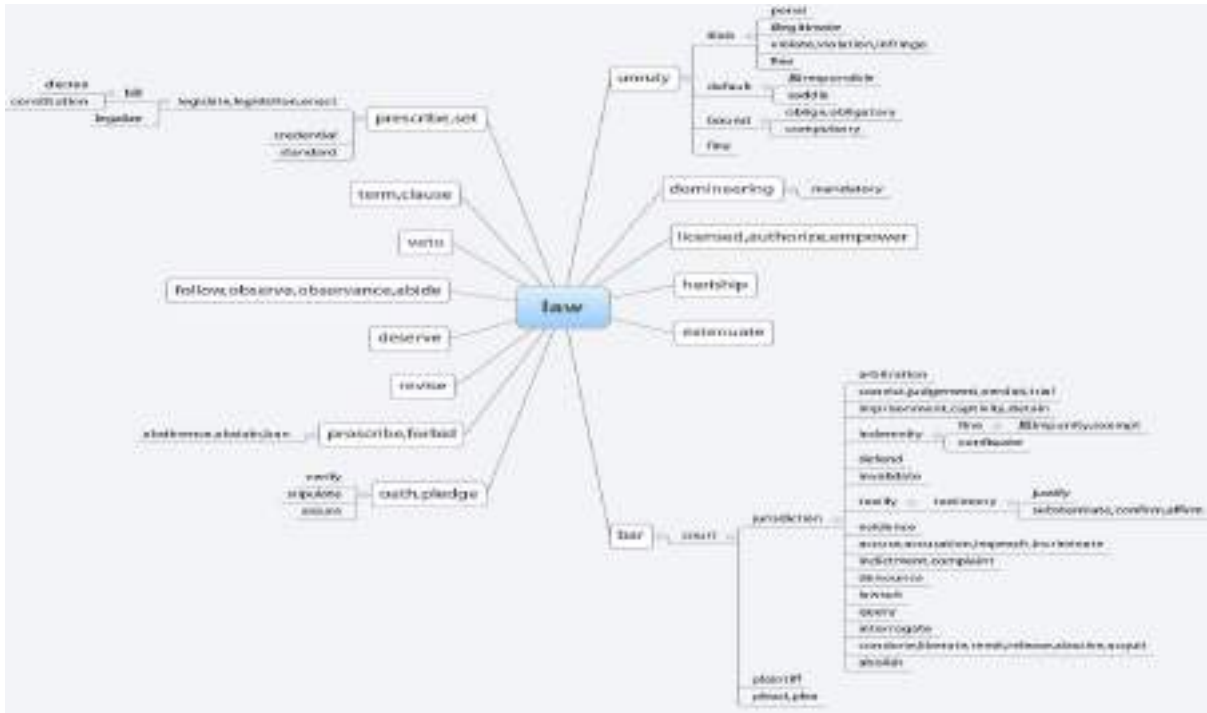

Рисунок 5. Майнд-карта LAW [<http://www.xmind.net/m/UsQn>]

Майнд-карта, как видим, позволяет получить обзор наиболее важных аспектов проблемы, определить между ними связи, и, таким образом, она эффективна при организации материала для речевых произведений, интерпретирующих изученную информацию.

На занятии в начале работы над таким упражнением я даю студентам краткое введение в технику, изложив ее основные принципы и показав некоторые примеры. Кроме этого, я сообщаю студентам о необходимости записывать на лучах фоновую лексику для установления связи между компонентами карты. В основном это глаголы, например, *refer to, govern, be derived from, originate, address, distinguish between, extend into, play a role in, focus on*. Они создают канву для речевых произведений и помогают излагать информацию. Затем я называю тему для майнд-карты, разделяю студентов на группы по три человека, раздаю большие листы бумаги, цветные маркеры и клейкие листочки для заметок. Также, я инструктирую группы провести обсуждение, которое является важным этапом создания майнд-карты. Группы могут писать свои идеи на листочках для заметок и перетасовывать их столько раз, сколько необходимо для установления эффективных связей. Создание майнд-карт в небольших группах, а не индивидуально, помогает глубже проанализировать тему, озвучить свои идеи, подкрепляя их доводам, услышать другие точки зрения и обрести необходимую для речевых действий уверенность в своих силах. У каждой группы студентов есть примерно один час, чтобы построить майнд-карту (см. рис. 6).

Рисунок 6. Майнд-карта TORT LAW, построенная студентами на занятии

По завершении работы, карты прикрепляются к доске, чтобы каждый мог просмотреть все работы. Оставшаяся часть учебного времени посвящена обсуждению заданных тем в форме устных ответов.

Таким образом, можно сделать вывод, что когнитивная природа фреймов и майнд-карт делает их эффективными как в преподавании, так и в учении. Фрейм помогает преподавателю обеспечить учащихся надлежащим входным материалом, а при помощи майнд-карт студенты учатся самостоятельному отбору, определению, категоризации и использованию в дискурсе терминологических единиц, соответствующих различным юридическим контекстам. Техники построения фреймов и майнд-карт – это инструменты, которые преподаватели юридического английского могут добавить в свою подборку активных методик обучения, если они стремятся выйти за рамки “мела и разговора” и опробовать когнитивный стиль обучения.

Библиографический список

1. Гальскова, Н. Д. Теория обучения иностранным языкам: Лингводидактика и методика : учеб. пособие для студ. лингв. ун-тов и фак. ин. яз. высш. пед. учеб. заведений / Н. Д. Гальскова, Н. И. Гез. – М. : Академия, 2004. – 336 с.
2. Горбунова, Н. Н. Современная англоязычная терминосистема сферы менеджмента: структурно-семантическая и когнитивно-фреймовая характеристика : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Горбунова Н. Н. – Пятигорск, 2014. – 29 с.
3. Девина, Л. И. Использование технологии графического представления информации при обучении будущих юристов иностранному языку (английскому) / Л. И. Девина // Вестник Московского государственного лингвистического университета. – 2013. – № 12 (672). – С. 133–144.
4. Ессина, И. Ю. Инновационный климат и потенциал иноязычной деятельности студентов / И. Ю. Ессина // Язык и мир изучаемого языка. – 2016. – № 7. – С. 147–149.
5. Калмазова, Н. А. Предпереводческий анализ юридических текстов // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2015. – № 5 (106). – С. 226–230.
6. Лескова, И. А. Фрейм как средство формирования общекультурной компетенции учащихся по эстетическим направлениям в условиях дополнительного образования / И. А. Лескова // Грани познания. – 2012. – № 2 (16). – С. 48–53.
7. Новодранова, В. Ф. Когнитивные основания распределения информации в научном тексте / В. Ф. Новодранова // Горизонты современной лингвистики: Традиции и новаторство : сб. ст. в честь Е. С. Кубряковой. – М. : Языки славянских культур, 2009. – С. 194–198.
8. Семенова, Э. В. Роль формирования языковой компетенции для межкультурной коммуникации / Э. В. Семенова // Ученые записки Орловского государственного университета. – 2016. – № 2 (71). – С. 270–272.
9. Фанталов, А. Н. Фреймирование творческого процесса и проблемы понимания при изучении предметов художественно-эстетического цикла / А. Н. Фанталов, М. А. Малазина // Символ науки. – 2016. – № 11-2. – С. 197–201.
10. Хижняк, С. П. Когнитивная проблематика в общей теории термина : монография / С. П. Хижняк. – Саратов : Наука, 2016. – 172 с.
11. Хижняк, С. П. Межкультурная профессиональная коммуникация юристов в лингводидактическом освещении / С. П. Хижняк // Известия Саратовского университета. Нов. сер. Сер.: Философия. Психология. Педагогика. – 2015. – Т. 15, вып. 2. – С. 105–108.
12. Vyushkina, E. International competitions for law students: the development of communicative and professional competences / E. Vyushkina // Studies in Logic, Grammar and Rhetoric. – 2013. – № 34 (47). – DOI 10.2478/slgr-2013-0030.
13. Hartig, A. J. Intersections between law and language: disciplinary concepts in second language legal literacy / A. J. Hartig // Studies in Logic, Grammar and Rhetoric. – 2016. – № 45 (58). – DOI 10.1515/slgr-2016-0016.
14. iMindMap. – URL: <https://imindmap.com/about/>
15. Krois-Linder, A. Introduction to International Legal English / A. Krois-Linder, M. Firth & TransLegal. – Cambridge, UK : Cambridge University Press, 2008. – 160 p.
16. Law. – URL: <http://www.xmind.net/m/UsQn>
17. Van Dijk, T. A. Discourse and Context. A Sociocognitive approach / T. A. Van Dijk. – New York : Cambridge University Press, 2008. – 267 p.

ФОРМИРОВАНИЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ИНОЯЗЫЧНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ ОБУЧАЮЩИХСЯ В ИНСТИТУТЕ ПРАВА ПУТЕМ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ МЕЖПРЕДМЕТНЫХ СВЯЗЕЙ

Е. А. Мингажева

Челябинск, Россия

THE FORMATION OF LINGUISTIC FOREIGN COMPETENCE OF STUDENTS AT THE INSTITUTE OF LAW THROUGH THE USE OF INTERDISCIPLINARY CONNECTIONS

E. A. Mingazheva

Chelyabinsk, Russia

Аннотация. Рассматриваются возможности использования межпредметных связей в процессе самообразования студентов. Согласно стандарту образования показаны приоритетные задачи, которые определены конкретными целями для студентов и преподавателей в дисциплине «Иностранный язык». Отражены проблемы обучающихся в институте права, с которыми они столкнулись при изучении иностранного языка.

Ключевые слова: образование, самообразование, межпредметные связи, коммуникативная компетенция, английский язык.

Abstract. The article considers the possibilities of using intersubject connections in the process of student self-education. According to the standard of education, the article highlights priority tasks that are defined by specific goals for students and teachers in the "Foreign Language" discipline. The article reflects the problems of students at the institute of law, with which they encountered while learning a foreign language.

Key words: education, self-education, interdisciplinary connections, communicative competence, English.

Происходящие изменения в жизни социума выдвинули идею раскрытия и обогащения внутреннего потенциала каждого человека на первый план, его развития и самообразования в течение всей жизни. Рост современных социально-экономических, культурных, информационных изменений в жизни общества повышает требования к качеству образования. И на первый план выдвигают такую задачу, как иноязычное самосовершенствование (самообразование) студентов института права. Юрист – профессия одна из ответственных, требующая высокого уровня знаний и навыков, всестороннего развития от будущего специалиста. В настоящее время невозможно обойтись лишь когда-то полученными ранее знаниями, необходимо стремиться получать их постоянно и развиваться самостоятельно [Бакеева 1981: 176]. Следовательно, нужно также каждый день уметь адаптироваться к тем иноязычным условиям, требуемым данным профессиональным социумом.

Использование межпредметных связей (МПС) служит средством самообразовательной деятельности студентов, не только в вузе, но и на протяжении всей жизни [Глухова 2010: 210]. Каждый день, час, минуту, и даже секунду мы получаем новую информацию и мы должны успеть проанализировать и синтезировать ее. В каждой профессиональной среде перед нами ставятся определенные задачи, которые нам нужно решать адекватно, и в кратчайшие сроки. Перед обучающимися также стоит цель – научиться извлекать информацию, систематизировать ее, и применить для решения профессиональных задач. Все отрасли современной науки тесно связаны между собой, поэтому и учебные дисциплины не могут быть изолированы друг от друга, а должны преподаваться в совокупности, что позволяет формировать у студентов целостное представление об их будущей профессиональной деятельности.

Сейчас значимым становится не столько приобретение готового знания, сколько собственная инициатива студентов в открытии знания, содержание которого сегодня имеет междисциплинарный характер. Так, например, обучающиеся института права изучают иностранный язык по профессиональной тематике. Образовательный стандарт определяет приоритеты, и ставит перед обучающимися и преподавателями конкретные цели, предписывая профессиональные компетенции, которые, в свою очередь, определяют темы, преподаваемые по дисциплине «Иностранный язык», которые тесно связаны с юридической терминологией и юридической документацией.

Реализация стандартов нового поколения 3++ в вузах выдвигает на первый план компетентностный подход, который с одной стороны, ставит проблему использования МПС на первую ступень и создает возможности для междисциплинарного переноса знаний; с другой стороны, предполагает освоение обучаю-

щимися процесса самообразования. Рассмотрим данные понятия более конкретно [Глухова 2010: 210]. **Межпредметные связи – отражение объективно существующих межнаучных связей, расширяющих кругозор, обеспечивающих развитие диалектического мышления формирующих у студентов целостное представление об их будущей профессиональной деятельности и направленных на самообразование студентов в течение всей жизнедеятельности** [Трубайчук 203: 274].

Особую роль в решении данной проблемы приобретает иностранный язык как дисциплина в вузе, содержание которой ставить задачу – учить иностранный язык (в институте права дисциплина «Иностранный язык» является обязательной), как второй язык, потому что глобализация требует от специалистов разного профиля беспрепятственного общения с людьми других стран, что является жизненной необходимостью для конкурентоспособности на рынке труда. Изучение иностранных языков путем использования МПС позволяет глубже изучить специальные предметы за счет того, что расширяется информационное поле для самообразования студентов в интегральном образовательном пространстве. В подавляющем большинстве случаев все благие намерения разрушаются при реализации этих связей вплотную, при попытке тесно увязать предметы друг с другом. Это и понятно, ибо все это требует взаимного согласования хотя бы мнений двух человек (не говоря уже об учебных планах и временном согласовании). Внедрение этого подхода при такой постановке вопроса возможно только волевым методом и на ограниченный период времени. Начиная с более раннего этапа мышления человека необходимо связывать одни вещи с другими, уметь обращать внимание на черты одного вида деятельности, и находить их в другом. Это можно считать системным недостатком нашего образования от школьного до высшего [Савина 1998: 28], и так в течение всей жизни.

В настоящее время профессиональное образование ориентировано на формирование ключевых компетенций будущих специалистов (общекультурных и профессиональных). Термины **«коммуникативная компетенция»** и **«коммуникативная компетентность»** встречаются все чаще и нередко употребляются без различия смысла между ними. Между тем, они коренным образом различаются между собой. Термин «коммуникативная компетенция» возник как развитие идеи Ноама Хомского о **лингвистической компетенции** как об **ограниченном наборе грамматических правил, позволяющих породить неограниченное количество правильных предложений**. Идея оказалась интересной для ученых, работающих в области языкового тестирования, так как лингвистическую компетенцию можно было достаточно точно измерять (тестировать) с помощью имеющихся фондов оценочных средств – тестов. Поскольку лингвистическая компетенция существенно ограничивала объект языкового тестирования в условиях коммуникативного обучения языку, возникли идеи расширения этого конструкта, который был назван **«коммуникативная компетенция»** (L, Bachman, M. Canale, M. Swain).

Под коммуникативной компетенцией понимаем **демонстрируемую область (области) успешной коммуникативной деятельности на основе усвоенных средств и стратегий речевого общения, подкрепляемых языковыми навыками и речевыми умениями**. Таким образом, можем дать определение **профессионально-коммуникативной компетенции** – определенная область коммуникативной деятельности на основе усвоенных профессиональных (юридических) средств и стратегий коммуникации, подкрепляемых языковыми навыками и речевыми умениями. При всем многообразии подходов к изучению структуры коммуникативной компетенции, наиболее общими *компонентами* являются:

- лингвистический (лексика, грамматика, фонетика, орфография),
- дискурсивный (построение устных и письменных текстов),
- прагматический (успешное достижение коммуникативной цели),
- стратегический (преодоление трудностей коммуникации),
- социокультурный (соответствие социокультурным нормам).

Все компоненты коммуникативной компетенции могут быть измерены с помощью тестирования и объективно оценены (наименее разработанным пока еще остается тестирование социокультурной компетенции студентов).

В отличие от коммуникативной компетенции, **коммуникативная компетентность** определяется в современной науке как **интегративный личностный ресурс, обеспечивающий успешность коммуникативной деятельности**. Данный ресурс включает не только компоненты, измеряемые с помощью языкового тестирования, но и иные составляющие, которые не входят в конструкт языкового тестирования и не могут измеряться с помощью языковых тестов. Они обнаруживаются на более высоком – личностном уровне и включают интеллект, общий кругозор, систему межличностных отношений, особые профессиональные знания юриспруденции, а также потенциал личностного развития и роста в овладении языком и коммуникативной деятельностью.

Таким образом, если коммуникативная компетенция представляет собой область успешной коммуникативной деятельности, то коммуникативная компетентность представляет собой более глобальное образование, именуемое личностным ресурсом и выходящее за пределы компетенции разработчиков языковых тестов (Radislav Millrood, from the University of Tambov). Мы рассматриваем данные трактовки следующим образом. **Компетенция** (от лат. Competentia – принадлежность по праву; как круг полномочий) – **совокупность взаимосвязанных качеств личности, задаваемых по отношению к определенному кругу предметов и процессов и необходимых для качественной продуктивной деятельности по отношению к ним** [Глухова 2010: 210]. **Компетентность** – **способность правильно оценивать сложившуюся ситуацию и принимать в связи с этим нужное решение, позволяющее достигнуть значимого результата** [Глухова 2010: 210].

Так как **компетенция – это совокупность взаимосвязанных качеств личности....**, и для полного раскрытия проблемы **формирования лингвистической иноязычной компетенции**, вслед за Э.Ф. Зеером [Зеер 1997: 243], представляем педагогические компетенции, совокупность которых и формирует целостную структуру (модель) процесса самосовершенствования (самообразования) студентов в течение всей жизни. Это общекультурные и профессиональные компетенции: специально-профессиональная; социально-профессиональная; рефлексивная; лингвистическая (коммуникативная); организационная.

Следовательно, вопрос: будет ли правильно формировать только одну компетенцию, если мы хотим, чтобы обучающийся: отвечал на вопросы по теме занятия, справлялся с монологическими высказываниями, выполнял домашние задания, а также, пытался сам заниматься над самообразованием (в настоящих стандартах поколения 3++ на самостоятельную работу обучающихся отводится около 65% часов учебного материала). Будет ли обучающийся самообразовываться? Возможно, к процессу развития самосовершенствования обучающихся необходимо подходить в совокупности. В связи с этим рассмотрим понятие **самообразование – комплексное личностное образование будущего специалиста, механизмом которого является развитие диалектического мышления, которое позволяет перерабатывать информацию из разных дисциплин, обобщать ее, систематизировать и классифицировать для решения задач и овладения общекультурными и общепрофессиональными компетенциями** [Трубайчук 2003: 274]. Совместив понятия «МПС» и «самообразование», даем авторскую дефиницию понятия **межпредметные связи как средство самообразования студентов – это единое пространство вуза, за счет междисциплинарного переноса знаний в процессе обучения студентов, формирующее целостное представление у будущих специалистов их профессиональной деятельности и способствующее самостроительству личности в течение всей жизнедеятельности** [Глухова 2010: 210].

В определении понятия «самообразования» мы столкнулись с дефиницией **диалектическое мышление**, оно есть в представленных материалах. **Диалектика** (др.-греч. Διαλεκτική – искусство спорить, вести рассуждение) – метод аргументации в философии, также форма и способ рефлексивного теоретического мышления, имеющего своим предметом противоречие мыслимого содержания этого мышления. В диалектическом материализме – общая теории развития материального мира и вместе с тем теория и логика познания. Диалектический метод является одним из центральных в европейской и индийской философских традициях. Само слово «диалектика» происходит из древнегреческой философии и стало популярным благодаря «Диалогам» Платона, в которых двое или более участников диалога могли придерживаться различных мнений, но желали найти истину путем обмена своими мнениями. В данной дефиниции употребляется фраза «из разных дисциплин», которая констатирует, что формирование коммуникативной иноязычной компетенции путем самосовершенствования студента действительно невозможно в процессе обучения одному предмету [Глухова 2010: 210].

Что позволяет определить и в дальнейшем использовать определенно важных для раскрытия ведущих положений учебных тем межпредметных связей?

- а) переход от использования субъективного подхода в определении межпредметной ёмкости учебных тем к объективному;
- б) сконцентрировать внимание преподавателей и обучающихся на связующих аспектах учебных предметов, которые играют важную роль в раскрытии первоначальных идей юриспруденции;
- в) осуществлять организацию работы по установлению межпредметных связей согласно учебному плану дисциплин, постоянно усложняя познавательные задачи, увеличивая поле действия творческой и познавательной инициативы обучающихся, применяя все возможные дидактические средства для эффективного осуществления многоаспектных межпредметных связей;
- г) формировать познавательные интересы обучающихся средствами различных учебных дисциплин в их органическом единстве;
- д) осуществлять творческое взаимодействие между преподавателями и обучающимися;
- е) изучать важнейшие мировоззренческие проблемы и вопросы современности средствами различных предметов и наук в связи с юриспруденцией, как основной наукой, а также с жизнью в общем [Трубайчук 2003: 274].

Таблица 1 Уровни самообразования обучающихся

Группа	Количество обучающихся (%)					
	Уровни самообразованию обучающихся					
	Низкий		средний		Высокий	
	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%
ОГ – 1	1	4	22	88	2	8
ОГ – 2	1	4	20	80	4	16
ОГ – 3	2	8	17	68	6	24
ОГ – 4	1	4	17	68	7	28

Дальнейшее улучшение системы межпредметных связей предполагает и дальнейшее совершенствование способов их реализации: планирование этой работы в вузе, координацию деятельности всех участни-

ков образовательного процесса в процессе формирования лингвистической иноязычной компетенции; эффективное использование межпредметных (комплексных) семинаров, экскурсий, конференций.

При внедрении этих видов деятельности (брифингов, практических работ (переводы, написание деловой документации, устное и письменное мотивационное письмо) и т.д.), уровень самообразования студентов значительно возрос.

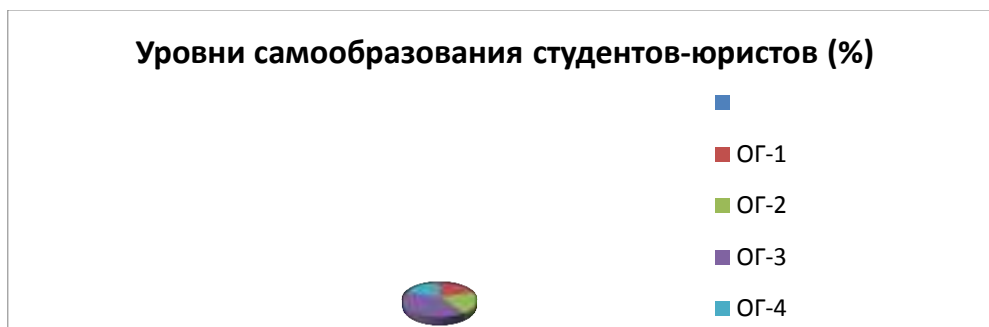

Рис. 1 Рост активности самообразовательной деятельности обучающихся в институте права

Повышение уровня самообразования студентов института права показано в гистограмме 1, где ОГ – 4 – это контрольная группа.

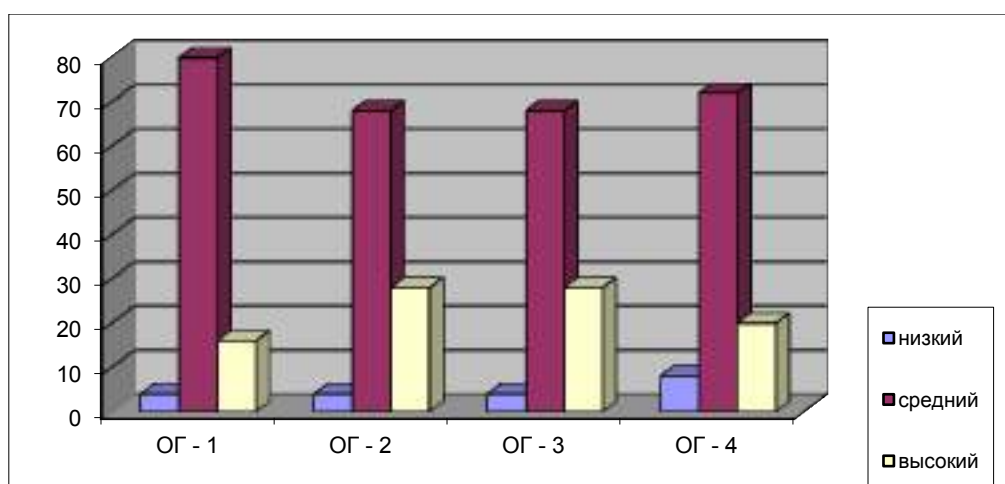

Рис. 2 Уровни самообразования обучающихся института права

И так же, возрос он благодаря межпредметно-профессиональной работе, то есть все задачи, которые поставлены перед данными студентами институтом права, практиковались на английском языке, и решались так же поэтапно, как и читались параллельные дисциплины.

Таким образом, можно утверждать, что целостное (полное) развитие самообразования студента в процессе всей жизни возможно только при комплексном образовании, то есть необходимо единое интегральное пространство, обучение по всем направлениям. Следовательно, что формирование лингвистической иноязычной компетенции студентов путем самообразования возможно и реально при комплексном и постоянном изучении дисциплин в вузе.

Библиографический список

1. Бакеева, Д. Ж. Организация самостоятельной работы студентов по иностранным языкам / Д. Ж. Бакеева. – Казань : Изд-во Казанского ун-та, 1981. – 176 с.
2. Глухова (Мингажева), Е. А. Межпредметные связи как средство самообразования студентов в вузе : дис. ... канд. пед. наук / Глухова (Мингажева) Е. А. – Челябинск, 2010. – С. 39.
3. Зеер, Э. Ф. Психология профессий : учеб. пособие для вузов / Э. Ф. Зеер. – Екатеринбург : Изд-во Урал. гос. проф.-пед. ун-та, 1997. – 243 с.
4. Савина, Ф. К. Самостоятельная работа студента / Ф. К. Савина // Педагогика в системе многоуровневого образования. Ч. 1: Введение в педагогическую профессию: Программа и методические материалы / сост.: Ф. К. Савина, Н. М. Борытко, О. Г. Нагибина. – Волгоград : Перемена, 1998. – 28 с.
5. Трубайчук, Л. В. Педагогическая энциклопедия: актуальные понятия современной педагогики / Л. В. Трубайчук, Н. Н. Тулькибаева ; под ред. Н. Н. Тулькибаевой, Л. В. Трубайчук. – М. : Восток, 2003. – 274 с.

ПРИМЕНЕНИЕ СМЕШАННОГО ОБУЧЕНИЯ В ФОРМИРОВАНИИ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНЦИИ СУДЕБНЫХ ЭКСПЕРТОВ

Т. П. Соколова

Москва, Россия

THE USE OF BLENDED LEARNING IN THE LINGUISTIC COMPETENCE FORMATION OF FORENSIC EXPERTS

T. P. Sokolova

Moscow, Russia

Аннотация. Рассмотрено применение технологий смешанного обучения в формировании лингвистической компетенции судебных экспертов на примере разработки и апробации электронного курса «Лингвистический анализ» и его интеграции в информационно-образовательную среду юридического университета в целях повышения качества специального образования.

Ключевые слова: речеведческие экспертизы, лингвистическая компетенция, смешанное обучение.

Abstract. The article is devoted to the application of blended learning technologies in the linguistic competence formation of forensic experts on the example of the development and approbation of the e-learning course "Linguistic analysis" and its integration into the information and educational environment of a law university in order to improve the quality of special education.

Key words: Speech Examination, linguistic competence, blended learning.

В соответствии с постулатами судебной экспертологии, судебный эксперт является специалистом двойной компетенции, т.е. должен обладать знаниями не только в базовой науке (филологии, экономике и др.), но и юридическими [Россинская 2017: 42]. При этом подготовка судебного эксперта – это не механическое соединение двух образований – юридического и иного, а комплексное интегративное образование, позволяющее сформировать необходимые компетенции [Россинская 2015: 60]. «Интеграция языка и права, воплощенная в судебно-экспертной практике, смещение фокуса подготовки экспертов в сторону междисциплинарности позволили внедрить в учебный процесс новую специализацию «Речеведческие экспертизы» [Галяшина 2017: 87], которая базируется на разработанной Е.И. Галяшиной концепции судебного речеведения [Галяшина 2007: 688–709].

Подготовка по юридико-лингвистической специализации «Речеведческие экспертизы» осуществляется в институте судебных экспертиз Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (далее МГЮА) в рамках основной образовательной программы по специальности 40.05.03 Судебная экспертиза (уровень специалитета). В связи с тем, что «совершенствование научно-методического обеспечения подготовки экспертов по специализации «Речеведческие экспертизы» – важный источник повышения качества практической судебно-экспертной деятельности» [Галяшина 2015: 44], в институте судебных экспертиз идет поиск новых форм учебно-образовательной деятельности. Преподавателями создаются электронные курсы базовых и специальных дисциплин, которые интегрируются в информационно-образовательную среду МГЮА на основе текущей версии СДО Русский Moodle 3KL 3.1.8. [Открытые технологии 2017].

Федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования предусматривает обучение по специальности 40.05.03 Судебная экспертиза только в очной форме и вводит запрет на исключительно электронное обучение, но вместе с тем предоставляет учреждению право применять дистанционные образовательные технологии [Федеральный государственный образовательный 2016]. В таких условиях актуальным представляется внедрение формы смешанного обучения как оптимального сочетания очной формы взаимодействия преподавателя и студента с самостоятельной работой обучающегося на базе электронных образовательных ресурсов [Осипова 2015: 78]. Исследование феномена смешанного обучения, проведенное Н.В. Ломоносовой, показало, что доля электронных образовательных ресурсов в смешанном обучении студентов не должна превышать 80 %, а также не может быть ниже 20 %. В противном случае теряется смысл «смешения», и учебный процесс вновь превращается в полностью дистанционную или совершенно традиционную форму образования [Ломоносова 2016: 24–30]. При этом мы разделяем мнение тех педагогов, которые убеждены, что информационным технологиям не удастся полностью заменить классическое образование и центральную его фигуру – преподавателя [Иванова 2016: 94–96]. Поэтому перспективным представляется именно смешанное обучение, через преподавателя соединяющее принципы и технологии дистанционного образования с классическими, аудиторными занятиями.

Лингвистическую компетенцию эксперта формируют *специальные знания* в области общей и прикладной лингвистики, стилистики, ономастики, судебного речеведения. «Специальные знания в области судебного речеведения составляют научную основу судебно-экспертного исследования продуктов речевой деятельности человека в судопроизводстве, где речевед может выступать в двух процессуальных качествах: эксперта и специалиста» [Галяшина 2015: 40]. Для формирования лингвистической компетенции экспертов в структуре ООП предусмотрено постепенное накопление и расширение знаний по речеведческим дисциплинам, овладение приемами и методами лингвистического анализа речевых произведений любой формы (устной, письменной, веб-коммуникации), записанных на любом материальном носителе (бумажном, фонограмме, видеофонограмме и др.).

Основной базовой дисциплиной для эксперта-речевода является «Общее языкознание и современный русский язык», именно лингвистические знания составляют основу специальных знаний: студент должен уметь определять стилистическую принадлежность речевого произведения (с учетом вида и жанра коммуникации), овладеть навыками содержательного и формального анализа языковых единиц каждого уровня (фонетического, морфемного, лексического и грамматического), а также способностью произвести графемный анализ письменно зафиксированной речевой единицы, выявить её контекстуальные связи, особенности функционирования в дискурсе. Методика преподавания данной дисциплины в МГЮА ориентирована на формирование у студентов компетенций, необходимых для практической экспертной деятельности, поэтому в структуре лингвистического знания особо выделены *теория номинации* и *ономастика*, актуальные для нейминговой экспертизы, разработаны электронные задания (кейсы), большое внимание уделено выработке навыка работы с разнообразными электронными лексикографическими источниками [см. подробнее Ремчукова, Соколова 2016: 399–407].

На следующем этапе успешное освоение дисциплины «*Лингвистический анализ*» [Галяшина, Соколова 2018] дает будущему эксперту необходимые знания методологии лингвистического анализа художественных, публицистических текстов, речевых продуктов официально-делового и разговорного стиля, то есть позволяет обучающемуся овладеть методологическим инструментарием лингвистического анализа. Покажем, как разработка электронного курса «Лингвистический анализ» и интеграция его в информационно-образовательную среду МГЮА позволяет оптимизировать освоение дисциплины, изменяет объём и качество аудиторной, групповой и индивидуальной работы преподавателя со студентами, при этом главными остаются компетентностный, личностно ориентированный и практико-ориентированный подходы к обучению.

Общая трудоемкость дисциплины «Лингвистический анализ» составляет 3 зачетные единицы, 108 часов (в том числе на самостоятельную работу студентов отведено 54 часа). Конструирование курса на базе СДО позволило существенно переработать содержательное и методическое наполнение дисциплины, создав новый электронный образовательный продукт.

Общий раздел «*Учебно-методические комплексы*» включает литературу по дисциплине, интернет-ресурсы и словари, вопросы для аттестации, требования к разным формам самостоятельной работы студентов (рефераты, презентации проектов, эссе и др.). Информационно-образовательная среда МГЮА позволяет студенту не только оперативно и легко получить методическую информацию, но и перейти на сайт конкретного источника, обратиться к тексту конкретного документа.

Функция отображения курса в виде сетки и настраиваемых блоков позволяет создать удобный в использовании интерфейс: учебные материалы каждого модуля разделены по темам, наполнение которых преподаватель разрабатывает в соответствии с формируемыми компетенциями, кроме того автор электронного продукта определяет траекторию взаимодействия обучающегося с информационной системой в соответствии с уровнем подготовленности студента. Проведенный мониторинг свидетельствует о том, что использованная визуализация учебной информации повышает мотивацию обучения, способствует лучшему восприятию материала.

Приведем пример содержательно-дидактического наполнения Темы 2 «Понятие текстовой категории». Для решения учебной задачи *представления текста как системы текстовых категорий* ранее, до внедрения СДО, преподавателем была апробирована методика работы в малых группах (по 3 студента), поскольку именно эта форма позволяет охватить объёмный и разнообразный материал и одновременно способствует формированию навыка коллективной работы над проектом.

Формат смешанного обучения обеспечивает устранение недостатков традиционной формы (необходимость очных консультаций, асинхронность работы групп и др.) и оптимизирует подготовку к практическому занятию:

- размещение в СДО материалов лекции «Понятие текстовой категории», примера презентации текстовой категории;
- создание «*Базы данных*» (электронный модуль, который дает возможность студентам совместно с преподавателем создавать, обслуживать и искать записи из совокупности);
- открытие «*Форума*».

Функция «*Синхронизация*» позволяет чётко организовать все этапы решения учебной задачи. Один участник группы подбирает материалы, другой обрабатывает полученные данные и оформляет результаты в проект-презентацию, третий пополняет «*Базу данных*» в СДО, при этом важно, что в малой группе идёт постоянное очное взаимодействие и обсуждение промежуточных результатов, осуществляется корректировка действий в постоянном виртуальном контакте с преподавателем.

Первое практическое занятие по теме проводится в форме дискуссии, представления и анализа результатов работы малых групп, причём для формирования лингвистической компетенции эксперта важна практика публичного выступления. После обсуждения в проекты вносятся поправки, дополнения и т.п., после чего они размещаются в СДО. *Второе практическое занятие* по теме сочетает аудиторную работу с электронным тестированием. Первая часть представляет собой коллективный практикум – выявление основных способов языкового выражения текстовых категорий в конкретных речевых произведениях. Вторая часть – решение кейс-заданий по теме в СДО (индивидуальная практическая работа под контролем преподавателя в режиме реального времени).

Письменная работа в формате учебного элемента «Задание» обобщает и завершает работу малых групп и самостоятельную работу каждого студента над темой, позволяет преподавателю собирать студенческие работы, оценивать их и предоставлять отзывы и комментарии. После отправки студентом ответа преподаватель получает информацию о необходимости проверки выполненного задания, а студент после проверки получает SMS-уведомление о результате и может увидеть не только оценку работы в баллах, но и все сделанные преподавателем в тексте ответа пометы и комментарии. Таким образом, преподаватель получает возможность *индивидуальной работы* с каждым студентом в режиме реального времени или последовательной коммуникации. Заложенные в настройках модуля «Задание» функции «Разрешать новые попытки» и «Студент может править свой ответ» позволяют повысить качество письменных работ. Большое внимание уделяется форме изложения полученных результатов в виде связного формализованного текста как фрагмента заключения специалиста. (Навык составления полного заключения эксперта и специалиста по речеведческим экспертизам отрабатывается в процессе освоения последующих дисциплин специализации.) Оценка за каждое практическое занятие и за итоговую работу автоматически вносится в «Журнал оценок», а «*Настраиваемая формула вычисления оценки*» объективно отражает результаты состязания малых групп и результаты освоения темы каждым студентом.

Таким образом, разработка курса «*Лингвистический анализ*» как электронной составляющей единой информационно-образовательной среды МГЮА позволяет реализовать преимущества смешанного обучения: освоить новые функциональные возможности электронных форм обучения, при этом роль преподавателя по-прежнему остается определяющей – в отборе элементов СДО, предоставляемых платформой Moodle, в содержательно-дидактическом наполнении контента каждого модуля и каждой темы в соответствии с формируемой лингвистической компетенцией, в определении траектории взаимодействия обучающегося с информационной системой в соответствии с его уровнем подготовленности.

Библиографический список

1. Галяшина, Е. И. Феномен судебного речеведения / Е. И. Галяшина // Лингвистическая полифония : сб. ст. в честь юбилея профессора Р. К. Потаповой / отв. ред. В. А. Виноградов. – М. : Языки славянских культур, 2007. – С. 688–709.
2. Галяшина, Е. И. Феномен судебного речеведения: наука – экспертиза – обучение / Е. И. Галяшина // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). – 2015. – № 12. – С. 38–44.
3. Галяшина, Е. И. Судебные речеведческие экспертизы / Е. И. Галяшина // Судебная экспертология: история и современность (научная школа, экспертная практика, компетентностный подход) / под ред. Е. Р. Россинской, Е. И. Галяшиной. – М. : Проспект, 2017. – С. 87–91.
4. Галяшина, Е. И. Лингвистический анализ : рабочая программа / Е. И. Галяшина, Т. П. Соколова. – М. : Изд. центр Университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА), 2018. – 37 с.
5. Иванова, С. В. Педагогический аспект влияния инфокоммуникационных технологий на образовательное пространство / С. В. Иванова // Образовательное пространство в информационную эпоху (ЕЕИА-2016) : сб. науч. тр. Междунар. науч.-практ. конф. (г. Москва, 6–7 июня 2016 г.). – М. : Институт стратегии развития образования РАО, 2016. – С. 93–99.
6. Ломоносова, Н. В. Оптимизация критериев смешанного обучения студентов вуза на основе рационального сочетания традиционных и электронных методов взаимодействия / Н. В. Ломоносова // Открытое и дистанционное образование. – 2016. – № 4 (64). – С. 24–30.
7. Осипова, О. П. Основные этапы педагогического проектирования и экспертизы электронных образовательных ресурсов / О. П. Осипова // Открытое и дистанционное образование. – 2015. – № 2 (58). – С. 76–82.
8. Открытые технологии. Веб-приложения для бизнеса и образования. – URL: https://opentechnology.ru/products/russianmoodle/reliase_3.1.8.html
9. Ремчукова, Е. Н. Формирование новых лингвистических компетенций в образовательном пространстве: кейс-экспертиза / Е. Н. Ремчукова, Т. П. Соколова // Образовательное пространство в информационную эпоху (ЕЕИА-2016) : сб. науч. тр. Междунар. науч.-практ. конф. (г. Москва, 6–7 июня 2016 г.). – М. : Институт стратегии развития образования РАО, 2016. – С. 399–407.
10. Россинская, Е. Р. Современные проблемы судебно-экспертной дидактики / Е. Р. Россинская // Вестник Университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА). – 2015. – № 12. – С. 58–67.
11. Россинская, Е. Р. Судебно-экспертная дидактика и комплексный подход к обучению экспертов / Е. Р. Россинская // Судебная экспертология: история и современность (научная школа, экспертная практика, компетентностный подход) / под ред. Е. Р. Россинской, Е. И. Галяшиной. – М. : Проспект, 2017. – С. 41–53.
12. Федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования по специальности 40.05.03 «Судебная экспертиза (уровень специалитета)» : [утв. приказом Министерства образования и науки Российской Федерации № 1342 от 28.10.2016] // СПС «КонсультантПлюс». – URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=222375&rnd=5EB50C1198305C7CE22C5912FCF>

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Абитов Ильдар Равильевич, кандидат психологических наук, государственный судебный эксперт Средне-Волжского регионального центра судебной экспертизы Минюста России, доцент кафедры дефектологии и клинической психологии, Институт психологии и образования, Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия.

Abitov Ildar Ravilievich, Candidate of psychological sciences, state judicial expert of the Middle-Volga Regional Center for Forensic Expertise of the Ministry of Justice of Russia, associate professor at the Department of defectology and clinical psychology at the Institute of psychology and education, Kazan (Privolzhsky) Federal University, Kazan, Russia.

Аблеев Сергей Рифатович, доктор философских наук, доцент, начальник кафедры философии, Московский университет МВД России им. В. Я. Кикотя, Москва, Россия.

Ableev Sergey Rifatovich, Doctor of Philosophy, associate professor, Head of the Department of philosophy, Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, Russia.

Абрамкина Елена Евгеньевна, ассистент кафедры фундаментальной и прикладной лингвистики Гуманитарного института, Новосибирский национальный исследовательский государственный университет, Новосибирск, Россия.

Abramkina Elena Evgenevna, assistant professor at the Department of fundamental and applied linguistics at the Institute for the Humanities, Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russia.

Аверьянова Мария Игоревна, кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права и процесса, Нижегородский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Нижний Новгород, Россия.

Averianova Maria Igorevna, Candidate of legal sciences, associate professor at the Department of civil law and process at the Institute of Management, the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Nizhny Novgorod, Russia.

Агагамедова Амина Магомедовна, студент экономического факультета, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия.

Agamamedova Amina Magomedovna, student of the Faculty of economics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.

Агагамедова Саният Абдулганиевна, кандидат социологических наук, доцент кафедры менеджмента и экономической безопасности, Пензенский государственный университет, Пенза, Россия.

Agamamedova Saniyat Abdulganievna, Candidate of sociological sciences, associate professor at the Department of management and economic security, Penza State University, Penza, Russia.

Агиймаа Гундалай, магистр, начальник отдела образовательных программ, Институт социально-гуманитарных наук, Монгольский государственный университет образования, Улан-Батор, Монголия.

Agiiamaa Gundalai, Master student, Director of the Office of academic programs, the Institute of social and human sciences, Mongolian State University of Education, Ulan Bator, Mongolia.

Айтмагамбетова Марал Бейсетаевна, магистр филологии, старший преподаватель кафедры журналистики и филологии, Инновационный Евразийский университет, Павлодар, Республика Казахстан.

Aitmagambetova Maral Beysetaevna, Master of philology, senior lecturer at the Department of journalism and philology, Innovative University of Eurasia, Pavlodar, Republic of Kazakhstan.

Александрова Анна Викторовна, кандидат юридических наук, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин, Пензенский государственный университет, Пенза, Россия.

Alexandrova Anna Viktorovna, Candidate of legal sciences, associate professor at the Department of state legal disciplines, Penza State University, Penza, Russia.

Амосова Татьяна Владимировна, кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой общегуманитарных и социально-экономических дисциплин, Иркутский юридический институт (филиал), Университет прокуратуры РФ, Иркутск, Россия.

Amosova Tatyana Vladimirovna, Candidate of philological sciences, associate professor, Head of the Department of humanitarian and socio-economic disciplines, Irkutsk Law Institute (branch) of the University of Prosecutor's Office of the Russian Federation, Irkutsk, Russia.

Ароча Родригес Олайси, магистр педагогических наук, доцент, преподаватель испанского языка и литературы, Университет Сиего де Авила им. Максима Гомеса, Сиего де Авила, Куба.

Arrocha Rodríguez Olaysi, Master of pedagogical sciences, assistant professor, Spanish Literature professor, the University of Ciego de Avila "Máximo Gómez Báez", Ciego de Avila, Cuba.

Арошидзе Марине Вадимовна, доктор филологических наук, профессор кафедры славистики, Батумский государственный университет им. Шота Руставели, Батуми, Грузия.

Arroshidze Marine Vadimovna, Doctor of Philology, professor at the Department of slavic studies, Batumi State University named after Shota Rustaveli, Batumi, Georgia.

Арошидзе Нино Юрьевна, доктор филологии, ассоциированный профессор кафедры европеистики, Батумский государственный университет им. Шота Руставели, Батуми, Грузия.

Arroshidze Nino Yurievna, Doctor of Philology, associate professor at the Department of European studies, Batumi State University named after Shota Rustaveli, Batumi, Georgia.

Арсениев Светослав Валентинов, преподаватель русского языка кафедры иностранных языков и прикладной лингвистики, Университет национального и мирового хозяйства, София, Болгария.

Arseniev Svetoslav Valentinov, teacher of the Russian language at the Department of foreign languages and applied linguistics, the University of National and World Economy, Sofia, Bulgaria.

Артемова Дарья Игоревна, кандидат юридических наук, доцент кафедры правосудия, Пензенский государственный университет, Пенза, Россия.

Artemova Darya Igorevna, Candidate of legal sciences, associate professor at the Department of justice, Penza State University, Penza, Russia.

Бабилова Марина Рашиговна, аспирант кафедры межкультурной коммуникации, риторики и русского языка как иностранного, Уральский государственный педагогический университет, Екатеринбург, Россия.

Babikova Marina Rashitovna, Post-graduate student of the Department of philology, cultural studies and inter-cultural communication, Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia.

Балашова Галина Валентиновна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков, Московский государственный юридический университет им. О. Е. Кутафина (МГЮА), Москва, Россия.

Balashova Galina Valentinovna, Candidate of philological sciences, associate professor, associate professor at the Department foreign languages, Kutafin Moscow State Law University, Moscow, Russia.

Банман Полина Павловна, кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики перевода, Северо-Кавказский федеральный университет, Ставрополь, Россия.

Banman Polina Pavlovna, Candidate of philological sciences, associate professor at the Department of theory and practice of translation, North Caucasus Federal University, Stavropol, Russia.

Барабаш Ольга Владимировна, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Научно-исследовательского института фундаментальных и прикладных исследований, заведующий лабораторией прикладной и юридической лингвистики, Пензенский государственный университет, Пенза, Россия.

Barabash Olga Vladimirovna, Candidate of philological sciences, senior research fellow at the Institute for fundamental and applied research, Head of the laboratory of applied and forensic linguistics, Penza State University, Penza, Russia.

Баранов Анатолий Николаевич, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры лингвистической семантики, заведующий отделом экспериментальной лексикографии, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия.

Baranov Anatoly Nikolaevich, Doctor of Philology, professor, professor at the Department of linguistic semantics, Head of the Department of experimental lexicography, V. V. Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences, the National Research University "Higher School of Economics", Moscow, Russia.

Белоконь Наталья Викторовна, старший преподаватель кафедры конституционного и муниципального права, Воронежский государственный университет, Воронеж, Россия.

Belokon Natalia Viktorovna, senior lecturer at the Department of constitutional and municipal law, Voronezh State University, Voronezh, Russia.

Бондаренко Елена Николаевна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русского языка и культуры речи, Академия Государственной противопожарной службы МЧС России, Москва, Россия.

Bondarenko Elena Nikolaevna, Candidate of Philological sciences, associate professor, associate professor at the Department of the Russian Language and cultural studies, the Academy of the State Fire Service of the Ministry of Emergency Situations of Russia, Moscow, Russia.

Борисова Елена Георгиевна, доктор филологических наук, профессор кафедры связей с общественностью, Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия.

Borisova Elena Georgievna, Doctor of Philology, professor at the PR Department, Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia.

Бушев Александр Борисович, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры журналистики, рекламы и связей с общественностью, кафедры международных отношений, Тверской государственной университет, Тверь, Россия.

Bushev Alexander Borisovich, Doctor of Philology, professor, professor at the Department of journalism, advertising and public relations, and the Department of international relations, Tver State University, Tver, Russia.

Видинева Наталья Юрьевна, преподаватель, аспирант кафедры английского языка, Пензенский государственный университет, Пенза, Россия.

Vidineeva Natalia Yurievna, junior lecturer, post-graduate student at the Department of the English language, Penza State University, Penza, Russia.

Ворошилова Мария Борисовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры межкультурной коммуникации, риторики и русского языка как иностранного, начальник Управления научно-образовательной деятельности, Уральский государственный педагогический университет, Екатеринбург, Россия.

Voroshilova Maria Borisovna, Candidate of philological sciences, associate professor at the Department of intercultural communication, rhetoric and Russian as a foreign language, Head of the Department of scientific and educational activities, Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia.

Воячек Ольга Станиславовна, старший преподаватель кафедры английского языка, Пензенский государственный университет, Пенза, Россия.

Voyachek Olga Stanislavovna, senior teacher at the English Language department, Penza State University, Penza, Russia.

Галяшина Елена Игоревна, доктор юридических наук, доктор филологических наук, профессор, заместитель заведующего кафедрой судебных экспертиз, Московский государственный юридический университет им. О. Е. Кутафина (МГЮА), Москва, Россия.

Galyashina Elena Igorevna, Doctor of Law, Doctor of Philology, professor, vice-chair of the Department of forensic examination, Kutafin Moscow State Law University, Moscow, Russia

Гвелесиани Ирина, доктор филологических наук, ассоциированный профессор, Тбилисский государственный университет им. Ивана Джавахишвили, Тбилиси, Грузия.

Gvelesiani Irina, Doctor of Philology, associate professor, Ivan Javakhishvili Tbilisi State University, Tbilisi, Georgia.

Гейко Наталья Романовна, старший преподаватель кафедры филологии, Костанайский филиал Челябинского государственного университета, Костанай, Казахстан.

Geiko Natalya Romanovna, senior lecturer at the Department of philology, Kostanai branch of Chelyabinsk State University, Kostanai, Kazakhstan.

Головушкина Марина Владимировна, кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры английского языка, Пензенский государственный университет, Пенза, Россия.

Golovushkina Marina Vladimirovna, Candidate of pedagogical sciences, associate professor, associate professor at the English language department, Penza State University, Penza, Russia.

Гомес Касола Кения, мастер педагогических наук, доцент, преподаватель испанского языка и литературы, Университет Сиего де Авила им. Максима Гомеса, Сиего де Авила, Куба.

Gómez Casola Kenia, Master of pedagogical sciences, assistant professor, Spanish Literature professor at the University of Ciego de Avila "Máximo Gómez Báez", Ciego de Avila, Cuba.

Горелова Ирина Валерьевна, кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры учета, анализа и аудита, Волгоградский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Волгоград, Россия.

Gorelova Irina Valerievna, Candidate of economic sciences, associate professor, associate professor at the Department of accounting, analysis and audit, Volgograd branch of the Russian Presidential academy of national economy and public service, Volgograd, Russia.

Грек Марина Сергеевна, студент кафедры судебной экспертизы юридического факультета, Нижегородский национальный государственный университет им. Лобачевского, Нижний Новгород, Россия.

Grek Marina Sergeevna, student of the Department of forensic expertise at the Law Faculty at N. I. Lobachevsky State University, Nizhny Novgorod, Russia.

Гринько Елена Николаевна, преподаватель кафедры английского языка и межкультурной коммуникации, Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь, Россия.

Grinko Elena Nicolaevna, teacher at the Department of the English language and cross-cultural communication, Perm State National Research University, Perm, Russia.

Гришанина Анастасия Николаевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры теории журналистики и массовых коммуникаций, Институт «Высшая школа журналистики и массовых коммуникаций», Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия.

Grishanina Anastasia Nikolaevna, Candidate of philological sciences, associate professor at the Department of theory of journalism and mass communications, School of journalism and mass communications, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia.

Громова Наталья Сергеевна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры государственно-правовых и социальных дисциплин, Уральский институт коммерции и права, Екатеринбург, Россия.

Gromova Natalia Sergeevna, Candidate of philological sciences, associate professor, associate professor at the Department of state, legal and social disciplines, Ural institute of commerce and law, Ekaterinburg, Russia.

Данкова Наталья Станиславовна, старший преподаватель кафедры английского языка, Пензенский государственный университет, Пенза, Россия.

Dankova Natalia Stanislavovna, senior lecturer at the English Language Department, Penza State University, Penza, Russia.

Демидова Елена Николаевна, заместитель руководителя Управления Федеральной антимонопольной службы по Пензенской области, Пенза, Россия.

Demidov Elena Nikolaevna, Deputy Head of the Office of the Federal Antimonopoly Service in Penza region, Penza, Russia.

Долгополова Наталия Михайловна, юрисконсульт ООО «Ленбытхим», Санкт-Петербург, Россия.

Dolgopolova Natalia Michailovna, Legal advisor, Lenbytkhim Ltd., St. Petersburg, Russia.

Долгополова Татьяна Анатольевна, кандидат юридических наук, доцент Высшей школы юриспруденции и судебно-технической экспертизы, Гуманитарный институт, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, Санкт-Петербург, Россия.

Dolgopolova Tatyana Anatolievna, Candidate of legal sciences, associate professor at the Higher school of jurisprudence and forensic science at the Humanitarian Institute, St. Petersburg Polytechnic University named after Peter the Great, St. Petersburg, Russia.

Донскова Юлия Викторовна, кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры истории и теории литературы, Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет, Москва, Россия.

Donskova Yulia Viktorovna, Candidate of philological sciences, senior lecturer at the Department of history and theory of literature, Saint Tikhon's Orthodox University, Moscow, Russia.

Доронина Светлана Валерьевна, доцент кафедры общей и прикладной филологии, литературы и русского языка, Алтайский государственный университет; государственный судебный эксперт, Алтайская лаборатория судебной экспертизы Минюста России, Барнаул, Россия.

Doronina Svetlana Valerievna, Candidate of philological sciences, associate professor at the Department of general and applied philology, literature and the Russian language, Altai State University; Legal expert of the Altai Forensic Laboratory, Barnaul, Russia.

Дубровская Татьяна Викторовна, доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой английского языка, Пензенский государственный университет, Пенза, Россия; приглашенный профессор факультета политологии, Университет Бари им. Альдо Моро, Бари, Италия.

Dubrovskaya Tatiana Viktorovna, Dr. hab., Head of the English Language Department, Penza State University, Penza, Russia; Visiting professor at the Department of political sciences, Università degli Studi di Bari Aldo Moro, Bari, Italy.

Дугарева Елена Анатольевна, доктор педагогических наук, профессор, советник главного проректора, президент кафедры русского языка и культуры, Университет в Сиего де Авила, Сиего де Авила, Куба.

Dugareva Elena Anatolievna, Doctor of Pedagogy, professor, adviser to the chief Pro-Rector, president of the Department of the Russian Language and culture, the University of Ciego de Avila, Ciego de Avila, Cuba.

Дыбов Ян Борисович, магистрант юридического факультета, Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия.

Dybov Ian Borisovich, Master student of the Faculty of law, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia.

Зиёзода Ганджинаи Джоми, научный сотрудник, Научно-исследовательский институт образования им. Абдурахмана Джами Академии наук Республики Таджикистан, Душанбе, Республика Таджикистан.

Ziyozoda Ganjinaï Jomi, Researcher, the Research institute of education named after Abdurakhman Jami of the Academy of sciences of the Republic of Tajikistan, Dushanbe, Republic of Tajikistan.

Иванова Екатерина Сергеевна, кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры общей психологии Института психологии, Уральский государственный педагогический университет, Екатеринбург, Россия.

Ivanova Ekaterina Sergeevna, Candidate of psychological sciences, associate professor, associate professor at the Department of general psychology, at the Institute of psychology, Ural State Pedagogical university, Yekaterinburg, Russia.

Игнаткина Анастасия Львовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка, Саратовская государственная юридическая академия, Саратов, Россия.

Ignatkina Anastasia Lvovna, Candidate of philological sciences, associate professor at the English language department, Saratov State Law Academy, Saratov, Russia.

Ильина Юлия Николаевна, кандидат филологических наук доцент, доцент кафедры русской филологии, Сыктывкарский государственный университет им. Питирима Сорокина, Сыктывкар, Россия.

Irina Yulia Nikolaevna, Candidate of philological sciences, associate professor, associate professor at the Department of Russian philology, Syktyvkar State University named after Pitirim Sorokin, Syktyvkar, Russia.

Канакина Галина Ивановна, кандидат педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка и методики преподавания русского языка, Педагогический институт им. В. Г. Белинского, Пензенский государственный университет, Пенза, Россия.

Kanakina Galina Ivanovna, Candidate of pedagogical sciences, professor, Head of the Department of the Russian language and methods of teaching the Russian language, Pedagogical Institute named after V. G. Belinsky, Penza State University, Penza, Russia.

Канева Наталья Александровна, студент кафедры русской филологии Института гуманитарных наук, Сыктывкарский государственный университет им. Питирима Сорокина, Сыктывкар, Россия.

Kaneva Natalia Alexandrovna, philology student, Syktyvkar State University named after Pitirim Sorokin, Syktyvkar, Russia.

Капустина Мария Александровна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории и истории государства и права, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия.

Kapustina Maria Aleksandrovna, Candidate of legal sciences, associate professor, associate professor at the Department of theory and history of the state and law, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia.

Карасёва Татьяна Николаевна, кандидат юридических наук, академик Международной академии информатизации, адвокат адвокатской консультации № 11 филиала Межреспубликанской коллегии адвокатов, Пенза, Россия.

Karaseva Tatiana Nikolaevna, Candidate of legal sciences, academician of the International academy of informatization, lawyer of Legal firm No. 11, the Inter-republican Bar Association, Penza, Russia.

Карнишина Наталья Геннадьевна, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории Отечества, государства и права, Пензенский государственной университет, Пенза, Россия.

Karnishina Natalia Gennadievna, Doctor of History, professor, professor at the Department of domestic history, and the history of the state and law, Penza State University, Penza, Russia.

Катомина Виктория Александровна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин, Пензенский государственный университет, Пенза, Россия.

Katomina Victoria Aleksandrovna, Candidate of legal sciences, associate professor, associate professor at the Department of state legal disciplines, Penza State University, Penza, Russia.

Катышев Павел Алексеевич, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры общего и русского языкознания, Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина, Москва, Россия.

Katyshev Pavel Alekseevich, Doctor of Philology, professor, professor at the Department of general and Russian linguistics, Pushkin State Russian Language Institute, Moscow, Russia.

Коваль Екатерина Александровна, доктор филологических наук, доцент, Средне-Волжский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), Саранск, Россия.

Koval Ekaterina Alexandrovna, Doctor of Philology, associate professor, Middle-Volga Institute (branch of All-Russian State University of Justice), Saransk, Russia.

Козюк Михаил Николаевич, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории и истории права и государства, Волгоградский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Волгоград, Россия.

Kozuk Mikhail Nikolaevich, Candidate of legal sciences, associate professor at the Department of theory and history of the state and law, Volgograd institute of management of the Russian academy of national economy and public administration under the President of the Russian Federation, Volgograd, Russia.

Кондратьева Ирина Александровна, учитель русского языка и литературы, классическая гимназия № 1 им. В. Г. Белинского, Пенза, Россия.

Kondratieva Irina Aleksandrovna, teacher of the Russian language and literature, gymnasium № 1 named after V. G. Belinsky, Penza, Russia.

Корнева Елена Станиславовна, старший преподаватель кафедры международного права, Гродненский государственный университет им. Янки Купалы, Гродно, Республика Беларусь.

Korneva Elena Stanislavovna, Senior lecturer at the Department of international law, Yanka Kupala State University of Grodno, Grodno, Republic of Belarus.

Корнеева Людмила Леонидовна, кандидат философских наук, доцент; Нежинский государственный университет им. Николая Гоголя, Нежин, Украина.

Korneyeva Lyudmila Leonidovna, Candidate of philosophical sciences, associate professor; Nizhyn State University named after N. Gogol, Nizhyn, Ukraine.

Кудашев Игорь Станиславович, доктор философии, доцент (Хельсинкский университет), старший преподаватель русского языка и перевода, Факультет коммуникационных наук, Университет Тампере, Тампере, Финляндия.

Kudashev Igor Stanislavovich, Doctor of Philosophy, associate professor (University of Helsinki), university lecturer (Russian Language and Translation Studies), the Faculty of communication sciences, University of Tampere, Tampere, Finland.

Кузнецова Алёна Анатольевна, аспирант Института филологии, журналистики и межкультурной коммуникации, Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия.

Kuznetsova Alena Anatolevna, post-graduate student of the Institute of philology, journalism and intercultural communication, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia.

Кузнецова Оксана Николаевна, руководитель Управления Федеральной антимонопольной службы по Пензенской области, Пенза, Россия.

Kuznetsova Oksana Nikolaevna, Head of the Office of the Federal Antimonopoly Service in Penza Region, Penza, Russia.

Кузьминская Светлана Игоревна, кандидат, филологических наук, доцент, доцент кафедры философии, Институт права и национальной безопасности, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Москва, Россия.

Kuzminskaya Svetlana Igorevna, Candidate of philological sciences, associate professor at the Department of philosophy, the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia.

Курьянова Ирина Владимировна, заместитель начальника отдела лингвистических исследований, Московский исследовательский центр, Департамент региональной безопасности и противодействия коррупции Москвы, Москва, Россия.

Kuryanova Irina Vladimirovna, Deputy chief of the Linguistic Research Department, Moscow Research Center, Moscow's Regional Security and Anti-Corruption Department, Moscow, Russia.

Кушнерук Светлана Леонидовна, доктор филологических наук, доцент, доцент кафедры английской филологии, Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет, Челябинск, Россия.

Kushneruk Svetlana Leonidovna, Doctor of Philology, associate professor, associate professor at the Department of English philology, South Ural State Humanitarian and Pedagogical University, Chelyabinsk, Russia.

Кушнир Ольга Николаевна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русской филологии, директор Института гуманитарных наук, Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина, Сыктывкар, Республика Коми.

Kushnir Olga Nikolaevna, Doctor of Philology, associate professor, professor at the Department of Russian philology; Director of the Institute for human sciences, Pitirim Sorokin Syktyvkar State University, Syktyvkar, Komi Republic.

Лебедева Антонина Константиновна, кандидат юридических наук, преподаватель кафедры судебных экспертиз, Московский государственный юридический университет им. О. Е. Кутафина; директор экспертного центра Автономной некоммерческой организации «Содружество экспертов Московской государственной юридической академии им. О. Е. Кутафина (МГЮА), Москва, Россия.

Lebedeva Antonina Konstantinovna, Candidate of legal sciences, lecturer at the Department of forensic science, Kutafin Moscow State Law University; Director of the forensic science center, Kutafin Moscow State Law University, Moscow, Russia.

Лесневская Димитрина Спасова, кандидат филологических наук, доцент, Университет национального и мирового хозяйства, София, Болгария.

Lesnevskaya Dimitrina Spasova, Candidate of philological sciences, associate professor, the University of National and World Economy, Sofia, Bulgaria.

Малюка Анна Алексеевна, аспирант кафедры германистики и лингводидактики, Институт иностранных языков, Московский государственный педагогический университет, Москва, Россия.

Malyuka Anna Alekseevna, postgraduate student of the Department of German philology and didactics at the Institute of Foreign languages, Moscow State Pedagogical University, Moscow, Russia.

Медушевская Наталья Федоровна, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры философии, Московский университет МВД России им. В. Я. Кикотя, Москва, Россия.

Medushevskaya Natalya Fedorovna, Doctor of Law, associate professor, professor at the Department of philosophy, Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after Vladimir Kikot, Moscow Russia.

Мельникова Любовь Александровна, кандидат филологических наук, преподаватель, Балашовский институт (филиал) Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского, Балашов, Россия.

Melnikova Lyubov Alexandrovna, Candidate of philological sciences, lecturer, Saratov State University (Balashov branch), Balashov, Russia.

Месропян Лилит Месроповна, кандидат филологических наук, доцент кафедры теории языка и русского языка, Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону; директор Автономной некоммерческой организации «Центр судебных лингвокриминалистических экспертиз и гуманитарно-прикладных исследований «ЛИНГВОСУДЭКСПЕРТ», Ростов-на-Дону, Россия.

Mesropyan Lilit Mesropovna, Candidate of philological sciences, associate professor at the Department of the Russian language and Russian language theory, Southern Federal University; Director of the Autonomous Non-Profit Organization "Center for Forensic Linguistic Expert Examinations and Humanitarian and Applied Research "LINGVO-SUDEKSPERT", Rostov-on-Don, Russia.

Мещерякова Лариса Александровна, кандидат филологических наук, доцент кафедры литературы и методики преподавания литературы, Пензенский государственный университет, Пенза, Россия.

Meshcheryakova Larisa Alexandrovna, Candidate of philological sciences, associate professor at the Department of literature and methods of teaching literature, Penza State University, Penza, Russia.

Милаева Оксана Всеволодовна, кандидат исторических наук, доцент кафедры философии и социальной коммуникации, Пензенский государственный университет, Пенза, Россия.

Milaeva Oksana Vsevolodovna, Candidate of historical sciences, associate professor at the Department of philosophy and social communications, Penza State University, Penza, Russia.

Мингажева Елена Александровна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры делового иностранного языка, факультет лингвистики и перевода, Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия.

Mingazheva Elena Aleksandrovna, Candidate of pedagogical sciences, associate professor at the Department of business language, the Faculty of linguistics and translation, Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia.

Михайлов Михаил Николаевич, доктор философии, профессор переводоведения (русский и финский), Факультет коммуникационных наук, Университет Тампере, Тампере, Финляндия.

Mikhailov Mikhail Nikolevich, Doctor of Philosophy, Professor of translation studies (Russian and Finnish), the Faculty of communication sciences, University of Tampere, Tampere, Finland.

Моисеев Артем Валерьевич, преподаватель кафедры общей и юридической психологии, Калужский государственный университет им. К. Э. Циолковского, Калуга, Россия.

Moiseev Artem Valerevich, lecturer at the Department of general and legal psychology, Kaluga State University named after K. Tsiolkovsky, Kaluga, Russia.

Моисеева Ирина Геннадьевна, кандидат психологических наук, старший преподаватель кафедры общей и юридической психологии, Калужский государственный университет им. К. Э. Циолковского, Калуга, Россия.

Moiseeva Irina Gennadievna, Candidate of psychological sciences, senior lecturer at the Department of general and legal psychology, Kaluga State University named after K. E. Tsiolkovsky, Kaluga, Russia.

Мороз Марина Андреевна, магистрант Института филологии, журналистики и межкультурной коммуникации, Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия.

Moroz Marina Andreevna, graduate student of the Institute of philology, journalism and intercultural communication, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia.

Морозов Сергей Дмитриевич, доктор исторических наук, профессор кафедры истории и философии, Пензенский государственный университет архитектуры и строительства, Пенза, Россия.

Morozov Sergey Dmitrievich, Doctor of History, professor at the Department of history and philosophy, Penza State University of Architecture and Construction, Penza, Russia.

Мухтори Кутбиддин, кандидат филологических наук, доцент кафедры печатных СМИ, Таджикский национальный университет, Душанбе, Республика Таджикистан.

Mukhtori Kutbiddin, Candidate of philological sciences, associate professor at the Department of print media, Tajik National University, Dushanbe, Republic of Tajikistan.

Надеина Татьяна Михайловна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры судебных экспертиз, Московский государственный юридический университет им. О. Е. Кутафина (МГЮА), Москва, Россия.

Nadeina Tatyana Mikhailovna, Doctor of Philology, professor, professor at the Department of forensic expertise, Kutafin Moscow State Law University, Moscow, Russia.

Наср Мария, доктор философии, доцент кафедры лингвистики и переводоведения, Баламандский университет, Аль Кура, Ливан.

Nasr Maria, Doctor of Philosophy, associate professor at the Department of linguistics and translation studies, Balamand University, Al Kura, Lebanon.

Наумова Екатерина Сергеевна, магистрант юридического факультета, Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия.

Naumova Ekaterina Sergeevna, master student of the Law faculty, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia.

Никишин Владимир Дмитриевич, ассистент кафедры судебных экспертиз, Университет им. О. Е. Кутафина (МГЮА), Москва, Россия.

Nikishin Vladimir Dmitrievich, Assistant professor at the Department of forensic expertise, Kutafin Moscow State Law University, Moscow, Russia.

Николаев Борис Викторович, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права, Пензенский государственный университет, Пенза, Россия.

Nikolaev Boris Victorovich, Candidate of historical sciences, associate professor, associate professor at the Department of criminal law, Penza State University, Penza, Russia.

Новрузов Рафик Манаф оглу, доктор филологических наук, профессор, академик Академии педагогических и социальных наук (РФ), проректор по научной работе, Бакинский славянский университет, Баку, Азербайджан.

Novruzov Rafik Manaf oglu, Doctor of Philology, professor, academician of the Academy of pedagogical and social sciences (Russia), Vice-Rector for research, Baku Slavic University, Baku, Azerbaijan.

Новрузова Гюльнара Фикреткызы, кандидат педагогических наук, доцент кафедры практического русского языка, Бакинский славянский университет, Баку, Азербайджан.

Novruzova Gyulnara Fikret kyzy, Candidate of pedagogical sciences, associate professor at the Department of practical Russian language, Baku Slavic University, Baku, Azerbaijan.

Огорелков Игорь Витальевич, начальник отдела лингвистических исследований, Московский Исследовательский Центр, Москва, Россия.

Ogorelkov Igor Vitalievich, Head of the Department of linguistic studies, Moscow Research Center, Moscow, Russia.

Павлова Наталия Анатольевна, кандидат педагогических наук, заведующий кафедрой иностранных языков, Пензенский государственный университет, Пенза, Россия.

Pavlova Natalia Anatolievna, Candidate of pedagogical sciences, Head of the Department of foreign languages, Penza State University, Penza, Russia.

Панина Наталия Алексеевна, аспирант кафедры судебных экспертиз, Московский государственный юридический университет им. О. Е. Кутафина (МГЮА), Москва, Россия.

Panina Nataliya Alexeevna, postgraduate student of the Department of forensic expertise, Kutafin Moscow State Law University, Moscow, Russia.

Пенчева Антония Иванова, кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры иностранных языков и прикладной лингвистики, Университет национального и мирового хозяйства, София, Болгария.

Pencheva Antonia Ivanova, Candidate of philological sciences, senior lecturer at the Department of foreign languages and applied linguistics, the University of National and World Economy, Sofia, Bulgaria.

Перепелкина Лариса Петровна, кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры литературы и методики преподавания литературы, Пензенский государственный университет, Пенза, Россия.

Perepyolkina Larisa Petrovna, Candidate of pedagogical sciences, associate professor, associate professor at the Department of literature and methods of teaching literature, Penza State University, Penza, Russia.

Петропавловский Андрей Евгеньевич, учитель русского языка и литературы, Вечерняя (сменная) общеобразовательная школа, Пенза, Россия.

Petropavlovsky Andrei Evgenevich, teacher of the Russian language and literature, Evening comprehensive school, Penza, Russia.

Попова Людмила Викторовна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры филологии, Миасский филиал, Челябинский государственный университет, Миасс, Россия.

Popova Lyudmila Victorovna, Candidate of philological sciences, associate professor at the Department of philology, Miass branch Chelyabinsk State University, Miass, Russia.

Плотникова Светлана Николаевна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры английской филологии, Иркутский государственный университет, Иркутск, Россия.

Plotnikova Svetlana Nikolaevna, Doctor of Philology, professor, professor at the Department of English philology, Irkutsk State University, Irkutsk, Russia.

Пранцова Галина Васильевна, кандидат педагогических наук, профессор кафедры литературы и методики преподавания литературы, Пензенский государственный университет, Пенза, Россия.

Prantsova Galina Vasilievna, Candidate of pedagogical sciences, professor at the Department of literature and methods of its teaching, Penza State University, Penza, Russia.

Прето Гальван Йисель, специалист по английскому и французскому языку, преподаватель английского языка, Университет в Сиего де Авила, Сиего де Авила, Куба.

Prieto Galbán Yissell, English and French professor at the Department of interpreting and translation, the University of Ciego de Avila "Máximo Gómez Báez", Ciego de Ávila, Cuba.

Привалова Ирина Владимировна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русского и латинского языков, Саратовский государственный медицинский университет им. В. И. Разумовского, Саратов, Россия.

Privalova Irina Vladimirovna, Doctor of Philology, associate professor, professor at the Department of the Russian and Latin languages, Saratov State Medical University named after V. I. Razumovskii, Saratov, Russia.

Романцова Татьяна Дмитриевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры журналистики и медиаменеджмента института филологии, иностранных языков и медиакоммуникации, Иркутский государственный университет, Иркутск, Россия.

Romantsova Tatyana Dmitrievna, Candidate of philological sciences, associate professor at the Department of journalism and media management at the Institute of philology, foreign languages and media communications, Irkutsk State University, Irkutsk, Russia.

Ростовская Наталия Евгеньевна, магистрант юридического факультета, Пензенский государственный университет, г. Пенза, Россия.

Rostovskaia Natalia Evgenevna, master student of the Law faculty, Penza State University, Penza, Russia.

Сааков Тигран Артёмович, заведующий учебно-экспертной лабораторией кафедры судебных экспертиз, аспирант кафедры судебных экспертиз, Московский государственный юридический университет им. О. Е. Кутафина (МГЮА), Москва, Россия.

Saakov Tigran Artemovich, Head of the educational and expert laboratory at the Department of forensic expertise; post-graduate student of the Department of forensic expertise, Kutafin Moscow State Law University, Moscow, Russia.

Сапина Ирина Алексеевна, магистрант юридического факультета, Южный Федеральный Университет, Ростов-на-Дону, Россия.

Sapina Irina Alekseevna, master student of the Law faculty, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia.

Сверчков Владимир Викторович, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права, Нижегородская академия МВД России, Нижний Новгород, Россия.

Sverchkov Vladimir Viktorovich, Doctor of Law, associate professor, professor at the Department of criminal and penal law, Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Nizhny Novgorod, Russia.

Семянкова Ольга Ивановна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры информационного обеспечения управления, Пензенский государственный университет, эксперт АНО «Пензенский независимый центр судебных экспертиз и исследований», Пенза, Россия.

Semyankova Olga Ivanovna, Candidate of philological sciences, associate professor, associate professor at the Department of information management, Penza State University, expert of Penza independent center for forensic expertise, Penza, Russia.

Серегин Андрей Викторович, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории и истории государства и права, Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия.

Seregin Andrey Viktorovich, Candidate of legal sciences, associate professor at the Department of theory and history of the state and law, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia.

Сиушкин Альберт Евгеньевич, кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры теории государства и права и политологии, Пензенский государственный университет, Пенза, Россия.

Siushkin Albert Evgenevich, Candidate of sociological sciences, associate professor at the Department of state and law theory and political sciences, Penza State University, Penza, Russia.

Слободнюк Сергей Леонович, доктор философских наук, доктор филологических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, профессор кафедры литературы и русского языка Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина, Санкт-Петербург, Россия.

Slobodnyuk Sergey Leonovich, Doctor of Philosophy, Doctor of Philology, professor, honoured person of science of the Russian Federation, professor at the Department of literature and the Russian language, Pushkin Leningrad State University, St. Petersburg, Russia.

Соколова Татьяна Петровна, кандидат филологических наук, доцент кафедры судебных экспертиз, Московский государственный юридический университет им. О. Е. Кутафина (МГЮА), Москва, Россия.

Sokolova Tatiana Petrovna, Candidate of philological sciences, associate professor at the Department of forensic examinations, Kutafin Moscow State Law University, Moscow, Russia.

Соума Юлия Владимировна, докторант программы «Лингвистика и иностранные языки», Факультет коммуникационных наук, Университет Тампере, Тампере, Финляндия.

Souma Julia, Doctoral student of the Doctoral programme in language studies, the Faculty of communication sciences, University of Tampere, Tampere, Finland.

Тагильцева Юлия Ринатовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры рекламы и связей с общественностью, Уральский государственный педагогический университет, Екатеринбург, Россия.

Tagiltseva Yulia Rinatovna, Candidate of philological sciences, associate professor at the Department of advertising and PR, Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia.

Тактарова Светлана Викторовна, кандидат экономических наук, доцент, заведующий кафедрой менеджмента и экономической безопасности, Пензенский государственный университет, Пенза, Россия.

Taktarova Svetlana Viktorovna, Candidate of economic sciences, associate professor, Head of the Department of management and economic security, Penza State University, Penza, Russia.

Туктарова Гузель Мансуровна, кандидат филологических наук, доцент кафедры языкознания и иностранных языков, Казанский филиал Российского государственного университета правосудия, Казань, Россия.

Tuktarova Guzel Mansurovna, Candidate of philological sciences, associate professor at the Department of linguistics and foreign languages, Kazan branch of the Russian University of Justice, Kazan, Russia.

Туранин Владислав Юрьевич, доктор юридических наук, профессор кафедры теории и истории государства и права, Белгородский государственный национальный исследовательский университет; председатель постоянной комиссии по нормотворческой деятельности, вопросам местного самоуправления и депутатской этике земского собрания «Дубовское сельское поселение» Белгородского района Белгородской области, Белгород, Россия.

Turanin Vladislav Yurevich, Doctor of Law, professor at the Department of theory and history of the state and law, Belgorod State National Research University; Chairman of the standing committee on norm-setting activity, local self-government and deputy ethics of Zemstvo Assembly "Dubovskoe rural settlement", Belgorod, Russia.

Удавихина Валерия Константиновна, начальник отдела кадров и государственной службы Арбитражного суда Пензенской области, Пенза, Россия.

Udavihina Valeriya Konstantinovna, Head of the personnel and civil service department of the Arbitration Court of Penza Region, Penza, Russia.

Уланович Оксана Ивановна, кандидат психологических наук, доцент кафедры теории и практики перевода, факультета, социокультурных коммуникаций, Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.

Ulanovich Oksana Ivanovna, candidate of psychological sciences, associate professor at the Department of theory and practice of translation, the Faculty of social and cultural communications, Belarusian State University, Minsk, Belarus.

Февралева Александра Евгеньевна, магистрант Института филологии, журналистики и межкультурной коммуникации, Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия.

Fevraleva Alexandra Evgenevna, master student of the Institute of philology, journalism and intercultural communication, South Federal University, Rostov-on-Don, Russia.

Флеонова Ольга Леонидовна, кандидат филологических наук, профессор-ассистент кафедры английского языка и литературы, университет Баламанд, Триполи, Ливан.

Fleonova Olga Leonidovna, Candidate of philological sciences, assistant professor at the Department of the English language and literature, University of Balamand, Tripoli, Lebanon.

Фомичева Анастасия Викторовна, студент отделения фундаментальной и прикладной лингвистики Гуманитарного института, Новосибирский государственный университет, Новосибирск, Россия.

Fomicheva Anastasiya Viktorovna, student of the Department of fundamental and applied linguistics at the Humanitarian Institute, Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russia.

Хамзяева Юлия Радиковна, кандидат юридических наук, доцент кафедры административного права, административной деятельности и управления ОВД, Казанский юридический институт МВД России, Казань, Россия.

Khamzyaeva Julia Radikovna, Candidate of legal sciences, associate professor at the Department of administrative law and administrative activities at Kazan law institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Kazan, Russia.

Ханзафарова Диля Линаровна, заведующий специальным экспертным подразделением, государственный судебный эксперт, Средне-Волжский региональный центр судебной экспертизы Минюста России, Казань, Россия.

Khanzafarova Dilya Linarovna, Head of the expert department, state judicial expert of the Middle-Volga Regional Center for Forensic Expertise of the Ministry of Justice of Russia, Kazan, Russia

Хацук Жанна Васильевна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры международного права юридического факультета, Гродненский государственный университет им. Я. Купалы, Гродно, Республика Беларусь.

Khatsuk Zhanna Vasilievna, Candidate of legal sciences, associate professor, associate professor at the Department of international law, Grodno State University named after Yanka Kupala, Grodno, Republic of Belarus.

Хоменко Анна Юрьевна, магистр информатики и прикладной математики, аспирант, преподаватель факультета гуманитарных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»; эксперт-лингвист, ООО «Центр экспертизы и оценки «ЕСИН», Нижний Новгород, Россия.

Khomenko Anna Yurievna, Master of informatics and applied mathematics, post-graduate student, lecturer at the Humanities Department, the National Research University "Higher School of Economics"; forensic language expert of the Expertise and Estimate Center, Nizhny Novgorod, Russia.

Хънгов Владимир Стоев, доктор филологических наук, доцент кафедры русистики, Великотырновский университет им. святых Кирилла и Мефодия, Велико-Тырново, Болгария.

Hntov Vladimir Stoev, Doctor of Philology, associate professor, associate professor at the Department of Russian studies, Veliko Tarnovo University named after Saints Cyril and Methodius, Veliko Tarnovo, Bulgaria.

Цакова Ивка Некова, доктор политологии, доцент кафедры политологии факультет международной экономики и политики, Университет национального и мирового хозяйства, София, Болгария.

Tsakova Ivka Nekova, Doctor of Political Sciences, associate professor at the Department of political sciences, the Faculty of international economics and politics, the University of National and World Economy, Sofia, Bulgaria.

Цолмон Ширнэн, кандидат филологических наук, заведующий кафедрой русского языка Института социально-гуманитарных наук, Монгольский государственный университет образования, Улан-Батор, Монголия.

Tsolmon Shirnen, Candidate of philological sciences, Head of the Department of the Russian Language at the Institute of social and human sciences, Mongolian State University of Education, Ulan Bator, Mongolia.

Черненко Светлана Васильевна, кандидат философских наук, доцент, доцент Института гуманитарных наук и управления, Московский городской педагогический университет, Москва, Россия.

Chernenkaya Svetlana Vasilievna, Candidate of philosophical sciences, associate professor, associate professor at the Institute of humanities and management, Moscow City University, Moscow, Russia.

Чубина Елена Александровна, кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры судебных экспертиз, Московский государственный юридический университет им. О. Е. Кутафина (МГЮА), Москва, Россия.

Chubina Elena Aleksandrovna, Candidate of pedagogical sciences, associate professor, associate professor at the Department of forensic expertise, Kutafin Moscow State Law University, Moscow, Russia.

Чудинов Анатолий Прокопьевич, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой межкультурной коммуникации, риторики и русского языка как иностранного, Уральский государственный педагогический университет, Екатеринбург, Россия.

Chudinov Anatoly Prokopievich, Doctor of Philology, professor, Head of the Department of intercultural communication, rhetoric and Russian as a foreign language, Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia.

Шавлюк Валентина Борисовна, кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры современного русского языка и общего языкознания, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского, Нижний Новгород, Россия.

Shavluk Valentina Borisovna, Candidate of philological sciences, senior lecturer at the Department of modern Russian language and general linguistics, the National research Nizhny Novgorod State University named after N. I. Lobachevsky, Nizhny Novgorod, Russia.

Шестакова Екатерина Владимировна, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков, Военно-научный центр Военно-воздушной академии им. Н. Е. Жуковского и Ю. А. Гагарина (филиал Челябинск), Челябинск, Россия.

Shestakova Ekaterina Vladimirovna, Candidate of philological sciences, senior teacher at the Department of foreign languages, the Military Academic Scientific Centre, Military Air Force Academy (Chelyabinsk Branch), Chelyabinsk, Russia

Юдина Анна Александровна, студент юридического факультета, Нижегородский национальный государственный университет им. Н. И. Лобачевского, Нижний Новгород, Россия.

Yudina Anna Alexandrovna, student of the Law faculty, N. I. Lobachevsky State University, Nizhny Novgorod, Russia.

СОДЕРЖАНИЕ

Направление 1. ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА ТЕКСТОВ РАЗЛИЧНЫХ ФУНКЦИОНАЛЬНЫХ ТИПОВ

Абрамкина Е. Е. ОСОБЕННОСТИ АВТОРОВЕДЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ ВТОРИЧНЫХ ЖАНРОВ ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ДОКУМЕНТОВ.....	3
Баранов А. Н. ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЕ ПРАВОМ КАК ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН.....	7
Белоконь Н. В. ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА ПРОЕКТОВ НОРМАТИВНЫХ ПРАВОВЫХ АКТОВ В СУБЪЕКТАХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	11
Бондаренко Е. Н. ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА ТЕКСТОВ ПО АНТИКОРРУПЦИОННЫМ ДЕЛАМ: ФОРМУЛИРОВКА ВОПРОСОВ, УСТАНОВЛЕНИЕ КОНТЕКСТА И СЕМАНТИКА КЛЮЧЕВЫХ СЛОВ.....	16
Борисова Е. Г. ЧТО ВОЗБУЖДАЕТ НЕНАВИСТЬ? ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ЭКСТРЕМИСТСКОЙ КОММУНИКАЦИИ.....	20
Ворошилова М. Б., Чудинов А. П. ИССЛЕДОВАНИЕ МЕТАФОРЫ В РАМКАХ СУДЕБНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ	23
Галяшина Е. И. КВАЛИФИКАЦИОННЫЕ И ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ ТРЕБОВАНИЯ К ЭКСПЕРТУ ПО СУДЕБНОЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЕ: ЛИНГВИСТ-ЭКСПЕРТ ИЛИ ЭКСПЕРТ-ЛИНГВИСТ?	27
Грек М. С. ФЕНОМЕН УГРОЗЫ В ЭКСПЕРТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЛИНГВИСТА.....	333
Гришанина А. Н. СТРАТЕГИИ АНТИЭКСТРЕМИЗМА В МЕДИАСФЕРЕ: ПСИХОЛОГИЯ ПРОТЕСТА И КОНСОЛИДАЦИИ.....	36
Доронина С. В. РЕЧЕВОЙ ЭКСТРЕМИЗМ В БЫТОВОЙ МЕЖЛИЧНОСТНОЙ КОММУНИКАЦИИ.....	39
Катышев П. А. КОГНИТИВНО-ДИСКУРСИВНАЯ МОДЕЛЬ ВОВЛЕЧЕНИЯ В ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ РАДИКАЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ (НА МАТЕРИАЛЕ СУДЕБНЫХ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ЭКСПЕРТИЗ).....	43
Коваль Е. А. РИТОРИКА НЕНАВИСТИ И СВОБОДА ВЫРАЖЕНИЯ МНЕНИЙ: КОМПРОМИСС ИЛИ КОНСЕНСУС?	47
Кузнецова А. А. ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ ФЕНОМЕНЫ В ПРОПАГАНДЕ НАСИЛИЯ И ЖЕСТОКОСТИ	51
Курьянова И. В. МЕТОДЫ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ ПРИ УСТАНОВЛЕНИИ КОММУНИКАТИВНОГО НАМЕРЕНИЯ ГОВОРЯЩЕГО.....	55
Лебедева А. К. К ВОПРОСУ О ФОРМУЛИРОВАНИИ ВЫВОДОВ ЭКСПЕРТА В ВЕРОЯТНОЙ ФОРМЕ В СУДЕБНОЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЕ	60
Малюка А. А. ВЕРБАЛЬНОЕ ОСКОРБЛЕНИЕ: ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ И ПРАВОВОЙ АСПЕКТЫ	63
Месропян Л. М. МАТЕРИАЛЫ ПО ДЕЛАМ О РЕЛИГИОЗНОМ ЭКСТРЕМИЗМЕ: ПРОБЛЕМЫ МОНИТОРИНГА И ЭКСПЕРТНОЙ ОЦЕНКИ ИСЛАМСКОГО ДИСКУРСА	66
Моисеев А. В. РЕЧЕВОЕ ПОВЕДЕНИЕ КАК ПРЕДМЕТ КОМПЛЕКСНОЙ СУДЕБНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ	69

Моисеева И. Г. ОСОБЕННОСТИ ВЫЯВЛЕНИЯ ПОДГОТОВЛЕННОСТИ ПОКАЗАНИЙ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ.....	72
Мороз М. А. ПРОПАГАНДА СУИЦИДА В СОЦИАЛЬНОЙ СЕТИ: ПРАГМАЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ.....	74
Никишин В. Д. ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СПЕЦИАЛЬНЫХ ПЕРЕВОДЧЕСКИХ ЗНАНИЙ В СУДЕБНОЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЕ МАТЕРИАЛОВ РЕЛИГИОЗНОГО ХАРАКТЕРА ЭКСТРЕМИСТСКО-ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ	83
Огорелков И. В. ИССЛЕДОВАНИЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ХАРАКТЕРИСТИК ПИСЬМЕННОГО ТЕКСТА ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА С ЦЕЛЬЮ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПОЛА АВТОРА	88
Панина Н. А. СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ СУДЕБНОЙ АВТОРОВЕДЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ В РОССИИ И ЗА РУБЕЖОМ	92
Плотникова С. Н. ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА НЕИСКРЕННОСТИ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ.....	95
Сааков Т. А. К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ ХАРАКТЕРИСТИК АВТОРА В СУДЕБНОЙ АВТОРОВЕДЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЕ.....	99
Семянкова О. И. К ВОПРОСУ АКТУАЛЬНОГО ЧЛЕНЕНИЯ ПРЕДЛОЖЕНИЯ И ЕГО СЕМАНТИЧЕСКОЙ НЕОДНОЗНАЧНОСТИ (ИЗ ОПЫТА ЭКСПЕРТНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ).....	103
Тагильцева Ю. Р. КАТЕГОРИЯ ПОБУДИТЕЛЬНОСТИ И РЕЧЕВЫЕ АКТЫ УГРОЗЫ В ЮРИДИЧЕСКИХ ДОКУМЕНТАХ, СОДЕРЖАЩИХ РЕШЕНИЯ ИНДИВИДУАЛЬНОГО ХАРАКТЕРА (ИЗ ПРАКТИКИ СУДЕБНЫХ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ЭКСПЕРТИЗ)	108
Февралева А. Е. ИНВЕКТИВНЫЕ ОККАЗИОНАЛИЗМЫ КАК ОБЪЕКТ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ	113
Фомичева А. В. ОПРЕДЕЛЕНИЕ ЖАНРОВЫХ ЧЕРТ ИСКОВЫХ ЗАЯВЛЕНИЙ КАК ОСНОВА ИХ АВТОРОВЕДЧЕСКОГО АНАЛИЗА	117
Ханзафарова Д. Л., Абитов И. Р. НАЦИОНАЛЬНЫЙ ВОПРОС В РЕСПУБЛИКЕ ТАТАРСТАН: БОРЬБА ТАТАР ЗА СВОИ ПРАВА ИЛИ ЭКСТРЕМИЗМ?.....	120
Хоменко А. Ю. АТРИБУЦИЯ ТЕКСТОВ МАЛОГО ОБЪЕМА. СТАТИСТИЧЕСКИЕ ЗАКОНОМЕРНОСТИ	123
Юдина А. А. РЕЧЕВОЙ АКТ ПРИЗЫВА В СПОРНЫХ ТЕКСТАХ ЭКСТРЕМИСТСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ.....	128

**Направление 2. РЕКЛАМНЫЙ ТЕКСТ КАК ОБЪЕКТ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО
ИССЛЕДОВАНИЯ И ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ. ПРОБЛЕМЫ
ГОСУДАРСТВЕННОГО КОНТРОЛЯ В СФЕРЕ РЕКЛАМЫ**

Айтмагамбетова М. Б. ВЕРБАЛЬНЫЕ И НЕВЕРБАЛЬНЫЕ СРЕДСТВА В АУДИОВИЗУАЛЬНОЙ РЕКЛАМЕ КАЗАХСТАНА: ЭТИЧЕСКИЙ И ПРАВОВОЙ АСПЕКТЫ.....	132
Балашова Г. В. ЯЗЫК РЕКЛАМЫ И МАРКЕТИНГА (НА ПРИМЕРЕ НЕМЕЦКОЙ ПРЕССЫ).....	136
Карнишина Н. Г. ПРОБЛЕМЫ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ НОРМАТИВНОГО И ОРГАНИЗАЦИОННОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО КОНТРОЛЯ КОММЕРЧЕСКОЙ РЕКЛАМЫ	139

Кузнецова О. Н., Демидова Е. Н. ПРАКТИКА РЕАЛИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОГО КОНТРОЛЯ РЕКЛАМЫ В ПЕНЗЕНСКОЙ ОБЛАСТИ ПРАКТИКА РЕАЛИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОГО КОНТРОЛЯ РЕКЛАМЫ В ПЕНЗЕНСКОЙ ОБЛАСТИ	142
Кушнерук С. Л. МИРОМОДЕЛИРУЮЩИЙ ПОТЕНЦИАЛ ЗНАНИЙ В РЕКЛАМНОМ ДИСКУРСЕ: РАЗНОВИДНОСТИ ТЕКСТОВЫХ МИРОВ.....	146
Милаева О. В., Сиушкин А. Е., Морозов С. Д. К ВОПРОСУ О МЕТОДОЛОГИИ СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА РЕКЛАМНОГО ТЕКСТА	149
Надеина Т. М., Чубина Е. А. «ГАРАНТИЯ ПОЛОЖИТЕЛЬНОГО ДЕЙСТВИЯ» ИЛИ «УКАЗАНИЕ НА ЛЕЧЕБНЫЕ СВОЙСТВА»: СПОРЫ ВОКРУГ РЕКЛАМЫ ЛЕКАРСТВЕННЫХ СРЕДСТВ	155
Ростовская Н. Е., Милаева О. В. К ВОПРОСУ О РЕЧЕВЫХ СТРАТЕГИЯХ КОНТЕНТ-МАРКЕТИНГА КАК ИНСТРУМЕНТА ИНТЕРНЕТ-КОММУНИКАЦИИ.....	160

Направление 3. ЮРИДИЧЕСКИЙ ТЕРМИН. ПРОБЛЕМА ПРАВОВЫХ ДЕФИНИЦИЙ

Агамагомедова С. А. «КОНТРОЛЬ» И «НАДЗОР» В АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОЙ ХАРАКТЕРИСТИКЕ КОНТРОЛЬНО-НАДЗОРНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: ПРОБЛЕМА РАЗГРАНИЧЕНИЯ ПОНЯТИЙ	167
Александрова А. В. ОСНОВНЫЕ КАТЕГОРИИ ПРАВА СОЦИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ	170
Амосова Т. В. ЮРИДИЧЕСКИЙ ДИСКУРС КАК ПОЛИТИЧЕСКИЙ ИНСТРУМЕНТ В МЕДИАПРОСТРАНСТВЕ.....	174
Банман П. П. ЛИНГВО-ЮРИДИЧЕСКАЯ СПЕЦИФИКА ТЕРМИНА «ИНВАЛИД».....	178
Барбаш О. В. КЛЮЧЕВЫЕ НОМИНАЦИИ СУБЪЕКТОВ КОРРУПЦИОННОГО ДЕЯНИЯ В РУССКОМ И БОЛГАРСКОМ ЯЗЫКАХ.....	182
Громова Н. С. ЮРИДИЧЕСКИЙ ТЕРМИН: ОСОБЕННОСТИ СОЗДАНИЯ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ В РАЗЛИЧНЫХ ДИСКУРСАХ	188
Дыбов Я. Б. ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ЮРИДИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ В ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКЕ (НА ПРИМЕРЕ РЕГЛАМЕНТАЦИИ ОКАЗАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ И МУНИЦИПАЛЬНЫХ УСЛУГ)	191
Канакина Г. И. ЮРИДИЧЕСКИЕ ТЕРМИНЫ В НЕОФИЦИАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ.....	194
Катомина В. А. ФОРМАЛИЗАЦИЯ СПРАВЕДЛИВОСТИ В РОССИЙСКОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ	197
Коваль Е. А. РИТОРИКА НЕНАВИСТИ И СВОБОДА ВЫРАЖЕНИЯ МНЕНИЙ: КОМПРОМИСС ИЛИ КОНСЕНСУС?	201
Корнева Е. С. О ПОНЯТИИ И СОДЕРЖАНИИ СПЕЦИАЛЬНЫХ ПРАВОВЫХ РЕЖИМОВ.....	205
Михайлов М. Н., Кудашев И. С., Соума Ю. В. LATTEK – ФИНСКО-РУССКИЙ БАНК ДАННЫХ ПО ЮРИДИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ	209
Наумова Е. С. ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПОНЯТИЯ «ДОГОВОР» В ПРАВЕ ДРЕВНЕГО РИМА И СРЕДНЕВЕКОВОМ ПРАВЕ	214

Пенчева А. И. ЛИНГВОПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ КОРРУПЦИИ В БОЛГАРСКОМ И РОССИЙСКОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ.....	217
Романцова Т. Д. ЮРИДИЧЕСКАЯ ПРЕДМЕТНОСТЬ В СМИ: КУЛЬТУРА ПОНИМАНИЯ И ТРАНСЛЯЦИИ.....	221
Сапина И. А. ЮРИДИЧЕСКОЕ ТОЛКОВАНИЕ ТЕРМИНА «ЭЛИТА»	226
Тактарова С. В., Агамагомедова А. М. ПОНЯТИЙНЫЕ НОВАЦИИ В КОНТЕКСТЕ ЕВРАЗИЙСКОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ.....	229
Туралин В. Ю. СИСТЕМНОСТЬ ЮРИДИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ В ПРЕДЕЛАХ И ВНЕ ПРАВОВОГО ДИСКУРСА	232
Удавихина В. К. К ВОПРОСУ РАЗГРАНИЧЕНИЯ ПОНЯТИЙ «АНАЛИЗ» И «ПРОВЕРКА» СВЕДЕНИЙ О ДОХОДАХ, РАСХОДАХ, ОБ ИМУЩЕСТВЕ И ОБЯЗАТЕЛЬСТВАХ ИМУЩЕСТВЕННОГО ХАРАКТЕРА НА ГОСУДАРСТВЕННОЙ ГРАЖДАНСКОЙ СЛУЖБЕ	236
Черненко С. В. «СВОБОДА» КАК КОНЦЕПТ И ПРАВОВОЕ ПОНЯТИЕ	242

**Направление 4. ЯЗЫК ПРАВА КАК ЯЗЫК ДЛЯ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЦЕЛЕЙ.
ОБЩИЕ ВОПРОСЫ ЮРИДИЧЕСКОЙ ТЕХНИКИ И ТОЛКОВАНИЯ ПРАВОВЫХ АКТОВ**

Аверьянова М. И. ПРОБЛЕМЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЯЗЫКОВЫХ СРЕДСТВ В ПРОЦЕССЕ ПРАВОТВОРЧЕСТВА В СФЕРЕ ТРУДА И СОЦИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ	245
Артемова Д. И. ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЕ ОСНОВЫ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ ПЕНЗЕНСКОЙ ОБЛАСТИ: ЛИНГВОПРАВОВОЙ АНАЛИЗ.....	249
Гомес К. К., Ароча Р. О., Прето Г. Й. МОРФО-СИНТАКСИС И СЕМАНТИКА ЮРИДИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ	253
Донскова Ю. В. ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ЮРИДИЧЕСКОЙ ТЕХНИКИ (НА ПРИМЕРЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ФОРМ ПРИЧАСТИЙ В ФЗ «О ВВЕДЕНИИ В ДЕЙСТВИЕ ЗЕМЕЛЬНОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»).....	255
Козюк М. Н. РИТОРИКА КОНСТИТУЦИИ РОССИИ	258
Кушнир О. Н. И ВНОВЬ О СТЕЙКХОЛДЕРАХ И ВУЗАХ-БЕНЧМАРКАХ.....	261
Лесневская Д. С. РУССКИЙ ЯЗЫК ДЕЛОВОГО ОБЩЕНИЯ В БОЛГАРСКОЙ РУСИСТИКЕ	263
Сверчков В. В., Шавлюк В. Б. АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ЯЗЫКОВОГО ВЫРАЖЕНИЯ УГОЛОВНО-ПРАВОВЫХ НОРМ В СВЯЗИ С НЕОБХОДИМОСТЬЮ ИХ РАСПРОСТРАНИТЕЛЬНОГО И ОГРАНИЧИТЕЛЬНОГО ТОЛКОВАНИЯ	266
Туктарова Г. М. ЯЗЫК ПРАВА КАК ЯЗЫК ДЛЯ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЦЕЛЕЙ В ТАТАРСКОМ ЯЗЫКОЗНАНИИ: СПЕЦИФИКА ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ТЕРМИНОВ-ЕВРОПЕИЗМОВ ВО ВТОРИЧНОМ (ПЕРЕВЕДЕННОМ) ЮРИДИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ	269
Хамзяева Ю. Р. ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ АНТИТЕРРОРИСТИЧЕСКОГО УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА	272

Шестакова Е. В. ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ПРЕДЛОГОВ В ЯЗЫКЕ ПРАВА	276
--	-----

**Направление 5. ПРОБЛЕМЫ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ
И ПЕРЕВОДА ЮРИДИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ**

Арошидзе М. В., Арошидзе Н. Ю. РЕЧИ Ф. Н. ПЛЕВАКО КАК ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН И ПРОБЛЕМЫ ИХ ПЕРЕВОДА НА АНГЛИЙСКИЙ И ГРУЗИНСКИЙ ЯЗЫКИ	279
Арсениев С. В. ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА ТЕРМИНА «ГРУБ СТРОЕЖ» НА РУССКИЙ ЯЗЫК	283
Гвелесиани И. ПРОБЛЕМАТИКА ПЕРЕВОДА НЕКОТОРЫХ СЛОВСОЧЕТАНИЙ, ПРЕДСТАВЛЕННЫХ В КАНАДСКОЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ СФЕРЕ	286
Гейко Н. Р. ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА ЮРИДИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ	290
Наср М. ТРУДНОСТИ И КУЛЬТУРНЫЕ РАЗЛИЧИЯ В ПЕРЕВОДЕ ЮРИДИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ С АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА НА АРАБСКИЙ.....	293
Новрузов Р. М., Новрузова Г. Ф. ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА ТЕКСТА И ПЕРЕВОДНЫЙ ТЕКСТ	297
Уланович О. И. СПЕЦИФИКА ПЕРЕДАЧИ СТИЛЕОБРАЗУЮЩИХ ЭЛЕМЕНТОВ ЯЗЫКА ПРАВА ПРИ ПЕРЕВОДЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ СОГЛАШЕНИЙ	299
Хънтов В. С. ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДА НАРИЦАТЕЛЬНЫХ НАЗВАНИЙ НАСЕЛЕННЫХ ПУНКТОВ В РОССИИ И В БОЛГАРИИ С РУССКОГО НА БОЛГАРСКИЙ И С БОЛГАРСКОГО НА РУССКИЙ ЯЗЫК.....	303

**Направление 6. ЯЗЫК И ПРАВОВАЯ КОММУНИКАЦИЯ.
ЮРИДИЧЕСКИЙ ДИСКУРС КАК КУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН**

Бушев А. Б. МИФЫ ОБ ЭКСТРЕМИЗМЕ И ОСКОРБЛЕНИЯХ И ПРЕДВЫБОРНЫЙ ДИСКУРС В США	310
Долгополова Т. А., Долгополова Н. М. «ИДЕЯ ВСЕМИРНОЙ МОНАРХИИ» КАРЛА V: ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ПРАВОВАЯ УНИФИКАЦИЯ В ЕВРОПЕ XVI в.....	315
Карасёва Т. Н. ОСОБЕННОСТИ ЖАНРОВ ЮРИДИЧЕСКОГО ДИСКУРСА.....	320
Медушевская Н. Ф. ЯЗЫК ПРАВА В КОНТЕКСТЕ СПЕЦИФИКИ ПРАВОВОГО МЕНТАЛИТЕТА РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА	324
Попова Л. В. ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ СПЕЦИФИКА НОМИНАЦИЙ РУССКИХ ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫХ ДОКУМЕНТОВ: ДИАХРОНИЧЕСКИЙ АСПЕКТ	328
Серегин А. В. ВЛИЯНИЕ ЯЗЫКА НА ПРАВОВОЙ МЕНТАЛИТЕТ РУССКОГО НАРОДА	332
Цакова И. Н. ЛОББИРОВАНИЕ КРУПНОГО БИЗНЕСА В УСЛОВИЯХ НЕОЛИБЕРАЛЬНОГО КАПИТАЛИЗМА И ЕГО ВЛИЯНИЕ НА СУДЕБНУЮ СИСТЕМУ И ЮРИДИЧЕСКИЙ ДИСКУРС.....	337

**Направление 7. ЯЗЫК И ПОЛИТИКА. РЕЧЕВЫЕ МАНИПУЛЯЦИИ
В СМИ: ЛИНГВО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ**

Аблеев С. Р., Кузьминская С. И.

ЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ ПРОГРАММИРОВАНИЕ МАССОВОГО СОЗНАНИЯ
В СОВРЕМЕННЫХ ИНФОРМАЦИОННЫХ ВОЙНАХ 341

Бабикова М. Р.

ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ПРЕЦЕДЕНТНЫХ
ФЕНОМЕНОВ СО СФЕРОЙ-ИСТОЧНИКОМ «КУЛЬТУРА»
В РОССИЙСКОМ НАЦИОНАЛИСТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ 345

Видинеева Н. Ю.

ИМПЛИЦИТНЫЕ ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА КОНСТРУИРОВАНИЯ
НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В МЕДИАДИСКУРСЕ.....351

Данкова Н. С., Дубровская Т. В.

ТОПОС СПРАВЕДЛИВОСТИ / НЕСПРАВЕДЛИВОСТИ КАК СРЕДСТВО
РЕПРЕЗЕНТАЦИИ СУДЕБНОЙ ВЛАСТИ В ДИСКУРСЕ СМИ
(НА МАТЕРИАЛЕ РОССИЙСКИХ И АНГЛИЙСКИХ ГАЗЕТ) 355

Дубровская Т. В.

СТРАТЕГИИ ДИСКУРСА МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ В РОССИЙСКИХ
ПЕЧАТНЫХ СМИ (НА ПРИМЕРЕ РОССИЙСКО-ИТАЛЬЯНСКИХ ОТНОШЕНИЙ) 358

Зиёзода Г. Д.

ЯЗЫК ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАТИВНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ
И ЕГО МАНИПУЛЯТИВНОЕ ВЛИЯНИЕ НА МОЛОДОЕ ПОКОЛЕНИЕ
(НА ПРИМЕРЕ ТАДЖИКСКИХ БЛОГОВ «FACEBOOK»).....363

Кондратьева И. А.

РОЛЬ РЕЧЕВЫХ МАНИПУЛЯЦИЙ СРЕДСТВ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ г. ПЕНЗЫ
В ФОРМИРОВАНИИ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ ОБЩЕСТВА (ПО МАТЕРИАЛАМ
ТЕЛЕПЕРЕДАЧИ «КРИК»).....366

Мухтори К.

МАНИПУЛИРОВАНИЕ ОБЩЕСТВЕННЫМ МНЕНИЕМ В ТАДЖИКСКОЙ
ПЕЧАТИ ПЕРИОДА МЕЖТАДЖИКСКОГО ПЕРЕМИРИЯ 1997 г. 369

Привалова И. В.

ТЕОРИЯ «ПРИВРАТНИКА» В ДЕЙСТВИИ: ЮРИДИЧЕСКИЕ
И ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ ОТБОРА ИНФОРМАЦИИ В СМИ 372

Направление 8. ЯЗЫК И ПРАВО В КОНТЕКСТЕ ЯЗЫКОВОЙ ПОЛИТИКИ

Горелова И. В.

СИМУЛЯКРЫ И СИМУЛЯЦИЯ СТРАТЕГИЧЕСКОГО УПРАВЛЕНИЯ:
НАШ ОТВЕТ Ж. БОДРИЙЯРУ 375

Капустина М. А.

ЯЗЫК И ПРАВО: НАУЧНО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПРАВОВОЙ
ПОЛИТИКИ ПОДДЕРЖКИ И РАЗВИТИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА ПРИ ЕГО ИСПОЛЬЗОВАНИИ
В ФУНКЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОГО ЯЗЫКА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ 379

Николаев Б. В.

ЯЗЫКОВЫЕ ПРАВА И ИЗБИРАТЕЛЬНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО:
ПРОБЛЕМА ДВУЯЗЫЧНЫХ БЮЛЛЕТЕНЕЙ.....383

Павлова Н. А.

АНГЛИЙСКИЙ И ИСПАНСКИЙ ЯЗЫКИ: ЯЗЫКОВОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ
И ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА В США.....386

Хацук Ж. В.

ЗАЩИТА ПРАВ ИНОСТРАННЫХ ГРАЖДАН В СФЕРЕ МИГРАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ 389

Цолмон Ш., Агиймаа Г.

ФАКТОРЫ, ВЛИЯЮЩИЕ НА ЯЗЫКОВУЮ ПОЛИТИКУ В МОНГОЛИИ 393

Направление 9. РОЛЬ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ И МАССОВОЙ КУЛЬТУРЫ В ФОРМИРОВАНИИ ОБЩЕСТВЕННОГО ПРАВОВОГО СОЗНАНИЯ

Воячек О. С. К ВОПРОСУ О ВАЖНОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ПРИ ФОРМИРОВАНИИ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ ЛИЧНОСТИ.....	395
Головушкина М. В. ПРАВО В ЛИТЕРАТУРЕ (НА ПРИМЕРЕ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ЧАРЛЬЗА ДИККЕНСА).....	399
Ильина Ю. Н., Канева Н. А. РЕЧЕВЫЕ ЖАНРЫ КОНФЛИКТНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В РАССКАЗАХ М. ЗОЩЕНКО	404
Корнеева Л. Л. ЦЕНзуРА И «ЭФФЕКТ ВЕРТЕРА»: ДИЛЕММА СВОБОДЫ И ПРАВА НА ЗАЩИТУ	407
Мельникова Л. А. ОБРАЗ СЛЕДОВАТЕЛЯ В РОМАНАХ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО «ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ» И Г. БЕЛЛЯ «ГРУППОВОЙ ПОРТРЕТ С ДАМОЙ» (ОПЫТ СОПОСТАВИТЕЛЬНОГО АНАЛИЗА).....	412
Мещерякова Л. А. «ЦАХИЗМ» КАК СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ ПРАВОСОЗНАНИЯ (ПО ПРОИЗВЕДЕНИЯМ РУССКОЙ И ЗАРУБЕЖНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ XIX–XXI ВВ.).....	415
Перепелкина Л. П. ФОРМИРОВАНИЕ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ ПОДРОСТКОВ В ПРОЦЕССЕ ИЗУЧЕНИЯ СОВРЕМЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ	420
Петропавловский А. Е. ОБУЧЕНИЕ РУССКОМУ ЯЗЫКУ И ЛИТЕРАТУРЕ КАК СРЕДСТВО ФОРМИРОВАНИЯ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ В УСЛОВИЯХ ПЕНИТЕНЦИАРНОЙ СИСТЕМЫ.....	423
Пранцова Г. В. МОЖНО ЛИ УБИТЬ ВАСИЛИСКА? (ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО ПОДРОСТКА В ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ).....	428
Слободнюк С. Л. ЛИТЕРАТУРНАЯ УТОПИЯ КАК ПАРАДОКС ВОПЛОЩЕННОЙ СПРАВЕДЛИВОСТИ.....	431
Флеонова О. Л. СЕМАНТИЧЕСКИЕ ИЗМЕНЕНИЯ В СЛОВЕ «ОТЕЧЕСТВО» И ЕГО СИНОНИМАХ В СОВЕТСКОМ И ПОСТСОВЕТСКОМ ОФИЦИАЛЬНОМ ДИСКУРСЕ И МАССОВОЙ КУЛЬТУРЕ.....	435

Направление 10. ФОРМИРОВАНИЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНЦИИ В ПРОЦЕССЕ ПОДГОТОВКИ ЮРИСТОВ

Гринько Е. Н. ДИСКУРСИВНЫЙ ПОДХОД К ОБУЧЕНИЮ ЮРИДИЧЕСКОМУ АНГЛИЙСКОМУ ЯЗЫКУ	439
Дугарева Е. А. МУЛЬТИДИСЦИПЛИНАРНЫЙ ПОДХОД В ОБУЧЕНИИ НАУЧНОМУ ПИСЬМУ	442
Иванова Е. С. РАЗВИТИЕ ВЕРБАЛИЗАЦИИ ЭМОЦИЙ ДОЛЖНОСТНЫМИ ЛИЦАМИ, ОСУЩЕСТВЛЯЮЩИМИ ОПЕРАТИВНЫЕ ДЕЙСТВИЯ ПРОФАЙЛИНГА	446
Игнаткина А. Л. КОМПЛЕКСНЫЙ ПОДХОД К ОБУЧЕНИЮ ЮРИДИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ: ОПЫТ ВНЕДРЕНИЯ В КУРС ЮРИДИЧЕСКОГО АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА	450

Мингажеева Е. А.

ФОРМИРОВАНИЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ИНОЯЗЫЧНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ
ОБУЧАЮЩИХСЯ В ИНСТИТУТЕ ПРАВА ПУТЕМ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ
МЕЖПРЕДМЕТНЫХ СВЯЗЕЙ .....

456

Соколова Т. П.

ПРИМЕНЕНИЕ СМЕШАННОГО ОБУЧЕНИЯ В ФОРМИРОВАНИИ
ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНЦИИ СУДЕБНЫХ ЭКСПЕРТОВ .....

460

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ .....

463

Научное издание

ЯЗЫК. ПРАВО. ОБЩЕСТВО

Сборник статей

V Международной научно-практической конференции

г. Пенза, 22–25 мая 2018 г.

Р е д а к ц и о н н а я   к о л л е г и я :
кандидат филологических наук О. В. Барабаш,
кандидат филологических наук М. Б. Ворошилова,
доктор филологических наук Т. В. Дубровская,
кандидат исторических наук А. К. Дятлова,
кандидат педагогических наук Н. А. Павлова

*Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов статей.
Ответственность за содержание статей несут авторы.*

Статьи представлены в авторской редакции

Компьютерная верстка *Р. Б. Бердниковой*
Дизайн обложки *А. А. Стаценко*

Подписано в печать 21.05.2018. Формат 60×84¹/₈.
Усл. печ. л. 56,27.
Заказ № 256. Тираж 200.

Издательство ПГУ
Пенза, Красная, 40, т.: 56-47-33
Тел./факс: (8412) 56-47-33; e-mail: iic@pnzgu.ru